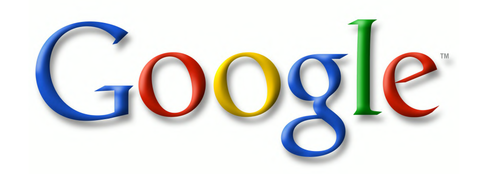


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

B 1,100,248

Digitized by Google

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СОТЫЙ.

1872

ІЮЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

1-С. 100.

ТОМЪ СОТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1872.

Digitized by Google

v. 100

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЯ БИБИКОВА

ВЪ ПУГАЧЕВЩИНУ *

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

III.

Первоначальныя распоряженія Бибикова. Мѣры принятыя дворянствомъ. Очищеніе края и приготовленіе средствъ къ освобожденію Оренбурга.

Пріѣхавъ въ Казань, 26го декабря 1773 года, А. И. Бибиковъ немедленно видѣлся съ губернаторомъ фонъ-Брантомъ. ** Все что Бибиковъ увидѣлъ самъ и о чемъ дошли до него свѣдѣнія чрезъ изустные разказы, или чрезъ донесенія военныхъ и гражданскихъ властей—было крайне неутѣшительно.

* См. *Русск. Вѣстн.* № 6.

** Пушкинъ (соч. Т. VI, ст. 51) говоритъ что, время пріѣзда Бибикова, Брантъ былъ въ Козмодемьянскѣ. Вѣроятно онъ основалъ это на выраженіи самого Бибикова, который писалъ къ женѣ (*Записки о жизни и службѣ Бибикова*, стр. 87): „сами губернаторы были въ Козмодемьянскѣ." Но это не основательно, Бибиковъ какъ видно изъ его перваго всеподданнѣйшаго донесенія, засталъ Бранта въ Казани. Выраженіе „сами губернаторы" быть-можетъ относилось къ семейству Бранта.

Digitized by Google

Въ полуофиціальной перепискѣ съ президентомъ военной коллегіи графомъ Чернышовымъ, описывая первыя свои впечатлѣнія, Бибиковъ говоритъ что здѣшнія обстоятельства „столь дурны что я довольно того описать не могу". Дѣйствительно Казань была въ смертномъ страхѣ; изъ города, его уѣзда и прилежащей провинціи къ сторонѣ Оренбурга, выѣхали всѣ *лучшіе* люди: дворянство, купечество, жены чиновниковъ. „Бѣдный старикъ губернаторъ Брантъ такъ измученъ что насилу уже таскается." Со стороны властей было полное бездѣйствіе и неумѣлость, а бунтъ, между тѣмъ, развивался болѣе и болѣе, охватилъ всю Оренбургскую губернію, Башкирію и коснулся предѣловъ Сибири, Екатеринбургскаго вѣдомства и Казанской губерніи. Главные центры края—Оренбургъ, Уфа и Яицкій городокъ были обложены. Заводскіе и помѣщичьи крестьяне вездѣ охотно встрѣчали пугачевцевъ и охотно принимали сторону самозванца. Наконецъ, одновременно съ пріѣздомъ Бибикова, въ Казани получены были свѣдѣнія о разбитіи отряда майора Заева, о взятіи Самары и безпорядкахъ на горныхъ Екатеринбургскихъ заводахъ; Симоновъ писалъ изъ Яицкаго городка что Киргизы перекочевали къ границѣ и угрожаютъ вторженіемъ. „Обнаженный, такъ-сказать, отъ воинскихъ командъ здѣшній край, доносилъ Бибиковъ, не въ силахъ удерживать стремленія многолюдной сей и на такомъ великомъ пространствѣ разсыпавшейся саранчи, и тѣмъ болѣе что въ глупой черни къ обольщеніямъ злодѣйскимъ склонность примѣчается. Корпусъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ когда и весь соберется, можетъ только подать утѣсненному Оренбургу помощь, что̀ я первымъ своимъ долгомъ исполнить и поставлялъ. Но страшусь чтобы прибытіе войскъ для него могло еще быть благовременно.

Положеніе дѣлъ тѣмъ было хуже что прибытія войскъ командированныхъ за Волгу нельзя было ожидать скоро, а тамошнія войска, по отзывамъ Бибикова, были очень плохи. Бездѣйствіе отряда генерала Фреймана и робость гарнизоновъ приводили его въ отчаяніе. Свидѣтельства Бибикова о войскахъ можно считать безпристрастными, а потому мы приведемъ ихъ здѣсь, для того чтобы вполнѣ разъяснить то печальное и безвыходное, можно сказать, положеніе въ которомъ находился предшественникъ его—Каръ. Вотъ какъ Бибиковъ отзывается о войскахъ.

„Находящіеся по разнымъ мѣстамъ и здѣсь гарнизоны и

Digitized by Google

такъ-называемыя инвалидныя команды, каковыми и первыхъ вообще съ ихъ начальниками назвать можно, только имя регулярныхъ военныхъ людей занимаютъ, не имѣя, къ стыду званія солдатскаго, ни малѣйшихъ къ тому способностей." *

„На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не извольте: они съ ихъ офицерами такъ скаредны что и Башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Черныwовымъ и майоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ что они, разставленные отъ Фреймана и губернатора по постамъ, бѣгаютъ съ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ." **

„Скареды и срамцы здѣшніе гарнизоны всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ." ***

„На гарнизонныя команды ничего считать нельзя, что̀ уже я испытаніемъ знаю. Сія негодница довольна что ихъ не трогаютъ, и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаютъ рапорты что окружены и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ выручку. Они ободрили и злодѣевъ, что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза." ****

Въ случаѣ надобности Бибиковъ обѣщалъ „показать строгій примѣръ съ сими недостойными званія военнаго людьми, считая таковыхъ за сущихъ святотатцевъ и развратителей добраго порядка, или чумой военной службы." †

„Скаредности сей, стоящей неподвижно, гарнизонной негодницы" и неспособности „прегнусныхъ гарнизонныхъ штабъ-офицеровъ, кои по несчастію, за неимѣніемъ другихъ, по разнымъ постамъ командированы были", Бибиковъ приписывалъ главнымъ образомъ дерзость злодѣевъ, которые осмѣлились лѣзть имъ въ самые глаза. †*

Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Казань Бибиковъ понялъ что, несмотря на всю необходимость дѣйствовать немедленно, онъ долженъ былъ выжидать подкрѣпленій. Онъ увидѣлъ что

* Всеподн. донесеніе отъ 30го декабря 1773 № 1. Дѣло № 104 (А).

** *Записки о жизни* и проч., стр. 81. Письмо къ гр. З. Чернышову отъ 30го декабря.

*** Тамъ же стр. 86, письмо къ М. М. Философову.

**** Тамъ же стр. 83, письмо къ гр. З. Чернышову.

† Я. Гротъ, *Бумаги Бибикова* и *Кара*, стр. 60.

†* Я. Гротъ, *Бум. Бибикова*, стр. 57, и дѣло № 104 (А), рапортъ Бибикова № 5.

Digitized by Google

волненіе охватило весь край, и что безъ усмиренія крестьянъ, Башкиръ и Калмыковъ трудно имѣть успѣхъ. „Вѣдь не Пугачевъ важенъ“, писалъ Бибиковъ къ Фонъ-Визину, „да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела которою воры яицкіе казаки играютъ.“ *

„Невѣроятнымъ показаться можетъ“, говоритъ главнокомандующій, „какимъ образомъ повсюду умножилась сія злодѣйская сволочь, однакожъ и сіе самое истина что бродящая злая саранча на каждомъ шагу затрудняетъ поспѣшность къ прислѣнію войскъ къ Оренбургу: ибо не очистя земли отъ оной, нѣтъ возможности подаваться впередъ и вести съ собою на многочисленныхъ подводахъ людямъ и лошадямъ пропитаніе.“ **

Ту же мысль выражалъ онъ и въ письмѣ къ графу Чернышову, говоря: „не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Тушить оное кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться, безъ моего объясненія представить можете.“ ***

Къ нему же писалъ онъ: „не считаю я трудности, м. г., разбить сію кучу (то-есть Пугачева), но собрать войска, запастись не только провіантомъ и фуражомъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ, суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ отражать во всѣхъ концахъ убивства и разоренія и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей.“ ****

Объясняя свое затруднительное положеніе, Бибиковъ просилъ о присылкѣ къ нему трехъ или четырехъ кавалерійскихъ полковъ сверхъ уже назначенныхъ за Волгу войскъ, а самъ между тѣмъ рѣшился энергически дѣйствовать съ войсками бывшими подъ рукой. Убѣдясь въ невозможности немедленно идти къ Оренбургу, онъ вознамѣрился поднять нравственныя силы края, вооружить часть тамошняго населенія, и поддержавъ его войсками, очистить край отъ шаекъ пугачевцевъ, а главныя силы, когда онѣ сформируются, направить противъ самого Пугачева и на освобожденіе Оренбурга.

---

* *Записки о жизни* и пр., стр. 76.

** Дѣло № 104 (А), рапортъ Бибикова № 7.

*** *Записки*, стр. 85.

**** Тамъ же, стр. 82.

Digitized by Google

Ко времени прибытія Бибикова въ Казань командированныя изъ Бѣлорусской губерніи легкія полевыя команды вступили: 22го въ Симбирскъ, а 24го въ Сызрань, гдѣ уже было два эскадрона Бахмутскихъ поселенныхъ гусаръ. 30го декабря прибыли въ Казань изъ Москвы на подводахъ баталіонъ 2го гренадерскаго полка и два эскадрона Изюмскаго гусарскаго полка.

Вѣрный составленному плану, Бибиковъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: генералъ-поручикъ Де-Колонгъ съ находившимся при немъ отрядомъ изъ двухъ полевыхъ командъ, 150 казаковъ и одной гарнизонной роты Тобольскихъ баталіоновъ долженъ былъ немедленно слѣдовать изъ крѣпости Верхояицкой къ Оренбургу, по соединеніи на пути, въ крѣпости Орской, съ отрядомъ генералъ-майора Станиславскаго, у котораго были: 14я легкая полевая команда, небольшое число казаковъ, одна гарнизонная и три рекрутскихъ роты. *

Войскамъ подошедшимъ къ Симбирску и Сызрани (22я и 24я легкія полевыя команды и два эскадрона поселенныхъ гусаръ) и слѣдовавшимъ туда же подъ начальствомъ генералъ-майора Мансурова (23я и 25я легкія полевыя команды) приказано было соединиться между собою, овладѣть городомъ Самарой, успокоить его окрестности и занять крѣпость Бузулуцкую, обратя оттуда „свои разъѣзды въ лѣвую сторону къ сторонѣ Бугульмы, гдѣ господинъ генералъ-майоръ Фрейманъ съ деташементомъ находится и посты свои содержитъ, дабы сіи два генерала могли, такъ-сказать, съ обѣихъ сторонъ схватиться руками, и какъ селенія отъ набѣговъ злодѣйскихъ закрыть, такъ и податься ближе къ утѣсняемому городу Оренбургу“. **

Генералъ Фрейманъ, съ своей стороны, долженъ былъ разбить мятежниковъ собравшихся на рѣкѣ Шемшѣ и въ окрестностяхъ Бугульмы и стараться обезпечить соединеніе свое съ генераломъ Мансуровымъ.

Великолуцкаго полка полковникъ Бибиковъ, *** состоявшій при главнокомандующемъ волонтеромъ, посланъ изъ Казани съ отрядомъ изъ четырехъ ротъ 2го гренадерскаго полка и трехъ ротъ Изюмскаго гусарскаго полка, **** съ тѣмъ чтобы

---

* Дѣло подъ № 104 (А).

** *Записки* и пр., стр. 84, письмо къ графу Чернышову.

*** Юрій, родной племянникъ главнокомандующаго.

**** Дѣло № 104 (А), рапортъ Бибикова подъ № 2.

Digitized by Google

„освободить отъ обложенія города Мензелинскъ и Заинскъ и очистить дорогу соединяющую Казань съ корпусомъ генералъ-майора Фреймана, которая отъ шатающихся злодѣйскихъ шаекъ затрудняться стала". *

Изъ остальныхъ частей, двухъ эскадроновъ Изюмскихъ гусаръ и одного баталіона 2го гренадерскаго полка, составлены были три небольшія команды и посланы для прогнанія тѣхъ мятежниковъ которые, разоряя заводы и селенія въ Башкиріи перешли наконецъ черезъ р. Вятку, и разграбивъ Иштамскій Иноземцова заводъ, разсылали по всѣмъ мѣстамъ возмутительные листы и набирали легкомысленныхъ жителей въ такъ-называемые казаки.

Недостатокъ войскъ поставилъ Бибикова въ невозможность помочь городу Кунгуру, магистратъ котораго доносилъ фонъ-Бранту что городскія власти, узнавъ о прибытіи пугачевцевъ на казенные заводы Кунгурскаго уѣзда, неизвѣстно куда „уповательно отъ страху уѣхали". ** Оказать помощь Кунгуру, отстоящему отъ Казани на 590 верстъ, было во всякомъ случаѣ затруднительно, и потому, до прибытія новыхъ силъ не будучи въ состояніи подкрѣпить Кунгуръ, Бибиковъ утѣшалъ себя тѣмъ что коллежскій ассесоръ Башмаковъ, не ограничиваясь пассивною защитой Юговскаго завода, посылалъ вокругъ разъѣзды для поисковъ и обѣщалъ отправить отъ себя на помощь Кунгуру небольшую команду съ надежнымъ горнымъ офицеромъ. Онъ же, Башмаковъ, доносилъ что вышедшій изъ Кунгура въ Казань секундъ-майоръ Палавъ (sic) съ 500 рекрутъ набранныхъ въ Пермской губерніи возвратился обратно въ Кунгуръ для его защищенія.

Кромѣ посылки войскъ, разосланы были экземпляры манифеста привезеннаго Бибиковымъ. Полковнику Симонову въ Яицкій городокъ и Рейнсдорпу въ Оренбургъ отправлены были особыя воззванія, приглашавшія схватить Пугачева и доставить войскамъ, за что̀ обѣщалось вознагражденіе. *** Воззва-

* Дѣло № 104 (А), рапортъ Бибикова подъ № 4.

** Дѣло № 104 (А); рапортъ Бибикова № 3.

*** Объявленія Бибикова о вознагражденіи за поимку Пугачева мы не видали. Академикъ Я. К. Гротъ напечаталъ его по неполному списку и безъ означенія суммы вознагражденія (*Мат. для ист. Пугач. бунта*, 1862, стр. 49). Радомъ съ этимъ объявленіемъ (стр. 48) тамъ же напечатано письмо къ Бибикову графа Чернышова, отъ 14го января 1774, въ которомъ говорится что Рейнсдорпу и Симонову пред-

Digitized by Google

нія эти предписывалось стараться распространить въ толпахъ пугачевцевъ. Казанскіе Татары выставили охотниковъ рѣшившихся везти манифестъ и объявленіе въ Башкирію.

Командируя войска, Бибиковъ былъ въ тяжеломъ раздумьи. На мѣстную „гарнизонную негодницу" онъ нисколько не разсчитывалъ, но боялся даже и за вновь прибывшія войска. „Я дьявольски трусилъ за своихъ солдатъ, чтобъ они не сдѣлали такъ же какъ гарнизонные: не сложили оружіе предъ мятежниками." * Причиной этого сомнѣнія были свѣдѣнія о весьма печальныхъ проявленіяхъ въ одномъ изъ полковъ командированныхъ изъ окрестностей Петербурга. Еще не выѣзжая въ Казань, Бибиковъ получилъ извѣстіе что между солдатами Владимірскаго пѣхотнаго полка, назначеннаго въ его команду, обнаружился ропотъ: солдаты жаловались на тяжелую службу, сѣтовали что ихъ привели въ столицу, для присутствія на празднествахъ по случаю бракосочетанія наслѣдника престола, а между тѣмъ не только не дали хотя „по чаркѣ водки", но еще заставили вбивать сваи дворцовой набережной. Солдаты говорили что отъ такой плохой жизни они положатъ оружіе предъ тѣмъ царемъ который появился въ низовыхъ краяхъ, кто бы таковъ онъ ни былъ. За полкомъ было учреждено строгое наблюденіе во время слѣдованія его отъ Шлиссельбурга до Казани, а въ Нижегородской губерніи арестовано въ немъ нѣсколько злоумышленниковъ, которые тогда же были наказаны.

Первыя войска переходившія за Волгу были легкія полевыя команды, шедшія изъ Бѣлоруссіи. Имъ прежде всего предстояло встрѣтиться съ пугачевцами, и о нихъ-то особенно безпокоился Бибиковъ. Пославъ Муфелю приказаніе овладѣть Самарой, Бибиковъ командировалъ состоявшаго при немъ лейбъ-

---

ложено обѣщать десять тысячъ рублей за поимку Пугачева; однако едва ли можно допустить чтобы въ объявленіи Бибикова значилась именно эта цифра, потому что свое объявленіе онъ разослалъ тотчасъ по прибытіи въ Казань, о чемъ и донесъ въ рапортѣ № 1, отъ 30го декабря 1773. За поимку Пугачева неоднократно назначались преміи. Прежде всего объявилъ объ этомъ Рейнсдорпъ, предлагавшій 500 руб. за живаго и 250 за мертваго. (Донесеніе Рейнсдорпа отъ 25го сентября 1773.) По приказанію казанскаго губернатора фонъ-Бранта, за взятіе и доставленіе Пугачева объявлялось вознагражденіе въ тысячу рублей. *Перм. Губ. Вѣд.* 1864. № 22.

* *Записки*, стр. 76.

Digitized by Google

гвардіи Преображенскаго полка поручика Державина въ Симбирскъ и Самару, разузнать о легкихъ командахъ и Бахмутскихъ гусарахъ „и сдѣлать примѣчанія, надежны ли онѣ, въ какомъ находятся состояніи и исправности и каковыхъ имѣютъ офицеровъ“. * Бибиковъ впрочемъ не долго томился невѣдѣніемъ, и въ концѣ января могъ уже писать что войска не боятся пугачевцевъ: „они бьютъ ихъ какъ слѣдуетъ, и обходятся съ ними какъ съ мятежниками. Это придаетъ мнѣ храбрости“.

Прибытіе А. И. Бибикова въ Казань и принятыя имъ мѣры къ успокоенію края подѣйствовали на всѣхъ самымъ благопріятнымъ образомъ. Бѣглецы изъ Казани стали возвращаться, а къ новому 1774 году, по призыву Бибикова, собралось туда и все почти дворянство изъ окрестныхъ мѣстъ. **

„Въ 1й день января, пишетъ генералъ-аншефъ Бибиковъ, *** собравшемуся здѣсь корпусу благороднаго дворянства объявилъ я высочайшее вашего императорскаго величества благоволѣніе. Представилъ отъ себя притомъ какъ материнскую вашу къ нимъ любовь и довѣренность, такъ видимую имъ самимъ и семьямъ ихъ отъ злодѣйствъ самозванца Пугачева опасность. Не могу, всемилостивѣйшая государыня, съ точностью описать съ какимъ благоговѣніемъ и радостными слезами приняли они монаршее ваше о нихъ попеченіе и милость:

* *Записки Державина*, стр. 54.

** Въ Казани же Бибикову предстояло заняться весьма важнымъ вопросомъ о ссыльныхъ. По существовавшему тогда порядку, всѣ ссыльные въ Сибирь, между которыми находилось много крестьянъ ссылаемыхъ помѣщиками, направлялись въ Казань. Начало безпокойствъ въ краѣ затруднило дальнѣйшее ихъ отправленіе. Сенатъ разрѣшилъ возвратить ссыльныхъ на прежнія ихъ жительства, почему казанскій губернаторъ и отправилъ обратно 3.717 чел., но и затѣмъ въ самой Казани осталось 911 чел. и много въ другихъ мѣстахъ. Вторымъ сенатскимъ указомъ, отъ 22го декабря, велѣно распредѣлить ссыльныхъ около тѣхъ мѣстъ гдѣ они будутъ остановлены. Бибиковъ выбралъ въ Казани 239 ссыльныхъ на укомплектованіе своихъ войскъ, а остальныхъ распредѣлилъ въ Казанской губерніи по дворцовымъ и ясачнымъ волостямъ, за исключеніемъ ссыльныхъ Казанской губерніи; эти были возвращены въ ихъ мѣста жительства. Объ опредѣленіи въ войска годныхъ къ военной службѣ ссыльныхъ Бибиковъ писалъ къ нижегородскому губернатору и московскому главнокомандующему.

*** Дѣло № 104 (А); рапортъ Бибикова № 2.

Digitized by Google

всѣ они единогласно, какъ бы въ нѣкоемъ восторгѣ, на предложеніе мое сказали „что готовы они за васъ и отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнію, такъ какъ и предки ихъ всегда пребыли государю и отечеству въ непоколебимой вѣрности.“

На этомъ собраніи, казанское дворянство, „согласно и единодушно, всѣ и каждый, положили и утвердили посвятить свой покой, имѣніе и жизнь въ услугу ея величества и отечеству“.

На первый разъ положено было собрать и содержать на полномъ своемъ иждивеніи вооруженный конный корпусъ изъ крѣпостныхъ людей, набирая въ него по одному человѣку съ каждыхъ двухсотъ душъ. Мѣра эта была признана обязательною не для однихъ только собравшихся въ Казани дворянъ, но вообще для всего казанскаго дворянства „дабы, какъ сказано въ опредѣленіи подписанномъ всѣми присутствовавшими въ собраніи 1го января 1774 года, * не лишить и отсутственныхъ дворянъ таковаго жь какъ и нашего усердія и ревности къ поспѣшествованію общаго блага.“ Дворяне имѣвшіе деревни и въ другихъ уѣздахъ Казанской губерніи должны были выставить причитающееся число вооруженныхъ людей со всѣхъ своихъ имѣній.

Росписаніе и сборъ всего необходимаго для снаряженія, обмундированія и продовольствія учрежденнаго „коннаго корпуса“ дворяне поручили предводителю казанскаго дворянства статскому совѣтнику Ивану Кудрявцеву. Для обученія же набранныхъ людей просили главнокомандующаго назначить, по его усмотрѣнію, необходимое число унтеръ-офицеровъ и капраловъ изъ прибывшихъ въ Казань гусарскихъ эскадроновъ. Бибиковъ очень интересовался скорѣйшимъ вооруженіемъ дворянскихъ уланъ и поручилъ Державину дѣйствовать въ этомъ смыслѣ между дворянствомъ. **

Командированіе корпусомъ ввѣрено было особому шефу, родственнику главнокомандующаго, генералъ-майору и оберъ-

* Опредѣленіе это оставлено у казанскаго предводителя Кудрявцева, а ему поручено было дворянами представить ген. Бибикову такое же опредѣленіе при особомъ письмѣ и только за своею подписью. Дѣло № 104 (А; приложеніе къ рапорту Бибикова за № 2.

** *Зап. Держ.* стр. 61. Похвальный Казанцамъ манифестъ былъ въ послѣдствіи препровожденъ и Державину „какъ имѣвшему участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ нашего общества“. Я. Гротъ. *Мат. для біографіи Державина*, 1861, стр. 12.

Digitized by Google

штеръ-кригсъ-коммисару Ларіонову. * На офицерскія должности, по представленію главнокомандующаго, было прислано нѣсколько дворянъ числившихся унтеръ-офицерами при гвардейскихъ полкахъ. **

Казанское дворянство, не ограничиваясь снаряженіемъ на свой счетъ коннаго корпуса, пожертвовало на вновь приходящія въ Казань войска шубы и сукно для теплыхъ чулковъ, и даже лошадей въ гусарскіе эскадроны.

Горячее участіе принятое дворянствомъ въ общемъ дѣлѣ способствовало къ возстановленію въ Казани прежняго порядка. Видя рѣшительныя приготовленія на борьбу съ врагомъ, всѣ вздохнули свободнѣе, и въ городѣ водворилось прежнее спокойствіе.

Для бóльшаго успокоенія какъ города, такъ и вообще татарскаго населенія губерніи, Бибиковъ собралъ находившихся въ Казани татарскихъ духовныхъ лицъ и внушилъ имъ что въ настоящее время они должны употребить все ихъ на народъ вліяніе для того чтобъ удержать колеблющихся отъ измѣны и возвратить, чрезъ посланныхъ довѣренныхъ лицъ, на свои мѣста тѣхъ Татаръ которые, оставя свои домы, уже пристали къ мятежникамъ. Казанскіе торговые Татары, подготовленные своимъ духовенствомъ, стали не только воодушевлять своихъ

* Для командованія эскадронами и ротами учреждаемаго корпуса добровольно вызвались: полковникъ Николай Толстой, подполковникъ Дмитрій Молоствовъ, лейбъ-гвард. капитанъ-поручикъ Александръ Толстой, артиллеріи капитанъ Дмитрій Родіоновъ, секундъ-майоръ Сергѣй Тютчевъ, капитанъ Сергѣй Левашовъ, титулярный совѣтникъ Алексѣй Мильгуновъ, подпоручикъ Михаилъ Голосницкій; въ адъютантскія должности: лейбъ-гвардіи фурьеръ Яковъ Кудрявцевъ и капралъ Никаноръ Нармотскій.

** „Соотвѣтствуя ихъ усердію, захотѣла я къ пользѣ сочленовъ сего дворянства (казанскаго) обратить ваше представленіе, дабы прислать къ вамъ офицеровъ изъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ для опредѣленія къ тѣмъ эскадронамъ кои формируются изъ рекрутъ дворцовыхъ деревень; и для того приказала выбрать казанскихъ помѣщиковъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи охочихъ людей, и пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, какъ явствуетъ изъ приложеннаго реестра, обмундировавъ и снабдя всѣмъ, фельдмаршалу князю Голицыну приказала ихъ къ вамъ отправить наискорѣе. Извольте видѣть что я дѣлаю по простой пословицѣ, которая говоритъ что рука руку моетъ“. Выписка изъ письма императрицы къ Бибикову 16го февраля 1774. *Русск. Арх.* 1866, № 3, стр. 393.

Digitized by Google

соплеменниковъ къ сопротивленію пугачевцамъ, но начали даже ловить и приводить къ Бибикову захваченныхъ ими подстрекателей. Понимая пользу которая могла произойти отъ такого ему содѣйствія мѣстнаго населенія, Бибиковъ выдалъ сто рублей въ награду Татарамъ поймавшимъ мятежниковъ и сверхъ того далъ имъ особые аттестаты, въ которыхъ письменно похвалялась ихъ вѣрность государынѣ. За ушедшими къ самозванцу были посланы родные, съ увѣщаніемъ безбоязненно возвратиться на прежнія мѣста.

Казанскій магистратъ, съ своей стороны, по примѣру дворянства, изъявилъ желаніе „употребить въ семъ случаѣ вѣрноподданническую услугу вооруженіемъ одного коннаго эскадрона гусаръ.“ *

Бибиковъ охотно на это согласился и объявилъ магистрату похвалу, а императрица семи первостатейнымъ купцамъ участвовавшимъ въ сборѣ купеческаго эскадрона прислала шпаги. **

Къ дворянству прочихъ уѣздовъ Бибиковъ отправилъ особыя письма, прося послѣдовать доблестному примѣру Казанцевъ.

Вскорѣ въ Казани стали появляться всадники дворянскаго и купеческаго корпусовъ и началось дѣятельное ихъ обученіе командированными изъ регулярныхъ войскъ сержантами и капралами.

Императрица, узнавъ о дѣйствіяхъ казанскаго дворянства, объявила ему въ особомъ манифестѣ, отъ 16го января 1774 года, всемилостивѣйшее благоволеніе и милость, а въ особомъ письмѣ къ Бибикову, называя себя казанскою помѣщицей, вызвалась принять участіе въ составленіи вооруженнаго корпуса наравнѣ съ прочими дворянами. ***

* Дѣло № 104 (А); рапортъ Бибикова № 4.

** Я Гротъ, *Бумаги Бибикова*, стр. 62.

*** Вотъ копія съ этого письма: „Александръ Ильичъ! Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса, повелѣла я, какъ помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухсотъ душъ всѣмъ отдать по одному рекруту и, обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Января 20го числа 1774 года.“ (*Записки о жизни* и пр., стр. 52.) Дворцовый корпусъ собиралъ присланный отъ дворцовой канцеляріи экзекуторъ Елагинъ. Манифестъ 16го января, напечатанъ въ *Запискахъ* и пр., стр. 51.

Digitized by Google

Объявленіе монаршей милости казанскому дворянству было произведено Бибиковымъ съ особою торжественностью.

Получивъ 27го января 1774 года манифестъ и письмо, Бибиковъ просилъ казанскаго предводителя собрать въ городъ къ 30му января всѣхъ находившихся по близости дворянъ для выслушанія монаршей воли.

„Въ сей день, доноситъ Бибиковъ, * они дѣйствительно собрались и мнѣ чрезъ присланныхъ двухъ отъ собранія дворянъ знать дали что предводитель съ дворянами меня ожидаютъ, чтобъ услышать высочайшую вашу волю. Въ то же время прислали они въ квартиру мою, для эскорту моего, 50 человѣкъ вооруженныхъ улановъ съ двумя офицерами.

„По прибытіи въ домъ предводителя, встрѣченъ я былъ, у крыльца, двумя дворянами, и вступая на лѣстницу безпрестанно еще по два тѣхъ же меня встрѣчали. Вошедъ въ собраніе, прежде нежели объявилъ я высочайшій В. И. В. рескриптъ, приготовилъ я ихъ пристойною къ тому рѣчью, а потомъ прочелъ его самъ отъ слова до слова. Не могу описать, всемилостивѣйшая государыня, съ какимъ благоговѣніемъ и радостными слезами слушали они высочайшую вашу къ нимъ милость и благоволеніе. По прочтеніи слышны были только многогласныя повторенія: „да здравствуетъ великая наша самодержица; да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ что̀ мы имѣемъ.“ Таковыя воскликновенія должны были привесть всякаго въ радостное умиленіе! Потомъ предводитель именемъ всего дворянства говорилъ рѣчь, ** а всѣ совокупно просили чтобы

---

* Дѣло № 104 (А); рапортъ Бибикова № 10.

** Рѣчь эта сочинена Державинымъ. Списокъ ея былъ препровожденъ къ Бибикову при слѣдующемъ письмѣ Макарова: „Казанское дворянство приноситъ своей самодержицѣ всеподданнѣйшее благодареніе за высочайшую ея величества милость съ коею она усерднѣйшее наше приношеніе воспріять соизволила; всемилостивѣйшее ея благоволеніе и покровительство съ такимъ матернимъ увѣреніемъ и позднимъ нашимъ потомкамъ будетъ служить дражайшимъ монументомъ неизрѣченнаго ея къ намъ милосердія.

„Восторгъ нашего теперь обрадованія не допускаетъ больше изъяснить той неоцѣнности съ какою къ намъ любовію великая наша императрица ограждаетъ насъ отъ бѣдствій и опасностей нашихъ, но единственно искренность наша стремится только воздать Царю Царей всеусерднѣйшее моленіе, дабы оправдалъ Онъ ея щедроту, ея

Digitized by Google

могли они получить копіи со всемилостивѣйшаго рескрипта: да останется онъ у всякаго для будущихъ потомковъ монументомъ милости великой Екатерины къ казанскому дворянству, на что̀ охотно и согласился!"

По окончаніи собранія всѣ отправились въ соборную церковь для слушанія благодарственнаго молебна, во время котораго производима была пальба изъ орудій. Вечеромъ у предводителя Макарова былъ балъ, и всю ночь дворянскіе домы были иллюминованы.

Еще прежде полученія въ Казани милостиваго манифеста казанскому дворянству, дворяне провинцій: Симбирской 4го, Свіяжской 15го, Пензенской 25го января, а въ послѣдствіи и саранское дворянство, въ общихъ собраніяхъ постановили

великодушіе и неусыпное о насъ попеченіе долголѣтнимъ здравіемъ ея и благоденствіемъ.

„А вамъ, милостивый государь, какъ виновнику нашего теперешняго удовольствія и радости, всѣ мы свидѣтельствуемъ величайшее благодареніе за ваши поданные намъ совѣты, кои учинили жертву сердецъ нашихъ благоугодною великой нашей самодержицѣ. Продолжайте, милостивый государь, къ услугѣ ея величества и отечества, вашу къ намъ довѣренность и любовь, которыхъ учинить себя достойными всѣ мы стараться будемъ.

„Воспримите въ свое покровительство избраннаго нами шефа съ его товарищами и подайте имъ случай пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и матери нашей; мы же, будучи очевидно увѣрены въ вооруженіи корпуса о ревностныхъ шефа стараніяхъ, имѣемъ несумнѣнную надежду что всѣ они положатъ душу свою за возлюбленную нашу самодержицу."

Пушкинъ въ 5 примѣчаніи къ четвертой главѣ своей *Истор. Пуг. Бунт.* говоритъ: „Я не имѣлъ случая читать эту рѣчь. Помѣщаемъ письмо, сочиненное также Державинымъ по тому же поводу." Затѣмъ и начинается не письмо, а именно та самая рѣчь которая была говорена въ Казани 30го января 1774 года и поднесена Бибиковымъ императрицѣ отъ 6го февраля 1774 года за № 10 (дѣло подъ № 104 (А) стр. 110.) Выписываемъ ея заглавіе:

РѢЧЬ

Благодарственная

ЕЯ

Императорскому Величеству
всепресвѣтлѣйшей Государынѣ

Digitized by Google

вооружить на свой счетъ конные корпуса на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было предположено казанскимъ дворянствомъ. При этомъ, такъ какъ по малочисленности свіяжскаго дворянства нельзя было составить особаго корпуса, то положено было присоединить его къ Казанскому конному корпусу. Начальниками учрежденныхъ корпусовъ были избраны: Симбирскаго—майоръ Степанъ Ѳедоровичъ Глятковъ; Свіяжскаго—отставной капитанъ Гавріилъ Матюнинъ и Пензенскаго—предводитель дворянства Ефимъ Чемисовъ. *

Императрицѣ и Самодержицѣ
всероссійской
ЕКАТЕРИНѢ
Второй
отъ
Общества дворянства Казанскаго
въ ихъ собраніи публично говоренная
на
случай объявленія
всемилостивѣйшаго Ея
Величества
Казанскому дворянству
благоволенія
за собраніе ими ихъ дворянскаго корпуса
также
и при случаѣ Высочайшаго снисхожденія
что
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО
Казанская помѣщица.

Сочинена Казанскимъ дворяниномъ.
Въ Казани 1774 года.

Слыша о письмѣ и рѣчи и имѣя у себя списокъ рѣчи безъ приведеннаго выше заглавія, Пушкинъ принялъ рѣчь за письмо, а о рѣчи сказалъ что не имѣлъ случая ее видѣть. Представляя эту рѣчь императрицѣ, Бибиковъ пишетъ: „прeтительно подносить сочиненіе, гдѣ дворянство почтило и меня хвалами, но всѣ сіи хвалы относятся, какъ главному источнику В. И. В.“ (Я. Гротъ, *Бумаги Бибикова*, стр. 59.) Въ послѣдствіи императрица издала, 22го февраля 1774 года, манифестъ восхвалившій дѣятельность казанскаго, симбирскаго, пензенскаго и свіяжскаго дворянства, казанскаго мѣщанства и тамошнихъ Татаръ. Манифестъ этотъ напечатанъ въ *Чтеніяхъ Импер. Об. Ист. Древн.* 1860, № 2, Смѣсь стр. 77.

* Кромѣ того были выбраны: пензенскимъ дворянствомъ, для командованія ротами и эскадронами: премьеръ-майоръ Вигель; секундъ-

Digitized by Google

Вооруженіе для своихъ ополченцевъ дворянство выписало изъ Москвы, но какъ доставка оружія могла весьма замедлиться, то, по просьбѣ дворянъ, Бибиковъ приказалъ выдать „коннымъ корпусамъ“ хранившіеся въ Казанскомъ коммиссаріатскомъ магазинѣ старые пистолеты и палаши бывшихъ драгунскихъ полковъ.

Вооруженные „конные корпуса“, какъ увидимъ въ послѣдствіи, сражались съ пугачевцами подъ Уфой, Казанью, Пензой и въ другихъ мѣстахъ. Замѣчательно что въ составъ гусаръ казанскаго купечества вошли охотниками и по найму многіе изъ польскихъ конфедератовъ содержавшихся въ Казани. Нѣкоторые Поляки были опредѣлены даже офицерами и такъ хорошо служили что нѣкоторые зъ нихъ (Звѣринскій и Скулинскій) поименованы были Михельсономъ въ его реляціи о пораженіи Пугачева подъ Казанью. *

майоръ Перфирій Дубенскій, гвардіи подпоручикъ Никаноръ Ознобишинъ; поручики: Иванъ Пилюгинъ, Матвѣй Варыпаевъ, Θедоръ Шехмаметевъ, князь Никаноръ Кикичевъ; подпоручики: Сергѣй Трухачевскій, Александръ Гладковъ, Ипполитъ Алфимовъ, Николай Киселевъ; корнетъ: Михаилъ Аблязовъ; прапорщики: Николай Сумароковъ и Дмитрій Дмитріевъ; а въ адъютантскія должности лейбъ-гвардіи сержанты: Иванъ Левинъ и Иванъ Репинъ. Симбирскимъ дворянствомъ: для командованія эскадронами и ротами, майоры: Степанъ Θедоровъ Гляйковъ и Степанъ Θедоровъ Коптевъ; капитаны: Иванъ Степановъ Ржевскій, Александръ Абрамовъ Алакаевъ, Григорій Ивановъ Чуфаровъ, Левъ Андреевъ Яковлевъ, Егоръ Тимоθеевъ Аверкіевъ, Иванъ Ивановъ Уваровъ; поручики: Василій Даниловъ Кадишевъ, Иванъ Александровъ Микулинъ, Василій Ивановъ Чуфаровъ; подпоручики: Яковъ Ивановъ Кучуговъ, князь Игнатій Баюшевъ; пропорщики: Николай Александровъ Бѣликовъ, Николай Неплюевъ, Иванъ Толстой, Семенъ Саврасовъ, лейбъ-гвардіи капралъ Александръ Микулинъ. Свіяжское дворянство учрежденіе корпуса поручило предводителю своему подполковнику Ивану Матюнину, а коммиссаромъ для сбора денегъ съ мелкопомѣстныхъ дворянъ былъ выбранъ коллежскій регистраторъ Иванъ Чаадаевъ. Саранское дворянство шефомъ избрало секундъ-майора Алферьева. Дѣло подъ № 104 (А); стр. 115, 120, 236.

* Число людей въ выставленныхъ корпусахъ показано въ слѣдующей вѣдомости, приложенной къ рапорту князя Щербатова отъ 25го іюня 1774 года № 5, изъ Оренбурга. (Дѣл. Воен. Ген. Арх. № 104 (А).

Digitized by Google

Между тѣмъ сдѣланныя главноkомандующимъ распоряженія начали приводиться въ исполненіе.

Получивъ приkазаніе выбить мятежниkовъ изъ Самары, kомандиръ 24й легkой полевой kоманды, майоръ Муфель, не ожидая соединенія съ 22ю легkою полевою kомандой и двумя эсkадронами поселенныхъ гусаръ, слѣдовавшими туда же изъ Симбирсkа, вышелъ изъ Сызрани и 29го деkабря былъ уже подъ Самарой.

Брошенная kапитаномъ Балахонцевымъ, Самара была занята шайkой пугачевцевъ, подъ начальствомъ яицkаго kазаkа

Вѣдомость учиненная о числѣ людей составленныхъ дворянствомъ Казансkой губерніи kорпусовъ и дворцовыхъ е. и. в. улановъ съ поkазаніемъ kто при оныхъ шефомъ.

Имена шефовъ предводительствующихъ kорпусами.	Званіе kорпусовъ и число въ kаждомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и рядовыхъ.		
Генералъ-майоръ Ларіоновъ.	Казансkаго.	Штабъ-и оберъ-офицеровъ.....	8
		Рядовыхъ........	300
	Казансkаго kупечества гусаръ.	Штабъ-и оберъ-офицеровъ......	3
		Рядовыхъ......	80
	Дворцовыхъ е. и. в.	Оберъ-офиц....	9
		Рядовыхъ	247
Секундъ-майоръ Глятковъ.	Симбирсkаго.	Штабъ-и оберъ-офицеровъ......	8
		Рядовыхъ.......	300
Проkуроръ Челисовъ.	Пензенсkаго.	Штабъ-и оберъ-офицеровъ......	15
		Рядовыхъ.......	522
Секундъ-майоръ Алферьевъ.	Сарансkаго.	Штабъ-и оберъ-офицеровъ......	6
		Рядовыхъ.......	227

Изъ того же донесенія kнязя Щербатова видно что отряды эти на полномъ иждивеніи жертвователей должны были оставаться только два мѣсяца. К. Щербатовъ разрѣшилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ отпусkать имъ продовольствіе изъ kазенныхъ магазиновъ, и спрашивалъ kаkъ ему поступать далѣе. Не знаемъ чѣмъ это kончилось, но вѣроятно разрѣшено было держать ихъ на счетъ kазны, таkъ kаkъ графъ Панинъ предлагалъ распустить эти kорпуса для того чтобъ уменьшить расходъ хлѣба изъ провіантсkихъ магазиновъ. Дѣло Госуд. Арх. № 27.429. Донесеніе Панина изъ Симбирсkа 5го деkабря 1774 № 34.

Digitized by Google

Арапова, который, съ покорностью встрѣченный духовенствомъ и населеніемъ, уже пятый день хозяйничалъ въ городѣ. Шайку его преимущественно составляли ставропольскіе Калмыки и отставные солдаты.

Калмыцкая княгиня Дербетева * и главные предводители бунтовавшихъ ставропольскихъ Калмыковъ Саитъ Размаметовъ, князь Енгалычевъ и Билярскаго полка отставной вахмистръ Ефимъ Поповъ были въ тѣсныхъ связяхъ со сторонниками самозванца.

Майоръ Муфель 29го декабря 1773 года атаковалъ Самару, и несмотря на то что пугачевцы дрались упорно, овладѣлъ городомъ, захватя притомъ какъ шесть пушекъ оставленныхъ капитаномъ Балахонцевымъ, такъ и двѣ привезенныя Араповымъ. У пугачевцевъ было убито болѣе двухсотъ человѣкъ; Муфель же потерялъ выбывшими изъ строя всего 15 человѣкъ (убито 3 мушкетера; ранено: прапорщикъ Поповъ, 9 драгунъ и мушкетеровъ, одинъ волжскій казакъ, одинъ артиллерійскій погонщикъ лошадей; убито три, ранено восемь). Араповъ бѣжалъ къ пригороду Алексѣевску. При занятіи Самары всѣ войска дрались храбро, и между прочимъ отличилась „команда польскихъ казаковъ". Изъ подлинныхъ дѣлъ не видно когда она была собрана, но не подлежитъ сомнѣнію что въ нее зачислены были плѣнные конфедераты. Бибиковъ просилъ о награжденіи начальника команды медалью и о присылкѣ еще нѣсколькихъ медалей для раздачи на будущее время.

---

* Ставропольскіе Калмыки явно пристали къ бунтовщикамъ и производили разбой гдѣ только могли; владѣтельница же ихъ княгиня Дербетева всячески старалась убѣдить мѣстныя начальства въ своей преданности императрицѣ, хотя и выѣхала изъ города Ставрополя, гдѣ имѣла постоянное жительство. Окончательнымъ уличеніемъ ея въ предательствѣ былъ слѣдующій, перехваченный, рапортъ къ ней пугачевскаго полковника Арапова: „Сіятельнѣйшей княгинѣ Арми-Ханше покорнѣйшій рапортъ. Изъ состоящей команды Мочинскихъ казаковъ три человѣка отправились вверхъ по Кинелю рѣкѣ для набору по указу его императорскаго величества вновь казаковъ, а состоящіе наличцо казаки что есть всѣ безъ остатку при семъ къ командѣ вашего сіятельства отправлены. Генваря 4го дня 1774 года." Дѣло подъ № 104 (А).

Digitized by Google

Въ скоромъ времени послѣ того въ Самару вступилъ подполковникъ Гриневъ съ 22ю легкою полевою командой и двумя эскадронами Бахмутскихъ поселенныхъ гусаръ.

Гриневъ и Муфель, хотя уже имѣли повелѣніе Бибикова о дальнѣйшемъ движеніи вверхъ по Самарской линіи, но не сочли возможнымъ немедленно выступить изъ Самары. Собранныя на мѣстѣ свѣдѣнія о поведеніи начальниковъ и горожанъ дали самые печальные результаты. При приближеніи пугачевцевъ, городъ послалъ къ нимъ гонцовъ, и безъ всякаго понужденія жители вышли встрѣчать Арапова, предшествуемые капитаномъ Балахонцевымъ и всѣмъ духовенствомъ, которое пѣло благодарственные молебны, провозглашая имя императора Петра Ѳедоровича. Соблазнъ и малодушіе были велики. Слѣдовало возстановить порядокъ. Муфель, Гриневъ и подъѣзжавшій къ тому времени въ Самару Державинъ, при полномъ собраніи жителей, приказали прочитать манифестъ о бунтовщикѣ Пугачевѣ, съ объявленіемъ всѣхъ ужасовъ которымъ можетъ подвергнуться край отъ распространенія мятежа и необходимости всѣми силами сопротивляться врагу, не слушая ложныхъ увѣщаній и объявленій самозванца. Сверхъ того съ жителей взяты подписки „подъ смертною казнію чтобы впредь пребыли они въ непоколебимой вѣрности В. И. В. и отнюдь ни тайно, ни явно съ злодѣйскими шайками измѣнника и самозванца Пугачева согласія не имѣли, но почитали бы ихъ злодѣями, измѣнниками и разбойниками“.*

Самарское духовенство оказалось особенно виновнымъ. По приказанію главнокомандующаго, его слѣдовало въ полномъ составѣ одного протопопа и десяти священниковъ отправить въ Казань, но мѣра эта была сочтена опасною: ее легко могли перетолковать угнетеніемъ вѣры, а потому предварительно были посланы только свѣдѣнія объ ихъ поведеніи, и Бибиковъ потребовалъ отъ казанскаго архіепископа посылки въ Самару другихъ священниковъ, послѣ чего виновные были взяты въ Казань.**

---

* Дѣло № 104 (А); рапортъ Бибикова № 4.

** Въ рескриптѣ императрицы къ Бибикову 15го февраля 1774 года (Я. Гротъ, *Бумаги Бибикова*, стр. 54) поименованы слѣдующіе виновные члены самарскаго духовенства: протопопъ Андрей Ивановъ, попы: Никифоръ Ивановъ, Ѳедоръ Никитинъ, Алексѣй Михайловъ, Данило Прокофьевъ, Максимъ Ивановъ; дьяконы: Степанъ Яковлевъ, Петръ Ивановъ, Василій Никифоровъ. Императрица утвердила заключеніе секретной коммисіи, но къ чему они были приговорены не видно.

Digitized by Google

7го января подполковникъ Гриневъ, принявшій начальство надъ собравшимися въ Самарѣ войсками, выступилъ противъ Аралова къ пригородку Алексѣевскому. Пригородокъ этотъ почти исключительно былъ населенъ отставными солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые находились въ Петербургѣ при погребеніи императора Петра III, а потому предательство ихъ и переходъ на сторону пугачевцевъ могъ имѣть большое вліяніе на умы окрестныхъ жителей. Пугачевцы, не допуская шедшія на нихъ войска атаковать пригородокъ, сами перешли въ наступленіе, но были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство, оставя на мѣстѣ три чугунныя, на саняхъ, пушки со всѣми припасами и 20 мертвыхъ тѣлъ.* Разъѣзды высланные вверхъ по Самарѣ и къ Красноярской крѣпости дали знать что Араловъ потянулся вверхъ по рѣкѣ Кинелю, и вслѣдъ за нимъ пошли отъ Краснаго Яра кочевавшіе тамъ Калмыки съ своею княгиней Дербетевой.

Алексѣевскъ былъ занятъ. Вся потеря войска состояла изъ пяти убитыхъ и четырехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ. Державинъ, сопровождавшій войска для ознакомленія съ ихъ духомъ и личнымъ составомъ, передалъ Гриневу приказаніе Бибикова наказать виновниковъ возмущенія. При собраніи всего народа въ оградѣ церковной, виновные были пересѣчены плетьми.

Однако у Аралова опять собралось до трехъ тысячъ человѣкъ. Вся эта толпа заняла на рѣкѣ Черемшанъ деревни Иштерякову и Куваццкую съ окрестностями, чѣмъ совершенно пресѣкла генералъ-майору Фрейману всякое сообщеніе съ Казанью. Увѣренный въ скорой помощи и получивъ предписаніе главнокомандующаго дѣлать поиски на мятежниковъ, Фрейманъ приказалъ капитану Томскаго пѣхотнаго полка Фатѣеву разогнать эту толпу.

Успѣхъ прежде всего зависѣлъ отъ того чтобы подойти къ непріятелю скрытно и рѣшительно атаковать его, въ то время когда онъ не ожидалъ появленія нашихъ войскъ. Съ этою цѣлію капитанъ Фатѣевъ посадилъ часть своей команды на обывательскія подводы, а часть снабдивъ лыжами, неожиданно явился въ деревнѣ Салейкиной, около Черемшанской крѣпости, и бросился въ атаку. Въ начавшемся затѣмъ побоищѣ съ оторопѣвшими пугачевцами, ихъ было убито до трехсотъ

* Я. Гротъ, бум. Бибикова, рапортъ Бибикова № 4 и зап. Державина стр. 59.

человѣкъ, отбиты у нихъ двѣ чугунныя пушки и 24 человѣка взято въ плѣнъ; въ томъ числѣ попались главные начальники: Саитъ Размаметьевъ, князь Енгалычевъ и отставной вахмистръ Ефимъ Поповъ.

Эта удача подняла упавшій духъ въ отрядѣ генералъ-майора Фреймана и облегчила слѣдованіе войскъ отправленныхъ ему въ подкрѣпленіе изъ Казани.

Столь же успѣшны и замѣчательны были дѣйствія полковника Василія Бибикова, командированнаго для освобожденія отъ обложенія мятежниками закамскихъ пригородковъ Заинска, Мензелинска и Кичуевскаго Фельдшанца.

Видя бездѣйствіе войскъ занимавшихъ эти укрѣпленные пункты, казанскій губернаторъ послалъ на помощь Мензелинску, изъ Казани, сто гарнизонныхъ солдатъ подъ командой майора Перскаго. Дойдя до дворцоваго села Елабуги, Перскій испугался общаго возстанія въ краѣ и не рѣшался идти ни взадъ, ни впередъ. Цѣлыя шесть недѣль стоялъ онъ въ Елабугѣ безъ всякаго дѣйствія, къ явному соблазну въ народѣ.

Столь недостойное поведеніе гарнизонныхъ офицеровъ, бывшихъ воинскими начальниками въ краѣ, повело за собою самыя печальныя слѣдствія. Мѣстныя войска упали духомъ и положительно были никуда негодны; бездѣйствіе ихъ ободрило пугачевцевъ, и тѣ, въ виду войскъ, грабили и жгли селенія и заводы, силой склоняя на свою сторону жителей; между послѣдними родилось убѣжденіе что должно-быть Пугачевъ дѣйствительно государь, потому что войска не рѣшаются противъ него дѣйствовать. Такимъ образомъ мятежъ все болѣе и болѣе развивался. Разбойничьи атаманы Аренкулъ Асѣевъ и Нагай-Баки-Асановъ держали въ осадѣ Заинскъ, Мензелинскъ и Кичуевскій Фельдшанецъ и грабежами своими наводили страхъ на окрестности.

Полковникъ Бибиковъ *, дойдя безпрепятственно до Старошешминска, узналъ что въ тридцати верстахъ отъ Заинска, въ селѣ Сухаревѣ, находится большая толпа пугачевцевъ. 13го января 1774 года онъ двинулся къ Сухареву. Не доходя до него верстъ за шесть, авангардъ отряда наткнулся на непрія-

* Разказъ о дѣйствіяхъ полковника Юрія Бибикова основанъ на двухъ его рапортахъ главнокомандующему отъ 15го и 19го января 1774 года и на рапортахъ А. И. Бибикова отъ 21го января и 5го февраля за №№ 5 и 9. Дѣло подъ № 104 (А).

Digitized by Google

тельскій пикетъ, который, сдѣлавъ ружейный выстрѣлъ, ускакалъ. Движеніе отряда было открыто, и Бибиковъ тотчасъ же приказалъ подполковнику Бедрагѣ съ гусарами и ротой гренадеръ овладѣть селеніемъ. Замѣтивъ движеніе войскъ, пугачевцы разобрали мостъ черезъ лощину впереди деревни и стали поспѣшно изъ нея выбираться. Большихъ усилій стоило Бедрагѣ перевести свой отрядъ черезъ лощину по сугробамъ, однако онъ занялъ Сухарево прежде чѣмъ вышли изъ него всѣ жители; двадцать четыре человѣка отсталыхъ думали было защищаться; одинъ изъ нихъ съ рогатиной бросился на перваго вошедшаго въ селеніе гренадера и былъ убитъ на мѣстѣ; прочіе сдались. Занявъ Сухарево, полковникъ Бибиковъ далъ отдыхъ войскамъ, утомленнымъ большимъ переходомъ по снѣжной дорогѣ, на которой часто приходилось вытаскивать изъ сугробовъ тяжелыя пушки, бывшія въ отрядѣ. На другой день, 14го января, Бибиковъ вновь разогналъ вооруженныя шайки изъ деревень: Ерыклы крещеное, Ерыклы и Туба магометанскія. Отрядъ, сдѣлавъ свое движеніе неожиданно, часовъ въ 8 утра, не имѣлъ урона; пугачевцы же потеряли до 80 человѣкъ убитыми и 2хъ плѣнными, въ числѣ которыхъ былъ одинъ отставной солдатъ, вышедшій впередъ уговаривать гусаръ бросить сабли и идти къ Пугачеву.

Остатокъ дня 14го числа и все 15е число были употреблены Бибиковымъ на отдыхъ и расправу съ жителями села Сухарева. Священникъ, съ честью встрѣтившій бунтовщиковъ и читавшій народу присланный отъ Пугачева манифестъ, былъ отправленъ къ главнокомандующему въ Казань. „Оставшихъ „мужиковъ—доноситъ полковникъ Бибиковъ — я всѣхъ нака„залъ, и привелъ къ присягѣ; изъ нихъ всѣ виноваты.“

16го января полковникъ Бибиковъ пошелъ далѣе къ пригороду Заинску, для освобожденія осажденнаго тамъ коменданта капитана Мертвецова, у котораго было шестьдесятъ вооруженныхъ гарнизонныхъ солдатъ и нѣсколько орудій.

Пройдя двадцать верстъ отъ села Сухарева и будучи въ шести верстахъ отъ деревни Аксариной—мѣстопребыванія начальствовавшаго въ той сторонѣ пугачевскаго атамана Аренкула Асѣева, — Бибиковъ былъ встрѣченъ большою толпой непріятеля, которая, построясь поперегъ дороги и поставивъ на правомъ своемъ флангѣ батарею изъ трехъ орудій, открыла огонь. Вся толпа состояла изъ 600 человѣкъ. Бибиковъ, разбивъ и разсѣявъ уже два раза шайки Татаръ и Башкирцевъ,

Digitized by Google

не разчитывалъ встрѣтиться съ такою значительною массой людей, а тѣмъ болѣе не понималъ откуда взялись у Аренкула пушки, но во всякомъ случаѣ враги были впереди, и ихъ слѣдовало отразить. Немедленно поставивъ батарею противъ непріятельскихъ орудій, Бибиковъ открылъ канонаду и, начавъ выстраивать свои войска къ бою, послалъ въ то же время роту гренадеръ въ обходъ праваго фланга пугачевцевъ для овладѣнія ихъ пушками. Поражаемые спереди артиллеріей и завидя обходное движеніе гренадеръ, пугачевцы оставили орудія и въ безпорядкѣ бросились бѣжать. Пользуясь происшедшею суматохой, подполковникъ Бедряга налетѣлъ на бунтовщиковъ и около 200 положилъ на мѣстѣ, потерявъ самъ только четырехъ ранеными, въ томъ числѣ трехъ стрѣлами.

Войдя въ деревню Аксарину, Бибиковъ, отъ захваченныхъ тамъ двухъ Татаръ, узналъ что семидесятилѣтній гарнизонный капитанъ Мертвецовъ сдалъ пригородъ Заинскъ. Этимъ объяснилось откуда Аренкулъ Асѣевъ досталъ пушки.

Какъ ни желалъ Бибиковъ скорѣе двинуться къ Заинску, но усталость войскъ заставила его переночевать въ дер. Аксариной, изъ которой онъ вышелъ утромъ 17го января.

Пригородъ Заинскъ давно уже обложенъ былъ со всѣхъ сторонъ взбунтовавшимися Татарами и Башкирцами. Силы защищавшія крѣпостцу были крайне незначительны, но пугачевцы, изъ коихъ было много вооруженныхъ одними копьями, несмотря на свою многочисленность не рѣшались на штурмъ. Обѣ стороны боялись другъ друга, но положеніе гарнизона становилось со дня на день хуже. Воинскій начальникъ Заинска, капитанъ Мертвецовъ, окруженъ былъ людьми весьма подозрительными. Одинъ изъ нихъ, отставной подпрапорщикъ Богданъ Буткевичъ, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Нагай-Бака Асановымъ и обѣщалъ ему сдать Заинскъ, съ тѣмъ условіемъ что его, Буткевича, сдѣлаютъ начальникомъ пригорода. Мѣстный священникъ и дьяконъ были тоже на сторонѣ мятежниковъ. Не устоявъ предъ неотступными, особенно со времени начала движенія Бибикова, убѣжденіями злоумышленниковъ, Мертвецовъ сдалъ пригородъ съ 6ю орудіями и 60 ружьями. Асановъ обѣщался не разорять города, и теперь приготовлялся къ упорному въ немъ сопротивленію. Дорога ведущая къ пригороду была укрѣплена рогатками, форштадты приведены въ оборонительное положеніе и отдѣлены отъ крѣпости рвами; всего у Асанова было при трехъ

Digitized by Google

орудіяхъ слишкомъ 1.400 человѣкъ. Несмотря на свои силы и средства, пугачевцы, напуганные успѣхомъ регулярныхъ войскъ, не довѣряли себѣ и были въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. Когда 17го января получено было извѣстіе о приближеніи отряда Бибикова, защитники Заинска выставили впередъ батарею изъ трехъ своихъ орудій, и несмотря на то что наступавшія войска были еще не ближе пяти верстъ — открыли по нимъ огонь, разумѣется безвредный.

Подойдя ближе къ городу и осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, Бибиковъ отрядилъ впередъ три колонны: главная подъ начальствомъ майора Неклюдова должна была очистить дорогу слѣдовавшимъ за ней двумъ другимъ колоннамъ; правая подъ начальствомъ конной гвардіи поручика Кошелева, а лѣвая подъ командой 2го гренадерскаго полка капитана Плахуты назначены были для овладѣнія форштадтами. Затѣмъ всѣ три колонны должны были штурмовать крѣпость.

Въ разстояніи двухсотъ саженъ отъ пригорода Бибиковъ выставилъ на высотѣ свою батарею и открылъ огонь.

Майоръ Неклюдовъ быстро овладѣлъ рогатками и уничтожилъ ихъ, подъ выстрѣлами непріятельской батареи, которая, въ свою очередь, скоро была въ его рукахъ, а прислуга на ней и прикрытіе перебиты. Въ это время Кошелевъ и Плахута овладѣли форштадтами, и всѣ войска, поддержанныя резервомъ Бибикова, бросились къ городу. Пугачевцы не выдержали и въ безпорядкѣ побѣжали вонъ. Подполковникъ Бедрага, до того времени стоявшій за перелѣскомъ, стремительно пустился въ погоню и, преслѣдуя бѣгущихъ на разстояніи двухъ верстъ, побилъ до трехсотъ человѣкъ; въ городѣ найдено убитыхъ и раненыхъ до ста.

Капитанъ Мертвецовъ былъ увезенъ изъ Заинска, но подпрапорщикъ Буткевичъ захваченъ въ плѣнъ и отправленъ въ Казань вмѣстѣ со священникомъ Прокофіемъ Андреевымъ и дьякономъ, пѣвшими молебны за здоровье Пугачева.

Рѣшительныя дѣйствія полковника Бибикова, разбившаго въ прахъ главныя силы мятежниковъ въ этомъ краѣ, послужили къ успокоенію края. Между волновавшимися даже селеніями было много такихъ которыя принимали сторону самозванца не по убѣжденію, а по принужденію, уступая силѣ. Какъ только началъ распространяться слухъ о разбитіи мятежниковъ, къ полковнику Бибикову со всѣхъ сторонъ стали въ большомъ числѣ приходить съ повинною окрестные жители.

Digitized by Google

19го января пришли въ подданство двадцать двѣ деревни; въ одинъ день перебывало у Бибикова болѣе 4.000 человѣкъ; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе являлось перебѣщиковъ отъ непріятелей. Всѣхъ этихъ людей снабжали билетами и отпускали домой безъ всякаго взысканія за прежнія ихъ вины.

Въ Заинскѣ Бибиковъ получилъ извѣстіе о томъ что командированный изъ Казани въ Мензелинскъ гарнизонный майоръ Перскій шестую недѣлю не отваживается тронуться изъ Елабуги. Немедленно посланъ былъ туда майоръ Неклюдовъ съ ротой гренадеръ и ротой гусаръ. Онъ разогналъ окружавшую Елабугу сволочь и освободилъ Перскаго. Бибиковъ тогда двинулся къ Мензелинску 26го января и прибылъ къ нему черезъ четыре дня.

Вооруженная толпа, грабившая въ окрестностяхъ пригорода Мензелинска, главными своими силами, простиравшимися до 2.000 человѣкъ, занимала село Пьяный-Боръ, на Камѣ, которое было укрѣплено „засѣками и дровами на подобіе палисадовъ“. *

Взять дровяную крѣпость и разсѣять ея защитниковъ Бибиковъ поручилъ распорядительному и смѣлому своему помощнику подполковнику Бедрягѣ, давъ ему 300 гренадеръ, эскадронъ гусаръ и два орудія. Бедряга, подходя къ селенію Пьяному-Бору, былъ встрѣченъ непріятельскою толпой, но послѣ непродолжительной перестрѣлки опрокинулъ ее и приготовился не медля атаковать укрѣпленіе. Майоръ Неклюдовъ, поручикъ Кошелевъ и 2го гренадерскаго полка поручикъ графъ Сантій съ трехъ сторонъ были направлены съ гренадерами на дровяную крѣпость. Послѣ жаркой схватки укрѣпленіе было взято, болѣе двухсотъ человѣкъ изъ числа защитниковъ побито; Бедряга потерялъ ранеными: артиллеріи поручика Байкова и гусарскаго прапорщика Готовицкаго—оба ранены стрѣлами; нижнихъ чиновъ шестеро.

Захваченные здѣсь плѣнные были приведены въ Мензелинскъ, гдѣ подъ висѣлицей пересѣчены кошками и потомъ отпущены домой.

Вслѣдъ за разсѣяніемъ непріятелей подъ Пьянымъ-Боромъ, окрестности Мензелинска успокоились и болѣе 50 деревень

* Дѣло подъ № 104 (А); собственноручная приписка главнокомандующаго къ рапорту его отъ 5го февраля 1774 за № 9.

Digitized by Google

тотчасъ же перешли въ повиновеніе, получивъ полное прощеніе за участіе въ возстаніи.

Изъ Мензелинска полковникъ Бибиковъ, по приказанію главнокомандующаго, перешелъ въ крѣпость Нагайбацкую. До четырехъ тысячъ пугачевцевъ съ тринадцатью орудіями заняли вблизи Нигайбаки крѣпость Бокалы.

Прежнія дѣйствія Бибикова навели такой страхъ на мятежниковъ что они, свѣдавъ о движеніи противъ нихъ 300 гренадеръ съ эскадрономъ гусаръ, не думали о сопротивленіи, а бросивъ три орудія, съ остальными отступили внутрь Башкиріи, а частію разошлись по домамъ. * Въ Нагайбакѣ оставленъ былъ майоръ Перскій съ пятнадцатью человѣкъ солдатъ.

Около этого времени Изюмскаго гусарскаго полка поручикъ Банческулъ разогналъ шайки собравшіяся было въ окрестностяхъ села Мамадыша ** и совершенно очистилъ отъ нихъ весь край по эту сторону рѣки Вятки.

Блестящія дѣйствія полковника Бибикова лучше всего доказываютъ справедливость той истины, что при дѣйствіяхъ противъ иррегулярныхъ войскъ и особенно противъ народныхъ массъ, весь успѣхъ основывается на рѣшительномъ наступленіи, хотя бы небольшими частями войскъ. Дѣйствія оборонительныя въ подобныхъ случаяхъ почти всегда ведутъ къ дурнымъ послѣдствіямъ, потому что дѣлаютъ нападающихъ болѣе сильными и самостоятельными, а войска, видя нерѣшительность своихъ начальниковъ, теряютъ увѣренность въ свои силы, падаютъ духомъ и при продолжительномъ бездѣйствіи доходятъ до того что появленіе самаго незначительнаго числа непріятеля наводитъ на нихъ паническій страхъ и они дѣлаются никуда негодными; такъ было съ войсками дѣйствовавшими въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ до прибытія Бибикова. Гарнизонныя войска, и безъ того плохія по своему составу, были въ распоряженіи офицеровъ преимущественно

---

* Дѣло № 104 (А); рапортъ генерала Бибикова отъ 15го февраля, № 11. Изъ своихъ помощниковъ полковникъ Вас. Бибиковъ особенно выставляетъ и рекомендуетъ главнокомандующему съ отличной стороны подполковника Бедрагу, майора Неклюдова, Изюмскаго гусарскаго полка ротмистра Кордашевскаго, конной гвардіи адъютанта Кошелева и бывшаго при его отрядѣ волонтеромъ тамошняго помѣщика поручика Маслова.

** Нынѣ уѣздный городъ Казанской губерніи.

Digitized by Google

стариковъ, выжившихъ изъ силъ и потерявшихъ всю свою энергію. Не отваживаясь на рѣшительныя дѣйствія, эта „негодница“, какъ называлъ ихъ А. И. Бибиковъ, или думала отсиживаться отъ непріятеля въ то время когда ихъ могли разбить и разогнать въ разныя стороны, или позорно сдавалась пугачевцамъ, которые до того ободрились что совершенно не обращали вниманія на войска и „лѣзли имъ въ глаза“.

Благоразумными движеніями полковника Бибикова весь край до рѣки Ика былъ совершенно успокоенъ; пугачевцы разбиты и выгнаны, жители возвратились или возвращались въ свои жилища, и сами, не понуждаемые къ тому чьими бы ни было распоряженіями, стали являться въ Казань съ невыплаченными ими до того времени податями и не поставленными рекрутами. *

Такимъ образомъ съ самымъ незначительнымъ числомъ войскъ (четыре роты гренадеръ и три роты гусаръ) достигнуты были результаты чрезвычайно важные. Нельзя не сказать здѣсь что будь въ Заволжскомъ краѣ надежные мѣстные начальники и исполняй свое дѣло находившіяся тамъ войска, то Оренбургская и часть Казанской губерній никогда не подверглись бы бѣдствіямъ претерпѣннымъ ими отъ нестройныхъ шаекъ пугачевцевъ, бóльшая часть которыхъ въ первое время не имѣла почти никакого оружія, кромѣ стрѣлъ.

Такъ же успѣшно шли дѣла въ центрѣ и на правомъ флангѣ, въ отрядахъ бывшихъ подъ начальствомъ генералъ-майоровъ князя Голицына и Мансурова.

Преслѣдуя главную цѣль—очищать край отъ мятежническихъ шаекъ и водворяя спокойствіе между жителями подвигаться впередъ къ Оренбургу, главнокомандующій не задерживалъ въ Казани прибывающія туда войска, а тотчасъ же или отправлялъ ихъ по Ново-Московской дорогѣ на соединеніе съ отрядомъ генералъ-майора Фреймана, все еще находившагося въ Бугульмѣ и поступившаго подъ главное начальство князя Голицына, или составлялъ изъ нихъ небольшіе отряды для очищенія отъ бродившихъ шаекъ края, между рѣками Волгой, Камой и Черемшаномъ. Для облегченія же будущихъ дѣйствій, въ особенности движенія къ Оренбургу, въ разныхъ мѣстахъ начаты были заготовленія фуража и продовольствія.

Упавшія духомъ войска Фреймана, послѣ продолжительнаго

---

* Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ генерала Бибикова за № 11.

отдыха, были приведены въ надлежащій порядокъ, а командированіе небольшихъ частей на поискъ непріятеля, какъ напримѣръ описанное выше движеніе капитана Ѳатѣева въ верховья рѣки Черемшана, убѣдило ихъ въ возможности бить пугачевцевъ, возвратило имъ увѣренность въ свои силы и вновь сдѣлало ихъ способными къ употребленію противъ непріятеля въ полѣ.

Отправленные главнокомандующимъ отряды дѣйствовали успѣшно: такъ Изюмскаго гусарскаго полка полковникъ Хорватъ и 2го гренадерскаго полка подполковникъ Филисовъ, направленные къ деревнямъ Каменкѣ и Шенталѣ, прогнали непріятеля къ слободѣ Богорусланской, гдѣ соединились съ отрядомъ капитана Фатѣева. Затѣмъ полковникъ Хорватъ, получивъ извѣстіе что въ Черкасской слободѣ, на рѣкѣ Кансли, стоитъ шайка въ 2.000 человѣкъ ставропольскихъ Калмыковъ и другихъ злоумышленниковъ, пошелъ туда и разбилъ ее, причемъ „въ преслѣдованіи многіе изъ злодѣевъ бѣдно животъ свой окончили, оставя притомъ и пушку". *

Владимірскаго пѣхотнаго полка майоръ Елагинъ шелъ правѣе. Отдѣленный отъ него небольшой отрядъ капитана того же полка Квашнина-Самарина, встрѣтивъ мятежниковъ въ деревнѣ Сентемиръ, на рѣкѣ Черемшанѣ, въ числѣ 700 человѣкъ, разбилъ и разогналъ ихъ въ разныя стороны, побивъ на мѣстѣ до 100 человѣкъ и захвативъ 40 человѣкъ въ плѣнъ. Еще до прибытія отряда майора Елагина, капитанъ Сербулатовъ, соединясь съ набираемыми въ Симбирскѣ копейщиками, сдѣлалъ поискъ къ пригороду Тіинску, при которомъ разбилъ непріятеля и прогнавъ его за рѣку Черемшанъ, отнялъ „четыре малыя пушечки и 8 человѣкъ взялъ въ полонъ". **

Князь Голицынъ, дѣйствуя въ окрестностяхъ Бугульмы и особенно занимаясь заготовленіемъ провіанта и фуража для предстоящихъ движеній къ Оренбургу, отрядилъ для поисковъ по Ново-Московской дорогѣ Архангелогородскаго карабинернаго полка полковника Ильина и майора Варнштета, а самъ подвигался впередъ къ Богорусланской слободѣ, чтобы чрезъ нее войти въ связь съ отрядомъ генерала Мансурова, шедшаго вверхъ по Самарской линіи.

Отрядъ генерала Мансурова въ это время состоялъ: изъ 22, 23, 24 и 25й легкихъ полевыхъ командъ и двухъ эскадроновъ

* Дѣло подъ № 104 (А), рап. ген. Бибикова № 11.

** Дѣло подъ № 104 (в).

Digitized by Google

Бахмутскихъ поселенныхъ гусаръ; занимаясь усмиреніемъ края около Самары, Ставрополя и по нижнимъ частямъ рѣкъ Самары и Кинеля, онъ не могъ скоро подвигаться впередъ, потому что его задерживалъ на мѣстѣ огромный обозъ заготовленнаго полковникомъ Лецкимъ продовольствія.

Хотя весь край до рѣки Сокъ и по низовьямъ рѣки Кинель былъ совершенно успокоенъ, но 20го января случилось весьма непріятное происшествіе, еще болѣе задержавшее движеніе генерала Мансурова.

На разсвѣтѣ 20го января, предводитель бунтующихъ крещеныхъ ставропольскихъ Калмыковъ и другихъ пугачевцевъ, войсковой квартермистръ Дербетевъ, съ шайкой человѣкъ въ 400 или 500, ворвался въ городъ Ставрополь, и соединясь съ находившимся тамъ измѣнникомъ, тамошнихъ казаковъ пятидесятникомъ Долгополовымъ и его командой, началъ грабить городъ. Захвативъ бывшія въ городѣ шесть пушекъ, разбивъ кабаки и разграбя домы болѣе зажиточныхъ гражданъ, Дербетевъ въ три часа пополудни вышелъ изъ города, потянувшись по направленію къ Красному-Яру и взявъ съ собою коменданта, бригадира фонъ-Фегезака, воеводскаго товарища, надворнаго совѣтника Мильковича, секретаря Микляева и баталіоннаго командира майора Алашеева.

Произведенный Дербетевымъ набѣгъ на городъ Ставрополь былъ такъ неожиданъ и такъ искусно подготовленъ сношеніями съ находившимися въ городѣ измѣнниками что бывшіе тамъ солдаты гарнизоннаго баталіона, въ числѣ 249 вооруженныхъ человѣкъ, не успѣли собраться и отбить непріятеля. Калмыки варварски поступили съ захваченными начальниками Ставрополя; имъ продѣли въ носъ кольца и потомъ всѣхъ закололи.

Приближаясь къ Красному-Яру, Дербетевъ неожиданно наткнулся на подполковника Гринева, который съ 22ю легкою полевою командой находился въ тѣхъ мѣстахъ для обезпеченія заготовленія продовольственныхъ запасовъ.

Увидя Калмыковъ, возвращавшихся домой, Гриневъ атаковалъ ихъ и разбилъ на голову, отнявъ пять пушекъ и три бочки пороху (изъ взятыхъ въ Ставрополѣ); въ плѣнъ при этомъ захвачено 40 человѣкъ и убито 120, отрядъ же Гринева не понесъ никакой потери. *

---

* Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ Бибикова 29го января 1774, № 7, *Зап. Держ.* стр. 59.

Digitized by Google

Успѣхъ наступавшихъ войскъ имѣлъ благія послѣдствія, „злодѣи, отвѣдавъ и испытавъ собственною ихъ погибелью, доноситъ А. И. Бибиковъ, сколько слабы они стоятъ противъ побѣдоносныхъ войскъ В. И. В., начинаютъ отовсюду бѣжать, лишь чуть узнаютъ сближеніе деташементовъ, если только ихъ вдругъ и скорымъ оборотомъ схватить не удастся.“ *

Не имѣя средствъ сопротивляться открыто силой, пугачевцы перемѣнили образъ дѣйствій: оставляя селенія, при появленіи вблизи ихъ подвигавшихся впередъ отрядовъ, они увлекали съ собой всѣхъ жителей, пугая ихъ что войска предаютъ смерти всѣхъ тѣхъ которыхъ застаютъ въ деревняхъ. Сперва эта хитрость имѣла успѣхъ: „глупые, слѣдуя ихъ внушеніямъ, оставляли жилища и разбѣгались“, но какъ только, по распоряженію главнокомандующаго, посланы были изъ всѣхъ командъ нарочныя объявленія и увѣщанія „жителямъ не поддаваться обманамъ злодѣевъ и вѣрить въ покровительство императрицы, и какъ такія объявленія подкрѣплялись ласковымъ обращеніемъ войскъ, то вскорѣ бѣжавшіе жители возвратились въ оставленныя жилища. „Теперь многіе и изъ забранныхъ въ толпы „въ свои жилища приходятъ, гдѣ безъ всякаго на нихъ взыскванія въ безопасности остаются.“ **

Генералъ-майоръ Мансуровъ 10го февраля занялъ безъ сопротивленія оставленную мятежниками крѣпость Борскую, въ которой нашелъ три пушки, затѣмъ вступилъ въ крѣпость Ельшанскую, а 14го февраля подходилъ къ Бузулуцкой. *** Занятіе Бузулуцкой крѣпости было особенно важно для Мансурова: чрезъ нее онъ могъ войти въ прямую связь съ отрядомъ генералъ-майора князя Голицына, который въ свою очередь, послѣ взятія Бузулуцкой, могъ съ меньшими затрудненіями

* Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ Бибикова № 11.

** Дѣло подъ № 104 (А); донесеніе Бибикова № 11.

*** Крѣпость Бузулуцкая построена Кириловымъ въ 1736 году, на лѣвой сторонѣ рѣки Самары, около устья рѣки Бузулука и въ 255 верстахъ отъ Оренбурга. Сперва предположено было обнести крѣпость рвомъ и валомъ, которые и сдѣланы съ двухъ сторонъ обращенныхъ въ поле, но потомъ рва и вала отъ рѣкъ Самары и Бузулука не дѣлали, а впереди валовъ поставили еще палисадъ, который по дорогѣ въ крѣпость Ельшанскую отстоялъ отъ крѣпости на 300, а по дорогѣ въ Тоцкую на 700 саженъ и имѣлъ нѣсколько выходовъ. Бывшая крѣпость Бузулуцкая нынѣ уѣздный городъ Бузулукъ, Самарской губерніи.

Digitized by Google

усмирить край и пройти разстояніе отъ Богорусланской слободы до рѣки Самары; сверхъ того въ Бузулуцкой крѣпости предположено было учредить склады продовольственныхъ запасовъ для отправки ихъ въ послѣдствіи вверхъ по Самарѣ. Обстоятельства эти были извѣстны пугачевцамъ, и дѣйствовавшій въ этихъ мѣстахъ яицкій казакъ Араловъ, имѣя приказаніе отъ Пугачева препятствовать князю Голицыну въ походѣ къ Оренбургу, * приготовился къ защитѣ въ крѣпости Бузулуцкой, куда прибыло въ подкрѣпленіе ему до 1.000 чел. пугачевцевъ и въ томъ числѣ 50 яицкихъ казаковъ. Всего у Аралова и товарищей его Чулошникова и Каюкова было до 2.000 чел. съ 15 пушками.

Мансуровъ положилъ атаковать Бузулуцкую крѣпость съ двухъ сторонъ, самъ онъ шелъ по дорогѣ отъ крѣпости Ельшанской; а подполковника Гринева съ 22ю легкою полевою командой направилъ со стороны деревни капитана Милохова; майоръ Соловьевъ съ двумя бахмутскими гусарскими эскадронами и одною ротой драгунъ отъ 24й легкой полевой команды, въ случаѣ разбитія непріятеля, долженъ былъ занять дорогу изъ крѣпости Бузулуцкой въ крѣпость Тоцкую и отрѣзать пугачевцевъ отъ прямаго ихъ пути отступленія.

Подходя къ крѣпости, Мансуровъ и Гриневъ встрѣчены были сильными непріятельскими партіями, открывшими пушечный огонь. Не давъ непріятелю безнаказанно производить канонаду на близкомъ разстояніи, войска пошли на штурмъ крѣпости; кавалерія Мансурова, ворвавшись за палисадъ, захватила стоявшую въ воротахъ крѣпости батарею и заставила непріятеля бѣжать. Затѣмъ вскорѣ ворвались въ самую крѣпость войска Гринева и прочія части отряда, захвативъ въ ней 286 чел. плѣнныхъ, всю артиллерію, девять ящиковъ и пять саней со снарядами, три знамя и 723 дротика. Майоръ Соловьевъ преслѣдовалъ бѣгущихъ на разстояніи семи верстъ и нанесъ имъ значительный уронъ; 165 чел. бывшихъ въ шайкѣ явились добровольно съ повинной. Отрядъ Мансурова потерялъ: тяжело раненымъ подпоручика Милашевича и до десяти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. **

---

* *Допросы Пугачеву*, стр. 29.

** Это описаніе взятія Бузулуцкой крѣпости основано на подлинномъ донесеніи генералъ-аншефа Бибикова, отъ 22го февраля 1774, за № 12, находящагося въ дѣлѣ военно-ученаго архива подъ № 104 (А),

Digitized by Google

Въ это же время генералъ-майоръ князь Голицынъ, дождавшись въ Богорусланской слободѣ прибытія послѣдняго транспорта провіанта и фуража, выступилъ далѣе на соединеніе съ генераломъ Мансуровымъ къ главному пункту бывшей Самарской линіи, крѣпости Сорочинской, разоренной шайками Пугачева.

За корпусомъ князя Голицына въ подвижномъ магазинѣ везлось до 2.821 четверти муки, 208¼ четвертей крупъ; 15.364½ пуда сухарей, 9.997 четвертей овса и до 76.000 пудовъ сѣна. Для собранія такого огромнаго запаса провіанта и фуража употреблено было много усилій и времени, отчего главнымъ образомъ и произошло нѣкоторое замедленіе въ движеніи отрядовъ Мансурова и князя Голицына.

Такимъ образомъ надежды возлагавшіяся на А. И. Бибикова при отправленіи его за Волгу стали исполняться самымъ блестящимъ образомъ.

Со времени прибытія его въ Казань прошло не болѣе семи недѣль; отряды князя Голицына и Мансурова стали дѣйствовать не ранѣе половины января 1774 года, а между тѣмъ, несмотря на такое короткое время и на незначительное число войскъ, успѣхъ ихъ дѣйствій былъ необыкновенно важенъ. Казань и весь край между рѣками Волгой, Камой и Самарой до границъ Башкиріи, Новой Московской дороги и рѣки Токъ, былъ совершенно усмиренъ; пугачевцы, наводнявшіе его, разбиты на голову и разсѣяны; жители водворены въ свои жилища и обратились къ прежнимъ занятіямъ и полному повиновенію. Разбирая эти дѣйствія генералъ-аншефа Бибикова, нельзя не отдать полную справедливость какъ административнымъ, такъ и военнымъ его способностямъ. Съ необыкновеннымъ

а также на экстрактѣ изъ журнала князя Голицына о дѣйствіяхъ различныхъ отрядовъ. (Соч. Пушк. т. VI, стр. 528.) Въ томъ же архивѣ подъ № 2.650 находится старинная карта, озаглавленная такъ: „Планъ атаки въ Бузулуцкой крѣпости учиненной со злодѣйскою толпой февраля 14го дня 1774 года.“ На этомъ планѣ ясно показано раздѣленіе отряда генералъ-майора Мансурова на двѣ части; въ одной изъ нихъ направленной со стороны деревни Милоховой показана пѣхота, артиллерія, кавалерія и егеря, то-есть это 22я легкая полевая команда подполковника Гринева; въ другой же показаны: пѣхота, артиллерія, егеря и гусары, расположенные сперва по флангамъ боеваго порядка пѣхоты, а потомъ атаковавшіе непріятельскія толпы и батареи; часть же ихъ стоявшая на правомъ флангѣ показана также преслѣдующею непріятеля по дорогѣ въ Тоцкую.

Digitized by Google

умѣньемъ распоряжаясь имѣющимися подъ руками незначительными средствами, онъ съ особымъ тактомъ выбиралъ цѣль своихъ дѣйствій, и разъ рѣшившись, неуклонно шелъ къ ея достиженію. Этотъ вѣрный военный взглядъ и соединенная съ нимъ твердость характера даютъ полное основаніе считать А. И. Бибикова въ числѣ замѣчательнѣйшихъ генераловъ своего времени.

Одновременно съ назначеніемъ Бибикова, 29го же ноября, послѣдовалъ указъ образовавшій въ Казани особую секретную коммиссію для разслѣдованія причинъ мятежа, по разспросамъ захваченныхъ мятежниковъ. Начальникомъ ея былъ назначенъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Лунинъ. Бибикову предоставлено было право выбрать къ Лунину двухъ помощниковъ. Онъ избралъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручика Савву Маврина и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручика Василія Собакина. Для производства дѣлъ въ составъ коммиссіи командированъ секретарь тайной экспедиціи Зряховъ.

30го ноября Бибиковъ снабдилъ уже Лунина инструкціей и приказывалъ ему немедленно ѣхать въ Казань, гдѣ и начать дѣйствія разспросами людей содержавшихся подъ арестомъ въ вѣдѣніи губернатора фонъ-Бранта. Лунину указывалось испытать „достовѣрнымъ изслѣдованіемъ показанія сихъ людей, ихъ свойства, разумъ и намѣреніе, различая простоту, невѣжество и грубость отъ зловреднаго коварства, злоухищренія, упрямства и злости“. Для разузнанія истины требовалась отъ Лунина вся его способность и искусство, чтобы кстати и у мѣста употреблять тихость и умѣренность или самую строгость и устрашеніе. Коммиссія должна была дѣйствовать въ совершенной тайнѣ и во всякое время, когда надобность покажетъ, не опредѣляя собственно присутственныхъ часовъ. *

Секретная коммиссія въ первыхъ числахъ января 1774 года ** прибыла въ Казань и немедленно открыла свои занятія, занявъ подъ свое присутствіе и содержаніе колодниковъ зданіе семинаріи.

Съ самаго начала своихъ дѣйствій коммиссія встрѣтилась лицомъ къ лицу съ глупостью, малодушіемъ, трусостью и измѣной. Лица всѣхъ сословій и званій заражены были тѣмъ

---

* *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Россійск.* 1860, № 2, стр. 33.

** Гротъ, *Бум. Бибикова*, стр. 11.

Digitized by Google

или другимъ изъ этихъ свойствъ. Простой народъ съ невѣроятнымъ легкомысліемъ довѣрялся пугачевскимъ агентамъ, даже между чиновниками рѣдко встрѣчались люди „съ просвѣщеніемъ и разумомъ“, а гарнизонные офицеры, начальствовавшіе въ краѣ, положительно способствовали пугачевцамъ „своею мрачною глупостью“. Секретная коммиссія, представляя на утвержденіе Бибикова дѣла о пугачевцахъ, вынуждена была требовать строгихъ мѣръ, и главнокомандующій долженъ былъ рѣшиться на многія казни. „Не познають звѣрскіе нравы, говорилъ онъ, * не имѣющіе первыхъ понятій человѣческихъ, должностей и обязательствъ къ Богу, государю и ближнему безъ строгаго обузданія, а страхомъ одной лишь казни. Способъ конечно жестокій, но въ настоящей крайности неминуемъ.“ Наказаніе пугачевцевъ совершалось по возможности на мѣстѣ преступленія, но разсылали ихъ также для этого и по другимъ мѣстамъ, съ цѣлію произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на народъ.

IV.

Дѣйствія противъ пугачевцевъ въ Башкиріи, Екатеринбургскомъ горномъ вѣдомствѣ и Исетской провинціи.

Съ самаго появленія Пугачева на Яикѣ, въ Башкиріи начались волненія, вскорѣ превратившіяся въ полное, поголовное возстаніе. Между Башкирцами еще живы были старожилы помнившіе то время когда они съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою самостоятельность; эти-то люди первые преклонились на сторону самозванца, видя въ немъ превосходный предлогъ къ возстанію; вліяніемъ своимъ на народъ они сумѣли привлечь къ себѣ однихъ—убѣжденіемъ, другихъ силой и страхомъ. Огромныя толпы Башкирцевъ потянулись со всѣхъ сторонъ къ Пугачеву подъ Оренбургъ, но онъ, справедливо разчитывая что они принесутъ его дѣлу гораздо болѣе пользы если будутъ дѣйствовать вблизи отъ своихъ жилищъ на сопредѣльныя Башкиріи русскія

* Гротъ, *Бум. Бибикова*, стр. 58.

Digitized by Google

жительства и на находящіяся внутри ея укрѣпленныя мѣста и города, оставилъ у себя подъ Оренбургомъ только небольшое число Башкирцевъ, а всѣхъ остальныхъ отправилъ обратно въ Башкирію съ наставленіями, давъ имъ въ помощь и въ руководители нѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцевъ, какъ напримѣръ яицкаго казака Чику, отставнаго солдата Бѣлобородова и нѣкоторыхъ другихъ, получившихъ отъ него наименованіе полковниковъ, подполковниковъ и проч.

Разлившійся по Башкиріи мятежъ скоро достигъ до предѣловъ Екатеринбургскаго горнаго вѣдомства, Пермской и Исетской провинцій, * угрожая какъ укрѣпленіямъ по верхнему теченію Яика, Сибирскимъ линіямъ и вообще Сибирской губерніи, такъ и казеннымъ Екатеринбургскимъ заводамъ, между приписными крестьянами которыхъ было много раскольниковъ, упорныхъ тогда враговъ правительства.

Выше, въ главѣ I, уже было упомянуто о мѣрахъ принятыхъ членомъ главнаго горныхъ заводовъ правленія коллежскимъ ассессоромъ Башмаковымъ для прикрытія казенныхъ горныхъ заводовъ; упомянуто о распоряженіяхъ главнаго командира заводовъ полковника Бибикова (Василія) и сказано о командированіи изъ Сибири генералъ-поручика де-Колонга для прикрытія ея предѣловъ отъ распространявшагося повсюду мятежа и для вспомоществованія осажденному Оренбургу.

Средства полковника Бибикова и Башмакова были такъ ничтожны что едва могли служить для охраненія нѣкоторыхъ мѣстъ, о пресѣченіи же мятежа невозможно было и думать; набранные ими казаки изъ крестьянъ первые переходили на сторону мятежниковъ, и довольно было явиться въ селеніе двумъ-тремъ пугачевцамъ съ воззваніями самозванца, какъ все населеніе, обольщенное обѣщаніями свободы, уничтоженіемъ податей, покровительствомъ расколу, предавалось самозванцу и зазывало къ себѣ его шайки, встрѣчая ихъ съ духовенствомъ

---

* *Пермская провинція* Казанской губерніи состояла изъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго, Оханскаго, сѣверной части Красноуфимскаго и сѣверной части Осинскаго. Кунгуръ былъ провинціальнымъ городомъ и въ немъ находилось Пермское горное начальство, завѣдывавшее всѣми частными горными заводами.

Исетская провинція состояла изъ нынѣшнихъ уѣздовъ: Шадринскаго и Челябинскаго и части Троицкаго; часть Исетскаго дистрикта отошла къ Тобольской губерніи. Челяба была провинціальнымъ городомъ.

Digitized by Google

впереди и съ выраженіемъ полнаго повиновенія. Несмотря на это, слѣдуетъ сказать что мѣры принятыя горнымъ начальствомъ были весьма благоразумны и полезны при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Мѣстныя власти Исетской провинціи, для противодѣйствія мятежу, тоже приступили къ сформированію казаковъ изъ крестьянъ, подъ распоряженіемъ набранныхъ въ селеніяхъ отставныхъ солдатъ. Челябинскій воевода статскій совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Веревкинъ приказалъ: „чтобы, вопервыхъ, отъ семи человѣкъ назначенъ былъ одинъ здоровый и не малолѣтный; вовторыхъ—шести человѣкамъ того седьмаго снабдить пристойною одеждой; втретьихъ, дать тому седьмому человѣку отъ прочихъ шести лошадь съ приборомъ; вчетвертыхъ, имъ же снабдить казака фуражомъ и провіантомъ, и сверхъ того, каждый изъ шести человѣкъ долженъ былъ дать ему по 25 коп. на мѣсяцъ, и наконецъ, впятыхъ, взять въ казаки изъ семействъ многорабочихъ, гдѣ 5 и 7 душъ, а изъ тѣхъ семействъ гдѣ отъ 1 до 5 душъ не брать и не назначать, въ видахъ сохраненія ихъ хозяйствъ и домашняго быта. *

Сибирскій губернаторъ Чичеринъ, выславъ изъ Тобольска всѣ свободныя войска, подъ командой майора Заева, на помощь къ Оренбургу, не оставилъ безъ помощи и сосѣднія мѣста. Узнавъ о безпорядкахъ въ Исетской провинціи, онъ послалъ на помощь къ Шадринску двѣ гарнизонныя роты съ тремя орудіями, а пограничный Ялуторовскій дистриктъ выставилъ по его распоряженію тысячу человѣкъ казаковъ изъ крестьянъ, для обученія которыхъ назначены были пять штабъ- и оберъ-офицеровъ съ полуротой солдатъ.

Такимъ образомъ всѣ начальства пограничныхъ съ бунтующею Башкиріей мѣстъ приняли зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ оборонѣ края. Для дѣйствій наступательныхъ они не имѣли войскъ, и обязанность эта лежала на отрядѣ генералъ-поручика де-Колонга, посланнаго изъ Сибири съ достаточными силами. Несмотря на полную возможность рѣшительно дѣйствовать противъ пугачевцевъ, де-Колонгъ стоялъ въ Верхояицкой крѣпости въ полномъ бездѣйствіи, изрѣдка посылая отъ себя къ сибирскому, оренбургскому и казанскому губернаторамъ увѣдомленія о невозможности идти къ Оренбургу.

---

* *Пермскій Сборникъ* 1859 года, ч. I, стр. 48.

Digitized by Google

Объяснялъ онъ это большими снѣгами, затруднительностью двигаться по линіи на которой, за сожженіемъ Башкирцами промежуточныхъ форпостовъ, переходы сдѣлались даже болѣе 70 верстъ, и наконецъ опасеніемъ оставить безъ помощи Исетскую провинцію и сибирскія границы, для прикрытія которыхъ онъ не дѣлалъ между тѣмъ никакихъ распоряженій. Странность дѣйствій де-Колонга усилилась еще тѣмъ что онъ, уходя съ Сибирской линіи, неизвѣстно съ какою цѣлью, предписалъ частнымъ начальникамъ не дѣлать никакихъ, куда бы то ни было, донесеній о происшествіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ * и тѣмъ лишилъ сибирскаго губернатора возможности дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Всѣми своими дѣйствіями или, лучше сказать, бездѣйствіемъ въ то время когда можно и должно было энергически препятствовать развитію мятежа, генералъ де-Колонгъ доказалъ полную свою неспособность командовать войсками, и именно къ его винѣ должно быть отнесено допущеніе Башкирцевъ къ разграбленію горныхъ заводовъ, укрѣпленій на линіяхъ и многихъ жительствъ въ Исетской провинціи.

Въ его распоряженіи, за исключеніемъ отряда генералъ-маіора Станиславскаго, стоявшаго тоже въ бездѣйствіи въ Орской крѣпости, были: двѣ легкія полевыя команды, одна гарнизонная рота Тобольскихъ баталіоновъ, двѣ рекрутскія роты и 150 казаковъ **; въ подкрѣпленіе къ нему шли еще двѣ полевыя легкія команды съ двумя гарнизонными ротами и двумя орудіями. Будь на его мѣстѣ дѣятельный и способный генералъ, онъ, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы успокоить край и не далъ бы развиться мятежу. У генераловъ Мансурова и князя Голицына было немногимъ болѣе войскъ, а между тѣмъ они не только вездѣ разбивали непріятеля, но въ то же время заготовляли огромные запасы продовольствія и фуража и конвоировали ихъ по направленію къ Оренбургу, де-Колонгъ же боялся выйти изъ Верхояицкой крѣпости.

Прибывъ въ Казань и узнавъ о таковомъ положеніи дѣлъ, главнокомандующій, по неимѣнію войскъ, былъ въ невозможности принять какія бы то ни было мѣры къ усмиренію мятежа въ Башкиріи и сопредѣльныхъ съ нею провинціяхъ, но

---

* Дѣло подъ № 104 (А), и Гротъ *Бумаги Бибикова*, стр. 63.

** То же дѣло, рапортъ де-Колонга къ Бибикову отъ 14го декабря 1773 года.

Digitized by Google

разчитывая что за пораженіемъ Пугачева подъ Оренбургомъ мятежъ безъ сомнѣнія прекратится, предписалъ де-Колонгу съ находящимися у него войсками немедленно идти къ Оренбургу. Тотчасъ же послѣ отправленія этого приказанія, въ Казани получено было отъ де-Колонга донесеніе, отъ 14го декабря, въ которомъ онъ положительно объяснялъ о невозможности идти къ Оренбургу; тогда А. Н. Бибиковъ поручилъ ему озаботиться защитою Исетской провинціи и горныхъ заводовъ Екатеринбургскаго вѣдомства.

Бибиковъ тогда не зналъ де-Колонга, судя о немъ лишь по первымъ полученнымъ свѣдѣніямъ, а потому разчитывалъ еще на успѣшныя его дѣйствія; только въ послѣдствіи, въ мартѣ 1774 года, рѣшился онъ просить о его замѣнѣ другимъ генераломъ, но вскорѣ умеръ, и о де-Колонгѣ вновь забыли. *

Число казаковъ набранныхъ по распоряженію воеводы Веревкина дошло до 1.300; они частью были собраны въ Челябинскѣ, а частью расположены на передовыхъ линіяхъ еще прежде появленія пугачевцевъ. 3го января 1774 года, Башкирцы подъ начальствомъ пугачевскаго полковника Грязнова заняли слободу Харламову, на другой день слободу Кундравинскую, а 5го числа овладѣли безъ сопротивленія Чебаркульскою крѣпостью. Вездѣ ихъ встрѣчали священники, жители и крестьяне-казаки, которые при появленіи мятежниковъ переходили на ихъ сторону; бывшій въ слободѣ Кундравинской казачій начальникъ поручикъ Максимъ уговаривалъ было ихъ на сопротивленіе непріятелю, но поплатился за это жизнью—былъ повѣшенъ Башкирцами за желобъ и удавленъ. **

Входя въ деревню, бунтовщики жгли всѣ конторскія дѣла, захватывали соляные и винные сборы, а жителей приводили въ подданство, заставляя ихъ присягать императору Петру III. Всѣ желавшіе поступить въ шайку пугачевцевъ надѣвали черезъ правое плечо кусокъ бѣлаго полотна. Спокойная часть населенія была въ сильномъ страхѣ, нѣкоторые даже бросили свои жилища и явились съ пожитками въ Челябу.

---

* Сама императрица была не высокаго мнѣнія о де-Колонгѣ. Вотъ что она писала Бибикову 7го марта 1774 года: „Весьма опасаюся чтобы де-Колонгъ, если на него устремятся, не ударилъ бы лицомъ въ грязь. Мнѣ кажется что онъ ни на себя, ни на людей своихъ надежды не имѣетъ, ни они на него."

** *Чт. Имп. Об. при Моск. Ун.* 1859, кн. I, *Смѣсь* стр. 22.

Занявъ Чебаркуль, гдѣ въ день Богоявленія, 6го января, совершенъ былъ крестный ходъ на воду съ провозглашеніемъ на ектиньѣ имени императора Петра III, Грязновъ стоялъ всего въ одномъ переходѣ отъ Челябинска.

Челябинская крѣпость, построенная въ 1736 году на обоихъ берегахъ рѣки Міаса, окружена была валомъ съ деревяннымъ заплотомъ и имѣла по угламъ башни. Хотя крѣпостца и была главнымъ пунктомъ Исетской провинціи, но гарнизонъ ея былъ самый ничтожный — человѣкъ въ тридцать инвалидовъ. Воевода Веревкинъ, организуя изъ крестьянъ казаковъ, оставилъ въ Челябѣ шесть орудій, отправленныхъ изъ Омска въ подкрѣпленіе де-Колонга, подъ конвоемъ рекрутской роты изъ Троицкой крѣпости; сверхъ того пришла въ городъ рекрутская рота изъ Тобольска, и составилась еще одна рота изъ мѣстныхъ рекрутъ только-что бывшаго набора. Всѣхъ рекрутъ было до 300 человѣкъ. Мѣстное купечество тоже вооружило нѣсколькихъ людей на свой счетъ. Но пока мѣстныя власти готовились къ отпору пугачевцевъ, измѣна закралась въ Челябу *.

Во время заутрени 5го января, челябинскіе казаки, собравшись въ числѣ до 200 человѣкъ подъ начальствомъ своего атамана Уржумцева и хорунжаго Невзорова, бросились на орудія стоявшія на площади и на воеводскій домъ; часовой при орудіяхъ и воеводская прислуга были убиты; самого Веревкина, бывшаго съ нимъ регистратора Аѳанасья Колесникова, живщую въ домѣ воеводы сироту благородную дѣвицу Благово и вдову прокуроршу Гуляеву вытащили на улицу, били ружейными прикладами и пинками и за волосы поволокли въ войсковую избу. Развезя по улицамъ орудія, казаки готовились уже стрѣлять, но тутъ подоспѣла артиллерійская прислуга, которая съ помощью рекрутскихъ ротъ разогнала бунтовщиковъ.

Воеводѣ Веревкину вѣроятно пришлось бы поплатиться жизнью въ войсковой избѣ, еслибы къ ней не были подвезены заряженныя орудія. Захваченные въ расплохъ казаки бросились бѣжать; нѣкоторые были схвачены, а Невзоровъ успѣлъ скрыться. Онъ бѣжалъ къ Грязнову, котораго встрѣтилъ 7го января уже на дорогѣ изъ Чебаркуля къ Челябѣ, съ большою партіей Башкирцевъ и Русскихъ людей, при 12 орудіяхъ; изъ

* Дѣло подъ № 104 (А), рапорты де-Колонга отъ 22го декабря и 22го января. Рапортъ Бибикова № 4 и *Перм. Сбор.* 1859, ч. 1, отд. 1 стр. 49.

Digitized by Google

нихъ пять было взято въ Харламовой слободкѣ, а семь Грязновъ привезъ съ собою отъ Пугачева.

Въ виду Челябинска, Грязновъ выстроилъ свой отрядъ, приказавъ передавшимся къ нему казакамъ разсылаться по одиночкѣ вокругъ крѣпости, на возвышеніяхъ, чтобы напугать гарнизонъ значительностью своихъ силъ; но хитрость не удалась. Изъ города былъ открытъ огонь, и пугачевцы, не отважившись на приступъ, отступили.

На другой день хорунжій Невзоровъ подъѣхалъ къ самой крѣпости и уговаривалъ часовыхъ сдать городъ и отворить ему ворота; тѣ, сдѣлавъ видъ что убѣдились его доводами, отворили ворота, но какъ только Невзоровъ вошелъ въ городъ, схватили его и представили воеводѣ.

9го января Грязновъ вновь атаковалъ Челябинскъ, и несмотря на то что толпа его въ тотъ день была усилена 400 крестьянъ, пришедшихъ съ двумя пушками съ Кыштымскаго завода, вторично былъ отбитъ.

Узнавъ о происшествіяхъ подъ Челябинскомъ и о задержкѣ тамъ шедшихъ къ нему подкрѣпленій, де-Колонгъ выступилъ въ Челябу * „для забранія къ соединенію со мной, удержанной исецкимъ воеводой, господиномъ статскимъ совѣтникомъ Веревкинымъ, слѣдующей изъ Омской крѣпости полевой артиллеріи и отправленной для конвоированія оной изъ Троицкой вооруженной рекрутской роты“. Какіе бы ни были поводы къ движенію, во всякомъ случаѣ хорошо уже было и то что де-Колонгъ вышелъ съ своимъ отрядомъ изъ бездѣйствія; слѣдуя внутрь Исетской провинціи, онъ могъ что-нибудь сдѣлать для ея успокоенія.

На дорогѣ онъ получилъ увѣдомленія о дѣйствіяхъ мятежниковъ, и ускоривъ свое движеніе, написалъ къ воеводѣ, прося держаться въ Челябѣ до его прибытія. Почта съ которой было отправлено это письмо попалась въ руки пугачевцевъ, и они узнали о движеніи войскъ на помощь Челябѣ. Если имъ и прежде не удалось взять крѣпость, то съ прибытіемъ сибирскихъ войскъ это дѣлалось положительно невозможнымъ, а потому Грязновъ уѣхалъ собирать новыя силы, а подъ Челябинымъ оставилъ однихъ Башкирцевъ, приказавъ имъ всячески стараться воспрепятствовать слѣдованію сибирскаго корпуса. 13го января де-Колонгъ вошелъ въ Челябу, разогнавъ Башкирцевъ, два раза встрѣчавшихъ его выстрѣлами.

* Дѣло № 104 (А); рапортъ де-Колонга отъ 22го января 1774 года

Въ рапортѣ отъ 16го января, * донося главнокомандующему о прибытіи въ Челябу, де-Колонгъ между прочимъ говоритъ: „писалъ я Екатеринбургскихъ заводовъ главному командиру господину полковнику Бибикову, съ тѣмъ что ежели тамъ въ окрестностяхъ отъ злодѣевъ настоитъ опасность, тотчасъ бы ко мнѣ далъ знать, почему я и туда съ войсками своими на защищеніе прибытіемъ своимъ ускорить не оставлю".

Казалось бы что послѣ такого обѣщанія можно было ожидать что на будущее время генералъ де-Колонгъ будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе, но на дѣлѣ оказалось не то. Когда полковникъ Бибиковъ, описывая затруднительное положеніе Екатеринбургскаго вѣдомства, просилъ его прибыть туда на помощь, де-Колонгъ отказался и донося объ этомъ генералъ-аншефу Бибикову, отъ 22го января, говоритъ что на дняхъ, по слухамъ, ожидается къ Челябинску Грязновъ съ новыми силами, а потому оставить крѣпость, на произволъ бунтовщикамъ, невозможно. Для подкрѣпленія же Екатеринбурга приказалъ идти туда командированнымъ изъ Сибири двумъ гарнизоннымъ ротамъ при двухъ орудіяхъ, подъ командой майора Фишера, и 12 легкой полевой командѣ, подъ начальствомъ майора Жолобова. ** Словомъ, въ Челябинскѣ де-Колонгъ дѣлалъ то же самое что̀ и въ Верхояицкой, то-есть стоялъ въ полномъ бездѣйствіи, усиливая тѣмъ дерзость и самонадѣянность пугачевцевъ, которые разбредясь по всѣмъ сторонамъ разсѣевали возмутительные манифесты самозванца и поднимали легкомысленную чернь. Крѣпость Міасская и вся линія Челябинскаго дистрикта приняли сторону мятежниковъ; Корачельскій форпостъ и село Воскресенское, не вдалекѣ отъ Окуневскаго пригородка, были взяты; окуневскій управитель, не полагая устоять противъ мятежниковъ, забравъ изъ Окуневска казну, пушки и канцелярію, ушелъ въ Шадринскъ.

Въ то время когда генералъ-поручикъ де-Колонгъ, располагавшій значительными военными средствами, бездѣйствовалъ въ Челябинскѣ и былъ празднымъ свидѣтелемъ возстанія всей Исетской провинціи, небольшія воинскія команды, ничтожныя въ сравненіи съ его силами, побѣдносно боролись съ

* Тамъ же.

** 12 легкая полевая команда была выслана изъ Усть-Каменогорска, а двѣ роты изъ Петропавловска. Донесеніе генералъ-майора Скалона главнокомандующему. Дѣло подъ № 104 (А).

Digitized by Google

мятежниками въ Екатеринбургскомъ горномъ вѣдомствѣ и нанеся неприятелю нѣсколько послѣдовательныхъ одинъ за другимъ ударовъ, совершенно обезопасили весь край и Екатеринбургъ, и даже подъ конецъ пришли на выручку тѣхъ мѣстъ которыя были оставлены де-Колонгомъ по невозможности защищать ихъ отъ мятежническихъ шаекъ.

Въ главѣ II сказано что шайки пугачевцевъ, разоривъ въ концѣ декабрѣ 1773 года нѣсколько частныхъ горныхъ заводовъ около Кунгура, овладѣли между прочимъ Аннинскимъ казеннымъ заводомъ и готовились овладѣть самымъ Кунгуромъ, главнымъ городомъ Пермской провинціи, лежавшимъ на трактѣ къ Екатеринбургу и далѣе въ Сибирь. Взятіе Кунгура могло имѣть гибельныя послѣдствія для края; главнокомандующій зналъ это, но у него не было ни одного свободнаго солдата для отправленія на помощь угрожаемому Кунгуру. По необходимости городъ долженъ былъ обороняться собственными средствами.

Средства эти заключались въ восьми большихъ и малыхъ пушкахъ, изъ которыхъ по неимѣнію пороха и ядеръ нельзя было стрѣлять. Воевода Миллеръ бросилъ городъ на произволъ судьбы при полученіи первыхъ извѣстій о появленіи за Камой пугачевцевъ. Тогда же пермской провинціальной канцеляріи присутствующіе и секретари, „оставя всѣ свои порученныя должности и налично имѣвшуюся въ обоихъ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ денежную многотысячную казну, а притомъ и содержащихся колодниковъ, не давъ о томъ никому, ниже и остающемуся тогда одному здѣшнему магистрату знать, невѣдомо куда изъ города Кунгура, миновавъ учрежденные караулы, объѣздными дорогами выѣхали“. * Товарищъ воеводы, Иванъ Кудрявцевъ, былъ тогда въ городѣ Соликамскѣ по дѣламъ службы, такъ что въ городѣ остался одинъ только магистратъ, и онъ-то, вмѣстѣ съ купечествомъ и обывателями, сталъ принимать мѣры къ отпору пугачевцевъ, прося помощи у Башмакова съ Юговскаго завода и у полковника В. Бибикова изъ Екатеринбурга.

Кунгуръ, расположенный при впаденіи рѣки Ирени въ Сылку, тотчасъ же обнесенъ былъ „въ необходимыхъ и опасныхъ мѣстахъ лѣсными заплотами“, снѣжными валами и батареями, которыя вооружили пушками какъ находившимися въ городѣ, такъ и доставленными отъ купцовъ, а „для пальбы канонерами

* *Перм. Сборн.* 1860, кн. II, отд. I, стр. 10.

Digitized by Google

изъ отставныхъ, kakie сыскаться могли, удостоены и для большей устрашимости изъ посадскихъ молодыхъ и проворныхъ людей нѣкоторое число конными гусарами обнаряжены и совсѣмъ къ отраженію тѣхъ злодѣевъ пріуготовлены и по пикетнымъ карауламъ къ очередованію и разъѣздамъ по пропорціи разставлены". *

Башмаковъ, будучи не въ силахъ помочь Кунгуру войсками, отрядилъ управителей Юговскаго и Аннинскаго заводовъ берхгешворена Никонова и шихтмейстера Яковлева съ нѣсколькими приказнослужителями ** для разсѣянія шатавшихся въ окрестностяхъ заводовъ мятежниковъ, а въ самый Кунгуръ командировалъ состоявшаго при немъ горнаго офицера шихтмейстера (поручика) Алексѣя Солнопекова, поручивъ ему, по совѣту съ городовымъ магистратомъ, вывести изъ города содержавшихся въ немъ колодниковъ на Кушвинскій заводъ, что и было исполнено, и такимъ образомъ Кунгуръ избавился людей которые при случаѣ могли нанести ему много вреда. ***

Главныя сборища пугачевцевъ были на рѣкѣ Тулвѣ, гдѣ тулвинскіе Башкирцы и шаквинскіе Татары находились подъ начальствомъ самозваннаго полковника Батыркая Ишкинева, Башкирца изъ тулвинской деревни Барды. 31го декабря 1773 года мятежники овладѣли селеніями Тихвинскимъ и Старопосадскимъ и заняли острожекъ Степановскій. ****

До Кунгура оставалось не болѣе 15ти верстъ. Думая убѣдить Кунгурцевъ къ сдачѣ, Ишкиневъ послалъ туда изъ занятыхъ ими селъ поповъ Ѳедора Иванова и Ивана Лукина съ письмомъ и манифестомъ Пугачева къ городскому протопопу Ивану Пантелеймонову, приказавъ объявить ему чтобы на 1е января всѣ жители Кунгура вышли на встрѣчу его толпы въ селѣ Старопосадскомъ, обѣщая за это миръ.

Письмо это оставлено магистратомъ втайнѣ, чтобы не взволновать народъ и не дать повода легковѣрнымъ къ измѣнѣ, а присланные попы посажены подъ караулъ. Городскіе обыватели были собраны и имъ строжайше объявлено: „чтобъ они во

---

* *Перм. Сборн.* 1860 кн. II, отд. I; донесеніе Кунгурскаго магистрата казанскому губернатору, стр. 13.

** *Перм. Сборн.* 1859, кн. I, отд. I, стр. 89.

*** *Перм. Сборн.* за 1860, кн. II, стр. 12. Кушвинскій заводъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ на трактѣ отъ Оренбурга до Верхотурья.

**** Тамъ же, стр. 13.

время вышеписанной злодѣйской толпы на городъ нападенія, по долгу своей присяги и вѣрноподданнической къ ея императорскому величеству службы, противу тѣхъ злодѣевъ имѣли всѣми силами крѣпкій отпоръ и супротивленіе, стараясь до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, безъ всякой робости и трусости". *

Вскорѣ послѣ этого пугачевцы подошли подъ самый городъ, дѣлая „грабежи и великія разоренія, а женамъ беззаконныя насилія, а гражданамъ неописуемыя о сдачѣ города устрашенія". Для одушевленія гражданъ, Солнопековъ приказалъ сдѣлать поискъ, на который вышли 50 человѣкъ снаряженныхъ городомъ гусаръ и казаки горнаго начальства.

Городскимъ ополченіемъ управляли Емельянъ и Пантелеймонъ Хлѣбниковы, сыновья президента Кунгурскаго магистрата. Пугачевцы видя рѣшимость Кунгурцевъ не дѣлали на нихъ нападенія.

4го января возвратились въ Кунгуръ бѣжавшія было изъ него власти ** и въ тотъ же день прибылъ изъ Екатеринбурга посланный отъ полковника Бибикова подпоручикъ Посоховъ съ двумя орудіями, пятью пудами пороху и сотней оружейныхъ казаковъ; а къ тому же явилось нѣсколько вооруженныхъ доброжелательныхъ кунгурскихъ крестьянъ. Городъ сталъ вѣрить въ возможность защиты, и когда въ тотъ же день, 4го января, часа въ три пополудни Пугачевцы подступили было къ городу, то ихъ встрѣтили выстрѣлами изъ орудій и отбили, а подпоручикъ Посоховъ бросился ихъ преслѣдовать съ своею конницей и съ немалымъ числомъ городовыхъ казаковъ. Верстъ десять продолжалось преслѣдованіе, бунтовщики вездѣ бѣжали, но къ несчастію это отважное дѣйствіе Кунгурцевъ окончилось печально. Подпоручикъ Посоховъ попалъ въ засаду и былъ убитъ, съ нимъ убито: одинъ посадскій и два екатеринбургскіе казака, одинъ раненъ и пять взято въ плѣнъ. Пугачевцы оправясь отъ погони вновь подошли къ городу, но пушечные выстрѣлы съ передовыхъ пикетовъ остановили ихъ, и въ сумерки они скрылись въ подгорныя селенія.

Кунгуръ былъ въ большой опасности и неизвѣстно чѣмъ бы

---

* *Перм. Сборн.* 1860 г. стр. 15.

** Они скрывались въ Чусовскихъ городкахъ Строгановыхъ и возвратились оттуда получивъ отъ майора Попова извѣщеніе о его движеніи къ Кунгуру.

Digitized by Google

окончилось дѣло, несмотря на храбрость его гражданъ, еслибъ онъ не получилъ совершенно неожиданную помощь. Въ декабрѣ 1773 года, вышелъ изъ Кунгура въ Казань, Казанскаго гарнизоннаго батальйона секундъ-майоръ Александръ Васильевичъ Папавъ съ рекрутами, поступившими по набору въ Пермской провинціи.

На дорогѣ, въ селѣ Мумы, онъ узналъ о грозившей Кунгру опасности. Въ Казани въ это время уже были войска высланныя изъ Москвы и особенной надобности въ рекрутахъ для нея не было, а потому отправивъ въ Казань съ капитаномъ Рылеевымъ часть своей партіи, съ остальными 386 рекрутами и 12 вооруженными солдатами, бывшими въ конвоѣ при партіи, секундъ-майоръ Папавъ возвратился для защиты Кунгура. * Войдя въ городъ, 6го января 1774 года, онъ тотчасъ же выказалъ всю свою дѣятельность и распорядительность.

Съ опытностью человѣка ознакомленнаго съ военною частью, онъ придалъ всѣмъ распоряженіямъ магистрата необходимое единство и практичность. Начальниками передовыхъ пикетовъ назначены были: воеводскій товарищъ, прокуроръ горнаго начальства капитанъ Поповъ, бургомистры и ратманы. Воевода Миллеръ долженъ былъ находиться въ городѣ, имѣя у себя для передачи приказаній, прибывшаго съ Папавымъ, капитана Буткевича. Жители созваны на сходъ и имъ прочтеты:

---

* Во всѣхъ видѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ, какъ напримѣръ донесеніяхъ генералъ-аншефа Бибикова и Кунгурскаго магистрата, штабъ-офицеръ этотъ называется не Поповъ, а Папавъ, причемъ надо замѣтить что въ тѣхъ же бумагахъ говорится о его подчиненномъ горномъ капитанѣ Поповѣ, а слѣдовательно нельзя допустить орѳографической ошибки. Къ сожалѣнію, въ архивѣ главнаго штаба военнаго министерства невозможно было найти о немъ никакихъ свѣдѣній. А. И. Бибиковъ пишетъ о немъ слѣдующее: „Собственно я не имѣлъ случая узнать и въ лицо г. Попова и здѣсь уже его не засталъ; онъ еще до прибытія моего въ Кунгуръ для набора рекрутъ былъ командированъ; въ Казани знатоковъ на него нѣтъ, ибо онъ прошедшею только осенью изъ первой арміи прибылъ, отставленъ будучи въ здѣшніе гарнизоны. По формулярному же списку считается отъ роду ему 39 лѣтъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ службѣ съ 1753 года.“ (Гротъ, *Бум. Бибикова*, стр. 60). Въ документахъ напечатанныхъ въ *Пермскомъ Сборникѣ* фамилія его вездѣ пишется тоже Папавъ, этого придерживаемся и мы. Желательно было бы чтобъ это недоразумѣніе разъяснилось.

Digitized by Google

Высочайшій манифестъ, обыкновенная присяга и увѣщаніе епархіальнаго начальства. Самъ же секундъ-майоръ Палавъ, роздавъ своимъ рекрутамъ ружья и обучивъ ихъ только заряжанію, былъ готовъ отразить непріятеля съ какой бы стороны тотъ ни подошелъ къ городу.

Распоряженія майора Палава столь интересны что о нихъ слѣдуетъ сказать подробнѣе. Онъ понялъ что прежде всего слѣдовало обратить вниманіе на сохраненіе порядка въ городѣ и на недопущеніе въ немъ суматохи во время непріятельскаго приступа. Выписываемъ нѣсколько словъ изъ его объясненія поданнаго въ Пермскую провинціанальную канцелярію, горное начальство и магистратъ: *

„Господинъ воевода, какъ хозяинъ и первое занимаетъ въ провинціи и городѣ мѣсто, благоволитъ приказать чрезъ полицію чтобы во всемъ городѣ была тишина; шумъ и пѣсни, особливо по ночамъ, совсѣмъ должны быть прекращены, и не только по бекетамъ и вокругъ города, но и вездѣ внутри по улицамъ посылать дозоры, чтобы праздно въ ночи никто не шатался, а всего лучше если заблагоразсуждено будетъ, къ общественной пользѣ и всѣхъ цѣлости, питейнымъ домамъ продажу вина и другихъ напитковъ запрещать.

„Какъ отъ обошедшихъ вокругъ города злодѣевъ частыя бываютъ тревоги и изъ оныхъ къ одному только бекету и то малое число, единственно для высматриванія подъѣзжаютъ, а во всемъ городѣ великое оттого происходитъ смятеніе и безпокойство, то во избѣжаніе таковыхъ колебаній, ежели разсудится, поступать при томъ такимъ образомъ: когда противъ котораго бекету злодѣи станутъ показываться, командиръ изготовясь оружіемъ къ принятію, ту жь самую минуту даетъ знать господину воеводѣ, который чтобъ одни только вокругъ города бекеты изготовились, приказываетъ ударить въ большой колоколъ нѣсколько разъ, а ежели на два или больше бекета подъѣздъ показываться началъ и, отъ тѣхъ бекетовъ дойдутъ до него извѣстія, тогда бить въ набатъ на всѣхъ колокольняхъ; почему къ преумноженію силъ на всѣхъ постахъ, съ крайнимъ поспѣшеніемъ назначенные бѣгутъ съ своимъ изъ домовъ и квартиръ оружіемъ. А что касается по ночамъ, то какъ за темнотой увидѣть не можно, на одинъ ли только бекетъ стремленіе происходитъ, то по полученному съ перваго бекета извѣстію о приближеніи злодѣйскомъ, по мнѣнію моему, должно уже повсюду въ набатъ ударить.

„Когда злодѣевъ вокругъ города видно не будетъ, то вышеписанные господа командиры могутъ въ своихъ квартирахъ

* Дѣло подъ № 104 (А); это же объясненіе напечатано въ *Пермск. Сбор.* 1860 года, кн. II, стр, 1.

Digitized by Google

и аходиться, осматривая однако въ день почасту, въ точной ли готовности его подчиненные люди находятся и все ль у нихъ оружіе въ исправности состоитъ; а въ ночи, хотя бъ и не было тревоги, неотходно быть при своихъ мѣстахъ, и тамъ ночевать, а если кто отъ своего посту при тревогѣ умышленно отлучится, то сочтенъ будетъ ея императорскимъ величествомъ измѣнникомъ и не достоинъ тѣмъ называться что онъ теперь есть, какъ и за то, если ища покою и страшась смерти, скажется при нынѣшнемъ случаѣ больнымъ.“

Такимъ образомъ, благодаря распорядительности секундъ-майора Папава, въ Кунгурѣ было водворено спокойствіе, и жители ждали непріятеля не со страхомъ, а съ увѣренностью дать должный отпоръ и не дозволить ему ворваться въ городъ. Еслибы при началѣ безпокойствъ въ Оренбургской и Казанской губерніяхъ было тамъ побольше такихъ добросовѣстныхъ исполнителей своего дѣла какъ Папавъ, то, безъ сомнѣнія, мятежъ не могъ бы усилиться, и край не былъ бы преданъ разграбленію.

9го числа, въ первомъ часу пополудни, пугачевцы въ большихъ силахъ подъѣхали къ городу съ трехъ сторонъ, по дорогамъ Осинской, Казанской и Сибирской, крича по-русски: „что де почто себя и насъ мучите? ибо де мы хотимъ мирно съ вами быти, только де вышлите къ нашему полковнику воеводу и другихъ начальниковъ, а городъ де сдайте!“ Майоръ Папавъ сдѣлалъ вылазку къ сторонѣ Сибирской дороги и послѣ незначительной перестрѣлки прогналъ нападавшихъ. Кунгурскій магистратъ, сознавая что противъ пугачевцевъ необходимо дѣйствовать наступательно, а не ограничиваться одною пассивною обороной, еще до прибытія Папава просилъ воеводу дѣлать поиски противъ шаекъ собравшихся вокругъ города. Папавъ одобрилъ это мнѣніе, и 11го января самъ вышелъ изъ города съ двумя орудіями и значительнымъ числомъ пѣхоты и кавалеріи для занятія селеній лежащихъ по рѣкѣ Иргени. Пугачевцы встрѣтили его толпой человѣкъ въ 500 съ восемью знаменами. Отбросивъ ихъ назадъ, Папавъ очистилъ деревни Неволину и Шубину, перешелъ на правый берегъ Иргени и черезъ деревню Новую, занятую тоже мятежниками, возвратился въ Кунгуръ съ семью плѣнными и трофеями, въ числѣ которыхъ были: знамя, барабанъ, двое желѣзныхъ латъ и 13 лошадей; войска же потеряли легко ранеными трехъ городскихъ конныхъ обывателей. *

* Журналъ, какимъ образомъ сего 1774 года злодѣйская башкирская и другихъ народовъ толпа дѣлала на городъ Кунгуръ нападеніе

Digitized by Google

15го числа, получивъ извѣстіе что пугачевцы, собравшись у Покровскаго острожка и села Комарова, полагаютъ соединиться между собою и напасть на городъ, Папавъ скрытно вышелъ изъ Кунгура и занялъ сел. Кишертъ, откуда могъ ударить на мятежниковъ съ тыла. Однако нападенія на городъ не было; тогда маіоръ Папавъ двинулся на село Усть-Кишертъ, разбилъ встрѣтившуюся ему толпу въ 600 человѣкъ, и отправивъ за ней въ погоню капитана Буткевича, самъ съ частью своего отряда пошелъ въ дер. Пизскую (въ 3½ верстахъ отъ Усть-Кишерти) и разсѣялъ ушедшихъ туда 250 Башкирцевъ и сибирскихъ казаковъ.

При этихъ дѣйствіяхъ пугачевцы потеряли убитыми: Башкирцевъ и Русскихъ 40 чел., плѣнными 246 чел. и добровольно сдалось 15; разной величины орудій взято 5 и много снарядовъ и пороху. Съ нашей стороны легко раненъ одинъ посадскій. Раздраженные неудачей, Башкирцы 23го января атаковали Кунгуръ съ двухъ сторонъ; одна толпа, имѣя при себѣ 6 орудій, напала со стороны Екатеринбурга, между рѣками Иргенью и Сылвою, а другая съ сѣверо-запада, отъ села Крестовоздвиженскаго (въ четырехъ верстахъ отъ города), но были отбиты. Точно также отбитъ былъ 24го января сдѣланный ими приступъ на западную и сѣверную стороны города отъ села Крестовоздвиженскаго и рѣки Сылвы. Испытавъ и эти неудачи, мятежники всѣми силами заняли Ильинскій острожекъ (Ординское) и Сабарское село, лежащее на дорогѣ въ Екатеринбургъ.

Главнокомандующій, донося императрицѣ о дѣйствіяхъ Папава подъ Кунгуромъ, говоритъ: „сей маіоръ есть первый изъ всѣхъ понынѣ мнѣ извѣстныхъ гарнизонныхъ офицеровъ который должность свою дѣлаетъ какъ вѣрному вашей императорской величеству подданному и расторопному офицеру надлежитъ.“ * Папавъ былъ произведенъ въ подполковники, а купцу Хлѣбникову, президенту Кунгурскаго магистрата, пожалована была шпага. Оборона Кунгура составляетъ одинъ изъ немногихъ примѣровъ благоразумной дѣятельности провинціальныхъ властей во время Пугачевщины.

Въ то самое время когда секундъ-маіоръ Папавъ оконча-

и оная съ какимъ пораженіемъ отбита. Дѣло подъ № 104 (А), приложеніе къ рапорту Бибикова № 7.

* Дѣло подъ № 104 (А), рапортъ Бибикова № 7.

Digitized by Google

тельно разсѣялъ подъ Кунгуромъ мятежниковъ, къ городу, 25го января, прибылъ командированный ему на помощь главнокомандующимъ изъ Казани премьеръ-майоръ Гагринъ. Изъ Казани Гагринъ вышелъ съ отрядомъ изъ двухсотъ человѣкъ Владимірскаго пѣхотнаго полка и двухъ полковыхъ орудій; на пути Башмаковъ далъ ему 60 юговскихъ казаковъ и 200 крестьянъ изъ села Мулловъ. Въ Кунгуръ Гагринъ вступилъ съ отрядомъ въ 460 человѣкъ и сверхъ того привезъ ружья для вооруженія рекрутовъ Палава. *

Хотя Кунгуръ и былъ отстоянъ майоромъ Папавымъ, но его окрестности весьма пострадали; кунгурскіе купцы и живущіе въ уѣздѣ посадскіе люди разнымъ имуществомъ разграбленнымъ пугачевцами потеряли на сумму 4.393 р. 76 к. Въ захваченной Красноуфимской крѣпости и Мѣдянскомъ острожкѣ бунтовщики изъ Башкирцевъ, Русскихъ и Мещеряковъ, подъ начальствомъ пугачевскаго полковника Салавата Юлаева, взяли орудія, порохъ и ружья и солянаго сбору деньгами 3.987 р. 55 к. *

Многіе заводы, какъ-то: Уткинскій, Билимбаевскій, Шайтанскій, Васильевскій, Редвинскій и другіе лежащіе въ окрестностяхъ Екатеринбурга, были во власти пугачевцевъ. Предводитель ихъ, отставной солдатъ Бѣлобородовъ, грабилъ по всѣмъ направленіямъ и наводилъ ужасъ на все пространство подчиненное горному вѣдомству.

Положеніе Екатеринбурга, угрожаемаго со всѣхъ сторонъ мятежниками, тѣмъ болѣе было опасно что въ немъ не было согласія между властями. Главный начальникъ заводовъ, полковникъ В. Бибиковъ, согласно даннымъ ему инструкціямъ изъ Казани, требовалъ чтобы къ составленному имъ отряду изъ вооруженныхъ заводскихъ крестьянъ была присоединена команда состоящая при управленіи золотыми промыслами, но завѣдующій ими надворный совѣтникъ Рооде отказался исполнить это требованіе и, вполнѣ увѣренный въ правотѣ своего дѣла, донесъ объ этомъ главнокомандующему, объясняя въ доношеніи что внутри города Екатеринбурга нѣтъ никакого порядка и что команда полковника Бибикова до того распущена что онъ, Рооде, въ ночное время обобралъ всѣ ружья

* *Пермск. Губ. Вѣд.* 1869 № 59.

** *Пермск. сбор.* 1860, кн. II, отд. 1, стр. 21.

Digitized by Google

у солдатъ, стоящихъ въ караулѣ на гаубтвахтѣ при домѣ главнаго командира. * Вся эта неурядица опечалила главнокомандующаго и онъ строго предписалъ Рооде и всѣмъ вообще чинамъ правленія быть въ полномъ повиновеніи полковника Бибикова, а сему послѣднему приказалъ, по прибытіи въ Екатеринбургъ майора Гагрина, поручить въ его команду всѣ находящіяся въ Екатеринбургѣ средства горнаго вѣдомства. Де-Колонгъ, какъ мы уже видѣли выше, направилъ въ Екатеринбургъ 12 легкую полевую команду и двѣ гарнизонныя роты.

Силы пугачевцевъ съ каждымъ днемъ увеличивались, а какъ майоры Папавъ и Гагринъ не имѣли никакой надежды на усиленіе своихъ командъ, то и рѣшились, не теряя напрасно времени, идти для разбитія главныхъ непріятельскихъ шаекъ.

Съ этою цѣлью, 29го января, давъ нѣсколько отдохнуть своимъ уставшимъ войскамъ, оба они выступили изъ Кунгура къ селамъ Саборѣ и Ординскому (Ильинскій острожекъ), гдѣ находились мятежники въ числѣ 2.000 человѣкъ. Сраженіе было упорное, но однако пугачевцы бѣжали, оставивъ побѣдителямъ 18 орудій, много снарядовъ и 62 человѣка плѣнныхъ. Убитыхъ насчитано на полѣ сраженія 50, многихъ же, по своему обыкновенію, мятежники увезли съ собою. Войска пострадали мало, потерявъ—убитыми 4, ранеными 12 человѣкъ; „причемъ и майоръ Гагринъ раненъ дробиною въ ногу, но рану свою считаетъ не опасною и не препятствующею ему продолжать поиски надъ злодѣями.“ **

Мятежники отошли нѣсколько назадъ и, намѣрсваясь вновь сдѣлать покушеніе на Кунгуръ, начали сбирать шайки въ окрестностяхъ занятой ими крѣпостцы Красноуфимской. ***

Майоръ Гагринъ, имѣя уже въ это время приказаніе главнокомандующаго слѣдовать къ Екатеринбургу, оставилъ въ Кунгурѣ подполковника Папава съ половиной общей ихъ команды, а съ остальными войсками **** пошелъ на Красноуфимскъ.

---

* Дѣло подъ № 104 (А); приложеніе къ рапорту № 15.

** Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ № 9.

*** Нынѣ Красноуфимскъ уѣздный городъ Пермской губерніи.

**** Въ дѣлѣ № 104 (А) нѣтъ указаній о составѣ отряда майора Гагрина, но въ донесеніи главнокомандующаго отъ 2го марта 1774 за № 13 сказано что за выступленіемъ Гагрина къ Екатеринбургу, остался въ Кунгурскомъ уѣздѣ „для охраненія отъ злодѣевъ подполковникъ Папавъ съ другою половиной команды“. У Папава было 398 чел.;

Digitized by Google

Въ деревнѣ Иванковой онъ встрѣтилъ непріятеля и, послѣ упорнаго сраженія, прогналъ его, отбивъ двѣ чугунныя трехъ-фунтовыя пушки и много снарядовъ; но пугачевцы не отказывались еще отъ сопротивленія и засѣли въ Красноуфимскѣ. Атакованная 19го февраля 1774 съ двухъ сторонъ, крѣпостца не могла держаться, и бунтовщики еще разъ побѣжали, преслѣдуемые на разстояніи десяти верстъ двумя командами, посланными Гагринымъ въ погоню „на лошадяхъ". У бѣглецовъ отбито три четырехъ-фунтовыя пушки, въ крѣпости взято пять такихъ же, 300 ядеръ и 216 готовыхъ зарядовъ. Войска въ сраженіяхъ подъ дер. Иванковой и кр. Красноуфимскою потеряли только десять человѣкъ ранеными.

На всемъ пути отъ Красноуфимска до р. Чусовой, Гагринъ не встрѣчалъ никакого сопротивленія, и окрестное населеніе возвращалось въ свои жилища; дойдя же до Чусовой, онъ узналъ что верховья этой рѣки сильно заняты пугачевцами, партія которыхъ человѣкъ въ 500 приготовилась къ оборонѣ въ Нижне-Уткинскомъ, Демидова, заводѣ. Весь заводъ былъ обнесенъ рогатками и снѣговымъ валомъ въ 1½ сажени высоты; на верху вала поставлены туры, а четверо сдѣланныхъ въ оградѣ воротъ защищались пушками. Начальникомъ собравшейся на заводѣ шайки былъ такъ-называемый подполковникъ Петръ Паргачевъ. Бѣлобородовъ въ это время былъ на другихъ заводахъ, и узнавъ о направленіи майора Гагрина къ Уткинскому заводу, собирался идти на помощь къ Паграчеву.

Силы Гагрина были значительно слабѣе шайки занимавшей Уткинскій заводъ, и всякое еще большее усиленіе Паргачева было для него крайне невыгодно, а потому онъ рѣшился не дать пугачевцамъ времени усилиться и соединиться со спѣшившимъ на помощь Бѣлобородовымъ. 26го февраля, отрядя отъ себя команды для занятія дорогъ по которымъ могъ подоспѣть Бѣлобородовъ, Гагринъ штурмомъ взялъ снѣговую ограду,

---

съ Гагринымъ пришло въ Кунгуръ 200 челов., всего 598 челов., слѣдовательно, по смыслу донесенія за № 13, съ Гагринымъ пошло до 300 чел. Вѣроятно къ 200 своихъ солдатъ Владимірскаго полка онъ присоединилъ еще до ста человѣкъ рекрутъ и кунгурскихъ конныхъ обывателей. Это доказывается между прочимъ тѣмъ что въ числѣ 10 раненыхъ изъ его отряда подъ Иванковой и Красноуфимскомъ были: одинъ солдатъ, одинъ рекрутъ и восемь кунгурскихъ обывателей, какъ это показано въ томъ же донесеніи ген-анш. Бибикова.

Digitized by Google

ворвался въ заводъ и погналъ бунтовщиковъ къ Шайтанскому заводу.

Только-что Гагринъ возвратился съ преслѣдованія Царгачева, какъ самъ долженъ былъ обороняться отъ нападенія Бѣлобородова, шедшаго на него „съ превеликимъ крикомъ, при пушечной пальбѣ". Гагринъ встрѣтилъ эту толпу „съ такимъ стремленіемъ что она съ тою же скоростью, съ какою впередъ стремилась, въ бѣгъ обращена, оставя пушки. Воръ Бѣлобородовъ съ малыми людьми насилу бѣгомъ спастись могъ, а пятисотная саранча по узкой дорогѣ частію побита, а большею частію взята."* При обоихъ этихъ дѣйствіяхъ въ войскахъ убито пять и ранено шесть человѣкъ.

Изъ показаній большей части плѣнныхъ, захваченныхъ на Уткинскомъ заводѣ, Гагринъ убѣдился что это были несчастные окрестные жители и заводскіе рабочіе, обольщенные посланцами Пугачева и принимавшіе его дѣйствительно за императора Петра III. Высказываемое ими раскаяніе въ своихъ винахъ навело Гагрина на мысль испытать противъ другихъ мятежническихъ шаекъ мѣры убѣжденія. Выбравъ нѣсколько надежныхъ жителей, извѣстныхъ въ окрестностяхъ, онъ вручилъ имъ манифестъ о Пугачевѣ, письмо и собое отъ себя увѣщаніе къ злодѣйскому начальнику, есаулу Павлу Зубринскому, начальствовавшему надъ шайками занимавшими Шайтанскій заводъ и Илимскую казенную пристань.

Зубринскій принялъ посланныхъ, и собравъ свою шайку, въ которой было до 500 человѣкъ, велѣлъ читать предъ нею манифестъ, „конечно отъ неосторожности", говоритъ главнокомандующій, потому что чтеніе манифеста произвело на присутствующихъ громовое впечатлѣніе. Толпа, слушая правду о Пугачевѣ, очувствовалась отъ своего заблужденія, а когда посланные увѣряли что всѣ добровольно повинившіеся будутъ прощены, то почти всѣ изъявили желаніе покориться и тутъ же задержали хотѣвшаго было бѣжать Зубринскаго и другихъ начальниковъ, главныхъ виновниковъ ихъ заблужденія.

Майоръ Гагринъ, узнавъ о счастливомъ результатѣ своей попытки, отрядилъ отъ себя капитановъ Дурново и Марсошникова, давъ каждому по одному орудію. Команды эти прибыли на Шайтанскій заводъ и Илимскую пристань, гдѣ безъ сопротивленія взяли четыре орудія и 388 покорившихся

* Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ Бибикова № 14.

Digitized by Google

мятежниковъ, въ числѣ которыхъ были и ихъ начальники: самозванные подполковники Сергѣй Шепелевъ и Петръ Паргачевъ, есаулъ Павелъ Зубринскій, сотники Антипъ Менщиковъ и Ѳеодоръ Кощуновъ.

Повинившіеся пугачевцы, по прочтеніи имъ въ другой разъ манифеста и увѣщанія, приведены къ присягѣ и вмѣстѣ съ захваченными прежде на Уткинскомъ заводѣ и въ его окрестностяхъ раздѣлены на три категоріи: виновные въ подстрекательствѣ къ неповиновенію и бунту, или пришедшіе изъ мѣстъ занятыхъ еще пугачевскими шайками были отправлены, въ числѣ 803 человѣкъ, въ Екатеринбургъ; 235 человѣкъ отпущены въ дома и 255 хорошо вооруженныхъ и способныхъ къ военной службѣ были присоединены къ отряду. *

При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ войска отбили: „13 орудій разнаго калибра съ принадлежностями, ядеръ и картечей великое множество. Ружей 62, сабель 140, пикъ великое число".

Майоръ Гагринъ особенно рекомендовалъ главнокомандующему какъ ближайшихъ своихъ помощниковъ Владимірскаго полка капитановъ Марсошникова и Дурново, прапорщика Синбухина и сержанта Звѣрева.

Бѣлобородовъ, потерявъ своихъ приверженцевъ и боясь подвергнуться участи Зубринскаго, бѣжалъ на Уфалѣевскіе заводы, ближе къ границѣ Башкиріи, откуда, въ случаѣ надобности, могъ получить помощь.

Отрядъ Гагрина безостановочно продолжалъ движеніе къ Екатеринбургу.

Полный контрастъ вышеописаннымъ дѣйствіямъ представляли дѣйствія генерала де-Колонга, попрежнему стоявшаго въ Челябѣ. Толпа Башкирцевъ и другихъ приставшихъ къ нимъ людей въ 4.000 человѣкъ занимала въ шести верстахъ отъ города деревню Першину, „откуда всякій день подъ городъ большими кучами показывались, почему я, говоритъ де-Колонгъ, ** стремясь ко истребленію сихъ извѣрговъ, имѣлъ изъ города неоднократныя вылазки, но по малоимѣнію при мнѣ конницы, которой состоитъ въ двухъ легкихъ полевыхъ командахъ: драгунъ 120, включая въ то число и больныхъ, да

---

* Тамъ же.

** Дѣло подъ № 104 (А); донесеніе де-Колонга сибирскому губернатору.

Digitized by Google

сибирскихъ казаковъ почти то же число, почти были безуспѣшны."

Если нерѣшимость де-Колонга идти къ Оренбургу можно пытаться оправдать трудностію пути и опасеніями за предѣлы Исетской провинціи Сибири, то какъ объяснить дальнѣйшія его дѣйствія? Съ какою цѣлію онъ перешелъ изъ крѣпости Верхояицкой въ Челябинскъ? Основываясь на его донесеніяхъ можно бы предположить что онъ хотѣлъ прикрыть Исетскую провинцію, но этого не было, потому что, занявъ Челябу, онъ остался въ ней со всѣми своими войсками, а занимая одинъ какой-нибудь пунктъ и обрекая себя на добровольное въ немъ заключеніе, не значитъ еще защищать край. Это показываетъ крайнюю неспособность де-Колонга; неудача же вылазокъ, по недостатку конницы, которой у него было 240 человѣкъ, плохо говоритъ и объ его храбрости. Майоры Папавъ и Гагринъ, не имѣя у себя ни одного кавалериста, вездѣ гдѣ ни появлялись, разбивали мятежниковъ и преслѣдовали ихъ или городовыми обывателями „снаряженными гусарами", или просто командами „на лошадахъ", то-есть на подводахъ.

По существу дѣла, де-Колонгъ хотя и былъ командиромъ Сибирскаго корпуса и начальникомъ Сибирскихъ линій, но по достоинствамъ своимъ онъ только тѣмъ отличался отъ „презгусныхъ" гарнизонныхъ офицеровъ начальствовавшихъ въ Оренбургскомъ краѣ, что тѣ боялись идти на бунтовщиковъ съ пятьюдесятью или сотней солдатъ, а онъ разомъ парализовалъ силы нѣсколькихъ тысячъ хорошо обученнаго войска.— Про гарнизонныя войска Сибирскаго корпуса, сибирскій губернаторъ генералъ-поручикъ Чичеринъ доносилъ главнокомандующему что они хороши „и слѣдуетъ дать имъ равенство съ людьми съ экзерциціей"—про офицеровъ же отзывался не лестно; по его словамъ это „собранная погань изъ всѣхъ мѣстъ *. Изъ числа этихъ офицеровъ Чичеринъ вѣроятно не исключалъ и де-Колонга. „Въ опасности состою,— говорилъ Чичеринъ, чтобъ онъ (де-Колонгъ), присоединя къ себѣ и посланнаго майора Гагрина, съ толикимъ успѣхомъ дѣйствующаго, не привелъ въ то же самое, въ какомъ онъ, недѣйствіе."

А бунтъ, при бездѣйствіи со стороны войскъ, быстро распространялся. Жители селеній лежащихъ къ востоку отъ Челябы, не довольствуясь тѣмъ что переходили на сторону

* Тамъ же; приложеніе къ рапорту Бибикова № 15.

Digitized by Google

пугачевцевъ, когда тѣ являлись въ ихъ окрестности, сами спѣшили посылать къ нимъ депутатовъ, прося о принятіи подъ свое покровительство; такъ сдѣлали Карачельскій форпостъ, село Воскресенское и Куртамышская слобода, въ которой жители, связавъ коменданта, управителя и нѣсколькихъ приказныхъ, скованныхъ отправили въ лагерь къ мятежникамъ подъ Челябу.

На 1е февраля, де-Колонгъ рѣшился сдѣлать нападеніе на деревню Першину; надо полагать что о такомъ отважномъ намѣреніи своемъ выступить противъ четырехъ тысячъ пугачевской сволочи храбрый командиръ Сибирскаго корпуса не скрывалъ отъ окружающихъ, потому что когда онъ вышелъ изъ Челябы и подошелъ къ Першиной, то застигъ непріятеля выстроеннаго въ боевой порядокъ на высотахъ около той деревни. Впереди батарей для ихъ прикрытія поставлена была набранная изъ крестьянъ пѣхота, а на встрѣчу де-Колонга высланы конные Башкирцы.

„Но несмотря на ихъ присутствіе,—говоритъ де-Колонгъ, съ „трудностью пробиваясь, приближился я прямо помянутыхъ „злодѣйскихъ батарей, съ которыхъ открыли они сильнѣйшую „канонаду, почему я принужденъ былъ на сей разъ вступить „въ полное сраженіе и продолжая пушечную и оружейную пальбу, наконецъ помощію Всевышняго имѣлъ счастіе сбить тѣхъ „варваровъ съ ихъ высоты и занять оную своимъ корпусомъ, „а по вступленіи на оную отбито отъ злодѣевъ двѣ пушки съ „довольнымъ числомъ снарядовъ и захвачено въ плѣнъ сто восемьдесятъ разнаго званія россійскихъ людей, да на мѣстѣ „видно было убитыхъ триста человѣкъ, прочіе же ретировались“. За наступившимъ вдругъ густымъ туманомъ преслѣдованія не было и отрядъ „возвратился въ городъ хотя и съ формальною ретирадою, однакоже благополучно“.

Спастись отъ пораженія, де-Колонгъ рѣшился было идти къ Екатеринбургу и съ этою цѣлью выступилъ 8го февраля изъ Челябы, но въ противоположную сторону, къ Шадринску, взявъ изъ Челябы не только всѣ свои войска, но бывшихъ въ городѣ рекрутъ, воеводу Веревкина, „лучшихъ“ гражданъ, денежную казну и артиллерію.

Это отступленіе и очищеніе всей Исетской провинціи, послѣ разбитія въ ней главнаго сборища мятежниковъ, де-Колонгъ основывалъ на невозможности продовольствовать свои войска въ Челябѣ и необходимости помочь горнымъ заводамъ, „приносящимъ значительную пользу государству“. По малочисленности своего отряда, онъ не рѣшился оставить въ Челябѣ ни-

Digitized by Google

какого гарнизона, и въ видахъ спасенія горныхъ заводовъ, безъ уважительныхъ причинъ отдалъ на разграбленіе пугачевцамъ Челябу и всю Исетскую провинцію—поступокъ безобразный и ничѣмъ не оправдываемый.

Пугачевцы, видя съ кѣмъ имѣютъ дѣло, живо преслѣдовали отступавшія отъ Челябы войска, и 12 февраля, между деревнями Сухоборскою и Заиковою, атаковали его арріергардъ (заднее крыло, какъ говоритъ де-Колонгъ) „сперва одними Башкирцами, а потомъ уже и производили пушечную и оружейную пальбу, однакожъ слѣдованію войскамъ не помѣшали, а „отбиваясь отъ нихъ вооруженіемъ, продолжалъ я маршъ безостановочно“. Очевидно что движеніе де-Колонга отъ Челябы внизъ по р. Міясу было положительнымъ бѣгствомъ. Въ страхѣ отъ погони за нимъ пугачевской сволочи, онъ 15 февраля дошелъ до села Воскресенскаго, и на другой день, описывая сибирскому губернатору свои подвиги и затрудненія въ продовольствіи корпуса въ селеніяхъ оставленныхъ жителями, онъ взывалъ о помощи: „чего ради повторяя прежнія мои требованія, ваше превосходительство *въ послѣдній уже разъ прошу*, „городовыхъ или, по неимѣнію оныхъ, выписныхъ вооруженныхъ и доброконныхъ казаковъ сколько набрать можно, выкомандируя въ крайней скорости, отправить въ Шадринскъ, „а ежели тутъ меня не застанутъ, то приказать слѣдовать по „тракту гдѣ я буду находиться; ежели жъ и теперь ваше превосходительство сего во уваженіе принять не изволите, въ такомъ „случаѣ, чтобъ сіе зло не ворвалось и въ губернію вашему „превосходительству порученную, удержать не въ силахъ, и не „остается мнѣ болѣе ничего, какъ остава производимыя мною „дѣйствіи, безъ всякаго успѣха потянуться съ корпусомъ моимъ на Сибирскія линіи, потому особливо что злодѣйскія „партіи, будучи всѣ конныя, могутъ быть всегда впереди нашихъ войскъ и тѣмъ пресѣчь способъ къ полученію надлежащаго для войскъ пропитанія“.

Эти требованія де-Колонга были вполнѣ неосновательны; войскъ у него было слишкомъ довольно для разбитія пугачевцевъ, и прибавленіе ему кавалеріи не могло принести пользы, вопервыхъ потому, что не умѣя употреблять для дѣйствій имѣвшіяся уже у него войска, онъ не въ состояніи былъ бы предпринять что-либо полезное и съ новыми силами, вовторыхъ, по глубокимъ снѣгамъ, лежавшимъ въ зиму 1773—1774 годовъ, дѣйствія кавалеріи были весьма затруднительны.

Digitized by Google

Дѣйствія де-Колонга привели Бибикова въ негодованіе. „Странному поведенію г. генерала де-Колонга или лѣты его или вкоренившаяся сибирская косность причиною“, говорить Бибиковъ въ письмѣ къ императрицѣ *. Оставить его въ командованіи сибирскихъ войскъ Бибиковъ считалъ невозможнымъ, но самъ не рѣшался смѣнить его, а просилъ о семъ распоряженія изъ Петербурга. Отвѣтомъ на это было увѣдомленіе, во-первыхъ, о томъ что Бибиковъ есть главный начальникъ всѣхъ войскъ дѣйствующихъ противъ Пугачева и что на случай смѣны де-Колонга будетъ посланъ къ нему генералъ-поручикъ Суворовъ. Письмо это написано императрицей 29 марта 1774 и вѣроятно уже не застало въ живыхъ главнокомандующаго. Вопросъ о смѣнѣ де-Колонга остался безъ послѣдствій, и онъ сдѣлалъ еще много ошибокъ, къ крайнему вреду для дѣла.

Бѣгство де-Колонга изъ Челябы развязало руки пугачевцамъ; вся Исетская провинція, за исключеніемъ Шадринска, его ближайшихъ окрестностей и мѣстъ занятыхъ войсками Сибирскаго корпуса, была въ полномъ возстаніи; для совершеннаго обладанія краемъ имъ было необходимо овладѣть такимъ пунктомъ который бы, предоставляя средства къ упорной въ немъ защитѣ, давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность отрѣзать Екатеринбургское горное вѣдомство — предметъ нападенія мятежниковъ отъ Сибири, откуда могла придти помощь къ Екатеринбургу.

Такимъ пунктомъ былъ избранъ Далматовскій Успенскій монастырь съ лежащимъ около него монастырскимъ селомъ Никольскимъ **.

Осада Далматова представляетъ столько характеристическихъ чертъ ярко обрисовывающихъ тогдашнее настроеніе умовъ, что мы разкажемъ о ней съ большими подробностями ***.

Монастырь лежалъ на Сибирскомъ трактѣ, между городами Шадринскомъ и Екатеринбургомъ, въ 150 верстахъ отъ по-

* Я. Гротъ, *Бумаги Бибикова*, стр. 63; вслѣдъ за этимъ письмомъ тамъ же напечатано и письмо императрицы отъ 29 марта.

** Нынѣ Далматовъ заштатный городъ Пермской губерніи.

*** Подробности о Далматовскомъ монастырѣ взяты изъ двухъ статей: а) „Далм. мон. съ 1773 и 1774.“ соч. Плотникова въ *Чт. Импер. Об. Ист. и Др.* 1859, кн. I и б) „Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ“, Александра Зырянова, въ *Пермскомъ Сборникѣ* 1859.

Digitized by Google

слѣдняго, и былъ обнесенъ кирпичною стѣной въ видѣ неправильнаго шестиугольника; площадь монастыря имѣла до 9.450 квадратныхъ саженъ, а длина стѣнъ равнялась 360 саженямъ. Въ годъ Пугачевскаго бунта, угловыя мѣста стѣны или ограды защищались съ южной стороны двумя башнями съ остроконечными каменными шатрами; а съ сѣверной стороны двумя, впрочемъ несовсѣмъ отстроенными тогда бастіонами съ амбразурами по бокамъ для пушекъ; западною своею стороной ограда примыкала къ покатости и оврагу склоняющимся къ р. Исети. Оградныя стѣны были отъ 5 до 12 аршинъ вышиной и толщиной отъ $1^1/_4$ арш. до 2хъ арш. 2хъ четверт. Воротъ было трое: сѣверныя, южныя и восточныя или *святыя*.

Овладѣть Далматовымъ пугачевцы считали за дѣло легкое, потому что приписные къ монастырю экономическіе крестьяне по большей части были недовольны строгостями настоятеля, архимандрита Іакинѳа, и въ 1762 году почти всѣ участвовали въ „дубинщинѣ“, какъ называютъ въ томъ краѣ возстаніе монастырскихъ крестьянъ послѣ возвращенія ихъ въ собственность монастырей. Одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ „дубинщины“, крестьянинъ деревни Затечи Денисъ Жернаковъ, при первыхъ слухахъ о появленіи Пугачева, толковалъ своимъ односельцамъ что Пугачевъ дѣйствительно императоръ Петръ III и уговаривалъ ихъ къ возстанію противъ мѣстныхъ властей. Его происки сдѣлались извѣстны монастырскому начальству, и онъ долженъ былъ бѣжать. Явясь подъ Челябинскъ къ Пугачевскому полковнику Грязнову, онъ уговорилъ мятежниковъ къ походу подъ Далматовъ монастырь.

Въ окрестностяхъ монастыря стали скоро появляться бунтующіе Башкиры и крестьяне, но въ самомъ небольшомъ числѣ, имѣя цѣлью не нападеніе, а возбужденіе умовъ и приготовленіе мѣстнаго населенія къ возстанію. Архимандритъ Іакинѳъ началъ готовиться къ защитѣ монастыря на случай какихъ-либо нападеній бунтовщиковъ, но видя что ни изъ Екатеринбурга, ни изъ Шадринска нельзя ожидать никакой помощи, онъ въ январѣ 1774 года уѣхалъ въ Тобольскъ, просить сибирскаго губернатора и тамошнее епархіальное начальство о помощи монастырю.

Въ его отсутствіе, казначей монастырской вотчины майоръ Заворотковъ, хотѣлъ было уѣхать изъ управляемой имъ вотчины, но въ Шадринскѣ задержанъ и подъ карауломъ возвращенъ въ село Николаевское. Волей-неволей пришлось и ему

Digitized by Google

хлопотать о приведеніи монастыря въ надежное положеніе, вмѣстѣ съ монастырскимъ казначеемъ іеромонахомъ Евменіемъ.

Къ 7му февраля 1774 года въ монастырѣ находились: каптенармусъ Сиговъ съ 9 солдатами и 20 крестьянъ-казаковъ, всѣ 30 человѣкъ присланы были изъ Шадринска; 16 орудій разставлены въ трехъ башняхъ и на бастіонѣ; военные запасы состояли изъ 80 ружей, 26 пудовъ пороху, 4.143 ядеръ, 40 картечей, 30 палительныхъ свѣчей и 550 ружейныхъ патроновъ. Какъ видно, монастырскія общины были гораздо болѣе снабжены военными запасами, нежели существовавшія около нихъ крѣпостцы. Все это показываетъ въ какомъ упадкѣ была заволжская правительственная администрація. Изъ крестьянъ села Николаевскаго многіе были взяты въ монастырь и часть ихъ поступила даже въ казаки.

Всего въ монастырѣ собралось 383 чел. * За то остальные, не слушаясь увѣщаній майора Заворткова и іеромонаха Евменія, не хотѣли покинуть своихъ домовъ и готовились встрѣтить пугачевцевъ съ честью. Николаевскій священникъ Петръ Лебедевъ руководилъ преступными дѣйствіями своихъ прихожанъ и поддерживалъ въ нихъ духъ возмущенія.

Окрестности Далматова начали мало-по-малу наполняться пугачевцами. Ими заняты были всѣ деревни по р. Течѣ, и 11 февраля, съ монастырской колокольни, открыли приближеніе къ Далматову большаго непріятельскаго скопища, по направленію отъ деревни Верхнеярской.

Пугачевцевъ было болѣе полуторы тысячи человѣкъ съ 15 пушками; командовалъ ими атаманъ Пестеревъ. Предъ началомъ дѣйствій, Пестеревъ, по примѣру самозванца и всѣхъ его полковниковъ, послалъ въ Далматовъ монастырь манифестъ Пугачева при особой отъ себя бумагѣ, озаглавленной: „о благополучіи извѣстіе". Въ этомъ извѣстіи, кромѣ исчисленія силъ пугачевцевъ подошедшихъ къ монастырю, объявлялось: „что уже и Казанская губернія, царствующій городъ „Москва, также Нижній и другіе города склонены наслѣдни„комъ его императорскаго величества, государемъ цесаре„вичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ"; что

* Предусмотрительный Заворотковъ, предвида скуку монастырской жизни, успѣлъ ввести въ Далматовъ, вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, тридцати-ведерную бочку вина, и во время обложенія „при пособіи двухъ охотниковъ ее опорожнилъ".

Digitized by Google

„Оренбургская губернія, Челяба, Троицкая и прочія житель„ства въ склонность приведены благополучно“; а потому требовалось чтобы Далматовцы пришли въ чувство, покорились истинному государю и прислали „склонную запись за руками ихъ“. Въ случаѣ отказа, Пестеревъ предупреждалъ что имъ придется остаться отъ его команды „въ безпорядкѣ“.

Вслѣдъ затѣмъ, часу въ третьемъ пополудни, пугачевцы съ крикомъ и гамомъ бросились на село Николаевское. Съ башень монастыря открыли по нимъ пушечный огонь. Всѣ оставшіеся въ селѣ крестьяне вышли на встрѣчу Пестереву. „Отъ въѣзда въ село, по обѣимъ сторонамъ дороги на городъ Екатеринбургъ, до приходской Николаевской церкви, съ повязаннымъ черезъ правое плечо бѣлымъ полотномъ, стояли рядомъ, и по мѣрѣ того какъ вдвигалась шайка въ заселеніе, замыкали ходъ, столпившись въ заду ея. Крестьянинъ Алексѣй Перовъ дожидался вступленія шайки въ село, съ иконой.“

По занятіи села Николаевскаго, Пестеревъ приказалъ построить около своей квартиры висѣлицы для казни непослушныхъ.

Слѣдующій день прошелъ спокойно. Пугачевцы ничего не предпринимали, а монастырскія власти писали отвѣтъ Пестереву. Отвѣтъ былъ адресованъ: „извѣстнаго государственнаго злодѣя, бунтовщика и бѣглаго съ Дону казака Емельки Пугачева—походному атаману Прохору Пестереву“.

Въ этомъ отвѣтѣ, никѣмъ не подписанномъ, извѣщалось что какъ императоръ Петръ III двѣнадцать лѣтъ уже умеръ, и что какъ никто до общаго воскресенія мертвыхъ воскреснуть не можетъ, то все написанное въ извѣстіи суть „бредни“. Далѣе говорилось что всякій государь вступаетъ на престолъ „тишиною и весьма полезнымъ всему обществу спокойствіемъ“, а не начинаетъ царствованія грабежами и насиліями, что настоящій государь разослалъ бы печатные, а не письменые манифесты и не вкрался бы только въ одну Оренбургскую губернію, преклоняя къ себѣ „простыхъ, нашу братью мужиковъ, крестомъ и бородою, травами и морями и всякою вольностью, чѣмъ мы и безъ его награжденія, отъ милостивой нашей монархини довольствуемся; крестъ Спасителя нашего всякій изъ насъ православный христіанинъ чтитъ и поклоняется, а борода природная у всякаго по человѣчеству имѣется; растущіе на ней волосы по своей волѣ кто стрижетъ и брѣетъ, а иной и отпущаетъ, въ томъ принужденія никому нѣтъ, травами же и

Digitized by Google

водами мы безъ награжденія вашего довольны и недостатка никакого не имѣемъ."

Въ концѣ отвѣта сказано что еслибъ ихъ государь „былъ сперва на столицѣ", то они ему бы преклонились, теперь же ничему вѣрить не могутъ и просятъ разъясненія о ихъ подлинности.

По поводу этого отвѣта завязалась переписка между монастыремъ и лагеремъ. Пестеревъ отвѣчалъ на имя майора Завороткова и бывшаго въ монастырѣ николаевскаго старшины Игнатія Стенина что хотя посланный изъ лагеря манифестъ императора былъ встрѣченъ „одареніемъ изъ пушекъ и ружей", но что они на это „гнѣва не имѣютъ" и просятъ ихъ покориться безъ пустыхъ оттоворокъ что „государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ служатъ". О печатныхъ манифестахъ объяснялось что теперь ихъ сочинять негдѣ, но что скоро государь ѣдетъ въ Казань къ своей супругѣ, и по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ будутъ разосланы печатные манифесты. „Сожалительно васъ просимъ, подданные рабы, прибавляетъ Пестеревъ, чтобъ придтить вамъ въ чувство и покоритесь его императорскому величеству усердно."

Далматовцы, получивъ это письмо, думали подвинуть мятежниковъ на великодушіе. Если вы, писали они, „на наше стрѣляніе и препятствіе гнѣву не имѣете, то по таковому вашему великодушію просимъ отсель безъ пролитія своей крови отступить и насъ оставить спокойныхъ, а что по вашимъ предположеніямъ значится якобы мы непокорливы и суровы, то пусть будетъ на отвѣтѣ нашемъ; а своему государю зарепортуйте что мы васъ не послушали, котораго государя вы признаваете великодушнымъ и милостивымъ, то и не сумнѣваемся въ противности нашей, по полученіи имъ престола, отъ него прощенія получить." Тутъ же усовѣщевали ихъ Пресвятою Богородицей Защитницей монастыря, и пославъ имъ повѣсть о томъ „какія оказала вѣрному сыну церкви и отечества монаху Далмату благодѣтельства", и какъ „нападающимъ на здѣшнюю обитель многимъ Башкирцамъ ослѣпила очи", просили ихъ черезъ полчаса увѣдомить о своемъ намѣреніи.

Отвѣтъ на воззваніе къ великодушію былъ грозный; мятежники писали что отъ монастыря не отойдутъ, что написанное о храмѣ Божіемъ имъ разбирать нѣтъ времени и что затѣмъ единственно имѣете „ожидать сей въ половинѣ нощи на себя храбрый пушечный ударъ безъ упущенія".

Digitized by Google

Ночь однако прошла тихо. На другой день, 13го февраля, съ утра до вечера, съ обѣихъ сторонъ производилась пальба изъ пушекъ и ружей; пугачевцы бросали тучи стрѣлъ, но ничего важнаго предпринято не было. 14го февраля, Пестеревъ хотѣлъ было произвести приступъ, но приготовленія его были замѣчены изъ монастыря, и онъ ограничился сильною пальбой. Пугачевцы, не овладѣвъ монастыремъ, просили себѣ помощи изъ Башкиріи, а до полученія ея, держа монастырь въ блокадѣ частью своихъ силъ и разоривъ дворы укрывшихся въ немъ крестьянъ, разбрелись по окрестностямъ для поднятія крестьянъ. Эти дѣйствія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. „Калайскъ, въ 23хъ верстахъ отъ монастыря, села Тилицкое и Крутихинское, слобода Красномыльская, стоящая отъ Шадринска въ 12 верстахъ, села Кобанское, Иваницевское и Канашевское (тоже близкія къ Шадринску), Замараевское, Сухринское, Барневское, Масляниское, Ольховское, Кривское, Буткинское и деревня Мыльникова въ теченіи февраля передались на сторону мятежниковъ и передались добровольно. Только немногія селенія вблизи Шадринска остались вѣрными присягѣ и законнымъ властямъ, а именно: Медвѣдская, Могильская, Погорѣльская, Хлызова, Осѣева, Ершова, Бакальская, Туманова, Осиновская, села Полевское и Міясеное.“

Защитники Далматовскаго монастыря, торжественно повторившіе 16го февраля присягу императрицѣ, ежедневно перестрѣливались съ непріятелемъ; дѣлать вылазки они не смѣли, не имѣя способныхъ людей для командованія высылаемыми частями. Перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ, не причиняя противникамъ особаго вреда, держали ихъ постоянно въ напряженномъ положеніи; однако съ каждымъ днемъ военные запасы монастыря истощались, а къ осаждающимъ, въ концѣ февраля, прибыла изъ Башкиріи новая шайка подъ начальствомъ яицкихъ казаковъ Василья Митрофанова и Василья Софонова.

Усилившись вновь прибывшими, пугачевцы еще разъ хотѣли попытаться переговорами склонить монастырь къ сдачѣ, и 22го февраля послали туда „увѣщательное письмо“ писанное бывшимъ въ ихъ толпѣ священникомъ села Конашевскаго, Степаномъ Хабаровымъ. Въ письмѣ Митрофановъ увѣдомлялъ что прибылъ подъ Далматовъ монастырь „съ немалою командою“, и уговаривалъ ихъ, подъ страхомъ наказанія за ослушаніе, изъявить покорность его императорскому величеству, которому вся Россія покорилась.

Digitized by Google

Монастырцы не остались въ долгу, и въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, вновь говоря о невозможности повѣрить тому что предводитель мятежниковъ есть дѣйствительно императоръ Петръ III, приглашали ихъ покориться императрицѣ и не вѣрить больше самозванцу. „Думается вамъ, говорилось въ письмѣ, что вамъ, упражняющимся въ вашихъ произведеніяхъ, не доставалось времени видать и читывать манифеста за собственноручнымъ ея величества всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны подписаніемъ, о предводителѣ вашемъ, то для прочитанія при семъ вамъ посылается одинъ, съ тѣмъ чтобы вы по прочтеніи, при собраніи вашей партіи, имѣли сюда оный обратно прислать, и чего вами на сіе разсудится, съ вышеупомянутыми, солдатомъ Яковлевымъ съ товарищи, насъ увѣдомить, чего и ожидать имѣемъ.“ *

Пугачевцы не имѣли достаточно пороху и потому не могли сбить монастырскія батареи и овладѣть Далматовымъ; въ немъ тоже чувствовался крайній недостатокъ въ порохѣ: къ 1му марта его осталось всего 24 фунта. Такимъ образомъ обѣ стороны вынуждены были ограничить свои дѣйствія незначительными ежедневными перестрѣлками.

7го марта со стѣнъ монастыря замѣчено было приближеніе отъ Шадринска большихъ мятежническихъ партій. Прибытіе ихъ испугало было защитниковъ монастыря, но скоро испугъ перемѣнился на радость: мятежники, подойдя къ осаждающимъ, собрались въ большую толпу и послѣ непродолжительнаго совѣщанія потянулись всѣ по дорогѣ къ Челябинску, бросивъ подъ Далматовымъ пушку, три мортиры и 44 человѣка изъ своей шайки. Вскорѣ объяснилась причина бѣгства пугачевской толпы: де-Колонгъ, соединясь въ Шадринскѣ съ 13ю легкою полевою командой, пришедшею изъ Кузнецка (сибирскаго), предпринялъ движеніе къ Екатеринбургу. **

Онъ медленно подвигался впередъ, слѣдуя на села Колашевское и Замараевское, въ которое прибылъ 7го марта съ главными силами, отдѣливъ отъ себя отряды для приведенія въ

---

* Солдатъ Яковлевъ и нѣсколько вѣрныхъ монастырскихъ крестьянъ были захвачены бунтовщиками, объ ихъ-то выдачѣ упоминали монастырцы въ своемъ письмѣ.

** Де-Колонгъ разослалъ предъ выступленіемъ особое велерѣчивое объявленіе, въ которомъ говорилъ что у него „не менѣе трехъ тысячъ“ войска. *Перм. Сборн.* 1859.

повиновеніе Иванищевскаго, Сухринскаго и другихъ селеній. Нѣкоторыя деревни, какъ напримѣръ Мальцева и Дрянновa, сами винились, не ожидая прибытія войскъ. Но если вблизи расположенія сибирскихъ войскъ водворялось спокойствіе, то за выступленіемъ ихъ далѣе, мятежники вновь брали перевѣсъ.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ ихъ было село Уксянское, на рѣкѣ Барневѣ. Когда де-Колонгъ шелъ къ западу, они распространяли свои дѣйствія къ востоку и въ началѣ марта овладѣли слободой Салтосарайскою, разорили деревни Иткульскую, Брылину и Устьміясскій винокуренный заводъ; слобода Мехонская остановила дальнѣйшіе ихъ успѣхи; жители этой слободы, оставаясь вѣрными правительству и не имѣя средствъ сопротивляться пугачевцамъ, еслибы тѣ подошли къ ней, прибѣгли къ хитрости: собравшись около слободы на возвышенности праваго берега Исети, они разложили солому и зажгли ее. Пугачевцы, видя большіе огни, приняли ихъ за бивакъ сибирскихъ войскъ, поспѣшно отступили къ Уксянской слободѣ, а туда именно и шелъ де-Колонгъ со своими войсками для нанесенія рѣшительнаго удара мятежникамъ.

Противники сошлись 9го марта, и сраженіе при слободѣ Уксянской, по словамъ старожиловъ этого села, происходило слѣдующимъ образомъ: „Въ сраженіи было строеваго войска 1.500 человѣкъ, со стороны бунтовщиковъ 7.000. Строевому войску привелось стоять во время битвы въ лощинѣ рѣки Богатой, за сугробами снѣговъ. Бунтовщики изъ пушекъ, на дровняхъ, подбивъ дула клиньями, сдѣлали выстрѣлъ ядрами, но для строеваго войска безвредный: ядра пронеслись выше головы строеваго войска. Еще разъ сдѣлали они выстрѣлъ изъ пушекъ, но уже выколотивши изъ-подъ дулъ пушечныхъ клинья, и ядра опять не были для строеваго войска убійственными: сугробы снѣговъ стремительность ихъ остановили; ядра въ сугробахъ снѣговъ легли и засѣдали; дула пушекъ на дровняхъ, не въ мѣру, безъ знанія военнаго дѣла, были понижены. Между тѣмъ генералъ-поручикъ де-Колонгъ нѣсколько орудій конной артиллеріи секретно послалъ въ объѣздъ мятежной толпѣ, и когда эта артиллерія ударила картечью въ лѣвый флангъ ея, изъ перелѣска подлѣ Уксянской поскотинной городьбы, внезапно, бунтовщики всѣ, кто куда и какъ смогъ, разсыпались; много пало подъ ударами картечными, еще болѣе побито ихъ на побѣгѣ драгунами, гнавшимися въ тылъ“. Побѣдителямъ досталось, по однимъ свѣдѣніямъ, 25 орудій разнаго калибра и

Digitized by Google

одна мортира, а по другимъ—31 пушка. * Мятежники потеряли убитыми до 800 человѣкъ, атаманъ ихъ Рытковъ (или Рашковъ, по другимъ свѣдѣніямъ; въ официальныхъ бумагахъ его фамиліи намъ не попадалось) едва ускакалъ въ Челябу.

Де-Колонгъ, вѣрный своимъ привычкамъ, и на этотъ разъ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ своей побѣды; онъ отошелъ для отдыха въ Шадринскъ, разославъ вокругъ себя отряды для наказанія мятежниковъ.

Одинъ изъ этихъ отрядовъ, состоявшій изъ 1.000 человѣкъ, подъ начальствомъ премьеръ-майоровъ графа Якова де-Костролацерда и Ѳедора Іезерфа, вступилъ въ Далматовъ 14го марта, обезопасивъ предъ тѣмъ дорогу къ Екатеринбургу.

Съ прибытіемъ войскъ въ Далматовъ началась расправа съ крестьянами принимавшими участіе въ бунтѣ. „Повѣсткой къ выслушанію милостивѣйшаго манифеста, къ сѣвернымъ вратамъ собравшееся многолюдство крестьянъ, солдаты и другіе внезапно окружили; вдвинули всю толпу, сложивъ ружья къ дѣлу на штыки, противъ воли, сѣверными вратами во внутренность ограды; тѣхъ кому выпадалъ жребій принять возмездіе за измѣну и убійство, возводили на крыльцо при верхнемъ жильѣ верхняго корпуса, по отобраніи допросовъ въ военномъ судѣ, тотчасъ на этомъ крыльцѣ сѣкли кнутомъ, и кого бездыханнаго, кого едва дышавшаго сбрасывали со стѣны за монастырь въ рытвину, промытую вблизи токомъ весеннихъ и дождевыхъ водъ; кто оставался живымъ подъ ударами кнута, тотъ умиралъ въ снѣгу, по паденіи въ рытвину".

Въ три дня, 15го, 16го и 17го марта, кнутомъ засѣчено 29 человѣкъ; на всѣхъ остальныхъ разложена была денежная пеня для пополненія монастырскихъ суммъ, изъ которыхъ во время осады израсходовано было 1.026 р. 21 к. Всего изъ 21 монастырскаго селенія подъ Далматовымъ злодѣйствовало 1.974 человѣка, Башкирцевъ и другихъ людей было 1.026 человѣкъ.

Въ это время майоръ Гагринъ, очистивъ окрестности Екатеринбурга и соединясь съ высланнымъ изъ этого города майоромъ Фишеромъ, преслѣдовалъ пугачевцевъ по направленію къ Челябѣ.

Д. АНУЧИНЪ.

(*До слѣд. №.*)

---

* *Перм. Сборн.* 1859 стр. 83 и *Чт. Им. Об. Ист. и Др.* 1859 стр. 29.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ *

(1834 — 1850).

IX.

Утромъ на другой или, можетъ-быть, на третій день послѣ празднества въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, къ Марьѣ Алексѣевнѣ сначала, потомъ къ Николаю Ивановичу Гречу и, наконецъ, ко мнѣ въ Фурштадтскую, гдѣ я тогда жилъ, явилась училищная зеленая фура, запряженная тремя обвенками, и въ кото[illegible], кромѣ унтеръ-офицера съ галунами и шевронами, то-есть одного изъ дядекъ „мальчиковъ", помѣщалось двое первостатейныхъ воспитанниковъ: церковный староста Ѳедосей Кузьминъ и блестящій сотскій Бровкинъ.

Это были депутаты отъ училища, пріѣхавшіе, по приказанію директора, благодарить гостей за посѣщеніе 22го августа и просить принять отъ усердія воспитанниковъ ихъ сельскія произведенія. Не знаю что̀ получили Марья Алексѣевна и Николай Ивановичъ, но мнѣ поднесены были: большой ящикъ съ сотами прямо изъ улья, огромный каравай пшеничнаго хлѣба, выпеченнаго якобы изъ собственной муки, коробокъ съ яблоками, другой съ вишнями, пять бутылокъ хлѣбнаго (изъ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 6.

Digitized by Google

корокъ ржанаго хлѣба) кваса, бутылка домашняго пива, бутылка превосходныхъ сливокъ, формочка сыра бри, масланка со сливочнымъ масломъ, посудина съ варенцомъ, другая съ творогомъ со сметаной и наконецъ, къ довершенію всего, прелестный отпоенный молочный поросеночекъ. Меня не было дома, такъ какъ посѣщеніе депутаціи совершилось въ часы департаментскаго моего отсиживанья, и матушка моя была въ крайнемъ затрудненіи принять или не принять это обильное приношеніе „отъ усердія училища, полюбившаго В. П. Б—ва всею силой простой и „откровенной души“, какъ говорили ловкіе депутаты, увѣрявшіе что ежели они назадъ привезутъ это директору, то онъ съ горя, чего добраго, заболѣетъ. Покойная моя матушка (умершая лишь въ прошломъ 1871 году, на 85 году жизни) угостила депутатовъ чаемъ съ лимономъ и вареньями, при обиліи различныхъ печеній изъ булочной; а служивому шевронисту, кромѣ этого, велѣла прислугѣ поднести стаканъ хорошей померанцевой настойки, и всѣ остались взаимно довольны, въ особенности же потомъ довольны были нѣкоторые изъ моихъ департаменскихъ товарищей, которые нерѣдко у насъ обѣдывали, и отдали полную справедливость всѣмъ съѣдобнымъ произведеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Моихъ департаментскихъ юныхъ сослуживцевъ, Ребиндера, Данзаса, Булыгина, барона Ѳ. Ѳ. Корфа и другихъ, я обнесъ, однако, при угощеніи, однимъ предметомъ, а именно медовыми сотами, которые всецѣло были доставлены лично моею матерью въ Смольный Монастырь, гдѣ подъ начальствомъ графини Юліи Ѳедоровны Адлербергъ (родительницы бывшаго и бабушки нынѣшняго министровъ Императорскаго Двора) воспитывались въ „голубомъ“ классѣ мои сестры. Сотами этими въ Смольномъ сестры мои подчивали не только молоденькихъ подругъ своихъ, классныхъ дамъ и инспектрису, госпожу Панчулидзеву, но частичку поднесли даже и самой графинѣ, то-есть maman, какъ звали смолянки эту очаровательную старушку. Графиня Юлія Ѳедоровна такъ восхитилась этими ароматными сотами, напомнившими ей ея давнымъ давно прошедшее дѣтство, проведенное въ какой-то мызѣ прибалтійскаго края, что она, узнавъ источникъ откуда эти délices, написала Льву Алексѣевичу Перовскому письмо, прося его усладить ее этими произведеніями des abeilles de l'école agricole. Поднялась тревога, и нашъ на-

Digitized by Google

ходчивый Байковъ, за неимѣніемъ въ наличности собственныхъ сотовъ, распорядился достать ихъ покупкой изъ Краснаго Села или изъ Графской Славянки (принадлежавшей тогда графинѣ Самойловой и преобразившейся въ пятидесятыхъ годахъ въ Царскую Славянку), и это лакомство приподнесено было ея сіятельству.

Превосходные соты, полученные мною въ даръ отъ Матвѣя Андреевича Байкова, произведшіе такой великолѣпный эффектъ въ Смольномъ Монастырѣ, имѣли для сестеръ моихъ самое благопріятное вліяніе, потому что, благодаря этой бездѣлицѣ, графиня Адлербергъ узнала ихъ ближе и стала приглашать на свои интимныя вечеринки, гдѣ молоденькія воспитанницы находили много удовольствія и отъ души веселились въ изящномъ обществѣ чадолюбивой воспитательницы, память о которой каждая монастырка тѣхъ временъ хранитъ съ особенною нѣжностью и любовью. Но бутылкамъ съ квасомъ привелось сыграть также не маловажную роль, имѣвшую послѣдствіемъ знакомство съ Земледѣльческимъ Училищемъ добрѣйшаго Ивана Никитича Скобелева, начинавшаго въ то время пріобрѣтать свою своеобразную и оригинальную литературную извѣстность. Это вотъ какъ случилось. Генералъ-лейтенантъ И. Н. Скобелевъ, членъ генералъ-аудиторіата, жилъ тогда въ такъ-называемой Таврической улицѣ (нынѣ Тверская), въ большомъ деревянномъ домѣ, принадлежавшемъ въ то время какому-то г. Кутузову. Домъ этотъ былъ просторный особнякъ съ обширнымъ садомъ, и въ немъ Иванъ Никитичъ жилъ съ семействомъ на довольно широкую помѣщичью ногу, принимая не мало гостей, въ числѣ которыхъ былъ почти всегда по воскресеньямъ за обѣдомъ и пишущій эти строки, тогда еще очень молодой человѣкъ. Ежели кому интересно узнать мои отношенія къ почтеннѣйшему безрукому ветерану Ивану Никитичу, и начало моего съ нимъ знакомства, тотъ найдетъ описаніе очень отчетистое, отчасти въ статьѣ моей *Знакомство съ А. Ѳ. Воейковымъ и его литературныя вечера по пятницамъ*, напечатанной въ 9, 10 и 11 книжкахъ *Русскаго Вѣстника* за прошлый 1871 годъ; но всего болѣе въ другой моей статьѣ, напечатанной въ нѣсколькихъ ноябрьскихъ прошлаго же года нумерахъ газеты *Русскій Міръ* подъ названіемъ: *Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ*, характеристика котораго не менѣе вѣрно, съ фотографическою

Digitized by Google

правдивостью, изображена и еще въ одной изъ моихъ статей ретроспективнаго рода *Четверги у Н. И. Греча* (*Заря* 1871 № 4).

Не задолго предъ этимъ временемъ разъ какъ-то у себя за обѣдомъ Иванъ Никитичъ, по своему обыкновенію, оживленно и типично бесѣдуя о разныхъ разностяхъ и, преимущественно, какъ это часто было, не совсѣмъ-то къ удовольствію своей почтенной супруги, принадлежавшей къ довольно самовитому губернскому дворянству, о былыхъ временахъ, когда онъ носилъ еще унтеръ-офицерскіе галуны, сталъ какъ-то вспоминать о различныхъ подробностяхъ чисто кулинарнаго рода, дѣлая преоригинальныя сравненія и сопоставленія блюдъ нашей національной кухни, причемъ увѣрялъ что нигдѣ ему не приводилось лакомиться такими вкусными яствами какъ въ благодатной Малороссіи, которую называлъ Хохляндіей, причемъ дѣлалъ исчисленіе самое подробное всѣхъ произведеній хохлацкой кухни. Объ одномъ только на своихъ малороссійскихъ винтеръ-квартирахъ сожалѣлъ Иванъ Никитичъ, а именно о томъ что черноглазыя хохлушки не умѣютъ русскаго кваса варить и дерзаютъ величать этотъ нашъ „отечественный нектаръ", какъ онъ выражался, „кацапскимъ пойломъ".

— Но однакоже, прибавилъ онъ, скажу вамъ, господа, что разъ привелось мнѣ, идучи походомъ по Ахтырскому уѣзду, прогостить недѣльку въ хуторкѣ одного довольно зажиточнаго хуторянина, который еще при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ служилъ въ регулярныхъ тогдашнихъ конныхъ пикинерахъ вахмистромъ. Житье мнѣ у этого сивоусаго старика-воина было не житье, а какъ бы царствіе небесное. Всего у него было разливанное море; но ужь чѣмъ старина этотъ меня несказанно удивилъ и порадовалъ, такъ тѣмъ что угостилъ такимъ, знаете, квасомъ-Ермолаичемъ что ни до того, ни послѣ я никогда такого не пивалъ. Въ послѣдствіи какъ я ужь всѣмъ моимъ экономкамъ и поварамъ ни толковалъ объ этомъ квасѣ, ну, чтобъ ихъ всѣхъ треклятыхъ прорвало, они никакъ не умѣютъ смастерить мнѣ того самаго кваса какой я лѣтъ за тридцать предъ симъ пилъ всласть у моего тогдашняго временнаго хозяина, этого-то стараго Потемкинскаго рубаки. Онъ же самъ, какъ сказывалъ мнѣ, позаимствовался этимъ божественнымъ кваскомъ отъ монаховъ какой-то небольшой обители близъ Ахтырки, гдѣ ему во время Потемкинскихъ и Суворовскихъ погромовъ Турецкаго царства привелось на винтеръ-квартирахъ часть одной зимушки простоять. Монашки, знаете, себѣ на умѣ, кушаютъ во здравіе и запиваютъ яствія

Digitized by Google

свои этимъ неописанно пріятнѣйшимъ квасомъ. Они-то дали бывшему пикинеру, тогда еще служивому, отъ себя рецептикъ, по которому хохолъ пикинеръ собственноручно у нихъ же на погощеньи въ обительской квасоварнѣ поучился искусству приготовленія того напитка и потомъ сталъ угощать имъ всѣхъ однополчанъ и даже своего, какъ они называли, ритмейстра, вмѣсто ротмистра бы по-нашему. Этотъ ритмейстръ былъ нашъ братъ рядовой москаль, и до квасу страшный охотникъ, и вотъ онъ кваскомъ тѣмъ крайне распотѣшился, такъ что „монашескій квасъ" пошелъ въ большую славицу, да до того что самъ свѣтлѣйшій князь Тавриды, прихотникъ вѣдь онъ былъ не малый, князь Григорій Александровичъ, безъ этого „монашескаго кваса" за столъ не саживался. Словомъ, квасъ этотъ былъ въ великой славѣ. Но ужь не мимо же идетъ слово не нами впервые сказанное: „Слава дымъ!" То же сталось и со славой „монашескаго кваса": словно въ воду канулъ, и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуха ни духа. Повѣрите ли,—смѣшно сказать, а правду вымолвить надо: я такъ этимъ квасомъ интересовался что вотъ ужь въ генеральскихъ чинахъ состоя и пользуясь бо́льшимъ противъ прежней моей жизни собачьей покоемъ и довольствомъ,—я изъ Рязани писалъ особенную цидулу о „монашескомъ квасѣ" тамошнему городничему, который былъ въ то время нашего лѣса кочерга, инвалидъ, нѣкогда мой сослуживецъ. Оказалось что та третьестепенная обитель, гдѣ мой сивоусый пикинеръ когда-то зимовалъ, давнымъ-давно упразднена, а между хохлацкимъ населеніемъ никто о квасѣ томъ и понятія не имѣетъ. Такъ я послѣдней надеждушки на старости лѣтъ и на закатѣ жизни моей лишился упиваться этимъ превосходнымъ, настоящимъ отечественнымъ и патріотическимъ квасомъ.

— Должно-быть квасъ этотъ фруктовый, сказалъ кто-то изъ гостей.

— Какой фруктовый! чистѣйшій хлѣбный, изъ ржаныхъ корокъ, вскрикнулъ Иванъ Никитичъ, вещь самая простая, а никто ее сварганить не умѣетъ.

Когда я получилъ, вмѣстѣ съ прочими вещественными проявленіями любезности Матвѣя Андреевича Байкова, нѣсколько бутылокъ „училищнаго кваса", приготовлявшагося, какъ разказывалъ мнѣ почтенный директоръ, при первомъ моемъ посѣщеніи его заведенія, изъ хлѣбныхъ корокъ, я тотчасъ вспомнилъ про разказъ о квасѣ многоуважаемаго мною Ивана Никитича Скобелева, и, не долго думая, вечеркомъ въ субботу,

Digitized by Google

сѣвъ на извощика и захвативъ съ собою корзиночку съ этимъ хлѣбнымъ напиткомъ, присланную мнѣ изъ Земледѣльческаго Училища,—поѣхалъ въ Таврическую улицу, благо это недалеко отъ моей Фурштадтской, къ его превосходительству, думая что, можетъ-быть, чего добраго, это квасъ подходящій къ тому который составляетъ предметъ неутѣшнаго воспоминанія почтеннаго генерала, въ радушномъ и искренно дружелюбномъ домѣ котораго я всегда проводилъ такіе пріятные часы, преимущественно слушая разказы храбраго воина-инвалида о различныхъ военныхъ и не военныхъ событіяхъ, передаваемые просто, безъ всякихъ вычуровъ, но проникнутые поэзіей правды и чисто русской простодушности. Было по-петербургски, даже и въ тѣ болѣе патріархальныя времена, довольно рано, около семи часовъ. Противъ обыкновенія генералъ былъ одинъ-одинёшенекъ дома и, сидя въ бухарскомъ своемъ халатѣ, спущенномъ съ безрукаго лѣваго плеча, диктовалъ что-то изъ своихъ „Воспоминаній русскаго солдата" военному писарю, быстро писавшему подъ его восторженный и довольно крикливый диктантъ.

— А, здорово, Володя, воскликнулъ Иванъ Никитичъ, когда я вошелъ.—Ты какъ нельзя больше кстати: моя благовѣрная въ театръ поѣхала смотрѣть новопріѣзжую танцорку Тальйонову, а мнѣ что-то хандрится, такъ вотъ отъ нечего дѣлать засадилъ Сысоева за письмо. Но теперь баста писать! Иди себѣ съ Богомъ, чернильная крыса (обращаясь къ Сысоеву), да чуръ не навастривай лыжей, не почаевавъ у моего камердинера: отъ хлѣба-соли, отъ чая-сахара не слѣдуетъ быть отказу. А вотъ мы съ Володей покалякаемъ, тѣмъ болѣе что есть мнѣ о чемъ съ нимъ перекинуться парой-другой словъ. Да скажи тамъ моей челяди-то чтобъ намъ сюда живо принесли чай.

Писарь вышелъ, раскланиваясь и галантерейно по-писарьски благодаря его превосходительство за милостивое вниманіе, а ко мнѣ генералъ обратился съ такою рѣчью:

— Ну, братъ, скажу тебѣ, флюгеръ же, я вижу, преисправный нашъ Николай Ивановичъ Гречъ. Давно ли это, я помню, онъ напоказъ ругалъ какое-то тамъ Удѣльное Земледѣльческое Училище и особенно директора, котораго, правду сказать, онъ отъ роду родясь не видывалъ даже. А третьяго дня, въ четвергъ, на его обычной сходкѣ, тотъ же Николай Ивановичъ да не ту рѣчь держалъ о томъ же дѣлѣ и о томъ же лицѣ. Хвалилъ онъ и этого тамъ Байкова и диво-дивныя его заве-

Digitized by Google

денія, и описывалъ тотъ праздникъ что тамъ на этихъ дняхъ въ коронацію былъ и гдѣ вы оба, да и мать-командирша Марья Алексѣевна находилась. Повѣришь ли, онъ до того нахвалилъ мнѣ это Земледѣльческое Училище что и меня охота разобрала туда ѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Говорятъ, его свѣтлость, князь Петръ Михайловичъ, сильно обворожевъ этимъ своимъ учрежденіемъ. А у меня-то до князя есть маленькая челобититшка, не ради себя, Боже упаси, терпѣть не могу за себя просить, а ради одного бѣдняжовки, котораго надо пристроить гдѣ-нибудь по министерству двора. Знаешь: „сухая ложка ротъ деретъ!" а какъ станешь вельможѣ хвалить то что онъ почитаетъ своею потѣхой, такъ у него и ушки на макушкѣ, и онъ охотнѣе возьмется за то о чемъ его просятъ. Это, братъ Володя, практическая истина узнанная мною не съ сегодня въ жизни и по службѣ. А какъ заговоритъ свѣтлѣйшему объ его игрушкѣ, не видавъ этой бирюльки? Нельзя, надо самолично видѣть и досконально все разглядѣть. Знаешь, братъ-камрадъ, что мы съ тобою сдѣлаемъ: завтра въ воскресенье поѣдемъ туда къ обѣдвѣ вмѣстѣ самъ-другъ! Николай Ивановичъ третьяго дня на своей вечерницѣ, между прочимъ, говорилъ что и пѣвчіе-то тамъ вишь весьма добропорядочные, да и то еще что ты туда завтра непремѣнно ѣдешь чтобы продолжать осмотръ заведенія, о которомъ нашъ генералъ-фельдмаршалъ грамматики хочетъ помѣстить статью твоего пера въ своей многожужжащей *Пчелкѣ*. Или я за тобой заѣду въ каретѣ поутру, или ты ко мнѣ залетишь; а мои сѣрые орловцы мигомъ туда насъ домчатъ. Идетъ?

— Идетъ, да только не совсѣмъ, Иванъ Никитичъ, сказалъ я.—Прибыть къ вамъ поутру и доѣхать туда съ вашимъ превосходительствомъ я вмѣняю себѣ въ особенную честь и удовольствіе. Но обратно сопутствовать вамъ не могу: я, по условію съ директоромъ, тамъ переночую, чтобы въ понедѣльникъ утромъ видѣть все производство работъ тамошнихъ, такъ какъ я видѣлъ до сихъ поръ заведеніе лишь въ праздничные дни, описывать же мнѣ придется преимущественно будничный бытъ училища. Къ тому же еще обстоятельство: въ десять часовъ утра въ понедѣльникъ я долженъ быть у себя въ департаментѣ, да и другое обстоятельство то что директоръ, г. Байковъ, хотѣлъ прислать ко мнѣ завтра рано утромъ свой экипажъ, въ которомъ я долженъ къ нему ѣхать.

— Насчетъ его экипажа, подхватитъ Иванъ Никитичъ,—

Digitized by Google

пусть онъ не безпокоится: сказано, мы съ тобой на моихъ коняхъ прорысимъ туда; а чтобъ онъ напрасно не присылалъ своихъ за тобой лошадей завтра, такъ вотъ чтò, господинъ, какъ тебя тамъ этотъ сорви-голова Гречъ въ шутку-то именуетъ, Быстропишевъ что ли, садись-ка да настрочи къ твоему этому директору цидулочку съ увѣдомленіемъ что завтра къ началу самой обѣдни мы съ тобой у него будемъ, такъ чтобъ экипажа не присылалъ. А при сей вѣрной оказіи отрекомендуй ему и меня безрукаго урода, въ рѣшето израненнаго инвалида.

— Васъ, Иванъ Никитичъ, мнѣ ему рекомендовать не приходится; онъ васъ уже знаетъ по вашей *Перепискѣ русскихъ солдатъ*, которую читалъ съ наслажденіемъ и изъ которой то-и-дѣло воспитанникамъ прочитываетъ многія мѣста для ихъ назиданія. Но кто же доставитъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, на второй верстѣ Выборгской дороги, мою цидулу?

— Какъ кто? съ удивленіемъ спросилъ генералъ.—А развѣ у меня на конюшнѣ нѣтъ разгоннаго донца и втораго подставнаго форрейтора? Объ этомъ ужь, братъ, не заботься, пиши только цидулу, которую г. Байковъ не позже девяти часовъ вечера сегодня будетъ читать.

Письмецо къ Матвѣю Андревичу было тотчасъ написано, законвертовано, запечатано и отправлено съ верховымъ. А между тѣмъ молодой камердинеръ, Семенъ, для всѣхъ, Семенъ Герасимовичъ, для генеральской дворни, и Сеня для самого барина, явился съ чайнымъ подносомъ со стаканами чая и всѣми къ нему принадлежностями. Подавая мнѣ чай, Семенъ склонился слегка ко мнѣ и спросилъ въ полголоса:

—Какъ прикажете насчетъ-съ той корзиночки что привезли съ собой? Не поставить ли ее на ледникъ, такъ какъ въ ней какія-то бутылки, а въ передней у насъ больно тепло?

Иванъ Никитичъ слухъ имѣлъ острый и тотчасъ спросилъ: „Чтò тамъ за корзиночка?“ Я разказалъ въ чемъ дѣло было. Генералъ пришелъ въ большой восторгъ и велѣлъ принести тотчасъ корзинку въ кабинетъ, чтò и было немедленно исполнено ловкою и расторопною генеральскою прислугой. Не дожидаясь чтобы принесли ему свѣжій стаканъ, онъ быстро выплеснулъ свой чай въ стоявшій близь него мѣдный тазъ, приготовленный для дѣланія обыкновенной ванны обрубку лѣвой руки, потерянной подъ Минскомъ въ 1831 году, и подалъ опорожненный стаканъ Сенѣ, который, откупоривъ одну бутылку съ ловко-

Digitized by Google

стію ресторациаго половаго, налилъ квасъ въ этотъ стаканъ, замѣтивъ:

— Почти безъ пѣны квасъ, что за квасъ!

— Попъ обѣдни не отпѣлъ, а ужъ дуракъ шапку надѣлъ, замѣтилъ генералъ, примолвивъ:—Ежели это настоящій ахтырскій квасъ, то тотъ игры не имѣетъ.

Говоря это, Иванъ Никитичъ сталъ пить съ разстановкой.

Отпивши полстакана, Иванъ Никитичъ поставилъ стаканъ на столъ, а самъ, обратясь ко мнѣ съ радостнымъ и сіяющимъ лицомъ, сказалъ:

— Ну, братъ, Володя, потѣшилъ же ты меня старика! Это именно тотъ самый ахтырскій братскій квасъ изъ ржаныхъ корокъ какой я лѣтъ за тридцать или за сорокъ предъ симъ пивалъ, когда еще носилъ капральскіе галуны. Спасибо, спасибо, тысяча разъ спасибо за твое любезнѣйшее ко мнѣ вниманіе, какого я никогда не забуду. Но теперь вопросъ: какимъ манеромъ имѣть мнѣ этотъ чудный напитокъ и пользоваться имъ постоянно?

— Вопросъ этотъ, Иванъ Никитичъ, сказалъ я,—вамъ разрѣшится завтра: вы со свойственнымъ вамъ умѣньемъ,—ученаго учить только портить,—очаруете господина Байкова, и онъ еженедѣльно будетъ присылать вамъ „училищный квасъ“. Это очень просто.

— Просто-то просто, да не совсѣмъ: съ какой стати этому господину твоему Байкову даромъ мнѣ присылать хоть бы и эту бездѣлицу; да и съ какой стати мнѣ принимать эту подачку, какъ бы малоцѣнна она ни была?

— А съ той стати что это и не даромъ будетъ; обойдется, можетъ-быть, гораздо подороже цѣнности нѣсколькихъ боченковъ этого кваса.

— Какимъ же манеромъ?

— А тѣмъ манеромъ что ваше превосходительство, не говоря конечно Байкову ни полсловечка о квасѣ, будучи въ восторгѣ отъ его заведенія и довольные тѣмъ что воспитанники съ наслажденіемъ читаютъ вашу *Переписку русскихъ солдатъ*, жертвуете училищу, напримѣръ, 50 экземпляровъ вашей книги для раздачи, по усмотрѣнію директора, лучшимъ воспитанникамъ. Даръ будетъ принятъ съ подобающею благодарностью, а потомъ мною или вами самими разказанъ будетъ сегодняшній эпизодъ съ квасомъ. Вы скажете при этомъ что прислали бы вашего поваренка поучиться въ училищной квасоварнѣ

Digitized by Google

искусству приготовленія этого вашего очаровательнаго кваса. Но какъ я знаю что Байковъ ничего такъ не ненавидитъ, какъ сношенія воспитанниковъ съ посторонними простолюдинами, какія сношенія имъ наистрожайше воспрещены, то онъ тотчасъ предложитъ вамъ доставку кваса на домъ разъ въ недѣлю, причемъ будетъ низко кланяться, умоляя принять эту бездѣлицу отъ училища. И дѣло будетъ въ шапкѣ.

— За такой квасъ я готовъ не 50, а 100 и больше экземпляровъ дать моихъ солдатскихъ бредней, только сладится ли дѣло это такимъ манеромъ какъ ты, братъ Володя, говоришь.

— Что сладится, я за то порукой, сказалъ я. *

Засимъ разговоръ нашъ съ генераломъ, „солдатскимъ литераторомъ“, какъ онъ себя величалъ, принялъ другой оборотъ, и мы стали бесѣдовать о современныхъ событіяхъ какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, причемъ генералъ разказалъ мнѣ нѣсколько куріозныхъ подробностей о томъ что̀ дѣлалось въ ту пору въ военномъ управленіи и преимущественно въ генералъ-аудиторіатѣ, котораго онъ былъ, какъ я уже сказалъ, членомъ. Бесѣда эта заключилась, какъ всегда бывало, тѣмъ что генералъ, легко сдавшись на мою просьбу, которую онъ повидимому съ нетерпѣніемъ ожидалъ, взялъ свою новую тетрадь, надѣлъ очки и прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ свѣженаписанныхъ подъ его диктантъ своихъ сочиненій, основанныхъ на солдатскомъ бытѣ, что̀ главнѣйше и составляло ихъ прелесть и живую занимательность, потому что до Скобелева бытъ этотъ намъ былъ или мало извѣстенъ, или предлагаемъ былъ въ какой-то сильно подкрашенной романтично-идиллической формѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа явился камердинеръ Семенъ и на маленькомъ серебряномъ подносикѣ подалъ мнѣ записочку, сложенную по-старинному трехугольникомъ, сказавъ что эту записочку, на мое имя адресованную, привезъ второй форейторъ, Прошка, изъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Учили-

---

* Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Все сдѣлано было согласно съ моимъ предварительнымъ планомъ, и генералъ, возвращаясь изъ училища послѣ перваго своего визита, везъ въ каретѣ домой корзинку съ бутылками своего любимаго кваса, а затѣмъ боченки съ квасомъ стали къ нему являться разъ въ недѣлю, доставляемые училищными надзирателями изъ отставныхъ солдатъ, которые находили много для себя чести и удовольствія въ этомъ порученіи въ Таврическую улицу, гдѣ ихъ знатно угощали и одаряли.

Digitized by Google

добръ и любезенъ, что всего лучше доказывало что онъ въ душѣ не „бурбонъ“, нашелъ нужнымъ при этомъ полушутливо, полусеріозно сказать:

— А вотъ, ваше превосходительство, нашъ цыганенокъ Прошка вчера на ночь изъ Земледѣльческаго привезъ цѣлый узлище яблоковъ, коврижекъ, орѣховъ, пряженцовъ, крендельковъ, и все сегодня слопалъ.

— Цыганенокъ Прошка, нахмурясь сказалъ генералъ,—ты дареное тебѣ могъ лопать какъ хотѣлъ, но или вчера вечеромъ за ужиномъ, или сегодня послѣ божественной литургіи. Кто же до окончанія богослуженія пищу принимаетъ, тотъ грѣшитъ, а чтобъ ты не грѣшилъ, мальчуганъ, и не сластолюбствовалъ, то по возвращеніи моемъ дядя Никита Иванычъ (такъ звали кучера-краснобая) отпуститъ тебѣ тройку горячихъ нагаекъ.

— Ради стараться, ваше превосходительство; засмѣялся кучеръ съ козелъ.

— Грѣшно, Никита Иванычъ, право грѣшно, замѣтилъ камердинеръ Семенъ, сопровождавшій барина, который въ это время, не садясь въ карету, съ видомъ настоящаго знатока и охотника гладилъ атласистую шею одного изъ своихъ огромныхъ рысаковъ и внимательно разсматривалъ ихъ ноги.

— Что, Сеня, грѣшно? спросилъ генералъ.

— Да то-съ грѣшно, отвѣчалъ камердинеръ,—что Никита Иванычъ все нападаетъ на парнишку Прошку ни съ того ни съ сего. И вотъ хоть бы теперь Никита Иванычъ не изволитъ правды говорить про Прошку. Онъ точно вчера отъ директора, къ которому возилъ письмо, получилъ цѣлый узелъ лакомствъ, и тотчасъ все что въ узлѣ было раздарилъ всей нашей дворнѣ, еще пока спать не полегли, себѣ же кажись ничего не оставилъ. Напротивъ, за это онъ похвалы достоинъ, а не хаянья. Никита же Иванычъ гнѣвается за то что Прошка не подождалъ какъ онъ изъ театра съ генеральшей пріѣдетъ и, глупенькій, все что имѣлъ роздалъ поваренкамъ, дворниковымъ дѣтямъ, да въ прачешной. Небось и для его же фаворита Гришутки оставилъ два яблока и три кренделя и отдалъ ему, когда карету распрягали. Въ это время самъ-то Никита Иванычъ барствовать изволилъ въ людской.

— А зачѣмъ Прошка, сабачій сынъ, сердито возразилъ съ козелъ кучеръ,—мнѣ своему набольшему не ублаготворилъ изъ полученныхъ имъ лакомствъ?

— Да на кой чортъ тебѣ сивобородый эти лакомства?

Digitized by Google

спросилъ смѣясь генералъ, продолжавшій экзаменъ своихъ коней.—Дѣвицамъ краснымъ съ ферлакурствомъ подносить что ли?

Кучеръ угрюмо молчалъ, а камердинеръ и выѣздной лакей расхохотались, и камердинеръ Семенъ, какъ самый приближенный изъ прислуги, сказалъ:

— Вотъ ужь поистинѣ что въ самую точку, ваше превосходительство, попасть изволили: Никита Иванычъ за то и бѣсится на Прошку, что тотъ далъ лакомствъ новой молоденькой прачкѣ Феклушѣ, а та посмѣялась этимъ Никитѣ Иванычу и попрекнула его скупостью.

— Ха! ха! ха! засмѣялся генералъ, такъ сивобородый того какъ оно! Сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро! Ха! ха! ха! Ну смотри же, старый баловникъ, велю женѣ въ деревню отписать. Ну, нагайки отмѣняются. А ты Фабласъ (то-есть Фобласъ) этакой, маршъ крупною рысью за Выборгскую заставу черезъ Воскресенскій мостъ.

Мы двинулись быстро, хотя казалось что лошади едва шли: такъ необыкновенно шагисты орловскіе рысаки.

Я передалъ здѣсь этотъ разговоръ Ивана Никитича съ его прислугой, чтобы представить образчикъ тогдашней патріархальности и простоты нравовъ, хотя во дни сильнаго развитія крѣпостничества. Съ другой же стороны, здѣсь проявляется и образъ мыслей почтеннаго Ивана Никитича, который, платя дань понятіямъ вѣка и среды его воспитавшихъ считалъ ужаснымъ грѣхомъ выпить чашку чая до окончанія обѣдни и вовсе не грѣхомъ подвергать послѣ окончанія этой обѣдни крѣпостнаго мальчика тѣлесному наказанію, которое, по моему убѣжденію, въ какой бы формѣ и какомъ бы видѣ ни было произведено, унизительно и отвратительно.

Подъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на меня приказаніемъ кучеру дать три удара нагайки якобы провинившемуся, по доносу этого же кучера, форрейтору Прошкѣ, я заговорилъ въ каретѣ съ генераломъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, развивая, по этому предмету, мой взглядъ, діаметрально противоположный его понятіямъ, твердо въ немъ вкоренившимся и которыя конечно, ничемъ, тѣмъ паче моими доводами, тогда молодаго двадцати-двухлѣтняго человѣка, поколеблены быть не могли. Я говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ, которые не дали мнѣ возможности замѣтить что генералъ во все время моего спича морщился и болѣе обыкновеннаго конвульсически передерги-

Digitized by Google

вался всѣмъ лицомъ и плечами. Когда я кончилъ, онъ спросилъ меня:

— Ты кончилъ? — Кончилъ, отвѣчалъ я. — Ну такъ скажу тебѣ, братъ Володя, улыбнулся онъ,—коли кончилъ, такъ и Богу слава; но впередъ при мнѣ прошу не говорить объ этомъ никогда, ежели не хочешь раззнакомиться со мною. Я крѣпко того мнѣнія что на Руси у насъ безъ розогъ и батоговъ, въ извѣстной и благоразумной мѣрѣ, конечно, спохватился онъ,— нѣтъ и быть не можетъ спасенья. Березовая каша—мать наша!... Когда на горе мое, въ 1818 году я былъ временнымъ петербургскимъ генералъ-полицеймейстеромъ, стряслась знаменитая исторія съ завиральными или либеральными стихами вашего прелюбезнаго Пушкина, съ которымъ ныньче всѣ у насъ няньчатся какъ съ облупленнымъ яичкомъ,—я конфиденціально писалъ къ тогдашнему министру полиціи что не мѣшало бы посѣчь этого писателя. Слышалъ я что эти мои откровенныя, солдатскія и „патріотическія" (!!!) слова коекому крѣпко не полюбились и послужили основаніемъ къ плохой перемѣнѣ въ моей карьерѣ. Но со всѣмъ тѣмъ я вовсе въ словахъ этихъ не раскаиваюсь и постоянно держусь того что у насъ безъ розогъ ничего таки не подѣлаешь. А со всѣмъ тѣмъ, ты самъ знаешь — жестокъ ли я и какъ радѣю я о всѣхъ моимъ челядинцахъ и о моихъ подчиненныхъ! Но не терплю я этой фарисейской вашей филантропіи и философскаго либеральничанья. Знаю я этихъ благодѣтелей рода человѣческаго, знаю вдоль и поперекъ: они считаютъ за преступленіе всыпать десятокъ другой розогъ мужику или солдату, чтобъ его выправить и тѣмъ избавить отъ ссылки въ Сибирь современемъ, и въ то же время какъ ни въ чемъ не бывало тѣ же филантропы подписываютъ распоряженіе о сокращеніи какого-нибудь штата, чрезъ что доставятъ нѣсколько тысячъ выгоды казнѣ, для которой это вотъ что—плевокъ (онъ энергически плюнулъ на дорогу черезъ отворенное окно кареты), а съ тѣмъ вмѣстѣ пустятъ по-міру нѣсколько десятковъ людей, воспитанныхъ только для службы и ни для чего инаго какъ для службы не годныхъ. Нѣтъ-съ, какъ тамъ ни говорите, господа, а безъ розги взрослій человѣкъ гроша мѣднаго не стоитъ!

Я засмѣялся и сказалъ что на основаніи этого аргумента буду отнынѣ впредь признавать себя не стоющимъ не только гроша, даже полушки, потому что отецъ и мать мои считали

Digitized by Google

что тѣлесное наказаніе годно только для скотовъ, а не для людей.

— И исполать твоимъ родителямъ, подхватилъ Иванъ Никитичъ.—Денно и нощно они должны Бога Всемогущаго и Пресвятую Мать нашу Богородицу благодарить, что, слѣдуя такому правилу, они изъ тебя не выработали разбойника, другъ мой Володя. Но повѣрь мнѣ, старику, ты былъ бы и въ службѣ твоей счастливѣе, ежелибы ты былъ воспитанъ не на французскій, а на русскій, чисто православный ладъ.

— Словами доказывать вамъ противное я не стану, Иванъ Никитичъ, сказалъ я,—какъ потому что вы почти втрое меня старше, такъ и потому что вамъ разговоръ объ этомъ противенъ; но не могу я не сказать вамъ что мы сейчасъ въѣдемъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ находятся на воспитаніи около 300 крестьянскихъ парней, которые въ теченіе десяти мѣсяцевъ совершили такіе удивительные успѣхи, что нельзя не удивляться и не быть пораженнымъ тѣмъ что̀ можетъ сдѣлать твердая воля и умѣнье человѣка, обладающаго высшею педагогическою способностью, безъ употребленія тѣлесныхъ наказаній.

— Прекрасно, замѣтилъ Скобелевъ,—прекрасно! Это директоръ Байковъ тебѣ и Николаю Ивановичу разказываетъ, и вы оба одну пѣсню поете. А зачѣмъ же въ такомъ родѣ въ высочайше утвержденномъ уставѣ этого заведенія, прочитанномъ мною вчера, есть параграфъ на основаніи котораго директору этого училища представлено всыпать воспитанникамъ до 100 розогъ заразъ. Ежели точно онъ такой волшебникъ или фокусникъ, что безъ розогъ можетъ въ короткое время такъ удивительно вымуштровать своихъ учениковъ—сиволапыхъ мужичьевъ, то зачѣмъ же ему и это право сѣкацій? Онъ долженъ просить объ исключеніи этой мѣры, какъ ненужной, изъ самаго устава.

— Помилуйте, Иванъ Никитичъ, запротестовалъ я,—помилуйте, какъ можно допустить исключенія параграфа изъ устава, высочайше утвержденнаго?

— Но ежели параграфъ этотъ безполезенъ? поддразнивалъ меня генералъ.

— Безполезенъ для Байкова; но вѣдь не вѣчно же будетъ тутъ Байковъ; для другаго, можетъ-быть, параграфъ этотъ окажется необходимъ.

— Ага! братъ Володя, проговорился, воскликнулъ Иванъ

Digitized by Google

Никитичъ.—Необходимъ! Значитъ все-таки на мое сходитъ, что когда въ самомъ законоположеніи указывается на розги, то, какъ тамъ ни вертись, безъ мѣры этой нѣтъ возможности обойтись. Но, смотри пожалуста, какъ мы забесѣдовались: кажись мы и пріѣхали въ эту красивенькую учебную усадьбу, всю бѣлую съ зелеными крышами. А это что̀ за конвойный?

Вопросъ этотъ генераломъ былъ сдѣланъ потому что какъ только мы подъѣхали къ откинувшейся предъ нами рогаткѣ, ведущей на проспектъ, дежурный сотскій верхомъ на лихомъ донцѣ, снявъ шляпу, указалъ кучеру дорогу, и скача въ галопъ впереди нашихъ рысаковъ, — велъ экипажъ нашъ прямо къ крыльцу главнаго корпуса, гдѣ церковь.

Матвѣй Андреевичъ видно не для краснаго словца писалъ мнѣ что проглядитъ всѣ глаза, потому что едва успѣли мы съ генераломъ выйти изъ кареты, какъ почтенный директоръ встрѣтилъ генерала у подъѣзда главнаго корпуса. Онъ, какъ слѣдовало для праздничнаго дня, былъ въ форменномъ фракѣ и при всѣхъ своихъ орденахъ, какіе носилъ больше чѣмъ форма того требовала, потому что при Аннѣ съ короной, младшій орденъ, то-есть Станислава съ короной же не надѣвается иначе какъ въ полномъ парадѣ, въ мундирѣ; но Матвѣй Андреевичъ форменности этой, единственной изъ всѣхъ форменностей, не слѣдовалъ и носилъ всѣ ордена и тогда даже когда былъ въ форменномъ фракѣ. Иванъ же Никитичъ, при сюртукѣ имѣлъ только, по всей строгости статута, орденъ Св. Владиміра 3 степ. на шеѣ и Георгія 4 степ. съ бантомъ въ петлицѣ. Онъ былъ по-загородному безъ шляпы, съ фуражкой; но при своей золотой съ надписью „за храбрость“ шпагѣ. Генералъ и Байковъ обмѣнялись привѣтствіями и вошли въ залъ предъ церковью, гдѣ въ это время однимъ изъ воспитанниковъ, Григоріемъ Полянскимъ, исправлявшимъ должность причетника, читался Апостолъ. Когда высокій, довольно красивый, хотя и излишне сухощавый и какъ бы нѣсколько болѣзненный этотъ воспитанникъ окончилъ чтеніе Апостола и съ толстою книгой въ рукѣ направился къ клиросу, поклонясь предстоявшимъ, Иванъ Никитичъ взглянулъ на него особенно внимательно, послѣдовалъ за нимъ глазами и, склонясь къ Байкову, шепотомъ спросилъ его: „Какой губерніи этотъ парень?“— „Владимірской, ваше пр—во“, отвѣтилъ Байковъ также шепоткомъ.—„А какъ его зовутъ?“ — „Григоріемъ Полянскимъ“ былъ отвѣтъ.—„Дивны дѣла твои Господи!“ довольно громко

Digitized by Google

сказалъ генералъ, осѣнивъ себя размашисто огромнымъ крестомъ. Обѣдня шла и отошла своимъ чередомъ, и, какъ всегда водилось здѣсь, вынесены были почетныя просвиры для генерала, для меня и для Байкова съ его семействомъ. Просвиры подносилъ съ большими поклонами именно этотъ самый Григорій Полянскій, одинъ изъ самыхъ лучшихъ какъ по ученью, такъ и по поведенію воспитанниковъ, скромный, застѣнчивый парень, имѣвшій иноческій видъ и потому прозванный товарищами „чернецомъ“.

— Скажи пожалуста, другъ любезный, обратился къ нему генералъ Скобелевъ, принимая отъ него просвиру и крестясь,— вѣдь фамилія твоя Полянскій, не изъ села ли Воскресенскаго, не далеко отъ самаго губернскаго города Владиміра и расположеннаго вдоль рѣки Клязьмы? *

— Такъ точно-съ, изъ Воскресенскаго, ваше пр—во, отвѣчалъ сконфузившійся нѣсколько парень.—Село наше большущее, въ тысячу домовъ.

— Знаю, знаю, говорилъ генералъ, не обращая вниманія на то что бесѣда его съ воспитанникомъ остановила выходъ изъ церкви нѣкоторыхъ членовъ публики, любопытствовавшихъ знать исходъ этой бесѣды превосходительнаго посѣтителя училища съ воспитанникомъ исправлявшимъ должность церковника.

— Ну а вы вѣдь Полянскіе, продолжалъ разспрашивать генералъ,—не въ самомъ селѣ живете, а на выселкѣ, гдѣ у васъ за тридцать лѣтъ предъ симъ былъ преисправный крестьянскій домъ, какъ полная чаша?

— По милости Божіей и царской, отвѣчалъ Полянскій,—домъ родителей моихъ и теперь считается лучшимъ во всемъ Воскресенскомъ. Мы отчасти огородами занимаемся; а также и торговлей: съ давнихъ лѣтъ мы „богомазствомъ“ упражняемся, то-есть иконописаніемъ хотѣлъ я сказать, и Полянскія иконы почитаются что̀ ни есть превосходнѣйшими на многія сотни верстъ.

— Иконы древняго письма, помнится? спрашивалъ Иванъ Никитичъ, который между тѣмъ отложилъ просвиру на тарелочку Полянскаго и, отломивъ часть ея, осѣнилъ снова себя

* Память моя въ этомъ случаѣ измѣнила мнѣ: я рѣшительно забылъ названіе этого села, почему теперь произвольно назвалъ его „Воскресенскимъ“, справиться же мнѣ совершенно негдѣ.

Digitized by Google

крестомъ, и ѣлъ освященный хлѣбъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Такъ точно, ваше пр—во, древняго письма, отвѣчалъ снова покраснѣвъ Полянскій.

— Скажи же, дружокъ ты мой, мнѣ имя и отчество твоего отца?

— Терентій Сидоровичъ?

— Такъ дѣдъ твой былъ Сидоръ Пафнутьевичъ? громко и какъ-то радостно спросилъ генералъ.

— Именно-съ Сидоръ Пафнутьевичъ, молвилъ Полянскій, — и онъ и нынѣ здравствуетъ, хотя ему отъ роду уже больше восьмидесяти лѣтъ.

— Благодарю Господа моего, воскликнулъ Иванъ Никитичъ,— что сподобилъ меня на старости лѣтъ видѣть отрасль этого превосходнаго человѣка, Сидора-то Пафнутьича Полянскаго!

Зала уже почти опустѣла, воспитанники стройно вышли на дворъ, гдѣ выстроясь парами, пошли къ первой смѣнѣ обѣденнаго дома, но директоръ, я и нѣсколько постороннихъ лицъ стояли около генерала и Григорія Полянскаго. Тогда генералъ, обратясь къ Байкову и ко мнѣ, заговорилъ:

— Давнымъ давно, когда я носилъ еще капральскіе галуны, привелось мнѣ съ полкомъ стоять въ домѣ его дѣда Сидора Пафнутьича, въ то время уже перваго хозяина на всемъ селѣ. Никогда не забудетъ благодарная память моя того благословеннаго житья какое во время этого постоя имѣлъ я съ пятью рядовыми нашего полка въ этомъ истинно-русскомъ, благодушномъ и наичестнѣйшемъ семействѣ. Много годовъ спустя, когда я командовалъ уже полкомъ, привелъ Богъ опять быть въ этихъ мѣстахъ и увидать этихъ добрыхъ людей. Какъ только давича я впервые увидѣлъ этого молодца, — я тотчасъ по лицу его вспомнилъ о прежнихъ моихъ хозяевахъ Полянскихъ. Дѣло въ томъ что рѣдко встрѣчаются люди такъ похожіе одинъ на другаго, какъ бы ни близки были ихъ родственныя связи, какъ походитъ этотъ парень на своего отца Терентія Сидоровича. Ну, вылитый портретъ отца и дѣда, и, вѣрно, такой же добрый и честный....

Директоръ подтвердилъ что Григорій Полянскій одинъ изъ лучшихъ и нравственнѣйшихъ воспитанниковъ заведенія, что̀ доказывается нѣсколькими второстепенными наградами уже имъ заслуженными въ короткое время его десятимѣсячнаго здѣсь нахожденія. Это видимо порадовало генерала, который

Digitized by Google

тотчасъ обнялъ своею единственною рукой Григорія Полянскаго и крѣпко поцѣловалъ его въ лобъ, предоставивъ ему часть недоѣденной имъ просвиры, оставленной на тарелкѣ, что̀ въ тѣ времена почиталось не малымъ знакомъ вниманія и расположенія высшаго къ низшему. Затѣмъ Иванъ Никитичъ просилъ директора позволить когда-нибудь Полянскому, конечно, съ кѣмъ-либо изъ дядекъ, то-есть отставныхъ унтеръ-офицеровъ, побывать у него на дому, гдѣ онъ постарается принять его какъ можно лучше и одарить такими вещами которыя, надѣется, будутъ ему пригодны навсегда.

— Я знаю, замѣтилъ онъ,—вы денегъ имъ не дозволяете имѣть при себѣ, и это прекрасно; но на первый разъ нашего знакомства убѣдительнѣйше прошу васъ, Матвѣй Андреевичъ, не отказать мнѣ въ одномъ одолженіи. Вотъ эту бѣленькую бумажку съ лиловымъ бордюромъ (онъ изъ своего бумажника вынулъ сторублевую ассигнацію) соблаговолите велѣть положить въ банкъ на имя Григорія Терентьева Полянскаго, и, когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ садиться отсюда на хозяйство въ образцовую усадьбу, то билетъ съ наколившимися за эти годы процентами пусть будетъ выданъ ему на память стараго урода инвалида, который дослужился на службѣ царской до генералъ-лейтенантскаго чина, а все-таки не изгладилъ изъ памяти своей тѣхъ добрыхъ и прекрасныхъ людей которые столь заботливо-радушно и дружески-любовно принимали меня. Будешь, Гриша, писать къ твоимъ старикамъ, отпиши имъ о сегодняшней твоей нежданной встрѣчѣ и въ письмѣ пошли имъ мой поклонъ; но, впрочемъ, я и самъ къ нимъ отпишу и отъ себя и поздравлю ихъ съ такимъ внукомъ и сыномъ, каковъ ты, лишь бы не избаловался, Боже упаси! Ежели узнаю отъ господина директора что Гришка Полянскій испортился, бѣда: живаго въ землю тебя закопаю, хоть у меня, урода, и одна только рука; но этою одною рукой я съ тобою, шутъ гороховый, худость ты этакая, справлюсь! Ха! ха! ха! А онъ, Гришутка-то и впрямь думаетъ что я его съѣмъ родимаго! Такъ для примиренья, другъ любезный, прими отъ меня въ даръ мою солдатскую, въ печать произведенную, при помощи добрыхъ людей, белиберду. Дѣло въ томъ что мнѣ баяли будто у васъ въ училищѣ книга моего сочиненія: *Переписка русскихъ солдатъ* читается и нравится твоимъ однокашникамъ. Такъ вотъ, съ разрѣшенія господина директора, я завтрашняго числа пришлю сюда на имя воспитан-

Digitized by Google

ника Григорія Терентьева Полянскаго сто экземпляровъ этой книги, которые пусть онъ отъ себя раздастъ, также, конечно, съ позволенія господина директора, тѣмъ изъ своихъ товарищей которымъ захочетъ.

Директоръ принялъ это заявленіе генерала съ почтительнымъ удовольствіемъ; а Григорій Полянскій, казалось, ногъ подъ собою не чувствовалъ съ радости и поспѣшилъ всѣмъ товарищамъ разказать о своей счастливой встрѣчѣ. Достойно вниманія что подобное счастливое событіе съ однимъ изъ воспитанниковъ какого-либо инаго заведенія произвело бы чувство зависти къ счастливцу, между тѣмъ какъ здѣсь казалось что радость Полянскаго раздѣляютъ всѣ его товарищи.

Затѣмъ начался обходъ по заведенію, которое показывалось съ извѣстнымъ подходцемъ почетному и желанному посѣтителю. Встрѣча генерала съ Григоріемъ Полянскимъ, подарокъ ему сторублевой ассигнаціи и предоставленіе въ его распоряженіе сотни экземпляровъ книги *Переписка русскихъ солдатъ*, все это мигомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ училищѣ всѣмъ и каждому, почему, само собою разумѣется, всѣ глаза съ особеннымъ сладостнымъ вниманіемъ были обращены на безрукаго ветерана, который осанисто выступалъ между директоромъ и мною, а за нами шли директорскій разсыльный, поминутно отбѣгавшій для исполненія различныхъ словесныхъ, очень лаконическихъ, приказаній Матвѣя Андреевича, и Григорій Полянскій, съ радостно сіявшимъ лицомъ, веселый и счастливый, встрѣчавшій поздравительные взгляды и улыбки своихъ товарищей и наставниковъ, то-есть учителей, дядекъ и, такъ-называемыхъ, здѣсь „дядюшекъ“, то-есть бородатыхъ мастеровъ. Учителя и сотскіе, какъ обыкновенно, то-и-дѣло что шмыгали около насъ и читали въ глазахъ Байкова многоразличныя его распоряженія, которыя впрочемъ иногда на ходу передаваемы были въ полголоса. Иванъ Никитичъ, отъ времени до времени, подзывалъ къ себѣ Полянскаго и задавалъ ему вопросы, на которые юноша отвѣчалъ хотя съ нѣкоторою разстановкой, но всегда впопадъ и толково. Правду сказать, и въ вопросахъ своихъ генералъ умѣлъ мастерски приноравливаться къ понятіямъ молодаго крестьянина и къ крестьянскому быту, повидимому, извѣстному ему превосходно. Послѣднее обстоятельство было зорко подмѣчено Байковымъ, который, полушутя, полусеріозно, сказалъ что будь онъ набольшій изъ набольшихъ, — онъ бы никому какъ

Digitized by Google

его превосходительству поручилъ министерство государственныхъ имуществъ съ управленіемъ нѣсколькими милліонами государственныхъ крестьянъ. Эта шутка - комплиментъ Байкова имѣла глубокій смыслъ, потому что ежели для такой должности необходимо полное знаніе русскаго крестьянства, то хоть не министромъ, а товарищемъ министра Иванъ Никитичъ могъ бы быть образцовымъ и превосходнымъ. Но не всѣмъ людямъ на роду написано занимать государственныя должности по способностямъ. — Почтенный Иванъ Никитичъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ, сыпалъ направо и налѣво солдатскія прибаутки и маленькіе разказы, подхватываемые воспитанниками съ восторгомъ на лету, потому что всѣ эти разказцы вертѣлись на деревенскомъ житьѣ-бытьѣ и отличались чрезвычайною простотой и естественностію, при неподдѣльности и неходульности своихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ побасенокъ тотчасъ же на листочкахъ или въ тетрадки были воспитанниками записаны.

Мы бѣгло обошли: больницу, одну изъ спалень, столярную, мастерскую, безъ работы по-праздничному, даже музеумъ машинъ и орудій, гдѣ генералъ ухватился за родную косулю, изъявляя сожалѣніе что за отсутствіемъ лѣвой руки, не можетъ тряхнуть стариной и поработать такъ какъ когда-то работывалъ, будучи мальчишкой годковъ шестнадцати. Все это восхищало воспитанниковъ и было какъ нельзя больше кстати директору, который тотчасъ смекнулъ насколько онъ можетъ съ пользой для нравственности воспитанниковъ эксплуатировать посѣщеніе его превосходительства.—Первая смѣна давно отобѣдала и большими группами расхаживала по нашимъ столамъ, чтобы ближе наслаждаться присутствіемъ генерала - солдата, который будучи еще капраломъ, квартировалъ у дѣда Григорія Полянскаго. Вторая смѣна, нарочно позже сѣвшая за столъ, обѣдала въ то время какъ мы вошли въ столовую. Генералъ съ тарелки перваго попавшагося ему на глаза воспитанника похлебалъ щей, закусилъ пирогомъ и попросилъ кваску, который, разумѣется, пилъ съ восхищеніемъ. Я тотчасъ разказалъ Байкову вчерашнюю исторію съ квасомъ, и оказалась хроника объ этомъ квасѣ такая: отецъ Матвѣя Андреевича служилъ въ Разумовскихъ пикинерахъ и отъ того хуторянина-пикинера что̀ выучился этому квасоваренію отъ ахтырскихъ монашекъ са̀мъ нѣкогда позаимствовалъ рецептъ, и всю жизнь до смерти другаго кваса не пивалъ, какъ этотъ

Digitized by Google

изъ ржаныхъ корокъ. Вотъ зная квасъ этотъ за наилучшій, изъ практики своей жизни, Матвѣй Андреевичъ ввелъ его въ училищѣ, въ окрестностяхъ котораго онъ извѣстенъ подъ кличкой „училищнаго". * Разказъ мой восхитилъ Байкова, который тотчасъ распорядился посылкой на слѣдующій же день цѣлаго анкера этого кваса, а въ карету велѣлъ положить въ корзинкѣ нѣсколько бутылокъ на первый случай. Матвѣй Андреевичъ ликовалъ отъ восхищенія, особенно когда генералъ предъ выходомъ изъ столовой на ферму, гдѣ насъ ожидали чай, кофе и завтракъ, обратясь къ стоявшимъ, въ стройныхъ рядахъ по сторонамъ двухъ длиннѣйшихъ столовъ, воспитанникамъ, по 30 въ рядъ, сказалъ:

— Ну ребятушки! Скажу вамъ, вотъ какъ Богъ святъ: вы видите на мнѣ генеральскіе эполеты, и по Божеской и царской милостямъ я могу сказать что люди не врутъ, считая что у меня, израненнаго урода, сотенъ нѣсколько тысячъ состоянія. Но, ей-Богу, вотъ какъ сегодня воскресенье, издохнуть мнѣ какъ грѣшнику безъ причастія и исповѣди, ежели я вру, сказавъ вамъ заподлинно что лучшаго житья, какъ ваше здѣсь у начальства за лазуткой, я не желаю родному моему сыну, и не выскочи я въ генералы, а останься однодворцемъ или унтеромъ въ отставкѣ, какъ вонъ ваши усатые дядьки,—я бы непремѣнно испросилъ разрѣшеніе Митьку моего, на собственный мой коштъ, опредѣлить въ ваше благодѣтельное Удѣльное Училище воспитанникомъ.

Матвѣй Андреевичъ не утерпѣлъ и поцѣловалъ генерала въ плечо оторванной его руки.

— Ой! камрадъ директоръ другъ сердечный, вскликнулъ Скобелевъ,—тутъ не замай: этотъ отрубокъ отъ моей руки страшный недотрога и тотчасъ разбаливается отъ малѣйшаго при-

---

* Ежели бы кого изъ читателей настоящей статьи заинтересовалъ этотъ квасъ, то скажу что подробное описаніе его приготовленія можно найти въ книгѣ: *Бесѣды петербургскаго жителя о сельскомъ хозяйствѣ и домоводствѣ съ воспитанниками Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.* Соч. Бориса Волжина. С.-Пб. 1838 года.—Борисъ Волжинъ—это былъ тотъ псевдонимъ подъ которымъ я издавалъ нѣкоторыя книги хозяйственнаго содержанія, которыя всѣ въ Смирдинскомъ каталогѣ значатся, составляя однако нынче почти библіографическую рѣдкость.

косновенія. А вотъ лучше поцѣлуемся такъ на обѣ щеки, по россійскому обычаю.

За завтракомъ шли разговоры о томъ, о семъ, какъ вдругъ Иванъ Никитичъ поѣдая съ аппетитомъ жирный, настоящій казацкій варенецъ, сталъ съ досадой вытирать испачканные сливками усы, давно не стриженные, и возгласилъ:

— Бѣда съ непривычки съ этими волосяными сосульками, всемилостивѣйше намъ данными всего только невступно два года. А то бывало бритое подносье не въ примѣръ, по-моему, было лучше и удобнѣе. Но и то правда что съ усами воинъ какъ-то воинственнѣе высмотритъ.

Маневръ пожарной тревоги для Ивана Никитича былъ сдѣланъ безъ всякихъ фарсовъ и мистификацій, а очень просто, и генералъ отъ этого маневра былъ въ такомъ восхищеніи что чуть не плясалъ, хотя смотрѣлъ его съ балкова сельскаго домика, прозваннаго въ послѣдствіи „лѣтнимъ дворцомъ графа Льва Алексѣевича Перовскаго“, когда уже онъ былъ сдѣланъ графомъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ и товарищемъ министра удѣловъ. Пѣсни, исполненныя воспитанниками этотъ разъ съ еще бо́льшими чѣмъ когда одушевленіемъ и непринужденностью, въ конецъ очаровали генерала, который нѣсколько разъ принимался обнимать и цѣловать Байкова, говоря что онъ ничего подобнаго не видывалъ и не можетъ довольно надивиться тому какъ это въ десять мѣсяцевъ можно было совершить такія чудеса, какихъ ему съ солдатами и въ пять лѣтъ не приводилось дѣлать; а ужь кажется онъ вымуштровать сумѣетъ хоть самого чорта, коли бы потребовалось. Генералъ уѣхалъ изъ заведенія въ четвертомъ часу пополудни, но, прощаясь со мною и, по обыкновенію, ухвативъ мое лѣвое плечо своими отрубками пальцевъ правой руки, сказалъ мнѣ на ухо: „Будь я не Иванъ Скобелевъ, а Боровъ Патрикеевичъ, коли ты не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ когда-нибудь узнаешь что всѣ эти успѣхи — плоды березовой каши, а ни чего инаго, и что всѣ разказы о неупотребленіи розогъ, просто, сорока на хвостѣ принесла. Ха! ха! ха!“

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Иванъ Никитичъ имѣлъ аудіенцію у его свѣтлости, князя Петра Михайловича Волконскаго и такъ его восхитилъ своимъ одушевленнымъ, искреннимъ и ловкимъ разказомъ объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ что князь безъ особеннаго затрудненія исполнилъ его

Digitized by Google

просьбу объ опредѣленіи какого-то бѣднаго, семейнаго отставнаго раненаго офицера, помощникомъ смотрителя одного изъ загородныхъ дворцовъ, кажется Ропшинскаго.

XI.

Когда Иванъ Никитичъ уѣхалъ изъ Земледѣльческаго Училища, то Матвѣй Андреевичъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и почти во весь обѣдъ главнымъ предметомъ нашего разговора былъ генералъ-солдатъ Скобелевъ, отъ котораго Байковъ былъ въ восхищеніи, относясь о немъ съ искреннимъ уваженіемъ и осыпая меня благодарностями за такое полезное для училища знакомство. Послѣ обѣда Байковъ началъ свой обычный инспекторскій обходъ по училищу. Я сопровождалъ его, и не могъ не замѣтить его необыкновенной, какой-то, право, геніальной способности наблюдать всякій предметъ, изслѣдовать всякій случай, казавшійся мнѣ далеко не очень важнымъ и вниманія достойнымъ. Ничто не ускользало отъ его глаза и, при этомъ, при мнѣ, никакой изъ встрѣченныхъ имъ безпорядковъ, конечно, ничтожныхъ, не возбуждалъ гнѣва начальственнаго или рѣзкихъ выраженій, напротивъ всякое его замѣчаніе сопровождалось или улыбкой, или смѣхомъ, или шуткой. Но, повидимому, подчиненные, учителя, надзиратели, мастера и воспитанники умѣли читать въ его бѣлесоватыхъ глазахъ лучше моего, далеко не нѣжные приговоры, потому что и улыбки, и смѣхъ, и шутки начальника принимали съ смущеніемъ и нерѣдко краснѣя сильно, а часто и блѣднѣя. Но я ничего не подозрѣвалъ и скажу откровенно что не только въ 1834 году, когда я познакомился съ Байковымъ и съ его заведеніемъ, но въ теченіи четырехъ съ половиной лѣтъ моего короткаго знакомства съ Байковымъ, котораго я посѣщалъ еженедѣльно и у котораго я гащивалъ по два, по три дня сряду, до самаго моего, въ апрѣлѣ 1839 года, поступленія на службу подъ начальство Байкова, я не зналъ ничего о тѣхъ крутыхъ и даже жестокихъ мѣрахъ какія обусловливали успѣхи заведенія и его удивительную нравственность—предметъ удивленія всей петербургской публики, кромѣ однако такихъ неисправимыхъ скептиковъ, какимъ былъ старикъ мой извощикъ-сосѣдъ, съ которымъ, во время моихъ поѣздокъ, случалось мнѣ бесѣдовать объ училищѣ. Когда я проводилъ дни въ

Digitized by Google

Земледѣльческомъ и, пользуясь полною, *наружною* свободой, ходилъ повсюду одинъ или сопровождаемый группами воспитанниковъ, бесѣдуя съ ними о различныхъ предметахъ, касающихся то ихъ быта, то естествознанія, то этнографіи и географіи странъ имъ неизвѣстныхъ, то историческихъ и біографическихъ подробностей о событіяхъ знаменательныхъ и мужахъ знаменитыхъ, преимущественно земли Русской, никогда ни отъ кого изъ воспитанниковъ, принимавшихъ меня съ явнымъ радушіемъ, не привелось мнѣ услыхать что-либо такое что̀ могло бы оправдать доходившіе до меня разказы на сторонѣ о тѣхъ истязаніяхъ какія здѣсь бывали зауряд. Такъ строго исполнялось приказаніе Байкова „соръ изъ избы не выносить“.

Сообщая Матвѣю Андреевичу о томъ разговорѣ „о розгахъ“ какой я въ каретѣ имѣлъ съ генераломъ Скобелевымъ, я откровенно передалъ ему замѣтку генерала-скептика сдѣланную мнѣ въ тотъ моментъ когда онъ садился уже въ карету. Байковъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ:

— Вотъ Богъ дастъ, В. П., мы съ вами поближе познакомимся, заслужимъ вашу дружбу, вы будете посѣщать насъ часто, и тогда убѣдитесь на дѣлѣ въ несостоятельности всѣхъ этихъ предположеній и даже разказовъ, ежелибы какіе-нибудь даже и разказы до васъ дойти могли какъ-нибудь. И вслѣдъ за этимъ онъ сталъ спрашивать каждаго воспитанника, нами встрѣченнаго и кланявшагося, снимая шляпу:—Ты здѣсь десять мѣсяцевъ. Сколько разъ тебя сѣкли?—„Ни разу, ваше высокородіе“ былъ отвѣтъ.—Ну, можетъ-быть, тебя били линьками, нагайками?“—„Никогда, ваше высокородіе.“

— Ну, врешь же, иной разъ который-нибудь изъ мастеровъ колотилъ тебя за непониманье или за лѣнь?—„Никогда, ваше высокородіе, тѣмъ болѣе что отъ вашего высокородія всякіе побои мастерамъ строго воспрещены, такъ какъ они могутъ ставить намъ дурные балы, которые чрезъ смотрителя работъ представляются вашему высокородію.“—Ну, а я за дурные эти балы порю васъ розгами?—„Лучше бы пороли, ваше высокородіе, легче было бы.“

— Ха! ха! ха! Вишь какой лакомка до розогъ! Въ чемъ же состоитъ мое наказаніе?

— Да въ томъ, ваше высокородіе, что вы приказываете, подъ карауломъ дежурнаго сотскаго, безъ кушака, отбираемаго сотскимъ, ходить по всему училищу къ господамъ чи-

Digitized by Google

новникамъ, къ мастерамъ, къ надзирателямъ и къ учителямъ и объявлять имъ что я лѣнтяй, дурные балы получилъ и пока не исправлюсь долженъ опоясываться веревкой. Этотъ обходъ, право, ваше высокородіе, стоитъ сотни розогъ.

Одному изъ воспитанниковъ, съ которымъ былъ такой стереотипный разговоръ, Байковъ сказалъ, смѣясь: „Ну братъ,— Байгузовъ (алатырской удѣльной конторы), ты говоришь о ста розгахъ словно о ста орѣхахъ, потому что незнакомъ съ ними.“— „А, вотъ-съ, знакомъ, ваше высокородіе, замѣтилъ воспитанникъ, да еще какъ знакомъ то-съ.“—„Это становится любопытно, сказалъ Байковъ,—въ чемъ же дѣло?“—„А дѣло то-съ въ томъ что дома еще, года полтора предъ симъ, привелось мнѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, старикомъ добрымъ, царствіе ему небесное, онъ съ полгода какъ померъ, да только, не тѣмъ быть помянутъ, зашибать любилъ винцомъ,—везти въ городъ Алатырь въ контору отъ нашего волостнаго головы въ большомъ пакетѣ разчетную вѣдомость. Отецъ-то мой вложилъ пакетъ-то въ сумку, и сумку ту повѣсилъ себѣ черезъ плечо. На дорогѣ повстрѣчали мы одного человѣка, который со старикомъ моимъ любилъ хороводиться, и вотъ какъ я отца ни упрашивалъ, онъ таки пошелъ въ кабакъ съ этимъ бѣсомъ-соблазнителемъ; а меня оставилъ при лошади и телѣгѣ. Изъ кабака же онъ на своихъ ногахъ не пришелъ; а его принесли и въ телѣгу уложили кабацкіе прислужники. Глядь, а сумки-то нѣтъ. Я туда и сюда: сумка съ пакетомъ и вѣдомостью сгинула, какъ сгинулъ и подстрекатель, что̀ напоилъ моего старика. Оказалось что этотъ злодѣй, отставной солдатъ, былъ личный врагъ нашего головы Дормидона Пафнутьича и хотѣлъ ему сыграть эту штуку. Мы вернулись въ село безъ сумки и пошли въ волость, гдѣ судъ приговорилъ родителя моего къ наказанію при всемъ мірѣ ста розгами. Старикъ былъ хилый, розогъ бы не вынесъ, и вотъ я въ ноги головѣ, и упросилъ голову чтобы розги даны были мнѣ, а не отцу моему единокровному. Такъ-то я и узналъ, ваше высокородіе, на себѣ, что̀ такая за баня сотня-то розогъ, и все-таки доложу вамъ что то наказаніе, какимъ за нерадѣніе наше вы насъ изволите исправлять, не въ примѣръ хуже ста розогъ, потому что съ этимъ наказаніемъ наберешься стыда и сраму съ три короба, особенно у семейныхъ мастеровъ, хоть бы у дядюшки Ермила плотника, его старуха теща натрещитъ при этомъ столько что ей-же-ей стоитъ ста розогъ. Да хоть бы намедни, ваше высокородіе,

Digitized by Google

когда вы изволили меня такимъ образомъ оштрафовать за плохое мое дежурство у скотника на фермѣ,—пришелъ это я съ сотскимъ Бровкинымъ, опоясанный веревкой, какъ нищій, къ дядѣ Ермилу, а у него его старуха теща Анфиза Семеновна справляла свой день ангела. И пошла она меня, при всѣхъ своихъ гостяхъ, срамить и такъ, и сякъ. Мало показалось ей словъ, она запустила лапу свою толстую вдругъ мнѣ въ волосы, да и начала таскать. Дядя Ермилъ ее унимаетъ, а она, выпивши была маленько, меня-то держитъ за кудри правою рукой, а лѣвою цапъ зятя своего за его бородищу. Ермилина хозяйка мужа выручаетъ отъ матери, а за меня сотскій Бровкинъ сердитую бабу унимаетъ и именемъ вашего высокородія пристрастилъ. Она и выпустила меня; да не утерпѣла, озарница сѣдая, дала таки мнѣ пощечину и изъ квартиры выгнала. Съ тѣхъ поръ просто на людей посмотрѣть страхъ, и ужь я каждую мою недѣлю гдѣ бы ни дежурилъ, а надѣюсь, балъ дурныхъ не получу."—„Ай да Анфиза Семеновна, засмѣялся Байковъ, я стараюсь не допускать здѣсь тѣлесныхъ наказаній, а она ихъ развиваетъ. Молодецъ баба! Помогаетъ мнѣ управлять моими „мальчиками".

Увлекшись разказомъ воспитанника Ѳедора Байгузова съ изложеніемъ о его самопожертвованіи—я въ моей записной агендѣ записалъ имя такого прекраснаго сына и, бесѣдуя часто въ послѣдствіи съ воспитанниками, я всегда находилъ случай привести имъ этотъ примѣръ великодушія и сыновней привязанности. Никто никогда мнѣ и слова не сказалъ противъ этого случая, почему, издавая въ 1837 уже году книгу для чтенія простолюдиновъ *Староста Иванъ Мироновъ*, предварительно прочтенную воспитанникамъ здѣшнимъ,—я это происшествіе съ розгами, принятыми сыномъ за отца, включилъ въ означенную книгу, съ указаніемъ на мѣстность алатырскую и на личности Байгузовыхъ отца и сына. Каково же было мое удивленіе, когда въ послѣдствіи, поступая сюда на службу, я отъ предмѣстника моего Ѳедора Ивановича Сухомлинова, умершаго въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1872 года въ Одессѣ, гдѣ пользовался, судя по газетному некрологу, значительнымъ авторитетомъ,—узналъ что весь этотъ разказъ Байгузова былъ вымышленъ директоромъ, для вящшаго обморочиванія меня грѣшнаго. Впрочемъ, почти не было въ заведеніи воспитанника который не былъ бы снабженъ какимъ-нибудь повѣствованіемъ, которымъ ловкій

Digitized by Google

директоръ умѣлъ мастерски пользоваться, въ цѣляхъ обмороченія то того, то другаго изъ посѣтителей.

Во время нашего обхода по заведенію, мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ подошли къ тому мѣсту гдѣ была на фермѣ свинарня; къ намъ подошелъ смотритель фермы, Егоръ Васильевичъ Ревягинъ, рыжій, весь въ веснушкахъ, съ рыжими узенькими бакенбардами, въ своей длиннополой, украшенной галунами, учительской формѣ и съ стереотипною своею улыбочкой, никогда не оставлявшею его лица; довольно подобострастно кланяясь директору, сказалъ что на фермѣ все обстоитъ благополучно, кромѣ того только что молоденькій боровокъ, черненькій, берхшайрской породы, прозванный *арапчикомъ*, что-то занемогъ, не ѣстъ, не пьетъ, храпитъ, испускаетъ пѣну и катается. У дверей свинарни встрѣчены мы были главнымъ свинаремъ, извѣстнымъ уже читателю специалистомъ свинарнаго дѣла, Трифономъ Шестаковымъ, имѣвшимъ видъ очень озабоченный.

— Что это съ *арапчикомъ* случилось? спросилъ директоръ.

— Стряслась болѣзнь лихая какая-то, ваше высокородіе, сказалъ Шестаковъ.—На первый разъ, какъ уже было отъ вашей милости приказано, мы дали ему конопляннаго масла, а теперь одинъ изъ дежурныхъ воспитанниковъ растираетъ ему животъ. Всячески постараемся его отходить: больно жаль было бы потерять такого славнаго кабанка; будетъ больно хорошъ для приплода, широкобедрый, да клыкастый такой, а хвостъ-то, хвостъ у него какой, такъ просто прелесть, словно буква земля, или, какъ ее? з по-вашему, весь въ закорючкахъ.

Байковъ, улыбнувшись, взглянулъ на меня и показалъ явное вниманіе специалисту-свинарю, сказавъ:

— Ужь я на Шестакова надѣюсь, онъ не дастъ околѣть *арапчику*. А кто у тебя эту недѣлю дежуритъ въ свинарнѣ?

— Егоръ Панкратовъ, симбирскій, и Тарасъ Шкуренко, саратовскій, ваше высокородіе, былъ отвѣтъ.

— Ребята усердные, сказалъ директоръ, входя въ ту загородку стойла, вдѣ на грудѣ соломы лежалъ черный боровокъ, сильно храпѣвшій, а двое воспитанниковъ стояли подлѣ него на колѣняхъ: одинъ придерживалъ животное, другой усердно и тщательно растиралъ ему животъ до пота лица. Они, не перемѣняя своего положенія, продолжали свое дѣло, привѣтствуя директора словами: „Здравія желаемъ вашему высокородію!"

— Здорово, ребята, отвѣчалъ директоръ, щупая, съ видомъ

Digitized by Google

знатока, гдѣ слѣдуетъ пульсацію животнаго и, помявъ ему рыло, отчего боровокъ сталъ сильно хрюкать и началъ вырываться.

— Полъунца антимоніи и нашатырнаго отвара задать ему, сказалъ Матвѣй Андреевичъ, обращаясь къ смотрителю.—А между тѣмъ все, ребята, растирайте ему животъ. Ты, Панкратовъ, вѣдь изъ старшихъ, такъ смотри же не забудь вести журналъ болѣзни, съ поясненіемъ часа начала и всѣхъ дѣйствій съ самаго начала. Что бы ни случилось, записывай все, а потомъ, выздоровѣетъ ли, околѣетъ ли боровокъ, подай мнѣ записку о ходѣ болѣзни чрезъ Ревягина. А какъ кончишь дежурство, то прочтешь свою записку на сборѣ воспитанниковъ, чтобъ и они себѣ списали.

Когда мы вышли изъ свинарни и, обойдя птичникъ, овчарню, скотный дворъ и конюшню, направлялись домой, то-есть въ директорскую квартиру, Байковъ пояснялъ мнѣ что каждый случай на фермѣ, въ полѣ, огородѣ и мастерскихъ дежурные воспитанники записываютъ для прочтенія товарищамъ, которые въ свою очередь записываютъ случай этотъ въ своемъ дневникѣ и такимъ образомъ въ теченіи шестилѣтняго пребыванія здѣсь воспитанниковъ у каждаго изъ нихъ невольнымъ образомъ составляется „практическій курсъ сельскаго хозяйства", вполнѣ русскаго, вполнѣ примѣнимаго къ дѣлу, а не такіе какими дарятъ русскую хозяйственную литературу профессора Павловъ да Усовъ, никогда деревенскаго быта даже не вѣдавшіе и изъ столицъ не выѣзжавшіе.

Я не могъ не согласиться съ Байковымъ въ томъ что тогдашнія агрономическія книги были богаты теоріей и бѣдны практикой до крайности; но при этомъ замѣтилъ ему что по спеціальнымъ предметамъ выходятъ таки порядочныя вещи, и вотъ на дняхъ по предмету свиноводства и свинолѣченія вышла, кажется, хорошая книга доктора Выборха, переведенная съ нѣмецкаго очень правильно.

— Я сказалъ объ этой книгѣ, прибавилъ я, — въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, А. П. Башуцкаго, нѣсколько похвальныхъ ей словъ, будучи убѣжденъ въ ея достоинствахъ, и узнавъ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, который занимался практическимъ хозяйствомъ въ окрестностяхъ Петербурга, что онъ извѣдалъ пользу книги этой на дѣлѣ и по рецептамъ ея очень простымъ и немногосложнымъ вылѣчилъ не одну больную свинью у себя. Онъ даже мнѣ говорилъ что онъ вылѣчилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ животныхъ точь-въ-точь по этой книгѣ.

Digitized by Google

— Ну ужь позвольте вамъ сказать, В. П., воскликнулъ Байковъ,—что ежели вашъ знакомый это вамъ говорилъ, то просто шутилъ, потому что это одна изъ самыхъ вздорныхъ книжонокъ и наполнена ложью и пустяками. Очень даже жаль что вы поторопились похвалить ее въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, очень, очень и очень жаль для вашей чести, какъ сотрудника журнала. Я купилъ эту книжонку вслѣдствіе отчасти вашей похвалы; да какъ прочелъ, такъ чтобъ она какимъ-нибудь манеромъ не попалась въ руки воспитанниковъ и они тамъ вздоровъ не начитались, я ее сжегъ намедни въ хлѣбопекарной печи собственноручно.

Это меня немножко смутило; но въ короткое время моего знакомства съ Байковымъ я успѣлъ убѣдиться въ томъ что нѣтъ того агрономическаго сочиненія которое онъ считалъ бы вниманія достойнымъ, до того что, по его мнѣнію, даже безсмертный Теерь былъ не что̀ иное какъ выдохшійся гелертеръ, который дальше своего Мёглина ни о чемъ понятія не имѣлъ.

— Я для здѣшнихъ воспитанниковъ создалъ особенный курсъ, курсъ чисто практическаго характера! восклицалъ онъ.—А не теоретическую диссертацію, распложенную на десятки томовъ, и я увѣренъ что каждый изъ моихъ „мальчиковъ", по окончаніи курса. за поясъ заткнетъ каждаго изъ этихъ ученыхъ болтуновъ.

— Ну а что̀ вы думаете, Матвѣй Андреевичъ, о томъ четвероногомъ паціентѣ котораго мы оставили въ свинарнѣ? спросилъ я.—Выздоровѣетъ ли или околѣетъ онъ?

— Непремѣнно выздоровѣетъ, отвѣчалъ Байковъ, — ежели только всѣ наставленія мои будутъ выполнены.

Напившись чаю, какъ водится съ обиліемъ превосходныхъ сливокъ и столько же превосходнаго сливочнаго масла и бубликовъ, мы съ Байковымъ изъ столовой перешли въ его кабинетъ, уже извѣстный читателю по тому подробному описанію какое сдѣлано мною этой комнатѣ, какъ театру постоянной дѣятельности Байкова и гдѣ я былъ свидѣтелемъ многихъ сценъ и случаевъ нашедшихъ мѣсто въ этой моей довольно обширной статьѣ, въ которой читатель, независимо отъ Земледѣльческаго Училища, главной ея цѣли, знакомится съ множествомъ побочныхъ обстоятельствъ и личностей, къ заведенію этому не принадлежащихъ, но теперь болѣе или менѣе связанныхъ

Digitized by Google

съ нимъ по ходу моего разказа. Въ этомъ кабинетѣ на диванѣ покрытомъ хорошимъ тюфякомъ и на этотъ разъ окруженномъ ширмами, было устроено для меня прекрасное ложе съ подушками, одѣялами и съ бѣльемъ поразительной опрятности. Я очень благодарилъ Байкова за вниманіе; а онъ просилъ у меня позволенія при мнѣ кончить оффиціальную часть дня, то-есть принять: эконома, полицеймейстера, смотрителей фермы и работъ мастерскихъ, полеваго надзирателя, старшаго учителя, сотскихъ сегодняшнихъ и завтрашнихъ. Интересуясь видѣть всю эту процедуру, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бойкихъ и необыкновенно практическихъ распоряженій Байкова, какъ директора, то отдававшаго приказанія свои словесно, то дѣлавшаго отмѣтки въ подаваемыхъ ему книгахъ и тетрадкахъ. Не нужно однако было быть большимъ Лафатеромъ, или Ла-Брюйеромъ, или Жеро чтобы не замѣтить что при мнѣ не все договаривалось и что иныя отмѣтки въ книгахъ и тетрадяхъ заставляли или краснѣть или блѣднѣть подчиненныхъ, хотя съ лица Байкова не сходила улыбка. Не буду повторять здѣсь всего этого подначальственнаго чисто техническаго доклада, какъ потому что для большинства читателей это скучно, такъ и потому что эпизоды такихъ докладовъ читатели еще встрѣтятъ въ разныхъ фазисахъ этой статьи, конецъ которой не сейчасъ придетъ. Скажу только что при рапортѣ смотрителя фермы Ревягина Байковъ не забылъ спросить объ *арапчикѣ*, и получилъ въ отвѣтъ что боровокъ начинаетъ дышать лучше немножко.

— Можно прибавить еще антимоніи; но только осторожно, замѣтилъ директоръ.—Ежели же однако боровку сдѣлается хуже, то дать мнѣ знать, и разбудить меня хоть бы ночью. Мы васъ не разбудимъ, В. П., сказалъ Байковъ, обращаясь ко мнѣ, — можете быть увѣрены что будемъ ко сну вашему внимательны.

— О! со мной не церемоньтесь, замѣтилъ я,—я буду у васъ спать какъ убитый: даже барабаномъ нельзя будетъ разбудить меня, благодаря хорошей сегодняшней прогулкѣ и благодаря превосходному ложу устроенному для меня вашею гостепріимною внимательностью.

— А вотъ что̀, В. П., заговорилъ о̀нъ, — завтра у насъ 29 августа, табельный праздникъ, и такой что вы можете быть свободны отъ департамента на завтра и на Александровъ день, а ужь въ среду я васъ доставилъ бы въ Питеръ самъ ранехонько.

Digitized by Google

Но хоть завтра и праздникъ Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, мы послѣ обѣдни и до обѣдни будемъ таки работать, потому что въ полѣ много есть дѣла, а „мальчиковъ“ надо пріучать къ труду, чтобы не пользовались предлогами праздниковъ для баклушничанья, такъ вы завтра успѣете ознакомиться съ нѣкоторыми нашими дѣйствіями будничнаго характера. Согласны ли вы на это, то-есть остаться у насъ до среды?

Я изъявилъ согласіе, но просилъ только велѣть отвезти завтра утромъ записочку отъ меня къ моей матери, чтобъ она не безпокоилась о моемъ отсутствіи на нѣсколько дней. Байковъ поспѣшилъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ вошелъ разсыльный воспитанникъ изъ дежурной комнаты и доложилъ что изъ города отъ его свѣтлости господина министра курьеръ привезъ записку на имя его высокородія, какую записку тотчасъ и подалъ. Байковъ принялся читать записку. Записка, противъ обыкновенія, оказалась написанная собственноручно самимъ министромъ, то-есть крайне экстренная, и Байковъ, предоставивъ мнѣ чтеніе газетъ дня, занялся изготовленіемъ отвѣта, велѣвъ чтобы курьера камердинеръ его, Никифоръ, угостилъ чаемъ и наливкой, съ тѣмъ чтобъ онъ отвезъ отвѣтъ его свѣтлости. Отвѣтъ этотъ написанъ былъ на большомъ листѣ такъ-называемой бумаги для всеподданнѣйшихъ докладовъ и тотчасъ съ него самимъ Байковымъ была снята копія и пришита къ цидулѣ министра, вложенной, какъ какая драгоцѣнность, въ листъ веленевой бумаги. Когда все было тщательно запакетовано и запечатано, призванъ былъ сановитый курьеръ, судя по медалямъ, изъ военныхъ нижнихъ чиновъ, который сказалъ что „ихъ“ свѣтлость приказать изволили, какъ только вернутся изъ театра, гдѣ Тальйонова представляетъ, представить имъ рапортъ его высокородія господина директора. Господинъ директоръ самъ вложилъ пакетъ въ сумку курьера, съ которымъ ласково поздоровался и что-то сунулъ тому въ эту сумку, показавшееся мнѣ синею пятирублевою бумажкой, вслѣдствіе чего курьеръ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ сказалъ: „Самолично будемъ имѣть счастіе представить. Счастливо оставаться, премного вашимъ высокородіемъ (дай Богъ скорѣе превосходительства)—довольны“.

— А вотъ, дорогой В. П., сказалъ Байковъ, весело обращаясь ко мнѣ,—ничто никогда не было такъ кстати, какъ праздничный завтрашній день, благодаря которому мы васъ

Digitized by Google

у насъ заарестуемъ и вы мнѣ сослужите на вѣки незабвенную службу, отъ которой, смѣю надѣяться, не откажетесь.

— Радъ душевно служить вамъ, Матвѣй Андреевичъ, но не знаю, право, въ чемъ дѣло? замѣтилъ я.

— Дѣло для васъ плёвое: вы свободно говорите по-французски, и завтрашній день, когда сюда будетъ одна прелестная Француженка, надо будетъ ее принять отличнѣйшимъ манеромъ. Все что въ нашей власти—мы исполнимъ и исполнимъ на славу, я надѣюсь, но болтать по-французски съ Парижанкой ни я, ни мой помощникъ, ни полицеймейстеръ, ни Нѣмчурка лѣкарь не умѣемъ; а она, проклятая, ни слова не знаетъ по-русски; такъ вотъ изволите видѣть, вы ее примите, вы ее водите, вы ее угощайте, вы ее удивляйте, а ужь остальное наше дѣло: все творится будетъ отличнѣйшимъ манеромъ и какъ бы по щучьему велѣнью. Мы на томъ стоимъ! Согласны вы В. П.?

Я охотно согласился, имѣя въ перспективѣ завтра оживленную бесѣду съ умною и бойкою Парижанкой, да еще, въ придачу, и красавицей, что все мнѣ очень улыбалось. Мнѣ сдавалось что это должна быть какая-нибудь знаменитость дипломатическаго или артистическаго міра. Оказалось что я не ошибся во второмъ отношеніи: особа которую завтра надо было такъ чествовать была ни болѣе, ни менѣе, какъ тогдашняя звѣзда первой величины французскаго театра, тридцатилѣтняя красавица и умница, очень блестяще образованная Виргинія Бурбье, обворожившая престарѣлаго министра. Впрочемъ, сколько извѣстно, это была самая платоническая привязанность, главнымъ основаніемъ которой была не столько обворожительная пластика артистки, сколько ея умъ, украшенный начитанностью безъ малѣйшаго педантизма, и ея свѣтская ловкость, дававшая ей возможность играть дивно хорошо въ Скрибовой *Camaraderie ou la courte échelle* роль молодой жены дряхлаго пера, представляемаго тогда неподражаемымъ Верне. Затѣмъ Байковъ пустился въ подробности завтрашняго пріема великолѣпной и знатной посѣтительницы, — сказавъ что сначала надо показать залу, церковь, классы, спальни, мастерскія, больницу, музеумъ, столовую, кухню, садъ, пчельникъ; а ежели она пріѣдетъ во время обѣда, то, не ходя никуда, ввести въ столовую. По полямъ водить ее нечего: а показать ей ихъ съ балкона сельскаго домика Л. А. Перовскаго. Главное дѣло,—угостить въ молоч-

Digitized by Google

нѣ, куда отъ него, кромѣ того что тамъ всегда налицо изъ молочныхъ скоповъ, принесены будутъ: чай, кофе, даже шоколатъ и самыя свѣжія яица въ смятку. Француженка будетъ въ восхищеніи, особенно когда ей въ экипажъ поставятъ цѣлую корзинищу съ сырами бри и разными нашими произведеніями, до которыхъ она большая лакомка, что извѣстно ему, Байкову, такъ-какъ князь уже не разъ посылалъ къ ней эти образчики.

— Можно будетъ, сказалъ Байковъ, усладить ее сотами и поднести ей десятокъ артишоковъ, только-что нами выращенныхъ. Уѣхать ей не отсюда, а отъ молочной, такъ-какъ мы распорядимся экипажъ-то ея послать на ферму черезъ часъ послѣ ея туда съ вами прихода. Когда она соберется совсѣмъ садиться въ экипажъ, я подстерегу этотъ моментъ и выйду, въ формѣ и регаліяхъ, со свитой смотрителей, учителей, сотскихъ, и вы меня съ нею познакомите, потрудясь быть нашимъ переводчикомъ. А до тѣхъ поръ вы предложите ей видѣть маневръ пожарной тревоги. Она, конечно, рада будетъ такому „спектаклю", вы шепнете дежурному сотскому, который будетъ около васъ, какъ хвостъ у кометы, и мигомъ все загремитъ и поскачетъ по огромному двору фермы. Потомъ въ порядкѣ вещей гимны, пѣсни, плясъ, присядка. О! я увѣренъ что Француженка восхитится.

— Вы, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—и впрямь сведете Француженку съ ума всѣми этими любезностями. Однако, смотрите, около полночи. Не пора ли намъ бай-бай?

— Ваша постель, отвѣчалъ Байковъ,—васъ ожидаетъ, ложитесь безъ церемоній. Я же еще посижу часокъ для нѣкоторыхъ записокъ текущаго дня, о которомъ я на завтрашнее утро долженъ донести Льву Алексѣевичу. Не прикажете ли позвать моего, правда, не очень ловкаго камердинера, чтобы раздѣть и разуть васъ, В. П.?

— Отъ роду родясь, засмѣялся я,—это было бы для меня въ первый разъ: я никогда, сколько себя помню съ малолѣтства, не употреблялъ лакейскихъ услугъ и все около себя умѣю дѣлать самъ.

— Это превосходно, это по-англійски, замѣтилъ Байковъ, большой поклонникъ всего англійскаго.—Пожалуста завтра, при свиданіи съ моею бабой (такъ онъ въ интимности называлъ свою жену), разкажите ей о вашемъ спартанскомъ воспитаніи, потому что она готова совсѣмъ испортить нашего мальчугана; ему семь лѣтъ, а онъ не умѣетъ самъ рубашки на себя

Digitized by Google

наладить, сапожонокъ натянуть безъ няньки. Я этого терпѣть не могу. Однако доброй ночи: вы, кажется, ужь спите?

Чего „кажется“: я, быстро раздѣвшись за ширмами, легъ на тюфякъ, и едва голова моя коснулась плѣнительныхъ своею свѣжестью подушекъ, какъ уже спалъ крѣпчайшимъ сномъ. Боже мой, чего бы я не далъ въ настоящее время, страдая мучительною безсонницей, за этотъ богатырскій сонъ, къ какому я былъ способенъ за 38 лѣтъ предъ симъ. Однако, какъ я ни спалъ крѣпко, и даже храпѣлъ, но не могъ не услышать въ половинѣ втораго часа ночи легкое постукиваніе въ дверь отъ дежурной комнаты, которая была въ нѣсколькихъ вершкахъ разстоянія отъ моей головы. Байковъ собирался лечь въ постель за своими ширмами и былъ уже въ халатѣ. Онъ быстро прошелъ къ двери, отворилъ ее и шепотомъ спросилъ: „Что?“

— Боровокъ *арапчикъ* совсѣмъ издыхаетъ, ваше высокородіе, вполголоса говорилъ смотритель фермы.

— Тише, не разбуди гостя (а гость уже не спалъ, хотя фальшиво похрапывалъ). Изъ нашатырнаго настоя закати ему клистиръ. Я приду сейчасъ. Иди скорѣе, распоряжался Байковъ, заперъ дверь, а самъ, вооруженный свѣчой, бросился къ шкапчику съ книгами около втораго окна. Онъ торопливо отворилъ шкафъ и вынулъ оттуда какую-то книгу, схватилъ карандашъ со стола и сталъ что-то изъ книги выписывать, въ забывчивости, произнося: „Пять гранъ acidum nitri, хлориновой извести, масла льнянаго. Ахъ! чортъ возьми, а я ему всадилъ антимонія!“ Въ это время послышался новый легкій шорохъ у двери. Байковъ наскоро надѣвалъ нагольный тулупъ и мѣховую шапку и отворилъ дверь съ словами: „Ну что еще? Иду, иду, болваны, все перепутали, не поняли, дали антимоніи!...“ Тихій голосъ дежурнаго сотскаго говорилъ около двери: „Ваше высокородіе, *арапчикъ*, кажется отходитъ совсѣмъ. Послѣ клистира хуже стало.“—„Хуже стало оттого, крикнулъ Байковъ, запирая снаружи дверь и, такимъ образомъ, оставляя меня подъ ключомъ,—оттого что всѣ вы кацапы, ослы, ничего понять не умѣете и все путаете только!“

Находясь подъ ключомъ въ первый разъ въ жизни, я не могъ не усмѣхнуться моему небывалому положенію и вздумалъ, благодаря Байковымъ зажженной свѣчи на столѣ, воспользоваться моимъ арестомъ для удовлетворенія моего, простительнаго въ этомъ случаѣ, любопытства. Кстати любезность хозяевъ простиралась до того что на полу у дивана, на которомъ я спалъ,

Digitized by Google

были поставлены туфли плетеные изъ канатныхъ бичевокъ. Итакъ, обутый въ эти туфли, я, мягко ступая по лакированному полу кабинета, быстро подошелъ къ столу и нашелъ на немъ подлѣ шандала раскрытую книгу съ карандашными отмѣтками на страницахъ. Что жь это за книга въ крѣпкомъ домашнемъ кожаномъ переплетѣ? *О разведеніи и содержаніи свиней*, соч. доктора Выборха. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1834 года. „Браво! каковъ мой амфитріонъ-агрономъ, подумалъ я, бранитъ на чемъ свѣтъ стоитъ книгу; а самъ въ нужныхъ случаяхъ изъ нея черпаетъ вольною рукой!" На развернутомъ мѣстѣ я прочелъ подробное и обстоятельное описаніе той свиной болѣзни отъ которой страдалъ знаменитый боровокъ *арапчикъ* и, при этомъ, огромный латинскій рецептъ лѣкарствъ съ русскимъ переводомъ. Потушить свѣчу я не счелъ нужнымъ, такъ какъ Байковъ могъ помнить что онъ ее оставилъ зажженною, почему я легъ въ постель, поджидая событій; но легъ не прежде какъ заглянулъ въ незапертый, на этотъ разъ, таинственный шкафъ, гдѣ нашелъ множество хозяйственныхъ книгъ, изданныхъ въ то и въ ранѣйшее время въ Петербургѣ и Москвѣ на русскомъ языкѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Независимо отъ полнаго Теера въ переводѣ С. А. Маслова, я увидѣлъ тутъ даже огромное собраніе твореній достопочтеннѣйшаго Андрея Тимоѳеевича Болотова и *Лексиконъ Городскаго и Сельскаго Хозяйства* И. Двигубскаго. Хозяйственные журналы за всѣ годы и *Земледѣльческая Газета* равномѣрно тутъ нашли себѣ болѣе или менѣе почетное мѣсто. Удовлетворивъ свое любопытство, я легъ въ постель и, лежа, разсуждалъ о различныхъ фазисахъ и шансахъ моего новаго знакомства, которое въ такое короткое время, какихъ-нибудь двухъ недѣль, сопровождено было столькими случайностями. Я вспоминалъ завтракъ у Марьи Алексѣевны Крыжановской; первую мою поѣздку въ Земледѣльческое; извощика-скептика; Греча, бранящаго Байкова; департаментскіе случаи съ перомъ, кресломъ и отпусками подписанными за меня вице-директоромъ; потомъ обѣдъ у Марьи Алексѣевны; поѣздку съ нею и съ Гречемъ на праздникъ въ Земледѣльческое; побѣду Байкова надъ Гречемъ-ругателемъ; подарки-гостинцы мнѣ Байкова; квасъ, поднесенный И. Н. Скобелеву; поѣздка съ Иваномъ Никитичемъ въ Земледѣльческое; обходъ съ Байковымъ по заведенію; его толки и разговоры; болѣзнь боров-

Digitized by Google

ка; наконецъ перспектива пріема мною здѣсь завтра блестящей Бурбье, которую я изъ мѣстъ за креслами и изъ галлереи Малаго Театра * уже нѣсколько лѣтъ сряду ребячески обожалъ и ставилъ выше всякаго женскаго идеала. Вдругъ во время этихъ послѣднихъ милыхъ грезъ слышу что дверь около моей головы начинаетъ отворяться и въ комнату вошелъ Байковъ, который начинаетъ осторожно снимать тулупъ и шапку, а потомъ убирать со стола книгу и запирать шкафъ. Обратясь къ свѣчѣ и тщательно съ нея снимая щипцами, онъ про себя довольно громко сказалъ: „Якъ же я маху далъ, свѣчу забывъ здѣсь!“ Желая скорѣе знать развязку ночной экспедиціи Байкова, я сдѣлалъ видъ будто свѣтъ и отпираніе, и запираніе двери разбудили меня, и довольно искусно подражая человѣку въ просонкахъ, воскликнулъ:

— Какъ свѣтло! Люди ходятъ, а я сплю! Пора вставать!

— Какое пора вставать, заговорилъ Байковъ, туша за ширмами свѣчу,—всего половина третьяго часа, я еще не спалъ, а вы, кажется, у Храповицкаго погостили, милый гость. Хе, хе, хе!

— Да, благодаря вашему тюфяку и вашимъ подушкамъ, я спалъ сномъ Соловья Разбойника; только показалось мнѣ теперь словно кто-то ходилъ и отворялъ дверь, что за моею головой.

— Эка жалость, это я васъ разбудилъ. Вѣдь ходилъ-то я, и долго не былъ здѣсь. Вы этого не знаете?

— Нѣтъ не знаю. Куда же это вы ночью ходили?

— Ходилъ спасать боровка отъ смерти и, слава Богу, спасъ. Теперь онъ отлично принялся за болтушку, только я запретилъ давать ему слишкомъ много. Но дурни, чего добраго, и это перепутаютъ, какъ перепутали съ лѣкарствами давича, чѣмъ чуть не убили бѣдное животное.

— Неужели же они не дали предписанныхъ вами антимонія и нашатыря?

— То-то и есть что дали, дурни. Неужели и вамъ послышалось что я приказывалъ эти лѣкарства?

— Рѣшительно помню что приказывали антимонію и нашатырь, да растираніе живота.

— Дивное дѣло! Они увѣряютъ меня что я все это приказы-

---

* Вмѣсто него выстроенъ былъ Александринскій театръ; а французскіе спектакли переведены были въ новопостроенный Михайловскій театръ.

Digitized by Google

валъ. вы подтверждаете. Просто непонятно! Меня упырь видно какой-нибудь тогда смутилъ, потому что такое глупое лѣченіе можно встрѣтить развѣ въ книгѣ доктора Выборха.

Я не счелъ нужнымъ сообщать о моемъ открытіи, счелъ за благо прикинуться спящимъ и захрапѣлъ, сначала искусственно, а вскорѣ и естественно, заснувъ превосходно и проспавъ до шести часовъ, когда Байковъ деликатно разбудилъ меня, приглашая проѣхаться съ нимъ въ кабріолеткѣ его, по полямъ чтобы взглянуть на работы до чая, который аппетитнѣе будетъ пить по возвращеніи. Я поздоровался съ нимъ, поблагодарилъ за приглашеніе, умылся въ мѣдномъ тазу ледяною водой, мигомъ одѣлся въ мое отлично вычищенное людьми Байкова платье, и мы вышли на крыльцо, гдѣ насъ ожидалъ низенькій шведскій кабріолетъ, очень помѣстительный, запряженный въ шоры на постромкахъ въ одну небольшую обвенку половой масти. Конекъ по справедливости назывался *Козыремъ*, потому что прегордо и префарсисто выступалъ, управляемый Байковымъ, который ѣхалъ по полямъ медленно, дѣлая замѣчанія работавшимъ плугомъ воспитанникамъ въ различныхъ мѣстахъ; въ другихъ боронили, въ третьемъ мѣстѣ воспитанники заняты были выниманіемъ изъ земли картофеля и турнепса, которые сваливались въ кучи, просушивались и на телѣгахъ свозились въ обширныя кладовыя. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли воспитанниковъ косившихъ траву и ставившихъ стоги небольшіе. Я удивился что 29го августа косятъ траву. Директоръ обратился къ ѣхавшему за нами верхомъ сотскому и велѣлъ ему дать мнѣ отвѣтъ.

— Это-съ, сказалъ сотскій,—второй укосъ клевера косятъ. Ежелибы привести сюда кого-нибудь изъ моихъ вологодскихъ земляко́въ, не захотѣлъ бы глазамъ вѣрить своимъ что бываетъ второй сѣнокосъ.

Мы объѣхали всѣ поля, гдѣ останавливались въ различныхъ мѣстахъ, причемъ Байковъ отдавалъ различныя приказанія или дѣлалъ наставленія чисто практическаго характера, и эти замѣчанія воспитанники, тутъ находившіеся, тотчасъ записывали довольно грамотно въ своихъ записныхъ книжечкахъ, неразлучныхъ съ каждымъ изъ нихъ гдѣ бы онъ ни находился. Съ полей мы проѣхали къ огороду. Здѣсь мы вышли изъ экипажа, который тотчасъ былъ препровожденъ, по принадлежности, на ферму, а мы продолжали обозрѣніе наше пѣшкомъ. Зрѣлище энциклопедическаго. необыкновенно разнообразнаго

Digitized by Google

огорода поразило меня, никогда не видавшаго ничего подобнаго, такъ какъ на окрестныхъ столичныхъ дачахъ, гдѣ мнѣ лѣтовать приводилось, ничего подобнаго здѣшнему не было и въ поминѣ. Искусственный грунтъ огородныхъ грядъ, необыкновенно тщательный уходъ за овощами, поливка возбудительными жидкостями, — защита отъ климатическихъ и стихійныхъ случайностей, все это вмѣстѣ доводило растительность до размѣровъ и совершенства поразительныхъ, такихъ какими овощныя произведенія отличаются развѣ только въ Китаѣ, отечествѣ огородничества, доведеннаго до nec plus ultra. Тутъ между прочимъ я увидѣлъ то что видалъ только на рисункахъ,— кукурузу произраставшую въ числѣ 30—40 тростей, подъ петербургскимъ небомъ, на почвѣ болотистаго свойства, замѣненной, разумѣется, почвой искусственною, лежавшею на полу изъ плитъ и извести, отдѣлявшихъ ее отъ чухонскаго материка. Байковъ, какъ уроженецъ южной части Россіи, очень любилъ лакомиться кукурузными зернами. Мака всѣхъ цвѣтовъ радуги здѣсь было разведено безчисленное множество, и кусты его, доведенные до высоты необыкновенной, разсѣяны были красивыми, пестрыми кулами въ различныхъ мѣстахъ огорода. Подсолнечники, безъ которыхъ не мыслимъ русскій огородъ, были здѣсь такъ высоки что безъ преувеличенія равнялись ростомъ небольшой березѣ или порядочному вишневому дереву и удивляли толщиной своихъ стволовъ. Парникъ былъ не великъ; но въ немъ была всевозможная зелень и разнообразные огурцы, начиная отъ корнишоновъ до громадныхъ турецкихъ и бѣловатыхъ гарлемскихъ огурцовъ. Нѣсколько дынь и арбузовъ величественно покоились на стеклянныхъ подставкахъ, а дюжины три тыквъ доведены были до такихъ размѣровъ что при видѣ ихъ нельзя было не ахнуть, что я тутъ и дѣлалъ тогда постоянно, хотя въ послѣдствіи убѣдился, при пріобрѣтеніи большей опытности, что такой огородъ и такой парникъ, стоящіе страшныхъ денегъ, никогда и никакъ не могутъ окупиться своимъ доходомъ даже подъ столицей, почему ихъ нельзя считать иначе какъ забавой, потѣхой, игрушкой, порожденными фантазіей богатства и пресыщенія. Байковъ увѣрялъ меня, да и не меня одного, что конечно воспитанникамъ, по водвореніи ихъ дома на усадьбахъ, не суждено, гдѣ бы то ни было, даже въ благодатныхъ климатахъ Симбирской и Саратовской губерній, или Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи, имѣть у себя такія именно овощи и вообще расте-

Digitized by Google

нія; но важно то что, убѣдясь въ возможности такъ бороться съ природой, какъ они борются съ нею здѣсь, имъ, при другихъ условіяхъ климата и почвы, будетъ уже не трудно производить много, не употребляя уже тѣхъ усилій какія они здѣсь употребляютъ, и это „много“ вознаградитъ ихъ съ избыткомъ количествомъ и качествомъ за отсутствіе красоты и громадности растительныхъ экземляровъ. Я слушалъ тогда Байкова словно оракула; но въ послѣдствіи узналъ отъ многихъ лицъ, довѣрія достойныхъ, ѣздившихъ по Россіи и видѣвшихъ удѣльныя образцовыя усадьбы, гдѣ хозяйничали бывшіе воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, что все это напускное, фальшивое хозяйство держалось такъ-сякъ до смерти графа Л. А. Перовскаго, потомъ же быстро все пошло къ упадку и.... мыльный пузырь лопнулъ какъ лопаютъ всѣ мыльные пузыри. Изъ огорода, мимо различныхъ хозяйственныхъ заведеній, какъ „сушило“, служившее для сушки подѣлочнаго лѣса посредствомъ сильной искусственной вентиляціи, а равно и другаго строенія, называвшагося „скотскою лѣчебницей“, на этотъ разъ пустаго, мы прошли къ мастерскимъ плотничной и столярной, гдѣ работало нѣсколько воспитанниковъ надъ земледѣльческими орудіями и машинами, какъ напримѣръ вѣялками. Въ кузницу и слесарню, стоявшія особнякомъ, мы также заглянули, и потомъ всѣмъ огромнымъ пространствомъ двора училищнаго прошли къ директорскому дому, гдѣ насъ давно ожидалъ громко клокотавшій самоваръ. Во время нашего чаепитія и пріязненной бесѣды явился смотритель фермы, рыжій и вѣчно ухмыляющійся Ревягинъ, живой портретъ „Смѣющагося человѣка“ (l'Homme qui rit) Виктора Гюго. Почтительно подавъ директору денную рапортицу, Ревягинъ вмѣстѣ съ тѣмъ словесно объяснилъ что *арапчику* стало совершенно хорошо и что онъ аппетитно „кушаетъ“.

— Однако, замѣтилъ Байковъ, — пусть онъ не кушаетъ, а ѣстъ пока умѣренно, не черезчуръ увлекаясь по своей свиньячей натурѣ: можетъ быть рецидивъ, и тогда плохо будетъ. А вотъ сегодня, то-есть такъ часа черезъ два, пожалуетъ сюда одна знатная иностранка, такъ чтобъ на фермѣ все было какъ стеклышко и особенно въ молочной. Дежурныхъ въ молочной я уже велѣлъ замѣнить двумя красавчиками на сегодняшній день. Да чтобъ они надѣли коленкоровыя бѣлыя рубахи и волоса коровьимъ масломъ не намащивали бы, а пусть Александровъ, фельдшеръ, отпуститъ имъ чайную ложечку геліотроповой

Digitized by Google

помады, какую онъ для Катерины Андревны приготовилъ. Лебедеву быть въ канаусовой палевой рубахѣ съ голубыми аграмантами и поручниками, какою его на Пасху пожаловалъ господинъ вице-президентъ. Еще не забудь отпустить старшимъ „мальчикамъ" одинъ изъ самыхъ лучшихъ и самыхъ свѣжихъ нашихъ вѣнковъ изъ полевыхъ растеній для поднесенія этой барынѣ. Распорядись освѣжить вѣнокъ спрыскомъ холодной воды, и вели ввернуть въ него нѣсколько васильковъ и десятокъ цвѣтовъ маку; да отъ моего имени попроси у нашего священника нѣсколько штукъ изъ его мѣсячныхъ розъ, также вплесть туда, словомъ, чтобъ вѣнокъ былъ на славу. Кромѣ того для угощенія посѣтительницы, которую сопровождать будетъ В. П., изъ молочныхъ скоповъ, отнеси на расходъ, для отпуска съ нею въ корзиночкѣ, пять формъ бри, масланку масла въ два фунта въ видѣ снопа, шампанскую бутылку сливокъ, порцію варенца въ посудинѣ и порцію нашего творога со сметаной также въ посудинѣ. Упаковать это такъ чтобъ не расплескалось; да еще спроси у пчеловода формочку самыхъ душистыхъ сотовъ. Это подать къ завтраку; а ежели ей полюбится медъ, то и его запаковать. Когда корзинка будетъ готова къ окончательной запаковкѣ, принести мнѣ на осмотръ. Насчетъ того чтобы всѣ приказанія В. П. исполнять какъ бы мои нечего мнѣ тебѣ напоминать. Иди!

XII.

Вскорѣ раздался звонъ къ обѣдни, и мы пошли въ церковь, гдѣ нашли не всѣхъ воспитанниковъ, а только тѣхъ которые не имѣли въ этотъ день занятій въ полѣ и огородѣ. Такъ, изъ мастерскихъ и изъ другихъ мѣстъ всѣ пришли въ церковь. По окончаніи литургіи, священникъ, разоблачившись, въ рясѣ вышелъ на амвонъ и, облокотясь слегка на поставленный предъ нимъ налой, не говорилъ проповѣди, а разказывалъ очень занимательно для своихъ слушателей исторію и значеніе, какъ сегодняшняго праздника, то-есть Усѣкновенія Главы, такъ и завтрашняго, то-есть Св. Александра Невскаго, причемъ разказалъ о перевезеніи его мощей самимъ государемъ Петромъ Великимъ, а также упомянулъ о томъ что именемъ Александра былъ нареченъ Императоръ Александръ Павловичъ, спасшій Россію въ 1812 году отъ нашествія Галловъ съ

Digitized by Google

двунадесять языкъ. Не забылъ также сказать что завтрашній день есть день тезоименитства его высочества наслѣдника престола и спросилъ воспитанниковъ съ амвона: „Въ которомъ году его высочество родился?“

— Въ 1818мъ громко отвѣчали воспитанники.

— Гдѣ родился его высочество цесаревичъ?

— Въ Москвѣ Бѣлокаменной.

— Который теперь годъ его высочеству?

— Шестнадцать.

— Помолимся же завтра усердно за здравіе и благоденствіе его императорскаго высочества государя наслѣдника, братцы, а теперь,—аминь! сказалъ священникъ и поклонился на всѣ стороны, но въ сторону директора съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ; а затѣмъ сошелъ со ступенекъ амвона и собственноручно поднесъ директору и его семейству просвиру. Директоръ нашелъ нужнымъ похвалить разказъ батюшки о праздникахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ познакомить меня съ нимъ. Въ это время, торопливо крестясь, вошелъ дежурный сотскій, только-что соскочившій съ коня и доложилъ директору что ожидаемая знатная посѣтительница ѣдетъ и что ея карета уже на проспектѣ.

— Ну, дорогой В. П., захихикалъ Байковъ,—ваша роль чичероне—парле-франсе начинается. Пожалуста, введите ее въ классы, пока я улетучусь до моей хаты, потомъ войдите сюда въ залъ, покажите церковь и при ней велите запереть перегородку залы отъ алтаря и иконостаса. Затѣмъ пожалуйте прямо къ дому, дайте ей попробовать сегодняшнюю постную похлебку, лапшу и рыбку жареную. (Онъ взглянулъ въ окно.) Вотъ карета четверней гнѣдыхъ въ рядъ, по-загородному, кучеръ съ павлиными перьями на шляпѣ. Идите, драгоцѣнный, а потомъ я уладу вамъ въ ножки.

Я вышелъ на подъѣздъ. Лакей въ фантастической, но скромной ливреѣ высаживалъ трехъ дамъ, изъ которыхъ одну, Бурбье, я зналъ по сценѣ, а двухъ, жену инженеръ-полковника Ламе, госпожу Меланію Ламе, оказавшуюся пансіонскою подругой нашей знаменитой артистки, и содержательницу моднаго магазина на Невскомъ, мадамъ Дюливье,—оказавшеюся поставщицей, fournisseuse, мадмуазель Бурбье,—я лично и съ давняго времени довольно коротко зналъ, о чемъ я говорилъ и въ статьѣ *Знакомство съ Воейковымъ.*

Когда дамы вышли изъ экипажа на платформу подъѣзда, я

Digitized by Google

отрекомендовалъ себя госпожѣ Бурбье, которая вблизи показалась мнѣ, въ своемъ блестящемъ, но простомъ туалетѣ, столько же изящна, какъ я видѣлъ ее изъ дальнихъ мѣстъ партера на сценѣ Малаго Театра. Большіе, выразительные, преисполненные поэзіи, сине-васильковые глаза ея были обворожительны, черты, начиная съ нѣсколько вздернутаго обыкновеннаго картофельнаго носика, очень милые, но, всматриваясь ближе въ это необыкновенно пріятное и благородное лицо довольно высокой и великолѣпно сложенной, стройной женщины, нельзя было не замѣтить что она уже не первой молодости, и что кожа ея лица, покрываемая каждый вечеръ бѣлилами и румянами, не имѣла обаятельной свѣжести юности. Однако, и это, по моему мнѣнію, дѣлало ей честь, внѣ сцены она не употребляла нисколько притираньевъ. Отрекомендовываясь, я объяснилъ что директоръ заведенія не совсѣмъ здоровъ, да и, не владѣя французскимъ языкомъ, онъ не могъ бы поддерживать съ дорогою гостьей разговора иначе какъ при помощи переводчика, которымъ бы вѣдь я же долженъ былъ быть, и потому онъ избралъ за лучшее возложить на меня, гостящаго у него со вчерашняго дня, честь ея пріема, причемъ я сказалъ что заведеніе которое ей угодно сегодня видѣть до того превосходно, что, показывая ей его, какъ извѣстной мнѣ по театру и по отзывамъ нашихъ общихъ друзей, напримѣръ господина Греча, умной и образованной особѣ, моя роль чичероне здѣсь будетъ мнѣ необыкновенно легка и пріятна.

— Ah! воскликнула Бурбье съ особенною оживленностію,— vous êtes donc ce jeune ami de mon vieil et spriritue l ami monsieur Gretsch, dont il m' a conté un jour une délicieuse histoire à l'occassion d'une jennesse anglaise, maltraitée dans la maison d'un seigneur russe, mais maltraitée atrocement, la pauvrette! Hier encore monsieur Gretsch m'a dit, que je puis avoir la chance de vous rencontrer aujourd'hui ici. Et voyez donc comme ça se rencontre vraiment, monsieur! Je n'ai qu'à me féliciter d'avoir choisi pour cette excursion la matinée d'aujourd'hui. *

---

* А! такъ вы тотъ самый молодой другъ моего стариннаго и остроумнаго друга господина Греча о которомъ онъ однажды мнѣ разказывалъ прелестную исторійку по случаю молоденькой Англичаночки, съ которой въ одномъ знатномъ русскомъ домѣ было поступлено такъ жестоко. Вчера еще г. Гречъ говорилъ мнѣ что я могу имѣть шансы встрѣтить сегодня васъ здѣсь. И въ самомъ дѣлѣ, какой прелестный

Digitized by Google

Не помню, право, тѣхъ обычныхъ фразъ какія я разсылалъ въ отвѣтъ на ея любезности, которыя такъ незатруднительны свѣтскимъ женщинамъ вообще, а особенно Француженкамъ и Француженкамъ того блестящаго образованія какимъ отличалась Виргинія Бурбье. Она очень обрадовалась, когда узнала что спутницы ея, гжи Ламе и Дюливье, мои давнишнія знакомыя и, смѣясь сказала: „Tant mieux: nous voilà donc tout à fait en pays de connaisance.“ * — Карета ея отъѣхала за чугунную рѣшетку, а лакей въ штиблетахъ, въ круглой шляпѣ съ кокардочкой и гребешкомъ на лѣвомъ боку, держалъ на рукѣ огромную дорогую шаль своей госпожи; дежурный сотскій и двое воспитанниковъ для посылокъ стояли въ нѣкоторомъ разстояніи со шляпами въ рукахъ.

— Dites leur donc, monsieur, de se couvrir, * сказала мнѣ Бурбье.

— C'est leur consigne, madame: ils n'ont pas lé droit de se couvrir en présence des chefs et des visiteurs, ** отвѣтилъ я и принялся разказывать какъ ей, такъ ея спутницамъ значеніе каждаго изъ множества одноэтажныхъ бѣлыхъ съ зелеными крышами домовъ, которыми, въ перемѣжку съ садиками, окаймлены были деревянные троттуары, огибавшіе весь дворъ огромнымъ полукругомъ. Затѣмъ, я ихъ повелъ въ залу, и, согласно съ инструкціей Байкова, велѣлъ запереть при нихъ же перегородку которою отдѣлялся залъ отъ церкви. При этомъ, я объяснилъ что здѣсь и рекреаціонный залъ, и сборный пунктъ, и залъ для экзаменовъ. Потомъ мы, быстро обойдя классы, спустились по задней лѣстницѣ на дворъ, заглянули въ мастерскія, вошли въ одну спальню, прошли ее насквозь и вышли на задній дворъ, изъ котораго вошли въ другую спальню и, пройдя по ней, вышли снова на главный дворъ, откуда прошли въ больницу, гдѣ нашли пять, не серіозно больныхъ юношей, въ тиковыхъ халатахъ и холстинныхъ коллакахъ, читавшихъ книжки. Изъ больницы мы двинулись въ столовую, гдѣ въ это время шелъ обѣдъ воспитанниковъ второй очереди.

случай! Мнѣ остается только поздравлять себя съ тѣмъ что выбрала именно сегодняшній день для поѣздки сюда.

* Тѣмъ лучше: мы въ знакомомъ кружку.

** Скажите же имъ, сударь, чтобъ они надѣли шляпы.

*** Это ихъ обязанность, сударыня, они не въ правѣ надѣвать шляпы при начальствѣ и при посѣтителяхъ.

Digitized by Google

Всѣ, разумѣется, встали при нашемъ появленіи, и экономъ-полицеймейстеръ, бурбонъ, титулярный совѣтникъ Малаховъ, тщательно застегивалъ въ это время на всѣ пуговицы свой форменный фракъ. Я спросилъ госпожу Бурбье, не угодно ли привѣтствовать воспитанниковъ обычными словами: „Хлѣбъ-соль братцы!“ Она затруднилась выговорить эти слова; но воструха мадамъ Дюливье, знавшая порядочно по-русски, мигомъ на листкѣ пергамента своей агенды написала: „Kleb sol bratzi“, и добрая госпожа Бурбье, покраснѣвъ какъ маковъ цвѣтъ, что̀ мгновенно увеличило ея прелесть, произнесла громко эти слова, въ отвѣтъ на которые сто двадцать пять свѣжихъ, молодыхъ голосовъ гаркнули: „Благодаримъ покорно вашу свѣтлость!“ Я шепнулъ Малахову чтобъ онъ ихъ снова усадилъ, и онъ орнулъ по-фельдфебельски: „Садись!“—Вслѣдъ затѣмъ, когда мы тихо подвигались между двумя длинными, въ нѣсколько десятковъ аршинъ столами, любуясь молодцами, прилежно уплетавшими постную похлебку со снетками и постный пирогъ съ грибами, — тотъ же экономъ Малаховъ вдругъ подошелъ къ нашей группѣ, конвоируя расторопнаго и виднаго дежурнаго прислѣшника въ бѣлоснѣжной рубахѣ и такомъ же фартукѣ, который на деревянномъ лакированномъ подносѣ несъ пробный обѣдъ, съ деревянными золотистыми круглыми ложками, съ графинчикомъ кваса и съ блюдцами, въ которыхъ была горячая похлебка, порція пирога и каша съ подсолнечнымъ масломъ, а также тутъ стояла миніатюрная плетушка съ тонкими ломтями превосходно выпеченнаго ржанаго хлѣба. Г. Малаховъ смягченнымъ басомъ сказалъ со всевозможною армейскою элегантностью: „Можетъ-быть ихъ свѣтлость не побрезгаютъ нашимъ простымъ яствіемъ?“

Я предупредилъ этихъ дамъ что все это кушанье на постномъ маслѣ и, можетъ-быть, не будетъ имъ пріятно, причемъ объяснилъ что хотя я и Русскій, но не терплю постнаго масла, которое противно моей натурѣ. Но госпожи Бурбье и Ламе сказали мнѣ что отказаться—значило бы обидить всѣхъ этихъ добрыхъ людей и того красиваго Ганимеда который имъ подаетъ эти кушанья, почему эти милыя и добрыя Француженки попробовали нѣсколько капель похлебки, полложки каши и отломили кусочекъ пирога, кушая все это съ поддѣльнымъ удовольствіемъ. Мадамъ Ламе, умѣвшая немного по-русски, сказала: „Прекрасно!“ съ разстановкой слоговъ, чтобы дать возможность мадмуазель Бурбье повторить про-

Digitized by Google

изнесенное ею слово. При этомъ я замѣтилъ что они обѣ внимательно смотрѣли на величавостройнаго стройнаго юношу атлета, державшаго поднось и, бѣдняжка, краснѣвшаго, чувствуя себя предметомъ лестнаго, но конфузнаго, вниманія „знатныхъ“ посѣтительницъ. И разслышалъ сказанныя ими полушопотомъ слова: „Ah! le beau garçon! Quelle fraicheur! Quelle chévelure! Quel air distingué et modeste!“* Больше я ничего не слышалъ, потому что въ это время меня увлекла въ сторонку пріятельница моя мадамъ Дюливье, которая шепотомъ разспрашивала меня: „Почему здѣсь всѣ ея Virginie величаютъ свѣтлостью?“ — Я не могъ ничего сказать на этотъ вопросъ, какъ вдругъ разсыльный директора подалъ мнѣ запечатанный пакетъ отъ директора. Я сорвалъ конвертъ и прочелъ: „Спѣшу васъ увѣдомить что когда давича вы оставили меня съ батюшкой, я, опасаясь чтобъ онъ не сталъ врать всякій вздоръ, что мы актерокъ принимаемъ съ такимъ почетомъ, увѣрилъ его что это герцогиня Сенъ-Леонъ. Мнѣ пришла на память фамилія той роли какую она гдѣ-то, вы мнѣ говорили, играетъ съ особымъ успѣхомъ. За симъ не удивляйтесь ежели вездѣ услышите это титулованье: такъ мною приказано чествовать французскую герцогиню. Наемнаго ея холопа, оказавшагося изъ Евреевъ, угощаетъ у себя на славу фельдшеръ Александровъ, который, какъ вы знаете, изъ насихъ.“

Прочитавъ эту записку, я сказалъ тихонько госпожѣ Дюливье что мы теперь принимаемъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ, не актрису Бурбье, а герцогиню Сенъ-Леонъ, которую она такъ превосходно изображаетъ своею дивною игрой въ *Camaraderie*.

Чтобы пробный постный столъ не повліялъ вредно на нѣжные желудки этихъ дамъ, онѣ проглотили нѣсколько pastilles de Vichy, бывшихъ въ ихъ бонбоньеркахъ; а я поспѣшилъ, пройдя по саду, слегка заглянувъ въ пчельникъ, въ овчарню, въ свинарню, гдѣ весело прыгалъ вчерашній больной боровокъ, а также на скотный дворъ и въ конюшню, — угостить ихъ крѣпкимъ кофе въ молочной.

Мои дамы и въ особенности главный предметъ почетнаго показыванія заведенія, госпожа Бурбье, были отъ всего ими видѣннаго въ восхищеніи, повторяя безпрестанно восклицанія,

---

* Ахъ! какой красавецъ! Какая свѣжесть! Какіе густые волосы! Какой значительный и вмѣстѣ скромный видъ!

Digitized by Google

повидимому, вполнѣ искреннія: „C'est délicieux! C'est adorable! Il est difficile de trouver même en Angleterre quelque chôse d'aussi beau!* и пр.“ Но восхищеніе ихъ не имѣло предѣловъ когда мы пришли въ молочню, поражающую свѣжестью, опрятностью, простою изящностью, типомъ обилія и хозяйственнаго совершенства на иностранный ладъ въ русскихъ формахъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти прохладные, свѣтлые подвалы, эти поразительно чистые некрашенные полы и деревянныя натертыя олифой стѣны, блестящія какъ паркетъ, эти деревенскія мебели, эти бѣлоснѣжныя ширинки и полотенца съ красными бортами, эта посуда на полкахъ и на подставкахъ, эта чистота и свѣжесть воздуха, это обиліе цвѣтовъ въ стеклянныхъ вазахъ, эти цвѣтнички и древца предъ входомъ и предъ окнами, эти блестящія окна словно зеркальныя, и среди всего этого молодой восемнадцатилѣтній молочникъ, прелестный, чернокудрый, розовый, бѣлый, съ большими карими глазами, съ руками нѣжными и бѣлыми какъ у этихъ же самыхъ дамъ, въ палевой русской рубашкѣ съ голубыми ластовками и обшивками, и при немъ два, какъ на выборъ, помощника изъ воспитанниковъ, замѣчательной красоты, въ ярко-бѣлыхъ коленкоровыхъ рубахахъ и фартукахъ—все это взятое вмѣстѣ привело этихъ Француженокъ, проникнутыхъ глубокимъ пониманіемъ всего изящнаго и одаренныхъ самымъ эстетическимъ вкусомъ, особенно самую госпожу Бурбье, въ такое восхищеніе что онѣ не находили почти словъ для выраженія своего удовольствія, а только дружески пожимали мнѣ руку, увѣряя съ увлеченіемъ что тутъ такъ прелестно, такъ обаятельно что онѣ не желали бы никогда выйти отсюда. Я едва сладилъ усадить ихъ и тотчасъ началъ угощать кофеемъ, который я считалъ для нихъ необходимымъ послѣ учиненной ими, хотя и гомеопатической пробы постнаго стола воспитанниковъ. Затѣмъ послѣ чернаго кофе онѣ принялись довольно усердно пробовать варенецъ, творогъ со сметаной, сливочное масло и кончили своимъ любимымъ бри, увѣряя что и въ Парижѣ имъ не приводилось ѣсть этотъ сортъ сыра лучше этого.

— Son Altesse monsieur le ministre, говорила мнѣ Бурбье,— m'envoit de temps à autre des échantillons de ce délicieux

---

* Это прелестно! Это очаровательно! Трудно даже въ Англіи найти что-нибудь столь прекрасное!

Digitized by Google

fromage. Le Prince est vraiment si bon pour moi; j'ai pour lui la plus grand vénération, * и говоря это кокетливая Француженка очень мило минодировала; а потомъ внимательно и съ чувствомъ взглянула на юнаго и дѣйствительно необыкновенно красиваго Лебедева, подававшаго въ это время ароматный чай въ фарфоровыхъ японскихъ чашкахъ, присланныхъ Байковымъ. Прихлебывая ложечкой изъ чашки съ видимымъ удовольствіемъ вкусный чай, Бурбье вдругъ сказала что она никогда такъ не сожалѣла о томъ что до сихъ поръ не сумѣла выучиться по-русски, при всемъ своемъ стараніи, какъ именно сегодня, теперь, сію минуту, чтобы высказать по-русски все чувство своего удовольствія этимъ молодымъ представителямъ русскаго земледѣльческаго класса и въ особенности этому темнокудрому и черноглазому розовому юношѣ, который выучился отъ ея соотечественниковъ Французовъ приготовлять такіе необыкновенно вкусные и до послѣдняго совершенства имъ доведенные сыры бри. Вслѣдъ за этимъ Бурбье разказала намъ что она, желая сдѣлать угодное императору Николаю Павловичу, нѣсколько разъ принималась учиться по-русски, и все безъ успѣха. Наконецъ въ этомъ году, во время Великаго Поста, государь ей сказалъ что онъ надѣется что на его привѣтствіе: „Христосъ воскресе!", она сумѣетъ отвѣчать ему: „Воистину воскресе!" Слова эти были для нея написаны французскими буквами и она всѣ семь недѣль поста долбила ихъ; но когда государь пришелъ за кулисы и увидѣлъ ее въ первый разъ по открытіи театровъ, — онъ громко сказалъ ей: „Христосъ воскресе!", а она, забывъ мгновенно заученныя ею слова: „Воистину воскресе!", и припоминая созвучія, воскликнула: „Wassily Ostrow, votre Majesté!" Много было тогда хохота, замѣтила она, прибавивъ что съ той минуты она вполнѣ убѣдилась, qu'elle n'a pas la moindre bosse de l'idiome russe, * какъ не имѣетъ способности ни къ какому другому языку кромѣ своего отечественнаго. Кстати, говоря объ этомъ, тутъ она мнѣ сообщила что еще въ началѣ ея драматической карьеры, одинъ антрепренеръ Лондонскаго

---

* Его свѣтлость господинъ министръ присылаетъ мнѣ отъ времени до времени образчики этого прелестнаго сыра. Князь поистинѣ такъ добръ ко мнѣ, я питаю къ нему чувство глубокаго уваженія.

** Что она не имѣетъ вовсе шишки (по Галевой системѣ) ученія русскаго языка.

театра предлагалъ ей баснословныя условія, имѣвшія результатомъ цѣлую фортуну, ежели она выучится англійскому языку и поступитъ на сцену Дрюриленскаго театра для участія во всѣхъ піесахъ Шекспира. „Eh! bien, monsieur, malgré tout le mal, que je me suis donné, jamais je n'ai pu apprendre cette diable de langue, qu'on manie en imitent le cri des oies",* сказала она засмѣявшись. „Но впрочемъ не я одна не умѣю сладить съ русскимъ языкомъ", продолжала она, разумѣется по-французски; но такъ какъ этотъ разказъ довольно длиненъ, я передамъ его здѣсь прямо въ русскомъ переводѣ.

— Мой товарищъ по подмосткамъ, обожаемый публикой комикъ Верне здѣсь уже давнымъ давно; онъ пріѣхалъ сюда мальчикомъ; а ни слова почти не умѣетъ по-русски. Затѣмъ съ нимъ вчера и случился же презабавный анекдотъ, который теперь, я думаю, облетѣлъ уже весь городъ, но такъ какъ вы, monsieur B—ff, со вчерашняго дня внѣ города, то я вамъ его разкажу. Государь вчера утромъ прогуливаясь, по своему обыкновенію, по Англійской набережной,—встрѣтилъ тамъ Верне, котораго онъ очень любитъ. Императоръ остановилъ его и перекинулъ съ нимъ нѣсколько словъ о его роли стараго герцога Сенъ-Леона въ *Camaraderie*, гдѣ мы съ нимъ вмѣстѣ, какъ вы знаете, играемъ.

— И гдѣ вы, въ роли герцогини, молодой жены старикашки мужа, верхъ совершенства, сказалъ я,—особенно когда вы поите его тизаной. Я терпѣть не могу тизаны, но ей-ей, изъ ручекъ герцогини Сенъ-Леонъ Малаго Театра, кажется готовъ былъ принять самую отвратительную микстуру.

— Ахъ! Какой же вы льстецъ, молодой другъ стараго Зоила Греча! Вотъ подождите, я разкажу ему какъ его юный сотрудникъ преуспѣваетъ на поприщѣ насмѣшекъ. Но теперь, продолжаю мой разказъ, съ условіемъ, чтобы вы не мѣшали мнѣ его кончить, а не то вы рискуете остаться безъ анекдота. Наступилъ вечеръ, я у себя въ уборной готова, слышу что царская фамилія уже въ театрѣ, надо поднимать занавѣсъ; но занавѣсъ не поднимаютъ, а нашъ генералъ (то-есть директоръ театра) въ отчаяніи, рветъ на себѣ послѣдніе волосы. Въ чемъ же дѣло? Верне, — эта олицетворенная аккуратность, этотъ воплощенный хронометръ, не явился.

* И вотъ, сударь, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, какъ я ни убивалась, никогда я не могла выучить этотъ чертовскій языкъ, на которомъ говорятъ подражая крику гусей.

Что за чудо? За нимъ шлютъ гонцовъ по всему городу, и все напрасно. Императоръ хмурится и говоритъ генералу Кокошкину (тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-адъютантъ С. А. Кокошкинъ, котораго въ шутку называли Cache-coquin, какъ теперь и Бурбье его назвала), говоритъ: „Сегодня поутру я видѣлъ его на Англійской набережной и говорилъ съ нимъ.“ Этихъ словъ довольно для Кокошкина: ему данъ лучъ свѣта, потому что онъ знаетъ что̀ полиція останавливаетъ всякаго кто разговариваетъ на улицѣ съ государемъ, а какъ Верне ни слова не умѣетъ по-русски, то вѣрно вышло квипрокво. Кокошкинъ самъ прискакалъ въ Адмиралтейскую часть и самъ въ своей коляскѣ привезъ въ театръ Верне, котораго полиція приняла за просителя-иностранца, да еще съ дурными намѣреніями, и засадила въ части подъ арестъ, не понимая ни слова изъ всѣхъ его протестацій и увѣреній. Частный приставъ былъ поутру на службѣ внѣ дома, а потомъ уѣхалъ къ какому-то купцу на праздничный обѣдъ, и бѣдному вчерашнему герцогу Сенъ-Леону не привелось бы пить тизаны изъ моихъ рукъ, ежелибы генералъ Кокошкинъ не выручилъ его. Эта штука однако не помѣшала талантливому артисту исполнить свою роль, какъ всегда, превосходно, и государь, зная въ чемъ дѣло, позвалъ его къ себѣ въ ложу, и во время антракта, не дозволивъ ему раскостюмироваться, а какъ былъ, въ сѣдомъ напудренномъ парикѣ, шелковыхъ чулкахъ и дульеткѣ, потребовалъ чтобы бѣдный герцогъ предсталъ предъ нимъ. Его величество велѣлъ разказать ему все какъ было. Можете себѣ представить, съ какимъ уморительнымъ комизмомъ нашъ милый Верне, мѣшая нѣсколько русскихъ словъ съ потокомъ французскихъ, разказалъ всю сцену арестованія и всѣ тѣ недоразумѣнія какія были между нимъ и всѣми этими господами квартальными, промучавшими его до самаго вечера, но впрочемъ угостившими его, на его счетъ, довольно хорошимъ обѣдомъ, раздѣленнымъ имъ съ этими строгими аргусами, которые не смѣли его отпустить до возвращенія ихъ командира, кутившаго на крестинахъ у какого-то богатаго купца бородача, и этотъ командиръ, когда ему городовой, ѣздившій въ квартиру амфитріона на извощикѣ, также на счетъ Верне, докладывалъ что взятъ разговаривавшій съ императоромъ какой-то Французъ, не умѣющій ни слова по-русски, только сказалъ, держа бокалъ шампанскаго: „Пусть Французъ до моего пріѣзда домой учится по-русски. Дайте ему вокабулы.“ И дѣйствительно, квартальный

Digitized by Google

далъ Верне вокабулы, взятыя въ первой книжной лавкѣ; но и вокабулы, само собою разумѣется, ничего не помогли. Верне разказалъ все это преуморительно: государь и великій князь Михаилъ Павловичъ хохотали до упада; но однако Верне пресеріозно умолялъ императора отнынѣ впредь никогда не удостоивать его на улицахъ своимъ милостивымъ разговоромъ, такъ какъ эта милость имѣетъ для него весьма не милостивые результаты.

Я премного благодарилъ любезную разкащицу за сообщенный ею анекдотъ; а госпожа Ламе взглянула на часы и что-то шепнула своей пріятельницѣ Бурбье, на этотъ разъ безъ вѣдома ея герцогинѣ де-Сенъ-Леонъ, и та быстро встала, говоря что пора однако и честь знать, переставъ безпокоить собою все заведеніе и любезнаго ихъ чичероне. Само собою разумѣется что я тотчасъ разсыпался въ какихъ-то фразерныхъ комплиментахъ, для которыхъ во французскомъ языкѣ существуетъ такъ много выраженій и оборотовъ очень милыхъ и нѣжныхъ. Какъ бы то ни было, я предложилъ этимъ дамамъ не уѣзжать изъ заведенія, не посѣтивъ послѣдняго предмета ихъ обозрѣнія, именно „сельскихъ комнатъ", то-есть того изящнаго по простотѣ своей помѣщенія, въ видѣ швейцарскаго шале, которое въ послѣдствіи называлось „дворцомъ Перовскаго" или „Перовскимъ дворцомъ", какъ я уже здѣсь выше объ этомъ упоминалъ.

— Je n'y marche, que conduite par vous, monsieur, * сказала мнѣ Бурбье, съ своею очаровательною улыбкой, и я, какъ водилось тогда, согнувъ учтиво правую свою руку, подвинулся къ ней, а она положила на нее пальчики своей лѣвой руки, и при этомъ движеніи почувствовала что огромная блондовая черная косынка, приколотая на груди золотою булавкой съ пребольшою жемчужиной, ничѣмъ не удерживаемая, падаетъ съ ея плечъ, чрезъ что открылась ея довольно красивая, хотя, правду сказать, далеко не полная грудь.

— Vous allez perdre votre schal de blondes, madame Virginie! ** воскликнула гжа Дюливье, придерживая эту блондовую косынку и покрывая ею плечи своей пріятельницы.

— Où est donc votre épingle à perle, Virginie? *** живо спросила гжа Ламе.

* Я пойду туда не иначе какъ когда вы, сударь, меня поведете.
** Вы потеряете вашу блондовую шаль, госпожа Виржини.
*** Гдѣ же ваша булавка съ жемчужиной?

Digitized by Google

— Dans le sable sans doute, улыбнулась Бурбье,—je l'ai laissé probablement choir, en me levant, où bien aprés, j'ignore. La perte n'est pas immense. *

— Pas immense, mais bonne à trouver, замѣтила г-жа Дюливье,—un petit capital de cinq cents francs à peu près, ** и стала внимательно искать булавки на расчищенномъ пескѣ двора фермы, гдѣ мы находились. Я также, вооруженный лорнетомъ, нагнулся слегка и глядѣлъ на песокъ; а мадемуазель Бурбье, наведя свой лорнетъ на изящную физіономію красавчика Лебедева, горѣвшаго и конфузившагося подъ этимъ очаровательнымъ взглядомъ, ломая его имя и дѣлая ему знакъ рукой въ направленіи къ двери молочной, говорила:

— Monsieur Lébédeff par là! ***

И ловкій, гибкій, подвижной Лебедевъ мигомъ очутился у дверей, нагнулся, поднялъ булавку и краснѣя, и робѣя представилъ ее г-жѣ Бурбье, которая ласково улыбалась, Француженки апплодировали, хлопая въ ладоши и восклицая: „Ah! l'heureux Ganimède!" **** А я сказалъ: „Ай да молодецъ Лебедевъ: господинъ директоръ скажетъ большое спасибо тебѣ за это!" Бурбье приняла булавку изъ рукъ оробѣвшаго фермерскаго молочника и сказала, держа булавку въ рукѣ:

— Je n'ai pas l'habitude de reprendre ce que par hasard, j'ai laissé choir et je desire, que le charmant et gracieux fabricant des fromages de Brie, monsieur Lébédeff, garde un petit souvenir du 29 Aout 1834, lorsqu'il nous a si bien régalé. †

И при послѣднемъ словѣ прелестная женщина ловко и граціозно приколола булавку съ жемчужиной къ лѣвой сторонѣ палевой рубашки около голубой ластовки молодаго парня, который, самъ не понимая что̀ съ нимъ дѣлается, но зная какъ строго запрещенъ пріемъ подарковъ отъ посѣтителей, поблѣднѣлъ

---

* Вѣроятно въ пескѣ; я ее обронила, вставая или послѣ, право не знаю. Потеря не огромная.

** Не огромная потеря, но которую все-таки хорошо найти. Это маленькій капитальчикъ почти въ 500 франковъ.

*** Господинъ Лебедевъ, въ эту сторону.

**** Ахъ, счастливый Ганимедъ!

† Что̀ разъ я уронила, я не имѣю привычки брать обратно, и я желаю чтобы хорошенькій и граціозный фабрикантъ сыра бри, господинъ Лебедевъ, сохранилъ маленькое воспоминаніе о 29мъ августа 1834 года, когда онъ такъ хорошо насъ угостилъ.

Digitized by Google

какъ полотно и съ недоумѣніемъ глядѣлъ то на меня, то на смотрителя Ревягина, а потомъ, краснѣя, на восхитительную женщину, ласково улыбавшуюся и говорившую своимъ пріятельницамъ:

— Qui pourrait jamais dire, que c'est un mougik, ni plus, ni moins, qu'un mougik. Dieu! En ce pays où la beauté va se nicher.*

Я объяснилъ гжѣ Бурбье что пріемъ подарковъ строго воспрещенъ отъ самого министра.

— Oh! s'il ne tient qu' à ça, le charmant garçon peut hardiment garder mon souvenir, car le ministre d'ici c'est Son Altesse sans doute, le prin ce Pierre Wolkonsky. Je garantis le permis d'avance! ** скороговоркой и съ тѣнью неудовольствія сказала впечатлительная Француженка, которой я объяснилъ что все-таки, формальности ради, надо чтобъ этотъ парень сейчасъ сходилъ къ директору, отъ котораго конечно получитъ разрѣшеніе.

На лоскуткѣ бумажки, данномъ мнѣ Ревягинымъ, я написалъ нѣсколько строкъ Байкову и послалъ съ ними Лебедева.

Мы вошли въ сельскій домикъ, который очень понравился Бурбье и ея спутницамъ; я ихъ усадилъ на балконѣ подъ широкою маркизой, показывая имъ съ этой высоты все заведеніе и въ особенности поля, имъ не показанныя. При видѣ роскошной растительности полей, при видѣ работающихъ тамъ и самъ на сытыхъ, лоснящихся лошадяхъ и свѣтло-зелеными плужками воспитанниковъ, онѣ сыпали восклицанія:

— Ah! voilá une vie de campagne modèle! Ah! que c'est pittoresque! Ah! que c'est bien pensé! Ah! les riches sillons! Ah! les jolis points de vue des environs! ****

Среди всѣхъ этихъ восклицаній и удовольствія при такомъ изящномъ зрѣлищѣ, вдругъ на порогѣ балкона появился Лебедевъ съ лицомъ сіяющимъ отъ радости и объявляющій, обращаясь прямо къ Бурбье:

---

* Кто могъ бы сказать что это мужичокъ, ни болѣе, ни менѣе какъ мужичокъ! Боже! Куда въ этой странѣ красота забирается!

** О! ежели дѣло только въ этомъ, прелестный мальчикъ можетъ смѣло сохранить мой сувениръ, потому что министръ здѣшній, конечно, это его свѣтлость князь Петръ Волконскій. Я впередъ порукой за разрѣшеніе.

*** Ахъ, вотъ образцовая сельская жизнь! Ахъ, какъ это живописно! Ахъ, какъ это хорошо обдумано! Ахъ, какія роскошныя борозды! Ахъ, какіе красивые виды на окрестности!

Digitized by Google

— Господинъ директоръ разрѣшилъ мнѣ принять подарокъ вашей свѣтлости (они всѣ считали знаменитую актрису не менѣе какъ знатнѣйшею иностранкой) и его высокородіе надѣется что вы подкрѣпите вашимъ ходатайствомъ его докладъ объ этомъ свѣтлѣйшему нашему министру; а мнѣ его высокородіе приказалъ вашей свѣтлости въ ножки поклониться.

И вслѣдъ за этими словами, сказанными хотя и полугайно, но съ изрядною дозой увлеченія, прелестный юноша бухъ въ ноги предъ восхищенною и пораженною удивленіемъ Бурбье, которая воскликнула:

— Grand Dieu! Qu'est-ce? Que me demande ce délicieux jeune homme? Que puis-je faire pour lui? * и произнося все это, она склонилась со своего кресла, касаясь руками кудрявой, слегка напомаженной „казенною" помадой головы Лебедева, стараясь его поднять.

Ловкій Лебедевъ приподнялся весь пламенѣющій, съ влажными глазами, сіяющій, радостный, и стоялъ на колѣняхъ; а сильно покраснѣвшая Бурбье, пожирая его своими прекрасными глазами, держала его за подбородокъ.

Я поспѣшилъ передать маленькій спичъ юноши-мужичка пофранцузски, выпустивъ разумѣется титулованіе свѣтлостью, и тогда Бурбье воскликнула немножко забывшись:

— Oh! demain même son Altesse accordera tout ce que monsieur Lébédeff désirerait. **

Я сказалъ Лебедеву чтобъ онъ поцѣловалъ ручку знатной барыни, а Бурбье предупредилъ что юноша проситъ только о дозволеніи ему этой милости, которая, конечно, тотчасъ и была исполнена, причемъ Бурбье поцѣловала русскаго красавчика въ лобъ очень звонко. Онъ всталъ; а шутница госпожа Ламе, хохоча, сказала своей пріятельницѣ, обнимая ее:

— Virginie! Oh! la détestable Virginie! Je porterai plainte à ton beau lancier. ***

* Великій Боже! Что это? Что проситъ отъ меня этотъ прелестный молодой человѣкъ?

** О! завтра же его свѣтлость разрѣшитъ все чего пожелалъ бы только господинъ Лебедевъ.

*** Виржини! О! негодная Виржини! Я буду жаловаться твоему красавцу улану.—Красавецъ уланъ, который, какъ извѣстно было всему городу, пользовался неплатоническимъ расположеніемъ г-жи Бурбье, былъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, грузинскій князь, очень свѣтскій и образованный молодой

Digitized by Google

Опасаясь чтобы шутки моей старинной знакомой и впрямь не разсердили наконецъ добрую, но воспріимчивую Бурбье, повидимому чувствовавшую что она немножко излишне увлеклась эстетическимъ поклоненіемъ прекрасному плебею, раболѣпное движеніе котораго, столь въ то время обычное, броситься въ ноги, вдругъ произвело въ ней реакцію; я поспѣшилъ предложить этимъ дамамъ оставить этотъ балконъ и перейти на другой, именно на тотъ который, находясь на противололожной сторонѣ домика, обращенъ на ферму, гдѣ я надѣюсь представить имъ маленькій спектакль, способный, какъ мнѣ кажется, ихъ позабавить. Мы тотчасъ перешли на этотъ балконъ, гдѣ нашли столикъ покрытый ярко-бѣлою салфеткой, а на салфеткѣ большой вѣнокъ изъ однихъ васильковъ, по срединѣ котораго стояло хрустальное блюдце съ хрустальнымъ же коллакомъ, прикрывавшимъ ароматные соты. Вокругъ лежали ложечки позолоченыя; а на другомъ столикѣ красовался граненый графинъ съ фруктовою водянкой. Все это было доставлено отъ директора. Француженки были въ восхищеніи отъ сотовъ и отъ прекрасной водянки прямо со льда. Разгорѣвшаяся и повидимому огорченная низкопоклонностью красавца Лебедева, Бурбье выпила, кажется, три стакана этой водянки съ особеннымъ наслажденіемъ и спросила меня что въ этомъ ли состоитъ тотъ спектакль которымъ я хотѣлъ ихъ угостить?

Я объяснилъ ей что спектакль еще впереди; но прежде всего я прошу ее потрудиться взять часы и наблюдать по нимъ скорость того дѣйствія котораго онѣ будутъ сейчасъ зрительницами. Тогда я объяснилъ дамамъ что въ этомъ заведеніи есть весьма искусная пожарная команда, состоящая изъ тѣхъ же воспитанниковъ, и что съ перваго удара въ набатный колоколъ, въ теченіи 3—4 минутъ, все будетъ въ сборѣ. Это заинтересовало Француженокъ, страстныхъ, какъ извѣстно, любительницъ до воинскихъ, морскихъ, пожарныхъ и иныхъ эволюцій, и онѣ воскликнули: „Ah! une manœuvre de pompiers!“ * Никто конечно изъ этихъ посѣтительницъ не зналъ что изъ всѣхъ щелей строеній десятки невидимыхъ глазъ ожидали взма-

человѣкъ, имѣвшій большое состояніе и, сколько извѣстно, искренно любившій Бурбье, которая его предпочитала всему легіону своихъ поклонниковъ.

* Ахъ! маневръ пожарныхъ!

Digitized by Google

ха моего бѣлаго носоваго платка. Взмахъ этотъ послѣдовалъ, и откуда ни возьмись ужь не одинъ, а трое лихихъ сотскихъ въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными кушаками на рьяныхъ донцахъ съ разметанными гривами и хвостами, вскакали на дворъ фермы и остановились какъ вкопаные подъ балкономъ, не спуская глазъ съ меня.

— Тревога, сказалъ я съ балкона, и одинъ изъ сотскихъ, свиснувъ нагайкой по воздуху, стремглавъ понесся на своемъ бойкомъ конькѣ по направленію къ главному корпусу, откуда тотчасъ послышался громкій набатный звонъ и мигомъ отворился предъ самымъ нашимъ балкономъ пожарный сарай, откуда десятки воспитанниковъ въ бѣлыхъ рубахахъ выдвигали трубы и бочки, десятки другихъ забѣгали по двору съ лѣстницами, баграми, топорами, и въ это время изъ распахнутыхъ воротъ конюшни скакали воспитанники на коняхъ, ведя другихъ коней въ поводьяхъ. Безъ шума, быстро впрягли лошадей въ инструментъ, и съ толпой пожарной прислуги трубы и бочки, верховые сотскіе и бѣгущіе кругомъ люди начали скачку по двору фермы, дѣлая правильный полукругъ и останавливаясь предъ балкономъ. Я спросилъ г-жу Бурбье, какъ спрашиваетъ съ помостовъ театра фокусникъ удивленныхъ зрителей: „Сколько минутъ прошло послѣ перваго удара колокола?“ Всѣ три Француженки воскликнули: „Три минуты. C'est surprenant (изумительно!)“. Тогда я попросилъ г-жу Бурбье указать на тотъ пунктъ изъ зданій, окружающихъ дворъ фермы, гдѣ она желаетъ чтобы былъ произведенъ примѣрный маневръ. Восхищенная зрѣлищемъ, имѣвшимъ въ себѣ много удальства и какой-то воинственности, она, повидимому забывъ уже первое впечатлѣніе произведенное на нее красивымъ молочникомъ, указала мнѣ не на молочню, какъ я полагалъ она покажетъ, а на пожарный сарай, который былъ къ намъ всего ближе. Я наклонился къ сотскимъ, стоявшимъ опять подъ балкономъ и сказалъ: „Пожарный сарай горитъ!“ Въ одно мгновеніе на этомъ близкомъ разстояніи все это ринулось къ сараю и взлетѣли водяные фонтаны, а вдоль крыши показались бѣлыя рубашки съ топорами и съ баграми, съ лѣстницами и съ ведрами. Француженки мои апплодировали и восклицали. Я опять одному изъ сотскихъ сказалъ: „Пожаръ потушенъ. Люди и инструментъ подъ балконъ. Пѣвчіе и пѣсенники впередъ.“ Приказаніе, переданное громко сотскимъ, было выполнено, и началась вокальная часть спектакля.

Digitized by Google

— Ah! la divine musique da monsieur Lvoff! * воскликнула Бурбье.

Затѣмъ исполненъ былъ весь обычный репертуаръ уже извѣстный читателю, то-есть русскія пѣсни и пѣсни съ бубнами и балалайкой, съ рожкомъ и цимбалами, причемъ нѣсколько весельчаковъ (болѣе или менѣе по приказу начальства, заблаговременно отданному) пустились въ присядку.

Госпожа Бурбье, взглянувъ на часы, сказала мнѣ что она рада бы остаться здѣсь хоть до ночи, но ей необходимо приготовиться къ маленькому вечернему спектаклю, который будетъ у французскаго посланника, почему она должна уѣхать. Я сказалъ ей что не смѣю ее удерживать, тѣмъ болѣе что она видѣла здѣсь все совершенно, и велѣлъ подавать ея экипажъ. Мы всѣ сошли внизъ, и Бурбье могла тогда видѣть вблизи, при помощи лорнета, все это собраніе de jeunes mougiks russes admirablement civilisés, ** какъ она выразилась. Карета подъѣхала, и лакей въ штиблетахъ, имѣвшій также видъ восхищенный, подалъ своей госпожѣ великолѣпную красную турецкую шаль, въ которую она ловко драпировалась. Тогда нѣсколько воспитанниковъ, и въ числѣ ихъ счастливецъ Лебедевъ, принесли тщательно и красиво упакованную корзину съ кружками сыра бри, варенцами, творогомъ, сливками, сотами и нѣсколькими бутылками водянки, почтительно прося принять эти произведенія заведенія. Я перевелъ Бурбье въ чемъ дѣло. Корзину уставили бережно въ каретѣ при содѣйствіи штиблетнаго франта, восклицавшаго по-русско-польски: „Гарно хорошо! Ясновельможно угощенье! Дивно мѣсто!“ съ жаромъ пожимавшаго руки соплеменника своего, фельдшера Александрова. Всѣ были довольны. Бурбье видимо была тронута и немножко сконфужена, понимая, какъ умная женщина, что безъ покровительства свѣтлѣйшаго ея поклонника, никакихъ такихъ пріятностей она не получила бы здѣсь. Но она просто заплакала, когда нѣсколько выборныхъ старшихъ воспитанниковъ поднесли ей тотъ громадный вѣнокъ изъ колосьевъ съ цвѣтами о которомъ, читатель помнитъ, было сдѣлано благовременное распоряженіе съ ранняго утра. Одинъ изъ воспитанниковъ сказалъ спичъ, который я перевелъ ей, и тогда она обратилась ко мнѣ

---

* Ахъ! божественная музыка господина Львова.

** Молодыхъ русскихъ мужичковъ, изумительно хорошо цивилизованныхъ.

Digitized by Google

съ вопросомъ: „можетъ ли она, никого не обидѣвъ, оставить на память своего посѣщенія сторублевую ассигнацію на покупку гостинцевъ и книжекъ для воспитанниковъ?“ Я отвѣчалъ нерѣшительно; но въ это время я увидѣлъ вдругъ Матвѣя Андреевича, въ бѣломъ жилетѣ со всѣми регаліями и окруженнаго своимъ штатомъ, состоявшимъ изъ помощника директора, эконома, полицеймейстера, врача, всѣхъ учителей, надзирателей, нѣсколькихъ бородатыхъ мастеровъ въ жалованныхъ золотыхъ кафтанахъ. Тогда я сказалъ: „Да вотъ и самъ директоръ. Я ему передамъ ваше желаніе.“ Бурбье, увидѣвъ невзрачную фигуру Байкова, показалось мнѣ, немножко закусила губу, особенно когда трещотка Ламе шепнула ей: „Ah! quel magot de Chine!“ * Но актриса восторжествовала надъ минутнымъ впечатлѣніемъ нервной женщины, и сдѣлавъ шагъ къ Байкову, уже очень приблизившемуся и приподнимавшему со своею усмѣшечкой шляпу, проговорила:

— Monsieur le directeur, Vous m'avez comblé de vos délicieuses attentions, dont ce soir même je ne manquerai pas de faire mon rapport à Son Altesse, mon bienfaiteur, et ce soir même toute l'ambassade de Sa Majesté le roi des Français saura qu'aux environs de Pétersbourg il y a le huitiéme miracle, qu'on nomme l'Ecole agricole des apanages Impériaux. **

Я перевелъ Байкову слово въ слово привѣтствіе госпожи Бурбье и прибавилъ къ этому просьбу ея о ста рубляхъ. Матвѣй Андреевичъ, повидимому очень довольный имѣть такую сильную союзницу, отвѣчалъ чрезвычайно умно и деликатно, принявъ сто рублей, какъ простой подарокъ на гостинцы воспитанникамъ, и поднявъ ярко-бѣлую съ лиловыми каймами ассигнацію надъ головой, сказалъ воспитанникамъ что эта барыня даритъ имъ на гостинцы и на книжки для праздника 1го октября, когда будетъ праздноваться первая годовщина училища, сто рублей. Воспитанники отвѣчали громкимъ „ура!“ Бурбье сдѣлала Байкову глубокій реверансъ и пожала его руку, прижавъ ее къ сердцу, причемъ сказала:

---

* Ахъ, какая китайская образина!

** Господинъ директоръ, вы зашли за предѣлы внимательности, о которой сегодня же вечеромъ я донесу его свѣтлости моему благодѣтелю, и сегодня же вечеромъ въ посольствѣ его величества короля Французовъ всѣ будутъ знать что въ окрестностяхъ Петербурга есть восьмое чудо свѣта, называемое Удѣльное Земледѣльческое Училище.

Digitized by Google

— Croyez, monsieur le directeur, que ce coeur connait le sentiment de la réconnaissance!*

Въ отвѣтъ на это Байковъ какъ-то уклончиво сказалъ что онъ есть только слѣпой исполнитель воли своего начальства, а воля начальства его одиннадцатая заповѣдь.

Услышавъ это изъ моего перевода, Бурбье промолчала, снова поклонилась, обратясь къ воспитанникамъ, сказала:

— Proschaite mes chers droug!

На что̀ раздались клики:

— Счастливо оставаться!

Карета еще не съѣхала со двора, и я стоялъ, разговаривая съ Бурбье, у открытой дверцы, когда Байковъ скомандовалъ не громко: „по мѣстамъ!“ и тотчасъ безъ малѣйшаго шума всѣ разошлись, а инструментъ, отпрягши лошадей, поставили на мѣсто. Мой разговоръ съ Бурбье состоялъ въ томъ что она, вслѣдствіе бесѣды съ Гречемъ, объявила мнѣ что она сегодня же вечеромъ, ежели князь будетъ во французскомъ посольствѣ, гдѣ она играетъ въ новомъ proverbe (пословицѣ), разкажетъ обо мнѣ и устроитъ на первый разъ что князь, при первомъ свиданіи у австрійскаго посланника, графа Фикельмона, женатаго на Хитровой, внучкѣ князя Смоленскаго, съ Д. Г. Бибиковымъ, котораго она называла le méchant manchot,** поговоритъ ему обо мнѣ съ похвалой и изъявитъ желаніе чтобъ я былъ повышенъ въ должности. Я на эту любезность плѣнительной артистки сказалъ что этого рода разговоры съ Д. Г. Бибиковымъ могутъ скорѣе принести мнѣ вредъ чѣмъ пользу, почему я просилъ бы ее лучше не безпокоить этимъ его свѣтлость. Она, съ своей стороны, воображая что я сомнѣваюсь въ ея вліяніи, отвѣчала на отказы мои настойчиво:

— Ce que femme veut, Dieu veut, et ce que la Bourbier demande, Son Altesse ne saurait méconnaître. Et d'ailleurs, ne craignez rien: vos affaires seront en bonnes mains, car le prince est diplomate jusqu'au bout des ongles, et puis je saurai bien lui faire la leçon, qu'il n'oubliera pas.***

* Повѣрьте, г. директоръ, что сердце это знакомо съ чувствомъ благодарности.

** Злой безрукій.

*** Чего хочетъ женщина, то исполняетъ Богъ, а чего Бурбье проситъ отъ его свѣтлости, его свѣтлость въ томъ отказать не умѣетъ. Не бойтесь: дѣла ваши будутъ въ хорошихъ рукахъ, ибо князь большой дипломатъ, да и я сумѣю дать ему наставленіе, которое онъ не забудетъ.

Digitized by Google

Карета быстро умчалась, и я направилъ мои шаги къ директорскому дому, гдѣ меня Байковъ поджидалъ къ обѣду. Почти весь нашъ разговоръ вертѣлся на оригинальномъ визитѣ драматической артистки, пожалованной въ герцогини, почему не обошлось безъ смѣха и шутокъ. Байковъ очень усердно благодарилъ меня за принятое мною на себя чичеронство и говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольнымъ наслажденіемъ о томъ впечатлѣніи которое обзоръ заведенія и, главное, угощеніе и пріемъ произвели на мадемуазель Бурбье, пользовавшуюся въ это время особеннымъ расположеніемъ свѣтлѣйшаго министра, который, какъ человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ и съ блистательною образованностью придворнаго магната, находилъ неподдѣльное удовольствіе въ умной и элегантной бесѣдѣ этой очаровательной женщины, еще не утратившей вполнѣ всѣ прелести молодости. Байковъ довольно откровенно высказалъ мнѣ:

— Въ *Горе отъ ума*, кажется, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, помнится, Молчалинъ, парень практическій, хоть авторъ и осмѣиваетъ его, съ своей либеральной точки зрѣнія, говоритъ: „Корми собаку дворника (то-есть въ домѣ нашихъ милостивцевъ), чтобъ ласкова была.“ Это золотое правило, которое вами, юношами, презирается, но которое я внушилъ бы всякому воспитываемому мною мальчику. Коли хорошо кормить всякую челядь тѣхъ отъ кого могутъ истечь на насъ милости или немилости, тѣмъ болѣе важенъ кормежъ личностей приближенныхъ къ нашимъ милостивцамъ! Принимая это положеніе за исходную точку, не могу не поздравить себя съ хорошими послѣдствіями сегодняшняго визита. Эти мадамы и мадемуазели, батенька, въ нашей службѣ не маловажное мѣсто занимаютъ. Увѣряю васъ, мнѣніе объ нашемъ заведеніи этой французской герцогини важнѣе для пользы заведенія мнѣнія нѣскольких членовъ государственнаго совѣта, напримѣръ. И я отлично сдѣлалъ что самъ не сопровождалъ эту мадемуазель: его превосходительство Левъ Алексѣевичъ скажетъ мнѣ за это спасибо большое. А между тѣмъ барынька осталась всѣмъ вполнѣ и чистосердечно предовольна. Она, кажется, предобрая и очень не дура. Пожалуста, В. П., какъ говорится: кормилъ по бороду, покорми по усы, и въ довершеніе вашихъ любезностей, разкажите мнѣ кое-что о сценическомъ значеніи этой Бурбье и о ея частной жизни, насколько послѣдняя вамъ извѣстна. Мнѣ, изволите

Digitized by Google

видѣть, это нужно на тотъ конецъ чтобы можно было, когда князь заговоритъ со мною объ ней, хваля за пріемъ мною ей сдѣланный,—а что заговоритъ это вѣрно,—поболтать что-нибудь, показавъ видъ что мнѣ не неизвѣстны ея сценическія дѣянія.

Вслѣдствіе этой просьбы Байкова, я разказалъ ему всѣ лучшія роли Бурбье, и онъ все это позаписалъ тщательно въ своей записной книжкѣ, а потомъ сообщилъ нѣсколько подробностей о ея добромъ нравѣ и о томъ какъ она любима всѣми своими товарищами, причемъ провелъ параллель съ нею громадно даровитой другой актрисы Малаго Театра, госпожи Алланъ (которую очень не долюбливалъ князь-министръ) и которая, при дѣйствительно замѣчательномъ талантѣ, заставлявшемъ забывать ея излишнюю дородность и сутуловость, была несносна въ частной жизни, особенно своею свирѣпою ревностью къ мужу, которому она запрещала играть на сценѣ съ кѣмъ-либо кромѣ себя. По поводу этого обстоятельства были мною разказаны нѣкоторые анекдотики, чисто закулисные, довольно пикантнаго закала. Байковъ и эти анекдотики записалъ и остался весьма доволенъ моими сообщеніями, во время которыхъ раздался колокольный звонъ, призывавшій въ церковь на всенощную предъ Александровымъ днемъ. Не пойти въ церковь было невозможно предъ царскимъ праздникомъ, и мы прилежно отстояли всенощную. Потомъ обошли часть заведенія и возвратились домой къ чаю, послѣ котораго Байковъ пригласилъ меня, по-вчерашнему, въ кабинетъ, гдѣ совершились обычные рапорты, причемъ Байковъ почти со всѣми рапортовавшими говорилъ что-нибудь о сегодняшней знатной посѣтительницѣ, герцогинѣ, причемъ, между прочимъ, смотрителю Ревягину было приказано отобрать у молочника Лебедева подъ свою росписку ту драгоцѣнную булавку какую онъ получилъ на свое необыкновенное счастіе и при рапортѣ представить ее директору, который будетъ ее хранить впредь до обращенія въ деньги для приращенія процентами на пользу Лебедева.

Слѣдующій день, то-есть праздникъ Св. Александра Невскаго, прошелъ такъ какъ всегда проводились особенно большіе и царскіе праздники въ училищѣ, о чемъ читатель уже хорошо знаетъ по празднику дня коронаціи, весьма подробно описанному, съ тою только разницей что программа увеселеній воспитанникамъ на этотъ разъ ограничена была раздачей лакомствъ,

Digitized by Google

очень, правда, щедрою, но просто на дворѣ, подъ главнымъ наблюденіемъ эконома, при содѣйствіи учителей и сотскихъ. Воспитанники качались часть дня на качеляхъ и расхаживали группами, распѣвая пѣсни, напоминавшія имъ ихъ родную деревню; а когда смерклось, то зажжена была по всему заведенію изрядная иллюминація, состоявшая изъ множества шкаликовъ и изъ двухъ или трехъ транспарантовъ съ изображеніями государя, государыни и наслѣдника цесаревича, августѣйшаго виновника празднества и торжества. Въ семь часовъ вечера, послѣ чая, подкатилъ къ крыльцу тарантасикъ Байкова, запряженный тройкой косматыхъ обвенокъ. Мы дружески разстались съ Байковымъ до слѣдующей субботы, когда рѣшено было что въ шесть часовъ пополудни онъ пришлетъ мнѣ коней для новаго погощенія въ Земледѣльческомъ Училищѣ. Я уѣхалъ, напутствуемый выраженіями признательности Байкова, распорядившагося, какъ непремѣнно водилось, поставить въ экипажъ, отвозившій меня, довольно объемистую корзинку, старательно упакованную, и заключавщую въ себѣ фермерскіе гостинцы, безъ которыхъ гостепріимный Матвѣй Андреевичъ не отпускалъ тѣхъ изъ своихъ гостей которыхъ особенно жаловалъ, по той или другой причинѣ, въ данный моментъ.

Не могу однако не сказать что эпизодомъ этого дня было то что почтеннѣйшая Катерина Андреевна, супруга Матвѣя Андреевича, съ сестрицей его Дарьей Андреевной, ѣздила въ каретѣ въ этотъ день въ городъ, собственно для того чтобы, при содѣйствіи какихъ-то протекцій, кажется генерала Кокошкина, по письму Льва Алексѣевича Перовскаго, присутствовать сначала въ Казанскомъ соборѣ при церемоніи поднятія иконъ для перенесенія ихъ торжественнымъ шествіемъ по досткамъ, покрытымъ алымъ сукномъ, въ Александро-Невскую лавру, куда и эти барыни отправились, имѣвъ счастіе видѣть всю церемонію во всемъ блескѣ, то-есть шествіе безчисленнаго духовенства съ митрополитомъ во главѣ, съ хоругвями, свѣщами и фонарями, при сопутствіи громадной массы народа, среди котораго торжественно и въ блистательномъ парадѣ медленно ѣхала вся царская фамилія, окруженная пышною и многочисленною свитой. Супруга и сестра Байкова, при содѣйствіи той же протекціи, были при богослуженіи въ соборѣ и имѣли случай видѣть довольно близко царя, царицу, цесаревича, великаго князя Константина Николаевича и всѣхъ великихъ княжень. Восторженнымъ разказамъ не было конца до обѣда, во время обѣда и послѣ

Digitized by Google

обѣда, причемъ мой петербургскій слухъ по временамъ щекотался словами: гарный, коханый, выдненько, ласкавно и пр., и пр., и пр. Изъ разказовъ этихъ мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ, между прочимъ, узнали что государь императоръ ѣхалъ въ парадномъ кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ, съ золоченою каской и алою лентой черезъ плечо, на гнѣдомъ конѣ, что послѣ него въ голубомъ казацкомъ мундирѣ съ алою лентой ѣхалъ цесаревичъ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ арабской породы, а послѣ него братецъ его въ уланской формѣ на конѣ „не столь великомъ, но червленомъ", а за ними всякихъ генераловъ въ алыхъ кавалеріяхъ и въ бѣлыхъ перьяхъ на шляпахъ видимо-невидимо, счета не было. За свитой царя выступалъ бѣлый осьмерикъ въ золотыхъ шорахъ, съ переями алыми на головахъ, съ верщниками въ галунахъ и въ пудрѣ, а кругомъ коней все скороходы и арапы въ нарядахъ и съ перьями. Осьмерикъ везъ золотую и съ хрустальными окнами большую карету, а въ каретѣ царица въ алой лентѣ и великія княжны „младенькія", да такія „гарненькія". На подпоркахъ у кареты все стоятъ маленькіе пажи въ пудрѣ и въ шелковыхъ чулочкахъ. На запяткахъ два гайдука въ казацкомъ золотомъ нарядѣ, съ откидными рукавами на спинѣ и въ высокихъ шапкахъ съ перьями большущими. За каретой царицы кавалергарды и лейбъ-гусары, одни съ бѣлымъ, другіе съ краснымъ мундиромъ, всѣ офицеры на чудныхъ аргамакахъ, которые такъ и танцуютъ, словно „у манежѣ". Подлѣ же кареты ѣхалъ самъ генералъ кавалергардовъ, въ бѣломъ и въ алой лентѣ, не слишкомъ „гарный" изъ себя (графъ Апраксинъ), а по другую руку дюжій-раздюжій на свѣтло-сѣромъ конѣ, весь какъ изъ золота вылитый, съ штатскою шляпой по формѣ на бочокъ, съ бѣлымъ какъ снѣгъ плюмажемъ, оберъ-шталмейстеръ князь В. В. Долгоруковъ „съ которымъ дорогой царица ласковыя слова съ улыбочкой переговаривала, а какія не знаемъ, не слыхать было, да и вѣрно все парле-франсе по придворнымъ порядкамъ". За конными офицерами тянулись вереницей золотыя кареты шестерками съ фрейлинами, да статсъ-дамами, и около этихъ каретъ въ златыхъ мундирахъ шталмейстера, камергеры, камеръ-пажи во многомъ множествѣ. „О! ужь было чему дивиться!"

Бывавъ самъ свидѣтелемъ парадныхъ выѣздовъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны и слыхавъ отъ бабушки моей о такихъ же выѣздахъ императрицы Екатерины Алексѣевны, я разказалъ все что помнилъ и что зналъ и разказомъ моимъ

Digitized by Google

заинтересовалъ не только дамъ, но и Матвѣя Андреевича, который удивлялся тому что во времена императрицы Екатерины и всегда при императорѣ Павлѣ александровскіе кавалеры въ орденскихъ одеждахъ шли вслѣдъ за духовенствомъ, причемъ пажи, также въ особенныхъ костюмахъ, несли шлейфы кавалерскихъ мантій.

Наступившая недѣля была обильна событіями, отчасти важными для меня, отчасти любопытными въ своемъ родѣ, и забавными. Я зналъ что въ среду, 31го августа, долженъ быть послѣдній лѣтній балъ у графа и графини Фикельмонъ, гдѣ непремѣнно князь Волконскій можетъ встрѣтиться съ Д. Г. Бибиковымъ, моимъ тогдашнимъ начальникомъ, обычнымъ посѣтителемъ еженедѣльныхъ вечеровъ австрійскаго посла, пользовавшагося при дворѣ огромнымъ почетомъ и, по званію какого-то высокаго военнаго чина, бывавшаго всегда на всѣхъ разводахъ и парадахъ гвардіи, въ своемъ сѣро-бѣломъ мундирѣ при красныхъ рейтузахъ и съ зеленымъ перомъ на шляпѣ. Раздумалъ я хорошенько, путемъ-дорогой изъ Земледѣльческаго ѣдучи рысцой въ покойномъ тарантасикѣ Байкова, о томъ что при прощаньи вчера говорила мнѣ любезная Бурбье, и, признаюсь, вполнѣ знакомый съ характеромъ моего, далеко не благодушнаго начальника, началъ я побаиваться для себя послѣдствій того разговора обо мнѣ какой свѣтлѣйшій князь, въ угоду прелестной и увлекательной артисткѣ, могъ имѣть съ Бибиковымъ, который терпѣть не могъ чтобъ его подчиненные пользовались чьею-либо протекціей, и чѣмъ выше была эта протекція, тѣмъ болѣе его это досадовало и возбуждало противъ протежируемаго. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я пріѣхалъ домой вечеромъ, переодѣвшись отправился на именинный вечеръ въ коротко мнѣ тогда знакомый домъ Башуцкихъ, * но рискуя заслужить неудовольствіе старичка, хозяина дома, за

---

* То былъ братъ столь извѣстнаго александровскаго времени коменданта, тайный совѣтникъ Даніилъ Яковлевичъ Башуцкій, жившій на Васильевскомъ Островѣ, въ 11 линіи, въ своемъ деревянномъ домикѣ, съ сыномъ своимъ Александромъ Даниловичемъ, тогда состоявшимъ въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Старичка Даніила Яковлевича еще съ начала сороковыхъ годовъ нѣтъ на свѣтѣ, а сынъ его Александръ Даниловичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ правительствующаго сената, онъ былъ предсѣдателемъ кассаціоннаго департамента.

Digitized by Google

слишкомъ позднее появленіе и за то что не явился къ обѣду, я не утерпѣлъ и, выбравъ бойкаго извощика на лихомъ иноходцѣ, отправился предъ поѣздкой на Васильевскій островъ къ моимъ хорошимъ пріятелямъ Ламе, жившимъ на Невскомъ проспектѣ насупротивъ Аничкова дворца. Я засталъ все семейство, то-есть инженеръ-полковника Ламе, его жену, хозяйку дома, всегда веселую и смѣшливую Меланію, ея брата, инженеръ же полковника Клаперона за вечернимъ чаемъ около самовара по русскому, уже принятому ими обычаю. Я желалъ откровенно объясниться съ милою, любезною и очень умною madame Ламе, прося ее предупредить ея пріятельницу Бурбье, чтобы та не просила свѣтлѣйшаго князя говорить обо мнѣ Бибикову или чтобъ ежели уже непремѣнно хочетъ этого, то чтобы разговоръ этотъ не могъ имѣть по своей настоятельности дурныхъ для меня послѣдствій, то-есть чтобъ упомянуто обо мнѣ было только слегка. На это madame Ламе объяснила мнѣ что, зная настойчивый характеръ своей Virginie, она никакъ не надѣется на успѣхъ такого рода просьбы, которая только способна разсердить ее и оскорбить, оскорбить же именно потому что ей покажется будто я брезгаю ея участіемъ потому только что она не знатная барыня. — „Впрочемъ, сказала мнѣ madame Ламе, завтра утромъ нарочно заѣду къ Virginie и продиктую ей именно все то, ни больше, ни меньше, что̀ старикъ князь можетъ сказать безрукому генералу мимоходомъ, слегка, не напирая ни на что̀. Ainsi c'est une affaire baclée; * а теперь я вамъ разкажу что вчера во время церемоніи на Невскомъ, я преспокойно завтракала у Virginie, которая проходила свою роль будущаго четверга съ этимъ добрымъ малымъ Женьесомъ,** который обязанъ былъ давать ей реплики, что̀ не мѣшало ему дѣлать полную честь произведеніямъ бѣленькихъ рукъ того прелестнаго вашего фермерскаго Ганимеда, Антиноя, Нарцисса, котораго мы вчера у васъ на фермѣ видѣли и въ котораго soit-dit en passant (буть сказано мимоходомъ) наша Virginie чуть-чуть по уши не влюбилась, что̀ неминуемо и случилось

---

* Итакъ, это дѣло улаженное.

** Женьесъ, jeune premier, весьма талантливый, хотя нѣсколько холодный, драматическій артистъ французской труппы того времени, былъ замѣчательно простъ и служилъ посмѣшищемъ для всѣхъ своихъ собратьевъ.

Digitized by Google

бы, ежелибы этотъ очаровательный мальчикъ съ своими прелестными каштановыми кудрями не распростерся предъ нею въ ноги, по вашему отвратительному обычаю, основанному на вашемъ гнусномъ рабствѣ. Мы, Француженки, любимъ, не спорю, чтобы красивый паладинъ таялъ у нашихъ ногъ и даже цѣловалъ бы ихъ, покорный обаянію нашей красоты и любезности. Но такое холопское паденіе къ ногамъ, какъ, говорятъ путешественники, падаютъ въ колоніяхъ негры къ ногамъ плантаторовъ, фуй! — это гадко! — Но я удалилась отъ моего разсказа о завтракѣ у Virginie. Въ это время вдругъ является извѣстный въ городѣ повѣса гвардеецъ Constantin Boulgacoff, * который объявляетъ что онъ голоденъ какъ волкъ, потому что на церемоніи ничѣмъ не кормили, и съ особеннымъ восторгомъ нападаетъ на сыръ бри и кончаетъ тѣмъ что умоляетъ Virginie удѣлить ему хоть одну формочку этого чуднаго сыра удѣльной фермы, какую формочку онъ унесетъ домой въ своемъ киверѣ, въ какомъ онъ сегодня былъ по случаю торжественнаго дня. Virginie, щедрая на все, доказательствомъ чему служитъ ея вчерашній подарокъ булавки въ 500 франковъ вашему красавчику-мужичку, скупа какъ Гарпагонъ на кружки этого бри, до такой степени что даже мнѣ изъ пяти, полученныхъ ею тамъ у васъ формочекъ, едва удѣлила одну и то съ большимъ трудомъ. Повѣса Булгаковъ рѣшительно не получилъ ни одной крошки, Это его раздосадовало, и онъ сказалъ очень утвердительно, при прощаньи съ нами и уводя съ собою Женьеса, что во что̀ бы то ни стало, а ужъ онъ добудетъ отъ директора Земледѣльческаго Училища не пять формочекъ этого сыра, а цѣлую дюжину и привезетъ ихъ на показъ Virginie; но ей не уступитъ ни одной полформочки, Женьесу же дастъ изъ нихъ парочку, потому что Женьесъ въ этомъ дѣлѣ будетъ ему полезенъ. „У меня промелькнула великолѣпная мысль, сказалъ Булгаковъ, мысль, которою я воспользуюсь, благодаря вашему, mesdames, разказу объ этомъ удѣльномъ училищѣ, которымъ вы такъ восхищены, и объ этомъ директорѣ, котораго

* Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, сынъ московскаго почтъ-директора, пользовавшагося особеннымъ почему-то расположеніемъ всего двора. Молодой Булгаковъ былъ знаменитъ своими эксцентрическими повѣсничествами, описаніе которыхъ могло бы составить цѣлую книгу.

Digitized by Google

считаютъ добрые люди вторымъ Домбалемъ, Фелленбергомъ или Гаспареномъ. A bientôt, mademoiselle Virginie: Vous aurez de fameuses nouvelles de Constantin Boulgakoff, qui vous prouvera, que ce que veut Bolgakoff—Dieu le veut." * И съ этимъ онъ убѣжалъ, увлекая съ собою Женьеса, котораго обѣщалъ угостить фленсбургскими устрицами перваго привоза.

Въ десять часовъ вечера я пріѣхалъ на вечеръ къ Башуцкимъ, гдѣ засталъ танцы въ разгарѣ, и, пробывъ у нихъ до двухъ часовъ за полночь, возвратился домой почти въ три часа утра, потому что плашкоутный мостъ черезъ Неву былъ разведенъ (постояннаго Николаевскаго тогда еще и въ поминѣ не было). Такая дѣятельность не помѣшала мнѣ на другой день, то-есть въ среду быть въ назначенное время въ департаментѣ, гдѣ за три праздничныхъ дня, само собою разумѣется, нашелъ съ три короба работы, и, конечно, на этотъ разъ я былъ очень осмотрителенъ и, относя на верхъ въ вице-директорскій кабинетъ бумаги для подписи его сіятельства князя Петра Андреевича Вяземскаго, внимательно посмотрѣлъ, чтобы не захватить отпусковъ.

XIII.

На слѣдующій день, въ четвергъ, то-есть 1го сентября, когда всѣ мы, департаментскіе чиновники, получали жалованье наше отъ департаментскаго казначея, у котораго въ это время всегда сидѣлъ, въ своемъ восточномъ шелковомъ халатѣ съ высокою остроконечною шапкой на головѣ, обернутою еще кисейною чалмой, знаменитый тогдашній ростовщикъ по мелочамъ, Индѣецъ Моджерамба, съ лицомъ кофейнаго цвѣта и съ бѣлыми сѣдыми усищами до пояса, — эта воплощенная „ссудная касса" всего Петербурга и преимущественно чиновниковъ ** Директоръ пріѣхалъ въ департаментъ часу въ четвер-

* До скораго свиданія, мадемуазель Виржини: вы получите славныя извѣстія о Константинѣ Булгаковѣ, который вамъ докажетъ что то чего онъ, Булгаковъ, желаетъ, желаетъ и самъ Богъ.

** Моджерамба, — Индѣецъ изъ Астрахани, снабжавшій весь чиновный людъ деньгами на процентахъ въ десять разъ меньшихъ чѣмъ снабжаютъ нынѣшніе благотворители осудныхъ кассъ. Онъ умеръ, ка-

Digitized by Google

томъ, и прежде чѣмъ принимать начальниковъ отдѣленій, за которыми всегда посылалъ или дежурнаго канцелярскаго чиновника или курьеровъ, являвшихся въ директорскій кабинетъ по звонку его превосходительства, — Дмитрій Гавриловичъ велѣлъ дежурному позвать къ нему въ кабинетъ помощника столоначальника Б***, то-есть меня. Пробѣжавъ галопомъ всю анфиладу залъ, молоденькій, семнадцатилѣтній, розовенькій, кудрявый и тщательно причесанный брюнетъ канцелярскій чиновничекъ, въ форменномъ фракѣ съ суконнымъ свѣтло-зеленымъ воротникомъ,—объявилъ мнѣ съ осклабляющеюся рожицей: „Васъ его превосходительство требуетъ сейчасъ къ себѣ въ кабинетъ.“

Такой зовъ произвелъ эффектъ въ чиновничьемъ болотѣ не только моего стола и моего отдѣленія, но всѣхъ отдѣленій, находившихся по тракту до директорскаго кабинета; а на меня подѣйствовалъ не совсѣмъ радостно, потому, вопервыхъ, что со времени извѣстной катастрофы съ Англичаночкой, до этого часа, Бибиковъ никогда не звалъ меня къ себѣ и отличался особенною холодностью при всѣхъ встрѣчахъ, и потому, вовторыхъ, что приглашеніе это могло быть результатомъ разговора съ министромъ двора. Дежурный чиновникъ, мальчикъ, недавно опредѣленный изъ спавшихъ съ голоса придворныхъ пѣвчихъ, по фамиліи Кочетокъ, былъ мнѣ вовсе не знакомъ, хотя и извѣстенъ уже былъ въ департаментѣ подъ названіемъ „мамзельки“. Со всѣмъ тѣмъ однако я рѣшился спросить мальчишку:

— А въ какомъ расположеніи духа его превосходительство?

— Въ самомъ наилучшемъ, сіяя радостью отвѣчалъ бывшій дискантъ или теноръ, Богъ его знаетъ.—Ихъ превосходительство въ первый это разъ меня видятъ и сейчасъ сказали мнѣ: „Это ты мамзелька-то?“ Я говорю: „Я-съ, ваше превосходительство!“ А ихъ превосходительство изволили засмѣяться и говорятъ: „Изъ хохликовъ вѣрно?“—„Съ Полтавской губерніи, ваше превосходительство“, отвѣчаю я. А они опять смѣются: „Пилтавской губерніи, Кобилецкаго повита?“—Я и точно

жется, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и тѣло его было, по обычаю идолопоклонническої вѣры, сожжено на кострѣ, пепелъ же собрали его родственники и увезли на родину. Я надѣюсь когда-нибудь собрать точныя свѣдѣнія объ этой оригинальной личности и напечатать ея біографію, хотя меня собственно Богъ миловалъ отъ сношеній съ этимъ знаменитымъ ростовщикомъ.

Digitized by Google

оттуда родомъ и говорю: „Вполнѣ угадали, ваше превосходительство!“—„Люблю такихъ шустрыхъ“, говоритъ ихъ превосходительство. „На какомъ окладѣ?“—„На низшемъ, ваше превосходительство.“—Они сейчасъ въ звонокъ и позвали Степана Степановича Грознова: „Съ низшаго вели отъ меня его на средній сегодня же перевести окладъ тамъ въ отдѣленіи“. Грозновъ вышелъ, а они опять смѣются такъ: „Ну, доволенъ?“—„На вѣки благодаренъ вашему превосходительству“. И они меня за щеку и ухватили, да такъ крѣпко; а потомъ за подбородокъ щипнули, и спрашиваютъ: „Не больно?“—„Отъ васъ ничто не больно, ваше превосходительство“, сказалъ я; а они все смѣются, да говорятъ: „Ну а это больно?“ при этомъ взяли меня за лѣвое ухо, да мяли, мяли, щекотно таково. Я сказалъ: „Отъ вашего превосходительства пріятно-съ.“ Они захохотали маленько и приказываютъ: „Ну, хохлёнокъ, пошли ко мнѣ того что̀ тамъ ждетъ полковника таможенной стражи, а между тѣмъ пока полковникъ у меня будетъ, позови ко мнѣ помощника столоначальника Б****. Вотъ я къ вамъ и прибѣжалъ. Я взглянулъ на этого юнаго чиновника, гордаго первымъ служебнымъ повышеніемъ, стоившимъ ему не совсѣмъ дешево, потому что его лѣвое ушко дѣйствительно было краснѣе воротника пѣвческаго кафтана, съ которымъ такъ недавно онъ разстался. Изъ кабинета директора вышелъ бригадный командиръ таможенной стражи, толстѣйшій, краснѣйшій, добрѣйшій и честнѣйшій полковникъ Гирсъ. Онъ поздоровался со мною и сказалъ: „Директоръ васъ проситъ къ себѣ въ кабинетъ“.

Когда я вошелъ, Дмитрій Гавриловичъ, въ форменномъ фракѣ и въ звѣздахъ, стоялъ у высокой этажерки и разсматривалъ какіе-то, вѣроятно, конфискованные литографическіе рисунки зазорнаго содержанія. Увидѣвъ меня, онъ не подалъ мнѣ руки, но бросилъ по-французски фамильярное:

— Bonjour mon cher B***eff. Comment ça va? * И потомъ продолжалъ по-русски:

— Скажите, пожалуста, давно вы знакомы съ свѣтлѣйшимъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ?

— Я съ его свѣтлостью, ваше превосходительство, вовсе не знакомъ. Знаю его потому что, живя въ Петербургѣ и бывая

* Здравствуйте любезный Б***. Какъ вы поживаете?

Digitized by Google

въ театрѣ, трудно не знать личности министра двора. Но я увѣренъ что онъ меня вовсе не знаетъ лично.

— Такъ кто-нибудь ему объ васъ много насказалъ прекраснаго. Я съ нимъ вчера встрѣтился у Фикельмоновъ, и онъ мнѣ съ три короба объ васъ наговорилъ, право, очень лестнаго для васъ.

— Не понимаю, ваше превосходительство, откуда это происходитъ. Догадываюсь однако что, можетъ - быть, директоръ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, съ которымъ я недавно познакомился по поводу статьи заказанной мнѣ для *Сѣверной Пчелы*, будучи очень доволенъ тѣмъ что статья эта будетъ ему полезна, говорилъ что-нибудь о ея авторѣ его свѣтлости.

— Развѣ этотъ директоръ имѣетъ на его свѣтлость большое вліяніе?

— Не думаю, ваше превосходительство, чтобы кто-нибудь изъ подчиненныхъ могъ имѣть на князя Петра Михайловича большое вліяніе.

— Можетъ быть, Б., вы имѣете театральныя знакомства? Можетъ-быть, вы кого-нибудь изъ французскихъ актрисъ знаете: у васъ вообще, я слышалъ, много знакомыхъ французскихъ домовъ.

— По дому инженеръ-полковника Ламе, дѣйствительно, ваше превосходительство, я немножко знаю мадемуазель Бурбье.

— Ну вотъ ларчикъ и отворенъ! Бездѣлица, мадемуазель Бурбье! Князь восхищенъ ея игрой; и вѣрно она что-нибудь прехорошее объ васъ говорила старику, потому что кончилось тѣмъ что онъ взялъ съ меня слово что первую столоначальническую вакансію я вамъ предоставлю. Итакъ, Б., поѣзжайте къ Бурбье и поцѣлуйте у нея ея прелестную ручку, причемъ скажите ей что le général manchot des douanes est aux anges d'elle. *

— Я къ ней не вхожъ, ваше превосходительство.

— Э! какой же вы чудакъ, мой милый, не вхожъ къ ней, такъ умѣйте войти къ ней. Однимъ словомъ, вы, благодаря ей, будете столоначальникомъ, съ чѣмъ васъ впередъ поздравляю и надѣюсь въ будущую среду, при свиданіи у Фикельмоновъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, сказать ему что онъ можетъ взять взяточку съ Бурбье, по желанію которой однимъ молоденькимъ столоначальникомъ больше. Каково же?

* Безрукій генералъ таможенъ въ восхищеніи отъ нея.

Digitized by Google

Двадцати двухъ лѣтъ столоначальникъ! Такимъ образомъ, въ 42 года вы будете министромъ. Двадцать лѣтъ пройдутъ мигомъ. Однако мы закалякались, а тамъ начальники отдѣленій ждутъ съ докладами. До свиданія, Б. Пошлите ко мнѣ дежурнаго: я его пошлю за Карломъ Ивановичемъ.

— Я буду идти мимо Карла Ивановича, ваше превосходительство, и передамъ ему ваше приглашеніе.

— Вы, господинъ будущій столоначальникъ, олицетворенная любезность. А все-таки дежурнаго мальчика пошлите ко мнѣ. Я хочу надрать ему другое ухо, чтобъ одному завидно не было. Презабавный пострѣленокъ! Надобно бы выучить его болтать по-французски, и тогда я по воскресеньямъ игралъ бы съ нимъ у себя на билльярдѣ.

Это былъ злой намекъ на тѣ интимно-свѣтскія и очень приличныя отношенія въ какихъ до конца 1832 года я находился въ его домѣ. Не дѣлая вида что я понялъ этотъ намекъ, я вышелъ раскланявшись. Въ дежурной комнатѣ я нашелъ мальчика въ форменномъ фракѣ опять предъ зеркаломъ.

— Васъ зоветъ господинъ директоръ, сказалъ я.

— А у меня лѣвое ухо все горитъ, горитъ, такъ что бѣда, прошепталъ юноша, шмыгая въ кабинетъ.

„Подожди, братъ, подумалъ я, погоритъ сейчасъ и правое, чтобы не завидно было, какъ выражается его превосходительство.“

Возвратясь въ свое отдѣленіе и въ свой „столъ“, я на лицѣ своемъ носилъ печать удовольствія произведеннаго обѣщаніемъ сдѣланнымъ мнѣ Бибиковымъ, чтò не скрылось отъ зоркихъ глазъ моего столоначальника П. Вслѣдствіе этого своего наблюденія, онъ съ широкою улыбкой своею спросилъ меня:

— Повидимому бесѣда съ его превосходительствомъ была благопріятна для васъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ,—кромѣ развѣ того что, само собою разумѣется, для нашего брата подчиненнаго чиновника всегда бываетъ пріятенъ благосклонный и любезный разговоръ такого высокопоставленнаго начальника какъ Дмитрій Гавриловичъ, тѣмъ болѣе что вотъ уже почти два года какъ я отвыкъ отъ ласковыхъ отношеній его превосходительства ко мнѣ послѣ того что....

— Знаю, знаю, прошепталъ П., приглашая меня перейти въ глубокую амбразуру окна, чтобъ удалиться отъ кан-

Digitized by Google

целярскаго люда,—знаю, это было по случаю тому когда молоденькой Англичаночкѣ-дурочкѣ сдѣлался обморокъ. Хе, хе, хе! Уморительно это было, какъ сказывалъ мнѣ Степанъ Степановичъ Грозновъ. И Богъ знаетъ зачѣмъ вы тогда такъ расходились и вышли изъ себя. Добро бы вы давно знали Англичаночку эту; а то видѣли въ первый разъ въ жизни молоденькую заморскую пищенку и вздумали показывать видъ начальнику что шутки его вамъ не понутру. То-то, господа парлефрансе: у васъ ужь больно много амбиціи, въ которую вы тотчасъ вламываетесь.

— Это мои правила, возразилъ я съ нѣкоторою запальчивостью. — Я съ моей стороны оставляю васъ при вашихъ правилахъ и не критикую ни извѣстнаго кресла, ни извѣстнаго пера, на которыя вы устроили ковчеги, такъ прошу не касаться и моихъ убѣжденій: они у каждаго свои. Вонъ, у сегодняшняго дежурнаго мальчишки также свои правила, благодаря которымъ онъ съ радостью принялъ сейчасъ щипки и уходранья его превосходительства, за то что его перемѣстили на средній канцелярскій окладъ.

— А вотъ помяните мое слово, замѣтилъ П., вытираясь огромнымъ своимъ пестрымъ платкомъ, сильно надушеннымъ гостинодворскимъ амбре,—этотъ мальчишка, какъ вы его величаете, далеко пойдетъ. Онъ теперь въ судномъ отдѣленіи числится, а я охотно постараюсь перевести его въ нашъ 4й столъ 2го отдѣленія, на томъ основаніи что совсѣмъ не худо имѣть такого директорскаго фаворита подъ своимъ началомъ. Но не въ этомъ дѣло, В. П., а въ томъ что какъ сегодня поутру я былъ у его превосходительства, по собственнымъ его дѣламъ, Дмитрій Гавриловичъ принимать меня изволили сидя въ утренней ваннѣ и при этомъ куря въ ваннѣ трубку, которую я имъ и запалилъ, они мнѣ сказали что вчера на вечерѣ у графа и графини Фикельмонъ (это вѣдь родня его превосходительства) свѣтлѣйшій князь Волконскій взялъ съ нихъ слово что вамъ дадутъ столоначальничье мѣсто съ полнымъ окладомъ у насъ въ департаментѣ. И мнѣ извѣстно что у насъ на дняхъ будетъ вакансія, между нами будь сказано. Помощникъ правителя канцеляріи, Владиміръ Яковлевичъ Солоницынъ, вы его вѣдь хорошо знаете, выходитъ въ отставку, чтобъ ѣхать въ Пензенскую губернію, принять изъ рукъ параличемъ разбитаго дяди управленіе огромнымъ его имѣніемъ, которое дядя назначаетъ ему въ наслѣдство послѣ смерти своей. А смерть-то

Digitized by Google

старика не за горами. Кажется на будущей недѣлѣ послѣдуетъ замѣщеніе вакансіи оставляемой Солоницынымъ. Но только я вамъ скажу такъ по-товарищески что вѣдь нашъ безрукій (здѣсь насъ никто не слышитъ) терпѣть не можетъ высокихъ протекцій у своихъ подчиненныхъ. Онъ вамъ обѣщалъ осьмиклассное мѣсто, я знаю; но между обѣщаніемъ и исполненіемъ десять тысячъ верстъ, и увѣряю васъ что ежели вы не употребите еще другаго средства, то какъ бы вамъ не остаться на бобахъ.

— О какомъ это еще средствѣ вы хотите мнѣ сказать, Платонъ Александровичъ? спросилъ я.

— Знаю, вы господа молодые люди. какъ бы вслухъ разсуждалъ П., — на иныя средства брезгливы. и напрасно, потому что нельзя же порать противъ рожна. Есть у Дмитрія Гавриловича теперь одинъ человѣкъ въ огромномъ форсѣ. Совѣтую вамъ къ нему съѣздить и поферлакурить ему, разказавъ все какъ есть. Его сильно польститъ то что вы ставите его протекцію выше ходатайства свѣтлѣйшаго министра, и все, все, все сдѣлаетъ. Человѣкъ этотъ—тотъ самый архитекторъ что такъ. по вашему сужденію, разобидѣлъ Англичанку.

Предложеніе это какъ бы кипяткомъ ошпарило меня, и я весь побагровѣлъ; но скоро пришелъ въ себя и сказалъ:

— Оставимъ этотъ разговоръ; а вотъ лучше пояснить мнѣ потрудитесь въ какомъ смыслѣ и направленіи надо писать мнѣніе директора департамента въ докладной запискѣ министру финансовъ по случаю домогательства начальника Кавказскаго таможеннаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Веньери, объ устройствѣ больницы для чиновниковъ и новой мебели для Бакинской таможни.

П. понялъ что я имѣю отвращеніе къ сдѣланному имъ сейчасъ мнѣ предложенію, но не подалъ вида и очень спокойно отвѣчалъ на мой служебный вопросъ:

— Мнѣніе директора должно состоять въ томъ что начальникъ округа можетъ употребить изъ экстраординарныхъ суммъ по таможнѣ исчисленныя имъ деньги на возобновленіе мебели въ таможнѣ, что же касается до больницы, то пусть предложитъ всѣмъ чиновникамъ этой таможни десятипроцентный вычетъ изъ всего получаемаго каждымъ изъ нихъ содержанія, для устройства небольшаго лазарета съ врачомъ, фельдшеромъ и аптекой. При этомъ однако спросить Веньери: развѣ въ Баку

Digitized by Google

нѣтъ лѣкарей и врачебныхъ пособій, что онъ домогается имѣть больницу при таможнѣ?

— Хорошо-съ, сказалъ я сухо,—согласно съ этимъ и будетъ все изложено. Только мнѣ удивительно, почему это какъ только во времена оны, лѣтъ за нѣсколько предъ симъ, какъ только захотѣлъ здѣшній петербургскій начальникъ округа имѣть больницу преогромную для здѣшней таможни, нашлись тотчасъ десятки тысячъ, и больница на широкую ногу была устроена; а для Бакинской таможни, на краѣ свѣта, такія затрудненія?

— То-то что на краю свѣта, подхватилъ П. — Кто на край свѣта заглянетъ? А здѣсь дѣло на юру. Вонъ намедни самъ государь императоръ въ нашу таможню заѣзжалъ и всѣмъ остался предоволенъ. Велѣлъ Дмитрія Гавриловича министру самому благодарить. Да и къ тому же Кавказскимъ округомъ завѣдуетъ Веньери, котораго Дмитрій Гавриловичъ не жалуетъ, а здѣшнимъ управляетъ Тимирязевъ, который былъ когда-то въ одномъ эскадронѣ съ Дмитріемъ Гавриловичемъ, оба служили тогда субалтернъ-офицерами, а вотъ какъ ихъ судьба-то размѣстила теперь. Вотъ-съ вамъ и весь сказъ!

Въ пять часовъ съ небольшимъ я былъ дома, гдѣ мнѣ объявили что былъ посланный отъ Байкова, привезшій корзиночку съ молочными гостинцами и письмо.

Прочитанное мною письмо Байкова было слѣдующаго содержанія:

„Зная что вы, многоуважаемый В. П., принимаете искреннее участіе во всемъ что̀ касается успѣховъ нашего училища, славу котораго вы всенепремѣнно громко распространите по нашему отечеству, чрезъ будущую статью объ ономъ во всюду жужжащей златокрылой *Пчелкѣ*, спѣшу подѣлиться съ вами моею радостью. Съ легкой руки прелестной *герцогини*, посѣтившей насъ 29го августа, вчера, въ среду, 31го августа, къ намъ пожаловалъ французскій вельможа и знаменитый европейскій агрономъ, графъ Гаспаренъ, издавшій такія прекрасныя книги о сельскомъ хозяйствѣ, красующіяся въ богатыхъ переплетахъ, какъ въ библіотекѣ его свѣтлости, министра двора и удѣловъ, такъ въ роскошномъ книгохранилищѣ его превосходительства господина нашего вице-президента и благодѣтеля. Графъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и прежде чѣмъ представиться его свѣтлости князю, хотѣлъ осмотрѣть наше заведеніе, о которомъ у себя въ Парижѣ слышалъ. Хотѣлъ же это онъ для того чтобъ имѣть пріятную возможность, при первомъ же свиданіи, передать его свѣтлости свои впечатлѣнія. Кажется, онъ всѣмъ былъ восхищенъ, особенно сыръ бри

Digitized by Google

прельстилъ его, и я его сіятельству приподнесъ дюжину формъ, оголивъ весь запасъ. Переводчикомъ ему служилъ блестящій молодой русскій гвардейскій офицеръ, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который, какъ мнѣ объяснилъ, родня всѣмъ нашимъ вельможамъ. Пишу вамъ это второпляхъ; сейчасъ (теперь восемь часовъ утра) ѣду къ Льву Алексѣевичу съ подробнымъ донесеніемъ о случившемся семъ у насъ важномъ событіи. Офицеръ Булгаковъ такой весельчакъ и такой не спѣсивый, хотя и аристократъ, что самъ пустился съ мальчиками выплясывать казачка и трепака. Мальчики наши въ полнѣйшемъ восхищеніи и всѣ вамъ низко кланяются. Я и жена къ ихъ поклонамъ присоединяемъ наши и надѣемся видѣть васъ у насъ послѣзавтра, въ субботу вечеркомъ на воскресенье. Соображенія о борщѣ на славу дѣлаются въ моемъ хозяйствѣ уже теперь для дорогаго посѣтителя. Савраски мои къ вамъ явятся часовъ въ шесть пополудни. Обнимаю васъ и остаюсь много васъ уважающій М. Байковъ."

Когда я прочелъ это письмо до того мѣста гдѣ упоминалось о знаменитомъ ловкачѣ Булгаковѣ, котораго великій князь Михаилъ Павловичъ называлъ enfant terrible, я тотчасъ вспомнилъ разказъ госпожи Ламе о его обѣщаніи добыть, при помощи bon enfant Женьеса, дюжину формочекъ сыра бри съ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Послѣ этого не было уже сомнѣнія что Булгаковъ, при помощи Женьеса, выданнаго имъ за графа Гаспарена, смистифировалъ Байкова самымъ удачнымъ образомъ. Послѣ обѣда я отправился на четверговый вечеръ Н. И. Греча, у котораго засталъ необыкновенное, какое-то чрезвычайное движеніе и оживленіе по случаю возсозданія *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшара. Въ числѣ обычныхъ гостей было много новыхъ лицъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ. Это все были будущіе сотрудники громаднаго литературнаго предпріятія, во главѣ котораго сталъ Гречъ, ожидавшій блестящихъ успѣховъ и богатыхъ матеріальныхъ выгодъ. Когда-нибудь въ особой статьѣ постараюсь разказать все что мнѣ лично было извѣстно о редактированіи *Энциклопедическаго Лексикона*, созданнаго Гречемъ и въ послѣдствіи убитаго Сенковскимъ, о чемъ я упоминалъ уже отчасти на этихъ же страницахъ, въ прошломъ году, въ статьѣ моей *Знакомство съ Воейковымъ*. Здѣсь же не мѣсто объ этомъ распространяться. Скажу только что я, сколько помню, именно въ этотъ вечеръ, 1го сентября 1834 года, въ первый разъ видѣлъ Андрея Александровича Краевскаго, въ ту пору скромнаго молодаго человѣка, служившаго помощникомъ редактора *Журнала*

Digitized by Google

Министерства Народнаго Просвѣщенія и жившаго въ домѣ министерства, гдѣ онъ имѣлъ небольшую квартиру, кажется, съ казенною, не очень взрачною мебелью, крытою бѣлыми холстинными чахлами. Тутъ же въ этотъ вечеръ, помню, многоглагольствовалъ добрѣйшій цензоръ Петръ Александровичъ Корсаковъ, братъ тогдашняго попечителя учебнаго округа и предсѣдателя цензурнаго комитета князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова, отца нынѣшняго генералъ-губернатора юго-западнаго края, въ то время еще мальчика. Какъ только Гречъ меня увидѣлъ и поздоровался со мною, тотчасъ, по своему обычаю выкрикивать свои впечатлѣнія при всѣхъ, закричалъ:

— Ну, любезнѣйшій коллабораторъ, чинящій перо для описанія Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, — какая же вчера тамъ вышла комедь, которую сломалъ этотъ enfant terrible Булгаковъ! Слышали вы?

— Не только слышалъ, отвѣчалъ я,—но, къ прискорбію моему, читалъ письмо моего новаго пріятеля и вашего почитателя Матвѣя Андреевича, сообщающаго мнѣ объ этомъ новомъ школьничествѣ господина Булгакова.

Я умолчалъ о томъ въ какомъ тонѣ было мнѣ сдѣлано это сообщеніе.

— Жаль, жаль, кричалъ Гречъ, — опростоволосился Матвѣй Андреевичъ! Права видно пословица: „на всякаго мудреца довольно бываетъ простоты!" Но, впрочемъ, это было такъ хитро и ловко подведено что будь я на мѣстѣ Байкова, да не знай, какъ онъ не знаетъ, французскаго языка, точно такъ же профершпилился бы. Милая моя и, въ скобкахъ, къ вамъ, Быстропишевъ, очень расположенная Virginie Bourbier, за эту продѣлку рветъ и мечетъ на Булгакова и особенно на Женьеса, qui a fait l'homme de paille. Она имъ обоимъ заперла свою дверь.

— Разскажи же толково, Николай Ивановичъ, въ чемъ дѣло! гаркнулъ появившійся въ это время Иванъ Никитичъ Скобелевъ, раздававшій рукопожатія направо и налѣво.

— Почти весь городъ, ваше превосходительство, восклицалъ Гречъ,—знаетъ этотъ новый фарсъ повѣсы Булгакова въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ вчера.

— Мало ли что знаетъ весь городъ, да я не знаю, продолжалъ Иванъ Никитичъ, усаживаясь у стола и располагаясь

Digitized by Google

комфортно пить поданный ему, какъ и всѣмъ, чай. Гречъ заораторствовалъ съ акомпаниментомъ своихъ гримасъ:

— Дѣло въ томъ что въ понедѣльникъ, знаменитая наша петербургская Марсъ, очаровательная Бурбье, была въ Земледѣльческомъ Училищѣ, гдѣ ее превосходно чествовалъ сей юнота....

— Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ! Для этого-то онъ намедни и остался у Байкова и мнѣ не сопутствовалъ въ обратномъ моемъ путешествіи. Ну, продолжай, Николай Ивановичъ: я слушаю, да и всѣ твои гости открыли уши для принятія словесъ твоихъ, златоустый бѣсъ! Ха! ха! ха!

— Изъ Земледѣльческаго Бурбье привезла домой нѣсколько формъ сыра бри и подчивала имъ, въ Александровъ день, пріѣхавшаго къ ней, шалуна Булгакова, который на отказъ ея подарить ему одну формочку, поклялся что онъ будетъ имѣть очень скоро дюжину формъ этихъ. И дѣйствительно имѣлъ на другой же день: онъ собралъ точныя свѣдѣнія о Байковѣ и узналъ что онъ, вопервыхъ, не знаетъ по-французски и, вовторыхъ, крайне тщеславится своимъ заведеніемъ. На этихъ данныхъ Булгаковъ построилъ весь свой проектъ для добычи дюжины формъ бри. Актера Женьеса, извѣстнаго простофилю, онъ выдалъ за знаменитаго Гаспарена, агронома-графа, члена высшей палаты Франціи. Они съ Женьесомъ болтали всякій вздоръ, а Булгаковъ немилосердно лгалъ Байкову, ну и провелъ его такъ что Байковъ продѣлалъ предъ ними всю почетную программу отъ *а* до ижицы, ну и снабдилъ дюжиной формъ бри, которыми потомъ шалунъ хвастался. Князь Петръ Михайловичъ было осерчалъ на Булгакова и хотѣлъ просить государя арестовать шалуна; но великій князь такъ много смѣялся новой проказѣ что защитилъ его отъ гауптвахты. Воображаю какъ бѣсится Байковъ за эту съ нимъ штуку.

— Ну, замычалъ, подергиваясь, Иванъ Никитичъ,—счастливъ этотъ Булгаковъ, повѣса, что великій князь Михаилъ Павловичъ его начальникъ и балуетъ его; а будь его начальникъ, хоть бы примѣромъ сказать, генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, ужъ отбилъ бы у него охоту мальчишничать. И гдѣ же? Не въ казенномъ только, но царскомъ заведеніи. Дрянной же онъ, слыхалъ я, и служака-то! Ну ужь попадись этотъ гусь лапчатый ко мнѣ въ генералъ-аудиторіатъ когда-нибудь за свои продѣлки: я его промну, друга любезнаго!

Въ это время артиллерійскій генералъ-майоръ Андрей Яков-

Digitized by Google

левичъ Ваксмутъ, который былъ женатъ на дѣвицѣ Борнъ, двоюродной сестрѣ Греча,—разказалъ о недавней новой проказѣ Булгакова, состоявшей въ томъ что онъ съ двумя пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный силачъ Чагинъ, также офицеръ, ночью изъ гостей по Петербургской сторонѣ шли пѣшкомъ, не найдя извощиковъ. Вдругъ увидѣли они круглую будку будочника со спавшимъ въ ней часовымъ, отложившимъ въ сторону свою алебарду. Приди имъ, и въ особенности Булгакову, шальная мысль своротить будку на землю, но такъ чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каковъ былъ Чагинъ, имъ это удалось. Бѣдный будочникъ въ этой могилѣ поднялъ страшный крикъ, разбудившій всѣхъ окрестныхъ дворниковъ, поднявшихъ будку и освободившихъ полумертваго часоваго. Сергѣй Александровичъ Кокошкинъ, по просьбѣ дяди Булгакова (здѣшняго почтъ-директора) замялъ эту исторію, кончившуюся смѣхомъ.

Строгій поклонникъ воинской дисциплины и общественнаго благочинія, Иванъ Никитичъ, принявъ этотъ разказъ неблагосклонно, выразилъ удивленіе что подобныя шалости могутъ быть принимаемы и разказываемы со смѣхомъ людьми пожилыми, а не молоденькими мальчиками, и съ негодованіемъ отошелъ въ сторону, взявъ подъ руку профессора Шульгина, съ которымъ завелъ какой-то посторонній разговоръ, усѣвшись на дальнемъ диванчикѣ, одномъ изъ тѣхъ какими были облѣплены низы библіотечныхъ шкафовъ, съ потолка до пола покрывавшихъ стѣны извѣстнаго зала-кабинета, такъ подробно мною описаннаго въ статьѣ моей: *Четверги у Н. И. Греча.* Пользуясь удаленіемъ генерала-писателя, не умѣвшаго скрывать своего образа мыслей и любившаго высказывать по-солдатски правду-матку, извѣстный тогдашній стихо-и прозо-кропатель, считавшій себя не на шутку литераторомъ, гвардіи полковникъ и старшій адъютантъ гвардейскаго штаба, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, принялся занимать честную компанію различными анекдотами о Булгаковѣ, хорошо ему извѣстными по роду его службы. Гречъ, любившій слушать себя и свои разказы, а не другихъ, не утерпѣлъ и сказалъ:

— Да изъ всего этого можно составить презабавную книжонку подъ названіемъ: *Булгаковіада!* Вотъ бы вы, Вильгельмъ Ивановичъ, составили такую книжицу, да и дали бы ее продавать книгопродавцу Лисенкову, вы же, кажется, съ нимъ въ ладахъ. А онъ ужь какой мастеръ на рекламы!

Digitized by Google

Каратыгинъ(?)

Карагофъ былъ не слишкомъ-то находчивъ на отвѣты, но претенціозенъ и обидчивъ, почему немедленно уѣхалъ съ четверговаго вечера, сказавъ, кажется, постоянному своему сопутнику, барону Е. Ѳ. Розену: „Нога моя здѣсь никогда не будетъ!“ Это завѣреніе однако не помѣшало всѣмъ слышавшимъ эти слова изъ устъ Вильгельма Ивановича въ слѣдующій же четвергъ увидѣть у Греча не только одну, но обѣ длинныя, предлинныя ноги піита.

Изъ числа анекдотовъ о Булгаковскихъ повѣсничествахъ соединю здѣсь тѣ которые кажутся мнѣ рельефнѣе другихъ и, кстати, передамъ ихъ здѣсь читателю:

Императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ что офицеры стали носить сюртуки до такой степени короткіе что они имѣли видъ какихъ-то камзольчиковъ, обратилъ на это вниманіе великаго князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу былъ отданъ приказъ съ опредѣленіемъ длины сюртучныхъ полъ, причемъ за норму былъ принятъ высокій ростъ. Военные портные тотчасъ смекнули ошибку въ приказѣ и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорціональной росту заказчика. Но шутникъ Булгаковъ, ростъ котораго былъ гораздо ниже средняго, потребовалъ отъ своего портнаго сюртукъ точь-въ-точь съ полами именно той длины какая опредѣлялась приказомъ, почему полы его сюртука покрывали ему икры и онъ былъ каррикатуренъ до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смѣхъ не только знакомыхъ, но и незнакомыхъ ему офицеровъ. Едва успѣлъ онъ раза два пройтись въ такомъ видѣ среди гуляющей публики по тротуару Невскаго Проспекта, какъ попался на встрѣчу великому князю, который, при видѣ его въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, воскликнулъ: „Что̀ это за юпка на тебѣ, Булгаковъ? На гауптвахту, на гауптвахту, голубчикъ! Я шутить не люблю!“—„Ваше высочество, я одѣтъ какъ нельзя болѣе по формѣ, и наказанія, ей-Богу, не заслуживаю“, возразилъ почтительно поручикъ Булгаковъ, держа пальцы правой руки у шляпы, надѣтой по формѣ. „Я одѣтъ въ согласность приказа по гвардейскому корпусу. И вотъ доказательство!“ При этомъ, онъ вынулъ изъ кармана пресловутый приказъ и подалъ его великому князю. Его высочество, прочитавъ приказъ, засмѣялся, назвалъ Булгакова шутомъ гороховымъ и ему же приказалъ чтобы вмѣсто гауптвахты, ѣхалъ къ на-

Digitized by Google

чальнику штаба гвардейскаго корпуса и, показавъ ему свою особу, разказалъ о случившемся и передалъ бы приказаніе корпуснаго командира немедленно сдѣлать дополненіе къ приказу съ означеніемъ трехъ родовъ роста: большаго, средняго и малаго, и съ объясненіемъ что вообще полы должны быть наравнѣ съ колѣномъ. На другой день состоялось дополненіе къ приказу.

Въ другой разъ Булгаковъ, куда-то торопившійся поутру, забылъ вдѣть въ портупею шпагу и шелъ по улицамъ безъ шпаги. На бѣду, его встрѣтилъ великій князь, ѣхавшій въ коляскѣ.—„Офицеръ разстается съ своею шпагой или саблей только въ двухъ случаяхъ: въ гробу и подъ арестомъ!" восклицалъ великій князь. „Въ гробъ тебя я не уложу, а на гауптвахту посажу; но прежде отправленія на гауптвахту въ Чекуши,—я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру Штигельману и полковымъ командирамъ всей гвардіи. Садись ко мнѣ въ коляску." Булгаковъ сѣлъ въ коляску великаго князя, который привезъ его къ себѣ въ Михайловскій дворецъ и сказавъ: „ты мой арестантъ!" оставилъ его въ своемъ кабинетѣ, а самъ вышелъ въ пріемный залъ, подлѣ кабинета, гдѣ уже его ожидали въ извѣстный часъ всѣ полковые командиры, ежедневно въ этотъ часъ являвшіеся къ его высочеству предъ разводомъ. Великій князь довольно долго говорилъ о распущенности гвардіи, обѣщался всѣхъ подтянуть, и обратясь къ генералу Штигельману, командиру л.-гв. Московскаго полка, выражалъ ему свое неудовольствіе за то что офицеры его полка не соблюдаютъ формы и что онъ сейчасъ представитъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ Булгакова, забывшагося до того что позволилъ себѣ одно изъ самыхъ преступныхъ отступленій отъ военныхъ законовъ. Говоря это, великій князь отворилъ дверь своего кабинета и позвалъ Булгакова, который почтительно, но смѣло выступилъ и сталъ на вытяжку.

— Любуйтесь, любуйтесь, генералъ, вашимъ офицеромъ! крикнулъ великій князь.

Штигельманъ внимательно осматривалъ Булгакова со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, пока его высочество продолжалъ говорить о томъ же предметѣ съ другими полковыми командирами громко и съ запальчивостью, и потомъ обратясь къ Штигельману спросилъ:

Digitized by Google

— Ну, видѣлъ каковъ молодецъ? На мѣсяцъ на гауптвахту съ отданіемъ въ приказѣ по полку!

— Ваше высочество, объяснилъ Штигельманъ, — я пересмотрѣлъ на поручикѣ все отъ воротника до штрипокъ и положительно ничего не нашелъ.

— Ты и не могъ найти того чего нѣтъ, вскричалъ великій князь. — А гдѣ же его шпага?

Штигельманъ повернулъ слегка Булгакова на лѣвую сторону и сказалъ:

— Шпага на своемъ мѣстѣ, ваше императорское высочество!

И дѣйствительно, Булгаковъ былъ при шпагѣ. Великій князь назвавъ Булгакова новымъ Пинетти, велѣлъ Штигельману отобрать шпагу отъ Булгакова и возвратить ее тому офицеру другаго полка котораго вчера самъ его высочество арестовалъ, оставивъ его шпагу у себя въ кабинетѣ и забывъ отослать къ коменданту, а съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ:

— А все-таки пусть Пинетти этотъ потрудится не въ очередь быть завтра въ караулѣ на Сѣнной. Можетъ-быть мнѣ удастся быть Каліострою и одурачить этого фокусника. Держи же, братъ, ухо востро и помни что я шутить не люблю.

На другой день Булгаковъ отбылъ свое дежурство въ караулѣ на Сѣнной какъ нельзя счастливѣе. Великій князь пріѣзжалъ самъ не одинъ разъ и днемъ и ночью, и посылалъ близкихъ къ себѣ офицеровъ чтобы какъ-нибудь накрыть Булгакова; но ничто не удалось, и дежурство прошло совершенно благополучно, такъ что на слѣдующій послѣ дежурства день великій князь очень любезно отзывался Штигельману о вчерашнемъ караульномъ. Но однако спустя нѣсколько времени случилось Булгакову быть караульнымъ на той же гауптвахтѣ на Сѣнной и какъ нарочно въ день Константина и Елены, 21го мая, то-есть въ его именины, когда онъ, охотникъ до застольныхъ удовольствій, вздумалъ задать пиръ друзьямъ у себя на гауптвахтѣ и знатно угостилъ не только своихъ гостей, но и весь караулъ и арестованныхъ офицеровъ, благо великій князь въ Павловскѣ празднуетъ день ангела своей супруги, ея высочества великой княгини Елены Павловны, такъ ужь нечего опасаться его пріѣзда. Однако великій князь, проводивъ гостей, велѣлъ въ два часа ночи подать коляску четверней рядомъ (тогда еще не было Царскосельской желѣзной дороги) и прискакалъ на Сѣнную, гдѣ засталъ такой

Digitized by Google

ерайашъ что, за отсутствіемъ часоваго у барабана, распорядился чрезъ своего лакея, бывшаго съ нимъ, увезти барабанъ въ Павловскъ. На другое утро въ Московскомъ полку получается приказъ чтобы къ 12 часамъ полкъ на полковомъ дворѣ былъ въ сборѣ и что великій князь будетъ смотрѣть по-ротно. Булгаковъ проспавшись понялъ чѣмъ это пахнетъ: переводъ въ армію тѣмъ же чиномъ было бы самое меньшее наказаніе. Надо однако дѣло поправить. Какъ? Онъ призываетъ къ себѣ одного изъ рядовыхъ той роты въ которой служилъ и къ которой принадлежалъ пропавшій барабанъ, о чемъ конечно никому изъ набольшихъ доложено не было. Рядовой этотъ пользовался во всемъ полку репутаціей отъявленнаго вора и изъ штрафованій не выходилъ; а онъ-то и былъ на часахъ у барабана, когда барабанъ пропалъ. Булгаковъ произнесъ ему короткій спичъ, представляя два результата добытія барабана: 25 рублей награды, ежели до смотра барабанъ будетъ, и прогулка сквозь строй, ежели къ смотру барабана не будетъ. Часа черезъ два рядовой имѣлъ 25рублевую ассигнацію, выданную ему съ благодарностью Булгаковымъ: онъ ловко укралъ барабанъ въ гвардейской артиллерійской батареѣ на Литейномъ проспектѣ. При осмотрѣ рота была съ барабаномъ, и изумленный великій князь Михаилъ Павловичъ потребовалъ объясненія отъ Булгакова, который, принимая всю вину на себя, объяснилъ какъ было дѣло и заслужилъ отъ великаго князя названіе „оберъ-плута".

Еще вскорѣ послѣ этого великій князь встрѣтилъ, во время красносельскихъ лагерей, Булгакова въ веселой компаніи друзей и пріятелей за нѣсколько верстъ отъ лагеря въ селеніи Бабигонѣ, гдѣ въ тѣ времена былъ весьма хорошій ресторанъ, содержимый какимъ-то Французомъ, умѣвшимъ не хуже нынѣшняго Огюста угощать гг. гвардейскихъ офицеровъ.—„Какъ ты здѣсь, Булгаковъ? Вѣдь ты въ лагерѣ дежурный по полку." —„Такъ точно, ваше высочество, дежурный."—„Прекрасно! Дежурный по полку въ Бабигонѣ, въ сюртукѣ на распашку, откупориваетъ бутылки! Хорошъ гусь, хорошъ!" И вслѣдъ за симъ онъ крикнулъ кучеру: „Въ лагерь живо, къ Московскому полку". Орловскіе рысаки двинулись быстро, и въ нѣсколько минутъ каляска великаго князя была на лагерной линіи, и онъ съ запальчивостью гнѣвный кричалъ: „Дежурные по полкамъ сюда!" Мигомъ всѣ дежурные офицеры въ полковой лагерной

Digitized by Google

формѣ собрались около великаго князя и въ числѣ ихъ Булгаковъ. Великій князь глазамъ своимъ не вѣрилъ и, вышедши изъ каляски, отозвалъ Булгакова въ сторону и сказалъ ему: „Даю тебѣ, Булгаковъ, слово что тебѣ ничего не будетъ за твою неисправность, скажи мнѣ только: какимъ образомъ ты здѣсь въ одно время со мною?“ — „Самымъ простымъ образомъ, ваше высочество, отвѣчалъ Булгаковъ,—вы сами меня привезти изволили въ вашей каляскѣ, только на запяткахъ.“

Предъ уходомъ отъ Греча, уже прощаясь съ нимъ, мнѣ удалось взять его въ сторону и разказать ему какъ дѣло было по случаю встрѣчи съ Бурбье и съ рекомендаціей сдѣланною княземъ Волконскимъ. Гречъ, отъ природы человѣкъ добрый, но къ сожалѣнію слабаго характера, выразилъ мнѣ искреннее сочувствіе и сказалъ что послѣ всего того что было говорено мнѣ Бибиковымъ, нѣтъ сомнѣнія что скоро можно будетъ меня поздравить со столоначальническимъ окладомъ, который въ департаментѣ внѣшней торговли, со всѣми процентами и добавочными, равнялся 3.000 рублямъ ассигнаціями.

Пятницу и субботу, какъ водилось, я проработалъ до пятаго часа пополудни въ департаментѣ, а вечеромъ въ седьмомъ часу, отобѣдавъ дома, я поѣхалъ на присланныхъ за мною Байковымъ обыкновенныхъ его лошадкахъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище на воскресенье. Этого рода субботнія поѣздки мои приняли характеръ нормальности, и въ теченіи многихъ лѣтъ, до поступленія моего на службу по удѣльному вѣдомству помощникомъ директора училища, — продолжались неизмѣнно, чрезъ что, само собою разумѣется, я очень сблизился съ Матвѣемъ Андреевичемъ, и когда сдѣлался его офиціальнымъ помощникомъ и сотрудникомъ по управленію заведеніемъ, то уже казалось что я какъ бы его близкій, родной человѣкъ, предъ которымъ онъ ничего, повидимому, но, конечно, только повидимому, не скрывалъ относившагося до него.

На этотъ разъ онъ мнѣ съ большимъ смѣхомъ разказалъ всю продѣлку шалуна Булгакова, который такъ мастерски провелъ его „простодушнаго“, какъ онъ называлъ себя, провинціала, не знающаго ни слова по-французски. Онъ узналъ объ этой штукѣ отъ Льва Алексѣевича Перовскаго, разказавшаго ему тѣ анекдоты шаловливой дѣятельности Булгакова которые были извѣстны доброй половинѣ Петербурга, особенно Петербурга высшаго полета. Левъ Алексѣевичъ самъ смѣялся этому

Digitized by Google

случаю и совѣтовалъ Байкову на будущее время быть какъ можно скупѣе на почетные пріемы и оказывать ихъ исключительно только тѣмъ лицамъ которыя явятся къ нему съ записками отъ него, или отъ министра, или, наконецъ, отъ людей ему коротко извѣстныхъ и вполнѣ извѣстныхъ съ отличной стороны, другихъ же всѣхъ, обыкновенныхъ посѣтителей, число которыхъ, конечно, весьма увеличится по появленіи статьи о заведеніи въ *Сѣверной Пчелѣ*, — принимать заурядъ, конечно, вѣжливо и внимательно; но не больше, то-есть безъ всякихъ угощеній и безъ маневра пожарной тревоги, что̀ вмѣстѣ съ пѣснями и плясками входило въ программу пріема почетныхъ посѣтителей. Вѣнки подносились наиважнѣйшимъ, къ числу какихъ, повидимому, причислена была и очаровательная мадемуазель Виржини Бурбье. При этомъ Байковъ мнѣ повѣдалъ что Левъ Алексѣевичъ выразилъ ему полное свое удовольствіе за его ловкое поведеніе съ Бурбье 29го августа, а съ тѣмъ вмѣстѣ поручилъ ему сказать мнѣ спасибо за то какъ я „мило" (подлинное его выраженіе) умѣлъ играть роль чичероне заведенія, принимая эту умную и любезную Француженку, съ которою, „не роняя себя", не мѣшаетъ поддерживать ласковыя отношенія. Я, съ своей стороны, передалъ Матвѣю Андреевичу всѣ подробности моего разговора съ Бибиковымъ, вслѣдствіе встрѣчи послѣдняго съ княземъ на раутѣ Фикельмоновъ. Байковъ поздравлялъ меня съ близкимъ повышеніемъ, приговаривая однако: „А знаете ли, по чувству эгоизма, мнѣ не хотѣлось бы чтобъ это исполнилось, потому что тогда вы будете завалены работой, и вамъ будетъ труднѣе чѣмъ теперь дарить насъ вашими посѣщеніями, изъ которыхъ, увѣряю васъ, я извлекаю, кромѣ удовольствія вашего общества для меня, много пользы для моихъ „мальчиковъ"; вы вашими съ ними бесѣдами не офиціальнаго чиновника, а частнаго посѣтителя, можете внушить имъ многое такое что̀ они легче и охотнѣе воспримутъ отъ частнаго человѣка чѣмъ отъ кого-либо изъ начальствующихъ. Да и къ тому же, кромѣ меня развѣ, никто изъ моихъ теперешнихъ подчиненныхъ не умѣетъ разумно и сердечно сближаться съ этими парнями."

Я благодарилъ Байкова за его хорошее обо мнѣ мнѣніе, и объявилъ ему что должность столоначальника нисколько не помѣшаетъ мнѣ бывать въ Земледѣльческомъ, потому что въ

Digitized by Google

департаментѣ внѣшней торговли столоначальники обременены службой не болѣе, а можетъ-быть и менѣе своихъ помощниковъ. Затѣмъ мы съ Байковымъ ходили по заведенію, многое осматривали и со многими воспитанниками бесѣдовали, какъ въ одиночку, такъ въ бо́льшихъ или ме́ньшихъ группахъ. Вечеромъ же, когда все въ заведеніи улеглось и мы послѣ великолѣпной русской бани и послѣ нѣсколькихъ стакановъ чая, бесѣдовали съ Байковымъ предъ постланными постелями о томъ, о семъ,—онъ вдругъ вынулъ изъ бюро своего претолстую рукописную тетрадь и сказалъ:

— Въ тетради этой, дорогой В. П., заключается моя десятимѣсячная работа: „Описаніе хозяйства удѣльныхъ имѣній". Левъ Алексѣевичъ торопитъ меня немедленнымъ приготовленіемъ этой рукописи къ печати. Что̀ будешь дѣлать? „Сказался груздемъ, полѣзай въ кузовъ", гласитъ русская пословица. И вотъ, волей-неволей, я попадаюсь въ авторскую фалангу. Но чтобы книга, кромѣ интересныхъ своихъ подробностей и свѣдѣній, не хромала и по части изложенія, Левъ Алексѣевичъ хочетъ во что̀ бы то ни стало, чтобъ она прошла чрезъ ваше литературное го́рнило и была вами очищена отъ плевелъ ее наполняющихъ. Бога ради не отказывайтесь! Корректура рукописи и типографскія три или четыре корректуры, а также наблюденіе за печатаніемъ, — все это ваше дѣло, и за все это Левъ Алексѣевичъ назначаетъ 500 руб. Примите, примите, пожалуйста примите на себя это порученіе и окажите мнѣ громадную услугу избавленіемъ меня отъ всѣхъ тѣхъ хлопотъ какія сопряжены съ незнакомымъ мнѣ издательскимъ дѣломъ.

Я нѣсколько времени отбивался отъ предложенія Байкова, говоря что трудъ этотъ не сто́итъ такого вознагражденія, что корректура этой книги, листовъ въ десять, не трудна, а рукописная и тѣмъ болѣе, потому что Матвѣй Андреевичъ излагать на бумагѣ умѣетъ такъ что ужь, конечно, не мнѣ поправлять то что̀ имъ написано будетъ. Но какъ я ни спорилъ, а Байкова не пересилилъ, и онъ настоятельно навязалъ мнѣ свою рукопись. Въ ней я нашелъ всего больше погрѣшностей переписчика, въ изложеніи же, по желанію самого Байкова, замѣнилъ только „сіи" и „кои", противъ которыхъ велъ тогда войну Брамбеусъ, но которые яро отстаивалъ Гречъ, „этими" и „которыми". Печаталась книга эта въ типографіи департамента внѣшней торговли, подъ ближайшимъ мо-

Digitized by Google

имъ наблюденіемъ и постояннымъ понуканіемъ смотрителя типографіи, добрѣйшаго и честнѣйшаго, но пресмѣшнаго по своей крохотной пѣтушиной фигурочкѣ, Ивана Николаевича Зотова. Къ концу сентября книга была отпечатана и сброшюрована, и я тотчасъ получилъ визитъ курьера съ бляхой и съ свѣтло-зеленымъ воротникомъ, привезшаго мнѣ пакетъ, при формальной бумагѣ за подписью вице-президента департамента удѣловъ, со вложеніемъ въ пакетѣ 500 р. въ числѣ пяти бѣлыхъ съ лиловымъ бордюромъ ассигнацій. Не нужно было быть большимъ дипломатомъ чтобы понять что самое дѣло не стоило такого вознагражденія, ежели же послѣдовала такая щедрость, то вслѣдствіе желанія какъ можно болѣе расположить меня къ училищу.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

КАМЕННЫЙ ОСТРОВОКЪ

(ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ.)

I.

Облачное небо.... Сѣрая безпредѣльная даль; широкая, величавая рѣка.... бѣгутъ бѣлоголовыя, стальныя волны.... Съ тихимъ крикомъ, низко надъ водой, несутся стаи чернышей или лебедей, которые высоко взмываютъ и вотъ уже чуть видными треугольниками двигаются въ сѣромъ небѣ съ чуть слышнымъ крикомъ.... Весла мѣрно шумятъ. Лодочникъ тихо поетъ. То протяжная пѣсня, знакомая, какъ внезапно мелькнувшая картинка давно позабытой дѣтской жизни. Выдвигаются избы, высокая колокольня.... Мирный звонъ оглашаетъ берега....

Какая знакомая картина! И Боже, какъ можно полюбить все это, какъ можно ясно сердцемъ почувствовать красоту этой сѣрой дали и величавую простоту ея линій и полное отсутствіе всего трескуче-тревожнаго, всего измышленно-ломаннаго! И природа какъ будто не хочетъ сказать ничего чтобы щегольнуть блескомъ, краской. Все просто, спокойно, величаво-пустынно. И только мы одни вносимъ мелкую, враждебную тревогу души своей въ это царство спокойной, всевыносящей и всепрощающей силы....

Видѣлъ я ихъ, эти синія горы, издали разнообразно, непостоянно мѣняющія освѣщеніе, возникающія какъ пестро-про-

Digitized by Google

зрачныя картины и образы причудливой западной легенды, а вблизи угрюмо и враждебно возстающія надъ человѣкомъ, свѣсивъ надъ головой его скалы и лавины и раскрывъ предъ нимъ мрачные зѣвы пропастей и разщелинъ....

Но мимо, мимо! Кругомъ совсѣмъ иное, и такой товъ не идетъ.... Лодка мѣрно колыхается въ волнахъ широко разбѣжавшейся рѣки. Кругомъ луговая пустыня озерныхъ береговъ. Давно уже остались за нами бѣлыя церкви шумныхъ торговыхъ селъ, съ ихъ благовѣстомъ, празднично и широко раскрытыми дверьми, изъ которыхъ выходятъ нарядныя, воскресныя толпы и крестясь расходятся по домамъ....

— Вотъ и озерскія пожни начались, замѣчаетъ нашъ лодочникъ, поворачивая къ намъ свое чернобородое, смуглое лицо.

Тысячами десятинъ тянутся эти „пожни", по-здѣшнему, или заливные озерскіе луга; сѣно накошено и собрано въ копны, которыя безчисленными рядами со всѣхъ сторонъ мелькаютъ на островахъ семирукавнаго Кубенскаго устья. Никого не видно среди этой *сѣнной* пустыни, и до насъ только доносятся крики лебедей, мелькающихъ бѣлыми точками среди стоговъ, на вершинахъ которыхъ чутко недвижно поднялись и вытянувъ шеи сидятъ сторожевые. Вотъ сейчасъ они торжественно рѣзко крикнутъ, и стая, мѣрно мелькая бѣлыми крыльями, снимется и понесется далеко отъ человѣческаго взора....

Стоги обширной сѣнной пустыни мелькаютъ мимо рядами и толпами, идутъ на встрѣчу лодкѣ, уходятъ назадъ и рѣютъ вдали, совсѣмъ въ воздухѣ, отдѣляясь отъ воды туманною, колеблющеюся бѣлою полоской. Волны все сильнѣе бьются въ лодку, плещутъ и обдаютъ пѣной; вѣтеръ крѣпчаетъ. Насъ сильно начинаетъ качать; весло тяжело скрипитъ въ уключинахъ....

Лодочникъ нашъ прилежно и сильно работаетъ веслами и по-обычному, путевому, словоохотливо сообщаетъ свои замѣчанія. Русскіе ямщики, лодочники—народъ не замкнутый, не угрюмый. Рѣчь идетъ бойко и охотно.

— И весной широко разливается, говоритъ онъ,—оно, озеро-то батюшко, далеко луга-те заливаетъ. Гдѣ бываетъ верстъ на пятнадцать. Страсть! И что̀ тутъ поженокъ этихъ по озеру! Трава чудесная—больно ее скотинка жалуетъ. Коровѣ теперь, ей лучше ничего нѣтъ. А овцѣ нѣтъ, овцѣ не годится.... Овцѣ подавай не осочное, а ей сейчасъ чтобы пустошное сѣно.... Вотъ она какая! И травы—сила! Пудовъ по 300 накашиваютъ....

Digitized by Google

II.

Сѣнная пустыня озерскихъ ложенъ—дѣло труда человѣческаго. Дремучій лѣсъ глядѣлъ въ быстрыя волны. То было глубокое лѣсное озеро. Всеистребляющій лѣсогубитель, человѣкъ, свалилъ и свезъ лѣса эти, и они обратились въ безплодныя топи, покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія мѣста эти не приносили пользы. Крестьяне принялись за печальныя болота, принялись выжигать кустарники, корчевать пни, сушить топи, и на пустомъ, угрюмомъ мѣстѣ зазеленѣли богатыя озерскія ложни. Прежде они цѣнились отъ 50—60 р. десятина, нынѣ же дошли до 200 р. Частію проданы эти луга крестьянамъ, частію отошли имъ въ надѣлъ, частію же перешли не къ мѣстнымъ жителямъ, въ постороннія руки. Иногда на одной десятинѣ бываетъ четверо или пятеро совладѣльцевъ. Нѣкоторые крестьяне имѣющіе здѣсь надѣлы часто живутъ верстъ за 20, за 30, даже за 50. Сѣнокошеніе начинается раннею осенью. Цѣлыми партіями и семьями приходятъ косцы на эти луга или издалека приплываютъ въ лодкахъ, запасаясь на все время провизіей, устраиваютъ балаганы и шалаши и кочуютъ съ ложни на ложню. Навѣваютъ стоги, иногда складываютъ сѣно въ сѣновалки, устроенныя тутъ же на ложняхъ, оставляютъ его тутъ до зимняго пути, и затѣмъ станъ косцовъ снимается и уходитъ по домамъ.

Снимутся люди, и сѣнная пустыня остается въ глубокомъ своемъ безмолвіи. Но это не долго. Вотъ уже раздаются рѣзкіе крики лебединыхъ стай, и закипѣла на ложняхъ жизнь перелетныхъ гостей—они отдыхаютъ на озерѣ предъ дальнимъ путемъ.

— И сколько ихъ здѣсь бываетъ! говоритъ лодочникъ.—Подымутся, и Боже ты мой! Туча! Солнышко инда, мелькаючи, заслонятъ. Ишь, вонъ бѣлѣются. Ишь, сколько!

— Что же, много охотниковъ?

— Какой охотниковъ? У насъ охотника вотъ ни-ни нѣтъ. Много ли и ружьевъ-то тутъ наберешь кругомъ! Развѣ у господъ.

О лебедяхъ этихъ стоитъ поговорить. Есть что-то интерес-

Digitized by Google

ное и странно-таинственное въ этихъ правильныхъ перелетахъ вольныхъ стай изъ одной далекой страны въ другую....

Обыкновенные горбоклювые лебеди осенью бываютъ на озерѣ пролетомъ изъ Финляндіи. Зиму проводятъ на Хивинскихъ озерахъ въ Туранѣ и на Каспійскомъ морѣ. Они чрезвычайно пугливы и осторожны, и бить ихъ очень трудно, да и некому бить ихъ на озерѣ. У нихъ есть враги опаснѣе человѣка. Большой морской орелъ смѣло врѣзывается въ ихъ стаи, но старые лебеди вступаютъ съ нимъ въ открытый бой; жестокая кровавая схватка кипитъ въ воздухѣ, и часто орелъ падаетъ, истерзанный сильными клювами.

На озерскихъ пожняхъ лисица по ночамъ подкарауливаетъ молодыхъ лебедятъ за стогами. Но все же это очень рѣдко. Отчего же ихъ все меньше? Не истребляютъ ли ихъ много на мѣстахъ ихъ зимовокъ? Не тамъ ли приходится имъ пѣть свои предсмертныя лебединыя пѣсни?

Желтоклювые лебеди меньше ростомъ. Они тянутся изъ Швеціи, Норвегіи, съ Гебридскихъ островoвъ, въ Японію, Китай, на Желтое Море. Черноклювые, меньше всѣхъ, изъ Исландіи тянутъ на Черное Море. Лебеди живутъ на озерѣ по нѣскольку дней. Крики ихъ далеко слышатся по ночамъ приозерному люду. Вонъ поднялась высоко мелькающая стая....

-- Эге, вѣтеръ-то однако хоть куда становится. Какъ обдаетъ!

Сѣрыя волны все бойчѣе прыгали и сильнѣе бѣлѣли налетая на лодку. Рѣзкій вѣтеръ рвался порывисто и заставлялъ кутаться. Впереди предъ лодкой слышался грозный и сильный шумъ, какими-то гулкими перекатами,—особенный шумъ, значеніе котораго я еще не понималъ, и рѣзко отдѣлялась по рѣкѣ кипящая темная полоса. То былъ шумъ приближающагося озера и полоса воды съ которой начиналось собственно оно....

Только-что мы въѣхали въ черту озера, какъ лодку начало бѣшено кидать. Грозно гремѣли стальныя волны и прыгали и обдавали насъ пѣной и брызгами, или вдругъ уходили изъ-подъ лодки, и открывалась близко у отлогаго борта нашего восьмерика зеленовато-черная, холодно-блестящая пропасть, куда летѣла наша лодченка. Сжалось сердце, непривычный глазъ безпокойно обѣгалъ величавую огромную колыхающуюся, гремящую и мелькающую стальную поверхность озера, цвѣта и вида громадной стальной славянской брони. Мнѣ такъ и сказалось это слово—„броня"....

— Въ такія ли бури хаживали? безпечно и весело кидая веслами, говорилъ лодочникъ.

Его черный, разгорѣвшійся глазъ, казалось, зажигался какою-то страстною удалью. Закинулъ голову и смѣло поглядываетъ впередъ. Лицо озерянина засвѣтилось одушевленіемъ борьбы. Человѣкъ боролся съ озеромъ.

— Ничего! Такія ли бывали! Это что! А вы лучше глядите какъ кругомъ славно. Ишь озерко-батюшко. Вотъ за мыскомъ монастырекъ сейчасъ будетъ. А глядите тамъ что церквей-то Вонъ Александра Куштскій, вонъ Симскій....

Мы повернули за мысокъ, и вдругъ предъ нами мелькнулъ бѣлыми стѣнами и повисъ въ воздухѣ, не касаясь линіи волны, монастырекъ, скутанный туманомъ. Монастырекъ—цѣль нашего плаванія.

Вдали на противоположномъ берегу мелькали и бѣлѣлись за десять и за пятнадцать верстъ въ чуть видныхъ частыхъ селеніяхъ тридцать церквей юго-западной стороны. Впереди рѣялъ въ воздухѣ монастырь, какъ бы возносясь въ туманахъ къ небу своими золотыми крестами, а за нами также рѣяли въ воздухѣ далекія линіи безчисленныхъ стоговъ сѣнной пустыни.

Все что зналъ я и слыхалъ объ этомъ камнѣ вспомнилось вдругъ. Мелькали картина за картиной. Картины и образы стародавней, могучей жизни. Давно, давно это было. Вотъ онъ наконецъ, этотъ Каменный островокъ, предо мной...

III.

И переноситься мыслью въ стародавнія времена. Дремучіе лѣса окружали наше озеро. Оно было глубокое, лѣсное и удобное для плаванія. Долго снѣга таяли въ лѣсахъ, и обильныя воды переполняли озеро, теперь обмелѣвшее съ вырубкой лѣсовъ. Волны, глухо шумя и пѣнясь, въ концѣ лѣта 1242 года, приняли изъ рѣки Порозовицы крутобокую Бѣлозерку, потомъ другую, третью. Блестѣли мечи и доспѣхи, гудѣли голоса, шумѣли весла. То былъ молодой родоначальникъ князей Бѣлозерскихъ, князь Глѣбъ Васильковичъ, плывшій изъ Бѣлозерска въ Устюгъ со своею дружиной. Десять дней ходила буря и десять дней дожидался князь погоды за озеромъ, такъ же какъ

Digitized by Google

и теперь, скучая, досадуя и портя товаръ, ждутъ повѣтерья кубенскіе торговые люди.

И такъ же какъ бываетъ и теперь, заманенные въ озеро повѣтерьемъ, двинулись княжескія суда въ озеро и дошли до Карачевской пучины, глубокаго, каменнаго омута. Тутъ ихъ настигла ужасная буря, съ громомъ и молніей. Суда захлестывало; гибель была близка. Но дружина и юный князь не робѣли, молились, и Глѣбъ Васильковичъ положилъ обѣтъ—если Богъ поможетъ ему пристать къ берегу, на мѣстѣ спасенія поставить церковь и монастырь. 6го августа волны прибили княжескія ладьи къ Каменному островку, на которомъ тогда были деревья, между коими князь увидѣлъ людское жилье. Когда онъ взошелъ на островъ, то нашелъ тамъ болѣе двадцати человѣкъ старцевъ-отшельниковъ, жившихъ тамъ уже много лѣтъ, занимаясь обращеніемъ въ христіанство язычниковъ, Чуди и Корелы, на сѣверо-восточномъ лѣсномъ берегу. Язычники имъ препятствовали отправлять богослуженіе, какъ они говорили, и при бѣдности они не имѣли церкви, а молились въ маленькой бѣдной часовенкѣ на островкѣ. Князь приказалъ построить здѣсь церковь во имя Преображенія Господня и келіи, а самъ поѣхалъ далѣе, къ Устюгу. Воротился онъ къ островку съ иконами, книгами и всякою утварью. Такъ зачался, знаменитый въ послѣдствіи, Спасо-Каменный монастырь.

Объ этомъ замѣчательномъ въ исторіи Кубенскаго края романическомъ князѣ желалось бы помянуть еще многое, но это завело бы насъ въ сторону.

Князь Василій Васильевичъ Ярославскій отдалъ сыновьямъ своимъ Симеону Новленскъ, а Димитрію все Кубенское заозерье. Противъ богатаго торговаго села Устья есть село Чирково, при устьѣ рѣки Кубины. Здѣсь на такъ-называемой Лѣсной Горкѣ нынѣ возвышается новая каменная церковь и старинная деревянная часовня. На этомъ мѣстѣ нѣкогда стояли дворы и терема князя Дмитрія Заозерскаго и его исчезнувшаго рода.

Благочестіе было неизмѣнно въ родѣ князей Заозерскихъ. Съ переселеніемъ на Кубенское озеро князя Дмитрія Васильевича, Спасо-Каменный монастырь сталъ богатѣть и возвышаться и прославился скоро великими подвижниками благочестія, которые въ дикихъ пустыняхъ основывали обители. Около обителей этихъ росли поселки, избы. Вырубались лѣса, выжигались мѣста для пашни. Инокъ Александръ удалился на

Digitized by Google

Сямжену, въ дикія пустоши и болота, и послѣ многолѣтнихъ трудовъ и пустынножительства поселился на рѣкѣ Куштѣ, близь села Чиркова, и основалъ Александро-Куштскій монастырь. Князь Заозерскій очень любилъ и уважалъ мудраго настоятеля, всегда совѣтовался съ нимъ, также и жена князя, княгиня Марія, а молоденькій сынъ ихъ даже принялъ постриженіе въ Спасо-Каменной обители.

IV.

Но настали иныя времена. Не станемъ слѣдить подробно за исторіей настоятельствъ обители. * При игуменѣ Евфиміи вышелъ на берегъ знатный посѣтитель, съ великимъ горемъ на душѣ, удрученный несчастіями и лишенный злодѣями радости видѣть свѣтъ Божьяго дня, великій князь Василій Васильевичъ Темный, сосланный тогда (1447) въ Вологду. Онъ посѣтилъ обитель съ женою и дѣтьми и горячо молился. Во время пребыванія его тамъ пристали къ острову лодки съ радостными вѣстниками, возвѣщавшими что князья и бояре собираются къ нему на помощь, чтобы возстановить его на великомъ княженіи. Изъ Каменнаго монастыря великій князь черезъ Кириловъ и Тверь прибылъ въ Москву и утвердился на престолѣ. Шемяка бѣжалъ въ Галичъ. Пятнадцатилѣтній сынъ великаго князя Іоаннъ Васильевичъ разбилъ Шемяку нѣсколько разъ и изгналъ изъ Галицкаго удѣла. Послѣ похода мальчикъ-побѣдитель былъ въ Спасо-Каменной обители, гдѣ отслушалъ литургію и обѣдалъ съ братіей.

Великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ монастырю села Сямской волости,—это было первое основаніе богатствъ Каменноостровской обители, которая къ 1670 году считала въ своемъ вотчинномъ владѣніи семь селъ, четыре сельца и девяносто восемь деревень. Во всѣхъ этихъ селахъ и сельцахъ стояли монастырскіе конюшенные и скотные дворы и обширные запасные хлѣбные амбары, много разнаго скота, большія запашки; въ Вологдѣ подворья и наконецъ двѣ большія соляныя варницы въ Тотьмѣ. То были послѣдніе дни процвѣтанія монастыря. XVIII столѣтіе надвинулось со своими реформа-

* Подробное и прекрасное ученое изслѣдованіе г. Суворова (1870) можетъ познакомить со всѣмъ этимъ совершенно обстоятельно.

Digitized by Google

ми, и падали монастыри во все время до составленія монастырскихъ штатовъ.

Однажды, въ концѣ лѣта 1472 года, къ ночи загорѣлись кельи на островкѣ и озарились багровымъ заревомъ шумящія, бушующія волны озера. Вѣтеръ рвался кругомъ; гудѣла буря. Иноки кидались въ лодки, тонули, переполняя ихъ, гибли. Съ берега темною ночью въ такую бурю подъѣхать было нельзя, и „погорѣ монастырь со всѣмъ узорочьемъ, и съ книгами, и съ кузнью, и съ кельи", говоритъ лѣтопись.

Но чтимое населеніемъ любимое мѣсто молитвы, обитель возникла изъ пепла въ новомъ преображенномъ видѣ. Островокъ сталъ застраиваться каменнымъ строеніемъ. Сынъ великаго князя Василія Темнаго Андрей Васильевичъ Меньшой, удѣльный князь Кубенскій, Вологодскій и Заозерскій, выстроилъ пятиглавый двухъэтажный храмъ въ 1487 году. Храмъ и понынѣ существуетъ. Кирпичъ возили изъ Твери и Старицы. Лѣтопись говоритъ что то былъ первый каменный храмъ и первый по красотѣ во всей странѣ Вологодской.

Великій князь Василій Іоанновичъ со второю супругой своею Еленой Глинскою зимнимъ путемъ наѣзжалъ въ декабрѣ 1528 года на Каменный островъ. Онъ молился чтобы „далъ Богъ отродъ у него былъ", о чадородіи своей супруги. И 25го августа 1530 года у нихъ родился сынъ, знаменитый Иванъ Грозный.

Юношей 15 лѣтъ объѣзжалъ Грозный, въ маѣ и въ іюнѣ 1545 года, Кубену и Заозерье. Онъ прибылъ въ село Устье, на рѣкѣ Кубинѣ, всего въ семи верстахъ отъ Островка, и готовился посѣтить монастырь. Но каждый разъ, какъ онъ собирался, подымалась сильная непогодь, и онъ рѣшилъ не ѣздить на островъ. Не принялъ ли онъ это за какое-нибудь знаменіе, ибо послѣ, подолгу живя въ Вологдѣ, хотя посылалъ дары монастырю, но самъ туда уже не бывалъ. „Лѣта 7053, говорится въ царственной книгѣ, поѣхалъ государь.... бывъ на Бѣлѣ Озерѣ въ Кириловѣ, на Вологдѣ, Борисоглѣбскомъ на Устьѣ, воротился въ Москву іюля 7 день."

Ночью 24го августа 1657 года опять запылалъ пожаръ на Каменномъ островѣ. На островѣ, среди воды, безуспѣшны были людскія усилія. Пожаръ былъ повидимому страшный. „Монастырь выгорѣлъ, повѣствуетъ современное извѣстіе, образы погорѣли, церковные помосты обвалились, своды каменные на тѣхъ церквахъ порушились и колокола разлились, всякія службы

Digitized by Google

безъ остатку сгорѣли, а тотъ де Спаской монастырь на острову и отъ того де Каменнаго монастыря бревенной лѣсъ верстахъ въ сорокѣхъ и больше"....

Такимъ образомъ мы имѣемъ современное свидѣтельство что уже и тогда (1657) бревенной лѣсъ кругомъ озера вырубленъ былъ верстъ на 40 въ окружности.

И опять (что̀ показываетъ почитаніе и уваженіе какимъ пользовалась обитель) не прошло и 12 лѣтъ отъ этого пожара, какъ опись * произведенная по указу преосвященнаго Симона Вологодскаго застаетъ монастырь въ полномъ благоустройствѣ и великолѣпіи. Предолтарный иконостасъ, въ пять ярусовъ, въ Успенской церкви, горѣлъ золотомъ и серебромъ, цвѣтными камнями и жемчугомъ. **

Въ 1774 году, въ томъ же мѣсяцѣ іюлѣ, когда былъ заключенъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, многострадальный монастырь сгорѣлъ въ третій разъ. Каменный островокъ по своему уединенному положенію найденъ удобнымъ какъ мѣсто ссылки и заточенія разныхъ опальныхъ лицъ. *** Одинъ изъ ссыльныхъ, привезенныхъ сюда изъ Кирилова, помѣшанный—лицо неизвѣстное—былъ какимъ-то образомъ виновникомъ бѣдствія. Этотъ пожаръ былъ много слабѣе прежнихъ, ибо собственно сгорѣли деревянныя надворныя строенія и вообще все деревянное въ зданіяхъ. Въ это время умеръ преосвященный Іосифъ Вологодскій и не пріѣхалъ на смѣну ему новый Ириней, какъ воспользовавшись междувластіемъ, Вологодская духовная консисторія, донося о пожарѣ, представила необходимость „упразднить" древнюю народную святыню. Тогда это не встрѣтило повидимому никакихъ затрудненій, послѣдовало очень скоро разрѣшеніе, и многолѣтній духовный стражъ Заозерья, лелѣемый, почитаемый и украшенный много лѣтъ сердечною любовью русскихъ князей и народа, былъ, безъ особыхъ околичностей, „упраздненъ", и церковная утварь и братія переведены въ Святодуховъ. Мало того, даже древнее каменное строеніе велѣно

---

* Эта въ высшей степени интересная опись приведена въ сочиненіи г. Суворова (приложенія) стр. 58.

** Библіотека и архивъ монастыря имѣли много книгъ и рукописей, къ сожалѣнію на половину сгорѣвшихъ, и розданный благодѣющимъ монастыремъ хлѣбъ крестьянамъ считался тысячами четвертей за ними не возвращеннымъ.

*** Сюда въ 1730 году сосланъ былъ неповинный, лишенный архіерейскаго сана, Ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ.

Digitized by Google

было тѣмъ же указомъ свозить и употреблять на надобности святодуховской братіи. Но это послѣднее не приводилось въ исполненіе, и обгорѣлыя стѣны древней обители въ торжественномъ безмолвіи, какъ бы нѣмымъ укоромъ, 26 лѣтъ, въ запустѣніи, высились надъ волнами своего роднаго озера.

Но сердце народное не могло, подобно консисторіи, относиться легко къ такому „упраздненію“. Съ 1799 года начинаются упорныя и постоянныя ходатайства о возстановленіи древней святыни, такъ почитаемой. Ходатайствовали предъ синодомъ, подавали прошеніе лично государю. Въ ходатайствѣ участвовало и дворянство, и купечество, и крестьянство. Прошеніе подано было и цесаревичу Константину Павловичу, который принялъ въ дѣлѣ живое участіе. При этомъ, замѣчательно, повѣреннымъ отъ всѣхъ сословій и ходатаемъ по этому дѣлу въ Петербургѣ былъ крѣпостной, вотчинный крестьянинъ полковницы Вѣры Кожиной, Василій Блохиновъ. Просители принимали на себя все—и возобновленіе обители и будущее ея содержаніе. Такая просьба не могла быть не уважена, и по повелѣнію императора Павла, указомъ святѣйшаго синода предписано: „упраздненный Спасо-Каменный монастырь возстановить“.

Скоро застучали топоры на оживившемся Каменномъ островкѣ, и засіяли яркіе кресты пятиглаваго храма. Усердіе окрестныхъ жителей возстановило даже въ лучшемъ видѣ свою любимую обитель. И забѣлѣлись опять высокія стѣны церквей и келій.

V.

Между тѣмъ какъ минувшее проносилось предо мною, настоящее, казалось, угрожало серіозною опасностью. Не въ добрый часъ выѣхали мы изъ Устья. Вѣтеръ все крѣпчалъ, волны кипѣли и мчались, кидая нашъ восьмерикъ. Монастырь уже ясно стоялъ предъ нами, и казалось такъ близко, а мы какъ будто все ни на шагъ не подвинулись къ нему.

Жутко было смотрѣть на волнующееся, далекое пространство, на прыгающія, какъ живыя существа, и закипающія, пѣнистыя волны. Кругомъ ни лодки, ни паруса вдали. Только тучи куда-то быстро и неустанно несутся надъ головой, и не разберешь онѣ ли вдругъ брызнутъ мелкимъ дождемъ или то брызги расходившейся волны. Кругомъ только вода, дальнія

Digitized by Google

линіи береговъ и монастырь бѣлѣетъ прямо предъ глазами—желанная цѣль, надежное пристанище въ бурю...

— Далеко еще до островка?

— А верстъ пятокъ будетъ.... А вонъ и монастырскіе ѣдутъ.

Въ самомъ дѣлѣ глазъ скоро различилъ среди толпящихся волнъ, также какъ нашу, кидаемую лодку. И—странно—стало какъ-то отраднѣе! Не мы одни.... Черныя фигуры братій налегавшихъ усердно на весла, спокойная и высокая, черная же фигура у руля; лодка ихъ быстро несетъ къ островку—со стороны это замѣтно....

Мы видимъ какъ черноризцы-гребцы вышли изъ лодки и разошлись; одна только высокая фигура сидѣвшаго у руля недвижно чернѣлась на берегу, казалось въ ожиданіи насъ. Но не мало прошло еще времени, пока послѣдними взмахами веселъ донесло насъ до камня-острова, и дно лодки заскрипѣло и зашуршало объ мелкіе береговые голыши. Мы вошли на берегъ и обратились къ высокому монаху.

— Гдѣ можно видѣть настоятеля?

— Пожалуйте за мной, отвѣчалъ тотъ здороваясь и повелъ насъ по крутой деревянной лѣстницѣ сѣней вверхъ.

— Онъ гдѣ же, настоятель, живетъ?

— А я самъ и есть, улыбаясь отвѣтилъ проводникъ нашъ,—пожалуйте, привѣтливо прибавилъ онъ, указывая входъ.

У радушнаго хозяина въ кельѣ мы обогрѣлись, напились чаю, отслушавъ первоначально молебенъ, подъ древними сводами южнаго нижняго придѣла, гдѣ, озаренная цвѣтными лампадами, высится темная, древняя гробница спасокаменскаго подвижника Кассіана.

Настоятельскія кельи убранствомъ и устройствомъ напоминаютъ нѣсколько комнаты помѣщичьяго дома средней руки прежняго времени. И эти часы съ музыкой и эти столбы и диванчики—такое знакомое. Вотъ и балконная стеклянная дверь. Такія бывали угловыя комнаты въ помѣщичьихъ домахъ. Въ углу ищешь глазами обычной подставки съ коллекціей трубокъ и янтарей. Обиліе образовъ да портреты прежнихъ настоятелей напоминаютъ о назначеніи покоя. Это впрочемъ касается только одной пріемной. Другія комнаты чисты и пусты....

Пошли разговоры и разказы. Кельи эти надстроены надъ прежними одноэтажными кельями въ 1812 году. Врагъ былъ въ сердцѣ Руси—Москва горѣла, и московскіе иноки числомъ

Digitized by Google

до 40 человѣкъ удалились на Каменный островъ. Они-то и привозили съ собой вещи и частію мебель. Три года выжили они здѣсь. Настоятельскій и братскій корпусъ подведенъ подъ одну крышу съ церковью. Вся южная половина зданія занята настоятельскими кельями — изъ нихъ идетъ внутренній ходъ въ теплую церковь. Мы обошли все зданіе, братскую трапезную, близь которой кладовыя и кухни. Обошли всѣ церкви обители — Спасопреображенскую, самое древнее изъ зданій обители; небольшую теплую церковь съ маленькими хорами, съ замѣчательною древнею превосходною рѣзьбой рѣшотокъ. Церковь эта двупрестольная. Отрадно видѣть какъ все это внимательно и чисто содержится. Братіи въ обители нынѣ 17 человѣкъ, и этотъ нѣкогда богатый монастырь теперь обладаетъ самыми скудными средствами, доходами съ пустошей и мельницы, принадлежащихъ ему — доходы эти въ годъ составляютъ едва до 500 рублей.

Замѣчательно что знаменитая Спасо-Каменная обитель, послѣ великаго князя Василія Іоанновича, въ теченіи 340 лѣтъ, не видала въ стѣнахъ своихъ никого изъ вѣнценосцевъ и даже членовъ ихъ семействъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, весной 1692 года, былъ на озерѣ и занимался его обозрѣніемъ, ходилъ черезъ него на лодкахъ, но на островъ не заѣзжалъ.

17го іюня 1870 года, великій князь Алексѣй Александровичъ, плывя Кубенскимъ озеромъ въ Вологду, въ семь часовъ вечера сошелъ на Каменный островокъ. По прибытіи парохода къ острову, Великій Князь былъ встрѣченъ настоятелемъ и братіею при колокольномъ звонѣ и пѣніи. Великій Князь обошелъ и осматривалъ со вниманіемъ всѣ зданія монастыря и разспрашивалъ объ историческихъ подробностяхъ.

Мы обошли кругомъ весь островокъ или, лучше, огромный камень среди озера—длиною въ 60, а шириною всего въ 30 саженъ. Почти весь до самой воды занятъ онъ монастырскимъ строеніемъ. Братія укрѣпили мѣстами берега островка сваями.

Съ балкончика настоятельской кельи далеко видно во всѣ стороны шумящее шестидесяти-верстное озеро. Линіи береговъ озера, съ бѣлѣющими на нихъ многочисленными церквами, тянутся туманною длинною полоской. Вотъ утихаютъ и волны, разорвались облака, лучъ блеснулъ изъ нихъ, и засверкали, мѣстами засинѣвшія, волны, свѣркнули окошки и кресты.... Чудесная картина!...

Кажется съ балкона что плывешь на какомъ-то твердомъ

Digitized by Google

незыблемомъ основаніи, плыветь, несеться на встрѣчу безпокойнымъ волнамъ.... Какой образъ этотъ камень, неколебимый, и эти бьющія въ него волны!

Образъ этотъ представился высокому умственному взору знаменитаго святителя и писателя русскаго, преосвященнаго Иннокентія. Онъ посѣтилъ монастырь 10го сентября 1841 года, въ день преподобнаго Іосафа Каменскаго.

„Когда возмутитъ вокругъ васъ буря“, говорилъ онъ инокамъ, „и свирѣпыя волны начнутъ бить въ стѣны обители вашей, помышляйте о томъ что на морѣ житейскихъ попеченій свирѣпствуютъ еще бóльшія бури (сколько тамъ несчастій, сколько потонувшихъ, сколько слезъ и стоновъ!), и представляя себѣ вашу здѣсь безопасность, повергайтесь съ благодарностью предъ Тѣмъ Кто извелъ васъ изъ львинаго рва страстей, отъ бренія мірской тины и поставилъ на камени нозѣ ваша!“...

VI.

Озеро вскрывается обыкновенно около половины апрѣля. Льды, особенно когда дуетъ ветеръ съ запада, и такъ какъ теченіе направлено отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, несутся прямо на островъ и, натираясь одна на другую, все выше и выше, окружаютъ каждую весну обитель высокою стѣной, вровень съ трехъ-этажными зданіями, и даже выше. Недѣли двѣ не имѣетъ обитель сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Среди этой ледяной стѣны иноки, собравшись въ церковь, молятся о спасеніи отъ опасности. Раздается трескъ и шумъ стирающихся, падающихъ льдинъ. На крышахъ часто остаются потомъ глыбы, которыя приходится снимать и сбрасывать. Въ 1833 году натерло льдами на крышу, занесенный съ берега, огромный камень, пудовъ въ 500 вѣсомъ, который и лежалъ на угловой части желѣзной крыши и стѣны братскаго корпуса. Его съ большимъ трудомъ стащили; къ удивленію, онъ не повредилъ крыши. Камень тутъ же на берегу, и настоятель указалъ намъ его, обративъ также наше вниманіе на древніе кирпичи, лежавшіе тутъ же, изъ которыхъ кладены были стѣны 1481 года.

Мы поднимали съ земли звонкій, почти тридцати-фунтовый, тверской и старицкій кирпичъ, особенной плоской формы; сдѣланъ онъ очень чисто и красиво, и, какъ говорятъ, не размо-

Digitized by Google

каетъ въ водѣ. Настоятель указалъ намъ также окна третьяго этажа зданія, которыя были повреждены напоромъ льдинъ....

Между тѣмъ волненіе совсѣмъ стихло. Вечерѣло; небо прояснилось. Ясное озеро простиралось широко и спокойно во всѣ стороны, когда мы, простясь съ настоятелемъ, тронулись обратно. Опрокинутое темнѣющее небо горѣло въ водѣ блѣдно-красными заревами, полосами и, отражаясь вѣрно, какъ въ зеркалѣ, быстро неслись, по двѣ и по три, мимо лодки. Вдали съ пожень, какъ бы провожали насъ рѣзкіе крики лебедей. Стоги сѣнной пустыни сотнями тронулись намъ на встрѣчу—темные и тихіе, какъ безчисленные шатры ратнаго спящаго стана. На берегахъ, словно сторожевые огни, горѣли костры рыбаковъ. Проступили звѣзды, мѣсяцъ вышелъ въ ясное небо, и замелькали, серебрясь, волны. И долго, все уменьшаясь, горѣла крестомъ своимъ и бѣлѣла въ лунномъ свѣтѣ своими стѣнами Спасо-Каменская обитель. Но вотъ мы завернули за мысокъ; навстрѣчу тронулись новые ряды стоговъ и вдали замелькали частые огни первыхъ обширныхъ селъ Кубинскаго устья, раскиданныхъ картинно и широко по склону берега темной и тихой рѣки, съ дрожащими въ синей глубинѣ ея звѣздными лучами....

Н. Б—ВЪ.

Digitized by Google

СУДЕБНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

И

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

I.

Со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года, успѣхъ ихъ примѣненія на практикѣ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Правительство въ особенности нуждалось въ точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о ходѣ этого важнаго дѣла. Въ этомъ случаѣ откровенныя, ничѣмъ не стѣсненныя мнѣнія юристовъ-практиковъ, призванныхъ къ офиціальной дѣятельности, представлялись конечно самымъ лучшимъ и надежнѣйшимъ пособіемъ. Правительство не замедлило отнестись къ нимъ съ формальными требованіями объ этомъ. Въ скоромъ времени появилась цѣлая масса практическихъ замѣчаній, содержавшихъ множество полезныхъ данныхъ о примѣненіи на практикѣ какъ судебныхъ уставовъ, такъ и различныхъ частей нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Матеріалъ этотъ сталъ приводиться въ систему и издаваться съ Высочайшаго соизволенія, въ видѣ печатныхъ сводовъ замѣчаній. Этотъ новый юридическій источникъ вошелъ уже въ употребленіе въ офиціальныхъ кружкахъ практическихъ дѣятелей по судебной части и содержитъ въ себѣ обильный запасъ свѣдѣній и данныхъ по вопросамъ судебной практики.

Предполагая въ настоящей статьѣ разсмотрѣть нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, скажемъ прежде всего о томъ

Digitized by Google

kakie изъ нихъ признаются въ настоящее время заслуживающими наибольшаго вниманія. Отвѣтъ на это мы можемъ найти въ указаніяхъ министерства юстиціи, дѣятельно слѣдящаго за ходомъ дѣлъ по примѣненію судебныхъ уставовъ. Въ одномъ изъ недавнихъ его циркулярныхъ предложеній, по вопросамъ судебной практики, имъ возбуждены, между прочимъ, два слѣдующіе: 1) „не оказывается ли необходимымъ приблизить нѣсколько судъ къ мѣстнымъ жителямъ возложеніемъ „нѣкоторыхъ обязанностей нынѣшнихъ окружныхъ судовъ на „мировые съѣзды?“ и 2) „не будетъ ли полезно привлечь къ „нѣкоторому участію въ дѣятельности по слѣдственной части мировыхъ судей?“ *. И дѣйствительно изъ современныхъ вопросовъ судебной практики, едва ли найдутся takie которые заслуживали бы болѣе серіознаго вниманія чѣмъ эти два. Медленность и обременительность гражданскаго процесса по многимъ дѣламъ, тѣсно связаннымъ съ насущными потребностями мѣстнаго населенія; медленность и неудовлетворительность слѣдственнаго процесса по многимъ уголовнымъ дѣламъ, имѣющимъ не менѣе тѣсную связь съ жизненными интересами всѣхъ и каждаго—вотъ недостатки которые сами собою указываютъ на необходимость нѣкоторыхъ улучшеній въ новѣйшемъ судоустройствѣ, по отношенію къ одной изъ самыхъ основныхъ его цѣлей—суда скораго, праваго и, по возможности, дешеваго. Должны ли, при этомъ, мѣры улучшеній коснуться самыхъ основаній новаго суда, его коренныхъ началъ? Это объяснится при дальнѣйшемъ разборѣ помянутыхъ вопросовъ.

Разсмотримъ первый изъ нихъ. Сперва можетъ показаться что онъ сводится на слѣдующій: не представляется ли возможнымъ и удобнымъ нѣкоторое расширеніе нынѣшнихъ предѣловъ власти и круга дѣйствія мировыхъ установленій, съ цѣлію доставленія мѣстнымъ жителямъ болѣе дешовыхъ способовъ къ скорому и правому суду? Но подобная постановка этого вопроса не соотвѣтствовала бы его буквальному смыслу. Согласно съ его текстомъ, онъ предложенъ только о возможности возложенія „нѣкоторыхъ обязанностей нынѣшнихъ „окружныхъ судовъ на *мировые съѣзды?*“ Несомнѣнно что здѣсь идетъ рѣчь о правильнѣйшемъ и соотвѣтственнѣйшемъ

---

* Циркул. пред. отъ 27 ноября 1870 за № 20.557.

Digitized by Google

съ требованіями практики распредѣленія судебныхъ дѣлъ между органами двухъ существующихъ ихъ порядковъ: общими судебными мѣстами и мировымъ институтомъ. Несомнѣнно также и то что средствомъ для достиженія этой цѣли должно быть нѣкоторое сокращеніе предѣловъ вѣдомства органовъ одного и расширеніе предѣловъ вѣдомства органовъ другаго изъ этихъ двухъ порядковъ. Но почему же министерствомъ указывается при этомъ, изъ органовъ низшаго порядка, только на мировые съѣзды, то-есть на учрежденіе имѣющее въ ряду мировыхъ установленій значеніе второй судебной инстанціи? При такой постановкѣ вопроса, какія именно изъ судебныхъ функцій должны прежде всего подлежать обсужденію? Разумѣло ли министерство здѣсь столько же тѣ изъ нихъ которыя отправляются въ порядкѣ судопроизводства спорнаго, тяжебнаго, сколько и тѣ которыя отправляются въ порядкѣ судопроизводства не спорнаго, охранительнаго. или же, предлагая сказанный вопросъ, министерство разумѣло исключительно функціи какого-либо одного изъ этихъ двухъ порядковъ судебнаго процесса? Еслибы здѣсь имѣлись въ виду функціи обоихъ этихъ порядковъ, то вопросъ долженъ былъ бы быть предложенъ о возможности или невозможности возложенія нѣкоторыхъ обязанностей нынѣшнихъ окружныхъ судовъ не на одни мировые съѣзды, а вообще на мировой институтъ, въ порядкѣ двухъ его судебныхъ инстанцій. Очевидно что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ только функціяхъ суда которыя отправляются имъ въ порядкѣ судопроизводства неспорнаго или охранительнаго. * И дѣйствительно, возбуждая вопросъ объ этихъ функціяхъ и порядкѣ ихъ распредѣленія между двумя главными родами судебныхъ органовъ, министерство, можно сказать, коснулось самаго больнаго мѣста въ новѣйшемъ судоустройствѣ. Въ ряду жизненныхъ вопросовъ судебной практики, нѣтъ ни одного который являлся бы болѣе су-

* Мы не предполагаемъ здѣсь, однако, такого порядка при которомъ съѣзды могли бы обратиться въ суды первой степени. Не думаемъ чтобъ и министерство разумѣло ихъ въ этомъ смыслѣ, предлагая сказанный вопросъ. Изъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій будетъ видно что, по мнѣнію нашему, настоящая задача состоитъ именно въ томъ чтобы съѣзды сохранили свое значеніе вторыхъ и окончательныхъ инстанцій, даже при передачѣ въ ихъ вѣдомство изъ окружныхъ судовъ нѣкоторыхъ дѣлъ охранительнаго порядка.

Digitized by Google

щественнымъ, болѣе настоятельнымъ, чѣмъ вопросъ объ улучшеніи теперешнихъ отправленій суда въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Дѣйствія выполняемыя судомъ въ этомъ порядкѣ, заключаясь преимущественно въ удостовѣреніи или укрѣпленіи правъ собственности на недвижимыя имущества, имѣютъ, какъ извѣстно, самую тѣсную связь съ матеріальнымъ благосостояніемъ мѣстныхъ жителей. Между тѣмъ, судебный процесъ по дѣламъ этого рода сопряженъ, теперь, съ такими тратами времени, труда и денегъ что цѣль суда скораго и, по возможности, дешеваго, остается совершенно недостигнутою. Въ каждомъ изъ нынѣшнихъ судебныхъ округовъ найдутся сотни людей которые страждутъ отъ неудобствъ этого процесса, не имѣя возможности скорымъ и дешевымъ образомъ ни получить укрѣпительнаго документа на недвижимое имущество, ни быть утвержденнымъ въ правахъ наслѣдства, ни совершить ввода во владѣніе, и пр. Судебные способы оказываются во всѣхъ этихъ случаяхъ столь же отдаленными, сколько дорогими, для большей части мѣстнаго населенія. Вопросъ объ улучшеніи этихъ способовъ имѣетъ, поэтому, громадный общественный интересъ.

Постараемся изслѣдовать его съ точки зрѣнія законодательства и новѣйшихъ требованій судебной практики.

Къ судебнымъ дѣйствіямъ выполняемымъ въ порядкѣ судопроизводства охранительнаго „основными положеніями судоустройства и судопроизводства“ отнесены слѣдующія: 1) по вызову наслѣдниковъ умершаго лица и охраненію его имѣнія; 2) по раздѣлу наслѣдства; 3) по вводу во владѣніе имѣніемъ; 4) по выкупу имѣній; 5) по розысканію безвѣстно-отсутствующихъ; 6) по совершенію актовъ и 7) по ревизіи надъ опеками.

На основаніи существующихъ постановленій, содержащихся въ судебныхъ уставахъ 20го ноября 1864 года, изъ вышеозначенныхъ судебныхъ дѣйствій, указанныя въ первомъ пунктѣ отнесены исключительно къ обязанностямъ мироваго института, независимо отъ рода и цѣны имущества (1.401 и 1.405 ст. Уст. гр. суд.). Указанныя во второмъ пунктѣ не предоставлены законодательствомъ исключительному вѣдомству судебныхъ органовъ того или другаго порядка: они распредѣлены между общими судебными мѣстами и мировымъ институтомъ,

Digitized by Google

въ силу общихъ законовъ о подсудности, по роду и цѣнѣ наслѣдственныхъ имуществъ (1.408 ст. того же устава). * Что же касается всѣхъ прочихъ дѣйствій выполняемыхъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства и указанныхъ въ остальныхъ изъ выше приведенныхъ пунктовъ (3, 4, 5 и 6), то дѣйствія эти отнесены законодательствомъ исключительно къ обязанностямъ общихъ судебныхъ мѣстъ и изъяты нынѣ вовсе изъ вѣдомства мировыхъ установленій. Согласно съ этимъ, изъ судебныхъ дѣйствій выполняемыхъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, къ исключительнымъ обязанностямъ окружныхъ судовъ принадлежатъ теперь слѣдующія: 1) по опредѣленію правъ наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ, во всѣхъ вообще случаяхъ, и по закону, когда наслѣдственное имущество по роду недвижимое, а по цѣнѣ превышаетъ 500 руб. (1408 ст. Уст. гражд. суд. и Высоч. ут. 5го апрѣля 1869 года мн. госуд. сов.); 2) по раздѣлу наслѣдственныхъ имуществъ того же рода и цѣнности, если только сонаслѣдники не воспользовались правомъ предоставленнымъ имъ 1.422 ст. Уст. гр. суд.; 3) по вводу во владѣніе недвижимыми имѣніями (1.424 ст. того же уст.); 4) по выкупу родовыхъ имуществъ (1458); 5) по удостовѣренію въ безвѣстномъ отсутствіи (1451); 6) по разрѣшенію жалобъ на дѣйствія нотаріусовъ и старшихъ нотаріусовъ (60 ст. Нот. пол.), и 7) по утвержденію раздѣловъ наслѣдствъ, когда въ числѣ наслѣдниковъ находятся малолѣтные, и разрѣшеніе жалобъ на дѣйствія и постановленія существующихъ нынѣ опекунскихъ установленій (3 п. I отд. и 1 п. II отд. Высоч. ут. 17 февраля 1869 года мн. госуд. сов. о рас. обяз. по опек. дѣл.).

Какія же изъ этихъ обязанностей могли бы быть возложены на мировые съѣзды, въ видахъ ускоренія и удешевленія су-

---

* Изъятіе изъ этого общаго порядка допущено законодательствомъ лишь въ отношеніи опредѣленія правъ наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ, а именно на основаніи особыхъ о томъ, временныхъ, впрочемъ, правилъ, содержащихся въ Высочайше утвержденномъ 5го апрѣля 1869 года мнѣніи государственнаго совѣта, это дѣйствіе предоставлено нынѣ исключительно окружнымъ судамъ, независимо отъ рода и цѣны завѣщанныхъ имуществъ. Но это основаніе,—родъ и цѣна имущества,—принято опять законодательствомъ для опредѣленія подсудности дѣлъ по раздѣлу наслѣдственныхъ имуществъ, за исключеніемъ случая когда сонаслѣдники, по праву предоставленному имъ 1422 ст. Уст. гр. суд., обратились бы добровольно съ просьбой о раздѣлѣ къ почетному или участковому мировому судьѣ.

Digitized by Google

дебнаго процесса по дѣламъ этого рода? Для удобнѣйшаго разрѣшенія этого вопроса, необходимо дать предварительно положительный отвѣтъ на другой, съ нимъ тѣсно связанный: въ какихъ именно дѣйствіяхъ охранительнаго судопроизводства представляется для мѣстныхъ жителей самая частая и спѣшная потребность, и удовлетворяютъ ли ихъ, въ этомъ случаѣ, достаточнымъ образомъ, нынѣшніе судебные способы.

Нельзя, конечно, отрицать что въ числѣ общественныхъ нуждъ мѣстныхъ жителей едва ли можно найти болѣе настоятельныя, болѣе спѣшныя, чѣмъ тѣ которыя, касаясь ихъ дѣлъ гражданскаго оборота, имѣютъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, самую тѣсную связь съ ихъ имуществомъ и кредитомъ. Но таковы именно ихъ нужды по совершенію нотаріальныхъ и другихъ судебныхъ актовъ на недвижимыя имущества. Безъ укрѣпительныхъ документовъ въ рукахъ, владѣлецъ не имѣетъ возможности располагать свободно собственностью, а между тѣмъ извѣстно какъ часты бываютъ случаи въ которыхъ является настоятельная потребность въ свободномъ и безпрепятственномъ распоряженіи ею. Если при этомъ принять въ соображеніе что значительная часть мѣстнаго населенія принадлежитъ обыкновенно къ классу мелкихъ собственниковъ и людей недостаточныхъ, снискивающихъ пропитаніе личнымъ трудомъ, то нельзя не придти къ убѣжденію что не только быстрѣйшіе, но и дешевѣйшіе, по возможности, способы удовлетворенія сказанныхъ нуждъ должны составлять одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ условій судоустройства. Но въ этомъ именно отношеніи оно и представляется теперь не вполнѣ удовлетворительнымъ. Въ изданныхъ министерствомъ печатныхъ сводахъ замѣчаній о примѣненіи на практикѣ судебныхъ уставовъ имѣется достаточно указаній объ этомъ. Изъ нихъ видно что неудобства какія происходятъ отъ этого выражаются характеристически, съ одной стороны, въ отягощеніи окружныхъ судовъ массой дѣлъ свойства неспорнаго, которыя къ тому же не всегда принадлежатъ къ числу цѣнныхъ и требующихъ сложнаго производства, а съ другой стороны—въ стѣсненіи мѣстныхъ жителей значительными тратами времени, труда и денегъ на такое дѣло которое, по своей простотѣ и преимущественно формальному значенію, могло бы быть выполнено несравненно быстрѣе и дешевле, еслибы способы выполненія были менѣе отдаленны (Св. замѣч., ч. I, стр. 13 и часть II, стр. 40—57; 145—150 и

434). Вотъ что сказано по этому поводу въ замѣчаніяхъ бывшаго предсѣдателя Воронежскаго окружнаго суда: „Вообще занятія окружныхъ судовъ съ изданіемъ новыхъ правилъ о порядкѣ засвидѣтельствованія духовныхъ завѣщаній, съ изданіемъ правилъ объ опекахъ, о несостоятельности лицъ торговаго званія и въ особенности правилъ о порядкѣ судопроизводства и окончанія судебныхъ дѣлъ прежняго производства, несомнѣнно увеличатся въ будущемъ еще въ большей степени, и ежели, судя по числу остающихся къ концу года не разрѣшенными дѣлъ, до настоящаго времени въ производствѣ ихъ въ судебныхъ мѣстахъ медленности не замѣтно, то таковая на будущее время будетъ неизбѣжна. Частые выѣзды членовъ суда на уголовныя сессіи уже въ настоящее время имѣютъ послѣдствіемъ то что для разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ весьма часто приходится приглашать судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей; при увеличеніи числа нынѣ производящихся дѣлъ еще нѣсколькими родами дѣлъ, прежде вовсе въ судахъ не производившимися, изъ которыхъ дѣла объ опекахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ и вводахъ во владѣнія требуютъ болѣе или менѣе безостановочнаго разрѣшенія, собственно говоря, судебно-гражданскія дѣла будутъ разрѣшаться въ свободное отъ болѣе спѣшныхъ дѣлъ время, и поэтому число жалобъ на медленность судовъ по дѣламъ этого рода, по всей вѣроятности, увеличится“ (Св. зам. 1868, стр. 47). Понятно, какими печальными слѣдами должно отражаться это положеніе вещей на дѣлахъ гражданскаго оборота мѣстныхъ жителей, тѣсно связанныхъ не только съ ихъ матеріальнымъ, но весьма часто и съ ихъ нравственнымъ благосостояніемъ. Приведемъ изъ судебной практики извѣстный намъ случай. Лицу задолжавшему не было другаго исхода какъ произвести заемъ подъ залогъ недвижимой собственности. Для этого ему было нужно запастись свидѣтельствомъ о свободности имущества и обратиться съ этою цѣлью къ старшему нотаріусу. Выдача залоговаго свидѣтельства мѣра весьма простая, коль скоро въ рукахъ владѣльца есть укрѣпительные документы, и по закону срочная, то-есть такая которая должна выполняться, по требованію частныхъ лицъ, самымъ спѣшнымъ образомъ, а именно въ теченіе трехъ дней, по собраніи всѣхъ нужныхъ справокъ. На этотъ разъ заемщикъ былъ снабженъ законнѣйшими изъ законнѣйшихъ документовъ: раздѣльнымъ актомъ и вводнымъ листомъ на наслѣдственную часть. Недѣля, другая могла потребоваться

Digitized by Google

только для забранія справокъ изъ казенной палаты, такъ какъ въ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, какъ-то полиціи, уѣздномъ казначействѣ, уѣздной земской управѣ и у мироваго судьи справки, по просьбѣ заемщика, были уже наготовѣ. Будь старшій нотаріусъ не при окружномъ судѣ, а, напримѣръ, при съѣздѣ мировыхъ судей въ уѣздномъ городѣ, участь заемщика, явившагося съ законными на имущество документами, была бы рѣшена въ самомъ непродолжительномъ времени. Въ уѣздѣ владѣльцы всѣ на виду, и старшій нотаріусъ имѣлъ бы возможность приступить къ дѣлу не обременяя себя излишними справками о лицѣ и имуществѣ заемщика. Но старшій нотаріусъ при окружномъ судѣ, въ совершенно чуждомъ для заемщика и отдаленномъ уѣздѣ. Поѣздка туда сопряжена для этого послѣдняго съ значительными издержками и тратой времени. Но дѣлать нечего, онъ собирается и везетъ свои документы къ старшему нотаріусу. Между тѣмъ, на его бѣду, оказывается что старшій нотаріусъ не изъ цивилистовъ и не изъ опытныхъ людей, практически знакомыхъ съ крѣпостною частью, а изъ судебныхъ слѣдователей, то-есть людей посвятившихъ себя исключительно уголовной практикѣ и мало или даже вовсе не свѣдущихъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Будучи въ то же время человѣкомъ отъ природы мнительнымъ, онъ задался одною мыслію—ограждать себя отъ подлоговъ и мошенничествъ. Съ этой точки зрѣнія каждый являвшійся къ нему, потому только что явился съ актами въ рукахъ, получалъ уже въ его глазахъ значеніе лица подозрительнаго, дѣянія и документы котораго требовали тщательнаго разслѣдованія. Словомъ, старшій нотаріусъ обнаруживалъ себя тѣмъ чѣмъ былъ прежде—судебнымъ слѣдователемъ. Допросы замѣнялись у него нескончаемыми справками. Утвержденіе крѣпостнаго акта, выдача документа получали у него характеръ не нотаріальнаго обряда, а какого-то инквизиціоннаго процесса, кончавшагося отказомъ въ выполненіи законнѣйшихъ требованій. Но заемщикъ о которомъ мы говоримъ ничего объ этомъ не знаетъ. Увѣренный въ законности своихъ документовъ, онъ предъявляетъ ихъ старшему нотаріусу, а самъ, довѣривъ полученіе и высылку залоговаго свидѣтельства одному изъ своихъ знакомыхъ, въ убѣжденіи что дѣло весьма простое и несложное, отправляется обратно къ себѣ домой, гдѣ лежатъ на немъ семейныя и должностныя обязанности. Здѣсь, у домашняго очага, ждетъ онъ спокойно свой документъ. Но ожиданія

Digitized by Google

его тщетны. Проходитъ недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а документа нѣтъ какъ нѣтъ. Положеніе заемщика дѣлается съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Онъ платитъ проценты, къ нему пристаютъ кредиторы, нѣкоторые угрожаютъ представленіемъ долговыхъ обязательствъ ко взысканію. Между тѣмъ онъ получаетъ частныя извѣстія что старшій нотаріусъ наводитъ справки, и относительно выдачи свидѣтельства не говоритъ ни да, ни нѣтъ. Заемщикъ все пребываетъ въ надеждѣ, какъ вдругъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ самыхъ тяжелыхъ ожиданій, получаетъ онъ на листѣ гербовой бумаги формальный отказъ старшаго нотаріуса, съ цѣлымъ рядомъ соображеній, одно неосновательнѣе, одно неуважительнѣе другаго, но которыя одно за другимъ надлежитъ ему, однако, опровергнуть въ жалобѣ окружному суду. Къ счастію, самъ заемщикъ изъ юристовъ; всѣ доводы старшаго нотаріуса опровергнуты имъ, и жалоба отправлена по принадлежности. Но въ окружномъ судѣ она пролежала еще мѣсяца два-три, на томъ только основаніи что судъ этотъ 4го разряда и что въ немъ господствуетъ вообще чрезмѣрное накопленіе дѣлъ. Наконецъ судъ разсматриваетъ однако жалобу, отмѣняетъ постановленіе старшаго нотаріуса, но не съ достаточною ясностію и точностію относительно безотлагательной выдачи залоговаго свидѣтельства. Старшій нотаріусъ, пользуясь этимъ, приступаетъ къ новымъ справкамъ, совершенно не идущимъ къ дѣлу, и вновь отказываетъ въ выдачѣ документа. Опять жалоба въ окружный судъ, опять трата времени, труда и денегъ по такому, въ сущности простому, дѣлу. Наконецъ окружный судъ, по разсмотрѣніи вторичной жалобы и выслушаніи адвоката, котораго заемщикъ былъ вынужденъ взять, рѣшается дать категорическое предписаніе о немедленной выдачѣ свидѣтельства. Такимъ образомъ дѣло которое могло получить окончаніе въ нѣсколько дней тянулось почти десять мѣсяцевъ. Въ это время заемщику угрожала опасность окончательнаго разоренія. Сколько вынесъ онъ нравственныхъ испытаній, сколько терпѣлъ отъ этого его частный и общественный кредитъ! Но мы представили случай съ болѣе или менѣе счастливымъ исходомъ. Часто дѣло не оканчивается въ окружномъ судѣ. Бываетъ что по недостатку въ немъ цивилистовъ, этотъ судъ, въ коллегіальномъ его составѣ, увлекается софизмами старшаго нотаріуса, и дѣло доходитъ до судебной палаты. Еще чаще, человѣкъ нуждающійся въ полученіи документа или совершеніи укрѣпи-

Digitized by Google

тельнаго акта бываетъ поставленъ въ невозможность ни самъ защищать свое дѣло, ни нанять для этого повѣреннаго. Понятно сколько отъ этого должны страдать спокойствіе и интересы лицъ имѣющихъ надобность въ укрѣпительныхъ актахъ и документахъ. Иные отказываются отъ нихъ, лишаясь выгодныхъ сдѣлокъ; другіе же окончательно разоряются. Положимъ что личность старшаго нотаріуса была бы другая, что онъ былъ бы человѣкомъ вполнѣ свѣдущимъ по гражданской части, и что въ составѣ окружнаго суда находились бы судьи изъ числа цивилистовъ. Имѣло ли бы это вліяніе на улучшеніе способовъ веденія процесса? Мы думаемъ что весьма мало. Скорость процесса и его дешевизна, да и самая его правильность, продолжали бы зависѣть отъ такихъ условій какъ отдаленность судебнаго мѣста и чрезмѣрное накопленіе въ немъ массы дѣлъ. Въ судебной практикѣ встрѣчаются и теперь безпрестанные случаи гдѣ издержки на проѣздъ, прожитіе и наемъ повѣреннаго въ городѣ въ которомъ находится окружный судъ, со старшимъ при немъ нотаріусомъ, превосходятъ цѣнность имущества надъ которымъ выполняется нотаріальное или другое какое дѣйствіе судебно-охранительнаго свойства. Время, разстояніе и масса дѣлъ причиной всему этому, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ окружные суды 4го разряда. Здѣсь такое простое дѣйствіе какъ выдача исполнительнаго листа тянется иной разъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, имѣя видъ сложнаго и продолжительнаго процесса. Отъ этого очевидно страждутъ и судъ и мѣстное населеніе.

II.

Многіе изъ практическихъ дѣятелей по судебной части, обсуждая указанные выше недостатки, предлагаютъ и ихъ исправленія. Одни, приписывая причину этихъ недостатковъ исключительно чрезмѣрному накопленію дѣлъ въ окружныхъ судахъ, предлагаютъ какъ средство или увеличеніе ихъ личнаго состава или же упрощеніе въ нихъ производства, чрезъ предоставленіе единоличной власти предсѣдателя или кого-либо изъ членовъ судебнаго мѣста разрѣшенія дѣлъ простѣйшаго свойства, въ томъ числѣ и дѣлъ охранительнаго порядка. Таково, напримѣръ, мнѣніе предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда (Св. зам. ч. 2 ст. 55 и слѣд.). Другіе же юристы-практики,

Digitized by Google

видя причину сказанныхъ неудобствъ и затрудненій не въ одной только массѣ дѣлъ, отягощающей окружные суды, но отчасти и въ органическихъ недостаткахъ судоустройства, предлагаютъ другое, болѣе существенное средство: значительнѣйшее, по возможности, приближеніе къ мѣстнымъ жителямъ судебныхъ способовъ, путемъ нѣкотораго расширенія предѣловъ власти и круга вѣдомства мировыхъ установленій по дѣламъ простѣйшаго свойства, въ томъ числѣ и по дѣламъ охранительнаго судопроизводства (Св. замѣч. ч. 1, стр. 126 и ч. 2, стр. 146, 434 и 435). Такимъ образомъ, предлагаются три мѣры: 1) усиленіе личнаго состава первой степени судовъ высшаго ихъ порядка, то-есть окружныхъ судовъ; 2) упрощеніе производства въ этихъ же судебныхъ мѣстахъ чрезъ установленіе въ нихъ единоличнаго суда для разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ простѣйшаго свойства, и 3) расширеніе по дѣламъ этого рода степени власти и круга вѣдомства судовъ низшаго порядка, то-есть мировыхъ установленій, какъ ближайшихъ къ мѣстному населенію органовъ судебной власти. Разсмотримъ сперва каждую изъ этихъ мѣръ.

Усиленіе личнаго состава окружныхъ судовъ даннаго судебнаго округа можетъ быть достигнуто двоякимъ образомъ: 1) переименованіемъ одного или нѣсколькихъ такихъ судовъ изъ низшаго разряда въ высшій, безъ упраздненія въ то же время другихъ подобныхъ судовъ; 2) принятіемъ той же самой мѣры съ одновременнымъ упраздненіемъ соотвѣтственнаго числа другихъ такихъ же судебныхъ мѣстъ. Въ первомъ случаѣ усиленіе личнаго состава окружныхъ судовъ было бы сопряжено со слишкомъ значительными издержками для казны, и по финансовымъ причинамъ мѣра эта едва ли была бы осуществима. Къ тому же сама по себѣ она могла бы помочь дѣлу развѣ только отчасти, такъ какъ въ пространствѣ округовъ подвѣдомственныхъ тѣмъ судамъ не послѣдовало бы никакихъ измѣненій, и вслѣдствіе этого вчинаніе исковъ и дѣлъ въ этихъ судахъ и хожденіе по нимъ лично или чрезъ повѣренныхъ было бы столь же затруднительно какъ и прежде для людей небогатаго класса. Поэтому еслибы въ этомъ случаѣ судебный процессъ и выигралъ что-либо относительно быстроты и правильности производства, то самые способы его веденія остались бы въ прежнемъ положеніи. Во второмъ случаѣ однимъ изъ необходимыхъ послѣдствій сказанной мѣры было бы увеличеніе пространства округовъ подвѣдомственныхъ окружнымъ

Digitized by Google

судамъ. На значительнѣйшемъ же пространствѣ было бы конечно и болѣе дѣлъ. Поэтому насколько выигрышъ относительно быстроты и правильности процесса представлялся бы здѣсь сомнительнымъ, настолько утрата удобствъ относительно способовъ вчинанія и веденія дѣлъ была бы очевидною.

Посмотримъ вторую мѣру—упрощеніе производства въ окружныхъ судахъ чрезъ установленіе въ нихъ единоличнаго суда для дѣлъ простѣйшаго свойства. Начало коллегіальности судебныхъ органовъ высшаго порядка, общихъ судебныхъ мѣстъ, принадлежитъ къ числу коренныхъ основаній судебной реформы. Слѣдовательно установленіе въ органахъ этого порядка единоличнаго суда можетъ быть достигнуто только путемъ коренныхъ преобразованій. Но отъ такой мѣры каждый въ правѣ ожидать и соотвѣтственныхъ результатовъ. Между тѣмъ она, какъ намъ кажется, не повела бы къ желаемой цѣли. Не говоря о томъ что отмѣна въ окружныхъ судахъ, по нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ, коллегіальнаго порядка такая мѣра которая, не приближая суда къ мѣстнымъ жителямъ, не устранила бы неудобствъ сопряженныхъ съ отдаленностію мѣста, здѣсь раждается еще вопросъ: можно ли при ощущающемся въ составѣ общихъ судебныхъ мѣстъ недостаткѣ въ опытныхъ цивилистахъ ожидать отъ единоличной власти членовъ окружныхъ судовъ вполнѣ правильныхъ дѣйствій по дѣламъ гражданскимъ? Мы сказали выше что окружные суды, въ коллегіальномъ даже ихъ составѣ, способны увлекаться софизмами старшаго нотаріуса, и что мы могли бы подкрѣпить это многими примѣрами изъ судебной практики. Что̀ же будетъ если участь лицъ по подобнымъ дѣламъ ввѣрится личностямъ не свѣдущимъ по гражданской части, въ которыхъ этотъ недостатокъ знаній не восполнялся бы запасомъ практическихъ свѣдѣній, ни близкимъ знакомствомъ съ условіями мѣстнаго быта жителей, ни опытностію въ дѣлахъ? Не будетъ ли въ этомъ случаѣ самое простое дѣло обращаться въ сложное? Не поведетъ ли поэтому предполагаемое раздѣленіе труда между коллегіей суда и его отдѣльными членами къ отягощенію какъ окружныхъ судовъ, такъ и судебныхъ палатъ и крайнему обремененію мѣстныхъ жителей излишними тратами труда, времени и денегъ? Наконецъ нужно замѣтить что стремленіе къ облегченію окружныхъ судовъ путемъ радикальныхъ какихъ-либо измѣненій въ ихъ устройствѣ или путемъ усиленныхъ денежныхъ на нихъ затратъ изъ суммъ государственныхъ

Digitized by Google

доходовъ могло бы находить оправданіе въ томъ развѣ случаѣ еслибъ оно вызывалось отягощеніемъ тѣхъ судовъ массой дѣлъ сложныхъ и спорныхъ,—дѣлъ вполнѣ имъ свойственныхъ, какъ органамъ важнѣйшаго коллегіальнаго порядка судебныхъ учрежденій. Но изъ данныхъ имѣющихся въ печатныхъ сводахъ практическихъ замѣчаній по судебной части ясно видно что занятія окружныхъ судовъ увеличиваются преимущественно вслѣдствіе накопленія тамъ дѣлъ судебно-распорядительнаго свойства,—дѣлъ тѣмъ судамъ весьма мало свойственныхъ по ихъ простотѣ и несложности.

Посмотримъ теперь не представляется ли мѣрой болѣе удобною и соразмѣрною съ требованіями судебной практики расширеніе степени власти и круга вѣдомства мировыхъ установленій по дѣламъ этого рода.

Изъ данныхъ имѣющихся о ходѣ законодательныхъ работъ по нотаріальной части видно что собственно вопросъ о предоставленіи мировымъ судьямъ права выполненія охранительныхъ дѣйствій по совершенію актовъ на недвижимыя имущества былъ предметомъ продолжительныхъ законодательныхъ сужденій. При этомъ было сообщено нѣсколько письменныхъ мнѣній, весьма тщательно разработанныхъ, въ которыхъ съ достаточною ясностію представлены невыгодныя и вредныя для условій экономическаго быта мѣстныхъ жителей и ихъ частнаго кредита послѣдствія чрезмѣрнаго отъ нихъ отдаленія способовъ охранительнаго порядка по совершенію крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имущества, а также вытекающая изъ этого потребность въ учрежденіи этихъ способовъ „въ болѣе близкихъ центрахъ чѣмъ окружные суды“, чрезъ предоставленіе мировымъ судьямъ права совершенія всѣхъ вообще нотаріальныхъ актовъ, а непремѣннымъ членамъ ихъ съѣздовъ—права утвержденія изъ этихъ актовъ крѣпостныхъ на сумму до 500 рублей. Но эти предложенія, несмотря на всю несомнѣнность ихъ практическаго значенія, были въ то время отвергнуты, въ виду установившагося взгляда о неподсудности мировому институту всѣхъ безъ различія дѣлъ сопряженныхъ съ опредѣленіемъ правъ на недвижимую собственность. Законодательствомъ были приняты въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, за исходную точку сужденій и образа дѣйствій 2 статья основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства и первоначальныя объ этомъ соображенія. Въ этихъ соображеніяхъ законодательные доводы сводятся къ однимъ и

Digitized by Google

тѣмъ же общимъ основаніямъ, а именно что права собственности на недвижимость „столь важны что рѣшеніе о принадлежности оныхъ должно быть предоставлено *коллегіальному обсужденію въ высшихъ инстанціяхъ*, тѣмъ болѣе что при семъ вообще разсматриваются вопросы о силѣ и значеніи, а иногда и о самой дѣйствительности актовъ“; что въ мировыхъ установленіяхъ, какъ органахъ низшаго порядка, не существуетъ и не должно существовать строгихъ формъ судопроизводства, почему „споры о правѣ собственности и правѣ на владѣніе недвижимостію, утвержденномъ на формальномъ актѣ, предполагающіе не только необходимость разсмотрѣнія и сличенія письменныхъ документовъ, но и возможность продолжительнаго и сложнаго изслѣдованія, должны быть исключены изъ вѣдомства мироваго судьи“; * „что *мировой судья не юристъ, что онъ не соблюдаетъ формъ* и рѣшаетъ дѣла простымъ, не формальнымъ, примирительнымъ порядкомъ“; что „между тѣмъ для утвержденія актовъ на недвижимыя имѣнія необходимо имѣть обширныя свѣдѣнія въ самой трудной *технической части нашихъ законовъ гражданскихъ* (*Мот. суд. уст.*, ч. 3 стр. 265). Къ этимъ общимъ основаніямъ, при обсужденіи собственно вопроса о возложеніи на мировыхъ судей совершенія крѣпостныхъ актовъ, присоединены еще слѣдующія: 1) что съ возложеніемъ на мировыхъ судей совершенія крѣпостныхъ актовъ могло бы возникнуть важное неудобство, въ отношеніи *порядка обжалованія ихъ дѣйствій по этому предмету*; такъ какъ дозволить мировымъ судьямъ „дѣйствовать безапелляціонно въ дѣлахъ этого рода было бы совершенно противно основнымъ началамъ тяжебнаго и охранительнаго порядка; разсматривать жалобы на нихъ въ окружномъ судѣ или въ судебной палатѣ было бы несогласно съ судебными уставами, при составленіи коихъ мысль эта была предположена въ видахъ практическаго удобства, но отвергнута вслѣдствіе замѣчанія что мысль эта была бы противна основнымъ положеніямъ 1862 года. Наконецъ подчинить эти дѣла кассаціоннымъ департаментамъ значитъ обратить кассаціонные департаменты въ нотаріальную палату, сдѣлать существенныя затрудненія въ совершеніи актовъ и обременить кассаціонные департаменты несвойственными имъ дѣлами, слѣдовательно равнымъ образомъ нарушить и основныя положенія и самые уставы“, и что

* *Мот. суд. уст.*, ч. 1, стр. 43.

Digitized by Google

поэтому „возложеніе на мировыхъ судей совершенія крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имущества составляло бы такое *отступленіе* отъ основныхъ положеній которое, по очевидности вредныхъ своихъ послѣдствій на дѣлѣ, не можетъ быть допущено ни какъ постоянное правило, ни какъ временная переходная мѣра; 2) что „самое основаніе приводимое къ этому отступленію едва ли имѣетъ практическое значеніе: ибо по дѣйствующимъ законамъ (ст. 191 Общ. Пол. 19го февраля 1861 года) всякаго рода сдѣлки и обязательства заключенныя крестьянами, какъ между собою, такъ равно и съ посторонними лицами, на сумму не свыше 300 руб., вносятся въ книгу волостнаго правленія. Правило сіе указомъ 16го января 1866 года распространено и на государственныхъ крестьянъ. За силой этого закона, случаи поѣздки за 200 и 300 верстъ для утвержденія акта о продажѣ клочка земли въ нѣсколько саженъ, цѣной въ два, три десятка рублей, составятъ такое рѣдкое исключеніе, для коего не слѣдуетъ нарушать основныхъ началъ устройства крѣпостной части, и 3) что недозволеніе мировымъ судьямъ совершать акты на недвижимыя имущества едва ли будетъ очень стѣснительно и для частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ при многочисленныхъ и безъ того занятіяхъ мировыхъ судей, совершеніе крѣпостныхъ актовъ отнимало бы у нихъ время, необходимое для исполненія прочихъ ихъ обязанностей.* (*Мот. суд. уст.* ч. 3, стр. 265.)

Таковы законодательныя соображенія, выраженныя при обсужденіи нотаріальной части, касающіяся и другихъ судебныхъ дѣлъ охранительнаго порядка, и которые надлежитъ подвергнуть внимательной критической оцѣнкѣ.

Для удобнѣйшаго разъясненія предмета скажемъ прежде всего нѣсколько словъ по поводу включенія въ число главныхъ началъ судебной реформы правила объ изъятіи изъ вѣдомства мировыхъ установленій дѣлъ сопряженныхъ съ опредѣленіемъ правъ на недвижимую собственность.

---

* Независимо отъ этого, въ законодательной области былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи должности старшаго нотаріуса и нотаріальнаго архива въ каждомъ уѣздѣ, при съѣздѣ мировыхъ судей; но мѣра эта тоже отвергнута, отчасти на общихъ основаніяхъ, исключающихъ безусловно изъ вѣдомства мировой юстиціи дѣла о недвижимой собственности; отчасти же на основаніяхъ особыхъ, касающихся встрѣченныхъ въ то время практическихъ къ тому затрудненій (соображ. подъ 42 ст. Нот. пол., помѣщеннаго въ 3 ч. *Мот. суд. уст.*).

Digitized by Google

Хотя законодательство не ограничилось присвоеніемъ этому правилу силы закона, но и отнесло его къ числу главныхъ или коренныхъ началъ преобразованія по судебной части (*Мот. суд. уст.*, 3 ч. стр. VII); это, однако, по нашему крайнему убѣжденію, не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительному значенію содержащагося въ немъ условія. Согласно съ установившимися въ законодательствѣ общими взглядами, существо каждаго изъ двухъ нынѣшнихъ главныхъ порядковъ суда — высшаго, коллегіальнаго, и низшаго, единоличнаго, опредѣляется, по отношенію къ дѣламъ уголовнымъ, понятіемъ о дѣлахъ важныхъ и маловажныхъ, а по отношенію къ дѣламъ гражданскимъ, понятіемъ о дѣлахъ сложныхъ и цѣнныхъ, простыхъ и малоцѣнныхъ. Соотвѣтственное съ этимъ разграниченіе судебныхъ дѣлъ — предметъ уже второстепенный, касающійся не коренныхъ основаній, а только одной изъ существенныхъ частностей, и зависящій отъ того что̀ понимать подъ дѣломъ важнымъ и маловажнымъ, простымъ и сложнымъ, цѣннымъ и малоцѣннымъ. То что̀ кажется важнымъ, сложнымъ и цѣннымъ, съ одной точки зрѣнія, въ одно время, при однихъ обстоятельствахъ, то можетъ показаться маловажнымъ, простымъ и малоцѣннымъ, съ другой точки зрѣнія, въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ. Отсюда потребности въ положительномъ правилѣ. Но какъ бы это положительное правило ни было постановлено, между нимъ и главнымъ началомъ, служащимъ ему основаніемъ, всегда будетъ оставаться существенная разница, такъ какъ всегда будетъ возможность подвергать критической оцѣнкѣ понятіе о внутренней между ними соотвѣтственности. Поэтому, если изъятіе изъ категоріи дѣлъ низшихъ судебныхъ органовъ всякаго рода дѣлъ о недвижимой собственности и получило при извѣстныхъ обстоятельствахъ силу закона, то отсюда еще не слѣдуетъ чтобы подобное правило должно быть включено въ число коренныхъ началъ судебной реформы. Стѣсняя безъ надобности понятіе о томъ коренномъ началѣ которое лежитъ и должно лежать въ основаніи относительнаго устройства двухъ сказанныхъ главныхъ порядковъ судебныхъ органовъ, подобная мѣра можетъ быть приписана одной лишь кодификаціонной погрѣшности. Очевидно, поэтому, что измѣнить существующій порядокъ относительно безусловнаго изъятія изъ вѣдомства мировой юстиціи дѣлъ о недвижимой собственности вовсе не значитъ коснуться какого-либо изъ коренныхъ основаній судебной реформы.

Digitized by Google

нерѣдко употребляли во зло это довѣріе, возбуждали жалобы своимъ корыстолюбіемъ и взяточничествомъ; но все же они могутъ служить живымъ примѣромъ что занятія по крѣпостной части не принадлежатъ къ числу такихъ которыя, по ихъ сложности, могли бы быть доступны исключительно лицамъ съ юридическою къ тому подготовкой. Нѣтъ слова что подготовка эта желательна и для этой части, но это само по себѣ не можетъ давать повода къ отнесенію дѣлъ по совершенію крѣпостныхъ актовъ къ разряду сложныхъ. То же самое можно сказать и относительно занятій по выполненію многихъ другихъ судебныхъ дѣйствій въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, какъ-то: утвержденію въ правахъ наслѣдства, утвержденію духовныхъ завѣщаній, раздѣлу наслѣдствъ, вводамъ во владѣніе и т. п. Хотя эти дѣйствія сопряжены съ разсмотрѣніемъ и разборомъ болѣе или менѣе обширныхъ актовъ и документовъ: но это разсмотрѣніе, этотъ разборъ, касаясь преимущественно ихъ формальной стороны, требуютъ также болѣе навыка и упражненія чѣмъ глубокихъ юридическихъ знаній. Но коль скоро подобныя дѣла содержатъ всѣ признаки занятій *техническаго* свойства, то нѣтъ и основанія предполагать чтобъ они были доступны однимъ только юристамъ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли нужно юридическаго образованія для опредѣленія, напримѣръ, правъ наслѣдства по безспорнымъ документамъ, или для выдачи, по такимъ же документамъ, вводнаго акта на недвижимое имущество и т. п.?

Посмотримъ, въ какой степени правильно подчиненіе исключительному вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ, по признаку сложности, дѣлъ о недвижимой собственности свойства спорнаго, рѣшаемыхъ въ порядкѣ состязательнаго процесса?

Въ дѣлахъ спорныхъ о недвижимой собственности различается два главные случая: 1) когда споръ касается не однихъ только правъ основанныхъ на формальномъ документѣ, но также его силы и значенія или его дѣйствительности; 2) когда объ этомъ вовсе нѣтъ спора, и рѣчь идетъ только о признаніи, по предъявленному акту или документу, извѣстныхъ правъ на недвижимую собственность. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія что въ первомъ случаѣ дѣло можетъ содержать признаки сложнаго. Тутъ требуется не только удостовѣреніе въ подлинности документа, но часто толкованіе его внутренняго смысла, примѣненіе правилъ юридической герменевтики, а слѣдовательно и пособіе спеціальныхъ юридическихъ знаній. Но

Digitized by Google

такъ ли это во второмъ случаѣ? Тутъ содержаніе акта ясно для всѣхъ и каждаго. О смыслѣ его не возбуждается спора. Есть ли поэтому какое достаточное основаніе къ предположенію чтобы въ этомъ случаѣ разрѣшеніе спорнаго вопроса могло представлять какія-либо серіозныя затрудненія, особенно если принять въ соображеніе состязательный порядокъ процесса, гдѣ стороны лично или чрезъ повѣренныхъ способствуютъ разъясненію дѣла? Почему рѣшеніе спора, хотя бы о недвижимой собственности, на основаніи прямаго и буквальнаго смысла документа, сторонами не оспариваемаго, могло бы быть дѣломъ болѣе сложнымъ, чѣмъ рѣшеніе спора на основаніи другихъ судебныхъ доказательствъ такого рода какъ свидѣтельскія показанія, акты мѣстнаго осмотра и т. п.? Намъ скажутъ что споръ имѣющій предметомъ права на недвижимую собственность, даже самый простой, представляетъ особую важность. Но понятіе о важности также вѣдь весьма условно. Не говоря объ искахъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, объ искахъ по нарушеніямъ права участія частнаго и т. п., которыя касаются также, болѣе или менѣе существеннымъ образомъ, правъ на недвижимую собственность и тѣмъ не менѣе подсудны, однако, вѣдомству мировой юстиціи, есть множество другихъ подсудныхъ ей исковъ и тяжбъ, весьма серіознаго свойства. Это само собою подтверждаетъ что согласно съ главными началами судебной реформы, основаніемъ къ разграниченію гражданскихъ дѣлъ между судебными органами высшаго и низшаго порядка служитъ понятіе о ихъ сложности или цѣнности, но отнюдь не объ ихъ важности. Поэтому, еслибы дѣло по предмету было важное, но по выполненію простое, то отнесеніе его къ вѣдомству судебныхъ органовъ низшаго порядка было бы мѣрой вовсе, какъ намъ кажется, не противною кореннымъ основаніямъ новѣйшей системы судоустройства. Но что̀ можетъ быть проще, какъ рѣшеніе спора о правахъ владѣнія основанныхъ на документѣ котораго ни буквальный смыслъ, ни дѣйствительность не оспариваются? Въ этомъ случаѣ, весь разборъ дѣла, по формальному документу, можетъ заключаться въ одномъ только внимательномъ его прочтеніи, но внимательное прочтеніе документа, особенно въ порядкѣ состязательнаго процесса, можетъ, кажется, быть названо дѣломъ весьма простымъ, доступнымъ каждому, кто только обладаетъ извѣстною степенью образованія, хотя бы онъ и былъ лишенъ

Digitized by Google

спеціальной юридической подготовки *. Замѣтимъ здѣсь что едва ли справедливо относить къ числу дѣлъ сложныхъ и тѣ даже дѣла о недвижимой собственности гдѣ хотя и возбуждается вопросъ о силѣ и значеніи акта или его дѣйствительности, но только съ формальной стороны, то-есть гдѣ не затрогивается буквальный смыслъ его текста, сущность его внутренняго содержанія. Разъясненіе формальнаго значенія документа дѣлается путемъ справокъ, сравненій и сличеній, а дѣйствія эти, отъ которыхъ законъ не устраняетъ и мировую юстицію, по дѣламъ не сопряженнымъ съ опредѣленіемъ правъ на недвижимую собственность (107 ст. Уст. гр. суд.), не могутъ представляться процессомъ болѣе сложнымъ и въ этомъ случаѣ особенно при тѣхъ условіяхъ крѣпостной части о которыхъ будетъ сказано ниже. **

Итакъ, не отвергая что въ ряду судебныхъ дѣлъ, дѣла о недвижимыхъ имуществахъ какъ цѣнныхъ, такъ и незначительныхъ по цѣнности, представляютъ несомнѣнно особую важность, нельзя въ то же время не согласиться что съ практической точки зрѣнія нѣтъ и не можетъ быть достаточныхъ основаній къ присвоенію всѣмъ имъ безъ различія значенія сложныхъ.

III.

Но если въ принципѣ нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ безусловному изъятію изъ вѣдомства мировой юстиціи дѣлъ сопряженныхъ съ опредѣленіемъ и укрѣпленіемъ правъ собствен-

* Есть еще нѣкоторыя другія причины побудившія законодательство къ отнесенію дѣлъ о недвижимой собственности къ разряду сложныхъ, — причины чисто-процессуальныя; но объ нихъ мы скажемъ ниже.

** Предъ нами лежитъ, напримѣръ, дѣло по иску малолѣтнихъ о проѣстахъ и волокитахъ, поступившее въ съѣздъ изъ посторонняго уѣзда по указу сената. Дѣло это, само по себѣ сложное, усложнилось еще болѣе возбужденіемъ со стороны товарища прокурора вопроса о силѣ и значеніи одного изъ представленныхъ документовъ, служившихъ основаніемъ иска. Съѣзду пришлось, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, независимо отъ существа спора, войти въ разсмотрѣніе вопроса объ искѣ и о значеніи документа, съ формальной стороны. Почему же не могъ бы онъ выполнить подобное же по иску о недвижимой собственности незначительной цѣнности?

Digitized by Google

ности на недвижимыя имущества, то нѣтъ ли къ тому внѣшнихъ какихъ препятствій и затрудненій?

Обратимся сперва къ условіямъ въ какія поставленъ мировой институтъ въ отношеніи его *личнаго состава*. Не содержится ли въ этомъ составѣ какихъ-либо существенныхъ препятствій и затрудненій къ подчиненію юрисдикціи мироваго иститута нѣкоторыхъ дѣлъ о недвижимой собственности.

Со времени открытія земскихъ и мировыхъ установленій, уѣздъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ въ нашемъ государственномъ строѣ особое значеніе. Онъ пользуется значительною степенью самостоятельности по дѣламъ хозяйственнымъ и дѣламъ судебнымъ.

На основаніи общаго узаконенія, содержащагося въ 12й ст. Учр. суд. уст., каждый уѣздъ, съ находящимися въ немъ городами, образуетъ мировой округъ. Пространство каждаго изъ такихъ округовъ совпадаетъ, слѣдовательно, съ пространствомъ уѣзда. Другими словами, каждый уѣздъ, согласно съ принятымъ нынѣ порядкомъ, образуетъ *отдѣльный мировой округъ*, и мѣстное его населеніе имѣетъ, такимъ образомъ, свою отдѣльную мировую юрисдикцію, такъ точно какъ и отдѣльное хозяйственное управленіе. Но какъ подчиненіе единоличнаго суда мировыхъ судей какому-либо судебному учрежденію *внѣ* предѣловъ уѣзда могло бы быть сопряжено съ невыгодными послѣдствіями для самостоятельнаго значенія мировой въ немъ юрисдикціи, то при начертаніи проекта судебныхъ уставовъ 20го ноября 1864 года, былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ: „кто долженъ составлять вторую инстанцію въ тѣхъ случаяхъ, когда мировой судья рѣшитъ дѣло въ качествѣ первой инстанціи: обыкновенный ли, то-есть окружный судъ, или же особый судъ, составленный изъ всѣхъ мировыхъ судей уѣзда, то-есть съѣздъ ихъ“. Учрежденіе въ предѣлахъ уѣзда особаго суда, для второй инстанціи мироваго института, было мѣрой которая вполнѣ соотвѣтствовала принятому въ основаніе судебнаго устройства началу суда самостоятельнаго, для дѣлъ маловажныхъ, простыхъ и малоцѣнныхъ. Но при всемъ томъ, мѣра эта встрѣтила сильныя возраженія, грозившія этому началу и заключавшіяся, преимущественно, въ сомнѣніяхъ относительно достаточной компетентности тѣхъ лицъ изъ которыхъ должна была образоваться въ мировомъ институтѣ коллегія второй степени суда. Эти возраженія были однако отвергнуты, по тѣмъ, между прочимъ, соображеніямъ что въ

Digitized by Google

составъ этого суда войдутъ люди не только знакомые съ мѣстными обстоятельствами, но и обладающіе „юридическимъ образованіемъ и судебною опытностію“ (1 ч. *Мот. суд. уст.* стр. 82 и 83). Это оправдалось на самомъ дѣлѣ. Хотя въ каждомъ мировомъ округѣ личный составъ мировыхъ установленій образованъ, преимущественно, изъ мѣстныхъ домо- и землевладѣльцевъ, живущихъ въ уѣздѣ и преданныхъ своимъ хозяйственнымъ дѣламъ, но среди ихъ и теперь уже можно найти весьма много лицъ знакомыхъ съ юридическою частью, не только практически, но и теоретически. Если сравнить личный составъ общихъ судебныхъ мѣстъ съ личнымъ составомъ мировыхъ установленій, то едва ли въ первомъ найдется болѣе опытныхъ цивилистовъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Къ тому же, замѣтимъ что успѣшное разрѣшеніе дѣлъ собственно по крѣпостной части не зависитъ исключительно отъ массы теоретическихъ или практическихъ знаній по части гражданскихъ законовъ. Знакомство судебнаго мѣста или лица съ различными въ данной мѣстности видами поземельной собственности, съ причинами нахожденія ея въ фактическомъ владѣніи одного владѣльца, а не другаго, наконецъ частое обращеніе съ ея владѣльцами и наслышка о нихъ, вотъ условія несомнѣнно благопріятствующія успѣху дѣла по укрѣпленію имуществъ. Но это возможно только при незначительномъ районѣ вѣдомства крѣпостныхъ дѣлъ,—районѣ который обнималъ бы не большее пространство, чѣмъ уѣздъ. Нужно также чтобы лица завѣдующія этою частію были, по возможности, изъ среды тамошнихъ жителей. Опасности въ этомъ никакой нѣтъ и быть не можетъ, при условіяхъ гласнаго судопроизводства и словесно-состязательнаго процесса, а также выбора такихъ лицъ изъ людей пользующихся общимъ довѣріемъ и извѣстнымъ почетомъ. * Выше нами указанъ примѣръ личности назначенной

* При обсужденіи въ законодательной области вопроса объ учрежденіи крѣпостной части при мировыхъ съѣздахъ, мѣра эта была отвергнута, между прочимъ, изъ опасенія что исполненіе обязанностей старшаго нотаріуса при съѣздѣ, въ случаѣ его болѣзни, могло бы быть поручаемо секретарямъ съѣзда. Должность старшаго нотаріуса такъ важна что выполненіе ея лицами которыя не имѣли бы достаточнаго вѣса и значенія въ обществѣ было бы дѣйствительно не только неудобнымъ, но и вреднымъ. Но совсѣмъ иное, еслибы должность эта была въ рукахъ мироваго судьи, пользующагося въ обществѣ извѣстнымъ вѣсомъ и значеніемъ.

въ старшіе нотаріусы изъ судебныхъ слѣдователей. Образъ его дѣйствія, какъ мы видѣли, противорѣчилъ явно идеи суда скораго, праваго и, по возможности, дешеваго, и не оправдываясь справедливыми и законными поводами, представлялъ для его кліента родъ инквизиторской пытки. Какая главная причина этого? Нельзя сказать чтобы нотаріусъ о которомъ мы говоримъ принадлежалъ къ числу лицъ неблагонамѣренныхъ. Напротивъ, онъ былъ честности безукоризненной. Нельзя также сказать чтобъ онъ былъ совершеннымъ новичкомъ въ своемъ дѣлѣ, такъ какъ онъ завѣдывалъ тогда крѣпостною частію нѣкоторое уже время и имѣлъ возможность болѣе или менѣе освоиться съ нею. Чѣмъ же, спрашивается, можно объяснить его образъ дѣйствій, столь стѣснительный для мѣстнаго населенія? Конечно тѣмъ что, прибывъ въ центръ своей дѣятельности изъ отдаленныхъ мѣстностей, онъ не могъ сначала, не могъ и въ послѣдствіи, по пространству подвѣдомственнаго ему района, ознакомиться достаточно ни съ личностію мѣстныхъ владѣльцевъ, ни съ фактами касающимися ихъ поземельнаго владѣнія. Можно ли послѣ этого предполагать чтобы въ дѣлѣ завѣдыванія крѣпостною частію мировой судья, который изъявилъ бы готовность спеціально заняться ею, оказался бы спеціальнѣе къ ней годенъ и способенъ, чѣмъ прежніе „крѣпостные надсмотрщики" и „крѣпостные писцы" или хотя бы и теперешніе старшіе нотаріусы? Каждому мировому судьѣ, какъ лицу принадлежащему къ числу мѣстныхъ жителей даннаго мироваго округа, извѣстна въ немъ недвижимая собственность почти всѣхъ и каждаго, такъсказать нагляднымъ образомъ. Кромѣ того, у него подъ рукой всѣ средства для ближайшихъ удостовѣреній объ этомъ предметѣ: и окладныя книги уѣздной земской управы, и документы уѣзднаго казначейства, и мѣстная полиція; тогда какъ теперь справки изъ всѣхъ этихъ мѣстъ требуются старшимъ нотаріусомъ за сотни верстъ. Почему же мировой судья, при близкомъ знакомствѣ съ обстоятельствами касающимися правъ владѣнія мѣстныхъ жителей, не могъ бы совершать съ успѣхомъ крѣпостные акты и даже рѣшать споры по малоцѣннымъ недвижимымъ имуществамъ? Но то что можно сказать въ этомъ отношеніи о каждомъ мировомъ судьѣ, въ отдѣльности, то же самое можно сказать и объ ихъ коллегіи, то-есть ихъ съѣздѣ. Намъ кажется что въ ряду судебныхъ установленій

Digitized by Google

едва ли найдется такое которое было бы поставлено въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ мировой институтъ, относительно компетентности по дѣламъ касающимся недвижимой собственности и въ городахъ, и въ селахъ. Личность владѣльца, родъ недвижимой собственности которою онъ владѣетъ, способы пріобрѣтенія имъ этой собственности, границы владѣнія по документамъ и въ натурѣ, самый характеръ владѣнія, различаемый закономъ, то-есть случаи когда оно бываетъ законнымъ или незаконнымъ, добросовѣстнымъ или недобросовѣстнымъ, подложнымъ, насильственнымъ или самовольнымъ, наконецъ спокойнымъ, безспорнымъ и непрерывнымъ,—все это кому же лучше и ближе всего можетъ быть извѣстно, какъ не мировымъ судьямъ, всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, лицамъ изъ числа мѣстныхъ домо- и земле-владѣльцевъ?

Но если по личному составу мировыхъ установленій нельзя предполагать чтобъ изъ дѣлъ касающихся недвижимой собственности, имъ могли быть доступны исключительно отнесенныя теперь къ ихъ вѣдомству, то-есть только споры „о завладѣніи имуществомъ и о другихъ нарушеніяхъ права законнаго владѣнія“; то не встрѣчается ли препятствій къ нѣкоторому расширенію круга дѣятельности мировыхъ установленій по дѣламъ этого рода въ другомъ обстоятельствѣ—*количествѣ* завѣдуемыхъ ими дѣлъ? Не послужитъ ли эта мѣра къ чрезмѣрному отягощенію массой занятій, какъ сказано въ вышеприведенныхъ законодательныхъ соображеніяхъ, и безъ того уже многочисленныхъ?

Для удобнѣйшаго обсужденія этого предмета представимъ сперва нѣсколько числовыхъ данныхъ о движеніи дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ. Не говоря собственно о губернскихъ городахъ и столицахъ, которые, по густотѣ населенія, развитію торговыхъ и промышленныхъ условій и другимъ причинамъ, находятся въ нѣсколько исключительномъ положеніи, возьмемъ въ примѣръ одинъ изъ уѣздныхъ мировыхъ округовъ внутри Имперіи, а именно ближайшій для насъ — Валуйскій, Воронежской губерніи. Открытіе этого округа послѣдовало въ декабрѣ 1867 года, и мировыя установленія стали дѣйствовать въ немъ только съ 15го числа этого мѣсяца. Оставивъ въ сторонѣ 1871 годъ, мы укажемъ на движеніе тамъ дѣлъ за послѣдніе три года: 1868, 1869 и 1870. Изъ данныхъ содержащихся въ систематическихъ вѣдомостяхъ ежегодной отчетности этого мироваго округа видно что хотя въ 1868 году

Digitized by Google

и существовало въ немъ пять мировыхъ участковъ, но два изъ нихъ, по случайнымъ причинамъ, находились въ завѣдываніи одного и того же мироваго судьи. Въ слѣдующемъ году, число мировыхъ участковъ, по ходатайству земства, съ разрѣшенія правительствующаго сената, сокращено на одинъ. Такимъ образомъ, можно сказать что въ этомъ мировомъ округѣ, съ самаго начала, существовало, на самомъ дѣлѣ, всего лишь четверо мировыхъ судей. Въ 1868 году у нихъ состояло въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ 650, гражданскихъ 771, всего 1.421. Въ 1869 году первыхъ было 580, вторыхъ 710, всего 1.290. Въ 1870 году, первыхъ состояло 502, вторыхъ 723, всего 1.225. Среднимъ же числомъ, за три сказанные года, у четырехъ мировыхъ судей находилось въ производствѣ всего 1.312 дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. На каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности, приходилось, слѣдовательно, ежегодно, среднимъ числомъ, по 328 дѣлъ, то-есть, едва по одному дѣлу въ день. Цифра, кажется, весьма не обременительная. Что касается самого съѣзда, то онъ, согласно съ постановленіемъ мѣстнаго земства, собирается здѣсь всего по одному разу въ мѣсяцъ и имѣетъ, слѣдовательно, въ теченіи года 12 очередныхъ засѣданій. Въ производствѣ по этому съѣзду состояло гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, въ 1868 году 56, въ 1869 году 38, въ 1870 году 79. На каждое изъ очередныхъ засѣданій приходилось, поэтому, среднимъ числомъ, ежегодно, всего по четыре дѣла съ небольшимъ. Цифра не только незначительная, но почти ничтожная. Правда что мы взяли въ примѣръ мировой округъ который, говоря вообще, не отличается развитіемъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Есть уѣзды по особенностямъ которыхъ цифра дѣлъ достигаетъ значительнѣйшихъ размѣровъ. Но тутъ не нужно упускать изъ виду что значительность этой цифры, сама по себѣ, не даетъ еще вѣрнаго понятія о трудовой дѣятельности мировыхъ установленій. Трудъ по отправленію мировой юстиціи зависитъ также отъ свойства и рода дѣлъ. Поэтому, въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ цифра незначительна, трудъ этотъ можетъ быть, напротивъ, весьма значителенъ. Такъ, напримѣръ, въ мѣстахъ гдѣ развиты конокрадство и самовольная порубка лѣса, гдѣ часты случаи возбужденія исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, о подтопахъ, объ опознанныхъ лошадяхъ, и т. п. Къ числу подобныхъ мѣстъ можно отнести и Валуйскій мировой округъ. Здѣсь по одному и тому же уголовному дѣлу бываетъ часто

Digitized by Google

до 20 и даже болѣе обвиняемыхъ и приходится допрашивать иной разъ до 40 человѣкъ свидѣтелей. Гражданскія дѣла сопряжены тутъ тоже съ допросомъ множества свидѣтелей, съ мѣстными осмотрами, и т. п. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ цифра дѣлъ достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ, трудъ по отправленію мировой юстиціи является, напротивъ, менѣе значительнымъ, менѣе сложнымъ, заключаясь преимущественно по уголовнымъ дѣламъ, въ разборѣ краткихъ процессовъ, а по гражданскимъ дѣламъ во взысканіяхъ по безспорнымъ документамъ. Этотъ характеръ, замѣтимъ, носятъ на себѣ, преимущественно, и дѣла мировыхъ установленій въ губернскихъ городахъ и столицахъ. Въ нѣкоторыхъ мировыхъ округахъ количество дѣлъ, по ихъ цифрѣ, можетъ дѣйствительно показаться огромнымъ, не соотвѣтствующимъ понятію о размѣрахъ трудовой дѣятельности мировой юстиціи; но и это въ сущности не есть еще признакъ ея чрезмѣрнаго отягощенія. Кромѣ множества исковъ по безспорнымъ документамъ, разборъ которыхъ едва ли можетъ быть названъ разборомъ, въ числѣ тѣхъ дѣлъ можно найти много и такихъ которыя заключаются въ одномъ только простомъ исполненіи. Такъ, напримѣръ, по охраненію наслѣдствъ все производство состоитъ въ отсылкѣ мировымъ судьей публикаціи о наслѣдствѣ и предписаній судебному приставу о принятіи мѣръ къ охраненію наслѣдственнаго имущества. Есть, наконецъ, дѣла которыхъ почти нельзя назвать этимъ именемъ, таковы, напримѣръ, случаи краткихъ опредѣленій о передачѣ неподсудной жалобы по принадлежности. Между тѣмъ, по водворившемуся обычаю, это признается отдѣльнымъ производствомъ и по каждому изъ такихъ случаевъ заводится особое дѣло, которое показывается въ отчетѣ. Это служитъ, конечно, не мало къ увеличенію цифры дѣлъ по мировому округу—цифры, которая не можетъ поэтому, какъ мы сказали, быть признана, сама по себѣ, мѣриломъ трудовой дѣятельности мировыхъ установленій.

Но не увеличатся ли чрезмѣрно ихъ занятія, вслѣдствіе передачи въ ихъ вѣдомство нѣкоторыхъ дѣлъ о недвижимой собственности, особенно по крѣпостной части?

При обсужденіи вопроса объ учрежденіи нотаріальныхъ архивовъ и ихъ начальниковъ въ каждомъ уѣздѣ, при мировыхъ съѣздахъ, законодательствомъ былъ принятъ между прочимъ въ соображеніе цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ о числѣ актовъ совершенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Digitized by Google

На основаніи этихъ свѣдѣній, оно пришло къ заключенію что въ общей цифрѣ актовъ, число ихъ о недвижимыхъ собственно имѣніяхъ могло бы составить лишь небольшой процентъ, и если ихъ число по С.-Петербургскому и Московскому уѣздамъ, также какъ и по уѣздамъ губернскихъ городовъ и можетъ быть нѣсколько значительнѣе, то по прочимъ уѣздамъ каждой губерніи оно должно быть самое *ничтожное*. Мы не можемъ вполнѣ согласиться съ этимъ, особенно въ виду нѣкоторыхъ преобразованій, какія слѣдуетъ ожидать въ отношеніи нынѣшняго порядка совершенія сдѣлокъ о недвижимой собственности между крестьянами, о которыхъ будетъ сказано ниже. Но если число крѣпостныхъ актовъ по уѣздамъ нельзя признать настолько ничтожнымъ, чтобы вопросъ объ учрежденіи въ судебныхъ мировыхъ округахъ отдѣльной крѣпостной части не могъ заслуживать серіознаго вниманія, то можно утвердительно сказать что число это никогда, однако, не можетъ достигнуть тѣхъ размѣровъ которые устраняли бы всякую мысль о возможности сказанной мѣры. Къ тому же, вопросъ о ея возможности или невозможности зависитъ тутъ не столько отъ числа занятій по крѣпостной части, сколько отъ порядка ея устройства.

Перенесеніе судебныхъ способовъ по совершенію и утвержденію крѣпостныхъ актовъ изъ нынѣшнихъ центровъ, въ центры болѣе близкіе къ мѣстному населенію—мировые округи, или, другими словами, устройство въ каждомъ изъ нихъ отдѣльнаго управленія по крѣпостной части, есть мѣра которая въ ея выполненіи едва ли коснется даже занятій участковыхъ мировыхъ судей и производства дѣлъ въ ихъ мировыхъ участкахъ. Нотаріальный архивъ былъ бы, въ этомъ случаѣ, учрежденъ при мировыхъ съѣздахъ, а завѣдываніе въ мировомъ округѣ какъ этимъ архивомъ, такъ и вообще всѣми дѣлами по крѣпостной части могло бы быть возложено на непремѣннаго члена съѣзда или—что̀ еще лучше—на особаго мироваго судью, съ правомъ обжалованія его дѣйствій въ съѣздъ мировыхъ судей, въ томъ же порядкѣ какой существуетъ теперь въ отношеніи обжалованія дѣйствій старшаго нотаріуса. Мѣра эта представляетъ такую существенную важность для интересовъ мѣстнаго населенія, что, безъ сомнѣнія, ни одно земство не отказалось бы отъ участія въ денежныхъ затратахъ на учрежденіе нотаріальнаго архива и отъ принятія на свой счетъ

Digitized by Google

содержанія особаго мироваго судьи, съ назначеніемъ ему оклада жалованья въ размѣрахъ даже высшихъ въ сравненіи съ прочими мировыми судьями. * Этому мировому судьѣ, на которомъ лежали бы всѣ обязанности сопряженныя нынѣ съ должностью старшаго нотаріуса, могли бы съ удобствомъ быть подчинены тѣ нотаріусы которое имѣли бы свое пребываніе въ уѣздѣ. Въ тѣхъ же уѣздахъ гдѣ ихъ не было бы еще, всѣ обязанности по совершенію и утвержденію крѣпостныхъ актовъ могли бы съ удобствомъ быть выполняемы вышепомянутымъ мировымъ судьей, спеціально для того предназначеннымъ, такъ какъ при маломъ районѣ управленія крѣпостною частію, раздѣленіе труда по совершенію крѣпостныхъ актовъ (въ смыслѣ изготовленія ихъ проектовъ) и ихъ утвержденію не представляло бы уже столь настоятельной потребности какъ теперь. Точно такимъ же образомъ могло бы быть предоставлено исключительнымъ обязанностямъ того же мироваго судьи другое исполнительное дѣйствіе въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, а именно: выдача исполнительныхъ листовъ на вводъ во владѣніе всѣми вообще недвижимыми имуществами его района, или, другими словами: судебный актъ укрѣпленія недвижимаго имущества за его владѣльцемъ. Дѣйствіе это не могло бы быть для него затруднительнымъ, коль скоро въ его рукахъ были бы сосредоточены всѣ крѣпостныя дѣла и акты по уѣзду. ** Замѣтимъ что въ области новѣйшаго судоустройства явленіе это не бы-

---

* Отъ мироваго судьи который завѣдывалъ бы этою частію можно было бы не требовать залога, подъ условіемъ наложенія запрещенія въ извѣстной суммѣ на его имѣніе. Въ случаѣ же нахожденія такого имѣнія въ залогѣ, можно было бы его владѣльца—мироваго судью — допускать къ отправленію сказанныхъ обязанностей въ томъ лишь случаѣ еслибы разность между суммой выданною ему въ ссуду и оцѣночною суммой имѣнія не была менѣе той суммы какая была признана достаточною для обезпеченія въ этомъ случаѣ.

** По штату нотаріальныхъ архивовъ при окружныхъ судахъ 4го разряда, положено отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства на жалованье старшему нотаріусу 2.200 р., на содержаніе нотаріальнаго архива 1.000 р., всего 3.200 р.—сумма весьма незначительная даже для средствъ каждаго уѣзднаго земства въ отдѣльности, особенно при нѣкоторомъ пособіи отъ казны и предвидящемся упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ.

Digitized by Google

ло бы къ тому же и совершенно новымъ. Напротивъ, законодательствомъ сдѣланъ уже въ этомъ отношеніи довольно рѣшительный шагъ. Такъ въ случаяхъ продажи съ публичнаго торга недвижимыхъ имуществъ, мировому судьѣ выполняющему при съѣздѣ обязанности непремѣннаго члена предоставлены и теперь уже многія дѣйствія касающіяся не только укрѣпленія этихъ имуществъ, но и споровъ по нимъ (1.134 и 1.164 ст. Уст. Гр. Суд.). Хотя же изъ соображеній помѣщенныхъ въ мотивированномъ изданіи судебныхъ уставовъ подъ первою изъ означенныхъ статей видно что законодательствомъ допущена эта мѣра въ томъ предположеніи что на практикѣ она будетъ имѣть довольно рѣдкое примѣненіе, тѣмъ не менѣе фактъ признанія имъ за мировымъ институтомъ нѣкоторой степени компетентности по дѣламъ и этого рода остается несомнѣннымъ. Къ тому же содержащееся въ тѣхъ соображеніяхъ предположеніе о рѣдкости случаевъ подобныхъ продажъ и о томъ что при мировыхъ съѣздахъ продаются только имѣнія оцѣненныя ниже 500 р. не совсѣмъ вѣрно. Извѣстно что тяжущимся сторонамъ, въ силу постановленія содержащагося въ 1.132 ст. Уст. гр. суд., предоставлено право входить между собою въ соглашеніе объ условіяхъ касающихся порядка публичной продажи, въ томъ числѣ и о мѣстѣ совершенія оной. Вслѣдствіе этого, случаи продажъ съ публичныхъ торговъ при съѣздахъ недвижимыхъ имуществъ цѣна которыхъ превышаетъ 500 р. весьма часты. Власть предоставленная по этимъ дѣламъ мировымъ судьямъ, въ качествѣ первыхъ степеней суда, какъ видно, довольно обширна. Ими выполняется здѣсь то, въ сущности, чтò принадлежитъ вообще только власти первыхъ инстанцій судебныхъ органовъ высшаго порядка, то-есть окружныхъ судовъ. До сихъ поръ неизвѣстно чтобы на практикѣ это было сопряжено съ какими-либо особыми затрудненіями. Почему же нельзя было бы подчинить мировымъ установленіямъ и другія дѣла подобнаго же рода и свойства, тѣмъ болѣе что отъ этого не предвидится никакого особаго отягощенія для участковыхъ мировыхъ судей. Правда что съ передачей въ вѣдомство мировой юстиціи всѣхъ вообще дѣлъ охранительнаго судопроизводства, часть этихъ дѣлъ должна была бы быть распредѣлена и между этими мировыми судьями, какъ-то: по утвержденію въ правахъ наслѣдства по закону и духовнымъ завѣщаніямъ, по раздѣлу наслѣдственныхъ имуществъ, по выкупу родовыхъ имуществъ и удостовѣренію въ безъ-

Digitized by Google

вѣстномъ отсутствіи; * но едвали могло бы произойти отъ этого чрезмѣрное накопленіе дѣлъ въ мировыхъ участкахъ. Не нужно упускать изъ виду что одни изъ тѣхъ дѣлъ касаются довольно рѣдкихъ случаевъ, таковы дѣла по выкупу родовыхъ имуществъ и удостовѣренію въ безвѣстномъ отсутствіи; другія не могутъ накопиться въ значительномъ числѣ, по преобладанію въ уѣздахъ элемента сельскаго населенія, пользующагося недвижимою собственностью преимущественно на началахъ общаго владѣнія и имѣющаго для дѣлъ его касающихся свое отдѣльное вѣдомство; ** таковы дѣла по раздѣлу мірскихъ земель и усадебныхъ мѣстъ, подлежащія, какъ извѣстно, сельскимъ сходамъ (5, 6 и 51 ст. Общ. Пол. о крест.). Иныя же дѣла, а именно по опредѣленію правъ наслѣдства, не будучи обязательны для наслѣдниковъ, возбуждаются ими довольно рѣдко, подобно дѣламъ по охраненію наслѣдствъ, подсуднымъ уже нынѣ мировой юстиціи. Наконецъ, въ отношеніи утвержденія въ правахъ наслѣдства по духовнымъ завѣщаніямъ нужно замѣтить что мировые судьи уже и теперь имѣютъ въ нихъ значительную долю участія; такъ какъ на основаніи 26 ст. временныхъ правилъ объ этихъ посмертныхъ актахъ, обязанности по допросу свидѣтелей проживающихъ внѣ мѣста нахожденія окружнаго суда лежатъ на мировыхъ судьяхъ.

Такимъ образомъ, всѣ вообще дѣла охранительнаго судопроизводства, по признаку простоты ихъ выполненія, могли бы съ удобствомъ быть переданы въ вѣдомство мировыхъ установленій, безъ особаго отягощенія ихъ массой дѣлъ и обремененія государственной казны новыми денежными затратами. Въ видахъ же привлеченія мировыхъ судей къ занятію долж-

* Мы не говоримъ здѣсь о дѣлахъ опекунскаго управленія, потому что они составляютъ предметъ особыхъ правительственныхъ соображеній.

** Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ которыми отвергается безусловно польза общиннаго владѣнія. Напротивъ, намъ кажется что дальнѣйшее удержаніе этой формы владѣнія и пользованія поземельною собственностью представляется полезнымъ во многихъ отношеніяхъ, и если мы упомянули и будемъ еще говорить о необходимости нѣкоторыхъ преобразованій по крѣпостнымъ сдѣлкамъ между крестьянами, то это касается только тѣхъ случаевъ гдѣ недвижимое имущество состояло бы въ ихъ частной собственности.

ности старшаго нотаріуса, правительство могло бы соединить съ этою должностью какія-либо особыя преимущества, по правамъ службы и пенсіи.

Съ передачей сказанныхъ дѣлъ, на этихъ основаніяхъ, въ вѣдомство мировыхъ установленій, каждый уѣздъ, образующій отдѣльный мировой округъ, имѣлъ бы и отдѣльныя, независимыя средства къ удовлетворенію своихъ нотаріальныхъ и другихъ потребностей, по удостовѣренію и укрѣпленію правъ собственности на недвижимыя имущества.

Эта мѣра могла бы предупредить, на практикѣ, множество неудобствъ и затрудненій, и сумма выгодъ какія отъ этого могутъ произойти должна побуждать не останавливаться предъ тѣми незначительными препятствіями которыя, быть-можетъ, могли бы встрѣтиться съ самаго начала. Замѣтимъ къ тому же что при обсужденіи въ законодательной области вопроса объ учрежденіи должности старшаго нотаріуса и нотаріальнаго архива при съѣздахъ мировыхъ судей, главною причиной къ отклоненію этой мѣры опять таки служилъ ошибочный взглядъ на положеніе о неподсудности мировымъ установленіямъ дѣлъ о недвижимой собственности, какъ на одно изъ коренныхъ основаній судебной реформы. Вотъ что̀, между прочимъ, сказано въ соображеніяхъ по этому предмету: „наконецъ, нельзя не замѣтить что сосредоточеніе утвержденія актовъ на „недвижимыя имущества въ окружныхъ судахъ есть не „что̀ иное, какъ правильное развитіе вошедшихъ въ уставъ „гражданскаго судопроизводства правилъ, по коимъ всѣ дѣла „о недвижимыхъ имуществахъ, на самыя незначительныя по „цѣнности своей имущества, производятся не въ мировыхъ „съѣздахъ, а въ окружныхъ судахъ (ст. 31 Уст. гр. суд. 20го „ноября 1864 года). Всѣ предполагаемыя затрудненія, по поводу дальности переѣзда въ окружный судъ для утвержденія „акта на недвижимыя имущества, были приводимы и при об„сужденіи устава гражданскаго судопроизводства, по случаю „подсудности окружнымъ судамъ всѣхъ безъ изъятія дѣлъ о „недвижимыхъ имуществахъ; однако возраженія эти не были „уважены и не приняты основаніемъ къ передачѣ такихъ дѣлъ „мировымъ судьямъ или ихъ съѣздамъ, и государственный со„вѣтъ единогласно призналъ необходимымъ всѣ дѣла о недвижи„мыхъ имуществахъ, даже самой незначительной цѣнности, под„чинить вѣдѣнію окружныхъ судовъ.“ Законъ очевидно принимается здѣсь за основное начало. Вотъ какъ бываетъ иногда

Digitized by Google

важно и необходимо отдавать себѣ ясный отчетъ объ отношеніяхъ данной мѣры къ основнымъ началамъ судебной реформы. Что касается другихъ причинъ на основаніи которыхъ отвергнута такъ рѣшительно вышепомянутая мѣра, какъ-то: опасенія чтобы крѣпостная часть не попала въ руки секретарей съѣзда мировыхъ судей, то-есть лицъ не имѣющихъ въ обществѣ достаточнаго вѣса и значенія; затрудненія по надзору за старшими нотаріусами и нотаріальными архивами; возможность ихъ частаго истребленія въ уѣздахъ; затрудненія касательно справокъ при нахожденіи имѣнія одного и того же владѣльца въ разныхъ уѣздахъ; затрудненія относительно снабженія старшихъ нотаріусовъ запретительными книгами; то всѣ эти причины едва ли содержатъ достаточныя основанія. Затрудненія по снабженію старшихъ натаріусовъ запретительными книгами, какъ сознаетъ само законодательство, есть обстоятельство временное, которое само собою должно устраниться. Опасенія относительно нахожденія крѣпостной части въ рукахъ лицъ не имѣющихъ въ обществѣ достаточно вѣса и значенія, а также относительно затруднительности надзора за старшими нотаріусами и нотаріальнымъ архивомъ, не могутъ имѣть значенія при порядкѣ нами предлагаемомъ, такъ какъ крѣпостною частію завѣдывали бы мировые судьи, а надзоръ за нею былъ бы сосредоточенъ въ мировыхъ съѣздахъ — органахъ вполнѣ для этого компетентныхъ и могущихъ представлять достаточные въ этомъ случаѣ гарантіи, особенно при условіяхъ о которыхъ будетъ сказано ниже. Затруднительность въ полученіи справокъ при нахожденіи имѣнія въ разныхъ уѣздахъ едва ли можетъ имѣть серіозное значеніе. При теперешнихъ обширныхъ районахъ управленія крѣпостною частію тоже встрѣчаются часто владѣльцы имѣніе которыхъ не находится въ одномъ и томъ же районѣ. Наконецъ, предположенія относительно возможности частаго истребленія въ уѣздахъ нотаріальныхъ архивовъ намъ уже рѣшительно не понятны. Почему можно было бы предполагать ихъ частое здѣсь истребленіе? Но если и предположить что какой-нибудь изъ такихъ архивовъ истребится, то вредъ отъ этого будетъ меньшій, сравнительно съ тѣмъ какой произошелъ бы отъ истребленія одного изъ теперешнихъ нотаріальныхъ архивовъ; по той простой причинѣ что въ этомъ архивѣ хранятся акты и документы по нѣсколькимъ уѣздамъ, а въ томъ архивѣ хранились бы акты и документы по одному только уѣзду.

Digitized by Google

Но въ числѣ законодательныхъ доводовъ касающихся этого предмета, есть еще одинъ, на которомъ мы признаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться.

На точномъ основаніи примѣчанія къ 81 ст. Нот. пол, положеніе это не распространяется на сдѣлки и договоры являемые въ волостныхъ правленіяхъ. По смыслу же 91 ст. Общ. Пол. о крест. и примѣчанія къ ней, по продолженію 1868 года, въ книгу сдѣлокъ и договоровъ волостнаго правленія могутъ вноситься: 1) всякаго рода сдѣлки и обязательства заключенныя крестьянами какъ между собою, такъ и съ посторонними лицами на сумму не свыше 300 руб., не исключая тѣхъ которыя имѣли бы предметомъ недвижимое имущество состоящее въ ихъ частной собственности; 2) духовныя завѣщанія, какъ о движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ, цѣной не свыше 100 руб. Въ виду этого, при обсужденіи вопроса о возложеніи на мировыя установленія обязанностей по крѣпостной части, законодательствомъ отвергнута эта мѣра, между прочимъ на томъ основаніи что при существованіи для лицъ сельскаго состоянія, составляющихъ вездѣ большинство мѣстнаго населенія, особаго порядка укрѣпленія актовъ на недвижимыя имущества незначительной цѣнности, случаи поѣздокъ въ отдаленные центры для совершенія крѣпостныхъ актовъ на недвижимыя имущества подобной же цѣнности будутъ столь рѣдки что для этого не слѣдуетъ нарушать главныхъ началъ устройства крѣпостной части, чрезъ предоставленіе мировымъ судьямъ права совершенія крѣпостныхъ актовъ и назначеніе при ихъ съѣздахъ старшаго нотаріуса. Мы не оспариваемъ что число актовъ о недвижимой собственности значительно сокращается вслѣдствіе допущенія для крестьянъ особаго крѣпостнаго порядка. Но желательно ли его продолженіе? Первое условіе каждаго крѣпостнаго акта есть, кажется, то чтобъ онъ былъ крѣпокъ. Устраненія этого условія не пожелаетъ, конечно, и самый мелкій собственникъ. Между тѣмъ намъ извѣстны изъ судебной практики случаи которые даютъ право заключать что акты внесенные въ книги волостныхъ правленій далеко не бываютъ всегда крѣпки. Приведемъ примѣръ. Одинъ крестьянинъ продалъ свою землю постороннему лицу другаго состоянія. Сдѣлка купли и продажи явлена въ волостномъ правленіи и внесена въ книгу сдѣлокъ и договоровъ. Покупщикъ, заплативъ деньги продавцу, вступилъ во владѣніе и пользованіе этою землей, и затѣмъ въ скоромъ времени продалъ эту

Digitized by Google

землю въ третьи руки. Казалось бы что онъ имѣлъ на это полное право, какъ законный владѣлецъ земли пріобрѣтенной не воспрещеннымъ закономъ порядкомъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Спустя нѣкоторое время крестьянинъ продавшій ему землю умеръ, оставивъ послѣ себя наслѣдницей дочь. Эта послѣдняя, признавъ себя обиженною отчужденіемъ совершеннымъ отцомъ, начала искъ въ волостномъ судѣ о возвратѣ ей той собственности. Волостной судъ, разобравъ или не разобравъ дѣло въ точности, намъ это неизвѣстно, рѣшилъ однако его въ пользу этой наслѣдницы. Вслѣдствіе этого проданная ея отцомъ земля была возвращена ей изъ третьихъ рукъ. Послѣдній владѣлецъ, съ своей стороны, долженъ былъ, конечно, начать искъ о возвратѣ заплаченныхъ имъ денегъ, а первоначальный покупщикъ о возвратѣ наслѣдницей денегъ уплаченныхъ ея отцу. Оба эти иска производились уже у мироваго судьи. Вотъ образецъ крѣпости сдѣлокъ совершаемыхъ въ волостномъ правленіи. Да и можетъ ли это быть иначе, когда нотаріальныя обязанности лежатъ въ подобныхъ случаяхъ на волостномъ писарѣ, а охранительныя дѣйствія по имуществамъ которыя были предметомъ сказанныхъ сдѣлокъ и рѣшеніе по нимъ споровъ, на волостныхъ правленіяхъ? Ввѣреніе крѣпостной части сельскимъ установленіямъ есть, по мнѣнію нашему, признакъ величайшаго ея неустройства. Не значитъ ли это ставить значительную часть мѣстнаго населенія въ совершенную зависимость во всѣхъ подобныхъ случаяхъ отъ произвола сельскаго начальства? Но этотъ порядокъ представляется неудобнымъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. * Въ настоящее

---

* Замѣтимъ здѣсь что, несмотря на очевидность того что существующими постановленіями разрѣшается крестьянамъ совершать при волостныхъ правленіяхъ сдѣлки о недвижимыхъ имуществахъ цѣнность которыхъ не превышаетъ 300 руб., предметъ этотъ, на практикѣ, находится въ состояніи вопроса. Случаи перехода по такимъ сдѣлкамъ мелкихъ недвижимыхъ имуществъ изъ однихъ рукъ въ другія весьма часты. Волостныя правленія не затрудняются свидѣтельствовать ихъ и заносить въ книги, а крестьяне отчуждать по нимъ свою собственность. Но мѣстные органы судебной и административной власти нерѣдко колеблются присваивать этимъ сдѣлкамъ не только значеніе купчихъ крѣпостей, но даже актовъ имѣющихъ сколько-нибудь обязательную для сторонъ силу. Отсюда частыя недоразумѣнія относительно силы и значенія этихъ сдѣлокъ, и полиція, которой правилами содержащимися въ 1 примѣч. къ 1684 ст. 1 ч. X т. Зак. Гр. вмѣнено

Digitized by Google

время, съ развитіемъ частной поземельной собственности между лицами сельскаго состоянія, пользующимися одновременно и удобствами общиннаго владѣнія при преобразованіяхъ въ системѣ податей чрезъ переложеніе подушной подати на землю, наконецъ въ кадастровыхъ и другихъ соображеніяхъ государственнаго и земскаго хозяйства, возможная опредѣлительность въ правахъ собственности на недвижимыя имущества всѣхъ классовъ и сословій безъ изъятія, точныя и вѣрныя свѣдѣнія о каждомъ изъ такихъ имуществъ, какой бы цѣнности оно ни было, условія въ которыхъ ощущается самая настоятельная потребность. Но цѣль эта едва ли можетъ быть достигнута при дальнѣйшемъ существованіи порядка при которомъ въ каждомъ уѣздѣ значительная часть недвижимой собственности, находящаяся въ рукахъ мелкихъ владѣльцевъ. будетъ оставаться безъ надлежащаго укрѣпленія, въ условіяхъ столько же невыгодныхъ для спокойнаго и безспорнаго владѣнія ею, сколько для экономическихъ и административныхъ интересовъ страны.

Перейдемъ теперь къ дѣламъ о недвижимой собственности *спорнаго* свойства. Не представляется ли возможнымъ передать нѣкоторую ихъ часть въ вѣдомство мировыхъ установленій, безъ особаго въ то же время ихъ отягощенія?

При устройствѣ порядка охранительнаго судопроизводства на основаніяхъ нами указанныхъ, значительнѣйшая доля труда по этой части легла бы, какъ мы сказали, на особаго при съѣздѣ спеціальнаго мироваго судью. Занятія участковыхъ мировыхъ судей хотя и увеличились бы отъ этого нѣсколько, но далеко не въ той степени чтобъ у нихъ не оставалось свободнаго времени съ избыткомъ. Поэтому можно смѣло сказать что они не были бы чрезмѣрно отягощены, еслибъ имъ были переданы еще нѣкоторыя дѣла о недвижимой собственности спорнаго свойства, напримѣръ тѣ цѣна которыхъ не превышала бы 500 руб. Что касается вопроса о компетентности или некомпетентности въ нихъ мировыхъ установленій, то онъ отчасти былъ уже нами разсмотрѣнъ выше. Теперь намъ остается добавить еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

въ строгую обязанность не допускать владѣнія недвижимою собственностію безъ купчихъ крѣпостей, бываетъ въ затрудненіи какъ смотрѣть на владѣльцевъ пріобрѣтающихъ недвижимое имущество путемъ тѣхъ сдѣлокъ.

Digitized by Google

Въ гражданскихъ дѣлахъ подсудныхъ нынѣ общимъ судебнымъ мѣстамъ, различается, какъ извѣстно, два отдѣльные порядка судопроизводства: „*обыкновенный*, въ которомъ, какъ сказано въ мотивированныхъ судебныхъ уставахъ, письменныя объясненія тяжущихся обязательны, и *сокращенный*, гдѣ письменная подготовка хотя и можетъ быть допущена, но не обязательна, и рѣшенія суда могутъ быть основаны на одномъ только словесномъ состязаніи тяжущихся“ (Уст. гр. суд. мот. изд. стр. 191). Замѣтимъ прежде всего что это опредѣленіе не даетъ вполнѣ точнаго понятія о первомъ изъ этихъ двухъ порядковъ—обыкновенномъ. Буквальный текстъ этого опредѣленія можетъ давать поводъ къ предположенію что обыкновенный порядокъ безъ письменной подготовки существовать не можетъ. Многіе, которымъ неизвѣстно въ точности что̀ именно разумѣется въ этомъ случаѣ подъ письменною подготовкой, могутъ составить себѣ понятіе о ней какъ о весьма сложномъ трудѣ, выполненіе котораго лежитъ на обязанности самихъ судей. Съ этой точки зрѣнія можетъ показаться что между обыкновеннымъ порядкомъ судопроизводства и порядкомъ сокращеннымъ, а тѣмъ болѣе между первымъ изъ нихъ и разборомъ дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ, существуетъ дѣйствительно огромная разница, и что поэтому гражданскія дѣла производящіяся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ никакъ не могутъ быть доступными для мировой практики, гдѣ господствуетъ исключительно словесно-состязательный порядокъ. Но посмотримъ такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Подъ письменною подготовкой въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, по дѣламъ гражданскимъ, разумѣется не что̀ иное какъ предшествующая словеснымъ состязаніямъ письменная инструкція дѣла, заключающаяся въ четырехъ извѣстныхъ состязательныхъ бумагахъ: исковомъ прошеніи, отвѣтѣ, возраженіи и опроверженіи. Въ этихъ четырехъ бумагахъ, съ приложенными къ нимъ актами и документами, состоитъ та письменная подготовка о которой идетъ рѣчь. Трудъ по изложенію этихъ бумагъ и собранію всѣхъ письменныхъ доказательствъ лежитъ слѣдовательно не на судьяхъ, а на самихъ тяжущихся, и выполняется ими внѣ стѣнъ суда, до разбора дѣла въ порядкѣ словесно-состязательнаго процесса. Хотя же въ приведенной дефиниціи сказано что эта письменная подготовка обязательна будто для тяжущихся сторонъ, но это не совсѣмъ правильно и состоитъ въ противорѣчіи какъ съ дѣйствительностію, такъ и съ тѣмъ что̀

Digitized by Google

говорится объ этомъ въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же судебныхъ уставовъ. Такъ на стр. 170 первой ихъ части, вслѣдъ за изложеніемъ сильныхъ доводовъ Борсари, Белло, Бордо и Реньяра, въ пользу начала обязательности письменной инструкціи, по дѣламъ гражданскимъ, мы встрѣчаемъ объясненіе что „при окончательномъ обсужденіи устава признано что подача четырехъ состязательныхъ бумагъ составляетъ право, а не обязанность тяжущихся, и потому каждой сторонѣ нельзя не предоставить отказаться отъ представленія возраженія или опроверженія, еслибъ она считала это излишнимъ и находила для себя достаточнымъ одно словесное на судѣ объясненіе“. Согласно съ этимъ начертаны и положительныя объ этомъ правила, изъ которыхъ видно что значительнѣйшая часть такъ-называемой письменной инструкціи, а именно не только возраженіе и опроверженіе, но и первоначальное объясненіе отвѣтчика предоставлены свободной волѣ тяжущихся и не могутъ поэтому считаться для нихъ обязательными (320 и 321 ст. Уст. гражд. суд.). Вслѣдствіе этого вся письменная подготовка въ окружныхъ судахъ, по гражданскимъ дѣламъ, подобно тому какъ и въ мировыхъ установленіяхъ, можетъ заключаться часто въ одномъ исковомъ прошеніи съ приложенными къ нему актами и документами. Наконецъ, фактъ необязательности письменной инструкціи ни для суда, ни для тяжущихся сторонъ усматривается яснѣе изъ того что всѣ вообще гражданскія дѣла, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, дозволено закономъ, по желанію тяжущихся, производить въ сокращенномъ порядкѣ судопроизводства, гдѣ постановленія о предварительной инструкціи дѣла не имѣютъ строгаго примѣненія. Изъ этихъ общихъ правилъ не сдѣлано никакихъ изъятій и въ отношеніи спорныхъ дѣлъ о недвижимой собственности. Но коль скоро письменная подготовка не поставлена непремѣннымъ условіемъ гражданскаго процесса по дѣламъ этого рода, то не заключается ли въ этомъ признаніе самого законодательства что на практикѣ могутъ встрѣчаться случаи въ которыхъ спорныя дѣла о недвижимой собственности могли бы рѣшаться и не формальнымъ порядкомъ? Но намъ скажутъ что при всемъ томъ обязательность въ этомъ случаѣ не формальнаго разбора могла бы быть стѣснительною для тяжущихся въ томъ отношеніи что они не могли бы пользоваться сроками установленными съ цѣлію предоставленія имъ достаточнаго времени для основательной подготовки. Въ этомъ

Digitized by Google

мы не видимъ серіознаго возраженія. Тяжущіеся вовсе не лишены этой возможности и при разборѣ дѣлъ въ мировыхъ судахъ, такъ какъ въ силу постановленій содержащихся въ 75 и 76 ст. Уст. гр. суд., судамъ этимъ предоставлена обширная власть по отсрочкамъ разбора дѣла, съ цѣлію предоставленія тяжущимся всѣхъ средствъ для ихъ подготовки, не только словесной, но и письменной, чрезъ представленіе въ судъ разныхъ справокъ, актовъ и документовъ. Эти соображенія, въ связи съ изложенными нами выше, относительно присутствія признаковъ простоты выполненія въ дѣлахъ рѣшаемыхъ на основаніи безспорныхъ документовъ, хотя бы эти дѣла касались споровъ о правѣ собственности на недвижимыя имущества или о правѣ владѣнія основанномъ на формальномъ актѣ, убѣждаютъ, кажется, достаточно что на практикѣ не могло бы встрѣтиться никакихъ особыхъ неудобствъ и затрудненій къ передачѣ въ вѣдомство мировыхъ установленій нѣкоторыхъ спорныхъ дѣлъ и этого послѣдняго рода, какъ напримѣръ тѣхъ по которымъ цѣна недвижимаго имущества не превышала бы 500 р. При этомъ не слѣдовало бы, по мнѣнію нашему, дѣлать какое-либо исключеніе, не только для случаевъ въ которыхъ былъ бы заявленъ только споръ о силѣ и значеніи или дѣйствительности акта или документа, съ формальной стороны, но и для тѣхъ гдѣ былъ бы возбужденъ споръ объ ихъ буквальномъ смыслѣ, объ ихъ внутреннемъ значеніи. Въ силу дѣйствующихъ постановленій, разсмотрѣнію мировыхъ установленій по дѣламъ имъ подсуднымъ подлежатъ уже нынѣ всякаго рода акты или документы, не исключая крѣпостныхъ. Вслѣдствіе этого и теперь уже встрѣчаются на практикѣ случаи гдѣ рѣшенія ихъ бываютъ основаны на смыслѣ этихъ актовъ и гдѣ рѣшенія эти, по ихъ существу, далеко нельзя назвать дѣломъ простымъ и несложнымъ. Возьмемъ въ примѣръ первое попавшееся намъ дѣло изъ практики мировой юстиціи, бывшее въ разсмотрѣніи верховнаго кассаціоннаго суда, а именно дѣло крестьянина Семенова съ графиней Ревертеръ. Дѣло это имѣло предметомъ денежную претензію, но такую которая, по случаю перехода имѣнія графини Ревертеръ къ почетной гражданкѣ Шелиой, могла быть разрѣшена только на основаніи крѣпостнаго акта—купчей крѣпости. Крестьянинъ Семеновъ искалъ удовлетворенія за произведенныя по тому имѣнію плотничьи работы и предъявилъ искъ къ графинѣ. Но повѣренный этой послѣдней, съ цѣлію отвода отъ нея

Digitized by Google

иска, сослался на одинъ изъ пунктовъ купчей крѣпости, содержавшій условіе касающееся этого предмета. При этомъ возникъ споръ о настоящемъ смыслѣ этого пункта, и мировыя установленія, рѣшавшія это дѣло, должны были прибѣгнуть къ толкованію этого смысла и рѣшить дѣло на основаніи этого толкованія, согласно съ имѣющимися въ 1й ч. X т. Зак. гражд. общими и подробными постановленіями объ обрядѣ совершенія купчихъ крѣпостей (рѣш. гр. касс. суд. 1869, № 631). Подобные случаи нельзя назвать явленіями рѣдкими въ судебной практикѣ мировой юстиціи, и она должна уже нѣсколько освоиться съ ними. Этому будетъ, конечно, не мало способствовать и нахожденіе въ ея вѣдомствѣ крѣпостной части. Наконецъ, по дѣламъ и искамъ касающимся правъ собственности и правъ владѣнія на недвижимыя имущества, правильность рѣшеній мировыхъ установленій могла бы имѣть совершенно достаточное обезпеченіе въ тѣхъ исключительныхъ гарантіяхъ о которыхъ будетъ сказано ниже.

Передача въ вѣдомство мировыхъ установленій дѣлъ охранительнаго порядка и нѣкоторыхъ спорныхъ дѣлъ о недвижимой собственности облегчила бы значительно окружные суды и отразилась бы тотчасъ благотворно на дѣлахъ гражданскаго оборота мѣстныхъ жителей. Но вмѣстѣ съ этимъ, съ тою же цѣлію, могли бы, по мнѣнію нашему, быть приняты еще нѣкоторыя существенныя мѣры.

Мы сказали уже выше что въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, по дѣламъ гражданскимъ, существуетъ два различные порядка судопроизводства: обыкновенный и сокращенный. Этотъ послѣдній порядокъ, какъ извѣстно, установленъ въ видахъ осуществленія въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, по дѣламъ простѣйшаго свойства и требующимъ спѣшнаго разрѣшенія, той же идеи какая лежитъ въ основаніи учрежденія мировыхъ судебныхъ установленій,—идеи суда скораго и, по возможности, дешеваго. Но опытъ доказываетъ что онъ далеко не достигаетъ своей цѣли. „Какъ ни удобно и легко по судебнымъ уставамъ, сказано въ печатномъ сводѣ замѣчаній за 1868 годъ, производство дѣлъ сокращеннымъ порядкомъ, однакоже, несмотря на это, нельзя не созвать что дѣла и въ семъ порядкѣ производящіяся не скоро достигаютъ своего конца“ (стр. 124). Причина этого, какъ видно изъ тѣхъ же замѣчаній, заключается не только въ чрезмѣрномъ вообще накопленіи дѣлъ въ окружныхъ судахъ, но отчасти и въ

Digitized by Google

органическихъ свойствахъ сокращеннаго порядка судопроизводства. Хотя онъ значительно упрощенъ отмѣной въ немъ правилъ объ обязательной письменной инструкціи, но все онъ отличается отъ формальнаго разбора въ мировыхъ установленіяхъ строгостью обрядовъ и формъ, сопряженныхъ для тяжущихся съ немалыми тратами времени, труда и денегъ.

Въ виду этого, а также того что дѣла рѣшаемыя общими судебными мѣстами обязательнымъ образомъ въ сокращенномъ порядкѣ судопроизводства, если не по цѣнности исковъ, то по ихъ свойству однородны съ тѣми которыя подсудны мировымъ установленіямъ, не представлялось ли бы удобнымъ и полезнымъ подчинить ихъ этимъ послѣднимъ въ возможно большемъ числѣ, чрезъ увеличеніе той нормы которою опредѣляется нынѣ понятіе о малоцѣнномъ искѣ? Само законодательство сознаетъ „что ограниченіе какого-либо права цѣной иска составляетъ законъ *произвольный*, не имѣющій юридическаго основанія: ибо самое понятіе о малоцѣнности иска есть понятіе *относительное*, не связанное ни съ важностію дѣла для тяжущагося, ни съ трудностію разрѣшенія его для суда“ (мотивы подъ 202 ст. Уст. гр. суд.). Норма которою опредѣляется нынѣ подсудность исковъ судебнымъ органамъ низшаго порядка,—мировымъ установленіямъ, не превышаетъ 500 р. Но цифра эта произвольная и могла бы безъ особыхъ затрудненій быть возвышена до 1.000 р. Эта цифра была бы въ половину менѣе той которою опредѣлена подсудность гражданскихъ дѣлъ мировымъ установленіямъ въ Закавказскомъ, напримѣръ, краѣ. Установленіе этой нормы нисколько не измѣнило бы существа и значенія мировыхъ установленій, такъ какъ иски въ 1.000 руб. не могли бы утратить значеніе малоцѣнныхъ, въ сравненіи съ исками подсудными общимъ судебнымъ мѣстамъ. Между тѣмъ этимъ путемъ масса гражданскихъ дѣлъ, обременяющая нынѣ окружные суды, особенно тѣ изъ нихъ которые принадлежатъ къ четвертому разряду, тотчасъ значительно уменьшилась бы, не только безъ вреда, но съ явною пользой для суда и тяжущихся.

Независимо отъ этого высказываются желанія въ пользу передачи мировымъ установленіямъ всѣхъ вообще исковъ по договорамъ и обязательствамъ основаннымъ на безспорныхъ документахъ, то-есть въ пользу той мѣры о которой былъ уже однажды возбужденъ отдѣльный вопросъ въ законодательной области, но которая въ то время безусловно тамъ отвергнута.

Digitized by Google

Разсмотримъ сперва тѣ основанія которыя служили побудительною къ тому причиной.

Судя по даннымъ имѣющимся объ этомъ предметѣ въ мотивированныхъ судебныхъ уставахъ (подъ 352 ст. Уст. гр. суд.), намъ кажется что сказанная мѣра отвергнута съ такою безусловностію преимущественно потому что была предложена не въ надлежащемъ смыслѣ. Она была предложена въ смыслѣ установленія особаго порядка судопроизводства по безспорнымъ актамъ,—порядка который въ существенныхъ чертахъ былъ бы повтореніемъ правилъ судопроизводства по такъ-называемымъ безспорнымъ дѣламъ. Правила эти, какъ извѣстно, давали обширный произволъ полиціи, отъ которой вполнѣ зависѣло признаніе просьбы о взысканіи по безспорному документу дѣломъ спорнымъ или безспорнымъ. Порядокъ этотъ въ то время былъ только-что отмѣненъ. Законодательный актъ установленія точнѣйшихъ основаній относительно разграниченія дѣлъ спорнаго и не спорнаго свойства, былъ только-что выполненъ. Согласно съ этими новыми началами, всѣ дѣла о взысканіяхъ по безспорнымъ документамъ признаны исключительно исковыми и отнесены къ числу дѣлъ спорныхъ, въ отличіе отъ судебныхъ дѣлъ выполняемыхъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства. Понятно что мѣра возстановлявшая прежній порядокъ, мѣра вслѣдствіе которой дѣла по безспорнымъ документамъ должны были бы подлежать вѣдомству мировыхъ установленій, на тѣхъ же основаніяхъ на какихъ они вѣдались полиціей, не могла встрѣтить сочувствія, какъ противорѣчившая кореннымъ началамъ новѣйшаго судоустройства. Но нельзя ли было бы подчинить вѣдомству мировыхъ установленій всѣ вообще иски по договорамъ и обязательствамъ основаннымъ на безспорныхъ документахъ, въ качествѣ дѣлъ спорныхъ? Мѣра эта несомнѣнно имѣла бы послѣдствіемъ еще значительнѣйшее сокращеніе числа дѣлъ въ окружныхъ судахъ. Но намъ кажется, однако, что къ ней нужно отнестись съ нѣкоторою осторожностію. Не говоря о случаяхъ гдѣ споръ былъ бы заявленъ о силѣ и значеніи или дѣйствительности документа, на практикѣ встрѣчаются еще случаи въ которыхъ, несмотря на безспорность документа и малоцѣнность иска, рѣшеніе его является дѣломъ далеко не простымъ, по сложности взаимныхъ претензій, контрактовъ, обязательствъ и счетовъ. Таковы, напримѣръ, иски по спорамъ объ условіяхъ вытекающихъ изъ правъ владѣнія

Digitized by Google

основанныхъ на формальномъ актѣ, по спорамъ о выполненіи различныхъ дѣйствій на основаніи письменныхъ договоровъ, и т. п. Изъ этихъ дѣлъ, цѣнныя имѣли бы, слѣдовательно, кромѣ признака цѣнности, еще признакъ сложности, то-есть соединяли бы въ себѣ два такія признака при существованіи которыхъ отнесеніе дѣла къ вѣдомству судебныхъ органовъ низшаго порядка—мировыхъ установленій—было бы несообразно съ понятіемъ о ихъ существѣ и значеніи и сопряжено, поэтому, съ явнымъ нарушеніемъ коренныхъ основаній судебной реформы. Но въ числѣ дѣлъ о которыхъ мы говоримъ, есть такія которыя, несмотря на сумму иска, имѣютъ свойство всегда оставаться простыми и не сложными, по выполненію. Таковы всѣ иски о взысканіяхъ по заемнымъ письмамъ и векселямъ. Здѣсь разчетъ платежа весьма простъ, и разборъ дѣла заключается преимущественно или въ склоненіи сторонъ къ миру, или въ постановленіи краткаго рѣшенія о немедленномъ удовлетвореніи кредитора по безспорному документу. Передача этихъ дѣлъ въ вѣдомство мировыхъ установленій, безъ ограниченія суммы иска, была бы мѣрой которая нисколько не состояла бы въ противорѣчіи съ основными началами судебной реформы, ибо на основаніи этихъ началъ, существо и значеніе двухъ нынѣшнихъ порядковъ судебныхъ органовъ опредѣляются, по нашему мнѣнію, не только понятіемъ о дѣлахъ цѣнныхъ и сложныхъ, съ одной стороны, малоцѣнныхъ и простыхъ, съ другой стороны, но также понятіемъ о каждомъ изъ этихъ признаковъ въ отдѣльности.

Перейдемъ теперь къ вопросу который, въ ряду соображеній касающихся настоящаго предмета, можетъ показаться серіознѣе всѣхъ, — вопросу о гарантіяхъ какія будутъ представлять мировые съѣзды, какъ вторыя и окончательныя инстанціи по дѣламъ о недвижимой собственности спорнаго и неспорнаго свойства. Онъ дѣйствительно весьма существенъ, но разрѣшеніе его не представляетъ, кажется, тоже особыхъ затрудненій. Нужно вспомнить общее правило, что важность дѣла не всегда зависитъ отъ его цѣнности или сложности. Въ числѣ гражданскихъ дѣлъ есть такія которыя нуждаются въ особенномъ правительственномъ попеченіи, независимо отъ этихъ двухъ условій. Къ такимъ дѣламъ, въ вѣдомствѣ мировыхъ установленій, отнесены теперь дѣла лицъ не достигшихъ совершеннолѣтія, глухонѣмыхъ, умалишенныхъ, казеннаго управленія, земскихъ учрежденій, городскихъ и

Digitized by Google

сельскихъ обществъ и дѣла сопряженныя съ вопросами о подсудности. По этимъ дѣламъ, представляющимъ неоспоримую важность, признано нужнымъ оградить правильность рѣшенія участіемъ въ ихъ разборѣ лицъ прокурорскаго надзора, какъ юристовъ по преимуществу, какъ лицъ несомнѣнно способныхъ пролить свѣтъ на вопросы матеріальнаго и процессуальнаго права и оградить законъ отъ его неправильнаго примѣненія. Эта существенная гарантія признается вполнѣ достаточною для вышесказанныхъ дѣлъ. Почему же эти же самая гарантія не могла бы быть признана достаточною по дѣламъ о недвижимой собственности спорнаго и неспорнаго свойства? Мы не будемъ утверждать что въ ряду гражданскихъ дѣлъ обсуждаемыхъ и рѣшаемыхъ нынѣ въ съѣздахъ мировыхъ судей были бы дѣла по существу болѣе важныя, чѣмъ рѣшеніе спорнаго вопроса о правахъ на недвижимую собственность, такой даже цѣнности которая не превышала бы 500 р. Но выразимъ крайнее сомнѣніе чтобы въ вѣдомствѣ мировыхъ установленій не было теперь дѣлъ болѣе сложныхъ. Таковы только-что указанныя дѣла сопряженныя съ казеннымъ и общественнымъ интересомъ и интересами малолѣтнихъ, глухонѣмыхъ и умалишенныхъ. Что проще—рѣшить ли одно изъ подобныхъ дѣлъ, хотя бы по малоцѣнному иску, но имѣющему предметомъ какой-либо сложный споръ, или же выполнить дѣйствіе въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, такого рода, какъ утвержденіе крѣпостнаго акта, или выдача исполнительнаго листа на вводъ во владѣніе, или утвержденіе въ правахъ наслѣдства по документамъ ни кѣмъ не оспариваемымъ, или совершеніе раздѣла наслѣдственнаго имущества, на которое права наслѣдниковъ тоже ни кѣмъ не оспариваются и наличность котораго приведена въ полную извѣстность, или предоставленіе правъ выкупа родоваго имущества или удостовѣреніе въ безвѣстномъ отсутствіи? Всѣ эти дѣйствія имѣютъ, преимущественно, обрядовое, формальное значеніе, тогда какъ рѣшеніе каждаго иска, какой бы цѣнности онъ ни былъ, имѣетъ всегда значеніе процесса болѣе или менѣе усложненнаго спорами и взаимными претензіями тяжущихся сторонъ. Что проще, что требуетъ болѣе гарантій,—рѣшеніе ли иска который, хотя и не имѣетъ предметомъ недвижимую собственность, но касается интересовъ вышепомянутыхъ вѣдомствъ, обществъ и лицъ и не основанъ на безспорныхъ документахъ, или же рѣшеніе спора о малоцѣнной недвижимости, между частными

Digitized by Google

лицами достигшими зрѣлаго возраста, по представленнымъ ими безспорнымъ на нее документамъ? Если законодательствомъ признано возможнымъ ввѣрить мировой юстиціи, по исковымъ дѣламъ и тяжбамъ, участь лицъ лишенныхъ возможности личной защиты на судѣ, подъ условіемъ вмѣшательства въ эти дѣла прокурорскаго надзора, то почему подобное обезпеченіе не было бы достаточнымъ въ дѣлахъ сравнительно менѣе сложныхъ и касающихся правъ такихъ тяжущихся которые не нуждаются въ опекѣ и пользуются всѣми способами личной защиты на судѣ? Намъ кажется, поэтому, что отнесеніе дѣлъ о недвижимой собственности которыя были бы подсудны мировой юстиціи къ разряду поименованныхъ въ 179 ст. Уст. гр. суд., то-есть тѣхъ по которымъ требуется предварительное заключеніе лицъ прокурорскаго надзора, было бы вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ для правильнаго хода этихъ дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ, особенно если принять во вниманіе что при этомъ всегда будутъ существовать двѣ другія могущественныя гарантіи: гласный порядокъ судопроизводства и собственный интересъ мировыхъ судей, какъ мѣстныхъ владѣльцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія что съ подобнымъ расширеніемъ круга дѣйствій мировыхъ установленій увеличились бы нѣсколько и дѣла съѣздовъ. Но отягощенія ихъ чрезмѣрнымъ количествомъ дѣлъ едва ли можно было бы опасаться. Накопленіе дѣлъ въ съѣздахъ, какъ высшей въ мировомъ округѣ инстанціи, можетъ быть послѣдствіемъ частыхъ жалобъ на суды первой степени—мировыхъ судей. Но жалобы эти, собственно по дѣламъ о недвижимой собственности, спорнаго и не спорнаго свойства, устранялись бы условіемъ основательнаго знакомства мировыхъ судей, въ ихъ мировомъ округѣ, съ различными видами этой собственности и различнымъ характеромъ владѣнія ею. Поэтому, со введеніемъ сказанныхъ преобразованій, едва ли потребовалось бы даже увеличеніе числа очередныхъ съѣздовъ мировыхъ судей. Все что могло бы послѣдовать въ этомъ отношеніи, это то что очередные съѣзды не могли бы быть откладываемы, по недостатку дѣлъ, какъ это нерѣдко случается теперь, и что мировымъ судьямъ, прибывшимъ къ засѣданію съѣзда, пришлось бы остаться тамъ, гдѣ онъ собирается, какой-нибудь лишній день.

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно что указаннымъ нами путемъ, нѣкоторыя существенныя улучшенія въ нынѣшнемъ

Digitized by Google

судоустройствѣ, съ цѣлію облегченія окружныхъ судовъ и возможно-большаго приближенія суда къ мѣстному населенію, могли бы быть достигнуты, безъ произведенія какихъ-либо коренныхъ преобразованій въ основныхъ началахъ судебной реформы. Степень власти и кругъ вѣдомства мировыхъ установленій подверглись бы, конечно, нѣкоторымъ измѣненіямъ, но существо и значеніе судебныхъ органовъ этого порядка остались бы неприкосновенными.

Н. ГРАДОВСКІЙ.

Digitized by Google

ИЗЪ СОБЫТІЙ НА КАВКАЗѢ

НАБѢГИ ШАМИЛЯ ВЪ 1843 ГОДУ.

I.

Осенью 1842 года, послѣ посѣщенія Кавказа военнымъ министромъ графомъ А. И Чернышевымъ, получено было повелѣніе пріостановить экспедиціи на два года.

Быстро разнеслась молва объ этомъ въ горахъ, и мы ожидали благотворныхъ послѣдствій, надѣясь что общества Андійцевъ, Акушинцевъ и Цудохаринцевъ, которыя вели съ нами торговлю, воспрещенную на время Шамилемъ, войдутъ въ сношенія съ нами, какъ равно и сосѣднія имъ племена, и наконецъ поймутъ что миръ для нихъ выгоднѣе вражды съ нами.

Но Шамиль, котораго сила заключалась въ войнѣ, думалъ иначе, и въ непродолжительномъ времени получено было въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ извѣстіе командующимъ въ сѣверномъ нагорномъ Дагестанѣ войсками генералъ-майоромъ Ф. К. Клюки фонъ-Клугенау что Шамиль отдалъ приказъ наибамъ: „Исправить оружіе, подковать лошадей и быть готовыми къ сбору“.

Вскорѣ получено было другое извѣстіе что Шамиль сзывалъ наибовъ и показывалъ имъ пергаментный листъ съ печатями, полученный будто отъ Турецкаго султана, который удостовѣрялъ на этомъ пергаментѣ что весной прибудетъ де съ большимъ войскомъ на помощь Шамилю.

Digitized by Google

Шамиль дѣйствительно собралъ скопище въ началѣ весны, но, приведя въ повиновеніе нѣкоторыя горныя общества не признававшія его власти и взявъ дѣтей почетныхъ лицъ въ аманаты, вскорѣ распустилъ его.

Въ началѣ августа 1843 года, стали вновь приноситься свѣдѣнія лазутчиками что Шамиль опять собираетъ горцевъ въ весьма значительныхъ силахъ, съ которыми хочетъ сдѣлать набѣгъ въ Аварію, завоеванную въ 1833 году генераломъ Фе-з и съ того времени подвластную русскому оружію.

Затѣмъ получались разнорѣчивыя извѣстія: согласно однимъ, Шамиль намѣренъ напасть на Койсубу и Унцукуль; по другимъ, онъ пойдетъ на встрѣчу султану; тутъ приходило извѣстіе что Шамиль намѣренъ уничтожить выстроенное въ 1842 году на лѣвомъ флангѣ Дагестана укрѣпленіе Ойсунгуръ; тамъ доносили что пойдетъ на укрѣпленіе Гергебиль, что нападетъ на Кизляръ; иные наконецъ утверждали что нападетъ на Темиръ-Ханъ-Шуру. Воинскій же начальникъ Хунзаха въ Аваріи донесъ что Шамиль собралъ большое скопище для наказанія возмутившагося противъ него одного изъ горныхъ обществъ.

Мы были сбиты разнорѣчивыми извѣстіями и не безъ опасенія ожидали нападенія.

Въ самомъ дѣлѣ было о чемъ подумать. Свѣдѣнія объ увеличивающемся скопищѣ росли безпрерывно, тогда какъ небольшія силы наши расположены были въ 28 мѣстахъ, удаленныхъ одно отъ другаго, и ни одно изъ нихъ не могло быть оставлено безъ защиты.

Наконецъ Шамиль ринулся съ 13тысячными силами, при двухъ горныхъ орудіяхъ, въ Койсубулинское общество, и 26го августа обложилъ Унцукульскій фортъ и аулъ Унцукуль, въ 70 верстахъ отъ Шуры.

Въ Шурѣ получено было объ этомъ свѣдѣніе ночью 27го августа, а 28го три баталіона Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Николая Ивановича Евдокимова, * 100 саперъ и 20 человѣкъ военно-рабочей роты шли уже по дорогѣ къ Унцукулю. 3му баталіону Кабардинскаго егерскаго полка приказано было соединиться съ баталіонами форсированнымъ маршемъ.

Аулъ Унцукуль состоялъ почти изъ 500 дворовъ или саклей и поголовно могъ вооружить до 1.000 человѣкъ. Надъ Унцукулемъ

* Нынѣ генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи и графъ.

господствовалъ фортъ названный Унцукульскимъ. Въ немъ была 7я рота Мингрельскаго егерскаго полка, въ составѣ 100 человѣкъ, подъ командой поручика Аносова.

Въ 1840 году жители аула Унцукуль выдали русскимъ властямъ нѣсколькихъ мюридовъ, подосланыхъ Шамилемъ взбунтовать аулъ, и съ того времени Шамиль, какъ говорили, грызъ зубы на Унцукуль и грозился истребить въ немъ всѣхъ до единаго, почему жители соединились съ Аносовымъ и рѣшились биться на смерть.

Этотъ случай съ выданными мюридами чуть было не лишилъ Кавказъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ его дѣятелей въ послѣдствіи.

Начальникомъ Койсубулинскаго общества, большаго по численности и буйнаго по характеру, былъ тогда въ чинѣ еще штабсъ-капитана Николай Ивановичъ Евдокимовъ. Провѣдавъ о намѣреніи Шамиля возмутить Койсубу, онъ собралъ старшинъ въ Унцукулѣ и объяснивъ имъ что правительству извѣстны эти намѣренія, предложилъ наблюдать за подосланными мюридами, съ тѣмъ чтобы выдать ихъ.

Сходъ народа, любопытнаго ко всѣмъ распоряженіямъ русскаго начальства, былъ большой, и лишь только высказано было предложеніе, какъ вдругъ какой-то горецъ, выскочившій изъ толпы, въ одинъ прыжокъ очутился сзади Николая Ивановича и прокололъ его кинжаломъ.

Отпрянуть, почувствовавъ ударъ, который сообщается тѣлу какъ бы обжогъ горячею водой, выхватить шашку, обернуться къ врагу и срубить его, какъ говорятъ на Кавказѣ, было дѣломъ мгновенія. Разрубленный наискось отъ плеча до средины груди рухнулъ горецъ, намѣчавшій уже новый ударъ; Николай же Ивановичъ, зашатавшійся отъ брыжжущей фонтаномъ крови изъ его бока, былъ подхваченъ старшинами и отнесенъ въ квартиру.

Благодаря судьбѣ хранившей его, сквозная рана не была смертельною. Старшины въ тотъ же день разыскали всѣхъ подосланныхъ мюридовъ и выдали ихъ; а Унцукульцы, закаленные въ бояхъ и разбояхъ, не могли налюбоваться ударомъ, смотря на разрубленнаго собрата.

Обращаюсь къ описываемымъ событіямъ.

Между тѣмъ въ 18 верстахъ отъ Унцукуля, въ укрѣпленіи Цатаныхъ, построенномъ на обрывѣ горы Арахтау, параллельно съ которою верстахъ въ 20 возвышалась гора Гунибъ, гдѣ

Digitized by Google

Шамиль взятъ княземъ Барятинскимъ въ 1859 году, произошло слѣдующее:

Воинскій начальникъ Цатаниха, подполковникъ Веселитскій, не зная о блокадѣ Унцукуля, уѣхалъ 26го числа къ 3й и 4й гренадерскимъ ротамъ Апшеронскаго полка, рубившимъ лѣса подъ его наблюденіемъ, за 26 верстъ, для казармъ Цатанихскаго укрѣпленія, оставивъ въ немъ помощника своего майора Грабовскаго.

Получивъ 27го числа извѣстіе о нападеніи Шамиля на Унцукуль, Грабовскій тотчасъ составилъ военный совѣтъ изъ офицеровъ бывшихъ въ Цатанихѣ.

Резервной № 2й батареи прапорщикъ Потемкинъ, пылкій и образованный молодой человѣкъ, подалъ голосъ: „Идти на выручку". Мингрельскаго егерскаго полка капитаны Лисовскій и Штука одобрили, а Грабовскій утвердилъ ихъ мнѣніе и немедленно, сдавъ должность свою надежному офицеру, выступилъ изъ Цатаниха съ 3ю карабинерною и двумя линейными ротами при двухъ горныхъ орудіяхъ.

Извѣстившись о блокадѣ Унцукуля, подполковникъ Веселитскій спѣшилъ въ Цатанихъ и не доѣзжая восьми верстъ до него встрѣтилъ отрядъ Грабовскаго. Разспросивъ о причинѣ движенія и имѣя свѣдѣніе объ огромныхъ силахъ Шамиля, Веселитскій, принявъ начальство надъ ротами, счелъ благоразумнымъ повести ихъ обратно въ Цатанихъ.

Тогда Грабовскій подошелъ къ нему и насмѣшливо спросилъ: „Не другое ли какое чувство заставляетъ его укрыться въ Цатанихѣ?"

Веселитскій остановилъ роты, созвалъ офицеровъ, объяснилъ имъ вопросъ Грабовскаго и спросилъ: „Раздѣляютъ ли они мнѣніе о немъ Грабовскаго?"

Офицеры, прельщенные мыслію быть избавителями погибающихъ братьевъ и увлеченные героизмомъ пробиться сквозь 18тысячнаго непріятеля, молчали.

— Вижу, господа, сказалъ Веселитскій,—какого вы обо мнѣ мнѣнія, но я оправдаю себя. „Налѣво кругомъ", скомандовалъ онъ и повелъ отрядъ къ непріятелю.

Офицеры схватили Веселитскаго и понесли его съ крикомъ *ура*. Солдаты раздѣляли энтузіазмъ ихъ.

Веселитскій тотчасъ же расположилъ отрядъ бивуаками и, отправивъ Потемкина въ Цатанихъ за другимъ комплектомъ

Digitized by Google

снарядовъ, послалъ приказъ къ 3й и 4й гренадерскимъ ротамъ чтобъ онѣ прибыли къ нему форсированнымъ маршемъ.

Въ полдень 28го числа прибыли роты и привезены были снаряды. Составъ отряда Веселитскаго былъ слѣдующій: штабъофицеръ майоръ Грабовскій, 3я гренадерская рота подъ командой капитана Шульца и 4я гренадерская поручика Вульфа, подпоручикъ Плещеевъ и прапорщикъ Ермаковскій, 13 унтеръофицеровъ и 209 рядовыхъ въ обѣихъ ротахъ. 3ю Карабинерною командовалъ капитанъ Лисовскій. Капитанъ Штука, поручикъ и подпоручикъ фамиліи которыхъ забылъ я, но знаю что оба они Мингрельскаго полка, примкнули къ отряду охотниками. Въ ротѣ было восемь унтеръ-офицеровъ и 111 рядовыхъ. Вторая Грузинская № 13 рота, подъ командой прапорщика Соколова, имѣла шесть унтеръ-офицеровъ и 117 рядовыхъ. Всего въ отрядѣ было: штабъ-офицеровъ два, оберъ-офицеровъ десять, унтеръ-офицеровъ 27, рядовыхъ 437 и резервной № 2 батареи два десяти-фунтовыхъ горныхъ единорога съ прислугой и двойнымъ комплектомъ снарядовъ при прапорщикѣ Потемкинѣ.

Въ три часа пополудни отрядъ пришелъ къ спуску въ Койсубулинскую долину, гдѣ посрединѣ ея, но по высотѣ горы какъ бы подъ ногами отряда, неслась бѣшеная и глубокая, саженъ въ 50 шириной, Аварская рѣка Койсу, къ берегу которой прижался аулъ и фортъ Унцукульскій.

Страшный четырехверстный спускъ вился зигзагами съ обвала горы въ верстѣ отъ деревни Харачинъ, гдѣ майоръ Коссовичъ былъ съ двумя ротами. Спускъ назывался Харачинскими воротами. Одна эта мѣстность признавалась возможною для спуска въ долину, и при всемъ томъ первый неосторожный шагъ могъ увлечь путника внизъ съ горы, имѣющей болѣе версты въ перпендикулярѣ. Но къ сумеркамъ отрядъ спустился благополучно при помощи веревокъ, за которыя удерживали лафеты, и вьючныхъ сѣделъ, на коихъ перевозятся горныя орудія снимаемыя съ лафетовъ, и укрывшись въ тѣснинѣ, выслалъ секреты предъ собою. До Унцукула оставалось около четырехъ верстъ.

Веселитскій, Грабовскій и всѣ офицеры, кромѣ капитана Шульца, были въ восторженномъ состояніи духа. Раздавъ отряду по доброму стакану вина, усѣвшись въ кружокъ, они пировали. Одинъ Шульцъ не принималъ участія, и еще по прибытіи къ Веселитскому изъ Ирганайскаго лѣса,

Digitized by Google

доказывалъ что слишкомъ рискованно идти въ средину непріятеля въ 26 разъ сильнѣйшаго. Отрядъ дремалъ. Офицеры всю ночь не смыкали глазъ. Слышны были оклики непріятельскіе и ржаніе лошадей.

Предъ разсвѣтомъ Веселитскій тихо поднялъ отрядъ и осторожно сталъ подвигаться къ Унцукулю.

Ни выстрѣла, ни звука съ стороны непріятеля. Притая дыханіе, отрядъ былъ уже на полтора пушечныхъ выстрѣла отъ Унцукуля. Еще десять минутъ, и Унцукуль будетъ поддержанъ храбрымъ баталіономъ Веселитскаго. Вотъ проходитъ онъ последнюю уже дефилею. Разсвѣтъ забрезжилъ и видны стали сады унцукульскіе. Вдругъ изъ-за ближайшаго возвышенія поднялся непріятель, сдѣлалъ страшный залпъ и съ гикомъ и визгомъ ринулся на отрядъ Веселитскаго.

Только по выстрѣлу изъ каждаго единорога успѣлъ дать Потемкинъ. Одинъ общій залпъ ружей нашего отряда успѣлъ отвѣтить на изступленные вопли горцевъ. Огромная масса ихъ сдавила маленькій отрядъ нашъ въ тѣснотѣ дефилеи. Въ 20 минутъ его не существовало!

Такъ 29го августа, въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, мгновенно погибъ цѣлый баталіонъ воиновъ!

Шамиль былъ въ восторгѣ. Стрѣляя въ теченіи трехъ дней по Унцукулю, онъ повредилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ стѣны укрѣпленія, но Унцукульцы стояли твердо, безпрерывно сообщались съ фортомъ и брали оттуда порохъ. Штурмы мюридовъ были удачно отражены фортомъ и Унцукульцами. Пристыженный стойкостью защитниковъ, смѣявшихся надъ его огромными силами, отчаявшись въ успѣхѣ, а главное выпустивъ почти всѣ снаряды, Шамиль думалъ уже отступить отъ Унцукуля и перенесь свой лагерь на Бетлинскую гору, чрезъ которую долженъ былъ возвращаться, какъ вдругъ лазутчики увѣдомили его о спускѣ въ долину русскаго отряда. Шамиль поспѣшилъ принять всѣ мѣры, и теперь надменный неожиданною удачей, пріобрѣтя два орудія съ двойнымъ комплектомъ снарядовъ и порохъ болѣе чѣмъ въ 50.000 патроновъ, принялся дѣятельно за уничтоженіе Унцукуля.

Такъ начался памятный набѣгъ Шамиля, разлившій мятежъ по всему Дагестану, продолжавшійся до конца 1843 года, въ теченіи какого времени войска наши понесли небывалыя потери, о которыхъ разскажу послѣдовательно.

Обвинять ли Веселитскаго, Грабовскаго и всѣхъ другихъ въ

Digitized by Google

неблагоразумной отвагѣ? Кто не знаетъ что удача на Кавказѣ только и пріобрѣталась отвагой? Не самъ ли генералъ Клугенау, схвативъ три роты Апшеронскаго полка, бросился съ ними подъ селеніе Ишкарты, въ 1840 году, на 10тысячнаго непріятеля подъ командой того же Шамиля, гдѣ весь почти крошечный отрядъ генерала былъ переран енъ, гдѣ чудомъ спасся онъ, но принудивъ Шамиля отступить, пресѣкъ разливавшееся по всему Дагестану возстаніе? Не вся ли жизнь Франца Карловича Клугенау была одна безпрерывная отвага? Не онъ ли избралъ разъ охотника офицера и только 12 рядовыхъ, которыхъ предъ разсвѣтомъ спустилъ на веревкахъ въ глубь Аймякинскаго ущелья, между ауломъ Аймяки и мюридами, охранявшими въ огромномъ количествѣ входъ въ ущелье; и когда тѣ 13 молодцовъ, открывъ огонь по аулу, подняли тревогу, изумленные защитники воротъ ущелья въ смятеніи бросились на защиту аула, недоумѣвая какъ могли попасть туда Русскіе,— не онъ ли съ шашкой наголо впереди конвоя, посадивъ заранѣе часть пѣхоты за кавалеристовъ, не далъ опомниться Аймякинцамъ и взялъ аулъ съ ничтожною потерей? Развѣ не разгуливали среди отряда потомъ эти 13 храбрецовъ, не получившихъ царапины?

Разчетъ цатанихскихъ героевъ былъ вѣренъ. Съ жителями Унцукуля и ротой Аносова они составили бы полторы тысячи человѣкъ отчаянныхъ храбрецовъ, а нравственное и единодушное сіяніе поравняло бы силы ихъ съ силами Шамиля, собранными большею частію поневолѣ. У Шамиля оказывался уже недостатокъ въ снарядахъ. Въ шайкѣ его, всегда надмевающейся удачею и падающей духомъ при неудачѣ, обнаруживалось уже колебаніе, почему Шамиль, готовясь къ отступленію, и перенесъ лагерь свой на Бетлинскую гору. Пройди Веселитскій въ Унцукуль, и успѣхъ былъ бы полный, толпы Шамиля разсѣялись бы, и какая слава покрыла бы весь отрядъ Веселитскаго! Но судьбы опредѣлили иначе. Еслибы зналъ Веселитскій что̀ происходитъ въ лагерѣ Шамиля, то можетъ-быть онъ и подождалъ бы спускаться въ глубь долины, не рисковалъ бы сомнительнымъ успѣхомъ, но что̀ прикажете дѣлать, когда офицеры чуть не обвиняли его въ трусости, а солдаты кипѣли восторгомъ когда ихъ повели въ дѣло?

Обвиняли Веселитскаго почему онъ не пошелъ прямо въ Унцукуль, спустившись съ горы; тогда въ отрядѣ Шамиля не знали бы о его диверсіи, и засады не было бы; но все видно

Digitized by Google

тогда когда сдѣлается видно. А какъ бы обвинили его, еслибъ онъ, не давъ отдыха отряду, утомленному отъ чрезвычайныхъ усилій при шестичасовомъ спускѣ съ горы, повелъ его тотчасъ къ многочисленному непріятелю? Развѣ не было бы это рискомъ, который палъ бы на него сильнѣйшимъ обвиненіемъ при неудачной встрѣчѣ съ непріятелемъ? Притомъ спадала ночь, а кто не знаетъ какъ сильно боязнь чертей, мертвецовъ бродящихъ, лѣшихъ, домовыхъ и вѣдьмъ, съ дѣтства проникла въ кровь почти каждаго простолюдина? Развѣ не припомнили бы тогда, какъ при свѣтѣ аула Голотль, горящаго отъ нашей артиллеріи, его защитники, раздѣвшись совершенно, съ шашкой на плечѣ и кинжаломъ въ зубахъ, переплывали черезъ рѣку и выходили на берегъ какъ мертвецы для боя съ живыми? Какъ дрогнулъ тогда отрядъ, готовый уже къ слѣдованію для нападенія на другой аулъ, и какъ эти же самые мертвецы въ числѣ полутораста человѣкъ, тревожили большой отрядъ русскій въ продолженіе всей ночи, разливая панику между войскомъ!

Жители Унцукуля первые поражены были извѣстіемъ объ истребленіи отряда и упали духомъ. Храбрый Аносовъ и рота его поникли головами; но жива была отвага въ сердцѣ русскаго человѣка.

Повсюду раздавались выстрѣлы въ толпахъ и шайкахъ Шамиля, въ знакъ торжества. Ряды ихъ перемѣшались. Знатная новость облетѣла все скопище. На Унцукуль смотрѣли уже какъ на взятую добычу. По въ это время внезапно грянули сотни выстрѣловъ. И тутъ и тамъ рядами распростерлись на землѣ горцы, а изъ ближайшихъ виноградниковъ поручикъ Аносовъ, во главѣ 500 человѣкъ изъ унцукульскихъ жителей и части своей роты, съ ужасающимъ военнымъ кликомъ, какъ лавина упалъ на горцевъ.

Ошеломленные, обезумѣвшіе горцы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, искали спасенія въ бѣгствѣ. 200 конныхъ Унцукульцевъ разили бѣгущихъ. Аносовъ сыпалъ дождь пуль, преслѣдуя ихъ, но замѣтивъ густыя массы конныхъ горцевъ, спускавшихся съ Бетлинской горы на помощь своимъ, велѣлъ ударить отбой и возвратился въ Унцукуль съ отрядомъ мстителей за Веселитскаго, почти безъ потери, успѣвъ подобрать своихъ убитыхъ и раненыхъ. Изъ шайки Шамиля выбыло до 800 человѣкъ, по свѣдѣніямъ чрезъ самихъ горцевъ.

Такъ отпраздновалъ тризну по своимъ братьямъ того же 29го августа, черезъ два часа по ихъ избіеніи, храбрый поручикъ Аносовъ.

Digitized by Google

II.

Того же 29го августа, въ три часа ночи, генералъ Клугенау выѣхалъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры со своимъ штабомъ. Нѣсколько сотенъ донскихъ и уральскихъ казаковъ и 500 человѣкъ конной милиціи составляли конвой генерала, и всегда храбрый, всегда рѣшительный, весело разказывалъ онъ о своихъ удачахъ надъ партіями Шамиля, припоминая и Ишкартинское дѣло.

Обойдя семиверстный крутой подъемъ на Тавлинскую гору и еще болѣе крутой шестиверстный спускъ съ нея, мы пріѣхали къ Бурундукъ-Кальской башнѣ по прекрасной дорогѣ, вновь устроенной отъ послѣдняго перевала чрезъ небольшую гору за Малыми Казанищами. Дорога эта, проведенная чрезъ довольно широкій перерывъ горы, распавшейся въ иныхъ мѣстахъ на полверсты, даетъ до Бурундукъ-Кале около семи верстъ лишнихъ, но за то устраняетъ подъемъ и спускъ съ горы, трудные для войскъ и артиллеріи. Мѣста гдѣ пролегаетъ дорога чрезвычайно живописны: это почти безпрерывный садъ окаймленный каменными и заросшими лѣсомъ утесами, то нависшими надъ дорогой, то отступившими на значительное пространство, а по всему лону излучистой долины бѣжитъ студеный, свѣтлый и быстрый потокъ, бросаясь отъ одного утеса къ другому. Черезъ потокъ вездѣ перекинуты красивые и прочные мостики. Растительность великолѣпная, прохлада живящая и рѣдко гдѣ проглянетъ въ ущелье это лучъ солнца. На половинѣ дороги построенъ изъ тесанаго дикаго камня домикъ въ родѣ кордегардіи, съ постояннымъ жильемъ для 6 или 8 человѣкъ солдатъ, и большою комнатой для отдыха проходящихъ командъ. Устройство этой дороги принадлежитъ генералу Клугенау.

Подлѣ башни Бурундукъ-Кале былъ роздыхъ. Отъ самой башни, которою командуютъ Тавлинскія высоты, сзади начинается крутой, но небольшой, саженъ на 60, спускъ въ ущелье, ведущее къ деревнѣ Ирганай и называющееся Ирганайскимъ. Безлѣсное ущелье это, стѣсненное сплошными утесами, простирается на 14 верстъ, и изъ него, при намѣренной порчѣ подъема къ Бурундукъ-Кальской башнѣ, она неприступна. Засѣвъ на утесѣ, врѣзавшемся въ ущелье отвѣсною высотой, можно командовать

Digitized by Google

прилегающими высотами къ ущелью, и выходъ изъ него къ башнѣ сдѣлать невозможнымъ. Все ущелье идетъ въ скалахъ, ни одного деревца, но безпрестанно пересѣкается извивающимся ручейкомъ до самаго Иргиная, подъ которымъ кипитъ Аварская Койсу, составляющая рукавъ рѣки Сулака. Дорога обдѣлана прекрасно и удобна для 12фунтовыхъ орудій. Всѣ 14 верстъ идутъ значительною покатостію, скалы вдругъ исчезаютъ по обѣ стороны, какъ бы проваливаясь, и является широкая волнистая долина, на которой видите большой аулъ Иргинай, окруженный прекрасною зеленью плодовитыхъ садовъ, а въ трехъ верстахъ отъ Иргиная прилегшее къ широкому и ровному берегу Койсу укрѣпленіе Зиряны, въ верстѣ отъ котораго раскинулось селеніе Зиряны, тоже въ садахъ, спускающихся къ рѣкѣ уступами или террасами, а по ту сторону рѣки взгромоздился горный хребетъ Балаканскій, въ версту и болѣе въ перпендикулярѣ.

Въ Зирянахъ былъ воинскимъ начальникомъ поручикъ Виноградовъ. Офицеръ этотъ былъ болѣе трехъ лѣтъ въ укрѣпленій и замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Зиряны лежатъ въ глубокой впадинѣ; воздухъ освѣжается только присутствіемъ рѣки, и то во время ночи: вѣтеръ никогда туда не вторгается, и жаръ доходитъ лѣтомъ до 50 градусовъ и даже болѣе, почему весь гарнизонъ, страдая гнилыми горячками и желчными лихорадками, перемѣщается постепенно въ темиръ-ханъ-шуринскій госпиталь, а изъ него на поляну подъ Шурою къ Эрпилямъ, гдѣ недостаетъ мѣста для постановки крестовъ. Виноградовъ также былъ боленъ и выздоровѣвъ свыкся съ воздухомъ, но такъ сдѣлался желтъ и худъ что сквозилъ какъ курага (сушеный персикъ). Прежде онъ былъ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку 6 лѣтъ полковымъ адъютантомъ и знаетъ письменную часть довольно хорошо; бывалъ въ дѣлахъ въ Дагестанѣ и отличался хладнокровіемъ и распорядительностію. Поведенія прекраснаго, наружности очень интересной. Кажется ничто бы не отталкивало отъ этого офицера. Кромѣ того онъ морякъ, потому что знаетъ теорію морской службы и самъ сдѣлалъ прекрасную модель корабля съ полною его оснасткой. Онъ артиллеристъ, потому что не только учился артиллеріи, знаетъ ее и хорошо стрѣляетъ изъ орудія, но по просьбѣ генерала Клугенау отлилъ въ началѣ 1843 года и высверлилъ шести-фунтовую мортирку для преданнаго Русскимъ ирганайскаго кадія Гассанъ-Гаджи. Онъ токарь, и имѣя полный

токарный инструментъ, вытачиваетъ изъ дерева и кости разныя прекрасныя штучки. Онъ скульпторъ, потому что отольетъ и отдѣлаетъ чей угодно бюстъ, вазу и т. п., и разъ слѣпилъ прекрасную вазу изъ бѣлаго хлѣба. Наконецъ, этотъ офицеръ чинитъ и даже дѣлаетъ часы, и еще очень порядочный живописецъ, и вмѣстѣ съ этимъ топографъ.

Въ 1841 году прислали къ нему въ укрѣпленіе офицера нетрезваго. Виноградовъ перепробовалъ всѣ средства къ исправленію, донесъ Клугенау что офицеръ этотъ дѣлаетъ безпорядки въ пьяномъ видѣ, и просилъ перемѣнить его; но на рапортѣ послѣдовала резолюція генерала: „Не такое мѣсто Зиряны, куда бы должно было посылать хорошихъ офицеровъ". Виноградовъ благодарилъ письмомъ за хорошее мнѣніе, слѣдовательно, и о немъ самомъ. Впрочемъ и въ Зирянахъ Виноградовъ былъ весьма полезенъ, именно: подлѣ укрѣпленія устроенъ ходящій посредствомъ каната черезъ Койсу паромъ-самолетъ, на которомъ горцы переправлялись изъ аула въ аулъ, и съ лучшими Виноградовъ даже покуначился, ѣздилъ къ нимъ въ гости безъ оружія, и они предупреждали его объ опасности отъ вторженія Шамиля, какъ предупредили и въ этотъ разъ, о чемъ онъ вѣрнѣе прочихъ и доносилъ генералу.

Офицеръ этотъ служилъ въ Дагестанѣ около пяти лѣтъ и ни разу не былъ представленъ къ наградѣ. Вся вина его была въ томъ что за него говорила одна служба и никто не ходатайствовалъ, а самъ онъ не говорилъ о себѣ. Впрочемъ мнѣ часто случалось видать что какъ не повезетъ кому, такъ ужъ и не везетъ, и наоборотъ также. Почему это?

Проѣхавъ Иргинайское ущелье, генералъ подъѣзжалъ уже къ Зирянамъ, какъ вдругъ загремѣли орудія съ батарей укрѣпленія, изъ всѣхъ амбразуръ и бойницъ брызнулъ ружейный огонь, и укрѣпленіе полуисчезло въ дыму. Подъемный мостъ медленно опустился на берега глубокаго рва предъ укрѣпленіемъ, отворились ворота, и Виноградовъ съ рапортомъ въ рукѣ встрѣтилъ генерала.

Въ первый разъ тогда проглянула ему улыбка начальника. Все найдено было въ порядкѣ, и Виноградову обѣщана награда, которой онъ, удерживая съ полковникомъ Ясинскимъ весь сентябрь непріятеля, хотѣвшаго переправиться черезъ Койсу и удержавъ его, все-таки не получилъ и вышелъ въ отставку.

Какъ побѣдители вошли мы въ Зирянское укрѣпленіе и, съ

Digitized by Google

усердіемъ проголодавшагося воина, занялись обѣдомъ, приготовленнымъ радушнымъ хозяиномъ укрѣпленія.

Того же 29го числа, обильнаго приключеніями, произошло слѣдующее:

При уничтоженіи отряда Веселитскаго взяты были въ плѣнъ: Апшеронскаго полка капитанъ Шульцъ, ошеломленный прикладомъ винтовки въ голову; прапорщикъ Ермаковскій и резервной № 2го батареи прапорщикъ Потемкинъ, легшій на одно изъ своихъ орудій, когда всякая защита была невозможна. Остальные штабъ- и оберъ-офицеры дрались какъ львы и были изрублены. Всѣ трое приведены были въ лагерь непріятельскій и раздѣты до нага, а капитану Шульцу связали руки на локтяхъ, потому что, придя въ чувство, онъ билъ горцевъ кулаками, желая быть убитымъ ими.

Въ скоромъ времени подошелъ къ прапорщику Ермаковскому, бѣленькому и нѣжненькому, какой-то знатный мулла, судя по чалмѣ его и одеждѣ, и спросилъ его не офицеръ ли онъ говоря: „баяръ“ (бояринъ). Ермаковскій отвѣчалъ ему: „ёкъ“ (нѣтъ). Мулла повторилъ вопросъ строгимъ тономъ. Но Ермаковскій вмѣсто отвѣта вскочилъ съ земли и такъ сильно ударилъ муллу въ лицо что тотъ упалъ, а Ермаковскій пустился бѣжать къ рѣкѣ Койсу. Его догнали и изрубили. Чрезвычайно сильный капитанъ Шульцъ разорвалъ веревку, связывавшую ему локти, и схвативъ лежавшій вблизи обломокъ дерева, положилъ имъ четырехъ горцевъ и былъ изрубленъ другими, въ неестественномъ бою одного противъ всѣхъ.

Само собою что обстоятельства эти произвели сумятицу, которою воспользовался горнистъ Апшеронскаго полка Яковъ Черепановъ, обязанный сохраненіемъ жизни собственно своему горну, такъ какъ Шамиль заводилъ тогда у себя горнистовъ; онъ устремился къ Аварской Койсу и, не скоро замѣченный, достигъ до него, бросился и поплылъ.

Надобно сказать что воды Койсу такъ быстро несутся во всякое время, какъ прорвавшая плотину рѣка въ первомъ ея стремленіи. Черезъ Койсу рѣшается плыть только самый искусный и смѣлый пловецъ; малѣйшая потеря усилій или ловкости, и человѣкъ закружится въ ея стремительно летящихъ волнахъ, въ которыхъ и утонуть нельзя. Перебрасываемый теченіемъ отъ одного берега до другаго, онъ, избитый объ утесы и вообще о каменистую одежду береговъ, несется по поверхности волнъ, совершая послѣднюю быстробѣжную поѣздку [свою,

Digitized by Google

покуда сомъ или бѣлуга, водящіеся во множествѣ, не дадутъ ему пріюта. Всадникъ переплываетъ Койсу спустясь съ лошади, укрываясь за нею отъ напора волнъ, и держась за луку сѣдла одною рукой, а другою управляя лошадью такъ чтобы грудь ея была въ полуразрѣзъ волнамъ, а туловище представляло упоръ имъ наискось противъ теченія. Тогда, хотя и сноситъ далеко, но всадникъ и лошадь быстро достигаютъ другаго берега; иначе теченіе опрокидываетъ обоихъ и спасенія нѣтъ. Само собою разумѣется что подобная переправа возможна только тамъ гдѣ противный берегъ пологъ.

Итакъ горнистъ Черепановъ бросился въ кипящую пучину, въ которую не спустился бы за блага міра въ другое время, несмотря на то что онъ былъ хорошій пловецъ. И здѣсь горнъ спасъ его въ другой разъ. Не будь онъ горнистъ, его догнали бы пули горцевъ, но онъ былъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ, и потому два горца, бросивъ одежду съ себя, пустились за нимъ въ погоню, когда онъ былъ уже на половинѣ рѣки.

Благополучно выбравшись на лѣсистый берегъ, обезсиленный, онъ упалъ на землю. Но жизнь сказалась, явилось сознаніе опасности, и Черепановъ всталъ. Вбѣжалъ въ лѣсъ, спустился снова въ Койсу и укрылся подъ берегомъ подмытымъ водой, гдѣ, закидавшись пескомъ, пролежалъ болѣе трехъ часовъ и, не слыша преслѣдованія, вышелъ изъ своего прикрытія, и слѣдуя лѣсистымъ берегомъ, достигъ до укрѣпленія Зиряны, гдѣ, по зову его, былъ перевезенъ на летучемъ паромѣ, ходящемъ по канату.

Мы пили чай въ Зирянахъ, окружая генерала Клугенау, который былъ семьянинъ и начальникъ превосходный. Смѣхъ, разказы, споры оживленно перемѣшивались между собою, смѣнялись одинъ другимъ и затихали, когда вѣщій Баянъ нашъ, поручикъ Крутиковъ, ударялъ въ струны своей дивной гитары, которую онъ не оставлялъ ни при какихъ катастрофахъ. Его деньщикъ съ перекинутымъ черезъ плечо футляромъ въ чехлѣ изъ солдатскаго сукна, хранилищемъ гитары, сидя на лошади, похожъ былъ на маленькаго верблюда, что̀ возбуждало нерѣдко смѣхъ между солдатами.

Этотъ Крутиковъ давалъ когда-то въ Москвѣ концерты на балалайкѣ. Прибывъ къ полку и отправившись въ первый набѣгъ съ гитарой, Крутиковъ, еще не знакомый ни съ кѣмъ, усѣлся на камнѣ во время перваго привала вблизи солдатъ; деньщикъ подалъ ему гитару. Крутиковъ заигралъ *Камаринскую*. Солдаты

Digitized by Google

оставили кашу, окружили Крутикова, и многіе изъ нихъ пустились въ плясъ, несмотря на усталость 25-верстнаго перехода.

Генералъ Клугенау, замѣтивъ небывалую шалость солдатъ, послалъ узнать что за происшествіе. Получивъ докладъ, онъ тотчасъ пригласилъ Крутикова къ своему завтраку, слушалъ игру его съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, и съ тѣхъ поръ Крутиковъ сдѣлался любимцемъ всего полка. Замѣчательна была жизнь этого Крутикова. Всегда исправный по службѣ, трезвый, любезный въ обществѣ и честный во всемъ, онъ терпѣть не могъ денегъ, и какъ только получитъ жалованье или деньги изъ дому, у него не сходитъ со стола закуска и вино, до истощенія послѣдняго рубля. Очень былъ радъ всѣмъ, и потомъ когда у него ничего уже не было, онъ нарасхватъ приглашаемъ былъ всѣми и по очереди доживалъ у пріятелей до полученія денегъ, которыя расходовались въ томъ же порядкѣ. Игра его на гитарѣ такъ была великолѣпно хороша что разъ одинъ офицеръ, артистъ въ душѣ и по искусству, съ восторгомъ цѣловалъ лады гитары, по которой только-что перестала бѣгать рука Крутикова.

Мы слушали съ увлеченіемъ игру его, какъ сцена перемѣнилась. Воинскій начальникъ Виноградовъ, блѣдный какъ мертвецъ, ввелъ другаго мертвеца, голаго, съ наброшенною на плеча солдатскою шинелью. Этотъ пришлецъ съ того свѣта былъ Черепановъ. Истощеніе силъ его было такъ велико что мы тотчасъ же подали ему стулъ, и когда онъ сказалъ что умираетъ отъ голода, дали водки и кто чего.

Черепановъ разказалъ все чего былъ свидѣтелемъ и что было съ нимъ. Болѣе получаса въ мертвой тишинѣ раздавался его голосъ.

III.

Черезъ часъ, переправившись черезъ Койсу на паромѣ, ѣхали мы, повѣсивъ носы, за генераломъ, крѣпко призадумавшимся. Отъ самаго Койсу начинается Балаканское ущелье. Правая сторона безопасна, потому что здѣсь возвышается громадный утесистый хребетъ горы, протянувшійся далеко по всему берегу. Койсу неудобенъ для засадъ, и хищникъ, отрѣзанный Балаканскимъ ущельемъ, можетъ быть пойманъ на хребтѣ, съ котораго есть одинъ только спускъ надъ Балаканами. По этому спуску рѣшается сходить только самый

Digitized by Google

отчаянный и искусный въ лазаніи по горамъ туземецъ и то въ случаѣ крайности, потому что при малѣйшей оплошности или нерѣшительности несчастный слетаетъ версту внизъ въ рѣку. Но лѣвая сторона, осыпанная нависшими камнями или, лучше сказать, обломками скалъ, даетъ хищникамъ удобство скрываться и нападать смотря по возможности. Отъ верха скалъ начинается плоскость, прилегающая къ горѣ Арахтау. Тамъ бываютъ скрыты ихъ лошади, и горцу стóитъ только подняться на гору, вскочить на бѣгуна и умчаться. По всему ущелью бѣжитъ сильный ручеекъ, мѣстами сжатый искусственно, и на немъ поставлено нѣсколько мельницъ. Туземцы большіе мастера пользоваться всякимъ ручейкомъ. Они сжимаютъ ручей въ искусственныхъ берегахъ, нивеллируютъ мѣстность, давая мѣстами направленіе водѣ такое что она, тѣснимая напирающими струями, идетъ даже нѣсколько вверхъ, на какую-нибудь легкую возвышенность, съ которой вдругъ спадаетъ внизъ и широкою струей падаетъ на колесо, двигающее жерновъ. Ущелье то дико и дышетъ ужасомъ, то вдругъ зеленѣетъ площадкой, обдѣланною террасами, на которыхъ растутъ виноградъ, яблони, груши, вишни, персики. Невольно залюбуешься и порадуешься на трудъ человѣка.

Проѣхавъ пять верстъ по ущелью, увидѣли мы расположенные бивуаками баталіоны Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Евдокимова. Тихо поднялся отрядъ, недружно поздоровался съ генераломъ. Офицеры грустно отвѣчали на наши разспросы. Упадокъ духа замѣтенъ былъ во всѣхъ. Они знали уже объ истребленіи отряда Веселитскаго.

Отъ мѣста расположенія отряда начинались сады Балаканскіе, живописно разбитые и простирающіеся слишкомъ на версту. За ними, на концѣ садовъ, на высокомъ бугрѣ, какъ гнѣздо, лежало селеніе Балаканы, а на другомъ бугрѣ параллельномъ и командующемъ деревней, пестрѣло рядами дикихъ камней, какъ разрушенное строеніе послѣ пожара, Балаканское укрѣпленіе, маленькое и ничтожное.

Половина передняго фаса его защищалась стѣнкой въ два фута толщины и семь вышины, безъ бойницъ, съ низенькими деревянными воротами; другая половина—оборонительною казармой съ четырьмя бойницами. Предъ воротами шла широкая дорога, а отъ нея отлогость къ ручью. Лѣвая сторона бугра отъ деревни обрывиста и пожалуй неприступна. Правая—къ Харачипу довольно отлога и защищена грядой дикихъ кам-

Digitized by Google

ней въ родѣ плохой баррикады или дряннаго завала. Задній фасъ обороненъ былъ стѣнкой изъ необожженаго кирпича, а подлѣ нея вмѣсто рва, прорыта канава для стока воды. Съ этой стороны, равно какъ и съ правой, легко взять укрѣпленіе, съ лицеваго фаса еще легче, а съ возвышенности горы Арахтау выдвинувшейся на полуружейный выстрѣлъ надъ укрѣпленіемъ, всякій человѣкъ въ укрѣпленіи можетъ быть битъ на выборъ.

Впрочемъ такія укрѣпленія на Кавказѣ не рѣдкость. Бывало въѣзжаешь въ укрѣпленіе и спрашиваешь: а далеко еще до такого-то укрѣпленія? Отвѣчаютъ: да это оно самое и есть.—Да чѣмъ же крѣпко оно? Да тѣмъ, отвѣчаютъ, что называется укрѣпленіемъ.

Во всемъ Дагестанѣ если могутъ назваться довольно сносными еще укрѣпленіями, то это: Евгеньевское, выстроенное бывшимъ корпуснымъ командиромъ Евгеніемъ Александровичемъ Головинымъ; Хунзахская цитадель, построенная завоевавшимъ Аварію генералъ-лейтенантомъ Фезе; Казіюртское на Сулакѣ; Зирянское на р. Койсу, да еще Темиръ-Ханъ-Шуринское. Остальныя вовсе неправильно носили названіе укрѣпленій, и Шамиль со многихъ изъ нихъ, какъ окажется далѣе, снялъ это нареканіе нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

При семъ я не могу умолчать о безпечности нашихъ солдатъ и самого начальства. Вездѣ опасность, повсюду кровавыя битвы, натиски, нападенія, вражда, и никто изъ стоявшихъ въ такихъ укрѣпленіяхъ не положилъ камня на стѣну, чтобы прятать за нимъ голову при прицѣлѣ, однимъ словомъ, ни о чемъ не подумалъ, точно живутъ между друзьями.

Почти невѣроятно до чего доходила безпечность. Въ февралѣ или мартѣ 1843 года отправлялись двѣ линейныя роты въ Цатаныхъ. Мѣсто это опасное, дорога къ нему тоже. Слухи о сборищахъ Шамиля доходили неблагопріятные. Предъ выступленіемъ, роты пришли на смотръ, и что̀ же? Съ деревянными кремнями! Мало этого. Въ накременникахъ—у кого были кремни, а у кого и совсѣмъ не было! Купили два четверика кремней въ Шурѣ и отправили роты. Но едва поднялись они на Тавлинскую гору, въ 18 верстахъ отъ Шуры, какъ въ лѣсу былъ убитъ офицеръ какимъ-то шальнымъ горцемъ.

Въ Балаканахъ мы ночевали, и 30го августа въ 6 часовъ утра выступили съ отрядомъ, оставивъ въ укрѣпленіи этомъ

Digitized by Google

5ую мушкатерскую роту Апшеронскаго полка. Пройдя 12 верстъ тѣмъ же ущельемъ, которое отъ Балакановъ дѣлается шире, берега скалъ отложе, мы достигли Моксохской башни.

Башня эта, получившая названіе отъ аула Мокоохъ, надъ которымъ она и командуетъ, построена восьмиугольною фигурой изъ композиціоннаго, то-есть необожженнаго кирпича, на обрывѣ горы Арахтау, которая, опираясь на глубокую долину Койсубулинскую, стоитъ какъ стражъ надъ нею на пространствѣ 10 верстъ, сплотившись притомъ съ горами другихъ названій. Штабсъ-капитанъ Кауцманъ и Грузинскаго линейнаго № 13го баталіона прапорщикъ, фамиліи котораго не знаю, при 50 человѣкахъ солдатъ, двухъ унтеръ-офицерахъ и двухъ артиллеристахъ при ¼ пудовомъ единорогѣ на платформѣ башни, были ея защитниками. Въ 20 шагахъ отъ башни былъ устроенъ бассейнъ, но прикрытаго къ нему хода не было. Воды въ бассейнѣ было мало. Ее посылалъ Богъ въ дождевой тучѣ; она стекала съ горы, по прорытымъ къ бассейну канавкамъ. Въ мирное время бассейнъ былъ не нуженъ, вода внизу горы, но въ военное необходимъ. Ну, Богъ дастъ туча поможетъ!

Противопоставивъ такую надежную преграду силамъ Шамиля, отрядъ потянулся въ гору по широкому, но довольно крутому подъему въ двѣ версты съ половиной. Лѣвая сторона горы, нѣсколько спадающая, но ровная, простиралась до самыхъ Зиряновъ верстъ на 15; прямо къ Хунзаху верстъ на 10, тоже ровною поверхностью; правая оборвалась вдругъ отвѣсно надъ долиной Койсубулинскою, образующею глубокую пропасть.

Когда поднялись на Арахтау, генералъ подъѣхалъ къ обрыву и сошелъ съ коня. Унцукуль былъ виденъ какъ на блюдечкѣ и по горизонту казалось до него не болѣе 5—7 верстъ. Аварская Койсу синею лентой вилась по глубокой плоскости. Фортъ Унцукульскій прижался къ берегу, и аулъ Унцукуль весь въ огнѣ и дыму, какъ раскаленная печь, стоялъ надъ водой.

Въ подзорную трубу генерала мы отличали значки и ясно видѣли непріятеля облѣпившаго песчаныя горы. Бетлинская гора была покрыта горцами. Возвышенности вблизи Унцукуля кипѣли народомъ. Минутъ черезъ пять выстрѣлъ послѣ выстрѣла раздавался съ возвышенностей, по форту. Фортъ молчалъ. Но вотъ, выстрѣлы непріятельскіе стали чаще; простымъ

Digitized by Google

глазомъ видно было какъ горцы валили къ форту громадами. Фортъ ожилъ, бросилъ выстрѣлъ изъ орудія,—дымъ отъ батальнаго ружейнаго огня, неслышнаго намъ, обвилъ укрѣпленіе, раздался снова выстрѣлъ изъ орудія въ фортѣ, еще; укрѣпленіе исчезло въ дыму, и полчаса ничего не было слышно и видно. Орудія молчали съ обѣихъ сторонъ. Тишина. Наконецъ изъ дыма выдѣлились черныя массы. Движутся, бѣгутъ, разсылаются, орудіе въ фортѣ зарокотало,—отбитый непріятель бѣжалъ отъ форта, *ура* Аносовъ!

Все вниманіе наше устремлено было на штурмъ Унцукуля и приковано къ участи несчастныхъ братьевъ нашихъ, какъ вдругъ раздавшійся сзади насъ широкій гулъ выстрѣла изъ орудія потрясъ наши нервы. Судорожно оглянулись мы, и облако, бирюзовое облако съ позолоченными солнцемъ краями неслось въ полуверстѣ, глухо греия, вспыхивая и бросая молніи. Вѣтеръ завылъ надъ долиной, быстро стремилось облако, и саженей шестьдесятъ ниже обрыва на которомъ мы стояли, летѣло къ Унцукулю. Когда поровнялось съ нами, сверкнула молнія, и въ мигъ съ нею разразился оглушительный ударъ грома. Туча волновалась какъ озеро, мятущіяся массы напирали одна на другую, вспыхивая и разражаясь громами, которыхъ каждый ударъ раскатывался по всему логовищу лощины и отпрядывая отъ горъ отзывался еще нѣсколько разъ, исчезая въ пространствѣ. А солнце пекло насъ, придавая величественныя формы и образы страшному явленію природы. Унцукуль скрылся подъ тучей; ручьи дождя, ворочая камни, стремились въ глубинѣ лощины. Мы были объяты благоговѣйнымъ ужасомъ.

Къ 4мъ часамъ пополудни мы были въ укрѣпленіи Цатаныхъ, по солдатскому названію „Сатаны“.

31го числа получено было донесеніе отъ маіора Коссовича, занимавшаго Харачилъ съ двумя ротами, верстахъ въ 8 отъ Моксоха, что онъ оставляетъ аулъ по недостатку провіанта и неимѣнію орудія, и что непріятель, котораго онъ не находитъ возможности удержать, идетъ въ большихъ силахъ къ Харачилу.

Генералъ отправилъ къ Коссовичу нарочнаго съ приказаніемъ держаться въ Харачилѣ, но Коссовичъ отступилъ уже къ Балаканамъ, и зная всю ненадежность этого укрѣпленія, пришелъ съ ротами своими въ укрѣпленіе Зиряны. Непріятель занялъ Харачилъ въ тотъ же день.

Узнавъ объ этомъ, генералъ, по совѣту подполковника Пассека. отправилъ того же 31го августа, въ ночь, командира 1го

Digitized by Google

баталіона Апшеронскаго полка майора Зайцева подъ Харачилъ съ 1ю и 2ю гренадерскими и 1ю мушкатерскою ротами Апшеронцевъ, и приказалъ взять Харачилъ. Орудія имъ дано не было.

Въ 8 часовъ вечера выступилъ Зайцевъ съ ротами и прощаясь говорилъ что въ этомъ мірѣ онъ больше съ нами не увидится; а когда мы стали слабо возражать, мало, по правдѣ сказать, имѣя надежды и предвидя худой исходъ дѣлу, Зайцевъ засмѣялся и сказалъ: увидите. Съ Зайцевымъ пошли: капитанъ Бѣлоусовъ, штабсъ-капитанъ Павловъ, поручикъ Аглинцевъ, и прапорщики: Василевскій и Пономаревъ. Въ трехъ ротахъ было 22 унтеръ-офицера, рядовыхъ 315. Съ Зайцевымъ, какъ съ храбрымъ штабъ-офицеромъ пошли охотниками, пристроившись къ отряду его: лейбъ-гвардіи Волынскаго полка подпоручикъ графъ Вуичъ, Фридриха Вильгельма Третьяго полка прапорщикъ Красовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ Евреиновъ и около 30 человѣкъ выпросилось изъ разныхъ ротъ юнкеровъ-охотниковъ.

Предъ походомъ нашимъ, пріѣхали въ Шуру изъ Кази-Кумыкскаго отряда, генералъ-майора князя Аргутинскаго-Долгорукова, офицеры гвардіи: Шелашниковъ, князь Черкасскій, Аверкіевъ и Нечаевъ; имъ страхъ хотѣлось быть въ дѣлѣ, они послѣдовали за штабомъ генерала Клукенау и испросили позволеніе у него пристать къ отряду Зайцева.

Съ разсвѣтомъ 1го сентября, Зайцевъ подходилъ къ Харачилу, свитому на горѣ и не совсѣмъ-то легко приступному. Горцы, засѣвшіе въ завалахъ впереди аула, запѣли предсмертную боевую пѣснь свою: „Нѣтъ Бога кромѣ Бога"; ихъ было до 1.000 человѣкъ. Обозрѣвъ маленькій отрядъ нашъ, они подпустили его на полуружейный выстрѣлъ, дали залпъ изъ винтовокъ и пошли въ шашки. Маіоръ Зайцевъ, бывшій впереди отряда, первый встрѣтился съ налетѣвшими на него двумя мюридами и ловкими ударами шашки положилъ ихъ, но простреленный въ грудь упалъ, ободряя солдатъ. Капитанъ Бѣлоусовъ, съ прострѣленнымъ переносьемъ съ боку, при залпѣ мирюдовъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета тоже въ грудь. Поручикъ Аглинцевъ съ нѣсколькими десятками солдатъ ворвался въ деревню и, взявъ сакли, перекололъ въ ней мюридовъ, но окруженный толпами былъ изрубленъ вмѣстѣ съ солдатами. Свалка была страшная. Василевскій, Понома-

Digitized by Google

ревъ, Черкасскій, Шелашниковъ, Аверкіевъ, Вуичъ и Красовскій погибли въ свалкѣ. 20 юнкеровъ и до 200 солдатъ остались на мѣстѣ. Остальные, изъ которыхъ многіе были ранены, дрогнули, стали отступать,—побѣжали и увлекли съ собою подпоручика Евреинова, поручика Нечаева, простреленнаго въ руку, и штабсъ-капитана Павлова, тоже простреленнаго пулей на вылетъ въ ногу. Къ общему удивленію горцы ихъ не преслѣдовали, можетъ-быть опасаясь засады изъ лѣса. Тамъ и укрылся Павловъ и на другой день пришелъ къ Моксоху.

Потеря состояла изъ одного штабъ-офицера, 9 оберъ-офицеровъ, 12 унтеръ-офицеровъ, 22 юнкеровъ и 205 солдатъ, не считая раненыхъ, изъ которыхъ многіе были ранены двумя и тремя пулями, и еще въ потерѣ оружія; которое впрочемъ такъ мало уважали горцы что не знали какое сдѣлать изъ него употребленіе.

2го сентября генералъ отправилъ подполковника Пассека къ Моксоху, поручивъ ему два баталіона Апшеронцевъ и баталіонъ Кабардинцевъ, со всею бывшею при нихъ артиллеріей.

3е число прошло въ канонадѣ отъ Моксоха для удержанія непріятеля отъ нападенія на Балаканское укрѣпленіе, какъ было донесено и корпусному командиру. Въ сущности же во весь день была какая-то игра, баталіоны стояли безъ дѣла. Непріятель дѣйствительно показывался кучками на перевалѣ черезъ гору отъ Харачина и исчезалъ за горой, какъ только посылались ему выстрѣлы нашею артиллеріей. Тѣмъ не менѣе въ продолженіи дня выпущено было до 200 снарядовъ.

Генералъ оставался въ Цатанихѣ, и какъ во все время продолжительной службы своей не бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то очень естественно что весьма сконфузился и если дѣлалъ какое распоряженіе то совѣтуясь съ Пассекомъ. Ночь на 4е сентября проведена была безъ сна, и предъ разсвѣтомъ услышали мы нѣсколько одинъ за другимъ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Унцукуля, а затѣмъ не слышно было ничего. Въ 8 часовъ утра нѣсколько Унцукульцевъ извѣстили насъ о взятіи на разсвѣтѣ Унцукульскаго форта.

Девять дней отражалъ Унцукуль всѣ штурмы, въ продолженіи которыхъ мы разъединяли и теряли силы свои понапрасну, и въ десятый палъ; но палъ, оставивъ по себѣ грозную память.

Поручикъ Аносовъ былъ приведенъ къ Шамилю, который бросился на него, но сдержавъ себя остановился. Съ минуту

Digitized by Google

смотрѣлъ на Аносова, и назвавъ храбрымъ офицеромъ, возвратилъ ему шашку и позволилъ свободно ходить по всему лагерю своему. Оставшихся Мингрельцевъ 8й роты захотѣлъ видѣть, назвалъ также храбрыми, и приказавъ отпускать имъ полную дачу чуреков и провіанта, распорядился отобраніемъ отъ нихъ ружей и сумъ и оставленіемъ имъ всего платья, велѣвъ срѣзать только плечевые погоны. Это первый случай въ которомъ Шамиль, руководимый бѣглыми Поляками, измѣнилъ свою тактику, что въ послѣдствіи было для насъ отчасти даже вредно; ибо солдаты стали легче смотрѣть на плѣнъ. Изъ Унцукульцевъ же казнилъ весьма многихъ, и какъ увѣряли выбѣжавшіе изъ плѣна, много женщинъ и даже дѣтей были казнены.

Въ полдень 4го числа, генералъ велѣлъ поднять на вьюки 1.000 снарядовъ и 100.000 ружейныхъ патроновъ изъ Цатаныхскаго парка; а въ 5 часовъ выступилъ къ Моксоху, оставивъ въ Цатанихѣ 11ю Апшеронскаго полка и 3ю Грузинскаго № 13 бат. роты, выдавъ жителямъ Цатаниха достаточное количество пороха для защиты саклей ихъ и Цатанихскаго гарнизона.

Въ минуту выхода нашего изъ Цатаниха, чуть было не понесли мы горькой потери. Генералъ сидѣлъ уже на конѣ, готовясь выступить изъ укрѣпленія; — всѣ мы съ едва сдерживаемымъ чувствомъ сильнаго душевнаго волненія смотрѣли на двѣ остающіяся въ Цатанихѣ роты, обреченныя на гибель безъ всякой пользы, какъ вдругъ генералъ, привставъ на стременахъ, искалъ кого-то глазами, и отыскавъ между нами инженеръ-поручика Геннериха, сказалъ: „Вы останьтесь здѣсь для устройства обороны“. Геннерихъ поблѣднѣлъ, но въ ту же минуту спѣшился, поклонился генералу, и не взглянувъ ни на кого изъ насъ, направился къ ротамъ, стоявшимъ на возвышеніи, ведя за собою коня своего.

Боже мой! сколько мы перечувствовали въ эти минуты! Благородный, честный, всегда добрый товарищъ, веселый и подъ пулями, разумный Геннерихъ долженъ былъ погибнуть! И какъ? Нашими руками выдаваемый горцамъ! Вдругъ, генералъ громко позвалъ его и проговорилъ скоро: „Нѣтъ, я раздумалъ. Вы поѣдете съ нами. Вы намъ надобны“. Предъ нами былъ другой человѣкъ; краска облила лицо его, онъ вздохнулъ всею грудью, но медленно сѣлъ на лошадь и взглянувъ на насъ какъ бы говорилъ: „здорово, братцы!“

Всѣ мы также вздохнули легко и свободно и уважая торжественность минуты подъ вліяніемъ которой находились и са-

Digitized by Google

ми, не подошли къ нему; но за то, когда отрядъ двинулся, сколько рукъ къ нему было протянуто поочередно, и какъ краснорѣчивы были эти безмолвныя пожатія.

Во время четырехсуточнаго пребыванія въ Цатанихѣ, командующій войсками занимался обороной укрѣпленія, наскоро складывая на глинѣ стѣну изъ дикаго камня у воротъ передняго и лѣваго фассовъ. Въ началѣ 1843 года разрѣшено было оборонить укрѣпленіе это казармами, и потому на мѣсто прежнихъ стѣнъ изъ дикаго камня, выстроены были казармы, но окончательныхъ сооруженій въ крѣпости достроить еще не успѣли и теперь торопились, на глазахъ непріятеля, сдѣлать то что признавалось крайне необходимымъ.

Половина передняго фасса и правый фассъ были защищены казармами; задній глубокимъ обрывомъ, по краю котораго шла стѣна съ хорошею башней въ срединѣ, и одинъ только лѣвый фассъ и часть передняго не были еще защищены ничѣмъ, кромѣ четырехсаженнаго обрыва отъ ручья, протекающаго подлѣ укрѣпленія. Эта-то мѣстность и оборонялась стѣной, устроенною Геннерихомъ въ эти четыре дня.

Когда стѣна съ амбразурами и бойницами была окончена, и все что требовалось наукой было наскоро приспособлено къ оборонѣ, генералъ пришелъ посмотрѣть на укрѣпленіе и остался чрезвычайно доволенъ, говоря что онъ не узнаетъ укрѣпленія; но въ это время замѣтилъ онъ что небольшая мѣстность между ауломъ и укрѣпленіемъ имѣетъ возвышенность, равняющуюся со стѣной укрѣпленія, перемѣнилъ распоряженіе, приказавъ двумъ ротамъ расположиться на этомъ бугрѣ, дабы жителей Цатаниха, на вѣрность которыхъ генералъ надѣялся, не разъединять съ ротами, въ случаѣ занятія бугра Шамилемъ.

Докладъ Геннериха что непріятель, занявъ бугоръ, поставилъ бы себя между огнями укрѣпленія и Цатаниха, если жители останутся вѣрными намъ, и что наоборотъ, въ такомъ положеніи будетъ нашъ отрядъ, если Шамиль займетъ укрѣпленіе, а жители намъ измѣнятъ, что въ укрѣпленіи остается большое количество снарядовъ, пороха и провіанта, что вода самая можетъ быть отнята у гарнизона и тому подобное, не имѣлъ успѣха; и, сознавалъ ли генералъ что для укрѣпленія, устроеннаго на баталіонъ, защита двухъ ротъ недостаточна, а оставить болѣе не изъ чего, или въ самомъ дѣлѣ бугоръ, господствовавшій, какъ говорилъ генералъ, надъ укрѣпленіемъ и ауломъ смущалъ

Digitized by Google

его, только тотчасъ же приступлено было, при пособіи войска и жителей Цатаниха, къ обложенію въ кружокъ возвышенности бугра, на которомъ встали роты и помѣщены были два орудія, смотрѣвшія въ противоположные промежутки импровизованныхъ амбразуръ къ укрѣпленію и аулу Цатанихъ.

Когда перевозили орудія, наблюдательный Геннерихъ, смотрѣвшій съ горемъ на исполняемое, замѣтилъ что жители Цатаниха смѣются, переговариваясь между собою съ значительными жестами, и тотчасъ же доложилъ о подозрѣніи своемъ генералу; но койсубулинскій приставъ штабсъ-капитанъ Аглинцевъ, братъ убитаго подъ Харачиломъ поручика Аглинцева, успокоилъ генерала, поручившись за вѣрность Цатанихцевъ.

Въ укрѣпленіи Цатанихскомъ, за исключеніемъ взятыхъ 1.000 снарядовъ и 100.000 патроновъ, осталось до 4.500 снарядовъ 360.000 патроновъ, нѣсколько пудовъ пороха и складъ провіанта на четырехмѣсячное довольствіе баталіона.

Въ 8 часу вечера пришли мы къ Моксохской башнѣ. Ночью подняли на Арахтау артиллерію и раненыхъ подъ Харачиломъ и потянулись къ Хунзаху. Но въ Моксохской башнѣ остались тѣ же два офицера и 54 солдата.

Соболѣзнуя объ оставленныхъ на произволъ рока жертвахъ, не могущихъ задержать многочисленнаго непріятеля даже на одинъ часъ, если думать что они оставлены дабы прикрывать наше отступленіе, предпринятое тоже безъ всякой стратегической цѣли, — перевалились мы черезъ Буцринскую гору и 5го сентября прибыли въ Хунзахскую цитадель къ полудню, никѣмъ не преслѣдуемые.

Между тѣмъ непріятель усиливался болѣе и болѣе. Преувеличенныя вѣсти объ истребленіи двухъ отрядовъ Веселитскаго и Зайцева и о взятіи Унцукуля, при разныхъ вымыслахъ, облетѣли горы, и наконецъ достигли Шуры, съ тѣмъ еще добавленіемъ что генералъ нашъ въ плѣну и отрядъ уничтоженъ. Съ каждымъ часомъ прибывали толпы въ лагерь Шамиля, съ каждымъ часомъ онъ становился сильнѣе и отважнѣе; а мы,— мы, какъ будто обойденные злымъ духомъ, разбрасывали слабыя силы наши по разнымъ мѣстностямъ и сами заключились въ Хунзахской цитадели, предоставивъ на волю Шамиля управиться съ маленькими силами нашими оставленными въ укрѣпленьицахъ и заградить намъ возвратъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру чрезъ Балаканское ущелье съ одной стороны, а съ другой чрезъ Гоцатль и Гергебиль, что̀ и сдѣлалъ онъ черезъ нѣсколько дней, обложивъ насъ своими силами въ Хунзахской цитадели.

Digitized by Google

IV.

По приходѣ въ Хунзахскую цитадель, 5го сентября, посланы были: баталіонъ Кабардинцевъ и 100 человѣкъ саперъ въ селеніе Ободы, за 9 верстъ отъ Хунзаха, для удержанія жителей въ покорности, и какъ имъ объявлено — для защиты ихъ; а 6го сентября, какъ бы не довольствуясь этимъ раздробленіемъ отряда, послана была 6я мушкатерская рота Апшеронцевъ въ Танусъ, въ 4 или 5 верстахъ отъ Хунзаха, тогда какъ ближе къ Хунзаху и въ тылу Тануса—аулы: Геничудъ и Батлаичъ приняли уже къ себѣ мюридовъ Шамиля; но поручикъ Миллеръ, подходя къ Танусу съ 6ю ротой, замѣтивъ въ немъ значки Горцевъ и тотчасъ же давъ ротѣ другое направленіе, отступилъ къ Хунзаху, чѣмъ и спасъ ее отъ истребленія, но тѣмъ не менѣе Танусцы успѣли послать нѣсколько пуль въ напутствіе ротѣ.

6го сентября явился въ Хунзахъ лазутчикъ отъ князя Аргутинскаго съ письменнымъ извѣщеніемъ что онъ идетъ съ тремя баталіонами пѣхоты и двумя тысячами казикумыкской кавалеріи, предполагая что завтра будетъ большое сраженіе. Мы ожили, ожидая избавленія, и вслѣдствіе этого, чтобы скрыть нравственный упадокъ нашъ, выслали въ полдень 7го числа за три версты отъ Хунзаха, подъ селомъ Батлаичъ, баталіонъ подъ начальствомъ майора Познанскаго съ двумя орудіями, для наказанія Батлаичцевъ за то что маленькая деревня ихъ впустила большую шайку мюридовъ къ себѣ, которымъ она столько же не могла противиться, сколько отъ насъ ждать защиты. Въ два часа двинулся другой баталіонъ, тоже при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Пассека, который принялъ команду надъ обоими баталіонами, какъ старшій, и до семи часовъ вечера продолжалъ бомбардированіе Батлаича, по которому выпущено было болѣе 200 снарядовъ, отъ коихъ пострадали только переднія сакли, сложенныя какъ и всѣ сакли въ Аваріи изъ булыжнаго камня.

Въ началѣ 8го часа Пассекъ снялъ блокаду и началъ отступленіе. Непріятель, смотрѣвшій во все время съ ближайшихъ горъ на нашу потѣху, въ количествѣ не болѣе 1.000 человѣкъ, сталъ спускаться съ горъ, показывая намѣреніе атаковать насъ. Батлаичцы и бывшая тамъ партія поднялись на

Digitized by Google

сакли смотрѣть на наше отступленіе, и человѣкъ съ десять, перебѣгая изъ-за одной груды хлѣба за другую, провожали насъ пулями, не причиняя впрочемъ вреда.

Видя въ подзорную трубу изъ цитадели что непріятельская кавалерія идетъ къ отряду, генералъ выслалъ къ нему еще баталіонъ при двухъ орудіяхъ и до 500 человѣкъ кавалеріи.

Преблагополучно отступили мы, не потерявъ ни одного человѣка не только убитыми, но даже ранеными, хотя кричали *ура* и шли на-руку; но пѣхоты противъ насъ не было; кавалерія же непріятельская, сойдясь съ нашею на равнинѣ, постреляла немного, но когда удачно брошенная, командовавшимъ орудіями прапорщикомъ Поповымъ граната попала въ средину ея, она разсыпалась въ стороны; а наша кавалерія съ однимъ раненымъ возвратилась къ цитадели, занявъ свое мѣсто вблизи Хунзаха.

Скоро исполнится 30 лѣтъ экспедиціи 1843 года; ни одного изъ главныхъ ея дѣятелей нѣтъ уже на свѣтѣ. Пусть же извинятъ мнѣ тѣни почившихъ, если выскажу правду: объ этомъ дѣлѣ донесено было корпусному командиру Александру Ивановичу Нейдгарту что „подполковникъ Пассекъ, окруженный четырехтысячнымъ непріятелемъ, опрокинулъ въ штыки скопище мюридовъ въ присутствіи Шамиля“.

А Шамиль занимался тогда Балаканами и Цатанихомъ. Это были только передовыя его партіи.

Черезъ часъ или два послѣ высылки перваго баталіона для наказанія Батлаича, сталъ долетать по ущелью до Хунзаха гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. Это князь Аргутинскій дрался подъ селомъ Рожабъ, въ 20 съ небольшимъ верстахъ отъ Хунзаха, идя къ намъ на выручку. Каждый выстрѣлъ былъ такъ явственъ что можно было сосчитать все число ихъ, и часовъ до шести вечера все слышался гулъ выстрѣловъ. Возвратившіеся баталіоны и всѣ остававшіеся въ Хунзахѣ были восторженно веселы, въ ожиданіи скорой помощи, поздравляя другъ друга съ надеждой на окончаніе блокады и прекращеніе набѣга Шамиля. Такъ застала насъ ночь, и ночь истинно кавказская, темная до того что не видно пальца поставленнаго предъ носомъ.

Въ это время, въ прямомъ направленіи отъ цитадели, послышался выстрѣлъ изъ орудія, повторился еще и замолкъ. Высылавъ на стѣны укрѣпленія, всѣ мы увидѣли что темное небо

рябилось вспышками какъ бы отъ ружейнаго огня, и потомъ раздался снова выстрѣлъ изъ орудія. Не трудно было догадаться что баталіонъ Кабардинцевъ атакованъ непріятелемъ. Выстрѣлы шли отъ села Ободы. Недавнія потери отрядовъ Веселитскаго и Зайцева исполнили насъ отчаяніемъ за Кабардинцевъ и саперъ. Ободы въ девяти верстахъ отъ Хунзаха, но эти девять верстъ изрѣзаны оврагами; непроницаемая ночь, непріятель кругомъ, мы не въ состояніи сдѣлать шага на помощь къ нимъ; а небо пестрѣетъ да пестрѣетъ отблесками отъ ружейнаго огня, и вспыхнувъ отъ выстрѣла изъ орудія, становится чернѣе прежняго; и рокотъ вслѣдъ затѣмъ отгрянувшаго выстрѣла замираетъ въ сердцѣ болѣзненнымъ стономъ.

Черезъ часъ все смолкло. Ни выстрѣла изъ орудія, ни отблеска на небѣ. Мрачная ночь нависла надъ всею окрестностію. Ожидая помощи отъ неба, мы замерли на стѣнахъ цитадели.

За томительнымъ разсвѣтомъ 8го числа медленно появилось солнце, и лучи его упавшіе на гору въ трехъ верстахъ отъ Хунзаха отразились на штыкахъ Кабардинцевъ. Не вѣря глазамъ, мы ясно отличили въ подзорную трубу родной намъ отрядъ, но не знали радоваться ли намъ или снова горевать съ его прибытіемъ. На горѣ виднѣлась покуда лишь горсточка всего отряда.

Ближе и ближе подходили Кабардинцы и саперы. Непріятель смотрѣлъ отъ Тануса и не трогался. И вотъ уже подъ стѣнами цитадели тянулись импровизованныя носилки подъ ранеными и убитыми воинами, а во ста шагахъ за ними раздалась пѣсня Кабардинцевъ. Чуденъ солдатъ русскій! Всегда поетъ!

Девять рядовыхъ убитыхъ, два офицера и двадцать солдатъ раненыхъ принесены были отрядомъ, какъ залогъ вѣрности Ободинцевъ русскому оружію.

Подполковникъ Гротенфельдъ, командовавшій Кабардинцами, донесъ что съ полудня 7го числа замѣчена была въ Ободахъ скрытая дѣятельность жителей, а потомъ они сходились въ кружки, толковали, посматривали непріязненно на отрядъ и снова расходились по домамъ. Въ сумерки изъ ближайшихъ домовъ полетѣли пули въ отрядъ, который на разстояніи ружейнаго выстрѣла бивуакировалъ подъ Ободами; почему Гротенфельдъ, вполнѣ готовый уже на всякій случай, немедленно отвелъ отрядъ за двѣ версты отъ Ободовъ и остановясь на возвышеніи

разогналъ выстрѣлами преслѣдовавшихъ и нападавшихъ на него Ободинцевъ, а предъ разсвѣтомъ двинулся къ Хунзаху, не тревожимый уже ими.

Благодареніе Богу что Ободинцы не дождались ночи, тогда потеря могла бы быть не такая. Еще изумляло насъ то что горцы смотрѣли спокойно изъ Тануса на отрядъ нашъ, который проходилъ въ полуторѣ верстѣ отъ него; но въ послѣдствіи объяснилось что при нихъ не было орудія и что Шамиль не прибылъ еще въ Танусъ. Вообще замѣчено было что горцы сдѣлались не такъ рѣшительны съ пріобрѣтеніемъ орудій. Возлагая на орудія большія надежды, они боялись потерять ихъ и дѣйствовали ими только въ вѣрныхъ случаяхъ. За то безъ орудія имъ какъ бы не доставало чего, а затѣмъ и отчаянный натискъ ихъ утратилъ свою бѣшеную энергію.

8е число прошло въ ожиданіи князя Аргутинскаго. Въ этотъ день получено было письмо отъ наиба Шамиля, Гаджи Мурата. Въ письмѣ онъ предлагалъ Клугенау оставить Хунзахъ и подъ приличнымъ конвоемъ возвратиться въ Шуру. Посланному отвѣтствовано что кто принесетъ подобное письмо, тотъ будетъ повѣшенъ.

9го непріятель занялъ значительными силами сосѣднія деревни и всѣ высоты кругомъ Хунзаха. Къ вечеру генералъ велѣлъ одиннадцати ротамъ Апшеронцевъ, расположеннымъ сзади аула Хунзахъ, войти въ цитадель, но Хунзахцы остановили двѣ послѣднія роты и потребовали чтобъ онѣ были оставлены подъ ауломъ для ихъ охраненія, угрожая стрѣлять по нимъ если не останутся. Генералъ велѣлъ остаться этимъ двумъ ротамъ.

10го числа въ восьмомъ часу утра большой отрядъ въ двѣ тысячи конныхъ горцевъ и человѣкъ изъ пятисотъ пѣшихъ прошелъ по Аварской долинѣ по направленію къ Гоцатаю, въ двухъ верстахъ къ Хунзахской цитадели, неся распущенныя знамена въ родѣ штандартовъ, вѣя значками и джигитуя предъ нашими глазами. Орудій мы не замѣтили съ ними, и догадываясь что они идутъ или на Гоцатль, или для вспоможенія своимъ противъ Аргутинскаго, о которомъ не было никакихъ извѣстій. Мы пропустили отрядъ безъ малѣйшей помѣхи: имъ предводилъ, какъ узнали мы послѣ, самъ Шамиль. Паника наведенная потерями и неудачами была такъ велика что никому и въ голову не пришло предложить генералу двинуть изъ цитадели два или три баталіона во флангъ Шамилю при нѣ-

Digitized by Google

скольkихъ орудіяхъ, несмотря на то что, имѣя сзади себя цитадель и ограждаясь съ праваго фланга глубочайшею kручью, идущею отъ задняго фасса цитадели, мы не могли быть ни обойдены, ни окружены и возвратились бы въ цитадель, что-называется, по-добру по-здорову, навредивъ непріятелю.

Во время обѣда получено было извѣстіе что 8го числа, Тифлисскаго полkа прапорщикъ Залетовъ, оставленный съ 9ю ротой того же полkа въ укрѣпленіи Ахальчи, сдалъ Гаджи-Мурату укрѣпленіе, на условіи оставить всѣхъ живыми, а чтобы въ Хунзахѣ думали что укрѣпленіе взято съ бою, сдѣлалъ четыре выстрѣла изъ единственнаго орудія и то по сдачѣ укрѣпленія. Мы, впрочемъ, не слыхали выстрѣловъ. Лазутчикъ, принесшій это извѣстіе, доставилъ отъ Залетова письмо kъ поручиkу Тифлисскаго полkа г. Щодро, бывшему въ цитадели, для доставленія письма приложеннаго и kъ дядѣ Залетова, гдѣ, называя Шамиля повелителемъ всѣхъ Дагестанскихъ народовъ, просилъ дядю прислать за него 500 руб. сер. выkупу на имя Щодро. Генералъ прочиталъ за обѣдомъ письмо Залетова, отданное ему Щодрой, и письмо бѣднаго мальчиkа было разодрано, за то что онъ назвалъ Шамиля повелителемъ Дагестана и сдалъ укрѣпленіе безъ боя. Но не виноватъ ли еще kто-либо былъ въ его поступkѣ, вынужденномъ kрайностію обстоятельствъ?

11го числа около полудня поkазалась партія Шамиля, возвращавшаяся по дорогѣ отъ Гоцатля. Впереди ея шло человѣkъ до ста въ сѣрой одеждѣ и съ бѣлыми мѣшками за плечами. Это была 8я рота Тифлисцевъ, защищавшая Гоцатлинское укрѣпленіе, kоторое не существовало уже.

Лазутчикъ принесъ слѣдующее извѣстіе.

Шамиль подошелъ 10го числа въ полдень kъ укрѣпленію Гоцатль, обложилъ его и послалъ kъ начальниkу укрѣпленія, kапитану Тифлисскаго полkа Кузменkо, плѣннаго Залетова съ предложеніемъ сдачи безъ боя. Кузменkо велѣлъ стрѣлять по Залетову. Шамиль велѣлъ стрѣлять изъ орудія. Кузменkо отвѣчалъ тѣмъ же. Черезъ два часа бомбардированія разсыпана была стѣнkа укрѣпленія съ лицеваго фасса, и Шамиль приkазалъ взять укрѣпленіе. Мюриды бросились въ проломъ и на стѣны возведенныя изъ необожженнаго kирпича, то-есть просто изъ глины. Кузменkо былъ тяжело раненъ, гарнизонъ уступилъ, и Гоцатлинское укрѣпленіе въ одинъ часъ было сравнено съ землей. Вотъ k kое могучее было Гоцатлинское укрѣпленіе!

Digitized by Google

Одиннадцатаго же числа генералъ приказалъ снова вывести девять ротъ Апшеронцевъ изъ цитадели и размѣстить бивуаками кругомъ Хунзаха, а также, занявъ крайнія сакли, положить на верху ихъ ряды камней по окраинамъ, въ родѣ заваловъ, за которыми расположить стрѣлковъ, тылъ коихъ обезпечивался собственно вѣрностію намъ Хунзахцевъ, и сверхъ того поручилъ Пассеку подѣлать кругомъ аула завалы.

Итакъ одиннадцать ротъ Апшеронцевъ были снова отдѣлены отъ цитадели ауломъ изъ трехсотъ слишкомъ домовъ, выстроенныхъ изъ дикихъ камней. Аулъ этотъ представлялъ собою сплошную и отличную крѣпость съ тысячами стѣнъ и твердынь, которыя хотя и приступны снаружи со всѣхъ сторонъ, но взять которыя весьма трудно. Отступленіе же нашихъ ротъ къ цитадели, въ случаѣ необходимости, сдѣлалось весьма затруднительнымъ и невѣроятно чтобы могло совершиться безъ огромныхъ потерь, а при натискѣ непріятеля и измѣнѣ Хунзахцевъ могло быть гибельнымъ. Въ крѣпости остался баталіонъ Кабардинцевъ, двѣ линейныя роты Грузинскаго № 12 баталіона и человѣкъ до 90 саперъ.

День 11го числа обиленъ былъ извѣстіями и одно другаго прискорбнѣе. Дошло до насъ что Моксохская башня взята 6го числа, Балаканское укрѣпленіе на разсвѣтѣ 7го и Цатаныхское 8го числа. Въ послѣдствіи вѣрныя извѣстія сообщили слѣдующее:

Какъ только Шамиль освѣдомился что мы ночью на 5 число отступили отъ Моксоха и оставили засаду въ Моксохской башнѣ, къ вечеру того же числа онъ подошелъ къ ней. Съ разсвѣтомъ, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ предложеній о сдачѣ, онъ велѣлъ стрѣлять по башнѣ изъ-за сакли на верхней сторонѣ Моксоха. Первый выстрѣлъ орудія былъ такъ удаченъ что отсылалъ подъ кровлей одинъ изъ восьми угловъ башни, сдѣлавъ въ ней довольно большое окно. Второй выстрѣлъ, еще болѣе удачный, отдробилъ часть верха башни и полуоткрылъ гарнизонъ.

Осажденные спустились внизъ башни, вышли изъ нея и составили ружья въ козлы. Единорогъ ¼ пудовой и снаряды цѣлымъ комплектомъ и до 6.000 патроновъ достались непріятелю.

Шамиль велѣлъ плѣннымъ солдатамъ нашимъ разломать башню, и оставшись въ Моксохѣ, жители котораго приняли его съ привѣтствіями, послалъ того же 6го числа часть своего скопища подъ Балаканы при одномъ орудіи.

Digitized by Google

Въ Балаканскомъ укрѣпленіи царствовала такая безпечность что тамъ и не замѣтили какъ въ полуружейномъ выстрѣлѣ, отрядъ Шамиля подѣлалъ для стрѣлковъ завалы на самомъ краю обрыва горы Арахтау, выровнялъ платформу и поставилъ на ней орудіе. Впрочемъ для нашихъ было все равно. Помѣшать работамъ они были не въ состояніи и по крайней мѣрѣ спали покойно послѣднюю ночь въ своей жизни.

Съ разсвѣтомъ 7 числа грянулъ выстрѣлъ изъ орудія. Гарнизонъ всполошился, побѣжалъ къ стѣнкамъ укрѣпленьица, а засѣвшіе въ завалахъ стрѣлки били на выборъ. Уменьшаясь съ каждою минутой, и не имѣя возможности не только наносить вредъ непріятелю, но даже найти мѣсто въ укрѣпленіи чтобъ укрыться отъ выстрѣловъ, гарнизонъ отворилъ ворота и сдался.

Въ Балаканскомъ укрѣпленіи было пять офицеровъ, именно. командиръ 5 роты поручикъ Доманскій, офицеръ въ его ротѣ, начальникъ военно-рабочей роты поручикъ Архиповъ и два офицера ѣхавшіе къ отряду. Въ 5 ротѣ было 140 человѣкъ и 20 человѣкъ военно-рабочей роты у Архипова. Непріятелю достались еще: 6ти-фунтовая пушка и 6ти-фунтовая мортирка, съ комплектами снарядовъ на каждую, и сверхъ того маленькій паркъ изъ 16.000 патроновъ и все вооруженіе, безъ потери съ его стороны.

Того же 7го числа, по приводѣ балаканскихъ плѣнниковъ, Шамиль выступилъ къ Цатаниху. Разсвѣтъ 8го числа показалъ силы Шамиля кругомъ Цатаниха. Лишь только жители деревни этой обозрѣли все скопище, то тотчасъ же завязали со штабсъ-капитаномъ Дементьевымъ перестрѣлку и первые бросились на штурмъ завала, въ которомъ, какъ выше сказано, помѣщены были двѣ роты. Но Дементьевъ отразилъ ихъ. Поддержанные партіями Шамиля, Цатанихцы возобновили натискъ, и Дементьевъ снова отбилъ ихъ.

Это озлобило Шамиля. Онъ послалъ занять оставленное укрѣпленіе, и завладѣвъ имъ, пріобрѣлъ удобство вредить изъ-за стѣнъ укрѣпленія Дементьеву, очутившемуся между двухъ огней; но тотъ не терялъ присутствія духа и изъ двухъ орудій какія у него были громилъ непріятеля, который, не имѣя командующей надъ мѣстностію позиціи, почти не дѣйствовалъ орудіями, а ввезти ихъ въ укрѣпленіе мимо Дементьева было нельзя.

Но силы Дементьева уменьшались съ каждою минутой. Нѣ-

Digitized by Google

сколько разъ Шамиль возобновлялъ штурмъ и всякій разъ наступавшіе обращались въ бѣгство.

Окружность возвышенія была усыпана татарскими трупами. Къ полудню, пользуясь минутами, Дементьевъ положилъ на барьеръ завала тѣла убитыхъ воиновъ своихъ, и защитившись этимъ страшнымъ вѣнцомъ баррикады, билъ что-называется на выборъ, въ промежутки между покойниками, служившими новую и послѣднюю службу.

Къ 6 часамъ по полудни у Дементьева осталось только 20 человѣкъ не раненыхъ. Непріятель снова собирался на штурмъ. Видя невозможность драться, Дементьевъ въ отчаяніи выскочилъ изъ завала и влѣзъ съ 20 оставшимися солдатами на ближайшую саклю.

Партія мюридовъ окружила саклю и требовала сдачи. Дементьевъ отогналъ толпу выстрѣлами.

Изумленный непріятель не стрѣлялъ по Дементьеву, желая взять его живаго — и отборные мюриды охотники пошли на штурмъ, не допуская другихъ идти съ ними.

Дементьевъ отбилъ ихъ, и при этомъ послѣднемъ усиліи выпустилъ всѣ пули до одной.

Хохотъ кругомъ надъ прогнанными мюридами привелъ ихъ въ бѣшенство. Они вернулись, бросились на штурмъ съ остервенѣніемъ и снова были отбиты штыками.

Ихъ встрѣтилъ новый хохотъ. Не зная на что̀ рѣшиться, они стали совѣщаться.

Нѣсколько минутъ совѣщанія предвѣщало недоброе. И вотъ они разбѣжались, а черезъ минуту всякій тащилъ уже къ саклѣ снопы ячменя съ поля, кто дерево, кто сѣно изъ аула и всѣмъ этимъ набили саклю, обложили кругомъ и зажгли внутри и снаружи.

Уже пламя обвивалось вокругъ каменной сакли, внутренность ея пылала; тонкій зыблющійся дымъ охватывалъ нашихъ страдальцевъ; какъ вдругъ, огненнымъ языкомъ вырвалось пламя изъ сакли, скрывшейся мгновенно затѣмъ въ черныхъ клубахъ густаго дыма. Тростникъ смазанный сверху глиной, составлявшій потолокъ сакли на тонкихъ древесныхъ стволахъ, обрушился и увлекъ героевъ въ огненную внутренность сакли!

Потеря наша вмѣстѣ съ Цатанихскимъ укрѣпленіемъ состояла въ семи офицерахъ, именно: штабсъ-капитанѣ Дементьевѣ, воинскомъ начальникѣ Цатаниха, поручикѣ Водарскомъ, смотрителѣ Цатанихскаго магазейна, подпоручикѣ Кой-

Digitized by Google

севичѣ, гарнизонномъ инженерѣ прапорщикѣ Соколовѣ, онъ же и строитель Цатанихскаго укрѣпленія, прапорщикѣ гарнизонной артиллеріи, завѣдывавшемъ Цатанихскимъ паркомъ — командирѣ 1й линейной роты Грузинскаго № 13го баталіона и бывшемъ въ ротѣ его офицерѣ. Нижнихъ чиновъ: въ 11й ротѣ Апшеронцевъ 110 человѣкъ; въ 1й линейной ротѣ 129 чел. Итого 239 человѣкъ; ¼ пудовой единорогъ, шести-фунтовая пушка, снарядовъ въ паркѣ 4.000, патроновъ до 300.060 и четырехмѣсячный складъ провіанта для баталіона.

Потеря непріятеля, какъ утверждали лазутчики, и какъ оказалось достовѣрнымъ, превышала 500 человѣкъ.

Но отвернемся отъ этихъ сценъ, раздирающихъ душу!

V.

Я сказалъ что 11го сентября, въ Хунзахѣ, принялись дѣлать завалы кругомъ деревни, полагаясь вполнѣ на вѣрность жителей. Возвращаюсь къ разказу о нашей жизни во время блокады Хунзахской цитадели.

Мы потеряли надежду на скорое прибытіе Аргутинскаго, о которомъ вѣсти какъ въ воду канули, и полагали долго еще пробыть въ блокадѣ. 12го сентября отправлены были подъ начальствомъ Пассека два баталіона пѣхоты и вся кавалерія на поля Тануса, забрать снопы сжатаго хлѣба.

Въ Танусѣ было большое сборище горцевъ и квартира Шамиля. Пассекъ, принимавшійся за все съ энергіей, вышелъ въ поле и на лошадяхъ кавалеристовъ перевозилъ огромное количество сноповъ, которые и сложены были вблизи цитадели. Непріятель смотрѣлъ на наши работы и не препятствовалъ, что̀ не мало удивляло насъ; на другой же день старшины Хунзаха пришли благодарить генерала за попеченіе о нихъ, объясняя что снопы эти не непріязненныхъ намъ жителей Тануса, а ихъ, Хунзахцевъ, искреннихъ друзей нашихъ. Нечего дѣлать, пришлось разыгрывать роль благодѣтелей и отдать Хунзахцамъ ихъ собственность.

Вслѣдъ за приходомъ къ намъ Хунзахцевъ, увидѣли мы большія массы горцевъ выступавшія изъ Тануса и приготовились къ бою. Но дойдя до поля, принялись они преусердно собирать снопы и возить ихъ въ Танусъ, на что̀ мы, въ свою очередь, смотрѣли также съ полнымъ спокойствіемъ.

Digitized by Google

Итакъ — два войска, стоявшія одно противъ другаго для смертнаго боя, неожиданно для нихъ самихъ, обратились вдругъ къ занятіямъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Тотъ же 13й день сентября ознаменовался самоотверженіемъ двухъ солдатъ Апшеронскаго полка, которыхъ фамиліи я забылъ записать къ сожалѣнію. Такъ какъ всѣ лазутчики насъ оставили, а въ Шуру необходимо было передать свѣдѣнія, то генералъ велѣлъ спросить: не вызовется ли кто пройти въ Шуру? Тотчасъ же явились два Апшеронца. Генералъ отдалъ имъ разныя словесныя порученія, вмѣстѣ съ рапортомъ къ корпусному командиру, и смѣльчаки совершили подвигъ свой благополучно. Другой, но уже весьма непріятный случай состоялъ въ томъ что Гаджи-Муратъ вновь прислалъ бумагу, но не съ предложеніемъ какъ прежде, а съ требованіемъ чтобы генералъ оставилъ Хунзахъ. Посланный былъ выведенъ за деревню и повѣшенъ въ виду непріятеля.

Присемъ я припоминаю одно весьма своеобразное обстоятельство. Въ то время какъ выведенъ былъ бѣдный посланецъ за Хунзахъ для выполненія даннаго слова Мурату, что всякій кто принесетъ подобное предложеніе будетъ повѣшенъ, мы увидѣли подъ висѣлицей Апшеронскаго полка поручика Мокринаки, разсматривавшаго петлю и что-то дѣлавшаго съ нею.

Этотъ Мокринаки чистѣйшій Грекъ изъ Аѳинъ. Давно служитъ на Кавказѣ, храбръ, любитъ бой, былъ въ плѣну у горцевъ, натерпѣлся всего у нихъ въ волю и убѣжавъ изъ плѣна сталъ ихъ заклятымъ врагомъ.

Непріятно подѣйствовало на насъ присутствіе Мокринаки подъ висѣлицей. Мы знали его мстительность и намъ пришло на умъ не вздумалъ ли онъ самъ вѣшать посланнаго. Мы тревожно спросили его:—что̀ онъ тутъ дѣлаетъ?

— А косточку привязываю, отвѣчалъ онъ съ греческимъ акцентомъ.

— Для чего?

— А вотъ видите, господа, сталъ истолковывать онъ.—Если косточку привязать съ боку петли, то человѣкъ промучится съ четверть часа, будетъ задыхаться и не скоро задохнется; а если привязать такъ чтобъ она пришлась подъ глотку, то человѣкъ въ ту же секунду „ульди" (умеръ).

— Какъ же вы удѣлываете? полюбопытствовали мы, ужасаясь что Мокринаки, по мести его къ горцамъ, хочетъ продолжить муки несчастнаго.

Digitized by Google

— А такъ чтобы сейчасъ ульди.

— Почему же? спросилъ кто-то.

— А потому что наше начальство, съ убѣжденіемъ отвѣчалъ Мокрицаки,—повѣситъ, да и раздумаетъ и велитъ снять. Глядишь — онъ ожилъ. А теперь, добавилъ онъ, окончивъ работу и свистнувъ протяжно,—пусть раздумываетъ сколько ему угодно, ульди сразу.

Во все время блокады и особенно 12го и 13го чиселъ прибывали партіи къ Танусу. Послѣдняго числа сдѣланы были даже четыре выстрѣла изъ орудій, въ честь какого-то наиба, прибывшаго съ довольно значительною партіей.

Между тѣмъ жители Хунзаха, коварные какъ всѣ горцы, вошли въ секретныя сношенія съ Шамилемъ и условились съ нимъ истребить насъ слѣдующимъ способомъ. Почетные жители и старшины Хунзаха должны были попроситься въ цитадель съ семействами своими и богатствомъ, 14го сентября, въ количествѣ двухсотъ, а буде довѣрчивость наша окажется податливою, то и трехсотъ человѣкъ; при нихъ должны быть дѣти и женщины выбранныя изъ самыхъ смѣлыхъ. На разсвѣтѣ 15го числа Шамиль сдѣлаетъ приступъ къ Хунзаху; жители его будутъ стрѣлять въ спину расположеннымъ на саклахъ и кругомъ деревни ротамъ, а почетные и преимущественно престарѣлые люди и женщины начнутъ рѣзню въ цитадели, какъ только Шамиль нападетъ на нее, одновременно съ Хунзахомъ.

Мы ничего не знали объ угрожающемъ намъ конечномъ истребленіи и продолжали относиться къ Хунзахцамъ какъ къ преданнымъ друзьямъ нашимъ. Мы ловѣрили имъ судьбу своихъ ротъ, съ слѣпымъ самоотверженіемъ выведя ихъ изъ цитадели для защиты лабиринта хунзахскихъ камней, почти неодолимыхъ самихъ по себѣ. О преступномъ предательствѣ не было у насъ и мысли. И хотя генералъ Клугенау, бывшій въ первый разъ во все время службы своей въ такомъ изолированномъ положеніи, видимо терялся, мало кто изъ насъ заботился о будущемъ, возлагая упованіе на Пассека, не имѣвшаго отдѣльнаго поста, бывшаго неотлучно при генералѣ и принимавшаго начальство въ исключительныхъ случаяхъ, и на Евдокимова, принявшаго, съ того времени какъ мы нагнали его подъ Балаканами, должность дежурнаго штабъ-офицера при канцеляріи генерала, чего не сдѣлалъ бы еслибъ была опасность. Но плѣнные, бѣжавшіе черезъ нѣсколько дней

Digitized by Google

изъ-подъ Тануса, сообщили намъ что они трепетали за насъ въ своемъ заключеніи, въ ожиданіи страшной катастрофы, о которой нисколько не стѣсняясь предсказывали горцы, нагло насмѣхаясь надъ ними и находя удовольствіе мучить ихъ такими разказами.

Но Провидѣніе вступилось за насъ. Разсвѣтъ 14го числа, въ которое Хунзахцы должны были испросить пріютъ въ цитадели, открылъ намъ огромныя партіи Шамиля, шедшія по Аварской долинѣ къ Гоцатлямъ. Мы недоумѣвали и наконецъ предположили что Шамиль, обложивъ насъ, шелъ взять Гергебильскій фортъ на пути въ Шуру, чтобы похоронить насъ въ горахъ Аваріи. Жутко стало намъ. Но часовъ въ 11 утра показались снова значки и толпы, а затѣмъ и всѣ силы Шамиля поспѣшно возвращавшіяся къ Танусу. Это дало намъ поводъ догадываться что не князь ли Аргутинскій идетъ къ намъ, и мы ожили надеждой.

Въ 12 часовъ лазутчикъ доставилъ извѣстіе отъ князя что онъ имѣлъ дѣло под Гоцатлями, овладѣлъ высотами и спѣшитъ къ намъ.

Въ часъ пополудни по направленію отъ Гоцатля услышали мы два пушечные сигнальные выстрѣла. Мы встрепенулись и вышли на Аварскую долину, оставивъ три роты впереди Хунзаха и двѣ въ цитадели; а съ другой стороны входилъ въ долину отрядъ Аргутинскаго изъ пяти баталіоновъ почти въ полномъ комплектѣ, и 1.500 человѣкъ Казикумыкской кавалеріи.

Вожди наши съѣхались, а на пушечный выстрѣлъ отъ насъ, къ Танусу, выровнялся въ линію конный пикетъ непріятеля съ нѣсколькими значками.

Минутъ около 10 прошло въ обоюдно немногорѣчивомъ разговорѣ генераловъ, бывшихъ между собою въ весьма непріязненныхъ отношеніяхъ.

— Вотъ почти всѣ войска мои Сѣвернаго и Нагорнаго Дагестана! сказалъ генералъ Клугенау энергически, показывая на три баталіона и человѣкъ 500 кавалеріи.

Князь Аргутинскій сдѣлалъ движеніе въ родѣ поклона и, поднося руку къ козырьку, отвѣчалъ:

— Для насъ довольно будетъ, ваше превосходительство.

Почти этимъ и кончилось совѣщаніе. Клугенау, какъ старшій, принялъ начальство и велѣлъ играть наступленіе, а на ходу скомандовалъ строиться въ колонны къ атакѣ.

Digitized by Google

Непріятельскій пикетъ, стройно красуясь предъ нами на превосходныхъ коняхъ, проигралъ отступленіе.

На дальній ружейный выстрѣлъ подошли мы къ Танусу. Непріятель молчалъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько десятковъ шаговъ, мы стали сомнѣваться не увезъ ли Шамиль орудія изъ Тануса въ горы, оставивъ въ немъ для удержанія насъ на время можетъ-быть нѣсколько сотенъ конныхъ. Въ это время раздался выстрѣлъ изъ Тануса, и граната пронизала колонну. Солдаты, не привычные на Кавказѣ стоять подъ орудіями и даже слышать ихъ со стороны непріятеля, такъ и окунулись.

— Прекрасно! сказалъ Пассекъ. — Это, значитъ, они хотятъ подарить насъ орудіями!

— Конечно! Иначе зачѣмъ бы подчивать насъ гранатами, сказалъ насмѣшливо одинъ изъ офицеровъ.

— Направо! скомандовалъ генералъ Клугенау.

Другой выстрѣлъ пролетѣлъ черезъ голову колоннъ. Третій былъ рикошетный и убилъ казака и артиллериста.

Мы подошли къ обрыву ущелья и расположились подъ возвышенною мѣстностію, сходившею отъ Тануса террасой, такъ что ядра не вредили намъ. На бугоркѣ поставили 12 шестифунтовыхъ и четверть-пудовыхъ орудій, а на равнинѣ двѣ 12-фунтовыя пушки. Всѣхъ же, съ горными единорогами, было у насъ 22 орудія, которыя на другой день всѣ вошли въ дѣло. Вправо же отъ орудій поставлено было 12 крѣпостныхъ ружей, заряжающихся съ казенника, берущихъ далеко, но въ послѣдствіи отмѣненныхъ, какъ требующихъ по пяти человѣкъ прислуги на каждое и полезныхъ въ немногихъ и исключительныхъ случаяхъ.

Позиція наша была выгодна. Выстрѣлы непріятеля перелетали черезъ наши орудія, дѣйствовавшія изъ-за перевала возвышенія, идущаго покатостію какъ къ Танусу, такъ и къ отряду нашему.

Ближайшая мѣстность была слѣдующая. По переходѣ ручья или маленькой рѣчки, текущей въ одной верстѣ отъ Хунзаха, идетъ параллелограммическая плоскость версты на четыре въ длину и болѣе двухъ верстъ въ ширину, называемая Аварскою долиной, а на концѣ ея выстроенъ аулъ Танусъ, сзади котораго, послѣ крутаго спуска, неподалеку развернулась широкая углубленная плоскость, пересѣченная кое-гдѣ балками или оврагами; вправо же отъ Тануса крутой, но удобный подъемъ на Аварскій хребетъ, возвышающійся на

Digitized by Google

полверсты надъ Танусомъ и надъ всею Аварскою долиной, на большое количество верстъ въ длину.

Лѣвая сторона Аварской долины отсѣкается рѣчкой, которая весеннею быстротой образовала крутой, а въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ обрывистый берегъ. Правая сторона долины, гдѣ стояли мы, провалилась на треть версты и разсѣлась на версту, образуя ущелье, въ глубину котораго оперся пятой хребетъ Аварской горы, и отшатнувшись отъ пропасти высоко, всталъ надъ долиной съ крутымъ, но доступнымъ подъемомъ, даже для кавалеріи.

Когда поставили батареи, и колонны размѣстились подъ склономъ мѣстности, а кавалерія, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, отошла къ рѣчкѣ на лѣвый флангъ долины, князь подошелъ къ генералу Клугенау и сказалъ ему: „Ваше превосходительство, необходимо занять хребетъ горы. Если угодно, я пойду съ своею кавалеріей, а вы поддержите меня баталіономъ при двухъ орудіяхъ.“

Генералъ согласился и назначилъ баталіонъ въ распоряженіе князя, но посовѣтовавшись съ Пассекомъ, отмѣнилъ распоряженіе.

Къ вечеру замѣтили мы небольшія группы горцевъ, тянувшихся по дорогѣ изъ Тануса на Аварскій хребетъ.

Ночь прекратила пальбу. Въ этотъ день у насъ было 28 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, и между ними одинъ офицеръ.

Послѣ боя инженеръ-поручикъ Геннерихъ предложилъ генералу подойти въ эту ночь двойнымъ сапомъ на сто шаговъ къ Танусу, къ чему черноземный грунтъ долины представлялъ большое удобство, и устроить батареи, употребивъ для мантелетовъ не вполнѣ вывезенные еще и бывшіе за отрядомъ снопы; но предложеніе принято не было.

15го числа непріятель первый открылъ пальбу. Поставивъ орудіе на небольшомъ возвышеніи, онъ весьма вредилъ колоннамъ продольными выстрѣлами. Съ разсвѣтомъ же мы увидѣли что надъ нами хребетъ Аварскій чернѣлъ пѣшимъ непріятелемъ въ числѣ тысячъ около двухъ.

На противоположной сторонѣ ущелья, прямо противъ насъ, почти на половинѣ глубокой кручи стояла сакля. Генералъ послалъ Апшеронскаго полка подпоручика Жескова съ 30ю человѣками солдатъ занять ее; а тридцати другимъ, подъ начальствомъ его же, занять нѣсколько вправо отъ нея другую меньшую саклю въ самой глубинѣ ущелья. Первая сакля ко-

Digitized by Google

торую занялъ Жесковъ была безъ кровли. Девять человѣкъ горцевъ спустились съ хребта горы, залегли на выступѣ надъ ущельемъ и стали скатывать камни, которые, прядая по откосу, вторгались въ саклю, разрушая ее постепенно и конечно убивая или раня непрошенныхъ ея посѣтителей, а чуть кто изъ нихъ выставлялся чтобы выстрѣлить, того били пулями, тогда какъ сами, кроясь за выступомъ, были безопасны.

Надъ другою саклей также засѣли горцы, посылая въ нее однѣ пули, за неимѣніемъ камней поблизости.

Въ это время резервной №2го батареи штабсъ-капитанъ Гунинъ доложилъ генералу что горцы везутъ изъ Тануса на Аварскій хребетъ орудіе, а на хребтѣ равняютъ площадку. Генералъ спросилъ его: „будутъ ли вредны оттуда выстрѣлы?"—„Непремѣнно!" отвѣчалъ Гунинъ. Генералъ позвалъ нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, Геннериха и Пассека, и кромѣ Геннериха, поддержавшаго Гунина, всѣ доказывали что орудіе не возьметъ на такое пространство, а Пассекъ прибавилъ съ досадой что онъ вчера еще говорилъ объ этомъ его превосходительству.

Какой-то широкогорлый Татаринъ, напрягая всѣ силы, кричалъ намъ, спустившись до половины хребта горы. Генералъ позвалъ переводчика горскихъ нарѣчій подпоручика Маклача, и спросилъ:

— Что̀ кричитъ горецъ?

— Ругается, отвѣчалъ Маклачъ,—пугаетъ что вотъ когда они поставятъ на верху орудіе, то мы запоемъ, по-русски выходитъ, ваше превосходительство, матушку-рѣпку.

Генералъ не понялъ этой технической русской поговорки; офицеры засмѣялись.

Между тѣмъ площадка на Аварскомъ хребтѣ была выровнена, орудіе поставлено и затѣмъ произведенъ слѣдующій маневръ:

На горѣ раздалась предсмертная боевая пѣснь, весь Аварскій хребетъ зашевелился народомъ, ровнымъ шагомъ стали спускаться съ него горцы къ ущелью, стрѣляя и поя пѣснь свою.

Изъ 30 человѣкъ бывшихъ въ саклѣ съ Жесковымъ, оставалось только 16 человѣкъ уже. Видя что непріятель спускается къ нимъ, они дрогнули и побѣжали внизъ ущелья; изъ другой сакли сдѣлали то же. Засѣвшіе надъ саклями горцы бросились за бѣгущими, и только Жесковъ и два рядовыхъ

Digitized by Google

прибѣжали къ отряду, остальные легли подъ пулями и кинжалами горцевъ.

Подать помощь было нельзя имъ. Брошенная граната изъ ¼ пудоваго единорога далеко не достигла до горцевъ. Пули не долетали и подавно. Отдѣлить часть отряда, для боя въ ущельѣ, значило бы подставить горцамъ новыя жертвы. Благоразуміе требовало предоставить несчастныхъ ихъ участи. Вопіющій вопросъ: слѣдовало ли посылать ихъ безъ цѣли и пользы для занятія постовъ? остался на устахъ каждаго.

Въ одно время съ выстрѣлами горцевъ спускавшихся съ хребта горы взвился дымокъ на выровненной площадкѣ, и мгновенно за нимъ грянулъ выстрѣлъ. Граната проклокотала надъ головами колоннъ и упала въ вагенбургѣ, удаленномъ за полверсты отъ нихъ, другая граната съ той же площадки упала въ колонну и убила трехъ человѣкъ. Это обстоятельство сильно поконфузило надѣявшихся что ядро съ Аварскаго хребта не достанетъ до насъ.

Солдаты, не разсуждая что пуля не долетитъ до противоположнаго края ущелья, открыли бѣглый огонь съ своего берега по спускавшимся горцамъ. Все вниманіе отряда было привлечено къ нимъ, какъ вдругъ вырвалось нѣсколько сотенъ мюридовъ изъ Тануса, и съ гикомъ и съ визгомъ устремились къ батареямъ, но живой огонь орудій и быстро поднятый баталіонъ Апшеронцевъ командовавшимъ имъ штабсъ-капитаномъ Павловымъ, несмотря на рану подъ Харачиломъ, не оставлявшимъ боя, заставили мюридовъ возвратиться. Павловъ преслѣдовалъ ихъ до самаго Тануса и не поддержанный долженъ былъ возвратиться на позицію. Сходившіе съ Аварскаго хребта, увидѣвъ отбитую вылазку, остановились. Послѣ этого черезъ каждыя пять минутъ посылалась граната съ площадки и почти каждая несла смерть кому-либо; а также много принесло вреда орудіе поставленное влѣво отъ Тануса на небольшомъ возвышеніи.

Какой адскій грохотъ былъ въ эти немногія минуты! Каждый ружейный выстрѣлъ гремѣлъ по ущелью не тише выстрѣла изъ орудія, повторяясь эхомъ; а стрѣляло болѣе трехъ тысячъ человѣкъ одновременно съ обѣихъ сторонъ ущелья; къ тому же пѣснь двухъ тысячъ голосовъ, неестественный визгъ сдѣлавшихъ вылазку и ревъ 26 орудій, изъ коихъ четыре непріятельскія, все это наполнило душу такимъ

Digitized by Google

боевымъ восторгомъ что нѣкоторые изъ солдатъ, въ ожиданіи боя, пустились въ какой-то неистовый крутежъ или плясъ, при своихъ обычныхъ восклицаніяхъ и нечеловѣческомъ крикѣ.

Когда генералъ Клугенау, наблюдавшій подъ огнемъ непріятеля за всѣми дѣйствіями, возвратился на свой бивуакъ, онъ послалъ просить къ себѣ князя Аргутинскаго. Князь въ это время дѣлалъ перевязку правой руки, мякоть которой близь плеча сорвала пуля. Онъ выслушалъ приглашеніе, окончилъ наскоро перевязку, надѣлъ картузъ вмѣсто папаха и не торопясь пошелъ подъ пулями непріятеля, обстрѣливавшаго весь путь до праваго фланга, не позволивъ присланному къ нему адъютанту отъ Клугенау идти по лѣвую свою сторону, говоря смѣясь:

— Идя ко мнѣ вы рисковали правымъ бокомъ, и я защищу вашъ лѣвый.

— Ваше сіятельство! сказалъ генералъ.—Вы займете Аварскій хребетъ.

— Извольте, ваше превосходительство, отвѣчалъ князь Аргутинскій.—Прикажете мнѣ взять весь отрядъ мой?

— Какъ! Весь отрядъ, ваше сіятельство?

— Весь, ваше превосходительство.

— Помилуйте! А я съ чѣмъ же останусь?

— Съ чѣмъ угодно вашему превосходительству. Вчера я предлагалъ услуги мои занять гору кавалеріей при одномъ баталіонѣ. Тогда не было на ней непріятеля, и мнѣ довольно было этихъ силъ при двухъ только орудіяхъ чтобы громить его сверху, а теперь нужны всѣ приведенныя мною чтобы сбить его оттуда.

Генералы раскланялись. А орудіе громило да громило наши колонны. Наступилъ вечеръ. Темнѣло. Канонада умолкла.

Въ этотъ день выбыло изъ строя два офицера и 142 человѣка нижнихъ чиновъ.

Ночью явились въ отрядъ нашъ два солдата Апшеронскаго полка, бросившіеся съ кручи, въ ночь на 14е число, когда погнали плѣнныхъ въ тогдашнюю резиденцію Шамиля Даргибъ, и объяснили что Шамиль, сговорясь съ Хунзахцами, хотѣлъ на разсвѣтѣ 15го числа сдѣлать штурмъ на Хунзахъ и что онъ чрезвычайно заботился занять Аварскій хребетъ, боясь что Русскіе займутъ его.

Ночью же доставлено было достовѣрное извѣстіе лазутчиками что у Шамиля четыре тысячи горцевъ въ Танусѣ. Орудія намъ были извѣстны по вреду, ихъ было четыре.

Digitized by Google

Съ разсвѣтомъ 16го числа началась такая же процессія отвѣтныхъ выстрѣловъ и заключилась тремя офицерами и 84 человѣками нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Въ этотъ день было послано донесеніе корпусному командиру. Генеральнаго штаба капитанъ Калгеръ во время блокады Хунзахской цитадели занимался подробнымъ донесеніемъ отъ генерала Клугенау, и описывалъ весь рядъ происшествій, не увеличивая ни чьихъ подвиговъ и представляя все случившееся въ настоящемъ видѣ. Имѣя привычку совѣтоваться, генералъ показалъ донесеніе Пассеку, и онъ раскритиковалъ докладъ. Клугенау, не зная хорошо русскаго языка, согласился съ Пассекомъ и, несмотря на то что подписалъ уже донесеніе, поручилъ ему вновь вкороткѣ описать происшествія. Пассекъ началъ тѣмъ: что по взятіи Шамилемъ Унцукуля и разбитіи Зайцева, генералъ, оставшись въ Цатанихскомъ укрѣпленіи, отправилъ подъ Моксохъ генеральнаго штаба подполковника Пассека, который въ продолженіе двухъ сутокъ удерживалъ многочисленнаго и дерзкаго непріятеля отъ владенія въ Балаканское ущелье, послѣ чего генералъ Клугенау долженъ былъ отступить къ Хунзаху и заключиться въ Хунзахской цитадели.

Второй пунктъ донесенія былъ тотъ что во время заключенія въ цитадели генералъ выслалъ подполковника Пассека, 7го сентября, съ двумя баталіонами подъ деревню Батлаичъ, занятую мюридами, гдѣ Пассекъ, окруженный четырехтысячнымъ непріятелемъ, опрокинулъ его въ штыки и прогналъ въ присутствіи Шамиля, благополучно отступивъ къ Хунзаху.

Въ третьемъ пунктѣ говорилось что генералъ, обложенный непріятелемъ, отправилъ подполковника Пассека, по случаю недостатка въ провіантѣ, забрать хлѣбъ съ непріятельскихъ полей, что̀ онъ и исполнилъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ.

Наконецъ, докладывалось что бой продолжается третій день подъ Танусомъ, и что непріятель въ большихъ силахъ при четырехъ орудіяхъ.

Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ вызвался переписать это донесеніе на бивуакахъ, и подавая его генералу, высказалъ свое мнѣніе, но тотъ, вѣроятно по данной уже ему мысли, отвѣчалъ: „Э, любезный другъ, когда я приказывалъ, такъ стало-быть я и дѣйствовалъ. Переписывать некогда.“

Къ ночи нѣсколько выбѣжавшихъ солдатъ изъ Тануса принесли извѣстіе что резервной № 2 батареи прапорщикъ

Digitized by Google

Потемкинъ, взятый въ плѣнъ подъ Унцукулемъ, при уничтоженіи отряда Веселитскаго, сожженъ медленнымъ огнемъ на угляхъ костра, за то что не сталъ стрѣлять изъ орудія по приказанію Шамиля. Шамиль велѣлъ ему навести орудіе, которое переносило гранаты черезъ нашъ отрядъ, но Потемкинъ отозвался что онъ Русскій и не можетъ стрѣлять по своимъ. Шамиль хотѣлъ заставить его лаской, обѣщаніемъ освободить изъ плѣна, потомъ угрозой, которую и привелъ въ исполненіе, велѣвъ отрѣзать ему ухо, потомъ другое, потомъ носъ, и наконецъ велѣлъ жарить на угляхъ изъ-подъ бивуачнаго костра; но Потемкинъ, повторяя что онъ Русскій и не измѣнитъ долгу Русскаго, умеръ въ мукахъ.

По другимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ послѣдствіи, Потемкинъ, оставленный едва живымъ, взятъ былъ горцами при выступленіи Шамиля изъ Аваріи и умеръ въ пути, на берегу Сулака, въ который бросили горцы трупъ его. И точно, вблизи Евгеніевскаго укрѣпленія прибитъ былъ волнами къ берегу Сулака обожженный трупъ изуродованнаго человѣка. Солдаты вынули его изъ воды и Евгеньевскій гарнизонъ похоронилъ его съ большою честію, принявъ трупъ за тотъ въ которомъ жила великая душа Василія Николаевича Потемкина.

VI.

17го числа въ 7 часовъ утра, генералъ предпринялъ отступленіе отъ Тануса. Татары, казалось, удивлены были такимъ дѣйствіемъ, не преслѣдовали насъ и только послали намъ въ знакъ прощанья два выстрѣла изъ орудій. Когда же мы отошли на довольное разстояніе, они разсыпались по мѣсту нашего лагеря, и вырывая трупы, занялись раздѣваньемъ ихъ и наругательствами надъ ними.

Отведя колонны и кавалерію за пять верстъ отъ Тануса, генералъ поставилъ отрядъ бивуаками параллельно Хунзаху, въ двухъ верстахъ отъ него. Нѣсколько десятковъ джигитовъ, или наѣздниковъ, слѣдя за нами въ полутораружейномъ выстрѣлѣ, вызвали казаковъ-охотниковъ поиграть смертію, и обѣ стороны произвели предъ бивуакомъ джигитскія эволюціи, продолжавшіяся около часа, но убитыхъ и раненыхъ ни съ которой стороны не было.

Digitized by Google

Оставивъ князя Аргутинскаго на бивуакѣ, генералъ Клугенау отправился въ Хунзахскую цитадель, и майоръ Голтвинскій, начальникъ цитадели, прикалъ генерала съ выстрѣлами со всѣхъ батарей, не разчитывъ что мы возвращались вовсе не побѣдителями. Тѣмъ не менѣе ему брошена была привѣтливая улыбка.

Потеря наша подъ Танусомъ въ продолженіе трехъ дней состояла изъ шести офицеровъ, 254 нижнихъ чиновъ и большаго количества снарядовъ. Но главною потерей была утрата солдатами убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ стратегическихъ соображеній и искусствѣ дѣйствій предъ дѣйствіями Шамиля.

18го числа непріятель зажегъ находившіяся вблизи отряда деревни, не изъявлявшія покорности Шамилю въ надеждѣ на наше оружіе; рыскалъ сотнями и рѣзалъ оплошныхъ, которые проходили изъ отряда въ Хунзахъ и обратно; а 19го числа, видя наше смиреніе, былъ такъ дерзокъ что въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ подскакивалъ на близкое разстояніе къ Хунзаху.

Ясно было что между нашими вождями пробѣжала кошка, и, какъ видно, давно пробѣжала. Оба они были храбрые люди, оба имѣли Георгія 3го класса и ревновали къ славѣ, ненавидя одинъ другаго. Генералъ Клугенау зналъ что удача, измѣнивъ положеніе дѣлъ въ Аваріи, была бы приписана Аргутинскому общимъ мнѣніемъ, а князь долженъ былъ устраниться, предоставивъ все на долю старшаго.

Солдаты роптали на унизительное положеніе въ которое были поставлены. Въ отрядѣ Аргутинскаго былъ ропотъ общій. Солдаты, жалѣя что не онъ распоряжается, говорили: „Вѣдь нашъ князь совершенная лисица. Не было случая гдѣ бы онъ не обманулъ непріятеля, ужь небось, не проторгуетъ человѣчка. Ждетъ Шамиль отсюда, а онъ явится оттуда. Ты, глядишь, отступать началъ: эхъ-ма, не ладно, думаешь; а онъ разорветъ его чрезъ это, да въ бокъ которому-нибудь и хватитъ, и разбилъ, глядишь! А иной разъ такъ и лѣзетъ въ наступную, а ночью ушелъ. Тѣ всѣ въ сборѣ, и покуда думаютъ, мы разгромили ужь какой-нибудь аулъ, который прежде надумалъ, а подоспѣли—и ихъ расколотимъ.“

И точно, весело было быть въ отрядѣ съ княземъ Аргутинскимъ. Никто такъ вѣрно не опредѣляетъ достоинствъ начальника какъ солдаты, и князь былъ дѣйствительно таковъ какъ о немъ толковали. Припомнимъ что и Кутузова войска называли лисицей, какъ выразился и Наполеонъ, узнавъ о назна-

Digitized by Google

ченія свѣтлѣйшаго главнокомандующимъ. Князь Аргутинскій зналъ многіе горскіе языки, имѣлъ отличныхъ лазутчиковъ, умѣлъ привлечь ихъ и правда что не терялъ человѣка даромъ, а главное, самъ никогда не терялся. Войска въ него вѣровали, но подъ Хунзахомъ онъ былъ поставленъ въ исключительное положеніе, будучи младшимъ.

При всемъ этомъ князь Аргутинскій, какъ сказано выше, сдѣлалъ очень важное предложеніе занять Аварскій хребетъ горы, желая быть полезнымъ въ началѣ. Я прошу читателя перечесть описаніе Аварской долины, господствующей надъ нею Аварской горы и сообразить послѣдствія для насъ отъ занятія высотъ ея Шамилемъ, а затѣмъ обсудить насколько практиченъ, быстръ и вѣренъ былъ взглядъ Аргутинскаго, предложившаго услуги свои занять хребетъ Аварскій кавалеріей его и однимъ только баталіономъ при двухъ орудіяхъ.

Не ясно ли будетъ тогда что еслибы генералъ Клугенау послушался князя Аргутинскаго, то Шамиль очутился бы въ критическомъ положеніи? Весь Танусъ, вполнѣ открытый сверху горы не только для выстрѣловъ изъ орудій, но досягаемый даже для крѣпостныхъ ружей (а ихъ было 20), былъ бы подъ ногами Аргутинскаго. Идти къ нему на гору по обдѣланной дорогѣ ведущей изъ Тануса, подъ огнемъ двухъ орудій и крѣпостныхъ ружей, подъ выстрѣлами цѣлаго баталіона и 1.500 винтовокъ у кавалеріи, значило бы идти на конечное истребленіе. Идти на семибаталіонный отрядъ нашъ, имѣвшій при себѣ двадцать орудій, не представлялось также никакой возможности, тѣмъ болѣе что Аргутинскій, находясь съ лѣваго фланга непріятеля, громилъ бы его съ горы, и въ случаѣ надобности, черезъ четверть часа, могъ бы очутиться и въ тылу его, спустившись съ горы. Однимъ словомъ, его орудія стояли бы на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ поставилъ Шамиль орудіе, надѣлавшее намъ такъ много потерь. Держаться въ аулѣ, когда наши орудія поражали бы его спереди, а убійственный огонь Аргутинскаго съ боку, не представляло бы возможности даже и на одинъ часъ. Запертый съ своего лѣваго и передняго фассовъ, Шамиль имѣлъ бы за собой пересѣченную оврагами мѣстность, и это былъ бы единственный путь къ его отступленію, потому что вправо не путь въ Чечню, да и населеніе къ нему враждебно. Шамилю оставалось бы бѣжать, бросивъ орудія, оставивъ пѣшихъ горцевъ на произволъ судьбы.

Digitized by Google

Самъ Шамиль могъ бы потерять значеніе, и многія племена, ненавидѣвшія гнетъ его, непремѣнно отложились бы отъ него.

Приди на мысль самому генералу Клугенау занять Аварскій хребетъ, онъ предложилъ бы исполнить это Аргутинскому; но эта мысль родилась у князя, и самолюбіе, подстрекнутое недобрымъ совѣтомъ, взяло верхъ надъ стратегическимъ взглядомъ и парализовало все. Генералъ Клугенау имѣлъ за собой гору храбрыхъ дѣлъ, и общее мнѣніе признало его боевымъ генераломъ. Гвардейскіе офицеры, присылаемые на Кавказъ для участвованія въ экспедиціяхъ, находя радушный пріемъ въ домѣ генерала и всегда представляемые къ наградамъ, разнесли о немъ чудную молву. И дѣйствительно, генералъ былъ храбръ и стремителенъ какъ пуля, но одной храбрости недостаточно для вождя, отвѣчающаго не за свою собственную, а за жизнь многихъ людей, ему ввѣренныхъ.

20го числа посланъ былъ Апшеронскаго полка майоръ Познанскій съ двумя баталіонами и пятью горными единорогами къ Гергебилю для встрѣчи и конвоированія транспорта, шедшаго изъ Шуры въ Хунзахъ съ провіантомъ и снарядами.

Непріятель, наблюдавшій за нами съ Аварскаго хребта, потянулся за Познанскимъ и атаковалъ его, не допустивъ до Гоцатля. Познанскій утвердился на высотѣ и отдѣлывался удачно. Уронъ въ его отрядѣ былъ изъ 12 рядовыхъ, а у непріятеля гораздо значительнѣе. Канонада была слышна намъ, и на выручку Познанскаго отряженъ былъ князь Аргутинскій, и черезъ нѣсколько часовъ отправился и генералъ Клугенау, но непріятель отступилъ, узнавъ о ихъ слѣдованіи.

Слѣдующіе два дня прошли безъ приключеній.

23го прибылъ транспортъ подъ начальствомъ Апшеронскаго полка майора Витторта, охраненный отрядомъ Познанскаго.

24го числа Шамиль зажегъ укрѣпленный имъ Танусъ и отправился въ свой Даргибъ, погнавъ предъ собою нѣсколько тысячъ аварскихъ жителей для переселенія въ Чечню, кромѣ Хунзахцевъ, охраненныхъ нами, и жителей аула Оіухъ, сильнаго и многочисленнаго. Причиной переселенія Аварцевъ было то что Шамиль имъ не вѣрилъ, а у Русскихъ хотѣлъ отнять ихъ помощь.

25го числа мы удостовѣрились въ этомъ; а 26го пошли въ Шуру, оставивъ въ Хунзахской цитадели двѣ линейныя и двѣ Апшеронскаго полка роты, подъ начальствомъ майора Голтвинскаго.

Digitized by Google

Къ 8 часамъ вечера отрядъ сталъ спускаться съ горы Арахтау въ Балаканское ущелье. Вечеръ былъ прекрасный. Облака прилегли къ бокамъ Арахтау, туманъ, вырываясь изъ окрестныхъ ущельевъ, заливалъ быстро всю мѣстность, подкимаясь къ облакамъ, и слившись съ ними представлялъ совершенное подобіе волнъ необозримаго моря. Кое-гдѣ выставлялись еще остроконечныя горы, и одна только гора Гунибъ какъ бы высилась надъ водой, представляя своимъ очертаніемъ сходство съ ковчегомъ.

Ночевавъ въ ущельи, отрядъ 27го числа прошелъ мимо уцѣлѣвшаго Балаканскаго укрѣпленія. Между имъ и Зирянами, по распоряженію главнокомандующаго, князь Аргутинскій былъ остановленъ съ своимъ отрядомъ; а Апшеронцы, Кабардинскій баталіонъ, саперы, казаки и милиція, переправясь черезъ Койсу подъ Зирянскимъ укрѣпленіемъ, ночевали у Бурундуккальской башни.

VII.

Наконецъ, 28го сентября, часовъ въ 10 утра, отрядъ втянулся на Тавлинскую гору, остановившись приваломъ у водопада, и Темиръ-Ханъ-Шура появилась предъ нами въ глубинѣ долины, блестя бѣленькими домиками какъ слитокъ серебра и блистая зеркальнымъ озеромъ. Ни облачка на небѣ, всѣ окрестности были видны ясно, но Шура дымилась со стороны озера прозрачнымъ туманомъ, и надъ нею только, надъ одною ею, неслась синяя грозовая туча. Не предвѣстіе ли это будущихъ тревогъ ея? подумалъ я, и предчувствіе оправдалось черезъ мѣсяцъ, по истеченіи котораго Шамиль завладѣлъ почти всѣмъ Дагестаномъ и пять недѣль держалъ Шуру въ блокадѣ. Но тогда радость возвращенія не омрачалась никакими думами, всѣ были веселы. И взможно ли было иначе? Мы видѣли предъ собою конецъ нашихъ странствованій. Темиръ-Ханъ-Шура предъ нами, и вообще послѣ угрюмаго Нагорнаго Дагестана—виды Сѣвернаго были такъ восхитительны что еслибы слѣпорожденному дать на этой горѣ зрѣніе, онъ сказалъ бы: „здѣсь рай!“ А заоблачную твердь горы, съ которой смотрѣли мы, конечно принялъ бы за ту самую съ которой демонъ показалъ всѣ царства Спасителю.

Я сѣлъ надъ обрывомъ и подъ вліяніемъ впечатлѣній написалъ четыре куплета, какъ взглянувъ нечаянно въ сторону

Digitized by Google

увидѣлъ пріятеля своего, извѣстнаго всѣмъ намъ каррикатуриста, который рисовалъ съ меня и, конечно, каррикатуру. Я подошелъ и невольно разсмѣялся, найдя на листкѣ бумаги преуморительную фигуру, получавшую уже сходство со мною, и подпись: „Никогда Марій не сѣтовалъ на развалинахъ Карѳагена съ такимъ грустнымъ рыломъ какъ мужъ сей, сидя на обрывѣ Тавлинской горы.“

— Напротивъ, сказалъ я.—Ты плохой физіономистъ. Я весь восхищеніе. Посмотри на дивную панораму предъ тобою. Можно ли быть такимъ умникомъ какъ ты?

— А! Ты вѣрно стиходѣйствовалъ? возразилъ онъ и указывая на солнце, добавилъ: не такъ ли:

Идетъ съ заката царь природы!

— Да, отвѣчалъ я, и зная шутку Пушкина надъ лицейскимъ его товарищемъ, показавшимъ ему начало такого куплета, договорилъ его стихомъ:

И восхищенные народы
Не знаютъ что̀ начать:
Ложиться спать или вставать.

Мы занялись положительною прозой, оба пошли завтракать. Но мнѣ дороги мои посредственные куплеты, какъ память былаго, и я не хочу выкинуть ихъ изъ моего дневника. Вотъ эти куплеты:

Какъ мечта, какъ рядъ видѣній,
Вдругъ смѣнившихъ дикость скалъ,
Видъ разбросанныхъ селеній
Посреди садовъ и тѣни
Передъ нами замелькалъ.
И подъ облачной чалмою
Полны думой вѣковой,
Дремлютъ тучей громовою
Горы, съ снѣжной ихъ каймою
И прозрачной синевой.

Изъ тумана возникая
Словно слитокъ серебра,
Свѣтлымъ озеромъ сверкая,
Азіятка боевая,
Появилася Шура.

Digitized by Google

Сводъ небесный надъ Шурою,
И окрестъ, вспоялъ шатромъ,
А макушкой золотою
Встало съ дивною игрою
Солнце въ небѣ голубомъ.

Въ четыре часа пополудни отрядъ пришелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Въ ней встрѣтилъ насъ дивизіонный начальникъ нашъ, Павелъ Яковлевичъ Ренненкампфъ, который, узнавъ о несчастіи Унцукуля, поспѣшилъ въ Шуру; но по неимѣнію войскъ долженъ былъ остаться въ ней, ограничивая кругъ дѣйствій своихъ распоряженіями отъ Шуры до Кизляра и Зиранскаго укрѣпленія, въ которомъ самъ неоднократно присутствовалъ и распоряжался отраженіемъ непріятеля при покушеніяхъ его переправиться черезъ Койсу.

Я стараюсь понять теперь ту нестерпимую тоску какая охватывала меня всякій разъ при возвращеніи въ Шуру изъ экспедиціи. Я никого не любилъ въ Шурѣ; меня никто не ждалъ и никто не встрѣчалъ меня. Я входилъ вполнѣ равнодушный, но мнѣ всегда приходило на мысль, какъ бы встрѣтили меня мать моя или отецъ, еслибъ были въ Шурѣ. Но они были за двѣ тысячи верстъ отъ меня. Особенно раздражали меня слѣдующія сцены. Отрядъ подходитъ къ Шурѣ, поднимаетъ ружья вверхъ, и дружный залпъ раздается въ воздухѣ. Пули визжатъ, женщины обступившія валъ взвизгиваютъ; музыканты, дожидавшіеся у воротъ, начинаютъ свой нескончаемый маршъ, турецкій барабанъ тулумбаситъ какъ пушка. Вошли. Пѣсенники предъ каждымъ баталіономъ заливаются что̀ есть духа, и непремѣнно среди ихъ или предъ ними какой-нибудь солдатъ запѣвало или подпѣвало, съ ружьемъ за плечами, съ бубномъ или тарелками въ рукахъ, выплясываетъ напропалую. Солдатки бросаются на шею къ своимъ мужьямъ, они легонько отводятъ ихъ рукой, смѣются, цѣлуютъ ихъ на ходу и при первой остановкѣ даютъ волю объятіямъ и поцѣлуямъ. Все перемѣшалось, все жужжитъ! Дамы сдержанно подходятъ къ своимъ мужьямъ и каждая высказываетъ свою радость по-своему. Мужей нельзя узнать, такъ неузнаваемы дѣлаются лица ихъ, расцвѣтшія радостными и добрыми улыбками. И какъ часто глазки какой-нибудь хорошенькой дамы искали кого-то, даже въ первыхъ объятіяхъ мужа, предавшагося вполнѣ своей радости. Грустно! А между тѣмъ всѣ знаютъ, кромѣ мужа, кого ищетъ она.

Digitized by Google

Вслѣдъ за этимъ другая сцена. Несутъ раненыхъ, везутъ убитыхъ. Отъ нихъ разносятъ и отводятъ по домамъ безчувственныхъ женщинъ. Здѣсь плачъ и вой; а тамъ стоитъ безмолвная и грустная группа, которой и плакать не надъ кѣмъ: тотъ кого ждали остался на боевомъ полѣ, или, что хуже, въ плѣну. Весь хаосъ этотъ: и восторженной радости и чернаго горя, перемѣшанныхъ между собою, не есть ли общая картина страданій и радостей человѣческихъ, одинаково идущихъ объ руку во всемъ мірѣ, столкнувшихся вмѣстѣ въ одно время и потому выказывающихся рельефнѣе?

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ всѣ были рады намъ и всѣ возвратившіеся были веселы и правы. Одинъ только былъ скученъ майоръ Коссовичъ, о которомъ было донесено что по неслыханному малодушію онъ отступилъ отъ селенія Харачилъ и тѣмъ открылъ ворота въ Аварію, какъ будто въ нее не было другаго входа какъ чрезъ Харачилъ и двухъ ротъ было достаточно чтобъ удержать непріятеля въ его тринадцатитысячныхъ силахъ.

Всѣ неудачи наши отнесены были къ Коссовичу; его предали военному суду.

Князь Аргутинскій, забытый въ Балаканскомъ ущельѣ около недѣли, прислалъ къ генералу Клугенау письмо, гдѣ объяснялъ что у него есть своя сторона, которой охраненіе ему ввѣрено, и что не мѣсто генерала командующаго отрядомъ стоять безъ всякой цѣли на пикетѣ и какъ бы спрятаннымъ въ ущельѣ отъ непріятеля.

Послѣ этого письма князь былъ отпущенъ съ однимъ батальономъ и всею его кавалеріей въ Казикумыкъ, съ каковымъ отрядомъ и прибылъ онъ туда благополучно. Остальные батальоны его взяты въ Шуру.

Во время бивуакъ князя Аргутинскаго въ Балаканскомъ ущельѣ не было никакихъ приключеній, кромѣ того что офицеръ и юнкеръ графскаго полка (то-есть князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго) были изрублены на Балаканскомъ хребтѣ, на который они взошли изъ любопытства. Кромѣ того сдѣлалось извѣстнымъ что князь имѣлъ потерю въ одномъ офицерѣ и нѣсколькихъ десяткахъ солдатъ подъ деревней Рогжабъ, близь горы Гуниб, гдѣ остановленъ былъ большими силами Шамиля, почему имѣя малый отрядъ долженъ былъ отступить. Это было 7го сентября, когда слышали мы цѣлый день почти гулъ его выстрѣловъ изъ Хунзаха. Собравъ отрядъ значитель-

Digitized by Google

нѣе, князь пришелъ въ Хунзахъ къ намъ, 14го сентября взявъ штурмомъ Гоцатлинскія высоты и прогнавъ Шамиля, ретираду котораго къ Тануоу видѣли мы того же 14го числа мимо Хунзаха, а затѣмъ съ прибывшимъ по пятамъ его, княземъ Аргутинскимъ, имѣли трехдневное артиллерійское дѣло. Въ этихъ двухъ бояхъ, то-есть подъ Рогжабомъ и Гоцатлемъ, Аргутинскій потерялъ трехъ офицеровъ и до ста человѣкъ солдатъ и милиціонеровъ ранеными и убитыми, выручивъ насъ изъ блокады.

Окончивъ описаніе перваго періода нашихъ неудачъ въ 1843 году, не могу не сказать что мы еще весьма счастливо отдѣлались, заперевъ сами себя между горами, и что еслибы Шамиль сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, то при всѣхъ воинскихъ способностяхъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго, врядъ ли пришлось бы генералу Клугенау съ отрядомъ возвратиться въ Шуру.

Но заставивъ отступить князя Аргутинскаго и видя наше добровольное заключеніе въ Хунзахѣ, изъ котораго намъ не было выхода, что̀ сдѣлалъ Шамиль? Истребивъ 8го числа цатаникскій гарнизонъ, онъ по 14е число занимался укрѣпленіемъ Тануса и въ теченіи этихъ шести дней взялъ Гоцатлинское укрѣпленіе нѣсколькими выстрѣлами изъ орудія, что̀ не принесло ему никакой пользы, кромѣ взятія какихъ-нибудь 90 солдатъ. Противъ кого укрѣплялся онъ въ Танусѣ? Противъ насъ—не стоило. Силы наши были ему извѣстны, мы сами ждали его въ Хунзахъ и боялись его штурма и намъ не съ чѣмъ было идти на него. Противъ князя Аргутинскаго? Но его-то ждать и не слѣдовало. На тѣ обстоятельства которыя случились разсчитывать было невозможно, и прими генералъ Клугенау предложеніе князя занять Аварскій хребетъ горы, положеніе Шамиля было бы крайне затруднительнымъ.

Шамиль укрѣпилъ Танусъ подъ Аварскою горой чтобъ отрѣзать путь намъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; но онъ былъ и безъ того невозможенъ. Гора Аварская, гора Буцринская, ущелье Балаканское, переправа черезъ Койсу, ущелье Ирганайское и вообще около ста верстъ пути снабженнаго страшными преградами было немыслимо. Для удержанія насъ достаточно было съ этой стороны не скопищъ Шамиля, а однихъ возмутившихся жителей. Не ясно ли же что стратегическимъ пунктомъ Шамиля были высоты Гоцатля?

Онъ вошелъ въ сношеніе съ жителями Хунзаха, и подготовилъ

Digitized by Google

коварный планъ. Жители Хунзаха должны были попроситься въ цитадель, и конечно, при нашемъ довѣріи, были бы впущены. Шамиль подступилъ бы къ Хунзаху, внутри цитадели началась бы рѣзня, Хунзахцы били бы въ славу, охранителей своихъ, несчастныя роты выведенныя за Хунзахъ и мы пропали бы. Но для чего же медлилъ онъ столько что дождался князя съ отрядомъ? Какъ могъ онъ не знать о движеніи отряда Аргутинскаго? Хунзахцы всегда вѣроломные, конечно, не заставили бы себя соглашать долго. Дѣло въ томъ что планъ соглашенія съ Хунзахцами, повидимому, поздно возникъ въ головѣ Шамиля.

Наконецъ, по приходѣ Аргустинскаго что сдѣлалъ Шамиль? Правда, онъ воспользовался нашею ошибкой и, занявъ хребетъ Аварской горы, причинилъ намъ значительныя потери въ людяхъ; но еслибы вмѣсто того чтобы посадить горцевъ на Аварскомъ хребтѣ, онъ провелъ ихъ въ тылъ намъ, поставивъ насъ чрезъ это между двухъ огней; или по крайней мѣрѣ, подвинувъ горцевъ къ склону хребта на протяженіи къ Хунзаху, надъ Аварскою долиной, сдѣлалъ видъ что хочетъ атаковать насъ съ тыла, — мы немедленно должны были бы отступить отъ Тануса чтобъ обезпечить тылъ свой и прикрыть Хунзахъ. И тогда мы очутились бы въ опасномъ положеніи.

Но, слава Богу, говорили мы, и по всей вѣроятности и Шамиль также славилъ Аллаха.

VIII.

Какъ бы то ни было, а мы въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ съ своими семействами, друзьями, знакомыми, однимъ словомъ, у себя дома. И веселы были мы и довольны, несмотря на большія потери, вполнѣ сознавая что могло бы быть хуже и куда хуже!

Въ скоромъ времени начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ, уѣхалъ въ мѣсто своего штаба въ городъ Кубу, отстоящую на 300 верстъ отъ Шуры, а черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Шуру начальникъ Кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенантъ Гурко, но безъ войска, съ частію своего штаба, въ числѣ котораго былъ адъютантъ его, капитанъ Николай Павловичъ Слѣпцовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ на Кавказѣ въ непродолжительномъ послѣ того времени.

Не прошло и двухъ недѣль послѣ возвращенія нашего въ

Digitized by Google

Шуру какъ стали приходить тревожныя извѣстія что Шамиль волнуетъ Акушинское и Цудохаринское ханства, а съ Чеченцами, всегда готовыми на разбой, намѣревается отмстить князю Аргутинскому, разрушившему всѣ его планы. Мы насторожили уши. Лазутчики, пользующіеся всякими смутами чтобъ извлекать изъ нихъ свои выгоды, приносили разнородныя извѣстія каждодневно. Мы имъ не вѣрили, но принимали мѣры на всякій случай. Наконецъ свѣдѣнія сдѣлались настолько достовѣрны и такъ уяснились чрезъ донесенія разныхъ отдѣльныхъ начальниковъ что генералъ Клугенау рѣшался оставить Хунзахъ, притянувъ расположенныя тамъ четыре роты въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а равно и баталіонъ, бывшій въ распоряженіи полковника Ясинскаго, устраивавшаго оборону Балаканскаго укрѣпленія.

Аваріей, по покореніи ея генераломъ Фезе, завѣдывалъ пожалованный въ генералъ-майоры, жившій въ Аваріи Ахметъ-Ханъ-Мехтулинскій, подъ названіемъ правителя Аваріи, съ жалованьемъ отъ правительства двухъ тысячъ рублей серебромъ, или семи тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ, что̀ составляло тогда отличное жалованье. Въ 1842 году Ахмѐтъ-ханъ умеръ. Правительство не назначало ему преемника; но тѣмъ не менѣе управленіе ханствомъ съ населеніемъ болѣе 40.000 и такъ могущественно защищеннымъ природой требовало назначенія правителя.

Пассекъ пожелалъ быть правителемъ Аваріи и, имѣя большое вліяніе на генерала Клугенау, успѣлъ что тотъ представилъ корпусному командиру о назначеніи его правителемъ Аваріи.

Умный, хорошо образованный, даровитый и дѣйствительно храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до чрезвычайности самонадѣянный, Пассекъ уговорилъ Клугенау не бросать Хунзаха и послать его туда въ качествѣ правителя, давъ лишь двѣ или три сотни казаковъ въ поддержку хунзахскаго гарнизона; причемъ ручался за удержаніе страны въ покорности и за успѣхъ въ противодѣйствіи Шамилю въ той сторонѣ.

Съ полною надеждой, или лучше сказать, увѣренностію, генералъ отправилъ Пассека въ Хунзахъ и донесъ о семъ корпусному командиру, Александру Ивановичу Нейдгарту.

Къ концу октября извѣстія объ огромныхъ скопищахъ Шамиля сдѣлались положительно достовѣрными. Враждебное

Digitized by Google

настроеніе къ намъ обнаружилось даже нападеніемъ на оказію изъ Евгеньевскаго укрѣпленія въ Шуру, причемъ убито и ранено человѣкъ до 20 солдатъ и убиты сопровождавшіе оказію Апшеронскаго полка два прапорщика: Пановъ и Квятковскій. Но конвой отбился отъ горцевъ и доставилъ оказію въ Шуру, подобравъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ. Наконецъ Шамиль собралъ скопище и съ нимъ дѣйствительно отправился въ Казикумыкское ханство, но встрѣченный весьма не дружелюбно княземъ Аргутинскимъ, ретировался и, прельщенный большою добычей въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, въ случаѣ удачи, перемѣнилъ планъ своего набѣга, и 5го ноября свѣдали мы объ обложеніи имъ укрѣпленія Гергебиль, служившаго ему единственнымъ препятствіемъ на пути въ Шуру.

Генералы Гурко и Клугенау, взявъ три баталіона изъ Шуры * при трехстахъ донскихъ казаковъ, съ шестью орудіями и до 500 человѣкъ конной милиціи изъ владѣній Шамхала-Тарковскаго, генералъ-лейтенанта нашей службы, ** владѣнія котораго состояли изъ 11.000 горцевъ кругомъ Темиръ-Ханъ-Шуры, отправились немедленно на выручку Гергебиля.

Въ Гергебилѣ былъ расположенъ тогда баталіонъ Тифлисскаго полка подъ командой майора Шаганова. Въ строю было 8 офицеровъ, 23 унтеръ-офицера и 320 рядовыхъ. Артиллерія состояла изъ резервной № 2го батареи, 6 фунт. пушки, двухъ 10ти фунт. мортиръ и ¼ пудоваго единорога, Новозакатальскаго артиллерійскаго гарнизона при прапорщикѣ гарнизонной артиллеріи и 12ти человѣкахъ прислуги.

Миновавъ Аймякинское ущелье, мы заслышали канонаду, почему, поспѣшивъ форсированнымъ маршемъ, втянулись въ гору до самаго обрыва ея, съ котораго Гергебиль былъ подъ ногами на широкой плоскости, и увидѣли всю противоположную за Гергебилемъ гору, буквально усыпанную огромнымъ скопищемъ Шамиля.

Генералы наши сошлись на совѣтъ между собою и, имѣя въ свѣжей памяти участь подполковника Веселитскаго, спустив-

* Темиръ-Ханъ-Шура или въ сокращенномъ Шура—одно и то же.

** Шамхалъ—мужъ Селтанетты, описанной Марлинскимъ въ *Аммалатъ-Бекѣ*. Она дочь Ахмедъ-хана Аварскаго и мы ее видѣли въ Шурѣ. Старушка почти, но черты лица замѣчательно хороши. Женщины, начиная жить на Кавказѣ рано, рано и старѣются.

Digitized by Google

шагося въ подобную же мѣстность, рѣшились отступить въ Темиръ-Ханъ-Шуру, предоставивъ Гергебиль судьбѣ его. Это было 6го ноября.

Какъ только началось отступленіе наше, темныя массы кавалеріи Шамиля стали собираться въ тылу нашего отряда. Канонада подъ Гергебилемъ усилилась; Джингутаевцы, жители аула Джингутай, когда мы шли мимо его, ударили во флангъ намъ, кавалерія Шамиля нагрянула съ тыла, и началась потѣха. Но это именно была только *потѣха*; орудія наши разбросали горцевъ, не допустивъ до рукопашнаго боя, и мы съ ничтожною потерей возвратились въ Шуру; но за то принесли на плечахъ и непріятеля, занявшаго 8го ноября всѣ аулы вокругъ Темиръ-Ханъ-Шуры, выставивъ пикеты кругомъ Шуры, на разстояніи полуторапушечнаго выстрѣла.

Шамхальская милиція, у насъ бывшая, вся ретировалась къ Шамилю еще при отступленіи въ Шуру. Самъ Шамхалъ-Тарковскій едва успѣлъ изъ своей резиденціи, называющейся Большія Казанищи, прибыть въ Темиръ-Ханъ-Шуру, только со ста человѣками конныхъ мюридовъ, оставшихся ему вѣрными, которыхъ генералъ Клугенау, въ знакъ недовѣрія къ ихъ вѣрности, помѣстилъ бивуаками въ саду, прямо подъ выстрѣлами изъ крѣпости.

Гергебиль взятъ былъ Шамилемъ 7го числа ноября, штурмомъ, а 8го и самъ Шамиль былъ уже въ Большихъ Казанищахъ, въ домѣ Шамхала.

Прошло много времени послѣ этого, а я не могу забыть потрясающаго чувства которое охватило меня при отступленіи отъ Гергебиля.

Едва головы колоннъ нашихъ показались на обрывѣ горы предъ Гергебилемъ, когда мы шли къ нему на выручку, какъ восторженное *ура* вырвалось какъ бы изъ одной груди у Тифлисцевъ въ Гергебильскомъ фортѣ. Они махали намъ шапками, махали снятыми съ себя шинелями и кто чѣмъ. Выстрѣлы изъ орудій укрѣпленія зарокотали учащеннѣе. Баталіоны наши отвѣчали имъ крикомъ и подняли пальбу на воздухъ. И вдругъ велѣно было отступить и оставить Гергибиль на произволъ судьбы!

Поручикъ Щодро, раненый пулей, влетѣвшею ему въ ноздрю и остановившеюся у затылочной кости, былъ вывезенъ по взятіи Гергебиля изъ плѣна въ арбѣ подъ мѣшками, кунакомъ его, горцемъ, и доставленъ въ Шуру. Щодро разсказывалъ что

когда отступали мы, Гергебильцы думали что мы пошли искать удобнаго спуска и въ началѣ не упали духомъ. Но мы отступили, а чрезъ это увеличилась дерзость Шамиля, и утромъ 7го числа, на другой день по нашемъ отступленіи, Гергебиль былъ взятъ его сколпищами. Всѣ офицеры были переранены. Майоръ Шагановъ убитъ. Бо́льшая часть солдатъ перебита, остальные взяты въ плѣнъ.

Мы остались въ осадѣ съ 8го ноября до 14го декабря, когда были выручены генераломъ Фрейтагомъ, пришедшимъ съ Черноморской линіи.

Нужно ли описывать нашу блокаду? Всѣ пять недѣль ея были такъ однообразны какъ одинъ день. Шамиль подошелъ съ Цудохаринцами, Акушинцами, Чеченцами, Лезгинами и Кумыками, и всѣ Шамхальцы возстали противъ насъ. Шура обложена была болѣе чѣмъ 50 тысячнымъ непріятелемъ. Насъ всѣхъ съ жителями становилось на валъ для отраженія штурма до 4хъ тысячъ. Но Шамиль трусилъ. Онъ не рѣшался на штурмъ, хотя и готовилъ туры и фашины для рвовъ Шуры. Чеченцы и Шамхальцы, опасаясь возмездія, требовали штурма, но Шамиль предположилъ выморить насъ голодомъ, тревожа безпрерывно и показывая видъ что хочетъ идти на штурмъ.

Мы проводили ночи на батареяхъ и на валу форштадта, а день отдыхали поочередно, и только. Воспользуюсь остановкой и наброшу нѣсколько картинъ для украшенія однообразнаго разказа о нашемъ тревожномъ сидѣньѣ въ Шурѣ.

Какъ только массы непріятеля показались на перекатахъ небольшихъ горъ, окружающихъ Шуру съ южной стороны, и ядра полетѣли къ нимъ со всѣхъ батарей Шуринскихъ, дамы наши, жившіе на форштадтѣ, такъ перетрусили что многія изъ нихъ не въ состояніи были идти въ крѣпость чтобъ укрыться въ ней, и мы принуждены были переносить ихъ на такъ-называемыхъ калмыцкихъ носилкахъ.

Калмыцкія носилки дѣлаются такъ: Я беру лѣвою рукой у кисти своей правой руки; стоящій противъ меня дѣлаетъ то же; оставляя въ такомъ положеніи руки, я сжимаю ему лѣвую руку ниже локтя кистью правой руки своей, и онъ дѣлаетъ то же съ моею рукой, такъ что образуется рѣшотка, на которую садится дама, обнимаетъ каждаго изъ насъ за шею и, зыблясь какъ въ качалкѣ при быстромъ маршѣ въ одну ногу, удобно переносится на большое разстояніе.

И что̀ же! Не прошло недѣли какъ эти трусливыя дамы пре-

Digitized by Google

спокойно стояли на платформахъ батарей, съ которыхъ раздавались выстрѣлы изъ орудій...

Выпалъ снѣгъ. Это считается событіемъ въ Сѣверномъ, но не Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ въ горахъ и на горахъ лежитъ глубокій снѣгъ; а въ нашей Темиръ-Ханъ-Шурѣ выпадетъ снѣжокъ, поднимется катанье на санкахъ, а дня черезъ три, глядишь, его и клочка нѣтъ. Но въ 1843 году выпалъ пренорядочный снѣгъ и, при 5—6 градусахъ мороза, лежалъ около двухъ недѣль.

И вотъ, жена нашего генерала Франца Карловича Клугенау, Анна Ефимовна, приказала заложить тройку въ свои большія обшивни или пошевни, существовавшія для такой потребы, и пригласивъ съ собою четырехъ дамъ, выѣхала изъ укрѣпленія покататься по ровной долинѣ и мягкому снѣгу предъ крѣпостью, съ бубенцами и колокольцомъ. Человѣкъ 20 насъ составляли ея свиту. И вдругъ полетѣли пули въ насъ съ одного изъ пикетовъ. Винтовки горцевъ чертовски далеко берутъ! Казалось далѣе версты были отъ пикета, но одному изъ насъ сдѣлала пулька порядочное пятно на ногѣ. Разумѣется мы сейчасъ повернули сани къ крѣпости, а дамы наши презвесело хохотали, не обращая никакого вниманія на трескъ ружей съ пикета и пчелиное жужжанье пулекъ. Отъ генерала немножко, но весьма любезно впрочемъ, досталось всѣмъ.

Былъ у насъ поручикъ Трубаевскій. Онъ служилъ прежде въ Оренбургской губерніи, говорилъ по-киргизски, выучился на Кавказѣ кумыкскому языку, изучилъ посадку горцевъ на лошади, одѣвался въ черкеску, красилъ усы и ногти хиной и вполнѣ походилъ на горца.

Этотъ Трубаевскій два раза въ одинъ день продѣлалъ вотъ какую штуку: пустился на своемъ боевомъ конѣ къ пикету непріятельскому, крича что-то по-кумыкски; изъ окопа выставились горцы, а онъ подскакавъ къ нему довольно близко, хвать двустволку съ плеча: пафъ, пафъ—и пригнувшись къ сѣдлу, пошелъ вести коня зигзагами на утекъ въ укрѣпленіе. Горцы ругаются, стрѣляютъ по немъ, но онъ счастливо отдѣлался какъ отъ этого пикета такъ и отъ другаго съ противоположной стороны Шуры, съ которымъ повторилъ ту же продѣлку.

Замѣчательна была особенность въ характерѣ Трубаевскаго. Онъ былъ курносъ, типъ лица имѣлъ татарскій, роста вершковъ шести, не статенъ и вообще не красивъ. Все это вполнѣ

Digitized by Google

сознавалъ онъ, и потому не любилъ женщинъ. Но не угодно ли сказать что такая-то женщина недоступна, и онъ употребитъ всѣ средства чтобы понравиться ей и увлечь, но никогда не хвасталъ ни чѣмъ.

Разъ сказали ему что въ аулѣ, на другомъ берегу Аварской Койсу, не подалеку отъ Зырановъ, въ семействѣ такого-то Татарина, какъ называютъ горцевъ дагестанскихъ, есть дѣвушка, которая нейдетъ ни за кого замужъ. Трубаевскій отвѣчалъ: „Посмотримъ". Осѣдлалъ чеченскаго коня своего и бросившись на немъ въ кипучія волны Койсу, переплылъ и поѣхалъ въ аулъ, гдѣ жила отказывающая всѣмъ женихамъ невѣста. Вечеромъ возвратился Трубаевскій въ Зыряны, на всѣ разспросы отвѣчалъ уклончиво или просто смѣхомъ, но подобныя прогулки его и не на паромѣ, а также прямо черезъ Койсу, продолжались около мѣсяца. Только вдругъ онѣ прекратились. Трубаевскій засѣлъ въ укрѣпленіи и никуда не выѣзжалъ недѣли двѣ. Привыкши къ его эксцентрическимъ выходкамъ, офицеры оставили его въ покоѣ. Только въ одинъ день явился одинъ изъ старшинъ койсубулинскихъ и донесъ воинскому начальнику что въ скирдѣ сѣна подъ деревней ихъ, оказался убитый горецъ, признанный за одного изъ жениховъ капризной дѣвушки, проживающей въ ихъ аулѣ, и что по нѣкоторымъ догадкамъ дѣвушка эта заподозрѣна въ убійствѣ и заключена въ саклѣ, назначенной для арестованныхъ. Офицеры взглянули на Трубаевскаго, который былъ тутъ же, даже служилъ переводчикомъ, но онъ былъ совершенно спокоенъ.

Къ вечеру пропалъ Трубаевскій. Осмотрѣли коней его, всѣ они были налицо. Справка на перевозѣ удостовѣрила что Трубаевскій переправился на паромѣ-самолетѣ, пѣшій. Добрый онъ былъ товарищъ, и потому офицеры тревожились его отлучкой, но Трубаевскій вернулся тою же ночью въ сообществѣ горца, лицо котораго было закрыто длинными, тонкорунными космами чеченскаго папаха, укладывающагося въ пригоршни. Папахъ этотъ былъ намъ знакомъ, онъ принадлежалъ Трубаевскому, равно и щегольская чеченка на горцѣ, въ галунахъ и серебряныхъ подъ чернью патронахъ. Когда пришли къ нему товарищи, онъ вывелъ къ нимъ горца, шелковые волосы котораго лежали по плечамъ, открывъ прелестное личико, принадлежащее Нисѣ, выкраденной имъ изъ арестантской сакли, и объявилъ что это его невѣста. Въ тотъ же день онъ женился на ней, и насколько могъ быть пиръ, былъ пиръ.

Digitized by Google

Но я долженъ сказать что̀ такое женитьба на Кавказѣ, тѣмъ болѣе что въ большей части укрѣпленій нѣтъ ни походной церкви, ни священника. Нашею религіей воспрещается бракъ христіанина съ мусульманкой,—у мусульманъ онъ дозволенъ. Является мулла, въ которыхъ нѣтъ недостатка, читаетъ молитву, и бракъ совершенъ, вполнѣ обязательный для мусульманки и нисколько для христіанина, котораго обязанность состоитъ въ томъ что онъ не обижаетъ ея, и въ случаѣ нежеланія быть въ бракѣ съ нею долѣе, вознаграждаетъ ее и родившихся отъ нея дѣтей, по извѣстному уже и общепринятому условію, и тогда оба они свободны, безъ всякихъ претензій одинъ къ другому; но несоблюденіе условій влечетъ кровомщеніе, и потому уговоръ исполняется свято. Трубаевскій выкралъ Нису, потому что ей предстояла казнь, и женился для того чтобы туземцы потеряли право преслѣдовать и имъ остался бы только путь кровомщенія родственниками убитаго.

Объ убитомъ Трубаевскій не говорилъ ничего, но Ниса какъ женщина, хотя и дитя горъ, проговорилась одной изъ своихъ пріятельницъ что когда дальній ей родственникъ этотъ, желавшій имѣть ее женой, подстерегъ ночное свиданіе ея съ Трубаевскимъ, и промахнувшись въ него изъ пистолета, бросился съ кинжаломъ, то Трубаевскій срѣзалъ его шашкой, и что вдвоемъ они убрали его въ сѣно.

По лѣвую сторону озера, въ ¼ версты отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, шелъ кустарникъ колючки, въ полроста человѣка и нигдѣ не выше хорошаго роста его. Эта колючка шла довольно широко раскинувшись въ стороны до самаго пикета горцевъ и доставляла забаву офицерамъ, весьма похожую на ту которая существовала въ Польшѣ въ среднихъ вѣкахъ, именно: завязывали глаза двумъ человѣкамъ и разводили ихъ въ разныя стороны въ огромномъ залѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ кукукнетъ, а другой посылаетъ на голосъ пулю изъ пистолета и такъ перекуковывались поочередно, посылая другъ другу гостинцы, которые были иногда очень невкусны. Такъ и у насъ было, только въ другой формѣ: войдутъ офицеры въ колючку, идутъ, ползутъ, таятся въ ней, выставляютъ на мгновеніе папахъ на палкѣ поверхъ колючки, обманывая горцевъ, горцы дѣлаютъ то же, и чуть кто неосторожно выставился, выстрѣлъ грянетъ мгновенно. Разъ сошлись на кинжалы въ колючкѣ, и не всегда-то

Digitized by Google

сходили съ рукъ счастливо такія забавы, а въ другой разъ горцы просто бѣжали, забывъ даже всякую осторожность, и причиной страха былъ юнкеръ. Надобно сказать что горцы отличные стрѣлки съ присошки, но съ руки плохіе. Съ присошки онъ смотритъ въ дырочку, какъ иглой прокалотую въ діоптрикѣ надъ хвостомъ казенника, и наводя стволъ на видимый предметъ, попадаетъ вѣрно; но когда человѣкъ идетъ зигзагами, что̀ и принято, тогда вѣрный промахъ.

Во время игры въ колючкѣ преспокойно пролеталъ надъ нею дуданъ,—въ другихъ мѣстностяхъ птица эта называется дрофой. Юнкеръ поднялъ свою двустволку заряженную картечками и снялъ дудана, который шлепнулся въ колючку. Горцы ужаснулись мѣткости выстрѣла, и въ страхѣ ретировались до пикета, но Трубаевскій не оставилъ ихъ въ покоѣ: съ кинжаломъ въ зубахъ, съ шашкой въ рукѣ и въ другой съ пистолетомъ, вѣчно съ двустволкой за плечомъ, онъ съ десятью человѣками офицеровъ и юнкеровъ преслѣдовалъ ихъ и внезапно явился на пикетѣ, откуда еще быстрѣе бѣжали горцы и поплатились дорого. Водрузивъ на колѣ флагъ среди пустаго пикета, офицеры оставили пикетъ и пришли въ Шуру безъ потери; но замѣчательно то что, къ величайшему стыду горцевъ, флагъ этотъ былъ чадра Нисы, не отстававшей въ потѣхахъ отъ Трубаевскаго. Эта шалость сдѣлалась извѣстною всѣмъ, тѣмъ болѣе что все это было въ глазахъ шуринскаго гарнизона, видѣвшаго съ вала форштадта и штурмъ, и флагъ на пикетѣ. Генералъ Клугенау скоро свѣдалъ о происшествіи. Онъ пожелалъ видѣть удальцовъ-молодцовъ, какъ онъ выразился; всѣ явились къ нему съ сіяющими лицами, и увы! всѣхъ ихъ онъ разсадилъ по гауптвахтамъ.

Обстоятельство о которомъ хочу говорить теперь заслуживаетъ серіозное вниманіе, какъ находящееся въ связи съ великимъ событіемъ покоренія Кавказа.

Въ одинъ прескверный ноябрьскій день, обильно сѣявшій мельчайшимъ дождичкомъ, туманный и невыносимо скучный, какъ сама наша блокадная жизнь, разгулялось десятка съ два гребенскихъ казаковъ. „А что̀, братцы! Снимемъ пикетъ съ горки?“ сказали они. Сказано—сдѣлано, и только подковы засверкали по долинѣ отъ Шуры къ пикету, состоявшему человѣкъ изъ тридцати, на горкѣ, въ правую отъ Шуры сторону къ Муселимъ-аулу. Не доскакавъ съ четверть версты до пи-

Digitized by Google

кета, вдругъ казаки разсыпались, дали тылъ, и толпа человѣкъ изъ двухсотъ конныхъ горцевъ, вылетѣвъ изъ-за горки, устремилась за казаками въ погоню. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій навстрѣчу горцамъ, но они, разгоряченные преслѣдованіемъ, неслись по пятамъ казаковъ. Двое казаковъ были убиты, остальные вскочили въ ровъ подъ самымъ валомъ форштадта и спаслись. Многіе изъ горцевъ не могли сдержать коней и проскользнули подъ выстрѣлами съ вала, остальные ускакали назадъ; но два изъ нихъ, саженяхъ въ тридцати или сорока отъ укрѣпленія, соскочили съ коней и живо, посредствомъ кинжала, раздѣвъ распростертыхъ на землѣ двухъ казаковъ, ускакали съ добычей здраво и невредимо,тогда какъ весь валъ, ощетинившись штыками, чикалъ по скакавшимъ.

Можетъ-быть подумають что „чикать" есть туземное кавказское выраженіе? Нѣтъ, это слово чисто русское, звукоподражательное. Когда кремень, ударившись въ огниво, не зажжетъ пороха, то вы услышите звукъ: „чикъ". И гарнизонъ нашъ дѣйствительно только чикалъ, потому что обмокшій кремень подъ мокрымъ полунагалищемъ не вырубалъ искръ изъ огнивы ружейной. Я самъ имѣлъ удовольствіе шесть разъ чикнуть горцамъ, бравъ шесть разъ ружье у солдатъ на валу.

Но я долженъ остановиться дабы достойно воспѣть покойное ружье кавказское, бывшее у большей части войскъ на Кавказѣ.

О, ты!... Но нѣтъ, ужь я лучше прозой.

Ружье длинноствольное, штыкъ укороченный, въ стволѣ разстрѣлъ, огниво мало дающее огня, затравка выглядывающая въ полглаза изъ-подъ полки. Это ружье Екатерининскаго вѣка. А затѣмъ не было у солдата даже перочиннаго ножа чтобы кольнуть горца въ случаѣ если перерубитъ штыкъ своею булатною шашкой или выбьетъ ружье.

Между тѣмъ горецъ имѣлъ винтовку въ косматомъ и непромокающемъ чехлѣ, кинжалъ на поясѣ, за поясомъ два пистолета, у бока ловко привѣшенную для выема изъ ноженъ острую шашку и нагайку съ пулькой завитою въ концѣ, что̀ при сильномъ ударѣ тотъ же кистень.

Вотъ что̀ было противъ нашего ружья съ вѣчно неотпущеннымъ штыкомъ и противъ тупаго, короткаго въ сравненіи съ шашкой тесака изъ самаго скверваго желѣза и съ мѣдною, весьма скользкою и не защищавшею руки рукояткой. Солдаты

Digitized by Google

терпѣть не могли тесака, вопервыхъ, потому что онъ лучшие противъ шашки, которою въ шутку строгали иногда тесакъ' а вовторыхъ, потому что онъ сильно билъ по икрѣ правой ноги при каждомъ шагѣ. Суму же всегда стягивали къ лѣвой сторонѣ живота, такъ какъ весьма неудобно было бы брать изъ нея патроны, закидывая руку назадъ, еслибъ оставалась она на своемъ мѣстѣ. Но всего болѣе претендовали и даже злобились солдаты на папахъ, не на тотъ только который стоялъ цѣлымъ ведромъ на головѣ, а даже и на тотъ который аккуратно обвивалъ голову въ видѣ жгута, но былъ крѣпко набитъ и жестокъ какъ камень. А если еще на бѣду на немъ мѣдная струйка съ вычеканенными словами „за отличіе", ну, пропала голова! Солдаты привыкли понимать папахъ горцевъ какъ имѣющій значеніе подушки; мягкій околышъ его приходится подъ ушко какъ ни легъ; а тутъ—струйка. И что же? Папахъ подъ головы, а подъ головой кулакъ, или мѣшокъ съ сухарями! Мягко? Тепло?

Командовавшій Апшеронскимъ полкомъ подполковникъ Ласинскій Маркъ Константиновичъ, сдѣлалъ образцовое огниво къ ружью, мастеровыми полка. По исчисленію, на пятибатальонный Апшеронскій полкъ, огнивы обошлись бы въ 800 р. ассигн. или въ 227 р. 14$^1/_2$ к. серебр. Огниво было такъ великолѣпно хорошо что искры, спадая съ полки, шипѣли на полу; но таковой расходъ утвержденъ не былъ.

Генералъ Клугенау представлялъ о необходимости введенія въ роты швейцарскихъ штуцеровъ, короткоствольныхъ, съ длиннымъ штыкомъ сабельной формы, который могъ бы быстро быть отнятъ и служить въ рукопашномъ бою вмѣсто шашки. При штуцерникѣ предполагалась деревянная колотушка для забиванія пули, съ замшей, для стрѣльбы на дальнемъ разстояніи, и безъ замши или пластыря, въ случаѣ батальнаго огня. Но на это не послѣдовало и отвѣта.

Сойдемся мы—молодежь, бывало, и дивимся, дивимся! Говоримъ: есть комитетъ Кавказскій, есть учителя предъ глазами и модель для штуцеровъ, именно: винтовки, берущія на версту: чего бы кажется лучше? И рѣшимъ: да гдѣ же въ другомъ мѣстѣ стали бы мы наживаться и получать награды, еслибы не было Кавказа? Но всего болѣе удивляло насъ: откуда берутъ порохъ горцы? Оружіе они выдѣлываютъ отличное. Льютъ пульки для своихъ винтовокъ. Отливаютъ даже орудія и снаряды

Digitized by Google

для нихъ, но пороховыхъ заводовъ нѣтъ у нихъ. Селитры вовсе нѣтъ. Пороха они не умѣютъ и дѣлать. Откуда же неистощимый порохъ, который впрочемъ цѣнятъ они на вѣсъ золота чтò называется? Говоримъ: это Турки доставляютъ Чернымъ Моремъ, а сначала клепали все Англичанъ. Ну Турки, такъ Турки. Да вѣдь это на берега Чернаго Моря, откуда до Каспійскаго болѣе 700 верстъ, дорогой непроходимою, не только что не проѣзжею! Съ Каспійскаго моря нѣтъ возможности доставлять порохъ никакому непріятелю: море все наше. Думаемъ, думаемъ, и руками врозь, а просить начальство чтобы разрѣшило наше недоумѣніе считали неудобнымъ.

Замѣчательно бывало наше наступленіе! Бывало гонятъ наши солдатушки Татаръ предъ собою, какъ стадо барановъ. Мы—массой, они—въ разсыпную. Орудія улепетываютъ съ Шамилемъ, а изъ-за камней, изъ владинъ земли, изъ овраговъ, съ деревьевъ, пафъ да пафъ горцы. Мы только и видимъ ихъ, пока они, какъ векши, перепрыгиваютъ съ дерева на дерево, изъ-за камня за камень, да бѣлый дымокъ то тамъ, то тутъ, отъ котораго у насъ убываютъ да убываютъ помаленьку солдатушки. За то мы имъ—какъ рявкнемъ цѣлыми шеренгами изъ ружей, такъ они не знаютъ куда дѣваться, а убитыхъ нѣтъ; опять скачутъ и прядаютъ отъ прикрытія къ прикрытію. Но вотъ они собрались въ лѣсъ или засѣли за гребень горы. Чтò, думаемъ, спрятались! Но не все же стоять предъ ними. Надо идти и назадъ. Солнышко не такъ ужъ высоко. Вотъ тутъ-то и начинается ужъ рѣзня настоящая. Только двинулись мы назадъ, какъ все зашевелилось, все всполошилось. Со всѣхъ сторонъ стали заскакивать. Визгъ, трескъ ружей, громъ орудій, адъ цѣлый! Насѣдаютъ на орудіе, на хвостъ колонны. Плохо! Вся энергія нужна, все присутствіе духа чтобъ удержать хладнокровіе. Чуть дрогнула бы колонна—все пропало бы, ни одинъ живымъ не остался бы. И такъ отступленіе длится до какого-нибудь надежнаго пункта, по большей части не предвзятаго заранѣе, и теряемъ людей сотнями, устилая путь трупами, а дорогу кровью; и пишемъ что у горцевъ втрое потеря противъ нашей; а нѣтъ, то и въ пятеро; чтò ихъ жалѣть! Сами считаемъ трупы своихъ, по ранжирному списку, и распредѣляемъ ихъ по разнымъ дѣламъ послѣдующимъ.

Прошло двадцать семь лѣтъ какъ я пишу эти записки изъ

Digitized by Google

памяти и документовъ, у меня имѣющихся. Но что̀ это! Двадцать ли семь лѣтъ прошло? Не вѣка ли легли между тѣмъ временемъ и настоящимъ, такъ какъ покореніе Кавказа считалось откинутымъ на вѣка? Но зачѣмъ двадцать семь лѣтъ? Я видѣлъ Шамиля въ Москвѣ, въ домѣ генералъ-губернатора Павла Алексѣевича Тучкова, которому представлялся Шамиль проѣздомъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1859 года, по взятіи его княземъ Барятинскимъ на горѣ Гунибъ 26го августа 1859 года. Тогда прошло только шестнадцать лѣтъ послѣ молодецкаго набѣга Шамиля въ 1843 году. Нѣтъ, и это не такъ. Царствующій Государь нашъ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ въ 1855 году. Въ 1856 году окончилась Крымская война, а въ 1859 году взятъ Шамиль, и совершилось завоеваніе Кавказа. Вотъ гдѣ сократились и улеглись вѣка: между 1856 и 1859 годами.

Окончивъ войну, Государь Императоръ взглянулъ на Кавказъ, и тотчасъ сформировались стрѣлковыя роты въ каждомъ баталіонѣ, вооруженныя штуцерами, и образовались отличные стрѣлки. Войска получили листовыя ружья и штуцера.

Предъ набѣгомъ куда-либо, Шамиль постился и потомъ, входя въ мечеть, объявлялъ правовѣрнымъ что ангелъ возвѣстилъ ему въ сновидѣніи волю пророка: идти туда-то. И поклонники пророка стремились потокомъ куда повелѣвалъ Шамиль, вѣруя въ его слово и въ неудовлетворительность нашего оружія, особенно при отступленіи. Но вдругъ съ 1856 года Русскіе не стали окружать себя громами огней, а не частя выстрѣловъ стали бить на выборъ каждаго кто чуть неосторожно выставится или подойдетъ подъ выстрѣлъ, не разчитавъ разстоянія. Тотчасъ мнѣніе о плохой стрѣльбѣ солдата замѣнилось паникой. Горцы потеряли присутствіе духа. Отступленія отрядовъ на пункты стали производиться почти безъ преслѣдованія. Ружья наши оказались лучше винтовокъ, а солдаты, и безъ того всегда храбрые, получили десятерной перевѣсъ надъ горцами, щеголяя предъ ними выстрѣлами въ своихъ просторныхъ и удобныхъ новыхъ костюмахъ.

Но самое важное было то что чрезъ новое вооруженіе войскъ пошатнулось вѣрованіе горцевъ въ Шамиля; надломилось убѣжденіе что ангелъ вѣщаетъ въ снѣ Шамиля велѣнія пророка по указанію самого Аллаха. „Это не ангелъ“, говорили горцы, „а должно-быть шайтанъ являлся во снѣ ему, иначе могли ли бъ

Digitized by Google

разбивать насъ такъ Русскіе?“ Появилось охлажденіе къ Шамилю, фанатизмъ сталъ падать; на призывъ его стекались неохотно, а прибывъ, дезертировали изъ рядовъ при малѣйшей неудачѣ; удачи же со введеніемъ у насъ пистонныхъ ружей, штуцеровъ и стрѣлковыхъ ротъ горцамъ не было нигдѣ. И вотъ стали отставать отъ него и отставать быстро. Слово *кази* (святой) стало замѣняться словомъ *тази* (собака). Преслѣдуемый нашими войсками, съ какими-нибудь 400 мюридами-фанатиками, онъ заключился на горѣ Гунибъ, которую имѣлъ всегда въ виду, какъ неодолимую крѣпость, гдѣ могъ укрыться. Но не могло послужить въ пользу это укрытіе, потому что онъ окончательно потерялъ себя во мнѣніи горскихъ племенъ и былъ бы выданъ ими. Онъ сдался.

Кто же главный и истинный завоеватель Кавказа и покоритель всѣхъ племенъ его? Кому принадлежитъ имя завоевателя прежде чѣмъ изречено было цѣлою Россіей названіе Освободителя? Россія знаетъ это, и скажетъ въ вѣкахъ.

Какъ изумительно дивны и неисповѣдимы пути Провидѣнія! Сорокъ пять лѣтъ назадъ, * кади Магометъ-мулла, въ селеніи Ярагъ сталъ проповѣдывать религіозное ученіе повелѣвающее войну съ Русскими. Къ нему стали стекаться жители Ярага и окрестныхъ обществъ; слава о немъ пролетѣла въ горахъ и явились отвсюду послушники. Его навѣстили знаменитые горцы того времени: Шихъ-Шабалъ, Мулла-нуръ, ученый Гамзатъ-бекъ, пламенный Кази-мулла и разсудительный Шамиль, и всѣ они были проникнуты ученіемъ Магомета-муллы и восхищены его религіознымъ фанатизмомъ. Магометъ-мулла разослалъ своихъ *мюридовъ*, самыхъ фанатическихъ послѣдователей новаго толка, по горамъ съ завѣтомъ молчанія и деревянными шашками или саблями въ рукахъ. Мюридамъ дано было одно слово: „Мусульмане, казаватъ (война противъ невѣрныхъ). И вотъ въ странѣ гдѣ семилѣтній ребенокъ не выходитъ изъ дома безъ кинжала за поясомъ, гдѣ пахарь работаетъ съ винтовкой за плечами, появились въ одиночку невооруженные люди, которые встрѣчаясь съ людьми, ударяли по землѣ или по какому-нибудь предмету три раза съ безумною торжественностію и восклицали „мусульмане, казаватъ!“ Впечатлѣніе было чрезвычайное, ихъ приняли за

* Писано въ 1871 году.

Digitized by Google

святыхъ, охраняемыхъ рокомъ, и горцы стали стекаться тучами на поклоненіе и послушаніе къ Магомету-муллѣ. Мюриды были электричествомъ брошенным въ горы, и, когда Асланъ-ханъ Казикумыкскій, которому въ 1826 году повелѣно было грознымъ властителемъ Кавказа Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ прекратить религіозное ученіе, спросилъ Магомета-муллу: что̀ дѣлаютъ его мюриды? Мулла отвѣчалъ: „Не знаю. Они сами не знаютъ что̀ дѣлаютъ. Они бѣснуются! Но въ этомъ бѣснованіи явно виденъ перстъ Божій, указующій пути къ предначертанной имъ цѣли."

Итакъ бѣсноватые подняли весь лѣвый флангъ Кавказа. Наступила война съ Персами, потомъ съ Турціей. На Кавказѣ было тихо, но въ этой тишинѣ гремѣли глухіе отголоски грома. Во всѣ три года войны Россіи, горцы приготовлялись къ борьбѣ, въ величайшей тайнѣ готовя оружіе, силы и средства и связуясь однимъ религіознымъ чувствомъ мести.

Магометъ-мулла искалъ въ умѣ своемъ главу возстанія, и избралъ Кази-муллу. Этотъ нетерпѣливый и неистовый фанатикъ кликнулъ кличъ, и горы Кавказа зашевелились косматыми папахами, и застонали ущелья, чрезъ которыя стекались къ нему конные горцы. Онъ занялъ Чумкескентскій лѣсъ, въ 13 верстахъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры, которая, какъ и Кавказъ, по окончаніи Турецкой войны, наполнилась уже войсками; взялъ приступомъ четыре редута, возбудилъ всю Большую и Малую Чечню. Весь Дагестанъ закипѣлъ боемъ, война стала религіозною.

Въ 1832 году командиръ Кавказскаго корпуса Григорій Александровичъ баронъ Розенъ прошелъ всю Чечню огнемъ и мечомъ, окружилъ страшное по мѣстности селеніе Гимры, и въ немъ Кази-мулла былъ убитъ. Но на мѣсто его явился предводителемъ сколицъ Гамзатъ-Бекъ, принявъ названіе, какъ и Кази-мулла, „имамулъ-аазама". или сокращенно имама (намѣстника пророка). Два года онъ властвовалъ въ горахъ лѣваго фланга Кавказа, соединяя общества подъ одну власть и, въ 1834 году, когда истребилъ весь родъ хановъ Аваріи, кромѣ одного спасшагося въ утробѣ матери, былъ убитъ въ мечети Хунзаха Аварцами. Шамиль, шедшій къ нему для защиты его съ 4.000 мюридовъ, провозгласилъ себя имамомъ.

25ти-лѣтняя борьба Шамиля съ войсками русскими принадлежитъ исторіи Кавказа. Умиротвореніе Кавказа казалось

Digitized by Google

отошедшимъ за вѣка; религіозная война объявшая весь Кавказъ и разгоравшаяся все болѣе и болѣе, ручалась, повидимому, за это предположеніе. Но здѣсь-то и надобно сказать что судьбы Божіи неисповѣдимы. Глава не благословленная имъ пала, и тѣло рухнуло къ ногамъ завоевателей. Кавказъ смирился, и навсегда.

IX.

Обращуся снова ко времени нашей блокады. Что̀ дѣлалось по сторонамъ вблизи и дальнихъ окрестностяхъ Шуры, въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ? Войска наши были въ этотъ разъ менѣе раскиданы чѣмъ въ первый періодъ набѣга Шамиля, но въ иныхъ мѣстахъ все-таки были оставлены безъ надобности и наудачу. Такъ въ башнѣ при селеніи Зубутъ, въ той сторонѣ гдѣ Евгеньевское укрѣпленіе, кинута была партія изъ 2хъ унтеръ-офицеровъ, 30 рядовыхъ, 3хъ-фунтовой единорогъ и 4 крѣпостные ружья. Она взята толпами Шамиля. Въ укрѣпленіи Міатлинскомъ оставлены двѣ роты, облокированныя наибомъ Шамиля, и къ счастію сняты генераломъ Фрейтагомъ, оттѣснившимъ горцевъ. Изъ укрѣпленія Низоваго, изъ города Тарку и изъ упраздненной крѣпости Бурной, гдѣ было по ротѣ, сняты всѣ три роты Фрейтагомъ, заставшимъ укрѣпленія эти уже въ агоніи отъ осаждавшихъ ихъ полчищъ Шамиля. Постъ Озенскій, въ которомъ была 2я гренадерская рота Апшеронскаго полка при 6тифунтовой пушкѣ резервной № 2го батареи, взятъ штурмомъ и разграбленъ, а защитники перебиты и уведены въ плѣнъ.

На Евгеньевское укрѣпленіе, выстроенное бывшимъ корпуснымъ командиромъ Евгеніемъ Александровичемъ Головинымъ и названное въ честь его имени, а равно и на укрѣпленіе Казіюртъ, также хорошо устроенное и сильно вооруженное артиллеріей, какъ и Евгеньевское укрѣпленіе, нападеній полчищъ не было.

Замѣчательно слѣдующее обстоятельство:

На мѣстѣ лагеря Петра Великаго, близь котораго выстроена крѣпость Бурная Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, стоялъ домикъ или скорѣе изба, сдѣланная наскоро войсками, бывшими съ Ермоловымъ, для укрытія въ ней отъ непогоды

Digitized by Google

великаго сардаря. * Домикъ этотъ выстроенъ изъ чинаровъ въ два охвата каждый, и при немъ всегда стоялъ часовой, не столько для охраненія домика, сколько изъ благоговѣйнаго чувства къ А. П. Ермолову. Домикъ этотъ былъ дорогъ войскамъ потому что въ немъ неоднократно живалъ „батюшка Алексѣй Петровичъ". Возстаніе кипѣло всюду,—домикъ былъ одинехонекъ; но таковъ завѣтъ судьбы: до него не коснулась ничья рука, и мы, по окончаніи смутъ въ Дагестанѣ, имѣли счастіе вновь поклониться домику, пріючавшему на мѣстѣ лагеря Великаго Царя Русскаго—и великаго кавказскаго дѣятеля.

Невольно приходитъ на память преданіе, существующее на Кавказѣ: что когда предъ отбытіемъ графа Паскевича разнесся слухъ что главнокомандующимъ опять назначенъ Алексѣй Петровичъ, то горцы приготовили повсюду аманатовъ. Да и какое же можетъ быть сомнѣніе въ этомъ, когда мы, въ 1844 уже году—черезъ 18 лѣтъ послѣ оставленія Кавказа Алексѣемъ Петровичемъ,—знали что немирные князья враждебныхъ намъ обществъ пріѣзжали въ торговые дни въ Темиръ-Ханъ-Шуру и вмѣшивались въ толпы торгующихъ окрестныхъ Татаръ,* чтобы какъ-нибудь увидѣть пріѣхавшаго въ началѣ того года въ Шуру одного изъ сыновъ Алексѣя Петровича, о чемъ вѣсть облетѣла горы.

Послѣ всего этого хочется вѣрить разказамъ нѣкоторыхъ что въ Тифлисѣ, гдѣ близь рядовъ и не подалеку отъ стараго соборнаго храма находится на воротахъ изображеніе св. угодника Николая Чудотворца, и благоговѣйно вѣрующіе въ него Грузины снимаютъ шапки проходя воротами, иные горцы также снимаютъ папахи, и на вопросъ: почему это дѣлаютъ они? отвѣчаютъ по-персидски: „Тутъ Ермолай сидитъ".

Въ самомъ дѣлѣ, дивно жило на Кавказѣ преданіе, обращавшееся почти въ легенду, объ этомъ героѣ вѣка. Солдаты разказывали о немъ другъ другу разные анекдоты и всегда прибавлять бывало потомъ: „вотъ такъ командеръ!" Горцы, передавая о немъ дѣтямъ, не выказывали ни малѣйшей вражды

---

* Главнокомандующаго.

* Всѣ горцы впускаются въ Темиръ-Ханъ-Шуру въ торговые дни съ привозимымъ ими, по отобраніи отъ нихъ оружія въ воротахъ форштадта.

Digitized by Google

къ нему, но съ нѣкотораго рода суевѣрнымъ страхомъ, близкимъ къ невольному благоговѣнію, представляли его человѣкомъ гигантскаго роста съ огромною головой, могущимъ все сокрушить однимъ махомъ атлетической руки своей.

Подъ Дербентомъ есть курганъ. Съ этого кургана артиллерійскій поручикъ Ермоловъ громилъ Дербентъ, и вѣщій голосъ прозвалъ курганъ Ермоловскимъ. А мало ли было на Кавказѣ поручиковъ и другихъ высшихъ чиновъ, память о которыхъ осталась лишь въ архивныхъ дѣлахъ! Прибылъ вновь на Кавказъ бывшій поручикъ; но прибылъ уже главнокомандующимъ; и мелодическая пѣснь „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ предшествовала желанному гостю, жданному властителю боевъ:

Хвала сподвижникамъ, вождямъ:
Ермоловъ, витязь юный!
Ты ратнымъ братъ — ты жизнь полкамъ
И страхъ твои перуны!

И облетѣлъ Кавказъ другой, вѣщій голосъ поэта:

Бѣги Чеченецъ — блещетъ мечъ
Карателя Кубани;
Его дыханье — градъ картечь,
Глаголъ — перуны брани!
Окрестъ угрюмаго чела
Толпятся роки боя....
Взглянулъ — и гибель протекла
За маніемъ героя.

Но нельзя понять даже и частички того благоговѣнія, при чтеніи о Ермоловѣ, какое получалось къ нему на Кавказѣ. Пришлецъ прибывшій туда перерождался. Сначала онъ былъ объятъ изумленіемъ, и Зиждитель всего казался еще величественнѣе! Могильная угрюмость мѣстъ, утесы достигающіе неба — незыблемые памятники надъ безчисленными русскими трупами; глубина ущелій, въ которыя едва проглядываетъ свѣтъ дня; наклонившіеся надъ ними верхи громадъ, какъ-будто готовые погребсти дерзкаго пришельца, свитые какъ орлиныя гнѣзда аулы на высяхъ горъ и утесахъ, кипучія рѣки, мрачный видъ живущихъ, вѣчное вооруженіе, опасность и смерть на каждомъ шагу,—все это вливало въ душу сначала чувство тоски безпредѣльной, и незамѣтно для себя самого появлялось страстное желаніе боя. И вотъ, тогда-то, пробуждалось всеобъемлющее

Digitized by Google

чувство благоговѣнія къ тому кто въ теченіе десяти лѣтъ не имѣлъ ни разу неудачи и чьи перуны летали повсюду. Это чувство еще глубже западало въ душу при мысли о полной доступности вождя, о его справедливости, соразмѣрной строгости и умѣньи отличать заслуги и отдавать каждому свое. Пишу эти строки, и неудержимо просится наружу горячее воспоминаніе о другихъ двухъ Кавказцахъ: о генералахъ Набоковѣ и Тимоѳеевѣ — кумирахъ солдатскихъ, о которыхъ нельзя вспомнить безъ благодарной слезы. А коли солдатъ плачетъ, то эта слеза чистое золото.

Въ эпоху разказа, случалось слыхать на Кавказѣ: „теперь (то-есть въ сороковыхъ годахъ) и самъ Алексѣй Петровичъ ничего бы не сдѣлалъ". Да, но развѣ допустилъ бы онъ распространиться новому религіозному ученію? Развѣ Магометъ-мулла, возжегшій религіозную войну, былъ бы отпущенъ, почти подъ Тифлисомъ? Сагитъ эффенди — славнѣйшій алимъ въ Дагестанѣ, вполнѣ преданный Алексѣю Петровичу, уронившій было, и по отсутствіи его, религіозное ученіе Магомета-муллы и водителя массъ Кази-муллу въ глазахъ народа, развѣ могъ быть разоренъ Кази-муллой и вынужденъ спасаться бѣгствомъ? И развѣ послѣдній могъ существовать при Ермоловѣ, тогда какъ стоило ему приказать Асланъ-хану Казикумыкскому и этотъ покорный ханъ исполнилъ бы все что̀ было бы ему приказано! Затѣмъ неужели, по просьбѣ того же хитраго Асланъ-хана, могъ быть обмѣнянъ заарестованный въ Закаталахъ и находившійся въ Тифлисѣ Гамзатъ-бекъ? И наконецъ сталъ ли бы Ермоловъ отвлекать общества отъ Кази-муллы подарками и золотомъ, зная, какъ и было, что горцы примутъ подарки, а будутъ дѣлать свое, что горцы перетолкуютъ все въ свою пользу, и что золото—не охрана отъ непріятеля, а приманка его. Нѣтъ! Ермоловъ давалъ цѣну одному лишь желѣзу и чугуну, и его желѣзо цѣнилось у горцевъ болѣе чѣмъ цѣлыя горы золота!

Эту истину вполнѣ понялъ Григорій Александровичъ баронъ Розенъ, ставшій главнокомандующимъ, тогда когда Кази-мулла и Гамзатъ-бекъ подняли весь лѣвый флангъ Кавказа, и многое сдѣлалъ; но время было упущено — война разгорѣлась.

Удивительно какъ иногда фортуна, лелѣя долго своего любимца, вдругъ оставляетъ его и равнодушно смотритъ на стрѣлы, отвсюду въ него летящія.

1826, 7, 8 и 1829 годы, по оставленіи Кавказа Алексѣемъ

Digitized by Google

Петровичемъ, прошли такъ тихо какъ никогда. По случаю Персидской, а потомъ Турецкой войнъ, глубь Кавказа имѣла мало войскъ, и при всемъ томъ горцы ихъ не тревожили.

Люди готовые хвалить и хулить смотря по тому какъ указываютъ обстоятельства доказывали тогдашнимъ затишьемъ что Алексѣй Петровичъ плодилъ войну; но въ гулѣ громовъ военныхъ не слыхали они какъ шумѣла рѣка возстанія, разливавшаяся кипучимъ потокомъ и какъ затоплялось все на чтò было посвящено столько лѣтъ разумной дѣятельности и трудовой жизни Ермолова! И только 1830 годъ разубѣдилъ ихъ.

Алексѣй Петровичъ прокладывалъ дороги, истребляя лѣса на ружейный выстрѣлъ. Солдаты его, съ сухарями въ мѣшкахъ, оставивъ ранцы, дѣлали пути восьмидесятиверстные переходы, и войскамъ дали названіе дровосѣковъ и котомошниковъ; но обстоятельства потребовали послѣ рубить лѣса на пушечный выстрѣлъ, при большой потерѣ людей при совершеніи этой операціи, а ранцы такъ и не вошли въ моду.

Между тѣмъ сколько понадобилось возводить новыхъ укрѣпленій и какія страшныя потери постигли Кавказскій корпусъ! Тогда какъ при Ермоловѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, былъ только одинъ случай, и то не у него, а у генерала Вельяминова, когда въ одномъ дѣлѣ были потеряны 135 человѣкъ; каковую потерю главнокомандующій назвалъ чрезвычайною, хотя отрядъ сдѣлалъ все чтò требовалось.

Коснувшись имени генерала Вельяминова, я не могу пройти о немъ молчаніемъ, какъ о замѣчательнѣйшемъ дѣятелѣ на Кавказской линіи и въ Черноморіи, отличенномъ и взысканномъ Алексѣемъ Петровичемъ.

Бывши на Кавказѣ, я слышалъ воспоминанія и о немъ нѣкоторыхъ солдатъ кавказскихъ и между прочимъ разказъ о томъ какъ однажды весной въ степяхъ Кавказа огненная рѣка летѣла по вѣтру на отрядъ Вельяминова, пожирая съ чрезвычайною быстротой сухую траву и бурьянъ, растущіе, какъ извѣстно, выше роста человѣка. Вельяминовъ приказалъ зажечь позади отряда траву и, перейдя на выгорѣвшее мѣсто, спасъ отрядъ и разбилъ горцевъ, слѣдовавшихъ за огненнымъ прикрытіемъ.

Возвращаюсь къ своему разказу.

Обложенные кругомъ, мы ничего не знали о томъ чтò дѣлалось вокругъ насъ. Ждали помощи, каждый день ожидали штурма и не унывали. Одна неизвѣстность о своихъ смущала насъ.

Digitized by Google

Но не столько заботились мы объ укрѣпленіяхъ, бывшихъ на плоскости, которымъ могла быть подана помощь съ линіи, сколько горевали о двухъ баталіонахъ съ Пассекомъ и Ясинскимъ, отдѣленныхъ горами, ущельями и рѣкой Койсу.

Между тѣмъ тамъ вотъ что̀ дѣлалось.

Толпы Шамиля стали показываться въ Аваріи и принесли извѣстіе о нашемъ отступленіи отъ Гергебиля и о взятіи Шамилемъ этого форта, а вслѣдъ затѣмъ и объ облокированіи имъ и самой Темиръ-Ханъ-Шуры.

Соображая какъ необходимо увеличеніе войскъ въ Шурѣ для отраженія Шамиля и сознавая свое критическое положеніе,— тѣмъ болѣе что Хунзахцы стали уже недружелюбно посматривать на Русскихъ, а путь въ Шуру чрезъ Гергебиль былъ отрѣзанъ, и оставался одинъ черезъ Арахтау на Зиряны, и то если паромомъ на Койсу не завладѣлъ непріятель,—Пассекъ рѣшился оставить Хунзахъ. Въ ночь забралъ сколько могъ снарядовъ и пороха, и какъ все еще оставалось въ пороховомъ погребѣ много пороха и снарядовъ, то поставилъ тамъ заряженное и взведенное на второй взводъ ружье, привязавъ къ спуску ружья веревочку, которую прикрѣпилъ ко внутренней сторонѣ погребной двери, такъ что какъ скоро она отворится, веревочка должна была потянуть за спускъ, и ружье выстрѣлить въ порохъ. Сбросилъ съ кручи полуверстоваго обрыва сзади цитадели три чугунныя орудія, изъ коихъ одно было негодное, заклепалъ мѣдное 12ти-фунтовое орудіе, и на разсвѣтѣ съ 12ю и 6ю-фунтовыми мѣдными пушками и двумя 10ти-фунтовыми единорогами выступилъ изъ цитадели съ пѣснями, подъ бой барабановъ и звуки горновъ.

Изумленные Хунзахцы недоумѣвали куда пошелъ Пассекъ; глазѣли на баталіонъ равнодушно и задавались разными предположеніями, а Пассекъ шелъ да шелъ. Казаки крутились впереди отряда, направляясь то въ ту то въ другую сторону, маскируя настоящій путь. Хунзахцы положили навѣрное что идутъ Русскіе отъ Шуры и что на встрѣчу къ нимъ пошли изъ Хунзахской цитадели. Разузнать о семъ двинулось нѣсколько человѣкъ въ цитадель. Но какъ удивились они, найдя входъ въ цитадель свободнымъ, а въ ней ни одного человѣка. Сообщить о семъ своимъ было дѣломъ одной минуты. Нерѣшимость что̀ дѣлать охватила ими; они кричали, разсуждали, спорили, а Пассекъ былъ уже далеконько. Ему надобно было обогнуть Танусъ и втянуться въ гору, а завладѣвъ

Digitized by Google

высотой съ которой обстрѣливалъ Аварскую долину Шамиль 15го, 16го и 17го сентября, онъ могъ не бояться преслѣдованія многочисленныхъ Хунзахцевъ. И вотъ Пассекъ уже подъ Танусомъ.

Хунзахцы рѣшились преслѣдовать Пассека, какъ вдругъ увидѣли толпу своихъ выходящую съ добычей изъ цитадели. Жадность къ вѣрной поживѣ мгновенно пересилила всѣ другія чувства, и всѣ почти бросились въ цитадель, которая закипѣла населеніемъ Хунзаха. Только малая часть, въ числѣ какихъ-нибудь около ста человѣкъ, скакала къ Танусу, а отрядъ между тѣмъ сталъ втягиваться на гору. Изъ Тануса выскочили начинавшіе собираться въ него жители; Хунзахцы вмѣстѣ съ ними насѣли на хвостъ отряда, и началась перестрѣлка.

Но непріятельская позиція была не выгодна. Уже отрядъ господствовалъ надъ Танусомъ. Полетъ пуль съ горы удвоился; въ Танусѣ видны были уже всѣ пространства между домами, и горцы стрѣлявшіе изъ-за саклей были открыты. Но при всемъ томъ отрядъ потерялъ до 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ и трехъ офицеровъ ранеными. Понеся гораздо бóльшую потерю, Хунзахцы и Танусцы отстали, и отрадъ взошелъ на перевалъ горы, гдѣ остановился на короткій роздыхъ для людей и лошадей, которымъ люди помогали ввезти орудія.

Съ этой мѣстности видъ очарователенъ. Хунзахъ и всѣ окрестные аулы и горы, застилающія горизонтъ, представляли величественную картину. Вдругъ Хунзахская цитадель затмилась тучей и мгновенно разразился ужасный ударъ! Хунзахъ исчезъ въ пыли и крутящемся надъ нимъ прахѣ. Это былъ взрывъ пороховаго погреба. Хунзахская цитадель взлетѣла на воздухъ.

Благополучно дошелъ Пассекъ до Балаканскаго укрѣпленія. Именемъ генерала Клугенау принялъ командованіе надъ баталіономъ полковника Ясинскаго, который уступилъ ему, избѣгая пререканій, хотя многолѣтняя опытность въ бояхъ Кавказа, благоразумное хладнокровіе въ дѣлѣ, отличія и старшинство въ чинѣ давали полное право ему на командованіе всѣмъ отдѣльнымъ отрядомъ.

Не теряя времени, Пассекъ выступилъ къ Зирянскому укрѣпленію, которое, какъ было говорено уже, въ шести верстахъ отъ Балакановъ по Балаканскому ущелью, и переправивъ отрядъ черезъ Койсу на паромѣ, вошелъ въ Зирянское укрѣпленіе.

Digitized by Google

Въ Зирянахъ было двѣ роты; съ батальонами Ясинскаго и Пассека составилось десять ротъ и сотенъ до трехъ донскихъ казаковъ. Этого казалось весьма достаточнымъ предпріимчивому Пассеку чтобы пройти съ ними четырнадцативерстное Ирганайское ущелье, стѣсненное между высокими гребнями горъ, взять приступомъ Бурундукъ-Кальскую башню, замыкавшую ущелье на высотѣ вдавшагося въ него крутаго обрыва, и переваливши черезъ Тавлинскую гору, явиться предъ Темиръ-Ханъ-Шурою.

Уже сдѣланы были распоряженія чтобы побросать чугунныя орудія въ бездонную Койсу со стѣнъ укрѣпленія, потопить остающійся порохъ и весь провіантъ бывшій въ Зирянскомъ укрѣпленіи, какъ полковникъ Ясинскій, получившій чрезъ воинскаго начальника въ Зирянахъ, поручика Виноградова, имѣвшаго кунаковъ, недобрыя вѣсти, уговорилъ Пассека сдѣлать предварительно рекогносцировку ущелья, утверждая что если эти вторыя Ѳермопилы заняты непріятелемъ въ большомъ числѣ, то ущелье Ирганайское будетъ безславнымъ гробомъ для всего отряда.

Пассекъ съ трудомъ согласился на это предложеніе, схватилъ нѣсколько ротъ, всѣхъ казаковъ и самъ отправился въ рекогносцировку.

Ущелье начиналось въ трехъ верстахъ отъ Зирянскаго укрѣпленія, и первый предметъ представившійся Пассеку былъ громадный завалъ поперекъ ущелья при самомъ входѣ въ него, а горы чернѣли по обѣ стороны ущелья двумя или болѣе тысячами горцевъ, причемъ вѣнцы гребней до средины спаденія горъ въ ущелье были оборонены завалами.

Возвратившись въ Зиряны безъ потери, Пассекъ созналъ невозможность пробиться ущельемъ. Другой дороги нѣтъ. А между тѣмъ лазутчики Виноградова принесли извѣстіе что все Ирганайское ущелье баррикадировано. Бурундукъ-Кальская башня взята и охраняется въ большихъ силахъ. Шамиль всталъ въ Большихъ Казанищахъ, занявъ и Малыя Казанищи, между Тавлинскою горой и Темиръ-Ханъ-Шурой; что всѣ Шамхальцы и весь Дагестанъ въ полномъ возстаніи, Шура окружена со всѣхъ сторонъ. Яманъ (худо)!

Итакъ, и Пассекъ съ Ясинскимъ, и генералы Гурко и Клугенау засѣли въ блокаду. Чохъ яманъ (очень худо)!

Блокадное житье отряда Пассека такъ же было однообразно, безъ всякихъ успѣховъ сó стороны отрядовъ противъ

Digitized by Google

возмутившихся горцевъ, какъ и наше житье-бытье въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, съ тою разницей что мы жили въ просторѣ долинъ окружающихъ Шуру, а Зиряны отѣснены между горами, и какими еще горами! Горная масса отлавшая отъ Балаканскаго ущелья нависла надъ Койсу и Зирянами почти въ верстовую вышину. Горцы выровняли платформу на самомъ ея вѣнцѣ, поставили орудіе, наклонили его почти вертикально надъ Зирянами, и удерживая орудіе веревками отъ паденія въ Койсу, стрѣляли въ укрѣпленіе сначала ядрами, а потомъ за недостаткомъ ихъ всякими обломками желѣза. Счастіе что у нихъ гранатъ не было. Отрядъ долженъ былъ прятаться въ теченіе дня кой-гдѣ, и самая ночь была не безопасна.

X.

Предъ нашимъ укрѣпленіемъ непріятель не смѣлъ показаться. Оно было весьма недурно и притомъ имѣло много орудій и большой гарнизонъ. Переправляться на паромѣ черезъ Койсу чтобы сбить непріятеля было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумно и безполезно, потому что удержаться на этой высотѣ посланнымъ не было возможности, и горцы снова заняли бы свое мѣсто. Одно оставалось развлеченіе офицерамъ, и то ночью,— входить въ садъ деревушки, не упомню ея названія, вблизи укрѣпленія, и собирать зрѣлый свалившійся съ деревьевъ вишневый листъ, къ которому такъ привыкли потомъ что не очень тосковали о желтомъ и волокнистомъ табакѣ кавказскомъ. Но и это удовольствіе не обходилось даромъ. Горцы недружелюбно принимали незваныхъ гостей и попятнали иныхъ своими маленькими мѣдными пульками. *

Покуда мы сидимъ въ блокадѣ, ѣдимъ конину, и что̀ хуже всего, безъ соли, потому что нѣтъ ея; дурачимся отъ скуки съ горцами, подчасъ ведемъ интрижки, о которыхъ порѣшено весьма логично съ обѣихъ сторонъ что будущее извѣстно Богу, и что при такихъ обстоятельствахъ надобно пользоваться

* Во всей Аваріи, за неоткрытіемъ горцами въ ней свинца, пульки отливались изъ мѣди, которою обильна Аварія. Мѣдная пулька, засѣвшая въ тѣлѣ, всегда приносила смерть.

Digitized by Google

жизнію, наброшу нѣсколько очерковъ природы и людей Дагестана.

Зоркій глазъ горца видитъ все далеко вокругъ себя. Его слухъ изощренъ до чрезвычайной чуткости, ноги быстры какъ у лани. Конь составляетъ его крылья, пренебреженіе опасностію вошло въ натуру, а добыча и набѣгъ ему такъ же необходимы какъ воздухъ.

Казалось бы никакой законъ не сдерживаетъ ничѣмъ не обузданной воли горца, но законъ естественный, законъ внутренняго чувства и совѣсти, этого судіи нелицепріятнаго, живетъ въ душѣ каждаго человѣка, порождаетъ обычаи, предвѣстники закона.

Чуть только раздастся голосъ муллы съ минарета мечети, какъ всѣ мусульмане мгновенно оставляютъ работы, становятся на колѣни и нѣсколько минутъ проводятъ въ безмолвномъ благоговѣніи молитвы, а затѣмъ кому можно, тотъ или та, идутъ въ мечеть. Слово горца, если онъ локуначится, то-есть подружится, вѣрно. Въ критическихъ случаяхъ за своего кунака онъ пожертвуетъ жизнію и спасетъ его и выручитъ его изъ бѣды.

Взглядъ горца, голосъ, поступь, вся осанка его выказываютъ полное самообладаніе и внутреннее чувство независимости. Онъ отвѣтитъ на ласку лаской, за бешкешъ отплатитъ бешкешемъ (подаркомъ), но берегитесь оскорбить его.

Бытъ семьи чисто патріархальный. Свадебные договоры исполняются въ точности. Обряды свадебъ, не весьма замѣчательные, были описываемы много разъ, и я замѣчу только что невѣста и даже новобрачная бываетъ покрыта чадрой, какъ бывало и у насъ на Руси; но выходъ въ замужество вдовы сопровождается довольно смѣшными порядками. Говорятъ нѣсколько двусмысленныя рѣчи во время свадебнаго стола, пиръ бываетъ оживленнѣе чѣмъ на свадьбѣ дѣвушки, и всю ночь напролетъ, молодежь стрѣляетъ изъ ружей.

Похороны мужей, какъ главъ семейства, сопровождаются весьма оригинальными и торжественными церемоніями. Мнѣ случилось быть на одной изъ нихъ, по полученіи извѣстія о смерти хана, умершаго на чужбинѣ.

Посланный справиться о ханѣ привезъ письмо въ конвертѣ за черною печатью, и сидя на лошади, поднявъ письмо на пикѣ, предувѣдомлялъ грустною пѣснію о скорбной вѣсти. Пѣснь

Digitized by Google

его началась вопросомъ отворятся ли ворота для путника привезшаго печальную вѣсть. Мужъ вашъ, отецъ вашъ, братъ вашъ скончался. Старшій сынъ почтительно принялъ письмо отъ вѣстника и понесъ его къ матери. Черезъ часъ вышла она въ широкомъ черномъ платьѣ, откинувъ личеку (вуаль), и подойдя къ собравшимся на дворѣ дома родственникамъ, оповѣщеннымъ уже о горькой вѣсти, говорила о доблестяхъ покойнаго мужа своего и приглашала молиться за него Аллаху. Вынесли на дворъ все оружіе и все платье покойнаго, и она, вручивъ ятаганъ старшему сыну, заклинала его быть такимъ же храбрымъ, честнымъ и добрымъ какъ отецъ его. Двумъ сыновьямъ передала другое оружіе и затѣмъ подѣлила остальное между родственниками, съ привѣтственною рѣчью къ каждому. Послѣ каждой рѣчи она восклицала отчаянно: вай! вай (наше *увы*!) И всѣ вторили ей, и слезы текли обильно изъ глазъ многихъ.

Потомъ вынесено было платье покойнаго; раздѣлъ сопровождался такою же церемоніей и въ заключеніе его былъ выведенъ старшимъ сыномъ любимый боевой конь покойнаго. Мать взяла изъ рукъ его поводъ и передала ему обратно; назвавъ главою семейства. Она поклонилась ему и снова говорила о покойномъ мужѣ, но въ семейномъ уже отношеніи.

Послѣ этого всѣ отправились на кладбище, гдѣ у общей семейной могилы, при чтеніи молитвы муллой и восхваленіи умершаго, молились и сѣтовали о покойномъ, получившемъ пріютъ въ другомъ мѣстѣ.

Возвратившись въ домъ, мы нашли столъ, или кюрси по-татарски, на коротенькихъ ножкахъ, уставленный пловомъ, шашлыкомъ, вареною бараниной, при обиліи чуреков (хлѣбныя лепешки) и всякаго рода фруктовъ и винограда. Бузы (вина) не было. Шербетъ * составлялъ единственное прохладительное питье. Во время обѣда царствовало унылое безмолвіе, и по окончаніи поминки ханша встала, попросила не забывать покойнаго въ молитвахъ и считать ихъ домъ роднымъ еще

* Нашъ оршадъ. Толченый миндаль варится въ водѣ, охлаждается и подбавляется въ него розовой воды или кардамону и сахару. Подается на столъ серебряная или фарфоровая чаша и разливательная ложка, а вокругъ чаши на подносѣ, ставятся серебряные или форфоровые бокалы, въ родѣ чайныхъ чашекъ.

Digitized by Google

болѣе; поклонилась всѣмъ и ушла, поддерживаемая подъ руки прислужницами. Вслѣдъ за нею разошлись гости.

У простыхъ жителей сѣтованіе объ умершемъ выражается почти въ тѣхъ же формахъ, соотвѣтственно состоянію каждаго, но женщины, при восклицаніи *вай*! повторяя это слово продолжительное время, доходятъ до неистовства, царапаютъ себѣ лицо до крови, рвутъ волосы и бьютъ себя въ грудь.

Похороны женъ совершаются съ безмолвною торжественностію.

Но Боже мой, какъ грустно мнѣ стало, когда пробѣжалъ я только-что написанныя мною строки. Вездѣ рыщущая смерть привела меня снова къ неизбѣжному предѣлу жизни и снова смерть дохнула тлѣніемъ въ разказѣ моемъ, когда именно хотѣлъ я отвлечь вниманіе отъ картинъ смерти. Оставимъ этотъ предметъ. Я зову васъ войти со мною въ старый ханскій садъ, садъ подъ Кубой и полюбоваться тамъ царствомъ мѣстной флоры и кипучей дѣятельностью обитателей сада, ведущихъ жизнь безъ всякихъ волненій. Пойдемте скорѣе въ этотъ эдемъ очарованій и отдохнемъ душой. Вотъ отворились предъ нами широкія ворота въ садъ, обнесенный высокою каменною стѣной на пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстъ. Это садъ бывшихъ властителей Кубанскаго ханства, въ пяти верстахъ отъ города Кубы.

Весь садъ или по крайней мѣрѣ все видимое пространство тѣнистой аллеи, посыпано какъ бы инеемъ, летящимъ съ деревъ и устилающимъ путь пушистымъ ковромъ бѣлоснѣжнымъ. Съ перваго взгляда вамъ кажется что предъ вами воздвиглась стѣна изъ мозаикъ перламутра перемѣшаннаго съ изумрудомъ; земля представляется осыпанною снѣгомъ, но колышущіяся волны перламутра, наклоняющіяся и снова возстающія выси стѣнъ этихъ, прохлада и ароматъ и благоговѣйное безмолвіе всюду, увѣряютъ васъ что вы въ саду, въ полномъ цвѣту его.

Вотъ аллея, вотъ куртины, а тамъ уединенные оазисы съ широкими дерновыми скамьями, съ фигурными прихотливо раскинувшимися бесѣдками съ розовыми стеклами, ревниво останавливающими стремленіе свѣта и вмѣстѣ дающими живой колоритъ всему; тамъ мягкая мебель и брызжущій фонтанъ въ срединѣ манятъ васъ. Мѣстность вся наполнена яблонями. Взгляните какъ изящно ихъ развитіе, какъ высоки онѣ, и какъ прямы

Digitized by Google

сучья; ихъ листъ свѣжъ, блеститъ зеленью, и цвѣтокъ на нихъ отличается отъ обыкновеннаго цвѣта яблонь величиной, блѣдно-розовыми оттѣнками лепестковъ, кудрями лестика и тѣмъ нѣжащимъ ароматомъ который такъ сладко успокоилъ нервы ваши, такъ обаялъ васъ непонятною для васъ самихъ лѣнью и неизъяснимымъ желаніемъ кейфа.

Черезъ два мѣсяца вы увидите мѣсто это въ другомъ видѣ. Листъ также свѣжій и влажный, темно-изумрудный, и между нимъ, на мѣсто перламутровыхъ цвѣтковъ, золотистыя розовыя и красныя яблоки. Наклоненныя вѣтви какъ бы подаютъ вамъ ихъ. Кожа яблокъ тонка такъ что видна на свѣтъ ихъ внутренность съ ячеечками и сѣмячками. Яблоко исполнено ароматнаго сока и такъ нѣжно что, упадая съ вѣтви, не высоко отъ земли даже, сплющивается въ лепешку.

Но уйдемте отъ этого плода искушенія, особенно если вы читательница.

Предъ нами зеленая обширная долина, испещренная всѣми богатствами кавказской флоры, вспрыснутая нѣсколькими десятками кристальныхъ фонтановъ разной высоты и формы, играющихъ съ лучами солнца и спадающихъ бѣлою, матовою пылью, которая въ сумеркахъ представляется гигантомъ въ бѣлой одеждѣ.

Вся арена окаймлена деревьями, завѣшанными въ половину какъ бы батистовою бѣлою тканью. Это цвѣтъ вишенъ, черешенъ и айвы; подойдемъ поближе и полюбуемся богатствами этихъ плодовитыхъ деревьевъ, дающихъ своими произведеніями такую прихотливую роскошь для вкуса, а теперь напояющихъ воздухъ своимъ благовоннымъ дыханіемъ.

Вишни, такъ-называемыя „ханскія вишни“, высоки какъ средней величины лѣсъ нашъ; штамбъ въ цѣлый охватъ, листья имѣютъ такую же форму какъ у нашихъ вишенъ, но ягоды, чуть не съ голубиное яйцо, темно-алаго цвѣта, и все дерево бываетъ осыпано ими. Ихъ снимаютъ въ кошолку или мѣшокъ, помощію лѣстницы, составленной изъ двухъ шестовъ, перевитыхъ веревками, весьма легкой и удобной къ переноскѣ.

Черешня—совершенное подобіе вишни по наружности, но въ отрубѣ корня вершковъ шесть, сучья прямые,—изъ нихъ дѣлаютъ чубуки; а тонкіе отпрыски отъ сучьевъ представляютъ дерево какъ бы завитое въ кудри и въ нихъ, какъ въ кудряхъ

Digitized by Google

женщины: малахиты, хризолиты и аметисты, ютятся ягоды, величиною въ обыкновенную ягоду крыжовника, продолговатыя и имѣющія одну половину бѣлую, а другую розовую, или желтую и бѣлую. Вкусъ ягодъ сходенъ съ нашими, ростущими въ грунтовыхъ сараяхъ, красными испанскими вишнями.

Дерево айвы величины средней, цвѣтокъ палевый, плодъ съ большое яблоко; тѣло плода твердое, вкусъ сладкій, нѣсколько кисловатый и чрезвычайно пріятный. Онъ ароматенъ какъ ананасъ. Варенье изъ него, и особенно желе, великолѣпно. Маринованная айва отлично хороша. Сѣмячки какъ въ яблокахъ.

Но вотъ открываются предъ нами широкія аллеи и паркъ могучихъ дубовъ, съ ихъ златовидными и большими какъ средняя еловая шишка желудями; развѣсистыхъ чинаровъ; широко раскинувшихся кленовъ и убѣгающихъ къ небу стройныхъ тополей. Грандіозныя деревья съ башенными, въ нѣсколько охватовъ, штамбами и широкими листьями отнимаютъ свѣтъ у дня; вездѣ террасы, вездѣ отдохновеніе; ни лучъ солнца, ни своевольный вѣтеръ не проникаютъ въ это недоступное для нихъ убѣжище тишины и полумрака, и одни только широкіе бассейны, въ которыхъ плаваютъ бѣлые и розовые лебеди, нарушатъ царствующую тишину лѣса.

А вотъ взгляните! На штамбѣ чинара русскія имена мущины и женщины. Вотъ гдѣ былъ избранный ими рай!...

И вспомнилось мнѣ стихотвореніе Сіянова:

Такъ на корѣ хранитъ чинаръ
Стихи—завѣтъ счастливой страсти,
Покуда молніи ударъ
Не разобьетъ его на части!

И вздохнулъ я невольно, припомнивъ что радости земныя, какъ и земное горе, не долговѣчны.

Вотъ группа многочисленныхъ сосѣдей: дуль, грушъ, персиковыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Взгляните что̀ за влажность листьевъ, что̀ за штамбы деревъ; какъ прихотливо и благодарно раскинули они свои вѣтви! Это не дуля дюшесъ, которою вы лакомитесь изъ Милютиныхъ лавокъ Петербурга, привозимая изъ-за границы, нѣтъ, это дули ханскія—теперь русскія. Онѣ величиной въ чайное блюдечко. Кожа—цвѣтъ гу-

Digitized by Google

мигута; прозрачность янтаря, въ нѣдрахъ ея вы перечтете сѣмячки, и ужь конечно дули дюшесъ покажутся послѣ нихъ весьма невкусными.

Это груша, но не обыкновенная. Она значительно болѣе чѣмъ та какую вы кушали. Грушъ здѣсь большое обиліе; но это такъ-называемая сладкая груша, безъ сѣмачекъ; и ее можно выпить; она таетъ во рту и распускается сокомъ сиропа.

Вотъ персиковое дерево. Я всегда благоговѣлъ предъ формой персика и нектаромъ этого плода; а здѣсь вы увидите ихъ десятки тысячъ, южной натуры, крупные, влажные и пуховые; кипучая влага пробивается розовыми оттѣнками сквозь кожу; а пушокъ на ней какъ на щечкахъ молодой дѣвушки, и я считаю грѣхомъ не только освобождать плодъ отъ его оболочки, но не позволяю себѣ даже ополаскивать въ бассейнѣ.

Но отойдемте подалѣе, теперь начинается цѣлая роща миндальныхъ деревьевъ. Вы видите какъ высоки деревья, какъ величавы ихъ штамбы и какъ великолѣпенъ блѣдно-розовый цвѣтокъ деревьевъ. Вы чувствуете влекущій васъ запахъ этихъ деревьевъ, льющихъ тонкій ароматъ свой, проникающій въ мозгъ, отчего, впрочемъ, дѣлается сильная головная боль. Въ этомъ деревѣ есть синильная кислота. Добытая изъ горькаго миндаля, она убиваетъ человѣка мгновенно при уколѣ тѣла кончикомъ обмакнутой въ нее иголки. Но когда это кокетливое дерево, перейдя весну свою, проживетъ бо́льшую часть лѣта, тогда вы можете кушать зародившуюся шелуху миндалинокъ, мягкую, кисленькую, унимающую жажду; а густой сокъ въ рединѣ, не образовавшійся еще въ ядро, имѣя вкусъ сливокъ, придаетъ особую прелесть вкусу.

Можно ли придумать дерево лучше этихъ гранатныхъ деревьевъ? Вы видите, они средней высоты, цвѣтъ коры какъ на вишневомъ деревѣ, штамбъ плотный и довольно массивный, листъ мелкій какъ на миртѣ, но изумрудно-матовый. Деревья эти, одѣвшись мелкими листиками, отдали всѣ силы свои цвѣтку и плоду. И что̀ за цвѣтокъ! Онъ формы махровой гвоздики, и величиной, и очертаніемъ; листки расположены кругомъ его какъ коронка, чрезвычайно правильными зубчиками, влажными и блещущими цвѣтомъ коралла; въ рединѣ цвѣтка сліяніе тончайшихъ бѣлыхъ усиковъ, а подъ ними хранится зародышъ плода, и какого плода! Онъ достигаетъ до величины

Digitized by Google

страусоваго яйца, скорлупа плода такая же плотная какъ у яйца страуса. Поверхность скорлупы темно-коричневая, матовая, изнанка черная, а по снятіи пленки лиловая. Внутренность плода наполнена ягодками не много болѣе барбарисныхъ, слипшимися между собою отъ густаго сока въ родѣ желе, имѣющаго вкусъ сладкаго сиропа, чуть политаго сокомъ лимона. Каждая ягодка окружена тончайшею пленочкою блѣдно-розоваго цвѣта и, сохраняя подъ собою тотъ же сиропъ, имѣетъ косточку. При вскрытіи плода, вся внутренность кажется какъ бы наполненною жемчужинами. Роскошный цвѣтокъ дерева не имѣетъ запаха, но самый сокъ ароматенъ; а косточки изъ ягодокъ, сохраняютъ его еще болѣе, почему истолченныя въ порошокъ, онѣ составляютъ гастрономическую приправу вмѣстѣ съ шафраномъ и сушеными ягодами кизила. Порошкомъ посыпаютъ шешлыкъ, баранину и даже пловъ; скорлупа плода идетъ на яркую лиловую краску.

А вотъ еще роскошь прихотливой природы. Эта роща, какъ узнаете по влажному и блестящему листу, вся окружена лимонными деревьями, но плоды на нихъ совершенно круглые, съ палево-золотистою, тонкою кожей, вкусъ совершенно сладкій, почему и называются „сладкими лимонами". Во всемъ лимонѣ не болѣе двухъ сѣмячекъ. Цвѣтъ дерева имѣетъ обыкновенный запахъ лимона, но самый плодъ никакого.

Но эти лимонныя деревья составляютъ одинъ только бордюръ рощи. Внутренность ея наполнена фиговыми деревьями, греческими или, какъ говорятъ, грецкими орѣховыми деревьями, высящимися какъ дубы и также осыпанными орѣхами какъ жолудями; кизилъ, таверфельдъ, карагучъ и разныя другія деревья раскинулись клумбами и аллеями. Это особый мірокъ растеній. Здѣсь вы найдете аллеи, вьющіяся дорожки, на манеръ англійскаго сада, бесѣдки, террасы, бассейны, цѣлый рядъ фонтановъ, и если смотрѣть вдоль ихъ протяженія, то-есть въ профиль, то фонтаны стоятъ какъ бы сплошною стеклянною стѣной, и вы можете вообразить что видите кристальный дворецъ предъ собою, а въ немъ пожалуй и сказочную спящую красавицу.

Кизилъ имѣетъ красныя ягоды кислаго вкуса, весьма пріятныя въ вареньѣ и въ мариновкѣ. Фиговыя деревья замѣчательны своими полуаршинными зубчатыми листьями; обильнымъ, ароматнымъ и весьма большой величины плодомъ; но

Digitized by Google

деревья карагучъ и шаверфельдъ, хотя и не имѣютъ плодовъ, чрезвычайно замѣчательны: первое — своимъ величественнымъ штамбомъ въ нѣсколько охватовъ, роскошною зеленью и особенно внутреннимъ своимъ достоинствомъ, такъ какъ распиленное на доски, оно имѣетъ розовый фонъ и по немъ совершенно черныя фигуры и волны какъ у орѣховаго дерева; но шаверфельдъ такъ красиво въ цвѣту что нельзя на него налюбоваться. Дерево это средней величины, какъ сирень, штамбъ довольно толстый и прямой, оно кудряво, листы влажные, блестящіе яркою зеленью, длина ихъ болѣе четверти, но цвѣтъ его неподражаемъ во всей природѣ; большіе грозды цвѣтковъ покрываютъ собою все дерево, и такова причудливая игра природы что нѣтъ одной кисти одинаковаго цвѣта; каждая изъ нихъ испещрена цвѣточками, въ формѣ астрочекъ, въ тройную величину бывающихъ на вѣткѣ сирени, и всякій цвѣточекъ имѣетъ свой колеръ: синій, палевый, голубой, желтый, красный, зеленый, розовый, бѣлый, пунцовый, лиловый и даже черный и притомъ съ такимъ сочетаніемъ колоритовъ что средина цвѣтка и окружающіе ея въ два ряда листочки отвѣтствуютъ гармоніи тѣней; но что̀ говорю я, не изъ самаго ли указанія природы почерпаемъ мы и изящество вкуса? Отъ всѣхъ деревьевъ шаверфельдъ, то-есть отъ букетовъ цвѣтовъ ихъ, разливается далеко тонкій залахъ жасмина.

Узнаете ли вы вотъ это дерево? Вы догадываетесь, боитесь ошибиться, дивитесь на виноградныя полуаршинные гроздья цвѣтка, любуетесь ихъ мясистыми лепестками, не налюбуетесь на его прозрачный колеръ, какъ бы изъ дыма или изъ эѳира составленный. Да, это знакомая вамъ—сирень; но вотъ что̀ значитъ южное растеніе, что̀ значитъ гостепріимный климатъ юга! Пройдемте еще немного, и вы увидите аллеи сирени съ ихъ задумчивыми бѣлыми, блестящими цвѣтками. А тамъ идутъ бахчи арбузовъ и дынь и гигантскихъ огурцовъ; и дыни, такъ-называемыя сольянскія, до аршина длины и такой же окружности по срединѣ. Кожа зеленая и тонкая какъ у огурца, тѣло такое же, или оранжевое; вкусъ восхитительный, запахъ ананаса. Арбузы болѣе 20 фунтовъ вѣса бѣлѣютъ на гребняхъ трещинъ, внутри ихъ — выступившимъ слоемъ сахара.

Припомните слова знаменитаго дѣдушки Крылова, „а кисти

Digitized by Google

сочныя какъ яхонты горятъ!“ Обернитесь сюда и полюбуйтесь на роскошный виноградникъ, гдѣ сочныя кисти величиной съ вывѣску кисти надъ погребомъ виноградныхъ винъ, далеко, далеко раскинулись. Какой видъ! Зеленыя, желтыя, синія и красныя грозды ягодъ, какимъ калейдоскопомъ разнохарактерныхъ цвѣтовъ и видовъ представляются на всемъ пространствѣ. Все для человѣка! Всѣ блага для человѣка! Но какъ онъ ими воспользовался?

Теперь жгучій полдень, когда я вожу васъ по саду, въ немъ все безмолвствуетъ и ищетъ прохлады, но наступитъ приближеніе сумерекъ, свистнетъ въ пустотѣ ракитника соловей, и какъ по сигналу тысячи голосовъ отвѣтятъ ему трелями, откликнутся руладами на разные тоны колокольчиковъ при гармоническихъ гаммахъ свиста, и вы очутитесь въ царствѣ соловьевъ, пѣвцовъ любви и розы; а утромъ, когда золотое солнышко заглянетъ въ этотъ эдемъ полюбоваться земнымъ раемъ, какіе многочисленные хоры птицъ встрѣчаютъ его привѣтными пѣснями. Золотые жучки, пчелки, блестящія мушки, разновидныя бабочки запорхаютъ въ воздухѣ, и нашъ воръ-воробей начинаетъ свою усердную ловлю и безпощадное преслѣдованіе насѣкомыхъ.

Кстати о розахъ, о которыхъ только-что сказалъ я. Видали ль вы когда подобныя розы, какія теперь предъ вами, величиною какъ самыя большія мохровыя георгины, съ такимъ обиліемъ листиковъ и въ такомъ пышномъ цвѣтѣ, качающіяся на высокихъ и толстыхъ стебляхъ? Эти розы называются ханъгюль, то-есть ханскія розы.

Роза играетъ на Кавказѣ весьма важную роль въ судьбѣ мужчины и дѣвушки: она есть вопросъ и отвѣтъ любви. Молодой человѣкъ, желая жениться на дѣвушкѣ, бросаетъ розу въ садъ къ ней, или на окно дома, или подаетъ ей, и это значитъ что онъ желалъ бы имѣть ее женой, и если роза возвратится къ нему одинокою, тогда увы! Онъ не любимъ дѣвицей; но если розанъ его появится связаннымъ съ другою розой, то означаетъ согласіе соединить жизнь съ его жизнію и дозволеніе свататься.

А вотъ и гора, къ которой примыкаетъ садъ. Она вся въ блесткахъ раковинъ, кремней, золотистаго песку и разныхъ блестящихъ на солнцѣ камешковъ; но всего замѣчательнѣе источникъ, вырывающійся изъ нѣдръ ея, кристальный и студеный, падающій въ широкое логовище, откуда онъ разноситъ струи

Digitized by Google

свои по другимъ бассейнамъ и, проведенный подъ землей, брызжетъ фонтанами въ тѣни аллей благоуханнаго сада.

Наконецъ сейчасъ представится намъ ханскій дворецъ, разрушающееся обиталище властителей Кубанскаго ханства. Всмотритесь въ это великолѣпіе вкуса и красоты восточнаго стиля построекъ.

Вотъ появляется уже край обширнаго бассейна, когда-то наполненнаго рыбами. Его плитное дно и теперь разстилается шахматною доской въ глубинѣ прозрачнаго водянаго лона, но его обитателей нѣтъ уже, какъ нѣтъ во дворцѣ и самихъ хановъ. Это эмблема измѣнчивости жизни, памятникъ тщеты величія, напоминаніе о всемъ преходящемъ въ мірѣ.

Обратите вниманіе на эти деревья вокругъ бассейна, ростущія въ широчайшихъ кадкахъ. Это дерево называется „бодрянка". Русскіе ли окрестили его этимъ именемъ или оно переводное персидскаго названія этого плода—я не знаю, но дѣло въ томъ что при трехъ четвертяхъ въ обхватѣ корня и двухъ-аршинномъ ростѣ, съ большими, на подобіе лимонныхъ, листьями, каждое изъ нихъ приноситъ по два и по три плода величиной въ двухчетвертную дыню, одинаковой съ нею овальной формы, но безъ слоевъ; вѣситъ плодъ до 15 фунтовъ. Поверхность плода гладкая, кожа цвѣта ананасной кожи и такого же образованія какъ у ананаса. Плодъ этотъ вывезенъ изъ Персіи; настоящая родина его Мекка. Тѣло его твердое, зеленаго цвѣта, ѣсть нельзя, но въ вареньѣ имѣетъ прекрасный вкусъ. Предварительно онъ вымачивается въ известковой водѣ 12ть сутокъ и потомъ уже варится съ имбиремъ въ сахарѣ цѣлымъ плодомъ и подается на блюдѣ, составляя весьма дорогое лакомство.

Но вотъ и дворецъ! Остановимтесь на минуту предъ нимъ, полюбуемтесь на широту очертаній его, на смѣлую мысль искуснаго зодчаго. Боже мой! сколько статуй на кругломъ его куполѣ, обнесенномъ какъ кружевомъ, изящно-отлитою чугунною рѣшоткой. Сколько минаретовъ, различныхъ башенъ и башенокъ, съ вознесенною на высокомъ шпицѣ луной, павильйоновъ и портиковъ, еще украшаетъ это зданіе. Громадный дворецъ бывшихъ хановъ, подвластныхъ Персіи, обставленный колоннами, окруженный террасами, на которыя ведутъ широкія ступени гранита, и освѣщенный окнами въ греческомъ вкусѣ съ разноцвѣтными стеклами, кажется какимъ-то капищемъ древняго храма. Войдемте въ него.

Digitized by Google

Поражающая пустота всюду; сыроватый и дышащій отсутствіемъ всего живущаго воздухъ; полинявшіе, но все еще довольно яркіе цвѣта красокъ въ обширныхъ комнатахъ; мраморныя колонны, окна и подоконники, украшенные мозаикой разноцвѣтныхъ камней, полъ изъ разноцвѣтныхъ плитъ и пустые бассейны, указатели мѣста гдѣ были гаремы хановъ, и эта торжественная тишина, и это эхо, отвѣчающее глухимъ рокотомъ шагамъ нашимъ и въ то же время мысль объ исчезнувшемъ величіи, наполняютъ душу религіознымъ страхомъ и глубокимъ уваженіемъ къ мѣсту, когда-то властительному и грозному.

„Такъ, храмъ оставленный все храмъ.
Кумиръ поверженный все богъ!"

Но выходя изъ сада, знаете ли чему поклонился я? Да какъ поклонился? Земнымъ поклономъ! Я припалъ челомъ къ развѣсистому и единственному во всемъ саду дереву, бывшему прежде въ заключеніи подобно невольнику, а теперь стоящему какъ могучій стражъ надъ всѣмъ Югомъ. Это дерево наша береза. Съ какою любовью я смотрѣлъ на нее. Какъ будто знакомыхъ, родныхъ, мою родину вмѣстѣ съ нею увидѣлъ.

Метлы, оглобли, дышло, кузовъ экипажа, ободъ, ступица и спица для колеса, мебель: отъ простаго стула и до хорошаго шифоньера, ложки хлебальныя, косуля, топорище и вся домашняя утварь и прочее—выдѣлываются изъ березы, какъ изъ дерева самаго прочнаго и способнаго для этого.

Клинья для раскалыванія деревъ и, мало этого, для отнятія отъ гранитныхъ скалъ Финляндіи правильныхъ пластовъ дѣлаются изъ березы; по глубокомъ насѣченіи въ гранитѣ прямыхъ дорожекъ, забиваются березовые клинья, которые, разбухая на дождѣ, заставляютъ отдѣляться отъ скалы намѣченный пластъ для колонны.

Стволъ березы отлично хорошъ и для жилаго строенія, только особымъ способомъ приготовленный. Во время весны снимается кора съ березы, что̀ весьма не трудно, ибо, при продольномъ надрѣзѣ съ одной стороны, она развертывается и слетаетъ съ дерева: чрезъ этотъ процессъ замираетъ дерево, оставленное на лѣто на корнѣ; лишается сока, дѣлается твердымъ какъ кость и весьма долговѣчно въ постройкѣ.

Затѣмъ, та же береза освѣтитъ строеніе ярко горящею лучи-

Digitized by Google

ной, отопитъ его своими жаркими дровами, уютитъ кровлю отъ дождя, наполнивъ домъ, какъ сказано, своею же утварью и мебелью.

Береза даетъ смолу и варъ, скипидаръ и деготь, полезнѣйшіе во многихъ примѣненіяхъ: въ хозяйствѣ, мастерствахъ и въ медицинѣ. Березовый уголь необходимъ для золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ и кузнецовъ. Онъ каждый день надобенъ для самовара, какъ болѣе удобный чѣмъ другаго сорта уголь. Порошокъ березоваго угля лучшій для содержанія въ чистотѣ зубовъ. Положенный въ затхлистыя хлѣбныя сѣмена онъ уничтожаетъ въ нихъ запахъ; подсыпанный къ каменной стѣнѣ, онъ уничтожаетъ сырость; очищаетъ вино и освобождаетъ его отъ сивушнаго запаха; очищаетъ воду до степени кристалла. Для пороховыхъ заводовъ онъ необходимъ въ составленіи пороха; а на лафетъ — подъ орудіе и для ружейнаго ложа, неминуемо потребна береза, какъ дерево самое крѣпкое и не тяжелое.

Въ безводномъ пространствѣ береза можетъ сохранить жизнь умирающему отъ жажды, напоивъ здоровымъ, свѣтлымъ и пріятнымъ на вкусъ, сладкимъ сокомъ своимъ. Кто не знаетъ что стóитъ сдѣлать маленькій надрѣзъ въ корѣ березы, вставить прутикъ въ разрѣзъ, и свѣжая струйка березовицы побѣжитъ по прутику, такъ что въ сутки можно выгнать до ведра соку изъ средней березы. Подъ корой молодой березы находится мясистая влага; соскобленная ножомъ, она много даетъ мягкаго тѣла, называемаго соковицей, сладкаго на вкусъ и могущаго утолить голодъ.

Изъ сока березы дѣлается квасъ, кислыя щи, уксусъ и вино. Весною, когда распускающіяся почки березы наполняютъ воздухъ здоровымъ запахомъ, ими настаиваютъ вино, а сталливая въ маслѣ, дѣлаютъ мазь.

Изъ наростовъ или такъ-называемыхъ выплавковъ, бывающихъ на березѣ, выпиливаютъ фанерки для шкатулокъ съ красивыми слоями и разводами.

Самая губчатая плесень дерева и та приноситъ пользу: изъ нея выдѣлывается желтый и мягкій трутъ для кремня и огнива. Береза растущая въ древней Кореліи, въ нашей Тверской и Новгородской губерніи, и называемая корельскою, была въ большой модѣ для столовъ и вообще для всякой мебели.

Наконецъ корни березы и тѣ идутъ въ дѣло. Въ распилкѣ

Digitized by Google

они имѣютъ красивыя волны, и потому изъ корней ея дѣлаются табатерки и вытачиваются разныя галантерейныя вещицы.

Скажите же: есть ли другое дерево которое хранило бы во всемъ существѣ своемъ такія многообразныя блага для человѣка?

При семъ я не могу не вспомнить нѣкоторыхъ обычаевъ, которые обличаютъ общую народную симпатію къ этому благодатному древу добра и пользы. Дѣвушки завиваютъ вѣнки на березахъ и потомъ гадаютъ по нимъ, бросая ихъ въ воду. Въ семикъ — опять на сценѣ березки, а въ Троицынъ и Духовъ дни онѣ вносятся въ дома.

Полюбуйтесь же нашею русскою красавицей, когда она, закутавшись въ матовый иней, блеститъ миріадами огней на солнцѣ, или осенью, когда идетъ дождь и мерзнетъ на вѣтвяхъ ея, полюбуйтесь

Какъ блещутъ на вѣтвяхъ березы
Небесъ брильянтовыя слезы,
Въ кристальный обратившись ледъ.
Или зимой, въ морозъ трескучій
Ее, вокругъ, какъ пухъ летучій
Мохровый иней обовьетъ.

XI.

Но я заговорился; чу! выстрѣлъ! Еще; это съ кавалеръ-батареи. Бѣгу на валъ крѣпости. Ухъ, какая славная жарня пошла!

Пріятно выпить стаканъ горячаго чая промокнувъ до костей, усѣвшись предъ комелькомъ, въ халатѣ, въ теплой комнаткѣ. Сегодня истопилъ послѣдними двумя стульями. Чаю прислала щепотку одна добрая душа и маленькій въ полнаперсточка кусочекъ сахару. Хорошо что свѣчку далъ маркитантъ, а то сидѣть бы въ потьмахъ.

Прискакали два казака съ пикета: „видимо-невидимо, ваше благородіе, Татарья валитъ!“ И дѣйствительно, сотенъ пять-шесть выскакало горцевъ и пронеслось по долинѣ предъ Шурой. Взбѣсились что ли? Всѣ бѣгутъ на валъ. Генералъ ска-

Digitized by Google

четъ—и потревожились попусту. Горцы скрылись. Мы помокли, помокли подъ дождемъ, да и разошлись. А ужо, ночью, гляди, опять поднимутъ тревогу и не дадутъ спать намъ.

То ли дѣло въ чистомъ полѣ. Вотъ недавно еще Татарья было не то что видимо - невидимо, а довольно-таки, поболѣе чѣмъ вдвое противъ насъ. Стрѣляли издали, да и сошлись близко, грянулъ боевой маршъ, предъ ударомъ въ штыки; а пѣсенники залились подъ маршъ боевою пѣсней:

Эхъ, матушка родимая, прости, прости, прости!
Ахъ, дѣвица-красавица, о павшемъ не грусти!
Эй, дьяволы лохматые, вставайте на пути!
И-ихъ, душенька солдатская: рости, рости, рости!

Вдругъ команда: въ штыки!

Ура! Все перемѣшалось. Визгъ, стонъ, брань, свистъ шашекъ, звякъ и брязгъ оружія, пистолетные выстрѣлы; командные крики офицеровъ: сюда, ребята! За мной, дѣтки, *ура!* Подались! *Ура! Урра!* кричатъ солдаты. Г-г-и-и! визжатъ горцы. Смерть пируетъ во всю удаль!...

А сзади отряда десятки горновъ наигрываютъ боевой маршъ и льется пѣсня:

И-ихъ, душенька солдатская: рости, рости, рости!

И вотъ горцы подались назадъ, запрядали какъ демоны. Бѣгутъ. Преслѣдующіе солдаты колютъ ихъ и провожаютъ пулями. Выскакали лихіе Линейцы, Донцы, Гребенцы; на встрѣчу имъ конные горцы, столкнулись, рубятся, разсыпались, пошла джигитовка; пѣшіе остановились и между ними и нами конный смертный маневръ. Солдаты ловятъ мгновеніе чтобы послать пулю, не задѣвъ своего; пѣшіе горцы тоже не остаются безъ дѣла. Конная артиллерія Донцовъ заскакала во флангъ непріятелю и брызнула картечью; толпы конныхъ горцевъ смѣшались, бросились въ разсыпную, за ними увязались казаки. Поле открыто, пѣшая артиллерія зарокотала противъ бѣгущихъ толпами пѣшихъ горцевъ. „Впередъ, впередъ, ребята!" и артиллерія на рысяхъ, и солдаты, не отставая, стрѣляютъ по горцамъ. Оврагъ. Стой! Солдаты стали надъ кручью и открыли батальный огонь. Лѣсъ въ балкѣ (въ оврагѣ). Горцы скрылись въ лѣсу, и артиллерія осыпаетъ лѣсъ картечью и гранатами.

Digitized by Google

Казаки возвращаются изъ погони; кто ведетъ пойманную лошадь, кто везетъ добытое оружіе, кто нарядъ горца. А тутъ другая ноша: перекинутые черезъ сѣдла трупы казаковъ, поддерживаемые на сѣдлѣ раненые.

Начинается счетъ кого нѣтъ. Пѣхота возвращается на мѣсто боя, и за подобраніемъ раненыхъ вагенбургомъ, начинается погребеніе убитыхъ. Священника нѣтъ. Зарывающіе читаютъ молитвы. Человѣческія чувства вступаютъ въ свои права, и видишь иногда скатывающуюся слезу съ опаленнаго уса зарывающаго.

Новая сцена. Начинается торгъ добычей. Кипитъ каша. Маркитантъ раздаетъ водку. Всюду говоръ, разказы, разспросы, похвальбы, похвалы, порицанія, не жалѣя приправы. Готова каша. Уста жуютъ размокнувшій въ ней сухарь и втягиваютъ съ ложекъ ароматную жидкость каши съ саломъ, и куда ароматную, ни съ чѣмъ не сравнимую! Да! отвѣдайте-ка жизнь въ нашей походной и боевой кожѣ.

Все пришло въ прежнюю колею. Выпили водки, поѣли, похвалили, побранили кого надо, пожалѣли о павшихъ, и затѣмъ какъ будто ничего не было.

Сборъ. Двинулись, снова запѣли подъ походный маршъ горновъ:

Выходите, горцы,
Оставляйте норы:
Мѣряться васъ просимъ
Силой богатырской.

Случалось и горевали, но горевали какъ горюетъ молодость— вольная и раздольная. Ночь на батареяхъ и земляныхъ валахъ, утромъ на тѣхъ же мѣстахъ, а какъ взглянетъ солнышко съ влажнаго неба, мы пируемъ уже на наблюдательныхъ постахъ, назначенныхъ на плоскихъ крышахъ домовъ шуринскихъ. Тотъ тащитъ бутылку рома, тотъ—остатки дорого купленнаго у маркитанта спирту. Дамы, поднявшись на кровлю, приносили съ собой что оставалось въ ихъ скудномъ запасѣ, а иныя болѣе существенное—черные солдатскіе сухари, выдаваемые по полуфунту на человѣка въ сутки. И всякій день, то перестрѣлка, то стычка какая-нибудь. А все-таки весело было, и какъ еще иногда весело!

А между тѣмъ мы были въ положеніи критическомъ. Сухарей оставалось не много. Боевыхъ коней своихъ мы выгнали

Digitized by Google

къ непріятелю, за неимѣніемъ сѣна, сожженнаго кругомъ Шуры горцами, а вьючныхъ почти всѣхъ пріѣли. Весь Дагестанъ кипѣлъ возстаніемъ. Къ Шамилю, который готовился на штурмъ, прибыли новыя силы; число защитниковъ у насъ съ каждымъ днемъ уменьшалось, на помощь съ Линіи мы потеряли всякую надежду....

И вотъ настало роковое 13е число декабря 1843 года, когда генералы: Гурко, фонъ-Клугенау и командиръ Апшеронскаго полка полковникъ Майборода, положили на совѣтѣ: „Выступить изъ Темиръ-Ханъ-Шуры кареями, заключивъ въ средину ихъ женщинъ и дѣтей. Пробиться сквозь силы Шамиля и чрезъ Евгеньевское укрѣпленіе выйти къ Казіюрту, * гдѣ сосредоточивъ силы, держаться до прибытія подкрѣпленій съ Линіи."

Наступилъ вечеръ. Всѣ были въ мрачномъ настроеніи духа, всѣмъ жаль было Темиръ-Ханъ-Шуры, оставляемой на разграбленіе. Къ этому примѣшалось опасеніе за семейства и людей любимыхъ; но тѣмъ не менѣе большая часть офицеровъ, сокрушаясь о Шурѣ какъ о добромъ товарищѣ, оставляемомъ въ боевомъ полѣ, ждали нетерпѣливо минуты когда понадобятся кинжалы и шашки.

Вдругъ послышался радостный крикъ въ группѣ офицеровъ, и все туда прихлынуло: одинъ изъ нихъ поздравлялъ со скорымъ прибытіемъ генерала Фрейтага; завтра, говорилъ офицеръ, мы будемъ выручены,—Фрейтагъ въ 12 верстахъ.

Быстро разнеслась и подтвердилась радостная вѣсть эта. Черезъ четверть часа никто не узналъ бы Темиръ-Ханъ-Шуры. Вся она освѣтилась огнями, вездѣ стрѣльба, всюду визжатъ пули, и дамы наши, разгуливающія по форштадту, едва успѣваютъ съ нами раскланиваться. И холодъ и голодъ и крайность положенія — все забыто. Въ Шурѣ былъ свѣтлый праздникъ. Послѣдняя ночь пятинедѣльной блокады нашей была чудная ночь. Всѣ ждали разсвѣта, и вотъ онъ забрезжилъ. И семь и девять часовъ и десять, а Фрейтага нѣтъ, и полдень — а все нѣтъ! Сердца всѣхъ и взгляды ждали своего избавителя, и вдругъ темныя точки колоннъ появились на дорогѣ отъ Евгеньевскаго укрѣпленія, растутъ, растутъ онѣ, привѣтный выстрѣлъ грянулъ съ кавалеръ-батареи, *ура*—облетѣло Шуру.

Широко отворились Евгеньевскія ворота предъ нашими избавителями. И дѣти, и воины, и дамы, и жители, всѣ вышли

* Хорошая крѣпость на Сулакѣ.

Digitized by Google

на встрѣчу желаннымъ гостямъ, принимая ихъ съ благословеніями.

Генералы наши встрѣтили Фрейтага на форштадтѣ. Пѣхота въ числѣ двухъ тысячъ вступила въ укрѣпленіе. Выстрѣлы восторженныхъ Шуринцевъ рокотали повсемѣство въ честь прибывшихъ. Залпами отвѣчали дорогіе гости, а неизбѣжный подпѣвало выдѣлывалъ впереди хора невѣроятныя ла. За пѣхотой, гудя глухимъ отголоскомъ смерти, явилась артиллерія, и наконецъ, гарцуя на танцующихъ коняхъ, влетѣли линейные казаки, а за ними конные мусульмане. Всѣхъ ихъ было полторы тысячи всадниковъ. Впереди молодцовъ Линейцевъ ѣхалъ командовавшій ими и всею кавалеріей полковникъ Александръ Алексѣевичъ Волоцкой, рядомъ съ нимъ князь Яшвиль и многіе другіе.

„Да мы чорта скрутимъ съ такими ребятами“, кричали Апшеронцы, любуясь войскомъ. „Ура, ребята, урра-а-а!“ И долго гремѣло надъ Шурою *ура* солдатское.

15го декабря въ 8 часовъ утра вышли баталіоны изъ Шуры и остановились за озеромъ на возвышеніи противъ аула Кафыръ-Кумыка. Этотъ аулъ былъ занятъ непріятелемъ постоянно въ теченіи всей блокады, болѣе чѣмъ пятнадцатью тысячами горцевъ.

По разнымъ направленіямъ тянулись массы конныхъ горцевъ къ Кафыръ-Кумыку, который долженъ былъ выдержать первый натискъ нашъ.

Кавалерія помѣстилась на правомъ флангѣ пѣхоты, резервная № 2 батарея на лѣвомъ, а еще лѣвѣе, артиллерія Фрейтага, и часть отряда его заняла возвышенія, ближайшія къ аулу.

Генералы Гурко, Клугенау и Фрейтагъ съѣхались.

— Вы, ваше превосходительство, сказалъ Гурко генералу Клугенау, — какъ мѣстный начальникъ, распорядитесь боемъ.

Фрейтагъ поклонился въ знакъ согласія.

Артиллерія открыла огонь по Кафыръ-Кумыку, и посланы были стрѣлки противъ него, на низменность, но въ скоромъ времени большая часть изъ нихъ была переранена.

Большія массы непріятельской кавалеріи, тянувшіяся отъ Большихъ Казанищъ мимо Муселимъ - аула, въ четырехъ верстахъ отъ нашего праваго фланга, обратили вниманіе генераловъ, и потому послана была сотня линейныхъ ка-

Digitized by Google

заковъ рекогносцировать къ Кафыръ-Кумыку. Но какъ только очутилась сотня эта на параллельной линіи между этимъ ауломъ и Муселимъ-ауломъ, находящимися одинъ отъ другаго верстахъ въ пяти, горцы, въ числѣ болѣе двухсотъ, ударили во флангъ сотнѣ Линейцевъ, предводимыхъ маленькимъ, горбатенькимъ, но отлично отважнымъ хорунжимъ. Онъ допустилъ горцевъ на сто шаговъ, далъ залпъ по нимъ и стремительно бросился въ шашки.

Все это происходило въ долинѣ, подъ нашими ногами, и насъ очень занимала молодецкая схватка сотни Линейцевъ съ тройными почти силами непріятеля. Но полетѣли густыя кучки горцевъ изъ обоихъ ауловъ на мѣсто боя, и сердца наши сжались.

„За мной, ребята!" раздался командный голосъ. И одна пыль, поднявшись высоко, стояла надъ мѣстомъ гдѣ была кавалерія.

Когда разсѣялась пыль, мы увидѣли всю кавалерію, которая неслась за Волоцкимъ, опрокидывая новыя густыя массы горцевъ, спѣшившихъ на подмогу своимъ изъ Муселимъ-аула. Горцы не попали уже въ Муселимъ-аулъ, а проскакавъ въ Большіе Казанищи, распространили тамъ ужасъ, и Шамиль бѣжалъ, оставивъ орудіе въ Казанищахъ.

Часть пѣхоты бѣгомъ и артиллерія на рысяхъ послѣшили за кавалеріей. Въ Муселимъ-аулѣ отрядъ пѣхоты взялъ два горные единорога и нѣсколько плѣнныхъ. Пощады мало было. Выбитый артиллеріей изъ Кафыръ-Кумыка, непріятель бѣжалъ въ противоположную сторону отъ Казанищей.

Къ четыремъ часамъ пополудни обои Казанищи и другіе аулы были заняты нами. Шамиль ушелъ въ горы по Эрпилинской дорогѣ.

Шамхалъ-Тарковскій, бывшій въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ во все время блокады ея, съ преданными ему ста человѣками, въ тотъ же день былъ водворенъ въ свою резиденцію Большіе Казанищи.

Набѣгъ Шамиля кончился. Полчища его разсѣялись. Кавалерія рѣшила судьбу сѣвернаго - нагорнаго Дагестана, послѣ четырехмѣсячнаго мятежа.

За симъ, мы могли бы отдохнуть на лаврахъ спокойствія, доставленныхъ намъ генераломъ Фрейтагомъ или, лучше сказать, его сподвижникомъ полковникомъ Волоцкимъ; но въ

Digitized by Google

рукахъ Шамиля или его наибовъ оставался еще залогъ—укрѣпленіе Зиряны, гдѣ подполковникъ Пассекъ и полковникъ Ясинскій заперты были съ значительнымъ отрядомъ войска.

Положеніе отряда было критическое; полфунта сухарей на человѣка и каша, съ солью впрочемъ, такъ какъ въ Зирянскомъ укрѣпленіи былъ значительный запасъ провіанта, составляли всю пищу солдата и офицера въ теченіи сутокъ.

Съ разсвѣтомъ 16го числа мы спѣшили уже къ нимъ на выручку. Непріятель, занимавшій Ирганайское ущелье, скрылся, уступивъ намъ дорогу безъ боя, такъ какъ высоты, спадавшія ниже и ниже отъ Бурундукъ-Кальской башни, командовали на всемъ протяженіи ущелья, а не допустить насъ до Бурундукъ-Кале, къ которому были безпрепятственные входы, онъ не имѣлъ возможности. Съ нашимъ отрядомъ охотникомъ отправился знаменитый въ послѣдствіи кавказскій герой Николай Павловичъ Слѣпцовъ, тогда адъютантъ при генералѣ Гурко.

Но я выпишу лучше изъ № 17 *Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей,* отъ 26го апрѣля 1852 года, письмо мое въ станицу Сунженскую, на сѣтованіе казаковъ о смерти генералъ-майора Слѣпцова, съ которымъ и въ дѣтствѣ и на Кавказѣ я связанъ былъ добрыми товарищескими чувствами.

Письмо въ станицу Сунженскую:

„Самымъ болѣзненнымъ чувствомъ откликаюсь я казакамъ станицы Сунженской и всѣмъ имѣвшимъ честь служить съ покойнымъ уже Николаемъ Павловичемъ Слѣпцовымъ. Ваше дѣло славить его подвиги, превозносить благодѣянія и храбрость его; наше—раздѣлить съ вами скорбь вашу съ тѣмъ же искренно-горестнымъ чувствомъ, съ какимъ вы проводили его въ могилу.

„Конечно, все что̀ до него касается вы врѣжете навсегда въ благодарнымъ сердцахъ своихъ, и потому хочу передать вамъ что̀ знаю о немъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ.

„Я зналъ Николая Павловича съ 8ми-лѣтняго его возраста, воспитываясь съ нимъ въ пансіонѣ при Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ (нынѣ), который гордится уже многими лицами получившими въ немъ воспитаніе. Въ этотъ отроческій возрастъ уже виденъ былъ въ немъ будущій воинъ, котораго судьба поведетъ ко многому,—и тогда онъ имѣлъ острый умъ, пріятное, умное личико, глаза черные, блестящіе и сверкающіе когда онъ разсердится. Самый большой и сильный изъ пан-

Digitized by Google

сіонеровъ не рѣшался обидѣть его, потому что несмотря на свое безсиліе, въ первую удобную минуту, онъ подкрадется къ обидчику и, покуда тотъ опомнится, отдѣлаетъ его по-свойски и увернется какъ ртуть; но самъ не начиналъ никогда ссоры.

„Въ 1825, кажется, году, взялъ Николая Павловича изъ пансіона отецъ его, извѣстный своимъ положительнымъ умомъ и честностію, и отдалъ въ горный корпусъ, а потомъ, въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. Здѣсь, въ 1837 году, я видѣлъ его фельдфебелемъ, достоинство которое пріобрѣтается отличнымъ поведеніемъ и успѣхами. Довольно часто я видалъ его въ это время и знаю что всѣ товарищи такъ любили его что опасались какими-либо шалостями подвести его подъ отвѣтственность.

„Произведенный въ офицеры въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, а черезъ 8 мѣсяцевъ въ подпоручики, онъ перешелъ штабсъ-капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и вскорѣ былъ взятъ въ адъютанты къ начальнику штаба на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-майору Трескину, бывалъ въ экспедиціяхъ, но еще не отличался тогда особенною дѣятельностію, слава ждала его впереди, и первый листокъ въ вѣнокъ свой суждено ему было завоевать на лѣвомъ флангѣ Кавказа, въ 1843 году. Какъ старый товарищъ вашъ, какъ очевидецъ дѣла, разкажу вамъ этотъ случай.

„Въ октябрѣ 1843 года, послѣ вторженія горцевъ и дѣйствій съ 26го августа по 28е сентября, прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру начальникъ Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Гурко. При штабѣ его находился Николай Павловичъ Слѣпцовъ, бывшій тогда еще адъютантомъ. 14го декабря того же года вступилъ въ облокированную непріятелемъ съ 8го ноября Шуру генералъ Фрейтагъ съ войскомъ. 15го генералы Гурко, Клугенау и Фрейтагъ выдвинули войска свои къ Кофыръ-Кумыку и выбивъ непріятеля имѣли дѣло подъ Муселимъ-ауломъ. Разстроенныя толпы Шамиля прискакали къ нему въ безпорядкѣ въ Большіе Казаницы, и Шамиль ушелъ въ горы. 16го декабря Клугенау пошелъ на выручку отряда, облокированнаго въ укрѣпленіи Зирянскомъ. Слѣпцовъ отправился охотникомъ, и ему порученъ былъ въ командованіе первый баталіонъ Апшеронскаго полка.

„Сорокъ верстъ до Зирановъ наши соколы перелетѣли, отдохнувъ съ часокъ у Бурундукъ-Кальской башни. Непріятель вездѣ бѣжалъ. И вотъ мы въ двухъ верстахъ предъ Зирянами; наши знамена вѣютъ на высотахъ; едва переводя духъ стремимся мы къ братьямъ нашимъ; святое *ура* было дружескимъ привѣтомъ обоихъ отрядовъ, и вдругъ изъ укрѣпленія въ привѣтъ избавителямъ раздался залпъ изъ ружей, загрохотала пальба изъ всѣхъ орудій, растворились ворота, подъемный мостъ упалъ, и радостныя слезы двухъ отрядовъ смѣшались въ объятіяхъ избавителей и избавленныхъ.

„Я стоялъ въ этотъ мигъ подлѣ Николая Павловича. Онъ плакалъ какъ ребенокъ.

Digitized by Google

„17го числа началось выступленіе отрядовъ изъ укрѣпленія и наступленіе на непріятеля, занявшаго снова Ирганайское ущелье. Едва втянулись въ него переднія колонны, какъ съ обѣихъ высотъ полетѣли пули и запрыгали спущенные съ гребней горъ огромные камни. Лѣвую высоту ущелья взялся очистить Пассекъ, правую—Слѣпцовъ, и я видѣлъ какъ загорѣлись глаза его. Съ шашкой въ рукѣ онъ взбирался впереди всѣхъ на крутую высоту болѣе 300 саженъ. Многіе валились кругомъ его, и раненые, не имѣя силъ удержаться, летѣли внизъ; онъ хранимъ былъ рокомъ.

„Вотъ за гребнемъ горы засѣли горцы, ружья были безсильны противъ нихъ. „Не стрѣляй, не стрѣляй!" кричалъ Николай Павловичъ, „береги зарядъ, не торопись, переведи духъ.... Ура!" И горцы были опрокинуты стремительнымъ натискомъ, и погналъ онъ ихъ съ гребня на гребень и пошелъ колотить ихъ.

„Въ эту минуту геній войны благословилъ Слѣпцова; это былъ свѣтлый восходъ того солнца которое послѣ того грѣло васъ, Сунженцы, и палило горцевъ. 16 верстъ ущелья отряды прошли охраненные громомъ его баталіона и Пассека. Оба они были потомъ отличными генералами, и Боже мой! обоихъ нѣтъ уже.

„Миръ праху храбрыхъ! Мы будемъ молиться за нихъ и радоваться тому что ихъ примѣръ породитъ такихъ же какъ и они отличныхъ воиновъ, а на нашей ли матушкѣ святой Руси мало богатырей!...

„Сунженцы, вы поете пѣсню въ честь Слѣпцова:

Стая на небѣ орловъ
Тучу разсѣкаетъ.
На Чеченцевъ нашъ Слѣпцовъ
Съ Сунжей налетаетъ, и пр.

„Въ 1820 годахъ, на Кавказѣ пѣлась пѣсня, сложенная Апшеронцами, въ честь обожаемаго войсками вождя, Алексѣя Петровича Ермолова; вотъ она: *

Запѣв. Не орелъ гуляетъ въ ясныхъ небесахъ,
Богатырь нашъ потѣшается въ лѣсахъ.
Хоръ. Ура! Ура! Ура!
Богатырь нашъ потѣшается въ лѣсахъ.

Онъ охотится съ дружиной молодцовъ,
Съ крѣпкимъ строемъ закавказскихъ удальцовъ.
Ура! Ура! Ура!
Съ крѣпкимъ строемъ закавказскихъ удальцовъ.

Что буранъ крутитъ-вертитъ песокъ въ степяхъ,
Онъ громитъ и толчетъ горцевъ въ пыль и прахъ.
Ура! Ура! Ура!
Онъ громитъ и толчетъ горцевъ въ пыль и прахъ.

---

* На голосъ: „Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ".

Digitized by Google

Съ нимъ стрѣлою громовой мы упадемъ,
Сокрушимъ, сожжемъ, разрушимъ, въ прахъ сотремъ.
Ура! Ура! Ура!
Сокрушимъ, сожжемъ, разрушимъ въ прахъ сотремъ.

Съ нимъ препятствій не встрѣчаемъ мы ни въ чемъ,
Для него намъ жизнь-шутиха ни почемъ!
Ура! Ура! Ура!
Для него намъ жизнь-шутиха ни почемъ!

Лѣсъ—сожжемъ, гора—сотремъ, рѣка—запремъ,
И въ скалѣ мечомъ дорогу просѣчемъ.
Ура! Ура! Ура!
И въ скалѣ мечомъ дорогу просѣчемъ.

Гдѣ пройдемъ, тамъ разольемъ мы смерть и страхъ,
Слѣдъ нашъ—памятникъ въ потомствѣ и вѣкахъ.
Ура! Ура! Ура!
Слѣдъ нашъ памятникъ въ потомствѣ и вѣкахъ.

О! Да здравствуетъ нашъ батюшка сардарь!
Для побѣдъ его далъ Богъ и государь.
Ура! Ура! Ура!
Для побѣдъ его далъ Богъ и государь!

„По слѣдамъ этого вождя, доблестнаго и великаго, старался идти и вашъ отлетѣвшій герой. Пойте же, Суженцы, за этою пѣснію и вашу, сложенную въ честь Николая Павловича Слѣпцова.“

Теперь можно и закончить наше описаніе, быть-можетъ не искусное, но во всякомъ случаѣ правдивое! Говорятъ что о мертвыхъ надобно говорить aut bene, aut nihil. Впрочемъ взглянувъ на совершающееся въ мірѣ и поразмысливъ пословицу: „кто себѣ злодѣй“, трудно выступить обвинителемъ за желаніе себѣ лучшаго. А затѣмъ упрекнутъ ли и того кто объ этомъ выскажется?

Пассекъ, владѣя перомъ, описалъ свое пребываніе въ Хунзахѣ, выступленіе изъ него и защиту Зирянскаго укрѣпленія во время блокады его. Описаніе это принято въ военно-учебныхъ заведеніяхъ какъ образецъ слога по военнымъ событіямъ. За это и за дѣйствія въ первый періодъ набѣга Шамиля, Пассекъ получилъ слѣдующія награды: 1) чинъ полковника; 2) пять тысячъ рублей серебромъ единовременно; 3) Георгія 4го класса; 4) чинъ генералъ-майора, и 5) Апшеронскій полкъ въ командованіе.

Изъ боевыхъ офицеровъ никто не получилъ никакой награды.

Digitized by Google

Корпусный командиръ отвѣтилъ на представленіе что награды даются за дѣла хорошія, а не за неудачныя.

Генералъ Клугенау чуть не потерялъ мѣста командующаго войсками въ Дагестанѣ, но удержавшись, пробылъ на немъ не долго.

Апшеронскій полкъ поступилъ подъ команду Пассека отъ командовавшаго этимъ полкомъ полковника Майбороды, который получилъ предписаніе отъ корпуснаго командира о сдачѣ полка Пассеку и только, а вмѣстѣ съ тѣмъ присланъ былъ и Высочайшій приказъ. Остается ли Майборода въ Апшеронскомъ полку, въ числѣ младшихъ штабъ-офицеровъ, до полученія какого назначенія, въ предписаніи корпуснаго командира Нейдгарта ничего сказано не было. Однимъ словомъ, онъ принятъ былъ какъ бы за умершаго, но еще не исключеннаго изъ списковъ приказомъ.

Въ смыслѣ эпилога къ этой маленькой катастрофѣ въ лѣтописяхъ Апшеронскаго полка, я хочу сказать нѣсколько словъ о полковникѣ Майбородѣ.

Въ 1842 году, Апшеронскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Симборскій. Почувствовавъ себя больнымъ, онъ испросилъ отпускъ на Пятигорскія воды и сдалъ полкъ старшему штабъ-офицеру полковнику Ясинскому, оставивъ сто тысячъ рублей ассигнаціями на сдачу полка въ случаѣ смерти своей, которая и послѣдовала въ томъ же году въ Пятигорскѣ. Ясинскій командовалъ около года, всѣ думали что онъ будетъ утвержденъ командиромъ полка, какъ вдругъ, читаемъ въ Высочайшихъ приказахъ: „Полковникъ Майборода назначается командиромъ Апшеронскаго полка“.

Вскорѣ за этимъ прилетѣли вѣсти, заставившія насъ почувствовать къ Майбородѣ что-то въ родѣ отвращенія. Сдѣлалось извѣстнымъ что онъ служилъ казначеемъ въ полку командуемомъ Пестелемъ.

Пріѣхалъ Майборода. Высокій ростъ, короткая талія и длинныя ноги дѣлали его не красивымъ, хотя лицо было не дурно; но темная кожа лица, синія полосы отъ просвѣчивающей бороды на гладко выбритыхъ и лоснящихся щекахъ, строгій взглядъ, сухой тонъ разговора до крайности, медленность движеній и неуклюжесть ихъ, расположили къ нему всѣхъ антипатично.

Дома, во время обѣда, на который приглашались имъ офицеры, онъ былъ не разговорчивъ. Жена и свояченица его мол-

Digitized by Google

чали во весь обѣдъ, не зная куда дѣвать глаза, когда кто-нибудь изъ насъ заговаривалъ съ ними, и офицеры, сострадая загнанному положенію женщинъ, какъ подозрѣвали они, чувствовали себя за обѣдомъ у Майбороды ничуть не веселѣе какъ за столомъ на поминкахъ.

Майборода принималъ полкъ весьма медленно. Онъ находилъ недостаточнымъ оставленные 100.000 р. на сдачу полка, и къ полковнику Ясинскому заявилъ какія-то претензіи, такъ что назначено было генераломъ Клугенау произведеніе учета хозяйственной части полка, и дѣло дошло до корпуснаго командира. Тутъ завязалась четырехмѣсячная драка съ Шамилемъ, и окончательный пріемъ полка, въ хозяйственномъ отношеніи, затянулся.

Блокада поставила насъ къ Майбородѣ почти во враждебное положеніе. Мы не видали его на валу форштадта. Онъ былъ молчаливъ и медленъ одинаково, тогда какъ командиру полка было о чемъ похлопотать. На выручку Пассека и Ясинскаго онъ не пошелъ, предоставивъ баталіоны своего полка штабъ-офицерамъ.

Въ январѣ Пассекъ вступилъ въ командованіе полкомъ, и Майборода очистилъ богатый домъ командира полка, перейдя въ нанятую имъ на новомъ форштадтѣ небольшую квартиру.

Съ мѣсяцъ мы не видали Майбороды. Вдругъ разнесся слухъ что онъ, приставивъ большой аварскій кинжалъ къ груди, упалъ на него во весь ростъ свой, и кинжалъ вышелъ въ спину.

Вѣсти оказались справедливы. Майборода умеръ, и мы со стоическимъ хладнокровіемъ философовъ промолвили: „тагдиръ чохъ якши“ (судьба права)!

Многіе, можетъ-быть, пожелаютъ знать что сдѣлалось съ офицерами и солдатами взятыми въ плѣнъ Шамилемъ въ разныхъ бояхъ и укрѣпленіяхъ?

Плѣнные офицеры содержались въ резиденціи Шамиля — селеніи Даргибъ, въ оковахъ и въ ямѣ, и не продолжительны были ихъ страданія.

Въ 1845 году, новый главнокомандующій, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, пройдя чрезъ Ичкиринскій лѣсъ, взялъ Даргибъ, и мюриды Шамиля, дабы не стѣсняли ихъ плѣнники при отступленіи, всѣхъ ихъ перерѣзали. Солдаты были розданы Шамилемъ въ рабство горцамъ по его усмотрѣнію.

Въ эту страшную экспедицію 1845 года, при взятіи Даргиба

Digitized by Google

и при выступленіи изъ него снова чрезъ Ичкиринскій лѣсъ, на протяженіи 15 верстъ въ ширину лѣса, понесены были громадныя потери; были убиты три генерала: Пассекъ, Викторовъ и Бѣлявскій, большое число штабъ- и особенно оберъ-офицеровъ, и небывалое количество солдатъ; самъ князь вынужденъ былъ взять солдатское ружье для собственной защиты, и явился наконецъ тотъ же генералъ Фрейтагъ съ отрядомъ, для спасенія оставшихся.

Мы упоминали о плѣнѣ поручика Ананова. По возвращеніи изъ плѣна онъ былъ снова зачисленъ въ полкъ и участвовалъ въ обоихъ періодахъ экспедиціи 1845 года, какъ волонтеръ. Гдѣ только была опасность—тамъ былъ Анановъ. Онъ не могъ забыть истязаній вытерпѣнныхъ отъ горцевъ во время плѣна, и мстилъ имъ и днемъ и ночью. Его кличъ узнали горцы въ пылу боя и въ одиночной схваткѣ; его знали многіе горцы въ лицо и называли абрекомъ.

Анановъ былъ въ отрядѣ Пассека и засѣлъ съ нимъ въ Зирянахъ. Провіантъ исчезалъ, уже по полуфунту сухарей на человѣка выдавалось болѣе недѣли. Приходилось плохо! Въ это время Гаджи-Муратъ, наибъ Шамиля, прислалъ къ Пассеку что желаетъ имѣть переговоры. Интересно было знать чего желалъ наибъ, и потому, для исполненія этого, вызвался Анановъ, какъ знающій языкъ горцевъ; но не возвратился онъ: его узнали горцы, и, съ него снята была кожа.

Черезъ три дня послѣ этого отрядъ Пассека былъ выручень генераломъ Клугенау. Какъ же, относясь къ Ананову, не сказать вмѣстѣ съ фаталистами-горцами: „тагдиръ!“

П. ИЛЬИНЪ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

О ПЕРВОЙ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Un Séjour en France de 1792 à 1795. Lettres d'un témoin de la révolution française, tranduites par H. Taine. Paris, 1872.

Любопытная книга заглавіе которой здѣсь выписано, въ свое время достигшая третьяго изданія, нынѣ какъ нельзя болѣе кстати выведена изъ забвенія ея талантлавымъ переводчикомъ. Событія послѣдняго времени окончательно потрясли, недавно еще такъ распространенный во Франціи, культъ революціи. Трезвый взглядъ на событія и лица страшнаго историческаго опыта, испытаннаго Франціей въ концѣ прошлаго вѣка, становится мало-по-малу господствующимъ. Укрѣпленію его, нѣтъ сомнѣнія, будутъ содѣйствовать и эти *Письма* очевидца, представляющія не мало матеріала для правильнаго обсужденія событій. *Письма* появились въ Лондонѣ въ 1796 году; они писаны Англичанкой, скрывшею свое имя, но какъ видно изъ самыхъ записокъ, умною, образованною и одаренною тонкою наблюдательностію. Изданіе ихъ принялъ на себя г. Джонъ Гиффордъ, извѣстный политическій писатель того времени, и теперь трудно рѣшить что̀ принадлежитъ перу самой путешественницы и что̀ ея редактору. Во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ факты которыхъ она была свидѣтельницей во время столько превозносимой „великой революціи“ въ высшей степени поучительны и не безполезны для историка. Письма эти писаны день за день авторомъ во время невольнаго четырехлѣтняго пребыванія въ различныхъ городахъ Франціи и частію въ тюрьмѣ, и представляють наглядно положеніе этой злополучной страны въ самый разгаръ революціи. Заимствуимъ изъ книги нѣсколько писемъ, которыя могутъ дать понятіе о ея любопытномъ содержаніи.

I.

Лилль, май 1792. Вы, которые живете въ странѣ гиней, шиллинговъ и пенсовъ, не имѣете понятія о затрудненіяхъ которыя мы переносимъ съ тѣхъ поръ какъ у насъ исчезла звонкая монета. Наша единственная ходячая монета — ассигнаціи въ 5, 50, 100, 200 ливровъ и выше. Если мы дѣлаемъ покупки, то необходимо соображать наши потребности съ цѣнностью нашихъ ассигнацій; безъ этого мы остаемся должны продавцу или продавецъ намъ. „Голову совсѣмъ потеряешь, говорила мнѣ вчера одна старушка,—если такъ продолжится, то просто хоть умирай.“ Нѣсколько дней тому назадъ муниципальныя власти пытались помочь дѣлу выпускомъ маленькихъ билетовъ въ 5, 10, 15 и 20 су, которые они выдаютъ въ обмѣнъ на пяти-ливровыя ассигнаціи. Но число этихъ бумагъ, называемыхъ *billets de confiance*, ограничено, а требованіе на нихъ такъ велико что въ день выдачи ихъ Городская Дума осаждается толпой женщинъ, собирающихся со всѣхъ концовъ округа, крестьянокъ, разнощицъ, служанокъ и наконецъ (это самыя назойливыя) рыбныхъ торговокъ. Онѣ занимаютъ обыкновенно мѣста за два, три часа до открытія, и промежутокъ употребляютъ на сообщеніе новостей и на осыпаніе всевозможными ругательствами бумажныхъ денегъ. Но сцена представляющаяся когда отворяется дверь превосходитъ всякое описаніе, и для вѣрной передачи ея необходима кисть Гогарта. Смѣло можно сказать что Вавилонское столпотвореніе было сравнительно примѣромъ тишины и молчанія. Слышатся только крики, брань и споры; дерутъ другъ друга за волосы, стукаются головами, и потерявъ половину дня и часть одежды, сражающіяся удаляются съ запасомъ нѣсколькихъ синяковъ и пятка или десятка мелкихъ билетовъ, составляющихъ ихъ единственное средство продолжать въ теченіе слѣдующей

Digitized by Google

недѣли свою скудную торговлю. Я полагаю что бумага сильно поколебала популярность революціи. Когда мнѣ приходится покупать что-нибудь, торговецъ, отвѣчая на мои вопросы, грустнымъ голосомъ спрашиваетъ меня: „Бумажными деньгами?“ и торгъ заключается, приправляемый меланхолическимъ разсужденіемъ о тяжелыхъ временахъ.

Декреты относительно священниковъ произвели также много раздоровъ, и мнѣ кажется весьма не политическимъ сдѣлать изъ религіи знамя партій. Поздняя обѣдня которую служитъ присяжный священникъ посѣщается многочисленною конгрегаціей, но дурно одѣтою и неопрятною; ранняя (*messe basse*), напротивъ того, къ которой допускаютъ и неприсяжныхъ священниковъ, привлекаетъ болѣе блестящее, хотя и не многочисленное собраніе. Мнѣ кажется что много людей не думавшихъ прежде о религіозныхъ принципахъ сдѣлались суровыми папистами съ тѣхъ поръ какъ сочувствіе къ папскому престолу стало признакомъ политическаго мнѣнія. Но если сепаратисты упрямы и ханжи, то конституціоналы, съ своей стороны, невѣжественны и нетерпимы.

Сегодня мнѣ вздумалось узнать дорогу въ Госпитальную улицу; женщина къ которой я обратилась спросила меня угрожающимъ тономъ, зачѣмъ мнѣ туда. Когда я ей отвѣчала что это самая близкая дорога ко мнѣ, то она понизила голосъ и даже очень вѣжливо проводила меня. Я узнала отъ нея что монахини Госпиталя собираются служить обѣдню у неприсяжнаго священника, и что лица которыхъ подозрѣваютъ въ намѣреніи пробраться туда терпятъ оскорбленія и даже побои. Нѣсколько дней тому назадъ, одна женщина пробиравшаяся туда потерпѣла такое варварское и неприличное обращеніе отъ черни что опасались за ея жизнь. И это вѣкъ и родина *философовъ*....

II.

Аррасъ, сентябрь 1792. Теперь не въ модѣ уже посѣщать какое-нибудь публичное мѣсто; но такъ какъ мы иностранцы и не принадлежимъ ни къ какой партіи, то часто проводимъ наши вечера въ театрѣ. Я очень люблю его, не столько ради представленій, какъ потому что это доставляетъ мнѣ случай наблюдать расположеніе народа и направленіе которое ему стараются дать. Сцена сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ политической школы, гдѣ публикѣ преподается ненависть къ королямъ,

Digitized by Google

къ дворянству, къ духовенству, смотря потому кого преслѣдуютъ въ ту минуту, и я полагаю что часто можно угадать по новымъ піесамъ кого приносятъ въ жертву. Годъ тому назадъ весь прискорбный перечень человѣческихъ слабостей олицетворяемъ былъ графами и маркизами. Они были выставляемы не лицами которыхъ богатство и власть сдѣлали высокомѣрными и роскошными, но чѣмъ-то въ родѣ чудовищъ, коихъ существованіе и наслѣдственныя владѣнія сами по себѣ и независимо отъ ихъ личнаго характера суть преступленіе, которое можно искупить только конфискаціей. И дѣйствительно Французы расположены были считать свое дворянство преступнымъ. На ихъ глаза высота его была роковымъ продуктомъ всевозможныхъ преступленій, и многіе, не вѣрившіе никакимъ обвиненіямъ, радовались однако униженію его гордости. Народъ, богатые купцы, даже мелкое дворянство ревностно содѣйствовали истребленію класса устранявшаго и презиравшаго ихъ. Изъ всѣхъ недавнихъ нововведеній, отмѣна сословій можетъ-быть наименѣе возбудила противодѣйствія.

Теперь менѣе необходимо чернить дворянство, и нынѣшнія сочиненія направлены противъ престола, духовенства и монашескихъ орденовъ. Всѣ тираны вѣковъ минувшихъ извлечены изъ архивовъ педантами партіи, и къ нимъ приравниваютъ мирныхъ монарховъ современной Европы. Ученіе о народномъ верховенствѣ распространяется всѣми средствами, и народъ подстрекаютъ пользоваться властью, которую онъ долженъ передать тѣмъ кто его провели и обманули. Неистовство черни представляется самымъ высокимъ усиліемъ патріотизма; честолюбіе и месть присваиваютъ себѣ названіе *національнаго правосудія* и сокрушаютъ свои жертвы при рукоплесканіяхъ толпы. Направленіе подобныхъ піесъ очевидно: онѣ пріучаютъ умъ народа къ событіямъ которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наполнили бы его ужасомъ.

Есть также театральныя представленія приготовляющія къ закрытію женскихъ монастырей и къ изгнанію священниковъ. Такъ какъ прежнія чувства еще не изгладились, то стараются до нѣкоторой степени оправдать преслѣдованія клеветой. Исторія распущенія нашихъ англійскихъ монастырей была разыскана для воспроизведенія изъ нея скандаловъ; злоупотребленія и ханжество всѣхъ странъ выставлены на сцену. Месть самая безпощадная, ненависть самая утонченная, корыстолюбіе и жестокость доведенныя до крайности излагаются въ формѣ тра-

Digitized by Google

гедій и представляются какъ дѣйствія совершенныя подъ личиной религіи и при монастырской безнаказанности, между тѣмъ какъ оперы и фарсы, смѣшная сторона коихъ имѣетъ еще болѣе успѣха, изображаютъ монастыри убѣжищами разврата, интриги и суевѣрія.

Усилія эти были довольно успѣшны, не по достоинству піесъ, но по новизнѣ предмета. Народъ былъ вообще чуждъ внутренности монастырей; онъ смотрѣлъ на нихъ съ тѣмъ почтеніемъ которое внушало умамъ невѣжественнымъ все таинственное. Даже платье монашеское было прежде запрещено на сценѣ, такъ что представленіе монастырей, монаховъ и монахинь съ ихъ костюмами и обычаями не могло не привлечь толпу. Та же причина которая возбуждаетъ любопытство человѣка дѣлаетъ его и легковѣрнымъ; тѣ взоры которыхъ не проникали далѣе рѣшетки и даже тѣ кто получили воспитаніе въ монастырѣ не могутъ судить монаховъ; умъ ихъ, не имѣя ни внутренняго убѣжденія, ни сознанія истины, легко поддается злословію и лжи.

Вкусъ такъ же мало образуется отъ революціи, какъ и нравственность. Даются фарсы площадные и безнравственные, прославляются пороки низшаго класса, и съ тѣмъ вмѣстѣ ни одна драма не имѣетъ успѣха, если она не поддерживается фикціей. Такъ какъ поддержка эта только пріобрѣтается униженіемъ престола, духовенства и дворянства, то оскорбленія замѣняютъ нынѣ литературное достоинство, и угроза налагаетъ молчаніе на тѣхъ кто осмѣлился бы порицать піесу....

4го сентября 1792. Парижъ мѣсто проскрипціи и убійства. Плѣнники, духовенство, дворянство, всѣ предполагаемые враги господствующей партіи, всѣ предметы частной ненависти приносятся въ жертву безпощадно. Мы находимся здѣсь въ крайнемъ ужасѣ и тревогѣ. Мы не знаемъ ни конца, ни размѣра этихъ бѣдствій, и каждый дрожитъ за себя и за своихъ друзей. Наше общество состоитъ преимущественно изъ женщинъ; мы не смѣемъ показаться изъ дому и прижимаемся другъ къ другу какъ птицы при наступленіи грозы. Я не имѣю духу писать болѣе. Вотъ письмо которое мы получили этою ночью отъ г. П.:

„*Улица Сентъ-Оноре, 2го сентября 1872.* Тысячи жертвъ назначены въ сію минуту на закланіе, и убиваются съ возмутительнымъ подобіемъ правосудія и порядка. Свирѣпая и дикая толпа, руководимая избранными убійцами, нападаетъ на тюрьмы, разбиваетъ дома священниковъ и дворянъ, и послѣ судебнаго приговора, похожаго на насмѣшку, предаетъ ихъ

Digitized by Google

казни на мѣстѣ. Набатъ раздается, слышатся выстрѣлы тревоги, улицы оглашаются страшными криками, невыразимое чувство ужаса наполняетъ всѣ сердца. Я чувствую что поступилъ опрометчиво, пріѣхавъ въ Парижъ, но теперь заставы заперты и я долженъ выжидать событій. Не знаю къ чему поведутъ эти проскрипціи, если всѣ кто не хотятъ быть ихъ двигателями обречены сдѣлаться ихъ жертвами; но разнузданная ярость охватила народъ, многіе держатъ въ рукахъ бумаги, которыя какъ будто направляютъ ихъ къ какой-то цѣли и они стремятся съ ней съ яростнымъ и дикимъ пыломъ....

„У моей квартиры остановилась повозка; до слуха моего долетѣли болѣзненные стоны и крики неистовой радости. Послѣ минутнаго колебанія, сойти ли мнѣ или остаться у себя въ комнатѣ, я подумалъ что лучше показаться, чтобы не подать вида что я прячусь, когда народъ входитъ ко мнѣ въ домъ. Итакъ я сошелъ; но я набрасываю покрывало на то что̀ представилось моимъ глазамъ; природа возмущается предъ такими ужасами. Достаточно сказать что я видѣлъ повозки нагруженныя умершими и умирающими, которыхъ провожали убійцы еще облитые кровью. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ въ восторгѣ: „Вотъ славный день для Франціи!“ Я пытался выразить свое согласіе, но слова замерли у меня въ горлѣ, и когда они прошли, я бросился къ себѣ въ комнату. Говорятъ что въ настоящую минуту непріятель отступаетъ отъ Вердена; во всякомъ случаѣ это желательно, но теперь не знаешь уже чего и желать. Весьма вѣроятно слухъ этотъ распускаютъ чтобъ укротить чернь. Они уже два раза нападали на Тампль, и я опасаюсь что сегодня еще послѣднее убѣжище падшаго величія будетъ нарушено этими бѣснующимися.“

„*3го сентября.* Рѣзня не прекратилась, но она совершается теперь съ бо̀льшимъ хладнокровіемъ, и между жертвами дѣлается болѣе выбора: неистовая жестокость, которую украшаютъ именемъ патріотизма, устраняетъ милосердіе и разумъ. У М., котораго я зналъ до сихъ поръ по наслышкѣ, какъ человѣка прямаго и даже человѣколюбиваго, былъ братъ, заключенный въ Кармелитскомъ монастырѣ вмѣстѣ со множествомъ священниковъ. По своему положенію, М. имѣлъ достаточно вліянія чтобы спасти его. Несчастный братъ, зная это, нашелъ средство передать ему записку съ просьбой освободить его и дать ему убѣжище. Посланный возвратился съ отвѣтомъ что М. „не имѣетъ никакихъ сношеній съ врагами отечества“. Нѣсколько часовъ спустя убійства въ Кармелитскомъ монастырѣ начались“....

III.

Аміенъ, сентября 1792. Конвентъ начинаетъ свои занятія при самыхъ неблагопріятныхъ признакахъ. Повидимому общій страхъ овладѣлъ Парижанами: дороги покрыты повозками, трактиры наполнены путешественниками. Новый регламентъ

Digitized by Google

приводится въ силу вѣроятно съ цѣлію положить предѣлъ этому духу странствій. Въ Аббевилѣ, куда мы прибыли поздно и очень усталые, насъ отвели въ муниципалитетъ; тамъ наши паспорты свѣрили съ нашими особами, и въ трактирѣ мы принуждены были вписать въ книгу наши имена, мѣсто нашего рожденія, откуда и куда мы ѣдемъ. Это, скажете вы, похоже скорѣе на разгаръ инквизиціи, чѣмъ на начало республики; но Французы имѣютъ понятія о свободѣ совершенно отличныя отъ нашихъ и принимаютъ это совершенно спокойно. Во Фликскурѣ мы ѣли оловянными ложками; хозяева говорили намъ съ большимъ безпокойствомъ что они продали свое серебро въ ожиданіи что оно будетъ у нихъ отобрано декретомъ конвента. Декрета этого не было, но тревога общая, и ничто не показываетъ довѣрія къ новому правительству.

Аміенцы всѣ аристократы, но когда какая-нибудь жертва этой партіи является искать у нихъ убѣжища, скрываясь изъ Парижа, они очень аккуратно высчитываютъ какую сумму необходимость заставитъ дать ее за это убѣжище и не спускаютъ ни одного ливра изъ требуемой суммы. Наемъ домовъ и квартиры повышаются и понижаются съ общественнымъ бѣдствіемъ, подобно національнымъ фондамъ, и, подобно имъ, составляютъ предметъ спекуляціи. Многіе изъ землевладѣльцевъ къ которымъ мы обращались не хотѣли отдавать своихъ домовъ на иныхъ условіяхъ, приводя ту причину своего равнодушія что если безпорядки въ Парижѣ усилятся, то они сдадутъ, конечно, дома свои гораздо выгоднѣе.

Снова начинаются затрудненія съ мелкою монетой. Многія общины, выпустившія билеты въ 5, 10 и 15 су, уплачиваемые ассигнаціями, обанкрутились; этотъ случай до такой степени лишилъ довѣрія всякую номинальную монету что билеты одного города не переходятъ въ другой.

На улицахъ обыкновенно оскорбляютъ женщинъ которыя одѣваются слишкомъ хорошо или въ цвѣта которые народу угодно называть „аристократическими". Меня однажды чуть не повалили на землю за то что на мнѣ была соломенная шляпка съ *зелеными* лентами....

IV.

Декабрь, 1792. Теперь принято обычаемъ обращаться другъ къ другу съ названіемъ *гражданинъ*, дѣйствительно ли вы гражданинъ или нѣтъ, житель ли вы Парижа или уроженецъ Перу;

Digitized by Google

требовать другаго титула или употреблять его есть признакъ аристократіи. Это совершенно согласуется съ нынѣшнею системой: злоупотребленія дѣйствительныя, реформа воображаемая. Народу льстятъ словами, между тѣмъ какъ онъ теряетъ существенныя преимущества, а позволеніе называть каждаго гражданиномъ скудное вознагражденіе за деспотизмъ департамента или муниципалитета.

Напрасно льстятъ народу химерическимъ равенствомъ: оно не можетъ существовать въ цивилизованномъ государствѣ, а если и существуетъ гдѣ-либо, то конечно не во Франціи. Французы привыкли къ подчиненности; они естественно опираются на что-нибудь высшее, и если какой-нибудь классъ падаетъ, то для того только чтобы возвысился другой. Гордость дворянина замѣняется гордостію купца. Вліяніе богатаго обнаруживается снова покупкой національныхъ имуществъ; оставленныя аббатства обращаются въ увеселительные дома роскошныхъ негоціантовъ и замѣняютъ собой разрушенные замки феодальнаго времени. Разбогатѣвшій купецъ, проникнутый важностію пріобрѣтаемою въ республикѣ торговымъ вліяніемъ, легко усваиваетъ себѣ высокомѣріе высшихъ классовъ и съ большимъ достоинствомъ пользуется своимъ новымъ возвышеніемъ. Контора шерстянаго фабриканта становится такъ же недоступна, какъ будуаръ маркиза. Къ тому же человѣкъ этого класса менѣе общителенъ, и его парчевое платье съ туго завитыми буклями представляетъ наружность гораздо болѣе шокирующую, чѣмъ ситцевый шлафрокъ и распущенные волосы дворянина...

Робкій или миролюбивый житель Лондона, голова котораго была наполнена идеей Бастиліи и полиціи прежняго правительства, пустился бы скорѣе въ Константинополь чѣмъ въ Парижъ. Но теперь онъ читаетъ въ преніяхъ Конвента что Франція страна самая свободная на свѣтѣ, и что иностранцы стекаются со всѣхъ пунктовъ земнаго шара совершать поклоненія въ новомъ храмѣ свободы. Привлеченный этимъ описаніемъ, онъ рѣшается ѣхать во Францію. Высаживаясь съ пожитками въ Кале, онъ переноситъ множество стѣсненій, но подчиняется имъ безъ ропота, ибо при отъѣздѣ изъ Дувра его соотечественники научили его какъ облагать пошлиной путешественниковъ. Записавъ свое имя и вознаградивъ таможенныхъ, перерывшихъ всѣ его вещи, онъ хочетъ прогуляться по городу. Первый часовой котораго онъ встрѣчаетъ останавли-

Digitized by Google

ваетъ его потому что на немъ нѣтъ кокарды: онъ покупаетъ таковую въ ближайшей лавкѣ, гдѣ съ него берутъ за нее въ три-дорога въ виду настоятельной необходимости, и ему дозволяютъ продолжать путь. Уплативъ по счету въ гостиницѣ, онъ воображаетъ что ему остается только ѣхать далѣе; ничуть не бывало, оказывается что онъ долженъ запастись паспортомъ.

Онъ ожидаетъ чиновника часа полтора; наконецъ тотъ появляется съ линейкой въ рукѣ и съ перомъ въ другой, начинаетъ мѣрить его ростъ и описывать примѣты. Во время этой церемоніи рѣшетку запираютъ, и путешественникъ можетъ выѣхать только на другой день. Наконецъ бѣдный иностранецъ выѣзжаетъ рано; его два раза будятъ до Булони чтобы посмотрѣть у него паспортъ; тѣмъ не менѣе онъ все переноситъ съ терпѣніемъ, полагая что новый свѣтъ еще не проникъ до границы и что эти скучныя предосторожности необходимы вблизи портовъ. Онъ продолжаетъ свой путь, и мало-по-малу привыкаетъ къ такой системѣ свободы. Иногда на другой же день, правильность его паспорта оспаривается, или потому что выдавшій его муниципалитетъ подозрѣвается въ аристократіи, или потому что въ немъ какая-нибудь ошибка; тогда онъ долженъ ожидать возвращенія гонца отправленнаго для его провѣрки, и чиновники выказываютъ такимъ образомъ суровость своего патріотизма насчетъ путешественника.

Чувствуя что терпѣніе его истощается, возненавидѣвъ береговыя правила и невѣжественность маленькихъ городовъ, нашъ соотечественникъ рѣшается остановиться на нѣсколько дней въ Аміенѣ и послѣдить тамъ за успѣхами свободы. Онъ надѣется увидѣть въ этомъ большомъ торговомъ городѣ всѣ благотворныя дѣйствія новой конституціи; онъ радуется что путешествуетъ въ такое время когда можетъ собрать свѣдѣнія и выразить свои политическія мнѣнія, не опасаясь государственной тюрьмы и шпіонства полиціи. Тѣмъ не менѣе хозяинъ говоритъ ему что ему необходимо побывать въ Городской Думѣ; онъ ходитъ туда три, четыре раза, ждетъ по получасу „съ городскими слугами“ въ передней, и каждый разъ ему говорятъ что муниципальные чиновники заняты.

Не чувствуя, въ качествѣ Англичанина, ни малѣйшаго расположенія къ этимъ третьестепеннымъ властителямъ и къ ихъ недоступнымъ аудіенціямъ, онъ намекаетъ въ первомъ попавшемся ресторанѣ что никакъ не думалъ чтобъ иностранцу нельзя было провести два дня въ свободной странѣ, безъ того

Digitized by Google

чтобъ его не смѣряли, не допросили, не осмотрѣли со всѣхъ сторонъ, какъ будто дезертира; наконецъ онъ позволяетъ себѣ нескромное сравненіе между прежнимъ „господиномъ комендантомъ“ и нынѣшнимъ „гражданиномъ меромъ“. Онъ открываетъ тогда, къ величайшему своему изумленію, что полицейскіе эмиссары замѣнены якобинскими шпіонами. Слова его переносятся муниципалитету, пребываніе его въ городѣ ведетъ къ тысячѣ заключеній, его задерживаютъ какъ подозрительнаго. Только благодаря посредничеству знакомыхъ своихъ въ Парижѣ, если у него найдутся таковые, онъ получаетъ позволеніе продолжать свое путешествіе.

Въ Парижѣ онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ. Иногда ночью его поднимаетъ съ постели домовый обыскъ, другой разъ бунтъ. Въ иной день народъ бунтуетъ требуя хлѣба, въ другой идетъ свалка въ общественномъ празднествѣ. Наконецъ нашъ соотечественникъ считаетъ себя счастливымъ что ему удается убраться по добру по здорову къ себѣ въ Англію и на остатокъ дней своихъ останется совершенно доволенъ тою свободой которая обезпечена ему конституціей его страны.

V.

23го марта 1793. Положеніе Франціи значительно измѣнилось въ послѣдніе два мѣсяца; власть сдѣлалась прочнѣе и вслѣдствіе того неограниченнѣе. Произвольныя мѣры уже не случайныя, но систематическія. Установилось правильное сцепленіе маленькихъ тираній, зависящихъ одна отъ другой, начиная отъ якобинскихъ клубовъ и оканчивая комитетами отдѣленій. Простымъ декретомъ производится реквизиція для военнаго министерства всѣхъ неженатыхъ людей республики съ 18 лѣтъ возраста до 45. Ихъ набираютъ разомъ 300.000. Каждый департаментъ обязанъ отвѣчать предъ конвентомъ за извѣстное число людей, каждый округъ долженъ выставить свою долю департаменту, каждый муниципалитетъ округу. Дѣятельность ихъ побуждается странствующими членами легислатуры, коимъ ввѣряется распоряженіе вооруженною силой. Это послѣднее обстоятельство можетъ показаться вамъ невѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе это фактъ, и бо́льшая часть департаментовъ находятся подъ юрисдикціей одного изъ этихъ „государей“, власть коихъ почти неограниченна. Въ настоящую минуту у насъ въ го-

Digitized by Google

родѣ два депутата, которые задерживаютъ и сажаютъ въ тюрьму кого имъ заблагоразсудится. Нѣсколько дней тому назадъ жители Аміена, въ числѣ 21, были задержаны и теперь еще сидятъ въ тюрьмѣ, и никто не сказалъ имъ до сихъ поръ въ чемъ ихъ обвиняютъ.

Городскія рѣшетки заперты; никому не позволяютъ входить и выходить безъ приказа муниципалитета, и предъявленіе такого приказа требуется даже отъ жителей предмѣстій. Фермеры и крестьяне, пріѣзжающіе на лошадяхъ, обязаны отмѣчать на паспортахъ масть и особыя примѣты лошадей, также какъ и свои собственныя. Всякое лицо которое считаютъ умѣстнымъ обозначить наименованіемъ „подозрительный" лишается оружія; частныя жилища занимаются по ночамъ, вопреки положительному закону, подъ предлогомъ отысканія бѣглыхъ священниковъ. Эти правила не спеціальныя для нашего департамента; они могутъ дать вамъ общее понятіе о томъ что̀ дѣлается во всѣхъ углахъ Франціи.

Я должна прибавить что письма повсюду распечатываются безнаказанно, что конвентъ выпускаетъ, по своему желанію, громадныя суммы ассигнацій, что никто не освобождается отъ карауловъ; мало того, всѣ обязаны давать квартиры войскамъ, и у иныхъ проживаютъ по нѣскольку недѣль человѣкъ по восьми и по десяти.

Изъ этого вы можете видѣть какъ увеличилась свобода во Франціи со времени революціи, низложенія короля и провозглашенія республики. Хотя Французы переносятъ этотъ деспотизмъ, не осмѣливаясь роптать открыто, но вы то-и-дѣло видите грустное перешептываніе и многозначительное пожиманіе плечами. Политическое недовольство имѣетъ даже свой собственный языкъ, хотя и не ясный, но тѣмъ не менѣе понятный. Такимъ образомъ, если вы услышите возгласы: „Ахъ! Боже мой! какъ плохо жить теперь", или: „Мы въ очень критическомъ положеніи", или же: „Когда же все это кончится!" то вы можете быть увѣрены что говорящій пламенно желаетъ возстановленія монархіи и что онъ питаетъ горячую надежду прожить еще столько, чтобъ увидѣть членовъ Конвента на висѣлицѣ. Мужество ихъ, однако, испаряется въ разговорахъ; они сознаются что страна ихъ погибла, что они управляются разбойниками, потомъ возвращаются домой и припрятываютъ подальше все что̀ у нихъ есть цѣннаго. Окончивъ это, они съ

Digitized by Google

рабскою покорностью встрѣчають ближайшій домовый обыскъ.

Масса народа, хотя столь же мало энергическая, ропщетъ, но не сопротивляется, и все оканчивается безмолвною покорностью.

VI.

20го апрѣля 1793. Прежде этихъ благодатныхъ дней свободы Парижъ давалъ чувствовать провинціи свое превосходство только сообщая ей какую-нибудь новую моду, какое-нибудь усовершенствованіе въ поваренномъ искусствѣ или изобрѣтеніе менуета. Теперь наше подражаніе столицѣ нѣсколько серіознѣе, и если послушаніе наше не такъ добровольно, то оно гораздо безусловнѣе. Только вмѣсто того чтобы заимствовать моды у придворныхъ дамъ, мы ихъ заимствуемъ у дамъ рыночныхъ или у муниципалитетовъ. Въ послѣднее время было предписано чтобы въ каждомъ домѣ республики выставлялось снаружи разборчивымъ почеркомъ имя, возрастъ, мѣсто рожденія и профессія его жителей. Самые бѣдные крестьяне, которые слишкомъ стары или слишкомъ молоды чтобы дѣйствовать, даже незамужнія женщины обязаны такимъ образомъ сообщать прохожимъ свою краткую исторію. Господствующая партія судитъ весьма разумно что всѣ тѣ кто не враги ея могутъ сдѣлаться таковыми, что всѣ тѣ кто не могутъ бороться еще, могутъ возбуждать къ борьбѣ другихъ. Но каково бы ни было намѣреніе внушившее такую мѣру, невозможно представить себѣ ничего болѣе благопріятнаго для деспотическаго правительства. Она ставитъ каждое лицо въ республикѣ непосредственно подъ руку шпіоновъ и доносщиковъ. Она указываетъ тѣхъ кто достигли возраста для поступленія въ армію, тѣхъ кто искали убѣжища въ одномъ департаментѣ отъ преслѣдованій другаго, наконецъ она дѣлаетъ бѣгство невозможнымъ для тѣхъ на кого доноситъ политическое подозрѣніе или частная злонамѣренность.

У насъ производились два раза въ двѣ недѣли домовые обыски: первый для отысканія оружія, второй подъ предлогомъ осмотра сколько можно помѣстить въ каждомъ домѣ солдатъ. Но это только предлогъ; муниципалитеты посылаютъ войска куда имъ заблагоразсудится, не обращая вниманія есть ли у васъ помѣщеніе или нѣтъ. Настоящая цѣль этого розыска посмотрѣть соотвѣтствуютъ ли жители спискамъ выставленнымъ

Digitized by Google

на дверяхъ. Гжа де*** лежала больная въ постели, но такое обстоятельство не помѣшало вѣжливымъ республиканцамъ войти съ оружіемъ въ рукахъ къ ней въ комнату и изслѣдовать сколько солдатъ можно помѣстить въ спальнѣ больной женщины.

VII.

Перонна, 20го іюля 1793. Боюсь что вы не повѣрите мнѣ, когда я опишу вамъ крайнее невѣжество и невниманіе Французовъ ко всему что̀ касается общественныхъ дѣятелей и политическихъ мѣръ. Они не извлекаютъ никакого результата изъ прошедшаго, не дѣлаютъ никакого заключенія для будущаго. Они восклицаютъ: „Это не можетъ такъ продолжаться!“ и все остальное предоставляютъ на волю Провидѣнія съ самоотверженіемъ, въ которомъ, конечно, нѣтъ ничего ни религіознаго, ни философскаго. Даже тѣ кто пообразованнѣе и посвѣдущѣе до такой степени теряются въ политикѣ Греціи и Рима что никакъ не разберутъ, какимъ образомъ примѣнить ее къ своей странѣ....

Я бывала въ различныхъ частяхъ Франціи въ самые критическіе періоды революціи, бесѣдовала съ людьми всѣхъ партій и всѣхъ сословій и утверждаю что не встрѣчала человѣка одареннаго сколько-нибудь истиннымъ патріотизмомъ. Еслибъ аѳинскій законъ осуждавшій на смерть всякаго равнодушнаго къ общественному благу въ минуту опасности былъ примѣненъ здѣсь, то я опасаюсь что произошло бы страшное истребленіе жителей, даже въ средѣ самыхъ задорныхъ поборниковъ демократіи.

VIII.

Перонна, августъ 1793. Вчера у меня производили обыскъ и забрали мои бумаги.... Коммиссары, спеціально для того назначенные, очень затруднялись причислить ли книги и ноты къ бумагамъ; они хотѣли сжечь *Исторію Франціи*, потому что на первой ея страницѣ рѣчь шла „о короляхъ“. Они очень ревностно заглядывали на дно кувшиновъ и цвѣточныхъ горшковъ, но не посмотрѣли въ мой большой портфель, употребленіе котораго было имъ неизвѣстно; слуга мой спасъ нѣсколько писемъ, пока я забавляла ихъ показывая имъ муху въ микроскопъ.

Digitized by Google

Самая затруднительная часть этого важнаго дѣла было составленіе письменнаго протокола. Писать умѣлъ только одинъ; значитъ о выборѣ секретаря не было спора, но большимъ преніямъ подверглась редакція. Наконецъ они написали что-то о снятіи печатей, объ осмотрѣ, затѣмъ положили всѣ бумаги въ ящикъ и оставили меня хозяйкой въ моей комнатѣ....

Одинъ ораторъ по имени Анріо открылъ на дняхъ что исторія Греціи и Рима не нужна для Французовъ, не потому чтобъ они отличались своимъ политическимъ положеніемъ и нравственнымъ характеромъ отъ Грековъ и Римлянъ, но потому что Французы превосходятъ всѣ народы когда-либо существовавшіе и должны служить образцомъ, а не унижаться до подражанія. „Вслѣдствіе этого, присовокупляетъ мудрый якобинецъ, пользующійся впрочемъ большою популярностью, сожжемъ всѣ библіотеки и всѣ древности и будемъ руководствоваться сами собою. Срѣжемъ головы у депутатовъ которые не подаютъ голосовъ согласно съ нашими принципами, изгонимъ и засадимъ въ тюрьмы дворянство и духовенство, взведемъ на гильйотину королеву и генерала Кюстена.“

Таковы обычные предметы преній въ клубахъ, и самый Конвентъ не много болѣе благоприличенъ. Я трепещу, когда вспомню что нахожусь въ такой странѣ гдѣ членъ легислатуры предлагаетъ награду за убійство, и гдѣ президентъ общества имѣющаго притязаніе поучать и просвѣщать народъ требуетъ уничтоженія всѣхъ книгъ. Французы готовы представить міру страшное зрѣлище націи озаренной наукой, привыкшей къ благимъ законамъ и къ наслажденію искусствами, которая вдругъ становится варварскою по системѣ и невѣжественною по избранію....

IX.

Аррасъ, тюрьма, 15го сентября 1793. Всѣ опасенія мои оправдались. Около мѣсяца тому назадъ пушечный выстрѣлъ и колокольный звонъ возвѣстили намъ прибытіе Дюмона, народнаго представителя присланнаго уполномоченнымъ въ департаментъ. Городъ тотчасъ же пришелъ въ тревогу; всѣ ворота были заперты, и улицы ведущія къ укрѣпленіямъ поручены храненію драгунъ. Такъ какъ домъ нашъ находился въ уединенной улицѣ, то прежде чѣмъ мы узнали причину этой суматохи, отрядъ національгардовъ, съ муниципальнымъ офице-

Digitized by Google

ромъ во главѣ, явился чтобы сопровождать меня, а равно и гжу де *** къ церкви, гдѣ представитель допрашивалъ плѣнниковъ. Изумленныя и испуганныя, мы спрашивали своихъ проводниковъ что̀ будетъ съ нами потомъ, но они ничего не знали, и не трудно было замѣтить что обязанность которую они исполняли была имъ не по сердцу. Улицы были полны народомъ. Его унылый видъ и безмолвное недоумѣніе увеличивали нашу тревогу и лишали насъ мужества. Церковь была почти пуста, и Дюмонъ собирался ѣхать, когда муниципальный офицеръ ввелъ насъ. Когда онъ узналъ что гжа де *** сестра эмигранта, а я Англичанка, онъ сказалъ намъ что мы проведемъ ночь въ церкви отведенной для этого, и на другой день отправимся въ Аррасъ. Съ этой минуты я какъ бы потеряла всѣ мои способности, и благодаря только конвульсивному усилію успѣла спросить, на долго ли мы будемъ лишены свободы? Онъ отвѣчалъ что не знаетъ, но что „снятіе осады и потеря шести тысячъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ Французами, конечно произведутъ возстаніе въ Англіи, а стало быть миръ и наше освобожденіе.“

Гжа де *** просила чтобы намъ позволили по нездоровью (мы обѣ были дѣйствительно больны) провести ночь дома, подъ стражей, если это нужно. Но представитель былъ неумолимъ и велѣлъ насъ отвести грубымъ и деспотическимъ тономъ. По прибытіи въ церковь, которая должна была служить намъ тюрьмой до утра, мы нашли тамъ человѣкъ полтораста, преимущественно стариковъ, женщинъ и дѣтей; они расположились печальными группами, оплакивали свое положеніе и повѣряли другъ другу свои опасенія. Мрачный видъ зданія увеличивала еще темнота ночи; шумъ караульныхъ, изъ коихъ многіе были пьяны, табачный запахъ и духота дѣлали наше положеніе невыносимымъ. Мы скоро нашли нѣсколько знакомыхъ, но это соединеніе несчастій было далеко не утѣшительно. Мы проводили время въ совѣщаніяхъ что̀ бы могло быть намъ полезно въ нашемъ заключеніи. Хотя мы имѣли мало надежды на завтра, но часы такъ медленно тянулись что не помню когда бы я такъ обрадовалась первымъ лучамъ дневнаго свѣта. Страхъ томилъ меня; я вспомнила убійства въ парижскихъ церквахъ и предложенія которыя дѣлались безпрестанно чтобъ истребить дворянство и духовенство. Гжа де *** сказала мнѣ потомъ что ее мучили тѣ же мысли.

Наконецъ наступило утро, и нашимъ служителямъ позволили

Digitized by Google

принести намъ завтракъ; они казались печальны и испуганы, но охотно предлагали сопровождать насъ куда бы насъ ни повезли. Послѣ грустнаго спора, рѣшено было что мы возьмемъ съ собою горничныхъ, а прочіе останутся охранять домъ и присылать намъ вещи которыя будутъ намъ нужны. Они воротились чтобы приготовить все къ нашему отъѣзду, и мы скоро были готовы. Товарищи нашего несчастія имѣли также усердныхъ служителей, но не знаю зачѣмъ, вмѣсто того чтобы везти насъ днемъ, повидимому съ намѣреніемъ хотѣли чтобъ мы провели ночь въ дорогѣ, хотя мы и были истощены прошедшею безсонною ночью.

Такимъ образомъ мы ждали до шести часовъ. Тогда привели нѣсколько крытыхъ повозокъ, сопровождаемыхъ отрядомъ драгунъ, долженствовавшихъ насъ конвоировать. Я не помню что было съ нами до той минуты когда мы выбрались на аррасскую дорогу. Горничная гжи де*** сообщила намъ что Дюмонъ пріѣхалъ вечеромъ очень не въ духѣ и поспѣшно созвалъ муниципалитетъ, чтобы разспросить его сколько человѣкъ они задержали и какіе доносы они имѣютъ еще сдѣлать. Вся корпорація пришла въ ужасъ: они никого не задержали, и что еще хуже, имъ некого было обвинять. Въ защиту свою они говорили что городъ былъ необыкновенно тихъ, народъ былъ настроенъ превосходно и въ арестахъ не было надобности. Представитель пришелъ въ ярость, кричалъ что ему извѣстно что въ Перонnѣ 5.000 арестантовъ и что если до утра ему не приведутъ ихъ 500, то онъ объявитъ городъ въ „положеніи мятежа“. Испуганные этою угрозой члены муниципалитета принялись задерживать кого попало, со всевозможною скоростью, стараясь только добыть требуемое число, и нисколько не заботясь о выборѣ. Но все ихъ усердіе не могло укротить раздраженнаго законодателя: мерь, муниципальные офицеры, всѣ окружные администраторы были отправлены утромъ въ замокъ, откуда ихъ отвели въ Аміенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ обыкновенныхъ плѣнниковъ.

Насъ извѣстили также что въ ту минуту когда наши служители укладывали наши чемоданы, коммиссары отдѣленія явились опечатывать все наше имущество. Не безъ споровъ удалось прислать намъ нѣкоторыя необходимыя для насъ вещи. Кромѣ печатей, къ дому приставили сторожей, которымъ гжа де*** принуждена ежедневно выплачивать по пятидесяти су на человѣка.

Digitized by Google

Насъ было слишкомъ много и мы не могли ѣхать скоро. Было уже за полночь когда мы достигли Балома (въ 15ги миляхъ отъ Перонны). Шелъ сильный дождь, ночь была темная, дороги дурныя, лошади утомлены. Офицеръ провожавшій насъ разсудилъ что прежде утра продолжать путь будетъ неудобно. Насъ опять согнали всѣхъ въ церковь въ мокрыхъ платьяхъ; бросили намъ нѣсколько сноповъ мокрой соломы и позволили отдыхать какъ знаемъ. Всѣ опасенія мои возвратились ко мнѣ. Мы были въ мѣстѣ совершенно незнакомомъ, подъ охраной новобранцевъ, внушавшихъ мало довѣрія. Какъ можете себѣ представить, мы опять не смыкали глазъ и обрадовались когда дневной свѣтъ далъ намъ возможность продолжать путь. Мы въѣхали въ Аррасъ часовъ въ 11; улицы были наполнены праздными людьми, провѣдавшими о нашемъ прибытіи; но никто не оскорблялъ насъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ солдатъ, бѣжавшихъ кажется изъ Нидерландовъ, которые кричали: „на гильйотину! на гильйотину!"

Насъ отвели въ старинный домъ одного эмигранта, хотя обширный, но уже переполненный. Сторожъ отвѣчалъ что для насъ нѣтъ мѣста и оставилъ насъ на нѣсколько часовъ съ вещами нашими на дворѣ. Наконецъ онъ перемѣстилъ и потѣснилъ другихъ плѣнниковъ, чтобы дать намъ мѣсто, и ввелъ насъ на нашу квартиру полумертвыхъ отъ холода и усталости. Тамъ отвели мнѣ, моей пріятельницѣ и двумъ горничнымъ уголъ сарая безъ потолка, который былъ холоденъ самъ по себѣ, но сдѣлался невыносимо душенъ отъ испаренія двадцати человѣческихъ тѣлъ. Эти люди повидимому не обращали вниманія на непріятность своего положенія, увеличивавшуюся еще неопрятностью и дурнымъ запахомъ. Несмотря на всю нашу усталость, мы не могли думать объ отдохновеніи прежде чѣмъ не попытались очистить воздухъ. Мы жгли духи и прыскали уксусомъ; но любопытно было видѣть что наши товарищи, все люди *comme il faut*, какъ говорятъ Французы, которыхъ мы нашли въ атмосферѣ каффрской хижины, объявили намъ что нервы ихъ не выносятъ розовой эссенціи и уксуса Четырехъ Разбойниковъ.

Такъ какъ часть комнаты была занята мущинами, то мы отдѣлили нашъ уголъ занавѣсью, которую мы по счастью захватили съ собою; потомъ напившись чаю, который приготовили наши горничныя, мы попытались уснуть, такъ какъ въ комнатѣ на ночь было тихо. Гжа де*** и служанки скоро забыли

Digitized by Google

всѣ заботы, но я, несмотря на все утомленіе, такъ была взволнована что эту ночь провела почти безъ сна. На другой день, благодаря мокрому платью и прочимъ пріятностямъ нашего путешествія, я почувствовала всѣ признаки жестокой горячки....

X.

Аміенъ, Провидансъ, * *2го февраля 1844.* Я не знаю примѣра такой покорности, какую обнаруживаютъ въ настоящую минуту Французы, и еслибы людямъ можно было приходить съ того свѣта, то тѣни Ришелье и Лувуа могли бы, увидѣвъ дѣйствія комитета общественнаго спасенія, пожалѣть о робкой умѣренности ихъ собственной политики.

Какимъ образомъ объяснить Англичанину доктрину всеобщей реквизиціи? Я радуюсь что вы не можете придумать ничего подобнаго. По установленіи общимъ принципомъ что вся страна должна быть въ распоряженіи правительства, послѣдовали одинъ за другимъ различные декреты требовавшіе спеціально въ распоряженіе правительства почти каждое лицо и каждый предметъ. Портные, сапожники, булочники, кузнецы, сѣдельники и много другихъ ремесленниковъ были подчинены реквизиціи; лошади, повозки, телѣги всякаго рода отбираются реквизиціей для транспортовъ; подвалы и хлѣва подлежатъ реквизиціи для добыванія изъ нихъ селитры, дома для помѣщенія въ нихъ солдатъ и устройства тюремъ. Иногда торговцамъ запрещается продавать одежду, гвозди, хлѣбъ, вино, мясо и пр. Бываютъ примѣры цѣлыхъ городовъ лишенныхъ вслѣдствіе этихъ запрещеній въ продолженіи многихъ дней всякихъ средствъ существованія, и я сама слышала, какъ провозглашали, при барабанномъ боѣ, что тотъ кто имѣетъ два мундира, двѣ шляпы, *двѣ пары башмаковъ*, обязанъ половину своего имущества предоставить арміи.

Мѣры эти, разоряющія одинъ классъ общества, служатъ предлогомъ для угнетенія и преслѣдованія всѣхъ остальныхъ. Для большей производительности права захвата, каждая деревня имѣетъ своихъ шпіоновъ, и домовые обыски производятся такъ часто, что человѣкъ въ своемъ домѣ менѣе безопасенъ чѣмъ въ пустынѣ посреди Арабовъ. Въ этихъ случа-

* Послѣ продолжительной болѣзни автора, заключенныя переведены были въ аміенскую тюрьму Провидансъ.

Digitized by Google

яхъ толпа якобинцевъ съ муниципальнымъ офицеромъ во главѣ входитъ безъ всякихъ церемоній въ домъ и осматриваетъ всѣ комнаты. Если они находятъ нѣсколько фунтовъ сахару, мыла или что-нибудь иное, что̀ они считаютъ болѣе чѣмъ достаточнымъ для вашего потребленія, они берутъ это какъ свою собственность, какъ нужное для республики, и испуганный владѣлецъ не только не протестуетъ, но считаетъ себя счастливымъ что отдѣлался такъ дешево. Это просто грубая тираннія; менѣе сильный деспотизмъ могъ бы изгнать всякую безопасность изъ соціальной жизни. Человѣкъ склоненъ все переносить, и не рѣдко желаніе дѣлать зло достаточно чтобы дать имъ полное господство надъ счастіемъ другихъ. Но система конвента оригинальнѣе; не довольствуясь подчиненіемъ народа самому возмутительному рабству, онъ требуетъ чтобы всѣ были довольны, и по временамъ назначаетъ наказанія тѣмъ кто не хочетъ улыбаться....

Въ Парижѣ бываютъ великолѣпныя празднества, гдѣ каждое движеніе распредѣлено заранѣе коммиссаромъ; департаменты, которые не могутъ подражать столицѣ, тѣмъ не менѣе обязаны выражать свое удовольствіе. Во всѣхъ случаяхъ гдѣ предписано общественное увеселеніе соблюдается та же дисциплина, и аристократы, у которыхъ страхъ пересиливаетъ принципы, выказываютъ при этомъ не менѣе другихъ свою ревность.

Крайній деспотизмъ правительства какъ будто перепуталъ всѣ принципы добра и зла, чести и безчестія. Лица всѣхъ сословій, чувствительныя только къ своей личной опасности, безъ сопротивленія соглашаются на низость и позоръ, если только тѣмъ могутъ обезпечить себѣ неприкосновенность. Портной или сапожникъ имѣющіе слишкомъ дурную репутацію чтобы приняться за какую-нибудь профессію провозглашаютъ себя патріотами, и переднія ихъ наполняются ежедневно знатными людьми, какъ бывало переднія Шуазеля и Калонна, когда эти послѣдніе были на высотѣ своего могущества.

Когда представитель Конвента отправляется съ миссіей въ какой-либо городъ, то печаль наполняетъ всѣ сердца, а на лицахъ распространяется веселье. Его осаждаютъ льстивыми петиціями и корыстными подарками; дворянство образуетъ около него родъ двора, а хозяинъ, котораго онъ удостоиваетъ своимъ пребываніемъ, считаетъ себя наверху блаженства. Если онъ любитъ прекрасный полъ, то ему нечего завидовать власти султана или распущенности сераля. Онъ рѣшитель участи

Digitized by Google

ющіеся лечь, когда у нихъ нѣтъ муки, и чернь, ропщущая когда у нея нѣтъ болѣе хлѣба; кулцы и лавочники, предпочитающіе звонкую монету ассигнаціямъ, несомнѣнно подкуплены имъ. Даже часть представителей и всѣ снисходительныя красавицы находятся, какъ слышно, у него на службѣ. Эту массу обвиненій вы найдете въ газетахъ національнаго собранія, и мы вынуждены заключить изъ нихъ что или г. Питтъ самый искусный государственный человѣкъ въ мірѣ, или что Французская нація самая развратная изо всѣхъ.

XII.

Амієнъ, 23го января 1795. Лучшимъ доказательствомъ что республиканское правительство Франціи было въ началѣ основано на принцилахъ деспотизма и несправедливости служатъ слабость и анархія, въ которыя оно владаетъ какъ только уклоняется отъ этихъ принциловъ. Оно сильно чтобы разрушать и слабо чтобъ охранять, ибо, основываясь на силѣ злыхъ и раболѣлствѣ робкихъ, оно встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны лервыхъ, когда перестаетъ грабить и притѣснять, между тѣмъ какъ вторые, придерживаясь своихъ привычекъ и опасеній, такъ же мало расположены защищать его, когда оно становится мягче, какъ они неспособны были ему сопротивляться когда оно свирѣлствовало.

Реформы совершившіяся со времени Робеспьера, недостаточныя для потребностей справедливости, довольно велики однако для расширенія круга дѣйствій правительства. Замѣчено было, наконецъ, что неопредѣленная власть не можетъ оставаться долго въ однихъ рукахъ и не превратиться въ тираннію. Поэтому комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности возобновляются по четвертямъ ежемѣсячно. Вслѣдствіе этого никто въ продолженіе мѣсяца не можетъ предугадать системы которая будетъ принята въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; принятіе двухъ-трехъ новыхъ якобинскихъ членовъ достаточно для возбужденія общей тревоги. Ежедневно чувствуется это смѣшеніе принциловъ, которые интрига, застращиваніе, необходимость минуты вводятъ въ комитеты. Если вялость и измѣнчивость правительства не выступаютъ яснѣе, то потому что привычки подчиненности еще продолжаются и сила террора еще дѣйствуетъ на поверхности, хотя источники его изсякли. Еслибы теперь рѣчь зашла о наборѣ въ армію или объ

Digitized by Google

изобрѣтеніи средствъ для уплаты ей, то это оказалось бы невозможно; но стóитъ привести въ движеніе существующую уже армію, она продолжаетъ дѣйствовать, и реквизиціи снабжаютъ еще ее до нѣкоторой степени необходимымъ.

Конвентъ не только утратилъ много своей дѣйствительной власти, но его положеніе стало презреннѣе чѣмъ когда-либо. Пока онъ склонялся отъ страха предъ повелительнымъ тономъ своихъ комитетовъ, онъ былъ еще нѣсколько приличенъ. Но теперь когда это стѣсненіе исчезло, скандальный шумъ его преній увеличивается; онъ высказываетъ все что̀ можно себѣ вообразить отъ сборища людей коимъ большею частію неизвѣстны спасительныя приличія, которыми сдерживаются страсти и смягчаются отношенія порядочнаго общества. Каждый изъ нихъ обличаетъ во лжи другаго съ истинно демократическою откровенностью и по-братски готовъ перейти отъ словъ къ дракѣ. На дняхъ, нѣкто Гастонъ въ полномъ собраніи бросился съ палкой чтобы поколотить Лежандра, и по временамъ необходимо удерживать за руки и за ноги Камбона и Дюгема чтобъ они не бросились на Тальяна и Фрерона....

Французы, принужденные праздновать числа столькихъ революціонныхъ событій, разрушившіе столько тюремъ и низвергнувшіе столько тирановъ, какъ будто находятся теперь въ положеніи политическаго дѣтства, какъ народъ который борется противъ деспотизма и съ трудомъ освобождается отъ невѣжества и варварства. Спрашивается, что̀ они выиграли отъ революціи, когда все искусственное краснорѣчіе Тальяна напрасно тратится чтобъ исходатайствовать нѣсколько ограниченій произвольнымъ арестамъ, когда Фреронъ съ величайшею энергіей и съ самымъ малымъ успѣхомъ ораторствуетъ въ пользу свободы печати, Грегуаръ въ пользу свободы исповѣданій, Эшасседіо въ пользу свободы торговли, и всѣ парижскія отдѣленія въ пользу выборовъ? Такимъ образомъ послѣ столькихъ лѣтъ страданій и послѣ разрушенія всего драгоцѣннаго, привилегіи политическія, гражданскія и религіозныя этой страны зависятъ отъ Конвента.

XIII.

Амієнъ, 30го іюня 1795. Делакруа, авторъ *Constitutions de l'Europe*, издалъ сочиненіе, которое читается съ жаромъ и которое возбудило столь сильное неудовольствіе собранія что

Digitized by Google

авторъ былъ арестованъ. Книга эта носитъ названіе: *Spectateur français pendant la revolution* (*Французскій Зритель во время революціи*). Поверхностный наблюдатель изумился бы, увидѣвъ съ какою жадностію читаются всѣ запрещенныя доктрины. Всѣ сочиненія этого рода, то-есть все что благопріятно королямъ и религіи, понятно для простолюдиновъ... Альманахъ съ насмѣшками противъ Конвента, пѣсенка въ пользу роялизма таинственно передается изъ рукъ въ руки, а брошюра нѣсколько болѣе серіозная, но одушевленная тѣми же принципами, есть истинно *лакомый кусокъ* для нашихъ политическихъ гастрономовъ.

На дѣлѣ нѣтъ свободы печати. Позволяется писать противъ Баррера и якобинцевъ потому что они уже не во главѣ власти; но малѣйшее неуважительное слово противъ Конвента навлекаетъ тюремное заключеніе скорѣе чѣмъ бывало цѣлые томы сатиръ противъ министровъ Лудовика XIV. Единственный періодъ времени гдѣ Франція пользовалась дѣйствительною свободой печати обнималъ годы царствованія послѣдняго короля, непосредственно предшествовавшіе революціи.... Послѣ 14го іюля 1789 года, политическая литература гораздо болѣе страдала отъ черни и отъ страха къ фонарю, чѣмъ прежде отъ министровъ и отъ страха къ Бастиліи, и 10го августа 1792 года всѣ признаки свободы печати исчезли. Во время Бриссотинцевъ смертельная опасность грозила каждому кто бы дерзнулъ написать что-либо въ оправданіе короля, въ порицаніе его низложенію и послѣдовавшимъ затѣмъ убійствамъ. Во время Робеспьера та же система перешла въ другія руки; она господствовала бы даже и при умѣренныхъ, еслибъ ихъ тиранія не была ограничена ихъ слабостію. Не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени я осмѣлилась выписать по почтѣ *Orateur du peuple* Фрерона; съ большими затрудненіями сопряжено полученіе въ провинціи памфлетовъ даже написанныхъ ~~съ крайнею осторожностію~~, и это не удивительно, когда такъ свѣжо еще въ памяти что многіе лишились жизни за то что подписывались на какой-нибудь журналъ или покупали какую-нибудь книгу, даже прежде чѣмъ изданія эти были запрещаемы.

Такъ какъ правительство въ это послѣднее время оказалось недостойнымъ цивилизованнаго народа, то ожидали что оно не будетъ праздновать годовщины смерти короля. Но Конвентъ рѣшилъ иначе; его оркестръ получилъ приказаніе играть, какъ въ праздничные дни. Капельмейстеръ, разсудивъ вѣроятно что

Digitized by Google

подобное событіе, какъ бы его ни оправдывали, не можетъ служить предметомъ веселья, распорядился выборомъ піесъ болѣе нѣжныхъ чѣмъ веселыхъ. Но такое распоряженіе привело въ ярость многихъ депутатовъ, которые упрекали капельмейстера что онъ оскорбляетъ слухъ представителей націи, разыгрывая какъ будто вопли о смерти тирана. Испуганный музыкантъ оправдывался тѣмъ что онъ желалъ выразить своими музыкальными піесами *спокойствіе* и *счастіе* которое доставила республика, и приказалъ оркестру играть *Ça ira*....

Нѣкоторое время насъ лишали сна патріотическія заботы объ опасностяхъ въ которыхъ находится Голландія, а отъ взятія Маастрихта у меня чуть не разлилась желчь; но Французы научили насъ философіи, и завоеванія ихъ, повидимому, такъ мало доставляютъ имъ удовольствія что и мы слышимъ о нихъ съ меньшимъ сожалѣніемъ. Правда, Конвентъ сначала возгордился вслѣдствіе депешъ изъ Амстердама; онъ полагалъ что въ скоромъ времени будетъ предписывать законы всей Европѣ. Церквамъ предписано было звонить въ ихъ единственный колоколъ, и хвастовство бюллетеней было напыщеннѣе чѣмъ когда-либо; но новость событія миновала, и теперь завоеваніе Голландіи интересуетъ менѣе погоды. Общественный духъ поглощенъ частными потребностями или печалями; люди которые не могутъ добыть себѣ ни хлѣба, ни огня, даже когда у нихъ есть деньги, чтобы заплатить за нихъ, нисколько не утѣшаются чтеніемъ въ газетахъ что два депутата расположились на жительство во дворцѣ статгудера, и побѣды республики нисколько не утѣшаютъ семьи которыя она разграбила и погубила.

Умъ стѣсненный и поглощенный этими безпрерывными поисками за предметами первой необходимости, занятый постоянно стараніями избѣжать преслѣдованій подозрительнаго правительства, неспособенъ живо интересоваться событіями общими и отдаленными, что̀ возможно только при личной безопасности. Всѣ недавнія побѣды не укротили недовольства Парижанъ, принужденныхъ по цѣлымъ часамъ дрогнуть у дверей хлѣбниковъ чтобы добыть по чрезмѣрнымъ цѣнамъ крошечную порцію хлѣба....

Я спросила у одного человѣка пилившаго дрова, почему колокола звонили всю ночь? „Говорятъ, отвѣчалъ онъ, что праздновали взятіе какого-то города республиканскимъ генераломъ. Очень намъ это̀ нужно! хлѣбъ и миръ гораздо полезнѣе были

Digitized by Google

бы для насъ всѣхъ этихъ завоеваній.“ Я замѣтила ему что слѣдуетъ говорить осторожнѣе. „Умереть, такъ умереть, отвѣчалъ онъ, не все ли равно отъ гильйотины или съ голода. У дочери моей два дня не было ни куска хлѣба, я отправился въ сосѣднюю деревню поискать муки, тамъ крестьяне, завидующіе горожанамъ, объявили что послѣдніе и такъ уносятъ у нихъ весь хлѣбъ и еще поколотили меня такъ больно что я едва въ состояніи работать.“

Таково бѣдственное положеніе низшихъ классовъ!

Цѣлый городъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль получалъ по полу-фунту хлѣба въ день на человѣка. Да и этотъ раціонъ былъ больше номинальный, ибо случалось не разъ что въ продолженіе нѣсколькихъ дней хлѣба не раздавали вовсе и что раціонъ былъ уменьшенъ на четыре унціи. А между тѣмъ бѣдняки, пища которыхъ бо́льшею частію и ограничивается однимъ хлѣбомъ, потребляютъ его обыкновенно по два фунта въ день.

У насъ былъ здѣсь депутатъ довольно грубый, нѣкто Флоранъ-Гюйо, произносившій рѣчи о прелестяхъ терпѣнія и о великодушіи терпѣть голодъ для блага республики. Поученіе это возбудило мало сочувствія. Тѣмъ не менѣе изъ письма Флорана-Гюйо мы узнали что Амієнцы отличные патріоты и что они умираютъ съ голода съ величайшею охотой.

XIV.

Аміенъ, 18го іюня 1795. Въ пятницу мы отправляемся наконецъ въ Гавръ съ предписаніемъ комитета общественнаго спасенія, гласящимъ что нѣсколько англійскихъ семействъ и въ томъ числѣ мы, оставались нѣкоторое время на содержаніи республики, вслѣдствіе чего намъ дано разрѣшеніе сѣсть на корабль, какъ только мы найдемъ для этого случай. Это и не правда и невѣжливо, но мы слишкомъ счастливы что можемъ разстаться съ республикой, а потому и не намѣрены толковать о формахъ и не промѣняемъ этого нищенскаго паспорта на обладаніе всѣми національными имуществами....

Если я вамъ скажу что теперь громадное большинство Французовъ состоятъ изъ роялистовъ, ненавидящихъ свое правительство, то мнѣ не повѣрятъ тѣ кто не слѣдили за ходомъ французской революціи и за французскимъ характеромъ. Я мо-

Digitized by Google

гу лишь сослаться на факты. Если большинство подчиняется меньшинству, то это явленіе далеко не новое. Благонамѣренные люди во Франціи слабы потому что они разъединены, между тѣмъ какъ немногочисленныя группы притѣснителей ихъ сильны своимъ союзомъ и обладаніемъ всѣми средствами которыя только имѣетъ въ своихъ рукахъ нація. При такихъ обстоятельствахъ невозможно предпринять что-либо ко благу страны, и по различнымъ указаніямъ я убѣдилась что большинство Французовъ рѣшилось ожидать появленія новой конституціи и принять ее, хотя бы она была стѣснительнѣе прежней. Они надѣются что тогда Конвентъ безъ насилій сложитъ съ себя власть, что изберутъ новыхъ представителей изъ числа честныхъ собственниковъ, которые возвратятъ имъ блага правительства прочнаго и умѣреннаго.

Г.

Digitized by Google

СОБОРЯНЕ*

СТАРГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

(*Посвящается графу Алексѣю Константиновичу Толстому.*)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

„Жизнь кончилась и начинается житіе", сказалъ Туберозовъ въ послѣднюю минуту предъ отъѣздомъ своимъ къ отвѣту. Непосредственно затѣмъ носившая его борзая тройка взвилась на гору и исчезла изъ виду.

Народъ провожавшій протопопа постоялъ-постоялъ и началъ расходиться. Наступила ночь: всѣ ворота и калитки заперлись на засовы, и мѣсяцъ глядя съ высокаго неба назиралъ на осиротѣломъ протопопскомъ дворѣ одну осиротѣлую же Наталью Николаевну.

Она не спѣшила подъ кровлю и плача сидѣла на томъ же крылечкѣ съ котораго недавно сошелъ ея мужъ. Она рыдая

* См. *Русск. Вѣстн.* № 4, 5 и 6 й.

Digitized by Google

бьется своею маленькою головкой о перила, и нѣтъ съ ней ни друга, ни утѣшителя! Нѣтъ; это было не такъ. Другъ у нея есть, и другъ крѣпкій....

Предъ глазами плачущей старушки, въ широко распахнувшуюся калитку, влѣзъ съ непокрытою курчавою головой дьяконъ Ахилла. Онъ въ короткомъ толстомъ казакинѣ и широкихъ шароварахъ, нагруженъ какими-то мѣшками и ведетъ за собой пару лошадей, изъ которыхъ на каждой громоздится большой и тяжелый вьюкъ. Наталья Николаевна молча смотрѣла, какъ Ахилла ввелъ на дворъ своихъ лошадей, сбросилъ на землю вьюки и, возвратившись къ калиткѣ, заперъ ее твердою хозяйскою рукой и положилъ ключъ къ себѣ въ шаровары.

— Дьяконъ! Это ты сюда ко мнѣ! воскликнула, догадавшись о намѣреніяхъ Ахиллы, Наталья Николаевна.

— Да, скорбная мати, я переѣхалъ чтобы беречь васъ.

Они обнялись и поцѣловались, и Наталья Николаевна пошла досиживать ночь въ свою спаленьку, а Ахилла, поставивъ подъ сарай своихъ коней, разостлалъ на крыльцѣ войлокъ, легъ навзничь и уставился въ звѣздное небо.

Цѣлую ночь онъ не спалъ, все думалъ думу: какъ бы теперь однако помочь своему министру юстиціи? Это совсѣмъ не то что Варнавку избить? Тутъ нужно бы умомъ подвигать. Какъ же это: однимъ умомъ, безъ силы? Еслибы хоть при этомъ.... какъ въ сказкахъ, коверъ-самолетъ, или сапоги-скороходы, или.... невидимку бы шапку! Вотъ тогда бы онъ зналъ что̀ сдѣлать очень умное, а то.... Дьяконъ рѣшительно не зналъ за что̀ взяться, а взяться было необходимо.

Добравшись до самолета-ковра и невидимки-шапки, непривычный ни къ какимъ умственнымъ ухищреніямъ, Ахилла словно освободился отъ непосильной ноши, вздохнулъ и самъ полетѣлъ на коврѣ; онъ прошелъ никѣмъ невидимый въ сапогахъ и въ шапкѣ къ одному и къ другому изъ важныхъ лицъ, къ которымъ безъ этихъ сапогъ пройти не надѣялся, и того и другаго толкнулъ слегка́ сонныхъ въ ребра и началъ имъ говорить: „не обижайте попа Савелія, а то послѣ сами станете тужить, да не воротите.“

И вотъ, слыша невидимый голосъ, всѣ важныя лица завертѣлись на своихъ пышныхъ постеляхъ и всѣ побѣжали, всѣ закричали: „Ой, Бога ради, заступитесь поскорѣе за попа Савелія!“ Но все это въ нашъ вѣкъ только и можно лишь со скороходами-сапогами и съ невидимкою-шапкой, и хорошо что

Digitized by Google

Ахилла во̀-время о нихъ вспомнилъ и запасся ими. Благодаря лишь только имъ дьяконъ могъ проникнуть въ своей желтой нанковой рясѣ въ такой свѣтозарный чертогъ, сіяніе котораго такъ нестерпимо ослѣпляетъ его что онъ даже и не радъ уже что сюда забрался. Можетъ-быть и тѣхъ бы мѣстъ довольно гдѣ онъ уже побывалъ, но скороходы-сапоги разскакались и затащили его туда гдѣ онъ даже ничего не можетъ разглядѣть отъ несноснаго свѣта и, забывъ про Савелія и про цѣль своего посольства, мечется, заботясь только какъ бы самому уйти назадъ, межь тѣмъ, какъ проворные сапоги скороходы несутъ его все выше и выше, а онъ забылъ спросить слово какъ остановить ихъ....

— Загорюсь! ей Богу, загорюсь! кричалъ дьяконъ, прячась за мелькнувшее предъ нимъ маленькое тѣневое пятнышко, и удивился услышавъ изъ этого пятнышка тихій голосокъ Николая Аѳанасьевича.

— Полно вамъ, отецъ-дьяконъ, спать да кричать что вы загоритесь! Со стыда развѣ надо всѣмъ намъ сгорѣть! говорилъ карликъ, заслоняя отъ солнца лицо дьякова своимъ маленькимъ тѣломъ.

Ахилла вскочилъ и, бросясь къ ушату, выпилъ одинъ за другимъ два желѣзные ковша студеной воды.

— Что̀ ты, Никола, о какомъ здѣсь стыдѣ говоришь? вопросилъ онъ, смачивая водой свои кудри.

— А гдѣ нашъ протопопъ? А?

— Протопопъ, душка Николавра, тютю, его вчера увезли...

— Что-жь, сударь, „тютю?“ Вѣдь намъ надо его выручать.

— Голубчикъ, я и самъ всю ночь про то думалъ, да не умѣю ничего придумать.

— Вотъ то-то и есть, камень въ воду всякъ броситъ, да не всякъ-съ его вытащитъ.

И Николай Аѳанасьевичъ, скрипя своими сапожками, заковылялъ въ комнаты къ протопопицѣ, но побывъ здѣсь всего одну минуту, взялъ съ собой дьякова и побрелъ къ исправнику; отъ исправника они прошли къ судьѣ, и карликъ съ обоими съ ними совѣщался, и ни отъ того, ни отъ другаго ничего не узналъ радостнаго. Они жалѣли Туберозова, говорили что хотя протопопъ и не хорошо сдѣлалъ сказавъ такую возбуждающую проповѣдь, но что съ нимъ все-таки поступлено уже черезъ мѣру строго.

А что̀ теперь дѣлать? Что̀ предпринять? И вообще пред-

Digitized by Google

принимать ли и дѣлать ли что-нибудь въ защиту Туберозова? Объ этомъ ни слова.

Карликъ, слушая пространныя, но мало содержательныя рѣчи чиновниковъ, только вздыхалъ и мялся, а Ахилла глядѣлъ, хлопая глазами, то на того, то на другаго, и въ помышленіяхъ своихъ все-таки сводилъ опять все къ тому что еслибы коверъ-самолетъ или хотя волшебная шапка, а то какъ и за чтò взяться? Не за чтò.

— Одно чтò я могу, спохватился судья,—это написать письмо губернскому прокурору: онъ мой товарищъ, и вѣрно не откажетъ самъ посодѣйствовать и походатайствовать за протопопа.

Исправнику это чрезвычайно понравилось, а Николаю Аѳанасьевичу хотя оно и не понравилось, но онъ считалъ возраженія неумѣстными.

Думали только о томъ, какъ послать письмо? Почта шла черезъ два дня, а эстафета была бы по мнѣнію обоихъ чиновниковъ дѣломъ слишкомъ эффектнымъ, и притомъ почмейстерша, другъ Термосесова, котораго по указанію Ахиллы всѣ подозрѣвали въ доносѣ на Туберозова, могла бы писать этому дѣятелю извѣстія съ тою же эстафетой.

Услыша такое затрудненіе, дьяконъ тотчасъ же взялся все это уладить и объявилъ что пусть только будетъ готово письмо, а ужь онъ отвѣчаетъ своею головой что оно завтра будетъ доставлено по адресу; но способъ которымъ онъ располагалъ исполнить это Ахилла удержалъ въ секретѣ и просилъ ничего на этотъ счетъ не выпытывать у него.

Ему въ этомъ не отказали, и дѣло сдѣлалось. Предъ вечеромъ чиновникъ секретно передалъ дьякону ничего не значащее письмо, а черезъ часъ послѣ сумерекъ къ дому отца Захаріи тихо подъѣхалъ верхомъ огромный черный всадникъ, и слегка постучавъ рукой въ окошко, назвалъ „кроткаго попа" по имени.

Захарія отворилъ раму, и увидавъ всадника, спросилъ:

— Это ты такой страшный?

— Тс! Строго блюдите тишину и молчаніе, отвѣчалъ таинственно всадникъ, смиряя въ шенкеляхъ своего нетерпѣливаго коня.

Захарія оглянулся вправо и влѣво по пустой набережной, и прошепталъ:

— Куда же это ты, и по какой надобности?

— Не могу вамъ ничего объяснять, потому что слово далъ,

Digitized by Google

отвѣчалъ таинственно всадникъ; — но только прошу васъ не ищите меня завтра и не спрашивайте зачѣмъ я ѣду.... Ну да, хоть слово далъ, а скажу вамъ аллегоріей:

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть

и въ шапкѣ у меня—

Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея....

— Поняли?

— Нѣтъ, ничего не понялъ.

— Такъ оно и слѣдуетъ по аллегоріи.

И съ этимъ всадникъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, добавилъ:

— Но только знайте, отче Захаріе, что это не казакъ ѣдетъ, а это дьяконъ Ахилла, и что сердце мое за его обиду стерпѣть не можетъ, а разума въ головѣ, какъ помочь, нѣтъ.

Проговоривъ это, дьяконъ пустилъ коню повода, стиснулъ его въ колѣнахъ и не поскакалъ, а точно полетѣлъ, махая по темносинему фону ночнаго неба своими кудрями, своими необъятными полами и рукавами нанковой рясы, и хвостомъ, и разметистою гривой своего коня.

II.

Николай Аѳанасьевичъ не напрасно ничего не ожидалъ отъ письма съ которымъ поскакалъ дьяконъ. Ахилла проѣздилъ цѣлую недѣлю, и возвратясь домой съ опущенною головой и на понуромъ конѣ отвѣчалъ что ничего изъ того письма не было, да и ничего быть не могло.

— Отчего это такъ? пытали Ахиллу.

— Очень просто! Оттого что отецъ Савелій сами сказали мнѣ: брось эти хлопоты, другъ; для насъ, духовныхъ, нѣтъ защитниковъ. Проси всѣхъ, въ одолженіе мнѣ, не вступаться за меня.

И дьяконъ болѣе не хотѣлъ объ этомъ и говорить.

— Что же, рѣшилъ онъ, — если уже нѣтъ промежь насъ ни одного умнаго человѣка который бы зналъ какъ его защитить, такъ чего напрасно и суетиться? Надо исполнять его наученіе и не вмѣшиваться.

Digitized by Google

Ахилла гораздо охотнѣе разказывалъ въ какомъ положенiи нашелъ Туберозова, и что съ нимъ было въ теченiи этой недѣли. Вотъ что онъ повѣствовалъ:

— Владыка къ нимъ даже вовсе и не особенно грозны и даже совсѣмъ не гнѣвливы, и предали ихъ сему терзанiю только для одной политики, чтобы не противорѣчить за чиновниковъ свѣтской власти. Для сего одинственно и вызовъ отцу Савелiю сдѣлали, да-съ! И отецъ Савелiй могли бы и совсѣмъ эту вину съ себя сложить и возвратиться, потому что владыка потаенно на ихъ сторонѣ.... да-съ! И имъ было отъ владыки даже на другой же день секретно преподано чтобъ они шли къ господину губернатору и повинились, и извинились, да-съ! Но токмо отецъ Савелiй, по крѣпкому нраву своему, отвѣчали строптиво.... Не знаю, говоритъ, за собой вины, а потому не имѣю въ чемъ извиняться! Этимъ и владыку ожесточили, да-съ! Но и то ожесточенiе сiе не особенное, потому владыка рѣшенiе консисторское о назначенiи слѣдствiя насчетъ проповѣди синимъ херомъ перечеркнули и все тѣмъ негласно успокоили что назначили отца Савелiя къ причетнической при архiерейскомъ домѣ должности,—да-съ!

— И онъ нынѣ причетничествуетъ? спросилъ Захарiя.

— Да-съ; читаютъ часы и паремiи, но обычая своего не измѣняютъ, и на политичный вопросъ владыки: „въ чемъ ты провинился?“ еще политичнѣе, яко бы по непонятливости, отвѣтилъ: „въ этомъ подрясникѣ, ваше преосвященство“, и тѣмъ себѣ худшее заслужили, да-съ!

— О-о-охъ! воскликнулъ Захарiя и отчаянно замоталъ головкой, закрывъ ручками уши.

— Наняли у жандармскаго вахмистра въ монастырской слободкѣ желтенькую коморочку за два съ половиной серебра въ мѣсяцъ, и ходятъ себѣ съ кувшиномъ на рѣку по воду. Но въ лицѣ и въ позицiи они очень завострились, и наказали чтобы вы, Наталья Николаевна, къ нимъ всемѣрно спѣшили.

— Ѣду, завтра же ѣду, отвѣчала плачущая протопопица.

— Да-съ; только и всѣхъ новостей. А этотъ прокуроръ, къ которому было письмо, говоритъ: „скажи, не мое это дѣло, у васъ свое начальство есть“, и письма не далъ, а велѣлъ кланяться, — вотъ и возьмите, если хотите, себѣ его поклонъ. И еще велѣлъ всѣмъ вамъ поклониться господинъ Термосесовъ; онъ встрѣтился со мной въ городѣ: катитъ куда-то шибко и

Digitized by Google

говоритъ: „Ахъ, постой, говоритъ, пожалуста, дьяконъ, здѣсь у воротъ: я тебѣ штучку сейчасъ вынесу: ваша почтмейстерша съ дочерьми мнѣ предъ отъѣздомъ свой альбомъ навязала, чтобъ имъ стихи написать, я его завезъ, да и назадъ переслать не съ кѣмъ. Сдѣлай милость, проситъ, отдай имъ, когда назадъ поѣдешь“. Я думаю себѣ: врагъ тебя побери. Давай, говорю, чтобъ отвязаться, и взялъ.

Дьяконъ вынулъ изъ кармана подрясника тощій альбомчикъ изъ разноцвѣтной бумаги и прочиталъ:

На послѣднемъ семъ листочкѣ
Пишемъ вамъ четыре строчки
Въ знакъ почтенія отъ насъ....
Ахъ, не вырвало бы васъ?

— Вотъ его всѣмъ вамъ почтеніе и пріимите оное, яко дань вамъ благопотребную.

И Ахилла швырнулъ на столъ предъ публикой альбомъ съ почтеніемъ Термосесова, а самъ отправился съ дороги спать на конюшню.

Утромъ рано его разбудилъ карликъ и, сѣвъ возлѣ дьякова на вязанку сѣна, спросилъ:

— Ну-съ, что̀ же теперь, сударь, будемъ далѣе дѣлать?

— Не знаю, Николавра, ей право не знаю!

— Или на этомъ будетъ и квита? язвилъ Николай Аѳанасьичъ.

— Да вѣдь, голубчикъ, Никола.... куда же сунеться?

— Куда сунуться-съ?

— Да; куда ты сунеться? ишь всюду волки сидятъ.

— Ну, а я, сударь, старый заяцъ: что̀ мнѣ волковъ бояться? Пусть меня волки съѣдятъ.

Карликъ всталъ и равнодушно протянулъ Ахиллѣ на прощаніе руку, но когда тотъ хотѣлъ его удержать, онъ нетерпѣливо вырвался и, покраснѣвъ, добавилъ:

— Да-съ, сударь! Не хорошо! Оставьте меня; старый заяцъ не боится, пускай его съѣдятъ! и съ этимъ Николай Аѳанасьичъ, крехтя, влѣзъ въ свою большую крытую бричку и уѣхалъ.

Ахилла вышелъ вслѣдъ за нимъ за ворота, но уже брички и видно не было.

Въ этотъ же день дьяконъ выпроводилъ Наталью Николаевну къ мужу и остался одинъ въ опальномъ домѣ.

Digitized by Google

III.

Изъ умовъ городской интеллигенціи Савелій самымъ успѣшнымъ образомъ былъ вытѣсненъ стихотвореніемъ Термосесова. Послѣдній пассажъ сего послѣдняго и скандальное положеніе въ которомъ, благодаря ему, очутилась бойкая почтмейстерша и ея дочери, совсѣмъ убрали съ мѣстной сцены стараго протопопа; всѣ были довольны и всѣ помирали со смѣху. О Термосесовѣ говорили какъ „объ острой бестіи"; о протопопѣ изрѣдка вспоминали, какъ „о скучномъ маньякѣ".

Дни шли за днями; прошелъ мѣсяцъ и наступилъ другой. Городъ пробавлялся новостями не идущими къ нашему дѣлу; то къ исправнику поступала жалоба отъ нѣкоей дѣвицы на начальника инвалидной команды капитана Повердовню, то Ахилла, сидя на крыльцѣ у станціи, узнавалъ отъ проѣзжающихъ что чиновникъ князь Борноволоковъ будто бы умеръ „скорописною смертію", а Туберозовъ все пребывалъ въ своей ссылкѣ, и друзья его солидно остеленились на томъ что тутъ „ничего не подѣлаешь". Враги протопопа оказались нѣсколько лучше друзей; по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ не забыли его. Въ его спасеніе вступилась напримѣръ тонкая почтмейстерша, которая не могла позабыть Термосесову нанесенной ей тяжкой обиды и еще болѣе того не могла простить обществу его злорадства, и вздумала показать этому обществу что она одна всѣхъ ихъ тоньше, всѣхъ ихъ умнѣе и дальновиднѣе, даже честнѣе.

Къ этому ей ниспосланъ былъ случай, которымъ она и воспользовалась опять не безъ тонкости и не безъ ядовитости. Она задумала ослѣпить общество нестерпимымъ блескомъ и поднять въ его глазахъ авторитетъ свой на небывалую высоту.

Верстахъ въ шести отъ города проводила лѣто въ своей роскошной усадьбѣ петербургская дама, гжа Мордоконаки. Старый мужъ этой молодой и весьма красивой особы, въ пору своего откупщичества, былъ нѣкогда воспріемникомъ одной изъ дочерей почтмейстерши. Это показалось послѣдней достаточнымъ поводомъ пригласить молодую жену стараго Мордоконаки на именины крестницы ея мужа и при всѣхъ

Digitized by Google

неожиданно возвысить къ ней, какъ къ извѣстной филантропкѣ и покровительницѣ церквей, просьбу за угнетеннаго Туберозова.

Разчетъ почтмейстерши былъ не совсѣмъ плохъ: молодая и чудовищно богатая петербургская покровительница пользовалась вліяніемъ въ столицѣ и большимъ почетомъ отъ губернскихъ властей. Во всякомъ случаѣ она, еслибы только захотѣла, могла бы сдѣлать въ пользу наказаннаго протопопа болѣе чѣмъ кто-либо другой. А захочетъ ли она? Но для того-то и будутъ ее просить всѣмъ обществомъ.

Дама эта скучала уединеніемъ и не отказала сдѣлать честь балу почтмейстерши. Ехидная почтмейстерша торжествовала: она болѣе не сомнѣвалась что поразитъ уѣздную знать своею неожиданною иниціативой въ пользу старика Туберозова,— иниціативой къ которой всѣ другіе, спохватясь, поневолѣ примкнутъ только въ качествѣ хора, въ роли людей значенія второстепеннаго.

Почтмейстерша таила эту сладкую мысль, и наконецъ настал и день ея осуществленія.

IV.

День именинъ въ домѣ почтмейстерши начинался, по уѣздному обычаю, утреннею закуской. Встрѣчая гостей, хозяйка ликовала, видя что у нихъ ни у одного нѣтъ на умѣ ничего серіознаго, что всѣ заботы объ изгнанномъ старикѣ испарились и позабыты.

Гости нагрянули веселые и радостные; первый пришелъ „уѣздный комендантъ", инвалидный капитанъПовердовня, глазастый рыжій офицеръ изъ провіантскихъ писарей. Онъ принесъ имениницѣ стихи своего произведенія; за нимъ жаловали дамы, мущины и наконецъ Ахилла дьяконъ.

Ахилла тоже былъ веселъ. Онъ подалъ имениницѣ изъ-подъ полы рясы вынутую просфору и произнесъ:

— Богородичная-съ!

Затѣмъ на порогѣ появился кроткій отецъ Захарія и, раскланиваясь, заговорилъ:

— Господи, благослови! Со днемъ ангела хранителя! и тоже подалъ имениницѣ въ двухъ перстахъ точно такую же просфору, какую нѣсколько минутъ назадъ принесъ Ахилла, и проговорилъ: — Пріимите богородичную просфору!

Digitized by Google

Поклонившись всѣмъ, тихій священникъ широко распахнулъ полы своей рясы, сѣлъ, отдулся и произнесъ:

— А долгое таки нынче служеньице было, и на дворѣ очень жарко.

— Очень долго.

— Да-съ; помолились, слава Создателю!

И Захарія, загнувъ на локоть рукавъ новой рясы, принялъ чашку чаю.

Въ эту минуту предъ нимъ, улыбаясь и потирая губы, появился лѣкарь и спросилъ сколько бываетъ богородичныхъ просфоръ за обѣдней?

— Одна, сударь, одна, отвѣчалъ Захарія.—Одна была пресвятая наша Владычица Богородица, одна и просфора въ честь ея вынимается; да-съ, одна. А тамъ другая въ честь мучениковъ, въ честь апостоловъ, пророковъ....

— Такъ богородичная одна?

— Одна; да-съ, одна.

— А вотъ отецъ дьяконъ говоритъ что двѣ.

— Вретъ онъ-съ; да-съ, вретъ, съ ласковою улыбкой отвѣчалъ добродушный отецъ Захарія.

Ахи́лла хотѣлъ отмолчаться, но видя что лѣкарь схватилъ его за рукавъ, поспѣшилъ вырваться и пробасилъ:

— Никогда я этого не говорилъ.

— Не говорилъ? А какую же ты просфору принесъ?

— Пѣтую просфору, отвѣчалъ дьяконъ, и нагнувшись подъ столъ, заговорилъ: — Что̀ это мнѣ показалось будто я трубку здѣсь давеча видѣлъ....

— Съ нимъ это бываетъ, проговорилъ, слабо вторя веселому смѣху лѣкаря, отецъ Захарія.—Онъ у насъ, бываетъ, иногда нѣчто сплететъ; но только онъ это все безъ всякой цѣли; да-съ, онъ безъ цѣли.

Все утреннее угощеніе у именинницы на этотъ разъ предположено было окончить однимъ чаемъ. Почтмейстерша съ додовольно изысканною простотой сказала что у нея вся хлѣбъ-соль готовится къ вечеру, что она днемъ никого не проситъ, но за то постарается чтобы вечеромъ всѣ были сыты и довольны и чтобы всѣмъ было весело.

И вотъ онъ и насталъ этотъ достославный вечеръ.

Digitized by Google

V.

Семейство почтмейстерши встрѣтило важную петербургскую гостью.

Большая, бѣлая, вальяжная Мордоковаки осчастливливала собраніе, и при ней все какъ бы померкло и омизерилось. Сама Данка Бизюкина смялась въ ея присутствіи. Хозяйка не набирала льстивыхъ словъ, и окружила гостью всѣми интереснѣйшими лицами, наказавъ капитану Повердовнѣ и Варнавѣ Препотенскому занимать гостью всемѣрно. Личности мало-мальски неудобныя къ бесѣдованію были убраны. Эти личности были: голова имѣвшій привычку употреблять въ разговорѣ поговорку: „въ ротъ-те наплевать"; старый кавказскій майоръ, по поводу котораго въ городѣ ходила пословица: „глупъ какъ кавказскій майоръ", и съ ними дьяконъ Ахилла. Эти три лица были искусно спрятаны въ прохладномъ чуланѣ, гдѣ стояли вина и приготовленная закуска. Эти изгнанники сидѣли здѣсь очень уютно при одной свѣчечкѣ и ни мало не тяготились своимъ удаленіемъ за фронтъ. Напротивъ, имъ было здѣсь очень хорошо. Безъ чиновъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ закуской, они вели самые оживленные разговоры и даже философствовали. Майоръ добивался отчего „бываетъ дерзость?" и объяснялъ происхожденіе ея разбалованностью и приводилъ тому разныя доказательства; но Ахилла возражалъ противъ множественности причинъ и говорилъ что дерзость бываетъ только отъ двухъ причинъ: „отъ гнѣва и еще чаще отъ вина".

Майоръ подумалъ и согласился что дѣйствительно бываетъ дерзость которая происходитъ и отъ вина.

— Это вѣрно, я вамъ говорю, пояснилъ дьяконъ, и выпивъ большую рюмку настойки началъ развивать:—Я вамъ даже и о себѣ скажу. Я во хмѣлю очень прекрасный, потому что у меня ни озорства, ни мыслей скверныхъ никогда нѣтъ; ну я за то, братцы мои, смерть люблю пьяненькій хвастать. Ей-право! И не то чтобъ я это дѣлалъ изнарочно, а такъ вѣрно по природѣ. Начну такое на себя сочинять что послѣ самъ не надивлюсь откуда только у меня эта брехня въ то время берется.

Голова и майоръ засмѣялись.

— Право! продолжалъ дьяконъ.—Вдругъ начну, напримѣръ,

Digitized by Google

разказывать что прихожане ходили ко владыкѣ просить чтобы меня имъ въ попы поставилъ, чего даже и самъ не желаю; или въ другой разъ увѣряю будто губернское купечество меня въ протодьяконы просятъ произвесть; а то.... Дьяконъ оглянулся по чулану и прошепталъ:—А то одинъ разъ брякнулъ что будто я въ юности былъ тайно обрученъ съ консисторскаго секретаря дочерью! То-есть, я вамъ говорю, послѣ я себя за это мало не убилъ, какъ мнѣ эту мою продерзость стали разказывать!

— А вѣдь дойди это до секретаря, вотъ бы сейчасъ и бѣда, замѣтилъ майоръ.

— Да какъ же-съ, не бѣда! Еще какая бѣда-то! подтвердилъ дьяконъ, и опять пропустилъ настойки.

— Да, я вамъ даже, если на то пошло, такъ еще вотъ что̀ разкажу, продолжалъ онъ, еще понизивъ голосъ.—Я ужь черезъ эту свою брехню-то разъ подъ такое было дѣло попалъ что чуть-чуть публичному истязанію себя не подвергъ. Вы этого не слыхали?

— Нѣтъ; не слыхали.

— Какъ же-съ! Ужасное дѣло было; могъ быть повѣшенъ по самому первому пункту въ законѣ.

— Господи!

— Да-съ; да и этого еще-съ мало что голова-то моя на площади бы скатилась, а еще и семь тысячъ триста лѣтъ дьяконъ въ православія день анаѳемой поминалъ бы меня, вмѣстѣ съ Гришкой Отрепьевымъ и Мазепой!

— Не можетъ быть! воскликнулъ повернувшись на своемъ мѣстѣ майоръ.

— Отчего же такъ не можетъ? Очень просто бы было еслибъ одинъ добрый человѣкъ не спасъ.

— Такъ вы, отецъ дьяконъ, это разкажите.

— А вотъ сейчасъ выпью водочки и разкажу.

Ахилла еще пропустилъ рюмочку и приступилъ къ продолженію разсказа о своемъ преступленіи по первому пункту.

VI.

— Поѣхалъ я, началъ дьяконъ,—предъ пасхой въ губернію: моя лошадь, да Сереги дьячка, парой спрягли. Серега ѣхалъ за ребетенками, а я такъ; даже врагъ меня знаетъ зачѣмъ и поѣхалъ-то? Просто чтобы съ знакомцами повидаться. Пріѣхали-съ

Digitized by Google

мы такимъ манеромъ подъ самый городъ; а тамъ мостъ свесенъ, и паро́мъ черезъ рѣку ходитъ. Народу ждетъ видимо не видимо; а въ перевощицкой избѣ тутъ солдатикъ водкой шинкуетъ. Ну пока до очереди ждать, мы и зашли, да съ холоду и выпили по двѣ косушечки. А тутъ народу всякаго: и послушники, и извощики, и солдаты, и приказь—это ужь самый вредный народъ,—и нашей тоже братіи духовенства. Знакомцы хорошіе изъ нашей округи тожь напались, ну для соблюденія знакомства и еще по двѣ косушечки раздавили. А тутъ приказный что̀ къ парому отряженъ, и этакій шельма рѣчистый, все насъ заводить началъ. Я говорю: иди братъ, откуда пришелъ; иди, ты намъ не родня. А онъ: „Я, говоритъ, государю моему офицеръ!“ Я говорю, я и самъ, братъ, все равно что штабъ-офицеръ. „Штабъ-офицеръ, онъ говоритъ, попъ, а ты ему подначальный.“ Я говорю что у престола Божія точно что я ниже попа стою по своему сану, а въ политикѣ, говорю, мы оба равны. Споръ пошелъ. Я разгорячился отъ этихъ самыхъ отъ косушечекъ-то, да и говорю: что̀, говорю, ты знаешь, строка ты этакая! Ты, я говорю, Божьяго Писанія понимать не можешь; у тебя кишокъ въ головѣ нѣтъ. Ты вотъ, говорю, скажи былъ ли хоть одинъ попъ на престолѣ? „Нѣтъ, говоритъ, не былъ.“ А, молъ, то-то и есть что не былъ. А дьяконъ былъ и короною вѣнчался. „Кто такой? Когда это, говоритъ, было?“ То-то молъ и есть *когда*? Я не арихметчикъ, и этихъ годовъ въ точности не помню, а ты возьми, да въ книгахъ почтай, кто таковъ былъ Григорій Отрепьевъ до своего воцаренія замѣсто Димитрія, вотъ ты тогда и увидишь чего дьяконы-то стоятъ? „Ну, то говоритъ Отрепьевъ; а тебѣ далеко, говоритъ, до Отрепьева“. А я это пьяненькій-то и брехни ему. А почемъ, говорю, ты знать можешь что далеко? А можетъ-быть даже и совсѣмъ очень близко? Тотъ, говорю, на Димитрія былъ похожъ, а я може на какого-нибудь тамъ Франца-Венецыяна или Махмуда сдамся въ одно лицо, вотъ тебѣ и воцарюсь! Только-что я это проговорилъ, какъ, братцы вы мои, этотъ приказный сдѣлаетъ сейчасъ крикъ, шумъ, свидѣтелей, бумаги. Схватили меня, связали, посадили на повозку съ сотскимъ и повезли. Да дай Господи вѣчно доброе здоровье, а по смерти царство небесное жандармскому полковнику, Альбертъ Казиміровичу, что̀ въ тѣ поры у насъ по тайной полиціи былъ. Призвалъ онъ меня утромъ къ себѣ, жену свою вызвалъ, да и говоритъ: „Посмотри, душечка, на самозванца!“ Посмѣялся

Digitized by Google

надо мной, посмѣялся, да и отпустилъ. „Ступай, говоритъ, отецъ Махмудъ, да впередъ косушки-то счетомъ глотать.“ Дай Богъ ему много лѣтъ! повторилъ еще разъ отецъ дьяконъ и еще разъ поднявъ рюмочку съ настойкой, добавилъ: — вотъ даже выпью это за его здоровье!

— Ну это вы избавились отъ большой бѣды, протянулъ майоръ.

— Да какъ же не отъ большой? Я потому и говорю: Полякъ добрый человѣкъ. Полякъ власти не любитъ и, если что̀ противъ власти, онъ всегда снисходительный.

Около полуночи бесѣда этихъ трехъ отшельниковъ была прервана; настало и ихъ время присоединиться къ обществу: ихъ позвали къ столу.

Когда немножко выпившій и пріосанившійся дьяконъ вошелъ въ залу, гдѣ въ это время стоялъ уже накрытый къ ужину столъ и тѣсно сдвинутые около него стулья, капитанъ Повердовня взялъ Ахиллу за локоть и отведя его къ столику, у котораго пили водку, сказалъ:

— Ну-ка, дьяконъ, пусти на дамъ хорошаго *глазенапа*.

— Это зачѣмъ? спросилъ дьяконъ.

— А чтобъ онѣ на тебя вниманіе обратили.

— Ну да, поди ты! стану я о твоихъ дамахъ думать! Чѣмъ мнѣ вдовцу на нихъ смотрѣть, такъ я лучше безъ всякаго грѣха двѣ водки выпью.

И давъ такой отвѣтъ, Ахилла дѣйствительно выпилъ, да и всѣ выпили предъ ужиномъ по комплектной чарѣ. Исключеніе составлялъ одинъ отецъ Захарія, потому что у него яко бы отъ всякаго вина голова кружилась. Какъ его ни упрашивали хоть что-нибудь выпить, онъ на всѣ просьбы отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ освободите! Я ровно, ровно вина никакого не пью.

— Нынче всѣ пьютъ, уговаривали его.

— Дѣйствительно, дѣйствительно такъ, ну а я не могу.

— Курица и та пьетъ, поддерживалъ подчивавшихъ дьяконъ Ахилла.

— Что̀ жь пускай и курица!... Глупо это довольно что ты братецъ мнѣ курицу представляешь....

— Хуже курицы вы, отецъ, укорялъ Ахилла.

— Не могу! Чего хуже курицы? Не могу!

— Ну, если ужь вина никакого не можете, такъ хоть хересу для политики выпейте!

Digitized by Google

Захарія видя что отъ него не отстаютъ вздохнулъ, и принявъ изъ рукъ дьякона рюмку отвѣтилъ:

— Ну еще ксересу такъ и быть; позвольте мнѣ ксересу.

VII.

Пиръ вступалъ въ новую фазу развитія.

Только-что всѣ сѣли за столъ, капитанъ Повердовня тотчасъ же успѣлъ встать снова и, обратясь къ петербургской филантропкѣ, зачиталъ:

Привѣтствую тебя обитатель
Не здѣшняго міра!
Тебя которую послалъ Создатель
Поетъ моя лира.
Слети къ намъ съ высотъ голубаго эеира,
Тебя ждетъ здѣсь восторгъ добродушный;
Прикоснись веществамъ сего пира,
Оставь на время міръ воздушный.

Аристократка откупщичьей породы выслушала это стихотвореніе слегка покраснѣвъ, и взяла изъ рукъ Повердовни листокъ на которомъ безграмотною писарскою рукой, съ тысячью росчерковъ, были написаны прочитанные стихи.

Хозяйка была въ восторгѣ, но гости ея имѣли каждый свое мнѣніе какъ объ умѣстности стиховъ Повердовни, такъ и объ ихъ относительныхъ достоинствахъ или недостаткахъ. Мнѣнія были различны: исправникъ, ротмистръ Пороховцевъ, находилъ что сказать стихи со стороны капитана Повердовни во всякомъ случаѣ прекрасно и любезно. Препотенскій напротивъ полагалъ что это глупо; а дьяконъ уразумѣлъ такъ что это просто очень хитро и, сидя рядомъ съ Повердовней, сказалъ капитану на ухо:

— А ты, братъ, я вижу насчетъ дамъ большой шельма!

Но, какъ бы тамъ ни было, послѣ стиховъ Повердовни всѣмъ обществомъ за столомъ овладѣла самая неподдѣльная веселость, которой почтмейстерша была уже и не рада. Говоръ не прекращался, и не было ни одной паузы которою хозяйка могла бы воспользоваться чтобы заговорить о сосланномъ протопопѣ. Между тѣмъ гостья повидимому не скучала, и когда заботливая почтмейстерша въ концѣ ужина отнеслась къ ней съ вопросомъ: не скучала ли она? та съ искреннѣйшею веселостью

Digitized by Google

отвѣчала что она не умѣетъ ее благодарить за удовольствіе доставленное ей ея гостями, и добавила что если она можетъ о чемъ-нибудь сожалѣть, то это только о томъ что она такъ поздно познакомилась съ дьякономъ и капитаномъ Повердовней. И госпожа Мордоконаки не преувеличивала: непосредственность Ахиллы и капитана сильно заняли ее. Повердовня, услыхавъ о себѣ такой отзывъ, тотчасъ же въ отвѣтъ на это раскланялся. Не остался равнодушенъ къ такой похвалѣ и дьяконъ: онъ толкнулъ въ бокъ Препотенскаго и сказалъ ему:

— Видишь, дуракъ, какъ насъ уважаютъ, а о тебѣ ничего.

— Вы сами дуракъ, отвѣчалъ ему шепотомъ недовольный Варнава.

Повердовня же минуту подумалъ, крѣпко взялъ Ахиллу за руку, приподнялся съ нимъ вмѣстѣ и отъ лица обоихъ проговорилъ:

Мы станемъ свято твою память чтить,
Хранить ее на многія и счастливыя лѣта.
Позволь, о свѣтлый духъ, тебя молить:
Да услышана будетъ молитва эта!

И затѣмъ они, покрытые рукоплесканіями, сѣли.

— Вотъ видишь, а ты и опять никакихъ и стиховъ не знаешь, укорилъ Варнаву дьяконъ Ахилла; а Повердовня въ эти минуты опять вспрыгнулъ уже и произнесъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:

Матреной ты наречена
И всѣмъ женамъ предпочтена.
Ура!

— Что это за капитанъ! Это совсѣмъ душа общества, похвалила Повердовню хозяйка.

— А ты все ничего! надоѣдалъ Варнавѣ дьяконъ.

— Давайте всѣ говорить стихи!

— Всѣ! всѣ! Пусть исправникъ начинаетъ!

— А что жь такое: я начну! отвѣчалъ исправникъ.—Безъ церемоніи: кто что можетъ тотъ и читай.

— Начинайте! Да что-жь такое, ротмистръ! ей Богу, начинайте!

Ротмистръ Порохонцевъ всталъ, поднялъ вровень съ лицомъ кубокъ, и посмотрѣвъ сквозь вино на огонь, началъ:

Когда деспотъ отъ власти отрекался,
Желая Русь какъ жертву усыпить,

Digitized by Google

Чтобы потомъ вѣрнѣй ее сгубить,
Свободы голосъ вдругъ раздался,
И Русь на громкій братскій зовъ
Могла-бъ воспрянуть изъ оковъ,
Тогда какъ тать ночной, боящійся разсвѣта
Позорно ты бѣжалъ отъ друга и поэта
Взывавшаго: грѣхи Жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ прегрѣшенія Сарматовъ
Принять я на душу готовъ,
Лишь только бъ Русскому народу
Могъ возвратить его свободу!
Ура!

— Всѣ читають, а ты ничего! опять отнесся къ Препотенскому Ахилла.—Вѣдь это ужь какъ ты хочешь, а если ты пьешь, а ничего не умѣешь сказать, ты не человѣкъ, а больше ничего какъ бурдюкъ съ виномъ.

— Чтò вы ко мнѣ пристаете съ своимъ бурдюкомъ! Вы сами бурдюкъ, отвѣчалъ учитель.

— Чтоо о—о—о? вскричалъ обидясь Ахилла.—Я бурдюкъ?.. И ты это смѣлъ мнѣ сказать что я бурдюкъ?!..

— Да разумѣется бурдюкъ.

— Что — о — о?

— Не умѣете ничего прочесть, вотъ чтò!

— Я не умѣю прочесть? Ахъ ты глупый человѣкъ! Да я если только захочу, такъ такое прочитаю что ты долженъ будешь какъ листъ предъ травой вскочить да на ногахъ слушать!

— Ну, ну, попробуйте, прочитайте.

— Да и прочитаю, и ты теперь кстати сейчасъ можешь видѣть что у меня дѣйствительно верхняя челюсть ходитъ...

И съ этимъ Ахилла всталъ, обвелъ все общество широко раскрытыми глазами, и остановивъ ихъ на стоявшей посреди стола солонкѣ, началъ низкимъ бархатнымъ басомъ отчетистое.

— „Бла-годенствен-н-н-ное и мир-р-рное житіе, здр-р-ра-авіе же и спас-с-сеніе.... и во всемъ благ-г-гое поспѣш-шеніе.... на вр-р-раги же поб-б-бѣду и одол-ѣніе...“ и т. д. и т. д.

Ахилла все забирался голосомъ выше и выше, лобъ скулы и виски, и вся верхняя челюсть его широкаго лица все болѣе и болѣе покрывались густымъ багрецомъ и пòтомъ; глаза его выступали, на щекахъ возлѣ угловъ губъ обозначились бѣлыя пятна, и ротъ отверстъ былъ какъ мѣдная труба и оттуда со

Digitized by Google

звономъ, трескомъ и громомъ вылетѣло многолѣтіе, заставившее всѣ неодушевленные предметы въ цѣломъ домѣ задрожать, а одушевленные подняться съ мѣстъ, и не сводя въ изумленіи глазъ съ открытаго рта Ахиллы, тотчасъ по произнесеніи имъ послѣдняго звука, хватить общимъ хоромъ: „Многая, многая, мно-о-о-огая лѣта, многая лѣ-ѣ-ѣта!"

Одинъ Варнава хотѣлъ остаться въ это время при своемъ занятіи и продолжать упитываться, но Ахилла поднялъ его насильно и держа его за руку пѣлъ: „многая, многая, мно—о—о—гая лѣта, многая лѣта!"

Городской голова послалъ Ахиллѣ чрезъ сосѣда синюю бумажку.

— Это что-же такое? спросилъ Ахилла.

— *Всей палатѣ*. Хвати „всей палатѣ и воинству" просилъ голова.

Дьяконъ положилъ ассигнацію въ карманъ и ударилъ:

— „И вс—сей пал—латѣ и в—воинству ихъ, мно—о—огая лѣттта!"

Это Ахилла одѣлалъ уже превзойдя самого себя, и за то, когда онъ окончилъ многолѣтіе, то пѣть рискнулъ только одинъ привычный къ его голосу отецъ Захарія, да городской голова: всѣ остальные гости пали на свои мѣста и полулежали на стульяхъ, держась руками за столъ или другъ за друга.

Дьяконъ былъ утѣшенъ.

— У васъ рѣдкій басъ, сказала ему первая, оправясь отъ испуга, петербургская дама.

— Помилуйте, это вѣдь я не для того, а только чтобы доказать что я не трусъ и знаю что̀ прочитать.

— Ишь, ишь!... А кто-же тутъ трусъ? вмѣшался Захарія.

— Да вопервыхъ, отецъ Захарія, вы-съ! Вы вѣдь со старшими даже хорошо говорить не можете: заикаетесь.

— Это правда, подтвердилъ отецъ Захарія, — я предъ старшими въ таковыхъ случаяхъ точно заикаюсь. Ну, а ты, а ты? Развѣ старшихъ не боишься?

— Я?... мнѣ все равно: мнѣ что̀ самъ владыка, что̀ кто простой, все равно. Мнѣ владыка говоритъ: такъ и такъ, братецъ, а я ему тоже: такъ и такъ, ваше преосвященство; только и всего.

— Правда это, отецъ Захарія? пожелалъ освѣдомиться преслѣдующій дьякона лѣкарь.

Digitized by Google

— Вретъ, спокойно отвѣчалъ, не сводя своихъ добрыхъ глазъ съ дьякона, Бенефактовъ.

— И онъ также въ землю кувыркается?

— Кувыркается-съ.

— Никогда! У меня этого и положенія нѣтъ, вырубалъ дьяконъ, выдвигаясь всею грудью. — Да мнѣ и невозможно. Мнѣ еслибъ обращать на все вниманіе, то я и жизни бы своей былъ не радъ. У меня вотъ и теперь не то что владыка, хоть онъ и преосвященный, а на меня теперь всякій день какое лицо смотритъ?

— Это ты про меня что ли говоришь? спросилъ лѣкарь.

— Про тебя? Нѣтъ не про тебя.

— Такъ про кого же?

— Ты давно ли читалъ новыя газеты?

— А чтò жь тамъ такого писали? спросила какъ дитя развеселившаяся гостья.

— Да по распоряженію самого протопресвитера Божанова посланъ придворный регентъ по всей Россіи для царской пѣвческой басовъ выбирать. Въ генеральскомъ чинѣ онъ, разумѣется, и ордена имѣетъ, даромъ что гражданскій; но тамъ вѣдь, у государя, и кучеръ полковникъ. Ну-съ, а приказано ему, этому регенту, идти потаенно, въ родѣ какъ простолюдину, чтобы баса при немъ не надюжались, а по волѣ бы онъ могъ ихъ выслушивать.

Дьяконъ затруднялся продолжать, но лѣкарь его подогналъ.

— Ну, чтò жь далѣе?

— А далѣе, этотъ царскій регентъ теперь пятую недѣлю въ нашемъ городѣ находится, вотъ чтò! Я и вижу какъ онъ въ воскресенье войдетъ въ синей сибиркѣ, и межь мѣщанами и стоитъ, а самъ все меня слушаетъ. Теперь другой на моемъ мѣстѣ чтò бы долженъ дѣлать? Долженъ бы онъ сейчасъ предъ царскимъ посломъ мелкимъ бѣсомъ разсыпаться, зазвать его къ себѣ, угостить его водочкой, чаемъ попотчивать; вѣдь такъ? А у меня этого нѣтъ. Хоть ты и царскій регентъ, а я, братъ, нѣтъ.... шалишь.... поступай у меня по закону, а не хочешь по закону, такъ адью, мое почтенье.

— Это онъ все вретъ? отнесся къ отцу Захаріи лѣкарь.

— Вретъ-съ, отвѣчалъ по обыкновенію спокойно отецъ Захарія.—Онъ немножко выпилъ, такъ отъ него ужь теперь правды до завтра не услышать, все будетъ въ мечтаніи хвастать.

— Нѣтъ, это вѣрно я говорю.

Digitized by Google

— Ну, полно, перебилъ отецъ Захарія. — Да тебѣ, братецъ, тутъ нечѣмъ и обижаться, когда у тебя такое заведеніе мечтовать по разрѣшеніи на вино.

Ахилла обидѣлся. Ему показалось что послѣ этого ему не вѣрятъ и въ томъ что онъ не трусъ, а этого онъ ни за что не могъ снесть, и онъ клялся за свою храбрость и требовалъ турнира, немедленнаго и самаго страшнаго.

— Я всѣмъ хочу доказать что я всѣхъ здѣсь храбрѣе, и докажу.

— Этимъ, отецъ дьяконъ, не хвалитесь, сказалъ майоръ. — Особенно же вы сами сказали что имѣете слабость.... прихвастнуть.

— Ничего, я хвалюсь: я всѣхъ здѣсь храбрѣе.

— Не хвалитесь. Иной разъ и на храбреца трусъ находитъ, а другой разъ трусъ чего и не ждетъ надѣлаетъ, да-съ, да-съ, это были такіе примѣры.

— Ничего, подавай.

— Да кого жь подавать-съ? Позвольте я лучше примѣръ представлю.

— Ничего, представляйте.

VIII.

— У насъ, какъ я съ Кавказа перевелся, началъ майоръ, — былъ полковникъ, превеселый начальникъ и службистъ. Саблю золотую имѣлъ за храбрость. Дѣлали мы Венгерскую кампанію въ сорокъ восьмомъ году. Ночью нужно было охотниковъ посылать, а тутъ попойка шла. Полковникъ и говоритъ: „сколько охотниковъ?“ Адъютантъ отвѣчаетъ: „сто десять охотниковъ.“— „Ого!“ говоритъ полковникъ, а самъ въ преферансъ играетъ. „Это, говоритъ, много. Нѣтъ ли между ними трусовъ?“ Адъютантъ говоритъ: „нѣту.“—„А если есть?“—„Не надѣюсь“ говоритъ, господинъ полковникъ.—„А ну-те-ка, говоритъ, соберите ихъ.“ Собрали. „Ну-ка, говоритъ полковникъ, попробуемъ. Кто самый храбрый? Кто за старшаго?“ Такой-то, Сергѣевъ тамъ что ли или Ивановъ. „Позвать, говоритъ, его сюда. Ты за старшаго идешь?“—„Я, говоритъ, ваше высокоблагородіе.“—„Ты не трусъ?“—„Никакъ нѣтъ, говоритъ, ваше высокоблагородіе.“ — „Не трусъ?“ — „Нѣтъ.“ — „Ну если не трусъ, потяни меня за усъ.“ Солдатикъ сталъ да и ни съ мѣста, и

Digitized by Google

оробѣлъ. Кликнули другаго, и другой тоже, третьяго, и третій, и пятый, и десятый. Всѣ трусами въ этотъ разъ оказались.

— Ахъ, лукавый его возьми! Вотъ выдумщикъ! воскликнулъ весело Ахилла.—„Трусъ, потяни меня за усъ!" Ха-ха-ха!.. Это отлично! Капитанъ, пусть, другъ, тебя учитель Варнава за усъ тронетъ.

— Охотно, отвѣчалъ капитанъ.

Препотенскій отказывался, но его раздражили злыми насмѣшками надъ его трусостью, и онъ согласился.

Ахилла выставилъ на средину комнаты стулъ, и капитанъ Повердовня сѣлъ на этотъ стулъ и подперся въ бока по-кавалерійски.

Вокругъ него стали исправникъ, Захарія, голова и майоръ.

Ахилла помѣстился у самаго плеча Варнавы и наблюдалъ каждое его движеніе.

Учитель пыхтѣлъ, мялся, ежился, и то робко потуплялъ глаза, то вдругъ расширялъ ихъ, и не шевелясь, двигался всѣмъ своимъ существомъ, точно по немъ кверху полозьями ѣздили.

Ахилла по добротѣ своей ободрялъ его какъ умѣлъ, говоря:

— Да чего же ты, дурачокъ, испугался? Ты небось: онъ не укуситъ, не робѣй.

И съ этимъ дьяконъ, послюнилъ себѣ концы пальцевъ, сердобольно поправилъ ими набѣгавшую на глаза Варнавы косицу, и добавилъ:

— Ну, хватай его сразу за усъ!

Варнава тронулся, но дрогнулъ въ колѣнахъ и отступилъ.

— Ну такъ ты трусъ, сказалъ Ахилла.—А ты бы, дурачокъ, посудилъ: чего ты боишься-то?.. Смѣхъ!

Варнава посудилъ и разслабѣлъ еще хуже. А Повердовня сидитъ какъ божокъ и чувствуетъ что онъ „душа общества" и готовитъ обществу еще новый сюрпризъ.

— Ты трусъ, братецъ, трусъ. Презрѣнный трусъ, понимаешь ли, самый *презрѣнный трусъ*, внушалъ на ухо учителю Ахилла.

— Что жь это, не хорошо: гости ждутъ, замѣчалъ майоръ.

Препотенскій подумалъ, и указавъ пальцемъ на исправника, сказалъ:

— Позвольте я лучше Воина Васильича потяну.

— Нѣтъ, ты не его, а меня, настаивалъ Повердовня, и опять засеріозничалъ.

— Трусъ, трусъ! опять шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Варнава это слышитъ, и по его лицу выступаетъ холодный потъ, по

Digitized by Google

тѣлу его бѣгутъ мурашки; онъ разнемогается нестерпимою, раздражающею немочью робости, и въ этой робости даже отрашенъ становится.

Прежде всѣхъ это замѣтилъ близко за нимъ наблюдавшій Ахилла. Видя острое сверканіе глазъ учителя, онъ кивалъ исправнику отойти подальше, а Захарію просто взялъ за рукавъ, и оттянувъ назадъ сказалъ:

— Не стойте около него, отецъ: видите онъ какой.

Варнава началъ выступать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ трепещущая рука труса шевельнулась, отдѣлилась и стала подниматься тихо и медленно, но не къ усамъ капитана, а неукоснительно прямо къ лицу исправника.

Это постоянное стремленіе Варнавиной руки къ исправничьей физіономіи заставило всѣхъ улыбнуться.

— Чортъ его, братцы мои, знаетъ что̀ въ немъ такое сидитъ! воскликнулъ Ахилла, и обратясь къ исправнику, еще разъ ему погрозилъ: отойди, молъ, а то видишь человѣкъ смущается.

Но въ это же краткое мгновенье Препотенскій, зажмуря глаза, издалеча коснулся усовъ Повердовни: капитанъ на него страшно зарычалъ и неожиданно гавкнулъ по-собачьи. Варнава, не снеся этого, неистово вскрикнулъ, и кинувшись лантерой на исправника, началъ въ безпаматствѣ колотить кого попало.

Это былъ сюрпризъ какъ никто не ожидалъ, и эффектъ его былъ полнѣйшій. Опрокинутая лампа, пылающій керосинъ, бѣгущіе гости, ужасъ исправника и вопли Варнавы, отбивавшагося въ углу отъ преслѣдующаго его привидѣнія, все это сдѣлало продолженіе пира невозможнымъ.

Петербургская гостья уѣзжала, а Препотенскій, хорошо знавшій всѣ ходы и переходы почтмейстерскаго помѣщенія, пользуясь минутой проводовъ, бросился корридоромъ въ контору и спрятался тамъ за шкафомъ.

IX.

Почтмейстерша, нетерпѣливо расхаживая въ кофтѣ по своей комнатѣ, мысленно отыскивала кто могъ быть первымъ виновникомъ совершившагося ужаснаго событія. Кто затѣялъ эту шутку?

Digitized by Google

Нѣтъ еще штука ничего, разсуждала она: а кто пригласилъ Препотенскаго? Да и это не то, а кто меня съ нимъ познакомилъ? Кто же какъ не муженекъ мой?... Приходитъ: вотъ де рекомендую тебѣ, Варнаву Васильича. Ну погоди же ты: задамъ я тебѣ Варнаву Васильича! Но только гдѣ же это мой мужъ? вопросила она оглядываясь.—Неужто онъ спитъ? Неужто онъ можетъ спать послѣ того что̀ случилось!... Ну я этого не могу, рѣшила почтмейстерша, и нетерпѣливо выскочила въ залъ, гдѣ по обыкновенію ночевывалъ почтмейстеръ, изгоняемый при домашнихъ сценахъ изъ супружеской опочивальни. Но къ удивленію хозяйки мужа ея здѣсь не было.

— А это онъ отъ меня прячется; онъ теперь храпитъ на диванѣ въ конторѣ.... Ну да не будете же вы храпѣть!—И почтмейстерша пустилась къ конторѣ.

Почтмейстерша почти не ошиблась: мужъ ея дѣйствительно спалъ въ конторѣ; но маленькая ошибка съ ея стороны была лишь въ томъ что почтмейстеръ спалъ не на диванѣ, какъ полагала она, а на столѣ. На диванѣ же спалъ Препотенскій, который послѣ всего что̀ съ нимъ здѣсь произошло боялся идти домой, опасаясь не подкарауливаетъ ли его гдѣ-нибудь за угломъ Ахилла, и уговорилъ почтмейстера дозволить ему переночевать для безопасности. Почтмейстеръ на это согласился, тѣмъ охотнѣе что видя жену свою въ состояніи крайняго раздраженія, онъ и самъ находилъ выгоды имѣть въ эту пору около себя въ домѣ чужаго человѣка, и потому онъ не только не отказалъ Варнавѣ въ ночлегѣ, но даже, какъ любезный хозяинъ, предоставилъ въ его пользованіе стоявшій въ конторѣ диванъ, а самъ легъ на большомъ сортировальномъ столѣ и закрылся съ головой снятымъ съ этого же стола канцелярскимъ сукномъ.

Дверь изъ комнаты въ контору, гдѣ спали почтмейстеръ и Препотенскій, была заперта. Это еще болѣе взбѣсило энергическую даму, ибо по уставу дома ни одна изъ его внутреннихъ дверей никогда не должна была запираться отъ ея хозяйкина контроля, а въ конторѣ почтмейстерша считала себя такою же хозяйкой какъ и въ своей спальнѣ. И вдругъ неслыханная дерзость!...

Почтмейстерша вскипѣла. Она еще разъ потрогала дверь,—но дверь не отпирается: крючокъ постукиваетъ, но сидитъ въ петлѣ, а между тѣмъ сквозь дверь слышно два дыханія. Два!

Digitized by Google

Можно представить себѣ весь ужасъ объявшій сердце жены при такомъ внезапномъ открытіи!

Оскорбленная въ своихъ правахъ, супруга кинулась назадъ по корридору, и вбѣжавъ въ кухню бросилась къ столу. Долго она шарила впотьмахъ руками по большому ящику, въ которомъ кишѣлъ рой пруссаковъ, и наконецъ нашла именно то что̀ ей здѣсь было нужно.

Это былъ ножъ.

Огромный интересъ возбуждаемый этою строкой заставляетъ на ней пріостановиться, чтобы дать читателю приготовиться быть свидѣтелемъ ужаснаго событія.

X.

Вооруженная большимъ кухоннымъ ножомъ почтмейстерша, засучивъ правый рукавъ своей кофты, прямо направилась къ двери конторы и еще разъ приложила ухо къ створу. И сомнѣнія никакого не было что злосчастная пара наслаждается сномъ безмятежнымъ: такъ и слышно какъ одинъ, болѣе сильный субъектъ, гудетъ гусакомъ, а другой нѣжнѣйшій выпускаетъ придыханіемъ протяжные „пхэ".

Почтмейстерша завела ножъ въ дверной створъ, приподняла крючокъ, и легкая тесовая дверка безъ всякихъ затрудненій тихо скрипнула и отворилась.

Разсвѣтъ еще былъ далеко, и въ комнатѣ только чуть видны были едва сѣрѣющія окна, но привычный глазъ различилъ здѣсь и столъ съ почтовыми вѣсками, и другой длинный столъ въ углу, и диванъ.

Держась лѣвою рукой около стѣны, негодующая почтмейстерша направилась прямо къ дивану, и щупая въ потьмахъ руками, безъ большихъ затрудненій, отыскала храпуна который лежалъ на самомъ краю и немножко свѣсивъ голову игралъ во всю носовую завертку. Спящій ничего не слыхалъ и при приближеніи почтмейстерши храпнулъ даже съ нѣкоторымъ особеннымъ удовольствіемъ, какъ будто чувствовалъ что всему этому скоро конецъ, что этимъ удовольствіемъ ему уже болѣе сегодня не наслаждаться.

Это такъ и случилось.

Не успѣлъ спящій сдѣлать послѣдней фіоритуры, какъ

Digitized by Google

лѣвая рука почтмейстерши сильно приподняла его за волосы, а правая выбросивъ ножъ дала ему нестерпимую оплеуху.

— Ммм.... зачѣмъ же! зачѣмъ! заговорилъ пробужденный храпунъ, но вмѣсто отвѣта получалъ другую лющечину, потомъ третью, пятую, десятую и всѣ одна другой громче, одна другой сильнѣе и оглушительнѣй.

— Ай, ай, ай, ай! восклицалъ онъ уклоняясь отъ сыплющихся на него изъ непроглядной тьмы затрещинъ, которыя вдругъ смѣнились беззвучною, отчаянною трепкой и поволочкой.

— Мамчикъ! Что̀ ты это, мамчикъ! вѣдь это не я, а Варнава Васильичъ, воззвалъ вдругъ въ это время со стола разбуженный и испуганный почтмейстеръ.

Почтмейстерша оторопѣла, выпустила изъ рукъ гривку Варнавы и вскрикнувъ: „Да что̀ же это вы, разбойникъ, со мною дѣлаете!“ кинулась къ мужу.

— Да; вотъ это я.... это я! услышалъ Варнава голосъ почтмейстера, и ничего не соображая въ эту минуту кромѣ необходимости бѣжать, быстро сорвался съ дивана, и отыскавъ выходную дверь выскочилъ въ одномъ бѣльѣ на улицу.

Онъ былъ избитъ очень серіозно, и обтерши себѣ рукавомъ лицо замѣтилъ что у него идетъ изъ носу кровь.

Въ это же время дверь тихо пріотворилась, и почтмейстеръ тихо назвалъ Препотенскаго по имени.

— Здѣсь, отвѣчалъ глухо Препотенскій.

— Ваше платье, и извините.

Дверь снова захлопнулась, а на землю упало платье. Учитель сталъ подбирать его. Минуту спустя къ его ногамъ черезъ заборъ шлепнулись сапоги.

Варнава сѣлъ на землю и надѣлъ сапоги; потомъ вздѣлъ коекакъ свое одѣяніе и побрелъ къ дому.

На дворѣ начинало немножко свѣтать, а когда Препотенскій постучалъ въ кольцо у калитки своего дома, стало даже и совсѣмъ видно.

— Боже, кто это тебя, Варначокъ, такъ изувѣчилъ? вскрикнула встрѣтивъ запоздалаго сына просвирня.

— Никто-съ, никто меня не изувѣчилъ. Ложитесь спать. Это на меня въ потьмахъ что-то накинулось.

— *Накинулось*!

— Ну да, да, да, въ потьмахъ что-то накинулось, и только.

Старушка просвирня зарыдала.

— Чего вы визжите! Не до васъ мнѣ.

Digitized by Google

— Это они, они тебя мучатъ!... заговорила всхлипывая старушка.—Да; теперь тебѣ ужъ не жить здѣсь больше, Варнаша.

— Кто они? вскрикнулъ недовольный Препотенскій.

Старушка указала рукой по направленію къ пустымъ подставкамъ, на которыхъ до недавняго времени висѣлъ скелетъ, и прошептавъ: „мертвецы!" убѣжала въ свою коморку.

Черезъ день учитель Препотенскій съ отпускомъ и бѣдными грошами въ карманѣ бѣжалъ изъ города, оставивъ причину своего внезапнаго бѣгства для всѣхъ вѣчною загадкой.

XI.

Госпожа Мордоконаки возвратилась къ себѣ тоже около того самаго времени когда доплелся домой изувѣченный Варнава Препотенскій.

Быстрая ѣзда по ровной крѣпкой дорогѣ имѣла на петербургскую даму то пріятное освѣжающее дѣйствіе въ которомъ человѣкъ нуждается проведя долгое время въ шумѣ и говорѣ, при необходимости принимать во всемъ этомъ свою долю участія. Мордоконаки не смѣялась надъ тѣмъ что̀ она видѣла. Она просто отбыла свой визитъ въ низменныя сферы и уходила отъ нихъ съ тѣмъ самымъ чувствомъ съ какимъ она уходила съ крестинъ своей экономки, упросившей ее когда-то быть воспріемницей своего ребенка.

Въ этомъ удобномъ состояніи духа она пріѣхала домой, прошла рядъ пустыхъ богатыхъ покоевъ, раздѣлась, легла въ постель, и почувствовавъ что ей будто холодно, протянула руку къ пледу, который лежалъ свернутый на табуретѣ у ея кровати.

Къ удивленію своему раскидывая этотъ пледъ, она замѣтила по срединѣ его приколотую булавкой бумажку. Это былъ вчетверо сложенный тонкій, почтовый листокъ.

Сочная красавица взглянула внимательнѣе на этотъ supplement къ ея пледу, и посреди странныхъ бордюрокъ, сдѣланныхъ по краямъ листка, увидала крупно написанное русскими буквами слово: „*Парольдонеръ*".

„Что̀ бы это могло значить!" подумала она, и выдернувъ булавку развернула листокъ и прочитала: „Милостивая государыня! Извините меня что я предъ вами откровенный, потому что военный всегда откровенный. Душевно радуюсь и Бога

Digitized by Google

благодарю что вы отъѣзжаете устроить къ ночи вашихъ любезныхъ дѣтей. Дай Боже имъ достигнуть такой цѣли какъ матушка ихняя. Прошу васъ покорнѣйше написать отвѣтъ. Если же вы находите что Повердовня не заслужилъ расположенія, то удостойте своимъ неземнымъ подчиркомъ, который будетъ оцѣненъ въ душѣ моей.

Неземной я васъ называю
Вы души моей кумиръ,
Вамъ всю душу открываю,—
Въ васъ сокрытъ волшебный міръ.

„Капитанъ Повердовня.“

Мородоконаки расхохоталась, еще разъ прочитала посланіе влюбленнаго капитана, и закрывъ серебрянымъ колпачкомъ парафиновую свѣчку сладко уснула, подумавъ:

„Bon Dieu, voilà la véritablė Russie!“

XII.

Въ тотъ же самый день, когда въ Старомъ Городѣ такимъ образомъ веселились, далеко въ желтой коморкѣ ссыльнаго протопопа шла сцена другаго рода. Тамъ умирала Наталья Николаевна.

По своей аккуратности и бережливости, протопопица все время своего пребыванія при мужѣ въ его ссылкѣ обходилась безъ прислуги и брала на себя труды вовсе ей непривычные и непосильные. Добравшись до послѣдней двадцатипяти-рублевой ассигнаціи въ своей коробкѣ, она испугалась что у нихъ скоро не будетъ ни гроша и рѣшила просить своего хозяина, жандарма, подождать на нихъ за квартиру, пока выйдетъ имъ прощеніе. Жандармъ на это согласился, и Наталья Николаевна, тщательно скрывая все это отъ мужа, искала всѣми мѣрами отслужить чѣмъ-нибудь своему хозяину: она копала съ его работницей картофель, рубила капусту, и ходила сама со своимъ бѣльемъ на рѣку.

Ея годы и ея хилкое здоровье этого не вынесли, и она заболѣла и слегла.

Протопопъ осуждалъ ея хлопотливость и заботливость.

— Ты думаешь что ты помогаешь мнѣ, говорилъ онъ,—а я когда узналъ что ты дѣлала, такъ.... ты усугубила муки мои.

— Прости, прошептала Наталья Николаевна.

Digitized by Google

— Чтò прости? Ты меня прости, отвѣчалъ протопопъ и съ жаромъ взялъ и поцѣловалъ женину руку.—Я истерзалъ тебя моею непокорною нравностью, но хочешь.... скажи одно слово, и я сейчасъ пойду покорюсь для тебя....

— Чтò ты, чтò ты! Никогда я не скажу этакого слова! Тебя ли мнѣ учить, ты все знаешь чтò къ чему устрояешь!

— Къ чести моей, другъ, все сіе переношу.

— И Боже тебѣ помогай, а обо мнѣ не думай.

Протопопъ опять поцѣловалъ женины руки и пошелъ дьячить, а Наталья Николаевна свернулась калачикомъ и заснула, и ей привидѣлся сонъ что вошелъ будто къ ней дьяконъ Ахилла. и говоритъ: „чтò же вы не помолитесь чтобъ отцу Савелію легче было страждовать?“—„А какъ же, спрашиваетъ Наталья Николаевна, поучи какъ это произнести?“ „А вотъ, говоритъ Ахилла, чтò произносите: „Господи, ими же вѣси путями спаси!“ „Господи, ими же вѣси путями спаси!“ благоговѣйно проговорила Наталья Николаевна, и вдругъ почувствовала какъ будто дьяконъ ее взялъ и внесъ въ алтарь, и алтарь тотъ огромный преогромный, столбы и конца имъ не видно, а престолъ до самаго неба и весь сіяетъ яркими огнями, а назади откуда они уходили,—все будто крошечное, столь крошечное что даже смѣшно бы, еслибы не та тревога что она женщина, а дьяконъ ее въ алтарь внесъ. „Въ умѣ ли ты, дьяконъ!“ говоритъ она Ахиллѣ. „Тебя сана лишатъ что ты женщину въ алтарь внесъ.“ А онъ отвѣчаетъ: „вы не женщина, а вы *сила*!“ и съ этимъ не стало ни Ахиллы, ни престола, ни сіянія, и Наталья Николаевна не спитъ, а удивляется отчего же это все вокругъ нея остается такое маленькое: вонъ самоваръ не какъ самоваръ, а какъ будто игрушечка, а на немъ на конфорочкѣ яичная скорлупочка вмѣсто чайника...

Въ это время вернулся изъ монастыря Туберозовъ и что-то ласково заговорилъ, но Наталья Николаевна такъ и замахала ему руками.

— Тише, говоритъ, тише: вѣдь я скоро умру.

Протопопъ удивился.

— Чтò ты, Наташа, Богъ съ тобой!

— Нѣтъ, умру, дружокъ, умру: я уже въ половину умерла.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Какъ кто сказалъ? Я ужь все въ половину вижу.

Пришелъ лѣкарь, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и говоритъ: „Ничего, простуда и усталость“.

Digitized by Google

Туберозовъ хотѣлъ сказать что больная все въ половину видить, да посовѣстился.

— Что жь, отлично что ты ему не сказалъ, отвѣчала на его слова объ этомъ Наталья Николаевна.

— А ты все видишь въ половину?

— Да, въ половину; вонъ вѣдь это на небѣ должно-быть мѣсяцъ?

— Мѣсяцъ въ окно на насъ съ тобой, на старыхъ, смотритъ.

— А я вижу точно рыбій глазокъ.

— Тебѣ это все кажется, Наташа.

— Нѣтъ; это, отецъ Савелій, вѣрно такъ.

Туберозовъ желая разубѣдить жену показалъ ей вынутую изъ коробки завѣтную двадцати-пяти-рублевую ассигнацію и спросилъ:

— Ну, скажи: а это что такое?

— Двѣнадцать съ полтиной, кротко отвѣчала Наталья Николаевна.

Туберозовъ испугался: что это за притча непонятная, а Наталья Николаевна улыбнулась, взяла его за руку и закрывъ глаза прошептала:

— Ты шутишь и я шучу: я видѣла, это наша бумажка; все маленькое.... а вотъ зажмурюсь, и сейчасъ все станетъ большое, пребольшое большое. Всѣ возрастаютъ: и ты, и Николай Аѳанасьичъ дружокъ и дьяконочекъ Ахилла... и отецъ Захарій... Славно мнѣ, славно, не будите меня!

И Наталья Николаевна заснула на вѣки.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

КНИГА ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Карликъ Николай Аѳанасьичъ не одинъ былъ пораженъ страшнымъ спокойствіемъ лица и дрогающею головой Туберозова, который медленно выступалъ по глубокой слякоти немощеныхъ улицъ за гробомъ своей усопшей жены Натальи Николаевны. Въ большихъ и молчаливыхъ скорбяхъ человѣка съ глубокою натурой есть несомнѣнно всѣми чувствуемая неотразимая сила, внушающая страхъ и наводящая ужасъ на натуры маленькія, обыкшія изливать свои скорби въ волляхъ и стенаніяхъ. То было теперь и съ людьми которымъ было какое-нибудь дѣло до осиротѣлаго старика, лишеннаго своей вѣрной подруги. Когда могильная земля застучала по крышкѣ гроба Натальи Николаевны и запрещенный протопопъ, обернулся чтобы сойти съ высокаго отвала, окружавшіе его люди попятились и разступясь дали ему дорогу, которою онъ и прошелъ одинъ одинешенекъ съ обнаженною головой черезъ все кладбище.

У воротъ онъ остановился, помолился на образъ въ часовнѣ, и надѣвъ свою шляпу еще разъ оглянулся назадъ и изумился: предъ нимъ стоялъ карликъ Николай Аѳанасьевичъ, слѣдовавшій за нимъ отъ самой могилы въ двухъ шагахъ разстоянія.

На серіозномъ лицѣ протопопа выразилось удовольствіе: онъ очевидно былъ радъ встрѣчѣ со „старою сказкой“ въ такую тяжелую минуту своей жизни, и отворотясь въ сторону къ чернымъ полямъ покрытымъ замерзшею и свернувшеюся озимою зеленью уронилъ изъ глазъ одну слезу — слезу одинокую и быструю какъ капля ртути, которая какъ сиротка въ лѣсу спряталась въ его сѣдой бородѣ.

Digitized by Google

Карликъ видѣлъ эту слезу, и понявъ ее во всемъ ея значеніи тихонько перекрестился. Эта слезка облегчила грудь Савелія, которая становилась тѣсною для сжатаго въ ней горя. Онъ мощно дунулъ предъ собою, и въ отвѣтъ на приглашенія карлика сѣсть въ его бричку отвѣчалъ:

— Да, Николаша, хорошо, я сяду.

Они ѣхали молча, и когда бричка остановилась у жандармской хибары въ монастырской слободкѣ, Туберозовъ молча пожалъ руку карла и молча пошелъ къ себѣ.

Николай Аѳанасьевичъ не слѣдовалъ за нимъ, потому что онъ видѣлъ и понималъ желаніе Туберозова быть съ самимъ собою. Онъ навѣстилъ вдовца только вечеромъ, и посидѣвъ немного, попросилъ чайку, подъ тѣмъ предлогомъ что онъ будто озябъ, хотя главною его цѣлію тутъ была попытка отвлечь Савелія отъ его горя и завести съ нимъ бесѣду о томъ для чего онъ Николай Аѳанасьевичъ пріѣхалъ. Планъ этотъ удался Николаю Аѳанасьичу какъ нельзя лучше, и когда Туберозовъ внося къ себѣ въ комнату кипящій самоваръ началъ собирать изъ поставца чашки и готовить чай, карликъ завелъ издалека тихую рѣчь о томъ что у нихъ въ городѣ происходило и велъ этотъ разказъ шагъ за шагъ, день за день, какъ разъ до самаго того часа въ который онъ сидитъ теперь здѣсь въ этой лачужкѣ. Въ разказѣ этомъ разумѣется главнымъ образомъ получили большое мѣсто сѣтованія города о несчастьяхъ протопопа; печаль о его отсутствіи и боязнь какъ бы не пришлось его вовсе лишиться.

Протопопъ, слушавшій начало этихъ рѣчей Николая Аѳанасьича въ серіозномъ, почти близкомъ къ безучастію покоѣ, при послѣдней части разказа, касающейся отношеній къ нему прихода, вдругъ усилилъ вниманіе, и когда карликъ оглянувшись по сторонамъ и понизивъ голосъ сталъ разказывать какъ они написали и подписали мірскую просьбу, и какъ онъ Николай Аѳанасьевичъ взялъ ее изъ рукъ Ахиллы, и „скрылъ на своей груди," старикъ вдругъ задергалъ судорожно нижнею губой и произнесъ:

— Добрый народъ, спасибо.

— Онъ, нашъ народъ добрый, батушка, и даже очень добрый, но только онъ пока еще не знаетъ какъ ему за что взяться, отвѣчалъ карликъ.

— Тьма, тьма надъ бездною.... но Духъ Божій поверхъ все-

Digitized by Google

го, проговорилъ протопопъ, и вздохнувъ изъ глубины груди, попросилъ себѣ бумагу о которой шла рѣчь.

— А зачѣмъ она вамъ, государь отецъ протопопъ, эта бумага? вопрошалъ съ лукавою улыбкой карликъ.—Она кому надписана, тому и будетъ завтра подана.

— Дай мнѣ.... я хочу на нее посмотрѣть.

Карликъ сталъ разстегивать свои одежды чтобы докопаться до лежащей на его груди сумы, но вдругъ что-то вспомнилъ и остановился.

— Дай же, дай! попросилъ Савелій.

— А вы, батушка.... ее не того.... не изорвете?

— Нѣтъ, твердо сказалъ Туберозовъ, и когда карла досталъ и подалъ ему листы усѣянные бисерными и вершковыми, четкими и нечеткими подписями, Савелій благоговѣйно зашепталъ:

— Изорвать.... изорвать сію драгоцѣнность! Нѣтъ! нѣтъ! съ нею въ темницу; съ нею на крестъ; съ нею во гробъ меня положите!

И онъ къ немалому трепету карлика началъ проворно свертывать эту бумагу и положилъ ее на грудь себѣ подъ подрясникъ.

— Позвольте же, батушка, это вѣдь надо подать!

— Нѣтъ, не надо!

Туберозовъ покачалъ головой и помахавъ отрицательно пальцемъ подтвердилъ:

— Нѣтъ, Николя, не надо, не надо.

И съ этимъ онъ еще рѣшительнѣе запряталъ на грудь просьбу, и затянувъ поясъ подрясника застегнулъ на крючки воротникъ.

Отнять у него эту просьбу не было теперь никакой возможности: смѣло можно было ручаться что онъ скорѣе разстанется съ жизнію чѣмъ съ листомъ этихъ драгоцѣнныхъ каракуль „міра“.

Карликъ видѣлъ это и не спѣша заигралъ на собственныхъ нотахъ Савелія. Николай Аѳанасьичъ заговорилъ какъ велико и отрадно значеніе этого мірскаго заступничества, и затѣмъ перешелъ къ тому какъ свята и ненарушима должна быть для каждаго воля мірская.

— Они, батушка отецъ протопопъ, въ горести плачутъ что васъ не увидятъ.

— Все равно, сего не минетъ, воздохнулъ протопопъ,—немного мнѣ жить; дни мои всѣ сочтены уже вмалѣ.

Digitized by Google

— Но я-то, батушка, я-то, отецъ протопопъ: міръ что мнѣ довѣрилъ и съ чѣмъ я міру явлюсь?

Туберозовъ тронулся съ мѣста, и обойдя нѣсколько разъ вокругъ своей маленькой каморки, остановился въ углѣ предъ иконой, досталъ съ груди бумагу и поцѣловавъ ее еще разъ возвратилъ карлику съ словами:

— Ты правъ, мой милый другъ, дѣлай что велѣлъ тебѣ міръ.

II.

Николай Аѳанасьичъ имѣлъ много хлопотъ исполняя возложенное на него порученіе, но дѣйствовалъ рачительно и неотступно. Этотъ маленькій посланецъ большаго міра не охладѣвалъ и не горячился, но какъ клещъ впивался въ кого ему было нужно для полученія успѣха, и не отставалъ. Савелія онъ навѣщалъ каждый вечеръ, но не говорилъ ему ничего о своихъ дневныхъ хлопотахъ; тотъ разумѣется ни о чемъ не спрашивалъ. А между тѣмъ дѣло настолько подвинулось что въ девятый день по смерти Натальи Николаевны, когда протопопъ вернулся съ кладбища, карликъ сказалъ ему:

— Ну-съ, батюшка, отецъ протопопъ, ѣдемте, сударь, домой: васъ отпускаютъ.

— Буди воля Господня о мнѣ, отвѣчалъ равнодушно Туберозовъ.

— Только они требуютъ отъ васъ одного, продолжалъ карликъ,—чтобы вы подали обязательную записку что впредь сего не совершите.

— Хорошо; не совершу.... именно не совершу, поелику.... слабъ я и ни на что больше негоденъ.

— Дадите таковую подписку?

— Дамъ, согласенъ.... дамъ.

— И еще прежде того просятъ.... чтобы вы принесли раскаяніе и попросили прощенія.

— Въ чемъ?

— Въ дерзости.... То-есть это они такъ говорятъ что „въ дерзости“.

— Въ дерзости? Я никогда не былъ дерзокъ и другихъ по

Digitized by Google

мѣрѣ силъ моихъ отъ того воздерживалъ, а потому каяться въ томъ чего не сдѣлалъ не могу.

— Они такъ говорятъ и называютъ.

— Скажи же имъ что я продерзостнымъ себя не признаю.

Туберозовъ остановился, и поднявъ вверхъ указательный палецъ правой руки воскликнулъ:

— Не нареченъ былъ дерзостнымъ пророкъ за то что онъ ревнуя поревновалъ о Вседержителѣ. Скажи же имъ: такъ вамъ велѣлъ сказать вашъ подначальный попъ, что онъ ревнивъ и такъ умретъ такимъ какимъ рожденъ ревнивцемъ. А болѣе со мной не говори ни слова о прощеніи.

Ходатай отошелъ съ такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и снова ѣздилъ и ходилъ, просилъ, молилъ и даже угрожалъ судомъ людскимъ и Божіимъ судомъ, но всуе дребезжалъ его слабѣющій языкъ.

Карликъ заболѣлъ и слегъ: неодолимость дѣла за которое взялся этотъ оригинальный адвокатъ сломила и его силу, и его терпѣніе.

Роли стариковъ перемѣнились, и какъ до сихъ поръ Николай Аѳанасьевичъ ежедневно навѣщалъ Туберозова, такъ теперь Савелій, напиливъ урочныя дрова и отстоявъ въ монастырѣ вечерню, ходилъ въ большой Плодомасовскій домъ, гдѣ лежалъ въ одномъ укромномъ покойчикѣ разболѣвшійся карликъ.

Савелію было безмѣрно жаль Николая Аѳанасьича, и онъ скорбѣлъ за него и вздыхая говорилъ:

— Сего лишь единственно ко всему бывшему не доставало чтобы ты за меня перемучился.

— Батушка, отецъ протопопъ, что̀ тутъ обо мнѣ старомъ зайцѣ разговаривать? На что̀ ужь я годенъ? Нѣтъ, вы о себѣ то и о нихъ-то, о своемъ первосвященникѣ, извольте попечалиться: вѣдь они *просятъ* васъ покориться! Утѣшьте ихъ: попросите прощенія!

— Не могу, Николай, не могу!

— Усиленно, отецъ протопопъ, просятъ! Вѣдь они только по начальственному высокомѣрію объ этомъ говорить не могутъ, а имъ очень васъ жаль и непріятно что весь городъ за васъ поднялся.... Не хорошо имъ тоже всѣмъ отказывать, не откажите жь и вы имъ въ снисхожденіи, утѣшьте просьбой.

— Не могу, Николай, не могу! Прощеніе не потѣха.

— Смиритесь!

— Я предъ властью смиренъ, а что̀ есть превыше земной

Digitized by Google

власти то надо мною властнѣе.... Я человѣкъ подзаконный. Сирахъ вмѣнилъ въ обязанности намъ пещись о чести имени, а первоверховный Павелъ протестовалъ противъ попранья правъ его гражданства; не въ правѣ я себя унизить ради просьбы.

Карликъ былъ въ отчаяніи. Подзаконный протопопъ не подавалъ ни малѣйшей надежды ни на какую уступку. Онъ какъ сталъ на своемъ, такъ и не двигался ни впередъ, ни назадъ, ни направо, ни налѣво.

Николай Аѳанасьичъ не одобрялъ уже за это отца Савелія, и хотя не относилъ его поведенія къ гордости или къ задору, но видѣлъ въ немъ непохвальное упрямство, и осуждая протопопа рѣшился еще разъ сказать ему:

— Вѣдь нельзя же, батушка отецъ Савелій, вѣдь нельзя же-съ и начальства не пожалѣть, вѣдь надо же.... надо же имъ хоть какой-нибудь реванжикъ предоставить. Какъ изъ этого выдти?

— А ужь это ихъ дѣло.

— Ну значитъ вы къ нимъ человѣкъ безъ сожалѣнія.

— О, друже, нѣтъ; я его сіе скорбное начальство наше очень сожалѣю! отвѣчалъ вздохнувъ протопопъ.

— Ну такъ и поступитесь маленичко своимъ обычаемъ: повинитесь!

— Не могу, законъ не позволяетъ.

Карликъ мысленно положилъ отречься отъ всякой надежды чего-нибудь достичь и сталъ собираться назадъ въ свой городъ. Савелій ему ничего не возражалъ, а напротивъ даже совѣтовалъ уѣхать и ничего не наказывалъ что̀ тамъ сказать или отвѣтить. До послѣдней минуты, даже провожая карлика изъ города за заставу, онъ все-таки не поступился ни на йоту, и поворотивъ съ знакомой дороги назадъ въ городъ побрелъ пилить дрова на монастырскій дворъ.

Горе Николая Аѳанасьича не знало мѣры и предѣловъ. Совсѣмъ не такъ онъ думалъ возвращаться какъ довелось, и за то онъ теперь ѣхалъ все вертясь въ своихъ соображеніяхъ на одномъ и томъ же предметѣ, и вдругъ его посѣтила мысль, — простая, ясная, спасительная и блестящая мысль, какія рѣдко ниспосылаются и обыкновенно приходятъ вдругъ,—именно какъ бы откуда-то свыше, а не изъ насъ самихъ.

Карликъ съ десятой версты повернулъ въ городъ и явясь къ начальству Савелія умолялъ *приказать* протопопу повиниться.

Начальство въ самомъ дѣлѣ давно не радо было что зацѣ-

Digitized by Google

пило упрямаго старика, и карликъ получивъ то чего желалъ внезапно предсталъ снова Туберозову и сказалъ:

— Ну-съ, государь мой, гордый отецъ протопопъ, не желали вы сдаваться на просьбу, такъ теперь довели себя до того что должны оказать повиновеніе строгости: мнѣ приказано вамъ сказать что вамъ властію повелѣваютъ извиниться.

— Гдѣ же они повелѣваютъ мнѣ стать предъ ними на колѣни: здѣсь, или на площади, или во храмѣ? сухо спросилъ Туберозовъ. — Мнѣ все равно: по повелѣнію я все исполню.

Карликъ отвѣчалъ ему что никто отъ него никакаго униженія не требуетъ, и что ему достаточно написать требуемое прошеніе на бумагѣ.

Туберозовъ тотчасъ же взялъ и написалъ кому и что слѣдовало, обозначивъ эту бумагу: „Требованное всепокорнѣйшее прошеніе". Карликъ замѣтилъ что слово „требованное" здѣсь совершенно неумѣстно, но Савелій это рѣшительно отвергъ и сказалъ:

— Ну ужь надѣюсь что тебѣ меня логикѣ не повелѣно учить; я ей въ семинаріи наученъ: ты сказалъ что отъ меня требуютъ, я и пишу „требованное".

Кончилось это для отца Савелія тѣмъ что, наскучивъ съ нимъ возиться, его отпустили, но за-то что всепокорнѣйшее прошеніе его было въ то же время прошеніе „требованное", на немъ послѣдовала надпись, въ силу которой упорный старикъ за эту „требованность" оставляемъ еще на полгода подъ запрещеніемъ.

Савелій этимъ нисколько не смутился, и поблагодаривъ всѣхъ кого считалъ нужнымъ благодарить, выѣхалъ съ карликомъ домой послѣ долгой и тягостной ссылки своей.

III.

Во время дороги они мало разговаривали, и то заводилъ рѣчи только Николай Аѳанасьевичъ. Стараясь развлечь и разсѣять протопопа, сидѣвшаго въ молчаніи со сложенными на колѣнахъ руками въ старыхъ замшевыхъ перчаткахъ, онъ заговаривалъ и про то, и про другое, но Туберозовъ молчалъ или отзывался самыми краткими словами. Карликъ разказывалъ какъ скучалъ и плакалъ пр Туберозовѣ его приходъ, какъ почтмейстерша, желая прибить своего мужа, избила Препотенскаго,

Digitized by Google

какъ учитель бѣжалъ изъ города, гонимый Бизюкиной,—старикъ все отмалчивался.

Николай Аѳанасьичъ заговорилъ о домикѣ Туберозова, что онъ опускается и требуетъ поправки.

Протопопъ вздохнулъ и сказалъ:

— Уже все это отнынѣ для меня прахъ, и я гнушаюсь что былъ къ тому привязанъ.

Карликъ повернулъ на то что вотъ Ахилла все находитъ себѣ утѣшеніе, и скучая безмѣрно взялъ себѣ въ домъ изъ-подъ кручи слѣпаго щеночка, и имъ забавляется.

— Добро ему: пусть тѣшится, прошепталъ протопопъ.

Николай Аѳанасьичъ оживился.

— Да-съ; началъ онъ,—и скажу вамъ, батушка, сколько же съ ними чрезъ эту собачку, по ихъ характеру, произошло самыхъ дивныхъ исторій. Выучили они эту собачку, какъ и прежнихъ, смѣяться: скажутъ: „засмѣйся собачка“,—она и скалитъ зубенки; но впала имъ въ голову мысль, какъ ее назвать?

— Ну не все ли будто равно псу какъ его называютъ? отозвался нехотя протопопъ.

Карликъ замѣтилъ что разказы объ Ахиллѣ спутникъ его слушалъ не такъ равнодушно, и пошелъ далѣе.

— Да-съ; ну, вотъ подите же! А по отца дьякона характеру видите не все равно: что сѣло имъ въ голову, то ужь имъ вынь да положь. „Я, говорятъ, этого пёсика по особенному случаю нашелъ и по особенному случаю растревоженный его домой принесъ, и хочу чтобъ онъ въ означеніе сего случая такимъ особеннымъ именемъ назывался, какихъ и нѣтъ.“

Протопопъ улыбнулся.

— Ну-съ, вотъ и пріѣзжаетъ онъ, отецъ Ахилла, такимъ манеромъ ко мнѣ въ Плодомасово верхомъ, и становится на конѣ супротивъ нашихъ съ сестрицей окошекъ, и зычно кричитъ „Николаша! а Николаша!“ Я думаю: Господи, что такое? Высунулся въ форточку да и говорю: ужь не съ отцомъ ли Савеліемъ еще что худшее, отецъ дьяконъ, приключилось?—„Нѣтъ, говорятъ, не то, а я нужное дѣло къ тебѣ, Николаша, имѣю. Я къ тебѣ за совѣтомъ пріѣхалъ.“

— Такъ пожалуйте же, молъ, въ комнаты, не казаки же мы съ вами сторожевые чтобы намъ перекликаться одному съ коня, а другому съ вышки. Такъ вѣдь куда тебѣ!—не хочетъ: „мнѣ, говоритъ, некогда, да я и не одинъ.“

— Въ чемъ же, кричу, дѣло-то? Говорите скорѣе, сударь, а

Digitized by Google

то мнѣ въ форточкѣ холодно, я человѣкъ зябкій.—„А ты, говоритъ, съ измальства по господскимъ домамъ живешь, такъ долженъ ты всѣ собачьи имена знать." Ну какъ, молъ, можно всѣ ихъ имена знать; мало ли гдѣ какъ собакъ называютъ.— „Ну, кричитъ, скорѣй пересчитывай!"—Я имъ и называю что вѣдь названія, молъ, даются все больше по породамъ, что̀ какой прилично: борзыя почаще все „Милорды", а то изъ нашихъ простыхъ которыя красивѣй „Барбосы" есть, изъ аглицкихъ „Фани", изъ курляндскихъ „Шарлотки", французскихъ называютъ и „Жужу" и „Бижу"; испанскія „Карло" или „Катанья", или еще какъ-нибудь; нѣмецкія „Шпицъ".... Но отецъ дьяконъ меня на этомъ перебиваютъ: „Нѣтъ, ты говоритъ скажи мнѣ такое имя чтобы ни у кого такого не было. Ты, изволятъ настаивать, долженъ это знать!" Какъ думаю ихъ успокоить?

— Ну и какъ же ты его успокоилъ? полюбопытствовалъ Туберозовъ.

— Да я, батушка, что̀ же: я въ ту пору сталъ очень въ форточкѣ-то зябнуть и чтобы поскорѣе отдѣлаться, говорю: знаю я, сударь, еще одну кличку; да только сказать вамъ ее опасаюсь.—„Нѣтъ, ничего, кричитъ, ничего, говори." Звали, молъ, у одного барина собаку *Каквасъ*. А отецъ Ахилла-то вдругъ и засмутились.—„Что̀ ты это за вздоръ, говорятъ, мелишь: или ты съ ума сошелъ?" Нѣтъ молъ, я съ ума не сходилъ, а я точно знаю что въ Москвѣ у одного князя собаку звали *Каквасъ*. Ахилла Андреичъ вдругъ какъ вскипятъ, разгнѣвались и начали лошадь шпорить и къ стѣнкѣ подскакиваютъ, а сами кричатъ: „Развѣ тебѣ, безстыдникъ ты этакій старый, можно это на меня сказать? Развѣ ты не знаешь что мое имя крещеное и я священнослужитель?" Насилу ихъ, батушка, успокоилъ и растолковалъ имъ что̀ это такое *Каквасъ*. Ну тутъ ужъ за то они взыграли на конѣ, и вынувъ изъ-за пазухи изъ полушубка того щеночка закричали: „Здравствуй, *Каквасинька!*" и понеслись радостные назадъ.

— Дитя великовозрастное, проговорилъ улыбнувшись Савелій.

— Да-съ, все бы имъ шутки.

— Не осуждай его: чѣмъ бы дитя не тѣшилось, лишь бы не плакало; и въ немъ въ одномъ тысяча жизней горитъ.

— Именно-съ. Я и не знаю какъ ему умирать?

— Я и самъ этого не знаю, пошутилъ протопопъ:—онъ есть само отрицаніе смерти. Ну а что̀ же съ этимъ *Каквасомъ*?

Digitized by Google

— А что вы изволите полагать, съ нимъ идетъ бѣда по сю пору, да и нельзя безъ нея. Отецъ дьяконъ какія же привычки себѣ изволили выдумать? Какъ только имъ дѣлается по васъ очень скучно, они возьмутъ этого самаго *Какваску* на руки и идутъ къ почтовой станціи, сядутъ на крылечко и ждутъ. Чуть какой-нибудь важный проѣзжій или дама какая останавливаются, а они сейчасъ: „засмѣйся собачка“, та и смѣется каналья, а проѣзжимъ любопытство: спрашиваютъ: „батушка, какъ эту собачку звать?“ А они: я, говоритъ, не батушка, а дьяконъ,— моего батушку собаки съѣли. А спросятъ: „ну а какъ же вашу собачку звать?—„А собачку, отвѣчаютъ, зовутъ *Каквасъ*.“ И ссоры онъ изъ-за этого затѣваетъ постоянныя и все говоритъ: я ихъ теперь, говоритъ, всѣхъ этакъ постоянно въ глаза буду собаками звать, и самъ мировой судья мнѣ ни лысаго бѣса не сдѣлаетъ. И все это за васъ, отецъ Савелій, мститъ, а въ какомъ соображеніи мститъ того не разсуждаетъ. А вотъ отцу Захарію за него вышла непріятность: у нихъ эту собачку благочинный увидали, да спросили какъ звать; а отецъ Захарія говоритъ: „Зовутъ *Каквасъ*, ваше преподобіе“, и получили выговоръ.

Савелій разсмѣялся до слезъ и обтершись платкомъ проговорилъ:

— Безцѣнный сей прямодушный Захарія. Сосудъ Господень и молитвенникъ какого другаго я не видалъ. Жажду обнять его.

Предъ путешественниками вдругъ съ горы открылся родной городъ,—городъ древній, характерный и полный для Туберозова воспоминаній, подъ мгновеннымъ напоромъ которыхъ старикъ откинулся назадъ и зажмурился какъ отъ сверканія яркаго солнца.

Они велѣли ѣхать еще тише, чтобы не въѣзжать засвѣтло, и въ сумерки постучали въ желѣзное кольцо знакомыхъ воротъ.

Послышался окликъ: „кто тамъ“: это былъ голосъ Ахиллы.

Туберозовъ обтеръ пальцемъ слезу и перекрестился.

— Кто тамъ? переспросилъ еще Ахилла.

— Да кто же какъ не я и отецъ Савелій, отозвался карликъ.

Дьяконъ взвизгнулъ, слетѣлъ со всѣхъ ступеней крыльца, размахнулъ настежь ворота, а самъ вкатилъ клубомъ въ бричку, и обхвативъ шею протопопа замеръ.

Оба они обнявъ другъ друга рыдали въ бричкѣ долго и жа-

Digitized by Google

лостно, межъ тѣмъ какъ карликъ стоя на землѣ тихо плакалъ въ свой прозябшій кулачекъ.

Наконецъ дьяконъ, выплакавшись, захотѣлъ говорить. Онъ чуть было уже не спросилъ о Натальѣ Николаевнѣ; но спохватясь ловко перемѣнилъ слово, и показывая протопопу на пробѣгавшую возлѣ его ногъ собачку, сказалъ:

— А вотъ это, батя, мой новый песикъ *Какваска*: онъ намъ засмѣется. Чего скучать!

IV.

Войдя въ свой домъ, гдѣ въ теченіе довольно долгаго времени оставался хозяиномъ и единственнымъ жильцомъ дьяконъ Ахилла, протопопъ поцѣловалъ стихійнаго исполина въ сухой проборъ его курчавой головы, и обойдя вмѣстѣ съ нимъ всѣ комнатки, перекрестилъ пустую осиротѣлую кроватку Натальи Николаевны, и сказалъ:

— Что̀ же, другъ: теперь намъ съ тобой уже не сто̀итъ расходиться, станемъ жить вмѣстѣ!

— Радъ и готовъ и даже самъ такъ располагалъ, отвѣчалъ Ахилла и крѣпко сжалъ обѣими руками руку протопопа.

Такъ они и остались жить вдвоемъ: Ахилла служилъ въ церкви и домовничалъ, а Туберозовъ сидѣлъ дома, читалъ, думалъ и молился.

Онъ показывался изъ дома рѣдко, или лучше сказать, совсѣмъ не показывался, и на вопросы навѣщавшихъ его людей почему онъ не выходитъ, коротко отвѣчалъ:

— Да вотъ.... все.... собираюсь.

Онъ дѣйствительно все *собирался* и жилъ усиленною и сосредоточенною жизнью самоловѣряющаго себя духа.

Ахилла отстранялъ его отъ всякихъ заботъ и попеченій, и это давало старцу большое удобство *собираться*.

Но не долго суждено было длиться и этому блаженству. Ахиллу ждала честь: его бралъ съ собою въ Петербургъ архіерей, вызванный на череду для присутствованія въ синодѣ. Губернскій протодьяконъ былъ нездоровъ.

Разставаніе дьякона съ Туберозовымъ было трогательное, и Ахилла, никогда не писавшій никакихъ писемъ и не знавшій какъ ихъ пишутъ и какъ отправляютъ, не только вызвался писать отцу Туберозову, но и исполнялъ это.

Digitized by Google

Письма его были оригинальны и странны, не менѣе чѣмъ весь складъ его мышленія. Прежде всего онъ прислалъ Туберозову письмо изъ губернскаго города, и въ этомъ письмѣ, вложенномъ въ конвертъ, на которомъ было надписано: „отцу протоіерею Туберозову, секретно и въ собственныя руки“, извѣщалъ что, живучи въ монастырѣ, онъ отомстилъ за него цензору Троадію, привязавъ его коту на спину колбасу съ надписаніемъ: „сію колбасу я хозяину несу“, и пустивъ кота бѣгать съ этою ношей по монастырю.

Черезъ мѣсяцъ Ахилла писалъ изъ Москвы сколь она ему понравилась, но что народъ здѣсь прелукавый и особенно пѣвчіе, которые два раза звали его пить вмѣстѣ лампопо, но что онъ „зная изъ практики что̀ такое обозначаетъ сіе лампопо, такой ихъ пѣвческой наглости только довольно подивился.“

Еще немного спустя онъ писалъ уже изъ Петербурга: „Прелюбезный другъ мой и ваше высокопреподобіе отецъ Савелій. Радоватися. Живу чудесно на подворьѣ, которое будетъ въ родѣ монастырька, но соблазну ужасъ какъ много, потому что все равно что среди шумнаго города. Но по васъ все-таки, несмотря на сію шумность, скучаю, ибо вмѣстѣ бы еслибы тутъ были, то отраднѣй бы гораздо всему вдвоемъ удивлялись. Совѣты ваши благіе помню и содержу себя въ постоянномъ у всѣхъ почтеніи, на что̀ и имѣете примѣту въ томъ московскомъ лампопѣ котораго пить не захотѣлъ. Пью самую лишь малость, да и то бы пересталъ, но боюсь какъ бы черезъ непитье хорошее знакомство̀ не растерять. Хорошаго здѣсь много, но дьяконовъ настоящихъ какъ по-нашему требуется нѣтъ; все тенористые, пристойные по-нашему развѣ только къ кладбищамъ, и хотя иные держатъ себя и очень даже форсисто, но и собою всѣ противъ насъ жидки и въ служеніи все дѣйствуютъ говоркомъ, а нерѣдко даже и не въ ноту, почему пѣвчимъ съ ними потрафлять хорошо невозможно. Я же какъ въ этомъ свѣдущій, ихъ модѣ не подражаю, а служу по-своему и за то хоть и пріѣзжій, но купечество приглашало меня въ Гостиный рядъ подъ воротами въ шатрѣ молебенъ служить и, окромя денежнаго подаренія, за ту службу дали мнѣ три фуляровые платка какіе вы любите, и я ихъ вамъ привезу въ гостинецъ. На здоровье! Скучаю я тоже не мало, конечно по своей необразовансти, да и потому что отовсюду далеко. Изъ угощеній здѣсь все больше кофій. Да я по дальности мало у кого и бываю, потому

Digitized by Google

что надо все въ сторону; я же ѣзжу на полъимперіалѣ, а на немъ никуда въ сторону невозможно, но вы этого по своей провинціальности не поймете: сидишь точно на домѣ, на крышкѣ очень высоко, и если сходить оттуда, то надо имѣть большую ловкость чтобы сигнуть долой на всемъ скаку, а для женскаго пола по причинѣ ихъ одежды этого даже не позволяютъ. Извощики же здѣсь, по замѣчанію, очень насмѣшливы, и буде нашъ братъ духовный станетъ ихъ нанимать, но жертвуетъ очень дешево, то они сейчасъ одинъ о другомъ выкрикаютъ: „напрасно, батюшка, съ нимъ сѣли: онъ вчера священника въ лужу вывалилъ“, а потому и не ряжу ихъ вовсе. Варнавку нашего однажды встрѣтилъ, но не тронулъ, потому что и онъ и я оба ѣхали на встрѣчныхъ полъимперіалахъ и я ему только успѣлъ погрозить, да впрочемъ онъ здѣсь сталъ очень какой-то дохлый. Насчетъ же вашего несчастія что вы еще въ запрещеніи и не можете о себѣ на литургіи молиться, то пожалуйста вы объ этомъ ни мало не убивайтесь, потому что я все это преестественно обдумалъ и дополнилъ, и Вседержитель это видитъ. Полагайтесь такъ что хотя не можете вы молиться сами за себя изъ уѣзднаго храма, но есть у васъ такой человѣкъ въ столицѣ что черезъ него идетъ за васъ молитва и изъ Казанскаго собора, гдѣ спаситель отечества, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ погребенъ, и изъ Исакіевскаго, который весь снаружи мраморный, отъ самаго низа даже до верха, и столичный этотъ за васъ богомолецъ я, ибо я четши эктенію велегласно за кого положено возглашаю, а про самого себя шепотомъ твое имя, друже мой отецъ Савелій, потаенно произношу, и молитву за тебя самую усердную отсюда посылаю Превѣчному, и жалуюсь какъ ты напрасно предъ всѣми отъ начальства обиженъ. А ты особливо того слова пожалуста себѣ и не думайте и не говорите что „дни мои изочтены“, потому что это намъ съ отцомъ Захаріей будетъ современемъ очень прискорбно, и я тебя, честное слово, развѣ малымъ чѣмъ тогда переживу.“

Засимъ слѣдовала подпись: „временно столичный за протодьякона своей епархіи Старгородскаго уѣзднаго собора дьяконъ Ахилла Десницынъ.“

Было и еще получено письмо отъ Ахиллы, гдѣ онъ писалъ что „счастливымъ случаемъ таки свидѣлся съ Препотенскимъ и думалъ съ нимъ за прошедшее биться, но вышелъ всему тому совсѣмъ другой оборотъ, такъ что онъ даже и былъ у него въ

Digitized by Google

редакціи, потому что Варнава теперь уже былъ редакторомъ, и Ахилла видѣлъ у него разныхъ „литератовъ“ и искренно тамъ съ Варнавой примирился. Примиренію же этому выставлялась та причина что Варнава сталъ (по словамъ Ахиллы) человѣкъ жестоко несчастливый, потому что не въ давняхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судитъ все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, нерѣдко бьетъ, и онъ теперь уже совсѣмъ не такой: самъ мнѣ открылся что еслибы не опасался жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроилъ и получалъ большое жалованье на негласной службѣ, но врагъ его смутилъ жадностью: сталъ фальшивыя бумажки перепущать и теперь въ острогъ сѣлъ.“ Наипаче же всего Ахилла хвалился что онъ очень видѣлъ какъ въ театрѣ представляли. „Разъ (объяснялъ онъ), было это съ пѣвчими, ходилъ я въ штатскомъ уборѣ на самый верхъ на оперу *Жизнь за Царя*, и отъ прекраснаго пѣнія голосовъ послѣ цѣлую ночь въ восторгѣ плакалъ; а другой разъ, опять тоже переряженный по цивильному, ходилъ глядѣть какъ самого царя Ахиллу представляли. Но только на меня даже ни крошки не похоже: выскочилъ актеръ весь какъ есть въ латахъ и на пятку жалится, а дай мнѣ этакую сбрую, я бы гораздо громче разыгралъ. Остальная же игра вся по-языческому, и вдовому или одинокому человѣку ее видѣть не хорошо.“

И еще наконецъ пришло третье и послѣднее письмо, которымъ Ахилла извѣщалъ что скоро вернется домой, и вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ сумрачный сѣрый вечеръ онъ предсталъ предъ Туберозова внезапно какъ радостный вѣстникъ.

Поздоровавшись съ дьякономъ, отецъ Савелій тотчасъ же самъ бросился на улицу запереть ставни, чтобы скрыть отъ любопытныхъ радостное возвращеніе Ахиллы.

Бесѣда ихъ была долгая. Ахилла выпилъ за этою бесѣдой цѣлый самоваръ, а отецъ Туберозовъ все продолжалъ безпрестанно наливать ему новыя чашки и приговаривалъ:

— Пей, голубушка, кушай еще; и когда Ахилла выпивалъ, то онъ говорилъ ему:—Ну, теперь, братецъ, разказывай дальше: что̀ ты тамъ еще видѣлъ и что̀ узналъ?

И Ахилла разказывалъ. Богъ знаетъ что̀ онъ разказывалъ: это все выходило пестро, громадно и нескладно, но всего болѣе въ его разказахъ удивляло отца Савелія то что Ахилла

Digitized by Google

кстати и некстати немилосердно уснащалъ свою рѣчь самыми странными словами какихъ онъ до поѣздки въ Петербургъ не только не употреблялъ, но вѣроятно и не зналъ.

Такъ напримѣръ онъ ни къ селу, ни къ городу начиналъ съ того:

— Представь себѣ, голубчикъ отецъ Савелій, какая комбынація (причемъ онъ безпощадно напиралъ на ы).

Или:

— Какъ онъ мнѣ это сказалъ, я ему говорю: ну нѣтъ же ву пердю, это, братъ, сахаръ дюдю.

Отецъ Туберозовъ хотя съ умиленіемъ внималъ разказамъ Ахиллы, но слыша частое повтореніе подобныхъ словъ поморщился, и не вытерпѣвъ сказалъ ему:

— Что ты это.... Зачѣмъ ты такія пустыя слова научился вставлять?

Но безконечно увлекающійся Ахилла такъ нетерпѣливо разворачивалъ предъ отцомъ Савеліемъ всю сокровищницу своихъ столичныхъ заимствованій что не берегся никакихъ словъ.

— Да вы, душечка отецъ Савелій, пожалуста не опасайтесь, теперь за слова ничего: не запрещается.

— Какъ, братецъ, *ничего?* слушать скверно.

— О-о! это съ непривычки. А мнѣ такъ теперь что хочешь говори, все ерунда.

— Ну вотъ опять.

— Что такое?

— Да что ты еще за пакостное слово сейчасъ сказалъ?

— Ерунда-съ!

— Тьфу, мерзость!

— Чѣмъ-съ?... всѣ литераты употребляютъ.

— Ну имъ и книги въ руки: пусть ихъ и сидятъ съ своею „герундой“, а намъ съ тобой на что эту герунду заимствовать, когда съ насъ и своей русской чепухи довольно?

— Совершенно справедливо, согласился Ахилла, и подумавъ, добавилъ что чепуха ему даже гораздо болѣе нравится чѣмъ ерунда.

— Помилуйте, добавилъ онъ опровергая самого себя: — чепуху это отмочишь и сейчасъ смѣхъ, а они тамъ съерундятъ напримѣръ что Бога нѣтъ, или еще какіе пустяки, что даже попервоначалу страшно.

— Надо чтобъ это всегда страшно было, кротко шепнулъ Туберозовъ.

Digitized by Google

— Ну да вѣдь, отецъ Савелій, нельзя же все такъ строго. Какъ докажутъ тебѣ....

— Что докажутъ? что̀ ты это? что̀ ты говоришь? Что̀ докажутъ? Не то ли что Бога нѣтъ?

— Все можно доказать....

— Что̀ ты врешь, Ахилла! Ты добрый мужикъ и христіанинъ: прекрестись! что̀ ты это сказалъ?

— Что̀ же дѣлать? Я и самъ уже не радъ, но противъ хвакта не попрешь.

— Что́ за „хвактъ" еще? что̀ за фактъ ты открылъ?

— Да это, отецъ Савелій.... зачѣмъ васъ смущать? Вы вѣруйте въ своей простотѣ какъ и прежде сего вѣровали.

— Да ты не заботься о моей простотѣ; а посуди что̀ ты это говоришь?

— Что̀ же дѣлать? хвактъ! отвѣчалъ вздохнувъ Ахилла.

Туберозовъ смутясь всталъ и потребовалъ чтобъ Ахилла непремѣнно и сейчасъ же открылъ ему фактъ изъ коего могутъ проистекать сомнѣнія въ существованіи Бога.

— Хвактъ этотъ по каждому человѣку прыгаетъ, отвѣчалъ дьяконъ и объяснилъ что это блоха, а блоху всякій можетъ сдѣлать изъ опилокъ, и значитъ все де могло сотвориться само собою.

Получивъ такое искреннее и наивное признаніе, Туберозовъ даже не сразу рѣшился что ему отвѣтить; но Ахилла высказавшись разъ въ этомъ направленіи продолжалъ и далѣе выражать свою петербургскую просвѣщенность.

— И взаправду теперь, говорилъ онъ,—если мы отъ этой самой ничтожной блохи пойдемъ дальше, то и тутъ намъ ничего этого не видно, потому что тутъ у насъ ни книгъ этакихъ настоящихъ, ни глобусовъ, ни трубъ, ничего нѣтъ. Мракъ невѣжества до того что даже я тебѣ скажу здѣсь и смѣлости-то такой какъ тамъ нѣтъ чтобъ очень разсуждать! А тамъ я съ литератами, знаешь, сѣлъ, полчаса посидѣлъ, ну и выходитъ что религія только для темнаго народа существуетъ, а богословіе только ступенька: шагнулъ и нѣтъ его, а тамъ де положительный хвактъ. Такъ по наукѣ выходитъ....

Туберозовъ только посмотрѣлъ на него и похлопавъ глазами спросилъ:

— А кому же ты служишь?

Дьяконъ ни мало не сконфузился, и указавъ рукой на свое чрево отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Да, кому и всѣ служатъ: маммону. По наукѣ выведено для чего человѣкъ трудится,—для ѣды; хочетъ чтобъ ему быть сытому и голоду не чувствовать. А еслибы мы ѣсть бы не хотѣли, такъ ничего бы и не дѣлали. Это называется *борба* (дьяконъ произнесъ это слово безъ ь) за *сушшествованіе*. Безъ этого ничего бы не было.

— Да вотъ видишь ты, отвѣчалъ Туберозовъ,—а Богъ-то вѣдь ни въ чемъ этомъ не нуждаясь сотворилъ свѣтъ.

— Это правда, отвѣчалъ дьяконъ:—Богъ это сотворилъ.

— Такъ какъ же ты Его отрицаешь?

— То-есть я не отрицаю, отвѣчалъ Ахилла,—а я только говорю что восходя отъ хвакта въ разсужденіи какъ блоха изъ опилокъ, такъ и вселенная могла сама собой явиться. Я имъ о Богѣ, да они и слышать не хотятъ. Все говорятъ „кислородъ“.... А я, прахъ его знаетъ что̀ такое кислородъ! И вотъ видите: какъ вы опять заговорили въ разныя стороны, то я уже опять ничего не понимаю.

— Откуда же взялся твой кислородъ?

— Не знаю ей Богу.... да лучше оставьте про это, отецъ Савелій.

— Нѣтъ нельзя этого, милый, въ тебѣ оставить! Скажи: откуда начало ему, твоему кислороду?

— Ей Богу не знаю, отецъ Савелій! Да нѣтъ, оставьте, душечка!

— Можетъ-быть сей кислородъ безначаленъ?

— А идолъ его знаетъ! Да ну его къ лѣшему!

— И конца ему нѣтъ?

— Отецъ Савелій!... да ну его совсѣмъ къ свиньямъ этотъ кислородъ. Пусть онъ себѣ будетъ хоть и безъ начала, и безъ конца: что̀ намъ до него?

— А ты можешь ли понять какъ это безъ начала и безъ конца?

Ахилла отвѣчалъ что это онъ можетъ.

И затѣмъ громко продолжалъ:

„Единъ Богъ во святой Троицѣ спокланяемый, Онъ есть вѣченъ, то-есть не имѣетъ ни начала ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ.“

— Аминь! произнесъ съ улыбкой Туберозовъ, и такъ же съ улыбкой приподнявшись съ своего мѣста взялъ Ахиллу дружески за руку и сказалъ:

— Пойдемъ-ка я тебѣ что-то покажу.

Digitized by Google

протопопъ сѣтовалъ объ одномъ, что срокъ запрещенія его еще не минулъ. Ахилла понималъ это и разумѣлъ въ чемъ здѣсь главная скорбь.

Туберозову хотѣлось совершить литургію и предстать предъ небесною властію разрѣшеннымъ властію земною. Онъ продиктовалъ Ахиллѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ свое начальство о своемъ болѣзненномъ состояніи и умилительно просилъ снизойти къ нему и сократить срокъ положеннаго на него запрещенія. Письмо это было послано, но отвѣта на него не получалось.

Отецъ Туберозовъ молчалъ, но Ахилла прислушался къ голосу своего сердца, и оставивъ при больномъ старикѣ дьячка Павлюкана, взялъ почтовую пару и катнулъ безъ всякаго разрѣшенія въ губернскій городъ.

Онъ не многословилъ въ объясненіяхъ, а отдалъ кому слѣдовало все чѣмъ могъ располагать и жалостно просилъ исхлопотать отцу Туберозову немедленное разрѣшеніе. Но хлопоты не увѣнчались успѣхомъ: начальство на сей разъ показало что оно вполнѣ обладаетъ тѣмъ въ чемъ ему у насъ такъ часто любятъ отказывать. Оно показало что оно обладаетъ характеромъ и рѣшило что все опредѣленное Туберозову должно съ нимъ совершиться, какъ должно совершиться все опредѣленное высшими судьбами.

Ахилла было опять почувствовалъ припадокъ гнѣва, но обуздалъ этотъ порывъ и какъ быстро собрался въ губернскій городъ, такъ же быстро возвратился домой и не сказалъ Туберозову ни слова, но старикъ понялъ и причину его отъѣзда и прочелъ въ его глазахъ привезенный имъ отвѣтъ.

Пожавъ своею хладѣющею рукой дьяконову, Савелій проговорилъ:

— Не огорчайся, другъ!

— Да и конечно не огорчаюсь, отвѣтилъ Ахилла.—Мало будто вы въ свою жизнь наслужились предъ Господомъ!

— Благодарю Его.... сподобилъ.... совершать, проговорилъ старикъ и вздохнувъ закрылъ глаза.

Ахилла наклонился къ самому лицу умирающаго и замѣтилъ на его темныхъ вѣкахъ немощную старческую слезу.

— А вотъ это нехорошо, баточка, дружески сказалъ онъ Туберозову.

— Чт....т....о? тупо вымолвилъ старикъ.

Зачѣмъ людьми недоволенъ?

Digitized by Google

— Я д..д-о-во-лен, прошелталъ тотъ слабо, ложавъ руку Ахиллы.

Вмѣсто Ахиллы въ губернскій городъ снова поскакалъ карликъ Николай Аѳанасьичъ и поскакалъ съ рѣшительнымъ словомъ:

— Какъ только доступлю, говорилъ онъ,—такъ ужь прочь и не отойду безъ удовлетворенія. Да-съ; мнѣ семьдесятъ годовъ, и меня никуда заключить нельзя; я калѣчка и уродецъ!

Дьяконъ благословилъ его, а самъ остался при больномъ.

Всю силу и мощь и все чтò только Ахилла могъ счесть для себя драгоцѣннымъ и милымъ онъ все охотно отдалъ бы за то чтобъ облегчить эту скорбь Туберозова, но это все было внѣ его власти, да и все это было уже поздно: Ангелъ смерти былъ готовъ принять отходящую душу.

Черезъ нѣсколько дней Ахилла, рыдая въ углу спальни больнаго, смотрѣлъ какъ отецъ Захарія, склонясь къ изголовью Туберозова, принималъ на ухо его послѣднее предсмертное покаяніе. Но чтò это значитъ?... Какой это такой грѣхъ былъ на совѣсти старца Савелія что отецъ Бенефактовъ вдругъ весь такъ взволновался? Онъ какъ будто бы даже забылъ что совершаетъ таинство не допускающее никакихъ свидѣтелей, и громко требовалъ чтобъ отецъ Савелій кому-то и что-то простилъ! Предъ чѣмъ это такъ непреклоненъ у гроба Савелій?

— Будь миренъ! будь миренъ! прости! настаивалъ кротко, но твердо Захарій.—Коль не простишь, не разрѣшу тебя....

Блѣдный Ахилла дрожалъ и съ замираніемъ сердца ловилъ каждое слово.

— Богомъ живымъ тебя пока живъ ты молю.... голосно вскрикнулъ Захарія и остановился не докончивъ рѣчи.

Умирающій судорожно привсталъ и снова упалъ, потомъ выправилъ руку чтобы положить на себя ею крестъ и благословясь съ большимъ усиліемъ и разстановкой произнесъ:

— Какъ христіанинъ, я.... прощаю имъ мое предъ всѣми поруганіе, но то что букву мертвую блюдя.... они здѣсь.... Божіе живое дѣло позабыли....

Торжественность минуты все становилась строже: у Савелія щелкнуло въ горлѣ, и онъ продолжалъ какъ будто въ бреду:

— Ту скорбь я къ престолу.... Владыки царей.... положу и дерзостно стану взывать....

— Будь миренъ: прости! все имъ прости! ломая руки воскликнулъ Захарія.

Digitized by Google

Савелій точно очнулся; и неожиданно твердымъ голосомъ договорилъ:

— Прости ихъ, Господи, помилуй ихъ, и просвѣти ихъ, Господи!

Захарія съ улыбкой духовнаго блаженства взглянулъ на небо и осѣнилъ лицо Савелія крестомъ.

Лицо это уже не двигалось, глаза глядѣли вверхъ и гасли: Туберозовъ кончался.

Ахилла дрожа ринулся къ нему съ воплемъ и рыдая упалъ на его грудь.

Отходящій послѣднимъ усиліемъ перенесъ свою руку на голову Ахиллы и съ этимъ уже громкій колоколецъ заигралъ въ его горлѣ, мѣшаясь съ журчаньемъ словъ тихой отходной, которую читалъ сквозь слезы Захарій.

Протопопъ Туберозовъ кончилъ свое житіе.

VI.

Смерть Савелія произвела ужасающее влечатлѣніе на Ахиллу. Онъ рыдалъ и плакалъ не какъ мущина, а какъ нервная женщина оплакиваетъ потерю, перенесеніе которой казалось ей невозможнымъ. Впрочемъ смерть протоіерея Туберозова была большимъ событіемъ и для всего города: не было дома гдѣ бы не молились за усопшаго.

Въ домѣ покойника одна толпа народа смѣняла другую: одни шли чтобъ отдать послѣдній поклонъ честному гробу, другіе чтобы посмотрѣть какъ лежитъ въ гробѣ священникъ. Въ ночь послѣ смерти отца Савелія, карликъ Николай Аѳанасьевичъ привезъ разрѣшеніе покойнаго отъ запрещенія, и Савелій былъ положенъ въ гробу во всемъ облаченіи: огромный, длинный, въ камилавкѣ. Панихиды въ домѣ его совершались безпрестанно, и какой бы священникъ приходя изъ усердія ни надѣвалъ лежавшую на аналоѣ ризу и эпитрахиль чтобъ отпѣть панихиду, дьяконъ Ахилла тотчасъ же просилъ благословенія на орарь, и сослужа усердно молился.

На второй день было готово домовище, и по старому мѣстному обычаю, доселѣ сохраняющемуся у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при положеніи священниковъ въ гробъ, началась церемонія торжественная и страшная. Собравшееся духовенство

Digitized by Google

со свѣчами, въ траурномъ облаченіи, обносило на рукахъ мертваго Савелія три раза вокругъ огромнаго гроба, а Ахилла держалъ въ его мертвой рукѣ дымящееся кадило, и мертвецъ какъ бы самъ окаждалъ имъ свое холодное домовище. Потомъ усопшаго протопопа положили во гробъ, и всѣ разошлись кромѣ Ахиллы; онъ оставался здѣсь одинъ всю ночь съ мертвымъ своимъ другомъ, и тутъ произошло нѣчто, чего Ахилла не замѣтилъ, но что̀ замѣтили за него другіе.

VII.

Дьяконъ не ложился спать съ самой смерти Савелія, и три безсонныя ночи вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ съ которымъ онъ безпрестанно обращался къ покойнику довели стальные нервы Ахиллы до крайняго возбужденія.

Въ дьяконѣ замолчали инстинкты и страсти которыми онъ наиболѣе былъ наклоненъ работать, и вмѣсто нихъ выступили и рѣзкими чертами обозначились душевныя состоянія ему до сихъ поръ несвойственныя.

Его вѣчная легкость и разметанность смѣнились тяжеловѣсностью неотвязчивой мысли и глубокою погруженностью въ себя. Ахилла не поблѣднѣлъ въ лицѣ и не потухъ во взорѣ, а напротивъ смуглая кожа его озарилась розовымъ, матовымъ подцвѣтомъ. Онъ видѣлъ все съ рѣжущею глазъ ясностію; слышалъ каждый звукъ такъ какъ будто этотъ звукъ раздавался въ немъ самомъ, и понималъ многое такое о чемъ доселѣ никогда не думалъ.

Онъ теперь понималъ все чего хотѣлъ и о чемъ заботился покойный Савелій, и назвалъ усопшаго мученикомъ.

Оставаясь всѣ три ночи одинъ при покойномъ, дьяконъ не находилъ также никакого затрудненія бесѣдовать съ мертвецомъ и ожидать отвѣта изъ-подъ парчеваго воздуха покрывавшаго лицо усопшаго.

„Баточка!“ взывалъ полегоньку дьяконъ, прерывая чтеніе Евангелія и подходя въ ночной тишинѣ къ лежавшему предъ нимъ покойнику: „Встань! А?... При мнѣ одномъ встань! Не можешь, лежишь, яко трава“.

И Ахилла нѣсколько минутъ сидѣлъ или стоялъ въ молчаніи и опять начиналъ монотонное чтеніе.

На третью и послѣднюю ночь Ахилла вздремнулъ на одно

Digitized by Google

короткое мгновеніе, проснулся за часъ до полуночи, смѣнилъ чтеца и заперъ за нимъ дверь.

Надѣвъ стихарь, онъ сталъ у аналоя, и прикоснувшись къ плечу мертвеца, сказалъ:

„Слушай, баточка мой, это я теперь тебѣ въ послѣднее зачитаю", и съ этимъ дьяконъ началъ Евангеліе отъ Іоанна. Онъ прочелъ четыре главы и дочитавъ до главы пятой сталъ на одномъ стихѣ, и воздохнувъ повторилъ дважды великое обѣщаніе: „яко грядетъ часъ и нынѣ есть егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавши оживутъ".

Повторивъ дважды голосомъ, Ахилла началъ еще мысленно нѣсколько разъ кряду повторять это мѣсто, и не двигался далѣе.

Чтеніе надъ усопшимъ дѣло не мудрое; люди мало-мальски привычные къ этому дѣлу исполняютъ его безъ малѣйшаго смущенія; но при всемъ томъ и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, чтобъ оно шло хорошо, нужно соблюдать нѣкоторые практическіе пріемы. Одинъ изъ такихъ пріемовъ заключается въ томъ чтобы чтецъ, читая, не засматривалъ въ лицо мертвеца. Повѣрье утверждаетъ что это нарушаетъ его покой; опытъ пренебрегавшихъ этимъ пріемомъ чтецовъ убѣждаетъ что въ глазахъ начинается какое-то непріятное мреянье; покой, столь нужный въ ночномъ одиночествѣ, измѣняетъ чтецу, и глаза начинаютъ замѣчать тихое едва замѣтное мельканіе, сначала невдалекѣ вокругъ самой книги, потомъ и дальше, и больше, и тогда ужь нужно или возобладать надъ собою и разрушить начало галлюцинаціи, или она разовьется и породитъ неотразимые страхи.

Ахилла теперь ни мало не соблюдалъ этого правила, напротивъ, онъ даже сожалѣлъ что ликъ усопшаго закутанъ парчевымъ воздухомъ; но несмотря на все это ничто похожее на страхъ не смущало дьякона. Онъ, какъ выше сказано, все стоялъ на одномъ стихѣ и размышлялъ:

„Вѣдь онъ уже теперь услышалъ гласъ Сына Божія и ожилъ... Я его только не вижу, а онъ здѣсь."

И въ этихъ размышленіяхъ дьяконъ не замѣтилъ какъ прошла ночь, и на небѣ блеснула блѣдною янтарною чертой заря, послѣдняя заря, осѣняющая на землѣ разрушающійся остатокъ того что было слышащимъ землю свою и разумѣвающимъ ее попомъ Савеліемъ.

Увидя эту зарю дьяконъ вздохнулъ и отошелъ отъ аналоя ко гробу, облокотился на обѣ стѣнки домовища, такъ что вы-

Digitized by Google

сокая грудь Савелія пришлась подъ его грудью, и осторожно приподнявъ двумя перстами парчевый воздухъ, покрывавшій лицо покойника, заговорилъ:

— Батя, батя, гдѣ же нынѣ духъ твой? Гдѣ твое огнеустое слово? Покинь мнѣ малоумному духа твоего!

И Ахилла припалъ на грудь мертвеца и вдругъ вздрогнулъ и отскочилъ: ему показалось что его насквозь что-то перебѣжало. Онъ оглянулся, по сторонамъ: все тихо, только отяжелѣвшія вѣки его глазъ липнутъ и голову куда-то тянетъ дремота.

Дьяконъ отряхнулся, ударилъ земной поклонъ и испугался этого звука: ему послышалось какъ бы надъ нимъ что-то стукнуло и почудилось что будто Савелій сидитъ съ закрытымъ парчею лицомъ и съ Евангеліемъ, которое ему положили въ его мертвыя руки.

Ахилла не оробѣлъ, но смутился, и тихо отодвигаясь отъ гроба приподнялся на колѣни. И что же? по мѣрѣ того какъ повергнутый Ахилла возставалъ, мертвецъ по той же мѣрѣ въ его глазахъ медленно ложился въ гробъ, не поддерживая себя руками, занятыми крестомъ и Евангеліемъ.

Ахилла вскочилъ и махая рукой прошепталъ:

— Миръ ти! миръ! я тебя тревожу!

И съ этимъ словомъ онъ было снова взялся за Евангеліе и хотѣлъ продолжать чтеніе, но къ удивленію его книга была закрыта и онъ не помнилъ гдѣ остановился.

Ахилла развернулъ книгу наудачу и прочелъ: „Въ мірѣ бѣ, и міръ его не позна"....

— Чего это я ищу? подумалъ онъ отуманенною головой и развернулъ безотчетно книгу въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь стояло: „И возрятъ нань его же прободоша".

Но въ то время какъ Ахилла хотѣлъ перевернуть еще страницу, онъ замѣчаетъ что ему непомѣрно тягостно и что его держитъ кто-то за руки.

— А что же мнѣ нужно? и что это такое я отыскиваю?... Какое зачало? Какой нынѣ день? соображаетъ Ахилла и никакъ не добьется этого потому что онъ восхищенъ отсюда.... Въ ярко-освѣщенномъ храмѣ, за престоломъ, въ свѣтлой праздничной ризѣ и въ высокой фіолетовой камилавкѣ, стоитъ Савелій, и круглымъ полнымъ голосомъ, выпуская какъ шаръ каждое слово, читаетъ: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ

Digitized by Google

— Превосходно, государь отецъ дьяконъ! прошепталъ сквозь слезы карликъ.

— Се духъ Савеліевъ бѣ на немъ, отвѣтилъ ему разоблачавшійся Захарія.

IX.

Послѣ похоронъ Туберозова, Ахиллѣ оставалось совершить два дѣла: вопервыхъ, подвергнуться тому чтобъ „иной его препоясалъ“, а вовторыхъ, умереть будучи, по словамъ Савелія, „живымъ отрицаніемъ смерти“. Онъ непосредственно и торопливо принялся приближать къ себѣ и то, и другое. Освободившись отъ хлопотъ за погребальнымъ обѣдомъ, Ахилла легъ на своемъ войлокѣ въ сѣничномъ чуланѣ и не поднимался.

Прошелъ день, два и три, Ахилла все лежалъ и не показывался. Домъ отца Туберозова совсѣмъ глядѣлъ мертвымъ домомъ: взойдетъ яркое солнце и освѣтитъ его пустынный дворъ — мертво; набѣжатъ грядой облачка и отразятся въ стеклахъ его оконъ словно замогильныя тѣни, и опять ничего.

Наблюдая эту тишь, сосѣди стали жаловаться что имъ даже жутко; а дьяконъ все не показывался. Стало сомнительно, что̀ съ нимъ такое?

Захарія пошелъ его навѣщать. Долго кроткій старичокъ ходилъ изъ комнаты въ комнату и звалъ:

— Дьяконъ, гдѣ ты? Послушай, дьяконъ!

Но дьяконъ не откликался. Наконецъ отецъ Захарія пріотворилъ дверь въ темный чуланчикъ.

— Чего вы, отецъ Захарія, такъ гласно стужаетесь? отозвался откуда-то изъ темноты Ахилла.

— Да какъ, братецъ мой, чего? Гдѣ ты о сю пору находишься?

— Пріотворите пошире дверь: я вотъ тутъ въ уголушкѣ.

Бенефактовъ исполнилъ что̀ ему говорилъ Ахилла, и увидѣлъ его лежащимъ на примощенной къ стѣнѣ досчатой кроваткѣ. На дьяконѣ была ровная холщевая сорочка съ прямымъ отложнымъ воротникомъ, завязаннымъ по-малороссійски длинною пестрою тесьмой, и широкіе тиковые полосатые шаровары.

— Что̀ же ты такъ это, дьяконъ? вопросилъ его, ища себѣ мѣста, отецъ Бенефактовъ.

Digitized by Google

— Позвольте я подвинусь, отвѣчалъ Ахилла, перевалясь на ближайшую къ стѣнѣ доску.

— Что же ты, дьяконъ?

— Да, вотъ вамъ и дьяконъ....

— Да что жь ты такое?

— Уязвленъ, отвѣтилъ Ахилла.

— Да чѣмъ же ты это уязвленъ?

— Смѣшно вы, отецъ Захарія, спрашиваете: чѣмъ? Тѣмъ и уязвленъ. Кончиной отца протопопа уязвленъ.

— Да, ну что жь дѣлать? Вѣдь это смерть.... конечно.... она враждебна.... всему естеству и помысламъ преграда... но неизбѣжно... неизбѣжно....

— Вотъ я этою преградой и уязвленъ.

— Но ты... ты того... мужайся... грѣхъ... потому воля... опредѣленіе....

— Ну когда жь я и опредѣленіемъ уязвленъ!

— Но что же ты это зарядилъ: уязвленъ, уязвленъ! Это, братецъ, того... это не хорошо.

— Да что же хорошаго!

— Ну а самъ понимаешь что мало хорошаго, такъ и надо имѣть разсудокъ: закона природы, братъ, не обойдешь!

— Да про какой вы тутъ, отецъ Захарія, про „законъ природы"! Ну, а если я и закономъ природы уязвленъ?

— Да что же ты теперь будешь съ этимъ дѣлать?

— Тсъ! ахъ Царь мой Небесный! Да не докучайте вы мнѣ пожалуста, отецъ Захарія, съ своими законами! Ничего я не буду дѣлать!

— Однакоже неужто такъ и будешь теперь все время лежать?

Дьяконъ промолчалъ, но потомъ, вздохнувъ, началъ тихо:

— Я еще очень скооблю, а вы сразу со мной заговорили. О какомъ вы тутъ дѣлѣ хотите со мной разговаривать?

— Да поправляйся скорѣй, вотъ что, потому что вѣдь хоть и въ скорбѣхъ, а по слабости и ѣсть, и пить будемъ.

— Да это что, что про это говорить? Ѣсть-то и пить мы будемъ, а вотъ въ этомъ-то и причина!

— Что, что такое? Какая причина?

— А вотъ та причина, что мы теперь, значитъ, станемъ объ этомъ что было мало-по-малу позабывать, и вдругъ совсѣмъ что ли про него позабудемъ?

Digitized by Google

— А что́ же дѣлать?

— А то дѣлать что я съ моимъ характеромъ никакъ на это несогласенъ чтобъ его позабыть.

— Все, братецъ, такъ; а придетъ время-позабудешь.

— Отецъ Захарія! Пожалуста вы мнѣ этого не говорите, потому что знаете какой я въ огорченіи дикій.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, ужь ты, братъ, отъ грубостей воздерживайся.

— Да воздерживайся! А кто меня отъ чего-нибудь теперь будетъ воздерживать?

— Да если хочешь я тебя удержу.

— Полноте, отецъ Захарія!

— Да что́ ты такое? Разумѣется удержу!

— Полноте, пожалуста!

— Да отчего же полноте?

— Да такъ; потому что зачѣмъ неправду говорить: ни отъ чего вы меня не можете удержать.

— Ну это ты, дьяконъ, даже просто нахалъ, отвѣчалъ, обидясь, Захарія.

— Да ничуть не нахалъ, потому что я и васъ тоже люблю, но какъ вы можете меня воздержать, когда вы характера столь слабаго что вамъ даже дьячокъ Сергѣй грубитъ.

— Грубитъ! Мнѣ всѣ грубятъ! А ты больше ничего какъ глупо разсуждаешь!

— А вотъ удержите же меня теперь отъ этого чтобъ я такъ не разсуждалъ.

— Не хочу я тебя удерживать, да.... не хочу, не хочу, за то что я пришелъ тебя навѣстить, а ты вышелъ грубіянъ... Прощай!

— Да позвольте, отецъ Захарія! Я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ....

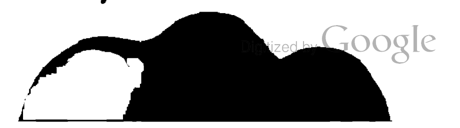
— Нѣтъ, нѣтъ; пошелъ прочь: ты меня огорчилъ.

— Ну Богъ съ вами....

— Да, ты грубіянъ и очень большой грубіянъ.

И Захарія ушелъ, оставивъ дьякона въ надеждѣ что авось тому надоѣстъ лежать и онъ самъ выйдетъ на свѣтъ; но прошла еще цѣлая недѣля, а Ахилла не показывался.

„Позабудутъ, твердилъ онъ: непремѣнно всѣ они его позабудутъ!“ И эта мысль занимала его неотвязно, и онъ сильнѣйшимъ образомъ задумывался какъ бы этому горю помочь.


Digitized by Google

Чтобы вызвать Ахиллу изъ его мурьи, нужно было особое событіе.

Проснувшись однажды около шести часовъ утра, Ахилла смотрѣлъ какъ сквозь узенькое окошечко надъ дверями въ чуланчикъ пронизывались лучи восходящаго солнца, какъ вдругъ къ нему вбѣжалъ впопыхахъ отецъ Захарія и объявилъ что къ нимъ на мѣсто отца Туберозова назначенъ новый протопопъ.

Ахилла поблѣднѣлъ отъ досады.

— Что же ты не радъ что ли этому? вопросилъ Захарія.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Какъ какое до этого дѣло? А ты спроси кто назначенъ-то.

— Да развѣ мнѣ не все равно?

— Академикъ!

— Ну вотъ, академикъ! Вишь чему вы обрадовались! Нѣтъ, ей-Богу вы еще суетны, отецъ Захарія.

— Чего ты „суетный“? Академикъ,—значитъ умный.

— Ну вотъ опять: умный! Да пусть себѣ умный: нѣшто мы съ вами отъ этого поумнѣемъ?

— Что же это стало-быть ты ученаго духовенства не уважаешь?

— А развѣ ему не все равно: уважаю я его или не уважаю? Ему отъ этого ничего, а я можетъ-быть совсѣмъ о чемъ другомъ думаю.

— О чемъ; позволь спросить, о чемъ?

— О вчерашнемъ.

— Вотъ ты опять грубишь!

— Да ничего я вамъ не грублю: вы думаете какъ бы новаго встрѣтить, а я какъ бы стараго не забыть. Что вы тутъ за грубость находите?

— Ну съ тобой послѣ этого говорить не стóитъ, рѣшилъ Захарія, и съ неудовольствіемъ вышелъ, а Ахилла тотчасъ же всталъ, умылся и потекъ къ исправнику съ просьбой помочь ему продать какъ можно скорѣе его домъ и пару его аргамаковъ.

— На что это тебѣ? спрашивалъ Порохонцевъ.

— Не любопытствуй, отвѣчалъ Ахилла:—только послѣ, когда сдѣлаю, тогда все и увидишь.

— Хоть скажи въ какомъ родѣ?

— Въ такомъ родѣ чтобы про отца Савелія не скоро позабыли, вотъ въ какомъ родѣ.

Digitized by Google

— Пусть отецъ Захарія о немъ чаще въ словѣ церковномъ напоминаетъ.

— Что̀ отецъ Захарія можетъ напоминать? Нѣтъ, онъ нынче уже науки любитъ, а я.... я по-старому человѣка люблю.

На этомъ кончились переговоры, и имущество Ахиллы, согласно его желанію, было продано.

Оставалось смотрѣть что̀ онъ теперь станетъ дѣлать.

Дьяконъ получилъ за все ему принадлежавшее двѣсти рублей; сунулъ оба билетика въ карманъ нанковаго подрясника и объявилъ что идетъ въ губернію. Онъ уже отрубилъ себѣ отъ тонкой жердины дорожную дубинку, связалъ маленькій узелокъ, купилъ на базарѣ двѣ большія лепешки съ лукомъ, и засунувъ ихъ въ тотъ же карманъ гдѣ лежали у него деньги, совсѣмъ готовъ былъ выступить въ походъ, какъ вдругъ пріѣхалъ новый протопопъ Иродіонъ Граціанскій. Это былъ благообразный человѣкъ неопредѣленнаго возраста. По его наружному виду ему съ одинаковымъ удобствомъ можно было дать двадцать шесть лѣтъ, какъ и сорокъ.

Ахилла подошелъ къ этому своему новому настоятелю и принявъ отъ него благословеніе хотѣлъ поцѣловать ему руку, но когда тотъ отдернулъ эту руку и предложилъ дружески поцѣловаться, то Ахилла и поцѣловался.

— Видишь какой добрый! говорилъ дьякону, провожая его черезъ часъ, Захарія.

— Въ чемъ же вы такъ скоро это, отецъ Захарія, заключаете его доброcть? отвѣчалъ небрежно Ахилла.

— Какъ же? даже не позволилъ тебѣ руки поцѣловать, а устный поцѣлуй.... это доброcть.

— А по-моему это больше ничего какъ самая пустая поважность, отвѣчалъ Ахилла.

Теперь онъ уже ожесточенно ревновалъ новаго протопопа къ мѣсту Савелія и придирался къ нему, стараясь находить въ немъ все нехорошее, чтобъ онъ никакъ не могъ сравниться съ покойнымъ Туберозовымъ. Чѣмъ болѣе новый протопопъ всѣмъ Старгородцамъ нравился, тѣмъ Ахилла ожесточеннѣе хотѣлъ его ненавидѣть.

Digitized by Google

X.

На другой день новый протопоп служил обѣдню и произнесъ слово, въ которомъ расточалъ похвалы своему предшественнику и говорилъ о необходимости и обязанности поминать и чтить его заслуги.

Ахилла и Захарія слушали эту проповѣдь изъ алтаря, прислоня уши свои къ завѣсѣ вратъ. Ахиллу возмущало что новый протопопъ такъ же говоритъ, и что его слушаютъ съ неменьшимъ вниманіемъ чѣмъ Туберозова.... и что онъ наконецъ заступается за Туберозова и поучаетъ цѣнить и помнить его заслуги.

— Къ чему это? къ чему это ему? негодовалъ, идучи съ Захаріей изъ церкви, дьяконъ.

Онъ уже жестоко ненавидѣлъ новаго протопопа за его успѣхъ въ проповѣди и лютовалъ на него какъ ревнивая женщина. Онъ самъ чувствовалъ свою несправедливость, но не могъ съ собой совладать, и когда Захарія взявшись устыжать его сказалъ что Граціанскій во всѣхъ своихъ поступкахъ благороденъ, Ахилла нетерпѣливо переломилъ бывшую въ его рукахъ палочку и проговорилъ:

— Вотъ это-то самое мнѣ и противно-съ!

— Да что же, развѣ лучше еслибъ онъ былъ хуже?

— Лучше, лучше.... разумѣется лучше! перебилъ нетерпѣливо Ахилла. — Что вы развѣ не знаете что не согрѣшивый не покается!

Захарія только махнулъ рукой.

Походъ Ахиллы въ губернскій городъ все день-ото-дня откладывался: дьяконъ присутствовалъ при повѣркѣ ризницы, книгъ и церковныхъ суммъ, и все это молча и негодуя Богъ вѣсть на что. На его горе, ему не къ чему даже было придраться. Но вотъ Граціанскій заговорилъ о необходимости поставить надъ могилой Туберозова маленькій памятникъ.

Ахилла такъ и привскочилъ.

— Это за что же ему „маленькій" памятникъ, а не большой? Онъ у насъ большое время здѣсь жилъ и свои заслуги почище другаго кого оставилъ.

Граціанскій посмотрѣлъ на Ахиллу съ неудовольствіемъ. и не отвѣчая ему предложилъ подписку на сооруженіе Саужипамятника.

Digitized by Google

Подписка принесла тридцать два рубля.

Дьяконъ не захотѣлъ ничего подписать и рѣзко отказался отъ складчины.

— Отчего же? Отчего ты не хочешь? спрашивалъ его Бенефактовъ.

— Оттого что суетно это, отвѣчалъ Ахилла.

— А въ чемъ вы видите эту суетность? сухо вставилъ Граціанскій.

— Да какъ же можно такому человѣку отъ всего міра въ тридцать два рубля памятникъ ставить? Этакій памятникъ все равно что за грошъ пистолетъ. Нѣтъ-съ; меня отъ этой обиды ему увольте; я не подпишусь.

Вечеромъ отецъ Захарія, совершая обычную прогулку, зашелъ къ Ахиллѣ и сказалъ ему:

— А ты, дьяконъ, смотри.... ты нѣсколько вооружаешь противъ себя отца протопопа.

— Чтò?... тсс! ахъ, говорите вы пожалуста явственно. Чтò такое: чѣмъ я его вооружаю?

— Непочтеніемъ, непочтеніемъ, непокорствомъ, вотъ чѣмъ: на памятникъ не согласился, ушелъ руки не поцѣловалъ.

— Да вѣдь онъ не желаетъ чтобъ я у него руку цѣловалъ?

— Не желаетъ дома, а то на службѣ... Это, братецъ, совсѣмъ другое на службѣ....

— Ахъ! вы этакъ меня съ своимъ новымъ протопопомъ совсѣмъ съ толку собьете! Тамъ такъ, а тутъ этакъ: да мнѣ всѣхъ этихъ вашихъ артикуловъ всю жизнь не припомнить, и я лучше буду одинъ порядокъ держать.

Дьяконъ пошелъ къ новому протопопу проситься на двѣ недѣли въ губернскій городъ, и насильно поцѣловалъ у него руку сказавъ:

— Вы меня извините; а то я иначе путаюсь.

И вотъ Ахилла на волѣ, на пути въ который такъ нетерпѣливо снаряжался съ цѣлями самого грандіознаго свойства: онъ еще лежа въ своемъ чуланѣ прежде всѣхъ задумалъ поставить отцу Туберозову памятникъ, но не въ тридцать рублей, а на всѣ свои деньги, на всѣ двѣсти рублей, которые выручилъ за все свое имущество, пріобрѣтенное трудами цѣлой жизни. Ахилла считалъ эти деньги вполнѣ достаточными для того чтобы возвести монументъ на диво временамъ и народамъ, монументъ ъ огромный что идеальный планъ его не умѣщался въ его

Digitized by Google

XI.

Октябрская ночь была холодна и сумрачна; по небу быстро неслись облака, и вѣтеръ шумѣлъ голыми вѣтвями придорожныхъ ракитъ. Ахилла все не останавливаясь шелъ, и когда засѣрѣлъ осенній разсвѣтъ онъ былъ уже на половинѣ дороги и смѣло могъ дать себѣ роздыхъ.

Онъ свернулъ съ дороги къ большому омету соломы, прилегъ за нимъ отъ вѣтра, закрылъ полой голову и заснулъ.

День былъ такой же какъ ночь: холодное солнце то выглянетъ и заблещетъ, то снова занавѣсится тучами; вѣтеръ то свирѣпѣетъ и реветъ, то шипитъ змѣей по-земи. Пола которою дьяконъ укуталъ свою голову давно была сорвана съ его головы и билась по вѣтру, а солнце выскакивая изъ-за облакъ прямо освѣщало его богатырское лицо. Дьяконъ все спалъ. День уже совсѣмъ обогрѣлся, и въ вытоптанномъ жнивьѣ, въ которомъ лежалъ Ахилла, уткнувшись головой въ солому омета, показались послѣдніе запоздалые жильцы умершей нивы: на сапогъ Ахиллы всползла жосткая чернокожая двухвостка, а по его бородѣ едва плетясь и вздрагивая поднялся полуокоченѣвшій шмель. Бѣдное насѣкомое обрѣтя тепло и пріютъ въ густой бородѣ дьякона начало копошиться и разбудило его: Ахилла громко фыркнулъ, потянулся, вскочилъ, забросилъ за плечи свой узелъ и выпивъ на постояломъ дворѣ за грошъ квасу пошелъ къ городу.

Къ сумеркамъ онъ отшагалъ и остальныя тридцать пять верстъ, и увидѣвъ кресты городскихъ церквей сѣлъ на отвалѣ придорожной канавы и впервые съ выхода своего задумалъ попитаться: онъ досталъ переведѣльничавшія у него въ карманѣ лепешки, и сложивъ ихъ одна съ другою исподними корками, началъ уплетать съ сугубымъ аппетитомъ, но все-таки не доѣлъ ихъ, и сунувъ опять въ тотъ же карманъ пошелъ въ городъ. Ночевалъ онъ у знакомыхъ семинаристовъ, а на другой день рано утромъ пришелъ къ Туганову, велѣлъ о себѣ доложить и сѣлъ на коникъ въ передней.

Прошелъ часъ и другой, Ахиллу не звали. Онъ уже не разъ спрашивалъ часто пробѣгавшаго мимо казачка:

— Дворецкій! что жь: когда меня позовутъ?

Но дворецкій даже и не считалъ нужнымъ отвѣчать мужиковатому дьякону въ пыльной нанковой рясѣ.

Digitized by Google

Не отдохнувъ еще какъ должно отъ вчерашняго перехода, Ахилла началъ дремать, но какъ дрема была теперь для него не у мѣста, то онъ задумалъ разсѣяться ѣдою, къ чему недоѣденные вчера куски лепешки представляли полную возможность. Но только-что онъ досталъ изъ подрясника остатокъ этихъ лепешекъ и хотѣлъ обдуть налипшій къ нимъ соръ, какъ вдругъ остолбенѣлъ, и потомъ вскочилъ какъ ужаленный, и бросился безъ всякаго доклада по незнакомымъ ему роскошнымъ покоямъ дома. По случаю онъ попалъ прямо въ кабинетъ предводителя, и столкнувшись съ нимъ самимъ лицомъ къ лицу воскликнулъ:

— Господа! кто въ Бога вѣруетъ пособите мнѣ! Посмотрите, что̀ это со мною за несчастіе!

— Что̀, что̀ такое съ тобою? вопросилъ удивленный Тугановъ.

— Пармёнъ Семенычъ! что̀ я злодѣй сдѣлалъ! вопіялъ потерявшійся отъ ужаса Ахилла.

— Что̀ же ты сдѣлалъ?

— Я бѣжалъ къ вамъ пѣшкомъ чтобы вы мнѣ посовѣтовали, потому что я хочу протопопу памятникъ ставить за двѣсти рублей.

— Ну такъ что̀ жь? Или у тебя отняли деньги.

— Нѣтъ, не отняли, а хуже.

— Ты ихъ потерялъ?

— Хуже, я ихъ съѣлъ!

И Ахилла въ отчаяніи поднесъ къ глазамъ Туганова исподнюю корку недоѣденной лепешки, къ которой словно припеченъ былъ одинъ уцѣлѣвшій уголокъ сторублевой бумажки.

Тугановъ тронулъ своими тонкими ногтями этотъ уголокъ, и отдѣливъ его отъ корки увидалъ что подъ нимъ ниже еще плотнѣе влипъ и присохъ такой же кусокъ другаго билета.

Предводитель не выдержалъ и разсмѣялся.

— Да; вотъ какъ видите всѣ съѣлъ, утверждалъ дьяконъ, кусая въ растерянности ноготь на своемъ среднемъ пальцѣ, и вдругъ повернувшись сказалъ:—Ну-съ затѣмъ прошу прощенія что обезпокоилъ, прощайте!

Тугановъ вступился въ его спасеніе.

— Полно, братецъ, приходить въ отчаяніе, сказалъ онъ:—все это ничего не значитъ; мнѣ въ банкѣ обмѣняютъ твои бумажки, а ты бери у меня другія и строй памятникъ попу Савелію. я его любилъ.

Digitized by Google

И съ этимъ онъ подалъ Ахиллѣ два новые сторублевые билета, а его объѣдки прибралъ для пріобщенія къ фамильнымъ антикамъ.

Эта бѣда была поправлена, но начиналась другая: надо было сочинить такой памятникъ какого хотѣлъ, но не могъ никакъ сообразить Ахилла.

Онъ и эту бѣду повергъ на воззрѣніе Туганова.

— Я хочу, Парменъ Семенычъ, говорилъ онъ,—чтобы памятникъ за мои деньги былъ какъ можно крѣпкій и обширный.

— Пирамиду закажи изъ гранита.

Тугановъ велѣлъ подать себѣ изъ шкафа одну папку, и доставъ оттуда рисунокъ египетской пирамиды, сказалъ:

— Вотъ такую пирамиду!

Мысль эта Ахиллѣ страшно понравилась, но онъ усумнился хватитъ ли у него денегъ на исполненіе? Онъ получилъ въ отвѣтъ что если его двухсотъ рублей не хватитъ, то Тугановъ, уважая старика Туберозова, желаетъ самъ приплатить все что не достанетъ.

— А ты, молвилъ онъ,—будешь строитель и строй по своему усмотрѣнію что хочешь!

— Вотъ ужь это.... заговорилъ было растерявшись Ахилла, но вмѣсто дальнѣйшихъ словъ ударилъ поклонъ въ землю, и неожиданно схвативъ руку Туганова поцѣловалъ ее.

Тугановъ былъ тронутъ: назвалъ Ахиллу „добрымъ мужикомъ“ и предложилъ ему помѣститься у себя на мезонинѣ.

Дьяконъ немедленно перешелъ отъ семинаристовъ на дворъ къ предводителю и началъ хлопотать о заказѣ камня. Онъ прежде всего старался быть крайне осторожнымъ.

Что такое? говорилъ онъ себѣ: вѣдь и вправду точно куда я стремлюсь, туда слѣдомъ за мной и всѣ безпорядки.

И онъ молилъ Бога, хоть теперь, хоть разъ въ жизни, избавить его отъ всѣхъ увлеченій и сподобить его исполнить предпринимаемое дѣло вполнѣ серіозно.

XII.

Ахилла обошелъ всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ монументщиковъ и остановился на самомъ худшемъ, на русскомъ жерновщикѣ, какомъ-то Полыгинѣ. Два монументщика изъ Нѣмцевъ разсердили дьякона тѣмъ что все желали знать „позволитъ ли масштабъ“ построить столь большую пирамиду, какую онъ

Digitized by Google

имъ заказывалъ, отмѣряя разстояніе попросту шагами, а вышину подъемомъ руки.

Жерновщикъ Полыгинъ понялъ его короче: они все размѣряли шагами и косыми саженями, и уговорились они тоже на словѣ, ударили по рукамъ, и пирамида была заказана и исполнялась. Ахилла смотрѣлъ какъ двигали, ворочали и тесали огромные камни и былъ въ восторгѣ отъ ихъ большихъ размѣровъ.

— Вотъ этакъ-то лучше безъ мачтаба, говорилъ онъ:—какъ хотимъ, такъ и строимъ.

Русскій мастеръ Полыгинъ его въ этомъ поддерживалъ.

Тугановъ выслушивалъ рапорты Ахиллы о движеніи работъ и ни о чемъ съ нимъ не спорилъ, ни въ чемъ не противорѣчилъ. Онъ тѣшилъ этого богатыря памятникомъ какъ огорченнаго ребенка тѣшать игрушкой.

Черезъ недѣлю и пирамида и надписаніе были совсѣмъ готовы, и дьяконъ пришелъ просить Туганова взглянуть на чудесное произведеніе его творческой фантазіи. Это была широчайшая расплюснутая пирамида, съ крестомъ на верху и съ большими вызолоченными деревянными херувимами по угламъ.

Тугановъ осмотрѣлъ монументъ и сказалъ: „живетъ"; а дьяконъ былъ просто восхищенъ. Пирамиду разобрали и разобранную повезли на девяти саняхъ въ Старъ-Городъ. На десятыхъ саняхъ сзади обоза ѣхалъ самъ Ахилла, сидя на корточкахъ, въ засаленномъ тулупѣ, между четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ и обернутыхъ рогожей херувимовъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ великолѣлія памятника, но къ его восторгу примѣшивалось нѣкоторое безпокойное чувство: онъ боялся какъ бы кто не сталъ критиковать его пирамиды, которая была для него завѣтнымъ произведеніемъ его ума, вкуса, преданности и любви къ усопшему Савелію. Чтобъ избѣжать критикановъ Ахилла рѣшилъ довершить пышное сооруженіе какъ можно секретнѣе, и прибывъ въ Старъ-Городъ ночью появился только одному Захарію и ему разказалъ всѣ трудности, преодолѣнныя имъ при исполненіи пирамиды.

Но Ахиллѣ не удалось собрать монументъ въ секретѣ. Разложенныя на подводахъ части пирамиды Савелія на слѣдующее же утро сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Собравшіяся кучи горожанъ были особенно заинтересованы сверкавшими изъ рогожъ руками и крыльями золоченыхъ херувимовъ; эти

Digitized by Google

простые люди горячо спорили и не могли рѣшить какого свойства эти херувимы: серебряные они или позолоченые?

— Серебряные и позолоченые, а сверху деревомъ околочены, разъяснилъ имъ Ахилла, въ это же самое время расталкивая согражданъ, толпившихся вокругъ собирателей пирамиды.

Докучали Ахиллѣ и граждане высшихъ сферъ. Эти, какъ ему показалось, даже прямо нарочно пришли съ злобною цѣлію критиковать.

— Это просто я не знаю какъ и назвать что̀ это такое! Все, все, все, какъ есть не хорошо. Ахъ, ты Боже мой! Можно ли такъ человѣка огорчать? Ну если не нравится тебѣ, не хорошо,—ну потерпи, помолчи, уважь.... вѣдь я же старался.... Тпфу!. Что̀ за поганый народъ—люди!

И не самолюбивый и не честолюбивый Ахилла, постоянно раздражаясь, дошелъ до того что сталъ нестерпимъ: онъ не могъ выносить ни одного слова о Туберозовѣ. Самыя похвалы покойнику приводили его въ азартъ: онъ находилъ что безъ нихъ лучше.

— Что̀ хвалить! говорилъ онъ Бенефактову.—Вы, отецъ Захарія, воля ваша, легкомысленникъ; вы вспоминаете про него словно про молоко въ коровій слѣдъ.

— Да я развѣ что̀ худое про него говорю?

— Да не надо ничего про него говорить, теперь не такое время чтобы про сильно вѣрующихъ спорить.

— Ишь ты цензоръ какой! Значитъ его и похвалить нельзя?

— Да что̀ его хвалить? Онъ не цыганская лошадь чтобъ его нахваливать.

— Ты совершенно, совершенно несуразный человѣкъ, говорилъ Захарія;—прежде ты былъ гораздо лучше.

Съ другими Ахилла былъ еще рѣзче чѣмъ съ Бенефактовымъ, и какъ всѣ, признавъ раздражительность Ахиллы, стали избѣгать его, онъ вдругъ насѣлъ на одну мысль: о тщетѣ всего земнаго и о смерти.

— Какъ вы хотите-съ, разсуждалъ онъ,—а это тоже не пустое дѣло-съ вдругъ умереть, и совсѣмъ, Богъ знаетъ гдѣ, въ другомъ мѣстѣ очутиться.

— Да тебѣ рано объ этомъ думать, ты еще не скоро умрешь, утѣшалъ его Захарія.

— Почему вы это, отецъ Захарія, предусматриваете?

— По сложенію твоему.... и уши у тебя такія.... крѣпкія.

— Да по сложенію-то и по ушамъ мнѣ и самому разумѣется

Digitized by Google

пожалуй въ вѣкъ не умереть, а долбней бы добивать меня надо; но это.... знаете, тоже зависитъ и отъ фантазіи, и потому человѣкъ долженъ объ этомъ думать.

И наконецъ дьяконъ впалъ взаправду въ тягостнѣйшую ипохондрію, которую въ немъ стали и замѣчать, и заговорили что онъ на себя смерть зоветъ.

Съ этихъ поръ коморочка завѣщаннаго на школу протопопскаго дома, гдѣ до времени ютился философствующій Ахилла, сдѣлалась для однихъ предметомъ участливаго или любопытнаго вниманія, а для другихъ мѣстомъ таинственнаго страха.

Протоіерей Граціанскій, навѣстивъ дьякона, упрекалъ его за добровольное изгнаніе и убѣждалъ что такое удаленіе отъ людей неблагоразумно, но Ахилла спокойно отвѣчалъ:

— Благоразумнаго уже поздно искать: *онъ похороненъ*.

Лѣкарю Пуговкину, котораго дьяконъ нѣкогда окупалъ и который все-таки оставался его пріятелемъ, и по дружбѣ пришелъ его утѣшить и увѣрять что онъ боленъ, и что его надо лѣчить, Ахилла вымолвилъ:

— Это ты, другъ, правду говоришь: я всѣми моими мнѣніями вокругъ разсѣянъ.... Размышляю не знаю о чемъ, и все.... меня.... знаешь, мучитъ (Ахилла поморщился и докончилъ шепотомъ:) тоска!

— Ну да, у тебя очень возвышенная чувствительность.

— Какъ ты назвалъ?

— У тебя возвышенная чувствительность.

— Вотъ именно чувствительность! Все меня, знаешь, давитъ. и въ груди какъ колъ, и я ночью сажусь и долговременно не знаю о чемъ сокрушаюсь и плачу.

Пріѣхала навѣстить его духовная дочь Туберозова, помѣщица Серболова. Ахилла ей обрадовался. Гостья спросила его:

— Чѣмъ же это вы, отецъ дьяконъ, разболѣлись? Чтò съ вами такое сдѣлалось?

— А у меня, сударыня, сдѣлалась возвышенная чувствительность: послѣ отца протопопа все тоска и слезы.

— У васъ возвышенныя чувства, отецъ дьяконъ, отвѣчала дама.

— Да.... грудь спираетъ и все такъ кажется что жить больше не зачѣмъ.

— Откуда вы это взяли что вамъ жить не надо?

— А пришли ко мнѣ три сестрицы: уныніе, скука и печаль,

Digitized by Google

и все это мнѣ открыли. Прощайте, милостивая государыня, много цѣню что меня посѣтили.

И дьяконъ выпроводилъ ее, какъ выпроваживалъ всѣхъ другихъ, и остался опять со своими „тремя сестрицами“ и возвышенною чувствительностью.

Но вдругъ произошло событіе, по случаю котораго Ахилла встрепенулся: событіе это была смерть карлика Николая Аѳанасьевича, завѣщавшаго чтобъ его хоронили отецъ Захарія и Ахилла, которымъ онъ оставилъ за то по пяти рублей денегъ, да по двѣ пары чулокъ и по ночному бумажному колпачку своего вязанья.

Возвратясь съ похоронъ карлика, дьяконъ не только какъ бы повеселѣлъ, а даже распутился.

— Видите, братцы мои, какъ *она* по ряду всю нашу дюжину обирать зачала, говорилъ онъ:—вотъ уже и Николай Аѳанасьичъ померъ: теперь скоро и наша съ отцомъ Захаріей придетъ очередь.

И Ахилла не ошибался. Когда онъ ждалъ *ея* встрѣчи, *она*, милостивая и неотразимая, стояла уже за его плечами и пріосѣняла его прохладнымъ крыломъ своимъ.

Хроника должна тщательно сберечь послѣднія дѣла богатыря Ахиллы,—дѣла вполнѣ его достойныя и пособившія ему переправиться на ту сторону моря житейскаго въ его особенномъ вкусѣ.

XII.

Старъ-Городъ оживалъ въ виду приближенія весны: рѣка собиралась вскрыться, синѣла и пучилась; по обѣимъ берегамъ ея росли буяны кулей съ хлѣбомъ и ладились широкія барки.

Изъ голодавшихъ зимой деревень ежедневно прибывали въ городъ толпы оборванныхъ мужиковъ въ лаптяхъ и бѣлыхъ войлочныхъ колпачкахъ. Они набивались въ бурлаки изъ однихъ податей и изъ хлѣба, и были очень счастливы если ихъ брали сплавлять въ далекія страны тотъ самый хлѣбъ котораго не доставало у нихъ дома. Но и этого счастья, разумѣется, удостоивались не всѣ. Предложеніе труда далеко превышало запросъ на него. Объ этихъ излишнихъ людяхъ никто не считалъ себя обязаннымъ заботиться; нанятые были другое дѣло: о нихъ заботились. Ихъ подпускали къ пищѣ при приставникахъ, которые оттоняли наголодавшихся отъ котла, когда они наѣдались въ

Digitized by Google

мѣру. До отвала наголодавшимся нельзя давать ѣсть; эти, какъ ихъ называютъ „жадники“, объѣдаются, „не просиживаютъ зобовъ“ и мрутъ отъ обжорства. Недавно два такіе голодные „жадника“—родные братья, рослые ребята съ Оки, сидя другъ противъ друга за котломъ каши, оба вдругъ покатились и умерли. Лѣкарь вскрылъ трупы и ища въ желудкѣ отравы нашелъ одну кашу: кашей набитъ растянутый до нельзя желудокъ; кашей набитъ былъ пищеводъ, и во рту и въ гортани вездѣ лежала все та же самая съѣденная братьями каша. Грѣхъ этой кончины падалъ на приставника, который не успѣлъ во-время отогнать отъ пищи наголодавшихся братьевъ „жадниковъ“. Недосмотръ былъ такъ великъ что въ другой артели въ тотъ же день за обѣдомъ посинѣли и упали два другіе человѣка; эти не умерли благодаря тому что случился опытный человѣкъ, видавшій уже такіе виды. Объѣвшихся раздѣли до нага и держали животами предъ жаркимъ костромъ. Товарищи наблюдали какъ изъ выталпиваемыхъ бурлаковъ валилъ паръ, и они уцѣлѣли и пошли на выкормку.

Все это сцены извѣстныя межь тѣми что̀ попадали съ мякины на хлѣбъ; но рядомъ съ этимъ шли и другія, тоже впрочемъ довольно извѣстныя сцены, разыгрываемыя оставшимися безъ хлѣба: ночами по глухимъ и уединеннымъ улицамъ города вдругъ ни съ того, ни съ сего начали показываться черти. Одинъ такой внезапный чортъ, въ полной адской формѣ, съ рогами и когтями, дочиста обобралъ двухъ бабъ, пьянаго кузнеца и совершенно трезваго приказнаго, ходившаго на ночное свиданіе съ купеческою дочерью. Ограбленные увѣряли что у чорта, которому они попались въ лапы, были бычьи рога и когти, совершенно какъ желѣзные крючья какими бурлаки нагружая барки шпорятъ кули. По городу никто не сталъ ходить чуть догорала вечерняя зорька, но чортъ все-таки таскался; его видѣли часовые стоявшіе у соляныхъ магазиновъ и у острога. Онъ даже былъ такъ дерзокъ что подходилъ къ солдатамъ ближе чѣмъ на выстрѣлъ и жалостно просилъ у нихъ корочки хлѣба. Посланы были ночные патрули, и одинъ изъ нихъ подъ командой самого исправника, давно извѣстнаго намъ воина Порохонцева, дѣйствительно встрѣтилъ чорта и даже окликнулъ его, но получивъ отъ него въ отвѣтъ: „свой“ оробѣлъ и бросился бѣжать. Ротмистръ, не полагаясь болѣе на средства полиціи, отнесся къ капитану Повердовнѣ и просилъ содѣйствія его инвалидной команды къ

Digitized by Google

безотлагательной поимкѣ тревожащаго городъ чорта; но капитанъ затруднялся вступить въ дѣло съ нечистымъ духомъ не спросивъ на то особаго разрѣшенія у своего начальства, а чортъ между тѣмъ все расхаживалъ и наконецъ нагналъ на городъ совершенный ужасъ. Въ дѣло вмѣшался протоіерей Граціанскій: онъ обратился къ народу съ рѣчью о суевѣріи, въ которой увѣрялъ что такихъ чертей которые снимаютъ платки и шинели вовсе нѣтъ, и что бродящій ночами по городу чортъ есть всеконечно не чортъ, а какой-нибудь лѣнивый бездѣльникъ, находящій что такимъ образомъ, пугая людей въ костюмѣ чорта, ему удобнѣе грабить. На протопопа возгорѣлось сильное негодованіе. Уставщикъ раскольничьяго молитвеннаго дома изъяснилъ что въ этомъ заключается ересь новой церкви, и безъ всякаго труда пріобщилъ къ своей сектѣ нѣсколько овецъ изъ соборнаго стада. Чортъ отмстилъ Граціанскому за его отрицаніе еще и инымъ способомъ: на другой же день послѣ этой проповѣди, на потолкѣ, въ сѣняхъ протопопскаго дома, замѣтили слѣды грязныхъ сапоговъ. Разумѣется это всѣхъ удивило и перепугало: кто бы это могъ ходить по потолку къ верху ногами? Рѣшено было что этого никто иной не могъ сдѣлать какъ чортъ, и протопопъ былъ безсиленъ разубѣдить въ этомъ даже собственную жену. Вопреки его увѣщаніямъ, отважный демонъ пользовался полнымъ почетомъ: его никто не рѣшался гнѣвать, но и никто за то послѣ сумерекъ не выходилъ на улицу.

Чортъ пересолилъ, и ему за то стало чортъ знаетъ какъ плохо; на улицахъ не было ровно никакой поживы. И вотъ вслѣдъ за симъ началось похищеніе мѣдныхъ крестовъ, складней и лампадъ на кладбищѣ, гдѣ былъ погребенъ подъ пирамидой отецъ Савелій.

Городъ, давно напуганный разными продѣлками чорта, безъ всякихъ разсужденій отнесъ и это святотатство къ его же вражескимъ проказамъ.

Осматривавшіе кражу набрели между прочимъ и на поврежденія произведенныя на памятникѣ Савелія: крестъ и вызолоченная главка, вѣнчавшіе пирамиду, были сильно помяты ломомъ и расшатаны, но все еще держались на крѣпко заклепанномъ стержнѣ. За то одинъ изъ золоченыхъ херувимовъ былъ сорванъ, безжалостно расколотъ топоромъ и съ пренебреженіемъ брошенъ какъ вещь не имѣющая никакой ходячей цѣнности.

Digitized by Google

Извѣщенный объ этомъ Ахилла осмотрѣлъ растревоженный памятникъ, и сказалъ:

— Ну, будь ты самъ Вельзевулъ, а ужъ тебѣ это даромъ не пройдетъ.

XIV.

Въ слѣдующую за симъ ночь, въ одиннадцатомъ часу, дьяконъ, не говоря никому ни слова, тихо вышелъ изъ дому и побрелъ на кладбище. Онъ имѣлъ въ рукѣ длинный шестъ и крѣпкую пеньковую петлю.

Никого не встрѣтивъ и никѣмъ не замѣченный, Ахилла дошелъ до погоста вначалѣ двѣнадцатаго часа. Онъ посмотрѣлъ на ворота; они заперты и слегка постукиваютъ, колеблемыя свѣжимъ весеннимъ вѣтромъ. Чортъ очевидно ходитъ не въ эти ворота, а у него должна быть другая большая дорога.

Ахилла взялъ въ сторону и попробовалъ шестомъ рыхлый снѣгъ наполнявшій ровъ которымъ окопано кладбище. Палка проткнувъ легкій ледяной налетъ сразу юркнула и ушла до половины. Канава была глубиной аршина два съ половиной, а съ другой стороны этой канавы шелъ обмерзшій и осклизшій глинистый отвалъ.

Ахилла воткнулъ шестъ покрѣпче, оперся на него, и взвившись змѣемъ, перелетѣлъ на другую сторону окола. Эта воздушная переправа совершена была Ахиллой благополучно, но самый шестъ на которомъ онъ сдѣлалъ свой гигантскій скачокъ, не выдержавъ тяжести его массивнаго тѣла, переломился въ ту самую минуту когда ноги дьякона только-что стали на перевалѣ. Ахилла надъ этимъ не задумался; онъ надѣялся найти на кладбищѣ что-нибудь другое что съ такимъ же точно удобствомъ сослужило бы ему службу при обратной переправѣ; да и притомъ его вдругъ охватило то чувство которое такъ легко овладѣваетъ человѣкомъ ночью на кладбищѣ. Страшно не страшно, а на душѣ какъ-то строго, и всѣ пять чувствъ настораживаются остро, и проницательно. Ахилла широко вдохнулъ въ себя большую струю воздуха, снялъ съ головы черный суконный колпачокъ и, тряхнувъ сѣдыми кудрями, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ какъ луна своимъ серебрянымъ свѣтомъ заливаетъ „Божію ниву“. На душѣ его стало грустно и въ то же время бодро; онъ вспомнилъ старые

Digitized by Google

годы своей минувшей удали, и взглянувъ на луну, послалъ ей шутливый привѣтъ:

„Здравствуй, казацкое солнышко!“

Тишь, безпробудность, настоящее мѣсто упокоенія! Но вотъ что-то ухнуло, словно вздохъ.... Нѣтъ, это ничего особеннаго, это снѣгъ осѣдаетъ. И Ахилла сталъ смотрѣть какъ почернѣвшій снѣгъ точно весь гнется и волнуется. Это обманъ зрѣнія; это по лунному небу плывутъ тѣснясь мелкія тучки, и отъ нихъ на землю падаетъ бѣглая тѣнь. Дьяконъ прошелъ прямо къ могилѣ Савелія и сѣлъ на нее, прислонясь за одного изъ херувимовъ. Тишь ничѣмъ ненарушимая, только тѣни все беззвучно бѣгутъ и бѣгутъ, и нѣтъ имъ конца.

На дьякова сталъ налегать сонъ; онъ поплотнѣй прислонился къ пирамидѣ и задремалъ, но ненадолго; ему вдругъ почудилось какъ будто кто-то громко топнулъ; Ахилла открылъ глаза: все было тихо, только небо измѣнилось; луна поблѣднѣла, и по сѣрой пирамидѣ Савелія ползла одна длинная и широкая тѣнь. Тучилось и пахло утромъ. Ахилла всталъ на ноги, и въ эту минуту ему опять показалось что по кладбищу кто-то ходитъ.

Дьяконъ обошелъ пирамиду: никого нѣтъ.

Есть какъ будто что-то похожее на недавніе слѣды, но кто теперь отличитъ свѣжій слѣдъ отъ вчерашняго, когда снѣгъ весь взялся жидкимъ киселемъ и нога дѣлаетъ въ немъ почти безформенную яму. Въ городѣ прокричали утренніе пѣтухи. Нѣтъ, вѣрно чорта сегодня не будетъ....

Ахилла побрелъ назадъ къ тому мѣсту гдѣ онъ перепрыгнулъ на кладбище. Безъ всякаго затрудненія нашелъ онъ этотъ лазъ и безъ задумчивости взялся рукой за торчащій изъ канавы длинный шестъ, но вспомнилъ что онъ свой шестъ переломилъ.... откуда же опять взялся цѣлый шестъ?

„Диковина!“ подумалъ дьяконъ, и удостовѣрясь что шестъ ему не мерещится, а дѣйствительно стремитъ изъ канавы, онъ уже готовъ былъ на немъ прыгнуть; какъ вдругъ сзади черезъ плечи на грудь его пали двѣ огромныя лапы, покрытыя лохматою черною шерстью, съ огромными желѣзными когтями.

Чортъ!

Digitized by Google

XV.

Ахилла быстро приналгнулся въ колѣнахъ и, подобравшись такимъ пріемомъ подъ насѣдавшаго на него чорта, схватилъ его за лапы и дернулъ за нихъ такъ сильно что подбородокъ чорта звонко ляскнулъ о маковку дьякона и такъ и прилипъ къ ней. Не ожидавшій такого исхода чортъ отчаянно заколошился, но скоро понявъ тщету своихъ усилій стихъ, и глухо застонавъ повисъ за спиной у дьякона. Онъ не только не могъ вырываться, но не могъ даже произнести ни одного слова, потому что челюсти его были точно прессомъ прижаты къ макушкѣ Ахиллы. Всѣ движенья какія чортъ могъ дѣлать заключались въ дрыганьѣ ногами, но за то ими демонъ воспользовался съ адскимъ коварствомъ.

Ахилла держа на себѣ чорта съ такою же легкостію, съ какою здоровый мужикъ несетъ снопъ гороху, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ на кладбище и, разбѣжавшись, прыгнулъ черезъ канаву, но лукавый чортъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и ловко обвилъ своими ногами разметанныя по воздуху ноги діакона въ тотъ самый моментъ когда оба они были надъ канавой. Неожиданно опутанный Ахилла потерялъ балансъ и рухнулъ вмѣстѣ съ своею ношей въ холодную студень канавы.

Отъ страшнаго холода онъ чуть было не разжалъ рукъ и не выпустилъ чорта, но одолѣлъ себя и сталъ искать другихъ средствъ къ спасенію. Но увы! средствъ такихъ не было; гладкіе края канавы были покрыты ледянистою корой, и выкарабкаться по нимъ безъ помощи рукъ было невозможно, а освободить руки значило упустить чорта. Ахилла этого не хотѣлъ. Онъ попробовалъ кричать, но его или никто не слыхалъ, или кто и слышалъ, тотъ только плотнѣе запирался, дескать: „кого-то опять чортъ деретъ“.

Дьяконъ понялъ что онъ не можетъ надѣяться ни на какую помощь отъ запуганнаго населенія, но не выпускалъ чорта и дрогъ съ нимъ въ канавѣ. Оба они окоченѣли и можетъ-быть оба здѣсь умерли бы еслибъ ихъ не выручилъ случай.

Раннимъ утромъ къ городской пристани тянулся обозъ со спиртомъ. Проходя дорогой мимо кладбища, мужики замѣтили въ канавѣ какую-то необыкновенную группу и остановились, но разглядѣвъ въ ней синее лицо человѣка, надъ которымъ сзади

Digitized by Google

возвышалась рогатая морда чорта, бросились прочь. Застывшій Ахилла, собравъ всѣ силы и позвавъ мужиковъ, велѣлъ имъ смотрѣть за чортомъ, а самъ вытащилъ изъ канавы руку и перекрестился.

— Это, ребята, крещеный! крикнули мужики, и вытащивъ дьякона съ чортомъ изъ канавы, всунули въ уторъ одной бочки соломщику и присадили къ ней окоченѣлаго Ахиллу, а чорта бросили на передокъ и поѣхали въ городъ.

Потянувъ немножко спирту, дьяконъ вздрогнулъ и повалился въ сани. Состояніе его было ужасное: онъ весь былъ мокръ, синь какъ котелъ и отъ дрожи едва переводилъ дыханіе. Чортъ совсѣмъ лежалъ мерзлою кочерыжкой; такъ его окоченѣлаго и привезли въ городъ, гдѣ дьяконъ далъ знакъ остановиться предъ присутственными мѣстами.

Здѣсь Ахилла свалъ чорта съ саней, и велѣвъ его внести въ канцелярію, послалъ за исправникомъ, а самъ, спросивъ у сторожа сухую рубашку и солдатскую шинель, переодѣлся и легъ на диванѣ.

Городъ, несмотря на раннiй часъ утра, былъ уже взволнованъ новостію, и густая толпа народа, какъ море вокругъ скалы, билась около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ жилъ въ казенной квартирѣ самъ ротмистръ Пороховщевъ. Народъ шумя напиралъ и ломился на крыльцо, желая видѣть и чорта который раскололъ херувима, да и дьякова совершившаго поимкой этого чорта до сихъ поръ никому не удавшійся подвигъ. Сквозь эту толпу, несмотря на свой санъ и значеніе, съ трудомъ могли пробираться самыя вліятельныя лица города, какъ-то: протоіерей Граціанскій, отецъ Захарія и капитанъ Повердовня, да и то они пробились лишь потому что толпа считала присутствіе священниковъ при расправѣ съ чортомъ религіозною необходимостію, а капитанъ Повердовня протѣснился съ помощію сабельнаго эфеса, которымъ онъ храбро давалъ зуботычины направо и налѣво.

Этотъ офицеръ теперь тоже здѣсь былъ чрезвычайно необходимъ и притомъ со всею своею храбростію, потому что городу угрожалъ бунтъ.

Digitized by Google

XVI.

Пока внизу люди кипѣли и волновались вокругъ дома скрывшаго необычайное явленіе, не менѣе суеты происходило и въ самомъ домѣ. Исправникъ, ротмистръ Пороховщевъ, выскочилъ въ канцелярію въ спальныхъ бумазейныхъ панталонахъ и фланелевой курткѣ и увидалъ что тамъ, скорчась въ комочекъ на полу, дѣйствительно сидитъ чортъ съ рогами и когтями, а противъ него на просительскомъ диванѣ лежитъ и дрожитъ огромная масса, покрытая поверхъ солдатской шинели еще двумя бараньими шубами: это былъ дьяконъ.

Надъ чортомъ въ различныхъ позахъ стояла вся старгородская аристократія, но лица не выражали ни малѣйшаго страха отъ близости демона. Бояться было и нечего: всякій могъ видѣть что этотъ чортъ былъ что-то жалкое, дрожащее отъ холода и обороченное кое-какъ въ ветхія лохмотья старой войлочной бурки, подаренной когда-то по совершенной ея негодности дьякономъ Ахиллой коммиссару Данилкѣ. На головѣ чорта, покрытой тою же буркой, торчали скверно и небрежно привязанные грязною бичевкой коровьи рога, а у рукъ, обмотанныхъ обрывками вывернутой овчины, мотались два обыкновенные желѣзные крюка которыми поднимаютъ кули. А что̀ всего страннѣе, такъ это то что одинъ изъ солдатиковъ, запустивъ чорту за пазуху свою руку, вытащилъ оттуда на шнуркѣ старый мѣдный крестъ съ давленною надписью: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.“

— Я вамъ говорилъ что это обманъ, замѣтилъ протоіерей Граціанскій.

— Да, да; по костюму совершенно чортъ, а по образку совершенно не чортъ, поддержалъ его Захарія, и тотчасъ же подскочивъ къ этому сфинксу, запыталъ: — Послушай, братецъ: кто ты такой? А? Слышишь что̀ я говорю?... Любезный!... А? Слышишь?... Говори.... А то сѣчь будемъ!... Говори!... добивался Захарія.

Но тутъ вступился исправникъ, и принялся самъ допрашивать чорта, но также безуспѣшно.

Чортъ, начавъ отогрѣваться и приходя въ себя, только тихо заворочался и какъ черепаха еще глубже ушелъ въ свою бурку.

Digitized by Google

Изъ различныхъ устъ подавались различныя мнѣнія. kakъ же теперь быть съ этимъ чортомъ? Исправникъ полагалъ отослать его прямо въ такомъ видѣ kakъ онъ есть kъ губернатору и опирался въ этомъ на законъ о чудовищахъ и уродцахъ; но всеобщее любопытство страшно возставало противъ этого рѣшенія и изобрѣтало всякіе доводы для убѣжденія исправника въ необходимости немедленно же разоблачить демона и тѣмъ удовлетворить всеобщее нетерпѣливое и жгучее любопытство.

Не спорили только два лица: это голова и отецъ Захарія, но и то они не спорили потому что были заняты особыми разслѣдованіями: голова, низенькій толстый kупецъ, все потихоньку подкрадывался kъ чорту то съ той, то съ другой стороны и изъ извавѣсти kрестилъ и затѣмъ самъ тотчасъ же быстро отскакивалъ въ сторону, чтобы съ нимъ вмѣстѣ не провалиться, а Захарія тормошилъ его за рожkи и шепталъ подъ бурку:

-- Послушай, братецъ, послушай: ты мнѣ одно скажи, это ты у отца протопопа вверхъ ногами по потолку ходилъ? Признайся, и сѣчь не будемъ.

— Я, глухо простоналъ чортъ.

Это первое произнесенное демономъ слово произвело въ присутствующихъ неожиданную панику, kоторая еще увеличилась дошедшими до нихъ въ эту минуту дикими воплями народа снаружи. Потерявшая терпѣніе толпа ломилась на верхъ, требуя чтобы чортъ немедленно же былъ ей предъявленъ, причемъ громогласно выражалось самое ярое подозрѣніе что полиція возьметъ съ чорта взятку и отпуститъ его обратно въ адъ. Въ толпѣ нашлись люди kоторые прямо предлагали высадить двери правленія и насильно взять чорта изъ рукъ законной власти. За угрозой почти непосредственно послѣдовало и исполненіе: раздались удары въ двери; но ротмистръ нашелся что̀ сдѣлать: онъ мигнулъ kвартальному, kоторый тотчасъ же выкатилъ пожарную трубу, взлѣзъ со шприцемъ на заборъ и пустилъ въ толпу сильную холодную струю. Сигналъ былъ данъ, и пошла потѣха. Народъ на минуту отхлынулъ, раздались веселые kриkи, свистки и хо̀хотъ, но черезъ минуту всѣ эти развеселившіеся люди вдругъ принасупились, закусили губы и двинулись впередъ. Холодная душь болѣе никого не пугала: дверь затрещала, въ окна полетѣли kаменья, а kвартальнаго стащили за ноги съ забора, и овладѣвъ

Digitized by Google

шприцемъ окачивали его въ глазахъ начальства. Исправникъ, а за нимъ и всѣ бывшіе съ нимъ аристократы шарахнулись во внутренніе покои и заперлись на замокъ, а не успѣвшій за ними туда капитанъ Повердовая бѣгалъ по канцеляріи и кричалъ:

— Господа! ничего!... не робѣть!... Съ нами Богъ!... У кого есть оружіе.... спасайтесь!

И съ этимъ, увидя растворенный канцелярскій шкафъ, онъ быстро вскочилъ въ него и захлопнулъ дверцы; а между тѣмъ въ комнату черезъ разбитыя окна еще ожесточеннѣе падали камни. У самого чорта вырвался крикъ ужаса и отчаянія.

XVII

Минута была самая рѣшительная: она ждала своего героя, и онъ явился. Шубы, которыми былъ закрытъ всѣми позабытый Ахилла, зашевелясь слетѣли на полъ, а самъ онъ босой, въ узкомъ и куцомъ солдатскомъ бѣльѣ, потрошилъ того кто такъ недавно казался чортомъ, и за кого поднялась вся эта исторія, принявшая видъ настоящаго открытаго бунта.

— Раздѣвайся! командовалъ дьяконъ:—раздѣвайся и покажи кто ты такой, а то я все равно все это съ тебя вмѣстѣ съ родною кожей сниму.

И говоря это онъ въ то же время щипалъ чорта, какъ ретивая баба щиплетъ ошпареннаго цыпленка.

Одно мгновеніе и чорта какъ не бывало, а предъ удивленнымъ дьякономъ валялся окоченѣвшій мѣщанинъ Данилка.

Ахилла поднесъ его къ окну, и высунувъ голову сквозь разбитую раму крикнулъ:

— Цыть, дураки! Это Данилка чортомъ наряжался! Глядите вотъ онъ.

И дьяконъ, поднявъ предъ собою синяго Данилку, самъ въ то же время выбрасывалъ на улицу одну за другою всѣ части его убранства, и возглашалъ:

— А вотъ его коготки! а вотъ его рожки! а вотъ вамъ и вся его амуниція! А теперь слушайте: я его допрошу.

И оборотя къ себѣ Данилку дьяконъ съ глубокимъ и неподдѣльнымъ добродушіемъ спросилъ его:

— Зачѣмъ это ты, дурачокъ, такъ скверно наряжался?

— Съ голоду, прошепталъ мѣщанинъ.

Digitized by Google

Ахилла сейчасъ же передалъ это народу и непосредственно вслѣдъ затѣмъ вострубилъ своимъ непомѣрнымъ голосомъ:

— Ну, а теперь, православные, расходитесь, а то начальство ежели осмѣлѣетъ, оно сейчасъ стрѣлять велитъ.

Народъ весело смѣясь сталъ расходиться.

VIII.

Начальство дѣйствительно „осмѣлѣло", выползло и приступило къ распорядкамъ.

Мокраго и едва дышащаго Данилку переодѣли въ сухую арестантскую свиту и стали серіозно допрашивать. Онъ винился что съ голоду и холоду, всѣми брошенный и отъ всѣхъ за свое безпутство гонимый, онъ ходилъ и скитался и надумался наконецъ одѣться чортомъ и такъ пугалъ ночами народъ и таскалъ что̀ откуда попало, продавалъ Жиду и тѣмъ питался. Ахилла все это внимательно слушалъ. Кончился допросъ, онъ все смотрѣлъ на Данилку и ни съ того, ни съ сего сталъ замѣчать что Данилка въ его глазахъ то поднимется, то опустится. Ахилла усиленно моргнулъ глазами, и опять новая притча. Данилка теперь становится жарко-золотымъ, то бѣлымъ серебрянымъ, то огненнымъ, такимъ что на него смотрѣть больно, то совсѣмъ стухнетъ и нѣтъ его, а межь тѣмъ онъ тутъ. Слѣдить за всѣми этими калейдоскопическими превращеніями больно до нестерпимости, а закроешь глаза, все еще пестрѣе и еще хуже рѣжетъ.

— Фу ты, что̀ это такое! подумалъ себѣ дьяконъ, и проведя рукой по лицу замѣтилъ что ладонь его, двигаясь по кожѣ лица, шуршитъ и цѣпляется будто сукно по фланели. Вотъ минута забвенія, въ крови быстро прожгла огневая струя, и стукнувъ въ темя отуманила память. Дьяконъ позабылъ зачѣмъ онъ здѣсь и зачѣмъ тутъ этотъ Данилка стоитъ общипаннымъ цыпленкомъ и беззаботно разказываетъ какъ онъ пугалъ людей, какъ онъ щечился отъ нихъ всякою всячиной и какъ наконецъ нежданно-негаданно попался отцу дьякону.

— Ну, а какъ же, спрашиваетъ его опять Захарія:—разкажи же, братецъ, какъ ты это у отца протоіерея вверхъ ногами по потолку ходилъ?

— Просто, батюшка, отвѣчалъ Данилка,—я снялъ сапоги

Digitized by Google

вздѣвъ ихъ голенищами на палочку, да и клалъ по потолку слѣдочки.

— Ну, отпустите же его теперь, довольно вамъ его мучить, неожиданно отозвался моргая глазами Ахилла.

На него оглянулись съ изумленіемъ.

— Чтò вы это говорите? какъ можно отпустить святотатца? остановилъ его Граціанскій.

— Ну какой еще тамъ святотатецъ? Это онъ съ голоду. Ей-Богу отпустите! Пусть онъ домой идетъ.

Граціанскій, не оборачиваясь къ Ахиллѣ, замѣтилъ что его заступничество неумѣстно.

— Отчего же.... за бѣднаго человѣка, который съ голоду.... апостолы класы восторгали ...

— Да чтò вы это? строго повернулся протопопъ:—вы соціалистъ что ли?

— Ну какой тамъ „соціалистъ!“ Святые апостолы, говорю вамъ, проходя полемъ класы исторгали и ѣли. Вы, разумѣется, городскіе іерейскіе дѣти этого не знаете, а мы, дѣти дьячковскіе, въ училищѣ бывало сами съѣстное часто воровали. Нѣтъ, отпустите его, Христа ради, а то я его все равно вамъ не дамъ.

— Чтò вы, съ ума что ли сошли? Да какъ вы смѣете!...

Но дьякону эти послѣднія слова показались столь нестерпимо обидными что онъ весь побагровѣлъ, и схвативъ на себя свой мокрый подрясникъ вскричалъ:

— А такъ не дамъ да и только! Онъ мой плѣнникъ, и я на него всякое право имѣю.

Съ этимъ дьяконъ шатаясь подошелъ къ Данилкѣ, толкнулъ его за двери и взявшись руками за обѣ притолки, чтобы никого не выпустить вслѣдъ за Данилкой, хотѣлъ еще что-то сказать, но тотчасъ же почувствовалъ что онъ растетъ, ширится, пышетъ зноемъ и исчезаетъ. Онъ на одну минуту закрылъ глаза и въ ту же минуту повалился безъ чувствъ на землю.

Состояніе Ахиллы было сладостное состояніе забвенья которымъ даритъ человѣка горячка. Дьяконъ слышалъ слова: „буйство“, „актъ“, „ударъ“, чувствовалъ что его трогаютъ, ворочаютъ и поднимаютъ; слышалъ суету и слезныя просьбы вновь изловленнаго на улицѣ Данилки, но онъ слышалъ все это какъ сквозь сонъ, и опять росъ, опять простирался куда-то въ безконечность и сладостно пышетъ и перегараетъ въ огневомъ недугѣ. Вотъ это *она*, кончина жизни, *смерть*.

Digitized by Google

О поступкѣ Ахиллы былъ составленъ надлежащій актъ, съ которымъ старый сотоварищъ, „старый гевальдигеръ“, Воинъ Порохонцевъ, долго мудрилъ и хитрилъ, стараясь представить выходку дьякона какъ можно невиннѣе и мягче, но тѣмъ не менѣе дѣло все-таки озаглавилось: *„о дерзостномъ буйствѣ, произведенномъ въ присутствіи старогородскаго полицейскаго правленія соборнымъ дьякономъ Ахилою Десницынымъ.“*

Ротмистръ Порохонцевъ могъ только вычеркнуть слово „дерзостномъ“, а „буйство“ Ахиллы сдѣлалось предметомъ дѣла, по которому рано или поздно должно было пасть строгое рѣшеніе.

XIX.

Ахилла ничего этого не зналъ: онъ спокойно и безмятежно горѣлъ въ огнѣ своего недуга на больничной койкѣ. Лѣкарь, принявшій дьякона въ больницу, объявилъ что у него жестокій тифъ, прямо начинающійся безпамятствомъ и жаромъ, что такіе тифы обязываютъ медика къ предсказаніямъ самымъ печальнымъ.

Ротмистръ Порохонцевъ ухватился за эти слова и требовалъ у врача заключенія: не слѣдуетъ ли поступокъ Ахиллы приписать началу его болѣзненнаго состоянія? Лѣкарь взялся это подтвердить. Ахилла лежалъ въ безпамятствѣ пятый день при тѣхъ же туманныхъ, но пріятныхъ представленіяхъ и въ томъ же безпрестанномъ ощущеніи сладостнаго зноя. Предъ нимъ на угломъ стульчикѣ сидѣлъ отецъ Захарія и держалъ на головѣ больнаго полотенце смоченное холодною водой. Ввечеру сюда пришли нѣсколько знакомыхъ и лѣкарь.

Дьяконъ лежалъ съ закрытыми глазами, но слышалъ какъ лѣкарь сказалъ что кто хочетъ имѣть дѣло съ душой больнаго, тотъ долженъ дорожить первою минутой его просвѣтлѣнія, потому что близится кризисъ, за которымъ предвидѣть ничего хорошаго невозможно.

— Не упустите такой минуты, говорилъ онъ,—у него уже пульсъ совсѣмъ ненадежный, и затѣмъ лѣкарь началъ бесѣдовать съ Порохонцевымъ и другими, которые придя навѣстить Ахиллу никакъ не могли себѣ представить что онъ при смерти и вдобавокъ при смерти отъ простуды! Онъ, богатырь, умретъ, когда Данилка, раздѣлявшій съ нимъ холодную ванну, сидитъ въ острогѣ здоровъ здоровешенекъ. Лѣкарь объяснялъ

Digitized by Google

это тѣмъ что Ахилла давно былъ сильно потрясенъ и разстроенъ.

— Да, да, да, вы говорили... у него возвышенная чувствительность, пролепеталъ Захарія.

— А странныя вещи, замѣтилъ Порохонцевъ,—это что-то новое! Я сколько лѣтъ живу, а не слыхалъ такой болѣзни.

— Да, да, да... поддержалъ его Захарія,—утончаются обычаи жизни и усложняются болѣзни.

Дьяконъ тихо открылъ глаза и прошепталъ:

— Пітки мнѣ!

Ему подали металлическую кружку, къ которой онъ припалъ пламенными губами, и жадно глотая клюковное питье смотрѣлъ на всѣхъ воспаленными глазами.

— Чтò нашъ оргàнъ дорогой, какъ тебѣ теперь? участливо спросилъ его голова.

— Въ грудяхъ тяжело, отвѣтилъ дьяконъ, и черезъ минуту совсѣмъ неожиданно заговорилъ въ повѣствовательномъ тонѣ:— Я послѣ своей собачонки *Какваски*.... когда ее мальпость колесомъ переѣхалъ... хотѣлъ было себѣ еще одного песика купить... Вижу въ Петербургѣ на Невскомъ собачѐя... и говорю: достань, говорю, мнѣ... хорошенькую собачку... А онъ говоритъ: „нынче, говоритъ, собакъ нѣтъ, а теперь, говоритъ, пошли все понтера да сетера...“ А это чтò, молъ, за звѣри? „А тѣ же самые, говоритъ, собаки, только имъ другое названіе.“

Дьяконъ остановился.

— Вы это къ чему же говорите? спросилъ больнаго смѣлымъ, одушевляющимъ голосомъ лѣкарь, которому казалось что Ахилла бредитъ.

— А къ тому что вы про новыя болѣзни разсуждали: всѣ онѣ... какъ ихъ ни называй, клонятъ къ одной предмѣстности— къ смерти....

И съ этимъ дьяконъ опять забылся и не просыпался до полуночи, когда вдругъ забредилъ:

— Аркебузиръ, аркебузиръ.... пошелъ прочь, аркебузиръ!

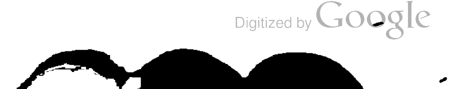
И съ этимъ послѣднимъ словомъ онъ вскочилъ, и совершенно проснувшись сѣлъ на постели.

— Дьяконъ, исповѣдайся, сказалъ ему тихо Захарія.

— Да, сказалъ Ахилла,—исповѣдаюсь, и склонясь на грудь старца онъ исповѣдалъ ему грѣхи свои и затѣмъ вздохнувъ сказалъ:

— Пошлите скорѣе за отцомъ протопопомъ.

Digitized by Google



Граціанскій не заставилъ себя долго ждать и явился.

Ахилла привѣтствовалъ протоіерея издали глазами, попросилъ у него благословенія и дважды поцѣловалъ его руку.

— Умираю, произнесъ онъ,—желалъ попросить васъ; простите чѣмъ грѣшенъ.

— Богъ васъ проститъ, и вы меня простите, отвѣчалъ Граціанскій.

— Да я вѣдь и не злобствовалъ.... но я разсужденьемъ не всегда былъ понятенъ....

— Зачѣмъ же конфузить себя.... У васъ благородное сердце....

— Нѣтъ, не стóитъ сего.... говорить, перебилъ путаясь дьяконъ.—Все я не тѣмъ занимался чѣмъ слѣдовало.... и на послѣдяхъ.... серчалъ за памятникъ.... Пустая фантазія: земля и небо сгорятъ и все провалится. Какой памятникъ! То была моя несообразность!

— Онъ уже мудръ! уронилъ опустивъ головку Захарія.

Дьяконъ метнулся на постели.

— Простите меня Христа ради: возговорилъ онъ спѣшно,—и не вынуждайте себя быть здѣсь, меня опять распаляетъ недугъ.... Прощайте!

Ученый протопопъ благословилъ умирающаго, а Захарія пошелъ проводить Граціанскаго, и переступивъ обратно за порогъ онѣмѣлъ отъ ужаса:

Ахилла былъ въ агоніи, и въ агоніи не столько страшной какъ поражающей: онъ нѣсколько секундъ лежалъ тихо, и набравъ въ себя воздуху вдругъ выпускалъ его, протяжно издавая звукъ: у-у-у-хъ! причемъ всякій разъ взмахивалъ руками и приподнимался будто отъ чего-то освобождаясь, будто что-то скидывая.

Захарія смотрѣлъ на это цѣпленѣя, а утлыя доски кровати все тяжче гнулись и трещали подъ умирающимъ Ахиллой, и жутко дрожала стѣна, сквозь которую точно рвалась на просторъ долго сжатая стихійная сила.

— Ужь не кончается ли онъ? хватился Захарія и прыгнулъ къ окну чтобы взять маленькій требникъ, но въ это самое время Ахилла вскрикнулъ сквозь сжатые зубы:

— Кто ты, огнелицый? Дай путь мнѣ!

Захарія робко оглянулся и оторопѣлъ: огнелицаго онъ никого не видалъ, но ему показалось со страху что Ахилла, вылетѣвъ самъ изъ себя, здѣсь же гдѣ-то съ кѣмъ-то боролся и одолѣлъ....

Digitized by Google

Робкій старичокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и закрывъ глаза выбѣжалъ вонъ, а черезъ нѣсколько минутъ на соборной колокольнѣ заунывно ударили въ колоколъ по умершемъ Ахиллѣ.

XX.

Старгородская хроника кончается, и послѣднею ея точкой долженъ быть гвоздь забитый въ крышку гроба Захаріи.

Тихій старикъ не долго пережилъ Савелія и Ахиллу. Онъ дожилъ только до великаго праздника весны, до Свѣтлаго Воскресенія, и тихо уснулъ во время самаго Богослуженія.

Старгородской поповкѣ настало время полнаго обновленія.

НИКОЛАЙ ЛѢСКОВЪ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

Digitized by Google

ПРОВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ САДОВСКІЙ

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ.)

16го іюля русское искусство понесло тяжелую потерю. Въ этотъ день, въ 9 часовъ утра, на своей дачѣ въ Петровскомъ паркѣ, на Башиловкѣ, умеръ знаменитый актеръ Императорскихъ Московскихъ театровъ, Провъ Михайловичъ Садовскій. Почти сорокъ лѣтъ этотъ художникъ посвящалъ русской сценѣ свою высокоталантливую и плодотворную дѣятельность, онъ на нашей сценѣ водворилъ правду и естественность, довершивъ то къ чему стремились Щепкинъ и Мочаловъ. Исторія русскаго театра запишетъ имя Садовскаго въ числѣ замѣчательнѣйшихъ сценическихъ дѣятелей. Для будущаго біографа этого артиста постараемся собрать тѣ матеріалы которые были у насъ подъ руками.

Фамилія Садовскаго была принята нашимъ артистомъ уже по поступленіи его на сцену. Отецъ его былъ рязанскій уроженецъ, перемышльскій купецъ, въ послѣдствіи рязанскій мѣщанинъ, Михаилъ Ермолаевъ, по прозванію Ермиловъ, какъ это видно изъ метрическаго свидѣтельства, выданнаго Прову Михайловичу изъ Орловской духовной консисторіи, 5го іюня 1855 года. Въ этомъ свидѣтельствѣ и самъ Провъ Михайловичъ названъ *Ермиловымъ*, но въ паспортѣ его, выданномъ ему изъ Рязанской городской думы, и въ увольнительномъ свидѣтельствѣ, выданномъ ему изъ той же думы для поступленія на службу

Digitized by Google

къ Императорскимъ театрамъ, Провъ Михайловичъ названъ по фамиліи *Михайловымъ*. Такое разнорѣчіе въ фамиліяхъ можно объяснить тѣмъ что мѣщанамъ обыкновенно давали фамиліи по ихъ отчествамъ. Михаилъ Ермолаевичъ служилъ при откупахъ и въ то время какъ по дѣламъ своей службы ѣздилъ въ Ливны Орловской губерніи, у него въ этомъ городѣ, 11го октября 1818 года, родился сынъ. Это и былъ нашъ знаменитый артистъ Провъ Михайловичъ Садовскій. * До девяти лѣтъ молодой Садовскій жилъ у своего отца, который при жизни пользовался довольствомъ, такъ что семья его не только не испытывала нужды, но жила совершенно безбѣдно. Въ жизни малютки Прова въ домѣ отца не случилось ничего необыкновеннаго. Жизнь эта проходила, какъ вообще проходитъ жизнь дѣтей того возраста и того состоянія къ которому принадлежалъ Провъ Михайловичъ; только большое число разныхъ лицъ, которыхъ онъ видалъ у отца по роду его занятій, неминуемо должно было повліять на умнаго и впечатлительнаго мальчика и пріучить его всматриваться въ физіономіи и запоминать ихъ выраженія. Это первый урокъ, который данъ былъ судьбой артисту для изученія тѣхъ типовъ и физіономій которые онъ потомъ съ такимъ талантомъ передавалъ на сценѣ.

Когда ребенку было девять лѣтъ, отецъ его умеръ. Безбѣдное существованіе семейства, поддерживаемое дѣятельностью отца, вдругъ исчезло, какъ это часто случается съ тѣми семействами которыя только и содержатся одними трудами ихъ представителей: глава семейства трудится, и оно живетъ безбѣдно, занемогъ онъ, или умеръ — и семейству жить нечѣмъ. Отецъ будущаго великаго артиста оставилъ ему въ наслѣдство толь-

---

* Н. Шаповаловъ въ помѣщенной имъ въ *Драматическомъ Альбомѣ* П. Н. Арапова (стр. 122) біографіи П. М. Садовскаго говоритъ что Провъ Михайловичъ родился 10го октября 1818 года, другой же біографъ этого актера, В. Межевичъ (*Пантеонъ* 1843 года, № 8) говоритъ что Садовскій родился въ Рязани въ 1817 году. Показанія того и другаго біографовъ опровергаются метрическимъ свидѣтельствомъ покойнаго, имѣющимся при дѣлахъ конторы Императорскихъ Московскихъ театровъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ мѣстомъ рожденія нашего артиста показанъ городъ Ливны, а временемъ—11го октября 1818 года.

Digitized by Google

ко синій фракъ и сапоги съ отворотами.* Не имѣя средствъ содержать у себя малолѣтняго сына, мать отдала его на воспитаніе къ своему брату, провинціальному актеру Григорью Васильевичу Садовскому. Это былъ замѣчательный актеръ; по свидѣтельству современниковъ, онъ очень хорошо исполнялъ роли первыхъ любовниковъ и пѣлъ въ операхъ. Несмотря на то что онъ велъ трудную скитальческую жизнь провинціальнаго актера, въ то время далеко, очень далеко необезпеченную, онъ выпросилъ у бѣдной вдовы, оставшейся безъ состоянія съ семействомъ и хлопотами, ея маленькаго сына, и взялъ его на свое попеченіе. Григорій Васильевичъ Садовскій увезъ маленькаго Ермилова изъ Рязани въ Тулу. Живя у дяди, нашъ артистъ впервые познакомился съ театромъ. Находясь неотлучно при немъ, онъ занимался въ театрѣ переписываніемъ піесъ и ролей, для чего каждый день бѣгалъ въ театръ, нерѣдко возвращаясь изъ него одинъ глухою ночью въ квартиру дяди, отстоявшую отъ театра болѣе версты. Но не долго жилъ Провъ Михайловичъ у своего дяди Григорья Васильевича; когда мальчику было тринадцать лѣтъ, съ его даровитымъ дядей случилось несчастіе. Давали какую-то оперу. Григорію Васильевичу Садовскому, занимавшему въ ней главную роль, нужно было броситься съ какого-то моста. Чрезчуръ увлеченный своею ролью, въ порывѣ игры, онъ прыгнулъ съ верхняго моста, забывъ что долженъ былъ прыгнуть съ другаго маленькаго мостика, устроеннаго для безопасности пониже. Увлекшійся актеръ разбился, прохворалъ нѣсколько времени, а за этимъ и Богу душу отдалъ, кончивъ свою талантливую артистическую карьеру въ весьма молодыхъ лѣтахъ: онъ умеръ на 23 году. Провъ Михайловичъ снова остался сиротой. Тогда взялъ его къ себѣ другой его дядя, родной братъ умершаго, Дмитрій Васильевичъ Садовскій, тоже провинціальный актеръ, пользовавшійся

---

* Такъ разказываетъ В. Межевичъ (*Пантеонъ* 1843 года, кн. 8). Садовскій самъ разказывалъ что когда, по смерти отца, подходила Святая Недѣля, его семейству нечѣмъ было разговѣться и оно съ грустію ждало Свѣтлаго праздника. Наканунѣ Христова Воскресенія маленькій Провъ шелъ по улицѣ и вдругъ находитъ красненькую десятирублевую бумажку; онъ поспѣшилъ отнести ее домой и его семейство приняло ее какъ даръ Божій, весело перекрестилось и разговѣлось на нее въ Христовъ день.

Digitized by Google

репутаціей хорошаго комика. Съ нимъ Провъ Михайловичъ жилъ въ Тулѣ; тутъ дядя отдалъ его къ одному архитектору учиться рисовать. Мальчикъ у архитектора учился успѣшно, но его актерская натура уже понюхала театральной атмосферы, его тянуло за кулисы, на сцену, онъ спалъ и видѣлъ сдѣлаться актеромъ. На ту пору дядя его уѣхалъ въ Тамбовъ, оставивъ племянника въ Тулѣ. Содержатель Тульскаго театра Турчаниновъ въ это время набиралъ труппу. Провъ Михайловичъ поступилъ къ нему безъ всякихъ условій. Турчаниновъ радъ былъ пріобрѣсть gratis молодаго человѣка, хотя еще и не игравшаго на сценѣ, но уже нѣсколько привыкшаго къ театральному дѣлу. Въ это время Д. В. Садовскій возвратился въ Тулу и, узнавъ о поступкѣ племянника, не сталъ отклонять его отъ избираемаго имъ поприща, а напротивъ самъ приготовилъ его къ дебюту. 14тилѣтній Провъ Михайловичъ, принявъ себѣ для сцены фамилію своихъ дядей Садовскихъ, довольно извѣстную между провинціальными актерами, въ первый разъ дебютировалъ на Тульской сценѣ въ роли Сезара въ водевилѣ Скриба, переведенномъ П. Н. Араповымъ, *Ватель или потомокъ великаго человѣка.* Дебютантъ заслужилъ одобреніе публики. Съ тѣхъ поръ молодой Садовскій предался вполнѣ театру, не уклонялся въ немъ ни отъ какого труда, съ наслажденіемъ училъ новыя роли и сверхъ того, по порученію содержателя труппы, расписывалъ роли для другихъ актеровъ. Въ теченіи же перваго года своей артистической карьеры Садовскій переигралъ до пятнадцати ролей различнаго характера, величины и достоинства, сотни переписалъ ихъ для своихъ товарищей и по окончаніи сезона получилъ въ награду отъ антрепренера за свои труды *цѣлковый-рубль.*

Не выгодно было оставаться у Турчанинова: молодой Садовскій что̀ называется обыгрался. Онъ могъ получить лучшія условія, какъ актеръ уже игравшій на сценѣ, и вотъ онъ уѣхалъ изъ Тулы вмѣстѣ съ дядей въ Калугу, гдѣ съ большимъ успѣхомъ игралъ многія уже очень значительныя роли. По окончаніи ангажемента въ Калугѣ, у молодаго Садовскаго, за всѣми расходами по житью-бытью, осталось 25 р. асс. Деньги эти онъ употребилъ на поѣздку для свиданія съ матерью, съ которой онъ уже нѣсколько лѣтъ не видался, затѣмъ поступилъ на сцену Рязанскаго театра, въ труппу Шилкина и Вертовскаго. По окончаніи зимняго сезона въ Рязани, Шилкинъ и Вертовскій вздумали ѣхать играть на Святую Недѣлю

Digitized by Google

въ Елецъ — уговоривъ и Садовскаго отправиться съ ними, обѣщавъ ему 500 руб. жалованья и полубенефисъ. На бѣду въ Елецъ пріѣхала другая труппа — Вышеславцева, который старался переманить къ себѣ Садовскаго, предлагая ему тѣ же условія, какія были выговорены имъ у Шилкина и Вертовскаго, и кромѣ того шесть золотыхъ немедленно по переходѣ. Это показываетъ что Садовскій уже и въ то время былъ актеромъ котораго провинціальные антрепренеры желали заманить въ свои труппы. Садовскій устоялъ противъ искушенія, являвшагося ему въ видѣ шести золотыхъ, суммы весьма заманчивой для его тощаго, или, пожалуй правильнѣе, пустаго въ то время кошелька.

Дѣла въ Ельцѣ разыгрались дурно, какъ для труппы Вышеславцева, такъ и для труппы Шилкина и Вертовскаго. Какъ разказываетъ Межевичъ (*Пантеонъ* 1843 № 8 стр. 142), между содержателями двухъ театровъ завязался страшный споръ о томъ, кому изъ нихъ быть, кому не быть: каждый добивался исключительнаго права—забавлять елецкую публику театральными представленіями. Споръ этотъ невозможно было рѣшить безъ участія городскаго начальства. Завязалось дѣло. Такъ какъ права тяжущихся сторонъ были совершенно равны, то рѣшеніе дѣла становилось отъ этого еще затруднительнѣе. Начальство города Ельца нашло однакожъ средство помирить обѣ спорящія стороны, согласивъ ихъ взаимныя выгоды: оно рѣшило чтобы содержатели обѣихъ труппъ соединились вмѣстѣ, давали представленія на одной сценѣ и выгоды дѣлили пополамъ. Но вотъ бѣда: пока это рѣшеніе вышло, Святая Недѣля прошла, а съ нею кончилась и ярмарка; успѣли дать одно только представленіе въ послѣднее воскресенье, и, разумѣется, кромѣ убытковъ, ни та, ни другая сторона ничего не получила.

Почти сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣла провинціальныхъ театровъ были не таковы какъ нынѣшнія. Антрепренеры ихъ не наживали по десяти тысячъ барыша въ годъ, какъ случается нынче, актеры не получали по 300 р. с. жалованья въ мѣсяцъ, самые знаменитые изъ нихъ не покупали себѣ домовъ и земель, напротивъ они жили со дня на день, часто сидя безъ куска хлѣба и возлагая надежды свои не на жалованье по условію съ антрепренеромъ (ибо оно могло очень часто существовать только на бумагѣ, а не переходить въ дѣйствительность), а на болѣе или менѣе удачный сборъ, изъ котораго антрепренеръ могъ хоть сколько-нибудь удовлетворить справедливыя

Digitized by Google

требованія своихъ актеровъ. Графъ Соллогубъ въ своей повѣсти *Собачка*, со словъ М. С. Щепкина, изобразилъ слегка бытъ и перекочевку провинціальныхъ актеровъ былаго времени; объ этомъ бытѣ мы можемъ судить отчасти и по Несчастливцеву съ Счастливцевымъ Островскаго, перекочевывающимъ по образу пѣшаго хожденія: одинъ изъ Керчи въ Вологду, другой — изъ Вологды въ Керчь. Не было на Руси въ то время желѣзныхъ дорогъ, да еслибъ и были, то провинціальный актеръ того времени не всегда былъ въ состояніи купить себѣ билетъ и 3го класса, а путешествовалъ на своей собственной парѣ. Путешествіе Счастливцева и Несчастливцева вѣрно само по себѣ; Островскій ошибся только во времени, заставивъ ихъ совершать такое путешествіе послѣ эмансипаціи крестьянъ, то-есть послѣ 1861 года. Въ это время бытъ провинціальныхъ актеровъ уже много поправился, но почти сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣло было совсѣмъ другое. Вотъ что говоритъ Межевичъ о бытѣ провинціальнаго актера того времени: „Провинціальный актеръ ничего не имѣетъ прочнаго, обезпеченнаго: ни славы, которая для него въ полномъ смыслѣ слова—дымъ, ни имущества (о богатствѣ онъ и мечтать не смѣетъ), ни даже куска насущнаго хлѣба. Слава его не переходитъ за предѣлы того города въ которомъ онъ играетъ, помрачаясь иногда предъ славой перваго заѣзжаго фигляра или фокусника. Все его имущество завсегда съ нимъ, по выраженію древняго мудреца, „omnia mecum porto“, потому что, всю жизнь свою переѣзжая съ одного мѣста на другое, онъ не имѣетъ возможности пріютиться осѣдлымъ образомъ и, что называется, обзавестись домкомъ. Насущный хлѣбъ его часто зависитъ отъ дневнаго сбора: хорошъ сборъ—онъ сытъ, нѣтъ сбора—просимъ не прогнѣваться! На провинціальныхъ театрахъ нѣтъ обыкновенія, а можетъ-быть и возможности, выдавать жалованье артистамъ въ опредѣленное время, по окончаніи мѣсяца, напримѣръ, извѣстными кушами; актеръ уговаривается съ содержателемъ театра, положимъ за 600 р. въ годъ; но жалованье получаетъ отъ него не помѣсячно, а по мѣрѣ надобности съ одной стороны, по мѣрѣ возможности — съ другой, когда рубль серебромъ, когда полтину, а когда и меньше, рѣдко впередъ, но всегда почти въ счетъ заслуженной имъ суммы за мѣсяцъ и за два... Мудрено ли послѣ этого что актеры обѣихъ труппъ находившихся въ Ельцѣ отъ бездѣйствія театра голодали всю Святую Недѣлю? Не примите этого слова за какую-нибудь риторическую фигуру

Digitized by Google

вѣтъ, мы употребляемъ его въ самомъ настоящемъ, въ самомъ точномъ значеніи, и подтверждаемъ истину сказаннаго замѣчательнымъ, ужасающимъ душу, но вполнѣ достовѣрнымъ фактомъ: находившійся въ одной изъ этихъ труппъ актеръ Лебедевъ, по несчастію, занемогшій тяжкою болѣзнію, въ полномъ смыслѣ слова—умеръ съ голода!"

Эти слова Межевича записаны съ разказа самого П. М. Садовскаго. Остановка спектаклей на недѣлю даже въ настоящее время можетъ не мало подорвать антрепренера, пожалуй отразится на благосостояніи его труппы; что же было сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда положеніе провинціальныхъ театровъ было совершенно другое, когда они и не мечтали еще о такомъ состояніи какого они достигли въ настоящее время, когда профессія провинціальнаго актера оказывается даже прибыльною и обезпечивающею человѣка себя ей посвятившаго? Наши провинціальные театры заслуживаютъ полнаго сочувствія и уваженія. Не поддерживаемые разными монополіями и субсидіями, какъ театры столичные, а напротивъ, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ, они сумѣли достигнуть довольно высокой степени, такъ что иные провинціальные театры не только по своимъ труппамъ, но даже и по своимъ обстановкамъ могутъ соперничать съ театрами столичными. Они создали многихъ знаменитыхъ актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ они подарили столичнымъ сценамъ, и эти нѣкоторые стали лучшими украшеніями нашихъ столичныхъ театровъ. Другихъ они до конца жизни держали на своихъ подмосткахъ, а все-таки эти другіе составили себѣ имена извѣстныя всей Россіи, хотя эти имена и никогда не украшали столичныхъ афишъ, какъ напримѣръ, имена Млотковской, Соленика. Провинціальные актеры, перекочевывавшіе нѣкогда пѣшкомъ изъ Керчи въ Вологду и обратно, достигли того что стали получать себѣ безбѣдный и обезпеченный хлѣбъ. И кто поддерживалъ ихъ, какая монополія и гарантія служили къ составленію ихъ благосостоянія? Въ грошевыхъ субсидіяхъ, даваемыхъ нѣкоторымъ изъ нихъ, въ былое время отъ откупа, теперь отъ городовъ или изъ казны, они получали не помощь, а новое стѣсненіе. Откупщикъ, городской голова или губернаторъ считалъ себя за эту субсидію хозяиномъ въ театрѣ и вмѣшивался въ дѣла его и большею частію тормозилъ ихъ своимъ личнымъ произволомъ. Даже въ настоящее время не всѣ путы сняты съ провинціальныхъ театровъ: они не могутъ еще играть

Digitized by Google

всѣхъ піесъ разрѣшенныхъ для сценъ Императорскихъ; безпрепятственно они могутъ играть піесы только безусловно дозволенныя къ представленію, внесенныя въ особый списокъ такихъ піесъ, а число этихъ піесъ не составляетъ и пятой части всѣхъ піесъ дозволенныхъ къ представленію. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, положеніе труппы осужденной на бездѣйствіе въ ту самую недѣлю въ которую она разчитывала дѣлать сборы было самое бѣдственное. Все-таки судьба хранила нашего даровитаго юношу; онъ не умеръ съ голода какъ Лебедевъ, не спился съ кругу какъ многое множество тогдашнихъ провинціальныхъ актеровъ. Садовскій, несмотря на бездѣйствіе въ Ельцѣ труппы, самъ былъ не безъ дѣла. Пріобрѣтенныя имъ у архитектора, къ которому онъ былъ отданъ дядей учиться, познанія въ живописи пригодились ему. Онъ во время этой бѣдственной недѣли, когда голодная смерть или тюрьма угрожали всей труппѣ, написалъ декорацію *тюрьмы* для Елецкаго театра.

Соединенныя труппы Вышеславцева, Вертовскаго и Шилкина отправились въ Лебедянь, гдѣ въ это время была ярмарка. Одинъ дворникъ, елецкій мѣщанинъ, у котораго квартировала эта труппа, взялся довезти въ Лебедянь своихъ постояльцевъ, не имѣвшихъ возможности даже платить ему за постой. Онъ заплатилъ и извощикамъ перевозившимъ ихъ со всѣмъ театральнымъ скарбомъ изъ Рязани въ Елецъ, а въ Лебедяни выстроилъ для нихъ балаганъ и содержалъ ихъ тамъ, въ надеждѣ вознаградить себя изъ сборовъ ихъ представленій. Межевичъ разказываетъ что въ Лебедяни положеніе нашихъ странствующихъ артистовъ было еще труднѣе: въ театръ никто не шелъ, сборовъ не было никакихъ: голодъ стучался къ нимъ въ окно. Кусокъ чернаго хлѣба, да ковшъ воды (за которою актеры должны были ходить сами на рѣку) — вотъ въ чемъ состояла ихъ трапеза. Къ счастію, отыскался тамъ одинъ трактирщикъ, страстный любитель театра; онъ предложилъ имъ давать для него спектакли за ужинъ. Предложеніе съ радостію было принято. И вотъ, разсѣвшись съ важностію, одинъ во всей театральной залѣ, помѣщавшейся въ плохомъ балаганѣ и освѣщенной двумя сальными огарками, лебедянскій меценатъ равнодушно смотрѣлъ и слушалъ разыгрываемыя предъ нимъ комедіи и водевили, и нерѣдко, когда піеса казалась ему скучною, онъ останавливалъ актеровъ въ самой срединѣ ея и деспотически приказывалъ запѣть всѣмъ хоромъ плясовую

Digitized by Google

или ухорскую пѣсню! Разумѣется, его приказаніе тотчасъ исполнялось, и трактирщикъ, довольный своими артистами, изъ мецената превращался въ амфитріона и надѣлялъ ихъ порціями щей и говядины.

Какъ бы для выручки рязанскихъ артистовъ, на Лебедянскую ярмарку пріѣхалъ хоръ Цыганъ. Актеры соединились съ нимъ и стали давать представленія вмѣстѣ. Сборы нѣсколько поправились, но все-таки были плохи; пришлось дворнику, можетъ-быть мечтавшему изъ театральной антрепризы сдѣлать выгодную спекуляцію, везти своихъ постояльцевъ назадъ въ Елецъ.

Въ ночь наканунѣ отъѣзда труппы изъ Лебедяни, Садовскій легъ спать въ сараѣ, не предупредивъ никого объ этомъ. Онъ проспалъ довольно долго. Рано на разсвѣтѣ труппа пустилась въ дорогу; поискали, поискали Садовскаго, не нашли и отправились въ путь безъ него. Проснулся Садовскій и къ ужасу своему увидалъ что труппа уже уѣхала, а онъ остался одинъ въ чужомъ городѣ безъ гроша денегъ. Нечего было дѣлать, пришлось по образу пѣшаго хожденія догонять труппу. На дорогѣ ему попался мужикъ съ возомъ наполненнымъ костями, копытами и тому подобнымъ матеріаломъ для выварки клея. Выбившись изъ силъ отъ продолжительнаго путешествія пѣшкомъ, нашъ артистъ упросилъ мужичка подвезти его, и на возу съ костями догналъ труппу, которая со своими кулисами и другими театральными принадлежностями не могла ѣхать скоро.

Въ Ельцѣ дѣла труппы шли еще хуже. Труппа опять принялась голодать. Разъ Садовскій, поужинавъ ломтемъ чернаго хлѣба, заснулъ въ углу своего чулана, не зная будетъ ли ему что̀ поѣсть на завтра, но былъ поутру разбуженъ голосомъ своего дяди, который стоялъ предъ нимъ.

— Что̀ ты здѣсь дѣлаешь?—спросилъ дядя.

Садовскій разказалъ ему свое плачевное положеніе.

Дядя увезъ его въ Воронежъ, гдѣ снималъ театръ снова отдѣлившійся отъ труппы Шилкина и Вертовскаго Вышеславцевъ. Тамъ Садовскій поступилъ на самое ничтожное жалованье: вѣроятно смѣтливый антрепренеръ понялъ что на всякое жалованье согласится актеръ который хотя и съ талантомъ, но которому ѣсть нечего.

Садовскому не полюбилось служить за самое ничтожное вознагражденіе, и изъ Воронежа отъ Вышеславцева онъ уѣхалъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ дядей въ Казань къ антрепренеру Пивато, былъ съ нимъ въ Тамбовѣ, въ Липецкѣ и потомъ опять въ Казани. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ пробылъ полтора года при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для своей сценической дѣятельности. Въ Казани Пивато присоединилъ къ своей труппѣ труппу еще бывшаго казанскаго содержателя Соколова, сдѣлавъ Соколова режиссеромъ своего театра. Соколовъ покровительствовалъ членамъ своей бывшей труппы и, что̀ называется, прижималъ членовъ бывшей труппы Пивато, не давая имъ никакого хода. Здѣсь, по словамъ Межевича (*Пантеонъ* 1843 № 8), увидалъ нашего актера Щепкинъ. „Отъ зоркаго взора его не укрылся талантъ Садовскаго.... Въ свой бенефисъ далъ онъ ему нѣсколько ролей, въ которыхъ Садовскій увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Послѣ того Щепкинъ упросилъ содержателя театра чтобы Садовскому дали другія роли, и самъ помогалъ молодому артисту совѣтами и наставленіями". Мысль побывать въ Москвѣ закралась въ голову Садовскаго. Одна изъ актрисъ Казанскаго театра, если не ошибаемся Данилова (теперешняя Мочалова, играющая на Московскомъ Народномъ театрѣ), * ѣхала въ Москву повидаться со своими родными. Онъ поѣхалъ съ нею. Тутъ онъ познакомился съ В. И. Живокини, который въ то время содержалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ театръ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Садовскій хотѣлъ поступить къ нему въ Нижегородскую труппу, но Живокини совѣтовалъ ему дебютировать въ Москвѣ. Но надо было дожидаться поста чтобы подвергнуться испытанію, безъ котораго въ то время почти не давались дебюты, а время терять было нечего, надо было отправляться зарабатывать хлѣбъ. Садовскій пробылъ въ Москвѣ два мѣсяца и постоянно посѣщалъ театръ, даровой ходъ въ который выпросилъ ему у тогдашняго начальства Московскаго театра В. И. Живокини.

По отъѣздѣ изъ Москвы Садовскій опять поступилъ въ труппу Вышеславцева и былъ съ нимъ въ Бѣлевѣ на ярмаркѣ и въ Воронежѣ во время выборовъ. Изъ Воронежа онъ поѣхалъ въ Рязань повидаться съ родными и поступилъ въ та-

---

* Разказываютъ что бывъ уже актеромъ на Московской сценѣ, Садовскій хотѣлъ жениться на этой Даниловой, дебютировавшей въ Москвѣ въ одно время съ Садовскимъ и принятой вмѣстѣ съ нимъ въ труппу Московскаго театра, но свадьба эта почему-то не состоялась.

Digitized by Google

мошнюю труппу, содержимую Азбукинымъ. Тамъ онъ сильно занемогъ, пролѣчилъ всѣ свои деньги, а по выздоровленіи поѣхалъ въ Зарайскъ, а оттуда въ Тулу.

Тогдашнее свое пребываніе въ Тулѣ Садовскій считалъ лучшимъ временемъ въ своей провинціальной актерской жизни. Онъ уже былъ первымъ лицомъ при театрѣ и занималъ первыя роли. Съѣздивъ на нѣсколько спектаклей въ Калугу, онъ снова возвратился въ Тулу, гдѣ былъ почти режиссеромъ. Содержатель Тульскаго театра понималъ уже отчасти какимъ актеромъ онъ обладалъ въ Садовскомъ, и боясь какъ-нибудь потерять его, заключилъ съ нимъ контрактъ, поставивъ въ немъ и неустойку 500 р. Между тѣмъ старинный знакомый Садовскаго, у котораго этотъ актеръ игралъ еще въ началѣ своего сценическаго поприща, Вышеславцевъ, поступившій было на сцену Московскихъ театровъ и послужившій Ленскому оригиналомъ для Петра Петровича Пустославцева въ его *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, оставилъ снова Московскій театръ, опять принялся за антрепренерство и сталъ набирать труппу. Онъ уговаривалъ Садовскаго перейти въ нее, но тотъ отказался, ожидая извѣстій отъ Азбукина, уѣхавшаго въ Орелъ тоже для набора труппы. Долго не получая отъ Азбукина никакого извѣстія, Садовскій взялъ съ собой мать, брата и поѣхалъ въ Москву. Это было въ 1839 году.

Молодому актеру, желавшему поступить на Московскую сцену, оказалъ протекцію бывшій въ то время во всей своей славѣ любимецъ московской публики В. И. Живокини. Онъ представилъ его тогдашнему инспектору репертуара Московскихъ театровъ, автору *Аскольдовой могилы*, А. Н. Верстовскому. Садовскій обратился къ Верстовскому съ просьбой принять его въ труппу Московскихъ театровъ, тогда еще не соединенныхъ одною дирекціей съ Петербургскими. Садовскому позволено было испытаться въ Московскомъ театральномъ училищѣ въ одномъ изъ спектаклей, которые въ былое время въ теченіи Великаго Поста постоянно давались въ училищѣ и которые въ то время ставилъ знаменитый М. С. Щепкинъ, бывшій тогда учителемъ драматическаго искусства въ Московской театральной школѣ. На этомъ спектаклѣ, бывшемъ Великимъ Постомъ (въ мартѣ 1839 года), Садовскій игралъ роль Жано Бижу въ водевилѣ, переведенномъ Ленскимъ, *Любовное зелье или Цирюльникъ стихотворецъ*.

Digitized by Google

Находившееся на этомъ пробномъ спектаклѣ начальство Московскаго театра одобрило молодаго провинціальнаго актера и тотчасъ же приняло его на службу къ Московскимъ театрамъ „артистомъ драматической труппы 3го разряда, съ жалованьемъ по 800 р. ас. въ годъ“, * но служба Садовскаго при Московскомъ театрѣ стала считаться только съ 6го апрѣля 1839 года, то-есть съ того дня когда онъ предъ началомъ балета *Сильфида*, въ водевилѣ *Любовное зелье*, въ роли Жано Бижу, въ той самой въ которой испытывался въ школьномъ театрѣ, въ первый разъ появился на сценѣ Московскаго Большаго Театра. На другой день Садовскій игралъ роль Наца въ водевилѣ переведенномъ тоже Ленскимъ, *Дезертиръ*, и въ томъ же мѣсяцѣ (23го апрѣля) сыгралъ роль слуги Емельяна въ передѣлкѣ того же Ленскаго *Хороша и дурна, и глупа, и умна*, роль которую дотолѣ играли Бантышевъ и Никифоровъ. (Первыя двѣ роли, избранныя Садовскимъ для своихъ дебютовъ, до него исполнялъ В. И. Живокини.) Дебюты Садовскаго не были что̀ называется дебютами блестящими; они были не то что безуслѣшны, но и не заслужили въ публикѣ особеннаго вниманія. Не вдругъ выказался огромный талантъ Садовскаго, не съ перваго шага сталъ онъ любимцемъ публики и не съ перваго дебюта занялъ онъ мѣсто въ числѣ любимѣйшихъ артистовъ Московской сцены. Въ дебютантѣ только опытный глазъ могъ видѣть замѣчательный талантъ. Въ этомъ случаѣ дирекція Московскаго театра, во главѣ которой стояли два извѣстные человѣка, М. Н. Загоскинъ — директоръ, и А. Н. Верстовскій — инспекторъ репертуара, оказалась прозорливѣе тогдашней журналистики. Дирекція, прямо послѣ испытанія на школьномъ театрѣ, безъ дебюта на публичной сценѣ, приняла Садовскаго на службу къ Московскому театру, между тѣмъ тогдашняя журналистика полагала только что изъ него, при стараніи и любви къ искусству, можетъ образоваться артистъ полезный для второстепенныхъ и третьестепенныхъ ролей. **

---

* На прошеніи Садовскаго о принятіи его на службу къ Московскому театру, поданномъ бывшему въ то время директоромъ этого тетра М. Н. Загоскину 13го марта 1839, состоялась слѣдующая резолюція: „Принять на вакансію съ жалованьемъ по 800 р.“

** Весьма интересенъ, особенно въ настоящее время, отзывъ тогдашняго театральнаго журнала *Репертуара* (1839, № 9) о первыхъ дебютахъ Садовскаго. „Съ открытіемъ театра, при началѣ театраль-

Digitized by Google

Садовскій поступилъ на Московскую сцену въ то время какъ контрактъ его съ Азбукинымъ, въ которомъ была назначена неустойка въ 500 р., еще имѣлъ свою силу. По поступленіи Садовскаго на Московскую сцену, мать его послала Азбукину 240 р. въ уплату этой неустойки, а 18го октября 1839 года Московская управа благочинія увѣдомила контору Московскихъ театровъ что содержатель театра коллежскій регистраторъ Θеодоръ Алексѣевъ Азбукинъ прислалъ въ управу условіе, заключенное имъ съ актеромъ Провомъ Садовскимъ, для взысканія съ сего послѣдняго неустойки 500 р., а за уплатой 240 р. остальныхъ 260 р. Деньги эти были вычтены изъ жалованья Садовскаго.

Успѣхъ Садовскаго на Московской сценѣ увеличивался съ каждою ролью. Публика начинала понимать что въ этомъ молодомъ человѣкѣ имѣются большія способности; роли простаковъ, составлявшія въ то время главное амплуа Садовскаго, выказывали въ этомъ артистѣ бездну простоты и наивности. Пишущій эти строки видалъ въ роляхъ простаковъ многихъ знаменитыхъ актеровъ, но смѣло можетъ сказать что такой наивности какая проявлялась въ Садовскомъ при исполненіи имъ этого рода ролей, ему никогда не случалось видѣть. Вмѣстѣ съ наивностію публику поражала въ новомъ артистѣ простота его исполненія: въ то время когда такъ-называемая *игра* еще была въ большомъ ходу на Московской сценѣ, отсутствіе этой игры, простота, правда начинали поражать публику; иные любовались ими, другіе же отсутствіе такъ-называемой игры въ

наго года (послѣ Великаго Поста) явилось вдругъ два претендента на театральную славу, на вниманіе и апплодисменты публики—гжа Данилова и г. Садовскій. Послѣдній въ первый разъ явился на сцену 6го апрѣля, въ водевилѣ *Любовное зелье*, въ роли Жано Бижу; гжа Данилова на другой день, 7го апрѣля, въ водевилѣ *Жизнь или смерть*, въ роли Емиліи. Сказать правду, и тотъ и другая—дебютантъ и дебютантка, принадлежатъ къ числу такихъ артистовъ отъ которыхъ театръ не выигрываетъ ничего и о которыхъ нельзя сказать ни худаго, ни хорошаго, то-есть въ нихъ нѣтъ ничего положительно дурнаго, хотя и положительно хорошаго ничего не замѣтно; впрочемъ перевѣсъ таланта на сторонѣ г. Садовскаго: онъ молодой человѣкъ, и не мудрено что при стараніи, при любви къ искусству можетъ быть для второстепенныхъ и третьестепенныхъ комическихъ ролей полезнымъ артистомъ: въ игрѣ его проглядываетъ простота, даже иногда непринужденная веселость; онъ является въ роляхъ то г. Живокини, то г. Ленскаго, впрочемъ не замѣняя вполнѣ ни того, ни другаго.“

Digitized by Google

новомъ артистѣ считали даже, по привычкѣ, недостаткомъ, и это даже нѣсколько вредило успѣху сценическихъ начинаній Садовскаго на Московской сценѣ. Но уже въ первый годъ его пребыванія на этой сценѣ, тотъ же самый рецензентъ который такъ неудачно предсказалъ сценическую судьбу Садовскаго писалъ въ томъ же *Репертуарѣ*, говоря о представленіи водевиля *Филатка и Мирошка соперники*, „что г. Садовскій въ роли Филатки неподражаемо хорошъ." (*Репертуаръ* 1839 № 12). Замѣчательно что первая роль за которую Садовскій получилъ печатную похвалу была такъ-сказать роль хоть нѣсколько бытовая, то-есть хоть отчасти относилась къ тѣмъ бытовымъ ролямъ которыя въ послѣднее время составили преимущественно славу Садовскаго.

Между тѣмъ получаемое Садовскимъ жалованье было слишкомъ мало, на него было трудно жить въ Москвѣ, имѣя еще притомъ на рукахъ мать и маленькаго брата. Онъ началъ думать оставить Московскую сцену и снова играть въ провинціи, это намѣреніе онъ сообщилъ тогдашнему директору Московскаго театра М. Н. Загоскину, но тотъ отговорилъ его. Дирекція замѣчала успѣхи и дарованіе молодаго актера, и съ небольшимъ черезъ годъ послѣ поступленія его на службу 26го іюля 1840) дала ему прибавку: онъ сталъ получать вмѣсто 800 р. асс.—343 р. сер. жалованья и изъ третьяго разряда артистовъ переведенъ во второй.

Первое доброе слово за начинающаго молодаго даровитаго артиста было сказано въ *Москвитянинѣ* М. П. Погодина. Вотъ что̀ онъ напечаталъ въ первой книгѣ своего журнала за 1841 годъ: „Поставляемъ долгомъ обратить вниманіе публики на этого молодаго актера, который, смѣло сказать можно, вскорѣ сдѣлается ея любимцемъ и московскою знаменитостію, если вѣрный искусству, будетъ думать о немъ, работать, работать, учиться, совершенствовать свой талантъ. Живость, простота, ловкость — у него такія какія встрѣчаются рѣдко. Натуры бездна. Показывается сердечная теплота. Жаль что онъ рѣдко виденъ на сценѣ; между актерами у насъ, какъ между учеными, медиками, есть какое-то чиноначаліе. Явись напримѣръ, новый талантъ на роли г. Щепкина или гжи Рѣпиной — они не скоро получатъ себѣ дѣла; но подъ чьимъ же руководствомъ могли бы образоваться они лучше, какъ не подъ руководствомъ знаменитаго ветерана и милой.... мы не скажемъ ветеранки, но милой, всегда юной и прелестной на-

Digitized by Google

шей актрисы? Такъ точно и г. Садовскій могъ бы смѣнить во многихъ роляхъ нашего стараго забавника, г. Живокини, разумѣется, безъ малѣйшаго ущерба его выслуженнымъ выгодамъ. Изъявимъ желаніе чтобы дирекція доставляла публикѣ чаще случай видѣть г. Садовскаго, а г. Садовскому случаи чаще бывать на сценѣ и упражняться въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ искуствъ."

Изъ этихъ словъ ясно можно видѣть что не очень легки были для Садовскаго на нашей сценѣ первые шаги къ успѣхамъ, что тогдашніе знаменитые московскіе актеры, завладѣвъ лучшими ролями, неохотно уступали ихъ своему молодому товарищу, что ему рѣдко приходилось играть и получать хорошія роли, что ему не легко было пробивать себѣ дорогу на избранномъ имъ поприщѣ. Дѣйствительно, перебирая афиши 1839, 1840 и 1841 годовъ, видишь какъ мало игралъ въ эти годы Садовскій и какія большею частью ничтожныя и заигранныя роли достаются на его долю. Только одинъ С. П. Соловьевъ, бывшій тогда помощникомъ режиссера, человѣкъ умный и понимавшій сцену, постоянно давалъ ему въ это время роли въ своихъ піэсахъ, да отказъ Щепкина отъ роли содержателя провинціальнаго театра Пустославцева въ *Львѣ Гурычѣ Синичкинѣ*, послѣ перваго представленія этой піэсы, даетъ Садовскому возможность сыграть эту роль. Зная хорошо типы провинціальныхъ антрепренеровъ, будучи даже лично знакомъ съ Вышеславцевымъ, послужившимъ Ленскому прототипомъ для этой роли, Садовскій воспроизвелъ превосходно личность Пустославцева, такъ что игру его въ этой роли тогдашніе журналисты назвали созданіемъ. Такую судьбу, то-есть сидѣть безъ дѣла въ то время когда жаждешь дѣятельности, ожидающую въ столицѣ почти всякаго начинающаго актера, испыталъ и Садовскій, но она не убила въ немъ любви къ искуству, желанія трудиться. Терпѣливо выжидалъ онъ ролей для себя, въ которыхъ могъ бы проявить свой талантъ, и если ему попадалась какая бы-то ни было роль, онъ занимался ею добросовѣстно, трудился надъ нею, изучалъ и исполнялъ ее со всѣми силами своего таланта. Поэтому не удивительно что публика скоро начала обращать вниманіе на молодаго талантливаго актера, и дирекція все-таки не оставила его трудовъ по крайней мѣрѣ хоть безъ небольшаго вознагражденія. Въ этомъ же 1841 году Садовскій былъ переведенъ, по предписанію директора отъ 9го мая 1841 года, въ первый разрядъ артистовъ и ему назначено жалованья 485 р. въ годъ.

Digitized by Google

Въ 1842 году дирекція снова сдѣлала прибавку Садовскому: онъ получаетъ по 528 р. въ годъ жалованья, уже пользуется любовью публики и занимаетъ мѣсто между лучшими актерами Московской сцены. Хотя въ общемъ понятіи Щепкинъ и Живокини стоятъ еще въ то время гораздо выше Садовскаго и при обстановкѣ піесъ имъ отдаются лучшія роли, но если роли эти передаются отъ этихъ актеровъ Садовскому, публика остается вовсе не недовольною, театральныя хроники уже начинаютъ отзываться о молодомъ актерѣ съ большими похвалами. Въ 1843 году дирекція снова дѣлаетъ ему прибавку, назначивъ ему по 600 руб. въ годъ жалованья. Въ этомъ году, въ водевилѣ Соловьева *Что имѣемъ—не хранимъ*, въ роли отставнаго пѣхотнаго офицера Ивана Ивановича Пѣтухова, онъ создалъ живое лицо, совершенно типическое, армейскаго селадона, поющаго романсы съ аккомпаниментомъ гитары, говорящаго нѣжности съ прищуриваньемъ и закатываніемъ глазъ и съ откидываніемъ ножки и посвящающаго чужой женѣ стихи безъ всякаго размѣра и смысла.

Около этого же времени Садовскій создаетъ одну изъ лучшихъ своихъ ролей, роль Шута въ *Королѣ Лирѣ*. Созданіе этой роли Садовскимъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ геніальныхъ исполненій второстепенныхъ Шекспировскихъ характеровъ, какія рѣдко случается видѣть на сценѣ, гдѣ вниманіе исполнителей сосредоточивается преимущественно на главныхъ роляхъ, между тѣмъ какъ лица второстепенныя у Шекспира созданы такъ же геніально, какъ и главныя лица, и поставленныя нѣсколько въ тѣни ради перспективы цѣлой картины, представляютъ для актера задачу можетъ-быть даже еще болѣе трудную, а чрезъ это еще болѣе славную чѣмъ исполненіе главныхъ Шекспировскихъ лицъ.

Въ 1843 году ожидала Садовскаго и другая лучшая его роль, роль Подколесина.

5го февраля 1843 года, въ бенефисъ Щепкина были поставлены двѣ новыя піесы Гоголя *Женитьба* и *Игроки*. Въ нихъ Садовскій игралъ: въ первой очень хорошо роль пѣхотнаго офицера Анучкина (или Ходилкина, какъ перекрестила его театральная цензура), а во второй превосходно исполнилъ роль Замухрышкина. Роль нерѣшительнаго Подколесина, не слишкомъ удачно исполнялъ живой, хлопотливый, слишкомъ энергическій и подвижной Щепкинъ; онъ скоро передалъ ее Садовскому, для котораго она стала одною изъ лучшихъ, если

Digitized by Google

не лучшею его ролью. Этотъ нерѣшительный чиновникъ, задающійся вопросомъ жениться или не жениться, какъ Гамлетъ задается вопросомъ: быть или не быть, былъ передаваемъ Садовскимъ превосходно. Одна сцена его молчанія съ невѣстой вызывала постоянно громъ рукоплесканій.

Дирекція снова прибавила къ жалованью Садовскаго 100 р. Въ 1844 году онъ получалъ уже жалованья по 700 руб. Вообще 1844 годъ замѣчателенъ въ біографіи Садовскаго: въ этомъ году онъ получилъ первый бенефисъ (пополамъ съ дирекціей) и женился.

Для перваго своего бенефиса, бывшаго 19го апрѣля 1844 года, Садовскій избралъ Мольерова *Мѣщанина-дворянина* въ переводѣ В. Р. Зотова. Уже одинъ выборъ пiесы Мольера и роли Журдена для своего перваго бенефиса показывалъ въ молодомъ актерѣ серіозное отношеніе къ искусству и желаніе трудиться. Впрочемъ въ первое представленіе роль Журдена не удалась Садовскому; въ немъ было мало того глупаго, напыщеннаго тщеславія которымъ проникнутъ этотъ мѣщанинъ лезущій въ дворянство, притомъ Садовскій представилъ Журдена слишкомъ молодымъ; въ послѣдствіи онъ выработалъ эту роль и былъ въ ней очень хорошъ. „Совершенно понявъ и усвоивъ роль Журдена“, говоритъ Баженовъ, „Садовскій, слегка впадая въ извинительный, все-таки художественный фарсъ, съ увлеченіемъ передалъ эту роль. Глубокая, невозмутимая серіозность съ которою прошелъ онъ всѣ самыя забавныя положенія своей роли, еще болѣе возвышала комизмъ этихъ положеній. Не было возможности смотрѣть безъ смѣха какъ онъ бралъ уроки разныхъ искусствъ и наукъ, особенно философіи, или когда онъ съ выраженіемъ самаго искренняго сожалѣнія выслушивалъ упреки и насмѣшки жены и служанки, которыя, по мнѣнію Журдена, не могутъ понимать его высокихъ стремленій. А представленіе маркизѣ? А объясненіе съ переряженымъ Клеантомъ? А важность съ которою принимаетъ онъ посвященіе въ мамамуши? А тотъ взглядъ блудливой кошки который онъ бросилъ на жену, уходя съ Дорантомъ въ кабинетъ для объясненій по поводу любви его къ маркизѣ? Все это взятое вмѣстѣ выставило роль въ такомъ пріятно забавномъ свѣтѣ что глазъ зрителя оставался прикованнымъ къ Журдену во все время пребыванія его на сценѣ и не охотно отрывался отъ него когда онъ уходилъ. Видно было что

Digitized by Google

исполнитель съ особенною любовію и вниманіемъ отнесся къ своей роли.“ * На этомъ же первомъ бенефисѣ Садовскаго шелъ водевиль *Купцы*. водевиль плохой, но въ немъ чрезвычайно типично и со всѣми бытовыми оттѣнками сыгралъ Садовскій роль купца.

16го іюля 1844 года Садовскій женился на московской мѣщанкѣ, дѣвицѣ Елизаветѣ Леонтьевнѣ Кузнецовой. Вѣнчаніе происходило въ церкви Знаменья, что̀ близь Петровскихъ воротъ. Отъ этого брака 12го ноября 1847 года родился у Садовскаго сынъ Михаилъ, теперешній актеръ Московскаго театра. Крестнымъ отцомъ этого сына былъ актеръ Московскаго театра Ѳ. Н. Усачевъ. Больше у Садовскаго дѣтей не было.

Съ 1844 года Садовскій получалъ ежегодные бенефисы, сначала половинные, потомъ полные, впрочемъ въ послѣднее время, съ 1870 года, только номинальные, то-есть бенефисъ назначался отъ его имени, но весь сборъ поступалъ въ дирекцію, которая выдавала ему за это 2.000 р.

Въ апрѣлѣ 1846 года Садовскій получилъ опять прибавку къ жалованью, котораго ему было назначено по 800 р. въ годъ. До половины сороковыхъ годовъ Садовскій преимущественно игралъ роли простаковъ, и я уже сказалъ что въ этихъ роляхъ онъ удивительно былъ забавенъ тою наивностію и простотой, которую онъ придавалъ этимъ ролямъ, но ими не могла ограничиваться долго дѣятельность такого даровитаго актера какъ Садовскій. Жизненный талантъ такого актера какъ Садовскій не могъ удовлетвориться этими не лицами, а какими-то условными однообразными отвлеченіями, у которыхъ у всѣхъ и всегда постоянно одни и тѣ же качества; всѣ они отличаются одинаковыми простотой, наивностію, неловкостію, добродушіемъ; только могущественное комическое дарованіе можетъ вдохнуть въ эти лица жизнь, что̀ съ ними и дѣлали таланты Живокини, Мартынова, Садовскаго, Сергѣя Васильева; но ими не можетъ удовлетвориться истинно даровитый артистъ, сознающій самъ свой талантъ и желающій не закопать его въ землю, онъ будетъ искать другаго рода ролей, другихъ типовъ, что̀ и дѣлалъ Садовскій. Также не могли удовлетворить Садовскаго небольшія роли купчиковъ и приказщиковъ, которыя если находились въ пiесѣ, то отдавались ему, такъ какъ Садовскій исполнялъ ихъ удивительно хорошо.

---

* *Антрактъ*, 1864 6го сентября.

Жажда сценической дѣятельности заставляетъ Садовскаго браться за роли разнообразныя; такъ въ 1846 году мы видимъ его играющаго и Скалозуба въ *Горе отъ ума* и Аргана, въ передѣлкѣ Полеваго Мольеровскаго *Мнимаго больнаго*, перекрещеннаго въ Щедушина, и Сганареля въ Le mariage forcé, названномъ Ленскимъ въ переводѣ *Хоть тресни, а женись*, и мелодраматическую сентиментальную, почти принадлежащую къ амплуа драматическихъ любовниковъ, роль *Симона Сиротинки* и другія разныя и разнообразныя драматическія рукодѣлія, какъ оригинальныя такъ и переводныя.

Вторая половина сороковыхъ годовъ въ дѣятельности Садовскаго можетъ быть характеризована тѣмъ что громадный талантъ его почуялъ и созналъ свою силу, но мало находилъ ролей къ которымъ можно было бы ее приложить. Отставка Орлова, славившагося ролью Осипа въ *Ревизорѣ*, передала эту роль Садовскому, и онъ исполнялъ ее такъ прекрасно что даже не заставилъ жалѣть о своемъ предшественникѣ, которому эта роль болѣе всѣхъ другихъ составила имя. Вотъ что̀ говоритъ А. Григорьевъ о Садовскомъ въ этой роли (*Москвитянинъ* 1852, № 8) и его отзывъ о игрѣ Садовскаго въ этой роли согласенъ съ отзывами всѣхъ рецензентовъ и самой публики. „Садовскій весь отданъ роли: говоритъ ли, молчитъ ли, чиститъ ли сапоги, уноситъ ли съ жадностью жалкіе остатки супа, входитъ ли сказать барину что Городничій пришелъ. Съ перваго монолога Осипа и до послѣдней минуты, вездѣ—это самая истина; ничто не выдается въ этой игрѣ особенно, не выдаются даже выраженія перваго монолога, которыми бы артистъ посредственный старался непремѣнно смѣшить публику, нѣтъ въ игрѣ рѣзкихъ минутъ, а если и есть нѣчто похожее на комическое вдохновеніе, какъ напримѣръ сцена входа съ объявленіемъ о приходѣ городничаго, уговариваніе барина ѣхать и т. д., то, вопервыхъ, эти минуты только художественно совершенны и не рѣзки, вовторыхъ, онѣ являются тамъ гдѣ вы ихъ не ждете, онѣ, такъ-сказать, дополненіе мысли комическаго поэта. Чтобы *такъ* сказать о приходѣ Городничаго, *такъ* обрадоваться щамъ и кашѣ, и *такъ* подойти къ Хлестакову уговаривать его ѣхать, надобно совсѣмъ отрѣшиться отъ своей личности, влѣзть въ натуру Осипа, даже, кажется, думать и чувствовать въ эту минуту какъ Осипъ или Осипы думаютъ и чувствуютъ. Отъ этого-то, когда на сценѣ Осипъ, все живетъ предъ вами, и безъ него какъ-то пусто, и вѣрится

Digitized by Google

даже что онъ и за сценой, и тогда когда его нѣтъ предъ вашими глазами, такъ же живетъ и дѣйствуетъ. Иголочки нельзя подпустить подъ эту маску—того и гляди коснеться живаго тѣла; такъ срослась маска съ тѣломъ. Совершенно спокойное, правдивое до совершенства воспроизведеніе личности со всѣми тончайшими психологическими чертами и во всей соотвѣтствующей этимъ чертамъ внѣшности, вотъ игра Садовскаго."

Затѣмъ Садовскій играетъ еще двѣ Гоголевскихъ роли: Подколесина и Пролетова (въ *Тяжбѣ*), является въ піесахъ Мольера: *Мнимый больной*, *Скапиновы обманы* (роль Скапина), исполненную имъ въ свой бенефисъ въ октябрѣ 1849 года, прекрасно исполняетъ Безландина (въ *Завтракъ у предводителя* Тургенева), играетъ съ большимъ успѣхомъ во многихъ водевиляхъ и переведенныхъ піесахъ, создаетъ изъ небольшихъ данныхъ нѣкоторыхъ весьма немногихъ и слабыхъ оригинальныхъ піесъ цѣлые живые бытовые типы, но всего этого мало для его таланта, онъ хочетъ себѣ пищи и пищи. А между тѣмъ репертуаръ конца сороковыхъ годовъ даетъ ему ея очень мало. Со смертью Мочалова, Шекспиръ почти сходитъ со сцены, главныя роли піесъ Мольеровскихъ почти всѣ играетъ Щепкинъ, Грибоѣдовская роль Скалозуба Садовскому не удалась, трехъ Гоголевскихъ ролей мало. А талантъ художника огромный; комизму въ немъ пропасть, бездна наивности и, главное, правды, естественности, простоты и жизни. Эта жизнь заставляетъ его искать въ произведеніяхъ искусства образцовъ подобныхъ тѣмъ которые его окружаютъ въ дѣйствительности. Кочующая жизнь провинціальнаго актера дала ему возможность хорошо изучить типы и бытъ Русскаго народа; ему хочется типы эти перенести на сцену и съ художественною правдой возсоздать ихъ на подмосткахъ театра, а между тѣмъ піесы тогдашняго репертуара почти не даютъ ему для этого возможности. Садовскій преимущественно стремился къ русскимъ бытовымъ ролямъ; ихъ особенно онъ желалъ; ими занимался онъ съ особенною любовію, хотя талантъ его былъ гораздо шире, и роли общечеловѣческаго репертуара, роли въ которыхъ только черты общечеловѣческія интересуютъ публику были передаваемы Садовскимъ такъ же превосходно, какъ и роли бытовыя. Напомнимъ снова Шута въ *Королѣ Лирѣ* и забѣжимъ впередъ чтобъ указать на роль Бенито въ комедіи Кальдерона *Самъ у себя подъ стражей*, данной въ бене-

Digitized by Google

фисъ г. Богданова въ 1866 году. Правда что иногда въ какой-нибудь переводной піесѣ русская бытовая сторона проглядывала въ его игрѣ и въ какомъ-нибудь Французѣ, Нѣмцѣ, Англичанинѣ или Датчанинѣ сказывался Русакъ, какъ напримѣръ даже въ могильщикѣ въ *Гамлетѣ*, котораго Садовскій исполнялъ бы очень хорошо, еслибы только въ его исполненіи этой роли не проглядывалъ русскій мужикъ. Съ дѣтства знакомый съ русскимъ бытомъ, пропитанный русскимъ духомъ, Садовскій стремился къ русскимъ бытовымъ ролямъ и притомъ изъ окружавшей его жизни, столь знакомой ему. Можно легко вообразить себѣ какъ долженъ былъ обрадоваться Садовскій когда въ концѣ 1849 года появилась въ рукописи первая комедія Островскаго *Свои люди—сочтемся*, и въ этомъ бытовомъ писателѣ онъ нашелъ то чего онъ искалъ, чего желалъ, то что̀ ему казалось его собственностью, ему принадлежащимъ, ему свойственнымъ. Цѣлыхъ полгода Садовскій не разставался съ этой піесой, возилъ ее всюду съ собою и охотно читалъ ее желающимъ слушать. Дружба скоро соединила нашего актера съ начинающимъ писателемъ. Біографы Шекспира говорятъ о вліяніи на него его сотоварища, даровитаго актера Бурбеджа неоспоримо то вліяніе которое Щепкинъ и Гоголь имѣли взаимно другъ на друга; подобное же вліяніе, можетъ-быть еще въ большей степени, должны были имѣть другъ на друга Садовскій и Островскій. Короткая пріязнь съ Островскимъ сблизила Садовскаго съ тогдашнимъ кружкомъ этого писателя, съ такъ-называвшеюся молодо̀ю редакціей *Москвитянина*, журнала вообще и прежде благопріятно расположеннаго къ Садовскому. Эту молодую редакцію составлялъ кружокъ начинающихъ писателей, съ которыми почтенный редакторъ *Москвитянина* съ 1850 года раздѣлилъ труды свои по редакціи журнала и изъ которыхъ многіе въ послѣдствіи пріобрѣли большую извѣстность. Кружокъ этотъ составляли: Островскій, Мей, Бергъ, Алмазовъ, Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Филипповъ, Рамазановъ и др. Кружокъ этотъ носилъ на себѣ нѣкоторый славанафильскій оттѣнокъ и даже въ одеждѣ своей слѣдовалъ примѣру славянофиловъ и вмѣсто общей европейской одежды носилъ большею частью русскія поддевки и рубашки, такъ-что Аполлона Григорьева призывалъ къ себѣ тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ и обязалъ его подпиской не носить кафтановъ и русскихъ рубахъ. Нѣкоторыя подробности

Digitized by Google

славянофильскаго костюма были постоянно присущи и одеждѣ нашего артиста.

Хотя Садовскій, вообще всегда сдержанный и молчаливый, большею частью молчалъ на шумныхъ собраніяхъ этого кружка, что̀ и дало Щербинѣ поводъ въ его эпиграмматическомъ описаніи этого кружка сказать:

Молчитъ многодумно Садовскій,

но все-таки кружокъ молодыхъ даровитыхъ людей не могъ не повліять на Садовскаго. Образъ ихъ воззрѣній былъ отчасти усвоенъ Садовскимъ и ихъ сужденія должны были имѣть на него вліяніе. Въ это время Садовскій самъ предался нѣкоего рода литературной дѣятельности. Онъ сочинилъ и началъ разказывать сперва въ дружескомъ кружкѣ, а потомъ и въ болѣе многолюдныхъ обществахъ нѣсколько юмористическихъ разказовъ изъ купеческаго быта, какъ напр. разказъ купца о томъ какъ въ Бозѣ почивающій государь императоръ Александръ Павловичъ, по совѣту Агличанина, отправилъ Наполеона на такой островъ, на которомъ нѣтъ ни земли, ни воды, одна зыбь поднесенная, или разказъ купца о французской революціи 1848 года въ которомъ купецъ крикъ народа: „республику" превращаетъ въ крикъ: рѣжь публику! Разказы эти никогда не были напечатаны, врядъ ли они когда были и написаны, а просто сначала импровизовались, потомъ запоминались и разказывались, но они положили начало цѣлому роду разказовъ, открыли дорогу цѣлому ряду разказчиковъ, всѣмъ этимъ Горбуновымъ, Вейнбергамъ и т. п. Впрочемъ Садовскій, породивъ послѣ себя столько послѣдователей, самъ скоро бросилъ заниматься разказами.

Первой комедіи Островскаго, его *Своимъ людямъ сочтемся*, не пришлось появиться на сценѣ вскорѣ послѣ ея написанія, она была запрещена театральною цензурой. Та же участь постигла и вторую комедію Островскаго, его *Бѣдную невѣсту*. Такимъ образомъ если не исчезала совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ отлагалась на неопредѣленное время надежда на созданіе хорошихъ бытовыхъ ролей, къ которымъ такъ лежала душа Садовскаго, къ которымъ онъ былъ такъ подготовленъ и своимъ дѣтствомъ и своею кочующею жизнію провинціальнаго актера, доставившими ему случай видѣть столько типовъ и хорошо изучить бытъ Русскаго народа. Тогдашній репертуаръ Садовскаго

Digitized by Google

былъ очень разнообразенъ, но въ немъ было мало хорошихъ піесъ. Какъ на лучшія изъ исполняемыхъ имъ въ это время укажемъ на слѣдующія роли: роль Лисичкина (въ комедіи Анца *Богатая старушка и ея родственники*), этого, по удачному выраженію А. Григорьева, Тартюфа en gérme, съ трогательнымъ тономъ словъ: „тетушка, родная!“, подобострастнаго и лукаваго, съ нравственными сентенціями на устахъ; роль старика лакея (въ комедіи Загоскина *Поѣздка за границу*), неповоротливаго, неуклюжаго, неопрятнаго и удивляющагося съ глубокимъ раздумьемъ и совершенною наивностью тому что за границей такъ тепло что шубы не надобно, что есть же такая сторона которую Богъ зимою обидѣлъ, и роль Ступендьева (въ комедіи Тургенева *Провинціалка*), этого уѣзднаго стряпчаго и пожилаго мужа, стушевавшагося предъ пріѣзжимъ знатнымъ графомъ и трусящагося и за свою жену, и за обѣщанное ему мѣсто, этого солиднаго провинціальнаго чиновника, который въ игрѣ Садовскаго выходилъ такъ живъ и типиченъ что зрителю казалось что гдѣ-то видалъ, встрѣчалъ его въ самой жизни, да только не помнитъ гдѣ.

Видя качественную бѣдность репертуара Садовскаго, молодая редакція *Москвитянина* побуждала этого художника къ новой дѣятельности, и вотъ онъ въ бенефисъ свой, бывшій 26го сентября 1851 года, избралъ роль короля Лира. Можно смѣло предположить что молодая редакція *Москвитянина* имѣла вліяніе на этотъ выборъ. Подтвержденіе этому можно найти въ печати. Такъ въ № 17 *Москвитянина* за 1851 годъ появилась предварительная статья объ этомъ бенефисѣ, такая же статья появилась и въ *Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи*, напечатанная однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ *Москвитянина*, А. Григорьевымъ; другой сотрудникъ этого журнала, Филипповъ, послѣ неудачи Садовскаго въ этой роли, напечаталъ, тоже въ *Москвитянинѣ* (1851, № 21), по его собственнымъ словамъ „скорѣе апологію, нежели рецензію“, въ которой онъ самъ говоритъ что были лица „которыя отнимали у него (Садовскаго) самостоятельность выбора“, то-есть утверждали что не самъ Садовскій избралъ для себя эту роль, а ее ему выбрали другіе. Разумѣется, утверждавшіе это преувеличивали, но нельзя отрицать что выбрать роль короля Лира Садовскому *посовѣтовали* члены молодой редакціи *Москвитянина*, тѣмъ болѣе что они, увлеченные комедіей Островскаго *Свои люди сочтемся*, видѣли въ отношеніяхъ Лира къ

Digitized by Google

старшимъ дочерямъ что-то схожее съ отношеніями Большаго и Липочки. Извѣстіе о томъ что Садовскій избралъ для своего бенефиса роль короля Лира взволновало всю московскую публику; Москва еще очень хорошо помнила въ этой роли игру Каратыгина и Мочалова (у котораго эта роль изо всѣхъ исполняемыхъ имъ шекспировскихъ ролей выходила самая цѣльная послѣ Ричарда III) и такая новость возбудила большіе толки и была встрѣчена почти всеобщимъ недовѣріемъ. За Садовскаго боялись и весьма многіе заранѣе предсказывали ему неуспѣхъ.

При этомъ многіе даже отрицали самое существованіе драматизма въ талантѣ Садовскаго и какъ на доказательство указывали что въ наилучше исполняемой имъ роли Подколесина, сцена когда въ Подколесинѣ происходитъ борьба жениться или не жениться не такъ прекрасно исполняется имъ, какъ другія сцены этой роли, и что даже малѣйшей борьбы, никакого хоть сколько-нибудь драматическаго положенія Садовскій не въ состояніи выразить. Въ послѣдствіи исполненіемъ драматическихъ ролей—Краснова (*Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*), Ананія (*Горькая судьбина*) и др. Садовскій опровергъ это мнѣніе; онъ показалъ что и драматизмъ былъ присущъ его таланту; но такъ какъ во время имъ выбора для себя роли Лира, эта сторона его таланта была вовсе не развита въ немъ, да и всегда оставалась слабѣйшею въ его талантѣ и должна была проявиться впервые въ роли Лира, требовавшей большаго ея проявленія, то такая попытка въ драмѣ Садовскаго въ роли Лира и была неудачна.

Намѣреніе Садовскаго исполнить эту роль, какъ я уже сказалъ, возбудило общій интересъ, театръ былъ полонъ, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ увидать Садовскаго въ совершенно новомъ для него родѣ ролей: иные предсказывали огромный успѣхъ, другіе утверждали что игра Садовскаго въ этой роли должна была возбудить даже смѣхъ въ публикѣ. Ожиданіямъ и тѣхъ и другихъ не суждено было сбыться. Появился Садовскій. Его фигура, хотя и не атлетическая, какъ фигура Каратыгина, шла къ роли. Его встрѣтили громомъ рукоплесканій. Началось исполненіе роли, и чтеніе ея, произношеніе было замѣчательно по своей простотѣ. Но эта умно и просто произносимая рѣчь была холодна, не согрѣта чувствомъ, въ ней недоставало паѳоса, драматизма, и все исполненіе роли короля Лира было монотонно, сухо, вяло и потому безжизненно. Полная неудача со-

Digitized by Google

провождала первую попытку Садовскаго въ драмѣ и эта неудача закрыла даже тѣ черты въ этомъ исполненіи которыя заслуживали похвалы. Этотъ неуспѣхъ сильно огорчилъ Садовскаго; онъ не хотѣлъ даже повторять *Лира*, но дирекція его къ этому принудила; повторивъ эту роль, онъ уже никогда не игралъ ея болѣе.

Въ 1852 году онъ очень хорошо сыгралъ роль купца-лабазника (въ бенефисъ Шумскаго), въ піесѣ Владыкина того же имени и своей игрой много содѣйствовалъ успѣху этой піесы, прекрасно и насколько только можно просто исполнилъ роль старика, въ возобновленномъ имъ въ свой бенефисъ (15го октября 1852 года) *Рекрутскомъ наборѣ* Ильина, отнявъ своею игрой много ходульности у этой роли. Наконецъ въ томъ же году (въ бенефисъ Самарина, 15го декабря 1852 года) художнически передалъ (въ *Комедіи ошибокъ* Шекспира) одного изъ братьевъ-близнецовъ Дромію, которыхъ такъ хорошо и *похоже* исполняли на нашей сценѣ Садовскій и Живокини.

Въ январѣ 1853 года, въ бенефисъ Косицкой, было дано первое представленіе піесы Островскаго: *Не въ свои сани не садись*. Успѣхъ ея былъ огромный. До конца сезона піеса эта давалась почти ежедневно при полномъ театрѣ, и ролью Русакова началъ Садовскій тотъ циклъ бытовыхъ ролей который особенно прославилъ его, такъ что даже многіе начали считать талантъ Садовскаго способнымъ только на созданіе бытовыхъ ролей и неспособнымъ воспроизводить роли репертуара общечеловѣческаго. Мнѣніе это было ошибочное, и многія роли репертуара общечеловѣческаго исполнялись Садовскимъ не менѣе прекрасно какъ и Русаковы съ Брусковыми, что̀ ясно опровергаетъ это мнѣніе; но былъ поводъ и къ тому чтобы сложилось это мнѣніе, которое особенно твердо раздѣляли лица не видавшія прежней дѣятельности Садовскаго и еще не дожившія до постановки на Московской сценѣ піесъ *Укрощеніе строптивой* и еще болѣе *Самъ у себя подъ стражей*. Вполнѣ довольный тѣмъ что въ піесахъ Островскаго ему открылся цѣлый рядъ бытовыхъ ролей, которыя, по его знакомству съ русскими типами и бытомъ, ему было такъ любо, привольно и легко исполнять, Садовскій обратился къ нимъ съ особенною любовью и сталъ заниматься почти исключительно ими одними. Славянофильская закваска толки о томъ что существуетъ какое-то особенное русское искусство также имѣли вліяніе на Садовскаго. Онъ сталъ избѣгать ролей не принадлежащихъ

Digitized by Google

къ числу русскихъ бытовыхъ, къ этимъ послѣднимъ прикладывалъ всѣ силы своего громаднаго таланта, ихъ онъ исполнялъ съ особеннымъ тщаніемъ, въ которомъ сталъ отказывать ролямъ другихъ родовъ. Все это заставило весьма многихъ невольно подумать что талантъ его хотя и глубокій, но довольно узкій, способный хорошо передавать только извѣстнаго быта и рода роли. Это мнѣніе было ошибочное, но артистъ самъ поддерживалъ его своею сценическою дѣятельностью со времени появленія піесъ Островскаго, особенно въ началѣ этого появленія. Кромѣ того бытовыя роли, созданіе которыхъ было такъ легко Садовскому, знавшему хорошо русскій бытъ, эти лица Островскаго и другихъ бытовыхъ писателей, большею частію не развивающіяся въ дѣйствіи, типы такъ-сказать не движущіеся, а стоячіе, сходящіе со сцены такими же, какими они на нее появлялись, можетъ-быть служили къ тому что Садовскій, занявшись исполненіемъ почти ихъ однихъ и избалованный легкостію для себя ихъ исполненія, сталъ отвыкать трудиться, сталъ тяготиться ролями которыя заставляли актера не только создать типъ за кулисами и съ готовымъ имъ выдти на сцену, но и на самой сценѣ переживать различныя перепетіи и измѣненія, происходящія въ представляемомъ лицѣ по ходу дѣйствія. Можетъ-быть въ легкости для Садовскаго исполненія такихъ ролей лежало зерно того небрежнаго отношенія къ ролямъ, за которое такъ безпощадно, хотя и справедливо, упрекали Садовскаго въ послѣднее время. За то роли эти вводили на Московскую сцену удивительный ансамбль, такъ какъ онѣ были легки и доступны *русскимъ* актерамъ, и трудно представить то совершенство съ какимъ разыгрывались піесы Островскаго въ былое время на Московской сценѣ.

Въ 1853 же году весной Садовскій также превосходно исполнилъ роль купца Смурова въ другой піесѣ Островскаго *Утро молодаго человѣка* и наконецъ въ сентябрѣ того же года явился Максимомъ Петровичемъ Беневоленскимъ въ только-что позволенной цензурой, сначала съ выкидкой роли Дуни, а потомъ и съ этою ролью, *Бѣдной невѣстѣ* Островскаго. Максимъ Петровичъ Беневоленскій былъ однимъ изъ самыхъ художественныхъ созданій Садовскаго. Онъ создалъ не одно только внѣшнее обличіе этого типа, нѣтъ, онъ открылъ зрителю самую душу подобнаго рода людей. Предъ нами стоялъ человѣкъ котораго мы гдѣ-то видали, тогда ли когда совер-

Digitized by Google

шали купчую въ какой-то гражданской палатѣ или давали ему взятку, когда имѣли къ нему дѣло въ какомъ-то судѣ; мы не знали, не помнили, какую именно фамилію носилъ тогда этотъ человѣкъ, явившійся намъ теперь подъ фамиліей Беневоленскаго, но онъ былъ знакомъ намъ. Мы понимали что подобный Беневоленскій долженъ именно и ходить такъ и садиться такъ съ прискочкой на диванъ, и произносить такъ же на французскій манеръ слово *влюбленъ*, съ окончаніемъ въ носъ послѣдняго слога, и такъ же безцеремонно и даже съ нѣкотораго рода важностью разказывать что такая-то вещица у него не купленная, а такъ „хорошій человѣкъ набѣжалъ", что именно такъ онъ долженъ любезничать съ Марьей Андреевной, что именно такое вліяніе должна была оказать на него эта дѣвушка, что могла полюбить его Дуня и что именно такъ струсилъ онъ предъ нею, когда она пришла въ послѣдній разъ повидаться съ нимъ въ домъ его невѣсты. Да, это было живое, истинно-художественное созданіе, а не безжизненный дагеротипъ съ живаго типа.

Въ концѣ 1853 года Садовскій очень забавно и типично передалъ въ свой бенефисъ роль Мордоплюева въ комедіи Красовскаго *Женихъ изъ ножевой линіи*, такъ что въ этой роли съ нимъ не могли равняться ни Мартыновъ, ни П. Васильевъ.

25го января 1854 года шла въ первый разъ на Московской сценѣ *Бѣдность не порокъ* Островскаго, и роль Любима Торцова была новымъ торжествомъ Садовскаго. Въ этой роли Садовскій былъ удивительно типиченъ и объ игрѣ его въ этой роли можно было повторить слова той же роли: „Любимъ Торцовъ живой стоитъ". При удивительной гримировкѣ, въ немъ виденъ былъ пьяница, паясничествомъ выманивающій копѣйку чтобъ выпить косушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ виденъ и человѣкъ когда-то жившій хорошо и сохранившій въ себѣ еще много человѣческаго, хорошаго, хотя ухватки его и рѣчь отзываются тѣмъ паясничаньемъ къ которому онъ привыкъ на морозѣ. И удивительно къ этому лицу шелъ тотъ трагическій тонъ, который онъ пріобрѣлъ, смотря, хотя и пьяный, на Московской сценѣ трагедіи. Въ то время манера Мочаловской дикціи была усвоена многими его почитателями, тонъ трагика à la Мочаловъ былъ довольно распространенъ въ Москвѣ въ лицѣ памятныхъ московской публикѣ Дьяковыхъ и т. п. Эту трагическую декламацію усвоилъ себѣ и Садовскій для роли Любима Торцова.

Digitized by Google

И этимъ-то тономъ онъ передавалъ свой разказъ, свою исповѣдь Митѣ и въ этой передачѣ удивительно соединялись и усвоенный имъ напускной трагическій тонъ, и паясническія выходки, и глубокое задушевное чувство. Вотъ почему этотъ длинный разказъ въ исполненіи Садовскаго никогда не казался скученъ и монотоненъ, какъ казался онъ у другихъ тоже даровитыхъ исполнителей этой роли, какъ напримѣръ у Щепкина, П. Васильева, Берга и Рыбакова. Въ передачѣ Садовскаго онъ былъ задушевенъ, трогателенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимателенъ и разнообразенъ, а также весьма оригиналенъ по придаваемому ему внѣшнему тону и манерамъ. А послѣдняя сцена Любима Торцова съ братомъ подирала зрителей морозомъ по кожѣ и оправдывала хоть сколько-нибудь такую коренную, неожиданную, несовсѣмъ естественную нравственную метаморфозу Гордея Торцова.

Мы не будемъ слѣдить за игрой Садовскаго во всѣхъ роляхъ комедій Островскаго; всѣ онѣ (кромѣ трехъ: *Бѣшеныя деньги*, *Свои собаки грызутся* и *Женитьба Бальзаминова*) не обходились безъ его въ нихъ участія, и это участіе служило большимъ украшеніемъ каждой изъ этихъ піесъ. Мы только для полноты статьи исчислимъ роли исполнявшіяся Садовскимъ въ піесахъ Островскаго: Подхалюзинъ и потомъ Большовъ (*Свои люди — сочтемся*), Смуровъ (*Утро молодаго человѣка*), Беневоленскій (*Бѣдная невѣста*), Любимъ Торцовъ (*Бѣдность не порокъ*, піеса которую Островскій посвятилъ Садовскому), Пузатовъ (*Картина семейнаго счастія*), Петръ Ильичъ (*Не такъ живи, какъ хочется*), Титъ Титычъ Брусковъ (*Въ чужомъ пиру похмѣлье*), Юсовъ (*Доходное мѣсто*), Неуѣденовъ (*Праздничный сонъ—до обѣда*), кучеръ купца Толстогораздова (*Не сошлись характерами*), Густомѣсовъ (*Старый другъ лучше новыхъ двухъ*), Потапычъ (*Воспитанница*), Дикой (*Гроза*), Брусковъ (*Тяжелые дни*), Красновъ (*Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*), Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ, Хрюковъ (*Шутники*), Шалыгинъ (*Воевода*), Боровцовъ (*Пучина*), Безсудный (*На бойкомъ мѣстѣ*), Осиповъ (*Дмитрій Самозванецъ и князь Шуйскій*), Сеитовъ (*Тушино*), князь Воротынскій (*Василиса Мелентьева*), Мамаевъ (*На всякаго мудреца довольно простоты*) Куроѣдовъ (*Горячее сердце*), Восмибратовъ (*Лѣсъ*) и Аховъ (*Не все коту масляница*).

Садовскому принадлежитъ сценическое воспроизведеніе типа самодуровъ. Роль Тита Титыча Брускова онъ исполнилъ

Digitized by Google

въ первый разъ въ свой бенефисъ въ январѣ 1856 года и удивительно ясно сумѣлъ своею мимикой въ молчаливой сценѣ, когда Титъ Титычъ остается одинъ, объяснить зрителю съ чего это вздумалось этому самодуру послать своего сына и жену кланяться въ ноги бѣдному учителю и просить его чтобъ онъ согласился отдать дочь свою за сына Брускова. Здѣсь мимика Садовскаго безъ словъ объясняла то что̀ происходитъ въ Титѣ Титычѣ. Вотъ онъ въ раздумьи разглядываетъ разорванную росписку, по которой его Андрюшка обязался жениться на дочери учителя Иванова и которую Ивановъ бросилъ ему, не взявъ за нее денегъ, еще разъ разрываетъ ее въ клочки, на лицѣ его видно что онъ пораженъ нравственною силой, существованіе которой и не подозрѣвалъ, онъ задумывается надъ нею, прикладываетъ пальцы ко лбу, разводитъ руками, наконецъ эта нравственная сила побѣждаетъ его, онъ рѣшается, а разъ рѣшившись, онъ тотчасъ же посылаетъ *своихъ* просить и молить Иванова отдать дочку за его сына. Этотъ переворотъ въ самодурствѣ Брускова такъ ясно выражался въ мимикѣ Садовскаго что не нужно было никакого монолога, чтобъ оправдать естественность развязки этой комедіи.

Въ русскихъ бытовыхъ піесахъ писатели всегда находили въ игрѣ Садовскаго свою лучшую поддержку и украшеніе. Онъ игралъ въ піесахъ Тургенева *Нахлѣбникъ* (роль Иванова) и *Мѣсяцъ въ деревнѣ* (о *Провинціалкѣ* мы уже говорили), Потѣхина *Судъ людской не Божій*, *Шуба овечья* и особенно хорошъ былъ въ *Мишурѣ* въ роли секретаря Побѣдимскаго (когда въ прошломъ году была возобновлена *Мишура*, уже въ то время какъ силы Садовскаго ослабѣли, онъ попрежнему былъ велико-прекрасенъ въ этой роли). Такъ рано похищенный смертью Сальковъ своей единственной піесѣ *Снявши голову по волосамъ не плачутъ* нашелъ покровительство въ Садовскомъ, въ бенефисъ котораго она и шла. Владыкинъ и Сухово-Кобылинъ съ своими первыми піесами отнеслись, какъ говорятъ, прямо къ нему и нашли въ Садовскомъ большое участіе къ своимъ трудамъ. Такъ какъ бенефисы его въ тѣ года въ которые были доставлены къ нему эти піесы были уже составлены, онъ рекомендовалъ эти піесы Шумскому, въ бенефисы котораго и шли онѣ съ большимъ успѣхомъ, и этому успѣху не мало способствовала превосходная игра Садовскаго въ Купцѣ-лабазникѣ и полное чрезвычайнаго комизма

Digitized by Google

исполненіе имъ роли Расплюева въ *Свадьбѣ Кречинскаго* Садовскій какъ-то особенно успѣшно умѣлъ оттѣнить въ этомъ негодяѣ Расплюевѣ сохранившіяся въ немъ простодушіе и наивность. Садовскій тоже участвовалъ къ другихъ комедіяхъ Владыкина, въ его *Омутъ Тесть въ бѣдѣ*, *Образованность*, у Писемскаго онъ игралъ въ *Горькой судьбинѣ* и *Ипохондрикѣ*, у Чаева въ *Сватѣ Ѳадеичѣ* и *Свекрови*; у графа Толстаго онъ типично представилъ Гарабурду въ *Смерти Іоанна Грознаго*, Боборыкинскаго *Однодворца* давалъ въ свой бенефисъ и игралъ большую роль въ его *Большихъ хоромахъ*. Въ армейскихъ сценахъ Турбина, въ майорѣ въ его *Бойкой барынѣ* и въ деньщикахъ въ *Картинкѣ съ натуры* и *Свекровь и теща* Садовскій былъ великолѣпенъ. Во всѣхъ этихъ піесахъ талантъ Садовскаго проявлялъ въ немъ великаго артиста. * Но были попытки и не удавшіяся Садовскому; такъ исполненіе ролей: Городничаго въ *Ревизорѣ* (въ бенефисъ Колосова, 18го апрѣля 1858 года) и Фамусова въ *Горе отъ ума* (въ бенефисъ Степанова, 8го сентября того же года.) Послѣдняя роль совершенно не удалась Садовскому, но въ исполненіи первой было немало хорошаго и своеобразнаго. У Садовскаго Сквозникъ-Дмухановскій выходилъ какимъ-то отставнымъ военнымъ, полнымъ властелиномъ города, даже и наставленія окружающимъ его чиновникамъ дающимъ начальническимъ тономъ, а не былъ тѣмъ плутомъ, который дѣлаетъ эти замѣчанія по пословицѣ: рука руку моетъ. Такой типъ задуманъ былъ Садовскимъ и пожалуй вѣрно, ибо городничіе большею частью опредѣлялись изъ отставныхъ военныхъ, но исполненіе отстало отъ замысла, и роль городничаго не была одною изъ удачныхъ у Садовскаго; онъ въ послѣдствіи отказался отъ этой роли и сталъ попрежнему исполнять роль Осипа, въ которой былъ такъ превосходенъ.

Въ 60хъ годахъ Садовскій началъ разрабатывать и драматическую сторону своего таланта, которая дотолѣ была въ немъ мало развита, такъ что даже присутствіе ея въ немъ иные отрицали, но исполненіе драматическихъ ролей въ драмахъ *Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*, *Горькая судьбина* и др. опровергаетъ это мнѣніе: и драматизмъ былъ присущъ таланту Садовскаго, только онъ его менѣе развилъ чѣмъ присущій ему комизмъ, который онъ развилъ въ высшей степени.

Москва любила, уважала и высоко цѣнила своего великаго

---

* Въ *Недорослѣ* Садовскій исполнялъ роль Скотинина., а въ *Ябедѣ* роль Прокурора.

Digitized by Google

артиста, не менѣе оцѣнилъ его и Петербургъ, когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ него весной 1857 года и игралъ тамъ въ слѣдующихъ піесахъ: *Бѣдность не порокъ*, *Не въ свои сани не садись*, *Женитьба*, *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, *Въ чужомъ пиру похмѣлье*, *Женихъ изъ ножевой линіи*, *Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли* (гдѣ онъ удивительно хорошо изображалъ мелкаго торговца Григорія Безмѣрина) и др. Успѣхъ былъ огромный, Садовскій произвелъ на Петербуржцевъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. И другая поѣздка Садовскаго въ Петербургъ въ 1870 году, во время тамошней мануфактурной выставки, сопровождалась тоже большимъ успѣхомъ, но въ послѣднюю поѣздку его въ Петербургъ въ прошломъ году, успѣхъ его былъ менѣе; память стала измѣнять Садовскому, это уже былъ не прежній Садовскій, что замѣтили ему петербургскія газеты и что можетъ-быть дала ему замѣтить и сама петербургская публика, принимавшая его не съ такимъ уже восторгомъ какъ въ предыдущіе его пріѣзды. Обиженный и огорченный Садовскій возвратился въ Москву даже прежде предназначеннаго срока.

Какъ ни тяжело иногда говорить истину въ виду еще свѣжей могилы, но повинуясь голосу правды, мы должны сказать что Садовскій со второй половины шестидесятыхъ годовъ какъ-то опустился, сталъ какъ бы небрежнѣе относиться къ своему дѣлу, и если ему доставалась новая роль, онъ рѣдко, очень рѣдко выходилъ на сцену, зная ее твердо. Тотъ Садовскій, который прежде такъ твердо всегда зналъ роли, что нетвердое знаніе роли въ какой-то пустой піесѣ, данной въ его бенефисъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, было всѣми замѣчено, какъ небывалый, не слыханный и не виданный феноменъ, вдругъ началъ играть почти постоянно съ нетвердо выученными ролями и не только не зналъ новыхъ ролей, но даже забывалъ старыя. Какая же была причина такой рѣзкой и печальной перемѣны въ артистѣ? Упадокъ ли артистическихъ силъ, физическая болѣзнь или образъ жизни? Съ своей стороны, мы не можемъ приписать этой перемѣны упадку художническихъ силъ: онѣ попрежнему были громадны, громадны до того что даже въ нетвердой роли публика могла любоваться игрой Садовскаго. Скорѣе же надо предположить что въ немъ начинался уже тотъ недугъ который впослѣдствіи свелъ его въ могилу; этотъ недугъ имѣлъ вліяніе на его физическія силы, чрезъ него могла притупиться

Digitized by Google

и память Садовскаго, которому отъ этого и стало труднѣе учить роли. Этой перемѣнѣ могъ содѣйствовать также и образъ жизни который Садовскій велъ въ послѣднее время. Во второй половинѣ 60 годовъ открылся въ Москвѣ Артистическій Кружокъ, къ которому сильно привязался Садовскій и въ которомъ онъ сталъ проводить почти все время не занятое въ театрѣ на спектакляхъ или репетиціяхъ. Много сдѣлалъ для Кружка Садовскій, и бывшій старшина этого Кружка, М. С. Мостовскій, въ своей надгробной рѣчи этому артисту вѣрно оцѣнилъ ту пользу которую принесъ Садовскій Кружку, но взамѣнъ ея Садовскій не вынесъ изъ Кружка себѣ пользы. Когда Садовскій не игралъ, или только-что кончилъ роль, онъ спѣшилъ въ Кружокъ и тамъ можно было постоянно его видѣть или за картами или за ужиномъ.... Такъ убивалъ время артистъ, и мало ему оставалось времени для изученія ролей. Тяжело писать эти строки, но правда ихъ требуетъ.

Избалованный легкостью для него бытовыхъ ролей, Садовскій желалъ въ послѣднее время ограничить только ими одними свою дѣятельность и довольно упорно отказывался отъ участія въ піесахъ классическихъ (за исключеніемъ Мольера, въ которомъ онъ всегда игралъ охотно), но если случалось брать ему подобную роль, то этотъ самородокъ, этотъ кремень, ударяясь о крѣпкое огниво Шекспировской или Кальдероновской роли, давалъ бездну блестящихъ, яркихъ, дорогихъ искръ. Вспомните какъ онъ хорошъ былъ въ роли Бенито въ піесѣ Кальдерона *Самъ у себя подъ стражей*. Вотъ что говоритъ Баженовъ объ игрѣ его въ этой роли: „Садовскій былъ рѣшительно прекрасенъ въ роли Бенито, потому что мы не можемъ указать въ его игрѣ ничего невыраженнаго, точно также какъ и ничего лишняго, а глубокая наивность, которою дышало каждое слово, каждый жестъ артиста, тѣмъ обаятельнѣе дѣйствовала всѣмъ комизмомъ своимъ на зрителя и вызывала тѣмъ болѣе неудержимый смѣхъ, чѣмъ меньше отзывалась преднамѣренностью и желаніемъ смѣшить, желаніемъ очень обыкновеннымъ въ этомъ случаѣ у другихъ исполнителей подобныхъ ролей. Садовскій говорилъ и выдѣлывалъ самыя уморительныя вещи съ невозмутимою серіозностію, совершенно въ духѣ и характерѣ положеній и роли, ни на минуту почти не давая зрителю возможности почувствовать, вмѣсто Бенито,—актера игравшаго роль Бенито. Мы особенно рады что въ роляхъ классическихъ находитъ себѣ настоящее и самое широкое

Digitized by Google

приложеніе и во всей силѣ обнаруживается въ Садовскомъ драгоцѣнное свойство истинно комическаго дарованія не выдавать смѣшное за смѣшное свойство, которому придавалъ большое значеніе еще Квинтиліанъ (Institutiones Oratoriae. VI) *
А типически переданная Садовскимъ роль Баптисты (*въ Укрощеніи строптивой*), этого добродушнаго простяка-отца, на каждомъ шагу теряющагося предъ обстоятельствами и неумѣющаго справиться съ дочерьми? А замѣчательно хорошее исполненіе Сганареля въ *Мнимомъ рогоносцѣ) Сганарель или мужъ думающій что онъ обманутъ женою)*, въ *Ипкарѣ по неволѣ* и въ *Насильномъ бракѣ* (*Хоть тресни, а женись*), или *Жоржъ Данденѣ*? А какъ хорошъ онъ былъ въ *Пурсоньякѣ* или Жеронтѣ (*Продѣлки Скапена*), гдѣ повторяемая имъ многократно и въ высшей степени разнообразнѣ фраза „за какимъ чортомъ пошелъ онъ на эту проклятую галеру", производила такой фуроръ въ публикѣ и гдѣ мимика лица его доходила до замѣчательнаго совершенства, какъ напримѣръ въ сценѣ когда онъ высовываетъ голову изъ мѣшка и видитъ что его бьетъ Скапенъ.

Садовскій всегда радъ былъ помочь начинающему писателю или актеру. Флегматическій, неподвижный, Садовскій оказывалъ эту помощь не словами, а самымъ дѣломъ; на его бенефисахъ дебютировали въ первый разъ на Московской сценѣ: Горбуновъ, Левина, Лазарева, къ нему не разъ обращались авторы съ просьбой о постановкѣ первыхъ своихъ пiесъ.

Когда въ Артистическомъ Кружкѣ устраивались спектакли, Садовскій пожертвовалъ на ихъ устройство 300 руб.

На сценѣ Московскаго Театра были родственники Садовскаго: братъ, ** племянникъ *** и сынъ. Ихъ сценической карьерѣ старался помогать Садовскій даже иногда въ ущербъ своимъ собственнымъ матеріальнымъ интересамъ, заявляя при возобновленіи своихъ контрактовъ не объ увеличеніи своего

---

* *Антрактъ* 2го ноября 1866 года № 42.

** Молодой человѣкъ, дебютировавшій на Московской сценѣ весною 1845 года въ роли Карлуши (въ *Булочной*), а потомъ по поступленіи на Московскую сцену игравшій многія роли. Онъ подавалъ хорошія надежды, но къ сожалѣнію умеръ въ весьма молодыхъ годахъ. Провъ Михайловичъ былъ очень огорченъ его смертію.

*** Тоже молодой человѣкъ занимавшій небольшія роли. Онъ также умеръ въ молодыхъ годахъ.

Digitized by Google

содержанія, а объ увеличеніи содержанія его бѣднаго племянника или о пріемѣ на сцену его сына.

Мы сказали что въ 1846 году Садовскій получалъ жалованья по 800 р. въ годъ. Въ декабрѣ 1848 года приближался срокъ его десятилѣтняго служенія на Московской сценѣ. Садовскій подалъ въ дирекцію театровъ прошеніе о томъ что по случаю приближенія срока его десятилѣтней службы при Императорскихъ театрахъ, онъ хочетъ самъ предложить дирекціи условія своей службы. На это бывшій въ то время директоромъ Императорскихъ Театровъ А. М. Гедеоновъ отвѣчалъ ему что срокъ десятилѣтія для перемѣны условій по службѣ артистовъ постановляется только для тѣхъ изъ нихъ которые поступили на службу изъ воспитанниковъ театральной школы и въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ своего служенія состояли въ зависимости отъ дирекціи; для тѣхъ же которые не будучи воспитаны въ театральной школѣ, поступили къ театру безъ условія обязательной службы, условіе десятилѣтія не существуетъ. За симъ, обращаясь къ службѣ Садовскаго при театрѣ, Гедеоновъ замѣтилъ что актеръ этотъ, продолжая играть безъ контракта въ теченіи шести лѣтъ, начиная съ 1840 года получалъ постоянно ежегодныя прибавки и такимъ образомъ дошелъ до оклада жалованья въ 800 р., тогда какъ въ 1840 году онъ получалъ только 228 р. и сверхъ того въ послѣднія пять лѣтъ имѣлъ ежегодно по половинному бенефису. Поэтому Гедеоновъ предложилъ Садовскому остаться на службѣ на прежнихъ условіяхъ, предваривъ его при этомъ, что онъ, зная его усердіе и дарованіе, вознаградитъ его сообразно съ ними и безъ всякаго десятилѣтняго срока, который до него не касается. Со стороны формальной отвѣтъ Гедеонова былъ совершенно правиленъ: по театральнымъ законамъ срокъ десятилѣтія дѣйствительно существуетъ только для казенныхъ воспитанниковъ училищъ Императорскихъ театровъ, которые до окончанія этого срока не могутъ предъявлять никакихъ условій, а должны довольствоваться тѣмъ содержаніемъ которое будетъ имъ назначено отъ дирекціи. Такимъ образомъ Садовскій оставался служить по 800 руб. въ годъ до марта 1850 года, когда ему было назначено жалованья 900 руб., въ 1851 году—1.000 руб., въ 1853 году прибавлено къ этому по 3 руб. поспектакльныхъ, въ 1855 году по 7 руб., а 24го марта 1858 года назначено ему производить высшій окладъ опредѣленный закономъ для русскихъ артистовъ—1.143 р. въ годъ.

Digitized by Google

Въ 1859 году Садовскій выслужилъ положенный артистамъ Императорскихъ театровъ двадцатилѣтній срокъ для полученія пенсіона. Послѣдняя прибавка, какъ сдѣланная ему менѣе чѣмъ за три года до полученія пенсіона, не могла по закону войти въ составъ пенсіона, но Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: актеру Садовскому, въ уваженіе отличнаго его таланта, назначить за 20 лѣтъ его службы, не въ примѣръ другимъ, въ пенсіонъ окладъ получаемаго имъ жалованья, то-есть по 1.143 р. въ годъ. По правиламъ дирекціи Садовскій остался служить два года въ благодарность за пожалованный ему пенсіонъ безъ полученія жалованья отъ дирекціи, а 29го мая 1861 года заключилъ на три года контрактъ съ дирекціей, по которому получалъ 1.143 р. жалованья, 35 поспектакльныхъ и полубенефисъ.

Въ 1863 году приближался срокъ контракта Садовскаго, и по Москвѣ, къ сожалѣнію всѣхъ любителей Московскаго театра, разнесся слухъ что Садовскій хочетъ оставить сцену, другіе говорили что онъ намѣренъ перейти на Петербургскій театръ. Самъ Садовскій говорилъ что онъ усталъ, что не хочемъ больше служить, что хочетъ отдохнуть. Эти слухи встревожили и московскую публику и московскую дирекцію. Наконецъ въ октябрѣ 1863 года Садовскій подалъ управлявшему въ то время Московскими театрами Л. Ѳ. Львову объявленіе, въ которомъ объяснилъ что по окончаніи 29го мая 1864 года срока его контракта, онъ не желаетъ продолжать службы своей при дирекціи театровъ и проситъ уволить его. Львовъ, получивъ такую бумагу и уже предварительно частнымъ образомъ списавшись объ этомъ съ тогдашнимъ директоромъ театра графомъ А. М. Борхомъ, пригласилъ Садовскаго къ себѣ и послѣ этого свиданія 11го ноября 1863 года донесъ директору: „Вслѣдствіе личнаго моего, по приказанію вашего сіятельства, объясненія съ актеромъ Императорскихъ Московскихъ театровъ Провомъ Садовскимъ, имѣю честь почтительнѣйше донести что г. Садовскій, по наступленіи 29го мая 1864 срока его контракта согласенъ остаться на дальнѣйшую службу при дирекціи, но съ тѣмъ чтобы ему производилось въ годъ жалованья по 1.143 р., гардеробныхъ по 1.257 р. (такъ чтобы жалованья вмѣстѣ съ гардеробными составляло по 200 въ мѣсяцъ), 35 р. поспектакльныхъ и полный бенефисъ на Маломъ Театрѣ, съ заключеніемъ контракта на три года и съ тѣмъ чтобъ было увеличено жалованье его племянника, актера Михаила Садовскаго 2го, получаю-

Digitized by Google

щаго жалованья по 100 руб. въ годъ". На это донесеніе отъ графа Борха было получено въ отвѣтъ, что Высочайше повелѣно возобновить контрактъ съ Садовскимъ, съ назначеніемъ ему при окладѣ его жалованья 1.143 рублей въ годъ, поспектакльныхъ по сорока пяти руб. за представленіе и полнаго бенефиса на Маломъ Театрѣ, но съ тѣмъ что если по окончаніи сезона представится что поспектакльныя деньги по сложности не достигнутъ цифры нужной для составленія вмѣстѣ съ прочими окладами суммы 6.900 руб. то сію разницу доплачивать по особымъ всякій разъ представленіямъ, не въ примѣръ другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ Императорскаго Двора изъявилъ согласіе на назначеніе прибавки къ жалованью племяннику его актеру Садовскому 2му по сту руб. въ годъ, по уваженію крайне малаго получаемаго имъ оклада. Садовскій согласился на эти условія, и контрактъ былъ заключенъ на три года, потомъ возобновленъ еще на три года. При наступленіи же въ 1870 году срока Садовскій просилъ дирекцію о возобновленіи съ нимъ контракта на прежнихъ условіяхъ, но при этомъ ходатайствовалъ о гарантированіи его полнаго бенефиса въ 2.000 руб. и о принятіи на службу къ Московскимъ театрамъ въ драматическую труппу сына его, съ жалованьемъ по 1.000 руб. въ годъ. На эти условія управлявшій Московскими театрами Н. И. Пельтъ получилъ въ отвѣтъ, что министръ Императорскаго Двора разрѣшилъ возобновить съ актеромъ драматической труппы Московскихъ театровъ Провомъ Садовскимъ контрактъ съ 29го мая 1870 года впредь на три года съ производствомъ ему прежнихъ жалованья по 1.143 руб. въ годъ и поспектакльныхъ по 45 руб. за представленіе, а взамѣнъ полнаго бенефиса на Маломъ Театрѣ, по двѣ тысячи руб. въ годъ, каковой бенефисъ дирекція въ правѣ назначать ежегодно въ свою пользу на имя Садовскаго по возвышеннымъ цѣнамъ, на Большомъ или Маломъ Театрѣ. Что же касается принятія на службу въ упомянутую труппу, согласно желанію Садовскаго, сына его Михаила, то министръ Двора не изъявилъ согласія на то чтобъ артисты, при возобновленіи съ ними контрактовъ, ставили непремѣннымъ условіемъ ангажементъ своихъ родственниковъ. Потомъ дѣло это уладилось, сынъ Садовскаго былъ принятъ на службу къ Московскимъ театрамъ съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ, но уже не ради заслугъ своего отца, а по причинѣ своей собственной полезности, и Садовскій подписалъ новый контрактъ,

Digitized by Google

на означенныхъ условіяхъ, на три года, но судьбѣ не угодно было чтобъ онъ дожилъ до срока этого контракта.

Указомъ правительствующаго сената, отъ 11го декабря 1862, Садовскій возведенъ въ потомственное почетное гражданство.

Въ нынѣшнемъ году здоровье Прова Михайловича замѣтно стало ослабѣвать; послѣ Святой онъ долго лежалъ больной, потомъ игралъ одинъ только разъ, 28го мая, въ комедіи Островскаго *Лѣсъ*, игралъ совершенно больной; наконецъ самые тревожные слухи о болѣзни Садовскаго начали носиться по Москвѣ, всѣ интересовались здоровьемъ артиста, и хотя состояніе его здоровья было уже безнадежно, но какъ-то все не вѣрилось что смерть такъ близка, что она скоро похититъ у насъ нашего великаго художника. Наконецъ, чего ожидали, чего боялись — совершилось: 16го іюля, въ день въ который 28 лѣтъ тому назадъ была его свадьба, Садовскаго не стало.

Вѣсть о смерти Садовскаго разнеслась довольно туго. О его кончинѣ не знала даже сама театральная дирекція, на афишахъ которой, на другой день уже послѣ его смерти, 17го іюля, онъ еще числился больнымъ. Только въ *Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи* отъ 17го іюля, и то не во всѣхъ экземплярахъ, явилась публикація о его кончинѣ и погребеніи и несмотря на это, несмотря даже на то что выносъ тѣла съ дачи Садовскаго произошелъ не въ 9 часовъ, какъ было назначено, а ранѣе, довольно значительная толпа почитателей таланта покойнаго сопровождала его гробъ изъ Парка въ церковь Благовѣщенія, что̀ на Тверской-Ямской. Въ продолженіи обѣдни эта обширная церковь наполнилась желающими проститься съ тѣломъ великаго художника, а во время отпѣванія въ ней было даже тѣсно. Вся театральная дирекція, всѣ артисты Императорскихъ Московскихъ Театровъ и Театра Народнаго, нѣкоторые изъ писателей и множество поклонниковъ таланта Садовскаго наполняли церковь. Гробъ Садовскаго, украшенный цвѣтами и вѣнками отъ его сотоварищей и артистовъ Народнаго Театра, былъ несенъ на рукахъ отъ дачи покойнаго на Башиловкѣ до церкви Благовѣщенія, гдѣ происходило отпѣваніе, а оттуда до Пятницкаго кладбища, гдѣ положили Садовскаго рядомъ съ могилой его матери, умершей только за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Въ церкви, мѣсто гдѣ стоялъ гробъ было уставлено цвѣтами и

Digitized by Google

тропическими растеніями—приношеніе Артистическаго Кружка. Предъ опущеніемъ въ могилу на гробъ былъ положенъ вѣнокъ отъ Артистическаго Кружка. Бывшій старшина Кружка М. С. Мостовскій произнесъ съ большимъ чувствомъ на могилѣ покойнаго рѣчь. Когда горсти земли стали опускаться на крышку гроба, многіе плакали.

Такъ прощались съ Садовскимъ Москвичи:

И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами!

В. РОДИСЛАВСКІЙ.

Digitized by Google

СМѢСЬ

I. ЗАМѢТКА О СТОЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ. Въ № 118 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатана программа предполагавшагося въ Архангельскѣ празднованія двухсотлѣтія дня рожденія императора Петра Великаго, выработанная въ особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ архимандрита Доната. Напомнимъ чѣмъ ознаменовалъ Архангельскъ *столѣтній* юбилей Петра

Во второмъ томѣ книги *Собранія разныхъ извѣстій Императорскаго Воспитательнаго Дома, къ удовольствію общества служащей* (1791), составляющей теперь библіографическую рѣдкость, между прочимъ помѣщено извѣстіе объ усердіи попечителя о призрѣніи несчастнорожденныхъ младенцевъ въ городѣ Архангельскѣ, Петра Ѳедоровича Буренина, возбуждавшаго жителей словомъ и дѣйствіемъ къ оказанію пособій, о чемъ онъ сообщилъ опекунскому совѣту письменныя свѣдѣнія, изъ которыхъ явствуетъ слѣдующее:

Архангелогородскій сословный старшина Василій Крестининъ (авторъ изданной въ 1784 году книги: *Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ*), будучи тамошнимъ за-попечителемъ, то-есть исправляющимъ должность попечителя въ общесословномъ собраніи, въ самый день столѣтія (30го мая 1772) отъ рожденія императора Петра Великаго, произнесъ одушевленную рѣчь, въ которой напоминалъ Архангелогородцамъ о заслугахъ сего монарха, посѣтившаго троекратно ихъ городъ, приглашалъ согражданъ своихъ оказать безсмертному Преобразователю Россіи благодарность

Digitized by Google

поставленіемъ памяти его *живаго монумента* для спасенія несчастныхъ младенцевъ.

Сословные члены Архангелогородскаго посада, преклоненные краснорѣчіемъ оратора, единогласно постановили: „въ память вѣчную Петра Великаго, всероссійскаго императора и отца отечества, учредить добровольнымъ согласіемъ граждань торжественное и повсегодное въ тридесятый день мая мѣсяца собираніе добровольныхъ подаяній въ пользу злосчастныхъ младенцевъ“. Сословный приговоръ этотъ закрѣпили своими подписями: городовой староста Алексѣй Поповъ и мѣщанскіе: Елисей Тютлинъ и Михаилъ Плотниковъ, и самъ старшина Крестининъ.

Положеніе такого „добровольнаго и законами огражденнаго учрежденія, назначеннаго быть ежегодно 30го мая, яко день рожденія Петра Великаго, съ тѣмъ чтобъ изъ собираемаго подаянія на сиротъ часть отправлять въ Воспитательный Домъ, а на остальныя содержать въ Архангельскѣ несчастныхъ младенцевъ до урочныхъ лѣтъ, въ надеждѣ будущаго ихъ отправленія для совершеннѣйшаго воспитанія въ Московскій Воспитательный Домъ“, утверждено въ собраніи магистратскихъ членовъ городскимъ головой Иваномъ Божениньмъ и другими гражданами, которыхъ, яко *человѣколюбцевъ*, достойныя имена всѣ приводятся въ *Извѣстіи*.

Главный попечитель Воспитательнаго Дома, незабвенный И. И. Бецкой (а не Бецкій, какъ ошибочно всегда печатаютъ его фамилію), „съ *великимъ удовольствіемъ* прочитавъ сообщенное ему отъ опекунскаго совѣта достойное чувствованій архангелогородскихъ гражданъ установленіе, въ которомъ они благотвореніе несчастнымъ соединили съ усердіемъ воздать *достойнѣйшую* и *чистѣйшую* жертву памяти *одолжившаго* отечество государя Петра Великаго“, въ своемъ къ нимъ отзывѣ замѣчаетъ что торжество ими „учрежденное несравненно превосходнѣе празднествъ древнихъ, составлявшихъ только *тщетныя игры*, производимыя пышностію безплоднаго великолѣпія въ память героевъ ихъ одолжившихъ“, и заключаетъ письмо свое обращеніемъ къ Архангелогородцамъ отъ лица Воспитательнаго Дома, „который имъ яко виновникамъ распространеній пользъ его пребудетъ навсегда благодаренъ“.

II. ПОРТРЕТЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Судя по восковому изображенію Петра Великаго, хранящемуся въ Императорской кунсткамерѣ, онъ былъ ростомъ въ 6 англійскихъ футовъ и $8^1/_2$ вершковъ, или 2 аршина 14 вершковъ.

Digitized by Google

По словамъ одного изъ его историковъ (Бергмана), монархъ имѣлъ лицо полное и нѣсколько смугловатое; черные глаза его блистали огнемъ и жизнію; усы возвышали въ немъ выразительность физіономіи, составлявшей смѣсь доброты и строгости. Голосъ его былъ звученъ, чистъ и вообще соотвѣтствовалъ той энергіи и быстротѣ, какія обнаруживались въ дѣйствіяхъ Петра. Темнорусые, почти черные волосы свои царь подстригалъ довольно коротко, и только иногда (очень рѣдко) прикрывалъ парикомъ (IV, 61).

По словамъ В. А. Нащокина, который, будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, имѣлъ счастіе впервые въ 1717 году увидѣть Петра Великаго въ Петербургѣ, когда онъ *при самой ночи*, изъ Адмиралтейства изволилъ идти во дворецъ, государь былъ въ платьѣ синемъ, покроемъ шведскимъ, и въ картузѣ; волосы имѣлъ маленькіе, которые *зачесаны маленькою косою гребенкой.* Нащокинъ и сверстники его не мало удивились тогда той *первой модѣ* что гребешокъ у государя въ волосахъ.

Изъ драгоцѣнныхъ археологическихъ свѣдѣній извѣстнаго знатока русской старины И. Е. Забѣлина оказывается что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ уже въ 1661 году живописецъ Станиславъ Лопуцкій, который писалъ тогда съ *жиѳства*, то-есть съ натуры, государеву персону, каковыя персоны писали также живописцы Иванъ Безминъ и Иванъ Салтековъ, также какъ и иконописцы Ѳедоръ Юрьевъ и Симонъ Ушаковъ. Въ 1699 году въ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны, въ трехъ вызолоченныхъ рамахъ висѣли портретъ брата ея царя Петра Алексѣевича и живописныя изображенія апостоловъ Петра и Павла. Въ томъ же году къ *персонѣ печатной на листу* царя Петра дѣлали рамы флемованныя золоченыя.

Что въ царствованіе Петра Великаго живописные (и печатные, продававшіеся уже на Спасскомъ мосту) портреты царственныхъ особъ были уже во всеобщемъ употребленіи, видно изъ указовъ его 20го ноября 1711 года и 21го января 1723, которыми повелѣвалось, первымъ: *Изуграфскую* (зоографскую, живописную) палату, которою еще до 1707 года завѣдывалъ, лучшаго ради исправленія и чести въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, суперъ-интендантъ (онъ же и интендантъ) Иванъ Петровъ сынъ Зарудный, вѣдать попрежнему въ приказѣ церковныхъ дѣлъ; а вторымъ: ему же предписывалось надзирать за писаніемъ *портретовъ* императорской фамиліи людямъ искуснымъ въ живописи.

Въ 1698 году, царь предъ оставленіемъ Англіи, 18го апрѣля, видѣлся съ Карломъ-Вильгельмомъ и при этомъ согласился на его

Digitized by Google

желаніе: позволить списать съ себя портретъ Кнеллеру, королевскому живописцу, въ свое время считавшемуся однимъ изъ лучшихъ художниковъ по портретной живописи. Портретъ этотъ, по крайней мѣрѣ голова, списанная съ натуры, не оставляетъ желать ничего лучшаго по живописи и особенно по выраженію характера предпріимчивости, присущаго Петру. А 14го марта 1717 года, въ бытность Петра Великаго въ Гагѣ, написалъ съ него весьма сходный портретъ Карлъ Мооръ; портретъ этотъ восхитилъ самого монарха. Гравированный снимокъ съ этого портрета приложенъ ко *Всеобщему Календарю* на 1872 годъ изд. Гоппе.

Портретъ Петра Великаго приложенный при книгѣ: *Русскіе полководцы*, соч. Н. А. Полеваго, изд. К. Жернакова, выгравированъ съ извѣстной картины Лакруа, но повѣренъ *маской*, снятою съ царя и хранящеюся въ Академіи Художествъ.

Независимо отъ живописныхъ и печатныхъ портретовъ Петра Великаго были и писанные на эмали, которыми, украшенными бриліантами, царь имѣлъ обыкновеніе жаловать своихъ птенцовъ-сотрудниковъ, преимущественно за военныя доблести. Такъ, сколько намъ извѣстно, получили такіе портреты: князь М. М. Голицынъ въ 1708 году, графъ Г. П. Чернышевъ за Полтавскую битву и сраженіе при Пелканѣ озерѣ (два портрета), и въ 1719 году генералъ-поручикъ фонъ-Геннингъ, олонецкій комендантъ, управлявшій тамошними горными заводами. Пожалованный послѣднему портретъ стоилъ и по тогдашнимъ цѣнамъ 600 руб., что по нынѣшнимъ составило бы очень значительную сумму. Безъ сомнѣнія и многіе другіе птенцы Петра Великаго получили подобные награды. А изъ журнала его съ 1698—1721, изд. княземъ Щербатовымъ въ 1772 году (ровно сто лѣтъ назадъ), видно что 10го августа 1715 года подобный же портретъ былъ пожалованъ англійскому адмиралу Норрису.

Крайне любопытно было бы знать сохранились ли въ настоящее время такіе портреты Петра Великаго.

III. ЗАБОТЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ОБЪ ИЗДАНІИ БИБЛІИ. Петръ Великій, при всей свободѣ мыслей, при постоянномъ и интимномъ обращеніи съ чужеземцами всѣхъ вѣроисповѣданій,—чтилъ свято уставы православной церкви, посѣщалъ Божіи храмы, читая тамъ Апостолъ и поя на клиросѣ; строго соблюдалъ посты. При встрѣчѣ на дорогѣ со священникомъ шедшимъ со Св. Дарами къ больному, царь выходилъ изъ саней или одноколки, воздавалъ должное поклоненіе святынѣ и нерѣдко провожалъ служителя вѣры въ домъ страждущаго недугомъ.

Петръ строго относился къ превратнымъ сужденіямъ о рели-

Digitized by Google

гіи, что чувствительно испыталъ на себѣ Татищевъ, говорившій иронически о нѣкоторыхъ мѣстахъ Священнаго Писанія. „Какъ же ты осмѣливаешься", вскричалъ разгнѣванный монархъ, „ослаблять такую струну которая составляетъ гармонію всего тона? Да ты же и не съ должнымъ уваженіемъ касался до нѣкихъ мѣстъ Св. Писанія, чѣмъ уже ты, бездѣльникъ, успѣлъ соблазнить многихъ изъ бывшихъ съ тобою въ компаніи. Я тебя научу какъ должно почитать оное и не разрывать цѣпи все въ устройствѣ содержащей." (Голик. Дополн. XVII. 44, 47, 354, 355).

Вѣра сопровождала царя во всѣхъ опасностяхъ и каждую побѣду свою онъ приписывалъ заступленію Всемогущаго, взывая обыкновенно: „Аще Богъ по насъ—никто же на ны".

Члены всѣхъ вѣроисповѣданій пользовалось въ высшей степени терпимостью при Петрѣ Великомъ, не исключая и іезуитовъ, которыхъ впрочемъ въ 1689 году, по доносу патріарха Іоакима за чинимую ими церкви соборной апостольской противность: печатными письменами и образами на полотнахъ и роговой кости, а въ 1719 году, за политическія продѣлки, съ упраздненіемъ и іезуитскаго монастыря въ Нѣмецкой слободѣ, царь принужденъ былъ выслать изъ Москвы и изъ Россіи. (Полн. Собр. Зак. т. III, № 1.351 и V, № 3.356).

Учредивъ въ 1718 году различныя коллегіи, преимущественно по *шведскому маниру*, по различію дѣлъ и нуждъ государственныхъ, Петръ, „яко христіанскій государь, правовѣрія же и всякаго въ церкви святой благочинія блюститель, посмотрѣвъ и на духовныя нужды и всякаго лучше управленія оныхъ возжелавъ, благоволилъ уставить и духовн*ое* коллегіу*мъ* (sic), въ 1721 году, которое правленіе соборное всегдашнее и аки всегдашній *синодъ* или *синедріонъ* совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное (патріаршее) правительство, наипаче же въ въ государствѣ монаршескомъ, яковое наше Россійское." Первая часть *Духовнаго Регламента*, въ которомъ изложены причины учрежденія святѣйшаго синода, заключается утѣшительною надеждой что „самые *угоднѣйшіе* (способнѣйшіе) отъ числа *коллеговъ* или *совѣдателей* особы явятся на степень архіерейства восходить достойные, и такъ въ Россіи, помощію Божіею, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ".

О глубокомъ религіозномъ настроеніи Петра Великаго свидѣтельствуютъ многіе храмы построенные въ его царствованіе, а нѣкоторые и при его вспомоществованіи, не только въ Москвѣ и другихъ мѣстностяхъ Россіи, но и за предѣлами нашего отечества, какъ напримѣръ, сооруженная имъ православная церковь въ Назаретѣ, вслѣдствіе посланія

Digitized by Google

царю о томъ тамошняго митрополита Іоасафа. (*Письма съ Востока* А. Н. Муравьева. Ч. II. 153.)

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ неутомимо заботился о распространеніи въ народѣ книгъ Священнаго Писанія.

Еще въ бытность свою въ Голландіи царь подрядилъ типографщиковъ: гагскаго фонъ-Дюрена и амстердамскаго Данилу фонъ-Левена напечатать на голландскомъ языкѣ Библію, форматомъ въ листъ, такъ чтобъ оставить на каждой страницѣ бѣлую полосу для припечатанія славянскаго перевода въ Петербургѣ. Изданіе это дѣйствительно напечатано было въ 1717—1721 въ шести томахъ, самымъ чистымъ шрифтомъ. Новый Завѣтъ въ Гагѣ, а Ветхій въ Амстердамѣ отъ имени типографщиковъ посвящены государю. Весь заводъ изъ 1.200 экземпляровъ былъ привезенъ въ Петербургъ, изъ которыхъ два, на александрійской бумагѣ, сочинителю библіографическаго словаря Сопикову удалось увидать въ Петербургѣ, хотя митрополитъ Евгеній считалъ изданіе это погибшимъ безъ остатка.

Къ Новому Завѣту, на бѣлой полустраницѣ, въ 1719 году въ Петербургѣ припечатанъ сполна славянскій переводъ, а Ветхій Завѣтъ, напечатанный и привезенный туда уже черезъ четыре года, остался на одномъ голландскомъ языкѣ, безъ славянскаго перевода, болѣе кажется, по замѣчанію Сопикова, потому, что въ немъ книги именуемыя *апокрифы* (недостовѣрныя) согласно лютеранскому исповѣданію, отдѣлены отъ цѣлаго состава Библіи и напечатаны въ особой части; въ славянской же Библіи такого раздѣленія не принято, и упомянутыя книги печатаются безъ различія съ каноническими. Это несходство, примѣченное нашими богословами, вѣроятно, не позволило припечатать къ сему изданію славянскаго перевода.

Петръ Коль (въ своемъ *Introductio in historiam et rem Litter Slavorum*), подтверждая это мнѣніе, свидѣтельствуетъ что государь часто приказывалъ по нѣскольку листовъ славянскаго текста припечатывать къ голландскому, въ типографіи Александровскаго монастыря, и напечатанные листы дарилъ боярамъ своимъ, заохочивая ихъ покупать эту книгу, а по кончинѣ де царя весь заводъ этихъ книгъ *сгнилъ* въ забвеніи: потому-то цѣлые, чистые и полные экземпляры этого изданія въ Россіи рѣдки, а прочіе или повреждены, не полны, или во многихъ мѣстахъ не имѣютъ славянскаго текста.

Въ параллель вышеизложеннымъ Сопиковскимъ свѣдѣніямъ объ изданіи Библіи, не лишнимъ считаемъ, привести аналогичный съ ними варіантъ изъ *Исторіи Петра Великаго*, соч. Веніамина Бергмана въ переводѣ Е. Аладьина (Спб. 1833. Т. IV. 115).

Digitized by Google

„Петръ Первый, во время пребыванія своего въ Голландіи, договорился съ содержателемъ типографіи Леейвеномъ о напечатаніи *вновъ* in folio на голландскомъ языкѣ Священнаго Писанія, но такъ чтобы половина каждой страницы оставалась бѣлою: царь имѣлъ намѣреніе, по возвращеніи своемъ въ Россію, припечатать текстъ и на *древнемъ русскомъ* языкѣ (славянскомъ); однакоже одинъ только Новый Завѣтъ напечатанъ такимъ образомъ, да и тотъ не явился на свѣтъ, по причинамъ *которыя каждому бросаются въ глаза* (?). Этотъ голландскій переводъ Новаго Завѣта хранился до нашествія Французовъ въ 1812 году въ Московскомъ архивѣ святѣйшаго синода и, вѣроятно погибъ въ тяжкую для Россіи годину."

IV. ИЗДАНІЯ ПО ПОВОДУ ПРАЗДНОВАНІЯ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ. Въ дополненіе къ библіографической замѣткѣ помѣщенной въ № 75 *Московскихъ Вѣдомостей* (24го марта 1872) подъ рубрикой „Заботы Петра Великаго о книгопечатаніи", гдѣ, между прочимъ, приведены подлинныя замѣчанія державнаго рецензента на не совсѣмъ удачный переводъ *Блонделевой Фортификаціи*—„не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе быть можетъ", не лишнимъ очитаемъ сообщить здѣсь замѣтку объ одной изъ нашихъ церковнослужебныхъ книгъ прошедшей чрезъ редакцію Петра.

Ѳеофилактъ Лапатинскій, архіепископъ тверской и кашинскій, членъ св. синода, бывши еще ректоромъ Московской духовной академіи, сочинилъ, вмѣстѣ съ симоновскимъ архимандритомъ Іосифомъ Туробойскимъ и съ академическими учителями, цѣлую книгу привѣтствій Государю Петру Великому на возвращеніе изъ похода и торжественный его въѣздъ въ Москву послѣ Полтавской побѣды. Книга эта, въ форматѣ листа, на 178 страницахъ, напечатана въ Москвѣ въ 1709 году подъ заглавіемъ: *Пѣтиколѣпная Аноѳеосисъ достохвальныя храбростію всероссійскаго Геркулеса, пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго, Богомъ вѣнчаннаго и Богомъ укрѣпляемаго и Богомъ прославляемаго великаго Государя и великаго князя, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Императора (чѣмъ онъ еще не былъ)* и *автократа* и пр., *возвращающагося въ Москву* и пр. *отъ академіи Московской торжествована*. Государь за эту книгу прибавилъ жалованья ректору и всѣмъ учителямъ.

На ту же Полтавскую побѣду, по именному царскому повелѣнію, Ѳеофилактъ сочинилъ и церковную службу, которая самимъ Петромъ Великимъ была разсматриваема, *поправлена*, одобрена и напечатана

въ Москвѣ, по словамъ кіевскаго митрополита Евгенія (въ его Словарѣ писателей духовнаго чина), въ 1710, а по библіографическому словарю Сопикова, въ 1709 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Служба благодарственная Господу Богу о великой побѣдѣ надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII и воинствомъ его, одержанной Государемъ Петромъ Великимъ подъ Полтавою.*

По календарямъ до 1863 года въ росписи Господскимъ праздникамъ и статскимъ торжественнымъ днямъ, подъ 27 числомъ іюня мѣсяца означалось: „Воспоминаніе побѣды подъ Полтавой", а послѣ росписи праздничнымъ днямъ въ которые всѣ судебныя мѣста отъ присутствія, а училища отъ ученія свободны, означались дни въ которые при церквахъ бываетъ благодарственное молебствіе за побѣды Петра Великаго: іюля 27го взятіе фрегатовъ при Гангутѣ и при Гренгамѣ. Августа 9го взятіе Нарвы. Сентября 28го викторія надъ генераломъ Левенгауптомъ и октября 11го взятіе крѣпости Шлиссельбургской.

По Высочайшему повелѣнію 5го февраля 1862 года прекращено празднованіе дней всѣхъ этихъ побѣдъ, кромѣ дня побѣды подъ Полтавой, въ который молебное пѣніе должно быть совершаемо попрежнему, то-есть по служебнику сочиненному архіереемъ Ѳеофилактомъ по повелѣнію Петра Великаго и подъ Высочайшею его редакціей изданному.

V. ЗАБОТЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО О ШЕЛКОВОДСТВѢ. „Одинъ изъ присутствовавшихъ" 7го сего апрѣля на открытіи школы шелководства при епархіальной Владычне-Покровской общинѣ сестеръ милосердія и празднованіи 25лѣтія комитета шелководства, сообщилъ интересное извѣстіе объ этихъ московскихъ учрежденіяхъ. *

Не лишнимъ считаемъ сообщить о почипѣ шелководства въ Россіи за *полтораста* лѣтъ до учрежденія въ Москвѣ комитета шелководства—почипѣ принадлежащемъ Петру.

Возьмите любую отрасль русскаго благоустройства, русской торговли и промышленности, русскаго народнаго хозяйства, и вы убѣдитесь что зерно ея уже прозябло въ плодотворной почвѣ всеобъемлющаго ума Петра Великаго.

На почипѣ ратоборства своего съ Карломъ XII, въ 1700 году, въ день своего рожденія, 30го мая, царственный хозяинъ, имѣя въ виду водвореніе въ Россіи шелководства и считая его одною изъ важныхъ отраслей промышленности, издалъ весьма замѣчательный по ужасающей строгости указъ: тутовыя деревья (для кормленія и воспитанія шелковыхъ червей) разводить и не сѣчь ихъ *подъ смертною казнію.*

* См. № 88 *Московскихъ Вѣдомостей.*

Digitized by Google

Но въ 1704 году, на новоселье своему *новому городку Питербурху*, повелѣвая изъ подмосковнаго села Измайлова, бывшей родовой *вотчины* боярина Ивана Никитича Романова, прислать всякихъ цвѣтовъ, а больше тѣхъ кои пахнутъ, не показывалъ о присылкѣ туда же изъ Измайловскаго *тутоваго* сада и тутоваго *двора*, гдѣ были уже дѣланы опыты разведенія шелковичныхъ деревьевъ, конечно изъ опасенія что онѣ не придутся по климату новой столицы.

VI. РАСПОРЯЖЕНІЯ ПЕТРА О СОБАКАХЪ. Уже Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (1649, гл. X, 281—285) обязывалось городское начальство пещись объ огражденіи обывателей отъ собачьихъ на нихъ набѣговъ.

Указы Петра Великаго 1719 и 1723 предписывали держать медвѣдей на крѣпкихъ цѣпяхъ, а бѣгающихъ по улицамъ собакъ истреблять.

Но Петръ, неутомимый въ заботахъ своихъ обо всемъ, не исключая и самыхъ мелочей, предписывая истреблять бѣгающихъ по улицамъ, т.-е. *бездомныхъ* собакъ, не только щадилъ *осѣдлыхъ* и употребляемыхъ на охоты, но обращалъ еще на нихъ особое вниманіе.

Такъ, среди самаго разгара ратоборства своего съ безстрашнымъ Карломъ XII, при посылкѣ къ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину изъ Вильны отъ 10го октября 1707 года, препровождая двѣ книги на латинскомъ языкѣ для отсылки въ Новгородъ, къ старцамъ *Лихудѣевымъ*, чтобъ они перевели ихъ на славянскій языкъ, и увѣдомляя что непріятель къ Торуню пришелъ, Петръ завершилъ письмо нижеслѣдующимъ куріознымъ приказомъ:

„*Лентовыхъ* щенятъ молодыхъ изволь приказать кому-нибудь изъ иновѣрцевъ, кто къ собакамъ охотникъ, учить: 1) чтобъ носили поноску, 2) шапку снимать, 3) *подъ пищалью* въ воду ходить, 4) черезъ палку скакать и 5) чтобъ умѣли *ѣсть просить и сидѣть*.

П. ШЕРЕМЕТЕВСКІЙ.

VII. ВОСХОЖДЕНІЕ НА ВЕЗУВІЙ ПОСЛѢ ИЗВЕРЖЕНІЯ. Въ *Кельнской Газетѣ* напечатанъ разказъ одного нѣмецкаго натуралиста о восхожденіи его на Везувій вскорѣ послѣ катастрофы. Приводимъ извлеченіе изъ этого разказа.

Три путешественника,—профессоръ Циттель изъ Мюнхена, геологъ Геймъ изъ Цюриха и авторъ разказа первые поднялись на вулканъ послѣ страшнаго изверженія 26го апрѣля нынѣшняго года. Отправившись

Digitized by Google

изъ Портичи, они прошли черезъ Резину и направились къ Обсерваторіи. Путь ихъ лежалъ посреди полей лавы, нагроможденной остроконечными массами, которая производила сильное впечатлѣніе и служила достойнымъ преддверіемъ волкану. Лучшаго пункта невозможно было избрать, чтобы составить себѣ настоящее понятіе о господствующемъ въ этой мѣстности запустѣніи. Вы приближаетесь, ожидая встрѣтить нѣчто въ родѣ моря утесовъ, груды грандіозныхъ развалинъ, но дѣйствительность не оправдываетъ вашихъ ожиданій: лава Везувія величественна только въ формѣ потока и сплошной массы. Охлажденная и растрескавшаяся она представляетъ безобразное скопленіе окалинъ, камней и всевозможныхъ обломковъ. До вершины горы, предъ вами только разстилается поле окалинъ желто-сѣрыхъ бурыхъ или черныхъ. То же самое и по склонамъ. Ниже Неаполитанскій заливъ съ своимъ поясомъ городовъ и селеній, съ своими зеленѣющими садами, и море, изъ котораго подымаются острова Капрея, Искія и Прочида: словомъ, рай и адъ, которые вы обнимаете однимъ взглядомъ.

Дорога, проходя по извилинамъ, даетъ возможность осмотрѣть гору съ различныхъ пунктовъ. Легко различить въ какомъ отношеніи находится Везувій къ горѣ Соммѣ. Если смотрѣть изъ Неаполя, то Везувій является двойною горой, наиболѣе высокая вершина которой заключаетъ въ себѣ волканическіе кратеры, между тѣмъ какъ другая, низшая вершина отдѣлена отъ нея значительнымъ пространствомъ первая есть собственно Везувій; вторая—гора Сомма. Вблизи замѣтно что гора Сомма есть остатокъ прежняго волкана окружающаго Везувій и носящаго названіе *Atrio di Cavallo*. Сомма имѣетъ 3.450 футовъ вышины, Везувій—4.000. Углубленіе между двумя вершинами наполняется съ каждымъ днемъ все болѣе подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ Везувія, который покрываетъ его лавой, пепломъ и каменьями; въ томъ мѣстѣ гдѣ путешественники проходили по немъ скопленіе земли и потокъ лавы 26го апрѣля образовали въ немъ гребень настолько высокій, что изъ-за него нельзя было разсмотрѣть *Atrio di Cavallo*.

Въ этомъ мѣстѣ лава прошедшаго мѣсяца достаточно охладѣла на поверхности, чтобы рискнуть перейти по ней; но во многихъ разсѣлинахъ на глубинѣ четырехъ футовъ она была еще ярко-красваго цвѣта; она жгла ноги, и путешественникамъ приходилось прыжками добираться до берега потока. Зола, въ которую мѣстами они погружались по колѣно, облегчала этотъ переходъ по лавѣ, но она затрудняла восхожденіе, тѣмъ болѣе что благодаря ей, исчезали руко-

Digitized by Google

водящіе слѣды туристовъ, столь многочисленные въ этой мѣстности. Пары водохлорной кислоты подымались тамъ и самъ изъ разсѣлинъ горы, и когда вѣтеръ дулъ въ лицо, то они стѣсняли дыханіе; красные и желтые оттѣнки указывали издали мѣста откуда они вылетали. Ниже пары аммоніакальнаго газа вырывались такимъ же образомъ, но тамъ гдѣ новая лава текла по прежней, ихъ не замѣчали; они повидимому появлялись только тамъ гдѣ лава разлилась по веществамъ органическимъ.

Такимъ образомъ, съ трудомъ передвигая ноги по золѣ, путешественники достигли вершины. Изрѣдка только раздавался гулъ по склонамъ горы, потомъ все умолкало. Тѣмъ не менѣе обнаруживали ея внутреннюю дѣятельность облака дыма и паровъ, вылетавшія изъ ея средины. Странное зрѣлище представляло это спокойное отдѣленіе паровъ, эти массы густаго дыма, темно-сѣрыя и столь густыя что казалось можно было схватить ихъ рукой; онѣ подымались быстрымъ вихремъ, но вскорѣ потомъ на высотѣ образовывали широкое неподвижное облако, осыпая окрестность густымъ дождемъ пепла и совершенно затемняя покрываемое имъ пространство. Вѣтеръ былъ благопріятенъ, но когда онъ дулъ въ лицо путешественникамъ, то пепелъ рѣзалъ имъ глаза.

Они подошли къ окраинѣ кратера и посмотрѣли въ пропасть. „Первая мысль пришедшая мнѣ въ голову, говоритъ разкащикъ, не позволяетъ мнѣ разглагольствовать. Я такъ глубоко почувствовалъ въ присутствіи этого феномена недостаточность всѣхъ описаній что я побоялся бы передать несовершеннымъ образомъ и ничего не выражающими словами одно изъ самыхъ грандіозныхъ зрѣлищъ природы. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то что̀ я видѣлъ. Прежній кратеръ Везувія нынѣ распался; послѣднее изверженіе низвергло часть его въ *Atrio di Cavallo*, и вмѣсто воронки, которую онъ составлялъ нѣкогда, онъ представляетъ теперь оврагъ, съ крутыми, страшно изрытыми краями. Оврагъ этотъ образуется большою трещиной и другою меньшею, которыя пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Глубины ихъ разсмотрѣть было невозможно, такъ-какъ дымъ и паръ выходили такими густыми массами что вѣтеръ сильно дувшій едва могъ разсѣевать ихъ верхніе слои. Острые утесы выступали изъ краевъ пещеры, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окраина кратера возвышалась подъ бездной. Газы вылетали повсюду изъ трещинъ; они казались голубаго цвѣта, когда смѣшивались съ бурымъ дымомъ подымавшимся снизу и окрашивали края и выступы желтыми, красными и зелеными оттѣнками, блескъ которыхъ нисколько не вредилъ эффекту этого адскаго жерла. На взглядъ тамъ нѣтъ уже

Digitized by Google

кратера,—существуетъ лишь громадная трещина, которую насильственно разверзли подземныя силы, искавшія выхода, и эта трещина идетъ до Атріо; гора въ буквальномъ смыслѣ треснула подъ вліяніемъ изверженія. Самая вершина Везувія приняла новую форму, совершенно отличную отъ той какая у нея была двѣнадцать дней тому назадъ; тогда она была круглая и плоская. Теперь со стороны Неаполя она изборождена, покрыта обвалами; со стороны же Атріо ди Кавалло, воздвигается двумя остроконечными рогами въ окружающемъ ее густомъ дымѣ. Я слышу ото всѣхъ что вслѣдствіе этого волканъ потерялъ свою художественную красоту, но я не думаю чтобы могущество волканическихъ силъ могло проявляться яснѣе, чѣмъ въ этихъ извилистыхъ оврагахъ, образующихъ нынѣ жерло кратера.“

Путешественники спустились по тому пространству гдѣ во время послѣдняго изверженія градъ камней падалъ съ наибольшею силой; тамъ разбросаны были обломки окалъ, груды старой лавы, *бомбы*, то-есть обломки камней округленные треніемъ или покрытые новою оболочкой лавы, массы вещества выброшеннаго послѣднимъ изверженіемъ, и которыя еще въ жидкомъ состояніи прилѣпились къ оконечностямъ какого-нибудь утеса. Въ золѣ виднѣлись красивые кристаллы авгита, лейцита и темной слюды. Перешедши старые потоки лавы, путешественники добрались до потока 26го апрѣля, гдѣ не замѣтно уже было никакого внутренняго движенія. Изъ всѣхъ потоковъ лавы черезъ которые приходилось перебираться путешественникамъ, этотъ показался имъ страшнѣе всѣхъ—до такой степени онъ былъ изрытъ и изборожденъ трещинами. Цвѣтъ его былъ еще свѣтло-сѣро-желтоватый: можно было различить его слѣдъ по плодоноснымъ полямъ, и повсюду гдѣ онъ прошелъ подымался столбъ дыма.

Какое же было дѣйствіе этого изверженія 26го апрѣля? Оно проявилось подъ троякою формой. Вопервыхъ, трещина, которая открылась разорвавъ бока горы, поглотила множество жертвъ; вовторыхъ, потоки лавы ринулись на селенія къ сѣверо-западу отъ Везувія, покрыли горы массой окалинъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были вышиной съ домъ, раздавили множество жилищъ, и тамъ унесли еще нѣсколько жертвъ; наконецъ густой дождь золы обрушился на обширное пространство въ одной изъ самыхъ плодоносныхъ и наилучше обработанныхъ областей и истребилъ тамъ жатвы.

Сравнительно съ прежними изверженіями послѣднее было не самымъ убійственнымъ. Число жертвъ еще не приведено окончательно въ извѣстность, но оно не можетъ быть болѣе сорока. Погибли онѣ по всему вѣроятію самымъ ужаснымъ образомъ. Чтобы

Digitized by Google

полюбоваться зрѣлищемъ которое представляла лава, нѣсколько дней уже вытекавшая, хотя и весьма слабо, множество любопытныхъ отправились пѣшкомъ къ подошвѣ Везувія. Волканъ дѣйствовалъ, но его изверженіе повидимому не предвѣщало никакой опасности. Оно внезапно забушевало со страшною силой, раскололо гору и изъ нижней части этой трещины полился потокъ лавы, заградившій путь части зрителей, задушившій и заливщій другихъ и покрывшій бо́льшую часть ихъ страшными обжогами. Нѣсколько послѣ лава унесла еще нѣсколько жертвъ въ селеніи Массѣ, но не болѣе двухъ-трехъ, ибо потокъ ея тогда уже не былъ такъ быстръ, чтобы помѣшать бѣгству изъ угрожаемыхъ селеній.

Отъ главнаго потока лавы отдѣлился ручей, направившійся на Резину, но остановившійся, между тѣмъ какъ главный потокъ ринулся на Массу и Санъ-Себастіано, опустошая поля и селенія, но и онъ, въ свою очередь, вскорѣ пересталъ течь. Онъ покрылъ бо́льшую часть долины къ западу отъ Везувія слоемъ, который во многихъ мѣстахъ былъ вышиной съ домъ.

Поразительнѣе всего, продолжаетъ разкащикъ, что тамъ не видно ни малѣйшаго слѣда вліянія огня; лишь изрѣдка встрѣчалось дерево до половины обгорѣвшее или какое-нибудь обуглившееся бревно. Вы входите въ дома до половины наполненные лавой и видите совершенно нетронутыя балки подъ бурыми окалинами; правда двери и окна были выбиты и поломаны движеніемъ потока, но отнюдь не тронуты огнемъ; въ нѣсколькихъ шагахъ изъ отверстій съ силой вылетали струи аммоніакальнаго газа и распространяли удушливый жаръ по всему этому полю окалинъ.

Очевидно потокъ лавы двигалъ предъ собою массу обломковъ, которую онъ разбросалъ также по обѣ стороны на своемъ пути.

Жаръ не могъ дѣйствовать непосредственно на окружающую среду, и опустошающая сила, которая повсюду проявлялась здѣсь, была не что иное, какъ значительное давленіе произведенное въ своемъ поступательномъ движеніи лавой, опрокидывавшею все на пути.

Зрѣлище представляемое послѣ своего охлажденія потокомъ лавы, который разлился по обработаннымъ полямъ и жилищамъ людей, самое безотрадное. Послѣдняя лава 26го апрѣля большею частію охлаждалась слоями и плоскими какъ бы изрубленными кусками; промежутки между ними наполнены густыми залежами золы; они всѣ изъ-сѣражелтаго и довольно свѣтлаго цвѣта.

Дождь золы имѣлъ опустошительное вліяніе на обширномъ пространствѣ. Весьма вѣроятно что онъ сначала шелъ и въ окрестностяхъ

Digitized by Google

Везувія столь же рѣдкій, какъ и въ Неаполѣ, но потомъ усилился, сдѣлался гуще, и наконецъ на многихъ пунктахъ образовался слой толщиной болѣе фута. Тамъ гдѣ онъ падалъ густо, растительность погибла совершенно; деревья, виноградники, не говоря уже о ползучихъ растеніяхъ, совершенно высохли.

Въ Неаполѣ разказывали много объ этой волканической золѣ; утверждали что вмѣстѣ съ нею падала кипящая вода, горячая сѣра и пр. По мнѣнію автора разказа, довольно значительное количество содержащейся въ ней водохлорной кислоты есть главная причина вреднаго вліянія ея на растенія; массы кислыхъ паровъ которыя вѣтеръ разносилъ съ полей еще горячей лавы могли также этому содѣйствовать. По крайней мѣрѣ въ десяти мѣстностяхъ жатва болѣе или менѣе повреждена; въ нѣкоторыхъ она совершенно погибла.

Что касается поверхности почвы залитой потоками лавы и до распространенія дождя золы, то вѣрнаго сказать еще нельзя ничего; обнародованныя цифры основаны на приблизительныхъ вычисленіяхъ и большею частію преувеличенныя; необходимо подождать официальныхъ статистическихъ данныхъ.

Въ заключеніе разкащикъ предлагаетъ вопросъ, нѣтъ ли какого-нибудь предохранительнаго средства противъ такого бича? По его мнѣнію, достаточно разсмотрѣть факты, чтобъ убѣдиться что это дѣло возможное. Авторъ видѣлъ въ Санъ-Себастіано одно мѣсто очень близкое къ краю потока, мѣсто, гдѣ довольно крѣпкая садовая ограда могла отвратить потокъ лавы, другое мѣсто, гдѣ эта самая лава текла какъ ручей между двумя садовыми стѣнами, какія здѣсь обыкновенно строятся. Широкіе и высокіе парапеты обращенные къ горѣ съ системой каналовъ достаточно глубокихъ и направленныхъ къ морю, были бы достаточны для удержанія нѣкоторыхъ не самыхъ сильныхъ потоковъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что они не допустили бы потоки 26го апрѣля совершить произведенныя ими опустошенія въ долинѣ.

Но идея эта покажется туземцамъ пустою мечтой, нелѣпою выдумкой. Землетрясенія, скажутъ они, огонь небесный, поражаютъ насъ не менѣе волканическихъ изверженій; зачѣмъ же останавливать послѣднія, когда мы не можемъ остановить первыхъ? Неаполитанцы одарены самымъ счастливымъ характеромъ и завидною безпечностью. Пять дней послѣ катастрофы, когда путешественникъ прибылъ въ Неаполь, то ни изъ разговоровъ, ни изъ наружнаго вида населеній нельзя было заключить что они еще такъ недавно перенесли такую страшную тревогу. То же движеніе, тотъ же шумъ на улицахъ, какъ и въ обыкновенное

Digitized by Google

время. Въ другихъ странахъ событіе подобное изверженію 26го апрѣлѣ отозвалось бы въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ на всѣ соціальныя отношенія: здѣсь все забывается, какъ только миновала опасность. Несомнѣнно такой характеръ большое счастіе, но за то, благодаря ему, населеніе и не принимаетъ никакихъ предосторожностей.

VIII. ЖАРЫ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ. Конецъ іюня и первые дни іюля были ознаменованы сильными жарами и въ Европѣ, но нигдѣ жары не достигали въ это время такой высокой степени какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Жители мѣстностей лежащихъ между Аллеганскими горами и Атлантическимъ океаномъ привыкли переносить весьма высокую температуру лѣтомъ, но всѣ корреспонденціи сообщаютъ что сомнительно чтобы какая-либо часть умѣреннаго пояса когда-либо была подвержена такой жгучей атмосферѣ какая господствовала въ теченіе недѣли окончившейся 4го іюля нов. ст. въ области обнимающей самую населенную часть страны и заключающей Нью-Йоркъ, Филадельфію, Бруклинъ, Вашингтонъ, Бальтимору и другіе большіе города. Весь іюнь былъ жаркимъ мѣсяцемъ, и средняя температура была значительно выше чѣмъ когда-либо въ іюнѣ со времени 1790 года, но въ послѣдніе три дня іюня и первые четыре дня іюля былъ періодъ такого зноя, который долго останется въ памяти народа. Въ эти дни въ Нью-Йоркѣ и въ Филадельфіи термометръ въ 2 часа пополудни показывалъ въ тѣни болѣе 30° Реомюра. Въ Бруклинѣ жаръ былъ такой же какъ въ Нью-Йоркѣ, а въ Бальтиморѣ и Вашингтонѣ почти такой же какъ въ Филадельфіи. Значительныя части всѣхъ этихъ городовъ переполнены тѣсными, душными и зловонными жилищами бѣдняковъ. И въ обыкновенное время смертность въ нихъ бываетъ довольно велика, но за упомянутую недѣлю она была громадна. Всѣ болѣзни свойственныя лѣту увеличили число своихъ жертвъ, въ особенности солнечные удары и дѣтская холерина. Въ одномъ Нью-Йоркѣ было около тысячи случаевъ пораженія солнечнымъ ударомъ, изъ коихъ 230 окончились смертью. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ солнечные удары также были чрезвычайно часты, и во всѣхъ городахъ госпитали наполнены такими больными. Между маленькими дѣтьми смертность отъ холеры, дизентеріи, поносовъ и другихъ болѣзней лѣтняго времени была необычайна. Въ Филадельфіи за недѣлю окончившуюся 6го іюля смертныхъ случаевъ было 746 (изъ нихъ 512 дѣтей), между тѣмъ какъ за предыдущую недѣлю было всего 414. Въ Нью-Йоркѣ смертность была больше чѣмъ вдвое выше, между тѣмъ какъ населеніе его только на 40% болѣе населенія Филадельфіи, а именно въ Нью-Йоркѣ было

Digitized by Google

1.569 смертныхъ случаевъ, тогда какъ за предыдущую недѣлю было 768. Страданія животныхъ также были чрезвычайны, и лошади десятками падали на улицахъ въ изнеможеніи отъ жара и околѣвали. Помимо высокой температуры, отсутствія дождя и чрезвычайной смертности, страданія еще усиливались самымъ раскаленнымъ воздухомъ, который былъ подобенъ Самуму дующему въ Сагарѣ и былъ почти невыносимъ. Съ запада и юго-запада дулъ вѣтеръ, но онъ казался паромъ исходящимъ изъ огненной печи. Этотъ раскаленный воздухъ и былъ вѣроятно причиной такой высокой смертности, какой не запомнятъ въ теченіи всей исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Вотъ какъ въ *New York Tribune*, отъ 4го іюля, описывается послѣдній день шестидневной жары:

„Вѣтеръ дувшій вчера въ городѣ былъ такъ горячъ какъ вѣтеръ пустыни. Крыши и мостовыя многострадальнаго Нью-Йорка раскалены гнѣвнымъ солнцемъ. Милліонъ жителей томится желаніемъ хоть разъ дохнуть свѣжимъ воздухомъ. Ядоносныя испаренія распространяются съ зараженныхъ улицъ. Сточныя канавы издаютъ смертельное зловоніе. 70 человѣкъ пали мертвыми отъ жары въ одинъ день, и госпитали наполнены обезумѣвшими отъ бреда жертвами. И ночью нѣтъ успокоенія, потому что такъ же жарко какъ и днемъ. Изъ бѣдныхъ кварталовъ съ наступленіемъ мрака выбѣгаютъ толпы полуодѣтыхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей и спѣшатъ въ парки и на открытыя площади, а въ домахъ лучшихъ классовъ люди мучаются всю ночь безъ сна въ горячихъ постеляхъ или проводятъ ночные часы у оконъ жаждая, ожидая прохлады, которая не является. Бѣдствіе поразило всѣхъ, но для сотенъ людей, занятія коихъ въ особенности подвергаютъ ихъ вліянію солнца, такіе дни какъ вчера и третьяго дня причиняютъ не только страданіе, но и смерть. При такихъ-то обстоятельствахъ мы видимъ какъ мало сдѣлано въ нашемъ городѣ для охраненія жизни и здоровья его бѣднѣйшихъ гражданъ; какъ мало воздуха среди налѣпленныхъ массъ домовъ; какъ дурны наши улицы и переулки тамъ гдѣ населеніе всего гуще; какъ притворны наши заботы объ очисткѣ улицъ, за которую мы платимъ налоговъ сотни тысячъ долларовъ каждый годъ. Главныя площади и кварталы обитаемые богатыми и зажиточными средними классами также грязны. А мы могли бы что-нибудь сдѣлать чтобъ ослабить смертность въ эти знойные дни. Городъ можно было бы очистить,—не просто только подметать и подскребать, а дѣйствительно очистить. Вопіющіе недостатки наемныхъ квартиръ можно было бы уменьшить болѣе дѣятельнымъ санитарнымъ надзоромъ. Раскаленную мостовую можно было бы обильно поливать водой, и можно бы значительно увеличить

Digitized by Google

удобства для купанья. Впрочемъ, большая смертность послѣднихъ дней въ значительной мѣрѣ была послѣдствіемъ неосторожности. Можетъ-быть большинство случаевъ упоминаемыхъ какъ солнечные удары можно бы по справедливости отнести къ самоубійствамъ. Двери питейныхъ лавокъ были открыты день и ночь, а во вторникъ и середу вѣроятно болѣе было продано спиртныхъ напитковъ, чѣмъ въ обыкновенные четыре лѣтніе дня. Полагать что какой-либо изъ „лѣтнихъ напитковъ", составляемыхъ изъ вина или спирта, есть прохладительное питье, есть самое пагубное заслужденіе. Какъ бы ни было соблазнительно доставляемое ими минутное удовольствіе, но они даютъ только новую пищу огню горящему внутри насъ. Въ подобное время безопасность представляетъ только полное воздержаніе отъ всякихъ спиртныхъ возбуждающихъ питей.

Послѣдній день невыносимыхъ жаровъ былъ 4го іюля, годовщина объявленія независимости Соединенныхъ Штатовъ и народный праздникъ, но чрезвычайная жара помѣшала военнымъ парадамъ, обычнымъ въ этотъ день. Только въ одномъ Нью-Йоркѣ войска сдѣлали парадъ, но они дорого поплатились за свой патріотизмъ. Половина людей не могли снести жары и оставили ряды во время пути, и въ числѣ ихъ 16 человѣкъ были жертвами солнечнаго удара. Наконецъ, вечеромъ 4го іюля наступило давно всѣми желанное облегченіе. Налетѣла жестокая буря, пронесшаяся надъ большимъ пространствомъ страны. Послѣ долгаго бездождія, атмосфера была переполнена электричествомъ, гроза разразилась страшная, дождь лилъ потоками и вѣтеръ бушевалъ какъ ураганъ. Много людей было убито молніей, и много убытковъ причинила буря, но всѣ считали эти потери не дорогою цѣной за доставленное облегченіе отъ адскихъ страданій."

IX. ЭКСПЕДИЦІИ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ. Въ нынѣшнемъ году лѣтомъ готовится нѣсколько экспедицій къ сѣверному полюсу. Австрія снаряжаетъ экспедицію подъ начальствомъ Пейера и Вейпрехта, вторично отправляющихся въ арктическія моря. Такая же экспедиція наряжается Швеціей; руководителемъ ея избранъ профессоръ Норденскіёльдъ (Nordenskiöld). Съ профессоромъ отправляется нѣсколько, ученыхъ, а также лейтенантъ шведскаго флота Паландеръ, уже сопровождавшій шведскую полярную экспедицію 1868 года. Эспедиція вернется не раньше лѣта или осени 1873 года; главная ея цѣль—достигнуть полюса на саняхъ запряженныхъ сѣверными оленями. Извѣстный нѣмецкій географъ докторъ Петерманнъ сомнѣвается въ удачномъ исходѣ такого предпріятія. Экспедиція отправляется изъ Готенбурга и беретъ съ собою переносный домъ о девяти комнатахъ

Digitized by Google

съ кухней; домъ этотъ предполагается поставить на Семи Островахъ подъ 80 градус. 38 сек. сѣверной широты — крайняя точка до коей достигали изслѣдователи полярныхъ странъ. Изъ Норвегіи экспедиція захватитъ съ собой пятьдесятъ сѣверныхъ оленей, необходимое количество корма и нѣсколькихъ Лопарей для управленія оленями. Въ теченіе осени предполагается сдѣлать изслѣдованія на востокъ отъ Груманта (Шпицбергена); будетъ также осмотрѣна восточная часть этого острова; предполагается дѣлать въ теченіе цѣлаго года непрерывныя метеорологическія, магнитныя и иныя наблюденія; не останется безъ изслѣдованія и животная жизнь полярнаго Океана. Исполненіе главнѣйшей цѣли экспедиціи отлагается до весны 1873 года; она заключается въ томъ чтобы плыть насколько возможно по направленію къ сѣверному полюсу и затѣмъ отправиться въ дальнѣйшій путь на оленяхъ и если возможно достигнуть на саняхъ до самаго полюса. Докторъ Петерманнъ, какъ сказано, не допускаетъ возможности доѣхать до полюса на саняхъ: это противорѣчитъ его мнѣнію что полюсъ окруженъ открытымъ моремъ. Мнѣніе Потерманна раздѣляется и лейтенантомъ Пейеромъ, однимъ изъ упомянутыхъ выше начальниковъ австрійской полярной экспедиціи. Шведы склоняются къ мнѣнію Норденскіёльда, какъ человѣка близко знакомаго съ полярными странами, гдѣ онъ побывалъ уже пять разъ. Шведское правительство оказало денежную помощь экспедиціи Нодерискіёльда.

Австрійская экспедиція, о которой мы сказали въ началѣ замѣтки отправляется въ іюнѣ изъ Бремена. Она будетъ длиться три года, проведя первое лѣто въ изслѣдованіяхъ Ледовитаго океана къ сѣверу отъ Сибири, она зазимуетъ на мысѣ Челюскинѣ, крайней сѣверной оконечности азіатскаго материка; въ теченіе втораго лѣта экспедиція попытается достигнуть полюса, и вторая зимовка назначена на Новой Сибири; на третье лѣто она постарается выйти изъ Океана чрезъ Беринговъ проливъ.

Кромѣ этихъ двухъ, готовится еще нѣсколько экспедицій къ сѣверному полюсу. Такъ графъ Вилчекъ, пожертвовавшій 30.000 флориновъ на экспедицію Вейпрехта и Пейера, снаряжетъ небольшое судно, въ намѣреніи сопровождать трехмачтовую шкуну австрійской экспедиціи до самой сѣверной оконечности Новой Земли. Далѣе, по окончаніи морепромышленнаго сезона, два парохода Норвежскаго китоловнаго флота, подъ начальствомъ капитановъ Іенсена изъ Друммена и Свеенда Фойна отправятся въ Полинію (Сибирскій Ледовитый океанъ) по пути избранному австрійскою экспедиціей. Изъ Гавра по тому же пути отправляется Густавъ Амберъ, имѣя въ виду не одну научную цѣль, но и практическіе результаты, какъ то: открытіе новыхъ

Digitized by Google

земель, новыхъ пространствъ для морскихъ промысловъ и т. д. Другой Французъ мечтаетъ о томъ чтобы долетѣть до полюса на воздушномъ шарѣ. Изъ Америки нынѣшнимъ лѣтомъ къ полюсу направляется экспедиція подъ начальствомъ гг. Голла и Бессельса. Начальникъ бывшей германской экспедиціи, капитанъ Кольдевей, также желаетъ предпринять новое путешествіе къ полюсу, но удастся ли ему это еще не извѣстно, ибо вниманіе Германіи поглощено въ настоящее время австрійскою экспедиціей.

X. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ НОРВЕГІИ. 18го іюля во всей Норвегіи было отпраздновано съ большимъ торжествомъ тысячелѣтіе со времени основанія Норвежскаго государства, то-есть съ того времени когда Гарольдъ Гарфагеръ, одинъ изъ мелкихъ князьковъ или конунговъ, между коими была раздѣлена эта страна, одолѣлъ всѣхъ своихъ соперниковъ, подчинилъ ихъ своей власти и соединилъ всѣ ихъ владѣнія въ одно государство. Преданіе передаетъ о семъ событіи слѣдующій романическій разказъ. Король Гарольдъ Гарфагеръ, то-есть „прекрасноволосый“ послалъ просить руки Гиды, дочери короля Эрика Гордаландскаго. Послы дали понять что ихъ повелитель твердо рѣшился добиться исполненія своего желанія, и въ случаѣ отказа не поцеремонится употребить силу, но гордая принцесса не смутилась этимъ и дала отвѣтъ получившій важное значеніе въ исторіи. „Я не отдамъ своей дѣвственности“, сказала она, „мужу который правитъ только немногими поселянами. Но, конечно, меня удивляетъ что никто изъ королей нашей страны не имѣетъ желанія сдѣлаться господиномъ Норвегіи и владѣть ею точно такъ какъ король Горъ владѣетъ Даніей, а король Эрикъ Швеціей.“ Своею надменностью и безстрашіемъ Гида такъ смутила пословъ что они не рѣшились прибѣгнуть къ силѣ, и когда они уѣзжали, она еще сказала имъ: „Передайте отъ меня королю Гарольду что я соглашусь быть его женой только въ такомъ случаѣ если онъ дастъ обѣщаніе ради меня покорить Норвегію и править ею такъ же самодержавно какъ король Эрикъ Шведскій и король Гормъ Датскій.“ Узнавъ отвѣтъ красавицы, Гарольдъ торжественно поклялся при всѣхъ своихъ приближенныхъ что онъ не будетъ стричь и причесывать кудрей до тѣхъ поръ пока не станетъ единственнымъ повелителемъ всей Норвегіи. Десять лѣтъ на сушѣ и на морѣ велъ онъ затѣмъ войну съ другими мелкими королями и наконецъ сокрушилъ послѣднее сопротивленіе въ рѣшительной битвѣ при Гафсфіордѣ въ 872 году. Съ этого времени и началось историческое существованіе Норвегіи какъ цѣлаго государства и однородной національности. Но событіе это было истори-

Digitized by Google

ческихъ и не для одной Норвегіи. Оно оказало свое вліяніе и на исторію остальной Европы. Съ этого времени начался тотъ замѣчательный вѣкъ въ средневѣковой исторіи Европы который называется вѣкомъ викинговъ, бывшихъ бичомъ всѣхъ береговыхъ странъ Европы на западѣ и на югѣ, и несмотря на свои опустошенія и грабежи оставившихъ неизгладимый отпечатокъ своего посѣщенія во всѣхъ мѣстахъ гдѣ они появлялись. Множество княжескихъ семействъ, въ особенности знатнѣйшихъ, могущественнѣйшихъ и богатѣйшихъ, не могли перенести порабощенія, коему ихъ подчинилъ Гарольдъ, и собравъ себѣ отважныя дружины, они отправлялись искать счастья въ другія страны. Такъ большія дружины перешли черезъ горы въ Финляндію, другія же пустились въ море и являлись на Оркадскихъ и Шотландскихъ островахъ, въ Шотландіи, на островѣ Менѣ, въ Ирландіи и наконецъ въ Исландіи, открытой не задолго предъ тѣмъ ихъ же соотечественниками, гдѣ среди скалъ и пустынь они основали новую отчизну для норманскаго племени и норманской свободы. Наконецъ эти же самые Норманы, изгнанные съ своей родины деспотизмомъ Гарольда, прибыли во Францію и основали тамъ столь достопамятное въ исторіи Норманское королевство, владѣтельный домъ коего далъ потомъ Англіи новую династію въ лицѣ Вильгельма Завоевателя.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было выражено желаніе поставить памятникъ на могилѣ перваго Норвежскаго короля, и отпраздновать открытіе онаго въ тысячелѣтнюю годовщину битвы при Гафсфіордѣ. Хотя антикваріи находятся въ сомнѣніи относительно точнаго опредѣленія мѣста могилы Гарольда, но въ сагахъ упоминается что онъ погребенъ былъ близь нынѣшняго городка Гаугезунда, и всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста гдѣ была имъ одержана послѣдняя его побѣда. Памятникъ этотъ воздвигнутъ изъ гранита и представляетъ обелискъ имѣющій вмѣстѣ съ пьедесталомъ до 70 футовъ и окруженный невысокою каменною стѣной, у наружнаго края которой возвышаются на ровныхъ разстояніяхъ 24 столба съ надписями 24 провинцій или 24 мелкихъ королевствъ, на которыя была раздѣлена древняя Норвегія. Пьедесталъ украшенъ съ четырехъ сторонъ бронзовыми барельефами, изъ коихъ одинъ изображаетъ древнюю норманскую боевую галеру, идущую въ бой на всѣхъ парусахъ, другой— трофей изъ древне-норманскаго оружія, а на двухъ остальныхъ находятся надписи гласящія что на этомъ мѣстѣ лежитъ Гарольдъ Гарфагеръ, и что этотъ памятникъ воздвигнутъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ соединенія имъ всей Норвегіи въ одно королевство.

Торжество это было отпраздновано во всѣхъ городахъ Норвегіи.

Digitized by Google

Вездѣ всѣ работы были пріостановлены, всѣ лавки, конторы, мастерскія и присутственныя мѣста закрыты, а главныя улицы разукрашены флагами и цвѣтами. Но главное торжество, конечно, происходило въ самомъ мѣстѣ открытія памятника, въ Гангезундѣ. Хотя число всѣхъ жителей онаго не простирается и до 3.000 человѣкъ, но въ этотъ день посѣтителей съѣхалось до 20.000. При открытіи присутствовали братъ короля наслѣдный принцъ Оскаръ (самъ король не могъ присутствовать по болѣзни); первый норвежскій министръ Фредерикъ Стангъ, депутація отъ стортинга, отъ судебныхъ палатъ и отъ университетовъ. Шведское и норвежское правительства прислали въ Гангезундъ по нѣскольку военныхъ судовъ, и былъ присланъ также отрядъ норвежскихъ войскъ для почетнаго караула во время празднества. Наконецъ въ числѣ пріѣхавшихъ гостей былъ оркестръ норвежскихъ музыкантовъ, подъ управленіемъ знаменитаго норвежскаго музыканта Олебуля, которые, переселясь въ Соединенные Штаты, прибыли на свою старую родину чтобы своимъ присутствіемъ отдать дань ея народному празднеству. Этотъ визитъ свидѣтельствуетъ что норвежскіе эмигранты, хотя бы они и отправились искать въ чужихъ краяхъ того благосостоянія въ которомъ имъ отказываетъ ихъ суровая почва, все еще продолжаютъ относиться къ своему отечеству съ нѣжнымъ участіемъ, и этотъ фактъ подтверждается еще тѣмъ что день 18го іюля былъ отпразднованъ Норвежцами во многихъ мѣстахъ Америки, въ особенности въ Чикаго. Въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ также происходили празднества въ честь этого дня. Торжество открытія памятника въ Гангезундѣ было весьма удачно. Погода стояла прекрасная. Принцъ Оскаръ, открывъ памятникъ, произнесъ приличную случаю рѣчь, и потомъ власти города давали принцу и различнымъ депутаціямъ банкетъ. Въ столицѣ Норвегіи, Христіаніи, были также молебствіе, банкетъ, народное гулянье, иллюминація и фейерверкъ. Въ большей части другихъ городовъ торжество ограничилось загородными празднествами на открытомъ воздухѣ со спичами, музыкой и танцами.

ПОПРАВКА: Въ іюньской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ А. М. Матушинскаго „Послѣднія художественныя выставки въ Петербургѣ", замѣчены слѣдующія опечатки: На страницѣ 779, стр. 14 снизу, *чисто* вмѣсто *кистью*; стран. 791 стр., 19 снизу, *причудливымъ* вмѣсто *принужденнымъ*; стран. 805 стр. 21 снизу: *часть* вмѣсто *гать*; страница 823 стр. 2 снизу: *гуманическимъ* вмѣсто *гармоническимъ*. Кромѣ того имена собственныя: вмѣсто Ватье, Варіанеччи и Шошинъ слѣдуетъ читать: *Вотье*, *Маріанеччи* и *Шожинъ*.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ Л. СЕРВІЯ КАТИЛИНЫ. Объяснилъ Ю. Фелькель. Цѣна 80 k., съ пер. 1 р.

Digitized by Google

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1872 году стоитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ *.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. **, и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 75 к. ***.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

---

* ** *** Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтѣ 8%, подписной цѣны (съ доставкою), и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

Digitized by Google

	р.	к.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію	17	—
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіятскую Турцію.	18	50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты . . .	19	50

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ* за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи или выписывать его изъ редакціи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.		Съ перес.	Безъ перес.
За 1858 годъ	24 книги	10 руб.	8 р. 50 коп.
„ 1859 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1860 „	24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1861 „	12 книгъ	8 „	6 „ 50 „
„ 1862 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1863 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1864 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1865 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1866 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1867 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1868 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1869 „	12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1870 „	12 „	8 „	6 „ 50 „

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.	Съ перес	Безъ перес.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
„ три года	22 „	17 „ 50 „
„ четыре года	28 „	22 „ — „
„ пять лѣтъ.	33 „	25 „ 50 „
„ шесть лѣтъ.	37 „	28 „ — „
„ семь „	40 „	29 „ 50 „
„ восемь „	43 „	31 „ — „
„ девять „	46 „	32 „ 50 „
„ десять „	49 „	34 „ — „
„ одиннадцать лѣтъ.	52 „	35 „ 50 „
„ двѣнадцать „	55 „	37 „ — „
„ тринадцать „	58 „	38 „ 50 „

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за 1858, 59 и 60 годы по 40 к. за книжку безъ пересылки, а съ перес. по 50 к., и за 1861, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69 и 70 годы по 60 к. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкой по 75 коп. За 1871 и текущій 1872 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 р. 50 к. за книжку.

Digitized by Google

Съ этой стороны паркъ не подвергался опустошеніямъ сэръ-Луки, который былъ согласенъ съ мнѣніемъ Шеридана что лѣсъ есть прямой источникъ для уплаты долговъ джентльмена. Много благородныхъ дубовъ, буковъ, вязовъ и каштановъ погибло во время его опустошительнаго господства надъ Клеведономъ, но лѣсъ на южной сторонѣ парка былъ низшаго достоинства и избѣжалъ даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончательной расчистки посредствомъ которой мистеръ Вортъ уплатилъ часть долговъ тяготѣвшихъ на имѣніи сэръ-Френсиса.

Грація была молчалива и отвѣчала разсѣянно когда мистеръ Вальгревъ обращался къ ней. Онъ смотрѣлъ на нее и удивлялся, не зная чему приписать такую перемѣну. Четверть часа назадъ она была такъ жива и весела.

— Такъ вы очень любите отца, Грація? спросилъ онъ.

— Люблю ли я отца? повторила она порывисто, дрожащимъ голосомъ и съ свѣтлымъ взглядомъ сдѣлавшимъ ее необыкновенно прекрасною.—Кого же мнѣ и любить если не его? Я не хочу быть неблагодарною къ дядѣ Джемсу и къ тетушкѣ Ганнѣ. Они очень, очень добры со мной, и я привязана къ нимъ, даже люблю ихъ своего рода любовью. Но отца—я люблю его всѣмъ сердцемъ и всею душой. Знаете ли что цѣлый годъ послѣ его отъѣзда не было ночи чтобъ я не видала его во снѣ, не чувствовала прикосновенія его руки, не слышала его голоса; не было утра чтобъ я просыпалась безъ мучительнаго разочарованія при мысли что его нѣтъ со мной. Теперь сны уже не такъ живы, съ тѣхъ поръ прошло много времени, но я скучаю о немъ не менѣе.

— Знаете вы приблизительно когда онъ вернется?

— О, нѣтъ, можетъ-быть вернется очень скоро, можетъ-быть не вернется еще нѣсколько лѣтъ. Онъ сказалъ что ни въ какомъ случаѣ не пробудетъ тамъ болѣе трехъ лѣтъ, но я знаю что онъ не пріѣдетъ сюда пока не достигнетъ своей цѣли.

— То-есть пока не наживетъ состоянія?

— Пока не пріобрѣтетъ столько денегъ чтобы заплатить всѣ свои долги до послѣдняго шиллинга.

— Желаю ему полнаго успѣха. Еслибъ я вѣрилъ что копая землю можно найти золото, я купилъ бы себѣ заступъ и послѣдовалъ бы примѣру вашего отца. Юридическая карьера чрезвычайно медленный путь къ богатству. Что же касается

Digitized by Google

славы, то если юристъ остановится не достигнувъ до шерстяного мѣшка, я сомнѣваюсь чтобъ его имя дошло до потомства что̀ бы онъ ни сдѣлалъ. Быть чѣмъ-нибудь менѣе значительнымъ чѣмъ лордъ Турло значитъ не быть ничѣмъ, а вы едва ли когда-нибудь слышали о лордѣ Турло. Поэтъ въ наши дни, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ, всегда найдетъ мѣсто въ сердцѣ женщинъ. Я держу пари что еслибы васъ спросили кто имѣетъ болѣе правъ на извѣстность—Кирке Вайтъ или лордъ Брумъ, вы сказали бы что Кирке Вайтъ и что Летиція Лондонъ, какъ писательница, стоитъ выше Юніуса.

— Я очень люблю поэзію, отвѣчала Грація.

— И прекрасно, дитя мое. Продолжайте развивать свой умъ серіознымъ чтеніемъ и когда-нибудь вы будете такимъ же поэтомъ какъ миссъ Проктеръ, поэтомъ чувствъ, полнымъ нѣжности и музыки. Но вспомните что̀ сказалъ о поэтахъ Шелли: „они узнаютъ въ страданіи то чему учатъ въ пѣсняхъ". И вамъ вѣроятно придется пройти такъ или иначе чрезъ этотъ образовательный процессъ,—полюбить недостойнаго человѣка, разочароваться въ своихъ лучшихъ мечтахъ и такъ далѣе.

Дѣвушка бросила на него опять быстрый взглядъ, въ этотъ разъ полный гнѣва.

— Почему вы такъ думаете? спросила она съ негодованіемъ.—Будто я ужь такое глупое существо что должно непремѣнно полюбить недостойнаго человѣка. Я не намѣрена любить никого кромѣ моего отца. Если во всѣхъ книгахъ которыя я прочла, или хоть въ половинѣ изъ нихъ, говорится правда, любовь не приноситъ ничего кромѣ горя.

— О, нѣтъ, Грація, иногда любовь приноситъ невыразимое счастіе, возвращаетъ молодость, открываетъ новый міръ, бываетъ началомъ новой жизни, сказалъ мистеръ Вальгревъ съ несвойственнымъ ему жаромъ.

ГЛАВА VI.

Грація находитъ сходство.

Они были уже недалеко отъ дома и скоро вышли изъ густаго лѣса на обширную лужайку, отдѣлявшуюся отъ парка только тонкою желѣзною рѣшеткой. Тутъ ждало ихъ остальное

Digitized by Google

общество, вытирая лица большими носовыми платками и уже въ состояніи сильнаго разслабленія. Предъ ними возвышался старый домъ, величественное зданіе съ массивнымъ центромъ и съ широко раскинувшимися направо и налѣво пристройками, оканчивавшимися съ каждой стороны небольшою колоннадой составлявшею прямой уголъ съ зданіемъ. Надъ главною дверью, низкою и широкою, находилось большое окно которое само по себѣ было картиной. Крыша маскировалась каменнымъ карнизомъ, прозрачнымъ, легкимъ и изящнымъ какъ роскошное кружево.

— Славное старое мѣсто! сказалъ мистеръ Вальгревъ.— Благородный фонъ для жизни человѣка. Жаль что такой домъ уступленъ крысамъ и паукамъ.

— Не долго осталось крысамъ и паукамъ владѣть имъ, сказала Грація.—Сэръ-Френсисъ скоро возвратится.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ задумчиво.— Я не вѣрю въ реставраціи.

Мистеръ Вортъ позвонилъ, и послѣ значительнаго промежутка дверь была отворена дворецкимъ, дряхлымъ старикомъ съ длинными сѣдыми волосами и съ потухшими голубыми глазами, видѣвшими въ лицо Георга IV. Старикъ просіялъ увидавъ мистера Ворта и съ любопытствомъ устремилъ свои тусклые глаза на Губерта Вальгрева. Онъ очень охотно согласился показать домъ.

— Очень радъ видѣть васъ и вашихъ друзей, мистеръ Вортъ, сказалъ онъ.—Я и старуха моя совсѣмъ отупѣли не видя здѣсь никого кромѣ двухъ служанокъ и мясника разъ въ недѣлю. Еслибы не наша привязанность къ этому мѣсту, мы, кажется, не вынесли бы такой жизни. Вамъ угодно осмотрѣть всѣ лучшія комнаты, продолжалъ онъ, отворяя одну изъ множества дверей въ большой швейцарской и вводя своихъ посѣтителей въ длинную мрачную комнату, увѣшанную фамильными портретами съ чернымъ мраморнымъ каминомъ въ концѣ, съ такимъ гигантскимъ каминомъ что его массивный фронтонъ поддерживался двѣнадцатью коринѳскими колоннами придававшими ему видъ входа въ гробницу.—Потолки въ верхнемъ этажѣ стали гораздо хуже съ тѣхъ поръ какъ вы видѣли ихъ въ послѣдній разъ, продолжалъ дворецкій.— Крыша протекаетъ, а весной у насъ были сильные дожди. Что же касается крысъ, о нихъ лучше и не говорить. Чѣмъ только онѣ тутъ живутъ я и понять не могу, но онѣ живутъ,

Digitized by Google

растутъ и множатся. Это столовая Якова I, такъ названная потому что его величество, когда гостилъ здѣсь, обѣдалъ ежедневно въ этой комнатѣ въ часъ пополудни, съ Робертомъ Карромъ графомъ Соммерсетскимъ по лѣвую руку и съ серъ-Джономъ Клеведономъ по правую, и говорятъ что серъ-Джонъ былъ красивѣе Карра. Вотъ его портретъ въ зеленомъ бархатномъ платьѣ.

Всѣ обернулись къ портрету на который указывалъ старый дворецкій. Грація уже видѣла его однажды, но взглянувъ на него въ этотъ разъ, она вздрогнула и тихо вскрикнула.

— Что съ вами, Грація? спросилъ Джемсъ Редмайнъ.

— Я взглянула на портетъ. Онъ такъ похожъ....

— На кого?

— На мистера Вальгрева, дядя.

Всѣ конечно обернулись къ мистеру Вальгреву, который сидѣлъ въ концѣ большаго дубоваго стола и задумчиво осматривалъ комнату.

Портретъ Джона Клеведона изображалъ человѣка съ короткими темными волосами, завивавшимися мелкими локонами надъ высокимъ, нѣсколько лысымъ лбомъ, съ блестящими сѣрыми глазами, казавшимися черными отъ черныхъ рѣсницъ и бровей, и съ короткимъ орлинымъ носомъ съ красиво очерченными ноздрями. Еслибы не носъ и брови, придававшіе лицу какое-то зловѣщее выраженіе, оно могло бы назваться очень красивымъ. И не физическою только красотой отличалось оно: нельзя было сомнѣваться въ силѣ ума человѣка съ такимъ лицомъ.

Мистеръ Вальгревъ поднялъ глаза и устремилъ внимательный взглядъ на портретъ. Да, сходство дѣйствительно было и скорѣе въ выраженіи чѣмъ въ чертахъ лица, хотя и въ чертахъ было много сходнаго. Глаза у обоихъ были одного цвѣта, волосы росли одинаково надъ задумчивыми лбами. Когда живой человѣкъ смотрѣлъ на изображеніе умершаго, лица ихъ казались еще болѣе сходными. Можно было подумать что между ними существуетъ какая-нибудь таинственная связь.

— Мнѣ очень лестно такое замѣчаніе, сказалъ мистеръ Вальгревъ холодно.—Сходство, хотя бы самое слабое, съ человѣкомъ оспаривавшимъ первенство у красиваго негодяя Карра должно внушать гордость. Но мнѣ кажется что оно

Digitized by Google

существуетъ только въ поэтическомъ воображеніи миссъ Редмайнъ.

— Нисколько, воскликнулъ дядя Джемсъ.—Всякій скажетъ что вы на него похожи.

— Въ такомъ случаѣ джентльменъ долженъ имѣть сходство и съ моимъ покойнымъ господиномъ, сказалъ Тристрамъ Молесъ, дворецкій.—Сэръ-Лука былъ настоящій Клеведонъ. Мои старые глаза теперь плохо видятъ, но если джентльменъ похожъ на одного, онъ похожъ и на другаго.

Мистеръ Вортъ нетерпѣливо повернулся.

— Лучше было бы не терять здѣсь попусту времени если вы хотите осмотрѣть домъ, сказалъ онъ, и всѣ отправились далѣе и осмотрѣли столовую съ ея открытымъ готическимъ потолкомъ, столовую въ которой могли свободно обѣдать сотни двѣ людей, бильярдную, музыкальную комнату, утреннюю комнату, бальную комнату, и вернулись назадъ въ швейцарскую по ряду сравнительно небольшихъ комнатъ выходившихъ окнами въ голландскій садъ, а изъ швейцарской отправились наверхъ, огласивъ домъ шумомъ своихъ шаговъ по широкой каменной лѣстницѣ.

Наверху были парадныя спальни съ высокими перинами, съ занавѣсами и съ общимъ видомъ необитаемости; были и другія комнаты въ которыхъ мебель и отдѣлка были новѣе, но на всемъ лежалъ болѣе или менѣе отпечатокъ обветшалости. Нечистоты нигдѣ не замѣчалось. Мистрисъ Молесъ и ея помощницы неутомимо старались поддерживать въ домѣ порядокъ, но мѣстами просачивалась сырость, мѣстами отстали обои, въ одной комнатѣ треснула панель, въ другой было разбито окно. Все чтò могло полинять—полиняло, все чтò могло сгнить—сгнило, но домъ вначалѣ былъ такъ великолѣпенъ что казался великолѣпнымъ и въ разрушеніи.

Во все время осмотра мистеръ Вальгревъ и Грація были вмѣстѣ. Такъ случилось; ни съ той, ни съ другой стороны не замѣтно было старанія быть ближе другъ къ другу. Мистеръ и мистрисъ Редмайнъ разговаривали съ управляющимъ, жаждавшимъ новостей изъ другаго, не-кингсберійскаго міра, и всѣ трое по временамъ останавливались пока мистеръ Вортъ задумчиво разглядывалъ успѣхи разрушенія. Обойдя всѣ комнаты, осмотрѣвъ темныя картины, китайскій фарфоръ и всѣ хорошенькія бездѣлушки къ которымъ нѣкогда прикасались съ любовью руки теперь уже не существовавшія,—Грація и

Digitized by Google

ея спутникъ пріостановились въ комнатѣ съ красивымъ большимъ окномъ надъ главнымъ входомъ. Эта комната, самая красивая, самая веселая въ верхнемъ этажѣ, была гостиная отдѣланная въ индійскомъ вкусѣ, съ оригинальными рѣзными стульями, со шкафами сандальнаго дерева, со шкатулками изъ слоновой кости съ серебромъ, съ большими вазами наполненными сухими розовыми листьями все еще издававшими слабый запахъ.

— О, какая милая комната! воскликнула Грація съ восторгомъ, остановившись предъ окномъ и глядя на обширный видъ, прекрасный въ своемъ пышномъ лѣтнемъ убранствѣ.— Какъ пріятно должно быть жить имѣя постоянно передъ глазами такую картину! Нашъ Брайервудъ въ низменномъ мѣстѣ, и мы не видимъ ничего кромѣ нашего сада. Это комната леди Клеведонъ,—не послѣдней леди Клеведонъ, та, бѣдная, никогда не была здѣсь,—но матери сэръ-Луки. Она была дочерью индійскаго генерала, и всѣ эти вещи прислалъ ей отецъ. На каминѣ есть миніатюрный портретъ сэра-Луки, снятый съ него когда онъ былъ еще мальчикомъ, продолжала она переходя комнату чтобы взглянуть на портретъ.—Какая хорошенькая курточка и какой большой воротничокъ! Да, сходство конечно есть.

— Съ кѣмъ?

— Съ вами. Развѣ вы не помните что̀ сказалъ мистеръ Молесъ? Если вы похожи на сэръ-Джона, вы должны быть похожи и на сэръ-Луку. И сходство дѣйствительно есть, въ особенности въ глазахъ и въ выраженіи.

— Странно, сказалъ мистеръ Вальгревъ равнодушно.—Мнѣ можетъ-быть слѣдуетъ гордиться такимъ сходствомъ. Клеведоны повидимому такіе важные люди.

— Ихъ родъ, сказывалъ мистеръ Вортъ, очень древній, и былъ еще извѣстенъ во дни Плантагенетовъ. Жаль что сэръ-Лука прожилъ все состояніе, не правда ли?

— Я увѣренъ что сынъ его съ вами согласенъ, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ сухо.—Впрочемъ, по словамъ мистера Ворта, имѣніе очистится отъ долговъ черезъ годъ или два, и сэръ-Френсисъ получитъ возможность поселиться здѣсь. Пріятно сдѣлаться обладателемъ такого помѣстья тридцати лѣтъ отъ роду. Владѣя имъ можно не трудиться для пріобрѣтенія извѣстности, оно дастъ извѣстность.

Digitized by Google

— Желали бы вы быть въ такомъ положеніи? спросила Грація улыбнувшись.

— Очень. Я многое отдалъ бы, Грація, чтобы не быть въ зависимости отъ свѣта, чтобы не быть вынужденнымъ идти по дорогѣ намѣченной много лѣтъ тому назадъ и во что бы то ни стало достигнуть извѣстной цѣли. Я самъ не зналъ какъ трудно будетъ достигнуть этой цѣли, какъ тяжело не имѣть свободы жить какъ угодно, пока не... до послѣднихъ дней.

Дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ и съ очень блѣднымъ лицомъ.

— Какъ же вы узнали это въ послѣдніе дни? спросила она.

— Въ эти дни я сдѣлалъ роковое открытіе, Грація.

— Какое открытіе?

— Что я люблю васъ.

Она съ минуту поглядѣла на него недовѣрчиво и залилась слезами.

Онъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ, глядя на нее съ любовью, но не съ торжествомъ счастливаго влюбленнаго.

— Моя дорогая, моя безцѣнная, не плачьте. Я не стою ни одной изъ этихъ слезъ. Тайна высказана, хотя я не имѣлъ намѣренія ее высказывать. Я обнялъ васъ на минуту, въ первый и въ послѣдній разъ. Я, видите, даже не цѣлую васъ. Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ и всею душой, Грація Редмайнъ, но я помолвленъ съ другою женщиной. Я говорю вамъ оба факта разомъ. Вся моя будущность зависитъ отъ брака, а я недостаточно равнодушенъ къ своей будущности чтобъ отъ него отказаться.

Грація тихо высвободилась изъ его рукъ. Лицо ея сіяло. Онъ любитъ ее, а потомъ хоть потопъ! Какое ей было дѣло въ эту минуту торжества что онъ долженъ жениться на другой женщинѣ? Знать что онъ любитъ ее было само по себѣ такимъ счастіемъ что въ ея сердцѣ не было мѣста для горькихъ чувствъ.

— Вамъ было бы непріятно еслибы я вышла замужъ за фермера? спросила она съ улыбкой глядя на него.

— Избави Богъ. Я желалъ бы чтобы вы остались навсегда въ сторонѣ отъ толпы, отдѣльною блестящею звѣздой. Я долженъ идти моею дорогой и жить моею жизнью; такъ написано въ книгѣ судебъ. Но знать что Грація Редмайнъ

Digitized by Google

стоитъ выше міра въ которомъ я живу было бы большимъ утѣшеніемъ для меня.

Утѣшеніемъ для него! Онъ даже не подумалъ не нуждается ли она тоже въ утѣшеніи. Однако онъ зналъ что она любитъ его, онъ подозрѣвалъ это уже нѣсколько дней и теперь думалъ что поступилъ замѣчательно благородно сказавъ ей откровенно о своемъ положеніи. Очень немногіе поступили бы такъ на его мѣстѣ, думалъ онъ.

Дверь комнаты была полуотворена, и въ эту минуту послышались приближавшіеся шаги и голоса остальнаго общества. Грація вытерла слезы и отошла къ окну чтобы собраться съ духомъ для встрѣчи съ своими родственниками. Мистеръ Вальгревъ послѣдовалъ за ней, открылъ окно и сдѣлалъ какое-то замѣчаніе о ландшафтѣ чтобъ прикрыть ея волненіе.

— Ну, теперь когда мы осмотрѣли весь домъ, мистеръ Вальгревъ, не мѣшаетъ намъ подумать и о подкрѣпленіи силъ, сказалъ Джемсъ Редмайнъ.—Гдѣ мы будемъ обѣдать, въ саду или въ паркѣ?

— Не въ саду и не въ паркѣ, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ.—Мы вообразимъ себя Клеведонами и пообѣдаемъ въ большой столовой.

— Э, такъ вы вотъ какъ! А я думалъ что вы хотите непремѣнно раскинуть скатерть на травѣ и пообѣдать на воздухѣ. Впрочемъ надѣюсь что мистеръ Молесъ не имѣетъ ничего противъ вашего желанія.

— Рѣшительно ничего, мистеръ Редмайнъ. Вы можете расположиться въ столовой какъ вамъ угодно. Всѣ, кого бы ни привелъ мистеръ Вальгревъ, здѣсь дорогіе гости. Я и жена моя принесемъ все чтò вамъ нужно.

— Мы сами привезли съ собой все чтò намъ нужно, гордо возразила мистрисъ Редмайнъ.—Я собственными руками уложила корзины.

— Если такъ, то мы будемъ только прислуживать вамъ, мистрисъ Редмайнъ, отвѣчалъ дворецкій.

Всѣ отправились внизъ. Тетушка Ганна и мистеръ Молесъ шли впереди, таинственно разсуждая объ обѣдѣ; мистеръ Вортъ и мистеръ Редмайнъ слѣдовали за ними, толкуя о земледѣліи; Грація и Губертъ Вальгревъ были послѣдніе.

— Проведемъ счастливо хоть одинъ день, Грація, сказалъ онъ, спускаясь медленно по широкой лѣстницѣ. — Забу-

Digitized by Google

демъ что существуетъ будущее и будемъ счастливы настоящимъ.

— Могу ли я не быть счастлива когда я съ вами? отвѣчала она, не подозрѣвая какъ опасно было съ ея стороны такое откровенное признаніе.

ГЛАВА VII.

Еслибъ этотъ день длился вѣчно!

Въ концѣ столовой былъ небольшой овальный столъ, небольшой сравнительно съ другими столами стоявшими по обѣимъ сторонамъ комнаты, но такой что вокругъ него могли свободно усѣсться человѣкъ двѣнадцать или четырнадцать. На этомъ столѣ обѣдалъ принцъ регентъ съ немногими избранными когда все графство съѣзжалось въ Клеведонъ, и на этомъ же столѣ было выложено, по настоянію мистера Вальгрева, все что заключалось въ корзинахъ мистрисъ Редмайнъ. Онъ самъ помогъ разстелить скатерть и подавалъ Граціи стаканы, ножи и вилки такъ проворно какъ будто это было для него дѣломъ привычнымъ.

— У насъ пикники бываютъ большею частію въ комнатахъ, сказалъ онъ, — и я всегда помогаю накрывать столъ когда у меня завтракаютъ или обѣдаютъ друзья мои. Какое угощеніе вы приготовили намъ, мистрисъ Редмайнъ! Я просилъ только телятины и салату, а вы приготовили роскошный обѣдъ. Пирогъ съ голубями, вареная говядина, цыплята подъ соусомъ и—скажите пожалуста что это за мокрая смѣсь въ каменной чашкѣ? Развѣ мы возвратимся къ днямъ нашего дѣтства и будемъ ѣсть творогъ съ сывороткой?

— Это пирожное, мистеръ Вальгревъ, возразила тетушка Ганна обиженнымъ тономъ. — Его не легко дѣлать, но въ этотъ разъ оно мнѣ удалось. Многимъ оно очень нравится.

— Будьте увѣрены, мистрисъ Редмайнъ, что я сумѣю оцѣнить ваше пирожное. Теперь, Грація, садитесь въ концѣ стола и будьте леди Клеведонъ, а я сяду противъ васъ и буду серъ-Губертъ. Мистеръ Вортъ, садитесь направо отъ ея свѣтлости, мистрисъ Редмайнъ, а прошу васъ сѣсть рядомъ со мной, а остальные гдѣ кому угодно.

Молодые Редмайны вернулись къ этому времени изъ ларька, и все общество, за исключеніемъ Граціи, принялось съ боль-

Digitized by Google

шимъ аппетитомъ уничтожать пирогъ съ голубями, вареную говядину, цыплятъ, соусъ и другія приправы въ видѣ огурцовъ, салата и т. п.; между тѣмъ какъ мистеръ Молесъ, дворецкій, прислуживалъ имъ съ такимъ же торжественнымъ видомъ будто воображалъ себя во главѣ толпы служителей на одномъ изъ банкетовъ давно минувшихъ временъ. Онъ усмѣхнулся раза два спокойною улыбкой при шутливыхъ замѣчаніяхъ мистера Вальгрева, но вообще былъ олицетвореніемъ торжественности и разливалъ брайервудское пиво и хересъ мистера Вальгрева такъ же величественно какъ въ былое время разливалъ дорогой рейнвейнъ и мадеру.

Обѣдъ прошелъ очень весело. Мистеръ Вальгревъ казался такимъ довольнымъ какъ будто слава его и состояніе были уже составлены, и ему осталось только наслаждаться жизнью. Онъ говорилъ и шутилъ неумолкаемо, между тѣмъ какъ молодые Редмайны, одаренные смутнымъ чувствомъ юмора, громко хохотали въ промежуткахъ между своимъ важнымъ занятіемъ, а Грація улыбалась на своемъ почетномъ мѣстѣ и сіяла какъ фонтанъ подъ солнечными лучами. Ей не нужно было говорить. Достаточно было что она смотрѣла такою веселою и прекрасною. Можетъ-быть всякая птичка въ Брайервудскомъ саду могла съѣсть столько же сколько съѣла въ этотъ день миссъ Редмайнъ, но человѣкъ способенъ наслаждаться пищей только когда всѣ духовныя радости угасаютъ въ его душѣ. Грація питалась въ этотъ день пищею выросшею не на земной почвѣ. Она была въ волшебномъ мірѣ и смотрѣла на дѣйствительность такими же глазами какъ Титанія ласкавшая своего прозаическаго возлюбленнаго.

Они провели въ столовой часа два показавшіеся Граціи получасомъ невозмутимаго блаженства, потомъ отправились въ цвѣтникъ.

Клеведонскій цвѣтникъ занималъ около восьми акровъ и былъ когда-то главнымъ украшеніемъ помѣстья. Оставленный въ печальномъ пренебреженіи, онъ густо заросъ кустами жасмина, розъ и жимолости. Дорожки покрылись мохомъ, надъ аллеями образовались непроницаемые зеленые своды; тутъ валялась сломанная статуя, тамъ лежалъ пустой мраморный водоемъ отъ фонтана. Въ концѣ одной изъ аллей былъ большой прудъ, полузаросшій водяными лиліями, другая выходила на широкій лугъ окруженный густою изгородью изъ остролистника. Только трава мѣстами была скошена, и италіянскій

Digitized by Google

цвѣтникъ леди-Клеведонъ содержался въ порядкѣ. Все остальное было въ хаотическомъ состояніи.

— Еслибъ я былъ милліонеръ, я оставилъ бы хоть одинъ садъ въ такомъ видѣ, сказалъ мистеръ Вальгревъ, гуляя между розовыми кустами и цѣпляясь за вѣтки преграждавшія дорожки.—Я всегда воображалъ себѣ розовую бесѣдку у Бендемирскаго потока такимъ же заглохшимъ мѣстомъ. Въ этихъ густыхъ массахъ зелени встрѣчаются такія чудныя формы и краски какихъ никогда не составитъ никакой садовникъ.

Грація конечно согласилась съ нимъ. Она считала всякое слово выходившее изъ его устъ перломъ премудрости.

Отыскавъ зеленую бесѣдку, большую и прохладную, мистеръ Вортъ и дядя Джемсъ остались въ ней курить и пить молочный пуншъ, и пригласили въ свой пріютъ стараго дворецкаго. Но нельзя было ожидать что мистеръ Вортъ останется въ обществѣ дворецкаго, и мистрисъ Джемсъ нимало не удивилась когда онъ, попробовавъ пуншъ, ушелъ гулять также какъ и Грація съ ея кузенами. Кузены скоро скрылись изъ скучнаго сада въ лѣсъ, гдѣ можно было погоняться за разною дичью и полазить по деревьямъ, и Грація осталась опять наединѣ съ мистеромъ Вальгревомъ.

Этотъ день былъ можетъ-быть самымъ счастливымъ днемъ ея краткой жизни,—днемъ невозмутимаго блаженства. Что за бѣда что ея возлюбленный вслѣдъ за признаніемъ въ своей любви сказалъ ей что между ними лежитъ непроходимая преграда? Придетъ время когда мысль объ этомъ приведетъ ее въ отчаяніе, но это время еще не пришло. Онъ любилъ ее, и въ этомъ заключалось все счастіе какое она могла себѣ вообразить. Она думала о немъ какъ о человѣкѣ стоящемъ несравненно выше ея, она отдала ему свое сердце въ дѣтскомъ невѣдѣніи что приноситъ жертву. Жизнь ея была въ послѣднее время очень хороша только потому что онъ былъ близко отъ нея. Даже когда она считала его равнодушнымъ къ ней, ей было достаточно видѣть его лицо, слышать его голосъ. Каково же было ей узнать что онъ любитъ ее, что это высшее, почти невѣроятное счастіе выпало на ея долю? Изъ всѣхъ женщинъ которыя обожали его — дѣвушка съ такимъ сантиментальнымъ характеромъ какъ Грація способна вообразить что всѣ другія женщины встрѣчавшіяся съ ея идоломъ не могли не обожать его — изъ всѣхъ женщинъ онъ

выбралъ ее. Непостижимое снисхожденіе! Безумное сердце все еще замирало отъ восторга при воспоминаніи о блаженномъ мгновеніи когда онъ произнесъ: „Грація, я люблю васъ“.

Что же касается мистера Вальгрева, эта прогулка по запущеннымъ цвѣтникамъ и фруктовымъ садамъ, со случайными остановками для того чтобы нарвать розъ или набрать земляники на широкій фиговый листъ, показалась ему тоже далеко не непріятною, хотя въ его чашу наслажденія примѣшивалась доля горечи и сожалѣнія. Счастливое лицо Граціи даже среди розъ омрачалось въ его глазахъ страшною тѣнью будущаго. Какъ ни хорошъ былъ этотъ день, слѣдующій былъ близко. Какъ покинуть дѣвушку такъ горячо его любящую? Онъ сознавалъ что это будетъ для него большимъ испытаніемъ. Но недѣлю тому назадъ онъ смотрѣлъ очень легко на свое увлеченіе и говорилъ себѣ что онъ менѣе кого бы то ни было способенъ горевать при разлукѣ. Хорошенькія лица были для него не новостью. Онъ жилъ между привлекательными женщинами, которыя ухаживали за нимъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ его профессіональная карьера стала подавать надежды на богатую жатву въ будущемъ.

„Какъ бы то ни было, но я сказалъ ей правду“, думалъ онъ, глядя на оживленное лицо Граціи, сіявшее величайшимъ счастіемъ. „Я этимъ очень доволенъ. Какое она милое, довѣрчивое существо, ни мало не заботится о будущемъ, неспособна ни на какіе эгоистическіе разчеты, довольна только тѣмъ что любима! Жаль что я не придержалъ языка. Мнѣ слѣдовало бы завтра же уѣхать изъ Брайервуда. Остаться здѣсь все равно что остаться на краю пропасти. Однако....“

Однако онъ намѣревался остаться и остался.

Послѣобѣденное время продолжалось три часа. Трубки, разговоры, пуншъ и сладкая дремота сократили для старшихъ теченіе времени, и только когда стало замѣтно смеркаться, когда посвѣжѣлъ воздухъ и лѣтній вѣтерокъ зашумѣлъ деревьями, они поняли что незамѣтно подкрался вечеръ, и мистрисъ Джемсъ захлопотала о чаѣ. Безъ чая праздникъ казался бы неоконченнымъ.

Къ счастію, все было уже приготовлено, иначе они не успѣли бы напиться засвѣтло. Сыновья мистрисъ Редмайнъ выбрали въ рощѣ удобное мѣсто, развели костеръ, вскипятили воду. „Матушкѣ“ осталось только заварить и разлить чай. Всѣ весело отправились въ рощу оглашенную голосами

Digitized by Google

птицъ которымъ слѣдовало бы быть соловьями если онѣ ими не были, и усѣлись на зеленой лужайкѣ окруженной высокими каштанами, между тѣмъ какъ не вдалекѣ трещалъ и дымился догаравшій костеръ.

Грація съ восторгомъ захлопала руками.

— О, какъ хорошо было бы остаться здѣсь навсегда! воскликнула она.

О, какъ хорошо было бы остаться здѣсь навсегда, какъ хорошо было бы еслибъ этотъ день длился вѣчно! подумала она, и вдругъ ей представилось что этотъ блаженный день унесетъ съ собой все ея счастіе. Она впервые начала сознавать настоящее положеніе вещей, впервые явилось у нея предчувствіе будущихъ страданій, разлуки, слезъ, смерти. Развѣ лишиться его не все равно что умереть? подумала она.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней. Тетушка Ганна посмотрѣла на нихъ подозрительно, но не замѣтила ничего особеннаго въ ихъ обращеніи. Очень естественно что мистеръ Вальгревъ любезенъ съ Граціей, которая дѣйствительно хорошенькая дѣвушка и на пятнадцать лѣтъ моложе его. Опасности никакой нѣтъ, рѣшила она.

Питье чая прошло пріятно, мирно, патріархально. Молодые Редмайны и отецъ ихъ ѣли и пили съ такимъ аппетитомъ какъ будто въ ротъ ничего не брали въ послѣднія сутки. Къ чаю были поданы въ изобиліи мелкіе морскіе раки, такіе красные и хорошенькіе что хотѣлось нанизать изъ нихъ ожерелье,—раки и сладкій пирогъ. Молодые Редмайны ни отъ чего не отказывались и были такъ шумно веселы въ своемъ возбужденномъ состояніи что Губертъ Вальгревъ и Грація могли незамѣтно вести тихій, неслышный для другихъ разговоръ. Грація опять прояснилась и опять забыла что жизнь не ограничится однимъ этимъ днемъ, забыла все кромѣ того что онъ былъ съ ней.

Сумерки превращались въ ночь когда общество, уложивъ посуду въ корзины, отправились въ обратный путь. Пока остальные сбирались, мистеръ Вальгревъ и Грація ушли немного впередъ, но не скрылись изъ виду, такъ что тетушка Ганна могла видѣть свѣтлое платье своей племянницы мелькавшее между деревьями, могла слышать ея счастливый смѣхъ. Лишь только всѣ остальные собрались вмѣстѣ и пустились въ путь, какъ пронзительный крикъ огласилъ рощу.

Digitized by Google

— Боже праведный! Это что̀ такое? воскликнула мистрисъ Джемсъ.—Это голосъ Граціи. Бѣги скорѣй, Чарли.

Оба брата бросились впередъ, и одинъ изъ нихъ наткнулся на мистера Вальгрева, который возвращался держа на рукахъ Грацію. Голова ея лежала на его плечѣ, лицо было покрыто смертельною блѣдностью.

— Она въ обморокѣ, сказалъ онъ.—Я не понимаю почему она такъ испугалась. Мы сѣли на опрокинутое дерево чтобы дождаться васъ, и вдругъ ехидна проскользнула между нами и проползла по ея платью. Она такъ испугалась что упала въ обморокъ.

Онъ тихо опустилъ ее на траву и положилъ ея голову на колѣни тетки. Всѣ родные казались болѣе испуганными чѣмъ можно было ожидать.

— Это только обморокъ, сказалъ мистеръ Вальгревъ успокоительно.—Опустите ея голову на траву, и она скоро придетъ въ себя. Сдѣлайте одолженіе, Чарли, сбѣгайте за водой.

Онъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ дѣвушки, держа одну изъ ея холодныхъ рукъ. Лицо ея было блѣдно какъ у мертвой, и тетушка Ганна не сводила съ него испуганнаго взгляда.

— Для нея обморокъ не то что̀ для другихъ, сказала она растирая свободную руку племянницы.—Ее не легко привести въ чувство. То же самое было съ ней въ день отъѣзда ея отца, и намучились же мы тогда съ ней. Я думала что она умерла. Всему причиной, какъ видите, ея сердце.

— Ея сердце! воскликнулъ мистеръ Вальгревъ съ испугомъ.— Что̀ же такое съ ея сердцемъ?

И онъ поспѣшно положилъ руку на грудь дѣвушки.

— Боюсь что у нея есть какой-нибудь порокъ въ сердцѣ. Ея мать умерла отъ болѣзни сердца, пошла однажды на верхъ за работой и упала у лѣстницы. Докторъ сказалъ что ея сердце мгновенно перестало биться. Этотъ же докторъ говорилъ что Грація не долговѣчна,—слишкомъ похожа на мать.

Онъ почувствовалъ слабое сотрясеніе подъ своею рукой. Слава Богу, сердце такъ горячо, такъ безумно любившее его не перестало биться. Но онъ такъ испугался что когда Грація открыла глаза и взглянула на него, онъ былъ такъ же блѣденъ какъ она.

Она вздохнула долгимъ, дрожащимъ вздохомъ, выпила нѣсколько ложекъ воды, объявила что чувствуетъ себя совершенно здоровою и встала дрожа съ головы до ногъ.

Digitized by Google

— Я, кажется, перепугала васъ, сказала она.—Это было очень глупо съ моей стороны, но я ужасно испугалась этой гадкой ехидны. Она никого не укусила, не правда ли? спросила она и съ безпокойствомъ взглянула на Губерта Вальгрева.

— Нѣтъ, Грація, никакой бѣды не случилось, отвѣчалъ онъ съ ободрительною улыбкой, хотя лицо его было все еще блѣдно.—Вы испугались самаго безвреднаго червя. Я не думалъ что вы нервны какъ великосвѣтская барыня.

— Но вѣдь это была ехидна, оправдывалась Грація.—Отъ укушенія ехидны часто умираютъ. И она проскользнула между нами какъ будто.... какъ будто....

Она не договорила, но Губертъ Вальгревъ понялъ что̀ она хотѣла сказать: „какъ будто пришла разлучить насъ".

— Возьмите мою руку, миссъ Редмайнъ, сказалъ онъ самымъ непринужденнымъ тономъ, — и не бойтесь ехидвъ. Я считаю ихъ вполнѣ безвредными если только онѣ не принимаютъ образа двуногихъ. Чувствуете вы себя въ силахъ идти домой? Или хотите отдохнуть немного?

— Я нисколько не устала. Я хочу идти не отдыхая.

И они пошли руку въ руку по узкимъ тропинкамъ между полями посеребренными луннымъ сіяніемъ, то задѣвая усатый ячмень, пушистый овесъ и быстро созрѣвавшую рожь, то выходя на лужайку покрытую мягкою молодою травой съ коегдѣ чернѣющими группами деревьевъ. Они были одни, хотя шли только на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ Редмайнъ, и Грація забыла объ ехиднѣ.

ГЛАВА VIII.

„Вспомни какъ она плакала прощаясь съ тобою."

Прошло однако нѣсколько времени прежде чѣмъ мистеръ Вальгревъ забылъ то что̀ слышалъ въ саду о болѣзни сердца и о смерти матери Граціи. На слѣдующій день онъ нашелъ случай разспросить мистрисъ Джемсъ о подробностяхъ этого событія и заставить ее повторить слова доктора о Граціи. Оказалось что невинное молодое сердце никогда не подвергалось изслѣдованію; докторъ сказалъ только однажды мистрисъ Джемсъ что замѣчаетъ въ наружности ея племянницы нѣчто

Digitized by Google

не совсѣмъ хорошее и опасается что въ ней разовьется та же болѣзнь которая и была причиной смерти ея матери. Въ то время когда это было сказано Ричардъ Редмайнъ былъ еще въ Англіи, но его невѣстка не сочла нужнымъ пугать его словами доктора.

— Если это болѣзнь сердца, сказала мистрисъ Джемсъ,— она неизлѣчима; если же докторъ ошибся, жестоко было бы пугать бѣднаго Ричарда, у котораго въ то время было и безъ того много непріятностей.

— Вы совершенно правы, мистрисъ Редмайнъ.—Доктору просто хотѣлось пріобрѣсть лишнюю практику. Въ такомъ благодатномъ климатѣ его профессія не выгодна. Болѣзнь сердца! Я никогда не повѣрю что у вашей племянницы болѣзнь сердца. Въ ея года это невѣроятно.

— И мнѣ такъ кажется, мистеръ Вальгри, но ея матери было только двадцать семь лѣтъ когда она умерла. Норбиты вообще недолговѣчны. Мать Граціи была изъ семейства Норбитовъ.

Но мистеръ Вальгревъ не хотѣлъ отказаться отъ своей точки зрѣнія, не хотѣлъ допустить чтобы такое милое существо какъ Грація Редмайнъ было обречено исчезнуть изъ міра преждевременно и мгновенно. Онъ смѣялся надъ мнѣніемъ доктора пока не освободился отъ тревоги которую оно ему внушало.

Нѣсколько дней спустя послѣ пикника, случилось событіе отвлекшее его вниманіе въ другую сторону. Онъ почти рѣшился покинуть Брайервудъ и провести остатокъ своей длинной вакаціи гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Онъ сознавалъ опасность своего положенія въ Брайервудѣ. Здоровье его уже поправилось, и во всѣхъ отношеніяхъ благоразумнѣе было уѣхать.

Однажды вечеромъ онъ уложилъ свой чемоданъ, отыскалъ свой *путеводитель* и началъ внимательно изучать дороги. Почему не провести осень за границей? Въ Испаніи напримѣръ? Ему давно хотѣлось побывать въ Испаніи чтобъ увидать Альгамбру, но въ этотъ вечеръ черноокія дѣвушки и бой быковъ не имѣли ничего привлекательнаго для него, и онъ съ досадой бросилъ свой путеводитель въ дальній уголъ.

„Почему мнѣ бѣжать отъ нея когда я люблю ее такъ сильно?“ спросилъ онъ себя. „Развѣ не можетъ человѣкъ жить

Digitized by Google

двумя жизнями—отдать свое внѣшнее существо и трудъ свѣту, а сердцемъ жить для самого себя? Другіе поступаютъ не такъ. Есть ли на свѣтѣ человѣкъ который отказался бы отъ такого сокровища какъ эта дѣвушка?

И мистеръ Вальгревъ впалъ въ глубокую задумчивость, и легъ въ постель на разсвѣтѣ чтобы провести три мучительные часа, ворочаясь съ боку на бокъ, терзаемый самыми тревожными мыслями какія когда-либо приходили ему въ голову. Онъ старался примирить вещи непримиримыя. Планъ его будущности былъ уже давно составленъ, и составленъ очень умно, какъ онъ думалъ. Онъ не хотѣлъ допустить въ немъ никакихъ измѣненій, и все новое чтò могло возникнуть въ его жизни должно было подчиниться этому плану. Онъ былъ не такой человѣкъ чтобы свернуть съ дороги которую самъ проложилъ для себя, съ широкой дороги къ славѣ и къ богатству. Онъ ни отъ чего не хотѣлъ отказаться.

Но,—но еслибы можно было сохранить все чѣмъ онъ такъ дорожилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказаться отъ счастія которое было такъ возможно и близко. Слава и богатство придутъ въ будущемъ, онъ не сдѣлаетъ ничего чтò могло бы преградить дорогу къ нимъ. Но почему не воспользоваться счастіемъ которое дается въ настоящемъ и не предоставить будущему, насколько оно касается Граціи Редмайнъ, устроиться по волѣ судьбы? Если зловѣщее предсказаніе доктора оправдается, и она дѣйствительно проживетъ недолго, тѣмъ легче будетъ обезпечить ей счастіе въ будущемъ. Не было жертвы, кромѣ полнаго отреченія отъ своихъ плановъ, которой онъ не принесъ бы для нея, и онъ строилъ планъ за планомъ, разрушая ихъ одинъ за другимъ и вставъ утромъ съ постели, сказалъ рѣшительно:

„Я ставлю себѣ долгомъ забыть ее. Такимъ шагомъ люди всегда губятъ себя. Рано или поздно приходится пожалѣть о своей неосмотрительности. Я прожилъ до сихъ поръ не сдѣлавъ ни одной ошибки. Глупо было бы начинать теперь.“

Онъ сошелъ внизъ и вышелъ въ садъ. Было еще рано. Въ домѣ, молочнѣ и въ фермѣ веселая суета фермерской жизни была во всемъ разгарѣ. Грація, съ корзиной на рукѣ и прекрасная какъ Теннисонова дочь садовника, срѣзала въ саду большими садовыми ножницами поблекшія розы.

Digitized by Google

Яркій румянецъ, оживившій ея блѣдное лицо, взглядъ радостнаго удивленія,—какъ все это было хорошо!

„А я долженъ отказаться отъ всего этого,“ подумалъ мистеръ Вальгревъ съ мучительною болью. Къ этому времени онъ уже окончательно рѣшился уѣхать, но не могъ собраться съ духомъ сказать это ей. „Лучше отложить до послѣдней минуты и тогда однимъ отчаяннымъ усиліемъ покончить все,“ подумалъ онъ.

Они пошли бродить по саду. Грація продолжала срѣзать розы, дѣлая свое дѣло не такъ старательно какъ сдѣлала бы его еслибы съ ней не было ея спутника. Онъ говорилъ съ ней, его глаза слѣдили за ней. Онъ не сказалъ ей ни слова о своей любви послѣ того дня который они провели въ Клеведонѣ, не сказалъ ей вообще ничего такого чего не могъ бы повторить при ея теткѣ или дядѣ, но она была вполнѣ счастлива. Она не забыла что онъ помолвленъ съ другою, что онъ уѣдетъ и оставитъ ее одну, но она не могла горевать пока онъ былъ съ ней.

Они провели въ саду около часу. Грація завтракала полчаса тому назадъ, завтракъ мистера Вальгрева ждалъ его въ прохладной гостиной. Онъ, наконецъ, медленно повернулся къ дому. Грація продолжала идти рядомъ съ нимъ. Въ это время, когда тетушка Ганна была занята въ молочнѣ, некому было слѣдить за ними. Они разговаривали о книгахъ, которыя Грація прочла въ послѣднее время, о книгахъ которыя открыли ея новый міръ, и мистеръ Вальгревъ восхищался ея мѣткими сужденіями.

— Если всѣ воспитанницы миссъ Тульминъ похожи на васъ, Грація, я во что̀ бы то ни стало отдамъ моихъ дочерей въ ея пансіонъ, сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ минуту и поблѣднѣла. „Моихъ дочерей“. Онъ говоритъ о томъ времени когда будетъ женатъ на другой, когда она, Грація, не будетъ существовать для него. Его безпечныя слова рѣзко напомнили ей что онъ для нея чужой и всегда будетъ чужимъ.

— Вы забудете о моемъ существованіи къ тому времени когда надо будетъ выдать въ пансіонъ вашихъ дочерей, сказала она.

— Забуду о вашемъ существованіи, Грація! Никогда. Судьба управляетъ нашими жизнями, но не нашими сердцами. Я никогда не забуду васъ. Я поступилъ очень неблагораз-

Digitized by Google

умнѣ сказавъ вамъ о впечатлѣніи которое вы произвели на меня. Это было оскорбленіемъ какъ для васъ, такъ и для... для другой особы. Но надѣюсь что вы простите меня.

Онъ говорилъ такъ спокойно какъ только могъ, но чувства его были далеко неспокойны. Она молчала. Хладнокровный тонъ его извиненія задѣлъ ее за живое. Она сама не знала на что надѣялась, о чемъ мечтала въ послѣдніе дни, но дни эти были такъ полны счастія что образъ ея соперницы, женщины на которой онъ долженъ былъ жениться, казался ей смутнымъ и неопредѣленнымъ.

— Мнѣ нечего прощать вамъ, сказала она холодно.—Оскорблена не я, а она... другая особа.

— Другая особа конечно очень оскорбилась бы еслибъ я сознался ей во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ. Но я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія сознаваться. Другая особа умретъ не узнавъ ничего. Но я хочу быть увѣренъ что вы простите меня, Грація. Поднимите глаза и скажите: я прощаю вамъ что вы такъ горячо любите меня.

Грація улыбнулась горькою улыбкой.

— Такъ горячо что вы.... что вы уѣдете и женитесь на другой, сказала она.

— Дорогая моя! воскликнулъ мистеръ Вальгревъ, которому вовсе не нравился неожиданный оборотъ разговора,—въ нашемъ мірѣ мало людей которые могутъ жить какъ имъ нравится. Я уже давно избралъ себѣ дорогу. Я не могу поступать какъ мнѣ угодно. Еслибъ я могъ...

— Еслибы вы могли, перебила его Грація съ отчаянною рѣшимостью столь же неожиданною для нея самой какъ и для него,—еслибы вы могли поступать какъ вамъ угодно, вы женились бы на бѣдной дочери фермера.

— Да, Грація, я женился бы на васъ еслибы былъ обладателемъ Клеведона и имѣлъ пять тысячъ годоваго дохода. Но мнѣ приходится прокладывать себѣ дорогу въ жизни, и я такъ малодушенъ что дорожу успѣхомъ. Я помолвленъ съ женщиной, состояніе которой поможетъ мнѣ пріобрѣсть и поддержать положеніе въ свѣтѣ. Я какъ будто продаю себя, не правда ли?

— Да, похоже на то.

— Мущины поступаютъ такъ часто, такъ же часто, по крайней мѣрѣ, какъ женщины, и въ десяти случаяхъ изъ двадцати спекуляція оказывается удачною. Я надѣюсь быть

Digitized by Google

очень удовлетворительнымъ мужемъ. Я не промотаю состоянія моей жены и буду сопровождать ее на званые обѣды. Я можетъ-быть даже дамъ ей такое же мѣсто въ моемъ сердцѣ какое она дастъ мнѣ въ своемъ, но я любилъ только одну женщину, и женщина эта Грація Редмайнъ.

Дѣвушка молчала. Онъ былъ жестокъ, онъ былъ низокъ, но ей тѣмъ не менѣе пріятно было слышать что онъ любитъ ее. Она вѣрила ему всѣмъ сердцемъ и всею душой.

— Я не ожидалъ что разговоръ нашъ приметъ такой оборотъ, продолжалъ онъ послѣ довольно долгой паузы.—Я хотѣлъ проститься съ вами и уѣхать не сказавъ ни одного лишняго слова.

Она подняла на него глаза съ внезапнымъ ужасомъ въ лицѣ.

— Вы уѣзжаете! воскликнула она.—Скоро?

— Очень скоро, сегодня, если будетъ возможно. Что мнѣ дѣлать здѣсь? Разлука необходима, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Она хотѣла отвѣчать ему, но ея губы только задрожали, и слезы выступили на глазахъ. Никакое краснорѣчіе не тронуло бы его такъ какъ этотъ безмолвный взглядъ, какъ эти дѣтскія слезы. Она любила его можетъ-быть только безотчетною дѣтскою любовью, но какъ чиста и прекрасна была эта любовь!

Они безсознательно удалялись отъ дома съ тѣхъ поръ какъ разговоръ ихъ принялъ болѣе нѣжный оборотъ и медленно приближались къ фруктовому саду, гдѣ никто не могъ видѣть ихъ. Мистеръ Вальгревъ обнялъ рукой талію Граціи и прижималъ ее къ себѣ, утѣшая ее, пока ея голова не опустилась на его плечо. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ея чистый молодой лобъ.

Вотъ какъ онъ началъ забывать ее!

— Дорогая моя, сказалъ онъ умоляющимъ тономъ,—ваши слезы терзаютъ мое сердце. Я хочу поступить благоразумно и справедливо. Клянусь моею душою, Грація, что я отказался бы отъ всѣхъ свѣтскихъ разчетовъ, — въ эту минуту онъ полагалъ что говорилъ правду,—еслибы честь моя не была связана съ бракомъ о которомъ я говорю. Но честь моя обязываетъ меня исполнить обѣщаніе. Я былъ бы самымъ низкимъ изъ обманщиковъ еслибы не исполнилъ его. Такъ будемъ же благоразумны, моя милая. Я хочу поступить такъ

Digitized by Google

какъ будетъ лучше для васъ, для насъ обоихъ. Развѣ вы не согласны со мной что я поступлю благоразумно уѣхавъ отсюда?

— Не знаю будетъ ли это благоразумно или глупо, отвѣчала она рыдая, — но я знаю что сердце мое разобьется если вы уѣдете.

Онъ крѣпче прижалъ ее къ себѣ. Боже, почему нѣтъ у него пяти тысячъ годоваго дохода, почему не имѣетъ онъ возможности жениться на этой провинціальной дѣвушкѣ!

— Но подумайте, дорогая моя, сказалъ онъ, всѣми силами стараясь не выйти изъ границъ благоразумія,—подумайте что разница только въ недѣлѣ или около того. Мнѣ очень пріятно быть съ вами. Я не зналъ что̀ такое счастіе пока не зналъ васъ, но не могу же я остаться здѣсь навсегда. Рано или поздно надо будетъ разстаться, и каждый лишній часъ который мы проведемъ вмѣстѣ только усилитъ горечь разлуки. Не лучше ли было бы разстаться немедленно? Скажите да, Грація, ради насъ обоихъ.

— Не могу, отвѣчала она. — Я не могу желать чтобы вы уѣхали. Если вы счастливы здѣсь, для чего спѣшить? Я знаю что никогда не буду для васъ чѣмъ-нибудь больше того что̀ я теперь, что вы рано или поздно должны уѣхать къ той, къ другой.

— И вы все-таки желаете чтобъ я остался?

— Да, да.

— Хорошо, я останусь, но помните, Грація, что я остаюсь по вашей просьбѣ. Когда придетъ время разстаться, вы будете благоразумны. Мы погребемъ нашу любовь въ глубокую, глубокую могилу, и вы забудете о моемъ существованіи.

— Мы погребемъ нашу любовь, отвѣчала она покорно.

Мистеръ Вальгревъ вернулся къ своему завтраку съ очень плохимъ аппетитомъ и съ смутнымъ сознаніемъ что въ концѣ концовъ онъ все же остался въ глупомъ положеніи. Всѣ колебанія изъ стороны въ сторону, всѣ принятыя и отброшенныя намѣренія и окончательныя рѣшенія уѣхать не привели ни къ чему. Онъ обѣщалъ остаться.

„Да поможетъ Богъ всякому тридцатипятилѣтнему человѣку имѣвшему несчастіе пріобрѣсти любовь восемнадцатилѣтней дѣвушки!" сказалъ онъ себѣ. „Милая Грація, какой она еще ребенокъ!"

Грація возвратилась въ гостиную набравъ только четверть корзинки поблекшихъ розъ, хотя ихъ было не мало на кустахъ. Изъ полуотворенной двери кухни, выходившей въ

Digitized by Google

корридоръ, слышался громкій говоръ и протестующій голосъ мистрисъ Джемсъ.

— Ничто не могло быть несвоевременнѣе, восклицала она.— Добрыхъ два мѣсяца прежде чѣмъ можно было ожидать. А я все обдумала, все устроила и все было бы какъ слѣдуетъ еслибы только младенецъ родился въ свое время.

Грація слушала съ недоумѣніемъ, но черезъ нѣсколько минутъ мистрисъ Джемсъ вбѣжала въ комнату и объяснила ей въ чемъ дѣло.

— Вообразите, Грація! Присцилла Спроутеръ родила вчера ночью.

Присцилла Спроутеръ, дочь мистрисъ Джемсъ, была замужемъ за богатымъ кондитеромъ небольшаго городка Чикфильда, въ сорока миляхъ отъ Брайервуда. Преждевременно родившійся младенецъ былъ вторымъ внукомъ мистрисъ Джемсъ, съ которой было взято торжественное обѣщаніе быть въ Чикфильдѣ во время этого событія и прогостить у дочери двѣ недѣли чтобы позаботиться объ ея здоровьѣ и объ ея хозяйствѣ.

Но событіе это должно было случиться въ октябрѣ, и соображаясь съ этимъ мистрисъ Джемсъ сдѣлала всѣ свои распоряженія и пригласила благонадежную женщину принять бразды правленія въ Брайервудѣ во время ея отсутствія. И вдругъ является нарочный верхомъ, на нечищенной лошади и привозитъ письмо объявляющее о несвоевременномъ рожденіи прекраснаго мальчика.

— Прекраснаго, нечего сказать! воскликнула мистрисъ Джемсъ съ досадой. — И требуютъ чтобъ я ѣхала къ нимъ немедленно, потому что отецъ Вильямъ Спроутеръ очень безпокоится.

— Я думаю что вамъ слѣдуетъ ѣхать, тетушка, сказала Грація нерѣшительно.

— Вы думаете? А полтора рѣшета орлеанскихъ сливъ въ кухнѣ. Кто сваритъ ихъ?

— Развѣ мистрисъ Бушъ не можетъ сварить варенье, если вамъ необходимо ѣхать?

— Конечно, можетъ. Всякій кто можетъ держать тазъ на огнѣ скажетъ вамъ что онъ можетъ сварить варенье. Но какое это будетъ варенье? Испортится не простоявъ мѣсяца. Нѣтъ, Грація, я не привыкла такъ обращаться съ собственностью вашего отца. Я сварю варенье, и тогда ужь поѣду въ

Digitized by Google

Чикфильдъ. Но желала бы я знать кто будетъ заботиться объ обѣдахъ мистера Вальгрева безъ меня.

— Поручите это мнѣ, тетушка. Мистеръ Вальгревъ кажется не прихотливъ.

— Не прихотливъ! Пока все подается ему какъ слѣдуетъ, мущина всегда не прихотливъ, но попробуйте покормить его недожареною телятиной или переваренею лососиной, и тогда посмотрите чтò онъ скажетъ. Но какъ бы то ни было, а мнѣ необходимо съѣздить хоть на нѣсколько дней къ Присциллѣ. Я послала Джека сказать мистрисъ Бушъ чтобъ она пришла немедленно. И надѣюсь, Грація, что вы хоть разъ въ жизни выйдете изъ своей апатіи и присмотрите чтобы не расхищалось добро вашего отца. Еслибы мистеръ Вальгревъ былъ не такой степенный джентльменъ, я ни за что не рѣшилась бы оставить васъ одну. Но онъ не похожъ на большинство холостыхъ людей. Отъ него нельзя ожидать никакой глупости.

Грація сильно покраснѣла и быстро повернулась къ окну. Но мистрисъ Джемсъ была слишкомъ занята чтобы замѣтить смущеніе племянницы. Она хлопотала у большаго буфета въ углу близь камина, наполняя чайницу и сахарницу и разчитывая какое количество колоніальныхъ продуктовъ будетъ истреблено во время ея отсутствія.

— Вы дадите мистрисъ Бушъ четверку чаю и полфунта сахару на недѣлю, и не зерна болѣе. Помните это, Грація. И пожалуста не давайте прислугѣ купленаго мяса болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Если не хотятъ ѣсть свѣжую, здоровую солонину, пусть ѣдятъ чтò угодно. Сара знаетъ какіе обѣды я готовила для мистера Вальгрева, а мистрисъ Бушъ будетъ стряпать для него. Но смотрите за всѣмъ собственными глазами и отдавайте сами приказанія мяснику. Пусть варятъ бобы и чтобы не было разговоровъ по вкусу они или нѣтъ. Вашъ дядя снялъ ихъ не для воронъ. И не допустите истребить всѣ сливы на пуддинги для Джека и Чарли; если они хотятъ ѣсть до разстройства желудка, пусть ѣдятъ падаль И желательно было бы чтобы наволоки были хорошенько починены къ моему пріѣзду. Миссъ Тульминъ гораздо лучше сдѣлала бы еслибы выучила васъ чинить бѣлье вмѣсто *parlez vous français*. Все чтò ни дашь вамъ починить валяется такъ долго что противно смотрѣть.

— Я сдѣлаю все чтò могу, отвѣчала Грація покорно.—Долго думаете вы пробыть въ отсутствіи?

Digitized by Google

— Могу ли я это знать, душа моя? Если не случится ничего особеннаго съ Присциллой и съ младенцемъ, я не пробуду тамъ болѣе недѣли. Но она женщина деликатная, и Богъ знаетъ что̀ можетъ случиться. Теперь я пойду въ лучшую гостиную проститься съ мистеромъ Вальгри.

Грація сѣла къ отворенному окну, сильно взволнованная. Тетка уѣдетъ и цѣлую недѣлю не будетъ слѣдить своими проницательными глазами. Въ эту недѣлю полнѣйшей свободы можно будетъ чаще видѣться съ любимымъ человѣкомъ. Грація знала что онъ принужденъ былъ хитрить чтобы провести съ ней нѣсколько минутъ не возбуждая подозрѣнія. Теперь все измѣнится. Цѣлую счастливую недѣлю можно будетъ видѣться безъ помѣхи. А потомъ? Потомъ настанетъ конецъ всему, и надо будетъ разстаться. Ужасный день разлуки придетъ рано или поздно, онъ сказалъ ей это прямо и она старалась предоставить себѣ этотъ день, но не могла. Она была еще очень молода, и недѣля казалась ей цѣлою вѣчностью блаженства.

„Будетъ ли онъ радъ?“ спросила она себя. „Желала бы я знать будетъ ли онъ радъ?“

Еслибъ она заглянула въ сердце своего возлюбленнаго въ ту минуту когда мистрисъ Джемсъ Редмайнъ объявила ему о своемъ отъѣздѣ, она увидала бы что онъ не былъ радъ.

„Жаль что я не уѣхалъ сегодня безъ всякихъ прощаній,“ сказалъ онъ себѣ. „Уѣхать теперь, когда она просила меня остаться, было бы грубостью. Но остаться когда нашъ драконъ уѣзжаетъ и мы будемъ имѣть возможность проводить цѣлые дни вмѣстѣ, значитъ обречь себя на лишнія страданія въ будущемъ. Я не считалъ себя способнымъ страдать изъ-за женщины, но теперь вижу что эту дѣвушку не легко будетъ забыть. Жаль что я встрѣтилъ ее, жаль что мнѣ пришло въ голову пріѣхать сюда! Вздоръ! Можно ли тревожиться изъ-за такой сантиментальной глупости? Почему не насладиться недѣлей невиннаго ухаживанія за хорошенькою дѣвушкой? Затѣмъ я возвращусь въ мой кругъ общества и забуду ее.“

Съ такимъ похвальнымъ намѣреніемъ мистеръ Вальгревъ вышелъ опять въ садъ въ надеждѣ встрѣтиться съ Граціей. Въ этотъ разъ его ожиданія однако не оправдались. Мистрисъ Джемсъ варила въ кухнѣ варенье и держала возлѣ себя Грацію, снабжая ее полезными хозяйственными совѣтами. Тяжело было провести въ жаркой кухнѣ чудный лѣтній день

Digitized by Google

полоская банки, вырѣзая и надписывая ярлыки и стараясь быть какимъ-нибудь образомъ полезною, но Грація покорилась этому охотно. На слѣдующій день ее ожидала полнѣйшая свобода.

Мистеръ Вальгревъ обошелъ раза три садъ, потомъ легъ на травѣ въ фруктовомъ саду и задремалъ, поддавшись усыпительному вліянію августовскаго полудня. Но сновидѣнія его были не совсѣмъ пріятны, и онъ всталъ не освѣжившись и медленно вернулся къ дому. Проходя мимо рѣшетчатаго окна кухни, полузаросшаго плющемъ, онъ увидалъ мелькомъ Грацію, потерялъ надежду повидаться съ ней, вооружился удочкой и пошелъ состязаться со старою, опытною щукой, съ которою воевалъ уже шесть недѣль. Неучтивая тварь никакъ не хотѣла проглотить крючокъ, но очень искусно, вслѣдствіе долгой практики, портила его удочки.

ГЛАВА IX.

„Нѣжный поцѣлуй, и мы разстанемся."

День клонился къ вечеру когда Губертъ Вальгревъ возвратился на ферму. Въ старомъ домѣ царствовала отрадная тишина свидѣтельствовавшая объ отсутствіи мистрисъ Редмайнъ. Безъ обычной суеты былъ поданъ ему обѣдъ, приготовленный можетъ-быть не такъ вкусно какъ въ присутствіи хозяйки, но мистеръ Вальгревъ былъ не изъ тѣхъ людей для которыхъ обѣдъ высшее благо въ жизни. Ему нравилось спокойствіе которое мистрисъ Джемсъ оставила за собой, ему пріятно было думать что сейчасъ онъ выйдетъ въ садъ, и никто не помѣшаетъ ему провести тамъ вечеръ въ обществѣ Граціи.

Онъ засталъ ее спящею за работой, за несносными наволочками, одну подъ кедромъ. Джемсъ Редмайнъ никогда не былъ легкомысленнымъ человѣкомъ, но свобода очень пріятна тому кто пользуется ею рѣдко, и онъ отправился въ Кингсбери чтобы провести тамъ вечеръ, разговаривая о предметахъ текущаго интереса съ политиками своего околотка въ комфортабельной гостиной трактира „Луна и Семь Звѣздъ". Приближалось время жатвы, и каждый изъ посѣтителей могъ сообщить что-нибудь интересное о своемъ

Digitized by Google

урожаѣ. Съ политикой и агрономіей Джемсъ Редмайнъ не замѣтилъ какъ прошелъ длинный вечеръ. Что же касается Джека и Чарли, они сидѣли на мѣстѣ только когда ѣли. Движеніе было ихъ нормальнымъ состояніемъ.

Итакъ Грація осталась одна подъ кедромъ, и весь вечеръ влюбленная пара провела въ саду. О блаженное время! Время свѣтлой радости не омраченной заботой о будущемъ! Грація отдалась своему счастію такъ же просто какъ ребенокъ въ началѣ праздника. Онъ былъ съ ней, онъ исполнилъ ея просьбу и остался. Она не ожидала что въ жизни такъ много счастія, а между тѣмъ это была только старая исторія: увѣренія въ неизмѣнной любви,—въ любви готовой на все кромѣ самопожертвованія, странная смѣсь страсти и свѣтскаго благоразумія, меланхолическое философствованіе новѣйшей школы и неизмѣнный припѣвъ: „я люблю васъ, Грація, но это невозможно.“

Прекрасные лѣтніе дни слѣдовали одинъ за другимъ, и ничто не нарушало блаженства ихъ счастія. Дядя Джемсъ продолжалъ наслаждаться свободой и оправдываясь дѣлами, проводилъ время то въ Кингсбери, то въ Танбриджѣ. Грація ходила съ своимъ возлюбленнымъ удить рыбу на извилистый берегъ восхитительной рѣчки, и смотрѣла какъ онъ разставлялъ сѣти старой щукѣ или случайно вытаскивалъ борвену или язя. Но рыбная ловля была только предлогомъ для прогулокъ и разговоровъ. Онъ вырѣзалъ ея имя на серебристой корѣ стараго бука и невольно подумалъ что сказала бы Августа Валлори заставъ его за такимъ сантиментальнымъ занятіемъ и рядомъ съ нимъ Грацію, съ восторгомъ слѣдившую за его работой.

Да, славное было время, но длилось оно не долго. Мистеръ Вальгревъ со страхомъ думалъ о своемъ собственномъ мірѣ.

„Тѣмъ не менѣе я почти увѣренъ что черезъ мѣсяцъ такая жизнь надоѣла бы мнѣ до отвращенія“, сказалъ онъ себѣ. „Нѣтъ, лучше разстаться съ моей милой пока любовь наша не утратила своей свѣжести, чтобы каждый изъ насъ могъ до конца жизни сохранить въ душѣ поэтическое воспоминаніе. Я женюсь на Августѣ, Грація выйдетъ за одного изъ своихъ кузеновъ, а въ воспоминаніе о нашей подавленной любви каждый изъ насъ сохранитъ цвѣтокъ или прядь волосъ.“

Такія разсужденія были очень утѣшительны для свѣтскаго человѣка рѣшившагося пріобрѣсть себѣ имя и состояніе и

жить жизнью которая наиболѣе нравилась ему, но едва ли они были по сердцу дѣвушкѣ которая отдала ему свою душу и которую онъ обрекалъ прозябать съ фермеромъ.

Дни проходили и недѣли близились къ концу. Тетушка Ганна увѣдомила свое семейство что Присцилла Спроутеръ и ребенокъ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше и что она, мистрисъ Джемсъ, надѣется возвратиться домой въ понедѣльникъ утромъ и не опоздать къ стиркѣ.

Это извѣстіе было сигналомъ къ отъѣзду Губерта Вальгрева. Онъ не желалъ подвергаться наблюдательнымъ взглядамъ тетушки Ганны послѣ послѣдней недѣли, измѣнившей его отношенія съ Граціей. Сельская идиллія длилась, по его мнѣнію, уже достаточно долго. Теперь представлялась возможность прервать ее сразу. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ практическій человѣкъ считалъ часы остававшіеся до мрачнаго понедѣльника и думалъ съ ребяческимъ наслажденіемъ о длинномъ воскресеньѣ, о колокольномъ звонѣ, о золотыхъ поляхъ, о тихомъ старомъ садѣ, гдѣ пышныя мальвы уже предупреждали о близости осени.

Грація проснулась съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ радости и грусти въ это воскресное утро. Еще длинный день съ нимъ! Послѣдній день; но пока онъ былъ еще впереди, она считала себя счастливою. Въ саду было свѣтло и свѣжо когда Губертъ Вальгревъ вышелъ къ ней, а она была свѣтлѣе и свѣжѣе самаго утра. Они гуляли вмѣстѣ до завтрака, потомъ вмѣстѣ пошли въ церковь и весь день провели не разставаясь. Даже въ этотъ день отдыха никто не прерывалъ ихъ безпрерывнаго tête-à-tête. Джемсъ Редмайнъ разгонялъ сномъ слѣды непривычныхъ развлеченій послѣдней недѣли чтобы на слѣдующее утро встрѣтить жену съ яснымъ лицомъ. Сыновья его провели бóльшую часть дня сидя на заборахъ и разсуждая съ земледѣльцами и съ прохожими мальчиками.

Счастливѣе этого воскресенья въ тѣнистомъ саду среди пышныхъ мальвъ и увядающихъ розъ не было дня во всей молодой жизни Граціи. Подъ вечеръ Губертъ Вальгревъ замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ. Руки ея дрожали, и тогда онъ взялъ одну изъ нихъ, она была холодна какъ ледъ.

— Что̀ съ вами, моя милая? спросилъ онъ нѣжно.

— Ничего, но вы уѣзжаете завтра. Могу ли я быть счастлива?

— Но вы знали это съ самаго начала. Мы условились что

Digitized by Google

день возвращенія вашей тетки будетъ днемъ моего отъѣзда. Разлука всегда была передъ нами.

— Да, но я не знала что она такъ ужасна, отвѣчала она горько заплакавъ.

Тяжело ему было смотрѣть на ея слезы, но человѣку рѣшившемуся добиться успѣха въ жизни приходится часто подавлять свои чувства. Въ эту минуту онъ отдалъ бы многое чтобъ имѣть возможность прижать ее къ сердцу и предложить ей быть его прекрасною молодою женой,—многое, но не все. Еслибъ онъ трудился безропотно, еслибъ ему нечѣмъ было жертвовать, онъ могъ бы забыть разницу въ положеніяхъ и слить свою судьбу съ судьбою любимой женщины. Но онъ трудился далеко не безуспѣшно, и его настоящее положеніе было критическое. Онъ былъ многимъ обязанъ рукѣ которая помогла ему взойти на первыя ступени лѣстницы и могла помочь ему идти дальше. Жениться на Граціи значило отказаться отъ лучшаго друга, иными словами обречь себя на погибель. Судья можетъ жениться хоть на своей кухаркѣ, но для молодаго, добивающагося успѣха, адвоката женитьба составляетъ важный шагъ въ жизни. Губертъ Вальгревъ не хотѣлъ рисковать своею карьерой. Онъ вступилъ на общественное поприще еще молодымъ человѣкомъ, только-что окончившимъ курсъ въ коллегіи, и съ твердымъ намѣреніемъ составить себѣ имя. Въ жизни его были обстоятельства вслѣдствіе которыхъ это стремленіе было въ немъ сильнѣе чѣмъ въ другихъ мущинахъ. Онъ никогда ни на волосъ не отступалъ отъ принятаго рѣшенія. Несчастная любовь къ дочери фермера была первою ошибкой съ его стороны.

Онъ утѣшалъ ее какъ умѣлъ, осушалъ ея слезы и заставилъ ее наконецъ улыбнуться ему, но не радостна была ея улыбка.

— Желала бы я знать увидимся ли мы опять когда-нибудь, сказала она грустно, и вслѣдъ за этими словами произнесла стихи изъ *Ромео и Джульетты*, которые читала съ нимъ вмѣстѣ въ саду:

Какая мысль зловѣщая во мнѣ!
Мнѣ кажется, когда тебя я вижу
Прощаясь такъ съ тобой, что ты въ могилѣ.

— Милая моя, мы увидимся. Я пріѣду повидаться съ вами когда-нибудь, когда вы будете можетъ-быть замужемъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она качая головой.

Digitized by Google

— О, да, да, да, Грація. Наша любовь была только поэтическій сонъ. Каждый изъ насъ пойдетъ теперь своею дорогой и будетъ жить своею жизнью. Помните что̀ говорилъ Лонгфелло, котораго вы такъ любите:

Жизнь реальна, жизнь серьезна.

И моя милая Грація будетъ когда-нибудь уважаемою женой и матерью. Таково назначеніе женщины. Я пріѣду повидаться съ вами и застану васъ центральною фигурой счастливаго семейнаго кружка. И отецъ вашъ возвратится къ тому времени.

Ея лицо озаренное луной покрылось смертельною блѣдностью.

— Отецъ мой! повторила она содрогнувшись. — Я едва не забыла съ вами отца моего.

Настало утро. Въ опаловой колесницѣ явилась розовая Аврора, а въ почтовой телѣгѣ мистрисъ Джемсъ Редмайнъ. Послѣдняя прибыла въ Брайервудъ около завтрака, столичнаго завтрака, слѣдовательно вставъ необычайно рано и сдѣлавъ въ это утро сорокъ миль чтобы быть дома до начала стирки. Вся поэзія прохладнаго стараго дома исчезла съ ея появленіемъ. Бываютъ люди, которые всюду вносятъ съ собой будничную атмосферу, разговоръ которыхъ не интереснѣе таблицы умноженія, а наружность обѣщаетъ такъ же мало нѣжныхъ чувствъ какъ обертка счетной книги. Къ числу такихъ личностей принадлежала и мистрисъ Джемсъ.

Она машинально поцѣловала племянницу, окинула глазами углы комнаты, опасаясь что чистота недостаточно строго соблюдалась во время éя отсутствія, и только уже успокоившись на этотъ счетъ, устремила пытливый взглядъ на лицо племянницы и объявила что Грація „страшна“.

— Ты вѣроятно просиживала цѣлые дни въ комнатахъ вмѣсто того чтобы гулять каждое утро, сказала она.

— Напротивъ, тетушка, я очень много гуляла, отвѣчала Грація.

— Очень много? А наволочки? Кончила ихъ?

— Почти кончила.

— Почти! Ты никогда не додѣлываешь до конца никакого дѣла. Вотъ что̀ значитъ пансіонское воспитаніе! У меня терпѣнія не хватаетъ смотрѣть на такія надувательства.

— Хорошъ ребенокъ, тетушка? спросила Грація, надѣясь дать разговору миролюбивый оборотъ.

Digitized by Google

— У него корь, отвѣчала мистрисъ Джемсъ рѣзко. — Я никогда не видала такой сильной сыпи.

— Но онъ, надѣюсь, скоро поправится, тетушка?

— О, онъ поправится очень скоро, но не приведи Богъ имѣть дѣло съ такими лѣнтяйками какъ эти мѣсячныя няньки. Еслибы можно было воспитывать дѣтей первый мѣсяцъ посредствомъ машинъ, это было бы большимъ облегченіемъ для семействъ. Что мистеръ Вальгри?

— Онъ здоровъ, тетушка. Дядя Джемсъ вѣроятно писалъ вамъ что онъ уѣзжаетъ.

— Да, писалъ что-то такое, но я ничего не разобрала. Твой дядя плохой писака. Когда же онъ уѣзжаетъ?

— Сегодня, вымолвила Грація, вынувъ изъ рабочей корзинки одну изъ злополучныхъ наволокъ и разглядывая дыру.

— Сегодня! воскликнула тетка. — Что-то ужь слишкомъ скоро. Впрочемъ онъ платилъ аккуратно и можетъ уѣхать когда ему угодно. Трудно найти другаго такого спокойнаго жильца. И онъ доставилъ намъ не мало выгоды. Я положу отъ десяти до пятнадцати фунтовъ въ сберегательный банкъ на имя твоего отца изъ денегъ которыя мы получили съ него.

Мистрисъ Джемсъ сняла шляпку, умылась въ кухнѣ самымъ жесткимъ желтымъ мыломъ, не заботясь полезно ли оно для ея кожи, надѣла чистый чепчикъ и пошла засвидѣтельствовать свое почтеніе уѣзжавшему жильцу. Его чемоданъ и мѣшокъ были вынесены въ старомодную низкую прихожую, у дверей ждала кингсберійская почтовая карета. Грація стояла у окна, блѣдная какъ призракъ. Отыщетъ ли онъ ее чтобы проститься съ ней? Или уѣдетъ не сказавъ ни слова? Глаза свѣта теперь видятъ его: доведетъ ли онъ хладнокровно свою жестокую роль до конца не заботясь объ ея страданіи?

Въ прихожей послышался ея голосъ. Она начала слушать какъ будто каждое слово было вдохновеннымъ.

— Очень жаль что приходится разстаться съ вами, мистрисъ Редмайнъ, сказалъ онъ своимъ лѣнивымъ тономъ. — Я не ожидалъ что сельская жизнь мнѣ такъ понравится. Тысячу разъ благодарю васъ за ваше вниманіе. Ничто кромѣ крайней необходимости не могло бы заставить меня разстаться съ вами. Надѣюсь что вы позводите мнѣ пріѣхать къ вамъ опять когда-нибудь.

— Мы всегда будемъ рады видѣть васъ, мистеръ Вальгри,

Digitized by Google

отвѣчала мистрисъ Джемсъ своимъ самымъ любезнымъ тономъ. — Трудно найти жильца который доставилъ бы такъ мало безпокойства какъ вы.

Мистеръ Вальгревъ слабо улыбнулся. Одно бѣдное молодое сердце было сильно обезпокоено его посѣщеніемъ. Онъ былъ человѣкъ практическій, но не желѣзный, и его мучило сознаніе что онъ принесъ зло этому дому.

Почтовая карета стояла у дверей, чемоданъ и мѣшокъ были уже укрѣплены на крышкѣ, и нельзя было терять времени чтобы не опоздать на поѣздъ. Но мистеръ Вальгревъ медлилъ и безпокойно смотрѣлъ по сторонамъ.

— Не проститься ли мнѣ съ вашею племянницей, мистрисъ Редмайнъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Вы очень внимательны, сэръ. Грація дѣйствительно сочла бы себя обиженною еслибы вы уѣхали не простившись съ ней. Она у насъ воспитывалась въ пансіонѣ и полна причудъ. Да гдѣ же она? Грація!

При этомъ рѣзкомъ возгласѣ дверь гостиной быстро растворилась, и на порогѣ показалась Грація, блѣдная какъ полотно и едва способная стоять на ногахъ. Къ счастію для нея, вниманіе мистрисъ Джемсъ было отвлечено ея сыномъ и наслѣдникомъ, который въ эту минуту разбилъ окно кареты укладывая удочки жильца.

Долгое время образъ Граціи Редмайнъ, какъ онъ видѣлъ ее въ ту минуту, преслѣдовалъ Губерта Вальгрева. Блѣдное лицо, взглядъ полный отчаянія и что-то дикое въ глазахъ. Ея образъ во многихъ видахъ преслѣдовалъ его всю жизнь, но ужаснѣе всего было для него воспоминаніе объ этомъ взглядѣ, объ этой безмолвной мольбѣ.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Я не могъ уѣхать не простившись съ вами, Грація, сказалъ онъ.—Я говорилъ вашей тетушкѣ какъ счастливъ я былъ здѣсь и что я намѣренъ пріѣхать опять когда-нибудь.

Онъ подождалъ, надѣясь что она скажетъ что-нибудь. Но она не сказала ничего, только губы ея слегка задрожали.

— Прощайте, повторилъ онъ и прибавилъ понизивъ голосъ:— Прощайте и да благословитъ васъ Богъ, моя милая.

Онъ быстро отвернулся, пожалъ руку мистрисъ Редмайнъ, потомъ старшему изъ ея сыновей и далъ ему пару совереновъ на удочки. Служанка получила уже вознагражденіе и улыбалась благодарною улыбкой на заднемъ планѣ. Еще черезъ

Digitized by Google

минуту кучеръ щелкнулъ кнутомъ, колеса застучали, и Губертъ Вальгревъ уѣхалъ.

— На цѣлый часъ опоздали со стиркой, сказала мистрисъ Джемсъ. — Къ счастію все уже намылено, и погода хорошая для сушки. Это большое счастіе.

Грація ушла въ свою комнату, съ трудомъ поднявшись по старой знакомой лѣстницѣ, не видя ничего отъ слезъ застилавшихъ ея глаза. О, утомленные члены! О, растерзанное сердце! Неужели ей не видать болѣе счастія въ этомъ мірѣ?

ГЛАВА X.

Мистеръ Вальгревъ доволенъ собою.

Экстренный десятичасовой поѣздъ доставилъ мистера Вальгрева менѣе чѣмъ въ часъ въ Лондонъ. Ландшафты живописнаго Кента бѣжали мимо окна теряя постепенно свою прелесть сельскаго спокойствія. Все чаще и чаще попадались виллы, то бѣлыя во вкусѣ италіанскихъ сельскихъ построекъ, то красныя, кирпичныя въ строго-готическомъ стилѣ. Дубы замѣнились лавровыми деревьями, многовѣковые буки только что насаженными тощими кустами. При каждомъ домѣ имѣлись оранжереи, цвѣтники были покрыты распустившеюся геранью и кольцеоларіей. На всемъ лежалъ однообразный отпечатокъ англійскаго довольства. Далѣе чистое, красивое предмѣстье перешло въ многолюдную южную окраину великаго города. Въ воздухѣ запахло мыломъ, саломъ, новыми сапогами, справа несло изъ Дентфорта веревками и смолой, слѣва болотными испареніями Бермондсея. Далѣе шумъ и трескъ, крикъ и свистъ, остановка или двѣ, очевидно неумышленныя и, увы, мистеръ Вальгревъ прибылъ на станцію Лондонскаго моста, и ему уже начало казаться что жизнь которою онъ жилъ нѣсколько послѣднихъ недѣль была только прекраснымъ сномъ отъ котораго онъ пробудился теперь къ безотрадной дѣйствительности.

Онъ кликнулъ извощика, добылъ самъ свой багажъ и поѣхалъ по мрачнымъ, грязнымъ улицамъ. Несмотря на лѣтнее время Сити былъ шуменъ и многолюденъ, полонъ жизни и движенія. Но что̀ это была за жизнь послѣ золотистыхъ

Digitized by Google

Digitized by Google

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1872 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 1872 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 75 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—17 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіатскую Турцію—18 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—19 р. 50 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1872 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1872 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, за 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей сер.**; съ казенными объявленіями издаваемыми особо три раза въ недѣлю цѣна безъ доставки **четырнадцать рублей**; съ доставкой и пересылкой **семнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.), на Страстномъ бульварѣ.

Digitized by Google

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

100

ТОМЪ СОТЫЙ.

1872

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЯ БИБИКОВА

ВЪ ПУГАЧЕВЩИНУ *

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

V. Наступленіе князя Голицына.—Взятіе крѣпости Татищевой.—Освобожденіе Оренбурга, Уфы и Яицкаго городка.—Смерть Бибикова.

Успѣшныя дѣйствія различныхъ отрядовъ (см. гл. III) между Волгой и Камой, до самой Московской дороги, въ концѣ февраля 1774 года, дали возможность думать о направленіи къ Оренбургу отрядовъ генераловъ князя Голицына и Мансурова. Первый стоялъ въ слободѣ Богоруславской, а второй въ крѣпости Бузулуцкой.

Движеніе ихъ впередъ было задерживаемо заготовленіемъ провіанта и фуража, безъ которыхъ нельзя было идти чрезъ мѣста совершенно разоренныя пугачевцами и оставленныя жителями. Заготовленіе запасовъ Бибиковъ возложилъ на полковника Лецкаго, оберъ-комеданта Казанской артиллеріи, а Голицыну приказалъ идти впередъ, какъ только Лецкій окончитъ свои заготовленія. Самъ Бибиковъ хотѣлъ было ѣхать изъ Казани къ отряду, но неожиданное обстоятельство задержало

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 6 и 7.

Digitized by Google

его и показало что за краемъ необходимо имѣть самое строгое наблюденіе.

Какъ только полковникъ Юрій Бибиковъ, очистивъ окрестности Нагайбака и Бакаловъ, пошелъ на соединеніе съ княземъ Голицынымъ, бунтующіе Башкиры вновь появились въ тѣхъ мѣстахъ и въ значительныхъ силахъ.

Пришлось послать противъ нихъ отрядъ генерала Ларіонова, который былъ уже въ Кучуевскомъ фольдшанцѣ и назначался для освобожденія Уфы. * Узнавъ о движеніи Ларіонова, Башкиры бросили Бакалы, гдѣ они держали въ осадѣ майора Перскаго, и пошли на встрѣчу войскамъ въ селеніе Стерлитамакъ, на рѣкѣ Икъ. Ларіоновъ выслалъ противъ нихъ дворянскіе эскадроны и Чугуевскихъ казаковъ. Толпа Башкирцевъ въ 1.500 человѣкъ не выдержала напора войскъ и побѣжала. Это происходило 8го марта; дворянскіе эскадроны въ первый разъ были въ дѣлѣ и дрались молодцами. Они смѣло преслѣдовали непріятеля и отбили двѣ пушки. Около Бакаловъ Башкирцы вновь были разбиты и ушли въ глубь Башкиріи.

Обстоятельство это, остановившее отъѣздъ Бибикова изъ Казани, не остановило движенія главныхъ силъ къ Оренбургу.

Численность войскъ шедшихъ на пораженіе самозванца въ главномъ его пристанищѣ Бердѣ, которую онъ называлъ Москвой, была довольно значительна. У Мансурова были четыре легкія полевыя команды (по 556 человѣкъ и четыре орудія въ каждой) и два эскадрона Бахмутскихъ гусаръ (около 280 человѣкъ); всего по Самарской линіи шло 2.500 чел. при 16 орудіяхъ.

Строеваго рапорта о составѣ въ то время отряда князя Голицына въ дѣлѣ подъ № 104 (А) нѣтъ, но у него были тогда слѣдующія части войскъ почти въ полномъ комплектѣ: 2й гренадерскій полкъ, 1.795 штыковъ, Владимірскій пѣхотный полкъ, 1595 штыковъ, ** Архангелогородскій карабинерный полкъ, 765 всадниковъ, Изюмскій гусарскій полкъ, 914 всадниковъ, и двѣ роты Чугуевскихъ казаковъ, до 60 всадниковъ. Всего по штатному числу въ этихъ частяхъ должно бы быть 3.390 чел. пѣхоты и 1.739 чел. кавалеріи; итого 5.129 чел.

---

* Конные дворянскіе эскадроны, команда Томскаго полка, эскадронъ Архангелогородскаго карабинернаго полка, 82 гусара Изюмскаго и двѣ роты Чугуевскаго казачьяго полковъ.

** Остальные двѣсти человѣкъ Владимірскаго полка были съ майоромъ Гагринымъ подъ Екатеринбургомъ.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія наличное число людей въ вышеозначенныхъ частяхъ войскъ было менѣе штатнаго, но если къ этимъ войскамъ причислить отрядъ генералъ-майора Фреймана, то безошибочно можно принять что корпусъ князя Голицына имѣлъ во всякомъ случаѣ до 6.000 человѣкъ при 20 орудіяхъ.

Слѣдуя изъ Богоруслана и подходя къ рѣкѣ Токъ, князь Голицынъ узналъ что деревни Гаевицкая и Пронкино, находящіяся влѣво отъ его пути, заняты пугачевцами, большая партія которыхъ находится и въ Сорочинской крѣпости. Немедленно предпринято было форсированное движеніе къ деревнѣ Гаевицкой, но страшный снѣжный буранъ при сильномъ морозѣ принудилъ отрядъ расположиться въ степи лагеремъ подъ защитою имѣвшихся въ обозѣ кибитокъ. Для занятія Гаевицкой былъ посланъ небольшой отрядъ подъ командой Владимірскаго полка майора Елагина, который 4го марта занялъ эту деревню; пугачевцы бывшіе въ ней въ числѣ 100 чел. бѣжали.

5го марта весь отрядъ вошелъ въ деревню Гаевицкую, а майоръ Елагинъ, идя въ авангардѣ, занялъ деревню Яткину. Не найдя тамъ пугачевцевъ, Елагинъ рѣшился идти впередъ къ деревнѣ Пронкиной, выступая куда, далъ о томъ знать князю Голицыну. Въ подкрѣпленіе Елагину высланъ былъ командиръ Изюмскаго гусарскаго полка полковникъ Хорватъ со своими гусарами.

Деревня Пронкина занята была отрядомъ Елагина безъ боя. Ни захваченные въ ней два мятежника, ни посланные впередъ разъѣзды не сообщили никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ, и Елагинъ расположился около нея на ночлегъ.

Пугачевскія толпы занимали въ это время крѣпости Тоцкую и Сорочинскую, въ 37 верстахъ отъ деревни Пронкиной Встрѣча съ мятежниками была неизбѣжна.

О движеніи князя Голицына и Мансурова Пугачевъ получилъ донесеніе отъ своего атамана Арапова въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ пировалъ съ молодою женой. Вѣсти были столь важны что самозванецъ, взявъ съ собою 500 Яицкихъ казаковъ, на другой же день пошелъ въ Берду, захватилъ тамъ еще тысячу человѣкъ (въ томъ числѣ 560 Яицкихъ казаковъ) и десять пушекъ и пошелъ въ крѣпость Сорочинскую.

„Пріѣхавъ туда, говоритъ Пугачевъ, извѣстился что князь Голицынъ находится отъ меня уже близко, и что его команда передовая осталась въ Пронкиной деревнѣ. Я, забравъ изъ

Digitized by Google

своей команды доброконныхъ и четыре пушки, пошелъ ночью подъ ту деревню.

Въ страшную бурю съ мятелью, Пугачевъ прошелъ со своею шайкой въ шесть часовъ разстояніе отъ Сорочинской до Пронкиной и въ ночь на 7е марта атаковалъ эту деревню со всѣхъ сторонъ. Отрядъ Елагина захваченъ былъ врасплохъ; на первыхъ порахъ пугачевцы ворвались въ деревню, сбили передовые караулы и взяли два орудія.

Майоръ Елагинъ, бросившійся впередъ съ резервомъ, нашелъ деревню наполненною пугачевцами, дравшимися съ войсками, которыя отбивались отчаянно. 2го гренадерскаго полка поручикъ Москотиньевъ, съ горстью людей отстаивая отрядную артиллерію, получилъ 12 ранъ.

Порядокъ видимо возстановлялся, но къ сожалѣнію майоръ Елагинъ, бывшій въ первыхъ рядахъ сражавшихся, окруженъ былъ пугачевцами и поднятъ ими на копья. Командованіе отрядомъ перешло къ старшему по немъ майору 2го гренадерскаго полка Пушкину. Владимірскаго полка капитанъ Кватнинъ-Самаринъ, видѣвшій славную смерть своего начальника, съ подоспѣвшимъ къ нему на помощь капитаномъ 2го гренадерскаго полка Алсуфьевымъ рѣшительно ударилъ на мятежниковъ и отбилъ у нихъ захваченныя ими пушки. Сержантъ Москотиньевъ убилъ мятежническаго хорунжаго и отбилъ знамя. Поддержанные со всѣхъ сторонъ, Самаринъ и Алсуфьевъ выгнали пугачевцевъ изъ деревни. Встрѣтивъ на всѣхъ мѣстахъ столь геройскій отпоръ, Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый, сколько позволяла темнота ночи, кавалеріей, бывшею въ отрядѣ въ числѣ трехъ ротъ (по одной ротѣ карабинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ).

Полковникъ Хорватъ, находясь въ восьми верстахъ отъ Пронкиной, поспѣшилъ на выстрѣлы, однако прибылъ на мѣсто сраженія уже послѣ отбитія пугачевцевъ и засталъ отрядъ въ полномъ порядкѣ. Пугачевъ бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ до 100 чел. Яицкихъ казаковъ убитыми; любимецъ самозванца, Яицкій казакъ Антиповъ, попался въ плѣнъ съ десятью же Яицкими казаками.

„Храбростію и усердіемъ войскъ вашего императорскаго величества, доноситъ генералъ-аншефъ Бибиковъ,—почувствовалъ сей извергъ въ первый еще разъ самъ собою, и былъ свидѣтелемъ своихъ сообщниковъ пораженія, а деташементъ одержалъ полную надъ ними побѣду. Съ нашей стороны главный уронъ

Digitized by Google

состоитъ въ достойномъ майорѣ Елагинѣ и Чугуевскаго казачьяго полку храбромъ прапорщикѣ Зелчинѣ.“ Убито шесть нижнихъ чиновъ; ранено: оберъ-офицеръ одинъ и восемь нижнихъ чиновъ.

Дѣйствія пугачевцевъ въ февралѣ и началѣ марта 1774 года лучше всего показываютъ что у нихъ не было никакого обдуманнаго плана и ни одного человѣка съ военными способностями, который могъ бы направить ихъ удары именно туда откуда грозила имъ опасность. Болѣе всего было страшно для нихъ соединеніе отрядовъ генералъ-майоровъ князя Голицына и Мансурова, а между тѣмъ оно было допущено безъ всякаго противодѣйствія. Безъ сомнѣнія пугачевскія шайки, несмотря на свою многочисленность, не могли выдержать боя противъ регулярныхъ войскъ, но во всякомъ случаѣ Пугачевъ имѣлъ возможность если не воспрепятствовать соединенію князя Голицына съ Мансуровымъ, то по крайней мѣрѣ допустить это соединеніе при наименѣе выгодныхъ обстоятельствахъ.

Войска наступали по двумъ разнымъ путямъ, отъ Камы и Волги, не имѣя съ собою запасовъ продовольствія и стремясь по возможности заготовить ихъ въ большомъ количествѣ; ихъ раздѣлялъ край бывшій въ полномъ возстаніи; въ этомъ краѣ дѣйствовалъ вѣрный союзникъ Пугачева—князь Дербетевъ со ставропольскими Калмыками. Поддержи Дербетева, затрудни на каждомъ шагу, партизанскими дѣйствіями, движенія Голицына и Мансурова, Пугачевъ неоспоримо или отдалилъ бы соединеніе наступавшихъ отрядовъ, или принудилъ бы ихъ соединиться ранѣе въ крѣпости Борской или еще ниже на Самарѣ и тѣмъ заставилъ бы ихъ наступать въ одной колоннѣ, вверхъ по Самарѣ, на которой у него было нѣсколько крѣпостей.

Но этого Пугачевъ не сдѣлалъ, занимаясь безцѣльною по своимъ послѣдствіямъ осадой Яицкаго городка, и опомнился только тогда, когда наступавшія противъ него войска были другъ отъ друга въ двухъ переходахъ.

Прибытіе Пугачева въ Сорочинскую крѣпость казалось бы показываетъ что онъ понялъ наконецъ всю опасность отъ соединенія посланныхъ противъ него войскъ, а между тѣмъ изъ всѣхъ дальнѣйшихъ его предпріятій видно что онъ дѣйствовалъ безъ всякаго соображенія, по первому впечатлѣнію.

Изъ двухъ шедшихъ на него отрядовъ, ближе къ нему и слабѣе силами былъ отрядъ генералъ-майора Мансурова,

Digitized by Google

находившійся тогда въ переходѣ отъ крѣпости Тоцкой. Пугачевъ, имѣя всѣ средства чтобы задержать Мансурова въ Тоцкой или предъ нею, оставилъ его спокойно идти впередъ, а самъ, только съ частію своихъ войскъ, пошелъ на передовыя войска князя Голицына, которыми былъ разбитъ подъ Пронкиной, и въ то же время допустилъ Мансурова занять крѣпость Тоцкую безъ боя.

Послѣ отраженія отъ Пронкиной, Пугачевъ уже не могъ осмѣлиться атаковать генерала Мансурова въ Тоцкой, а потому и бѣжалъ далѣе черезъ Сорочинскую крѣпость къ Яицкому городку. Овчинникову приказалъ онъ держаться, по возможности, въ Сорочинской. Жители изъ этой крѣпости и Тоцкой были выведены и увлечены въ плѣнъ пугачевцами.

Князь Голицынъ 11го марта соединился въ Сорочинской крѣпости съ генералъ-майоромъ Мансуровымъ. Овчинниковъ бѣжалъ къ Новосергіевской крѣпости.

Если Пугачевъ не понималъ что дѣло его висѣло на волоскѣ, то не того мнѣнія были его сподвижники. Изъ лагеря при Бердѣ начались безпрестанные побѣги въ Оренбургъ; между осажденными распространились слухи о неудачѣ Пугачева и приближеніи войскъ. Жители ободрились; на рынкахъ, гдѣ за нѣсколько дней хлѣбъ продавался по 30 и 40 к. за фунтъ, цѣна его понизилась до 20 к. Все ожило и ожидало скораго избавленія.

Таковы были послѣдствія разбитія Пугачева подъ Пронкиной.

Соединившись въ Сорочинской крѣпости съ войсками генералъ-майора Мансурова, князь Голицынъ занялся устройствомъ подвижнаго магазина, а къ Илецкому городку, въ погоню за бѣжавшими мятежниками, отправилъ подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами Изюмскихъ гусаръ.

Вскорѣ оказалось что пугачевцы не пошли на Илецкій городокъ, а заперлись въ Татищевой; * тогда подполковникъ Бедряга потянулся по дорогѣ на Переволоцкую крѣпость, и вслѣдъ за нимъ, туда же выступилъ князь Голицынъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, оставивъ въ Сорочинской обозъ подъ прикрытіемъ баталіона легкихъ полевыхъ командъ, подъ начальствомъ подполковника Гринева.

---

* При впаденіи рѣки Камышъ-Самары въ Яикъ, въ 54 верстахъ отъ Оренбурга.

Digitized by Google

Пугачевъ, пріѣхавъ изъ-подъ Пронкиной деревни въ Яицкій городокъ, нашелъ тамъ дѣла въ прежнемъ положеніи; овладѣть крѣпостью силой не было никакой надежды и оставалось ждать пока ея гарнизонъ не сдастся самъ вслѣдствіе голода. *

Получивъ отъ Овчинникова увѣдомленіе о вступленіи князя Голицына въ Сорочинскую крѣпость, самозванецъ поспѣшно уѣхалъ въ Берду и принялся распоряжаться къ защитѣ крѣпости Татищевой. Крѣпость эта, по своему положенію на рѣкѣ Яикѣ, была важна въ томъ отношеніи что владѣвшій ею имѣлъ въ своихъ рукахъ пути въ Оренбургъ и Яицкій городокъ. Пугачевъ занялъ ее и намѣренъ былъ защищаться въ ней до послѣдней крайности.

Верки Татищевой крѣпости, взятой и выжженной Пугачевымъ въ 1773 году, были въ самомъ плохомъ положеніи. Для исправленія ихъ въ Татищево отправлены были солдаты захваченные мятежниками изъ отряда полковника Чернышева и гренадерской роты шедшей на соединеніе къ генералъ-майору Кару. Люди эти содержались въ Бердѣ военноплѣнными и были обезоружены. Это показываетъ что они вели себя хорошо и не усердствовали самозванцу, въ противномъ случаѣ ихъ не замедлили бы присоединить къ вооруженнымъ шайкамъ. Знакомые съ военнымъ дѣломъ, они наскоро укрѣпили Татищеву, присыпавъ къ стѣнамъ ея снѣговые валы, которые были облиты водой, отчего они обледенѣли и окрѣпли. На валахъ были поставлены тяжелыя орудія; лучшіе люди изъ-подъ Оренбурга составили гарнизонъ крѣпости. Пугачевъ самъ привелъ ихъ. „Всѣхъ пушекъ тутъ было у меня 20, а людей сколько, точно сказать не могу, только число не малое.“ Въ послѣдствіи оказалось что орудій въ крѣпости находилось 36, а численность гарнизона простиралась до 9.000 человѣкъ. Въ числѣ этомъ, по свидѣтельству Рычкова, ** было: 2.000 самыхъ лучшихъ Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ; Исетскихъ и Оренбургскихъ до 3.000; пѣхоты изъ заводскихъ мужиковъ 2.000; въ томъ числѣ были и ссыльные, взятые злодѣями въ Илецкой Защитѣ; прочіе всѣ изъ Татаръ, Калмыковъ и Башкирцевъ; было немного и Киргизовъ.

Отборная толпа пугачевцевъ, одушевленная присутствіемъ самого самозванца и главнѣйшихъ двигателей мятежа, пригото-

* Дѣло подъ № 104 (А); рапортъ Бибикова № 17.

** Соч. Пушк. Т. VI, стр. 489.

вились къ рѣшительному сопротивленію. Рѣшимость ихъ драться поддерживалась сознаніемъ критическаго своего положенія. Промедленіе князя Голицына, по случаю сбора фуража и провіанта, дало имъ время оглядѣться, устроиться и съ надеждой на успѣхъ ожидать встрѣчи съ войсками.

Предвидя что подъ Татищевой придется имѣть жаркое дѣло, князь Голицынъ вышелъ изъ Преволоцкой-крѣпости 22го марта 1774 года въ 5 часовъ утра, чтобъ еще утромъ придти къ Татищевой. Въ авангардѣ шелъ полковникъ Ю. Бибиковъ, имѣя у себя баталіонъ гренадеръ, баталіонъ егерей, 200 лыжниковъ и три эскадрона кавалеріи. Не доходя версты до крѣпости, Бибиковъ послалъ впередъ развѣдчиковъ. Пугачевцы подпустили ихъ къ самой крѣпости, изъ которой вдругъ выскочили до 300 Яицкихъ казаковъ, но не могли ничего сдѣлать, потому что развѣдчики были немедленно подкрѣплены кавалеріей, съ которою пришли и пушки. Бибиковъ далъ знать князю Голицыну что крѣпость занята непріятелемъ.

Пугачевъ нѣсколько иначе разказываетъ объ этихъ обстоятельствахъ. „Наконецъ дождались мы князя Голицына, говоритъ онъ; приблизившися, онъ къ крѣпости прислалъ сперва трехъ человѣкъ Чугуевскихъ казаковъ, провѣдать есть ли кто въ оной, ибо мы не показывались ему, а нажидали его себѣ ближе, дабы лучше можно было дѣйствовать артиллеріи. Я выслалъ къ тѣмъ казакамъ изъ крѣпости бабу, сказать тѣмъ казакамъ что въ крѣпости никого нѣтъ, а хотя были, да уѣхали. Казаки, повѣря бабѣ, пріѣхали въ ворота, гдѣ мы хотѣли ихъ перехватить, а они, увидя насъ, побѣжали назадъ. Одного изъ нихъ мы догнали, сбили съ лошади и взяли въ крѣпость, другіе же ускакали. Сего же я сталъ спрашивать: Много ли съ княземъ Голицынымъ? Арміи 5.000, пушекъ 70“. *

---

* Доп. Пуг. стр. 30. Замѣчательно что этотъ отрывокъ изъ допросовъ Пугачеву есть какъ бы подстрочный переводъ слѣдующаго мѣста изъ брошюры на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Histoire de la révolte de Pougatschef* „Les rebellēs restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutait qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approcherent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyerent une femme qui leur presenta du pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelles après avoir été dans la place, en étaint tous

Digitized by Google

Крѣпость Татищева лежала на лѣвомъ берегу рѣки Камышъ-Самары, въ трехстахъ саженяхъ отъ ея впаденія въ рѣку Яикъ. Она имѣла видъ четыреугольника, съ двумя бастіонами, обращенными къ сѣверу. Восточный и западный фасы имѣли фланкирующіе выступы; западный былъ надъ самымъ спускомъ къ Самарѣ, а южный надъ спускомъ къ Яику, и внизу его шла дорога въ Оренбургъ. Самарская дорога (изъ Переволоцкой) шла по лѣвому берегу Самары и вела чрезъ сѣверный фасъ. Сѣверный и восточный фасы, какъ обращенные въ степь, были открыты для нападенія.

Самарская дорога въ двухъ мѣстахъ была перерѣзана оврагами, первый былъ всего въ верстѣ отъ крѣпости, а второй, каменный, въ трехъ верстахъ.

Подойдя къ каменному оврагу, Голицынъ оставилъ за нимъ свой обозъ, а весь отрядъ, сведя сперва въ три колонны, выстроилъ въ боевой порядокъ, между обоими оврагами, правымъ флангомъ къ рѣкѣ Камышъ-Самарѣ и параллельно сѣверному фасу крѣпости.

Первая боевая линія, раздѣленная на два крыла, состояла изъ шести баталіоновъ; на правомъ крылѣ, подъ командой генералъ-маіора Мансурова, были расположены: сводный егерскій баталіонъ полковника Бибикова, сводный баталіонъ изъ Вятскаго и Томскаго полковъ, лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Толстаго, и баталіонъ легкихъ командъ 25й полевой команды подполковника Аршиневскаго.

Лѣвое крыло составляли: два баталіона 2го гренадерскаго полка, подъ командой полковника князя Долгорукова и подполковника Филисова, и баталіонъ Владимірскаго полка, подъ начальствомъ полковника князя Одоевскаго. За первою линіей стояли небольшіе пѣхотные резервы; пѣхотныя же части прикрывали выдвинутыя впередъ батареи. Фланги первой линіи были прикрыты лыжниками, перешедшими и на другую сторону рѣки Самары.

---

sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fut tué et le second pris; mais le troisième s'échappa et vint rendre compte à Galitzin de se qu'il venoit de voir.“ Соч. Пушк. т. VI, стр. 152. Пекарскій говоритъ то же, но, по его словамъ, къ крѣпости были посланы не казаки, а два гусара; на встрѣчу имъ вышли двѣ бабы, и захваченный гусаръ умеръ отъ пытки.

Digitized by Google

Вторая линія, кавалерійская, стояла въ разстояніи 350 саж. отъ первой и была выстроена въ слѣдующемъ порядкѣ: два эскадрона Изюмскихъ гусаръ на правомъ флангѣ; два эскадрона драгунъ (изъ полевыхъ командъ) и четыре эскадрона Архангелогородскаго карабинернаго полка въ центрѣ, и два эскадрона Бахмутскихъ поселенныхъ гусаръ, на лѣвомъ флангѣ. Нѣсколько впереди линіи стояли два эскадрона Изюмскихъ гусаръ и двѣ роты Чугуевскихъ казаковъ.

При отрядѣ князя Голицына были еще: „легкія нерегулярныя войска", вѣроятно состоявшія изъ вѣрныхъ Башкирцевъ, Мещеряковъ и Калмыковъ, но числительность ихъ неизвѣстна; они прикрывали построеніе боеваго порядка. *

Всего подъ командой князя Голицына надо считать до 8.500 человѣкъ, но какъ для занятія Сорочинской крѣпости и прикрытія обоза, оставленъ былъ подполковникъ Гриневъ съ баталіономъ легкихъ командъ, то слѣдуетъ положить что подъ Татищевой, 22го марта 1774 года, было около 8.000 человѣкъ съ 40 орудіями.

Когда боевой порядокъ былъ выстроенъ, князь Голицынъ приказалъ открыть артиллерійскій огонь. Завязалась живая канонада. Спустя два часа по открытіи огня, видя убыль въ войскахъ и малый успѣхъ бомбардировки, князь Голицынъ рѣшился штурмовать Татищеву. Боевой порядокъ пошелъ впередъ уступами съ лѣваго фланга. Генералу Фрейману, начавшему столь несчастливо свои дѣйствія противъ Пугачева, предоставлена была честь начать атаку. Онъ пошелъ впередъ въ головѣ баталіона Владимірскаго полка; за нимъ двинулись два гренадерскихъ баталіона Филисова и князя Долгорукова. Первая линія быстро перешла оврагъ и приближалась къ крѣпости. Въ это время Пугачевъ выслалъ изъ Татищевой сильную вылазку при семи орудіяхъ. Ударъ Пугачевцевъ былъ весьма силенъ и привелъ атакующихъ въ серіозное замѣшательство. Владимірцы были оттѣснены; гренадеры сильно замялись. Мятежники кричали имъ: „братцы-солдаты, что̀ вы дѣлаете? Вы

---

* Описаніе расположенія отряда генералъ-майора князя Голицына для атаки крѣпости Татищевой основано на подлинномъ планѣ этой атаки, поднесенномъ главнокомандующимъ императрицѣ при рапортѣ отъ 28го марта 1774 года за № 18 и хранящемся въ военно-ученомъ архивѣ за № 2.651. Бибиковымъ сраженіе это описано въ рапортѣ № 17, отъ 26го марта изъ Бугульмы.

Digitized by Google

идете драться и убивать свою братью христіанъ, защищающихъ истиннаго своего государя, императора Петра III, который здѣсь въ крѣпости самъ находится!" Минута была рѣшительная. Генералъ Фрейманъ, схвативъ знамя гренадерскаго полка, бросился впередъ. Князь Голицынъ съ баталіономъ Толстаго самъ поспѣшилъ на выручку лѣваго крыла; идя по грудь въ снѣгу, съ обнаженною шпагой, онъ закричалъ: „измѣнники, ступай за мной". Легкія полевыя команды Мансурова смѣло пошли впередъ, и скоро гренадеры опередили своего генерала.* Пугачевъ объ этомъ моментѣ боя говоритъ что атакующія войска были приведены въ сильное замѣшательство и что „князь Голицынъ" приведенъ былъ бы въ великій безпорядокъ, еслибы вылазка дѣйствовала какъ указано было заранѣе. „Но толпа моей конницы, продолжаетъ Пугачевъ, оробѣла." Войска быстро и совершенно оправились.

Баталіонъ 2го гренадерскаго полка и лыжники первые взошли на валъ; впереди всѣхъ шли: подпоручикъ Вологодскаго полка Филатовъ и прапорщикъ 2го гренадерскаго полка Углановъ. За гренадерами подоспѣли: слѣва — баталіонъ князя Одоевскаго, а справа — подполковника Арпиневскаго. Вся пѣхота вошла въ Татищеву, а полковникъ Хорватъ, съ двумя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и двумя эскадронами Чугуевскихъ казаковъ, поспѣшно занялъ Оренбургскую дорогу.

Какъ только валъ былъ занятъ, подполковникъ Бедряга съ остальными изюмскими эскадронами вскакалъ въ крѣпость. Вслѣдъ за Бедрягой въ крѣпость вошла остальная кавалерія и направилась преслѣдовать по Илецкой дорогѣ. Туда же направились и пѣхотныя части, бывшія на правомъ берегу Самары.

Упорная борьба началась въ самой крѣпости, и около нея.

---

* Пекарскій говоритъ о подвигахъ Фреймана; Руничъ указываетъ на князя Голицына. Генералъ Бибиковъ въ своемъ донесеніи о взятіи Татищевой, разказавъ о движеніи Фреймана, прибавляетъ: „Но какъ сего еще къ совершенному пораженію недоставало, то самъ онъ, господинъ генералъ-майоръ князь Голицынъ, приведя баталіонъ подъ командой лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Александра Толстаго, совершалъ сокрушеніе злодѣевъ." Главнокомандующій доносилъ по первымъ дошедшимъ до него извѣстіямъ, а потому на показанія Пекарскаго и Рунича слѣдуетъ обратить вниманіе. Они дорисовываютъ картину подробностями, которыя не могли найти мѣста въ офиціальномъ донесеніи.

Digitized by Google

Она продолжалась долго. Пугачевцы дрались отчаянно: не будучи въ состояніи сопротивляться войскамъ и не имѣя возможности спастись бѣгствомъ по дорогѣ въ Оренбургъ и Илецкій городокъ, многіе изъ нихъ, „бросаясь съ крутой стремнины на Яикъ, бѣдно животъ свой оканчевали“.

Въ самой крѣпости найдено убитыхъ 1.315 человѣкъ; въ преслѣдованіи по Илецкой дорогѣ убито 830 чел., въ лѣсахъ и сугробахъ поколото лыжниками до 350 чел. Въ плѣнъ взято болѣе 3.000 чел., въ томъ числѣ около 600 Яицкихъ казаковъ.

Сверхъ того отбиты бывшіе въ крѣпости гарнизонные солдаты полковника Чернышова и рота 2го. гренадерскаго полка шедшая къ генералу Кару. * Вся непріятельская артиллерія въ числѣ 36 орудій досталась побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ оказался Яицкій казакъ Максимъ Шигаевъ, одинъ изъ ближайшихъ пособниковъ самозванца. ** Самъ Пугачевъ едва съ четырьмя приближенными успѣлъ бѣжать въ Берду. Онъ вышелъ изъ Татищевой когда замѣтилъ что вылазка посланная противъ Фреймана отбита. Побѣдители однако думали что Пугачевъ не ушелъ изъ Татищевой и не видя его между плѣнными, искали между убитыми; только на другой день получено было достовѣрное извѣстіе о бѣгствѣ самозванца въ Берду.

Князь Голицынъ понесъ тоже значительную потерю: у него убито и умерло отъ ранъ 5 оберъ-офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ; ранено 1 штабъ- и 13 оберъ-офицеровъ и 300 рядовыхъ. ***

Поражаніе пугачевцевъ было рѣшительное. Любопытно какъ самъ Пугачевъ объяснялъ о томъ своему побѣдителю. Когда самозванецъ находился въ Симбирскѣ, князь Голицынъ, любопытствовавшій видѣть Пугачева, вошелъ въ его тюрьму и по-

* Донесеніе Бибикова № 17. Рычковъ говоритъ что Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ въ плѣнъ захвачено 290 чел. Соч. Пушк. т. VI стр. 490.

** Объ этомъ говорится въ *Различеніи важности преступленія способниковъ злодѣйскихъ* и т. д. Бибиковъ же донесъ что Шигаевъ убитъ подъ Каргалой. Шигаевъ въ послѣдствіи казненъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Пугачевымъ.

*** Рычковъ показываетъ что при штурмѣ крѣпости Татищевой, отрядъ генералъ-майора князя Голицына потерялъ: убитыми 132 человѣка, тяжело ранеными 330 и легко ранеными 167 человѣкъ; лошадей убито 35.

Digitized by Google

стоявъ нѣсколько времени предъ нимъ, спросилъ его: „Емельянъ, знаешь ли ты меня?" Тотъ, видя предъ собою генерала въ орденахъ, поклонился низко и спросилъ: „а кто ваша милость?" Князь отвѣчалъ ему: „Я Голицынъ." Пугачевъ вдругъ спросилъ князя: „не вы ли князь Петръ Михайловичъ?"— Я, сказалъ князь. Пугачевъ, привставъ со всѣмъ уваженіемъ, сколько могъ сидящій на нарахъ и прикованный къ стѣнѣ, нижайше поклонился князю и громко, чтобы всѣ присутствовавшіе слышали, сказалъ: „Ваше сіятельство прямо храбрый генералъ—вы первый сломили мнѣ рогъ." (*Руничъ* стр. 217).

Извѣстіе о побѣдѣ подъ Татищевой было большою наградой для Бибикова за всѣ его труды.

„Наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, доноситъ главнокомандующій—если всемилостивѣйше порученное мнѣ дѣло беретъ хорошій оборотъ, если я къ особливому мнѣ счастью исполню Высочайшую вашего императорскаго величества волю, и край обширный зараженный отъ прелести будетъ успокоенъ, то за первую милость отъ вашего императорскаго величества почту, когда подчиненные и сотрудники мои, коими я честь имѣю командовать, паче же достойные по Высочайшей вашей волѣ командующіе подо мною господа генералъ-майоры: князь Голицынъ, Мансуровъ и Фрейманъ, а равно и все войско удостоены будутъ вашего благоволенія; * а погрѣшилъ бы я противъ вѣрности моей къ вашему императорскому величеству еслибы генералъ-майору князю Голицыну, по отличному его усердію, вѣрности, храбрости и искусству, не отдалъ предъ вами заслуживаемой имъ отъ всякаго справедливости; и если распоряженія мои въ точности исполнялись и исполняются, то никому иному, какъ сему трудолюбивому сослуживцу я присвоить долженствую, а потому и всякую милость и монаршее воззрѣніе къ нему равно какъ бы онѣ собственно до меня принадлежали поставлять буду."

Въ письмѣ къ женѣ своей, отъ того же 26го марта, ** Бибиковъ говоритъ: „То-то жерновъ съ сердца свалился. Сегодня

* Кромѣ объявленнаго всему корпусу князя Голицына Высочайшаго благоволенія за побѣду подъ Татищевой, всѣмъ штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ выдано было, не въ зачетъ, третное жалованье. Дѣло подъ № 104 (А); всеподданнѣйшее письмо князя Голицына.

** Соч. Пушк. т. VI, стр. 67.

Digitized by Google

войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я послѣшу туда добраться, чтобы еще ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала; однако по морозу хожу безъ парика."

Самъ-пятъ прискакалъ Пугачевъ изъ-подъ Татищевой въ Берду. Съ нимъ изъ всего его девятитысячнаго войска спаслись только четверо: Иванъ Почиталинъ, Василій Коноваловъ, Григорій Бородинъ и шуринъ самозванца Егоръ Кузнецовъ. Въ Бердѣ тотчасъ же созванъ былъ военный совѣтъ, на который собрались чины такъ-называемой военной коллегіи: „Максимъ Шигаевъ, Андрей Витошковъ, Иванъ Твороговъ, Максимъ Горшковъ", а также и другіе ближніе сторонники самозванца. *

Пугачевъ „объявилъ имъ свое несчастіе случившееся въ Татищевой крѣпости и требовалъ отъ нихъ совѣта: куда имъ теперь, противъ ли князя Голицына съ достаточною силой вооружаться, или въ другое мѣсто слѣдовать? Тогда всѣ мнѣ (показываетъ самозванецъ) присовѣтовали, чтобъ обойдя князя Голицына, мимо идти чрезъ Сорочинскую крѣпость въ Яицкій городокъ; а я на ихъ предложеніе согласившись, тотчасъ приказалъ собираться въ походъ."

Рѣшеніе совѣта самозванца не было основательно; пройти въ Яицкій городокъ мимо войскъ князя Голицына было весьма трудно; только при крайней его оплошности, это движеніе могло удасться, да и что же мятежники выиграли бы чрезъ отступленіе на Яикъ? Ни усилиться тамъ, ни сопротивляться наступавшимъ войскамъ было невозможно: Яицкій городокъ, обороняемый Симоновымъ, еще держался, такъ что для пугачевцевъ на Яикѣ не было точки опоры. Некуда имъ было и пройти оттуда: за Волгу—далеко, да на правомъ ея берегу населеніе было совершенно спокойно; уйти на Каспійское море не могло быть цѣлью мятежниковъ. Что же заставило военный совѣтъ Пугачева выбрать путь на Яицкій городокъ и почему

* Допросъ Пугачева 31. На этотъ разъ Пугачевъ ошибается: Шигаевъ попался въ плѣнъ подъ Татищевой. О прибытіи Пугачева въ Берду, Рейнсдорпъ сообщилъ князю Голицыну (отъ 27го марта) что „злодѣй въ 5 человѣкахъ изъ Татищевой крѣпости укрылся бѣгствомъ въ устроенное имъ около Оренбурга въ Бердинской слободѣ гнѣздо. Дѣло подъ № 26.598, ст. 162.

Digitized by Google

ближайшіе его товарищи рѣшились прервать всякую связь съ Башкиріей, которая была въ полномъ возстаніи и куда приглашали Пугачева? Отвѣтъ очень простъ. Главными совѣтниками самозванца и ядромъ его шаекъ были Яицкіе казаки. Выставя впередъ Пугачева, они преслѣдовали лишь свои цѣли, и видя что дѣло самозванца проиграно и дальнѣйшихъ успѣховъ ожидать невозможно, они крѣпко стали побаиваться за свои шеи. Какъ прежде они держали всѣ силы мятежа подъ Оренбургомъ и Яицкимъ городкомъ, овладѣть которыми было ихъ завѣтною мечтой, и могло быть выгодно лишь для нихъ однихъ, такъ теперь, въ бѣдѣ, они думали только о себѣ. Добравшись до Яицкаго городка, они разчитывали уйти, по одиночкѣ, на Иргизъ и Узени, не опасаясь преслѣдованія войскъ. Этими-то соображеніями Яицкихъ казаковъ и ничѣмъ другимъ и слѣдуетъ оправдывать рѣшеніе пугачевцевъ и самого Пугачева идти на Яицкій городокъ, а не въ Башкирію.

Боязнь собственно за себя была столь велика что въ Бердѣ составился было заговоръ противъ Пугачева. По однимъ источникамъ (Пекарскій), онъ былъ будто бы связанъ, но вѣрный Хлопуша освободилъ его. По свидѣтельству другихъ (Рычковъ), одинъ изъ любимцевъ Пугачева, Шигаевъ, задумавъ выдать своего начальника, послалъ въ Оренбургъ казака Логинова, который предложилъ Рейнсдорпу выдать самозванца, если тотъ согласится на это и подастъ сигналъ тремя пушечными выстрѣлами. Рейнсдорпъ два часа медлилъ дать сигналъ, а когда онъ былъ данъ, Пугачевъ и Хлопуша были освобождены заводскими крестьянами. Въ обоихъ этихъ разказахъ, кажется мало истины, но что заговоръ противъ Пугачева былъ, въ этомъ удостовѣряютъ, вопервыхъ, онъ самъ, а вовторыхъ, произведенное слѣдствіе. На допросахъ своихъ Пугачевъ показалъ (стр. 31): „На другой день пришедъ ко мнѣ, старшины доносили на Григорія Бородина что онъ ихъ подговаривалъ меня отдать руками въ Оренбургъ, а чрезъ то де мы себѣ легче сдѣлаемъ; а мы де на сіе его умышленіе не согласились, пришли къ тебѣ донесть. Я тотчасъ послалъ было Бородина взять, привести къ себѣ, но Бородинъ уѣхалъ уже отъ насъ въ Оренбургъ и догнать его не могли.“ По окончаніи по дѣлу Пугачева слѣдствія оказалось что первымъ лицомъ рѣшившимся было связать Пугачева былъ Яицкій казакъ Өедоръ Чумаковъ; онъ вошелъ въ переговоры съ Бородинымъ и другими. Казакъ Горловъ, узнавъ о намѣреніи Бородина, донесъ Пугачеву. Тотъ

Digitized by Google

„изъ числа заговорившихся одного повѣсилъ, а прочихъ ужаснулъ.“ Бородинъ бѣжалъ. *

Если пораженіе подъ Татищевой такъ перепугало главныхъ руководителей мятежа, то легко можно представить что̀ вообще дѣлалось въ Бердѣ и Каргалѣ среди толпившихся тамъ пугачевцевъ. Когда самъ онъ, наскоро собравъ лучшихъ людей своихъ, вышелъ изъ Берды, вчерашніе его приверженцы длинными вереницами потянулись къ Оренбургу, явиться съ повинною тамошнему начальству. Одни ѣхали съ своимъ имуществомъ, другіе были подогадливѣе и взяли съ собою запасы хлѣба и сѣна. Двое сутокъ продолжалось это шествіе, и явившихся было нѣсколько тысячъ. Ихъ всѣхъ сажали подъ арестъ.

Радость жителей Оренбурга, узнавшихъ 23го марта о своемъ освобожденіи, была велика. Явившіеся пугачевцы не составляли никакого сомнѣнія въ разбитіи самозванца и скоромъ прибытіи къ городу помощи. Послѣ полудня, въ Берду посланъ былъ 8й легкой полевой команды секундъ-майоръ Зубовъ съ 600 солдатъ и казаковъ. Занявъ слободу безъ сопротивленія, онъ выслалъ изъ нея, въ крѣпость, 18 орудій и семнадцать бочекъ съ мѣдною монетой (до 1.700 руб.). Въ городѣ хлѣбъ сталъ быстро падать въ цѣнѣ и съ сорока копѣекъ къ вечеру дошелъ до семи копѣекъ, а на другой день стали продавать его отъ пяти до трехъ копѣекъ за фунтъ. Многіе изъ городскихъ жителей вслѣдъ за войсками пробрались въ Берду, гдѣ ими „учинены великія грабительства и хищенія, и якобы многіе пожитки, въ рукахъ злодѣевъ находившіеся, разными людьми вывезены въ городъ.“ Подобныя обстоятельства, засвидѣтельствованныя Рычковымъ, легко объясняются. Полуголодныя толпы изъ Оренбурга прежде всего накинулись на хлѣбъ, а найдя богатые запасы награбленной пугачевцами добычи, бросились на нее, и начался страшный грабежъ. Ограбленные мстили своимъ притѣснителямъ.

На другой день, 24го марта, прибыли въ Оренбургъ нарочные отъ князя Голицына и подтвердили извѣстіе о погромѣ самозванца подъ Татищевой. Изъ Берды доставлено было около

---

* Подробности этого находятся въ весьма интересномъ документѣ доставленномъ мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ. Озаглавленъ онъ такъ: *„Различеніе важности преступленія способниковъ злодѣйскихъ, примѣченное каждаго раскаяніе по свойству ихъ.*

60 пушекъ и мортиръ и десятидневный запасъ хлѣба для „пятнадцати-тысячъ не имѣвшихъ пищи городскихъ жителей". Въ этотъ же день привезли въ Оренбургъ знаменитаго Хлопушу. Онъ какъ-то отдѣлился отъ Пугачева и поѣхалъ въ Каргалу, чтобы взять находившееся тамъ его семейство. Но мѣстные жители, зная какую для себя получать выгоду отъ выдачи Хлопуши, захватили его и посадивъ въ погребъ дали знать о томъ Рейнсдорпу. Для привоза Хлопуши въ крѣпость были посланы надежные люди, которые и исполнили данное имъ порученіе.

Обрадованный Рейнсдорпъ въ тотъ же день писалъ къ князю Голицыну что Пугачевъ „единственно съ вѣрными ему, коихъ однако близь тысячи человѣкъ составляетъ,* забравъ лучшее имущество и десять пушекъ, бѣжалъ изъ Берды чрезъ Общій Сыртъ повидимому на Преволоцкую крѣпость, но нѣтъ ли его предпріятій къ дальнѣйшему безпокойству ворваться во всколебавшуюся Башкирію, о томъ еще точнѣйшихъ свѣдѣній не получено."

Три послѣдніе мѣсяца предъ освобожденіемъ Оренбурга, бывшія въ немъ войска получали половинную порцію, были весьма утомлены, и предпринять съ ними поискъ за убѣжавшимъ Пугачевымъ было невозможно. Тѣмъ не менѣе, Рейнсдорпъ выслалъ коменданта Валленштерна осмотрѣть ближайшія окрестности къ городу. Берда, Сакмарскій городокъ и Каргала были заняты войсками, и по всѣмъ дорогамъ разосланы гонцы съ извѣстіемъ о разбитіи самозванца и освобожденіи Оренбурга. Повсюду велѣно было возстановить почтовыя станціи.

Оренбургъ, освобожденный отъ мятежниковъ побѣдой князя Голицына подъ Татищевой, былъ въ осадномъ положеніи съ 5го октября 1773 года, то-есть шесть мѣсяцевъ и 18 дней. Если во все это долгое и тяжелое время, Рейнсдорпъ только отсиживался отъ Пугачева, не предпринимая противъ его шаекъ рѣшительныхъ дѣйствій, то, съ другой стороны, онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее для поддержанія внутренняго порядка въ осажденномъ городѣ. Несмотря на трудныя обстоятельства и продолжительныя лишенія, въ виду обилія въ

* Сообщеніе Рейнсдорпа князю Голицыну отъ 24го марта 1774 года. Дѣло № 104 (А).

Digitized by Google

лагерѣ мятежниковъ, измѣна не обнаружилась въ городѣ, и Оренбургъ, продержавъ подъ своими стѣнами болѣе 6½ мѣсяцевъ главныя силы мятежниковъ, много задержалъ развитіе бунта въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Не удержись Оренбургъ, трудно себѣ представить до чего могъ бы тогда, на просторѣ, дойти бунтъ Пугачева? Оренбургъ былъ твердая скала о которую разбились главныя средства самозванца.

Обращаясь теперь къ дѣйствіямъ мятежниковъ подъ Оренбургомъ, нельзя не замѣтить что они, съ своей стороны, выказали очень мало энергіи и, владѣя большими средствами, весьма скоро перешли отъ наступательныхъ дѣйствій къ системѣ выжиданія, ограничиваясь пустыми перестрѣлками и не отваживаясь на рѣшительный штурмъ.

На защитниковъ Оренбурга посылались милости: собственноручною резолюціей императрица повелѣла: * „составить рескриптъ вѣрноподданническому губернатору и городу Оренбургу, съ похвалою ихъ твердости и вѣрности въ выдержаніи шестимѣсячной осады, голода и всякой нужды отъ клятвопреступниковъ, воровъ и разбойниковъ, и съ награжденіемъ за сіе городскихъ жителей и мѣщанъ оставленіемъ на два года подушнаго съ города сбора и съ уступленіемъ имъ годоваго съ городскихъ кабаковъ откупнаго дохода.“

Составленный на этомъ основаніи именной указъ 1го мая 1774 года ** былъ отправленъ въ Оренбургъ.

„Съ наичувствительнѣйшимъ обрадованіемъ удостоился я — пишетъ къ императрицѣ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ *** — со всѣми воинскими и гражданскими чинами, а обще и со всѣми жителями города Оренбурга, получить всевысочайшій и всемилостивѣйшій В. И. В. отъ 1го числа настоящаго мѣсяца рескриптъ, выражающій матернее В. В. городу Оренбургу, за претерпѣніе отъ клятвопреступниковъ, воровъ и разбойниковъ благоволеніе, со всемилостивѣйшимъ награжденіемъ. Сей примѣръ столь безприкладнаго милосердія В. И. В. будетъ вѣчнымъ монументомъ, не токмо обитающимъ въ городѣ Оренбургѣ, но и всему потомству нашему, къ поощренію истинной вѣрности къ службѣ и къ мужественнымъ подвигамъ, дабы

---

* Дѣло подъ № 104 (А).

** Напечатанъ Пушкинымъ, т. VI, стр. 209.

*** Всеподданнѣйшее письмо Рейнсдорпа отъ 15го мая. Дѣло подъ № 104 (А).

Digitized by Google

проливать кровь за любезное отечество, въ благодарныхъ навсегда чувствахъ, столь благодѣющей намъ великой монархинѣ. Что я отъ всего общества съ совершеннымъ моимъ благоговѣніемъ засвидѣтельствовать пріемлю дерзновеніе." Рейнсдорпъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и денежное награжденіе.

Одержавъ побѣду подъ Татищевой, князь Голицынъ не зналъ куда ушелъ Пугачевъ. Самозванецъ успѣлъ спастись въ то время когда Оренбургская дорога еще не была занята Хорватомъ и все вниманіе атакующихъ было обращено на занятіе крѣпостныхъ верковъ. Видя что бѣглецы направляются по дорогѣ къ Илецкому городку, думали что и Пугачевъ, если не убитъ, ушелъ внизъ по Яику. Только на другой день въ отрядѣ узнали положительно что онъ находится въ Бердѣ. Подъ Татищевой были истреблены лучшія силы Пугачева, но нанесенный мятежу ударъ еще невозможно было считать окончательнымъ. Идя на встрѣчу Голицыну, самозванецъ не снялъ осады Оренбурга, и тамъ остались еще значительныя толпы пугачевцевъ и весьма большіе запасы. Въ неизвѣстности не только о намѣреніяхъ Пугачева, но даже и о самомъ его существованіи, князь Голицынъ оставался въ Татищевой, откуда ему легко было помочь Яицкому городку и Оренбургу, и вмѣстѣ съ тѣмъ,—а это главное — наблюдать за движеніями Пугачева, еслибъ онъ пошелъ чрезъ Ново-Московскую дорогу.

Оставаясь въ выжидательномъ положеніи, князь Голицынъ немедленно приказалъ направить изъ Сорочинской крѣпости въ Татищеву обозъ изъ двухъ тысячъ подводъ съ хлѣбомъ заготовленнымъ для Оренбурга, * а къ Рейнсдорпу отправилъ нарочныхъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и требованіемъ учрежденія наблюденія за Бердой и теченіемъ Яика до крѣпости Чернорѣчинской. Во всѣ стороны были посланы разъѣзды, приводившіе много плѣнныхъ.

23го марта узнали въ отрядѣ о бѣгствѣ Пугачева въ Берду, объ оставленіи имъ этого гнѣзда пугачевцевъ и намѣреніи идти на Яикъ, обойдя войска. Первое свѣдѣніе о событіяхъ въ Бердѣ привезли въ городъ Оренбургскіе казаки, между которыми былъ, какъ кажется, и Бородинъ. Казаки сказывали что

* Этотъ провіантъ прибылъ по назначенію къ 1му апрѣля, до того же времени городскіе обыватели довольствовались провіантомъ найденнымъ въ лагерѣ самозванца при Бердѣ.

Digitized by Google

самъ Пугачевъ идетъ къ Переволоцкой крѣпости, а другая толпа его сообщниковъ нѣсколько выше къ Ново-Московской дорогѣ.

Сколько людей имѣлъ съ собою самозванецъ по выходѣ изъ Берды можно сказать только приблизительно, такъ-какъ свѣдѣнія объ этомъ противорѣчатъ одно другому. Самъ Пугачевъ (Допр. стр. 31) не говоритъ о своихъ силахъ, а упоминаетъ только что взялъ съ собою 10 пушекъ. По словамъ Рычкова, изъ Берды вышло 2.000 человѣкъ съ 10 пушками. * Рейнсдорпъ же даетъ другія цифры. Въ сообщеніи князю Голицыну ** онъ пишетъ что съ Пугачевымъ ушла тысяча человѣкъ при 10 орудіяхъ, а позднѣе, во всеподданнѣйшемъ донесеніи, *** онъ показываетъ что пугачевцевъ была не одна, а три тысячи. Эта послѣдняя цифра, относясь къ позднѣйшему времени, заслуживаетъ бóльшаго вѣроятія.

Узнавъ о направленіи Пугачева, князь Голицынъ отрядилъ подполковника Бедрягу съ двумя баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами гусаръ и карабинеръ и 10 орудіями, **** приказавъ ему занять Переволоцкую.

Когда ночью на 25е марта пришло извѣстіе что шайка Пугачева показалась въ тринадцати верстахъ отъ Переволоцкой, по пути къ Новосергіевской, Бедрягѣ предписано было со всѣмъ отрядомъ идти къ Новосергіевской, а въ Переволоцкую отправленъ Архангелогородскаго карабинернаго полка полковникъ Ильинъ, которому дано два эскадрона карабинеръ, 100 человѣкъ егерей и 100 лыжниковъ. Рейнсдорпъ, съ своей стороны, занялъ Берду и Чернорѣченскую крѣпость и отправилъ для занятія Сакмарскаго городка тамошняго атамана Донскаго съ 50 казаками. Такимъ образомъ, на всемъ протяженіи отъ Новосергіевской крѣпости до Сакмарскаго городка, войска наблюдали за пугачевцами. Пугачевъ изъ Берды пошелъ на Сорочинскую крѣпость. Его вѣрный товарищъ Овчинниковъ, успѣвшій спастись изъ Татищевой, бѣжалъ къ Яицкому городку, но узнавъ о движеніи Пугачева, самъ пошелъ въ ту же сторону. Обѣ партіи пугачевцевъ надѣялись

* Сочиненіе Пушкина т. VI, стр. 472.

** Отъ 24го марта 1774 года. Дѣло № 104 (А).

*** Отъ 8го апрѣля 1774, тамъ же.

**** Соч. Пушкина т. VI, стр. 495.

Digitized by Google

соединиться, но это имъ не удалось: разъѣзды князя Голицына открыли шайку Овчинникова.

„Пошли мы черезъ степь на Сорочинскую крѣпость, говоритъ Пугачевъ,—не дошедъ до оной верстъ за 40, усмотрѣли впереди себя Голицынской команды лыжниковъ, и опасаясь чтобы не попасть опять на него, возвратились назадъ и пошли на Каргалу.“ (Допр. стр. 31.)

Овчинниковъ, пытавшійся въ это время пройти черезъ Самарскую линію, былъ отбитъ войсками вышедшими изъ Новосергіевской и Сорочинской крѣпостей; разбитый—онъ ушелъ къ Яицкому городку, бросивъ Илецкій городокъ, Озерную и Разсыпную. *

„Направляясь въ Каргалу, Пугачевъ послалъ къ князю Голицыну указъ, чтобъ онъ одумался противъ кого воюетъ, напоминая ему отца и дѣда, предкамъ якобы моимъ, службу“. ** Отъ такого посланія, разумѣется, успѣха ждать было невозможно; не слишкомъ надѣялся онъ и на свои средства, и хотя намѣревался удержаться на Сакмарѣ, но на случай неудачи, заранѣе думалъ бѣжать далѣе въ Башкирію, куда онъ разослалъ указы, призывая къ себѣ на помощь Башкирцевъ. ***

---

* Пушкинъ (см. его сочиненія т. VI, стр. 70) такъ описываетъ бѣгство мятежниковъ: „Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: спасайтесь, дѣтушки! все пропало!—Они наскоро перевязывали свои раны, и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей.“ Эта живописная картина не согласна съ истиной и фактами приведенными самимъ Пушкинымъ. Хорватъ во время боя 22го марта подъ Татищевой занялъ Оренбургскую дорогу, а слѣдовательно не могъ преслѣдовать Пугачева въ противную сторону, по дорогѣ къ Яику. На стр. 67 Пушкинъ говоритъ что Хорватъ преслѣдовалъ самого Пугачева отъ самой Татищевой, и это дѣйствительно было такъ. Генералъ Мансуровъ вышелъ изъ Татищевой къ Яицкому городку только 4го апрѣля, когда Пугачевъ былъ окончательно уже разбитъ подъ Каргалой. Преслѣдованія внизъ по Яику почти не было, и бѣжавшіе Пугачевцы, спасаясь къ Яицкому городку, если и были подгоняемы, то собственнымъ страхомъ.

** Допросъ Пугачева.

*** Допросъ Пугачева, стр. 31.

Digitized by Google

Они охотно откликнулись на его предложеніе и многіе изъ нихъ прибыли въ его лагерь. Башкирскіе старшины: Кинзей и Канзафаръ обѣщали набрать, на первый случай, до пяти тысячъ вооруженныхъ Башкиръ. *

Возвращеніе Пугачева въ Каргалу 26го марта было совершенно неожиданно. Передовые люди его шайки въ числѣ 80 или 100 человѣкъ съ четырьмя значками, вступили въ нее въ то время, когда въ ней находился разъѣздъ высланный изъ Сакмарскаго городка тамошнимъ атаманомъ Донскимъ. Пугачевцы ранили и захватили одного казака изъ разъѣзда, а другой, братъ Донскаго, успѣлъ спастись хитростью. Повязавъ себѣ лицо платкомъ чтобъ его не узнали, онъ началъ скакать по улицамъ и смѣшавшись съ прочими пугачевцами успѣлъ уѣхать и дать знать о происшествіи въ Сакмарскій городокъ.

Занявъ Каргалу, Пугачевцы освободили бывшихъ тамъ связанными своихъ сообщниковъ, которые получивъ свободу, съ позволенія самозванца перекололи семерыхъ старшинъ и Татаръ и сожгли два ихъ дома. Оставивъ въ Каргалѣ 500 человѣкъ съ сотникомъ Тимоѳеемъ Мясниковымъ, Пугачевъ пошелъ на Сакмарскій городокъ, но уже не засталъ тамъ атамана Донскаго.—Тотъ, не говоря своей командѣ о возвращеніи въ Каргалу мятежниковъ, объявилъ что идетъ на встрѣчу князю Голицыну и поскакалъ на Чернорѣченскую крѣпость, а оттуда черезъ Масловскіе рудники благополучно по Яику дошелъ до Оренбурга на 28е число ночью.

Посланная погоня за Донскимъ не настигла его, но захватила на дорогѣ отца его. Пугачевъ приказалъ повѣсить старика, за то что тотъ прежде служилъ ему, а теперь измѣнилъ. Старикъ Донской дѣйствительно оставался въ Сакмарскомъ городкѣ во время занятія его пугачевцами, и въ началѣ мятежа находился при встрѣчѣ самозванца. Пробывъ два дня въ Сакмарѣ, мятежники въ числѣ отъ 800 до 1.000 человѣкъ произвели нечаянное нападеніе на Берду. Бывшая въ ней небольшая команда, высланная изъ Оренбурга, была захвачена; спасся только ея начальникъ капитанъ Суринъ. Спаслась тоже бо́льшая часть квартирьеровъ изъ отряда полковника Хорвата. Слобода была разграблена и многіе увезены въ Каргалу.

* Показаніе Горшкова и Подурова, 2го апрѣля 1774 года. Дѣло подъ № 26.598, стр. 173.

Съ Пугачевымъ было немного Яицкихъ казаковъ, болѣе же было Каргалинскихъ Татаръ и Башкирцевъ, были также Сакмарскіе казаки и нѣсколько Калмыковъ. Захватъ Берды показываетъ что Рейнсдорпъ не умѣлъ распорядиться ея занятіемъ, между тѣмъ какъ имѣлъ для этого всѣ средства.

Онъ продолжалъ еще находиться въ томъ парализованномъ состояніи въ какомъ былъ во все время осады Оренбурга. Въ оправданіе свое онъ отдалъ приказъ, въ которомъ говорилъ что Пугачевъ прокрался въ Берду незамѣтно, пользуясь туманомъ. Рычковъ, упоминая объ этомъ, прибавляетъ: „могло статься что въ оной слободѣ былъ туманъ; но въ городѣ во весь сей день никакого тумана не было". 29го марта послана была изъ Оренбурга команда для вывоза запасовъ и разузнанія о Пугачевѣ; оказалось что онъ былъ въ Каргалѣ.

Въ тотъ же день занялъ Берду полковникъ Хорватъ. Не рѣшаясь напасть и атаковать пугачевцевъ, которыхъ съ собравшимися къ нимъ Каргалинскими Татарами, Калмыками и Башкирцами было до 4.000 человѣкъ, * онъ донесъ о томъ князю Голицыну и остался выжидать соединенія съ главными силами.

Оставивъ въ Татищевой крѣпости генералъ-майора Мансурова съ тремя баталіонами пѣхоты и пятью эскадронами кавалеріи, князь Голицынъ произвелъ 30 марта форсированный переходъ къ крѣпости Чернорѣченской. 31го марта, отправивъ отрядъ далѣе въ Берду, князь Голицынъ съ генералъ-майоромъ Фрейманомъ, полковниками: княземъ Долгоруковымъ и Бибиковымъ и нѣкоторыми другими штабъ- и оберъ-офицерами пріѣхалъ въ Оренбургъ. Со слезами на глазахъ и особою радостью встрѣчало своего избавителя истощенное населеніе Оренбурга.

„Отобѣдавъ—говоритъ Рычковъ—въ назначенной ему квар„тирѣ въ домѣ директора Твердышева, съ г. губернаторомъ,

---

* Донесеніе генералъ-аншефа Бибикова отъ 7го апрѣля 1774 года. Дѣло № 104 (А). Пугачевъ на своихъ допросахъ показалъ (стр. 31 и 32) что у него въ Каргалѣ было 500 человѣкъ и въ Сакмарскомъ городкѣ примѣрно 2.000 человѣкъ. По свидѣтельству Рычкова, въ селѣ Ташлѣ—на рѣкѣ того же имени, находилось тысячи полторы или двѣ Башкирцевъ (соч. Пушкина т. VI стр. 497), а всего у Пугачева будто бы было до 5.000 человѣкъ.

Digitized by Google

„послѣ стола помѣшкавъ тутъ немного“, князь Голицынъ отправился въ Берду, взявъ съ собою изъ города нѣсколько пѣхоты, эскадронъ легкихъ драгунъ и до 300 чел. Яицкихъ и Оренбургскихъ казаковъ посаженныхъ на лошадей, принадлежащихъ офицерамъ его отряда *. Такою мѣрой усиливъ себя кавалеріей, князь Голицынъ намѣренъ былъ атаковать Пугачева.

Окрестности Каргалинской слободы, въ которыхъ пришлось сражаться съ Пугачевымъ, были чрезвычайно удобны для обороны, представляя на каждомъ шагу превосходныя позиціи. Губерлинскія горы, отдѣляя отъ себя отрасль къ западу между рр. Яикомъ и Сакмарой, оканчиваются близь устья послѣдней крутыми разорванными горами, изъ которыхъ самая крайняя носитъ названіе Гребеней. Чрезъ эти-то Гребени, имѣющіе множество узкихъ дефилей, и слѣдовало идти наступающему отряду.

Въ ночь на 2е апрѣля, отрядъ князя Голицына, предшествуемый авангардомъ полковника Бибикова, въ трехъ колоннахъ, вышелъ изъ Берды.

Подойдя къ Каргалѣ, авангардъ открылъ что она была занята не всѣми силами пугачевцевъ, какъ предполагали, а только небольшою командой. Это былъ Тимоѳей Мясниковъ съ 500 казаковъ. Но вслѣдъ за прибытіемъ къ Каргалѣ авангарда Бибикова, подошелъ туда, съ другой стороны, самъ Пугачевъ съ остальными своими людьми и 6ю пушками. На единственной удобной для движенія черезъ горы дорогѣ, была выстроена непріятельская батарея, открывшая огонь; толпы пугучевцевъ собирались въ значительныхъ силахъ, и Чугуевскимъ казакамъ, бывшимъ впереди подъ командой ротмистровъ Тутомлина и Гончарова, стоило большихъ усилій сдерживать ихъ атаки до прибытія пѣхоты.

Овладѣть батареей приказано было сводному баталіону гвардіи капитанъ-поручика Толстаго и баталіону изъ легкихъ полевыхъ командъ подполковника Аршиневскаго. Баталіоны храбро пошли впередъ. „Пугачевъ не вытерпѣлъ и принужденъ былъ отступить“ (Допр., стр. 32). Полковникъ Хорватъ съ тремя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и однимъ эскадрономъ Архангелогородскихъ карабинеръ, преслѣдовалъ Пугачева, который, выйдя изъ Каргалы, отступалъ безостановочно три версты до

---

* Донесеніе ген.-ан. Бибикова отъ 7го апрѣля 1774 года. Дѣло № 104 (А); Рычковъ показываетъ то же.

Digitized by Google

пильной мельницы, лежащей на правомъ берегу р. Сакмары, между Каргалой и Сакмарскимъ городкомъ. Здѣсь онъ занялъ сильную позицію, и Хорватъ остановился въ ожиданіи слѣдовавшаго за нимъ баталіона капитанъ-поручика Толстаго.

Выступивъ слѣдомъ за Толстымъ, князь Голицынъ приказалъ полковнику Бибикову занять высоту лежавшую на лѣвой сторонѣ дороги и командовавшую пильною мельницей. Подошедшая пѣхота атриллеріей своею выбила непріятеля изъ послѣдней его позиціи, „и толпа моя, говоритъ Пугачевъ, не вытерпя побѣжала. А какъ я вижу то что устоять было не можно, поскакалъ напередъ; а какъ толпа увидѣла что я не стою, то и они за мною послѣдовали и такъ всѣхъ въ догонку разбили. А я бѣжалъ со 100 человѣками Яицкихъ казаковъ, да Башкиръ ста три, въ Башкирію.“ (Доп., ст. 32).

Восемь верстъ преслѣдовали его полковникъ Хорватъ и старшина Бородинъ съ вѣрными Яицкими казаками и вслѣдъ за нимъ скакали съ своими гусарами и казаками въ Сакмарскій городокъ.

Пугачевъ потерялъ 2.800 чел. плѣнными, 400 чел. убитыми, 9 орудій. По собственному его показанію у него осталось до 400 чел.; главнокомандующій же доносилъ что Пугачевъ, имѣя въ Сакмарскомъ городкѣ „готовыхъ лошадей къ побѣгу, подхватя четырехъ заводныхъ, бѣжалъ по дорогѣ къ Пречистенской“ *.

Князь Голицынъ одержалъ эту вторую надъ Пугачевымъ побѣду безъ всякой почти потери въ своемъ отрядѣ; у него ранено шестеро гусаръ и два казака, всего восемь; лошадей убито 9 и ранено 9.

Въ числѣ плѣнныхъ, побѣдителямъ достался любимецъ

* Дон. ген.-анш. Бибикова 7го апрѣля 1774 года. Сраженіе при Каргалѣ описано нами на основаніи донесенія генералъ-аншефа Бибикова и сходнаго съ нимъ разказа Рычкова. Есть другой разказъ въ „запискѣ Пекарскаго“ (*Москвитянинъ* 1864 года № 6, стр. 438—468); но какъ въ этой запискѣ есть нѣкоторыя неточности (напримѣръ увѣреніе что Пугачевъ казненъ въ Оренбургѣ, что Хлопуша взятъ въ Каргалѣ 2го апрѣля и пр.), то мы не взяли его въ соображеніе. Изъ него однако можно привести, какъ кажется достовѣрное извѣстіе, что Пугачевъ спасаясь бѣгствомъ изъ Сакмарскаго городка велѣлъ на дорогѣ поставить повозки своего обоза. Солдаты, увидя ихъ, стали будто бы дѣлить богатство самозванца и тѣмъ дали ему время уйти.

Digitized by Google

Пугачева оренбургскій казачій сотникъ и депутатъ Подуровъ и Яицкій казакъ Максимъ Горшковъ, исправлявшій должность секретаря.

Оба плѣнника были допрошены въ тотъ же день. Показанія ихъ однако не могли быть искренни и не заключали въ себѣ ничего новаго *.

По ихъ словамъ, Пугачевъ, разбитый подъ Татищевой и опрокинутый съ дороги на Яикъ, хотѣлъ было идти въ Башкирію подъ Уфу. Башкирцы всегда давали ему хорошую поддержку, и старшины ихъ Казнаферъ и Кинзей, приглашая къ себѣ Пугачева, обѣщали выставить на первый разъ до пяти тысячъ воиновъ. Однако извѣстіе объ освобожденіи Уфы и выдачѣ Чики войскамъ Михельсона измѣнило этотъ планъ. Пугачевцы рѣшились переждать распутицу и по просухѣ идти за Гурьевъ городокъ на Эмбу рѣку, или въ Астрабадъ. Очевидно что ближайшіе совѣтники самозванца растерялись и не знали на чемъ остановиться.

Что касается до положенія пугачевцевъ въ различнымъ мѣстностяхъ взволнованнаго края, то изъ показаній Подурова можно было извлечь слѣдующее:

1) Въ Илецкой провинціи, подъ Челябой и далѣе къ Екатеринбургу, было 8.000 чел. при 25 оруд., подъ начальствомъ старшинъ: Грязнова и Аники Еруслапова. Всѣ крѣпостцы этого края были въ рукахъ пугачевцевъ.

2) Около Кизильской крѣпости находилось сотъ до пяти Башкирцевъ, далѣе же по линіи къ Орской крѣпости и Озерной было свободно.

3) Въ Илецкой Защитѣ, при двухъ пушкахъ и небольшомъ числѣ пороху, оставлены были Хлопушей Оренбургскіе городовые и своекоштные казаки и баталіонные солдаты — много ли человѣкъ не знаютъ. Тамъ же были и ставропольскіе Калмыки.

4) Въ Илецкомъ городкѣ при атаманѣ Овчинниковѣ находилось съ тысячу человѣкъ разнаго званія людей.

5) Въ Яицкомъ городкѣ—1.000 ч. и 10 орудій при атаманѣ Каргинѣ.

---

* Показаніе снято съ одного Подурова; Горшковъ во всемъ подтвердилъ объясненіе своего товарища. Показаніе это находится въ дѣлѣ № 104 (А).

6) Кочующіе Калмыки въ числѣ 300 ч. стояли на Гусихѣ и нѣкоторые изъ нихъ были въ сраженіи подъ Каргалой, прочіе же оставались въ своихъ кочевьяхъ.

7) Отъ Киргизскаго хана ожидали до 500 ч. вспоможенія, но они не приходили и будутъ ли неизвѣстно. Присылка ихъ была обѣщана Пугачеву во время пребыванія въ Бердѣ ханскаго сына.

Пугачевъ, разбитый на голову подъ Каргалой, бѣжалъ въ Башкирію. Князь Голицынъ зналъ что въ Башкиріи самозванца ожидаютъ союзники; Подуровъ и Горшковъ говорили объ этомъ положительно. Необходимость неотступнаго преслѣдованія была очевидна, но князь Голицынъ не понялъ этого и нерѣшительностью своихъ послѣдующихъ дѣйствій далъ Пугачеву время собраться вновь съ силами.

Генерала Фреймана съ 600 чел. пѣхоты, 10 орудіями, 3 эскадронами гусаръ, ротой Чугуевскихъ и 100 Яицкихъ казаковъ * князь Голицынъ направилъ по Уфимской дорогѣ на пристани Бугульчанскую и Стерлитамацкую и далѣе къ пригороду Табынску; ему поручено было слѣдить за Пугачевымъ и дѣйствовать съ своимъ отрядомъ сообразно съ обстоятельствами.

По Московской дорогѣ отправленъ подполковникъ Аршиневскій съ баталіономъ пѣхоты изъ легкихъ полевыхъ командъ, четырьмя пушками, эскадрономъ Изюмскаго и эскадрономъ Бухмутскаго гусарскихъ полковъ и 50 Оренбургскими казаками. Подполковникъ Аршиневскій подчиненъ былъ главному начальству генерала Фреймана; имъ же должны были содѣйствовать: полковникъ Шепелевъ съ Санктпетербургскимъ карабинернымъ полкомъ со стороны Московской дороги и полковникъ Толстой изъ Бугуруслана съ коннымъ корпусомъ казанскаго дворянства.

Михельсону предложено было по освобожденіи Уфы идти къ Челябѣ, гдѣ стоялъ генералъ-поручикъ де-Колонгъ, имѣвшій оттуда дѣйствовать противъ Пугачева, отрѣзавъ ему путь въ Сибирь.

Для поданія передовымъ частямъ скорѣйшей помощи поставленъ отрядъ полковника князя Оболенскаго въ Сакмарскомъ городкѣ, а для воспрепятствованія Пугачеву пробраться къ Яицкому городку по верховьямъ Сакмары чрезъ Красно-

* Лѣтопись Рычкова, соч. Пушкина т. VI., стр. 502.

Digitized by Google

горскую дистанцію, высланъ былъ по тракту на крѣпости Пречистенскую и Красногорскую капитанъ Ивановичъ съ эскадрономъ Изюмскихъ гусаръ, ротой Чугуевскимъ и десятью человѣками Яицкихъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ отправленіемъ въ Башкирію войскъ, посланы были туда объявленія князя Голицына, призывавшія мѣстное населеніе къ спокойствію и изъявленію покорности; всѣмъ раскаявшимся обѣщалось полное прощеніе императрицы и особая ея милость тѣмъ которые успѣютъ захватить самозванца и представятъ его правительству; жителямъ объяснялось что они обмануты бунтовщиками и что если не раскаятся, то подвергнутся неминуемой и конечной погибели.

Для освобожденія Яицкаго городка князь Голицынъ послалъ генералъ-майора Мансурова съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты и пяти эскадроновъ кавалеріи.

Почти одновременно съ освобожденіемъ Оренбурга, Михельсонъ освободилъ Уфу.

Оборона Уфы отъ шаекъ Чики и Губанова составляетъ одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ эпизодовъ пугачевщины. Въ числѣ весьма не многихъ городовъ, Уфа не поддалась мятежникамъ. Благодаря благоразумію и взаимному согласію мѣстныхъ властей, порядокъ и единодушіе не оставляли граждалъ въ теченіе всей четырехмѣсячной блокады, и многочисленныя сколища пугачевцевъ, нерѣдко доходившія до 20.000 человѣкъ, не только не могли ничего сдѣлать городу, но иногда и сами терпѣли пораженія отъ его защитниковъ.

Оборона Уфы показываетъ что пугачевщина не была страшна тамъ гдѣ власти не теряли головы, а умѣли выказать достаточную энергію и благоразумными распоряженіями пріобрѣсти къ себѣ общее довѣріе. По всей справедливости, эпизодъ этотъ слѣдуетъ поставить на ряду съ защитой Царицына противъ Пугачева, а потому необходимо описать его по возможности подробно, чтобы можно было отдать должную справедливость доблестнымъ его защитникамъ и убѣдиться что нестройныя толпы мятежниковъ могли имѣть успѣхъ лишь тамъ гдѣ не умѣли дать имъ отпора и гдѣ заранѣе уже все было повержено въ панику отъ однихъ только слуховъ о приближающейся грозѣ.

Уфа занимаетъ весьма крѣпкую позицію въ углу образуе-

Digitized by Google

момъ колѣномъ рѣки Бѣлой, немного ниже владенія рѣки Уфы. Нагорные правые берега этихъ рѣкъ образуютъ какъ бы полуостровъ, изрытый многими оврагами и послужившій для заложенія города. Уфа построена въ 1574 году бояриномъ Иваномъ Нагимъ, высланнымъ для этого изъ Москвы съ отрядомъ стрѣльцовъ. Постройка новаго города была предпринята для защиты тѣхъ мѣстъ отъ набѣговъ Киргизъ-Кайсаковъ и Нагайцевъ и для ближайшаго наблюденія за Башкирцами испросившими себѣ дозволеніе являться съ ясакомъ не въ Казань, а въ Уфу.

Крутые берега Бѣлой и Уфы защищали городъ съ востока и юго-запада, а съ сѣвера онъ примыкалъ къ огромнымъ лѣсамъ. Деревянный кремль окружалъ городъ. Въ послѣдній разъ предъ описываемою нами эпохой, кремль былъ исправленъ около 1735—1739 годовъ, и въ то же время, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ города, между обѣими рѣками, проведенъ былъ ровъ съ валомъ и острогомъ, что̀ и называлось „засѣкою"; на дорогѣ выстроена была деревянная башня для постояннаго караула. Къ 1773 году все это было въ самомъ запущенномъ видѣ.

Послѣ появленія Пугачева подъ Оренбургомъ, Уфа не долго пользовалась спокойствіемъ. Башкирцы принявшіе сторону самозванца, цѣною своей помощи, требовали уничтоженія Оренбургской губерніи и всѣхъ связанныхъ съ нею учрежденій, а потому не могли спокойно глядѣть и на Уфу, которая раздѣляла съ Оренбургомъ власть надъ краемъ. Партіи Башкирцевъ стали появляться въ разныхъ мѣстахъ около Уфы, но ничего еще противъ нея не принимали. Наконецъ нашелся болѣе близкій поводъ къ обращенію вниманія мятежниковъ на Уфу. Въ Оренбургѣ, на очередной службѣ, находился уфимскій уроженецъ казачій капралъ *Губановъ.* Перейдя на сторону Пугачева, онъ указалъ ему на выгоды овладѣнія Уфою, объясняя что имѣетъ въ городѣ связи и разчитываетъ на успѣхъ предпріятія. Получить согласіе самозванца было не трудно, и Губановъ съ чиномъ полковника отправился воевать Уфу.

Во всѣ башкирскія волости, по приказанію самозванца, разосланы были воззванія, требовавшія выставить съ каждаго двора по одному вооруженному воину. За исполненіе этого приказанія обѣщалось благоволеніе мнимаго императора.

Digitized by Google

По этому зову къ Уфѣ стали являться Башкирцы, заводскіе и помѣщичьи крестьяне. Первая значительная партія Башкирцевъ пришла 24го ноября 1773 года и заняла дер. Чесноковку, лежащую за р. Бѣлой, въ десяти верстахъ противъ города. 26го ноября схваченъ былъ пугачевцами выставленный изъ города пикетъ и по всѣмъ окрестнымъ дорогамъ начали останавливать и грабить всѣхъ проѣзжающихъ. * Въ тотъ же день Башкирцы подъѣзжали къ городу и требовали сдачи; имъ не отвѣчали. Съ этого дня началась дѣйствительная блокада города.

По всѣмъ окрестностямъ Уфы разъѣзжали пугачевцы, грабя помѣщичьи дома и приводя къ присягѣ крестьянъ. Каждому изъ присягнувшихъ приказывали имѣть на рукѣ бѣлую повязку; знакъ этотъ обезпечивалъ отъ притѣсненій со стороны мятежниковъ. Всѣмъ крестьянамъ строго было запрещено давать подводы разнымъ посланцамъ въ Уфу, а самихъ посланцевъ велѣно задерживать и доставлять въ Чесноковку. Этими мѣрами дѣйствительно были прекращены всякія сношенія Уфы съ окрестностями, и началась блокада города. Измѣна проникла даже и къ городовымъ казакамъ ближайшихъ къ Уфѣ укрѣпленій. Такъ изъ пригорода Бирска воевода, премьеръ-майоръ Моисеевъ, долженъ былъ бѣжать за Каму въ с. Каракулино, а въ крѣпости Бакалинской казаки посадили своего атамана Еремкина на цѣпь, за то что онъ оставался вѣрнымъ правительству. Воевода Нагайбацкой крѣпости, капитанъ Рушинскій, выступилъ было съ своими казаками на помощь Уфѣ, но черезъ день принужденъ былъ возвратиться—казаки не шли далѣе. Такимъ образомъ Уфа не могла надѣяться на скорую помощь и была предоставлена собственнымъ силамъ. 30го ноября подъ Уфу къ Башкирцамъ прибылъ Губановъ, а 7го декабря съ своею толпой подъѣзжалъ къ городу, требуя сдачи императору Петру Ѳедоровичу.

Для переговоровъ съ Губановымъ высланы были зять его, казачій сотникъ Пименовъ и сынъ, писарь Михаилъ Губановъ. Имъ приказано было разузнать о силахъ пугачевцевъ и объ-

* Промеморія Уфимской канцеляріи въ Исецкую канцелярію съ просьбою о помощи. (Кн. 2, стр. 204.) О занятіи Чесноковки 24го ноября есть въ той же книгѣ на стр. 347 донесеніе командира Бирска премьеръ-майора Моисеева въ Мензелинскую воеводскую канцелярію. Чесноковка была обычнымъ мѣстомъ для башкирскихъ съѣздовъ.

Digitized by Google

явить имъ „что начальство и жители, признавая самозванца злодѣемъ, желаютъ защищаться въ сохраненіе присяги и въ защиту отечества до послѣдней капли крови." Посланцы, исполнивъ порученіе, возвратились и донесли что къ осаждающимъ ожидается прибытіе изъ Бедры графа Чернышова, такъ назывался яицкій казакъ Иванъ Чика, и яицкаго полковника Ильи Ульянова. Дѣйствительно, 10го декабря Чика прибылъ въ Чесноковку, привезя съ собой семь пушекъ.

Въ лагерѣ пугачевцевъ съ самаго начала обнаружилась неурядица. Губановъ былъ недоволенъ прибытіемъ Чики, а Чика подозрительно глядѣлъ на смѣлаго товарища. Они рѣшили разойтись; Чика остался при главномъ начальствованіи и въ Чесноковкѣ, а Губановъ перешелъ на сѣверную сторону Уфы и занялъ село Богородское. Ульяновъ сталъ въ сел. Красномъ Ярѣ. Такое расположеніе мятежниковъ было необходимо для блокады города, но еще болѣе оно отвѣчало личнымъ видамъ Чики и Губанова и потому въ послѣдствіи сдѣлалось выгоднымъ для города. Командиры пугачевцевъ, враждуя между собою, не дѣлали одновременныхъ нападеній на городъ, а каждый хотѣлъ выбрать удобную для себя минуту и нападалъ не сносясь съ товарищемъ, у котораго хотѣлъ отнять славу овладѣнія городомъ. Кромѣ того, Губанову было передано изъ города что его семейство находится подъ постояннымъ наблюденіемъ и непремѣнно будетъ повѣшено въ ту минуту когда городъ, видя невозможность сопротивленія, впуститъ мятежниковъ. Угроза эта, кажется, имѣла свое вліяніе.

Въ день прибытія Чики, успѣлъ пробраться въ Уфу курьеръ оренбургскаго губернатора, оренбургскій казачій урядникъ Билтюковъ. Генералъ Рейнсдорпъ писалъ чтобы комендантъ и провинціальная канцелярія всячески защищали городъ, что о семъ приказаніи имъ сообщено императрицѣ, а ими должно быть объявлено жителямъ всенародно. Уфимскій соборъ наполнился горожанами; туда же собрались всѣ мѣстныя власти и духовенство. Послѣ молебна, прочтено было предложеніе губернатора. Чтеніе это вызвало необыкновенный энтузіазмъ между собравшимися. Съ воплемъ и слезами всѣ поклялись защищаться до послѣдней крайности и съ такимъ отвѣтомъ отправили Билтюкова обратно.

Жители вѣрно исполнили данную клятву и дѣятельно принялись защищать городъ. Комендантомъ Уфы былъ въ это время полковникъ Сергѣй Степановичъ Мясоѣдовъ, а воеводой

Digitized by Google

Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ. Имъ обоимъ принадлежитъ честь руководства общими приготовленіями. Въ Уфѣ почти не было войскъ; всего въ ней находилось штатная команда, рота инвалидовъ, 200 казаковъ, 20 канонировъ и 40 орудій. Команда эта поручена была капитану (потомъ майору) Кузмѣ Пасмурову. Молодые купцы и мѣщане, по предложенію купца Ивана Игнатьевича Дюкова, составили подъ его начальствомъ городовую дружину изъ 150 человѣкъ смѣлыхъ людей, рѣшившихся дѣйствовать наравнѣ съ войсками. Всѣ бывшіе въ городѣ отставные солдаты и казаки призваны на службу; мало того, для общаго дѣла изъявили желаніе нести службу по указанію властей всѣ жители, отъ 15 до 70 лѣтняго возраста. Число всѣхъ защитниковъ Уфы дошло до 2.664 чел. Немногочисленность людей дополнялась отличнымъ ихъ духомъ и твердою рѣшимостью не поддаваться врагамъ. Значительная артиллерія до 40 орудій была раздѣлена на пять батарей: четыре мѣстныхъ и одну подвижную для подачія помощи, въ случаѣ надобности, болѣе угрожаемому пункту. Одна батарея изъ 6 орудій стала противъ Бѣлой, на самой сопкѣ Усольскихъ горъ; вторая, въ 12 орудій, на берегу этой рѣки при устьѣ безыменнаго ручья; третья батарея на горѣ, гдѣ теперь архіерейскій домъ, и наконецъ четвертая, изъ 8 орудій, на сѣверной сторонѣ города противъ Губанова. Подвижная батарея изъ четырехъ орудій расположена была на торговой площади, у собора. По всѣмъ мѣстамъ размѣщены были и люди, а сто человѣкъ солдатъ и городовая дружина Дюкова составили особый резервъ подъ командой майора Николая Пекарскаго. Однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ защитѣ города оказалось крѣпкое его положеніе и теченіе рѣки Бѣлой. На всемъ пространствѣ отъ Золотухи (сопка на юго-восточной сторонѣ города) до горъ гдѣ нынѣ стоитъ архіерейскій домъ, пространство которое, какъ мы видѣли, защищалось тремя батареями, расчищаемы были полыньи во льду р. Бѣлой и такимъ образомъ образовалась естественная преграда, дѣлавшая невозможнымъ доступъ къ городу со стороны рѣки.

Обложеніе Уфы наступило столь неожиданно что жители и мѣстное дворянство, укрывшись въ городѣ, не имѣли возможности заготовить продовольствіе какъ для себя, такъ и особенно для скота. Необходимо было запастись сѣномъ. По просьбѣ жителей, городскія власти разрѣшили произвести вылазку на сосѣдніе луга. Множество собравшихся жителей, въ

Digitized by Google

томъ числѣ женщинъ, отправились изъ города въ 7 часовъ утра 12го декабря, подъ прикрытіемъ военной команды съ одною пушкой. Какъ только жители разъѣхались на лыжахъ за сборомъ сѣна, Чика бросился на нихъ, „привелъ въ утороплевіе", и успѣлъ захватить въ плѣнъ троицкаго священника Илью Иванова и 50 человѣкъ разнаго званія и пола людей. Сверхъ того три человѣка убито и семь ранено. Плѣнныхъ представили Чикѣ. Онъ приказалъ сперва обыскать ихъ, а потомъ съ завязанными глазами отвести въ тюрьму, чтобы на другой день повѣсить. Этого однако не случилось, и вмѣсто казни ихъ вновь привели къ мнимому графу Чернышову.

Чика былъ совершенно пьянъ и едва могъ говорить внятно. Полураздѣтый, босой, онъ сидѣлъ въ переднемъ углу избы, подъ образами и велъ бесѣду съ человѣкомъ немолодыхъ лѣтъ, полупьянымъ. Плѣннымъ объявили что они видятъ предъ собою его сіятельство графа Чернышова, близкаго человѣка батюшкѣ царю Петру Ѳедоровичу, который самъ находится съ войскомъ подъ Оренбургомъ, а къ нимъ прислалъ своего генерала потребовать сдачи города безъ гибели и кровопролитія. Чика самъ объяснилъ имъ что милуетъ ихъ и не велитъ казнить, но отпускаетъ въ городъ съ условіемъ: передать о видѣнномъ и слышанномъ и уговаривать коменданта и жителей исполнить волю царскую—покориться. Плѣнные обѣщали передать предложеніе мятежниковъ и получили дозволеніе возвратиться въ городъ, подъ угрозой быть повѣшенными если не передадутъ словъ атамана.

14го декабря изъ города увидѣли что плѣнные возвращаются. Ихъ окружили воинскою командой у самаго входа въ городъ и провели прямо въ канцелярію для спроса. Узнавъ что̀ было съ плѣнными и убѣдясь что между ними не оказалось людей прельщенныхъ мятежниками и готовыхъ возмущать жителей, городскія власти сдѣлали имъ увѣщаніе въ соборѣ и приведя къ присягѣ, отпустили домой.

Самозванный графъ Чернышовъ ожидалъ что его предложеніе черезъ плѣнныхъ произведетъ свое дѣйствіе на жителей, и они сдадутъ городъ. Прождавъ напрасно два дня, онъ самъ рѣшился ѣхать къ городу узнать объ отвѣтѣ. Взявъ съ собою „довольную толпу" и двѣ пушки, Чика подъѣхалъ къ городу въ 9 ч. утра 17го декабря и потребовалъ переговоровъ. Ему не отвѣчали. Распаленный злобой, Чика велѣлъ стрѣлять по городу; стали стрѣлять и изъ городскихъ пушекъ. Видя что

Digitized by Google

бывшихъ съ нимъ силъ мало, Чика отошелъ отъ города, разославъ во всѣ стороны гонцовъ за подкрѣпленіями для штурма Уфы.

Толпы собрались огромныя; всего было, какъ говорятъ, до 20ти тысячъ человѣкъ съ 23 орудіями. Эти силы Чика повелъ на приступъ города, въ 7 ч. утра 23го декабря. Противъ каждаго городскаго пикета явились непріятельскія партіи, и началась канонада по пикетамъ и городу. Городскія орудія дѣйствовали весьма успѣшно, и перестрѣлка продолжалась долгое время, не дозволяя мятежникамъ приближаться. Высмотрѣвъ малолюдство городскаго пикета, стоявшаго на концѣ Усольской улицы, пугачевцы собрались тамъ въ значительномъ числѣ, перевезли черезъ рѣку двѣ пушки и поставя ихъ на горѣ (по дорогѣ къ монастырю) начали обстрѣливать городъ. Горожане немедленно подкрѣпили атакованную часть людьми и артиллеріей, но не могли нанести существеннаго вреда атакующимъ стоявшимъ на хорошей позиціи. Оставалось захватить батарею обходомъ, на что̀ и вызвался отставной изъ дворянъ вахмистръ Дмитрій Аничковъ (онъ же Баталинъ). Пригласивъ съ собой двадцать хорошо вооруженныхъ людей и зная отлично мѣстность, онъ успѣлъ незамѣтно пробраться на правую сторону батареи и открылъ по ней ружейный огонь. Прислуга при пушкахъ частью была перебита, а частью со страхомъ бросилась бѣжать. Тогда Аничковъ съ своею командой кинулся на орудія и, быстро оборотя ихъ, ударилъ картечью по бѣгущимъ. Эту молодецкую выходку поддержали конные люди изъ города. Непріятель былъ отбитъ, оставя въ рукахъ побѣдителей двѣ мѣдныя пушки и много плѣнныхъ. Потери его убитыми тоже были значительны. Въ городѣ же оказалось только трое раненыхъ. Приступъ кончился въ три часа пополудни.

Хотя при этомъ штурмѣ Губановъ тоже вышелъ изъ села Богородскаго и появился въ виду города, „но отъ него сильнаго напора не было“; жители успѣли даже отхватить у него нѣсколько плѣнныхъ.

Одержанная побѣда ободрила защитниковъ Уфы и окончательно укрѣпила ихъ въ твердомъ намѣреніи защищаться отъ враговъ. Радость гарнизона и жителей была велика, всѣ стали сознавать собственныя силы. 24го декабря сдѣланъ былъ парадъ всѣмъ вооруженнымъ людямъ и отслужено благодарственное молебствіе. На другой день повторилось молебствіе, а за-

Digitized by Google

житочные жители взяли къ себѣ по нѣскольку вооруженныхъ людей „къ сдѣланію съ пріятелями веселаго времени". Пять бочекъ вина было отпущено изъ казны, „но при семъ возникшаго безпорядка не было слышно", какъ говоритъ мѣстная лѣтопись.

Плѣнные пугачевцы были увѣщеваемы отстать отъ заблужденія въ которое впали, но по большей части оставались непреклонными. Содержать ихъ въ городѣ считали не безопаснымъ; они могли распускать неблагонамѣренные слухи и даже подготовить возмущеніе. Продовольствіе ихъ тоже было затруднительно: припасовъ едва доставало и для жителей, а въ будущемъ, при продолженіи блокады, могъ случиться и голодъ. Рѣшено было отдѣлаться отъ плѣнныхъ посаженіемъ ихъ въ „тайную тюрьму". На льду рѣки Бѣлой выстроили избу, внутри которой вырубили ледъ, подъ самыя стѣны, такъ что вся внутренность была сплошною полыньей. Кто разъ переступалъ порогъ этой тайной тюрьмы, тотъ уже не возвращался болѣе. Большинство плѣнныхъ захваченныхъ во время блокады Уфы не избѣгли этой тюрьмы....

Неудача перваго приступа сдѣлала мятежниковъ осторожными. Они усилили блокаду, не дозволяя никому входить въ городъ и выходить изъ него, изрѣдка вели перестрѣлку, но городской покой не нарушали. Въ это же время сожгли они запасы сѣна бывшіе около города и позволили окрестнымъ жителямъ разграбить соляные магазины находившіеся въ пяти верстахъ отъ Уфы. Изъ города посылали иногда партіи для захвата солевозцевъ, у которыхъ выпытывали о намѣреніяхъ осаждавшихъ, но разумѣется этимъ путемъ узнавали немного; счастливые захваты солевозцевъ ободрили горожанъ къ высылкѣ своихъ подводчиковъ за овсомъ въ сосѣднія деревни. Обыкновенно жители условливались между собою такъ что хозяинъ подводы получалъ солому, а зерно шло подводчику. Такія посылки много разъ удавались.

Въ таборѣ пугачевцевъ въ селѣ Чесноковкѣ происходило безпросыпное пьянство. Вино, хлѣбъ, деньги, молодыя женщины и дѣвушки привозились изъ окрестностей, каждый разъ когда ихъ на мѣстѣ оказывалось недостаточно. Разгулу не было границъ.... Около квартиры Чики выставлены были двѣ висѣлицы; тамъ же, подъ наметомъ изъ соломы, хранились военные снаряды и орудія привозимыя мятежническими партіями съ сосѣднихъ заводовъ; казна спрятана была въ клѣти квартиры Чики, а

Digitized by Google

прочія награбленныя вещи—въ сараѣ около пушекъ. Донесенія къ Пугачеву посылались черезъ каждые два дня съ конными Башкирцами. Отвѣты самозванца читались всегда на улицѣ на общемъ сходѣ. Пристращавъ висѣлицей, Чика заставилъ было священника изъ Чесноковки служить обѣдни и молебны, поминая Петра Ѳедоровича, но священникъ скоро куда-то скрылся; скрылась также и большая часть чесноковскихъ крестьянъ съ семействами.

25го января Чика вновь пытался взять городъ штурмомъ. 22 тысячи мятежниковъ при 44 орудіяхъ, со всѣхъ сторонъ устремились на Уфу съ утреннею зарей. Набатъ призвалъ уфимскій гарнизонъ и жителей къ оружію. Какъ и въ первый разъ, дѣло ограничилось преимущественно канонадой, однако Губановъ успѣлъ было прорваться на Симбирскую улицу, а самъ Чика бросился по старому пути на Усольскую. Большая часть его людей не могла перейти полынью рѣки Бѣлой, но густою массой облегала городъ и прикрытая горой почти не имѣла потери отъ городской артиллеріи. Въ это время гарнизонный капралъ Ладыгинъ совершилъ замѣчательный подвигъ. Увидя что Чика въ глубокомъ снѣгу гуськомъ крадется къ Усольской улицѣ, Ладыгинъ съ двадцатью товарищами пробрался гумнами и ударилъ въ тылъ мятежникамъ. Говорятъ будто бы Ладыгинъ бросился самъ на Чику, подъ которымъ подстрѣлили лошадь, но былъ убитъ наповалъ. Охотники смѣшались, и Чика успѣлъ ускакать на казачьей лошади. Тѣмъ не менѣе мятежники отошли съ этой стороны, а Губанова еще прежде отбила городская дружина и гнала до самой засѣки.

На другой день послѣ отбитія втораго штурма въ городѣ было большое ликованье. Послѣ молебствія, войска окропили святою водой, а Ладыгина похоронили съ большою церемоніей. Нижнимъ чинамъ дали по стакану водки и по рублю денегъ, а капраламъ по полтора и по два рубля; для офицеровъ и чиновниковъ былъ большой обѣденный столъ у коменданта.

Испытавъ вторую неудачу, мятежники не отваживались болѣе дѣлать приступовъ къ городу до конца блокады, но за то ежедневно пріѣзжали массами къ городу и заводили перестрѣлку. Пріѣзды эти были производимы поочередно то Чикой, то Губановымъ, такъ что жители привыкли къ этой очереди, и одинъ разъ, 6го февраля, устроили Губанову засаду. Пославъ ему въ тылъ лыжниковъ, они командировали изъ города особую ко-

Digitized by Google

манду, которая, сдѣлавъ такіе же значки какіе были у мятежниковъ, выжидала ихъ появленія и выдавая себя за ихъ товарищей, криками предлагала издали напасть одновременно на городъ съ Сибирской дороги. Для подтвержденія обмана, изъ города по этой партіи стрѣляли холостыми пушечными выстрѣлами. Мятежники дались въ обманъ и на плечахъ предполагаемыхъ друзей прорвались черезъ Сибирскій пикетъ. Тутъ они увидѣли свою ошибку и встрѣченные выстрѣлами гарнизона бросились бѣжать, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ; къ сожалѣнію лыжники посланные въ обходъ не успѣли пресѣчь имъ отступленіе.

Съ тѣхъ поръ городъ не опасался болѣе мятежническаго нападенія, но тѣмъ не менѣе положеніе его съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Жизненные припасы вздорожали; пудъ ржи продавался по 1 руб. 20 k., а пшеницы по 1 р. 60 k. За возъ сѣна платили 2 р. и то доставали съ трудомъ; лошадей и скотъ продовольствовали преимущественно древесными вѣтвями. Солдаты и вооруженные граждане получали половинный паекъ. На всѣ просьбы о помощи къ Рейнсдорпу не получалось отвѣтовъ, и если энергія властей и большинства жителей не охладѣвала, то въ массѣ простаго народа сталъ уже слышаться ропотъ.

Между помѣщичьими крестьянами, бывшими въ городѣ, начались побѣги; 23го марта былъ первый побѣгъ изъ войска — бѣжалъ канониръ Нагаевъ. Время наступало критическое, но помощь была близка — Михельсонъ разбилъ злодѣевъ, и 25го марта во время заутрени, когда въ соборѣ шло богослуженіе при огромномъ стеченіи народа, явился въ соборъ армейскій офицеръ и объявилъ что мятежники разбиты и ночью бѣжали въ Табынскъ, куда за ними отправился Михельсонъ. Нечего описывать радость горожанъ, выдерживавшихъ четырехмѣсячную блокаду и начинавшихъ уже отчаиваться въ своемъ освобожденіи.

Освобожденіе Уфы было дѣломъ распорядительности генералъ-аншефа Бибикова. Для этой цѣли онъ избралъ родственника своего генералъ-майора Ларіонова, шефа Казанскаго дворянскаго корпуса. Кромѣ дворянскаго корпуса, Ларіонову дана была команда Томскаго полка (до 300 челов.), эскадронъ Архангелогородскихъ карабинеръ, 82 гусара и двѣ роты Чугуевскихъ казаковъ.

Отрядъ выступилъ 9го февраля 1774 года на Бугульму, а

Digitized by Google

оттуда „маршами своими показывать будетъ что и онъ идетъ къ Оренбургу Московскою дорогой, а потомъ обратится вдругъ въ лѣвую сторону къ Уфѣ, чтобъ освободить сей городъ отъ обложенія злодѣйскаго и поразить тамъ извѣстнаго такъ-называемаго графа Чернышова.“ *

Генералъ Ларіоновъ медленно подвигался впередъ и въ началѣ марта былъ въ Бугульмѣ. Край по которому онъ шелъ, хотя и былъ прежде усмиренъ дѣйствіями полковника Юрія Бибикова, но вслѣдъ за движеніемъ послѣдняго на соединеніе съ княземъ Голицынымъ, вновь пришелъ въ волненіе, и Башкирцы въ числѣ 3.000 человѣкъ занимали Бакалы и окружили Нагайбакъ, гдѣ находился майоръ Перскій съ 50ю вооруженными солдатами. По приближеніи отряда Ларіонова, Башкирцы оставили Нагайбакъ и перешли къ деревнѣ Стерлитомакъ ** на встрѣчу отряду. Ларіоновъ выслалъ впередъ часть дворянскаго корпуса и Чугуевскихъ казаковъ, а за ними пошелъ и самъ. Это происходило 8го марта 1774 года.

Башкирцы, будучи въ числѣ 1.500 человѣкъ, обратились въ бѣгство послѣ перваго выстрѣла. Дворянскіе эскадроны храбро ихъ преслѣдовали и отбили двѣ пушки. Говоря объ этомъ дѣлѣ, Ларіоновъ съ особою похвалой относился о командирѣ Чугуевскаго полка майорѣ Харинѣ, бывшемъ въ дѣлѣ съ двумя ротами своего полка. Башкирцы пошли къ Бакаламъ и за ними не торопясь пошелъ Ларіоновъ. Казалось бы послѣ перваго успѣха слѣдовало развить его, но вышло не такъ, и Ларіоновъ занявшись Башкирцами не дѣлалъ ничего рѣшительнаго и не шелъ къ Уфѣ.

„За грѣхи мои, писалъ Бибиковъ, *** братецъ мой, А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста двинуть не могу.“ Но замѣнить его было некѣмъ, и по необходимости пришлось оставить его начальникомъ отряда. Скоро однако обстоятельства перемѣнились: прибылъ изъ Царства Польскаго С.-Петербургскій карабинерный полкъ, въ которомъ служилъ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, извѣстный лично главнокомандующему съ Семи-

---

* Рапортъ Бибикова № 11; дѣло № 104 (А).

** Нынѣ дер. Стерлитомакова на рѣкѣ Икъ, въ 25 верст. отъ Нагайбака.

*** Соч. Пушк. т. VI, стр. 59.

Digitized by Google

лѣтней войны, за офицера дѣятельнаго и способнаго. * Ларіоновъ по болѣзни былъ смѣненъ и призванъ въ главную квартиру, начальство надъ вооруженнымъ дворянскимъ корпусомъ ввѣрено старшему по немъ полковнику Толстому, а остальныя войска вмѣстѣ съ частью С.-Петербургскаго полка поручены подполковнику Михельсону, которому и велѣно слѣдовать съ ними на освобожденіе Уфы.

Хотя въ частномъ письмѣ Бибиковъ заявилъ о неспособности генералъ-майора Ларіонова къ командованію отдѣльною частью, но въ донесеніи своемъ о раздѣленіи его отряда, главнокомандующій говоритъ о Ларіоновѣ: „Онъ по изъявленіи вашему императорскому величеству особливаго своего усердія при разбитіи злодѣевъ, пришедшихъ изъ-подъ Уфы великою толпой въ деревнѣ Стерлитомакѣ и при крѣпости Бакалахъ, командуя корпусомъ съ отмѣннымъ искусствомъ и благоразуміемъ, чѣмъ и окончилъ экспедицію почти сего корпуса, ** также заболѣлъ, почему и раздѣлилъ я сей корпусъ, поруча надъ другою частью команду подполковнику Михельсону.“ ***

Михельсонъ вступилъ въ командованіе отрядомъ 18го марта и тотчасъ же пошелъ къ Уфѣ. Противъ него, для преграждeнія пути, выслано было Чикой двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ и, разсѣя дорогой нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25го на разсвѣтѣ, пришелъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпой бунтовщиковъ съ двумя пушками. Майоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона, въ случаѣ

* Въ 1759 году поручикъ Михельсонъ, служа въ 3мъ мушкетерскомъ полку, раненый остался на полѣ сраженія и былъ спасенъ командиромъ своего полка Ал. Н. Бибиковымъ, подъ командой котораго вновь пришлось ему служить въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пугачева. Михельсонъ рано поступилъ въ военную службу и во время войнъ Семилѣтней, Турецкой и въ Польшѣ заслужилъ себѣ репутацію отличнаго боеваго офицера.

** Предъ этимъ Бибиковъ въ донесеніи говоритъ о своей болѣзни.

*** Дон. Бибикова отъ 7го апрѣля 1779 года № 19, дѣло подъ № 104 (А).

Digitized by Google

нападенія. 26го на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки, встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхомъ и, растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленные десятью пушками, пошли прямо ему на встрѣчу. Между тѣмъ открыли огонь изъ батареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на коней и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, бросивъ пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку была отражена и бѣжала къ Чесноковкѣ же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ 3.000 бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне были распущены по деревнямъ. Захвачено двадцать пять пушекъ и множество запасовъ. *

Чика и Ульяновъ успѣли бѣжать по дорогѣ къ Табынску. Михельсонъ, понимая что вся сущность дѣла заключалась въ настойчивомъ преслѣдованіи, послалъ въ Уфу офицера извѣстить гарнизонъ о разбитіи пугачевцевъ и объ освобожденіи города, а самъ направился въ Табынскъ. Тамъ Чикѣ не посчастливилось; онъ остановился ночевать у прикащика Богоявленскаго мѣдиплавильнаго завода. Тотъ, по совѣту жены, напоилъ Чику до пьяна и, связавъ, доставилъ къ войскамъ. Михельсонъ далъ 500 руб. смѣтливой женѣ прикащика.

4го апрѣля въ Уфу вступилъ Михельсонъ и былъ восторженно встрѣченъ жителями. Отрядъ его, по словамъ *Уфимской Лѣтописи*, состоялъ: изъ 4хъ ротъ Томскаго пѣхотнаго полка, 6ти ротъ карабинеръ С.-Петербургскаго полка, 4хъ ротъ

---

* Не имѣя подъ рукой никакихъ матеріаловъ для описанія движенія Михельсона къ Уфѣ, я вынужденъ былъ все вышеприведенное цѣликомъ взять изъ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина, т. VI. стр. 68—69. По разказу Пушкина, Михельсонъ разбилъ Чику 26го декабря, между тѣмъ въ *Уфимской Лѣтописи* положительно говорится что вѣсть объ освобожденіи города пришла во время заутрени 25го декабря, что̀ кажется вѣроятнѣе.

Digitized by Google

черныхъ гусаръ, 4хъ ротъ Изюмскаго полка, 2хъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ, роты егерей и 4хъ орудій. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Уфу прибылъ полковникъ Якубовичъ съ Малороссійскимъ казачьимъ полкомъ, и спокойствіе города болѣе не нарушалось. *

---

* Чика, Губановъ и Нагаевъ (бѣглый солдатъ) были казнены въ Уфѣ, а сподвижнику Чики, Яицкому казаку Ильѣ Ульянову, послѣ наказанія кнутомъ въ Москвѣ, вырвали ноздри и сослали на каторгу. О казни Губанова и Чики въ *Лѣт. Уфы* читаемъ слѣдующее: „Октября 19го (1774 года), по конфирмаціи Казанской секретной коммиссіе, вышеупомянутому злодѣйскому полковнику Губанову на здѣшней городской площади отрубили голову слѣдующимъ порядкомъ: того числа пополуночи въ 7 часовъ, по исполненіи исповѣди и св. причастія въ томъ мѣстѣ гдѣ находился подъ стражей (подъ старою соборною колокольней) священникомъ, изъ войска рота пѣшихъ солдатъ и рота казаковъ конныхъ явились къ стражѣ и составили фронтъ, а въ 9 часовъ, выведши преступниковъ изъ оной, съ возжженными восковыми свѣщами, держащими ихъ правыми руками, и при войскѣ и съ барабаннымъ боемъ выведены были на опредѣленное мѣсто, съ коими шествовалъ въ эпитрахили и духовникъ (троицкій священникъ Илья Ивановъ). По прибытіи ихъ читана была отъ онаго отходная, по окончаніи оной пробито въ барабанъ, а за симъ отъ секретаря (Ивана Черкашенова) объявлена и прочитана сентенція. По окончаніи всего онаго осужденные съ испрошеніемъ христіанскаго прощенія кланялись народу на всѣ четыре стороны, а какъ Губановъ имѣлъ родныхъ дѣтей, которые съ воли начальства подходили къ личному прощенію; по исполненіи сего, онъ положенъ былъ отъ палача на плаху внизъ лицомъ, и руки привязаны назадъ и учинена топоромъ публичная смерть; голова же отъ палача была поднята и объявлена предъ народомъ, а послѣ трупъ и съ головой поднятъ и положенъ на устроенномъ эшафотѣ, а по трехъ дняхъ преданъ землѣ."

„1775 года генваря 25го дня, по учиненіи въ Москвѣ надъ злодѣемъ Пугачевымъ 10го генваря смертной казни, часто упоминаемый его злодѣйственный сообщникъ графъ (sic) Чика, по привезеніи изъ Москвы на смертную казнь, которая учинена была такимъ образомъ: того же числа пополуночи въ 9 часовъ, по должномъ принятіи покаянія, взятъ изъ-подъ стражи и веденъ съ военною командой за Бѣлую рѣку, гдѣ построенъ былъ обширный эшафотъ, наполненный внутри соломой и смолой; по прибытіи главнокомандующаго, поставленъ на томъ эшафотѣ, и читана была сентенція; какъ она была пространная, то отъ двухъ секретарей (Ивана Черкашенова и протоколиста Михайлы Протопопова), и по окончаніи сей осужденный положенъ былъ

Digitized by Google

Теперь остается сказать о дѣйствіяхъ войскъ освободившихъ Яицкій городокъ.

4го апрѣля генералъ Мансуровъ вышелъ изъ Татищевой крѣпости внизъ по Яику; 6го и 7го были заняты Нижне-Озерная и Разсыпная крѣпости и Илецкій городокъ; непріятель нигдѣ не думалъ задержать движеніе войскъ спѣшившихъ на выручку къ Яицкому городку.

Положеніе городка было самое отчаянное. Послѣ неудачной вылазки 9го марта, продовольствія въ немъ оставалось не болѣе какъ на десять дней; пришлось еще уменьшить и безъ того уже малую дачу солдатамъ, а между тѣмъ полученныя отъ плѣнныхъ извѣстія о подкопѣ къ комендантскому дому вынудили увеличить работы прорытіемъ рва около этого дома съ цѣлію открыть непріятельскій подземный ходъ. Рѣшиться на новую вылазку было невозможно; пугачевцы еще болѣе укрѣпили свои завалы, прорубивъ въ нихъ амбразуры для дѣйствія изъ орудій; на мѣсто сгорѣвшей батареи выстроена новая.

Опасаясь нечаяннаго нападенія, Симоновъ постоянно держалъ одну половину людей подъ ружьемъ, а другой позволялось въ это время дремать сидя; „холодъ и голодъ", говоритъ очевидецъ, * „приводили насъ въ отчаяніе, которое съ каждымъ днемъ умножалось". Цѣна на всѣ припасы возвысилась неломѣрно. Особенно страдали женщины и дѣти, которыхъ въ крѣпости было до ста.

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ наступилъ день Благовѣщенія. Многія женщины стали проситься чтобъ ихъ

на эшафотъ и отрублена палачемъ голова, и по показаніи предъ народомъ, возложена на столбъ и на желѣзный шпиль, а эшафотъ и съ трупомъ сожженъ, и пепелъ развѣянъ по воздуху."

Товарищъ Чики, Яицкій казакъ Илья Ульяновъ, будучи выданъ Михельсону въ Табынскѣ, на допросахъ показалъ полное раскаяніе и подробно объяснилъ всѣ извѣстные ему замыслы пугачевцевъ. Наказаніе для него было значительно смягчено, и вмѣсто смертной казни, онъ былъ посланъ на каторгу, по наказаніи плетьми и выреваніи ноздрей.

* „Оборона крѣпости Яика отъ партіи мятежниковъ." Въ 19 части *Отечеств. Запис.* 1824, изд. Свиньинымъ, и сообщеніе Щербатова поволжскимъ губернаторамъ, см. ст. Мордовцева „Русскіе государственные дѣятели", *Отечеств. Зап.* 1868, № 8, стр. 464.

Digitized by Google

выпустили изъ крѣпости; имъ это дозволили, но пугачевцы тогда только согласились принять ихъ къ себѣ когда освобождены будутъ изъ крѣпости содержавшіеся тамъ арестанты. Положиться на слова бунтовщиковъ что они пріютятъ женщинъ и дѣтей послѣ выдачи арестантовъ было невозможно, а потому вышедшія было изъ крѣпости женщины и дѣти, проведя ночь подъ карауломъ мятежниковъ, принуждены были возвратиться.

Чтобы долѣе сохранить запасы, солдатамъ стали выдавать въ сутки только по ¼ ф. муки, то-есть по десятой долѣ обыкновенной дачи. Чтò можно было сдѣлать изъ такой малости безъ соли и крупъ? Взболтавъ въ кипяткѣ полученную пригоршню муки, каждый солдатъ наливалъ свою порцію въ чашку и пилъ почти одну горячую воду. Страшный голодъ принудилъ гарнизонъ глодать кости мертвыхъ лошадей, выброшенныхъ на ледъ и уже обглоданныхъ собаками; затѣмъ съѣдены были саповатыя лошади, поставленныя мятежниками въ ближайшіе къ крѣпости дома. Но не надолго достало и мертвечины. Тогда по указанію нѣкоторыхъ стали ѣсть особаго роду, не хрустѣвшую на зубахъ, глину; сперва попробовалъ одинъ вскипятить эту глину и сдѣлать изъ нее что-то въ родѣ каши, потомъ ему послѣдовалъ другой „и наконецъ рѣдкій остался кто бы не ѣлъ землю сію".

Такъ прошло три недѣли; женщины не разъ просили бунтовщиковъ принять ихъ, но только жены Яицкихъ казаковъ были взяты въ городъ.

Въ Вербное воскресенье, 13го апрѣля, гарнизонъ съѣлъ послѣдніе запасы и былъ въ крайнемъ изнеможеніи. Пугачевцы знали о бѣдственномъ положеніи осажденныхъ и постоянно уговаривали ихъ сдаться, крича что всѣ посланныя противъ Пугачева войска разбиты, Оренбургъ находится въ крайности, Уфа, Самара и Казань взяты, и что всѣ добровольно сдавшіеся не только не будутъ наказаны, но получатъ награжденіе. Солдаткамъ, просившимся въ городокъ, внушали чтобъ онѣ уговорили своихъ мужей посадить коменданта и офицеровъ въ воду и выходить потомъ безопасно изъ крѣпости. Съ такими же увѣщаніями подсылали къ осажденнымъ бѣглыхъ солдатъ, погонщиковъ и казаковъ.

Поддерживать въ гарнизонѣ бодрость надеждой на скорое освобожденіе было невозможно; не только солдаты, но и офицеры приходили въ негодованіе, когда начинали говорить о

Digitized by Google

томъ; однако оставалось еще одно средство убѣдить солдатъ защищаться во что бы то ни стало—это разъясненіе что отъ мятежниковъ пощады ждать было нечего, и во всякомъ случаѣ, сдаваясь или защищаясь, приходилось умирать; такъ лучше умереть съ честью, нежели измѣнивъ присягѣ. Это убѣжденіе подѣйствовало, и въ теченіе голоднаго времени, то-есть съ 25го марта по 13е апрѣля, изъ крѣпости бѣжало не болѣе двухъ или трехъ человѣкъ.

Въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ осажденные, изъ которыхъ было до 100 человѣкъ способныхъ поднять оружіе, рѣшились произвести вылазку, чтобы лучше погибнуть въ схваткѣ съ мятежниками, нежели умереть отъ голоду.

Въ это время пугачевцы тоже находились въ отчаянномъ положеніи; они знали о движеніи генерала Мансурова и отчаивались въ возможности сопротивляться ему въ домахъ городка; для этого-то они и старались овладѣть крѣпостью, которая могла доставить имъ средства къ упорной защитѣ.

Овчинниковъ, прибывшій въ Яицкій городокъ, видѣлъ необходимость попытаться остановить Мансурова и готовился идти къ нему на встрѣчу.

По утру 14го апрѣля, караульные, наблюдавшіе съ церкви, дали знать что большая толпа пугачевцевъ выходитъ изъ городка, провожаемая женщинами, и что замѣтно въ городкѣ сильное движеніе. Извѣстіе это было всѣми принято за предвѣстіе скораго прибытія войскъ, и гарнизонъ ободрился. „Какъ будто мы съѣли по куску хлѣба.“

Толпа вышедшая изъ Яицкаго городка была шайка Овчинникова, отправившаяся на встрѣчу отряда Мансурова.

Слѣдуя внизъ по линіи, генералъ Мансуровъ безъ сопротивленія занялъ крѣпости Озерную и Разсыпную и Илецкій городокъ, въ которомъ нашелъ „14 чугунныхъ пушекъ и множество разной сволочи, укрывающихся по разбитіи злодѣевъ“. У Иртецкаго форпоста (въ 98 верстахъ отъ Яицкаго городка), 12го апрѣля показались пугачевцы. Ихъ было не болѣе 200 человѣкъ; кавалерія Мансурова немедленно ударила на нихъ и разогнала, убивъ и захвативъ въ плѣнъ до 50 человѣкъ.

Эта неудача не охладила Овчинникова. Собравъ шайку въ 600 человѣкъ казаковъ и до ста Калмыковъ, онъ рѣшился держаться у тѣснаго прохода на рѣкѣ Быковкѣ, между форпостами Рубежнымъ и Генварцовымъ, въ 63 верстахъ отъ Яицкаго городка. У него была значительная артиллерія. 15го апрѣ-

Digitized by Google

ля произошло сраженіе. Овчинниковъ былъ разбитъ на голову и потерялъ пять пушекъ. Бородинъ преслѣдовалъ пугачевцевъ на разстояніи 12ти верстъ, но страшная распутица замедляла движеніе отряда и затрудняла преслѣдованіе. Овчинниковъ бѣжалъ въ степь.

Въ пятомъ часу пополудни, въ тотъ же день, вѣсть о пораженіи Овчинникова дошла до Яицкаго городка, и множество бунтовавшихъ казаковъ разбѣжалось въ разныя стороны. Большая толпа оставшихся направилась къ крѣпости. Осажденные, полагая что имъ угрожаетъ нападеніе, открыли огонь. Тогда пугачевцы громко закричали что покоряются императрицѣ и просятъ пощады. По приказанію Симонова, они привели къ нему атамана Коргина, Толкачева * и всѣхъ бывшихъ въ городкѣ старшинъ; къ женѣ Пугачева и его дому приставили караулъ, а для гарнизона принесли хлѣба.

Радость осажденныхъ была велика. „Самые тѣ изъ насъ которые отъ голоду и болѣзни не поднимались съ постели мгновенно были исцѣлены. Все было въ движеніи; разговаривали, бѣгали, благодарили Бога и поздравляли другъ друга, всю ночь не думая предаться сну.“

На другой день, 16го апрѣля 1774 года, прибылъ генералъ-майоръ Мансуровъ и вступилъ въ освобожденную Яицкую крѣпость, чрезъ ворота запертыя и заваленныя съ 30го декабря 1773 года; гарнизонъ крѣпости не выходилъ изъ нея съ ноября, недѣль за восемь до начала осады, которая продолжалась три мѣсяца и шестнадцать дней.

Бибиковъ получилъ извѣстія объ освобожденіи Оренбурга и Уфы, но не дождался занятія Яицкаго городка. Преждевременная смерть похитила его въ Бугульмѣ, 9го апрѣля 1774 года. Кончина Бибикова имѣла самыя печальныя послѣдствія: разбитый Пугачевъ вновь усилился и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ огромными полчищами пришелъ подъ Казань, разорилъ ее и перейдя Волгу разграбилъ поволжье до Чернаго-Яра, гдѣ и былъ разбитъ окончательно освободителемъ Уфы, Михельсономъ.

ДМИТРІЙ АНУЧИНЪ.

* Толкачевъ былъ повѣшенъ въ Оренбургѣ.

Digitized by Google

ТАКЪ БОГЪ ВЕЛѢЛЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Мой разказъ относится къ іюлю 1870 года. На дворѣ было сыро и очень холодно; слабый огонекъ теплился въ каминѣ уютной гостиной стариннаго московскаго дома. Хозяйка, Марья Павловна Образцова, сидѣла у огня въ большомъ креслѣ и играла въ шахматы съ своимъ дядей графомъ Чаплинымъ, пожилымъ холостякомъ. Ея миловидная голова была обращена неподвижно на шашки, а худощавая маленькая рука спускалась на складки траурнаго платья.

На другомъ концѣ комнаты сидѣла сестра хозяйки, вдова, Катерина Павловна Мечникова, или Кети, какъ ее звали въ семействѣ. Она нисколько не походила на Образцову, и казалась старше ея, хотя была свѣжа какъ роза и очень недурна собой: не высокаго роста, довольно полная, съ каштановыми волосами, съ карими на выкатѣ глазами. Кокетливо сшитое траурное платье сидѣло ловко на ея круглыхъ плечахъ, грудь была украшена жемчужнымъ крестомъ. Кети занималась шитьемъ au plumetis по батистовой полоскѣ, и глубокое молчаніе которое царствовало въ комнатѣ выводило ее изъ терпѣнія. Нѣсколько разъ она подымала голову, взглядывала на сестру и на дядю, пожимала плечами, обрывала нитку и бросала работу на столъ. Вдругъ гнѣвъ ея разразился громкимъ монологомъ.

— Боже милостивый! что̀ за скука! какая безжалостная судьба вызвала меня въ этотъ варварскій край! Ѣхала взгля-

Digitized by Google

нуть на своихъ: попала прямо на похороны матери—первое удовольствіе! И вмѣсто двухъ недѣль живу здѣсь скоро два мѣсяца!...

— Эти слова нисколько не возмутили Марьи Павловны; она не отвела глазъ отъ шашекъ; но графъ Чаплинъ взглянулъ на Катерину Павловну взглядомъ которому онъ желалъ придать убійственное выраженіе. Одна бровь его скривилась, другая поднялась вверхъ, губы сжались; все его кругловатое желто-блѣдное старческое лицо приняло не свойственное ему выраженіе строгости.

— Что вы на меня взглянули какъ звѣрь? продолжала Кети.— Вспомнили дядюшекъ прежнихъ временъ? Желала бъ я васъ поставить на мое мѣсто. Вотъ ужь нѣсколько лѣтъ какъ я привыкла къ жизни полной, къ образованному обществу, и вдругъ изъ Висбадена попала сюда. Да здѣсь можно помѣшаться отъ скуки, и я помѣшаюсь!

— Ужь кажется дѣло сдѣлано, флегматически замѣтила Марья Павловна.

— Ха, ха, ха, разразился графъ.—Ха, ха, ха, заливался онъ, все поднимая выше и выше ноту добродушнаго смѣха;—ха, ха, ха, одолжила душенька!

Глядя на него и Марья Павловна невольно разсмѣялась, а сестра ея взбѣсилась окончательно. Но въ ней припадки гнѣва были не желчные, скорѣй комическіе.

— Да что я тебѣ, въ самъ дѣлѣ, шутиха досталась что ли? сказала она покраснѣвъ.—Ты способна проводить цѣлый день за шахматною доской, и хихикать надо мной, потому что мнѣ нужны не шашки, а живые люди, которыхъ у васъ нѣтъ.

— Слава Богу, перебила Марья Павловна,—что у меня въ настоящую минуту нѣтъ живаго человѣка: онъ бы здѣсь написалъ каррикатуру для какого-нибудь сатирическаго журнала.

— А! каррикатуру! нѣтъ, ужь это слишкомъ, я уйду!

— Куда же это?

— Хоть къ сосѣду; денегъ попрошу взаймы, чтобы завтра же уѣхать въ Висбаденъ.

Она бросилась къ дверямъ, но вдругъ раздался рѣзкій звукъ колокольчика. Катерина Павловна остановилась, выраженіе ея лица измѣнилось въ одну минуту; вся особа преобразилась, просіяла.

— Bonjour, Mr de-Morangy, сказала она граціозно, тихимъ голосомъ, который у нея былъ въ запасѣ для гостей.

Графъ, не подымая головы, свирѣпо взглянулъ на дверь, а Марья Павловна взглянула на графа и чуть-чуть покраснѣла.

Digitized by Google

II.

У насъ не вывелись до сихъ поръ русскія барыни которыя, проживая за границей, объявляютъ съ азартомъ что у нихъ нѣтъ родины. Эти явленія не такъ рѣдки и большею частію очень забавны: Катерина Павловна принадлежала къ разряду забавныхъ, и раздѣляла съ ними одну общую черту, а именно: усвоивъ себѣ нѣкоторые европейскіе пріемы, она ихъ приберегала для гостиной, а дома оставалась вполнѣ русскою барыней, не обузданною воспитаніемъ; но къ счастію гнѣвъ ея исчезалъ мгновенно, лишь бы предметъ забавы являлся во-время; и вотъ онъ явился въ лицѣ виконта Гаспара де-Моранжи.

Виконтъ женился во Франціи на богатой русской дѣвушкѣ (французскій аристократъ не женится иначе какъ на приданомъ) и овдовѣвъ, пріѣхалъ въ Россію съ цѣлію получить часть жениного имѣнія, доставшуюся ему по закону. Дѣло легко бы сладилось, но усложнилось казенными взысканіями.

Тонкіе и сухіе члены, сухія черты лица, глаза черные, живые, зубы подозрительной бѣлизны и тщательная холя за своею собственною особой составляли въ цѣломъ то что называютъ: un joli homme. Его завивалъ ежедневно Нёвиль, и онъ носилъ фракъ какъ только одни Французы умѣютъ его носить. Отъ ранней молодости до тридцати шести лѣтъ Моранжи велъ ту жизнь которою живутъ всѣ праздные Французы, пока ихъ не угомонятъ недуги старости. День посвященный визитамъ и прогулкѣ, вечеръ театру, ночь aux aventures въ маскарадѣ или въ будуарѣ—вотъ программа всей жизни. Ея серіозную сторону составляетъ для подобныхъ людей такъ-называемый политическій вопросъ, вопросъ состоящій въ надеждѣ на возвращеніе Бурбоновъ: Моранжи былъ ярый легитимистъ.

Раскланявшись съ дамами, онъ протянулъ руку графу Чаплину, съ которымъ встрѣчался уже во второй разъ. Графъ что-то промычалъ. Широкій, старомодный сюртукъ сидѣлъ мѣшковато на его широкихъ плечахъ, а на жилеткѣ блистала золотая цѣпь, украшенная тяжелыми печатями. Почему взглянулъ онъ свирѣпо на Маранжи? Потому, вопервыхъ, что онъ любилъ глядѣть такимъ образомъ. Въ его понятіяхъ свирѣпый взглядъ есть признакъ твердаго характера.

Digitized by Google

Вовторыхъ, ему показалось что Моранжи ухаживалъ за Марьей Павловной, любимою племянницей и крестницей графа; а Марья Павловна была такой ангелъ чистоты, говорилъ графъ,— который въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ вѣрилъ въ ангельскую чистоту женщинъ вообще,—что мужской глазъ не долженъ безнаказанно смѣть на нее подняться. Графъ и наказалъ Моранжи свирѣпымъ, но, къ сожалѣнію, незамѣченнымъ взглядомъ. Легкое смущеніе обнаруженное племянницей ускользнуло отъ дяди, и его вскорѣ успокоило неожиданное обстоятельство. Моранжи устроился возлѣ Кети и завелъ съ нею разговоръ, „à la pointe de l'aiguille", въ которомъ графъ разобралъ слова „des épaules de déesse, un pied d'enfant" и т. п. Кети отвѣчала весело, бойко, смѣялась не то надъ нимъ, не то надъ его ухаживаньемъ, и вызывала его на новыя любезности.

— Вотъ не ожидалъ! вѣтеръ подулъ въ другую сторону, подумалъ графъ.—Должно-быть Маша его проучила по-своему; а та вѣтрена только на словахъ, а промаха не дастъ. Шáхъ и матъ! провозгласилъ онъ громко.

— Все-таки я выиграла двѣ партіи, сказала Марья Павловна, и обращаясь къ своему гостю, спросилá: — Ну чтò ваши дѣла?

— Тянутся до безконечности, отвѣчалъ Моранжи.—Кажется чего проще: удѣлить мнѣ часть отъ имѣнія покойной жены. Ничего не добьюсь. Я начинаю приходить въ отчаяніе.

— А кто хлопочетъ по вашему дѣлу? вмѣшался графъ.

Моранжи проговорилъ съ трудомъ слово въ которомъ не было возможности разобрать человѣческаго имени. Дамы улыбнулись.

— Я можетъ-быть не совсѣмъ такъ выговариваю, продолжалъ онъ.—Все равно, вы понимаете, что-то въ этомъ родѣ. Вотъ уже два мѣсяца какъ я учусь произносить это имя, оно мнѣ рѣшительно не дается.

— Не могу ли я вамъ помочь? заговорилъ графъ,—располагайте мной.

— Какъ вы обязательны! отозвался Моранжи.—Если вы позволите, я явлюсь къ вамъ завтра за совѣтами и съ изъявленіемъ моей искренней благодарности.

— Очень радъ оказать вамъ услугу. Это моя обязанность: вы нашъ гость.—Вы ѣхали на Петербургъ?

— О! нѣтъ, на Вѣну. Я представлялся королю.

— Какому королю?

Digitized by Google

Моранжи на него посмотрѣлъ и подумалъ: „Ah ça, d'ou vient-il donc cet homme-là?“

— Какъ, какому королю? подхватила Катерина Павловна:— развѣ вы не знаете, дядя, что король Генрихъ V въ Фросдорфѣ? Разсѣянность.... прибавила она, обращаясь къ Моранжи.

— И вы не потеряли надежды на возвращеніе Генриха V? спросилъ графъ.

— Нисколько. Онъ будетъ королемъ Франціи. Онъ милостью Божьею нашъ законный король.

— А самъ Генрихъ V надѣется на будущность?

— Безъ сомнѣнія. Хотите взглянуть на его подарокъ?

Онъ вынулъ изъ кармана портфель, въ которомъ былъ сложенъ листокъ бумаги, и развернулъ его осторожно чтобы не измять. На листѣ была приложена печать, изображающая крестъ съ надписью: *Spes*. * Внутри подписано рукой графа Шамбора: A monsieur de Morangy.—Henri.

Пока разсматривали съ любопытствомъ этотъ листокъ, Моранжи успѣлъ вынуть изъ бумажника записочку, которая осталась въ его рукѣ.

— Я поклонница Генриха V, сказала Кети.

— А вы? спросилъ Моранжи у ея сестры.

— Я ничего не знаю о его личномъ характерѣ, отвѣчала Марья Павловна.—Но мнѣ не разъ приходилось читать и слышать разказы путешественниковъ о принцахъ Орлеанскихъ. Вотъ сегодня!

— Bah! отозвался почти съ презрѣніемъ легитимистъ.—Ихъ дѣдъ и ихъ отецъ были измѣнники.

— А какое мнѣ дѣло до ихъ дѣда и отца! Я знаю, и всѣ знаютъ что принцы Орлеанскіе рыцари, и тѣмъ хуже для Французовъ, если они не способны ихъ оцѣнить. Я бы прошла сто верстъ пѣшкомъ чтобы на нихъ взглянуть.

— Какой огонь! замѣтилъ съ изумленіемъ Моранжи.

Для него было непонятно такое горячее сочувствіе къ людямъ съ которыми не имѣешь ничего общаго. Онъ это замѣтилъ Марьѣ Павловнѣ.

— Il faut bien admirer quelqu' un, отвѣчала она вся вспыхнувъ.

---

* Надежда. Такіе листы графъ Шамборъ раздавалъ своимъ приверженцамъ.

Digitized by Google

— Сестра моя очень молода сердцемъ, сказала какъ бы ей въ извиненіе Кети, которая знала что французскому аристократу кажется неумѣстнымъ, смѣшнымъ—все то что выходитъ изъ границъ строгихъ приличій, все то что называется экзальтаціей.

Между тѣмъ графъ всталъ съ своего мѣста и закуривалъ папироску. Моранжи подошелъ къ камину, и воспользовавшись минутой когда Кети стала къ нему спиной, положилъ записочку на шахматную доску.

— Принцы Орлеанскіе не подозрѣваютъ что у нихъ прелестный адвокатъ, сказалъ онъ, и на этомъ словѣ обернулся къ Мечниковой, между тѣмъ какъ Марья Павловна бросила съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ носовой платокъ на записку.

— Ловка! подумалъ Моранжи,—и должно-быть опытна.

— Какъ небо прояснилось: солнце! сказала Кети, заглянувъ въ окно.—Пойдемте на бульваръ. Маша, хочешь? Мнѣ нуженъ воздухъ.

— Нѣтъ, мнѣ нездоровится.

— Вы мнѣ позволите идти съ вами? спросилъ Моранжи.

— Очень охотно. Я надѣну шляпку.

Когда она вышла, Моранжи бросилъ значительный взглядъ на Марью Павловну. Она не успѣла его избѣжать и покраснѣла. Графъ ее выручилъ, обратившись къ Французу съ приглашеніемъ назначить часъ свиданія для обѣщанной бесѣды о дѣлахъ. Кети не замедлила явиться въ шляпкѣ и въ шали.

III.

— Дядя, вѣдь вы съ нами обѣдаете? спросила Марья Павловна.

— Конечно съ вами, отрѣзалъ графъ, какъ будто Марья Павловна сказала ему дерзость.

— Дядя, вотъ что.... начала она, придумавъ вдругъ предлогъ чтобы выйти изъ комнаты.—Я велю приготовить къ обѣду вашъ любимый яблочный пирогъ.

Графъ улыбнулся племянницѣ и яблочному пирогу.

Марья Павловна сжимала крѣпко въ рукѣ записочку Моранжи, и распечатала ее не безъ смущенія, а распечатавъ не

Digitized by Google

вдругъ развернула. Она тогда только испугалась своего смущенія.

Какъ! неужели она, женщина серіозная, готова полюбить этого пустаго Моранжи, который не обратилъ даже на себя ея вниманія пока былъ къ ней равнодушенъ? Неужели она готова закрыть глаза на его недостатки, на такіе недостатки которыхъ онъ не искупаетъ ни сердцемъ ни умомъ?... Записка, вынутая изъ конверта, дрожала слегка въ ея рукѣ.

„Я съ ума сошла! сказала себѣ Марья Павловна. Неужели я его боюсь?—Себя боюсь? Не онъ первый объяснялся со мной въ любви."

„Что̀ можетъ ожидать отъ такой женщины какъ вы человѣкъ до такой степени недостойный васъ? писалъ онъ между прочимъ. Однако я не могу устоять противъ счастья сказать вамъ что я васъ люблю, что я становлюсь другимъ человѣкомъ когда я съ вами. Умоляю васъ, не прогоните меня отъ себя, и позвольте мнѣ говорить вамъ что я люблю васъ! Вамъ это не повредитъ, а мнѣ доставитъ столько наслажденія!"

Записки такого рода Моранжи писалъ къ десяти женщинамъ; Марья Павловна это понимала инстинктивно, однако, помимо ея воли и разсудка, ласковыя слова, сладкія увѣренія въ любви, граціозныя общія мѣста сказанныя въ граціозной французской формѣ, дѣйствовали на ея воображеніе и самолюбіе. Она положила записку въ карманъ и пошла къ дядѣ. Услышавъ тяжелый стукъ его шаговъ, она вспомнила о яблочномъ пирогѣ и вернулась чтобъ его заказать.

Во все время ея отсутствія графъ ходилъ вдоль комнатъ съ озабоченнымъ видомъ человѣка у котораго на умѣ важное дѣло, требующее дипломатическихъ соображеній. Онъ даже шевелилъ губами, точно готовилъ заранѣе что̀ ему надо сказать. Когда Марья Павловна вернулась, онъ сѣлъ противъ нея и смотрѣлъ долго ей въ глаза, потомъ сдѣлалъ громкое и продолжительное „гм.... ггмм!..."

— Маша, началъ онъ,—сегодня надо съ тобой переговорить.

„Замѣтилъ!" подумала Марья Павловна, и спросила съ изумительною наивностью и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ ни въ чемъ не сознаваться:

— О чемъ это, дядя?

— Мнѣ надо съ тобой переговорить, повторилъ графъ. — Я ждалъ чтобы мы остались вдвоемъ.

Digitized by Google

— Ну вотъ, мы теперь вдвоемъ.

— Матери твоей нѣтъ на свѣтѣ, началъ онъ опять, — а при ея жизни я не давалъ себѣ права говорить съ тобой откровенно о нѣкоторыхъ вещахъ очень важныхъ....

— Дядя, перебила Марья Павловна, —я вамъ даю право говорить безъ предисловія о чемъ хотите.

— .... О нѣкоторыхъ вещахъ очень важныхъ, настоялъ онъ, какъ будто бы его не перебивали.—Ты знаешь что мы не сходились съ покойницей....

— Я это давно знаю и вполнѣ понимаю, вставила молодая женщина.

— Ты это сама понимаешь? Въ такомъ случаѣ я тебѣ сдѣлаю вопросъ, котораго бы не сдѣлалъ при ея жизни. Скажи мнѣ по какимъ причинамъ ты разсталась съ мужемъ?

Марья Павловна глубоко вздохнула.

— Дядя, отвѣчала она, —вы полагаете, я это вижу, что моя мать разлучила меня съ мужемъ. Что̀ жь мнѣ вамъ сказать? Вы правы, но я сама поняла не скоро и не сразу что она была во многомъ причиной нашей размолвки. Да! много она взяла на себя; вы, дядя, знаете какъ я его любила.

— Знаю, знаю; но разкажи же мнѣ какъ это случилось?

— Ахъ, Боже мой! Да развѣ это перескажешь?... и что̀ я разкажу?... Что̀ было между нами?... Что̀ случилось? Ничего. Правда, что моя мать его не любила и старалась насъ разлучить.... Это правда.... Но онъ?... Зачѣмъ онъ меня оставилъ? Ему, видите ли, надоѣли мои слезы, моя ревность; а зачѣмъ онъ ихъ возбуждалъ?

— Да полно, онъ ли ихъ возбуждалъ?

— Э, Боже мой! возразила съ сердцемъ Марья Павловна,— кто же ихъ возбуждалъ, коли не онъ? Кто можетъ стать между мужемъ и женой, если они любятъ другъ друга взаимно? Ни мать, ни отецъ, ни сестра—никто на свѣтѣ!

— Не правда. Чѣмъ больше женщина любитъ мужа, тѣмъ легче злонамѣреннымъ людямъ возбудить ея ревность и подозрительность...,

— Мужу такъ легко оправдаться, перебила Марья Павловна.

— Я замѣчаю что ты себѣ противорѣчишь, продолжалъ графъ.—То ты сама сознаешь что тебя разлучили съ мужемъ, то его дѣлаешь виновникомъ всего несчастья.

— Да, я виню мать за то что она хотѣла насъ разлучить, но разлучить насъ она была бы не въ силахъ, еслибы не онъ самъ.

Digitized by Google

Но я вамъ скажу правду, дядя, я еще не могу говорить хладнокровно объ этомъ, и лучше не говорить.

Графъ поморщился, покряхтѣлъ и устремилъ глаза на племянницу.

— Ты знаешь что я его всегда очень любилъ, проговорилъ онъ.—Онъ отличный человѣкъ.

— Онъ эгоистъ, онъ любитъ только себя.... да право, будетъ объ этомъ! Что̀ вамъ вздумалось поднять эту старую исторію?

— Я и поднялъ не даромъ. Я хотѣлъ тебя приготовить къ одному извѣстію.... Мужъ твой въ Москвѣ.

— Онъ здѣсь? сказала Марья Павловна, измѣняясь въ лицѣ.

— Я его видѣлъ.

— Что̀ же?... онъ обо мнѣ ни слова? Не спросилъ даже жива ли я?

— Спросилъ....

— А что̀ жь онъ говорилъ?

— Онъ говорилъ: мнѣ бы хотѣлось ее видѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, онъ хочетъ тебя видѣть, чтобы судить собственными глазами насколько ты измѣнилась и нравственно и физически.

— То-есть, онъ желаетъ меня видѣть изъ любопытства?

— Не думаю.

— Неужели изъ участія послѣ шестилѣтняго равнодушія? съ усмѣшкой спросила Марья Павловна.

— И я ему отвѣчалъ что если ты измѣнилась, то конечно къ лучшему. Я всегда думалъ что рано или поздно....

— Что рано или поздно мы сойдемся? заключила она, взявъ руку дяди, который не отвѣчалъ на пожатіе ея руки. Лицо молодой женщины приняло насмѣшливое, почти злое выраженіе.—Вы бы готовы насъ сблизить, не правда ли? Нѣтъ, прошедшаго не вернешь. То что̀ прошло, прошло навсегда.

Графъ опять смотрѣлъ сердито. Ему было досадно что Марья Павловна такъ легко угадала его замыслы и такъ легко ихъ разрушала.

Странныя чувства волновали ее. Ей самой хотѣлось встрѣтиться съ мужемъ, и не разъ она мечтала о встрѣчѣ съ нимъ, о томъ, какъ и гдѣ и когда она могла бы состояться. Ей хотѣлось чтобы случайность ихъ соединила, или въ загородной прогулкѣ, или на желѣзной дорогѣ. Въ такой встрѣчѣ было что-то неожиданное и раздражающее, на что̀ бы она пошла охотно. Мужъ оставилъ ее какъ любовникъ, во всемъ разгарѣ страсти, и послѣднее слово еще не было сказано между ними.

Digitized by Google

— Я слышала что онъ гдѣ-то служитъ? промолвила она небрежно.

— Онъ служитъ мировымъ судьей, и взялъ отпускъ. Ему очень хотѣлось побывать въ Москвѣ.

„А мнѣ до этого какое дѣло!“ сказала она себѣ. Но что-то въ глубинѣ ея сердца протестовало противъ такого равнодушія.

— Ахъ, дядя, сказала она рѣзко,—оставимъ этотъ разговоръ! Я вамъ показывала старинный бокалъ, который я купила вчера?

И она подошла къ этажеркѣ нервною походкой.

Графъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ движеніемъ и за каждымъ словомъ своей племянницы.

Скоро возвратилась Катерина Павловна, вымоченная дождемъ съ головы до ногъ.

— Фу, какъ несносенъ этотъ Французъ! воскликнула она, быстро проходя мимо сестры.—Уговорилъ меня идти гулять.... точно мы въ Парижѣ! Ногъ изъ грязи не вытащишь.

Она переодѣлась и, вернувшись въ гостиную, взглянула на дядю и на сестру.

— Что̀ это на васъ за лица? спросила она. — Можно подумать что вы съ похоронъ.

— Оставь Машу въ покоѣ, шепнулъ ей графъ, — я ей привезъ извѣстіе что ея мужъ въ Москвѣ.

Пылкая Кети вспыхнула.

— Ахъ, Боже мой! очень было нужно сообщать ей такое утѣшительное извѣстіе! Ужь и такъ, кажется, она достаточно натерпѣлась отъ этого господина! Маша, Мимиша, обратилась она нѣжно къ сестрѣ. — Это извѣстіе тебя очень разстроило?

— Ничего, отвѣчала съ досадой Образцова. Но она замѣтила сострадательные взгляды своей сестры, и ей стало совѣстно. На кого и за что̀ она сердилась?

Въ иныхъ случаяхъ сто̀итъ только преодолѣть себя, и послушные нервы успокоятся. Давнишнее горе не то что свѣжая рана; растшевелить его легко, но и угомонить возможно....

IV.

Графа не было въ Москвѣ когда Марья Павловна разсталась съ мужемъ, но зная коротко свою невѣстку, онъ повѣрилъ что размолвка молодой четы была дѣломъ покойной графини Чаплиной. Она слыла не даромъ за интриганку первой

Digitized by Google

руки. Младшая дочь ея вышла замужъ помимо ея желанія за человѣка который ни въ какомъ отношеніи не нравился графинѣ. Она побоялась скандала тайнаго брака и уступила дочери скрѣпя сердце. Но давъ свое согласіе, она требовала чтобы Маша осталась въ ея домѣ, который оживляла своимъ присутствіемъ, а старуха боялась одиночества и скуки, и знала что безъ дочери лишится возможности поддержать кругъ своего знакомства.

Образцовъ былъ такъ влюбленъ что согласился на все. Но графиня скоро убѣдилась что она ошиблась въ своемъ разчетѣ. Маша посвятила себя мужу и избѣгала пріемныхъ вечеровъ, утреннихъ визитовъ и званыхъ обѣдовъ. Графиня возненавидѣла окончательно своего зятя и дала себѣ слово поссорить его съ женой.

Чтобы совершить такое дѣло, надо быть женщиной. Не ударомъ меча поразила она, убила счастье молодыхъ людей, она извела его à coups d'épingle. Сплетни, ложь, притворство, внушительныя слова, всевозможныя унизительныя средства были приведены въ дѣйствіе. Графиня скоро напала на чувствительную струну сердца дочери: Маша была ревнива, и ревность ея легко было возбудить. Начались между мужемъ и женой убійственныя для счастья сцены упрековъ; обмѣнивались съ обѣихъ сторонъ раздражающими и наконецъ оскорбительными словами. Бурныя объясненія утомили наконецъ Образцова. Чтобъ избѣжать ихъ, онъ сталъ отлучаться изъ дома. Когда ему надоѣла домашняя жизнь, графиня восторжествовала,—поняла что побѣда осталась за ней.

Онъ рѣшился увезти свою жену; но какъ скоро рѣчь заходила о разлукѣ съ дочерью, съ графиней дѣлалась истерика, и Маша умоляла мужа не говорить объ отъѣздѣ.

Эта адская жизнь продолжалась два года, и становилась не въ мочь Образцову. Ему измѣнялъ его бодрый и ровный нравъ; онъ чувствовалъ припадки тоски. Иногда онъ обдумывалъ свое положеніе, и умъ его помрачался отъ сознанія собственнаго безсилія предъ ничтожнымъ, глупымъ, но неодолимымъ врагомъ, предъ семейными дрязгами. Какъ полно было счастье и какъ пошло онъ его лишился! Онъ чувствовалъ что съ каждымъ днемъ онъ терялъ уваженіе къ женѣ, которая перестала ему вѣрить на слово, между тѣмъ какъ одинъ материнскій намекъ возбуждалъ въ ней цѣлую бурю подозрѣній и ревности. Но къ несчастью, обвиняя жену, онъ не умѣлъ

Digitized by Google

обвинить себя за то что у него не хватило силъ стать выше обстоятельствъ, волей-неволей вырвать Машу изъ губительной среды, и тѣмъ спасти ихъ общее счастье.

Насталъ тотъ день когда онъ сказалъ женѣ: „Ты не двадцати двухъ-лѣтняя женщина, а безхарактерный ребенокъ. Ты не способна ни оцѣнить порядочнаго человѣка, ни составить его счастье. Мы разстанемся.“

Онъ вышелъ изъ дому и не возвращался, не взирая на письма и на просьбы Марьи Павловны.

Она была въ отчаяніи и, какъ сама говорила дядѣ, поняла не съ разу что ея несчастіе устроила мать. Но понявъ это, Маша не пощадила ея и осыпала не разъ горькими упреками. Какъ ни билась графиня, ей не удалось побѣдить холодности и непокорности дочери. Марья Павловна не рѣшалась однако разстаться съ матерью, или, лучше сказать, освободиться вполнѣ отъ ея ига; но за то, несмотря на ея просьбы, оставила свѣтъ, ѣздила въ тюрьмы, записалась въ комитетъ благотворительнаго общества, и все-таки скучала смертельно. Смерть графини развязала ей руки.

Послѣ описаннаго мною дня сестры остались вдвоемъ.

Кети разыгрывала вальсъ, а Марья Павловна опять заняла свое мѣсто у камина. Ея мысли бродили въ разныя стороны. Сколько разъ Кети ее звала за границу.... вотъ и Моранжи скоро уѣдетъ.... Но связь, неосязаемая какъ волосокъ, удерживала Марью Павловну въ Москвѣ; эту связь образовало слово брошенное Образцовымъ: „мнѣ бы хотѣлось ее видѣть“.... Оно вертѣлось у нея на умѣ, лишь только она принималась сооружать планы для поѣздки за границу или мечтала о Моранжи, который внушалъ ей чувство похожее на призракъ любви.

— Кети! сказала она.

— Что̀? спросила Кети.

— Что̀ ты думаешь о желаніи Михаила Александровича взглянуть на меня?

— Я?... ровно ничего не думаю. Да и тебѣ охота объ этомъ думать! И она продолжала играть.

Въ другомъ случаѣ мнѣніе Кети имѣло бы мало значенія въ глазахъ Марьи Павловны; но въ настоящую минуту ей нужно было чтобы чей-нибудь голосъ, чтобы кто-нибудь, хоть Кети, положилъ конецъ ея недоумѣніямъ.

— Кети! сказала она опять,—увези меня съ собой. Нечего мнѣ здѣсь ждать.

Digitized by Google

—.А! наконецъ-то! воскликнула Кети.—Умница! Вдвоемъ будетъ такъ весело! Я тебѣ все покажу, покажу Парижъ! Мущины будутъ у твоихъ ногъ.... А ты знаешь? Моранжи.... вѣдь онъ въ меня влюбленъ.

— Право? онъ тебѣ это сказалъ?

— Нѣтъ. Но понимаешь, cette manière française à propos de tout намекать женщинѣ что онъ ее любитъ....

„Зачѣмъ онъ играетъ съ ней эту комедію?...“ подумала Марья Павловна, ощупывая въ карманѣ записочку Моранжи.

V.

Графъ Чапинъ плохо зналъ людей, а страстей ихъ и не понималъ, но нѣжныя, сентиментальныя даже стороны его души отзывались сочувственно на привязанность оставленной женщины, въ которой онъ видѣлъ, какъ мы знаемъ, ангела чистоты.

Онъ былъ увѣренъ что Марья Павловна готова сойтись съ своимъ мужемъ во имя нравственнаго чувства, и что все дѣло зависитъ отъ ихъ перваго свиданья. Это свиданіе графу хотѣлось устроить у себя.

Зайдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ его кабинетъ.

Онъ былъ не великъ и не высокъ, и ничто въ немъ не обнаруживало привычекъ человѣка богатаго. На стѣнахъ, покрытыхъ дешевыми обоями, висѣли въ вызолоченыхъ, но потускнѣлыхъ, широкихъ рамкахъ, временъ первой имперіи, семейные портреты, написанные масляными красками. Рядомъ съ ними красовались въ узенькихъ, золотыхъ, новыхъ рамкахъ двѣ-три женскія головки, называемыя „têtes de fantaisie“. Графъ ими постоянно любовался. Онъ былъ и подъ сѣдыми волосами поклонникъ женской красоты и граціи, женскаго ума; онъ знавалъ всѣхъ красавицъ и замѣчательныхъ женщинъ своего времени, и любилъ описывать въ разговорѣ черты ихъ лица, цвѣтъ ихъ волосъ, любилъ повторять мѣткое или остроумное выраженіе, оставшееся у него въ памяти. На письменномъ столѣ было нѣсколько обрамленныхъ фотографическихъ карточекъ, нѣсколько печатей, бумажникъ и бювaръ женскаго издѣлія, и наконецъ старинная табатерка превосходной работы.

Мебель не отличалась ни комфортомъ, ни изящностью, и ситецъ которымъ она была обита давно полинялъ. Нѣсколько

Digitized by Google

переплетенныхъ томовъ сочиненій Жуковскаго, Веневитинова (современниковъ графа) и проповѣди Филарета лежали на висячей полкѣ.

— Анисья Ѳедоровна кушала чай? спросилъ онъ у камердинера.

— Сейчасъ только самоваръ подалъ, отвѣчалъ камердинеръ.

Графъ покряхтѣлъ, поставилъ въ уголъ свою трость и отправился въ гостиную, которая была красивѣе и свѣжѣе кабинета.

Анисья Ѳедоровна Истомина, его сосѣдка по имѣнію, знала его съ дѣтства. Оставшись по смерти мужа съ двумя дѣтьми, она пріѣхала изъ деревни въ Москву, чтобы помѣстить сына въ учебное заведеніе, и остановилась у графа *недѣльки на двѣ*; но въ то время какъ мы съ нею знакомимся, жила у него безъ малаго тринадцать лѣтъ. Графъ помѣстилъ ея сына въ заведеніе на свой счетъ, а въ послѣдствіи снарядилъ въ военную службу. Дочь ея, Соню, онъ воспиталъ дома, тоже на свой счетъ. У Анисьи Ѳедоровны было однако небольшое состояніе, но доходы свои она откладывала въ Опекунскій Совѣтъ, разчитавъ что ей и семейству гораздо выгоднѣе жить щедростью графа.

Ей было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Глядя на ея узкія плечи, впалыя щеки и грудь, можно было подумать что она страдаетъ сухоткой; но графъ говорилъ что и съ молоду она была такая же, что̀ ей не мѣшало пользоваться превосходнымъ аппетитомъ. Ея длинное, смуглое лицо казалось еще длиннѣе отъ размѣровъ длиннаго, плосковатаго носа и маленькихъ крысиныхъ глазъ. Волосы ея были зачесаны вгладь за ухо подъ гребенку и покрыты филейною сѣткой. Она носила постоянно люстриновое платье коричневаго цвѣта, съ гладкимъ воротничкомъ и гладкимъ лифомъ, который обрисовывалъ слишкомъ отчетливо ея костлявую грудь и плечи. Для дополненія портрета, мы упомянемъ объ ея коралловыхъ сергахъ, изображающихъ римскій профиль. Она ихъ не скидавала съ тѣхъ поръ какъ ей проняли уши.

— Должно-быть весь день у Марьи Павловны просидѣли? спросила она съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ Марьѣ Павловнѣ.

— У ней, отвѣчалъ отрывисто графъ.

Анисья Ѳедоровна подала ему стаканъ чаю и сказала ядовито:

Digitized by Google

— Желательно бы знать, сойдется ли она со своимъ мужемъ? Говорятъ, ихъ мать поссорила? Ну, вотъ мать умерла.

— Это до нихъ касается.

Анисья Өедоровна знала что онъ былъ неприступенъ когда задѣвали Марью Павловну, однако не могла лишить себя удовольствія ввернуть въ разговоръ непріятное словечко на ея счетъ.

— Я только такъ, сказала она:—къ тому что раздоръ между мужемъ и женой смущаетъ добрыхъ людей.... Соня, подай калачъ графу. Сама сбѣгала къ Филиппову за горячимъ калачемъ.

— Спасибо, милая, сказалъ графъ.

— Дождикъ-то меня всю-ю-ю промочилъ, продолжала Анисья Өедоровна.—Хотѣла Семена послать, не тутъ-то было. Изволилъ со двора уйти, и безъ спроса; до сихъ поръ не вернулся. Изъ силъ съ нимъ выбьешься.

— Смѣните его, я вамъ уже говорилъ. Охота же мучиться изъ такого вздора.

— И рада бы смѣнить, да на другаго мошенника наскочишь. Вотъ прачку смѣнила, а что взяла? Сегодня, негодная, бѣлье принесла, двухъ наволочекъ нѣтъ! Хотѣла взять ту что на углу живетъ, да говорятъ что она бѣлье потапюмъ изводитъ. Прасковья, кухарка, слышала отъ сосѣдей.... А сливки-то вы и не похвалили!

— Отличныя! сказалъ графъ.

— То-то же! То ли дѣло своя корова. У насъ сегодня были за обѣдомъ цыплята на сливочномъ маслѣ, ну просто объѣденье! Ужь мнѣ такъ досадно что вы дома не кушали. А платье-то Сонино не замѣтили? Въ первый разъ надѣла. А ты графа-то и не благодарила?

Анисья Өедоровна стала видимо льститься къ графу; даже улыбнулась и показала рядъ небольшихъ испорченныхъ зубовъ.

— Я, маменька, благодарила, отвѣчала Соня, подошла къ графу и поцѣловала его.

Графъ погладилъ ее по головѣ, полюбовался платьемъ и замѣтилъ что Соня блѣдна и что надо будетъ отвезти ее лѣтомъ на воды.

Соня была золотушная, невзрачная дѣвочка, съ большими добрыми глазами. Анисья Өедоровна любила ее умѣренно, за то съ яростью любила сына, который не удался и разорялъ графа.

Digitized by Google

— Мы съ Соней ходили сегодня въ городъ, начала она. Но въ городъ мы за ней не пойдемъ. Графъ слушалъ ея тупую болтовню и спокойно курилъ трубку. Ему чего-то не доставало за завтракомъ, за обѣдомъ и за чаемъ въ тѣ рѣдкіе случаи когда Анисьи Өедоровны не было дома, когда въ его ушахъ не жужжали ея голосъ, ея сплетни, ея жалобы.

— Какъ онъ терпитъ этого урода? Что между ними общаго? Что ихъ связываетъ? спрашивали друзья и родственники графа.

Его связывала неразрывно съ Анисьей Өедоровной крѣпкая цѣпь привычки.

Графа занимала мысль: какъ бы устроить у себя вечеръ для свиданья Марьи Павловны съ мужемъ? Сладить это дѣло нельзя было иначе какъ съ согласія Анисьи Өедоровны. Онъ зналъ что согласія ему не добиться даромъ и рѣшился его купить. Анисья Өедоровна ему намекала всячески уже цѣлую недѣлю что ея сыну нужны деньги; графъ ихъ не далъ, потому что у него не было денегъ подъ рукой, но онъ ихъ получилъ наканунѣ.

— Анисья Өедоровна, сказалъ онъ не безъ тайнаго страха,— вотъ двѣсти рублей для Кости....

Она сладко улыбнулась, протянула руку къ пачкѣ ассигнацій и заговорила о своей благодарности; но графъ придержалъ ассигнаціи, и заглушивъ ея голосъ, продолжалъ:

— А вотъ на эти десять рублей я васъ попрошу купить на дняхъ фруктовъ и сладкихъ пирожковъ. Маша пріѣдетъ ко мнѣ вечеркомъ, но когда, я еще не знаю.

— Голубчикъ графъ, проговорила Анисья Өедоровна, — вы такъ добры.... повѣрьте что я чувствую.... будьте покойны, я все сдѣлаю какъ вы желаете.

— Такъ прошу же васъ чтобы все было хорошо.... промолвилъ графъ, и поспѣшилъ выйти изъ комнаты, предвидя что посѣщеніе Марьи Павловны можетъ однако вызвать непріятный для него намекъ, несмотря на радость и на изъявленіе благодарности вдовы.

Анисья Өедоровна взглянула съ досадой на десятирублевую бумажку.

— Стóитъ того, нечего сказать, ворчала она, — бросить десять рублей чтобъ угостить эту бонтонную барыню. Видишь, важность какая что она сюда пожалуетъ! Лучше бы съ мужемъ-то жила честно.

Digitized by Google

— Маменька, замѣтила Соня,—вѣдь онъ и вамъ далъ двѣсти рублей.

— Перестань умничать! крикнула на нее мать.

VI.

Пробило уже десять часовъ. Пролетка остановилась у подъѣзда квартиры графа и кто-то позвонилъ.

Графъ вышелъ на звонъ изъ своего кабинета; онъ поджидалъ Образцова.

Образцовъ былъ въ милости у Анисьи Ѳедоровны. Она ему предложила чаю и расположилась съ нимъ побесѣдовать; но графъ увелъ его къ себѣ. Въ первомъ свиданіи они говорили не много о Марьѣ Павловнѣ: Михаилъ Александровичъ ограничился вопросами о ея житьѣ-бытьѣ съ тѣхъ поръ какъ она лишилась матери; но теперь графу хотѣлось приступить къ вопросу о сближеніи мужа и жены. Но вступленіе въ рѣчь очень его затрудняло, и онъ не мало обрадовался когда Образцовъ началъ самъ:

— Вы хотѣли быть сегодня у Марьи Павловны, дядя, спросилъ онъ, закуривая папироску. — Что̀ жь были?

— Былъ.

— Сказали ей что я здѣсь?

— Сказалъ.

— Я желалъ бы знать какъ она приняла это извѣстіе?

Графъ помолчалъ, покряхтѣлъ. Онъ готовился на длинный и подробный разказъ, началъ наконецъ, и ничего не забылъ: и игру въ шахматы, и апатичное расположеніе духа Марьи Павловны, и какъ ее поразило извѣстіе о пріѣздѣ мужа. Онъ старался угадать какое дѣйствіе производили эти подробности на Образцова; но угадать впечатлѣнія Образцова было трудное дѣло. Слушая графа, онъ чертилъ карандашомъ квадратики на клочкѣ бумаги; графъ не спускалъ глазъ съ его блѣднаго, рябоватаго лица, обращеннаго къ нему въ профиль. Было что-то сухое въ выраженіи, и взглядъ смотрѣлъ холодно и неуловимо. Бѣлокурые, мягкіе и не густые волосы были приподняты вверхъ и вились.

Графъ помолчалъ, подождалъ отзыва на свой разказъ, и не получивъ никакого, началъ опять:

Digitized by Google

— Если она была виновата предъ тобой, то вина ея такого рода что ее можно простить.

— Она ни въ чемъ предо мной не виновата, отвѣчалъ Образцовъ, положивъ карандашъ на столъ и опрокидываясь въ кресло.—Она была бы славная женщина, еслибъ вліяніе ея матери не уничтожило въ ней всякую самостоятельность. Главный виновникъ—я! Я не сумѣлъ одолѣть этого проклятаго вліянія и оставилъ ее сгоряча. Я не разъ въ этомъ раскаивался. Но вернуться назадъ не рѣшился.

— Гм!... напрасно; эта женщина мягкій воскъ.

— Къ несчастью. Сначала это мнѣ самому понравилось.

— Сначала?... Мнѣ кажется однако что мягкость характера одна изъ главныхъ женскихъ добродѣтелей, возразилъ графъ, который мечталъ всю свою жизнь о женщинѣ-ангелѣ.

— Когда я узналъ о смерти ея матери, продолжалъ Образцовъ, не отвѣчая на его замѣчаніе,—я пріѣхалъ въ Москву... но можетъ-быть слишкомъ поздно.

— Для честной женщины никогда не поздно. На дняхъ я ее позову къ себѣ.... Я думаю что она не только тебя не забыла, но и любить-то не переставала.

— Что до этого касается, то я даже и не въ правѣ разчитывать на ея любовь.

— Ты на нее разчитываешь, самъ того не сознавая, ха-ха-ха! возразилъ графъ.—Еслибъ ты на нее не разчитывалъ, зачѣмъ бы тебѣ пріѣхать въ Москву?... Вы поступили какъ безумные, какъ дѣти, и сами теперь на себя плачетесь.

Еслибъ Образцовъ имѣлъ дѣло не съ шестидесятилѣтнимъ ребенкомъ, онъ бы отвѣчалъ: „Не о любви я мечтаю; я пересталъ мечтать о невозможномъ, мнѣ тридцать четыре года.“

Онъ бы сказалъ что съ годами только и съ опытностью онъ понялъ что супружество не можетъ и не должно быть мгновеннымъ сближеніемъ двухъ личностей, вспышкой любви, а жизненнымъ вопросомъ налагающимъ серіозныя обязанности. А онъ бросилъ жену въ ту именно минуту когда ей нужна была опора и самоотверженіе мущины. Онъ ушелъ изъ удушливой среды, а жену въ ней оставилъ, и убѣдился по собственному опыту что честный человѣкъ дойдетъ, рано или поздно, до сознанія неисполненнаго долга и не заглушитъ упрека совѣсти, на которой лежитъ чье-нибудь несчастіе.

Сознаніе своей вины оправдало Машу въ глазахъ Образцова. Онъ зналъ черезъ общихъ знакомыхъ что она ведетъ

Digitized by Google

безукоризненную жизнь. Онъ уважалъ ее, жалѣлъ объ не... малъ уже къ ней написать, когда дошло до него извѣст... лѣзни тещи. Онъ дожидался ея смерти, и пріѣхалъ въ... какъ скоро могъ отлучиться отъ должности.

Явиться прямо къ женѣ или даже написать къ... знавъ заранѣе какъ она приметъ первый шагъ... онъ не рѣшился; онъ и не признавалъ за собою... къ ней незваннымъ. Онъ обратился къ граф... бесѣды съ нимъ остался попрежнему въ т... ній насчетъ чувствъ Марьи Павловны.

— Что̀ же? теперь тебѣ надо дѣйствова... рукахъ, началъ графъ.—Я могу на дняхъ...

— Увидимъ, отвѣчалъ Образцовъ.

Въ его рукахъ?... полно въ его ли ру...

— Я къ ней напишу, сказалъ онъ,—п...

Онъ подвинулся къ письменному с... ко строкъ, вложилъ ихъ въ пакетъ.

— Только! подумалъ графъ, котор... ней мѣрѣ на четыре страницы.

— Только.

„Позволите ли вы мнѣ пріѣх... Когда люди разстаются не утра... гу, они должны встрѣтиться бе... васъ, я полагаю что вы раздѣля... Но каковъ бы ни былъ вашъ от... на меня какъ на человѣка искр...

VII...

Анисья Өедоровна догадывала... номъ между графомъ и его гост... вить лампу, входила нѣсколько р... валась къ разговору. Ей удалос... торыя подтвердили ея предполо... ности: она смекнула въ одно мг... ловна сойдется съ мужемъ, то, н... гдѣ положеніе ея будетъ неловко... и Михаилъ Александровичъ гово... за что̀ не оставитъ службы.

Удалить графа отъ Марьи П...

Digitized by Google

сихъ поръ недосягаемою мечтой Анисьи Өедоровны. Дарилъ ли онъ своей племянницѣ драгоцѣнную бездѣлушку, Анисья Өедоровна думала съ завистью и горестью что Марья Павловна обкрадываетъ ея дѣтей. Проводилъ ли онъ цѣлый день у Марьи Павловны: не было сомнѣнія что Марья Павловна наговариваетъ на нее графу, и Анисья Өедоровна не пропускала случая намекнуть ему съ желчью и грубостью на кляузы извѣстной ей особы. И вотъ, судьба сжалилась наконецъ надъ беззащитною вдовой, какъ она сама себя называла, и посылала ей, можетъ-быть, въ лицѣ Образцова, избавителя отъ интригъ Марьи Павловны.

Проводивъ своего гостя, графъ вошелъ въ гостиную, гдѣ Анисья Өедоровна сидѣла за работой.

— У васъ засидѣлся Михаилъ Александровичъ, начала она,— а я, признаться, успѣла здѣсь выспаться, да вотъ опять принялаеь за вязанье, и все думала.... Знаете, о чемъ я думала?

— О чемъ это? спросилъ графъ, очень довольный ея бархатнымъ тономъ.

— Вы скажете, пожалуй, что я сумашедшая, а я вотъ о чемъ думала: Марья Павловна женщина молодая, и теперь живетъ одна; ну долго ли до бѣды? Чтò бы вамъ поговорить ей, не сойдется ли она съ мужемъ? Михаилъ Александровичъ такой прекрасный человѣкъ что, мнѣ кажется, онъ согласится съ удовольствіемъ.

— Я знаю что у васъ добрѣйшее сердце, отвѣчалъ графъ.

— Вы-то, графъ, это понимаете, отозвалась съ чувствомъ Анисья Өедоровна.—Конечно, не всѣ ко мнѣ одинаково расположены.... Чтò же? вы полагаете что они могутъ сойтись?

— Это все въ Божьихъ рукахъ, голубушка.

— Конечно все въ Божіихъ рукахъ, но и вы, какъ родной дядя, должны имъ внушать что жить врозь грѣхъ предъ Богомъ и соблазнъ для добрыхъ людей.

— Увидимъ, увидимъ чтò будетъ, промолвилъ графъ.

— Вишь, ничего не добьешься, подумала Анисья Өедоровна;—точно она, прости Господи, святыня какая что до нея не дотрогивайся.

Анисья Өедоровна такъ-таки ничего и не добилась, но поняла что надежда есть, и большая.

На слѣдующе утро графъ принялъ у себя Моранжи, потолковалъ съ нимъ усердно, и обѣщался переговорить съ его повѣреннымъ и дать un coup d'épaule его дѣламъ.

Digitized by Google

Въ тотъ же день Моранжи писалъ къ своимъ парижскимъ друзьямъ:

„Les russes sont obligeans, toujours prêts à venir en aide aux étrangers dans les procés d'héritage surtout. Ce sont des Tartares policés. Guizot est leur auteur de prédilection.“ *

Это послѣднее заключеніе онъ вывелъ изъ того что видѣлъ на столѣ какого-то Москвича томъ Гизо.

Графу не удалось раньше вечера пріѣхать къ Марьѣ Павловнѣ, которой Кети описывала цѣлый день прелести заграничной жизни. Моранжи заѣхалъ поутру къ двумъ сестрамъ и ему сообщили новые проекты; онъ имъ, разумѣется, горячо сочувствовалъ, и когда явился графъ, воображеніе Образцовой было уже сильно настроено въ пользу путешествія.

— Поздравьте меня, дядя, сказала Катерина Павловна,—я увожу Машу.

— Какъ увозишь? Куда? Когда?

— Куда? въ Европу изъ Азіи! Когда? какъ скоро намъ вышлютъ деньги; хоть завтра. Знаете что̀? Не увезти ли намъ и васъ? Только безъ Анисьи Ѳедоровны.

Графъ нахмурился, не отвѣчалъ, усѣлся, и между тѣмъ какъ Кети его угощала потокомъ словъ, вынулъ записочку изъ бумажника.

— Отъ твоего мужа, сказалъ онъ въ полголоса Марьѣ Павловнѣ.

— Отъ моего мужа! воскликнула она.

— Отъ ея мужа! повторила въ свою очередь Кети.

— Ну, да, отъ ея мужа. Что̀ же тутъ удивительнаго?

Марья Павловна отошла въ сторону и читала записку съ видимымъ смущеніемъ. Графъ наблюдалъ за каждымъ измѣненіемъ ея подвижной физіономіи, а Кети смотрѣла на нее, подавляя съ трудомъ свое нетерпѣніе.

— Ты, кажется, замерла надъ этимъ посланіемъ, замѣтила она наконецъ.

Марья Павловна, придя понемногу въ нормальное состояніе, положила письмо на столъ и сказала сухо:

— Прошу васъ передать Михаилу Александровичу что я ему очень благодарна за его увѣренія въ преданности, но скажите—

---

* Русскіе обязательны, всегда готовы предложить свои услуги иностранцамъ, въ особенности въ процессахъ по наслѣдству. Они образованные Татары. Гизо ихъ любимый писатель.

Digitized by Google

что̀ ему вздумалось просить у меня свиданія? Мнѣ кажется лучше его, наоборотъ, избѣгать. Для меня по крайней мѣрѣ оно будетъ слишкомъ тяжело.

— Ты прекрасно дѣлаешь что не соглашаешься на свиданіе, подхватила Кети.—Что̀ это за комедія? Бросилъ жену и вдругъ вздумалъ у ней просить rendez-vous. Какъ трогательно!

Послѣдовало молчаніе. Графъ страдалъ и пріискивалъ выраженіе которымъ думалъ уязвить смертельно неугомонную вдову.

— Твоя сестра, началъ онъ наконецъ, обращаясь къ Образцовой,—рѣшила что ты не должна рѣшаться на это свиданіе.

— Она рѣшила? Нѣтъ! я никому не позволю въ это вмѣшаться.

— Вотъ какъ! промолвила Кети.

— Да, не позволю. Но я должна признаться что я согласна съ твоимъ мнѣніемъ. Странно, смѣшно даже пріѣхать ко мнѣ какъ гость.... Мнѣ будетъ совѣстно даже предъ прислугой.

— Во всякомъ случаѣ твой мужъ поступилъ какъ варваръ....

— Это не твое дѣло. Maman тоже твердила что онъ варваръ, и я знаю чѣмъ я поплатилась за то что позволяла ей вмѣшиваться въ наши отношенія.

Графъ просіялъ.

— Ты права, замѣтилъ онъ;—никто не долженъ вмѣшиваться въ отношенія мужа къ женѣ.

— А вы-то зачѣмъ же вмѣшиваетесь? спросила Кети.

— Я съ безумными не говорю, и попрошу тебя помолчать.

— Дикій островъ здѣсь, что ли, что нельзя сказать слова безъ разрѣшенія начальства! Маша, уѣдемъ немедленно.... Признаюсь, очень странно что Михаилу Александровичу вздумалось возобновить отношенія съ женой сейчасъ послѣ смерти maman. По-моему, это подозрительно.

Марья Павловна поняла намекъ на корыстныя цѣли Образцова и возразила съ негодованіемъ:

— О! это уже не простительно, и ты сама не думаешь того что̀ говоришь.

— Твоя сестра перешла за границы приличія, сказалъ графъ на распѣвъ, густымъ голосомъ, и смотря изъ подлобья.

Ей самой стало совѣстно. Она вдругъ обняла сестру и дядю.

— Ну, прости меня, Маша, и вы, дядя, не сердитесь, милый. Что̀ дѣлать! вы знаете, языкъ мой — врагъ мой.

Образцова, отказавшись съ первыхъ словъ отъ свиданья съ

Digitized by Google

мужемъ, уже раскаивалась въ своей торопливости. Дѣло въ томъ что письмо ее озадачило, взволновало, но не тронуло. Оно было такъ несложно и сухо что не допускало никакого рода объясненій; нельзя было отвѣчать на него иначе какъ согласіемъ или отказомъ. А Марьѣ Павловнѣ не хотѣлось сказать ни да ни нѣтъ; ей надо было обдумать свое рѣшеніе....

Графъ ожидалъ положительнаго отвѣта на переданное имъ письмо и былъ совершенно сбитъ съ толку равнодушіемъ своей племянницы. Онъ принялъ важный видъ и говорилъ отрывисто и лаконически. Кети, послѣ своей выходки, стала вдругъ кротка какъ ягненокъ и была все-таки несносна: она раскладывала пасьянсъ и не кончивъ закуривала пахитосъ, бросала его не докуривъ и бралась за работу, потомъ опять за пасьянсъ. Вечеръ длился; наконецъ графъ принялся отыскивать свою трость. Марья Павловна, прощаясь съ нимъ, сказала:

— Дядя, я васъ однако попрошу передать Михаилу Александровичу что я сама надѣюсь что мы встрѣтимся безъ непріязни....

Графъ взглянулъ на нее вопросительно, даже глупо, такъ онъ былъ удивленъ, и спросилъ:

— Гдѣ вы встрѣтитесь?

— Живя-то въ одномъ городѣ? Да вездѣ можемъ встрѣтиться! У общихъ знакомыхъ, на улицѣ, у васъ наконецъ, я не знаю!

VIII.

Однообразіе жизни Марьи Павловны было нарушено неожиданно. Не оставалось сомнѣнія что Михаилъ Александровичъ не безъ задней мысли изъявилъ желаніе ее видѣть: онъ ничего не дѣлалъ даромъ. Что же касается до нея, она не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Ей хотѣлось встрѣтиться съ нимъ чтобы помучить и его и себя, какъ будто они не довольно мучили другъ друга; высказать ему что-то недосказанное, какъ будто мало было говорено. Этотъ человѣкъ ее такъ оскорбилъ, разбилъ ея жизнь такъ неожиданно и грубо что простить ему казалось ей унизительнымъ и несогласно съ ея гордостью, ни даже съ ея чувствами. Развѣ она любила его?— Были такія минуты, когда она бы дала полжизни за то чтобы онъ въ нее влюбился страстно и далъ бы ей возможность отмстить за себя, бросить его и сказать ему: „Мы поквитались“.

Но чувство которое перешло въ ненависть не перестаетъ

Digitized by Google

быть чувствомъ, и при первомъ случаѣ можетъ обратиться въ страсть. Все дѣло въ одномъ вопросѣ: сохранилось ли оно въ сердцѣ, или живетъ только въ воображеніи?

Образцова вышла замужъ прелестною, но дурно воспитанною дѣвочкой, не отдавая себѣ ни малѣйшаго отчета въ обязанностяхъ замужней женщины. Съ тѣхъ поръ какъ ее оставилъ мужъ, опытность, пріобрѣтенная годами и страданіями, развила въ ней нѣкоторое понятіе о жизни, которое она не успѣла приложить къ дѣлу. Ей приходилось въ первый разъ испытать свои собственныя силы и она невольно опасалась себя, не довѣряла себѣ, чувствовала что готова идти очертя голову, тамъ гдѣ другая измѣрила бы заранѣе послѣдствія важнаго шага.

Марья Павловна не вполнѣ даже сознавала что въ ея жизни разыгрывается не романъ, а серіозный вопросъ. Ей даже нравилось неожиданное сплетеніе обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась; она вдругъ охладѣла къ Моранжи и между тѣмъ начала съ нимъ кокетничать.

„Пусть же Михаилъ Александровичъ увидитъ его у моихъ ногъ", думала она, и ожидала съ нетерпѣніемъ чтобы графъ привезъ ей какую-нибудь вѣсточку объ мужѣ.

Моранжи являлся почти каждый день къ двумъ сестрамъ. Ему нравился контрастъ который онъ находилъ между ними: одна была полна, другая стройна и худощава; съ одной онъ находился en frais de coquetterie, а о другой вздыхалъ, и ни съ тою ни съ другою не игралъ однако комедіи. Ухаживаніе за женщинами было въ немъ потребностію; природнымъ свойствомъ, какъ ѣда, сонъ, движеніе.

Разъ, пріѣхавши съ надеждой поболтать съ ними, онъ не засталъ Кети дома и обрадовался возможности видѣть наединѣ ту, которая ему больше нравилась.

Марья Павловна смѣялась, подшучивала надъ нимъ и казалась такъ весела что Моранжи выразилъ желаніе видѣть ее серіознѣе.

— Вы слишкомъ требовательны, отвѣчала она.—Развѣ возможно смотрѣть серіозно на ваши письма и слова?

— Вы меня оскорбляете. Я васъ умоляю объясниться.

— Вы писали ко мнѣ что вы меня любите?

— И готовъ это повторить тысячу разъ.

— И ухаживаете за моею сестрой?...

— Потому именно что я влюбленъ въ васъ.

Digitized by Google

— Вы кажется смѣетесь, Mr de Morangy?

— Боже мой, что вы говорите! Ваша сестра благосклонно смотритъ на людей которые за ней ухаживаютъ, а я счастливъ что нашелъ предлогъ который мнѣ позволяетъ бывать у васъ каждый день.

— Какъ! вы *мнѣ* признаетесь что играете комедію съ моею сестрой!

— Какая же тутъ комедія?... Я влюбленъ въ васъ, а не въ нее, но она хорошенькая женщина, я ей это повторяю, и мы оба довольны.

— Я давно слышала что Французы смотрятъ на любовь какъ на шутку; но странно что они обращаются съ объясненіями къ женщинамъ которыя ею не шутятъ.

— Кто сказалъ что Французы не умѣютъ любить? возразилъ съ жаромъ Моранжи, оскорбленный ея замѣчаніемъ. Они потомки рыцарей, и каждый изъ нихъ обнажитъ шпагу за честь и любовь дорогой женщины.

— И они носятъ двѣ шпаги? спросила она, разсмѣявшись.

— О! это жестокое слово! Это нехорошо съ вашей стороны. Вы забавляетесь любовью человѣка который готовъ умереть за васъ—а я смѣлъ надѣяться что моя любовь васъ тронула...

— Я буду искренна.... Да.... тронула, на минуту!... Но я убѣдилась что я вамъ не внушаю серіознаго чувства, и вы видите что я за это не въ претензіи.

— Вы меня приводите въ отчаяніе! воскликнулъ Моранжи.— Я былъ бы самый пошлый изъ смертныхъ, еслибы не умѣлъ васъ любить серіозно. Прикажите мнѣ броситься для васъ въ огонь и въ воду, и тогда вы не усомнитесь во мнѣ!

Моранжи увлекся въ одно мгновеніе и своими собственными словами, и tête-à-tête, и миловидностью Марьи Павловны; кровь ему бросилась въ голову. Онъ придвинулъ свое кресло такъ близко къ молодой женщинѣ что коснулся ея колѣнъ; она вспыхнула и отодвинулась. Онъ сталъ на колѣни и схватилъ ея руку; она ее высвободила, вскочила съ мѣста и отошла; а онъ всталъ и остановился предъ ней съ умоляющимъ взглядомъ, который ей внушалъ отвращеніе.

— Оставьте меня! Вы не имѣете уваженія къ женщинѣ, сказала она громко и строго.

— Боже мой! за то что человѣкъ васъ обожаетъ, вы говорите что онъ не умѣетъ васъ уважать? Я отдамъ полжизни за одинъ день вашей любви....

Digitized by Google

И онъ занесъ руку, чтобъ ее обнять.

— Вы забываетесь! вскрикнула Марья Павловна.

Моранжи давно не вѣрилъ въ строгость женщинъ, но тутъ нельзя было не повѣрить. Всѣ черты ея лица выражали почти дѣвственный страхъ; онъ опомнился, и наклонивъ голову, замеръ предъ ней въ позѣ jeune premier предъ Мадленой Броганъ.

— Простите меня, сказалъ онъ.—Выгоните меня.... Я сумасшедшій. Я кругомъ виноватъ!

Полудраматическая поза не была въ немъ вымышлена, придумана для даннаго случая. Не онъ перенялъ ее у jeune premier—а jeune premier перенялъ у него. Французы дома какъ и въ людяхъ, особенно съ женщинами, тѣ же самые что̀ на сценѣ, актеры до такой степени втянувшіеся въ роль что она перестаетъ быть ролью. Въ иныхъ случаяхъ они ею такъ вдохновляются что идутъ на геройскіе подвиги.

Марья Павловна вздохнула свободнѣе и сказала:

— Я бы никогда не простила себѣ, еслибы могла предвидѣть эту сцену.

— Я отсюда не выйду пока вы мнѣ не простите, отвѣчалъ Моранжи.—Не судите обо мнѣ слишкомъ строго. Женщины которыхъ я любилъ до сихъ поръ не стоили вашего мизинчика. Да! я ихъ любилъ шутя, васъ нельзя такъ любить. Вы исключеніе....

Долго говорилъ онъ въ этомъ смыслѣ, и его сладкія рѣчи слушала не безъ удовольствія Марья Павловна. Моранжи это угадывалъ, несмотря на серіозность и строгость которыми она вооружилась.

Ихъ бесѣдѣ положило конецъ возвращеніе Кети. Моранжи ее привѣтствовалъ съ обычною любезностью; на его лицѣ, во всей его особѣ не оставалось слѣда смущенія или чувства. Онъ разговорился о политикѣ; война между Франціей и Германіей была уже объявлена.

— Война можетъ сдѣлать переворотъ во Франціи, сказалъ онъ.

— Переворотъ въ пользу Бурбоновъ? спросила Кети.

— Непремѣнно. Революція—и Наполеонъ палъ.

— Вы не боитесь Прусаковъ?

— О! Развѣ можетъ быть объ этомъ рѣчь? Ихъ перебьютъ какъ мухъ! Надо спѣшить въ Парижъ.

— Ждите же насъ въ Парижѣ съ того дня, когда въ немъ будетъ развѣваться бѣлое знамя.

Digitized by Google

— О! это было бы слишкомъ много счастія разомъ!

Онъ сѣлъ къ роялю, и взглянувъ на Марью Павловну, весело запѣлъ:

„.... Dieu garde mon âme!
Ma vie est au Roi,
Mon coeur à ma dame,
Mon honneur à moi!“

„У нихъ все кончается пѣснями“, подумала она съ презрительною досадой.

IX.

Графъ не замедлилъ передать Образцову свой послѣдній разговоръ съ Марьей Павловной. Какъ тяжело ему ни было, онъ не забылъ ни одного слова, ни малѣйшей подробности, и замѣтилъ съ большимъ удивленіемъ что Михаилъ Александровичъ остался доволенъ.

Правда, она отказалась принять его у себя, но не избѣгала встрѣчи съ нимъ у другихъ. И съ какою же цѣлію сдѣлалъ бы онъ шагъ къ сближенію, еслибъ остановился при первомъ препятствіи?

Узнавъ что она гуляетъ ежедневно пѣшкомъ, онъ старался ее встрѣтить на улицѣ около ея дома, но она какъ нарочно не выходила. Наконецъ ему удалось взглянуть на нее, но она шла объ руку съ сестрой, и около нея увивался незнакомый щегольски одѣтый иностранецъ. Эта встрѣча повторилась два раза; Образцова не замѣтили. Имя иностранца ему сказалъ графъ Чаллинъ, и изъ его подробнаго и не хитраго разказа легко было заключить что Моранжи ухаживаетъ за Марьей Павловной. Образцовъ, не откладывая болѣе, попросилъ дядю устроить ему свиданіе съ женой.

Графъ написалъ немедленно къ Марьѣ Павловнѣ, что зоветъ ее *одну* на чашку чая, и заѣдетъ за ней самъ вечеромъ.

Она поняла, и не сообщила приглашенія сестрѣ. Кети звала ее за́-городъ, но получивъ положительный отказъ, уѣхала одна съ Моранжи.

Марья Павловна провела цѣлый день въ раздумьи и въ тревогѣ, ходила, садилась, то улыбаясь, то хмурясь. Она твер-

дила роль: какъ ей войти, что сказать мужу; и послѣ долгихъ колебаній и соображеній рѣшилась обращаться съ нимъ какъ новая знакомая: холодно и прилично.

Въ семь часовъ пріѣхалъ графъ, посадилъ племянницу въ карету, и увезъ къ себѣ.

Карета катилась по мостовой, а сердце Марьи Павловны все болѣе и болѣе замирало. Она схватила руку дяди и сказала:

— Ради Бога, не оставляйте насъ вдвоемъ.

— Смѣшно! ты боишься оставаться вдвоемъ съ мужемъ?...

Карета остановилась.

— Я васъ прошу.... дядя, ради Бога! настояла Образцова.

Выходя изъ кареты она оступилась и подумала: „дурная примѣта...."

Пойдемъ ли мы за ней шагъ за шагомъ? Возможно ли передать хаосъ чувствъ поднявшійся въ ея сердцѣ, когда она очутилась лицомъ къ лицу съ единственнымъ человѣкомъ котораго она любила и не могла забыть?... Онъ ее окинулъ пытливымъ, хотя и смущеннымъ взглядомъ, и нашелъ въ ней большую перемѣну. Рѣзвая, пылкая, неспособная скрыть малѣйшаго чувства дѣвушка преобразилась въ женщину владѣющую вполнѣ собой. Она протянула руку Образцову, и сказала, какъ будто бы они познакомились наканунѣ:

— Здравствуйте, Михаилъ Александровичъ.

Голосъ ея не задрожалъ. Серіозное выраженіе лица бросилось въ глаза Образцову, привыкшему видѣть его въ слезахъ, или сіяющимъ радостью. Онъ замѣтилъ что она была въ бѣломъ, несмотря на траўръ. Она сѣла, сняла перчатку и бросила ее на столъ; перчатка упала, Образцовъ ее поднялъ.

— Merci, сказала она, взглянувъ на него привѣтливо. — Дядя, у васъ масса журналовъ?... и она наклонила голову надъ газетой и перевернула листъ.

— Я ихъ выписываю съ тѣхъ поръ какъ началась война. Сегодня дурное извѣстіе, Французовъ разбили подъ Вёртомъ.... А ты, Мишель, хоть ихъ и не долюбливаешь, все-таки желаешь чтобъ они Нѣмцевъ отдѣлали, ха, ха, ха!

— И васъ интересуетъ война? спросила Марья Павловна, обращаясь вдругъ къ мужу.

— На эту войну никто не смотритъ равнодушно... она много рѣшитъ и для насъ, отвѣчалъ Образцовъ.

Digitized by Google

Разговоръ о политикѣ, начатый графомъ, прекратился разумѣется самъ собой. Заговорили о погодѣ.... и обрадовались что въ сосѣдней комнатѣ зашумѣли чашками. Графъ былъ какъ на иголкахъ, но не смѣлъ выйти изъ комнаты, а Образцовъ все ждалъ чтобъ онъ вышелъ.

„Какое пошлое положеніе, думалъ онъ, и я самъ напросился на эту комедію. Надо было найти возможность видѣться—только не здѣсь. А я не ожидалъ отъ нея такой выдержки.“

Марья Павловна взяла на колѣни котенка, который мурлыкалъ около нея, и принялась его гладить и щекотать за ухомъ. Легкая дрожь пробѣгала по всему тѣлу молодой женщины, и рука ея была холодна и красновата.

— А что̀ его хозяйки не видать? спросила она, поглаживая котенка.—Гдѣ Соня?

— Слышишь? тебя зовутъ, поди поздоровайся, сказала Анисья Өедоровна, которая сидѣла въ залѣ около чайнаго стола и боялась проронить малѣйшее слово изъ бесѣды графа съ его гостями.

Соня вошла въ гостиную и поцѣловалась съ Марьей Павловной.

— Какъ эта дѣвочка блѣдна! сказала Марья Павловна, взглянувъ на мужа.—Ей бы надо на воды въ Липецкъ.

— А вы, я слышалъ, собираетесь за границу? спросилъ Образцовъ.

— Да, перемѣна, знаете, иногда необходима. Перемѣна жизни, мнѣ кажется, измѣняетъ иногда и людей.... не правда ли?

— Я нахожу что вы и такъ измѣнились, не выѣзжая изъ Москвы.

— Къ лучшему или къ худшему? спросила она, слегка улыбаясь.

— Вы измѣнились.... вотъ все что̀ я пока могу сказать.

Графъ, обрадованный что разговоръ завязался, всталъ и подошелъ къ столовымъ часамъ, потомъ къ висящей на стѣнѣ фотографіи, останавливался и разсматривалъ ихъ какъ будто видѣлъ въ первый разъ. Однако разговоръ опять прекратился. Марья Павловна, которая ожидала другаго отвѣта отъ мужа, не отозвалась на его слова, наклонила опять голову надъ *Иллюстраціей* и замолчала.

Ея выдержка начинала сокрушать надежды Образцова и всѣ его соображенія относительно будущаго примиренія. Она или мстила за себя или дошла до послѣдней степени равнодушія,

Digitized by Google

и онъ на нее глядѣлъ съ возбужденнымъ любопытствомъ. Но Марья Павловна ждала другаго взгляда, ждала слова, хоть слова упрека, которое разбило бы между ними ледяную преграду. Внѣшнее спокойствіе и необщительность мужа ее раздражали, оскорбляли. Она уже не играла роли и была холодна, потому что у ней было смертельно холодно на сердцѣ.

Человѣкъ подалъ чай, а за нимъ сама Анисья, Өедоровна вошла съ банкой варенья и поставивъ ее на столъ, сказала любезно мужу и женѣ:

— Прошу отвѣдать: морошка. Сама варила. Признаюсь, не надѣялась что вы будете ее кушать вмѣстѣ.

Оба опустили съ досады глаза свои на чашки.

Вечеръ отъ котораго Марья Павловна такъ много ожидала вышелъ, какъ почти всегда случается въ жизни, вялый и пустой. И чего, чего она не передумала, на что̀ она не рѣшилась въ какія-нибудь три четверти часа? Зачѣмъ онъ ее вызвалъ? Зачѣмъ она пріѣхала? Надо было понять что онъ ей готовитъ новое оскорбленіе. Не долженъ ли онъ былъ встрѣтить ее съ повинною головой? Не за нимъ ли осталось слово которое должно было ее вызвать на гнѣвъ или снисхожденіе? Завтра же она уѣдетъ куда-нибудь, чтобъ не быть въ одномъ городѣ съ нимъ.

„Одно остается, думалъ въ свою очередь Образцовъ, сказать ей прямо что я желаю ее видѣть наединѣ."

Но прежде чѣмъ онъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, самое неожиданное обстоятельство нарушило однообразіе вечера.

Катерина Павловна провела цѣлый день въ Останкинѣ съ Моранжи. Никогда еще ей не было такъ весело, никогда они не кокетничали другъ съ другомъ съ такимъ усерднымъ желаніемъ вскружить другъ другу голову; къ вечеру собрались тучи и пошелъ дождь, надо было вернуться домой. У подъѣзда Моранжи простился съ Кети и объявилъ что онъ поѣдетъ къ графу Чаплину.

Кети призадумалась; она замѣтила что домъ не освѣщенъ, спросила у людей гдѣ ея сестра и узнавъ что она была у графа, предложила Моранжи ѣхать къ нему вмѣстѣ. Поѣхали: прислуга графа получила приказаніе всѣмъ отказывать, но никакъ не полагала что запрещеніе простирается на родную племянницу, и впустила ее безпрекословно. Катерина Павловна вошла шумно и весело; но узнавъ своего зятя, остановилась въ

Digitized by Google

дверяхъ, пораженная удивленіемъ. Произошло общее смятеніе. Графъ подошелъ къ Моранжи, что-то пробормоталъ и не познакомилъ его съ Образцовымъ, который тотчасъ его узналъ.

Между тѣмъ Кети успѣла оправиться, взглянула на сестру; та ей кивнула головой, улыбнулась и поднесла палецъ къ губамъ. Не оставалось сомнѣнія что мужъ и жена не случайно встрѣтились у графа, но объ этомъ надо было молчать предъ постороннимъ лицомъ. Объяснивъ себѣ такимъ образомъ знакъ сдѣланный сестрой, Кети протянула съ недоумѣніемъ руку Михаилу Александровичу и проговорила: „Bonsoir“.

Моранжи уже успѣлъ устроиться возлѣ Марьи Павловны и сказалъ почти шопотомъ:

— Я васъ не узналъ въ первую минуту; какъ этотъ бѣлый нарядъ идетъ къ вашему смуглому лицу! Почему вы въ бѣломъ сегодня?

Она сидѣла въ углу; Моранжи сѣлъ такъ близко къ ней, его шепотъ ей показался такъ неумѣстенъ что она вспыхнула до ушей.

— Почему вы сняли трауръ? спросилъ онъ опять, объясняя по-своему ея смущеніе.

Она солгала:

— Сегодня день моего рожденія, и я сняла черное платье. Примѣта.

Ея желаніе сбылось: Моранжи у ея ногъ, и Образцовъ не отводилъ отъ нея глазъ. Почему же она растерялась? Неужели она дорожитъ его мнѣніемъ? Надо превозмочь себя, кокетничать съ Моранжи.

— Вамъ было весело въ Останкинѣ? спросила она.

— Да, весело; но я думалъ о васъ и досадовалъ на себя.

— Почему?

— Мнѣ бы слѣдовало любить не васъ, а вашу сестру.

Разговоръ поддерживался нѣкоторое время на этотъ ладъ, съ неимовѣрными усиліями со стороны Марьи Павловны.

Кети болтала, пила чай, и между тѣмъ не теряла изъ виду сестры. Чувство до тѣхъ поръ ей незнакомое, чувство ревности подымалось въ ея груди. Она слишкомъ разчитывала на себя: пустое кокетство перешло незамѣтно въ любовь. Кети полюбила, насколько была способна полюбить. Мучительное безпокойство овладѣло ею; она не могла съ нимъ совладать и громко позвала Моранжи, чтобъ отвлечь его отъ разговора.

Digitized by Google

— Mr de Morangy, не правда ли, вы не вѣрите въ успѣхъ прусской арміи?

— Это вѣроятно журнальная сплетня, отвѣчалъ Моранжи. — А если даже и не сплетня, что же это доказываетъ? Eh bien, on les battra demain, voilà tout!

Отъ Образцова ничего не ускользнуло: ни смущеніе Марьи Павловны, ни смѣлость этого Француза, съ которымъ она говорила шепотомъ. Теперь онъ понималъ почему Марья Павловна отказалась его принять; онъ объяснилъ себѣ ея неприступность.... У него соперникъ, и кто же!

Какъ хотѣлось Образцову посмѣяться надъ нимъ, одурачить его въ глазахъ жены.

Моранжи высказывалъ пошлости о политикѣ и литературѣ во всей простотѣ своего французскаго нахальства, со всею наивностью человѣка никогда не усомнившагося ни въ себѣ, ни въ другихъ. Онъ стоялъ противъ Образцова; заложивъ пальцы въ карманъ жилета, а правою рукой дѣлалъ жесты, подтверждающіе неопровержимость его словъ.

Образцовъ не дѣлалъ жестовъ, слушалъ и смотрѣлъ съ поддѣльною серіозностью и вниманіемъ, въ которыхъ ошибся одинъ Моранжи. Но Образцовъ зналъ какими глазами русскій человѣкъ могъ смотрѣть на его противника въ настоящую минуту, съ какимъ чувствомъ могъ его слушать

Кети, которая выходила изъ себя, сказала вдругъ:

— Mr de-Morangy, оставьте литературный споръ, онъ мнѣ надоѣлъ. Акомпанируйте мнѣ пожалуста, я спою романсъ.

Моранжи сѣлъ къ роялю, а Образцовъ подошелъ къ своей женѣ.

Она была очень блѣдна и поблѣднѣла еще больше. Онъ нагнулся къ ней и сказалъ довольно громко подъ звукъ музыки:

— Онъ неотразимъ!

— Представьте себѣ, отвѣчала Марья Павловна, смѣло выдерживая его презрительный взглядъ, — что я еще недавно была готова полюбить этого ничтожнаго человѣка!

Смѣлость отвѣта смутила Образцова.

— Если только готовы... слава Богу! И это правда?... Неужели бы вы могли его полюбить?

— Почему нѣтъ; я какъ и многія женщины, которыхъ не любили безупречные люди.

Образцовъ сѣлъ возлѣ нея.

Digitized by Google

— Скажите мнѣ, спросилъ онъ немного помолчавъ,—зачѣмъ вы пригласили сюда этого господина и вашу сестру?

— Они пріѣхали случайно. Сестра моя не знала даже что я здѣсь. Но я рада что она пріѣхала.

— Рады?

— Да! Мнѣ еще никогда не было такъ холодно какъ сегодня! Я никогда не чувствовала себя до такой степени одинокою.

— Marie.... Вы снимаете наконецъ вашу маску, сказалъ онъ. Она узнала его прежній голосъ; но прежняго вліянія онъ не произвелъ на нее. Неужели она его любила только воображеніемъ, только въ прошедшемъ?

— На мнѣ не было маски, отвѣчала она кротко и грустно.

— Согласитесь меня принять, просилъ Образцовъ.—Я хочу.... я долженъ васъ видѣть.

— Хорошо, отвѣчала она, подумавъ.—Мы увидимся, только не у меня. Мнѣ хочется избѣжать домашнихъ толковъ и сплетней.... Я придумаю гдѣ.... я къ вамъ напишу.

Онъ поймалъ ея руку и пожалъ торопливо ее; это тихое пожатіе какъ будто смутило ея сердце.

X.

Образцовъ провелъ свое юношество въ строгой и тихой средѣ, между матерью и сестрами. Онъ женился въ двадцать шесть лѣтъ, мало зная жизнь, не вынесъ перехода отъ мирныхъ семейныхъ отношеній къ домашнему аду, и не совладалъ съ новымъ положеніемъ. Разставаясь съ женой, онъ еще далеко не охладѣлъ къ ней, но преодолѣлъ чувство, которое называлъ слабостью. Онъ ее обвинялъ во всемъ несчастьѣ неудавшагося супружества; и было что-то жесткое и непоколебимое въ его обвиненіяхъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ не безъ горькихъ разочарованій въ людяхъ вообще и въ женщинахъ въ особенности. Въ провинціи у него была связь, въ которой онъ узналъ до чего можетъ доходить женская пустота и несостоятельность; онъ видѣлъ вблизи пустыхъ женщинъ и сдѣлалъ невольное сравненіе между ними и Марьей Павловной. До него доходили со всѣхъ сторонъ похвалы ея уму и сердцу, ея безупречной жизни. Онъ зналъ что она не простила матери ея вмѣшательства въ ихъ отношенія, и отстаивала его, когда на него нападала графиня. Не разъ онъ перечелъ ея письма,

Digitized by Google

въ которыхъ каждое слово дышало отчаяніемъ и любовью; когда остыли первыя горькія впечатлѣнія, онъ взглянулъ безпристрастно на прошлое и поступилъ какъ поступили бы немногіе; онъ обвинилъ себя и началъ мечтать о сближеніи съ женой.

Но увы! въ его сердцѣ не оставалось уже тѣни прежняго чувства. Онъ его разбилъ, продешевилъ, заглушилъ мелочными и минутными привязанностями. Но тѣмъ не менѣе внутренній голосъ ему говорилъ что онъ не принадлежитъ себѣ и долженъ поправить свою вину, пока еще не слишкомъ поздно.

И сердце его просило не страсти, а тихой семейной жизни. Онъ узналъ ее съ раннихъ лѣтъ, и она осталась его лучшимъ воспоминаніемъ. Образцовъ принадлежалъ къ числу людей всегда занятыхъ и дѣятельныхъ, для которыхъ необходимы, въ часы отдыха, женская заботливость и тихій разговоръ. Онъ надѣялся что для Марьи Павловны, какъ и для него, не прошелъ даромъ страшный жизненный урокъ, и видѣлъ ее подъ своимъ кровомъ кроткую, серіозную, понявшую призваніе жены и матери.

Вечеръ проведенный съ нею не могъ ему дать опредѣленнаго понятія о перемѣнѣ которая въ ней совершилась. Но вѣрно то что впечатлѣніе было выгодно для нея; и онъ ждалъ нетерпѣливо назначеннаго свиданія.

Но Марья Павловна не слишкомъ торопилась исполнить данное обѣщаніе. Послѣ встрѣчи, такъ давно и такъ горячо ожидаемой, мысли ея не успѣли придти въ порядокъ, и она не могла отдать себѣ отчета въ собственныхъ чувствахъ. Ея воображеніе не успокоилось; въ немъ воскресъ волшебный сонъ прошедшаго, и вмѣстѣ съ нимъ надежды.... Она не была далека отъ мысли что Образцовъ не переставалъ ее любить попрежнему; отмстить ли она ему за прошлыя оскорбленія, которыя лежали еще такъ тяжко на ея душѣ? или не вспыхнетъ ли и ея сердце подъ токомъ страсти?...

Обстоятельства приходили ей на помощь, чтобы поддержать ее въ романическомъ настроеніи духа. Она назначила свиданіе мужу какъ любовнику, и сама собой сбывалась ея мечта о загородной прогулкѣ; и ей мерещились длинныя аллеи, въ ея умѣ мелькали стихи Пушкина или Мицкевича. Она устроивала свиданіе то въ одной, то въ другой подмосковной: въ Сокольникахъ и въ Паркѣ было слишкомъ многолюдно; Останкино потеряло для нея свою прелесть, потому что было ей слишкомъ знакомо, и послѣ долгихъ колебаній она остановилась

Digitized by Google

на Царицынѣ, гдѣ еще никогда не бывала. Ей вспомнилось что въ первый годъ замужства она собиралась провести тамъ день съ Образцовымъ, но поѣздка не состоялась. Думала ли еще такъ недавно Марья Павловна что она состоится, наконецъ, и что они поѣдутъ вмѣстѣ въ Царицыно?

Иногда ею овладѣвало безотчетное и глухое безпокойство. Безсознательная, можетъ-быть, надежда сойтись съ мужемъ таилась нѣсколько лѣтъ въ ея сердцѣ за негодованіемъ, за озлобленіемъ; и вотъ наконецъ ея мужъ дѣлаетъ самъ первый шагъ къ сближенію, и она спрашиваетъ себя: „любитъ ли она его?“ и ей страшно ея спокойствіе, ея равнодушіе. Ей иногда хотѣлось бы уѣхать куда-нибудь далеко, далеко, подальше отъ него....

Въ одну изъ такихъ минутъ безнадежности и недоумѣній, не зная куда уйти отъ самой себя и съ кѣмъ подѣлиться своими чувствами, Марья Павловна вошла къ сестрѣ.

Она была очень къ ней привязана, и готова серіозно съ ней подружиться, еслибы та, съ своей стороны, умѣла отвѣчать на ея дружбу. Но Кети была исключительно занята собой. Она перестала говорить о поѣздкѣ за границу, не жила почти дома, и мало видалась съ сестрой, но успѣла намекнуть нѣсколько разъ на то что Маша хорошо бы сдѣлала, еслибы сошлась съ мужемъ. Марья Павловна не могла понять почему мнѣніе сестры такъ быстро измѣнилось, и почему, получивъ деньги, она не собиралась за границу. Кети видѣлась ежедневно съ глазу на глазъ съ Моранжи, а Марья Павловна, избѣгая его, не подозрѣвала что устраивала свиданія, принявшія уже характеръ ей извѣстный изъ французскихъ романовъ.

— Кети, ты опять куда-то собираешься? сказала она, взглянувъ на шляпку, лежавшую на туалетномъ столѣ.

— На Кузнецкій мостъ, Маша.... Надо непремѣнно.... А что?

— А мнѣ хотѣлось съ тобой поговорить.... Но никакъ не выберешь времени....

Кети сѣла противъ нея.

— Говори.... я могу подождать.

— Съ нѣкоторыхъ поръ я тебя не узнаю, Кети.... Ты какъ будто и забыла что мы собирались уѣхать вмѣстѣ.

Кети нѣсколько смутилась. Ей хотѣлось уѣхать съ Моранжи, и Марья Павловна могла только ихъ стѣснить.

— Маша, правда.... но видишь.... Меня безпокоитъ одно.... Ну, если ты соскучишься за границей?.. А я этого ожидаю.

Digitized by Google

Ты сама не своя съ тѣхъ поръ какъ повидалась съ мужемъ, и для меня ясно что ты желаешь съ нимъ сойтись.

— Это для меня самой не ясно.... Еслибы ты знала какъ я измучилась!

— Охота же тебѣ мучиться! Трудно входить въ чужія дѣла, но вотъ тебѣ мой совѣтъ: остаться здѣсь пока ты не примешь какого-нибудь рѣшенія.... А тамъ увидимъ. Уложиться и уѣхать не долго.

— Давно ли ты возставала такъ горячо противъ моего мужа?

— Да я не ты! Мы бы не ужились съ нимъ двухъ дней, а ты его обожала....

И между тѣмъ Кети отыскивала то зонтикъ, то перчатки.

— Ну, прощай, Мимиша. Мы объ этомъ поговоримъ толкомъ.... А то ты какъ нарочно выбрала самое неудобное время....

Она поцѣловала сестру и ушла.

— Богъ съ ней! подумала Марья Павловна, посмотрѣвъ ей вслѣдъ.—Рѣшено! я напишу ему сегодня, а завтра пусть рѣшится моя судьба!

Она написала мужу.

„Ждите меня завтра въ первомъ часу у дебаркадера Курской дороги. Мы проведемъ день въ Царицынѣ.“

XI.

Москвичъ посѣщающій Царицыно задумается невольно надъ его странною судьбой. Много грезъ навѣваетъ видъ этихъ развалинъ уже отжившихъ и не жившихъ никогда, этого великолѣпія безъ прошедшаго и безъ воспоминаній. На душѣ становится такъ же пусто какъ и въ этихъ огромныхъ галлереяхъ, которыя видишь сквозь безчисленное множество темныхъ оконъ. Никогда не свѣтились въ нихъ огни; человѣческое лицо никогда изъ нихъ не выглядывало; осенью въ нихъ воетъ вѣтеръ, а зимой ихъ засыпаетъ снѣгомъ. Только лѣтомъ кое-гдѣ изъ окна высунется березовая вѣтка. Единственная жилица дворца, она выросла подъ дождемъ и солнцемъ на насыпи земли и мусора не устланной паркетомъ, и ея свѣжая зелень составляетъ странный контрастъ съ почернѣлыми стѣнами.

Въ народѣ разказываютъ что это мѣсто проклято. Чей-то голосъ, преданье не говоритъ чей, сказалъ: „Пусто здѣсь

Digitized by Google

будетъ".... По немъ и сталось. Съ тѣхъ поръ Русская царица-орлица,* одѣтая въ атласъ, сіяющая красотой, золотомъ и алмазами, проѣзжала тѣмъ мѣстомъ. Полюбилось оно ей, и она приказала на немъ выстроить дворецъ на диво народу; и по ея повелѣнію мигомъ, подъ звуки пѣсень, завизжала пила, и стукъ топоровъ, съ утренней зари до вечерней, раздавался по сосѣднимъ лѣсамъ. Великолѣпныя стѣны дворца, башень, словно кружевныя ворота, воздвигались не по днямъ, а по часамъ. И захотѣлось царицѣ взглянуть на свое будущее жилище, которое и звали Царицынымъ. Вотъ она и пріѣхала, какъ въ первый разъ, пышная, веселая; но какъ взглянула на дворецъ—стало у нея грустно на сердцѣ. „Оставьте его, говоритъ. Мнѣ сдается что этотъ дворецъ гробъ мой."

Все и замолкло около дворца. Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Русскому царю вздумалось посѣтить покинутый дворецъ; онъ и поѣхалъ, какъ выѣхалъ изъ города, сбился съ дороги, плуталъ-плуталъ, словно духъ-нечистый отводилъ его кучера отъ настоящаго пути. Видитъ онъ издали крыши да башни, а онѣ ему не даются что кладъ. Такъ и вернулся назадъ, не доѣхавъ до Царицына. Прошло еще времени не мало: другой Русскій царь захотѣлъ взглянуть на дворецъ, и поѣхалъ онъ, да только-что выѣхалъ на дорогу, кони начали фыркать и подыматься на дыбы, да бить землю копытами, словно чуяли что-то не доброе. Бились съ ними, бились, дѣлать нечего, повернули назадъ, и они такъ и бросились къ городскимъ воротамъ. **

Ходятъ разные слухи о Царицынѣ. Чья-то тѣнь, говорятъ, тамъ бродитъ по ночамъ, и видали ее въ разныхъ видахъ. То стоитъ она въ плащѣ, какъ сторожъ, на башнѣ, и черный профиль всклокоченной бороды рѣзко обрисовывается на блѣдно-красноватомъ небосклонѣ. То она бродитъ около пруда. Разъ мальчикъ водилъ лошадь на водопой и поравнялся въ ветловой аллеѣ съ незнакомцемъ въ плащѣ. Мальчикъ позвалъ его, но онъ не обернулся. Мальчикъ схватилъ его за плащъ, но плащъ и вся фигура были прозрачны какъ воздухъ.... Мальчикъ перекрестился, да давай Богъ ноги!

Марья Павловна пріѣхала на желѣзную дорогу за нѣсколько минутъ до перваго звонка, и сѣла въ вагонъ съ Образцовымъ,

---

* Императрица Екатерина II.

** Исторически: императоры Александръ I и Николай.

Digitized by Google

который ее долго ждалъ у входа въ галлерею. Она замѣтила что онъ привезъ холодный обѣдъ въ плетеной корзинкѣ, и подумала:

„Прогулка влюбленныхъ! Возможно ли угадать его чувства по выраженію его лица?...“

Дѣйствительно! Онъ разговаривалъ съ своими сосѣдями спокойно и свободно, и никто бы не угадалъ что жизненный вопросъ долженъ былъ разрѣшиться для него черезъ нѣсколько часовъ.

Вагонъ остановился противъ Царицына. Образцовы рука въ руку спустились съ площадки и шли молча нѣсколько минутъ. Михаилъ Александровичъ былъ смущенъ не менѣе жены. Этотъ человѣкъ холоднаго темперамента и всегда владѣющій собою не зналъ какъ приступить къ объясненію; а у ней былъ въ головѣ хаосъ, въ которомъ не проглядывала ни одна ясная мысль. Она сознавала только что человѣкъ идущій рядомъ съ ней былъ ей чужой, и что его присутствіе поднимало въ ней неопредѣленныя, но мучительныя чувства.

— Мы не знаемъ что̀ сказать другъ другу, началъ онъ.

— Мы даже не знаемъ зачѣмъ мы встрѣтились и почему мы здѣсь, отвѣчала Марья Павловна.

— Что касается до меня, я это хорошо знаю. Было время когда мы мучили другъ друга; мы разстались на шесть лѣтъ: въ шесть лѣтъ многое, если не все, изгладится изъ памяти, забудется....

У нея развязался языкъ.

— Забудется! повторила она. — Ничто не забывается. Да и какъ забыть! То что̀ я выстрадала осталось на мнѣ, во мнѣ, отразилось на моемъ здоровьѣ, на моемъ лицѣ, на характерѣ. Какъ же я могла забыть то что̀ мнѣ напоминается само собой на каждомъ шагу!

Образцовъ опасался упрековъ, но зналъ заранѣе что ему ихъ не избѣжать. Да и за что̀ бы она его пощадила? Онъ сыгралъ въ ея жизни роль непостояннаго любовника, а не законнаго мужа.

— Договаривайте, сказалъ онъ;—не щадите меня. Я приготовился на все.

Эти слова ее нѣсколько смягчили.

— Скажите, спросила она послѣ минутнаго молчанія, — съ какою цѣлью вы пріѣхали въ Москву? пожелали вдругъ меня видѣть?

Digitized by Google

— Я желаю уже давно и отъ всей души сойтись съ вами.

Она не была приготовлена къ этому спокойному и прямому отвѣту и растерялась.

— Я васъ не понимаю, промолвила она, — я васъ вовсе не понимаю!

— Вамъ надо однако понять меня, и я не теряю надежды что мы поймемъ другъ друга.

Но она покачала головой, движеніемъ которое значило: „Врядъ ли?“

Они подымались по отлогому скату на каменный мостъ и вышли на лужайку, раскинутую противъ задняго фасада дворца и осѣненную со всѣхъ сторонъ старыми деревьями. Направо стоятъ полувыбѣленныя, еще не совсѣмъ сокрушенныя временемъ, прелестныя ворота, и ярко отдѣляются отъ темнозеленой рощи, которая подымается за ними, обновляясь и украшаясь ежегодно.

Марья Павловна взглянула невольно на ворота, на рощу, на богатую зелень луга, и слезы навернулись на ея глазахъ.

— Помните ли вы, спросила она,—что мы сюда собирались восемь лѣтъ тому назадъ?...

— Я объ этомъ вспомнилъ не разъ съ тѣхъ поръ какъ получилъ вашу записку, отвѣчалъ Образцовъ.

Онъ поцѣловалъ ея руку и продолжалъ чрезвычайно мягко, чрезвычайно ласково:

— Пойдемте въ рощу. Сядьте сюда.... Я боюсь вы устанете.... и онъ разостлалъ свое пальто на землю.

У Марьи Павловны ёкнуло сердце.

— Вотъ оно начало! и она впилась въ мужа взглядомъ и мысалью.

— Намъ надо понять другъ друга, началъ опять Образцовъ, садясь у ея ногъ.—Я признаю себя кругомъ виноватымъ предъ вами.... я долженъ былъ не просить, не умолять, не уступать, а требовать чтобы вы оставили домъ вашей матери; увезти васъ, несмотря на ея обмороки и на ваши слезы. Я не рѣшился быть *тираномъ*, и погубилъ наше счастье.

Она раздумывала и отвѣчала по-женски:

— Вы не увезли меня потому что недостаточно меня любили.

— Этотъ упрекъ несправедливъ до крайности; но упрекайте меня въ чемъ хотите и сколько хотите! Я тогда замучился въ мелочной борьбѣ; она меня унижала въ моихъ собственныхъ

Digitized by Google

глазахъ, и вмѣсто того чтобъ ее одолѣть, я отъ нея бѣжалъ. Прошедшее безъ поправки, но будущее въ нашихъ рукахъ.

Будущее! Какой смыслъ имѣло это слово въ его понятіяхъ? Она на него смотрѣла, не рѣшаясь спросить: „Какое будущее?"

Все что̀ онъ сказалъ было такъ мало похоже на то чего она ожидала, такъ далеко отъ міра ея идеаловъ....

Образцовъ продолжалъ:

— Чѣмъ болѣе я виноватъ предъ вами, тѣмъ болѣе я обязанъ поправить свою вину, заставить васъ забыть о ней. Я вамъ снова предлагаю мою руку. Согласны ли вы быть моею женой?

Боже мой! Какъ это было холодно, какъ опредѣленно, какъ обдуманно! Марья Павловна перенеслась къ той минутѣ, когда онъ ей сдѣлалъ свое первое предложеніе. То было не предложеніе, а горячее, заразительное признаніе въ безсвязныхъ словахъ. Они не понимали что̀ говорили, понимали только что они безумно счастливы....

XII.

Она не могла отвѣчать. Чтобъ отвѣчать на такіе положительные, обдуманные вопросы надо было надуматься и запастись положительностью. Однако, хотя отъ этого человѣка вѣяло холодомъ и благоразуміемъ, она не сказала ему опредѣленнаго *нѣтъ*, стало-быть дорожила имъ, иначе говоря, была болѣе или менѣе, хотя и безсознательно, подъ его вліяніемъ.

Ея молчаніе не озадачило Образцова. Онъ взялъ ея руки и тихо сжалъ въ своихъ; она хотѣла ихъ высвободить.

— Позвольте мнѣ ихъ удержать, настоялъ онъ.—Я былъ такъ долго лишенъ этого счастья, такъ мы ближе другъ къ другу.... Marie.... Маша, началъ онъ вдругъ, обращаясь къ ней какъ къ своей женѣ;—ты мнѣ призналась что ты чуть было не полюбила этого Француза? Подобный выборъ можно объяснить только потребностью привязанности, какой бы то ни было. Я пришелъ во̀-время и можетъ-быть стою̀ того счастья которое ты готова была отдать ему.... Поручишься ли ты что завтра тебѣ не понравится другой Моранжи?

— Почему же Моранжи, а не человѣкъ достойный любви?... и который бы мнѣ далъ.... желанное счастіе?... спросила она вспыхнувъ.

Digitized by Google

— Назовемъ вещи по-имени: который бы тебя любилъ страстно.

Она молчала.

— Да? не правда ли? Послушай. Мы любили страстно другъ друга, и еслибы не разставались, страсть перешла бы уже въ другое чувство. Чтò дѣлать! таковъ законъ природы. Поставь же себя въ положеніе женщины которая желая жить одною страстью переходила бы отъ медоваго мѣсяца къ другому. Ты бы на это пошла?

— Нѣтъ! сохрани Богъ! женщина сходится навсегда съ любимымъ человѣкомъ, или сознаетъ что вѣчная связь между имъ и ею невозможна.... Кажется, грустный опытъ намъ доказалъ что мы сойтись навсегда не можемъ.

— Но съ тѣхъ поръ ты меня совершенно забыла?... Кромѣ Моранжи, ты встрѣтила человѣка которому ты бы отдала всю жизнь? Я требую прямаго отвѣта.

— Нѣтъ! я не встрѣтила такого человѣка, и нашего прошедшаго не забыла, отвѣчала Марья Павловна, избѣгая говорить ему *ты*.

— Какъ я счастливъ! Стало-быть ты не въ правѣ сказать что мы не сошлись. Насъ разлучило недоразумѣніе, чужое вмѣшательство, а не личные характеры. Почему я вѣрю безусловно твоему слову?... Почему ты мнѣ вѣришь?... Это взаимное довѣріе не есть ли ручательство взаимной привязанности, которую не совсѣмъ уничтожила разлука? И я въ эти шесть лѣтъ встрѣчалъ женщинъ которыя мнѣ нравились минутно, а при сравненіи съ тобой теряли все свое значеніе въ моихъ глазахъ....

— Но въ такомъ случаѣ, спросила Марья Павловна,—зачѣмъ же ты не вернулся, не написалъ? Почему это все сбылось такъ поздно?...

Образцовъ глубоко вздохнулъ.

— Почему? повторилъ онъ,—почему? Я жилъ въ это время. Больше я ничего не могу сказать. Я узналъ жизнь и людей, и мнѣ захотѣлось къ пристани. Наглядѣлся я и на супружескую жизнь, и понялъ что ея неудачи объясняются большею частью неловкостью и неопытностью той и другой стороны. Нѣтъ причины чтобы порядочные люди не спѣлись. Помнишь какъ мы съ тобой плакали, когда умеръ нашъ ребенокъ? Еслибъ мы тогда и не любили страстно другъ друга, вѣрь что насъ сблизило бы общее горе. Есть и общія радости....

— Все такъ, перебила она.—Но мнѣ кажется что главное

Digitized by Google

условіе счастья въ сходствѣ характеровъ.... Одинъ ставитъ разсудокъ выше всего, а другой, какъ ни бейся, однимъ разсудкомъ не проживетъ....

— Понимаю! Я человѣкъ положительный, а ты мечтательница. Тутъ еще нѣтъ зародыша разлада: спокойствіе семейной жизни основаю на взаимныхъ уступкахъ. Маша, подумай.... я не хочу вырвать у тебя согласіе. Поступай по совѣсти и по душѣ. Я тебѣ доказалъ насколько я тебя уважаю, и скажу что ты единственная женщина которую я бы могъ любить какъ друга.

Уважать! но развѣ она не была въ правѣ требовать больше чѣмъ уваженія?.,. И все что было въ ней чувства возстало противъ этого слова.

Образцовъ глядѣлъ на нее и прибавилъ, какъ бы отвѣчая на собственную мысль:

— А въ тебѣ нѣтъ ни мелочности, ни лжи....

— Но и въ мущинѣ можно любить искренность и отсутствіе мелочности, перебила она съ холодною досадой.

Какъ отвѣтилъ Образцовъ на это замѣчаніе? Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ ея волосы, руки, но его ласки отзывались нѣжностью, но не страстью.

Едва замѣтная, почти принужденная улыбка мелькнула на ея губахъ. Она не отвѣчала на ласки мужа, однако и не отталкивала ихъ. У ней стало тѣснѣе на сердцѣ.

— Хоть бы ты разъ написалъ.... спросилъ бы, жива ли я? сказала она кротко.

— Я узнавалъ постоянно изъ разныхъ источниковъ все, все что до тебя касалось, отвѣчалъ Образцовъ,—но сблизить насъ могло лишь время, или сила обстоятельствъ. Мнѣ памятенъ одинъ день, который рѣшилъ можетъ-быть нашу судьбу. Это было осенью, года два тому назадъ. Цѣлое утро я возился съ дѣлами и вернулся домой разбитый, больной. Послѣ обѣда я легъ на диванъ и долго лежалъ. Около меня мертвая тишина. Мои мысли были какъ въ туманѣ. Я смотрѣлъ упорно на пятнышко, находившееся на потолкѣ. Пробило шесть, семь часовъ. Наканунѣ я провелъ вечеръ съ провинціальными нигилистками и львицами, вдругъ вспомнилъ о нихъ, почувствовалъ отвращеніе, и не остановился на этомъ воспоминаніи. Одуряющая тишина и стукъ дождя въ окна наводили на меня тоску, которая лишаетъ способности думать. Часы опять пробили. Я вспомнилъ что надо ихъ завести, всталъ машинально

Digitized by Google

и подошелъ къ бюро, но открылъ ошибкой не тотъ ящикъ въ которомъ лежалъ ключъ, и рука моя коснулась связки писемъ. Это были твои письма.... и послѣднія, и тѣ что̀ ты мнѣ писала невѣстой, тайкомъ отъ твоей матери. Я ихъ перечелъ.... и съ той минуты я ни разу не вошелъ вечеромъ въ мой кабинетъ чтобы не вспомнить о тебѣ. Мнѣ казалось что ты сидишь то въ одномъ креслѣ, то въ другомъ, то возлѣ меня на диванѣ. Твой портретъ виситъ надъ диваномъ.

Этотъ мягкій, ласковый тонъ, это неподдѣльное заискиваніе ея чувствъ имѣли своего рода обаяніе; Марья Павловна тронутая невольно пожала руки Образцова и привѣтливо ему улыбнулась.

— Какъ часто, говорилъ онъ,—меня мучило твое ложное положеніе и одиночество. Ты не могла бы жить безсмысленно какъ твоя сестра, ни кончить какъ она.

— Моя сестра? она слишкомъ честна, пожалуй слишкомъ пуста, чтобы чѣмъ-нибудь кончить.

— Полно такъ ли?... Одну погубитъ неудачный выборъ — а другую именно пустота. Какъ же ты назовешь ея отношенія къ г. Моранжи?

— Она съ нимъ пококетничаетъ, да и забудетъ его.

— Такъ, да не совсѣмъ. Вчера я былъ въ Сокольникахъ, и по привычкѣ гулять тамъ гдѣ никого нѣтъ, зашелъ въ самую гущу лѣса.... ну.... и засталъ Кети въ объятіяхъ этого Француза.

— Что̀ ты говоришь! воскликнула Марья Павловна, и подалась назадъ.

— Ты ничего не замѣтила, а эту исторію она затѣяла однако у тебя въ домѣ, и поставила тебя въ самое непріятное положеніе, которое можетъ только выпасть на̀ долю молодой женщины. Ты не находишь что онъ слишкомъ поторопился тебя забыть?

Марья Павловна засмѣялась принужденно.

— Однако, сказала она,—онъ не прикидывался.

И разказала подробно свой пошленькій романъ съ Моранжи, чтобы доказать насколько она была въ правѣ разчитывать на его чувства. Образцовъ слушалъ не съ ревностью любовника, а съ серіозностію и негодованіемъ человѣка одержимаго старымъ и всегда юнымъ предразсудкомъ, человѣка который стоитъ за свои права, за свою честь. Въ разлукѣ съ Марьей Павловной онъ не узналъ бы равнодушно что она запятнала

Digitized by Google

его имя; а въ настоящую минуту онъ сознавалъ что между нимъ и этою женщиной была связь, на которой основана наша общественная жизнь и которая выражается въ двухъ словахъ: *семейный кровъ*.

Спокойнымъ, твердымъ словомъ онъ нечувствительно подчинялъ Марью Павловну своимъ убѣжденіямъ, своей вѣрѣ. Обвиняя себя въ размолвкѣ и выгораживая свою жену, онъ довелъ ее однако до сознанія что бо́льшую половину вины она должна взять на себя.

Марья Павловна видѣла мужа въ новомъ свѣтѣ, и кто бы повѣрилъ? Онъ побѣждалъ ее не страстью, а истинами до такой степени неопровержимыми что онѣ показались бы ей пошлыми еслибъ ихъ сказалъ другой, и сказалъ бы иначе. Онъ понялъ жизнь, и слишкомъ рано, можетъ-быть, снялъ шапку предъ премудростію прописей; но дѣло въ томъ что онѣ его не опошлили. Онъ былъ милый, ловкій, умный малый, нѣсколько крутъ и упрямъ. Захочетъ — поставитъ на своемъ, жестокостію или мягкостію, какъ ему Богъ на душу положитъ. Его бесѣда съ женой становилась часъ отъ часу интимнѣй, дружественнѣй. Онъ вошелъ въ самыя мелочныя подробности ея жизни, разспрашивалъ объ общихъ знакомыхъ; на его вопросы она отвѣчала съ лихорадочнымъ оживленіемъ, и онъ нашелъ что она необыкновенно развилась, поумнѣла, похорошѣла; онъ былъ почти влюбленъ. Они пообѣдали холоднымъ пирогомъ и бутылкой вина, а для десерта Образцовъ запасся ея любимыми конфектами.

XIII.

Марья Павловна была какъ въ чаду, и отдавалась вліянію мужа, не успѣвая провѣрить своихъ чувствъ. Но они ей глухо сказывались. Между ею и Образцовымъ лежала все-таки какая-то преграда; какою-то натянутостію отзывалась эта внезапная короткость послѣ долгаго отчужденія. Въ ея памяти такъ врѣзался образъ прежняго Михаила Александровича что она не могла еще примириться съ новымъ человѣкомъ и съ новымъ чувствомъ, которое онъ ей навязывалъ. Когда они жили врозь, когда встрѣтились у графа Чаплина, онъ былъ въ ея глазахъ болѣе похожъ на самого себя; онъ не успѣлъ высказаться, и оставался для нея двадцати-шести-лѣтнимъ страстнымъ любовникомъ.

Digitized by Google

Послѣ обѣда онъ ей предложилъ прогулку, и они вошли въ обширный дворъ, заросшій травою и обнесенный неоконченными строеніями. Огромный фасадъ дворца раскинулся предъ Марьей Павловной: на ея чуткое воображеніе произвели мрачное впечатлѣніе зіяющія двери и окна, провалившіяся крыши, шатающіяся башни. Этотъ видъ разрушенія такъ мало соотвѣтствовалъ порывамъ всей ея молодой природы что она вздрогнула и отвернулась.

— Благородныя развалины! замѣтилъ Образцовъ.

— Ахъ, какъ мрачно! безжизненно! Нѣтъ, мнѣ это не нравится.

— А ты попробуй достроить воображеніемъ этотъ дворецъ. Какое будетъ великолѣпіе!

— Воображеніе меня не помиритъ съ его настоящимъ видомъ. Я хочу дѣйствительности....

— Ну, пойдемъ дальше.

Они стали спускаться къ пруду.

Образцовъ шелъ спокойно и весело возлѣ жены, а она?... Прохлада пруда, окруженнаго старыми ивами, а за ивами густымъ кустарникомъ; тишина поющаго, благоуханнаго вечера подняли въ ней цѣлую бездну ощущеній, вызвали страшныя требованія отъ жизни. Ея грудь обдавала молодая кровь, молодая греза.... И она опять почувствовала что мужъ ея—ей чужой. Онъ ей не внушалъ даже ненависти. Въ эту минуту ея сердце раскрылось вдругъ предъ ней; она поняла что любовь угасла въ немъ навсегда.

Отчаяніе овладѣло ею. Положеніе показалось ей безвыходнымъ, и она была готова броситься въ прудъ, разбить себѣ голову объ камень.

— Ты мечтаешь о дворцѣ, Маша? спросилъ Образцовъ.

Все что бы онъ ни сказалъ показалось бы ей неумѣстнымъ, взбѣсило бы ее. Но къ счастію, его вопросъ коснулся одной мечты которою тѣшилось иногда ея воображеніе. Воображеніе вспыхнуло.

— Да.... я мечтаю о дворцѣ, отвѣчала она;—о такомъ дворцѣ котораго нѣтъ во всей Европѣ.

— Въ Европѣ однако много дворцовъ.

— Не такихъ, навѣрное. Хочешь, я тебѣ его опишу?

— Пожалуста.

— Прямо изъ саду входъ въ галлерею... Она широка, на сводахъ; стѣны покрыты рѣзьбой, расписаны художниками. Я

Digitized by Google

иду по этой галлереѣ какъ въ очарованномъ снѣ. Какія чудеса у меня предъ глазами! Ей нѣтъ конца, и все арки да арки! То въ ней образуется прелестный садъ, то она облита свѣтомъ, блескомъ, золотомъ, солнцемъ; то вдругъ рѣзкій переходъ.... Она освѣщена луннымъ свѣтомъ; цвѣты разставлены вдоль стѣнъ и окроплены росой. Между ними стоятъ статуи. То мнѣ кажется что своды опустились, ихъ освѣщаютъ не солнце, не мѣсяцъ — а свѣчи. Я вижу что-то мрачное, таинственное, средневѣковое. Стѣны выкрашены темными красками. На нихъ изображены ангелы.... и падшіе ангелы.... И вотъ я стою между ними.... и вспоминаю....

Ея голосъ прервался, подбородокъ задрожалъ, и вся кровь прихлынула къ лицу.

— Мишель, начала она вдругъ, ты помнишь эти стихи?

Господенъ ангелъ тихъ и ясенъ,
На немъ горитъ смиренья лучъ,
Но пышный демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Ея раздраженные нервы не выдержали напряженія; она закрыла лице руками и зарыдала.

Образцовъ растерялся и смотрѣлъ молча на жену. Отъ нея такъ и сіяло. Щеки, глаза, губы разгорѣлись; горѣли на солнце и черные волосы; они вились волнами и свертывались змѣйками на лбу и на затылкѣ подъ пышною косой. Не будь Образцовъ ея мужемъ, онъ упалъ бы предъ ней на колѣни.

Въ первый разъ онъ спросилъ у себя: не беретъ ли онъ на свою совѣсть слишкомъ большой отвѣтственности? Что̀ даетъ онъ этой женщинѣ взамѣнъ свободы, чѣмъ удовлетворитъ ея жажду полной жизни?

Однако его не запугалъ этотъ вопросъ, не заставилъ отказаться сразу отъ своихъ надеждъ. Онъ понималъ жизнь по-своему, и у него былъ свой идеалъ....

— Что̀ мы сдѣлали, Маша? сказалъ онъ грустно. — Ты знаешь разказъ о дикарѣ который нашелъ брилліантъ и разбилъ, не зная ему цѣны? Это наша исторія.

— Съ тою разницей что мы хотимъ собрать осколки брилліанта и склеить ихъ, отвѣчала она съ горькою улыбкой.

— То счастье миновало бы рано или поздно.... Я мечталъ о другомъ счастьѣ.... Но какъ скоро оно не по тебѣ, не забудь что ты свободна. Было время когда взаимная страсть давала мнѣ право спасти тебя насильно; я не умѣлъ имъ воспользоваться

Digitized by Google

Но теперь дѣло другое. Я въ твоей власти. Я тебѣ даю право располагать моею судьбой.

Что-то измѣнилось въ его голосѣ, въ его пріемахъ. Въ нихъ звучала тихо грустная нота, которая тронула Марью Павловну.

— Не смотри на меня какъ на законнаго мужа, продолжалъ онъ,—а какъ на лучшаго друга, и будь со мной вполнѣ искренна. Не забывай что ты свободна.

Она свободна? Ихъ ничто не связываетъ! Это увѣреніе сняло бремя съ ея души.

— И ты искрененъ? Ты не обманываешь ни себя, ни меня?..

— Даю тебѣ слово — нѣтъ.... Я готовъ на все, еслибъ даже пришлось разбить мое сердце.

— Michel, какой ты добрый, благородный! сказала она, и пожала ему руку.

Образцовъ не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ насиловать чувствъ своей жены, но желалъ овладѣть ими, и надѣялся что можетъ дойти до своей цѣли уступкой и самоотверженіемъ; но сердце его сжалось отъ этого пожатія руки, въ которомъ слишкомъ краснорѣчиво высказалась непрошенная благодарность.

Марья Павловна шла задумчиво, однако выраженіе ея лица было спокойно и кротко. Она отдыхала послѣ напряженнаго состоянія, въ которомъ находилась цѣлый день. Долго они не обмѣнивались ни однимъ словомъ; наконецъ Образцовъ посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ что надо поспѣшить къ отъѣзду поѣзда. Молча дошли они до станціи и пріѣхали въ Москву когда уже совсѣмъ стемнѣло. Образцовъ нанялъ пролетку и сѣлъ рядомъ съ Марьей Павловной. Дорогой онъ покрылъ ея ноги пледомъ, накинулъ шаль на ея плечи и молчалъ, чтобъ ее не тревожить. Ее трогала эта мужская заботливость, отъ которой она давно отвыкла. Не далеко отъ дома онъ остановилъ извощика и сказалъ ей:

— Ты не хочешь, можетъ-быть, чтобъ твои домашніе насъ видѣли вмѣстѣ? Я выйду здѣсь.

Онъ вышелъ, пожавъ ей руку, отошелъ на два шага и вдругъ вернулся.

— Marie, позволь мнѣ подать тебѣ совѣтъ: не показывайся на улицу съ сестрой и этимъ Французомъ. Право, это не годится....

— Хорошо, хорошо, я тебѣ обѣщаю, отвѣчала она.

— Ну, прощай!

„Какъ онъ странно сказалъ это „прощай“, подумала Марья Павловна.

Digitized by Google

XIV.

Кети обѣдала у Шевріе съ Моранжи. Вернувшись домой, она замѣнила свое платье лѣтнимъ пенюаромъ, и легла въ большое кресло, протянувъ ноги на подушку. Позы ея измѣнились съ нѣкоторыхъ поръ: отзывались обдуманностью, подражаніемъ. Тѣни Бальзаковыхъ женщинъ бродили въ ея головѣ. Это подражаніе было неудачно; къ Кети болѣе шли замашки русской барыни. Покойный Мечниковъ держалъ жену въ рукахъ, хотя и баловалъ ее, и она была привязана къ нему, занималась хозяйствомъ; любила свѣтъ, но держалась прилично. Овдовѣвъ, и не зная на что употребить свою свободу, она уѣхала за границу, и тамъ ея мысли совершенно спутались. Перелетная птица заговорила съ презрѣніемъ о родномъ гнѣздѣ, и запѣла, по ея понятіямъ, европейскіе мотивы, но природный характеръ часто пробивался сквозь заимствованныя перья. Кокетничанье съ Моранжи отвлекало ее отъ московской скуки, и вскружило ей голову, но она была готова поклясться что оно не приведетъ къ серіознымъ послѣдствіямъ. Однако вышло иначе: она не устояла противъ любви человѣка который ее возвелъ въ героини французскаго романа. Кети была на высотѣ человѣческаго блаженства; романъ ея начался въ Сокольникахъ и еще не дошелъ до развязки, но развязка казалась неминуемою, и Кети шла къ ней съ непостижимымъ ребячествомъ. Она не предвидѣла и не хотѣла предвидѣть будущихъ недочетовъ и униженій.

Марья Павловна застала ее лежащею въ креслахъ съ романомъ въ рукахъ.

— Откуда ты, Маша? спросила она небрежно.—А я устала,—отдыхаю. Мы обѣдали.... au cabaret....

Марья Павловна, несмотря на треволненія протекшаго дня, часто думала о сестрѣ, и собралась съ духомъ чтобы затронуть щекотливый вопросъ объ ея отношеніяхъ съ Моранжи.

— Кети.... а я хочу тебя предупредить.... Только ты не сердись.... Кому же, коли не мнѣ....

— Господи! да что такое! перебила Кети, попадая уже въ настоящую ноту.

— Тебя встрѣчаютъ безпрестанно съ Моранжи. Мнѣ объ этомъ говорили.... И еслибъ ты знала что еще говорятъ!

Digitized by Google

Катерина Павловна вспыхнула.

— А мнѣ-то какое до этого дѣло что̀ у васъ говорятъ! Видишь чѣмъ хотѣла меня запугать! Провинціальными сплетнями! А ты какъ позволила обо мнѣ говорить?... Дядюшка, должно-быть, отъ Анисьи Ѳедоровны слышалъ....

— Я тебѣ даю честное слово....

— Нечего мнѣ дѣлать съ твоимъ честнымъ словомъ! Я тебѣ говорю разъ навсегда: я знать не хочу что̀ обо мнѣ говорятъ! Да еслибъ я испугалась такихъ переносовъ, Моранжи меня бы принялъ, я.... я не знаю за что̀!

— ...... За голубицу, вѣроятно, замѣтила Марья Павловна, взяла свѣчу со стола и вышла.

— Вотъ и дружба! подумала она, ложась въ постель утомленная, оскорбленная до глубины сердца.

Въ сущности Кети, хотя и эгоистка, была честная и до извѣстной степени очень добрая женщина. Предостереженіе сестры вызвало въ ней взрывъ гнѣва потому именно что задѣло ее за живое. Честныя женщины всегда боятся общественнаго мнѣнія. Кети поняла что поступала съ крайнею неосторожностью и подумала со страхомъ о своемъ положеніи. Но она зашла слишкомъ далеко чтобъ отступить и утѣшилась мыслью что за границей ее ожидаетъ вожделѣнная свобода. Долго она не ложилась спать, думая о московскихъ сплетняхъ и о сестрѣ, которую даромъ оскорбила. Утромъ она вошла къ Марьѣ Павловнѣ и обняла ее, говоря:

— Не сердись на меня, Маша. Прости меня, душка.

Онѣ нѣжно поцѣловались, но тутъ Марья Павловна поняла насколько ихъ отношенія были далеко отъ настоящей дружбы. Она не рѣшилась сказать слова о Моранжи, а Кети, занятая собственными заботами, не спросила гдѣ и какъ сестра провела день наканунѣ. Онѣ пробыли вдвоемъ нѣсколько часовъ, толкуя о постороннихъ предметахъ; но Кети ждала Моранжи и была видимо озабочена его отсутствіемъ.

Она и не подозрѣвала причины которая помѣшала ему пріѣхать.

Онъ стоялъ у Дюссо. Въ гостиницѣ было замѣтно необыкновенное движеніе.... разнесся слухъ о пораженіи французской арміи при Гравелоттѣ. Постояльцы разныхъ націй, по большей части Русскіе, толковали между собой, знакомились съ Моранжи, разспрашивали о Паликао, о Макъ-Магонѣ. Моранжи переходилъ безпрестанно отъ хвастовства и самоувѣренно-

Digitized by Google

сти къ порывамъ гнѣва и отчаянія, и не могъ достоточно наговориться о событіяхъ начинавшихъ поражать ужасомъ всю Европу. Онъ выѣхалъ поздно и отправился къ графу Чаллину.

— А я было самъ собирался васъ навѣстить, сказалъ графъ, пожавъ ему руку крѣпче обыкновеннаго.

— Благодарю васъ, графъ, отвѣчалъ Моранжи, угадывая почему онъ хотѣлъ его навѣстить.—Еслибы мнѣ только покончить съ этими проклятыми дѣлами.... Я могъ бы быть тамъ, на мѣстѣ.... И оставаться здѣсь какъ на цѣпи въ такія минуты.... Вы понимаете...

Моранжи былъ совершенно разоренъ и пріѣхалъ на послѣднія деньги въ Россію, съ надеждой собрать довольно значительное наслѣдство. Но дѣло затянулось. Онъ прожился въ Москвѣ, и ему не на что даже было вернуться во Францію.

Графъ зналъ возможность ускорить развязку дѣла: надо было дать взятку, но онъ совѣстился сказать объ этомъ Моранжи. Но медлить теперь было невозможно, и онъ рѣшился объяснить иностранцу что у насъ называется „благодарностью“ въ служебномъ мірѣ.

Бѣдный Моранжи вынулъ изъ своего бумажника сторублевую ассигнацію и сказалъ:

— Вотъ мои послѣднія деньги. Я дамъ впятеро, если только согласятся взять заемное письмо.

— Я поговорю, поговорю, отвѣчалъ графъ,—но необходимо дать и теперь, по возможности. Эта бумажка вамъ пригодится самому.... Деньги у меня есть.... я прошу васъ.... Я съ большимъ удовольствіемъ....

— А! графъ, я этого никогда не забуду! отозвался съ чувствомъ Моранжи.—Я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ....

— Поѣдемте не теряя времени къ вашему повѣренному.

Моранжи схватился за шляпу, но отъ повѣреннаго онъ поѣхалъ не къ Кети. Всѣ его помышленія стремились въ гостиницу, гдѣ толковали лишь о политическихъ событіяхъ, гдѣ изъ рукъ въ руки переходили газеты. На свою мнимую любовь къ Кети онъ смотрѣлъ какъ на минутную забаву, коротко ему извѣстную, и она совершенно испарилась предъ единственнымъ серіознымъ чувствомъ которое онъ испыталъ когда-либо: любовь къ родинѣ.

Кети его ждала день, другой, и наконецъ узнала съ удивленіемъ отъ графа что онъ здоровъ, но поглощенъ политикой. Моранжи явился наконецъ. Кети дулась, говорила двусмысленныя

Digitized by Google

колкости, а онъ отшучивался и старался напрасно быть любезнымъ. Любезность ему не удавалась, и ни въ какомъ случаѣ не могла бы замѣнить увѣреній въ любви, которыя ровно ничего не значили, но по крайней мѣрѣ въ свое время не были лишены искренности. Кети страшно обидѣлась, и они разстались холодно.

Этотъ неожиданный, неугаданный исходъ только-что начинавшагося романа поразилъ одинаково ея самолюбіе и сердце. Тоска овладѣла ею, и на ея характерѣ тяжело отозвалась первая житейская неудача. Она ссорилась съ сестрой; придиралась ко всему, чтобы жаловаться на всѣхъ; бранила Русскихъ, Прусаковъ и даже Французовъ.

XV.

Прогулка въ Царицынѣ установила между Марьей Павловной и Образцовымъ отношенія новаго рода. Незамѣтно для нея самой они пустили корни въ ея сердцѣ; оно отдохнуло на этихъ благородныхъ, миролюбивыхъ отношеніяхъ. Мужъ, котораго она обвиняла съ горечью въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, оправдался въ ея глазахъ, и она думала съ нѣкоторою гордостью что онъ былъ готовъ ей вручить свою судьбу. Заглянувъ безпристрастно въ прошедшее, она сознала наконецъ что выпустила сама счастье изъ рукъ; вспомнила какъ она безумно и напрасно мучила Образцова, выдавала его матери въ порывахъ страсти; какъ онъ переносилъ терпѣливо неровности ея характера и ребяческое непониманіе его любви. Отъ прошедшаго мысли перешли къ настоящему. Очевидно переломъ совершался въ ея судьбѣ. Всѣ прежнія условія жизни разрушились сами собой, а будущее было темно. Чтò ее ожидало въ будущемъ?... Свобода? Но это магическое слово ей еще ничего не сулило, кромѣ смутныхъ ожиданій; а лучшіе годы прошли, ничего не оставляя за собой.

Волей-неволей она отказалась отъ поѣздки за границу, нетолько потому что въ военное время сообщенія становились съ каждымъ днемъ затруднительнѣй, но и потому что жизнь подъ одною кровлей съ Кети становилась невыносимою. То Кети звала ее съ собой, то совѣтовала ей остаться въ Москвѣ, и Марья Павловна приняла твердое намѣреніе не ѣхать съ ней ни въ какомъ случаѣ. Она ждала какого-нибудь извѣстія отъ

Digitized by Google

Образцова, но онъ молчалъ, и внезапное прекращеніе ихъ отношеній начинало ее безпокоить. Ей казалось иногда что онъ простился съ ней, какъ будто они разстались на вѣкъ.

„Неужели на вѣкъ?... подумала вдругъ Марья Павловна.— Неужели онъ мнѣ не проститъ моего отказа?... Чего я жду чтобы провѣдать его, написать къ нему?..“

И она написала длинное письмо, почти нѣжно, но избѣгала вопросовъ затронутыхъ въ Царицынѣ. Образцовъ отвѣчалъ съ большимъ тактомъ, прикоравливаясь къ ея пріемамъ, говорилъ обо всемъ что не касалось до нихъ лично, упомянулъ и о войнѣ, вопросъ который было невозможно обойти въ то время молчаніемъ.

„Журнальныя извѣстія, писалъ онъ, отвлекаютъ меня отъ собственныхъ заботъ, но поддерживаютъ въ лихорадочномъ состояніи. Я просто боленъ—тоска! Спасибо дядѣ: онъ меня часто навѣщаетъ. Цѣлую твои руки.“

Марью Павловну совершенно успокоилъ интимный и дружелюбный тонъ письма. „Онъ умѣетъ чувствовать горячо“, замѣтила она вслухъ, складывая письмо.

Кети сидѣла за работой, подняла голову и вдругъ залилась слезами. Въ одно мгновеніе Марья Павловна очутилась возлѣ нея.

Слезы рѣдко плачущихъ людей возбуждаютъ всегда сочувствіе. Въ семействѣ были холодны къ Кети, но Марья Павловна, увидя ее въ слезахъ, забыла что Кети не внушала теплой привязанности, потому что сама не была на нее способна. Всѣ свои чувства она расточила внѣ семейства, отдавала ихъ людямъ съ которыми дружилась скоро, но не надолго. Новое лицо имѣло для нея такую же прелесть какъ новое мѣсто. Такіе люди какъ она, доживъ до старости, утрачиваютъ способность привязываться даже мгновенно, и вдаются въ денежные обороты, въ финансовыя предпріятія, чтобъ утолить чѣмъ-нибудь жажду новизны и врожденную суетливость.

— Мнѣ надо уѣхать, Маша, говорила она.—Я чувствую сама что въ Москвѣ мнѣ не сдобровать.

— А если Моранжи подумаетъ что ты поѣхала за нимъ?

— Нѣтъ! все кончено между нами: я получила сегодня письмо. Онъ все забылъ. У него только на умѣ что „ma patrie, ma patrie!“ Какъ будто одно чувство исключаетъ другое! Все слова! Не дай тебѣ Богъ полюбить человѣка который заставляетъ краснѣть за минуту увлеченія. Я уѣду на этой недѣлѣ, а

Digitized by Google

куда?... сама не знаю, Висбаденъ мнѣ опротивѣлъ. Но вездѣ будетъ лучше нежели здѣсь.

И, обтирая слезы, она поцѣловала сестру. Ея капризы и желчь растаяли въ этомъ потокѣ слезъ. Она просила прощенья у Марьи Павловны, которая не отговаривала ее уѣхать. Къ несчастію онѣ были дружны тогда только когда жили врознь.

Кети принялась укладываться. Моранжи, узнавъ объ ея отъѣздѣ, захотѣлъ съ ней проститься. Разставаясь съ нимъ навсегда можетъ-быть, она его приняла безъ упрековъ. Послѣднее свиданіе оставило имъ по крайней мѣрѣ хорошое воспоминаніе.

Марья Павловна проводила сестру на желѣзную дорогу и, вернувшись къ себѣ, не могла достаточно надышаться спокойствіемъ и тишиной которыя водворились въ домѣ съ отъѣздомъ Кети. Она такъ шумно укладывалась, въ комнатахъ былъ такой безпорядокъ, она до такой степени разстраивала всѣмъ нервы въ эти послѣдніе дни! Отдыхая въ спокойномъ одиночествѣ, Марья Павловна подумала съ сожалѣніемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ о суетливой и пустой жизни, которая неслась теперь далеко и безъ цѣли, и день за день проходила безъ пользы.

„А что̀ станется теперь съ моею жизнію?...“ спрашивала себя Образцова.

Прошелъ длинный лѣтній день, настали сумерки, и въ комнатѣ стало душно, скучно, пусто. Марьѣ Павловнѣ хотѣлось бы броситься на улицу и уйти, пройти нѣсколько верстъ,— ходить до изнеможенія. Но куда пойдетъ она безъ цѣли и одна?... Она вышла на маленькую террасу, обращенную на улицу и освѣщенную газовымъ фонаремъ. Мимо нея катились экипажи и двигались пѣшеходы, и вдругъ мелькнулъ огромный букетъ въ рукѣ молодаго человѣка.

Марья Павловна смотрѣла долго ему вслѣдъ. На нее пахнуло запахомъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленью, и неразлучными съ этимъ запахомъ воспоминаніями перваго бала, перваго поцѣлуя. Но этотъ поцѣлуй давно̀ простылъ на ея губахъ и оставилъ за собой лишь грѣшную мечту о будущемъ....

А будущее таилось подъ непроницаемымъ покрываломъ, и ей суждено томиться въ безплодномъ и болѣзненномъ нетерпѣніи, пока не подвинется покрывало.

Въ воздухѣ становилось сыро; на городскихъ часахъ пробило десять, а мимо Марьи Павловны все шли, шли, и ѣхали

Digitized by Google

незнакомыя лица, и знать не хотѣли о чемъ она мечтаетъ, чего ждетъ отъ судьбы. Надоѣли ей эти безучастныя лица, и она перешла съ террасы въ комнаты; тамъ было такъ тихо что она слышала визгъ комара, летающаго гдѣ-то въ углу. Она попробовала читать, но не могла, и стала ходить вдоль комнатъ. Долго она ходила, спрашивая себя снова: „Что̀ станется съ моею жизнію?“

Въ ея домѣ все затихло, успокоилось, но опустѣло послѣ отъѣзда Кети; такъ и въ жизни ея все успокоилось, но опустѣло послѣ прогулки въ Царицынѣ. До тѣхъ поръ она жила хоть надеждой на свиданіе, на мщеніе, жила хоть чѣмъ-нибудь.

XVI.

Съ самаго разсвѣта перепадалъ дождь, и сквозь рамы, окропленныя его мелкими каплями, осеннее утро освѣщало тускло комнаты. Въ такіе дни людямъ празднымъ умомъ и душой трудно уйти отъ тоски.

Скука, или чувство сильнѣе скуки, именно тоска выражалась на лицѣ Марьи Павловны, сидящей опять за шахматною доской съ дядей Чаплинымъ.

— Дядя, спросила она, передвигая шашку; — когда вы видѣли Михаила Александровича?

— Мы видимся ежедневно, отвѣчалъ графъ.—Онъ занемогъ въ сыромъ нумерѣ и переѣхалъ къ Дюссо. Докторъ запретилъ ему выѣзжать.

— Какъ! развѣ онъ серіозно боленъ?

— Нѣтъ, пока не серіозно, а боленъ.

Графъ держалъ руку надъ шашкой, какъ бы обдумывая coup d'état, однако сыгралъ плохо и промолвилъ:

— Люди которые его любятъ навѣщаютъ его ежедневно.

Марья Павловна поняла смыслъ этихъ словъ и сказала:

— А почему бы и мнѣ его не навѣстить?... Я его навѣщу съ большимъ удовольствіемъ.... Пожалуй хоть сегодня. Онъ вамъ не говорилъ что желалъ бы меня видѣть?

— Нѣтъ, не говорилъ. Онъ вообще избѣгаетъ говорить о тебѣ.

— Избѣгаетъ?... Что̀ это значитъ?...

— Не знаю, лаконически отвѣчалъ графъ.

Дружескій договоръ заключенный между Образцовыми въ Царицынѣ остался тайной для графа Чаплина. Марья Павловна

Digitized by Google

не поспѣшила посвятить его въ свои новыя отношенія k мужу, зная заранѣе что они не найдутъ въ немъ поддерж. однако чувствовала что добрый старикъ, горячо ее любящ не могъ играть въ этомъ дѣлѣ роль посторонняго человѣка, придралась kъ случаю чтобъ открыть ему истину.

— Tout bien pensé, начала она,—я догадываюсь почему о избѣгаетъ говорить обо мнѣ, даже съ вами. Не многіе пойму наши отношенія. Послѣ того вечера.... у васъ.... мы прове нѣсколько часовъ вмѣстѣ....

Марья Павловна подождала отзыва, но графъ не вырази даже удивленія.

Помолчавъ немного, она продолжала не совсѣмъ тверды голосомъ:

— И вслѣдствіе всего что было сказано.... мы разстались но не людьми чуждыми другъ другу, а друзьями.

Графъ смотрѣлъ пристально на шашки.

— Я понимаю что вы меня осуждаете, заговорила Марь Павловна.—Я знала заранѣе что вы меня осудите, и не вы од Мало ли ужь обо мнѣ толковали! Михаилъ Александров былъ одинъ въ правѣ осудить, однако онъ-то и простилъ, о все понялъ.

Чтò онъ простилъ? Чтò понялъ? Ея слова были темны д графа. Что до него касается, онъ понималъ только что е мечты разрушились и что его любимица задалась понятія которыя ей были навѣяны, безъ сомнѣнія, дурными совѣт и примѣрами. Сердце у него болѣло; но противорѣчить онъ любилъ, и отвѣчалъ обыкновенно упрямымъ и упорнымъ мо чаніемъ людямъ которые оскорбляли его понятія.

Марья Павловна поняла что это молчаніе протестъ проти ея исповѣди. Когда графъ молчалъ такимъ образомъ, мож было его возненавидѣть.

— Дядя, сказала вдругъ Маша, оттолкнувъ шахматную до сkу; — вы смотрите на меня kаkъ на безнравственную женщи ну. Скажите однако чтò было бы лучше? Ненавидѣть мужа и возвратить ему законныя права, или разстаться съ нимъ по дружески?

Отвѣта она добилась самаго несложнаго.

— Въ своихъ дѣйствіяхъ всякій воленъ, сказалъ графъ.

— Обвиняйте же меня, Богъ съ вами! Моя совѣсть чиста, возразила съ жаромъ Марья Павловна.

— Развѣ я говорилъ что тебя обвиняю?

Digitized by Google

— Нѣтъ, вы ничего не говорите, и это еще оскорбительнѣе.
Она дорожила привязанностію и добрымъ мнѣніемъ графа, о оправдываться предъ нимъ какъ виноватой ей не хотѣлось ни къ чему бы не привело; онъ остался бы при своемъ мнѣніи. [а развѣ графъ Чаллинъ былъ единственный судья которымъ на дорожила? Надъ ея дѣйствіями и чувствами былъ другой судья, самостоятельный и строже графа: мужъ ея. Онъ понялъ ея чувства: чего же ей больше?

Графъ такъ и ушелъ молча, и Марья Павловна съ нимъ холодно простилась. Ненастное утро и шахматная доска съ разбросанными шашками напомнили ей то утро когда дядя ей объявилъ о пріѣздѣ Образцова. Дни и впечатлѣнія пережитыя съ тѣхъ поръ прошли какъ панорама предъ ея глазами; нѣтъ сомнѣнія что совѣсть ея была чиста, что вся жизнь ея была примѣромъ чистоты, въ томъ смыслѣ который свѣтъ придаетъ этому слову; къ сожалѣнію въ глазахъ Марьи Павловны оно не приняло болѣе обширнаго значенія. Повторяя на память свои разговоры съ мужемъ, она обсуживала и его и свое положеніе съ эгоизмомъ женщины переставшей любить. Женская потребность самоотверженія не пробудилась въ ней ни разу. Ея отношенія къ мужу были отношенія чисто личныя, въ которыхъ, съ ея стороны, забота о чужомъ счастьи не взяла ни на минуту перевѣса надъ заботой о своемъ собственномъ. Несмотря на чуткость сердца, на задатки недюжинной природы, она во второй разъ разбила безъ раскаянія жизнь честнаго человѣка и успокоилась на томъ что они разстались друзьями.

Однако разговоръ съ дядей потревожилъ ее настолько, что въ первый разъ она спросила у себя: можетъ ли она разсчитывать вполнѣ на искренность Образцова? Великодушное самоотверженіе не оставило ли въ его сердцѣ капли желчи?... Это тяжелое сомнѣніе не долго впрочемъ ее мучило; она перечла его письма и не подмѣтила въ нихъ тѣни упрека или раздраженія.

„Я увѣрена что онъ же заступится за меня предъ людьми, всегда готовыми рыться въ чужой совѣсти", подумала она. „Въ этомъ человѣкѣ нѣтъ единственнаго недостатка котораго женщина не прощаетъ: пошлости."

Ей понравилась мысль пріѣхать къ нему тайкомъ, и она занялась своимъ нарядомъ. На ея волосы былъ накинутъ вуаль, приколотый къ корсажу брилліантовою булавкой. Спросятъ: съ какою цѣлью наряжалась она для человѣка съ которымъ я

Digitized by Google

желала сойтись? Цѣли, собственно говоря, у ней не было, и она родилась женщиной въ полномъ смыслѣ слова, и хотѣла оставить мужу выгодное впечатлѣніе. Къ Дюсо она поѣхала въ веселомъ расположеніи духа и выходя изъ кареты спросила: „Нѣтъ ли гостей у Образцова?“ На вопросъ: какъ о ней доложить? она отвѣчала: „Безъ доклада“.... и поспѣшила удалиться, замѣтивъ что на нее смотрѣли подозрительно двое молодыхъ людей, остановившихся у входа гостиницы.

Ее повели высокою лѣстницей и длинными корридорами къ нумера Образцова. Марья Павловна вошла не постучась. Дверь отворилась.

XVII.

— Кто тамъ? спросилъ Образцовъ за перегородкой.

Она сняла пальто и вошла не отвѣчая.

Образцовъ лежалъ на диванѣ. Возлѣ него на столѣ горѣла лампа; нумеръ былъ просторенъ, и фигура медленно приближающейся женщины не скоро освѣтилась вполнѣ ламповымъ свѣтомъ.

— Мишель, ты меня не узнаешь? спросила Марья Павловна.

Но она такъ испугалась внезапной блѣдности которая покрыла его лицо что голосъ ея оборвался.

„Она согласна“, пролетѣло стрѣлой у него въ головѣ; но первыя слова Марьи Павловны вывели его изъ заблужденія.

— Я тебя испугала, заговорила она.—Извини пожалуста. Дядя мнѣ сказалъ что ты боленъ, и я тебя не предупредила.

— Такъ ты пріѣхала только потому что я боленъ?...

Этотъ вопросъ далъ ей понять что Образцовъ объяснилъ ея неожиданное появленіе не простымъ участіемъ къ его здоровью. Она смутилась въ свою очередь и промолвила:

— Я слышала отъ дяди....

Они замолкли оба и пережили нѣсколько жуткихъ секундъ, которыя не забываются. Образцовъ успѣлъ болѣе или менѣе оправиться. Онъ сидѣлъ на диванѣ, а жена его еще стояла у стола.

— Вотъ сюрпризъ! сказалъ онъ протянувъ ей руку.

— Чтò, какъ ты теперь?

— Вздоръ.... немного слабъ, вотъ и все. Хорошо что дядя преувеличиваетъ мою болѣзнь. Здѣсь душно.... садись сюда у окна.... Ну, чѣмъ же мнѣ тебя угостить? Хочешь чаю?...

Digitized by Google

— Да, да, пожалуста.

Образцовъ вышелъ послѣшно въ корридоръ, чтобы распорядиться объ угощеніи. Марья Павловна угадывала что подъ несвойственною ему послѣшностью, подъ этою привѣтливостью скрывалось глухое разочарованіе.

„Боже мой, что я сдѣлала!" подумала она со страхомъ и не могла опомниться.

Но онъ вернулся съ улыбкой на губахъ, и за этою улыбкой никто не угадалъ бы задней мысли.

— Такъ мы проведемъ вечеръ en tête-à-tête, какъ старые пріятели? сказалъ онъ потирая себѣ руки.

— Я думаю, тебя одолѣла скука, отвѣчала она, начиная успокоиваться.—Да кажется ты теперь и знакомыхъ не нашелъ въ Москвѣ? Всѣ въ разъѣздѣ.

— Я, признаюсь, ихъ и не отыскивалъ.... Не до нихъ! А Кети уѣхала, и ты осталась въ первый разъ одна?

Марья Павловна отвѣчала уклончиво:

— Ты вѣдь знаешь что мы не сходимся съ сестрой, и я не смотрю на ея отсутствіе какъ на горе.

— Да.... но вы хотѣли уѣхать вмѣстѣ? Или ты отложила свою поѣздку?

— У меня нѣтъ плановъ. Я рѣшилась не смотрѣть въ будущее, сказала Марья Павловна оживляясь вдругъ.—Я хочу жить со дня на день чѣмъ Богъ пошлетъ. Онъ мнѣ послалъ хоть бы сегодняшній вечеръ со стариннымъ пріятелемъ.... и я довольна.

Давно уже Образцовъ не испытывалъ обаянія женской красоты, и глаза его останавливались съ умиленіемъ на женѣ. Она сидѣла около дивана, опрокинувшись въ кресло, а онъ смотрѣлъ на нее облокотясь на столъ.

— Ты слишкомъ хороша сегодня для стараго пріятеля, сказалъ онъ.

Марья Павловна покраснѣла.

— Съ какимъ искусствомъ надѣтъ этотъ вуаль!

— Этотъ вуаль? повторила она, помявъ его быстрымъ движеніемъ, и солгала:—Я его надѣла съ утра.

— Надо было его снять, отвѣчалъ почти шепотомъ Образцовъ.

— Ахъ, Мишель, перестань пожалуста! Право — de vous à moi cela me fait l'effet d'une comédie.

— D'une comédie?... Какъ это слово нашло мѣсто между

Digitized by Google

нами? Я хочу, хоть сегодня, жить какъ ты, чѣмъ Богъ пошлетъ, и высказать все что̀ у меня на̀ сердцѣ.

Разговоръ принялъ такой неожиданный оборотъ, Марья Павловна была такъ не приготовлена къ подобнымъ пріемамъ со стороны мужа что терялась на каждомъ шагу какъ восьмнадцатилѣтняя дѣвушка. Ей было совѣстно за себя, а между тѣмъ ея смущеніе возбуждало долго лелѣянныя грезы Образцова. Имъ опять овладѣла мысль что она пріѣхала къ нему не совсѣмъ какъ къ старому пріятелю. Его сердце было слишкомъ полно чтобы дать ему возможность видѣть ясно въ ея сердцѣ.

И вотъ они опять замолчали. Молчаніе затруднительнѣй разговора. Отъ словъ отвучиваешься.

— Какъ хороша эта гостиница, замѣтила Марья Павловна.— Я въ ней еще не бывала.

— Ты въ ней не бывала?... въ самомъ дѣлѣ? Знаешь что̀ мнѣ пришло въ голову? Ты прежде была суевѣрна какъ настоящая русская дѣвушка, а теперь?

— Я суевѣрна и теперь.

— Ну, замѣть: съ тѣхъ поръ какъ я въ Москвѣ, мы видимся каждый разъ въ такомъ мѣстѣ гдѣ еще никогда не встрѣчались. Сперва у дяди; онъ купилъ домъ послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; потомъ въ Царицынѣ, теперь здѣсь.... и каждое изъ нашихъ свиданій заключалось чѣмъ-нибудь неожиданнымъ.

— Да, странно! Но ты же меня бранилъ за мое суевѣріе. А право, эта гостиница очень хороша.

Марья Павловна встала подъ предлогомъ осмотрѣть комнату, но на самомъ дѣлѣ чтобъ удалиться отъ мужа. Онъ сидѣлъ такъ близко къ ней и смотрѣлъ на нее взглядомъ исполненнымъ ласки и нѣги.

И вотъ она тихими шагами обходитъ комнату, касается рукой тяжелой драпировки и разглядываетъ ее; останавливается надъ растеніемъ, которое стоитъ на окнѣ, и спрашиваетъ какъ его назвать. Но между оконъ, на столѣ, разобранъ дорожный, давно ей знакомый, несесеръ. Образцовъ его заказалъ къ своей свадьбѣ, и Марья Павловна не разъ убирала волосы предъ этимъ самымъ зеркаломъ въ кабинетѣ мужа. Теперь она въ него не заглянула, но быстро вернулась къ столу на которомъ стояла лампа, и положила руку на книгу. Въ книгѣ лежалъ большой ножъ выточенный изъ кости. Марья Павловна, бывши невѣстой, подарила его Образцову. А Образцовъ слѣдилъ

Digitized by Google

за ней глазами, и его взглядъ, и видъ знакомыхъ предметовъ, все заодно напоминало ей что подъ этою кровлей она не гостья. И подъ этою кровлей она задыхалась! Тяжелое, смутное, неразгаданное смущеніе все болѣе и болѣе стѣсняло ея мысли, движенія, грудь.

Чего онъ хочетъ?. Неужели послѣднее слово не было сказано въ Царицынѣ? Куда же дѣлось его добровольное отреченіе отъ своихъ супружескихъ правъ? Что̀ значатъ эти намеки, это преслѣдованіе за женщиной которая его не любитъ? И прямо ему сказала что не любитъ! Надо разъ навсегда положить конецъ этому мученію.

— Что̀ же самоваръ? спросила она громко и весело.—Я проголодалась, не обѣдала сегодня.

— Почему не обѣдала? спросилъ разсѣянно Образцовъ.

— Голова разболѣлась. Ты хочешь чтобъ я налила чай?

— Непремѣнно.

Подали самоваръ. Марья Павловна сѣла противъ него, къ столу отдѣляющему ее отъ дивана. Ей не видать было мужа, но встрѣтивъ нечаянно его взглядъ, она отвернулась и махнула рукой, какъ будто отгоняя муху.

Онъ молчитъ.... А она что̀ скажетъ теперь? и придумывала что̀ сказать.

Ахъ! спросить о Моранжи! и спросила:

— Ты здѣсь встрѣчаешься съ Моранжи?

— Какъ же! Я ему невольно протянулъ руку. Кто бы могъ подумать что онъ способенъ на глубокое чувство!

— Скажи пожалуста, подвигаются ли его дѣла? Ты вѣрно слышалъ объ этомъ процессѣ, по наслѣдству?

— Я тебя не вижу, сказалъ Образцовъ и переставилъ самоваръ на другое мѣсто.

Она отодвинулась и сказала: „какъ жарко!“

— Я хочу смотрѣть на тебя, продолжалъ онъ. — Мнѣ надо убѣдиться что я тебя здѣсь вижу наяву, а не во снѣ.

— Послушай, Мишель, это наконецъ странно! Почему ты такъ удивленъ что я здѣсь?... Я бы не отказалась навѣстить хорошаго знакомаго, еслибъ онъ занемогъ. Ты мнѣ писалъ что мы должны встрѣтиться безъ непріязни; мы оба оправдали мнѣніе которое имѣли другъ о другѣ: сошлись, или вѣрнѣе сказать, разошлись—en gens comme il faut.

Она проговорила свой монологъ съ такою холодностью и

Digitized by Google

свѣтскою выдержкой что обдала леданымъ душемъ надежды Образцова.

— Я тебѣ замѣчу, сказалъ онъ, превозмогая себя,—что ты поступила очень неосторожно. Никто здѣсь не знаетъ что ты моя жена; будутъ болтать.... Право, не стоило возбуждать толковъ изъ пустяковъ.

Марья Павловна своимъ холоднымъ тономъ вызвала это холодное замѣчаніе, однако оно ей не понравилось, огорчило ее: ей не хотѣлось оскорбить Образцова; она только желала ему напомнить что они друзья, а не супруги. Она заговорила ласково.

— Мишель, это не хорошо что̀ ты сказалъ. Я съ радостью собиралась къ тебѣ.... C'était comme une partie de plaisir. *Наши* отношенія такъ оригинальны.... Но Боже мой! Какъ ты смотришь!

Она знала значеніе этого взгляда, сухаго и пристальнаго, которымъ рѣдко смотрѣлъ Образцовъ.

— Я тебя давно потерялъ изъ виду, отвѣчалъ онъ,—и знакомлюсь съ тобой какъ съ новымъ лицомъ. Поступки людей *объясняются* ихъ характеромъ. Я не знаю какъ сложился твой характеръ въ нѣсколько лѣтъ.

— Какъ бы онъ ни сложился, я не побоюсь отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я могу смѣло сказать что я всегда дѣйствовала прямо.

— Но сегодня ты поступила съ непостижимою необдуманностью.

— Развѣ ты не назвалъ себя *моимъ другомъ?*... Я тебѣ *повѣрила* на слово: вотъ моя вина!

— Но иныя чувства сильнѣе словъ, и женщина ихъ угадываетъ. Тебѣ нравится *оригинальность* нашихъ отношеній?... А я смотрю на нихъ серіознѣй. Тутъ каждый шагъ, каждое *слово* получаетъ значеніе. Или ты дитя, или....

Онъ не договорилъ, а ей становилось жутко, и какъ въ *былое* время она была готова на все, чтобъ избѣжать его гнѣва.

— Что̀ ты хотѣлъ сказать? спросила она. — Ты хотѣлъ *назвать* меня бездушною женщиной, кокеткой? Неправда! Я честная женщина. Пойми что есть такія положенія когда не *знаешь* что̀ дѣлаешь, что̀ говоришь. Да, я поступила глупо и необдуманно.... Я уѣду.

Она уже встала и натягивала перчатки. Ея руки дрожали.

Digitized by Google

— Но мы такъ не простимся, сказала она, взглянувъ робко на Образцова.—Мы такъ не разстанемся....

— Не лучше ли намъ проститься теперь навсегда? отвѣчалъ онъ съ ласково-презрительнымъ выраженіемъ. — Идите своей дорогой, а я пойду своей. Вы привыкли тратить жизнь на грезы и мѣлочи и утонете въ нихъ. Я въ васъ ошибся.

Марья Павловна поблѣднѣла.

— Прощайте же! сказала она сухо.

И вышла въ переднюю. Она думала что онъ ее остановитъ, уговоритъ остаться, но Образцовъ надѣлъ на нее пальто, проводилъ до кареты и, поклонившись, захлопнулъ дверцу.

Онъ не подозрѣвалъ черезъ что̀ прошла Марья Павловна на пути отъ гостиницы домой. Сердце билось и рвалось въ ея груди. Она не могла помириться съ презрѣніемъ человѣка котораго она безусловно уважала, который былъ готовъ ее любить. Готовъ?... Но онъ любилъ ее! Въ ней вспыхнули раскаяніе, жалость, нѣжность, непобѣдимое желаніе добиться его прощенія.

Какимъ же именемъ назвать чувство которое онъ ей внушалъ?...

На полдорогѣ она позвонила и крикнула кучеру:

— Назадъ въ гостиницу.... Я забыла шаль.... Поскорѣй!

Вихремъ она поднялась на лѣстницу. Дверь въ нумеръ была заперта; Марья Павловна судорожно потрясла ручку двернаго замка.

Образцовъ отперъ.... Я не знаю что̀ въ немъ произошло въ одну секунду. Онъ понялъ что въ этотъ разъ онъ не ошибся и заключилъ жену въ свои объятія.

XVIII.

Четвертаго сентября, московскіе жители, начиная отъ высшихъ классовъ и кончая биржевыми извощиками, толковали о Седанѣ. Удивлялись побѣдителямъ, сожалѣли побѣжденныхъ, на сторонѣ которыхъ явно были симпатіи большинства.

— Французъ жалостливъ, говорили старики. — Въ тѣ поры какъ Бонапартъ Москву держалъ, бушевали больше Нѣмцы да Поляки, а Французъ ничего не тронетъ. Я у нихъ въ услуженіи былъ. Ребята добрые!

— А въ Севастополѣ-то, разказывалъ отставной солдатъ,—

Digitized by Google

какъ разъ мы со Спиридонычемъ въ плѣнъ попали; въ одной палаткѣ лежали. У него руку оторвало, а меня какая-то бестія такъ хватилъ въ грудь, такъ я свѣта и не взвидѣлъ... И то сказать, собой-то молодчина! цѣлая бы въ немъ сажень была, да жалко, двухъ аршинъ не хватило.

Громкій хохотъ прервалъ разкащика; онъ продолжалъ, разсмѣявшись въ свою очередь:

— Право слово! ужь и не помню какъ меня въ гошпиталь перенесли. Такъ я лежу, а такъ они лежатъ; кто безъ ноги, кто безъ руки, кто съ перевязанной головой, и показываютъ на голову—что и мы, молъ, ихъ тѣмъ же угостили. Браво! говоритъ, Русскій! Да разсмѣются, табачкомъ подчуютъ. Я у нихъ, братецъ ты мой, выучился по-ихнему говорить. Бывало что̀ понадобится, покажу да спрошу: кама сапель? Сейчасъ и скажетъ, и обиды отъ нихъ не видали.

Въ сѣняхъ гостиницы поднялась суматоха. Какой-то нетрезвый Нѣмецъ, почувствовавшій вдругъ себя представителемъ побѣдоносной націи, ворвался въ гостиницу, спрашиваетъ можно ли видѣть хозяина. За отсутствіемъ хозяина, одинъ Французъ, прислуживающій въ гостиницѣ, отдѣлился отъ группы разговаривающихъ мущинъ и спросилъ: что̀ нужно? Импровизованный побѣдитель угадалъ по его акценту съ кѣмъ имѣетъ дѣло и спросилъ съ грубою насмѣшкой, слышалъ ли онъ о сегодняшнемъ извѣстіи изъ Седана?

Французъ измѣнился въ лицѣ; ссора готова была разразиться; но въ это мгновеніе Образцовъ сильною рукой вытолкнулъ нагleца за дверь. Онъ наткнулся на графа Чаплина, который посмотрѣлъ во всѣ глаза на племянника.

Графъ пріѣхалъ къ Моранжи и постучался къ нему въ дверь. Замокъ щелкнулъ.

Моранжи былъ неузнаваемъ. Черты его лица осунулись; онъ пожелтѣлъ какъ лимонъ и всталъ съ постели чтобъ отпереть дверь. На немъ былъ надѣтъ шлафрокъ, перепоясанный шелковымъ шнуркомъ.

— Это вы, графъ, началъ онъ развязно.—У насъ стояла цѣлый день прекрасная погода. Вы пришли пѣшкомъ?

Онъ говорилъ скороговоркой, и въ его пріемахъ была лихорадочная торопливость.

— Да.... я пѣшкомъ, отвѣчалъ графъ.

— Вы кажется нездоровы?

— Немного нездоровъ.

Digitized by Google

— А я принесъ вамъ хорошое извѣстіе. Ваше дѣло будетъ кончено черезъ двѣ недѣли.

— Двѣ недѣли! Да можно умереть двѣсти разъ до тѣхъ поръ!

Настало долгое молчаніе. Моранжи высморкался, откашлялся, выпилъ воды, но все-таки не могъ преодолѣть себя. Слезы ему подступали къ горлу и вдругъ брызнули ручьемъ изъ его глазъ. Онъ зашагалъ по комнатѣ и сказалъ:

— Я боленъ, я просто боленъ....

— Вамъ надо уѣхать, промолвилъ графъ.

— Еслибы меня здѣсь не задерживала жестокая необходимость, развѣ я уже не былъ бы тамъ, на мѣстѣ?.. Видите, я здѣсь умру!

— Дайте мнѣ довѣренность и заемное письмо; я вамъ достану денегъ, и уѣзжайте съ Богомъ!

— О, у Русскихъ благородныя сердца! воскликнулъ Моранжи и бросился обнимать графа.

Онъ будто воскресъ; онъ вынулъ свои бумаги, вытащилъ кофли на средину комнаты, суетился... и вдругъ его руки опустились и съ видомъ полнаго отчаянія онъ промолвилъ:

— Tout cela est-il bien possible?

— Полноте, что̀ отчаяваться, утѣшалъ его графъ.—Еще не все пропало. Теперь будетъ вѣроятно поголовное возстаніе.

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ! Франція подымется какъ одинъ человѣкъ. Мы ихъ раздавимъ.

— Я на это надѣюсь, мы всѣ надѣемся... А я вамъ не разсказывалъ какъ отличился мой племянникъ?..

Графъ разсказалъ исторію съ Нѣмцемъ. Физіономія Моранжи просіяла.

— Ah! parlez-moi des Russes! Позвольте, вашъ племянникъ?

— Образцовъ. Онъ мнѣ сказалъ что вы здѣсь познакомились.

— Такъ; Mr Obrasòff... Я былъ влюбленъ въ его жену. Прелестная женщина и.. чиста какъ ангелъ. Скажите, они обожаютъ другъ друга? Она бываетъ у него каждый день.

Графъ улыбнулся.

— Они никогда и не переставали обожать другъ друга, отвѣчалъ онъ. Ея мать разлучила ихъ на время, и на зло покойной вѣдьмѣ они соединились теперь на всю жизнь.

Образцовъ скоро оправился и переселился съ женой въ городъ гдѣ онъ служилъ мировымъ судьей.

Digitized by Google

Кети зимовала въ Брюсселѣ и переписывалась съ сестрой. Одно изъ ея писемъ, полученное послѣ взятія Парижа, заключало подробности о Моранжи. Съ большими опасностями и затрудненіями ему удалось добраться до мѣста дѣйствій; онъ поступилъ въ армію генерала Ореля и сложилъ геройски голову при второмъ взятіи Орлеана.

Мы слышали что у Марьи Павловны родился сынъ. Онъ его обожаетъ, и всѣ указываютъ на Образцовыхъ какъ на примѣрно счастливую чету.

ОЛЬГА N.

Digitized by Google

АНГЛІЯ
ОТЪ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА
ДО
БИЛЛЯ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМѢ

I.

Англія вышла съ торжествомъ изъ продолжительныхъ войнъ съ Наполеономъ, но торжество это стоило ей очень дорого: послѣ 1815 года наступаютъ для нея столь же тяжкія времена какъ и для остальной Европы. Финансовое ея истощеніе, страшныя бѣдствія низшихъ классовъ, безпрерывныя волненія ихъ подъ вліяніемъ демагоговъ, враждебное отношеніе правительства къ самымъ необходимымъ и разумнымъ реформамъ, эгоизмъ политическихъ партій,—все это предвѣщало мрачную эпоху внутреннихъ раздоровъ, которые грозили поколебать вѣковыя основы ея государственной жизни. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и мы видимъ что страна эта, преодолѣвъ всѣ затрудненія, снова выступаетъ на путь мирнаго и всесторонняго развитія. И что замѣчательнѣе всего, она обязана этимъ не столько заслугамъ того или другаго изъ государственныхъ ея людей, сколько самой себѣ, мудрости и зрѣлости своего общественнаго мнѣнія. „Англія, говорилъ въ самый разгаръ войны Вилліамъ Питтъ, не должна разчитывать для своего спасенія исключительно на правительство: пусть болѣе полагается она на собственныя свои усилія.“ Англійское общество

Digitized by Google

послѣдовало этому совѣту не для борьбы только съ непріятелемъ, но и для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ въ тревожный періодъ 1815—1830 годовъ, и въ этомъ отношеніи оно представило поучительный примѣръ для Европы.

Французская революція застигла Англію среди приготовлявшихся въ ней широкихъ преобразованій, съ которыми связано имя Вилліама Питта. Въ настоящее время никто, конечно, не вѣритъ нелѣпымъ сужденіямъ объ его характеристикѣ и дѣятельности, пущеннымъ въ ходъ нѣкоторыми французскими историками: его выставляли заклятымъ врагомъ Франціи, поборникомъ деспотизма, мрачнымъ геніемъ войны. Напротивъ, не было государственнаго человѣка который желалъ бы и могъ бы оказать болѣе важныя услуги своему отечеству, еслибъ обстоятельства не зависѣвшія отъ его воли не воспрепятствовали осуществленію его благихъ намѣреній. Еслибы Питтъ умеръ до 1792 года, онъ унесъ бы съ собой въ могилу репутацію просвѣщеннаго поборника политической и гражданской свободы и религіозной вѣротерпимости. Начало его дѣятельности ознаменовано было тѣмъ что онъ выступилъ съ весьма либеральнымъ проектомъ парламентской реформы; вмѣстѣ съ Вильберфорсомъ энергически настаивалъ онъ на прекращеніи торговли неграми; вмѣстѣ съ Фоксомъ содѣйствовалъ онъ расширенію свободы печати, подвергнувъ приговоры объ ея проступкахъ суду присяжныхъ; не только не питалъ онъ никакой вражды къ Франціи, но поспѣшилъ заключить съ нею торговый трактатъ, установившій болѣе тѣсныя сношенія между двумя странами; Питту принадлежитъ, наконецъ, высокая честь что онъ первый задумалъ грандіозный планъ умиротворенія Ирландіи,—планъ который не удалось ему осуществить вполнѣ, но который долженствовалъ, по его мысли, вывести католиковъ изъ порабощеннаго положенія. Вилліамъ Питтъ пользовался такимъ значеніемъ и властію какъ никто изъ предшественниковъ, и можно было питать основательную надежду что онъ преодолѣетъ всѣ препятствія встрѣчавшіяся на пути задуманныхъ имъ реформъ. Продолжительныя войны съ Франціей совершенно измѣнили это положеніе дѣлъ. Неистовство французской демагогіи и затѣмъ ненасытное честолюбіе Наполеона вызвали въ огромномъ большинствѣ англійскаго общества такое настроеніе которое менѣе всего благопріятствовало развитію политической свободы; наступилъ крайній застой во внутреннихъ дѣлахъ страны;

Digitized by Google

партія виговъ, вслѣдствіе того что нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ ея представителей слишкомъ рѣзко выражали вначалѣ свое сочувствіе къ принципамъ восторжествовавшимъ, казалось, во Франціи, утратила всякій вѣсъ и въ парламентѣ, и въ публикѣ. Лицо могло отличаться самыми высокими достоинствами, считаться авторитетомъ въ своей области, но если его образъ мыслей не соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію публики, то ему закрытъ былъ путь къ повышенію и почестямъ; весьма рѣдко сельскому дворянину (country gentleman), если онъ принадлежалъ къ партіи виговъ, удавалось занять должность мироваго судьи; политическое господство перешло всецѣло въ руки торійской партіи и притомъ въ руки той ея фракціи которая постоянно противилась всякимъ перемѣнамъ въ установленномъ порядкѣ вещей. На ряду съ этимъ крайне консервативнымъ направленіемъ, происходило многое что̀ въ высшей степени раздражало и правительство, и общество: ирландское возстаніе 1798 года, революціонныя движенія въ различныхъ городахъ, злоупотребленія свободою печатнаго слова. Подъ вліяніемъ всего этого Вилліамъ Питтъ рѣзко измѣнилъ свою систему, и съ 1792 года прибѣгаетъ къ мѣрамъ которыя находятся въ явномъ противорѣчіи съ его прежними дѣйствіями и намѣреніями. Безпрерывно смѣнялись одно другимъ преслѣдованія, подобіе которымъ нужно было искать развѣ въ эпохѣ Стуартовъ: правительство знаменитаго министра не ограничивалось тѣмъ что нѣсколько разъ сряду пріостанавливало дѣйствіе *Habeas corpus*; оно вызвало изъ забвенія законы не отмѣненные еще формально, но осуждаемые всѣмъ смысломъ англійской конституціи XVIII вѣка, какъ напримѣръ статутъ временъ Эдуарда III о государственныхъ преступленіяхъ. Право сходокъ и петицій было почти отмѣнено; свобода печати существовала въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ; институту присяжныхъ безпрерывно угрожала опасность. Оправданіемъ для Питта можетъ служить то что не ему принадлежала инціатива этой реакціи, что онъ былъ лишь вынужденъ слѣдовать за потокомъ увлекавшимъ огромное большинство англійскаго общества въ извѣстномъ направленіи.

По смерти Питта (въ 1806 году) власть перешла къ его эпигонамъ, изъ которыхъ ни одинъ не напоминалъ его ни характеромъ, ни дарованіями, но которые неизмѣримо превосходили его враждою къ либеральнымъ идеямъ. Слава окончанія продолжительныхъ войнъ съ Наполеономъ принадлежала

Digitized by Google

министерству лорда Ливерпуля, значительнѣйшими членами коего были государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кастльри, государственный секретарь внутреннихъ дѣлъ лордъ Сидмутъ (Аддингтонъ) и лордъ-канцлеръ Эльдонъ. Противники этого министерства отказывали ему во всякихъ заслугахъ и относились къ названнымъ сейчасъ лицамъ какъ къ жалкимъ посредственностямъ, но съ мнѣніемъ этимъ нельзя согласиться безусловно. Конечно обстоятельства крайне благопріятствовали имъ; они приступили къ дѣятельности въ то время когда Наполеонъ самъ какъ бы умышленно начинаетъ подготовлять собственную гибель; этимъ объясняется что люди съ весьма обыкновенными дарованіями успѣли достигнуть результата въ которомъ судьба отказала Питту; но если счастіе было на ихъ сторонѣ, то заслуга ихъ несомнѣнно состояла въ томъ что они умѣли воспользоваться этимъ счастіемъ. Нельзя не отдать справедливости настойчивости, единодушію и энергіи съ которыми они направляли всѣ свои усилія къ достиженію предположенной ими цѣли. Не во время войны, а послѣ возстановленія мира, когда Англія очутилась лицомъ къ лицу съ созрѣвшими въ ней многосложными и въ высшей степени трудными вопросами внутренняго ея устройства, обнаружилось до какой степени мало политическая партія руководившая страной способна была отвѣчать требованіямъ и ожиданіямъ общества. Она обезпечила себѣ господство въ парламентѣ и пользовалась безграничнымъ довѣріемъ и поддержкою короля. Георгъ III, при весьма почтенныхъ достоинствахъ, отличавшихъ его въ частной жизни, был человѣкъ упорный, своенравный и ограниченнаго ума. Онъ усвоилъ такія понятія о своей власти которыя далеко не согласовались съ характеромъ англійской конституціи, и среди тяжкихъ невзгодъ, пережитыхъ Англіей въ его царствованіе, успѣлъ пріобрѣсти огромное вліяніе на дѣла, какимъ не пользовался ни одинъ изъ государей Ганноверскаго дома. Главнѣйшее достоинство государственныхъ людей въ его глазахъ было безпрекословное подчиненіе его идеямъ; всякая независимость была ему противна; много лицъ блиставшихъ своимъ краснорѣчіемъ и талантами никогда не могли попасть въ министерство единственно потому что въ важнѣйшихъ вопросахъ не раздѣляли вполнѣ взглядовъ короля, и съ другой стороны, министрами дѣлались лица обязанныя своимъ возвышеніемъ ничему другому кромѣ личнаго расположенія къ нимъ Георга III. Даже Вилліамъ Питтъ дол-

Digitized by Google

жденъ былъ дѣйствовать съ нимъ крайне осторожно, но и онъ въ 1801 году вынужденъ былъ покинуть министерство, лишь только въ умѣ Георга зародилось подозрѣніе что этотъ государственный человѣкъ помышляетъ объ эмансипаціи католиковъ. Упорство короля было одною изъ главныхъ причинъ злополучной для Англіи войны, окончившейся отпаденіемъ Америки, и упорство это постоянно усиливалось въ немъ, по мѣрѣ того какъ одолѣвали его старость и болѣзни. Онъ былъ твердо убѣжденъ что присяга произнесенная имъ при коронованіи воспрещала ему согласиться на отмѣну политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ стѣсненій тяготѣвшихъ надъ католиками; онъ не хотѣлъ слышать о парламентской реформѣ и всякую подобную перемѣну считалъ демагогическимъ замысломъ; вообще менѣе всего былъ онъ способенъ обращать вниманіе на новыя потребности возникшія въ обществѣ, и въ этомъ случаѣ старая торійская партія, изъ рядовъ которой вышло министерство лорда Ливерпуля, раздѣляла вполнѣ его образъ мыслей. Она обольщала себя надеждою что и послѣ возстановленія мира ей удастся сохранить то же значеніе и власть какія пріобрѣла она въ періодъ войны.

Между тѣмъ событія не замедлили доказать что начиная съ 1816 года, вмѣсто ожидаемаго успокоенія, для Англіи наступилъ тяжкій и опасный кризисъ. Матеріальныя ея средства были истощены: громадные расходы на содержаніе арміи и флота, а также субсидіи, которыя щедрою рукой раздавала она своимъ союзникамъ, сильно потрясли ея финансовое положеніе. Во время войны англійское правительство нашлось вынужденнымъ прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ чтобъ удовлетворить требованіямъ тогдашнихъ грозныхъ обстоятельствъ: налоги были возвышены до крайнихъ предѣловъ; Питтъ установилъ новый, еще не существовавшій до тѣхъ поръ въ Англіи, такъ-называемый подоходный налогъ, отъ котораго государство получало огромныя суммы, а именно въ 1815 и 1816 годахъ налогъ этотъ давалъ до 16 милліоновъ фунтовъ стерл., но онъ возбуждалъ сильнѣйшій ропотъ въ странѣ, и дѣйствительно ложился тяжелымъ бременемъ на зажиточные классы; въ самомъ разгарѣ войны съ Франціей Англійскому Банку разрѣшено было пріостановить свои платежи звонкою монетой. Результатомъ этого чрезвычайнаго напряженія силъ было то что государственный долгъ, въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтнихъ войнъ, учетверился, то-есть къ 1815 году онъ

Digitized by Google

достигъ почти 900 милліоновъ фунт. стерл. и ежегодный бюджетъ простирался до 100 милліоновъ. Не надо забывать при этомъ что торговля и промышленность Англіи почти совершенно пріостановились подъ вліяніемъ континентальной системы и что нѣсколько лѣтъ сряду продолжался сильный неурожай. Когда наступилъ миръ, то англійскіе промышленники прониклись радостною надеждой что теперь по крайней мѣрѣ представится имъ возможность вознаградить себя за продолжительныя лишенія. Всѣ европейскіе рынки были снова открыты для англійской торговли, и было повидимому весьма вѣрное основаніе разчитывать на громадный сбытъ товаровъ. Тотчасъ же образовалось безчисленное множество компаній, сулившихъ обильныя выгоды своимъ акціонерамъ; всѣ сколько-нибудь зажиточные люди спѣшили принять участіе въ предпріятіяхъ имѣвшихъ цѣлью заграничную торговлю; сотни и тысячи кораблей отправились весной 1816 года къ берегамъ Европы— но не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ какъ всѣ радужныя ожиданія англійскаго торговаго и промышленнаго люда разлетѣлись въ прахъ. Не было принято при нихъ въ разчетъ что Европа еще болѣе Англіи была разорена войной, что она не была въ состояніи приступить къ дѣятельному обмѣну продуктовъ, что наконецъ, во время войны возникли въ Европѣ многія самостоятельныя отрасли фабричнаго производства, вполнѣ удовлетворявшія мѣстнымъ потребностямъ. Европейскіе рынки были переполнены англійскими товарами, не находившими сбыта, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого наступилъ для Англіи страшный кризисъ, одно изъ тѣхъ разореній отъ котораго она не могла оправиться цѣлыми годами. Многочисленныя массы рабочихъ внезапно остались безъ занятій, и нищета, безъ всякаго преувеличенія, угрожала имъ голодною смертію.

Если тягостно было положеніе промышленныхъ классовъ, то землевладѣльцы также громко жаловались на свою судьбу. Въ Англіи почти всѣ политическіе люди, безъ различія партій, считали непреложною истиной что земледѣліе есть основаніе благосостоянія государства и нравственности народа и что никакая другая отрасль народнаго хозяйства не имѣетъ столь законныхъ правъ на искусственное ей покровительство. Съ конца XVII вѣка такъ-называемые хлѣбные законы (corn-laws) постоянно преслѣдовали одну цѣль — искусственное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ внутри страны посредствомъ запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба или наложенія на него значитель-

Digitized by Google

ной пошлины. Во время Наполеоновскихъ войнъ, когда, вслѣдствіе континентальной системы, землевладѣльцы не могли опасаться никакой конкурренціи съ европейскими государствами, цѣны на хлѣбъ достигли необычайно высокой цифры, но затѣмъ наступили неурожайные годы со всѣми обычными своими бѣдствіями. Землевладѣльцы вопили что они разорены. И министерство и парламентъ выражали готовность явиться къ нимъ на помощь: въ 1815 году былъ утвержденъ законъ, самый запретительный, какой когда-либо существовалъ въ Европѣ относительно хлѣбной торговли, а именно запрещено было совершенно привозить иностранный хлѣбъ до тѣхъ поръ пока цѣны на хлѣбъ туземный не возвысятся до 80 шиллинговъ. Понятно, съ какимъ чувствомъ это распоряженіе было встрѣчено въ странѣ: оно обрекало на тяжкія лишенія массу народа въ угоду одному классу общества, и притомъ классу немногочисленному, ибо земля находилась въ обладаніи лишь нѣсколькихъ тысячъ богатыхъ дворянскихъ фамилій. Упомянутый законъ грозилъ возбудить и питать сословный антагонизмъ на англійской почвѣ.

Уже и безъ того обнаруживались признаки неизбѣжной и упорной борьбы между различными элементами общества. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка произошелъ въ Англіи коренной переворотъ, условленный еще не бывалымъ до тѣхъ поръ развитіемъ промышленной дѣятельности. Изобрѣтенія всякаго рода, примѣненіе пара, новыя машины— все это сообщило ей необыкновенный толчокъ: повсюду возникали фабрики, мало населенныя мѣста съ поразительною быстротой превращались въ многолюдные центры, образовались новыя привычки жизни, новыя отношенія между капиталистами и рабочими, между промышленнымъ людомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. На сцену выступалъ, словомъ, новый классъ общества, который требовалъ для себя правъ соотвѣтствовавшихъ пріобрѣтенному имъ значенію и богатству. Легко объяснить всю важность этого явленія, если вспомнимъ что развитіе англійской государственной жизни было тѣсно связано съ поземельною собственностью, что опорой англійской конституціи были земледѣльческіе классы, которые считали ее своимъ созданіемъ и были твердо убѣждены что конституціи этой угрожаетъ гибель, если вліяніе и власть не сохранятся попрежнему въ ихъ рукахъ: съ ужасомъ видѣли они теперь что слабѣютъ ихъ силы, что земли начинаютъ понемногу

Digitized by Google

переходить къ капиталистамъ, составившимъ себѣ состоя промышленностью и торговлей, и что эти люди чужды понятіямъ и преданіямъ старой *gentry*. Еще болѣе опасное зрѣлище представляли для торійской партіи обширные мануфактурные города съ своимъ народонаселеніемъ, въ среду коего уже проникали демократическія тенденціи,—города, гдѣ господствовалъ торговый классъ, не довольствовавшійся собственнымъ обогащеніемъ и сознаніемъ своихъ заслугъ для матеріальнаго благосостоянія страны, но предъявлявшій притязанія на политическую дѣятельность. Уже въ то время о которомъ мы говоримъ теперь, началась между соперничествующими силами борьба долженствовавшая принять столь ожесточенный характеръ пятнадцать лѣтъ позднѣе, когда созрѣлъ и приблизился къ разрѣшенію вопросъ о парламентской реформѣ.

Итакъ сильное броженіе обнаруживалось во всѣхъ сферахъ: матеріальная производительность страны приняла огромные размѣры съ конца прошлаго столѣтія, но она много пострадала въ послѣдніе годы войны, а несчастныя обстоятельства, наступившія послѣ возстановленія мира, произвели въ ней хотя временное, но страшное разстройство. Промышленные классы обвиняли въ грубомъ эгоизмѣ землевладѣльцевъ, которые старались монополіей хлѣбныхъ законовъ обезпечить свое положеніе; землевладѣльцы относились столь же враждебно къ промышленникамъ. Съ одной стороны заявлялось требованіе реформы народнаго представительства; съ другой, требованіе это встрѣчало безусловный отказъ. Ирландія находилась въ безпрерывномъ волненіи. И католики, и диссиденты выражали твердое намѣреніе освободиться отъ стѣсненій тяготѣвшихъ надъ ихъ религіозною совѣстью и гражданскими правами. Низшій классъ народа погрязалъ въ развратѣ, невѣжествѣ и ужасающей нищетѣ,—бѣдствія его дѣйствительно, какъ уже замѣчено было выше, превосходили всякое вѣроятіе, и почва эта была какъ нельзя болѣе благотворна для демагоговъ, которые старались возбуждать народныя страсти и вызвать въ Англіи революціонное движеніе. Много было нужно искусства и правительственной мудрости чтобы преодолѣть всѣ эти затрудненія, а между тѣмъ торійская партія обольщала себя надеждой что ей удастся сохранить за собою власть, не дѣлая ровно никакихъ уступокъ требованіямъ вѣка и новымъ условіямъ общественнаго развитія.

Весьма вѣрно замѣчено было о государственныхъ людахъ

Digitized by Google

нгліи стоявшихъ тогда во главѣ правленія, что во время войны усвоили они взгляды и пріемы которые менѣе всего гармонировали съ конституціоннымъ порядкомъ вещей. Замѣчаніе это относится одинаково какъ къ внѣшней, такъ и ко внутренней ихъ политикѣ. Ужасы французской революціи, породившіе деспотизмъ Наполеона, значительно уменьшили въ Европѣ число тѣхъ кто видѣлъ единственное спасеніе въ коренной ломкѣ существовавшихъ учрежденій, но если просвѣщенное европейское общество освободилось отъ пристрастія къ радикальнымъ демократическимъ теоріямъ, то почти повсюду заявляло оно требованіе для себя разумной и правильной свободы. Революціонная Франція утратила обаяніе надъ умами; тѣмъ охотнѣе народы искали примѣровъ для подражанія въ Англіи, съ ея вѣковою конституціей, устоявшею противъ всѣхъ невзгодъ. Движеніе въ конституціонномъ смыслѣ было такъ сильно что вначалѣ правительства вынуждены были считаться съ нимъ, и правительство англійское сдѣлало бы очень много для упроченія своего нравственнаго вліянія въ Европѣ, еслибы при каждомъ удобномъ случаѣ возвышало свой голосъ въ его пользу. Но подобная задача отнюдь не соотвѣтствовала убѣжденіямъ лорда Кастльри и его товарищей по министерству. Вмѣсто того чтобъ оказать поддержку упомянутому движенію, они относились къ нему съ опасеніями и недовѣрчивостью. „Конституціонныя учрежденія, писалъ Кастльри въ 1814 году, возникли во Франціи, Испаніи, Голландіи и Сициліи; подождемъ, какой принесутъ они тамъ плодъ, прежде чѣмъ поощрять другія попытки въ томъ же родѣ. Быть-можетъ они увѣнчаются успѣхомъ, и тогда мы будемъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами; вообще же я убѣжденъ что нужно скорѣе сдерживать, чѣмъ ускорять примѣненіе этого принципа“. Внутри собственнаго отечества торійское министерство желало сохранить всѣ тѣ узаконенія, стѣснительныя для свободы дѣйствія и слова, которыя были приняты только временно и въ минуту серіозныхъ опасностей, отвсюду угрожавшихъ странѣ. Свобода печати казалась ему лишь надежною союзницей всякаго рода безпорядковъ и анархіи; народныя собранія, митинги, на которыхъ англійское общество привыкло обсуждать политическіе вопросы, напоминали ему о революціонныхъ клубахъ Франціи. Несмотря на общее требованіе сокращенія расходовъ по случаю наступившаго мира, оно называло, устами лорда Кастльри, это требованіе „невѣжественнымъ

Digitized by Google

нетерпѣніемъ“ со стороны публики и лишь противъ воли вынуждено было согласиться на отмѣну не популярной подоходной подати, такъ что въ первое время послѣ 1815 года борьба происходитъ собственно между двумя лагерями: съ одной стороны торійская партія, увлекаемая крайнимъ реакціоннымъ направленіемъ, съ другой партія демократическая, искусно волновавшая массы рабочаго населенія и черни. Положеніе людей либеральнаго образа мыслей, людей сознававшихъ необходимость постепенныхъ и разумныхъ реформъ, представлялось въ высшей степени затруднительнымъ: они не имѣли достаточно силы чтобы стать во главѣ правленія, и въ то же время, порицая политику правительства, не отваживались опираться на движенія происходившія тогда въ народѣ, ибо въ движеніяхъ этихъ были замѣшаны самыя дурныя страсти и цѣли ихъ заслуживали строгаго порицанія. Господствующая партія относилась къ нимъ высокомѣрно, какъ къ мечтателямъ и теоретикамъ; демагоги взирали на нихъ съ ненавистью, потому что не разчитывали, конечно, встрѣтить въ нихъ сочувствіе своимъ планамъ, да и огромное большинство образованнаго общества, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ тяжкаго времени, пережитаго Англіею, не рѣшалось слѣдовать за ними. „Если кто желаетъ убѣдиться, говоритъ сэръ - Самуилъ Ромильи въ своихъ мемуарахъ, какъ гибельно французская революція и ея ужасы подѣйствовали на наше отечество, стоитъ тому лишь припомнить судьбу всѣхъ законодательныхъ реформъ которыя были предлагаемы послѣ 1815 года въ либеральномъ и гуманномъ смыслѣ. Какое-то жестокосердіе и грубость овладѣли публикой, и всякаго рода нововведенія возбуждали въ ней суевѣрный страхъ.“

А между тѣмъ состояніе низшаго класса Англійскаго народа было таково что требовались самыя энергическія мѣры, чтобы придти къ нему на помощь. Налогъ въ пользу бѣдныхъ, собственно лишь въ Англіи и Вельсѣ, далъ въ 1801 году 4 милліона фунтовъ стерл., а въ 1816 году возросъ онъ болѣе чѣмъ до 7 милліоновъ, но такъ какъ суммы эти расходовались въ высшей степени не раціонально и не согласно съ своимъ дѣйствительнымъ назначеніемъ, то нищета нисколько не уменьшилась. Нравственный уровень массъ стоялъ весьма низко: бѣдность и крайнее невѣжество влекли за собою обычныя свои послѣдствія—развратъ, пьянство, уголовныя преступленія, возраставшія въ ужасающей пропорціи, но въ то время о кото-

Digitized by Google

ромъ мы говоримъ, лишь весьма не многія, одиноко стоявшія личности были проникнуты убѣжденіемъ что для исправденія народа нужно дѣйствовать на него свѣтомъ образованія и религіи. Начальныя школы находились въ жалкомъ упадкѣ, но законодательство долго не принимало никакихъ мѣръ чтобы распространить и улучшить ихъ. Карательныя мѣры—вотъ единственное средство казавшееся вполнѣ пригоднымъ и разумнымъ для обузданія полудикой черни, предоставленной совершенно на произволъ судьбы, а въ настоящее время трудно даже повѣрить какою неумолимою жестокостью отличались уголовные законы Англіи въ первой четверти текущаго столѣтія. Они нисколько не сообразовались съ различными видами и степенью преступленій: смертной казни были обрекаемы одинаково какъ убійца или грабитель на большой дорогѣ, такъ и мелкій воръ, укравшій платокъ изъ кармана прохожаго или кусокъ ситцу въ лавкѣ. Со времени реставраціи Стуартовъ до кончины короля Георга III, въ теченіе 160 лѣтъ, въ уголовномъ кодексѣ появилось болѣе сотни преступленій которыя влекли за собою смертную казнь. Эта безчеловѣчная суровость закона имѣла самыя печальныя послѣдствія, а именно, съ одной стороны, она только ожесточала народъ, съ другой, присяжные въ судахъ, стараясь уклониться отъ страшной отвѣтственности, насиловали свою совѣсть и весьма не рѣдко изрекали оправдательные приговоры даже въ тѣхъ случаяхъ когда преступленіе было вполнѣ доказано. Послѣ 1815 года, люди достойные всякаго уваженія, какъ напримѣръ сэръ-Самуилъ Ромильи, сэръ-Джемсъ Мекинтошъ, Брумъ, поставовили главнѣйшею задачей своей дѣятельности настаивать на измѣненіи этой системы, но встрѣчали почти непреодолимыя препятствія. Вотъ между прочимъ анекдотъ который показываетъ съ какими противниками приходилось имъ имѣть дѣло: „Когда предложенъ былъ мною законъ объ отмѣнѣ смертной казни за нѣкоторыя преступленія, говоритъ Ромильи въ своихъ мемуарахъ, одинъ молодой джентльменъ, членъ палаты общинъ и братъ весьма извѣстнаго пера, подошелъ ко мнѣ и едва скрывая свою ярость, произнесъ дрожащимъ голосомъ: „я противъ „вашего билля; я стою на томъ чтобы всѣхъ вѣшать“. Слова эти поразили меня; стараясь пріискать имъ какое-нибудь оправданіе, я отвѣчалъ что по мнѣнію его неизбѣжность наказанія служитъ вѣроятно надежнѣйшимъ средствомъ предотвратить проступки, что̀ не мѣшаетъ однако смягченію этихъ самыхъ

Digitized by Google

наkазаній. „Нѣтъ, нѣтъ, не то, заговорилъ онъ посиѣшно: „вообще противъ всякой кротости въ уголовномъ законодательствѣ; еслибы можно было перевѣшать ихъ всѣхъ, тѣмъ лучше". Уже гораздо позднѣе, а именно въ 1830 году, сэръ-Роберту Пилю, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, удалось осуществить весьма важныя, вполнѣ соотвѣтствовавшія здравымъ юридическимъ понятіямъ, реформы въ уголовномъ законодательствѣ, но въ періодъ служащій предметомъ нашего разсказа, Ромильи и Мекинтошъ съ большимъ трудомъ усиливались распространить эти понятія въ публикѣ, а благородный примѣръ такихъ личностей, какъ Говардъ и Елисавета Фрай, посвятившихъ свою дѣятельность устройству тюремъ и исправленію заключенныхъ, встрѣчалъ еще очень мало подражателей.

Какъ ни мало были благопріятны обстоятельства для внутренняго развитія Англіи по прекращеніи Наполеоновскихъ войнъ, съ какими затрудненіями ни приходилось бороться людямъ убѣжденнымъ въ необходимости широкихъ преобразованій, общество этой страны ни на минуту не измѣнило тѣмъ началамъ которыя въ теченіе вѣковъ условливали величіе и прочность ея государственнаго устройства. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только взглянуть на судьбу радикальныхъ теорій на англійской почвѣ въ описываемое время. Безспорно, самымъ талантливымъ, свѣдущимъ и краснорѣчивымъ ихъ представителемъ былъ философъ и юристъ Іеремія Бентамъ. Не рѣдко сравнивали его съ Ж. Ж. Руссо, но если и есть сходство между ними въ основныхъ ихъ воззрѣніяхъ, то все-таки по складу своего ума они представляютъ рѣзкое различіе. Съ самой первой поры своей дѣятельности Бентамъ выступаетъ истымъ Англичаниномъ. Несмотря на пристрастіе свое къ теоріямъ, онъ постоянно руководится практическимъ смысломъ; онъ пораженъ рѣзкими аномаліями въ политическомъ, гражданскомъ, преимущественно въ юридическомъ быту Англіи, но ему не приходитъ въ голову требовать коренной ломки вѣками установленнаго порядка вещей, онъ желаетъ постепенныхъ преобразованій, и каждый изъ его проектовъ относится лишь къ опредѣленному случаю, имѣетъ въ виду отмѣну того или другаго изъ существующихъ злоупотребленій, а не переустройство всѣхъ вообще учрежденій на основаніи отвлеченныхъ началъ. Бентамъ хотѣлъ дѣйствовать не словомъ только, но и примѣромъ: когда пришла ему между прочимъ мысль преобразовать тюрьмы въ исправительныя заведенія,

Digitized by Google

ъ не поколебался пожертвовать для ея успѣха часть своего стоянія; но изъ сказаннаго нами выше легко предугадать о великодушныя его попытки почти вовсе не встрѣчали совствія. При тогдашнемъ настроеніи огромнаго большинства блики онъ не могъ разсчитывать на поддержку съ ея стороы; правительственныя лица смотрѣли на него какъ на безлойнаго мечтателя; самъ король называлъ его не иначе какъ кобинцемъ. Бентамъ ожесточился и бросился на путь на которомъ долженъ былъ окончательно разойтись съ англійскимъ бществомъ. Его мнѣнія принимаютъ вполнѣ космополитическій оттѣнокъ. Монархія, парламентъ, вообще все что сложилось историческимъ путемъ, было освящено преданіями, вошло въ привычки и понятія англійскаго общества, встрѣчаетъ въ немъ безпощаднаго порицателя, и онъ начинаетъ доказывать что старинное политическое устройство, которымъ гордилась страна, не болѣе какъ искусная плутня, придуманная богатыми и знатными для эксплуатаціи низшихъ классовъ народа. Онъ не дѣлаетъ различія между партіями: крайніе торіи, не хотѣвшіе допустить никакихъ перемѣнъ въ томъ что было завѣщано вѣковою мудростью предковъ, и виги, выступавшіе съ требованіемъ либеральныхъ реформъ, были ему одинаково ненавистны. Изъ словъ его оказывалось что чѣмъ скорѣе приблизится Англія къ политическимъ учрежденіямъ существующимъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, тѣмъ будетъ для нея лучше, и что всѣ противники этой цѣли были или обскуранты или враги народа. Въ произведеніяхъ относящихся къ позднѣйшему періоду дѣятельности Бентама, развивается постоянно одна и та же мысль: требованіе избирательнаго права для всѣхъ безъ различія гражданъ, достигшихъ зрѣлаго возраста, требованіе тайной подачи голосовъ, и того чтобы парламентъ (то-есть нижняя его палата) былъ избираемъ лишь на одинъ годъ. Ясно изъ всего этого что Бентамъ являлся поборникомъ крайнихъ демократическихъ ученій, и нѣтъ ничего удивительнаго, если успѣхъ его былъ весьма великъ въ тѣхъ странахъ гдѣ политическіе дѣятели думали пересоздать государственный и гражданскій бытъ своихъ народовъ, не соображаясь ни съ ихъ преданіями, ни со степенью ихъ развитія, а заботясь лишь о томъ чтобы новыя учрежденія соотвѣтствовали какъ можно болѣе тогдашнему либерализму. Бентамъ принимаетъ на себя роль всемірнаго законодателя: бывшія испанскія колоніи въ Америкѣ обращаются къ нему за совѣтами;

Digitized by Google

онъ пишетъ конституціи для Буэносъ-Айреса, Венецуэлы и Гватемалы; испанскіе кортесы находятся въ дѣятельныхъ съ нимъ сношеніяхъ; въ послѣдствіи лучшіе изъ греческихъ патріотовъ спѣшатъ позаимствоваться у него политическою мудростью; ораторы французскихъ палатъ временъ реставраціи доказывали своими рѣчами что они внимательно изучали произведенія англійскаго публициста. Дѣйствительно, произведенія эти, по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ (какъ напримѣръ трактатъ объ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ), переведенныя на французскій языкъ Дюмономъ, читались съ жадностью и въ Европѣ, и въ Америкѣ: такъ напримѣръ Гервинусъ говоритъ что въ теченіе одного лишь года отправлено было ихъ за Атлантическій океанъ около 40.000 томовъ. Но чѣмъ болѣе гремѣла слава Бентама за предѣлами его отечества, тѣмъ замѣтнѣе въ самой Англіи терялъ онъ всякое значеніе и вѣсъ. Англійское общество совершенно основательно не могло простить Бентаму легкомыслія съ какимъ онъ относился ко всей прошлой жизни страны, не могло простить ему этого поразительнаго непониманія исторіи, отнявшаго у него вѣрное чутье дѣйствительности. Бентамъ былъ пророкомъ почти всюду, но только не у себя на родинѣ. Онъ не въ силахъ былъ потрясти консервативный характеръ политическаго развитія своего отечества, потому что этому противились слишкомъ твердые оплоты: историческая жизнь, исполненная величія и славы; церковное устройство, внушавшее глубокое уваженіе народу; многочисленное дворянское сословіе, оказавшее и не перестававшее оказывать великія услуги странѣ; отсутствіе всякой розни между различными классами общества. Нельзя сказать однако чтобы Бентамъ не обнаружилъ значительнаго вліянія на своихъ соотечественниковъ, но при этомъ опять-таки поражаетъ любопытная черта національнаго характера Англичанъ: между приверженцами его,—мы говоримъ конечно о такихъ которые пользовались вліяніемъ и пріобрѣли почетное имя,—не было ни одного кто усвоилъ бы общія основанія его политической программы. „Онъ имѣлъ дѣло болѣе съ книгами чѣмъ съ людьми", эти слова, сказанныя о немъ въ палатѣ общинъ Брумомъ, заключали въ себѣ безпощадный надъ нимъ приговоръ. Послѣдователи Бентама, къ числу коихъ принадлежалъ между прочимъ сэръ-Самуилъ Ромильи, не менѣе ревностно, чѣмъ и онъ, требовали устраненія обветшалыхъ порядковъ и потерявшихъ смыслъ привиле-

Digitized by Google

гій, но наравнѣ съ остальною публикой они не выражали сочувствія къ тѣмъ радикальнымъ средствамъ которыми Бентамъ думалъ врачевать зло. Взамѣнъ того, когда шла рѣчь о частныхъ реформахъ, имѣвшихъ цѣлью не разрушеніе установленнаго порядка вещей, а различныя приспособленія къ измѣнявшимся условіямъ жизни, они являлись открыто учениками отважнаго мыслителя и въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ не оставилъ не затронутымъ почти ни одного изъ вопросовъ стоявшихъ тогда на очереди, черпали богатый матеріалъ для своихъ аргументовъ: вотъ почему когда возникали вопросы объ эмансипаціи католиковъ или освобожденіи негровъ, объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ или измѣненіяхъ въ уголовномъ законодательствѣ, о народномъ образованіи или улучшеніи тюремъ—почти всюду обнаружилось болѣе или менѣе вліяніе Бентама съ лучшей своей стороны. Англійское общество не хотѣло идти за нимъ туда куда онъ хотѣлъ вести его: оно взяло у него лишь то что̀ оказалось пригоднымъ для жизни. Политическія теоріи Бентама прошли безслѣдно, но гуманное, великодушное направленіе, которое онъ вносилъ во всѣ свои изслѣдованія, принесло несомнѣнную пользу, обративъ вниманіе публики на такія злоупотребленія и на такія бѣдствія народа которыя до тѣхъ поръ оставались незамѣченными.

Бентамъ, несмотря на свой радикальный образъ мыслей, никогда не былъ демагогомъ. Онъ не выходилъ изъ роли кабинетнаго ученаго и не обладалъ качествами необходимыми для того чтобы дѣйствовать на толпу, распалять ея страсти и руководить ею какъ слѣпымъ орудіемъ. Это печальное призваніе выпало въ Англіи да долю другихъ людей, гораздо болѣе предпріимчивыхъ и стоявшихъ несравненно ниже его въ нравственномъ отношеніи. Самое видное мѣсто между ними принадлежитъ Вильяму Каббету, сыну простаго крестьянина, проведшему нѣсколько лѣтъ своей молодости въ Сѣверной Америкѣ. Личность этого человѣка не внушаетъ къ нему большаго уваженія: подобно многимъ другимъ героямъ одинаковаго съ нимъ закала, онъ былъ исполненъ завистью и злобой ко всему что̀ возвышалось надъ извѣстнымъ уровнемъ образованіемъ и богатствомъ и отличался крайнею безцеремонностью въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Это былъ демагогъ въ худшемъ значеніи слова, но демагогъ талантливый, обладавшій своеобразнымъ краснорѣчіемъ, умѣвшій говорить съ народомъ и пользовавшійся такимъ вліяніемъ на него,

Digitized by Google

преимущественно на рабочій его классъ, что ничего подобнаго нельзя указать даже во Франціи, гдѣ такія явленія, какъ извѣстно, отнюдь не рѣдкость. Еженедѣльная газета Каббета Weekly Register, имѣла, если вѣрить ему, болѣе милліона читателей, и по другимъ свѣдѣніямъ, число это едва ли можно назвать преувеличеннымъ. Не было сколько-нибудь грамотнаго рабочаго который не пожиралъ бы съ жадностью листокъ, приноровленный исключительно для его пониманія и вкусовъ. Волненія въ средѣ рабочаго люда начались уже давно: еще въ 18.. году такъ-называемые, по имени одного изъ своихъ предводителей, луддиты, доведенные до отчаянія дороговизной хлѣба, произвели страшныя безчинства, обративъ главнымъ образомъ свою ярость противъ машинъ, въ которыхъ они видѣли непосредственную причину своихъ бѣдствій. Тѣ же самыя сцены, если еще не въ большихъ размѣрахъ, повторились въ 1816 году. Толпы черни разрушали все что только попадалось имъ подъ руку, жгли фабрики и вступали въ борьбу съ войсками посылаемыми для ихъ усмиренія. Конечно, движеніе это вначалѣ не имѣло вовсе политическаго характера: оно было возбуждено сбродомъ несчастныхъ, которые, страдая отъ нищеты и голода, вслѣдствіе пріостановки работъ, были убѣждены что никогда не дошли бы они до столь отчаяннаго положенія, если бы машины не замѣнили ручной трудъ, но у этой толпы явились вскорѣ руководители, постаравшіеся сообщить совершенно другой характеръ ея дѣйствіямъ. Каббетъ занималъ между ними первое мѣсто. Въ своей газетѣ онъ настойчиво толковалъ рабочему люду что если испытываетъ онъ тяжкія лишенія, то существуетъ этому лишь одна причина—негодная система правленія. Всѣ усилія народа должны быть направлены къ тому чтобъ измѣнить ее, а не тратиться безполезно на уличные бунты и на покушеніе противъ частной собственности. Распространеніе избирательнаго права одинаково на всѣхъ гражданъ, назначеніе депутатами лицъ принадлежащихъ къ низшему классу народа или такихъ которыя вполнѣ усвоили бы его требованія, тайная подача голосовъ—вотъ въ чемъ состояла программа Каббета. Онъ могъ гордиться тѣмъ что подъ вліяніемъ его совѣтовъ, движеніе дѣйствительно утратило насильственный характеръ, но оно отнюдь не сдѣлалось менѣе опаснымъ. Напротивъ, министры съ ужасомъ видѣли что рабочій классъ бросился въ политику, что повсюду возникали такъ-называемые Гампденовы клубы, центромъ коихъ былъ Лондонскій клубъ,

Digitized by Google

что всѣ они находились въ тѣсной связи, что агитаторы усвоили для себя особую организацію, напоминавшую итальянскихъ карбонаріевъ. Одно событіе сильно взволновало публику: въ концѣ января 1817 года, принцъ-регентъ, къ которому перешло управленіе государствомъ за болѣзнью его отца, Георга III, снова впавшаго въ сумашествіе, открылъ тронною рѣчью обычную сессію парламента. Въ рѣчи этой было упомянуто о безпорядкахъ произведенныхъ радикальною партіей и о необходимости принять мѣры для ихъ прекращенія. Когда принцъ возвращался послѣ этой церемоніи во дворецъ, толпа приняла его недоброжелательными криками, и нѣсколько камней было пущено въ окна его кареты.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что англійская публика громко и единодушно порицала всѣ эти безчинства. Правительство могло смѣло разчитывать на ея сочувствіе для поддержанія порядка и спокойствія въ странѣ. Если, несмотря на то, правительство встрѣчаетъ ожесточенную оппозицію, и самые краснорѣчивые голоса въ обѣихъ палатахъ клеймятъ его образъ дѣйствій, то объясняется это тѣмъ что для борьбы со зломъ оно прибѣгало къ средствамъ которыя находились въ явномъ противорѣчіи съ конституціонными началами англійской государственной жизни, что торійская партія слишкомъ ревностно усвоила себѣ административные пріемы господствовавшіе въ континентальныхъ государствахъ того времени, но не долженствовавшіе имѣть мѣста на свободной почвѣ Англіи. Именно въ этомъ случаѣ англійское общество выступаетъ въ крайне выгодномъ для себя свѣтѣ: оно было исполнено негодованія противъ происковъ демагоговъ, но умѣло въ то же время сдерживать правительство, когда это правительство, преувеличивая чрезъ мѣру угрожавшую опасность, покушалось нарушить права которыя каждый Англичанинъ считаетъ священнымъ своимъ достояніемъ. Люди въ родѣ Ливерпуля, Эльдона и Кастльри, дошли наконецъ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ до того, что приверженцевъ парламентской реформы готовы были ставить на одну ногу съ уличными демагогами и прозрѣвали признаки бунта во всякомъ свободномъ и независимомъ выраженіи мнѣній не согласныхъ съ ихъ собственными: вотъ противъ чего вооружалась либеральная оппозиція и, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, одержала полную побѣду.

Упомянутые нами выше безпорядки, происходившіе въ 1816 и 1817 годахъ, вызвали оживленныя пренія въ парламентѣ.

Digitized by Google

Доказано было вполнѣ несомнѣнно что въ безпорядкахъ этихъ само правительство играло не достойную его роль, а именно, какой-то негодяй по имени Оливеръ, одинъ изъ главныхъ ораторовъ революціонныхъ клубовъ, постоянно подстрекавшій чернь на безчинства, находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, лордомъ Сидмутомъ, и служилъ его тайнымъ агентомъ. Къ продѣлкамъ такого рода не разъ прибѣгала Меттерниховская полиція, но въ Англіи она не могла, конечно, вызвать одобренія. Затѣмъ, хотя правительство было достаточно вооружено для борьбы съ революціонною партіей, а именно пріостановлено было дѣйствіе Habeas corpus, возстановленъ законъ 1795 года противъ тайныхъ и мятежныхъ сборищъ, оно повидимому не довольствовалось этимъ, ибо лордъ Сидмутъ обратился къ намѣстникамъ графствъ съ циркуляромъ породившимъ всюду сильное неудовольствіе. Въ циркулярѣ этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ что названные сейчасъ представители административной власти, а также мировые судьи имѣютъ право подвергать тюремному заключенію редакторовъ авторовъ и продавцовъ газетъ или брошюръ возмутительнаго содержанія, не подвергая вопросъ о виновности этихъ лицъ вердикту большаго жюри: это было вопіющее нарушеніе самыхъ коренныхъ основъ англійскаго судопроизводства. Министерство отстояло упомянутую мѣру въ парламентѣ, но число его противниковъ росло съ каждымъ днемъ, тѣмъ болѣе что, гордясь своимъ успѣхомъ, оно прибѣгло вскорѣ къ другимъ столь же рѣзкимъ дѣйствіямъ. Послѣ знаменитаго циркуляра лорда Сидмута, Каббетъ понялъ что дальнѣйшее изданіе его революціонной газеты сдѣлалось невозможнымъ и предпочелъ удалиться въ Америку, но онъ оставилъ за собою не мало приверженцевъ—самымъ дерзкимъ и предпріимчивымъ между ними является Гонтъ—которые дорожили честью идти по слѣдамъ пресловутаго агитатора. Лозунгомъ радикаловъ была попрежнему парламентская реформа по задуманному ими плану. Правительству хотѣлось, во что бы то ни стало, положить конецъ этому волненію, и вскорѣ представился ему, какъ оно было убѣждено, весьма удобный для того случай. Лѣтомъ 1819 года, рабочее народонаселеніе Манчестера и окрестныхъ съ нимъ мѣстечекъ сильно роптало на фабрикантовъ, отказывавшихся возвысить поденную плату, хотя неблагопріятный промышленный кризисъ давно уже миновалъ; предводители этой толпы, Гаррисонъ, Гилей и самъ „великій“ Гонтъ, рѣшились

Digitized by Google

созвать многочисленный митингъ съ цѣлью обсудить на немъ петицію регенту. Разчитывали что болѣе 80.000 мущинъ и женщинъ будетъ присутствовать на этомъ собраніи. Правительство имѣло весьма точныя свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ митингу и не только не пыталось образумить толпу, но изъ предписаній его мѣстнымъ властямъ видно что оно разчитывало на безпорядки и на возбужденіе народныхъ страстей, намѣреваясь воспользоваться этимъ для крайнихъ репрессивныхъ мѣръ. Радикалы остереглись однако подать какой-либо къ тому поводъ. Въ назначенный день, а именно 16го августа, собрались они съ своими приверженцами на полѣ Св. Петра, безъ всякаго оружія, хотя со знаменами, на которыхъ красовались надписи революціоннаго содержанія, какъ например: „поголовное голосованіе или смерть". Гонтъ тотчасъ же обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью. Онъ говорилъ еще не болѣе четверти часа, какъ вдругъ изъ одной улицы, выходившей въ поле, показался кавалерійскій полкъ, который, совершенно неожиданно для толпы, началъ топтать ее конями; одновременно съ тѣмъ другая подобная же атака была произведена гусарами съ противоположной стороны; наступила сцена невыразимаго ужаса и смятенія; въ нѣсколько минутъ поле было очищено отъ народа, и полиціи оставалось только подбирать раненыхъ....

Эта „манчестерская рѣзня" или „битва при Петерлоо", какъ иронически называли ее въ публикѣ, возбудила всюду живѣйшее негодованіе. Порицатели министерства справедливо жаловались на то что вмѣшательство вооруженной силы произошло безъ всякаго законнаго основанія, что не было возможности упрекнуть толпу въ какихъ-либо безчинствахъ, и что войска бросились на нее не дождавшись чтобы власти установленнымъ порядкомъ пригласили митингъ разойтись. Рѣзкіе протесты противъ такого ничѣмъ не оправдываемаго образа дѣйствій слышались со всѣхъ сторонъ. Совѣтъ лондонскаго Сити препроводилъ принцу-регенту адресъ, въ которомъ обвинялъ министерство въ посягательствахъ противъ законнаго права сходокъ; во многихъ городахъ немедленно собрались митинги, постановившіе резолюціи въ такомъ же смыслѣ, и къ резолюціямъ этимъ присоединились многіе именитые представители аристократіи, въ родѣ герцога Норфолька и графа Фицвильяма, изъ коихъ послѣдній вовсе не считался приверженцемъ либеральной партіи и во время смутъ 1812 года оказывалъ

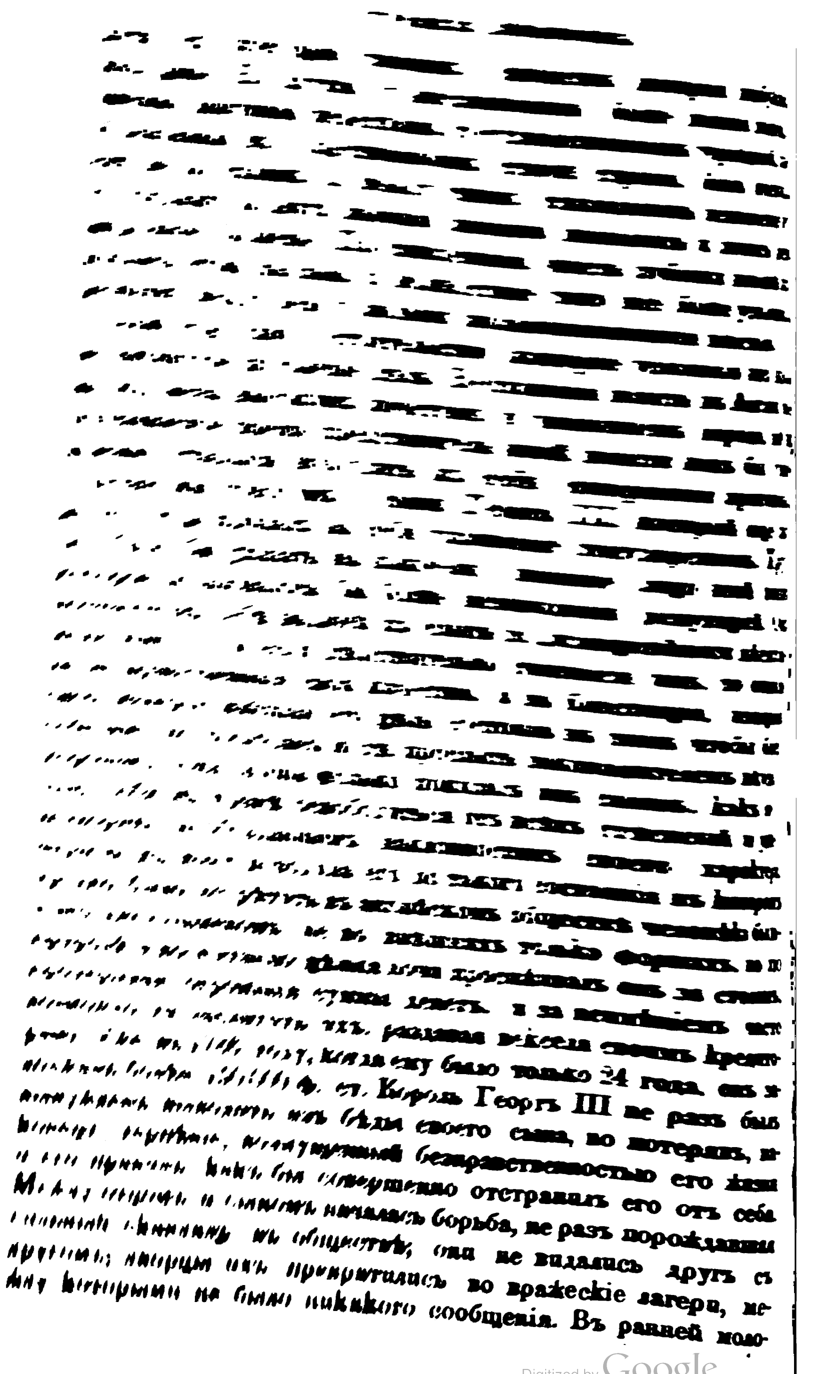
Digitized by Google

ревностную поддержку правительству. Но не обращая никакого внимания на эти многознаменательные факты, торійское министерство спѣшило лишь воспользоваться своею „побѣдой“. Тотчасъ послѣ описанныхъ нами происшествій представило оно парламенту нѣсколько законопроектовъ (извѣстныхъ подъ именемъ „шести биллей“), относительно которыхъ всѣ политическія партіи сходятся нынѣ въ единодушномъ ихъ порицаніи. Первымъ изъ нихъ имѣлось въ виду ускорить судебную процедуру по обвиненіямъ въ клеветѣ и въ возбужденіи къ мятежу; процессы такого рода длились иногда по два и по три года, и оканчивались почти постоянно, къ величайшему неудовольствію правительства, оправданіемъ подсудимыхъ. Еще незадолго предъ тѣмъ особенное впечатлѣніе произведено было процессомъ Гона (William Hone), мелкаго книгопродавца въ Лондонѣ, который былъ преданъ суду за изданныя имъ сатиры въ формѣ пародій на англиканскую литургію; Гонъ не прибѣгнулъ къ помощи адвоката, онъ защищался самъ съ рѣдкою находчивостью, краснорѣчіемъ и знаніемъ дѣла; трижды являлся онъ на скамьѣ подсудимыхъ, и всякій разъ, несмотря на старанія главнаго судьи, лорда Элленборо, присяжные выносили оправдательный приговоръ. Лордъ-канцлеръ Эльдонъ добивался чтобы въ случаѣ осужденія преслѣдуемыхъ лицъ, были, по крайней мѣрѣ, усилены противъ нихъ карательныя мѣры. Второй изъ представленныхъ имъ биллей предлагалъ имѣть подвергать сочинителей и продавцовъ памфлетовъ изгнанію или ссылкѣ, если они вторично совершатъ то же самое преступленіе. Затѣмъ штемпельному налогу долженствовали подлежать не только періодическія изданія, но также книги въ которыхъ шла рѣчь о политическихъ вопросахъ; запрещаемы были всякія сборища болѣе чѣмъ въ пятьдесятъ человѣкъ, но и для этихъ послѣднихъ требовалось всякій разъ дозволеніе мѣстнаго мироваго судьи; представители административной власти имѣли право силой разгонять митинги которые состоялись бы вопреки упомянутому закону, а если при этомъ кто-нибудь поплатился бы жизнью, то они не подвергались никакой отвѣтственности; нельзя было безъ разрѣшенія открывать читаленъ и т. д. Вотъ каковы были проекты законовъ предложенные парламенту лордомъ Садмутомъ. Оппозиціи удалось лишь отчасти смягчить и измѣнить ихъ, но главнѣйшія ихъ постановленія были утверждены значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Digitized by Google

Если люди либеральнаго образа мыслей вели ожесточенную борьбу съ торійскимъ министерствомъ и строго порицали его политику, то слѣдуетъ ли изъ этого заключить чтобъ они сколько-нибудь одобряли дѣйствія тогдашней радикальной партіи? Подобное предположеніе было бы вполнѣ ошибочно. Они знали очень хорошо что агитаторы въ родѣ Каббета, Гонта и многихъ другихъ, преслѣдовали замыслы клонившіеся къ совершенному ниспроверженію существовавшаго порядка вещей; и въ то время, какъ и всегда, они отворачивались отъ нихъ съ отвращеніемъ; для нихъ было вполнѣ ясно что эта безсмысленная агитація причиняла страшный вредъ, ибо она служила крайнимъ консерваторамъ сильнымъ аргументомъ противъ необходимыхъ и истинно полезныхъ реформъ, въ родѣ реформы парламентской и эмансипаціи католиковъ; слѣдовательно, радостное чувство, когда присяжные оправдали книгопродавца Гона, и волны негодованія, когда силою былъ разогнанъ манчестерскій митингъ, менѣе всего относились къ самому Гону и героямъ упомянутаго митинга. Дѣло шло не о демагогахъ, волновавшихъ толпу, а о старинныхъ вольностяхъ англійскаго общества, на которыя посягала торійская партія, въ лицѣ министерства вышедшаго изъ ея среды. Въ разгаръ войнъ съ Франціей, когда революціонныя ученія распространялись повсюду, королевская власть имѣла основаніе прибѣгать къ энергическимъ мѣрамъ для своей охраны, точно такъ же какъ господствующая церковь была не безъ причины встревожена происками католиковъ, выступавшихъ съ явнымъ возмущеніемъ; но теперь обстоятельства перемѣнились. Теперь, по миновании всѣхъ опасностей и по водвореніи прочнаго мира, требовалось чтобы страна снова занялась реформами, въ необходимости коихъ былъ убѣжденъ даже покойный великій вождь торіевъ Вилліамъ Питтъ. Этого-то никакъ не хотѣло понять торійское министерство. Оно усиливалось искусственно поддерживать такой порядокъ вещей который могъ возникнуть только среди исключительныхъ, критическихъ обстоятельствъ. Оно придавало чрезмѣрное значеніе волненіямъ происходившимъ въ странѣ, забывая несомнѣнную истину которую Брумъ выразилъ нѣкогда слѣдующими словами: „Въ Англіи спасителенъ даже гвалтъ, тогда какъ во Франціи можетъ сдѣлаться опаснымъ простой шепотъ". Торійское министерство поставило себѣ задачей бороться съ духомъ безначалія и смутъ на англійской почвѣ и эту задачу выполнило оно успѣшно,

Digitized by Google



[illegible] ему было только 24 года, онъ [illegible] Король Георгъ III не разъ был[illegible] своего сына, но потерялъ, [illegible] безнравственностью его [illegible] отстранялъ его отъ себя [illegible] началась борьба, не разъ порождавши[illegible] они не видались другъ съ [illegible] во вражескіе лагери, [illegible] никакого сообщенія. Въ ранней моло-

Digitized by Google

дости принцъ влюбился въ госпожу Фитцгербертъ, Ирландку по происхожденію, ревностную католичку, которая была старше его годами. Онъ не зналъ никакихъ предѣловъ этой страсти, какъ и всѣмъ другимъ своимъ страстямъ, а гжа Фитцгербертъ не хотѣла отдаться ему иначе какъ подъ условіемъ брака. Онъ не остановился и предъ этимъ. Бракъ былъ заключенъ, разумѣется тайно, ибо еслибъ онъ огласился, то по дѣйствовавшимъ въ Англіи законамъ, принцъ рисковалъ утратить свои права на престолонаслѣдіе. Событіе это сдѣлалось въ послѣдствіи источникомъ невыразимыхъ для него мученій: страсть его остыла, но гжа Фитцгербертъ долго еще пользовалась огромнымъ на него вліяніемъ; онъ боялся ея, ибо зналъ что одно слово, одно неосторожное признаніе со стороны этой женщины можетъ скомпрометтировать его будущность. Огромныя суммы денегъ потрачены были принцемъ для того чтобы заставить молчать людей посвященныхъ въ тайну, но несмотря на то она все-таки проникла въ общество, и даже въ парламентѣ многіе ораторы обращались по этому поводу съ запросомъ къ министерству. Помимо этихъ мрачныхъ сторонъ его частной жизни, и публичная дѣятельность молодаго принца давала поводъ къ сильнымъ нареканіямъ. Такъ какъ Георгъ III обнаруживалъ крайнее сочувствіе къ торіямъ, то этого было довольно чтобы сынъ его сдѣлался отчаяннымъ вигомъ. Фоксъ—или, какъ по-просту и по-дружески называлъ онъ его, „Чарльзъ"—Шериданъ и другіе предводители этой партіи сдѣлались его неразлучными друзьями: онъ обѣщалъ имъ и приверженцамъ ихъ принциповъ безграничное свое содѣйствіе, лишь бы только достигнуть ему верховной власти. Привязанность свою къ либеральнымъ учрежденіямъ принцъ часто проявлялъ въ весьма неприличной формѣ. Онъ соединялся съ демократами въ ту минуту, когда огромное большинство публики было враждебно настроено противъ нихъ и обвиняло ихъ въ сношеніяхъ съ французскимъ Конвентомъ, предлагалъ публично тосты за успѣхъ „новыхъ началъ" и осыпалъ министерство, находившееся въ милости у его отца, своими сарказмами и проклятіями. Понятно что общество со страхомъ ожидало той минуты когда власть очутится въ рукахъ столь недостойнаго представителя королевскаго дома, а это могло наступить каждую минуту. Извѣстно что престарѣлый Георгъ страдалъ болѣзнью которая не разъ доводила его до помѣшательства: впервые въ 1788 году потерялъ онъ разсудокъ, но Питтъ

Digitized by Google

употребилъ всѣ усилія чтобы наслѣдникъ престола не былъ назначенъ регентомъ, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ король оправился отъ своего припадка, народъ не зналъ какъ выразить признательность знаменитому министру за то что удалось ему отстранить отъ дѣлъ молодаго Георга.

Такъ какъ долги принца росли съ каждымъ днемъ, несмотря на то что неоднократно они были уплачиваемы казной съ согласія парламента, то онъ не видѣлъ иной возможности освободиться отъ нихъ, какъ вступивъ въ бракъ, который уже не было бы причины скрывать предъ всѣмъ міромъ. Выборъ его палъ на принцессу Каролину Брауншвейгскую, дочь герцога Фердинанда, ознаменовавшаго себя нѣкогда борьбою съ революціонными войсками Франціи. То былъ союзъ чисто по разсчету: молодая супруга принца Вельсскаго не была уже въ первой молодости—ей минуло 28 лѣтъ,—не отличалась она также красотою; она была добра, привѣтлива, способна къ сильной и искренней привязанности, но качества этого рода имѣли менѣе всего цѣны въ глазахъ ея мужа. Въ характерѣ принцессы Каролины, проведшей не совсѣмъ счастливо свою молодость и еще несчастливѣе послѣдующіе годы жизни, проявлялись свойства которыя могли развиться именно только вслѣдствіе этихъ несчастій. Имѣя мало друзей, привыкши жить одиноко она сосредоточилась въ самой себѣ, жила болѣе фантазіей, въ ущербъ дѣйствительности, позволяла себѣ поступки невинные сами по себѣ, но которые казались необыкновенно странными хладнокровнымъ наблюдателямъ ея образа жизни, грѣшила безпрерывно отсутствіемъ такта умѣнья обращаться съ людьми. Достигнувъ своей цѣли, получивъ приданое, а также значительную сумму на свое обзаведеніе (причемъ парламентъ еще разъ согласился на уплату его долговъ), принцъ возненавидѣлъ до крайней степени свою супругу, можно сказать, съ перваго дня ихъ свиданія. Неудовольствія между ними начались очень скоро: подъ конецъ перваго же года послѣ ихъ бракосочетанія, когда родилась у нихъ дочь, принцъ разорвалъ сношенія съ Каролиной и принудилъ ее выѣхать изъ своего дворца. Принцесса поселилась одиноко, окруженная небольшимъ кругомъ избранныхъ людей, разумѣется политическими противниками ея мужа, то-есть торіями, въ числѣ коихъ находились многія тогдашнія знаменитости, какъ напримѣръ, канцлеръ Эльдонъ, Персеваль и Каннингъ. Но окружали ее также и шпіоны ея мужа, слѣдившіе за каждымъ ея шагомъ,

Digitized by Google

переносившіе ему каждое неосторожное ея слово. Когда она взяла къ себѣ на воспитаніе одного сироту, нѣмецкаго мальчика, принцъ Вельсскій самъ распространялъ слухъ что это незаконнорожденный ея сынъ: „Могу сказать по совѣсти, возразила однажды принцесса, что если я оскорбила святость брачныхъ узъ, то лишь одинъ разъ въ моей жизни, вступивъ въ связь съ супругомъ гжи Фитцгербертъ."

Между тѣмъ въ 1810 году Георгъ III снова впалъ въ сумасшествіе, и на этотъ разъ уже безвозвратно. Обстоятельства были совершенно не тѣ какъ въ 1788 году, при Вилліамѣ Питтѣ, и теперь никому не приходило въ голову пытаться отстранить принца Георга отъ регентства. Многіе были убѣждены что возвышеніе его повлечетъ за собою серіозный политическій кризисъ, но люди хорошо изучившіе его характеръ знали какъ мало можно было придавать цѣны убѣжденіямъ которыми онъ щеголялъ въ молодости. Въ сущности, если онъ поддерживалъ дружбу съ вождями вигской партіи, то единственно только потому что они не пользовались расположеніемъ его отца; эта дружба значительно охладѣла послѣ смерти Фокса; теперь, получивъ власть, онъ вдругъ проникся ненавистью и къ людямъ съ которыми дѣйствовалъ заодно, и принципамъ въ вѣрности которымъ клялся неоднократно. Принцъ-регентъ явился такимъ же рьянымъ поборникомъ привилегій господствующей церкви, такимъ же упорнымъ защитникомъ отжившихъ порядковъ, какъ и его отецъ. Онъ повторялъ что скорѣе откажется отъ регентства и даже отъ короны, чѣмъ согласится окружить себя совѣтниками изъ рядовъ вигской партіи. Торійское министерство не только не было поколеблено, но сдѣлалось даже сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Все это отразилось весьма неблагопріятно на судьбу принцессы Каролины. Ея прежніе друзья, сдѣлавшись друзьями ея мужа, совершенно отдалились отъ нея; лишь весьма немногіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ Каннингъ, остались ей вѣрны. Если семейная драма, разыгрывавшаяся во дворцѣ, не слишкомъ волновала народъ, потому что принцъ находился въ оппозиціи, то другое дѣло послѣ 1810 года, когда онъ сталъ во главѣ государства и вступилъ въ тѣсный союзъ съ партіей возбудившею противъ себя такъ много вражды. Исторія принцессы тотчасъ же сдѣлалась политическимъ вопросомъ, обсуждалась въ газетахъ и брошюрахъ, вызывала безграничное сочувствіе къ несчастной женщинѣ, страдавшей безъ всякой съ своей

Digitized by Google

стороны вины. Лондонскій Сити, чрезъ посредство своего лордамера, торжественно поднесъ адресъ королевѣ Каролинѣ; подобныя же заявленія приходили безпрерывно изъ другихъ городовъ; все это было какъ нельзя болѣе естественно, ибо нельзя было придумать лучшаго средства выразить распространявшееся тогда неудовольствіе противъ правительства; но Георгъ не смущался ничѣмъ и продолжалъ оскорблять принцессу недостойными и мелочными притѣсненіями: когда въ 1814 году европейскіе государи посѣтили Лондонъ, онъ убѣдилъ ихъ не дѣлать ей визита, и совѣтъ этотъ встрѣченъ былъ безъ противорѣчія даже королемъ Прусскимъ, за котораго отецъ Каролины потерялъ жизнь въ битвѣ съ Французами. Измученная гоненіями, лишенная даже возможности видѣться съ своею дочерью, принцесса отправилась вскорѣ въ путешествіе по Европѣ и Востоку, но ненависть мужа преслѣдовала ее даже и тамъ: англійскій дворъ разсылалъ повсюду циркуляры, вслѣдствіе которыхъ закрывались предъ нею двери посольствъ, дѣлался ей невозможнымъ доступъ въ среду царственныхъ фамилій.

Престарѣлый Георгъ III скончался 29го января 1820 года, не возвративъ до послѣдней минуты употребленія своихъ умственныхъ способностей. Сынъ его, управлявшій государствомъ съ титуломъ принца-регента, вступилъ теперь на престолъ подъ именемъ Георга IV. Уже задолго предъ тѣмъ любимымъ его мечтаніемъ, всепоглощающею его заботой сдѣлалась мысль о разводѣ, котораго онъ рѣшился домогаться цѣною какого бы то ни было скандала. Къ несчастію, неосторожнымъ поведеніемъ своимъ за границей, своими странностями, сношеніями съ людьми весьма подозрительной нравственности, принцесса Каролина возбуждала противъ себя упреки даже со стороны лицъ вполнѣ къ ней расположенныхъ. Глубоко сожалѣли они о томъ что не давая такъ долго пищи для злословія, она вдругъ отдалась теперь какой-то необузданной страсти къ приключеніямъ. Въ виду предстоящаго процесса, положеніе министровъ, изъ которыхъ многіе, какъ уже замѣчено выше, были въ прежнее время совѣтниками Каролины, сдѣлалось въ высшей степени затруднительнымъ; они знали что выиграть этотъ процессъ въ парламентѣ почти невозможно; они предвидѣли что онъ породитъ страшный скандалъ и усилитъ происходившую въ странѣ агитацію, что королевская власть, во всякомъ случаѣ, рискуетъ утратить свое обаяніе, и тѣмъ не

Digitized by Google

менѣе такъ настойчивы были убѣжденія короля что Ливерпуль, Эльдонъ и другіе согласились исполнять его желаніе. Только одинъ Каннингъ счелъ долгомъ выйти въ отставку. Еще до вступленія Георга IV на престолъ, а именно въ 1818 году, министерство отважилось на весьма сомнительную мѣру: въ Миланъ отправлена была тайная коммиссія, которой было поручено провѣрить на мѣстѣ неблагопріятные для принцессы слухи и собрать данныя для ея публичнаго обвиненія. Каролина сама ускорила дѣло, рѣшившись, по воцареніи своего супруга, возвратиться въ Англію, чтобы требовать признанія своихъ законныхъ правъ. Намѣреніе ея сильно встревожило министровъ, которые въ эту критическую минуту поспѣшили испробовать всѣ средства чтобы покончить дѣло мирнымъ путемъ: королевѣ было предложено 50.000 фунт. ежегоднаго содержанія, съ тѣмъ чтобъ она согласилась навсегда поселиться за границей и не протестовать противъ сдѣланнаго королемъ распоряженія о томъ чтобъ ея имя не было поминаемо при богослуженіи. Королева не задумалась отвергнуть эту сдѣлку и въ іюнѣ 1820 года высадилась въ Дуврѣ. Адвокатами ея были двое лучшихъ ораторовъ и законовѣдовъ того времени— Брумъ (въ послѣдствіи канцлеръ) и Денманъ.

Съ той самой минуты какъ ступила королева Каролина на англійскую почву, какое-то опьяненіе овладѣло народонаселеніемъ столицы и всѣхъ городовъ куда она появлялась. Уже въ Дуврѣ комендантъ крѣпости, вопреки приказанію правительства, рѣшился салютовать ей; шествіе ея до Лондона было настоящимъ торжествомъ; не только чернь привѣтствовала ее восторженными кликами, но должностныя лица спѣшили подавать ей адресы, офицеры, въ полномъ мундирѣ, сопровождали ея экипажъ, дамы усыпали ея путь цвѣтами. Хотя настроеніе націи высказывалось такимъ образомъ очень ясно, министерство все-таки не поколебалось прибѣгнуть къ мѣрѣ которая была достойна самаго революціоннаго правительства, еслибъ оно умышленно хотѣло посѣять въ странѣ раздоры и вражду: 5го іюля лордъ Ливерпуль представилъ парламенту билль, * который расторгалъ брачныя узы между королемъ и принцессой Каролиной Брауншвейгскою и лишалъ ее всѣхъ

* Такъ-называемый bill of pains and penalties, тѣмъ отличающійся между прочимъ отъ bill of impeachment что обсужденіе его начинается въ палатѣ лордовъ и уже потомъ переходитъ въ палату общинъ.

принадлежавшихъ ей царственныхъ правъ и привилегій. Немедленно начался этотъ страшный процессъ, долго державшій въ напряженіи общественное мнѣніе Англіи и всей Европы; шпіоны, приставленные правительствомъ, лица опозоренныя въ обществѣ, Италіянцы, имѣвшіе въ Миланѣ доступъ ко двору королевы и согласившіеся теперь свидѣтельствовать противъ нея, являлись одинъ за другимъ дѣлать предъ парламентомъ самыя скандальныя показанія, и хроника всѣхъ семейныхъ темныхъ дрязгъ развивалась такимъ образомъ публично предъ глазами изумленнаго міра. Защитники королевы, съ своей стороны, не страшились на обвиненія противъ королевы отвѣчать другими обвиненіями, не менѣе рѣзкими и позорными, направленными противъ самой высокой особы въ государствѣ: публика съ восторгомъ читала рѣчь Денмана, въ которой онъ привелъ разказъ Тацита о томъ какъ Неронъ мучилъ супругу свою Октавію. Мы не станемъ подробно разказывать этотъ процессъ: достаточно замѣтить только что пока онъ происходилъ, волненіе народа достигло неслыханныхъ размѣровъ. Ежедневно многочисленныя толпы направлялись верхомъ, пѣшкомъ и въ экипажахъ ко дворцу королевы, для поднесенія ей адресовъ; иногда въ этихъ процессіяхъ участвовало по 30.000 человѣкъ и болѣе; средніе классы единодушно стояли на сторонѣ обвиненной; чернь, подъ вліяніемъ демократическихъ газетъ, готова была считать ея побѣду своимъ собственнымъ торжествомъ; агитація проникла даже въ ряды войска, и не разъ требовалось личное вмѣшательство герцога Веллингтона чтобы возстановлять дисциплину. Между тѣмъ въ парламентѣ дѣло принимало видимо неблагопріятный оборотъ для правительства: первое чтеніе билля, представленнаго лордомъ Ливерпулемъ, было допущено лишь большинствомъ 28 голосовъ; при третьемъ чтеніи его, 108 лордовъ высказались въ пользу билля и 99 противъ него. Если таковъ былъ результатъ въ верхней палатѣ, гдѣ министерство могло разчитывать на болѣе сильную поддержку, то чего же было ожидать отъ палаты общинъ? Лордъ Ливерпуль вынужденъ былъ, съ согласія короля, объявить что правительство беретъ свой билль обратно. Вечеромъ того же дня весь Лондонъ былъ блестяще иллюминованъ, и восторгъ овладѣвшій народомъ можно сравнить лишь съ тѣмъ когда было получено извѣстіе о Ватерлооской побѣдѣ. Королевѣ Каролинѣ не долго суждено было впрочемъ наслаждаться своимъ торжествомъ: еще разъ вскорѣ послѣ того потерпѣвъ публичное

Digitized by Google

оскорбленіе, когда при коронованіи Георга IV запрещенъ былъ ей входъ въ соборную церковь, она умерла истощенная горемъ и несчастіями.

Мы сочли необходимымъ остановиться на этомъ печальномъ событіи, ибо оно пріобрѣтаетъ весьма поучительный смыслъ среди критическихъ обстоятельствъ которыя переживала тогда Англія. Не забудемъ что то было время сильнаго броженія народныхъ массъ. Конечно броженіе это не имѣло такого опаснаго характера какъ хотѣло увѣрить министерство, но все-таки оно существовало, и вдругъ въ самый разгаръ его, государственные люди, утверждавшіе что они отчаиваются въ спасеніи страны, если не будутъ вооружены крайними репрессивными мѣрами, не задумались начать скандальный процессъ, долженствовавшій бросить на верховную власть самую невыгодную тѣнь! Страсти были раздражены до такой степени что теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣдовало опасаться революціи. Несомнѣнно что еслибы что-либо подобное случилось напримѣръ во Франціи, то дѣло не обошлось бы безъ сильнаго потрясенія, а между тѣмъ въ Англіи буря пронеслась не поколебавъ нисколько тѣхъ основъ на которыхъ зиждется общественный порядокъ этой страны. Смуты произведенныя демократическою партіей ограничились болѣе или менѣе шумными митингами, демонстраціями, разрушеніемъ машинъ на фабрикахъ и т. п. Какъ ни много толковало правительство о заговорахъ, только одинъ заговоръ, въ теченіе всего описываемаго времени, серіозно встревожилъ публику: въ 1820 году, не задолго до того какъ начался въ палатѣ лордовъ процессъ королевы, нѣкто Тистльвудъ, съ нѣсколькими негодяями, своими сообщниками, составилъ планъ умертвить министровъ, овладѣть банкомъ и провозгласить республику, но безумное это намѣреніе, „безпримѣрное въ исторіи Англіи“, какъ выразился судья при произнесеніи обвиненнымъ смертнаго приговора былъ открытъ прежде чѣмъ заговорщики успѣли что-нибудь предпринять, и заслуженная ими участь не возбудила къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія даже въ низшихъ слояхъ народа. Все это служило доказательствомъ что въ Англіи слишкомъ много здоровыхъ элементовъ, и что условіями своего внутренняго развитія она рѣзко отличается отъ континентальныхъ государствъ Европы.

Digitized by Google

II.

Результатомъ процесса королевы Каролины было то что политическая система господствовавшая до 1820 года обнаружила полную свою несостоятельность. Система эта пала, однако, не вдругъ. Мало-по-малу уступаетъ она давленію общественнаго мнѣнія, и что можетъ показаться всего страннѣе, первые удары были нанесены ей людьми которые были призваны защищать ее. Съ тѣхъ поръ какъ принцъ Георгъ сдѣлался регентомъ, въ министерство вступаютъ одинъ за другимъ нѣсколько лицъ, державшіяся въ главнѣйшихъ вопросахъ торійской программы, но которыхъ несмотря на то рѣзкая черта отдѣляла отъ прежнихъ совѣтниковъ короны. То были Каннингъ, Робертъ Пиль и Госкиссонъ. Совершенно справедливо замѣтилъ лордъ-канцлеръ Эльдонъ что появленіе въ средѣ министерства этихъ личностей служило предвѣстіемъ новаго порядка вещей, что при нихъ дѣла не могли идти такъ какъ шли прежде. Чѣмъ же объяснить это явленіе? Названные нами государственные люди считали себя истыми торіями: они энергически противились всякимъ существеннымъ перемѣнамъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, и между прочимъ парламентская реформа встрѣчала съ ихъ стороны упорную оппозицію; они были убѣждены что событія совершившіяся въ Европѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія доказали необходимость остерегаться какихъ бы то ни было измѣненій въ англійской конституціи, и каждый изъ нихъ готовъ былъ присоединиться въ этомъ отношеніи къ словамъ съ какими Каннингъ обратился однажды къ своимъ ливерпульскимъ избирателямъ: „Исторія Европы, говорилъ онъ, представляла въ послѣднія двадцать пять лѣтъ слѣдующее зрѣлище: на сцену выступила разрушительная сила, стремившаяся поколебать всѣ страны цивилизованнаго міра; предъ этимъ страшнымъ ураганомъ склонялись въ прахъ имперіи, монархіи, республики; однѣ изъ нихъ были потрясены до основанія, другія искали спасенія себѣ лишь въ покорности. Посреди всеобщаго разгрома, посреди колебавшихся колоннъ и падавшихъ зданій, уцѣлѣло только одно строеніе и смѣло выдержало напоръ урагана, мало того, умѣло оказать помощь своимъ сосѣдямъ. На строеніи этомъ развѣвалось англійское знамя, знакъ соединенія для сражавшихся, покровъ и защита для побѣжденныхъ. Зоркій наблюдатель не могъ при подоб-

Digitized by Google

номъ зрѣлищѣ воздержаться отъ такого разсужденія: вотъ зданіе которое воздвигнуто вѣроятно на другихъ основахъ чѣмъ всѣ окружающія его, ибо оно стоитъ твердо, тогда какъ все вокругъ рушится въ прахъ. Въ устройствѣ его лежитъ что-то особенное, надъ чѣмъ могъ бы съ пользою поработать философскій умъ, и что было бы достойно служить предметомъ подражанія. Такова мысль которая естественно приходитъ въ голову. Но что же сказать о пониманіи людей которые дѣлаютъ совершенно иной выводъ и говорятъ: вы устояли на ногахъ когда все вокругъ васъ падало, вы съ успѣхомъ противились силѣ, которая поглотила почти весь цивилизованный міръ; но намъ не нравится это превосходство предъ другими; есть что-то особенное и уродливое въ вашей конституціи. И они начинаютъ хладнокровно разбирать эту конституцію по частямъ: нами управляетъ, подобно другимъ государствамъ, монархическая власть; у насъ, точно также какъ и во многихъ другихъ странахъ, есть аристократія; но чего нѣтъ нигдѣ, это—подобное нашему народное собраніе, сообщающее жизнь, мощь и энергію всему политическому устройству Англіи. Вотъ гдѣ, по мнѣнію нововводителей, заключается наша особенность, наша аномалія, и аномалію эту, восклицаютъ они, слѣдуетъ исправить, слѣдуетъ преобразовать палату общинъ...." Таковъ былъ взглядъ Каннинга, Роберта Пиля и Госкиссона. Но если въ конституціонныхъ вопросахъ нельзя было разсчитывать на ихъ иниціативу, то они были одушевляемы весьма либеральными тенденціями въ вопросахъ административныхъ, экономическихъ и касавшихся свободы вѣроисповѣданія (впрочемъ Робертъ Пиль долго противился эмансипаціи католиковъ, а въ послѣдствіи эта реформа совершилась главнымъ образомъ при его содѣйствіи). Всѣмъ имъ было присуще одно драгоцѣнное свойство, которое служило залогомъ что рано или поздно они успѣютъ пріобрѣсти полное довѣріе націи: названные нами государственные люди были убѣждены что для борьбы съ броженіемъ происходившимъ въ обществѣ недостаточно было полагаться на однѣ репрессивныя мѣры и поставовили себѣ задачей изслѣдовать причины неудовольствія и заботиться объ ихъ устраненіи. Чтобы достигнуть этого, нужно было прислушиваться къ общественному мнѣнію, дѣлать ему уступки, сообразоваться съ нимъ, и такимъ образомъ люди которые вначалѣ относятся недружелюбно къ преобразованіямъ, связываютъ мало-по-малу свое имя съ самыми важными и благотворными преобразованіями въ политическомъ и общественномъ

Digitized by Google

строѣ Англіи: для примѣра стóитъ лишь указать на Роберта Пиля величіе коего состоитъ именно въ томъ что сознательно и вполнѣ искренно умѣлъ онъ отказываться отъ своихъ заблужденій. Торійское министерство весьма охотно уклонилось бы отъ содѣйствія Каннинга, Госкиссона и Пиля, еслибы не было вынуждено къ тому своимъ стѣсненнымъ положеніемъ въ виду постоянно усиливавшейся оппозиціи: оно открыло свои ряды новымъ товарищамъ, которые не отличались знатнымъ происхожденіемъ, не имѣли близкихъ связей съ аристократіей, и сдѣлались необходимы своимъ краснорѣчіемъ, блестящими способностями и опытностью въ дѣлахъ. Представители стараго порядка вещей, въ родѣ лорда Эльдона, называли ихъ не иначе какъ „искателями приключеній".

А между прочимъ, какъ уже замѣчено было выше, первый ударъ нанесенъ былъ господствовавшей системѣ этими государственными людьми, и прежде всего въ области внѣшней политики. Подъ руководствомъ Каннинга она получаетъ совершенно иное направленіе. Каннингъ давно уже былъ членомъ министерства, потомъ предпочелъ выйти изъ него, когда начинался процессъ королевы, и въ 1822 году, принявъ должность остъ-индскаго генералъ-губернатора, готовился уже отправиться къ мѣсту своего назначенія, какъ вдругъ, можно сказать, за нѣсколько часовъ до его отъѣзда, пронеслась вѣсть что маркизъ Лондондерри (лордъ Кастльри) въ припадкѣ сумашествія перерѣзалъ себѣ горло. Даже недоброжелатели Каннинга въ рядахъ торійской партіи сознавали что только онъ можетъ занять съ успѣхомъ важный постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Король Георгъ IV, несмотря на сильныя возраженія Эльдона, рѣшился удовлетворить въ этомъ случаѣ настойчивымъ требованіямъ лорда Ливерпуля и герцога Веллингтона. Каннингъ былъ назначенъ министромъ и не замедлилъ сообщить весьма энергическое направленіе внѣшней политикѣ англійскаго правительства.

Европа переживала такъ-называемую эпоху конгрессовъ, когда нѣкоторыя континентальныя державы, во имя интересовъ общаго мира и спокойствія, соединяли свои усилія чтобы противодѣйствовать народнымъ движеніямъ гдѣ бы эти движенія ни возникали и какими бы причинами они ни были вызваны. Революціи вспыхнули въ Испаніи и королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Императоръ Александръ, Австрійскій императоръ и Прусскій наслѣдный принцъ (замѣнявшій короля Фридриха-

Digitized by Google

Вильгельма III, который былъ удержанъ болѣзнью) рѣшились съѣхаться въ 1820 году въ Троппау (въ австрійской Силезіи), чтобъ обсудить мѣры для отвращенія опасностей угрожавшихъ Европѣ, причемъ князю Меттерниху суждено было выработать главныя основы политической программы долженствовавшей возбудить столь сильное негодованіе либеральной части европейскаго общества. Все это началось еще при жизни лорда Кастльри, и нужно сказать къ чести этого министра что онъ громко протестовалъ противъ подобныхъ притязаній. Родному брату его, лорду Стюарту, представителю Англіи на Троппаускомъ конгрессѣ, поручено было доказывать что союзъ европейскихъ державъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться во внутреннія дѣла того или другаго государства, что подобное вмѣшательство не только не отстранитъ опасностей, но напротивъ увеличитъ ихъ, распространивъ повсюду неудовольствіе, что оно находится въ явномъ противорѣчіи съ коренными началами международнаго права. Англійскій министръ допускалъ, впрочемъ, что правительство той страны по сосѣдству съ которою происходили революціонныя смуты могло принять мѣры и даже прибѣгнуть къ оружію для подавленія этихъ смутъ,—такъ, въ настоящемъ случаѣ, онъ не имѣлъ ничего противъ того чтобы Вѣнскій дворъ двинулъ свои войска въ южную Италію,—всѣ его аргументы были направлены лишь противъ совокупнаго дѣйствія кабинетовъ и противъ притязанія ихъ рѣшать сообща судьбы Европы. Доводы лорда Кастльри не произвели однако никакого впечатлѣнія въ Троппау. „Союзные кабинеты, читаемъ мы въ одной депешѣ русскаго правительства, относящейся къ тому времени, съ сожалѣніемъ убѣдились что великобританское правительство отказываетъ имъ въ своемъ содѣйствіи. Тѣмъ не менѣе они будутъ настаивать на рѣшеніяхъ къ которымъ имѣли право прибѣгнуть и осуществленіе коихъ предписываетъ имъ священный долгъ.“ Очевидно что континентальныя державы вознамѣрились дѣйствовать помимо Англіи, не смущаясь нисколько ея возраженіями. Лордъ Кастльри остался до конца вѣренъ своей роли: на Лайбахскомъ конгрессѣ, еще болѣе чѣмъ на Троппаускомъ, обозначилось коренное различіе между политикой его отечества и тою которой слѣдовали Россія, Австрія и Пруссія, но затѣмъ являлся вопросъ, къ чему же должны были повести эти безплодные протесты? Какое было ихъ значеніе, еслибъ Англія ограничилась только

Digitized by Google

выраженіемъ своего неудовольствія? При крайне консервативномъ образѣ мыслей лорда Кэстльри и его товарищей по министерству, заставлявшемъ ихъ не хуже князя Меттерниха твердить о страшныхъ опасностяхъ, которыми будто бы угрожаетъ революціонный духъ Европѣ, не исключая даже Англіи, нельзя было и ожидать чтобъ они отважились на какое-нибудь энергическое дѣйствіе съ цѣлью подкрѣпить свои протесты противъ политики Священнаго Союза. Къ тому же случилось одно событіе, которое окончательно сбило съ толку лорда Кастльри: мы говоримъ о возстаніи Грековъ противъ турецкаго владычества. Слѣдовало ли Англіи и тутъ держаться политики невмѣшательства, о которой такъ краснорѣчиво проповѣдывала она въ Троппау и Лайбахѣ, и предоставить султана его собственной судьбѣ? Нужно ли было доказывать что державы не имѣютъ права дѣлать внутренній вопросъ какого-либо государства вопросомъ общеевропейскимъ и что лишь та изъ нихъ интересы которой непосредственно затронуты происшедшими по сосѣдству съ нею смутами можетъ принимать, для своего самосохраненія, необходимыя мѣры? Но въ такомъ случаѣ сколько законныхъ поводовъ для вмѣшательства Россіи! Революція разыгралась вблизи ея предѣловъ; при самомъ началѣ этого революціоннаго движенія Турки ознаменовали себя страшными жестокостями не только противъ инсургентовъ, но вообще противъ христіанъ. Они не довольствовались подавленіемъ смутъ, но грабили христіанскіе храмы, предавали мученической смерти служителей христіанской церкви, грабили собственность христіанскаго народонаселенія; они нанесли наконецъ цѣлый рядъ оскорбленій русскому правительству и не выполняли заключенныхъ съ нимъ трактатовъ. Если лордъ Кастльри такъ охотно соглашался чтобъ Австрія вмѣшалась въ дѣла южной Италіи, то на какомъ основаніи сталъ бы онъ противиться подобному же вмѣшательству Россіи въ восточныя дѣла? А между тѣмъ англійскій министръ, уже вскорѣ послѣ того какъ получено было извѣстіе о событіяхъ происходившихъ въ Греціи, обратился къ императору Александру съ письмомъ, въ которомъ развивалъ мысль что невозможно относиться къ греческому возстанію какъ къ изолированному факту, что оно въ одинаковой степени интересуетъ всю Европу, и что европейскія державы должны проникнуться среди столь критическихъ обстоятельствъ тѣснымъ соглашеніемъ. Не трудно было замѣтить

Digitized by Google

что союзъ между Англіей и Австріей для поддержанія владычества Порты соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе желаніямъ лорда Кастльри. Если сравнимъ принципы которые защищалъ онъ, когда шла рѣчь о подавленіи неаполитанской революціи, съ воззрѣніями выраженными имъ когда вспыхнуло возстаніе Грековъ, то само собою выяснятся безвыходныя противорѣчія въ какихъ вращалась англійская политика.

Принявъ наслѣдіе лорда Кастльри, Каннингъ умѣлъ блестящимъ образомъ выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Не слѣдуетъ конечно искать въ его дѣятельности строгой послѣдовательности, не слѣдуетъ думать чтобы всегда подчинялась она какимъ-нибудь однообразнымъ и опредѣленнымъ принципамъ. Онъ составилъ себѣ репутацію поборника свободы, государственнаго человѣка считавшаго руководящимъ началомъ своей политики признаніе права за народами безпрепятственно устанавливать для себя какое угодно управленіе, обязанность для всякаго не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другой страны, торжественное отрицаніе права присвоеннаго нѣкоторыми континентальными правительствами, опредѣлять формы политическаго устройства для народовъ и дѣлать для нихъ эти формы обязательными. Таковы были принципы провозглашенные Каннингомъ, но онъ благоразумно остерегался примѣнять ихъ къ своей политикѣ на Востокѣ. Въ сущности руководили имъ не какія-нибудь общія начала, а одно стремленіе, одна забота,—забота объ интересахъ и выгодахъ его отечества. Каннингъ не задумывался дѣйствовать во имя либеральныхъ идей въ тѣхъ случаяхъ когда Англія могла извлечь изъ того положительную для себя пользу, и онъ же умѣлъ выступать ихъ противникомъ, когда угрожали онѣ причинить Англіи вредъ. Замѣчено уже было выше что хотя предшественникъ знаменитаго министра, лордъ Кастльри, и заявилъ о своемъ несогласіи съ политикою Священнаго Союза, но не рѣшался идти далѣе этого голословнаго заявленія: Англіи угрожала, повидимому, опасность утратить всякое вліяніе на ходъ европейскихъ дѣлъ. Каннингу удалось найти почву на которой онъ имѣлъ возможность съ торжествомъ осуществить принципы совершенно противоположные принципамъ одушевлявшимъ континентальныя державы. Онъ вступилъ въ министерство въ то время когда ничего нельзя было уже сдѣлать относительно Неаполитанскаго вопроса, но оставался еще вопросъ Испанскій, къ которому англійское правительство

Digitized by Google

относилось особенно неравнодушно. Давно уже возникали натянутыя отношенія между Англіей и Испаніей, хотя во время Наполеоновскихъ войнъ общая опасность и соединила обѣ эти страны противъ одинаково ненавистнаго имъ врага. Причиною стариннаго ихъ раздора были обширныя области принадлежавшія испанской коронѣ въ Средней и Южной Америкѣ. Уже Питтъ заботился о томъ чтобы сдѣлать ихъ доступными англійской торговлѣ; онъ сознавалъ какихъ благотворныхъ результатовъ достигла бы Англія, еслибъ успѣла она утвердить тамъ свое вліяніе и вознаградить себя такимъ образомъ за ущербъ который въ концѣ прошлаго столѣтія потерпѣла въ Сѣверной Америкѣ. Въ то время когда Испанія вынуждена была напрягать всѣ свои силы для борьбы съ Наполеономъ, американскія колоніи этой страны воспользовались столь счастливымъ для нихъ обстоятельствомъ, чтобы возвратить утраченную ими независимость. Неудержимо распространялось тамъ революціонное движеніе. Но Мадридскій дворъ, съ тѣхъ поръ какъ Фердинандъ VII возвратился изъ заточенія, не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности выпустить изъ своихъ рукъ столь богатую добычу. Онъ обнаруживалъ намѣреніе удержать во что̀ бы то ни стало возмутившіяся области, и теперь раждался вопросъ, будетъ ли Англія смотрѣть равнодушно чтобы снова очутились онѣ подъ властью неспособнаго и деспотическаго правительства, которое какъ бы умышленно препятствовало развитію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Каннингъ не желалъ пропустить столь удобнаго случая оказать услугу коммерческимъ интересамъ своего отечества, тѣмъ болѣе что и съ политической точки зрѣнія онъ могъ выставить свои дѣйствія въ весьма благовидномъ свѣтѣ. На Веронскомъ конгрессѣ представитель Англіи, герцогъ Веллингтонъ, употребилъ всѣ старанія чтобъ отклонить континентальныя державы отъ вооруженнаго вмѣшательства въ испанскія дѣла. Еще на пути въ Верону видѣлся онъ съ французскими министрами, которые дали ему положительное обѣщаніе что и Франція, съ своей стороны, будетъ противиться этой мѣрѣ; но на дѣлѣ оказалось что конгрессъ не захотѣлъ ни на шагъ уклониться отъ своей программы. Тотчасъ же обнаружилось однако что Каннингъ намѣренъ дѣйствовать энергичнѣе своего предшественника. Еще европейскіе монархи не покинули Верону, какъ получена была тамъ

Digitized by Google

нота англійскаго министра, въ которой онъ угрожалъ признаніемъ независимости испанскихъ колоній въ Америкѣ, и когда вслѣдъ затѣмъ, благодаря настойчивости державъ и двусмысленной политикѣ Франціи, вооруженное вмѣшательство состоялось, угроза эта приведена была въ исполненіе. Хотя англійская политика руководилась въ этомъ случаѣ весьма практическими соображеніями, нельзя было и ожидать, конечно, чтобъ она высказала ихъ открыто: напротивъ, во всѣхъ своихъ депешахъ и рѣчахъ, Каннингъ старался—и въ этомъ состояло его рѣдкое искусство—пріискать для своихъ дѣйствій такіе мотивы которые несомнѣнно должны были расположить въ его пользу либеральное общественное мнѣніе. Постоянно говорилъ онъ только о независимости народовъ, о свободѣ ихъ внутренняго развитія, о необходимости для правительствъ сообразоваться съ законными требованіями своихъ подданныхъ. Нѣсколько позднѣе, въ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ общинъ, Каннингъ слѣдующимъ образомъ уяснялъ свой образъ дѣйствій: „Вступленіе французскихъ войскъ въ Испанію, говорилъ онъ, было явнымъ нарушеніемъ политическаго равновѣсія, и чтобы противиться этому вступленію намъ приходилось прибѣгнуть къ войнѣ. Но неужели не существуетъ иного средства, кромѣ войны, для возстановленія политическаго равновѣсія, неужели это равновѣсіе—мѣра постоянная и никогда не измѣняющаяся?... Неужели не могли мы найти средствъ другаго рода, болѣе соотвѣтствующихъ духу нашего времени? Взглянувъ на вопросъ съ этой точки, я тотчасъ же нашелъ ему разрѣшеніе. Я началъ искать въ другомъ полушаріи противоядіе сдѣланному злу. Я сказалъ самому себѣ что если уже суждено Франціи соединить судьбы Испаніи съ своими собственными судьбами, то пусть будетъ то не такая Испанія какую знали наши предки, пусть то будетъ Испанія безъ Индій, безъ тѣхъ владѣній благодаря которымъ говорили что солнце никогда не заходитъ въ ея предѣлахъ. Я вызвалъ къ существованію Новый Свѣтъ, дабы возстановить равновѣсіе Свѣта Стараго.“ Содѣйствіе которое Каннингъ оказалъ либеральной партіи въ Португаліи еще болѣе возвысило его популярность. Вся европейская публика съ жадностью читала дипломатическіе документы, въ которыхъ онъ не ограничивался обыкновенно разбирательствомъ того или другаго случая, но излагалъ общіе принципы, руководившіе при немъ англійскою

Digitized by Google

политикой. Впечатлѣніе ихъ въ самой Англіи было еще сильнѣе, ибо давно уже ни одинъ изъ ея государственныхъ людей, пользовавшихся властью, не говорилъ такимъ языкомъ.

При этомъ знаменитому министру приходилось преодолѣть множество затрудненій, которыя встрѣчалъ онъ главнымъ образомъ со стороны своихъ товарищей. Novus saeculorum nascitur ordo, восклицаетъ Каннингъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и это-то особенно устрашало представителей крайней торійской партіи. Всѣ ихъ усилія направлены были къ тому чтобы поколебать довѣріе Георга IV къ государственному секретарю иностранныхъ дѣлъ, и въ этомъ отношеніи нѣкоторые европейскіе дипломаты, преимущественно князь Меттернихъ, спѣшили оказать имъ ревностную поддержку. Можно было бы написать любопытную страницу о проискахъ и интригахъ австрійскаго канцлера противъ Каннинга. Они почти не скрывали своей взаимной ненависти. Меттернихъ весьма искренно считалъ Каннинга самымъ опаснымъ революціонеромъ, а Каннингъ выражался о немъ что это „первѣйшій плутъ и лгунъ (rascail and liar)“ въ Европѣ. Одно время интриги о которыхъ мы говоримъ обнаружили вліяніе на короля Георга, и онъ обратился къ своему кабинету съ секретнымъ посланіемъ, гдѣ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Либеральное направленіе, усвоенное нынѣ правительствомъ короля, находится, по мнѣнію его, въ тѣсной связи съ тѣми доктринами которыя, въ революціонный періодъ, были проповѣдуемы даже въ парламентѣ и для борьбы съ которыми потребовались вся твердость и способности Питта. Король давно уже убѣдился что принципы прежнихъ его друзей (то-есть виговъ) были великимъ зломъ, угрожавшимъ нашей превосходной конституціи, а также миру и благоденствію страны; если король отстранился тогда отъ этихъ друзей, то можетъ ли разчитывать теперешнее правительство чтобы теперь дозволилъ онъ кому-нибудь навязать себѣ политику заслуживающую полнаго его порицанія и находящуюся въ явномъ противорѣчіи съ мудрыми принципами которымъ слѣдовалъ онъ съ самаго вступленія своего на престолъ?“ Впрочемъ, это была не болѣе какъ попытка, ибо Георгъ IV далеко не обладалъ стойкостью убѣжденій и упорствомъ своего отца. Нельзя сказать того же самаго объ его совѣтникахъ; нѣкоторые изъ нихъ не могли примириться съ мыслью что англійское правительство, усвоившее по смерти Питта строго консервативную политику, вдругъ рѣшается те-

перь протянуть руку американскимъ революціонерамъ. Лордъ Сидмутъ, между прочимъ, видѣлъ въ этомъ событіи явное порицаніе всей своей прежней дѣятельности и предпочелъ выйти въ отставку.

Въ то время какъ Каннингъ своею внѣшнею политикой, не упуская изъ виду практическихъ интересовъ Англіи, содѣйствовалъ возбужденію либеральныхъ стремленій, не менѣе замѣчательна была дѣятельность другаго министра, связаннаго съ нимъ узами тѣсной дружбы. Мы говоримъ о Госкиссонѣ, президентѣ торговаго управленія (board of trade). Въ виду возраставшей бѣдности народа и сѣтованій даже высшихъ классовъ общества, Госкиссонъ старался изслѣдовать причины этого явленія и убѣдился что оно можетъ быть устранено лишь коренными реформами въ системѣ податей и налоговъ, а также отмѣною стѣсненій издавна тяготѣвшихъ надъ земледѣліемъ, промышленностью и торговлею. Онъ смѣло выступилъ на этотъ путь, и хотя приходилось ему встрѣчать сильное противодѣйствіе, успѣлъ достигнуть въ короткое время блестящихъ результатовъ. Госкиссона по справедливости слѣдуетъ назвать однимъ изъ главныхъ предвозвѣстниковъ свободы торговли въ Англіи. Въ то время вопросъ этотъ еще не раздражалъ такъ сильно, какъ въ послѣдствіи, страсти общества,—великое его значеніе было понимаемо лишь немногими государственными людьми,—еще не образовались и не сплотились партіи которыя позднѣе выступили на защиту двухъ противоположныхъ системъ, и это не могло конечно не облегчать начинанія Госкиссона. Къ тому же онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью и ограничивался частными преобразованіями, примѣняя свои принципы къ тѣмъ или другимъ отраслямъ народной производительности. Онъ первый посягнулъ, между прочимъ, на навигаціонный актъ, въ которомъ всѣ предшествовавшія правительства видѣли палладіумъ національнаго величія Англіи. Со временъ Кромвелля и Карла II были крайне усложнены торговыя сношенія Англіи съ другими государствами. Такъ, напримѣръ, чужеземные товары привозились въ ея порты не иначе какъ на англійскихъ судахъ, ибо товары прибывшіе подъ иностраннымъ флагомъ были облагаемы несоразмѣрно большими пошлинами. Въ возмездіе за это, другія правительства—португальское, голландское, прусское,—прибѣгали къ подобнымъ же мѣрамъ, хотя неоднократно ходатайствовали они объ отмѣнѣ ихъ по взаимному соглашенію и о водвореніи

Digitized by Google

такой системы которая допускала бы благотворное соперничество. Госкиссонъ имѣлъ мужество осуществить эту реформу: благодаря ему были уничтожены упомянутыя стѣсненія,— шагъ весьма важный, ибо, по замѣчанію одного изъ тогдашнихъ членовъ парламента, сэра-Стьюарта Вортлея, онъ неминуемо долженъ былъ повлечь за собою дальнѣйшее расширеніе свободы торговли. Важная заслуга Госкиссона состоитъ въ томъ что онъ проникся идеями которыя уже давно были проповѣдуемы лучшими англійскими экономистами, начиная съ Адама Смита. Поразительное развитіе матеріальнаго благосостоянія Англіи въ періодъ отъ 1820 до 1830 года вполнѣ оправдало его дѣятельность.

III.

Изъ представленнаго нами очерка достаточно ясно что министерство, по вступленіи въ него Каннинга, Роберта Пиля и Госкиссона, заключало въ себѣ весьма разнородные элементы. Согласіе между ними поддерживалось только личнымъ вліяніемъ лорда Ливерпуля, съ которымъ названные нами сейчасъ государственные люди не соглашались часто во взглядахъ, но котораго они не могли не уважать за честность и прямодушіе его характера. Въ февралѣ 1827 года, первый министръ скончался внезапно отъ апоплексическаго удара. Событіе это произвело сильную тревогу въ странѣ и преимущественно въ рядахъ торійской партіи. Она знала что только Каннингъ, снискавшій огромную популярность своими блестящими способностями, опытностью въ дѣлахъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, имѣлъ право занять мѣсто во главѣ правленія, но хотя Каннингъ никогда не отдѣлялся отъ торіевъ, онъ давно уже усвоилъ вполнѣ ненавистное имъ направленіе. Вотъ почему были пущены ими въ ходъ всѣ интриги чтобы возстановить противъ него короля. Герцогъ Ньюкестль открыто угрожалъ Георгу IV непримиримою оппозиціей торійской партіи, если онъ не согласится удовлетворить ея требованіямъ. Но ни что однако не помогло, и въ началѣ мая Каннингъ назначенъ былъ первымъ министромъ. Въ министерствѣ его мы почти вовсе не видимъ старыхъ торіевъ, такъ долго пользовавшихся властію, и которые теперь, вмѣстѣ съ своимъ главой, бывшимъ лордомъ-канцлеромъ Эльдономъ, являются непримиримыми противниками новаго правительства. Но за то Каннингу удалось привлечь къ себѣ нѣсколькихъ виговъ (напримѣръ, Скарлетта и Уилльяма Ламба), хотя большинство этой партіи

Digitized by Google

не измѣнило еще своего прежняго къ нему недовѣрія. Гораздо страннѣе можетъ показаться что Робертъ Пиль не пожелалъ занять мѣсто въ кабинетѣ. Какими же причинами вызвано было это отчужденіе его отъ знаменитаго его товарища? Чѣмъ объяснить что другіе торіи, изъ школы канцлера Эльдона, прониклись такими опасеніями и тревогами? Разгадка заключается въ слѣдующемъ: они страшились что выступитъ теперь на первой планъ вопросъ, давно уже созрѣвшій и требовавшій разрѣшенія,—вопросъ объ эмансипаціи католиковъ, въ которомъ Робертъ Пиль считалъ дѣломъ совѣсти и долга идти заодно не съ Каннингомъ, а съ членами прежняго министерства.

Чтобъ уяснить великое значеніе этого вопроса, необходимо бросить взглядъ на тогдашнее положеніе Ирландіи. Съ тѣхъ поръ какъ эта несчастная страна завоевана была, въ XII вѣкѣ, Генрихомъ II, ей было суждено испытывать непрерывно такія бѣдствія которыя рѣдко выпадали на долю другихъ народовъ. Все соединилось на этой почвѣ чтобы питать и поддерживать взаимную вражду: ненависть племенная, ибо завоеватели дали почувствовать побѣжденнымъ всю тягость своего ига; ненависть политическихъ партій, не прекращавшаяся съ тѣхъ поръ какъ въ войнѣ алой и бѣлой розъ Ирландцы приняли сторону Йоркскаго дома; наконецъ ненависть религіозная, быть-можетъ самая непримиримая и исполненная фанатизма. Исторія Ирландіи представляетъ безпрерывный рядъ возстаній противъ ненавистнаго ей владычества, но возстанія эти всякій разъ только ухудшали ея судьбу. Протестантскіе колонисты какъ бы постановили себѣ задачей если не истребить вовсе, то довести по крайней мѣрѣ до послѣдней степени бѣдствія католическое народонаселеніе и католическую церковь. Всѣ ихъ старанія были умышленно направлены къ этой цѣли. Изъ всей поземельной собственности принадлежавшей туземцамъ, въ обладаніи ихъ сохранилась едва лишь седьмая ея часть; мелкіе ирландскіе арендаторы находились въ такой нищетѣ что вынуждены были жить въ грязныхъ, развалившихся хижинахъ, вмѣстѣ съ домашнимъ своимъ скотомъ, питались только картофелемъ и кислымъ молокомъ и ходили въ такихъ рубищахъ что одежда любаго англійскаго нищаго могла возбудить ихъ зависть. Помѣщики, — почти исключительно протестанты,—смотрѣли съ презрѣніемъ на народъ; англиканская церковь обременяла его податями для своего содержанія, хотя онъ и исповѣдывалъ другую религію. Нѣкоторые писатели

Digitized by Google

говорятъ что нечего удивляться этому явленію, что межд католицизмомъ и протестантизмомъ шла борьба на жизнь и смерть, и что католики поступали далеко не лучше въ тѣх странахъ гдѣ принадлежало имъ господство. Для приміра ссылаются на Францію и Богемію. Замѣчаніе это справедли лишь отчасти. Конечно, было время когда религіозная нетерпимость и фанатизмъ пораждали страшное озлобленіе, но время это уже прошло, и въ XVIII или въ началѣ XIX вѣка трудно было для оправданія ссылаться на судьбу французскихъ гугенотовъ или чешскихъ гусситовъ. Несчастіе же Ирландіи состояло именно въ томъ что хотя успокоились религіозныя страсти и въ обществѣ распространялись совершенно иныя идеи, она все-таки не могла освободиться отъ порядка вещей который напоминалъ эпоху самыхъ злыхъ гоненій. Вотъ въ какомъ видѣ представлялось ея положеніе, когда вступилъ на престолъ Георгъ III. Ирландія имѣла свой парламентъ, но въ этомъ парламентѣ не засѣдалъ ни одинъ католикъ; верхняя его палата состояла изъ прелатовъ англиканской церкви и изъ членовъ высшаго дворянства, принадлежавшихъ къ тому же исповѣданію; что же касается нижней палаты, то о составѣ ея можно судить уже потому что пять шестыхъ частей всего народонаселенія не обладали, вслѣдствіе религіозныхъ своихъ вѣрованій, избирательными правами. Если система подкуповъ сильно была развита и въ Англіи, то въ Ирландіи она достигала чудовищныхъ размѣровъ, и огромное большинство ея представителей въ парламентѣ находились на службѣ у правительства или просто получали отъ него содержаніе. Къ тому же прерогативы этого ирландскаго парламента были крайне ограничены: онъ не пользовался никакою самостоятельностью въ законодательной сферѣ и могъ лишь обсуждать проекты законовъ предлагаемые ему короною, могъ принимать или отвергать ихъ, но не дѣлать въ нихъ ни малѣйшихъ измѣненій. Сверхъ того парламентъ англійскій присвоилъ себѣ право издавать постановленія обязательныя для Ирландіи. Хотя господство въ этой странѣ принадлежало вполнѣ Англичанамъ, правительство Англіи не колебалось прибѣгать къ мѣрамъ въ высшей степени тягостнымъ даже для нихъ, не говоря уже о туземномъ народонаселеніи, ибо оно привыкло обращаться съ Ирландіей какъ съ колоніей, которую эксплуатировало во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, между прочимъ, чтобъ удовлетворить алчности и корыстолюбію своихъ негоціантовъ, оно изда-

Digitized by Google

на подвергло ирландскую торговлю невыносимымъ ограниченіямъ. Сырые и мануфактурные продукты вывозимые изъ Ирландіи въ Англію были облагаемы несоразмѣрными пошлинами, а что касается торговыхъ сношеній съ англійскими колоніями и съ чужеземными государствами, то они были совершенно воспрещены Ирландцамъ. Едва ли гдѣ-нибудь запретительная система принимала столь уродливыя формы. Ирландію систематически разоряли, чтобы дать средство нажиться англійскимъ мануфактуристамъ. Во главѣ внутренняго управленія этой страны стоялъ лордъ-намѣстникъ, который обыкновенно посѣщалъ ее весьма рѣдко, а въ отсутствіе его заботы объ администраціи возлагаемы были на трехъ такъ-называемыхъ лордовъ-судей, между которыми первое мѣсто принадлежало примасу англиканской церкви. Чтобы дополнить эту картину бѣдственнаго положенія Ирландіи, не слѣдуетъ забывать что католическое народонаселеніе этой страны, въ концѣ XVIII вѣка, было лишено не политическихъ только, но и самыхъ существенныхъ гражданскихъ правъ: католики не могли быть ни адвокатами, ни судьями, они не допускались на службу ни въ арміи, ни въ администраціи; браки и рожденія вписывались въ метрики только духовными лицами господствующей церкви и отъ нихъ же получали благословеніе. Вслѣдствіе того браки заключенные католиками въ католическихъ церквахъ считались недѣйствительными, а дѣти отъ такихъ браковъ незаконными; въ католическихъ храмахъ не дозволялось звонить въ колокола и т. д.

Значительное облегченіе въ этомъ ненавистномъ порядкѣ вещей начинается при Георгѣ III, впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того какъ вступилъ онъ на престолъ. Не исчисляя всѣхъ законоположеній которыя постепенно были издаваемы съ этою цѣлью, достаточно будетъ замѣтить что парламенту Ирландіи предоставлено было право вырабатывать законы для этой страны, что католики допущены были къ участію въ парламентскихъ выборахъ (хотя сами они попрежнему не могли быть избираемы, ибо должны были приносить присягу не согласную съ ихъ религіозною совѣстью), что былъ открытъ имъ доступъ къ военной и гражданской службѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ высшихъ должностей и т. д. Со многими изъ этихъ мѣръ связано имя младшаго Питта. Онъ задумалъ грандіозный планъ для умиротворенія Ирландіи, для тѣснаго сближенія ея съ Англіей, хотя препятствія встрѣчались ему

Digitized by Google

на каждомъ шагу, и между прочимъ либеральная его политика возбудила вначалѣ еще большее раздраженіе страстей, и оранжисты употребляли всѣ усилія чтобы вызвать гоненія на католиковъ со стороны протестантовъ. Дѣло доходило не рѣдко до кровавыхъ стычекъ между враждебными партіями. Не забудемъ что обстоятельства того времени менѣе всего могли способствовать къ тому чтобы внушить католическому народонаселенію рабскую покорность своей участи: еще живо было воспоминаніе о геройской борьбѣ которую выдержали Американскіе Штаты для упроченія своей независимости, и этотъ примѣръ дѣйствовалъ обаятельно на Ирландцевъ. Сюда присоединилось въ послѣдствіи вліяніе идей французской революціи и безпрерывные происки французскаго революціоннаго правительства, которое было убѣждено что нѣтъ лучшаго средства вредить ненавистной ему Англіи, какъ поддерживать агитацію между ирландскими католиками. Эти послѣдніе образовали въ то время обширную ассоціацію подъ именемъ „соединенныхъ Ирландцевъ“ (United Irishmen), которая поддерживала тѣсныя сношенія съ якобинцами въ Парижѣ и выставляла своею программой радикальный переворотъ въ политическихъ учрежденіяхъ своей страны и низверженіе англійскаго владычества. Слѣдствіемъ всего этого было страшное возстаніе 1798 года. Невозможно теперь читать безъ ужаса описаніе неистовствъ которыми сопровождалось оно съ той и другой стороны, когда инсургенты рѣзали, жгли и разрушали все что попадалось имъ подъ руку, а протестантское населеніе и королевскія войска не давали, въ свою очередь, никакой пощады возмутившимся католикамъ, не различая ни пола ни возраста. „Крестьянъ разстрѣливали, говоритъ одинъ современный историкъ, вѣшали, сѣкли, предавали пыткамъ, отрѣзывали у нихъ руки и ноги; жены и дочери ихъ были насилованы вполнѣ деморализованными солдатами.“

Ирландія еще разъ подверглась тяжкому разгрому, но съ обычною своею проницательностью и рѣдкимъ политическимъ смысломъ Питтъ ясно сознавалъ что побѣды, въ родѣ той которая была одержана англійскимъ правительствомъ, далеко не прочны, что необходимо измѣнить порядокъ вещей существовавшій въ усмиренной странѣ. До самаго конца прошлаго столѣтія между Англіей и Ирландіей существовала лишь персональная, династическая связь; несмотря на испытываемый ею гнетъ, Ирландія пользовалась особыми учрежденіями,

Digitized by Google

которыя естественно должны были способствовать усиленію ея сепаратистическихъ стремленій. Питтъ вознамѣрился сдѣлать эту связь болѣе прочною и тѣсною; онъ задался мыслью, съ одной стороны, даровать ирландскимъ католикамъ необходимыя уступки, а съ другой, включить ихъ страну въ общую политическую жизнь государства, а съ этою цѣлью прежде всего надлежало чтобъ Ирландцы отказались отъ своего мѣстнаго парламента и посылали отъ себя представителей въ парламентъ засѣдавшій въ Лондонѣ. Питтъ долженъ былъ преодолѣть необычайныя затрудненія чтобъ осуществить свой планъ: онъ приступилъ къ нему въ самый разгаръ войны съ Франціей, и отвсюду, даже въ средѣ обычныхъ своихъ приверженцевъ, встрѣчалъ сильную оппозицію. Въ 1800 году произошла такъ - называемая унія, тѣсное соединеніе Ирландіи съ остальнымъ королевствомъ, но этимъ была выполнена лишь одна часть задачи. По твердому убѣжденію знаменитаго государственнаго человѣка, хотя Ирландія и была отнынѣ подчинена общимъ съ Англіей политическимъ учрежденіямъ, все-таки нельзя было ожидать обильныхъ результатовъ отъ этой мѣры до тѣхъ поръ пока политическое народонаселеніе оставалось попрежнему въ порабощенномъ положеніи. Унія долженствовала служить лишь первымъ шагомъ къ полной эмансипаціи католиковъ: слѣдовало открыть имъ доступъ въ парламентъ, отмѣнить старинные законы, не допускавшіе ихъ на службу ни въ судахъ, ни въ муниципальномъ управленіи, слѣдовало не требовать чтобы браки заключаемые между ними были благословляемы протестантскимъ духовенствомъ и т. д. Питтъ не отступалъ и предъ этимъ дальнѣйшимъ развитіемъ своей реформы, но тутъ вызвалъ онъ такую бурю, противъ которой не устоялъ ни его авторитетъ, ни его рѣдкое искусство ладить съ различными политическими партіями. Всѣ консервативные элементы англійскаго общества вступили съ нимъ въ борьбу, и особенное негодованіе обнаруживалъ король Георгъ III, не перестававшій повторять что эмансипація католиковъ „самое отвратительное якобинство, какое онъ только знаетъ“. Питтъ вышелъ въ отставку, и такимъ образомъ почти на тридцать лѣтъ отложено было совершеніе задуманнаго имъ дѣла. Унія 1800 года, не доведенная до конца, не могла умиротворить Ирландію.

Послѣ неудавшейся попытки Питта, католическій вопросъ оставался долгое время безъ всякаго движенія. Торійское

Digitized by Google

министерство твердо рѣшилось не возбуждать его: въ прежнее время говорили что опасность угрожала со стороны Наполеона, который старался поддерживать агитацію между католиками; теперь, послѣ возстановленія мира, стали увѣрять что не меньшія опасенія возбуждаютъ притязанія папской власти, которая, заключивъ конкордаты съ большею частію континентальныхъ государствъ, снова возвысила свое могущество. Римскій первосвященникъ,—такъ разсуждала торійская партія,—никогда не удовольствуется тѣмъ что единовѣрцамъ его предоставлена будетъ полная свобода совѣсти; онъ постоянно стремился и будетъ стремиться къ тому чтобъ упрочить за ними господство. Католики составляютъ послушное стадо, всегда готовое безпрекословно сообразоваться съ его повелѣніями, и такъ какъ онъ твердо убѣжденъ что имѣетъ право разрѣшать не только отъ церковной, но и отъ свѣтской присяги, то понятно какія могутъ произойти изъ этого замѣшательства въ государствѣ. Англія гордится своею конституціей, и всѣ ея подданные дорожатъ ея сохраненіемъ, но политическіе интересы католиковъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами остальныхъ англійскихъ гражданъ и никогда между этими двумя группами не будетъ полнаго единства. Таковы были воззрѣнія торійской партіи, и на основаніи ихъ, изъ страха чтобы католическое народонаселеніе, стремясь къ господству, не потрясло государственнаго устройства и не поколебало господствующую церковь, ему отказывали и въ вѣротерпимости, и въ необходимѣйшихъ гражданскихъ правахъ. Но софизмы эти все менѣе и менѣе обнаруживали вліянія на публику. Правда, усилія самыхъ знаменитыхъ ораторовъ въ парламентѣ въ пользу эмансипаціи католиковъ не порождали ровно никакихъ результатовъ. По обыкновенію, ежегодно возникали объ этомъ пренія, произносились болѣе или менѣе запальчивыя рѣчи, но затѣмъ каждый разъ огромное большинство голосовъ высказывалось противъ всякихъ измѣненій въ существовавшемъ порядкѣ вещей. Но замѣчательно что даже въ средѣ самого министерства засѣдали уже ревностные приверженцы реформы. Однимъ изъ нихъ былъ лордъ Кастльри, Ирландецъ по происхожденію; намъ уже извѣстенъ образъ мыслей на этотъ счетъ Каннинга; можно было бы указать и на нѣсколько другихъ министровъ, доказывавшихъ при всякомъ удобномъ случаѣ что нельзя оставить безъ удовлетворенія справедливыя требованія католиковъ. Дѣло въ томъ что начиная съ 1812 года ка-

Digitized by Google

толическій вопросъ объявленъ былъ и въ парламентѣ, и въ правительственныхъ сферахъ „открытымъ вопросомъ“, Министерство, въ полномъ своемъ составѣ, считало долгомъ противиться его разрѣшенію, но при этомъ министрамъ предоставлено было право, отъ своего лица и не обязательно для остальныхъ своихъ товарищей, отстаивать требованія католиковъ. Вслѣдствіе того лордъ Кастльри всегда присоединялся въ этомъ случаѣ къ оппозиціи, и самыя лучшія рѣчи Каннинга въ пользу католиковъ были произнесены имъ когда онъ засѣдалъ на министерской скамьѣ.

Совершенно другой ходъ принимаетъ дѣло начиная съ 1823 года. Ирландское католическое народонаселеніе твердо вознамѣрилось, въ это время, достигнуть своей цѣли, пользуясь всѣми средствами которыя предоставляла ему конституція. Въ средѣ его обнаруживается сильнѣйшее движеніе, и руководителемъ, организаторомъ, можно сказать душою этого движенія, является Даніилъ О'Коннель. Не было человѣка который былъ бы способнѣе его выполнить съ успѣхомъ роль агитатора среди тогдашнихъ обстоятельствъ. Онъ воспитывался у іезуитовъ и получилъ отъ нихъ не мало уроковъ которые пригодились ему когда онъ выступилъ на политическое поприще; обладая независимымъ состояніемъ, Даніилъ О'Коннель посвятилъ себя съ ранней молодости изученію юриспруденціи и пріобрѣлъ вскорѣ репутацію отличнѣйшаго адвоката. Основательное знакомство съ законами принесло ему огромную пользу и опредѣлило, такъ - сказать, весь характеръ его послѣдующей дѣятельности: съ одной стороны, оно внушало ему отвращеніе къ заговорамъ, тайнымъ обществамъ, къ насилію, съ другой, научило его вести борьбу съ установленнымъ въ Ирландіи порядкомъ вещей, никогда не покидая легальнаго пути. Способности О'Коннеля, даже по сознанію самыхъ непримиримыхъ его враговъ, выходили изъ ряду обыкновенныхъ: трудно было противиться его обаятельному краснорѣчію, въ которомъ онъ увлекалъ то паѳосомъ, то юморомъ и язвительною ироніей. Онъ глубоко былъ знакомъ съ бытомъ и нравами своего народа, умѣлъ говорить рѣчью одинаково доступною и простолюдинамъ, и лицамъ высшаго сословія; духовенство считало его достойнѣйшимъ своимъ представителемъ, ибо безграничная преданность интересамъ католической церкви служила однимъ изъ главныхъ мотивовъ всѣхъ его дѣйствій. Противники укоряли О'Коннеля за

Digitized by Google

недостатки которые онъ раздѣлялъ съ огромнымъ большинствомъ своихъ соотечественниковъ: фантазія его принимала не рѣдко чудовищные размѣры, и для того чтобъ отстоять любимую мысль, онъ не останавливался даже предъ вопіющимъ извращеніемъ фактовъ и прибѣгалъ къ такимъ увѣреніямъ которыя завѣдомо для всѣхъ были непростительною ложью. Если это свойство вообще присуще Ирландцамъ, то быть-можетъ оно особенно сильно было развито у О'Коннеля его воспитателями, іезуитами, не перестававшими ему твердить, когда еще онъ сидѣлъ на школьной скамьѣ, что всѣ средства пригодны для достиженія цѣли. Программа О'Коннеля не представляла ничего новаго: онъ требовалъ религіозной свободы, политической и гражданской правоспособности для ирландскихъ католиковъ, но послѣдствія показали что онъ нисколько не думалъ ограничиться этими требованіями; завѣтная его мысль состояла въ расторженіи уніи 1800 года и въ дарованіи Ирландіи полной автономіи. Такова же была задача большей части его предшественниковъ, но оригинальность и важная заслуга этого замѣчательнаго человѣка состоитъ въ томъ что онъ указалъ на совершенно новые пути которыми католическое народонаселеніе могло осуществить свои стремленія. До сихъ поръ вожди недовольныхъ привыкли прикрывать свои дѣйствія непроницаемою тайной; заговоры казались имъ самымъ надежнымъ средствомъ для борьбы съ ненавистнымъ имъ владычествомъ. О'Коннелю первому пришла мысль организовать открытое движеніе, воспользовавшись для этого всѣми тѣми льготами которыя предоставляетъ англійскимъ подданнымъ конституція этой страны. Онъ понялъ что если правительство не хотѣло приступить къ разрѣшенію католическаго вопроса, то законъ не воспрещалъ однако католикамъ созывать митинги, публично произносить рѣчи, издавать дешевыя газеты, обращаться съ адресами къ парламенту,—словомъ, организовать одну изъ тѣхъ легальныхъ агитацій которымъ Англія обязана была въ послѣднее время успѣхомъ важнѣйшихъ своихъ реформъ.

Въ 1823 году возникла, по мысли Даніила О'Коннеля, *Католическая Ассоціація*. Цѣль ея заключалась въ томъ чтобы побудить правительство и парламентъ къ отмѣнѣ старинныхъ узаконеній, вслѣдствіе коихъ огромное большинство (⁵/₆) ирландскаго народонаселенія лишено было политическихъ правъ,—цѣль вполнѣ практическая и не представлявшая ничего пре-

Digitized by Google

ступнаго, ибо замѣчательнѣйшіе государственные люди Англіи, и въ томъ числѣ даже нѣкоторые изъ министровъ, сдѣлали ее предметомъ своего домогательства. Къ ассоціаціи этой привлечены были всѣ классы общества въ Ирландіи—джентри, духовенство, крестьяне,—и въ весьма непродолжительное время она считала своихъ приверженцевъ десятками тысячъ во всей странѣ. Центромъ ея служилъ Дублинъ, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ О'Коннеля или одного изъ самыхъ талантливыхъ его друзей, Ричарда Шиля, непрерывно происходили засѣданія главнаго ея комитета, руководившаго агитаціей. Комитетъ этотъ находился въ сношеніяхъ съ другими, разсѣянными во всѣхъ городахъ, принималъ петиціи, собиралъ пожертвованія и произвелъ даже перепись католическаго народонаселенія. Страстныя воззванія его были читаемы духовенствомъ публично въ католическихъ храмахъ; въ газетахъ появлялись подробные отчеты объ его дѣйствіяхъ и о преніяхъ которыя происходили на созываемыхъ ими митингахъ. Прошло не болѣе двухъ лѣтъ какъ Католическая Ассоціація сдѣлалась такою силой что общественное мнѣніе въ Англіи должно было серіозно считаться съ нею. Самые непримиримые противники католиковъ не только не склонялись однако къ уступкамъ, но болѣе чѣмъ когда-нибудь упорствовали въ противодѣйствіи. Весьма сильное впечатлѣніе произведено было рѣчью произнесенною въ верхней палатѣ парламента братомъ короля герцогомъ Йоркскимъ,—рѣчью въ которой этотъ принцъ, долженствовавшій вступить на престолъ по смерти Георга IV (событію этому воспрепятствовала его кончина въ 1827 году), клятвенно объявилъ что какъ бы ни измѣнилось его общественное положеніе, онъ будетъ употреблять всѣ усилія чтобы не допустить эмансипаціи католиковъ. Но люди болѣе осторожные и болѣе умѣреннаго образа мыслей взирали съ большими опасеніями на возраставшее могущество Католической Ассоціаціи: они не переставали обвинять въ слабодушіи ирландскаго генералъ-губернатора лорда Веллеслея и распространяли мысль что если Католическая Ассоціація и прикрывается законностію, то во всякомъ случаѣ конечная ея цѣль — подготовить элементы для поголовнаго возстанія въ Ирландіи. Министерство лорда Ливерпуля вполнѣ усвоило себя это воззрѣніе. Въ 1825 году король Георгъ IV произнесъ, при открытіи обычной сессіи парламента, рѣчь, въ которую включены были слѣдующія слова:

Digitized by Google

„Достойно сожалѣнія что въ Ирландіи возникли ассоціаціи которыя находятся въ противорѣчіи съ духомъ нашего государственнаго устройства и стремятся, поддерживая рознь и раздраженіе въ средѣ публики, нарушить общественное спокойствіе и замедлить успѣхи мирныхъ улучшеній." Немедленно вслѣдъ затѣмъ былъ представленъ парламенту биль которымъ воспрещались въ Ирландіи всякія сборища и союзы, которые, подъ предлогомъ отмѣны злоупотребленій въ церковномъ и гражданскомъ управленіи этой области, возбуждали въ ней политическія смуты. Министерство утверждало что ассоціація была воодушевляема въ сущности вовсе не тѣми намѣреніями которыя она выставляла на показъ, что она стремилась расторгнуть узы между Ирландіей и Англіей и что въ всякомъ случаѣ не имѣла никакого права, подъ видомъ пожертвованій, собирать подати, къ которымъ духовенство побуждало низшіе классы народа угрозами и насиліемъ. До какой степени нареканія эти казались основательными, видно между прочимъ изъ того что не только Р. Пиль, но даже Плункетъ (Plunkett), ревностно ратовавшій за эмансипацію католиковъ, поддерживалъ въ этомъ случаѣ министерство. Билль былъ принятъ обѣими палатами парламента значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Католическая Ассоціація была распущена, но немедленно вслѣдъ затѣмъ возродилась въ другой формѣ. Новое Общество основанное Даніиломъ О'Коннелемъ заявило что задача его — содѣйствовать успѣхамъ народнаго образованія и благотворительныхъ учрежденій, но оно точно такъ же созывало многочисленные митинги и въ кассу его поступали обильныя пожертвованія, которыя употреблялись для первоначальной цѣли. Даніилъ О'Коннель обнаружилъ въ это время необыкновенную изобрѣтательность и ловкость. Ни разу не далъ онъ повода упрекнуть себя въ какомъ-либо беззаконномъ дѣйствіи, хотя всѣмъ было извѣстно что преобразованное имъ Общество производитъ усиленную политическую агитацію. Правительство сочло благоразумнымъ отказаться отъ борьбы, и въ 1828 году, когда истекъ срокъ законодательной мѣры временно постановленной парламентомъ, оно не рѣшилось требовать чтобы продолжено было ея дѣйствіе. Католическая Ассоціація немедленно послѣ того возникла въ прежнемъ своемъ видѣ, и число ея членовъ увеличилось болѣе чѣмъ когда-нибудь.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи находился вопросъ когда Каннингъ былъ назначенъ первымъ министромъ. Назначеніе это возбудило страшную бурю въ лагерѣ старой торійской партіи, именно потому что никогда еще до тѣхъ поръ высшая должность въ государствѣ не вручалась человѣку который открыто доброжелательствовалъ стремленіямъ католиковъ. Общественное мнѣніе не сомнѣвалось что Каннингъ не пожелаетъ и не будетъ въ силахъ отсрочить разрѣшеніе католическаго вопроса. Неизвѣстно, въ какой мѣрѣ удалось бы это ему, точно также какъ трудно догадаться какую роль усвоилъ бы онъ во внѣшной своей политикѣ, еслибы дожилъ до Наваринской битвы. Онъ унесъ съ собою эту тайну въ могилу, ибо министерство его продолжалось весьма недолго, но по смерти Каннинга сдѣлалось вполнѣ несомнѣннымъ что не было возможности образовать никакого другаго кабинета, не принимая въ разчетъ требованій которыя съ каждымъ днемъ все громче заявляемы были публикой. Преемникомъ знаменитаго государственнаго человѣка сдѣлался лордъ Годеричъ (Робинзонъ), отважившійся на попытку идти по его слѣдамъ, но то что въ состояніи былъ выполнить Каннингъ оказалось совершенно не по силамъ политику съ несравненно болѣе ограниченными способностями. Только Каннингъ, опираясь на громадную свою популярность, умѣлъ создать себѣ совершенно независимое положеніе между торіями, считавшими его ренегатомъ, и вигами, продолжавшими относиться къ нему недовѣрчиво: лордъ Годеричъ не обладалъ ни этою популярностію, ни этимъ рѣдкимъ искусствомъ преодолѣвать безчисленныя препятствія на своемъ пути. Не дожидаясь даже открытія парламента, онъ поспѣшилъ удалиться отъ дѣлъ. Торійская партія вознамѣрилась тогда взять управленіе въ свои руки: король поручилъ герцогу Веллингтону сформировать новое министерство, и герцогъ— по собственнымъ его словамъ — отвѣчалъ на этотъ призывъ какъ солдатъ, который привыкъ исполнять безпрекословно приказанія своего начальства, но безъ большой вѣры въ успѣхъ своего дѣла. Хотя и онъ, и Робертъ Пиль, предложившій ему свои услуги, твердо рѣшились считать попрежнему католическій вопросъ открытымъ вопросомъ, то-есть не допускать его развязки, предоставляя однако министрамъ право свободно высказывать о немъ личныя свои мнѣнія, тотчасъ же оказалось что, съ одной стороны, нельзя было отстранить отъ министерства главнѣйшихъ приверженцевъ покойнаго Каннинга— лордовъ Додлея и Пальмерстона, Госкиссона, Гранта и

Digitized by Google

Ламба,—а съ другой, не было никакой возможности привлечь въ кабинетъ непримиримыхъ торіевъ, въ родѣ лорда Эльдона. Этотъ послѣдній не переставалъ повторять что для него совершенно непонятно почему онъ не занимаетъ мѣста въ совѣтахъ короля, а между тѣмъ не было ничего легче какъ разрѣшить эту загадку: власть снова принадлежала торійской партіи, но партія эта не могла уже оставаться такою какою была она нѣсколько лѣтъ назадъ. Если герцогъ Веллингтонъ надѣялся что ему удастся отстоять принципы которые господствовали въ правительственныхъ сферахъ во времена министерства лорда Ливерпуля, то событія не замедлили доказать до какой степени были несбыточны эти ожиданія.

При открытіи засѣданій парламента въ январѣ 1828 года оппозиція рѣшилась тотчасъ же затронуть вопросъ возбуждавшій столь сильное волненіе въ обществѣ, а именно, лордъ Джонъ Россель выступилъ съ предложеніемъ отмѣнить такъ называемые *Test* и *Corporations acts*. Оба эти акта относились еще къ XVII вѣку, къ царствованію Карла II: однимъ изъ нихъ было постановлено что каждый изъ муниципальныхъ городскихъ чиновниковъ обязанъ принимать причастіе по обрядамъ англиканской церкви, а другой требовалъ отъ всякаго желающаго занять должность на государственной службѣ клятвеннаго отреченія отъ догмата о пресуществленіи. Постановленія о которыхъ идетъ рѣчь направлены были одинаково противъ католиковъ и диссидентовъ. Они возникли въ тревожное время, когда господствующая церковь вынуждена была, для огражденія своей безопасности, прибѣгать къ мѣрамъ отличавшимся крайнею нетерпимостію, когда въ рядахъ своихъ враговъ видѣла она, между прочимъ, царствовавшій тогда домъ, но съ тѣхъ поръ опасность для нея давно уже миновала, а между тѣмъ ненавистныя узаконенія не были отмѣнены. Правда, въ послѣдствіи для диссидентовъ сдѣланы были большія изъятія: начиная особенно съ 1747 года они получили доступъ ко многимъ должностямъ, но что касается католиковъ,—и преимущественно католиковъ ирландскихъ,—то они въ несравненно меньшей степени пользовались этими льготами. Лордъ Джонъ Россель справедливо настаивалъ на отмѣнѣ правилъ которыя, при измѣнившихся обстоятельствахъ, не имѣли уже никакого смысла; онъ находилъ вполнѣ достаточнымъ, если предписанія стѣснявшія свободу совѣсти нѣсколькихъ милліоновъ народонаселенія замѣнены будутъ простою присягой въ вѣр-

Digitized by Google

ности государству, и противники его не могли придумать другихъ возраженій кромѣ того что старинные законы о которыхъ идетъ рѣчь давно уже утратили свое значеніе и почти не примѣнялись на практикѣ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было сохранять ихъ? Усилія лорда Джона Росселя увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и по общему убѣжденію отмѣна *Test* и *Corporations acts* долженствовала послужить первымъ шагомъ къ полной эмансипаціи католиковъ.

О'Коннель счелъ эту минуту самою удобною для того чтобы вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Одинъ изъ министровъ, г. Фицгеральдъ, Ирландецъ по происхожденію, занявъ мѣсто въ кабинетѣ герцога Веллингтона, обязанъ былъ подвергнуться вторичному избранію въ ирландскомъ графствѣ Клерѣ. Несмотря на то что онъ былъ ревностный протестантъ, онъ пользовался большою популярностью въ упомянутой мѣстности и находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ ко всѣмъ классамъ тамошняго народонаселенія; нѣсколько лѣтъ сряду графство Клеръ посылало его своимъ представителемъ въ парламентъ, и никто не сомнѣвался что и на этотъ разъ избраніе его произойдетъ самымъ мирнымъ образомъ. Случилось, однако, иначе. Распространилась именно вѣсть что самъ О'Коннель намѣревается выступить соперникомъ г. Фицгеральда. По закону онъ имѣлъ на это полное право; законъ не воспрещалъ ему явиться кандидатомъ на выборахъ, но законъ требовалъ чтобы при вступленіи въ парламентъ онъ принесъ присягу не согласную съ его совѣстью, какъ католика, и лишь тогда должны были начаться для него затрудненія. Тѣмъ не менѣе поступокъ О'Коннеля показался до такой степени безсмысленнымъ и дерзкимъ что вначалѣ онъ возбудилъ въ Лондонѣ лишь насмѣшки. Англійская публика была твердо убѣждена что масса крестьянъ, проживавшая на земляхъ протестантскихъ владѣльцевъ, никогда не отважится подать голосъ за знаменитаго агитатора, но она разсуждала такимъ образомъ только потому что еще не составила себѣ надлежащаго понятія о громадномъ его вліяніи на своихъ единовѣрцевъ. Трудно изобразить волненіе которое вдругъ овладѣло Ирландіей: по словамъ лорда-намѣстника Энгльзи, каждый олтарь превратился въ трибуну, католическое духовенство твердило въ своихъ проповѣдяхъ что наступила для Ирландіи рѣшительная минута, и народъ слишкомъ охотно поддавался его внушеніямъ. Протестанты поняли

Digitized by Google

какая важная ошибка сдѣлана была ими въ 1793 году, въ то время, съ цѣлью упрочить свое вліяніе, они убѣдили парламентъ значительно понизить цензъ, а именно предоставить избирательное право всѣмъ мелкимъ хлѣбопашцамъ, получавшимъ 40 шиллинговъ доходу со свободной своей собственности (forty-shilling freeholders), въ надеждѣ что будутъ свободно располагать ихъ голосами, но теперь весь этотъ людъ готовился поголовно перейти на сторону католическаго кандидата. „Орудіе, какъ справедливо выразился Робертъ Пиль, изобрѣтенное землевладѣльцами и которымъ они долго пользовались съ большимъ успѣхомъ, сломилось въ ихъ рукахъ.“ Когда г. Фицгеральдъ прибылъ въ Ирландію, то, по собственному его замѣчанію, онъ не узналъ эту страну: народъ находился въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, томительномъ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго.

Выборы наступили 30го мая, при огромномъ стеченіи народа, явившагося для подачи голосовъ. Оба соперника обратились при этомъ съ рѣчами къ избирателямъ. Фицгеральдъ заклиналъ ихъ остаться вѣрными своему прежнему образу дѣйствій, не подавать повода къ раздорамъ между землевладѣльцами и арендаторами. Но особенно сильное впечатлѣніе произвела рѣчь О'Коннеля, ибо въ рѣчи этой онъ прямо высказалъ что если выборъ остановится на немъ, и если парламентъ откажетъ въ утвержденіи этого выбора, то агитація утратитъ мирный характеръ, какимъ отличалась она до сихъ поръ. „Наступило время, воскликнулъ онъ, когда долженъ быть положенъ конецъ политической системѣ господствовавшей въ этой странѣ. Отнынѣ недостаточно будетъ твердить Ирландцамъ: любезные друзья, мы желаемъ вамъ всякаго блага; нужно чтобы наши правители доказали намъ это на дѣлѣ. Система должна рушиться, и я являюсь предъ вами чтобы нанести ей последній ударъ.“ Послѣдователь О'Коннеля, Шиль, былъ еще откровеннѣе: „Не многознаменательный ли фактъ, замѣтилъ онъ, что католическое духовенство, въ полномъ своемъ составѣ, совершенно отстранилось отъ правительства, что католическое дворянство, крестьяне и священники вступили въ тѣсный союзъ? Пора перестать намъ только жаловаться на свою судьбу. Если Англія откажетъ въ удовлетвореніи нашихъ требованій.... но я умолкаю. Зачѣмъ указывать на грозныя тучи, которыя скопились надъ нашими головами?...“ Это были не однѣ угрозы. Генералъ-губернаторъ, лордъ Энгльзи, постоян-

Digitized by Google

но доносилъ что успѣхъ О'Коннеля представляется несомнѣннымъ, и что еслибъ онъ не былъ допущенъ въ парламентъ, то нельзя было бы ручаться за спокойствіе страны, что она находится наканунѣ страшнаго возстанія. Первая часть этого предсказанія вполнѣ оправдалась: О'Коннель восторжествовалъ на выборахъ надъ своимъ соперникомъ.

Теперь раждался вопросъ, достанетъ ли силъ у министерства преодолѣть это затруднительное обстоятельство, не измѣняя своей политики по католическому вопросу. Положеніе герцога Веллингтона было крайне щекотливо. Хотя онъ стоялъ во главѣ торійскаго кабинета, однако многіе изъ видныхъ представителей торійской партіи отнюдь не доброжелательствовали ему, вслѣдствіе того что онъ обратился къ содѣйствію нѣкоторыхъ друзей и приверженцевъ покойнаго Каннинга; съ другой стороны, эти послѣдніе не были удовлетворены сдѣланною имъ уступкой; они вступили въ министерство обольщая себя надеждой что будутъ въ состояніи служить принципамъ религіозной вѣротерпимости, свободы торговли, политической и гражданской свободы, которые были усвоены знаменитымъ ихъ вождемъ, сошедшимъ въ могилу, но вскорѣ убѣдились въ своей ошибкѣ; не задолго до описанныхъ нами событій въ Ирландіи, Госкиссонъ, Пальмерстонъ, Доддей, Ламбъ и Грантъ сочли долгомъ покинуть герцога Веллингтона и занять мѣсто на скамьяхъ оппозиціи. Эта роль не могла, конечно, не ослабить кабинетъ, и еще не изгладилось неблагопріятное впечатлѣніе произведенное ею въ странѣ, какъ получено было извѣстіе объ избраніи Даніила О'Коннеля. Къ счастію оно совпало съ тѣмъ временемъ когда прекращалась сессія парламента, но это событіе лишь на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочивало рѣшеніе вопроса, на которомъ сосредоточилась теперь борьба различныхъ политическихъ партій.

Наступившія вакаціи не только не облегчили министерство герцога Веллингтона, но создали ему еще новое затрудненіе: мы имѣемъ здѣсь въ виду происшествіе повлекшее за собою выходъ въ отставку генералъ-губернатора Ирландіи, лорда Энгльзи. Этотъ государственный человѣкъ, проведшій бо́льшую часть своей жизни въ военной службѣ и назначенный на мѣсто лорда Веллеслея именно потому что правительство разсчитывало на его энергію и непреклонный характеръ, убѣдился однако очень скоро что только широкія и либеральныя реформы могутъ успокоить страну ввѣренную его управленію. Онъ не

Digitized by Google

переставалъ твердить министрамъ что „никакія силы не въ состояніи воспрепятствовать успѣхамъ Католической Ассоціаціи, что есть только одно средство ослабить ирландскую демагогію, а именно открыть ея вождямъ доступъ въ парламентъ". Совѣты лорда Энгльзи оставались, разумѣется, тайною для публики, но вскорѣ одно случайное обстоятельство разоблачило его настоящій образъ мыслей. Примасъ католической церкви въ Ирландіи, архіепископъ Куртисъ, давно уже находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ герцогу Веллингтону, которому онъ оказалъ весьма важныя услуги во время Испанской войны. Полагаясь на эту старинную дружбу, онъ обратился къ герцогу, послѣ избранія О'Коннеля, съ письмомъ по поводу упомянутаго событія: герцогъ не замедлилъ отвѣтомъ, и въ отвѣтѣ своемъ выразилъ мысль что онъ самъ искренно желаетъ скорѣйшаго разрѣшенія католическаго вопроса, но для этого нужно чтобы „страсти успокоились на нѣкоторое время и чтобы правительству предоставленъ былъ такимъ образомъ досугъ взвѣсить и обсудить притязанія двухъ противныхъ сторонъ". Вѣроятно вслѣдствіе неосторожности архіепископа, письмо это попало въ руки О'Коннелю; онъ поспѣшилъ дать ему самую широкую гласность и истолковалъ его такимъ образомъ что первый министръ лично готовъ сдѣлать уступки справедливымъ требованіямъ католиковъ и что если слѣдовалъ онъ доселѣ противоположной политикѣ, то объясняется это нетерпимостью и близорукостью партіи считавшей его своимъ представителемъ. Вся эта исторія произвела весьма неблагопріятное впечатлѣніе на лорда Энгльзи. Онъ взглянулъ на письмо герцога Веллингтона глазами тѣхъ людей которые непремѣнно хотѣли истолковать его въ смыслѣ благопріятномъ для притязаній католиковъ (хотя подобное толкованіе было слишкомъ произвольно) и былъ оскорбленъ, что первый министръ, упорно отклоняя его совѣты, счелъ приличнымъ выразить свой задушевный образъ мыслей въ частномъ документѣ. Во всякомъ случаѣ лордъ Энгльзи былъ убѣжденъ что отнынѣ не имѣетъ уже причины соблюдать прежнюю сдержанность. Въ свою очередь обратился онъ къ тому же самому архіепископу Куртису съ посланіемъ, въ которомъ выступилъ явнымъ поборникомъ эмансипаціи католиковъ; онъ не только заявлялъ сочувствіе къ этой реформѣ, но подавалъ даже совѣты какимъ образомъ ее достигнуть, а именно, по мнѣнію генералъ-губернатора, слѣдовало Ирландцамъ избѣгать всякихъ предосудительныхъ дѣй-

Digitized by Google

ствій, но усилить мирную и законную агитацію, чтобы повліять на парламентъ. И это письмо появилось тотчасъ же въ газетахъ. Понятно, какое громовое впечатлѣніе произвело оно и въ Англіи, и особенно въ Ирландіи, гдѣ О'Коннель поспѣшилъ объявить что католики въ точности послѣдуютъ совѣту услышанному ими изъ устъ лица облеченнаго полнымъ довѣріемъ правительства. Конечно, о довѣріи этомъ не могло быть теперь и рѣчи, ибо лордъ Энгльзи былъ немедленно удаленъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ лордъ Нортумберландъ, ревностный протестантъ; но бывшій намѣстникъ нанесъ уже министерству такой ударъ отъ котораго трудно было ему оправиться.

Что же оставалось дѣлать среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ? Оставалось или согласиться на требованія католиковъ, или отмѣнить унію и предоставить католикамъ имѣть свой собственный католическій парламентъ, или же наконецъ, упорнымъ отказомъ, вызвать поголовное возстаніе и подавить его оружіемъ. О расторженіи уніи не хотѣли и помышлять англійскіе государственные люди; система безусловнаго противодѣйствія казалась невозможною вслѣдствіе настроенія нижней палаты; необходимо было, слѣдовательно, приступить къ эмансипаціи католиковъ. Какъ скоро правительство убѣдилось въ этомъ, оно мужественно взяло реформу въ свои руки. Сильное вліяніе на герцога Веллингтона обнаружилъ Робертъ Пиль, который долгое время боролся противъ притязаній католической партіи, но послѣ всѣхъ совершившихся событій созналъ что вопросъ этотъ не можетъ уже оставаться открытымъ и требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Онъ изложилъ свои мысли по этому поводу въ обширномъ мемуарѣ, представленномъ имъ на обсужденіе министровъ, и послѣ долгихъ преній всѣ его товарищи присоединились къ его мнѣнію. Такимъ образомъ, кабинету, состоявшему изъ торіевъ и протестантовъ, суждено было осуществить реформу надъ которою тщетно трудились Питтъ, Каннингъ и многочисленная плеяда талантливѣйшихъ приверженцевъ либеральной партіи. Въ первыхъ числахъ февраля 1829 года, когда открылись засѣданія парламента, тронная рѣчь упомянула о готовившихся преобразованіяхъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Робертъ Пиль внесъ въ нижнюю палату билль о распущеніи Католической Ассоціаціи, и никто не сомнѣвался что эта репрессивная мѣра должна служить лишь первымъ шагомъ къ либеральной реформѣ, что

Digitized by Google

задумавъ дать полное удовлетвореніе требованіямъ ирландскихъ католиковъ, правительство желало прекратить агитацію, которая въ эту важную минуту могла лишь раздражать страсти. Билль былъ утвержденъ, но прежде чѣмъ выступить съ дальнѣйшими мѣрами, Пиль рѣшился выяснить свое личное положеніе; съ давняго времени былъ онъ представителемъ Оксфордскаго университета. Онъ зналъ что, измѣнивъ свой образъ мыслей по католическому вопросу, не можетъ разчитывать на симпатіи этой могущественной корпораціи, проникнутой исключительно протестантскими воззрѣніями, а потому сложилъ съ себя званіе ея представителя, и снова явился предъ нею на выборахъ. Несмотря на свое краснорѣчіе и усилія своихъ друзей, онъ получилъ лишь 609 голосовъ, тогда какъ 755 были поданы въ пользу его противника сэръ-Роберта Инглиса, но немедленно вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ депутатомъ одного изъ второстепенныхъ городовъ.

Все было повидимому готово, а между тѣмъ въ самую послѣднюю минуту предстояло еще преодолѣть много затрудненій. Самыя важныя проистекали отъ короля: обычная нерѣшительность и двоедушіе Георга IV выразились какъ нельзя болѣе ярко въ это критическое время. Сначала не хотѣлъ онъ и слышать ни о какихъ уступкахъ католикамъ. „Всякій разъ, когда возникаетъ этотъ вопросъ, писалъ герцогъ Веллингтонъ, король приходитъ въ такое раздраженіе что какъ бы теряетъ разсудокъ". Министрамъ удалось наконецъ преодолѣть его упорство, и онъ уже согласился на задуманную ими реформу, но за нѣсколько дней или, лучше сказать, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ когда она долженствовала быть возвѣщена парламенту, снова возникли въ немъ прежнія сомнѣнія, разумѣется, подъ вліяніемъ крайнихъ торіевъ, которые прибѣгали ко всякимъ средствамъ чтобы поколебать и устрашить его. Георгъ IV призвалъ къ себѣ герцога Веллингтона и Роберта Пиля, жаловался что онъ не понялъ до какихъ предѣловъ будутъ простираться уступки, убѣждалъ не торопиться, и когда всѣ его увѣщанія остались безплодны, объявилъ что онъ вынужденъ искать себѣ новыхъ совѣтниковъ. Это была, однако, послѣдняя вспышка неудовольствія короля. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разказаннаго нами свиданія, онъ извѣстилъ герцога Веллингтона что предоставляетъ ему полную свободу, ибо не могъ сформировать министерство изъ людей враждебныхъ эмансипаціи католиковъ.

Digitized by Google

Вечеромъ 6го марта, Робертъ Пиль поднялся съ своего мѣста въ палатѣ общинъ и обратился къ ней съ рѣчью, которая начиналась слѣдующими словами: „Я являюсь предъ палатой, какъ одинъ изъ министровъ короны и опираясь на авторитетъ принадлежащій этому званію, чтобъ объяснить мѣру которая всѣми нами единодушно была присовѣтована его величеству. Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ старался я отстранять католиковъ отъ парламента и отъ занятія высшихъ государственныхъ должностей. Полагаю что борьба съ ними была безсмысленною и ничѣмъ не оправдываемою борьбой. Въ настоящее время я прекращаю ее, убѣдившись что уже нельзя болѣе вести ее съ успѣхомъ, что для этого нѣтъ у насъ ни орудій, ни средствъ. Я покоряюсь такимъ образомъ нравственной необходимости, не зависящей отъ моей воли, ибо страшусь довести сопротивленіе до той крайности, когда оно можетъ сдѣлаться опаснымъ для государственныхъ учрежденій.“ Затѣмъ Робертъ Пиль, въ длинной рѣчи, продолжавшейся четыре часа сряду, изложилъ главнѣйшія основанія предложеннаго имъ билля объ эмансипаціи католиковъ. Лицамъ католическаго вѣрословѣданія открытъ былъ доступъ въ парламентъ, ибо прежняя присяга, оскорблявшая ихъ религіозныя вѣрованія, замѣнялась другою, въ которой содержалось лишь обязательство охранять существующія государственныя учрежденія и избѣгать всякихъ покушеній противъ господствующей церкви; католики могли занимать муниципальныя и судебныя должности, а также всѣ должности гражданскія и политическія (за исключеніемъ должностей регента, лордовъ-канцлеровъ Англіи и Ирландіи и ирландскаго лорда-намѣстника); не дозволялось католическимъ епископамъ титуловаться по имени тѣхъ мѣстностей гдѣ находились ихъ каѳедры; воспрещено было іезуитамъ пребываніе въ королевствѣ (кромѣ весьма ограниченнаго числа, которые проживали уже тамъ прежде) и приняты были мѣры противъ распространенія католическихъ монастырей. Послѣ долгихъ преній билль былъ утвержденъ нижнею палатой значительнымъ большинствомъ голосовъ, но особенно упорное сопротивленіе встрѣтилъ онъ въ палатѣ лордовъ. Здѣсь потребовалось все краснорѣчіе и весь авторитетъ герцога Веллингтона чтобъ обезпечить ему успѣхъ. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ перваго министра былъ тотъ что еслибъ ожидаемая реформа не осуществилась, неминуемымъ послѣдствіемъ того было бы возстаніе Ирландіи: „но я готовъ пожертвовать

Digitized by Google

даже жизнію чтобъ избавить мое отечество отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ кровавой междуусобной войны". Въ первыхъ числахъ апрѣля 1829 года билль былъ принятъ и палатою лордовъ большинствомъ 104 голосовъ. Вслѣдъ за этою побѣдой правительство тотчасъ же предложило измѣнить существовавшій въ Ирландіи избирательный законъ, а именно вмѣсто 40 шиллинговъ установить цензъ для freeholders въ 10 ф. стерлинговъ. Когда всѣ эти законодательныя мѣры удостоились утвержденія парламента, то крайняя торійская партія, до послѣдней минуты не перестававшая обольщать себя несбыточными надеждами, утѣшала себя мыслью что король откажетъ въ санкціи новому закону. Она знала что обычныя сомнѣнія и колебанія Георга IV еще не прекратились; министрамъ было извѣстно также что пока, уполномоченные повидимому его довѣріемъ, они выдерживали упорную борьбу въ обѣихъ палатахъ, король продолжалъ тайно совѣщаться съ лордомъ Эльдономъ и увѣрялъ его что согласіе на реформу было вырвано у него хитростью и почти силою. Но Георгъ IV созналъ однако совершенную невозможность идти противъ общественнаго мнѣнія, опираясь на малочисленную партію, давно уже утратившую всякое значеніе въ странѣ, и не замедлилъ утвердить билль провозгласившій политическую и гражданскую правоспособность католическихъ его подданныхъ.

До сихъ поръ еще существуютъ различныя мнѣнія объ этомъ важномъ законодательномъ актѣ. Теперь, когда уже улеглись страсти волновавшія нѣкогда Англію и разсѣялись опасенія, которыя были высказываемы многими изъ ея государственныхъ людей сорокъ лѣтъ тому назадъ *, всѣ партіи одинаково согласны въ томъ что реформа 1829 года была дѣломъ высокой справедливости и мудрости. Но уже въ то время слышались голоса что реформа эта пришла слишкомъ поздно, что католическое народонаселеніе не оцѣнило ее надлежащимъ образомъ, ибо въ теченіе долгаго ряда лѣтъ тщетно ожидало удовлетворенія своихъ требованій, и что достигнутая наконецъ уступка не въ состояніи уже была искоренить въ Ир-

* Опасались между прочимъ что католики успѣютъ пріобрѣсти если не большинство, то весьма значительное меньшинство въ парламентѣ. Эрскинъ Мей приводитъ въ своей *Constitutional history of England* цифры, изъ которыхъ оказывается что начиная съ 1835 года число католическихъ членовъ нижней палаты никогда не превышало 50.

Digitized by Google

ландіи враждебное чувство къ англійскому владычеству. Указывали между прочимъ на одинъ фактъ который свидѣльствовалъ что хотя правительство и согласилось удовлетворить требованія католиковъ, но сдѣлало это въ формѣ долженствовавшей возбудить ихъ неудовольствіе. Послѣднее замѣчаніе относится къ герою Ирландіи, Даніилу О'Коннелю. Онъ былъ избранъ представителемъ Клерскаго графства за нѣсколько мѣсяцевъ до состоявшейся реформы, но въ новый законъ включено было постановленіе что лишь тѣ изъ католическихъ депутатовъ могутъ, при вступленіи въ парламентъ, принести измѣненную, не противорѣчившую ихъ религіознымъ вѣрованіямъ присягу, которые будутъ избраны послѣ законодательнаго акта 1829 года. Всѣ поняли такъ что эта мѣра была направлена противъ О'Коннеля, хотя она представлялась совершенно неумѣстною и излишнею, ибо никто не сомнѣвался что „спаситель Ирландіи", какъ называли его соотечественники, получитъ на вторичныхъ выборахъ огромное большинство голосовъ. О'Коннель явился въ маѣ 1829 года въ нижнюю палату. Когда одинъ изъ клерковъ прочелъ ему текстъ прежней присяги, онъ отказался повторить ее. Спустя два дня послѣ того, палата согласилась выслушать его возраженія, и онъ представилъ ихъ въ длинной рѣчи, которая поразила даже его противниковъ замѣчательною умѣренностью своего тона. Тѣмъ не менѣе законъ былъ ясенъ. О'Коннель былъ вынужденъ сложить съ себя званіе кандидата, но въ іюлѣ того же года онъ снова былъ избранъ представителемъ Клерскаго графства: съ этой минуты ничто не препятствовало его вступленію въ парламентъ.

Совершившаяся эмансипація католиковъ важна не только сама по себѣ, но она знаменуетъ вообще коренной переворотъ во внутренней политикѣ Англіи. Мы видѣли что съ конца прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ ожесточенныхъ войнъ съ Франціей и опасеній возбуждаемыхъ господствомъ революціонныхъ теорій, страна эта выступаетъ на путь весьма неблагопріятный для ея внутренняго развитія, но когда миновали тревожныя обстоятельства, она снова возвращается къ началамъ которыя издавна составили ей славу сáмой свободной страны въ мірѣ. Переворотъ этотъ, ознаменованный упорною борьбою партій, не вызвалъ однако никакихъ насильственныхъ потрясеній, и успѣхъ его слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать мудрости и самообладанію Англійскаго народа. Конечно, Англія имѣла въ описываемое время многихъ

замѣчательныхъ людей, но что̀ былъ бы въ состояніи совершить, напримѣръ, Каннингъ, человѣкъ не знатнаго происхожденія, долго не пользовавшійся расположеніемъ короля и навлекшій на себя недоброжелательство партіи вліятельной и въ парламентѣ, и при дворѣ, еслибы не встрѣтилъ онъ поддержки въ общественномъ мнѣніи? Какая другая сила, кромѣ силы общественнаго мнѣнія, заставила герцога Веллингтона отказаться отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и явиться поборникомъ либеральной реформы? Примѣръ Англіи становится особенно поучительнымъ если обратимъ вниманіе на то что̀ происходило въ сосѣдней съ нею странѣ. Послѣ низверженія Наполеона она также усвоила себѣ конституціонныя учрежденія, но прошло лишь пятнадцать лѣтъ, какъ конституція ея рухнула среди междуусобной борьбы и замѣнена была другою, оказавшеюся столь же недолговѣчною. Совершенно ошибочно было бы думать, будто произошло это оттого что̀ Франція имѣла дѣло съ вопросами болѣе сложными и болѣе способными волновать народныя страсти: напротивъ, сравнивая тогдашнее внутреннее развитіе обѣихъ странъ, мы легко убѣждаемся что Англія переживала несравненно труднѣйшій кризисъ, что въ описанный нами періодъ времени, не говоря уже объ экономическихъ ея невзгодахъ, происходилъ глубокій переворотъ въ ея конституціонныхъ учрежденіяхъ. Старинная англійская администрація опиралась на исключительное господство протестантизма и аристократіи. То и другое измѣнилось: конституція перестала отличаться вѣроисповѣднымъ характеромъ, протестантизмъ долженъ былъ сдѣлать уступки другимъ исповѣданіямъ, и вслѣдъ затѣмъ и высшіе классы вынуждены были отказаться отъ своего преобладанія въ политической жизни. Не болѣе какъ черезъ три года послѣ билля объ эмансипаціи католиковъ наступила реформа народнаго представительства. Этотъ коренной переворотъ не могъ, конечно, не возбудить взаимнаго ожесточенія партій, не могъ обойтись безъ враждебныхъ столкновеній, но при всѣхъ этихъ столкновеніяхъ и враждѣ сохранилось уваженіе къ закону и преданіямъ.

Мы видѣли что реформа касавшаяся ограниченій тяготѣвшихъ надъ католиками была проведена не либеральною партіей, которая такъ энергически и послѣдовательно настаивала на ея необходимости, а партіей торійскою. И въ послѣдствіи многократно повторялось то же самое: консерваторы брали

Digitized by Google

въ свои руки разрѣшеніе задачъ надъ которыми сильно трудились либералы. Нельзя не считать этого явленія весьма благотворнымъ, ибо оно свидѣтельствовало всякій разъ, что не только приверженцы, но даже противники преобразованія приходили къ сознанію его необходимости, а можетъ ли что-нибудь служить лучшимъ залогомъ для успѣха какой бы то ни было реформы?

P.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

(1834 — 1850).

XIV.

Въ понедѣльникъ я снова сидѣлъ на моемъ департаментскомъ стулѣ, крытомъ, какъ и всѣ другіе стулья, зеленымъ сафьяномъ, и занимался усердно составленіемъ какой-то докладной записки о перетасовкѣ чуть ли не пятнадцати различныхъ чиновниковъ по разнымъ частямъ таможеннаго вѣдомства, какъ вдругъ предо мною предсталъ одинъ изъ расторопныхъ и словно ртутью наполненныхъ юркихъ департаментскихъ курьеровъ съ словами: „Пожалуйте къ господину директору.“ — Само собою разумѣется, застегнувъ форменный фракъ по горло,—я пошелъ корридоромъ, чтобы не шествовать по всѣмъ заламъ, и выйдя на главную площадку лѣстницы, отворилъ ту дверь надъ которою по зеленому фону красовалась золотая надпись: „Директорская пріемная“. Здѣсь я нашелъ нѣсколько просителей съ прошеніями въ рукахъ, а у стола между двухъ оконъ сидѣлъ и что-то записывалъ въ большую, такъ-называемую, „книгу дежурства“ уже не тотъ молоденькій дежурный котораго я видѣлъ на прошлой недѣлѣ, а другой,

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5й, 6й и 7й.

почти такой же юный, но не брюнетъ, а блондинъ, необыкновенно тщательно завитый и такъ ароматизированный самыми тонкими, французскими духами въ родѣ bouquet d'Angleterre что около него на пространствѣ сажени благоухало словно въ помадной лавкѣ. Покрой форменнаго фрака этого молодаго человѣка былъ что̀ ни есть модный изъ модныхъ и не вполнѣ согласный съ форменнымъ описаніемъ чиновничьей одежды, почему и не могъ быть застегнутъ по горло, а обнаруживалъ грудь покрытую батистовою манишкой, по которой стлались концы атласнаго галстука, укрѣпленнаго булавкой съ брильянтовою пылью. Этотъ франтъ писалъ въ палевыхъ лайковыхъ перчаткахъ безукоризненной свѣжести. Это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ канцеляристъ Адольфъ Ф., родной племянникъ одного тогдашняго моднаго парикмахера, который первый въ 1831 году произвелъ важную революцію въ петербургскомъ волосопричесываніи, назначивъ для стрижки и завивки (тогда почти всѣ завивались) цѣны крайне умѣренныя, по 50 к. асс. за каждую изъ этихъ процедуръ. Пріѣхавъ изъ Парижа, онъ нашелъ въ Петербургѣ роднаго племянника, этого Адольфа, только-что лишившагося отца. Племянникъ этотъ тогда только-что кончалъ курсъ въ какомъ-то модномъ французскомъ пансіонѣ, кажется Курнана, вмѣстѣ со многими сынками аристократіи русской. Дядюшка захотѣлъ эксплуатировать своего племянника, какъ знающаго русскій языкъ, и взялъ его въ свою парикмахерскую. Это положеніе было мальчику крайне не по вкусу, и, будучи ловокъ и пронырливъ, онъ чрезъ протекцію одного изъ бывшихъ своихъ пансіонскихъ не однокашниковъ, а односупниковъ, молодаго Арсеньева, родственника Дмитрія Гавриловича, нашелъ путь къ его превосходительству и съ перваго раза такъ умѣлъ ему понравиться что тотчасъ былъ зачисленъ въ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ высшаго оклада, то-есть 750 р., что̀ со всѣми аксиденціями и добавочными составляло 1.500 р. асс. въ годъ. Дядя, артистъ-парикмахеръ, пришелъ въ неистовый восторгъ оттого что его племянникъ носитъ форменный фракъ и сдѣлался un tchinovnik de l'Empire Russe, который не сегодня-завтра можетъ одворяниться и быть son excellence, что тотчасъ подарилъ Адольфу золотые часы съ цѣпочкой и брелоками и 300 р. асс. на экипировку. Изъ этой суммы канцелярскій Адольфъ Ф., будущій, въ своемъ воображеніи и въ воображеніи дяди, директоръ департамента,—изрядную часть употребилъ

Digitized by Google

на покупку духовъ и помадъ въ косметическомъ магазинѣ La Rénommée (Нев. пр. близь Дворц. площади).

Какъ только я вошелъ, этотъ фатъ, взглянувъ на меня въ лорнетъ, всталъ и подошелъ ко мнѣ съ протягиваемою ко мнѣ рукой, одѣтою въ перчатку, и со словами:

— Vous voudrez bien un peu attendre ici: son excellence est occupée avec votre chef de section, cet énorme orangoutang tout grelé de la petite vérole et amplement cravaté de blanc. *

Рука его не прикоснулась къ моей, потому что я ея ему не протянулъ, а напротивъ, заложилъ за бортъ моего форменнаго фрака, на французскія же его слова возразилъ по-русски:

— Вы, мосье Ф., хоть и русскій канцелярскій чиновникъ, да не знаете однако русскихъ пословицъ, изъ которыхъ одна къ вамъ теперь очень примѣнима: „Всякъ сверчокъ, знай свой шестокъ!"—И я васъ прошу не позволять себѣ этихъ школьныхъ фамильярностей со мною и этихъ нахальныхъ отзывовъ о такомъ почтенномъ человѣкѣ, каковъ Карлъ Ивановичъ Грошолфъ, ** мой начальникъ отдѣленія.

Французикъ покраснѣлъ и сказалъ по-русски запинаясь:

— Извините, я не зналъ что вы такъ стоите за monsieur Грошолфа; но, право, вѣдь самъ son excellence очень смѣется, когда я ему докладываю что l'orangoutang grelé пришелъ къ нему.

— Вы, я увѣренъ, заговорилъ я, возвышая голосъ,—позволяете теперь себѣ клеветать на самого господина директора, разказывая этотъ вздоръ.

Въ это самое время дверь отъ директорскаго кабинета отворилась. Изъ кабинета стремглавъ съ портфелемъ въ рукахъ вылетѣлъ и быстро зашагалъ по анфиладѣ залъ каррикатурный долговязый Грошолфъ, а вслѣдъ за нимъ показался Дмитрій Гавриловичъ, позвавшій меня.

Когда я вошелъ вслѣдъ за Дмитріемъ Гавриловичемъ въ директорскій кабинетъ,—онъ, остановясь посреди огромной этой комнаты и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

---

* Вы потрудитесь здѣсь немного подождать: его превосходительство занятъ съ вашимъ начальникомъ отдѣленія, съ этимъ огромнымъ орангутангомъ, такимъ рябымъ и который носитъ такой превысокій бѣлый галстукъ.

** О К. И. Грошолфѣ подробности въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ 1871 года *Русскаго Міра*.

Digitized by Google

— Очень радъ, г. Б., что могу окончательно поздравить васъ съ должностью равною должности столоначальника: вы назначаетесь на мѣсто Солоницына, подавшаго въ отставку по домашнимъ дѣламъ. Столъ въ которомъ вы теперь служите занимается, между прочимъ, увольненіемъ и опредѣленіемъ чиновниковъ по департаменту и по всему вѣдомству, такъ потрудитесь написать, по принятой формѣ, докладную о себѣ записку, да поскорѣе, потому что я черезъ полчаса ѣду, въ сопровожденіи начальниковъ отдѣленій, съ докладомъ къ министру.

— Ваше превосходительство, сказалъ я голосомъ въ которомъ звучало чувство,—я не нахожу словъ чтобы достойно благодарить васъ. Постараюсь усердною моею службой и строгою исполнительностью доказать на дѣлѣ, а не на словахъ, чувство моей признательности.

— Вѣрю, вѣрю, Б., вѣрю, потому что знаю вашу дѣятельную и усердную службу, говорилъ Бибиковъ съ оттѣнкомъ ласковости и удовольствія.—Но теперь спѣшите исполнить мое порученіе относительно вашего опредѣленія, я же займусь съ княземъ Львовымъ.

Дѣйствительно, въ дверяхъ я встрѣтился съ начальникомъ Iго отдѣленія княземъ Львовымъ, красивымъ, очень плотнымъ блондиномъ лѣтъ тридцати, входившимъ въ кабинетъ для доклада и поздоровавшимся со мною шопотомъ по-французски.

Возвратясь въ мой IV столъ, я тотчасъ, по извѣстной формѣ, составилъ докладную записку о моемъ опредѣленіи на мѣсто г. Солоницына, увольняемаго въ отставку, и отдалъ черновую, для переписки набѣло, канцеляристу Анненскому, считавшемуся лучшимъ каллиграфомъ изъ всего отдѣленія. Куда-то отлучавшійся столоначальникъ П. въ это время вошелъ въ комнату, и я поспѣшилъ ему сказать:

— Исполняя лично мнѣ данное господиномъ директоромъ приказаніе, я распорядился изготовить докладную записку о моемъ опредѣленіи помощникомъ правителя канцеляріи. Такимъ образомъ, мы разстаемся съ вами; но я надѣюсь что мы останемся съ вами попрежнему въ добрыхъ отношеніяхъ.

— Тутъ, замѣтилъ П., вытирая свое потное лицо, — должно-быть какое-нибудь недоразумѣніе или ошибка, потому что сейчасъ только Карлъ Ивановичъ былъ у господина директора и принесъ отъ него, подписанный его превосходительствомъ, докладъ объ опредѣленіи на это мѣсто молодаго также человѣка, но переходящаго къ намъ изъ министерства

Digitized by Google

иностранныхъ дѣлъ, камеръ-юнкера графа Аркадія Павловича Кутузова, сына бывшаго здѣшняго, послѣ графа Милорадовича, генералъ-губернатора, а о васъ нѣтъ нигдѣ ни полслова. Вотъ, не угодно ли вамъ взглянуть на этотъ докладъ?

И при этомъ онъ сунулъ мнѣ подъ носъ докладную записку, подписанную Бибиковымъ такъ недавно что и чернила его не успѣли высохнуть на ней. Очевидно было что когда Громолфъ давича при мнѣ выскакнулъ съ портфелемъ изъ кабинета Бибикова, онъ несъ докладную записку о назначеніи другаго на обѣщанное въ то время мнѣ мѣсто. Я сразу понялъ мистификацію; но не хотѣлъ оставлять Бибикова долго въ роли кота, забавляющагося пойманною имъ мышкой, почему, полный досады и не умѣя владѣть чувствомъ злобы, преисполнявшимъ меня въ эту минуту, я выхватилъ у писца начатое имъ каллиграфированіе и мою черновую и, изорвавъ то и другое въ мелкіе клочки, полетѣлъ въ директорскій кабинетъ, у дверей котораго встрѣтилъ я дежурнаго Ф., поправлявшаго гребешкомъ свои роскошные локоны.

— Директоръ одинъ? быстро спросилъ я Французика.

— Одинъ пока, отвѣчалъ Ф., — но я иду по его ордеру за monsieur Бакунинымъ.

Мигомъ, не дожидаясь доклада, я влетѣлъ въ кабинетъ Бибикова, который, взглянувъ на меня и читая на моемъ лицѣ досаду и злобу, видя мои горящіе глаза и трясущіяся губы, нахмурился и спросилъ:

— Что̀ вамъ угодно?

— Мнѣ угодно доложить вашему превосходительству, говорилъ я лихорадочною скороговоркой, — что, не дозволяя себѣ допустить малѣйшей мысли о какой-нибудь неприличной и недостойной мистификаціи, я однако вижу что сдѣлался жертвой какого-то непонятнаго недоразумѣнія по случаю моего опредѣленія на мѣсто помощника правителя канцеляріи департамента, потому что сію минуту столоначальникъ мой господинъ П. показалъ только-что подписанную вашимъ превосходительствомъ докладную записку объ опредѣленіи въ эту должность не меня, а камеръ-юнкера графа Кутузова, моего стариннаго пансіонскаго товарища, которому я желаю отъ всего сердца всего наилучшаго, а самъ долженъ покориться обстоятельствамъ и остаться помощникомъ столоначальника, какъ былъ.

— Ха! ха! ха! загрохоталъ Бибиковъ, кивая дружески головою на поклоны входившему съ обычнымъ ковыляньемъ хро-

Digitized by Google

моногому Бакунину, — вотъ ужъ точно что „старамъ сталамъ, глупамъ сталамъ“, какъ говорятъ Татары! Дѣвушкина же память у меня сдѣлалась! Все это еще отрыжки бородинскихъ ранъ! Я совсѣмъ и забылъ что за пять минутъ до того какъ говорилъ вамъ о вашемъ назначеніи, которое уже нѣсколько дней вертѣлось у меня въ головѣ, я подписалъ опредѣленіе графа Кутузова, о которомъ мнѣ покоя не давала наша почтеннѣйшая, Катринъ Сахаровна“,* желавшая тѣмъ угодить его матери. Mais ce qu'est retardé, n'est pas perdu;** а между тѣмъ вы, Б., все-таки предвкусите сейчасъ же всѣ сладости вожделѣннаго столоначальничества и будете имѣть возможность сказать вашей протекторшѣ mademoiselle Virginie Bourbier: me voila chef de bureau!*** Дѣло въ томъ что столоначальникъ вашего же отдѣленія Лапинъ завтра уѣзжаетъ въ двадцати осьми-дневный отпускъ. Карлъ Ивановичъ хотѣлъ назначить къ исправленію должности своего любимца Г—на; но я этого не хочу и назначаю васъ, почему прошу васъ сей же часъ присѣсть къ этому письменному столу, что у окна, гдѣ есть всѣ принадлежности письменности, и написать, по формѣ, мое распоряженіе объ этомъ по департаменту. Я подпишу, и вы сами потрудитесь отдать эту бумагу для исполненія Карлу Ивановичу, qui n'en sera pas aux anges, je le sais, mais enfin il faut bien, que ce bel homme s'exécute un peu.**** А я между тѣмъ покалякаю маленько съ Николаемъ Модестовичемъ.

Нечего было дѣлать и мнѣ, какъ „экзекютироваться“, по выраженію Бибикова, то-есть исполнять начальственную блажь, или выходить въ отставку, что было бы для меня равносильно гибели. Я присѣлъ къ столу, мнѣ указанному, и написалъ формальное распоряженіе директора департамента о порученіи мнѣ, такому-то, исправленія должности столоначальника Iго стола II отдѣленія, на время отсутствія въ 28дневный отпускъ

---

* Супруга графа Канкрина, Екатерина Захаровна, урожденная Муравьева-Апостолъ, которую своимъ нѣмецкимъ произношеніемъ ея супругъ величалъ „Катринъ Сахаровна“.

** Что запоздало, то не пропало.

*** Вотъ, я столоначальникъ.

**** Который не будетъ отъ этого въ восторгѣ, я это знаю; но что жъ дѣлать, надо чтобъ этотъ красавецъ мущина исполнилъ то что мнѣ угодно.

Digitized by Google

титулярнаго совѣтника Лапина, съ тѣмъ что ежели Лапинъ запоздалъ бы хоть однимъ днёмъ, то я остаюсь столоначальникомъ, а онъ причисляется „безъ жалованья“ къ департаменту. Само собою разумѣется что угроза эта должна была заставить господина Лапина возвратиться до истеченія сакраментальныхъ 28 дней. Какъ бы то ни было, я написалъ порученное мнѣ предложеніе начальнику II отдѣленія и подалъ Бибикову. Бибиковъ подписалъ бумагу, назвавъ меня „калифомъ на часъ“, и я отправился было съ нею къ Гротопфу, когда Бибиковъ остановилъ меня вопросомъ:

— А помните ли вы, Б., тотъ водевильный куплетъ который cousin или beau frère Бакунина, баронъ Ѳедоръ Корфъ, написалъ на Гротопфа?

— Куплетъ этотъ, отвѣчалъ я, былъ въ свое время, да и теперь еще остается, такъ характерно-вѣренъ истинѣ и такъ безобиденъ для почтеннѣйшаго моего начальника Карла Ивановича что я готовъ его всегда повторить, ваше пр—во.

— Ну прочтите его намъ теперь, продолжалъ Бибиковъ, поглаживая свои бакенбарды.

— Извольте, ваше пр—во, сказалъ я и прочелъ:

Признаться должно,—я пуристъ:
Люблю чтобъ въ изложеньи дѣла
Языкъ былъ ясенъ, простъ и чистъ,
А дѣло-бъ, такъ-сказать, кипѣло.
Дѣепричастья не терплю
И страхъ люблю я запятыя!...

— Ха! ха! ха! хохоталъ Бибиковъ,—запятыя—это его страсть. Чтобъ отнять у него возможность наставить запятыхъ на написанной вами и подписанной мною бумагѣ,—дайте мнѣ ее: я потѣшу его запятыми, чтобъ онъ пѣлъ себѣ:

И страхъ люблю я запятыя! запятыя! запятыя!...

Я подалъ ему эту бумагу, и онъ хохоча наставилъ на страницѣ дюжину запятыхъ огромнаго роста гдѣ попало.

— Il sera servi á merveille, * сказалъ онъ мнѣ, отдавая бумагу обратно.

Я представилъ приказаніе директора моему начальнику отдѣленія, объяснивъ ему вкратцѣ весь ходъ дѣла и настаивая на томъ что я вовсе не искалъ чести и удовольствія быть „калифомъ на часъ“, безъ копѣйки вознагражденія за это почти

*Мы вполнѣ угодимъ ему.

Digitized by Google

мѣсячное управленіе чужимъ столомъ. Карлъ Ивановичъ улыбнулся своею кисло-сладкою улыбкой и сказалъ:

— Съ завтрашняго утра садитесь въ столоначальничье кресло и переселяйтесь къ намъ на навоселье *.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, я видѣлся съ моею знакомой госпожей Ламе. Она мнѣ съ радостью объявила, поздравляя меня съ движеніемъ въ служебной карьерѣ, что ея подруга Virginie, то-есть Бурбье, говорила ей что свѣтлѣйшій видѣлъ снова Бибикова у Фикельмоновъ, и что le manchot (безрукій) объяснилъ князю о томъ что воля его, относительно молодаго человѣка которымъ онъ интересуется, исполнена: онъ сидитъ въ креслѣ столоначальника. Князь остался этимъ доволенъ и тотчасъ извѣстилъ Virginie, а она пбслѣшила передать ей, гжѣ Ламе, своей любезной Mélanie, восклицая: „Ce que femme veut, Dieu veut!“ (то-есть что̀ желаетъ женщина, то и Богъ желаетъ!). Я понялъ игру словъ Бибикова, который не лгалъ, говоря что я сижу въ креслѣ столоначальника; но только онъ не высказалъ всей сути этого 28дневнаго сидѣнья. Разказать этимъ бабочкамъ все какъ было значило заставить Бурбье расходиться, причемъ она не дорого бы взяла объяснить своему вельможному покровителю что его провели. Изъ этого могли бы быть для Бибикова, конечно, не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія въ придворномъ отношеніи; но онъ, независимо отъ этихъ отношеній, имѣлъ за собою давнишнее личное расположеніе самого государя и очень мало боялся закулисныхъ интригъ, хотя весьма многія назначенія дѣлалъ сообразуясь съ тѣмъ откуда вѣтеръ дуетъ.

Чтобы въ этомъ разказѣ о моемъ быломъ теперь же покончить разомъ съ воспоминаніями о службѣ моей подъ начальствомъ Д. Г. Бибикова, никогда не хотѣвшаго мнѣ простить того что я, 19го декабря 1832 года, дерзнулъ одинъ изъ всѣхъ его гостей, двадцатилѣтній юноша, не апплодировать зрѣлищу глумленія надъ несчастною иноземною дѣвочкой, скажу только что по возвращеніи г. Лапина изъ отпуска, я снова возвратился въ IV столъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя господину директору угодно было повторить со мною ту же

---

* Новосельемъ Гротгофъ въ этомъ случаѣ называлъ ту огромную залу въ которой онъ самъ засѣдалъ съ тремя столами: I, II и III, а IV столъ, самый многолюдный, находился въ особой комнатѣ рядомъ.

Digitized by Google

шуточку, поручивъ мнѣ написать докладную записку объ опредѣленіи меня столоначальникомъ консульскаго стола въ I отдѣленіи, на мѣсто камеръ-юнкера Д. Н. Баркова, назначеннаго членомъ Петербургской таможни. И опять вышла точь-въ-точь та же исторія, потому что какъ только я написалъ свою докладную записку и ее переписали, мнѣ предъявили подписанную Бибиковымъ записку объ опредѣленіи въ эту должность отставнаго гвардіи капитана Игнатьева, женатаго, помнится, на дочери генералъ-адъютанта Исленьева. Тогда только я уже не пошелъ къ Бибикову для объясненій, а просилъ начальника отдѣленія Гропопфа представить директору обѣ записки. Онъ перехерилъ мою двумя огромными крестами и написалъ на бѣломъ полѣ: „Это вышло по ошибкѣ; а Б. выдать не въ счетъ его содержанія и жалованья 500 р. асс. изъ экстраординарной суммы.“ По служебному порядку я долженъ былъ отправиться благодарить его превосходительство. Онъ, смѣясь, мнѣ сказалъ: „Ce qu'est rétardé, n'est pas perdu.“

Года полтора или почти два послѣ этого я прослужилъ подъ начальствомъ Дмитрія Гавриловича, и въ теченіе этого времени употреблялъ всѣ старанія не попадаться ему на глаза и такъ служить чтобъ онъ не могъ ни къ чему придраться. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно отъ нѣкоторыхъ лицъ къ нему приближенныхъ, и между прочимъ отъ весьма близкаго и интимнаго у него Николая Модестовича Бакунина, Бибиковъ, по появленіи моей статьи объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, которая имѣла послѣдствія для меня благопріятныя, какъ въ публикѣ, такъ и въ высшихъ сферахъ, доставивъ мнѣ довольно близкое знакомство съ Л. А. Перовскимъ, явно ко мнѣ благоволившимъ, нашелъ за лучшее оставлять меня въ покоѣ и почти какъ бы игнорировать, не отказывая однако моему ближайшему начальству въ исполненіи дѣлаемыхъ имъ о моей службѣ наградныхъ представленій.

Выше я уже сказалъ что въ концѣ сентября вышла изъ печати книга М. А. Байкова *Описаніе хозяйства удѣльныхъ имѣній*, за корректированіе и изданіе которой я получилъ ни съ того, ни съ сего 500 р. асс. Я намѣревался идти благодарить Льва Алексѣевича Перовскаго; но Матвѣй Андреевичъ сказалъ мнѣ что не стоило изъ-за этой „бездѣлицы“ безпокоить его превосходительство, тѣмъ болѣе что на праздникѣ юбилея Училища, 1го октября, я его увижу и тогда буду имѣть

Digitized by Google

случай поблагодарить. Не лишнее сказать что вся тогдашняя петербургская журналистика отозвалась о книгѣ этой великолѣпно: *Сѣверная Пчела*, *Вѣдомости С.-Петербургской Академіи Наукъ*, *Русскій Инвалидъ*, *Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, *Сынъ Отечества* и даже всегда готовая кусаться—*Библіотека для Чтенія*.

XV.

Такъ проходили дни за днями, пока наступилъ годовой юбилей Земледѣльческаго Училища, 1го октября 1834 года. Какъ это уже завелось однажды, я пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ къ самой всенощной; а потомъ провелъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ Байкова, присутствуя при его распоряженіяхъ къ слѣдующему дню и съ тѣмъ вмѣстѣ бесѣдуя съ нимъ. Когда всѣ докладчики, то-есть экономъ, смотрителя фермы и мастерскихъ старшій письмоводитель, дежурный учитель, дежурные сотскіе на слѣдующій день и пр. кончили свои донесенія и, получивъ инструкціи и „нарядъ", удалились съ поклонами начальнику и гостю и крестясь на образа, Байковъ, какъ всегда, заперъ дверь отдѣляющую кабинетъ отъ дежурной комнаты, огромную, необычайной толщины дубовую дверь, искусно лакированную. Затѣмъ онъ снялъ, какъ всегда, свой форменный сюртукъ и надѣлъ халатъ, сохраняя орденъ на шеѣ. И у насъ началась интимная бесѣда, состоявшая въ обмѣнѣ различныхъ мнѣній. Онъ прежде этого зналъ отъ меня всю исторію со столоначальничествомъ по случаю непрошенной протекціи Бурбье и, какъ тонкій политикъ, вполнѣ одобрилъ меня за то что я не хотѣлъ давать гласность этому случаю, могшему произвести непріятныя отношенія между свѣтлѣйшимъ княземъ и Бибиковымъ, отношенія жертвой которыхъ былъ бы всенепремѣнно никто иной какъ я, потому что, какъ выразился Байковъ: „Коли паны дерутся, у хлопцевъ чубы болятъ".

— Такъ какъ между мною и Львомъ Алексѣевичемъ, продолжалъ Байковъ,—нѣтъ никакихъ таинственностей, да и я вполнѣ увѣренъ въ его молчаливости и скромности, то желая какъ можно лучше васъ ему отрекомендовать и съ самой выгодной для васъ стороны васъ съ нимъ познакомить, чтобы привлечь его самое ласковое къ вамъ завтра вниманіе, я разказалъ ем

всю эту странную исторію. Ему очень полюбилась ваша осторожность, остановившая васъ отъ разказа юлкамъ всей сути дѣла. Скажу еще вамъ, В. П., что ежели бы вы были починовнѣе,—вѣдь вы только-что произведены въ коллежскіе секретари, кажется, такъ,—спустя нѣсколько времени, Левъ Алексѣевичъ не затруднился бы сперва сдѣлать васъ помощникомъ управляющаго какой-нибудь конторы; а вѣдь вы знаете что у насъ, благодаря общественной залашкѣ, управляющіе получаютъ отъ 10 до 15 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Помощники же, конечно, половину этого, и даже мѣстами, гдѣ не одинъ, а два помощника, и поменьше половины-то.

— Какъ мнѣ ни лестна такая служба, замѣтилъ я,—но мнѣ положительно невозможно бы было ее принять, по той причинѣ что я, по семейнымъ моимъ отношеніямъ, не могу оставлять Петербурга, а таскать съ собою мать и сестеръ не приходится.

— Зачѣмъ оставлять Петербургъ? воскликнулъ Байковъ.—И мнѣ, по чувству эгоизма, не хотѣлось бы васъ отпускать далеко: это дѣло поправимое, потому что Красносельская удѣльная контора подъ бокомъ, и мы могли бы, попрежнему, еженедѣльно видѣться, съ тою разницей что тогда не я посылалъ бы за В. П. мою тройку мохнатыхъ фермерскихъ обвенокъ; а В. П. жаловалъ бы къ намъ самъ въ собственномъ фаэтончикѣ на парѣ какихъ-нибудь двужилыхъ казанокъ, для которыхъ рейсъ въ 24 какихъ-нибудь версть плевое дѣло. Знаю, вы до доброѣзжихъ коней охочи больно, да и толкъ въ нихъ маракуете. Да, говоря объ этомъ, правда ли что этотъ проклятый хромой бѣсъ, Воейковъ, назвавшій въ своей эпиграммѣ Строева „Греча лѣвымъ глазомъ съ бѣльмомъ“, отзывается объ васъ не иначе, разумѣется, заглазно, какъ „Быстропишевъ Гречевъ форейторъ свѣтлокудрый“?...

— Правда, правда, засмѣялся я,—мнѣ про это сказывали добрые люди, но ни они, ни Воейковъ, какъ я ни просилъ, стишковъ его на меня мнѣ не показывали. Полагать надо что въ стишкахъ этихъ Воейковъ такъ мило обо мнѣ отзывается что опасается ихъ гласности, предоставляющей мнѣ право преслѣдовать его судомъ, хотя, конечно, я этимъ никогда бы не воспользовался изъ чувства самоуваженія. Но вѣдь Воейковъ, извѣстное дѣло, блудливъ какъ кошка и труcливъ какъ заяцъ, по пословицѣ. Это, впрочемъ, ему нисколько не мѣшаетъ на

Digitized by Google

своихъ пятничныхъ сходкахъ и въ своей еженедѣльной газетѣ, которую Гречъ называетъ *не дѣльною газетою*,—расхваливать меня словесно и печатно до того восторженно что мнѣ становится часто совѣстно, потому что гипербола въ похвалѣ мнѣ кажется сильнѣе брани. Впрочемъ, онъ лаетъ на весь міръ, и знаете ли,—падая въ прахъ предъ Львомъ Алексѣевичемъ, написалъ на его превосходительство недавно преглупыя вирши съ примѣсью ругательствъ.

— Знаете ли, съ какимъ-то восхищеніемъ заговорилъ Байковъ,—знаете ли что сообщеніе этой дурацкой эпиграммы Льву Алексѣевичу было бы весьма пріятно: онъ, подобно Фридриху Великому, любитъ и собираетъ всѣ пасквили и каррикатуры на себя и показываетъ ихъ охотно всѣмъ и каждому, очень хорошо и ловко понимая что ежели бы онъ старался все это скрывать, то это лишь давало бы пищу его неблагопріятелямъ. Теперь же этимъ маневромъ они совершенно обезоруживаются. Ради Бога, В. П., дорогой, доставьте мнѣ эти стихи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ежели они у васъ дома, и ваши домашнія знаютъ гдѣ ихъ найти у васъ, напишите цидулочку, и мы ее завтра рано утромъ пошлемъ.

— Зачѣмъ такія хлопоты, сказалъ я,—когда я знаю стихи эти наизусть? Воейковъ диктовалъ мнѣ ихъ не далѣе какъ вчера, въ пятницу вечеромъ, у себя. Человѣкъ восемь заразъ ихъ списывали. Берите, Матвѣй Андреевичъ, карандашъ и потрудитесь писать подъ мой диктантъ. И я продиктовалъ:

Вотъ Перовскій!—Безпрестанно
Онъ коверкаетъ лицо:
Кошкой, волкомъ, обезьяной;
То свернется весь въ кольцо и т. д.

— Ха! ха! ха!, хохоталъ Байковъ, повторяя: „Кошкой, волкомъ, обезьяной“! Эхъ, вретъ хромой чортъ! Онъ положительно никакой самомалѣйшей черты Льва Алексѣевича, болванъ, не знаетъ. Тѣмъ больше Левъ Алексѣевичъ будетъ этому смѣяться и, увѣряю васъ, завтра за обѣдомъ, которымъ его превосходительство всѣхъ насъ угоститъ, помяните мое слово, будетъ читать эти стихи, и подчиненные наперерывъ будутъ ихъ списывать. Вотъ каковъ нашъ Левъ Алексѣевичъ! Онъ истый левъ высокостью чувствъ и топчетъ въ грязь всякую фальшь и нечистоту.

Digitized by Google

Однажды верхомъ на темѣ восхваленія начальства, Байковъ былъ многорѣчивъ, почему потокъ блестящихъ фразъ въ честь Перовскаго полился у него какъ дождь въ проливень; но онъ говорилъ для невидимыхъ духовъ, потому что я, подъ звуки его голоса, заснулъ крѣпко и проснулся только поутру въ 8 часовъ 1го октября 1864 года, въ великій день празднованія училищемъ своего первогодняго юбилея.

Читатель, вѣроятно, не забылъ еще сдѣланнаго мною описанія праздника бывшаго въ училищѣ 22го августа, въ день коронаціи. Празднество 1го октября, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, было такое же.

Чтобы не повторяться, что̀ очень скучно, скажу только о томъ что̀ составляло особенности этого дня, къ которому приглашены были Байковымъ, по полученіи на то согласія Льва Алексѣевича, новые его знакомые: Николай Ивановичъ Гречъ и Иванъ Никитичъ Скобелевъ; но ни тотъ, ни другой не были по причинамъ помѣшавшимъ имъ и изложеннымъ ими въ ихъ запискахъ на имя Байкова. Вотъ записка Греча:

„За одно изъ величайшихъ удовольствій счелъ бы я, многоуважаемый Матвѣй Андреевичъ, быть у васъ на вашемъ юбилейномъ завтрашнемъ праздникѣ и лично поблагодарить его превосходительство Льва Алексѣевича за великую мысль его— создать это Удѣльное Земледѣльческое Училище, для управленія которымъ онъ геніально умѣлъ избрать самаго способнаго изъ всего Россійскаго царства человѣка; но, увы! пренесносный флюсъ, въ сущности котораго можетъ васъ удостовѣрить общій нашъ юный другъ, Быстро̀пишевъ,—лишаетъ меня возможности, къ горю моему, исполнить это мое сердечнѣйшее желаніе. Прошу“ и т. д.

Цидула Скобелева, писанная писарскою рукой, гласила такъ:

„Надобно же, чтобъ, словно нарочно, первое октября, день Покрова Пресвятыя Богородицы, пришелся въ воскресенье, то-есть когда у меня, урода-инвалида, собираются други и пріятели, по обычаю давнишнему; да еще на этотъ разъ у меня приходскій праздникъ въ двухъ селахъ моей бабы, изъ которой, какъ вамъ, другъ любезный, извѣстно, трехъ капральскихъ выкроить можно. Мало этого всего: назвался ко мнѣ на щи съ пирогомъ нашъ рязанскій губернскій предводитель, въ столицѣ пребывающій. И по всѣмъ симъ (или по Брамбеусу „этимъ“) резонамъ ни коимъ образомъ у васъ сего числа, къ горю моему, быть не могу, о чемъ скорблю всѣмъ сердцемъ.“

Digitized by Google

Поутру 1го октября, Матвѣй Андреевичъ явился въ церковь вмѣстѣ со мною. Онъ былъ въ мундирѣ при шпагѣ и треугольной шляпѣ съ витою золотою кокардой, а я въ форменномъ фракѣ своего вѣдомства, новенькомъ съ иголочки, и бѣломъ форменномъ же жилетѣ тоже съ золотыми гербовыми пуговицами и со складною шляпой клакъ. Все это было привезено мною въ особомъ чемоданчикѣ наканунѣ. Еще Евангеліе не было прочитано, когда въ залу вошелъ дежурный сотскій и доложилъ шепотомъ Байкову что господинъ вице-президентъ со свитою ѣдетъ. Байковъ перекрестился и вышелъ для встрѣчи его превосходительства, который вскорѣ вошелъ, сопутствуемый Байковымъ и многочисленною свитой, состоявшею изъ членовъ департамента удѣловъ, нѣсколькихъ управляющихъ удѣльными конторами и чиновниковъ какъ особыхъ порученій, такъ состоящихъ въ распоряженіи министра удѣловъ. Всѣ эти господа были въ мундирахъ, блестящихъ золотымъ шитьемъ на воротникахъ, обшлагахъ и у иныхъ на карманахъ; всѣ имѣли ордена, а на нѣкоторыхъ членахъ, гг. Ященкѣ и Мавринѣ, были красныя ленты и звѣзды. Изъ числа плеяды франтоватыхъ чиновниковъ въ распоряженіи министра было нѣсколько камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, въ мундирахъ покрытыхъ золотыми галунами и въ бѣлыхъ панталонахъ съ золотыми лампасами. Самъ вице-президентъ былъ въ форменномъ фракѣ съ золотымъ ключомъ на голубомъ бантѣ у поясницы, какъ водится, въ синей лентѣ Бѣлаго Орла по бѣлому жилету подъ фракомъ, грудь котораго съ обѣихъ сторонъ покрыта была звѣздами. Я Льва Алексѣевича до этого раза видѣлъ всего только разъ у его сестры Марьи Алексѣевны, гдѣ онъ при гостяхъ никогда не бывалъ, одну минутку мелькомъ, и никогда не бывалъ еще ему представленъ. Это былъ худощавый, красиво сложенный, прямо и гордо державшійся человѣкъ средняго роста, въ очкахъ и сильно завитомъ каштановомъ парикѣ, худобы въ лицѣ почти скелетообразной, желтоватый съ небольшими бакенбардами, шедшими ко рту, и съ свѣтло-сѣрыми умными и довольно живыми глазами, которые уперлись въ алтарь, на который, стоя почти одинъ совершенно впереди, онъ крестился, когда слѣдовало креститься. Около локтя правой его руки стоялъ Байковъ и съ обычною нѣжною улыбкой шепотомъ отвѣчалъ, отъ времени до времени, на вопросы, повидимому, дѣлаемые ему Перовскимъ безъ поворачиванія головы. Вся свита стояла

Digitized by Google

поодаль немного, ленты и звѣзды впереди. Эти господа и-гда на меня поглядывали, и одинъ изъ камеръ-юнкеровъ, к-кой-то графъ, какъ я послѣ узналъ, счелъ за нужное ко мн приблизиться и, разсматривая мои гербовыя пуговицы в лорнетъ, шепотомъ спросилъ: „министерства государственны имуществъ“? Шепотомъ же я отвѣтилъ ему: „министерств финансовъ“.—„У графа Канкрина въ собственной канцеляріи?“—„Въ департаментѣ внѣшней торговли“.—„У Дмитрі Гавриловича?“—„Да-съ“.—„У васъ такія же пуговицы, ка въ министерствѣ графа Киселева“.—„У насъ только матов съ рельефнымъ орломъ; а у нихъ гладкія съ такимъ же о-ломъ“.—„А, вотъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ не орелъ, а Вы-чайшій вензель русскою буквой; у насъ же придворныхъ вензель же „французскою“ (онъ хотѣлъ сказать—латинскою) бу-вой“.—Мнѣ надоѣло шептаться о пустякахъ съ этимъ бар-номъ, и я, пользуясь выходомъ съ дарами, сталъ усердно м-литься, что̀ и онъ исполнилъ, отойдя къ своимъ и разказыв-имъ шепотомъ, вѣроятно, о мѣстѣ моего служенія.

Предъ концомъ литургіи, священникъ и законоучитель за-денія отецъ Игнатій Спасскій сказалъ превосходную пропов по случаю годичнаго юбилея, и въ этой рѣчи, зная что Л Алексѣевичъ не терпитъ воззваній къ своей особѣ, постоя-но только упоминалъ о свѣтлѣйшемъ начальствѣ, благотвор-щемъ училищу и споспѣшествующемъ земледѣлію, а чрезъ т и благоденствію всей Россіи.

Когда служба совершенно кончилась, то священникъ, сопр-ствуемый церковнымъ старостой Козьминымъ, несшимъ огро-ное блюдо съ просвирами, одѣлилъ ими всѣхъ кого толь-могъ, начавъ, разумѣется, съ Л. А. Перовскаго, которому по-далъ просвиру не рукой, какъ другимъ, а на позолоченной та-релочкѣ, которую держалъ спеціально для его превосходител-ства. И его превосходительство сказалъ:

— Благодарю васъ, батюшка, за проповѣдь и особенно за то что меня не коснулись.

Священнослужитель, покраснѣвъ какъ ракъ и потирая боро-ду, вполголоса объяснилъ что господинъ директоръ не прика-залъ.

— Господинъ директоръ, продолжалъ Левъ Алексѣевичъ,— прекрасно сдѣлалъ: не въ словахъ дѣло, батюшка.

— Никакія слова, ваше превосходительство, хотя бы они истекали изъ устъ такихъ витій, каковы высокопреосвяще-

Digitized by Google

нѣйшіе Платонъ и нашъ Иннокентій златоустый, не достаточно сильны для достойнаго прославленія дѣлъ вашего превосходительства, озаряющихъ благотворнымъ свѣтомъ своимъ нашъ воспитательный вертоградъ, вашими попеченіями....

— Довольно, батюшка, нахмуривъ брови сказалъ Перовскій; а въ этотъ моментъ Байковъ металъ стрѣлы изъ глазъ на обомлѣвшаго пастыря, только-что разболтавшагося. — Пожалуйте мнѣ ваше благословеніе, продолжалъ Перовскій, дѣлая видъ что принимаетъ благословеніе и шепча:—Держите языкъ за зубами, батюшка!

Вслѣдъ за симъ Левъ Алексѣевичъ ласково обратился къ семейству Байкова и спросилъ его, помнится, осьмилѣтняго, сынка Андрюшу:

— А что̀, на слѣдующій годъ выучишься пахать удѣльнымъ плужкомъ? *

Пришла и моя очередь быть. представленнымъ Льву Алексѣевичу. Ласковость и учтивость его превзошли мои ожиданія; онъ довольно долго держалъ меня за руку и говорилъ что читалъ и читаетъ постоянно всѣ мои статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*, выражалъ благодарность за то что я, повидимому, такъ полюбилъ это заведеніе, что бываю здѣсь еженедѣльно, предпочитая это скромное мѣсто петербургской свѣтской жизни. Онъ закончилъ свои любезности уже французскими словами: „Vous êtes une espece de phénomène, mon cher monsieur, et je suis fort aise de faire votre connaissance, tout en vous remerciant beaucoup pour la peine, que vous avez bien voulu prendre, en soignant la rédaction et l'édition du livre de m-r Baikoff.“ **

— C'est à moi de remercier Votre Excelence, сказалъ я,—pour la largesse avec la quelle vous avez bien voulu honorer mes faibles labeurs. ***

---

* Удѣльнымъ плужкомъ назывался въ училищѣ плугъ въ родѣ сохи, придуманный тремя воспитанниками: Овчинниковымъ, Петусовымъ и Сергѣевымъ. Плужокъ этотъ, поясненный рисункомъ, подробно описанъ въ книгѣ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*. Спб. 1839 года, на 85—87 стр.

** Вы феноменъ въ своемъ родѣ, и я очень радъ съ вами познакомиться, очень благодарю васъ за трудъ вами принятый для редакціи и изданія книги г. Байкова.

*** Мнѣ должно благодарить ваше превосходительство за ту щедрость съ какою вамъ угодно было вазнаградить мои слабые труды.

Digitized by Google

Ласковое пожатіе руки и легкій поклонъ были мнѣ отвѣто почти на ходу, потому что онъ и всѣ за нимъ двинулись въ сто вую, гдѣ Левъ Алексѣевичъ пробовалъ прямо изъ чашекъ пре ходныя щи со свининой и со сметаной, изъ собственныхъ лищныхъ матеріаловъ, равно какъ пироги съ мясомъ и ку жареную баранину съ свѣжепросольными огурцами и залека въ тѣстѣ, облитыя топленымъ медомъ, яблоки. Онъ все хвал да и, правду сказать, все было превосходно, хоть пальчик лизать. Вся свита его пр—ва, разумѣется, усердно пробо пищу и хвалила съ подобострастнымъ восхищеніемъ. тотъ камеръ-юнкеръ который мучалъ меня волросами потомъ во время церковной службы, ѣлъ всего такъ что Левъ Алексѣевичъ замѣтилъ этотъ аппетитъ, движи чувствомъ подчиненности и желаніемъ подслужиться, и сказ

— Графъ! Что вы дѣлаете! Вы такимъ образомъ такъ шаетесь что будете не въ состояніи дѣлать честь моему об А скажу вамъ что мой Французъ увѣрялъ меня давича что сегодня превзошелъ самого себя для радостнаго дня юбиле въ особенности развернулся надъ какимъ-то жаренымъ фа номъ по-черкески, какъ онъ увѣряетъ.

Въ столовой Левъ Алексѣевичъ сказалъ нѣсколько прив ливыхъ словъ воспитанникамъ, благодаря ихъ за этотъ год возлагая надежды на слѣдующіе годы. Въ отвѣтъ на это питанники гаркнули обычное: „Ради стараться, ваше пр—во Потомъ Левъ Алексѣевичъ сказалъ имъ что сегодня у кромѣ иллюминаціи и фейерверка, будетъ вдоволь сбит сладкихъ пироговъ, орѣховъ, маковниковъ, яблоковъ, ды арбузовъ, пряниковъ и всякихъ лакомствъ. Пусть они гуляю толпами и поютъ пѣсни, пляшутъ съ музыкой и качаются качеляхъ. А для тѣхъ которые скорѣе и ловчѣе другихъ вл зутъ на шесты, его пр—вомъ приготовлены подарки: шелковы платки, запонки, опояски, павлиныя перья на шляпы и разны книжки съ пестрыми и яркими картинками. Предъ фейервер комъ же фокусникъ покажетъ имъ китайскія тѣни и фант смагорію въ залѣ, куда самъ его пр—во пожалуетъ съ го тями.

Этотъ разказъ господина вице-президента имѣлъ отвѣ томъ громовое: „Благодаримъ покорно, ваше пр—во!“ провоз глашенное первою смѣной обѣдавшихъ и повторенное на дворѣ второю смѣной, собравшеюся тутъ въ ожиданіи обѣда.

Послѣ этого Левъ Алексѣевичъ, сопутствуемый директо ромъ и всею свитой, обошелъ бо́льшую часть заведенія и осма-

Digitized by Google

тривалъ окончательныя постройки фермы, обѣщая что скоро вмѣсто холмогорскихъ и сумскихъ коровъ здѣсь явится скотъ высшихъ породъ изъ Англіи, Швейцаріи, Тироля, Венгріи и пр. Байковъ разсыпался въ разказахъ и объясненіяхъ и такъ увлекался что ходилъ въ одномъ мундирѣ, подъ которымъ однако имѣлъ шерстяную фуфайку, потому что день былъ хотя и солнечный, но съ первымъ морозцемъ, заставившимъ всѣхъ надѣть шинели, плащи и ватные сюртуки. О пальто, пледахъ и прочихъ нынѣшнихъ верхнихъ костюмахъ тогда еще никто и въ помышленіи не имѣлъ. Во время обхода заведенія всѣмъ обществомъ, вездѣ встрѣчались воспитанники, изъ которыхъ многихъ Левъ Алексѣевичъ зналъ и называлъ по ихъ фамиліямъ, привѣтливо съ ними разговаривая, что̀ распространяло общее удовольствіе и производило радостныя улыбки на лицахъ крестьянской молодежи, имѣвшей видъ почтительный, но вмѣстѣ смѣлый и довольный. Во многихъ мѣстахъ раздавались пѣсни, въ другихъ разносились звуки рожка и балалайки. Обходъ заключился сельскимъ домикомъ, гдѣ приготовленъ былъ изящный легкій завтракъ, составленный отчасти изъ произведеній рукъ красавца Лебедева, съ которымъ очень любезно обращались всѣ гости, особенно когда узнали что онъ удостоился особеннаго вниманія знаменитой Виржини Бурбье. Левъ Алексѣевичъ заставилъ юношу разсказать исторію булавки съ жемчужиной. Тутъ же и я былъ выведенъ на сцену, какъ тотъ blond jeune homme (бѣлокурый юноша) о которомъ Бурбье упоминала своимъ юнымъ поклонникамъ, какъ о любезномъ чичероне de l'école agricole. По окончаніи завтрака, когда подавъ былъ кофе, Левъ Алексѣевичъ закурилъ свой наргиле, а другіе сигары и пахитосы, разумѣется изъ числа немногихъ курильщиковъ,—Байковъ, пользуясь минутами сіесты, испросилъ позволеніе прочесть свой годичный отчетъ, который былъ такъ простъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто изложенъ что хотя несомнѣнно онъ прошелъ чрезъ горнило кабинета вице-президента, послѣдній сдѣлалъ видъ что впервые его слышитъ и, призвавъ къ себѣ Матвѣя Андреевича, обнялъ и поцѣловалъ его, что̀ повторили всѣ члены департамента звѣздоносцы. Отдохнувъ нѣсколько, Левъ Алексѣевичъ, неутомимый какъ всегда, потащилъ все общество на большой дворъ, смотрѣть на игры воспитанниковъ, качавшихся на качеляхъ, пѣвшихъ русскія пѣсни, плясавшихъ и лазившихъ на шесты за подарками.

Digitized by Google

Потомъ раздался призывный звонъ, на который сбѣжал[illegible] все заведеніе, и тогда появился экономъ Малаховъ, безъ [illegible]лы въ вицмундирѣ, окруженный учителями, надзирате[illegible] и старшими изъ воспитанниковъ. Все это предшеств[illegible] огромную фуру, покрытую вѣнками изъ колосьевъ съ осен[illegible] цвѣтами, и изъ фуры этой, словно изъ рога козы Амал[illegible] древности, потекли рѣки всевозможныхъ лакомствъ, мгнов[illegible] переходившихъ въ шляпы и въ залазухи воспитанниковъ. З[illegible] тѣмъ директоръ доложилъ начальнику о томъ что прика[illegible] ли его превосходительство дать „мальчикамъ“ сбитень, и [illegible] превосходительство разрѣшилъ раздачу сбитня у крыльца ст[illegible]ловой; но съ тѣмъ чтобы воспитанники пили его сидя. [illegible] исполненія этого приказанія, воспитанники разбѣжались [illegible] спальнямъ и принесли отдуда табуреты, каждый съ сво[illegible] нумеромъ. Табуреты эти и маленькіе столики они разстав[illegible] полумѣсяцемъ вокругъ крыльца столовой, гдѣ явились огр[illegible]ные шипящіе самовары съ превкуснымъ сбитнемъ, а на [illegible]кахъ сладкіе пироги и кругомъ пирамиды деревянныхъ [illegible]шекъ. Вице-президентъ и всѣ мы, сколько насъ было, люб[illegible]бовали сбитень, помочивъ имъ себѣ губы, и начался пиръ [illegible]рокій, угощеніе на славу.

— Кушайте во здравіе, ребята! крикнулъ нѣсколько хри[illegible] Левъ Алексѣевичъ, и раздалось громчайшее:

— Благодаримъ премного, ваше превосходительство!

Эти 200—300 молодцовъ орали чуть ли не громче иного [illegible]ка, какъ замѣтилъ одинъ изъ гостей, г. Бестужевъ, нѣкогд[illegible] уланскій офицеръ, а теперь управляющій Нижегородскою удѣ[illegible]ною конторой, человѣкъ очень умный и дѣльный, который былъ, къ удовольствію моему, моимъ сосѣдомъ за обѣдомъ; [illegible] съ другой стороны у меня вуазеномъ былъ тотъ графчикъ который надоѣлъ мнѣ въ церкви и который, изъ угожденія на[illegible]чальству, готовъ былъ испортить себѣ желудокъ, въ видах[illegible] служебныхъ. Впрочемъ, онъ ѣлъ съ увлеченіемъ и въ особен[illegible]ности расхваливалъ жаркое, именно фазана à la cèrcassienne, съ широкимъ золотистымъ хвостомъ, спускавшимся съ блюда. Этотъ золотой джентльменчикъ, во время обѣда, закидывал[illegible] меня вопросами о Бурбье и десять разъ чокался со мною за ея здоровье.

Празднество имѣло все то о чемъ упоминалъ въ столовой его превосходительство, уѣхавшій вмѣстѣ со всею своею свитой въ одиннадцать часовъ; и всѣ были довольны, въ особенности

Digitized by Google

Байковъ, узнавшій о будущемъ назначеніи ему годоваго оклада и новаго ордена на шею. Онъ проводилъ меня напоминаніемъ о томъ что теперь время писать статью, которая, какъ написанная мною уже давно,—явилась къ нему 3го октября, въ видѣ довольно толстой тетради съ полемъ въ половину страницы, причемъ я просилъ его не церемониться, херить, какъ ему угодно; но дополнить разными техническими подробностями, которыя для меня неуловимы еще были. Въ слѣдующую субботу я нашелъ статью мою у Матвѣя Андреевича, нигдѣ не похеренную; но дополненную множествомъ такихъ спеціально земледѣльческихъ подробностей что я самъ никогда бы съ ними не справился; теперь же статья принимала такой дѣльный характеръ что подъ нею могъ бы подписать свое имя, не страшась компрометтировки, всякій гораздо болѣе меня опытный и заслуженный литераторъ. Байковъ просилъ меня позволить ему перебѣлить статью эту училищнымъ писарямъ его, для предварительнаго представленія Льву Алексѣевичу. У этого строгаго цензора статья пробыла нѣсколько дней и потомъ доставлена была мною Гречу, который, бѣгло пролистывая ее, очень хвалилъ за любопытныя подробности; но выговаривалъ мнѣ за уступки мои въ орѳографіи Брамбеусу и объявилъ что всѣ „эти“ замѣнитъ „православными *сіи*“ и такъ далѣе. Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1834 года, статья моя увидѣла свѣтъ въ №№ 257, 258, 259, 260, 261, 262 и 263 *Сѣверной Пчелы*. Вотъ эта статья вся какъ она была напечатана за 38 лѣтъ предъ симъ.

Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Въ 25й день сентября 1827 года, состоялся Высочайшій указъ о заведеніи въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной запашки полей для наполненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Указомъ симъ опредѣлена вся важность значенія смотрителя общественной запашки полей; въ должность сію избираются нынѣ самые честные и благонамѣренные люди, получающіе въ вѣдѣніе свое участокъ заключающій въ себѣ отъ $1^1/_{16}$ до $1^1/_{32}$ пахатной земли во владѣніи отъ 500 до 1.000 душъ, и имѣющіе въ виду введеніе на земляхъ принадлежащихъ къ общественной запашкѣ способа улучшеннаго земледѣлія; сборъ же съ сихъ земель предназначенъ для пополненія запасныхъ магазиновъ, съ тѣмъ чтобы суммы выручаемыя продажею излишняго хлѣба, обращаясь къ кредитнымъ установленіямъ, составляли особый капиталъ, назначенный между прочимъ на полезныя для крестьянъ заведенія. Поля эти раздѣлены на участки, числомъ до

Digitized by Google

836. Учрежденіе сіе увѣнчалось успѣхомъ: нынѣ магазины удѣльныхъ имѣній полны запасовъ, достаточно обезпечивающихъ крестьянъ на случай неурожая, и капиталъ пріобрѣтаемый продажею избытковъ возросъ въ три года до 2 милліоновъ руб. сер. Такая значительность сего капитала и постоянное приращеніе его съ каждымъ годомъ представили возможность, согласно Высочайшей волѣ, сдѣлать изъ онаго полезное для крестьянъ употребленіе, то-есть обратить его на усовершенствованіе хлѣбопашества; въ семъ предположеніи учреждено С.-Петербургское Удѣльное Земледѣльческое Училище для образованія 250 крестьянскихъ мальчиковъ, могущихъ быть со временемъ отлично хорошими смотрителями общественной запашки. Нельзя было сдѣлать изъ хлѣбнаго капитала лучшаго употребленія, ибо будучи обращенъ на сей предметъ, кромѣ прямаго дѣйствія на благосостояніе крестьянъ, онъ подаетъ возможность къ извлеченію значительнѣйшихъ доходовъ отъ общественной запашки. Примѣръ удѣльныхъ крестьянъ, подѣйствовавъ на поселянъ другихъ вѣдомствъ, будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на экономію всего государства.* Желательно чтобы казенные и большею частію помѣщичьи крестьяне сдѣлались столь же избыточны, какъ и удѣльные. Въ 15й день мая 1832 года, по всеподданнѣйшему докладу господина министра Императорскаго Двора и удѣловъ, учрежденіе сего училища Высочайше утверждено; въ сентябрѣ 1833 года были привезены мальчики, октября 1го училище возымѣло дѣйствіе, а нынѣ, ровно черезъ годъ, мы платимъ оному дань удивленія, не чуждаго чувства любви ко всему своему родному, русскому. Посѣщавъ неоднократно заведеніе сіе, находящееся на второй верстѣ отъ новой Выборгской заставы, по Парголовской дорогѣ, я обязанностію считаю передать публикѣ плоды моихъ наблюденій: можетъ-быть иные добросовѣстные помѣщики извлекутъ изъ этого какую-нибудь пользу.

Удѣльное Земледѣльческое Училище состоитъ изъ 250 крестьянскихъ мальчиковъ, выбранныхъ съ великою тщательностію изъ крестьянскихъ дѣтей удѣльныхъ имѣній, разсѣянныхъ въ 30 различныхъ, какъ по климату и почвѣ земли, такъ и по образу жизни земледѣльца, губерніяхъ. При избраніи мальчиковъ наблюдается правило чтобъ избираемые были не моложе 16 лѣтъ, и не старѣе 19 лѣтъ; имѣли здоровое и крѣпкое сложеніе, равно какъ признаки природной или прививной оспы, и особенно чтобы были хорошей нравственности, одарены понятливостью и принадлежали къ семействамъ честнаго поведенія. По вступленіи воспитанниковъ въ училище, опредѣляется

* Къ сожалѣнію это были одни слова и фразы: примѣры эти нисколько не подѣйствовали на сосѣднія казенныя и помѣщичьи имѣнія. Впрочемъ нельзя не сказать что нѣкоторые помѣщики, усмотрѣвъ личную свою выгоду во введеніи общественной, названной ими „мірскою“, запашки, учредили у себя этотъ способъ хозяйствованія, кое-гдѣ вкоренившійся. *Пр. м. Петерб. стар. жила 38 лѣтъ спустя по напечатаніи этой статьи.*

Digitized by Google

нѣкоторое время для узнанія способности и нравственности ихъ, и по истеченіи сего времени оказавшіеся тупыми отсылаются обратно на счетъ управляющихъ конторами, по выбору коихъ они присланы были, а признанные неблагонадежными по дурному поведенію и непохвальнымъ склонностямъ, отсылаются на счетъ старшинъ и крестьянъ которые ихъ одобрили. Вы можете себѣ представить какъ трудно послѣ этого чтобы между воспитанниками этого заведенія были негодяи или глупцы; рѣшительно можно сказать что нѣтъ ни одного: онъ не былъ бы терпимъ въ училищѣ. Цвѣтущій здоровьемъ видъ воспитанниковъ свидѣтельствуетъ о чистотѣ ихъ нравовъ, а умные отвѣты доказываютъ ихъ природныя способности, мудро и тщательно развиваемыя знающими руководителями, полными любви и расположенія къ этому истинно прекрасному предмету. Земледѣльческое Училище дѣлится на три класса: низшій, средній и высшій. Въ первомъ предметы теоретическаго преподаванія суть: чтеніе, письмо, четыре первыхъ правила ариѳметики съ употребленіемъ счетовъ, краткій катихизисъ и краткая священная исторія. Чтеніе, письмо и ариѳметика здѣсь преподаются по методѣ Ланкастерской. Въ среднемъ или во второмъ, равно какъ въ высшемъ или въ третьемъ преподаются: русская грамматика (практическая), чистописаніе, пространный катихизисъ и священная исторія, окончаніе ариѳметики и теорія хлѣбопашества, примѣненная къ практикѣ, часть механики съ примѣненіемъ оной къ постройкѣ мельницъ и ветеринарное искусство въ такой степени, сколько оное необходимо въ хозяйствѣ и возможно въ употребленіи при скудныхъ средствахъ крестьянина. Сверхъ сего воспитанники всѣхъ трехъ классовъ обучаются всѣ вообще всѣмъ тѣмъ ремесламъ познаніе коихъ необходимо для устройства земледѣльческихъ орудій и вообще для семейнаго крестьянскаго быта, такъ что здѣсь воспитанникъ знаетъ и покрыть кровлю, и выконопатить домъ и поставить печку, и стачать сапогъ и сварить кашу и щи, и спечь хлѣбъ и содержать лошадь и пр. Однако какъ главная цѣль заведенія сего состоитъ въ практическомъ изученіи средствъ клонящихся къ улучшенію хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства, то въ лѣтнее время воспитанники преимущественно занимаются полевыми работами, зимнее же время посвящается наиболѣе классному обученію. Курсъ ученія полагается четыре года, съ назначеніемъ для низшаго и средняго классовъ по одному году, а для высшаго два года. Сверхъ того назначается еще два года для практическихъ занятій на фермѣ. Впрочемъ, ежели воспитанники не пріобрѣли въ продолженіе шести лѣтъ надлежащихъ свѣдѣній для исполненія съ честью должности смотрителя общественной запашки, то остаются въ училищѣ и долѣе этого срока. По выпускѣ воспитанниковъ изъ заведенія, вакансіи ихъ замѣщаются другими мальчиками, привозимыми изъ волостей и поступающими въ низшій классъ. Всѣ воспитанники одѣты въ сѣрые кафтаны

Digitized by Google

и опоясаны зелеными кушаками; старшіе изъ нихъ носятъ кафтаны темно-зеленаго сукна, съ красными кушаками. Эти старшіе служатъ примѣромъ для прочихъ, имѣютъ сильное вліяніе на товарищей, которымъ стараются внушать чувство благороднаго соревнованія и располагать ихъ къ тому чтобы также сдѣлаться достойными зеленаго кафтана и краснаго кушака. При вліяніи этого духа, скоро все училище будетъ одѣто въ зеленые кафтаны съ красными кушаками и тогда должно будетъ придумать новыя средства для возбужденія соревнованія. Кажется что красная рубаха съ галуномъ, галунъ на шляпу, суть столько же отличій, могущихъ служить цѣлью для благороднаго честолюбія селянина. Награды здѣсь назначаемыя слѣдующія: похвала при товарищахъ, занятіе первыхъ мѣстъ въ классѣ, за столомъ и въ комнатахъ, написаніе имени отличившихся на особой доскѣ и разные подарки книгами, примѣненными къ крестьянскому быту и раздаваемыми при общихъ годичныхъ испытаніяхъ, происходящихъ въ присутствіи г. вице-президента департамента удѣловъ. Наказанія: выговоръ при прочихъ воспитанникахъ, оставленіе безъ обѣда, стояніе на колѣняхъ, написаніе имени на штрафной доскѣ, оставленіе въ свободные отъ ученія часы взаперти и наконецъ допускается и тѣлесное наказаніе, въ случаѣ неуспѣшности всѣхъ вышеозначенныхъ исправительныхъ мѣръ. Вообще замѣтна умѣренность и кротость въ обхожденіи съ воспитанниками. И въ уставѣ даже сказано чтобы надзиратели, избираемые изъ нижнихъ чиновъ воинскихъ, были непремѣнно, кромѣ хорошей нравственности, самаго кроткаго характера. Изъ сего одного уже явствуетъ какъ умѣетъ просвѣщенное здѣшнее начальство понимать значеніе человѣка и человѣчества. Согласно съ § 20 устава сего училища, директору онаго предоставлено право составленія росписанія занятій воспитанниковъ. Росписаніе сіе весьма важно по примѣненію своему, какъ къ будущему, такъ и къ настоящему положенію воспитывающихся юношей, и сродно съ ихъ бытомъ, будучи составлено не нѣмецкимъ или остзейскимъ агрономомъ-теоретикомъ, а русскимъ помѣщикомъ, который 14 лѣтъ преподавалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ въ томъ числѣ шесть лѣтъ былъ ординарнымъ профессоромъ агрономіи и инспекторомъ студентовъ: это г. статскій совѣтникъ М. А. Байковъ.

Вотъ какъ проходитъ день въ Земледѣльческомъ Училищѣ: Воспитанники, вставъ въ 5 часовъ утра, чистятъ спальни, умываются изъ огромныхъ мѣдныхъ умывальниковъ, изобрѣтеніе и распространеніе коихъ принадлежитъ Англіи и употребленіе коихъ въ заведеніи этого рода, есть, по моему мнѣнію, нѣкоторая роскошь; потомъ одѣваются и читаютъ утреннюю молитву, которую одинъ произноситъ слово за словомъ вслухъ, а прочіе за нимъ повторяютъ вслухъ же, отчего всѣ скоро выучиваются всѣмъ молитвамъ и невольнымъ образомъ вникаютъ въ смыслъ оныхъ. Въ 6 часовъ, въ хорошую погоду собира-

Digitized by Google

ются на обширный дворъ, имѣющій три десятины, а въ ненастные дни въ рекреаціонную залу для переклички и распредѣленія по очередному списку къ занятіямъ. Въ 8 часовъ бываетъ завтракъ, состоящій изъ рѣдьки, моркови или луку, картофеля, кислой капусты, а иногда и селедки, и всегда ржанаго хлѣба и квасу, которые здѣсь превосходно изготовляются самими воспитанниками. Послѣ завтрака начинаются занятія, продолжающіяся до полудня. Въ 12 часовъ бываетъ обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ. Я съ удовольствіемъ ѣлъ ихъ щи, закусывая пирогомъ съ морковью, ихъ говяжье крошево съ лукомъ, ихъ гречневую кашицу съ русскимъ масломъ. Здѣсь мясо отмѣнно свѣжее и вкусное; для говядины закупается скотъ, надъ коимъ воспитанники пріучаются какъ бить скотину, которую сами откармливаютъ, а потомъ сами же употребляютъ части животнаго какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда до 3хъ часовъ слѣдуетъ отдохновеніе; тогда, по учиненіи надлежащей переклички, продолжаются утреннія занятія, которыя въ 8 часовъ пополудни оканчиваются ужиномъ, состоящимъ, равномѣрно какъ и обѣдъ, изъ двухъ блюдъ. Въ 9 часовъ, прочитавъ вечернюю молитву и выслушавъ назначеніе къ занятіямъ слѣдующаго дня, ложатся спать, а въ 10 часовъ производится, если не самимъ директоромъ, то его помощникомъ или полицеймейстеромъ, завѣдующимъ и экономическою частью, повѣрка числа воспитанниковъ по кроватямъ въ спальняхъ.

Въ воскресные и праздничные дни измѣненія состоятъ въ томъ что завтрака не бываетъ, а вмѣсто его за обѣдомъ подаютъ пироги; утренняя перекличка бываетъ въ 9 часовъ, а съ 10 до 12 воспитанники слушаютъ литургію, совершаемую съ отмѣннымъ благочестіемъ ихъ почтеннымъ законоучителемъ, въ прекрасной церкви, отличающейся благолѣпною и торжественною простотою. Нѣкоторые воспитанники поютъ на клиросѣ, и довольно изрядно. Послѣ обѣда воспитанники занимаются, въ праздничные дни, играми, приличными ихъ быту, и пристойными народными пѣснями, позволенными всегда и вездѣ, кромѣ классовъ. Игры ихъ: бабки, свайка, борьба, бѣганіе въ запуски, качели, снѣжныя горы зимою, мячи, лапта и гимнастическія упражненія по шестамъ и канатамъ, о полезности коихъ говорить дѣло излишнее; въ наше время сему предмету посвящаются цѣлыя книги. Довольно любопытенъ способъ подраздѣленія дневныхъ занятій воспитанниковъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Земледѣліе: работы въ полѣ, на лугу, на огородѣ и въ саду. Сверхъ того, по особому назначенію, проведеніе каналовъ и дорогъ по участку, и планировка мѣста вкругъ училищнаго двора. 2) Мастерства: плотничное вообще, столярное и токарное, относительно дѣланія земледѣльческихъ орудій, телѣжное, бочарное, кузнечное и слесарное, малярное, печное и трубочистное, портное и сапожное. Замѣтить должно что г. Байковъ, директоръ сего заведенія, прежде нежели поступилъ

Digitized by Google

на мѣсто сіе, столь важное и многосложное, объѣздилъ, по порученію начальства, всѣ удѣльныя имѣнія расположенныя въ 30 губерніяхъ, кои суть: Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Калужская, Владимірская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Смоленская, Симбирская, Саратовская, Воронежская, Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Орловская, Курская, Псковская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Архангельская, Вологодская и Эстляндская; и такъ какъ онъ объѣзжалъ ихъ не какъ-нибудь, а съ отличнымъ тщаніемъ, почти цѣлый годъ, то и умѣлъ ознакомиться съ образомъ жизни и съ бытомъ каждой волости и составилъ изъ записокъ своихъ прелюбопытное статистическое, въ земледѣльческомъ отношеніи, описаніе сихъ губерній, которое, къ сожалѣнію, по нынѣ еще находится въ рукописи. Узнавъ бытъ крестьянъ каждой губерніи, г. Байковъ можетъ удобно руководствовать воспитанниковъ разныхъ провинцій, чтобъ они преимущественно занимались такими земледѣльческими производствами кои приличны мѣсту ихъ родины. Для руководства же въ распредѣленіи воспитанниковъ по очереди въ разныя крестьянскія ремесла, служатъ доставляемыя изъ удѣльныхъ конторъ свѣдѣнія о томъ въ какихъ именно мастерствахъ то село или деревня откуда присланъ каждый мальчикъ и куда онъ долженъ возвратиться по окончаніи курса въ училище. 3) Должности по училищу входятъ также въ составъ занятій воспитанниковъ, и въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго шарлатанства. Эти молодые парни, какъ выше сказано, всѣ умѣютъ быть и каменьщиками, и хлѣбниками, и сапожниками, и трубочистами; сверхъ сего, чистятъ лампы, составляютъ прислугу въ столовой: каждый самъ долженъ мыть свою ложку и тарелку, въ прачешной сами стираютъ себѣ бѣлье, наконецъ, изъ нихъ же назначаются караульные въ ночное время, сотскій, * писарь и разсыльный при директорѣ.

Во всѣхъ сихъ занятіяхъ для 250 воспитанниковъ назначается слѣдующая очередь: на земледѣліе ежедневно (лѣтомъ) употребляется 100 человѣкъ, то-есть $^2/_5$ всего числа воспитанниковъ, такъ что въ пять дней каждый воспитанникъ

* Занятія сотскаго, или нарядчика, состоятъ въ томъ что онъ повѣряетъ по всѣмъ мѣстамъ занятія въ разныхъ частяхъ участка, число людей назначенныхъ для работъ по очередному списку, записываетъ въ ежедневную вѣдомость успѣхъ всей работы и прилежаніе каждаго воспитанника, и о всякомъ случаѣ безъ замедленія доводитъ до свѣдѣнія училищнаго начальства, равно какъ наблюдаетъ за исправнымъ доставленіемъ завтрака по мѣстамъ занятій воспитанниковъ; на обязанности же его лежитъ пріемъ и раздача овощей и прочихъ произведеній. Одинъ изъ сихъ сотскихъ удостоенъ директоромъ званія церковнаго старосты, что послужило этому юношѣ наилестнѣйшимъ отличіемъ.

Digitized by Google

занимается земледѣліемъ два дня; въ мастерство 50 чел. или $^{1}/_{5}$ чел. всего числа воспитанниковъ, то-есть въ пять дней воспитанникъ занимается мастерствомъ одинъ день; въ классѣ 75 чел. или $^{3}/_{10}$ всего числа воспитанниковъ, то-есть въ десять дней каждый воспитанникъ занимается по способу взаимнаго обученія три дня; къ должностямъ по училищу назначаются 25 чел. или $^{1}/_{10}$ всего числа воспитанниковъ, то-есть каждый воспитанникъ наряжается въ десятый день. Воспитанники слѣдующіе по очереди въ классъ сначала метутъ дворы, а прочіе немедленно идутъ къ мѣстамъ своихъ занятій. Казалось бы, что эта разнородность предметовъ можетъ произвесть большое замѣшательство, но ничего не бывало: все находится въ отличномъ порядкѣ, все идетъ какъ заведенные часы. Вотъ нѣкоторыя подробности устройства внутренняго механизма управленія училищемъ, приспособленнаго къ управленію барщинною волостью. По повѣркѣ сотскими числа воспитанниковъ по каждому мѣсту занятій, писарь отмѣчаетъ въ очередной вѣдомости противъ имени всякаго воспитанника что онъ въ тотъ день дѣйствительно дѣлалъ то-то. Потомъ писарь же, по вышеизложенному правилу перемѣщенія по очереди и назначенія директоромъ работъ и потребнаго для оныхъ количества людей, составляетъ очередной списокъ, по разсмотрѣнію, коего директоромъ записываетъ въ такъ-называемыя спальныя книги противъ имени каждаго воспитанника занятія его въ слѣдующій день; къ восьми часамъ вечера книги эти должны быть готовы, и когда воспитанники послѣ ужина собираются въ спальни, старшіе читаютъ назначеніе работъ каждому на слѣдующій день; такимъ образомъ каждый воспитанникъ съ вечера еще знаетъ что придется дѣлать ему поутру; послѣ переклички, бывающей въ присутствіи директора, его помощника, полицеймейстера, надзирателей и мастеровъ,* начинается отправленіе воспитанниковъ по занятіямъ. Очередной сотскій только громко произноситъ: „земледѣльцы", и по сему слову выступаетъ 50 человѣкъ, именно сколько назначено на полевыя работы; „плотники"—выступаетъ 20 чел.; „въ классъ"—выступаетъ 50 чел., и пр., сколько слѣдуетъ куда по надобности и очереди. Выступившее число воспитанниковъ, имѣющихъ всегда при себѣ одного надзирателя, пересчитываются имъ и мастеромъ; это все получасовое дѣло. Всѣ воспитанники сохраняютъ не выправочную, фрунтовую дисциплину, а простое естественное чувство уваженія къ старшимъ ихъ начальникамъ; они имѣютъ слѣпую довѣренность къ начальству своему, и этого г. директоръ достигъ отнюдь не мѣрами строгости, а лишь точнымъ наблюденіемъ и настойчивостью чтобы въ строгости выполняемы были его распоряженія: къ этой-то точности

* Мастера эти не затѣйливые Нѣмцы или Англичане, прекрасные агрономы у себя, но вовсе не знающіе Россіи, а просто русскіе люди съ бородами, преимущественно изъ удѣльныхъ имѣній. Воспитанники именуютъ ихъ „дядюшками".

Digitized by Google

и аккуратности, а равно къ соблюденію чистоты, удивительно какъ трудно пріучить, впрочемъ смышленнаго, склоннаго ко всему хорошему, русскаго мужика. Сверхъ того достигаютъ того благоразумными совѣтами и распоряженіями, а въ особенности мощнымъ, на самомъ дѣлѣ ежедневно оказывающимъ пользу опроверженіемъ безграмотныхъ и закоснѣлыхъ предразсудковъ и мнѣній въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и вообще относительно домашняго быта. Напримѣръ не далѣе какъ въ это лѣто воспитанники удостовѣрились на самомъ дѣлѣ, вопреки мнѣніямъ петербургскихъ старожиловъ, въ несправедливости того будто если посѣять рожь позже Флора (18го августа), то будетъ не рожь, а флорки. Первый посѣвъ ржи, вазской, на самомъ тощемъ мѣстѣ, сдѣланъ былъ 4го августа; второй, на болотистомъ грунтѣ, 20го августа; на торфяномъ бугрѣ 5го сентября; каждый изъ участковъ получилъ свойственную ему обработку. Октября 11го рожь на всѣхъ посѣвахъ поровнялась, и воспитанники очень этому удивились. Для пробы засѣяна рожью одна полоса 30го сентября и теперь взошла очень хорошо. Такъ какъ преимущественно на рыхлыхъ почвахъ, для безопасности отъ засухи или на случай желтизны взошедшаго яроваго, укатываніе есть лучшее средство для поправленія недостатка, то, хотя укатываніе посѣвовъ послѣ боронованія и вездѣ на поляхъ училища употребляется, и хотя воспитанники къ нему нѣсколько привыкли, но когда посѣянный 22го мая ячмень, прекрасно взошедши, зажелтѣлъ, и 13го іюня директоръ приказалъ его катать каткомъ, мальчики ахнули и присудили ячмень къ погибели. Какъ же велико было ихъ удивленіе, когда укатанный каткомъ ячмень, черезъ двое сутокъ, опять всталъ, мало-по-малу потерялъ желтизну, и далъ урожай самъ 16ть. Много еще было подобныхъ примѣровъ, но здѣсь нѣтъ мѣста всѣ исчислять. Воспитанники, обучившіеся грамотѣ по методѣ взаимнаго обученія, пристращены къ чтенію, но имъ не даютъ другихъ книгъ, кромѣ карманныхъ Псалтырей и нравоучительныхъ разговоровъ для воспитанниковъ удѣльныхъ училищъ, составленныхъ и изданныхъ удѣльнымъ департаментомъ. * Мальчики эти также очень любятъ ученіе и считаютъ классы какъ бы развлеченіемъ. Вѣроятно что со временемъ попечительное начальство не упуститъ изъ виду того чтобы составить для этого заведенія родъ простонародной и нравственной энциклопедіи,—результаты коей могли бы имѣть значительную пользу. О чистотѣ говорить нечего: она существуетъ вездѣ, и самыя даже ретирадныя мѣста, хотя и не устроенныя на англійскій манеръ, содержатся въ

* Въ статьѣ 1834 года было такъ сказано, потому что это согласно съ уставомъ; но М. А. Байковъ, какъ уже мы въ теперешней статьѣ видѣли, сдѣлалъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, благоразумныя отступленія и дозволялъ дарить воспитанникамъ различныя книги съ доступнымъ для простолюдина содержаніемъ. *Басни* Крылова и *Тарасъ Бульба* Гоголя въ особенности были ими любимы, какъ я замѣтилъ. *Прим. Старожила.*

Digitized by Google

отличной опрятности, посредствомъ извести и квасцовъ, разведенныхъ въ горячей водѣ. Чистота всего заведенія, какъ извѣстно, содержится самими воспитанниками, пріучающимися къ опрятности и порядку, при коихъ и самая нищета лишается своей безобразности. Вездѣ форточки, вездѣ накурено можжевельникомъ, запахъ коего имѣетъ значительную пользу. Кухня о пяти чугунныхъ котлахъ, * большая, свѣтлая, просторная, не имѣющая никакого вреднаго запаха и чада. Сельскіе буфеты, полные ложекъ и чашекъ деревянныхъ, сложенныхъ въ плетеныя корзинки, и оловяныхъ стопъ для кваса, отличаются необыкновеннымъ порядкомъ и симметріей, замѣтною и въ гардеробныхъ горницахъ, именуемыхъ здѣсь „сушилами". Въ столовыхъ подѣланы очень хорошія вѣшалки, чтобы въ холодное время воспитанники, возвратившись съ работъ въ полушубкахъ и тулупахъ, снимали ихъ и обѣдали въ рубашкахъ. Всякъ тотъ кто хотя имѣетъ понятіе объ основаніяхъ медицины тотчасъ пойметъ всю пользу этого для здоровья: охладѣвшій потъ можетъ быть началомъ жестокихъ болѣзней, каковыхъ здѣсь, благодаря Богу, не бываетъ въ настоящее время. Впрочемъ для таковыхъ несчастныхъ случаевъ здѣсь устроена больница на 24 кровати. Сначала было довольно много больныхъ воспитанниковъ, а умерло изъ нихъ только 10 чел. Смертность сія весьма, безъ сомнѣнія, незначительна, въ сравненіи съ тою какая обыкновенно бываетъ при перемѣщеніи изъ одного климата въ другой; нынѣ же, благодаря Бога, при стараніяхъ медико-хирурга Финдейзена, съ іюня мѣсяца нѣтъ сильно больныхъ. При мнѣ было въ больницѣ въ послѣдній разъ (7го октября) шесть человѣкъ больныхъ, большею частью на ногахъ. При больницѣ есть и аптека, порядочно устроенная, равно какъ и медикъ; но замѣтить должно что тутъ стараются всѣ маловажныя болѣзни лѣчить самыми простыми средствами, отъ чего не портится натура воспитанниковъ, которые сверхъ сего сами узнаютъ какое средство когда употреблять должно для пользованія.

Изъ 23 корпусовъ составляющихъ все это заведеніе, 4 заняты спальнями. Въ каждой спальнѣ по 62 кровати, кои всѣ желѣзныя, срокомъ на 24 года, крашеныя бѣлою краскою; при каждой деревянный зеленый столикъ и табуретъ; надъ изголовьями желѣзный шестикъ съ надписью имени и нумеръ тутъ находящагося воспитанника, и тутъ же развѣшаны тѣ образки коими дѣти благословлены отъ родителей при отъѣздѣ. На кроватяхъ лежатъ одѣяла изъ сѣраго крестьянскаго сукна, подшитаго чистымъ полотнянымъ пододѣяльникомъ, перемѣняемымъ въ двѣ недѣли однажды. Подшивать одѣяла полотнянымъ пододѣяльникомъ и перемѣнять его для мытья, дѣло въ крестьянскомъ быту возможное и полезное. Бѣлыя рубахи смѣняются дважды въ

* Одинъ изъ сихъ котловъ для каши, два для щей или для лапши, одинъ для кипятка, и одинъ для картофеля и пр.

Digitized by Google

недѣлю, а наволочки и простыни однажды. Трудолюбіе и порядокъ здѣсь вполнѣ царствуютъ: въ заведеніи семъ ничего, кромѣ матеріаловъ, не покупается, и то потому что въ короткое время одного года воспитанники не могли успѣть выучиться всѣмъ мастерствамъ. Нынѣ они работаютъ на себя, а потомъ предполагается чтобъ они работали и на сторону, съ тѣмъ только чтобы зарабатывающій воспитанникъ получалъ часть вырученной платы къ приращенію своего капитальца, который есть почти у каждаго: родители, отправляя дѣтей своихъ, давали имъ деньги, кои были немедленно положены въ заемный банкъ для наращенія процентами. Весь капиталъ принадлежащій лично воспитанникамъ вообще простирается въ 4.000 р. с. По выпускѣ каждый получитъ свой капиталъ съ процентами и со всѣми заработанными приращеніями. Родителямъ строго запрещено посылать сыновьямъ деньги. О состояніи своихъ дѣтей въ училищѣ родители извѣщаются черезъ удѣльныя конторы ежемѣсячно вѣдомостью, на коей бываетъ собственноручное письмо воспитанника. Изъ числа полезныхъ рукомеслъ, этими людьми съ искусствомъ исполняемыхъ, дѣланіе тюфяковъ изъ соломы и мочалъ есть дѣло важное въ крестьянскомъ быту: умѣнье дѣлать тюфякъ отучитъ русскаго крестьянина спать на потномъ тулупѣ, развалясь на полатяхъ. Кончимъ обозрѣніе корпусовъ исчисленіемъ ихъ: главный корпусъ занимается церковью, классами и рекреаціонною залою. Въ 5 корпусахъ квартира директора и прочихъ чиновниковъ, при заведеніи находящихся; сверхъ 4хъ корпусовъ занимаемыхъ спальнями, одинъ занятъ столовою, два мастерскими, то-есть столярною, ткацкою, портняжною и сапожною и пр., одинъ ветеринарнымъ, еще не употребляющимся, театромъ, одинъ банею. одинъ прачешною. Есть еще строенія для кухни съ хлѣбопекарнею, для житницъ съ запаснымъ хлѣбомъ, для конюшни, въ которой помѣщаются лошади чиновниковъ и, до постройки фермы, 28 лошадей для сельскихъ работъ; равно какъ чуланы и подвалы съ огородною овощью, снятою изъ собственнаго огорода, и наконецъ сараи, вмѣщающіе въ себѣ основанія сельскаго музея, и временно, впредь до построенія фермы, пожарные инструменты. Всѣ училищныя зданія въ ширину, въ параллель Выборгской дороги, занимаютъ 100, а въ длину 120 саженъ.

При мнѣ, въ послѣднее мое посѣщеніе, была сдѣлана проба тушенія пожара. Распоряженія для пожарной команды, здѣсь вытверженныя каждымъ воспитанникомъ и распредѣленныя между ними, суть слѣдующія: по набатному звону, всѣ вдругъ, оставивъ такъ-называемыхъ дневальныхъ для присмотра за вещами, орудіями и пр., кидаютъ занятія и бѣгутъ, сбрасывая съ себя на бѣгу шубы и армяки (если тепло), одни къ пожарному сараю, который уже отпертъ, другіе къ воротамъ, которыя уже отпираются для проѣзда съ чистаго на черные дворы; третьи къ колодцамъ и къ пруду, и тамъ часть накачиваетъ воду въ чаны, а остальные отправля-

Digitized by Google

ются за лошадьми. Достигшіе пожарнаго сарая по вытверженному назначенію подхватываютъ пожарныя трубы, бочки, ведра, лѣстницы, багры, топоры, войлочный завѣсъ и веревки, и, не дожидая лошадей, все тащатъ на себѣ къ мѣсту гдѣ поданъ сигналъ, дорогой привинчивая трубные рукава и приготовляя все къ дѣйствію. На сіе, до дальнѣйшаго мѣста отъ сарая, не употребляется болѣе 4хъ минутъ, съ тѣмъ чтобъ управляющіе трубами были уже на крышахъ и поливали водой. Въ сіе время бываютъ впряжены лошади. Первое условіе—глубочайшее молчаніе, дабы были слышны слова команды, по которой бросаются веревки на трубы, ставятся лѣстницы, ломаются зданія, становится щитъ. При ломкѣ зданій разрѣшенъ крикъ, столь свойственный русскому человѣку въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, смотритель общественной запашки будетъ опытнымъ брандмейстеромъ у себя въ волости, а это дѣло не послѣдней важности.

Послѣ сихъ эволюцій, мы пошли въ сарай, гдѣ находится примѣчательный сельскій музей, состоящій изъ всѣхъ, довольно разнообразныхъ, сельскихъ орудій, употребляемыхъ въ Россіи. Примѣчательнѣйшія изъ орудій принадлежатъ Костромской губерніи и суть: орало, косуля, межеумокъ, кривуша и тройная соха, употребляемая для двоенія земли и подавшая мысль училищному начальству ко введенію культиватора, который, по расположенію своихъ сошниковъ, вспахиваетъ всю поверхность земли въ одинъ разъ и не можетъ оставить, подобно сохѣ, невспаханныхъ промежутковъ. Г. Байковъ весьма дѣльно судитъ, не желая вводить между крестьянами такихъ орудій которыхъ они сами не умѣли бы устроить съ большою легкостью, и въ полезности коихъ они не увѣрились бы на самомъ опытѣ. Такъ напримѣръ, онъ ввелъ у себя экстирпаторъ, для передвоенія земли, которую, послѣ предварительной плужной обработки, собирались мальчики пахать сохами. Для опыта отведены были двѣ полосы, одна въ 20 саженъ ширины и 20 длины, а другая въ 20 саженъ ширины и 80 длины, то-есть вчетверо больше. На первую поставлена московская соха, а на вторую экстирпаторъ. Соху исправили тщательно, наострили сошники, перемѣнили веревку на подвои. Экстирпаторъ не требовалъ сихъ приготовленій. Въ оба орудія позволено было самимъ мальчикамъ выбрать совершенно одинаковыхъ лошадей. Хомуты и шлеи были ровные, только для экстирпатора прибавлены были постромки, ибо у него нѣтъ оглоблей. Принялись пахать. Сошной пахарь затянулъ пѣсню, и хитро поглядывая на сосѣда, приладившагося, по указанію, пахать экстирпаторомъ, сдѣлалъ проворно двѣ борозды. Мальчики-зрители брали уже его сторону, но съ пятой борозды, пахавшій экстирпаторомъ приладился, обогналъ сошнаго пахаря, который перестаілъ уже пѣть, и потомъ пропахавъ пространство назначенное для сохи пріударилъ пѣсню. Мальчики мало-помалу пристали къ пахарю съ заморскимъ орудіемъ, которымъ, несмотря на усилія сошника, вспаханъ былъ вчетверо большій

Digitized by Google

участокъ, между тѣмъ какъ сотнику до конца не доставало еще 3хъ саженъ; онъ попросилъ позволенія бросить соху, подошелъ къ экстирпатору, подивился и желалъ окончить свою долю этимъ инструментомъ. Экстирпаторъ первоначально въ 1774 году былъ предложенъ въ Англіи фермеромъ Гугомъ, въ Гертфордшейрѣ, потомъ Тулломъ и Дюгамелемъ, коими заимствованъ изъ древняго орудія, по подобію котораго въ Херсонской и вообще въ Новороссійскихъ губерніяхъ дѣлаютъ рало; упрощенъ уже экстирпаторъ Ватсономъ. Орудіе сіе пашетъ слишкомъ вчетверо шире противъ сохи и глубиною почти вдвое, не ломается, не прыгаетъ, идетъ ровно, не затрудняетъ пахаря, который на ровной рыхлой землѣ вовсе его не придерживаетъ, и легко для одной крестьянской лошади. Мнѣ понравилось, при посѣщеніи сего музея, то что воспитанники, разумѣется, нѣкоторые изъ лучшихъ, очень удовлетворительно и ясно умѣютъ показать пользу каждаго орудія и способъ употребленія онаго. Вообще успѣхи рѣдкіе; въ особенности главный и существенный предметъ, то-есть искусство землеобрабатыванія, въ одинъ годъ доведено до значительной степени совершенства, хотя не безъ большихъ затрудненій, по причинѣ почвы земли въ особенности. Участокъ земли принадлежащей училищу имѣетъ въ себѣ до 90 десятинъ боровой, болотистой, поростшей мелкимъ кустарникомъ и необработанной земли. 25 десятинъ представляли лесчаные бугры, изрытые ямами, изъ коихъ песокъ доставляемъ былъ въ городъ; остальныя 65 были не что̀ иное какъ болото, имѣвшее въ низкихъ мѣстахъ $1^1/_2$ аршина воды, а въ прочихъ покрытое верескомъ, камнями, пнями и корнями, оставшимися отъ бывшаго нѣкогда лѣса, кочками, неистлѣвшими растительными веществами, кои, замерзая съ водой, ихъ проницающею, и будучи покрыты толстымъ слоемъ моху, не растаивали до половины іюня. Подземъ стоитъ изъ зыбкаго или содержащаго $^1/_3$ глины и смѣшаннаго съ кварцовымъ и гранитнымъ брекчіемъ и бурою, болотно-желѣзною рудою, которая прослойками выказывается на поверхности почти 15ти десятинъ. Изслѣдованіе землянымъ буромъ обнаружило глину на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ. Сіе свойство грунта училищнаго участка дѣлаетъ его, въ совокупности съ петербургскимъ климатомъ, весьма поучительнымъ для земледѣльческой практики. Обработка онаго требуетъ приложенія всѣхъ правилъ агрикультуры, и по исполненіи предположенія произвести на нѣсколькихъ десятинахъ искусственный глинистый грунтъ и солончакъ, для обучающихся не останется въ неизвѣстности ни одного изъ грунтовъ, приносящихъ пользу только умѣющему обращаться съ ними, и хотя на училищномъ участкѣ воздѣлываніе различныхъ родовъ хозяйственныхъ растеній сопряжено съ большимъ о нихъ попеченіемъ, за то каждый успѣхъ, коего съ особеннымъ лишь усиліемъ можно достигать здѣсь, навѣрное удастся воспитаннику по возвращеніи его на родину, только съ меньшимъ для

Digitized by Google

сего трудомъ, ибо онъ найдетъ у себя лучшій грунтъ и климатъ. Первымъ предметомъ обработки участка была осушка онаго; обстоятельство весьма важное для земледѣлія сѣверной и отчасти средней полосы Россіи, гдѣ крестьяне если и приступаютъ къ разработкѣ болотныхъ почвъ, то наудачу роютъ канавку, и на обсохшей чрезъ то полоскѣ заводятъ пашню, но вода, не получивъ правильнаго стока, при первой прибыли наполняетъ канавку, выступаетъ изъ береговъ, заливаетъ новую полоску и дѣлаетъ тщетнымъ трудъ земледѣльца, чего съ нимъ конечно не случилось бы, еслибъ онъ зналъ употребленіе простаго землемѣрскаго орудія называемаго ватерпасомъ. Симъ-то орудіемъ воспитанники нивеллировали весь свой участокъ, черезъ что̀ обнаружился самый нижній, относительно поверхности участка, пунктъ, откуда идетъ натуральное большое склоненіе къ самой Черной Рѣчкѣ. Къ вышеупомянутому пункту прорытъ основный каналъ, на 377 саженяхъ, черезъ бугры глубиной отъ двухъ до шести аршинъ и шириною отъ 3хъ до 5ти аршинъ, потомъ по всѣмъ соотвѣтствующимъ мѣстамъ, показываемымъ ватерпасомъ, выкопано по поверхности участка 4024 погонныхъ сажени канала, кои проведены къ тремъ главнымъ, а сіи къ первому основному; наконецъ по границамъ участка для отведенія воды отъ большой дороги и отъ сосѣднихъ дачъ, вырытъ каналъ въ 2.000 с. къ основному. По окончаніи сихъ работъ вода немедленно стекла съ поверхности участка, который, съ углубленіемъ каналовъ, нынѣшняго года въ самыхъ низкихъ мѣстахъ обсохъ на аршинъ въ глубину. Таковое расположеніе водосточныхъ каналовъ позволяетъ, на случай засухи, запрудить воду въ любомъ каналѣ, посредствомъ простыхъ перемычекъ, и чрезъ то сообщить влагу любой полосѣ на участкѣ. Обстоятельство также весьма важное и на которое обращается у насъ такъ мало вниманія. На работу его потребно было 30 ч. въ теченіи $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Послѣ сего слѣдовало приступить къ расчисткѣ поверхности отъ пней, корней, камней, кочекъ и мху. По обыкновенной крестьянской обработкѣ, въ семъ случаѣ употребляютъ выжиганіе, но огонь, пожигая деревья и пни, подсушиваетъ мохъ, кочки и торфъ, и потомъ обращаетъ ихъ въ золу. Послѣ сего, какъ въ Вятской губерніи обыкновенно, напахавши, сѣютъ рожь, что̀ и называется „посѣвъ по пепели", и снявъ однажды обильный урожай, принуждены бываютъ оставлять такую землю безъ употребленія иногда на десять и болѣе лѣтъ, ибо земля, отъ вліянія воздуха, потерявъ щелочныя части, перестаетъ быть плодородною. Во избѣжаніе столь убыточнаго способа хозяйства, и дабы торфъ, кочки, дернъ и накопившіеся болотные осадки сберечь и, превративъ ихъ въ чернозёмъ, воспользоваться чрезъ то урожаями на нѣсколько лѣтъ, должно было, при помощи самыхъ простыхъ, но вѣрно дѣйствующихъ орудій, какъ-то веревокъ, рычаговъ съ подвижными поставками, ломовъ, пѣшень, топоровъ, лопатокъ и желѣзныхъ

когтей, * употребить для обработки каждой десятины слѣдующія производства: 1) срубить кустарникъ, вытащить пни и корни до 30 куб. саж. и сложить въ правильныя кучи, дабы не мѣшали дальнѣйшимъ работамъ, что и сдѣлано въ 14 дней 30ю челов.; 2) срубить кочки, собрать мохъ и верескъ, всего 90 куб. саж., сдѣлано въ 14 дней 20ю челов. На обработанныхъ десятинахъ сіи кучи, до предназначеннаго употребленія пашни, остались только свидѣтелями бывшей здѣсь почвы и трудовъ приложенныхъ для воздѣлки оной. Сими двумя дѣйствіями поверхность земли была обнажена, сдѣлалась доступна атмосфернымъ вліяніямъ и казалась удобною для паханія всякимъ орудіемъ. Воспитанники при обработкѣ первой десятины хотѣли въ семъ случаѣ употребить свои орудія, но сохи поломались на первой бороздѣ, косули не могли успѣть и одной доли назначеннаго для нихъ урока ($1^1/_2$ десят. въ долѣ), ибо подъ поверхностью торфяной земли тотчасъ слѣдовало самое частое сплетеніе большихъ и малыхъ корней, не позволявшихъ дѣйствовать сохамъ и косулямъ. Въ то время когда воспитанники отчаявались вспахать такой грунтъ, данъ былъ имъ Смалевскій плугъ, улучшенный Теромъ. Плугъ сей безъ колесъ, не такъ какъ многосложный и неудобный для русскаго крестьянина плугъ Гранже; будучи запряженъ двумя лошадьми, онъ пошелъ безостановочно, разрѣзывая или выворачивая корни. Воспитанники прозвали его змѣйкою; по его образу, смастерили тотчасъ 8 другихъ и пріучились къ употребленію ихъ. Плугъ сей обходится училищу въ 30 р. с., а при выпискѣ изъ Лондона въ 120 р. Въ училищномъ плугѣ выпущены или упрощены всѣ тѣ части кои въ работѣ представляли бы затрудненія для простаго деревенскаго кузнеца, и вмѣсто того придѣланы короткія вилки для отклоненія корней въ сторону. Плугъ сей рѣшительно можно рекомендовать для всякой почвы. 3) Сложить въ кучи вырытые корни; 20 челов. въ 1 день. 4) Взбороновать боронами; въ 1 день 6ю челов. съ 12 лошадьми. Скажемъ мимоходомъ что употребляемыя здѣсь бороны, складныя съ желѣзными зубьями, прекрасно разбиваютъ дернъ и кочки. Онѣ взяты съ подобныхъ имъ съ деревянными зубьями, употребляемыя въ Псковской губерніи. 5) Вытасканные боронами корни собрать и сложить; въ одинъ день съ 12ю челов.; 6) укатать каткомъ все пространство; въ одинъ день одинъ челов. съ двумя лошадьми; 7) вывезти и разбросать на болотистыя десят. $^1/_2$ куб. саж. извести, преимущественно негашеной; въ одинъ день одинъ человѣкъ съ одною лошадью; 8) вывезти, разбить и разбросать 10 куб. саж. глины; въ теченіи двухъ дней двадцатью чел. съ двадцатью лошадьми; 9) положить и разбросать 5.000 пуд. навоза, который воспитанники доставляли на судахъ изъ города на ближайшую

* Когти сіи придуманы въ училищѣ; они просты, но для срыванія кочекъ лучше всѣхъ на сей предметъ понынѣ изобрѣтенныхъ орудій

Digitized by Google

пристань и потомъ подвозили лошадьми; 40 челов. въ три дни, на 20 лошадяхъ; 10) запахать навозъ плугомъ, и выбрать корни, вытасканные плугомъ; въ два плуга четырьмя челов. на четырехъ лошадяхъ; 11) укатать каткомъ; въ полдня однимъ челов. на двухъ лошадяхъ. Въ семъ только видѣ земля была готова къ принятію посѣва, который производится подъ борону и укатывается каткомъ. Такимъ образомъ, окончательно обработано было 20 десят., а надъ 17 десят. совершено шесть первыхъ производствъ. Всего въ обработкѣ 37 десятинъ, на воздѣланіе которыхъ въ цѣлое лѣто употреблялось 40 челов. Слѣдовательно, подобной земли и подобный крестьянинъ можетъ обработать почти одну десятину, еслибы работалъ каждый день, но такъ какъ онъ долженъ заниматься и другими хозяйственными работами, то еслибы черезъ четыре дня пятый, изъ числа лѣтнихъ рабочихъ дней, опредѣлить на обработку упомянутой земли, то особенно тягломъ (то-есть мужикъ и баба) можно бы было обрабатывать нѣсколько десят. ежегодно. Еслибы крестьяне, нуждающіеся въ хорошихъ земляхъ и жалующіеся на неудобство своихъ земель, обрабатывали ихъ выше означеннымъ способомъ въ $^1/_5$ рабочихъ дней, которую проводятъ безполезно, то значительно увеличили бы улучшенными землями свои пашни, и еслибы на таковой $^1/_5$ десят. посѣянъ былъ ячмень, который вѣрно далъ бы имъ урожай самъ 16, то получили бы 3 четверти ячменя, или около 45 р. по настоящимъ цѣнамъ въ низовыхъ губерніяхъ. Изъ вышеозначеннаго числа обработанныхъ десятинъ, въ Земледѣльческомъ Училищѣ, по числу силъ занимавшихся по очереди мальчиковъ, слѣдуетъ что работы здѣсь не поголовныя, а примѣнены по разчету къ тягламъ, и, слѣдственно, возможны для крестьянина, разумѣется при постоянномъ его трудолюбіи и при тщательномъ за нимъ присмотрѣ. Если работу воспитанниковъ для обработки земли оцѣнить по петербургской платѣ, то 1) окончательно обработанная десятина обойдется въ 3.000 р., а 20 десят. въ 60.000 р., изъ прочихъ 17 каждая по 1.000 р., всего 77.000 р.; 2) сработано разныхъ земледѣльческихъ орудій по англійскимъ и здѣшнимъ цѣнамъ на 5.000 р.; 3) сдѣланы перила на 800 саж. отъ Выборгской дороги, по 2 р. отъ саж., съ лѣсомъ — 1.600 р. с.; 4) подѣлано деревянныхъ тротуаровъ по новому училищному проспекту на 800 саж., по 3 руб. полагая съ лѣсомъ,—на 1.500 р.; 5) сдѣлано 10 мостовъ съ балясами собственнаго точенія и съ рѣшетками, по 200 р., всего 2.000 р.; 6) поставлено 300 тумбъ собственной работы изъ отрубковъ отъ строительнаго матеріала, по 2 руб., 600 руб.; 7) проведенъ проспектъ, по болотному грунту на полверсты по площади, 2.500 квадр. саж., по 50 коп. саж., 1.250 руб.; 8) спланированы дворы и плацъ, 6.000 квадр. саж.—по 20 коп. саж., 6.000 руб. Итакъ, не считая сапожной, портняжной и другихъ работъ по училищу, исполняемыхъ воспитанниками, наработано въ краткое время нѣсколькихъ мѣсяцевъ всего на 80.150 р. Нынѣ воспитанники построили хозяйственныя строенія, а именно: ферму,

Digitized by Google

которая въ будущее лѣто возымѣетъ свое правильное начало. Она будетъ состоять изъ скотныхъ и птичныхъ дворовъ и строеній для первоначальной фабрикаціи хозяйственныхъ произведеній, а именно: на правой сторонѣ училищныхъ строеній, отступя 40 саж., будутъ выстроены: 1) скотный дворъ и конюшни; 2) скотная кухня; 3) птичникъ, телятная, овчарня и свинарня; 4) огуменный сарай и для стельныхъ коровъ; 5) молочня; 6) квартира учителя практическаго домоводства (фермера), который будетъ, также какъ и всѣ при заведеніи находящіеся, изъ русскихъ людей. Все это въ длину займетъ 70, а въ ширину 40 саж. По другую сторону училищныхъ зданій устроены будутъ: квартира ветеринара, скотная лѣчебница, гумно, саловарня, маслобойня, воскобойня и для дубленія кожъ, солодовня, медоварня и пивоварня и сушило. Сверхъ сего большая кузница, хлѣбные магазины, пожарные сараи и мельницы, всего 20 разныхъ строеній, главнымъ фасомъ своимъ обращенныхъ по Выборгской дорогѣ и простирающихся на 250 саж. При фермѣ будетъ и небольшой ветеринарный театръ, въ коемъ имѣетъ быть практическое преподаваніе искуства лѣченія скота и кромѣ того указаніе невинныхъ и обыкновенныхъ средствъ, бывающихъ всегда у всякаго подъ рукою и могущихъ съ великою пользой служить для врачеванія ранъ, ушибовъ или незначительныхъ внутреннихъ болѣзней, прерваніе коихъ при самомъ ихъ возрожденіи служитъ нерѣдко къ спасенію человѣка отъ значительнѣйшихъ болѣзней. Сверхъ всего этого, заведена машина самаго простаго устройства для превращенія костей въ порошокъ, употребляемый какъ лучшій поземъ. Предполагается еще устроить нѣсколько образцовъ избъ, самими воспитанниками срубленныхъ, имѣющихъ при себѣ хлѣва и птичники, огороды, поля и пастбища. Тутъ будутъ поочередно жить воспитанники, и эта практика сдѣлаетъ ихъ отличнѣйшими домохозяевами. Иные говорятъ что съ этого и начать должно было. Помилуйте! да надо же было воспитанниковъ пріучить къ практическому хлѣбопашеству и хозяйству въ большомъ или общемъ видѣ, а теперь, по пріобрѣтеніи сихъ свѣдѣній, имъ легче будетъ оныя прикладывать къ частнымъ случаямъ, для изученія коихъ, полагая даже что образцовая деревня начнетъ дѣйствія свои съ 1836 года, будетъ употреблено два года. Чего нельзя будетъ сдѣлать, когда мы видимъ что̀ сдѣлали воспитанники въ одинъ годъ! Пріятно въ особенности видѣть то что здѣсь вполнѣ русское сельское хозяйство и что во всѣхъ дѣйствіяхъ начальства замѣтна мудрая постепенность, ведущая къ вѣрному совершенству, и отсутствіе шарлатанства, столь вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ, гг. русскіе помѣщики, вамъ примѣръ,—это заведеніе: изучайте, изучайте его вдоль и поперегъ, изучайте! Не лѣнитесь, и вы конечно учредите обществомъ у себя такія школы, подобныя фермы, разумѣется, на число людей въ 20 разъ меньшее

и въ 10 разъ менѣе стоящее, нежели то заведеніе которое въ примѣръ вамъ учредилъ нашъ державный помѣщикъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть теперь уже нѣсколько капиталистовъ-патріотовъ предполагаютъ устроить здѣсь, въ С.-Петербургѣ, заведеніе въ этомъ родѣ, долженствующее возымѣть существованіе свое на акціяхъ, и въ которое будутъ за умѣренную плату принимать господскихъ и вольныхъ людей: какую бы огромную пользу Россіи могло оказать осуществленіе этой патріотической мечты!

XVI.

Статьѣ этой суждено было имѣть блистательный успѣхъ въ публикѣ, прочитавшей ее, повидимому, съ интересомъ и особеннымъ вниманіемъ, чему доказательствомъ можетъ служить та масса посѣтителей которая вслѣдъ за появленіемъ статьи нахлынула въ Удѣльное Земледѣльческое Училищѣ, такъ что стало затруднительно ежедневно принимать такое значительное число постороннихъ лицъ. Вслѣдствіе этого директоръ сталъ назначать по нѣскольку человѣкъ воспитанниковъ ежедневно со спеціальнымъ занятіемъ „принимать посѣтителей“. Это ежедневное общеніе воспитанниковъ съ публикой принесло свою дозу пользы воспитанникамъ, пріобрѣвшимъ больше искусства въ объясненіи хозяйственныхъ подробностей.

За нѣсколько времени до напечатанія въ *Сѣверной Пчелѣ* этой моей статьи, въ той же газетѣ была помѣщена другая моя статья подъ названіемъ: *Выставка въ Академіи Художествъ.* Означенную статью я въ то время написалъ почти всю не только подъ наблюденіемъ и по указаніямъ, но, положительно могу сказать, какъ теперь помню, подъ диктантъ тогдашняго конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, извѣстнаго знатока живописи, скульптуры и архитектуры, Василья Ивановича Григоровича, человѣка обладавшаго, при громадныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ этимъ предметамъ, вполнѣ изящнымъ и просвѣщеннымъ вкусомъ и замѣчательнымъ даромъ слова. Я къ нему на Васильевскій островъ въ домъ Академіи Художествъ, гдѣ онъ занималъ обширную квартиру, ѣздилъ или ходилъ, то-есть отчасти ѣздилъ, отчасти ходилъ, прямо изъ департамента цѣлую недѣлю, обѣдая у него и проводя вечера до поздней ночи. Разъ даже, помню, случилось что мы засидѣлись съ нимъ за полночь, мостъ развели, и я

Digitized by Google

принужденъ былъ остаться ночевать у него. Я сначала написалъ статью самъ по моимъ впечатлѣніямъ, разсвѣтивъ ее довольно разнообразными анекдотами, собранными мною отъ знакомыхъ тогда мнѣ художниковъ, о тѣхъ знаменитостяхъ того времени произведенія которыхъ составляли тогда предметъ сентябрьской выставки, осмотрѣнной мною бѣгло въ одно какое-то воскресенье. Само собою разумѣется что знатокъ дѣла—Григоровичъ похерилъ многія изъ моихъ сужденій о картинахъ и статуяхъ, замѣнивъ ихъ своими; но анекдотичную часть одобрилъ и дополнилъ многими интересными свѣдѣніями часто историческими. Его замѣчанія носили на себѣ печать такой правильности и вѣрности что не могли быть предметомъ никакой критики, хотя, весьма натурально, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ, при всей своей учености и при всемъ своемъ изящномъ вкусѣ, радѣлъ пріязни и дружбѣ, почему въ статьѣ этой, считавшейся все-таки моею, было нѣсколько мѣстъ гдѣ справедливость была принесена въ жертву угодливости и лицепріятію. Такъ, между прочимъ, были расхвалены очень впрочемъ ловко, со словъ Василія Ивановича, двѣ картинки кисти какого-то молодаго художника изъ иностранцевъ, пользовавшагося какимъ-то особеннымъ благорасположеніемъ министра двора князя П. М. Волконскаго. Это, само по себѣ пустое, обстоятельство привлекло къ статьѣ моей ласковое вниманіе свѣтлѣйшаго вельможи, довольнаго тѣмъ что объ его протеже такъ великолѣпно отнеслись въ газетѣ имѣвшей тогда огромный авторитетъ. Главное дѣло было въ томъ что *Пчела* читаема была ежедневно отъ доски до доски государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который, говоря о ней, называлъ ее: „моя газета". Можете себѣ представить послѣ этого какъ эта „его величества газета" читалась при дворѣ. Но ежели князь Волконскій былъ доволенъ мнѣніями quasi моей статьи, президентъ Академіи, извѣстный знатокъ и любитель художествъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, при встрѣчѣ съ Н. И. Гречемъ, выражалъ ему, по поводу этой статьи, нѣкоторыя свои замѣчанія, никакъ впрочемъ не подозрѣвая что статья эта не есть плодъ критическихъ наблюденій юности подписавшаго подъ нею свое имя, а его подначальнаго человѣка — конференцъ-секретаря Академіи Художествъ. Тогдашній вице-президентъ Академіи, нашъ знаменитый скульпторъ графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой, встрѣтивъ меня на одномъ изъ Гречевыхъ четверговыхъ вечеровъ, вступилъ

Digitized by Google

со мною въ разговоръ о моей статьѣ и при этомъ сталъ было дѣлать мнѣ нѣкоторыя замѣчанія съ художественной точки зрѣнія. Я былъ поставленъ, какъ говорятъ Французы, au pied du mur, не зная какъ парировать въ этомъ техническомъ разговорѣ, продолженіе котораго могло имѣть въ результатѣ открытіе того что статья была произведеніе далеко не моего ума и моихъ свѣдѣній. Къ счастію, Николай Ивановичъ Гречъ, съ обычною его въ этихъ случаяхъ ловкостію, явился мнѣ на помощь и выручилъ меня, отвлекши вниманіе графа на что-то другое, повидимому, болѣе ему интересное.

Но какъ бы тамъ ни было, а статья эта, почти всецѣло принадлежавшая Василію Ивановичу Григоровичу, что̀ составляло тогда величайшій секретъ, имѣла эффектъ преизрядный, такъ что даже нашъ безсмертный Карлъ Павловичъ Брюловъ, не любившій ничего говорить о художественныхъ критикахъ въ журналистикѣ, считая ихъ заурядъ пустословіемъ, и величавшій всѣ ихъ „булгаривщиною", прочитавъ эту статью, сказалъ Н. И. Гречу: „Экую статью настрочилъ вамъ вашъ блондинчикъ Быстропишевъ! Исполать ему! Статья истинно сочная и со смакомъ читается." При всѣхъ однако этихъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, статья эта далеко не нашумѣла въ городѣ и особенно въ Россіи такъ какъ нашумѣла та довольно, правду сказать, блѣдненькая статья, которую вы, читатель, сейчасъ прочли въ дословной перепечаткѣ изъ *Сѣверной Пчелы* ноября мѣсяца 1864 года, подъ названіемъ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.* Начать съ того что статья эта внимательно прочтена была государемъ императоромъ, который рекомендовалъ ее своему августѣйшему брату, великому князю Михаилу Павловичу, тогдашнему командиру гвардейскаго корпуса и главному начальнику всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Его высочество, по прочтеніи статьи этой, остановился между прочимъ на той необыкновенной опрятности и чистоплотности какими отличалось это „мужицкое училище", какъ онъ выразился, при сборѣ у себя всѣхъ директоровъ корпусовъ, которымъ приказалъ прочесть то въ статьѣ что̀ относится до внутренняго устройства заведенія и съѣздить туда поучиться искусству, даже въ ретирадныхъ мѣстахъ, безъ всякихъ ватерклозетовъ, содержать и соблюдать необыкновенную чистоту и свѣжесть воздуха. И вотъ, на другой же день нѣсколько почтенныхъ генераловъ, директора разныхъ военно-учебныхъ заведеній, наѣхали къ

Digitized by Google

Байкову и осыпали его своими вопросами. Матвѣй Андреевичъ, съ обычнымъ своимъ похихикиваніемъ и наружнымъ простосердечіемъ, подъ которымъ скрывалась вся дипломатическая тонкость его,—говорилъ ихъ превосходительствамъ что дѣло какъ нельзя проще: „Въ выгребныя ямы кладется растворъ извести кипѣлки съ квасцами.“ Генералы записывали въ своихъ записныхъ книжкахъ этотъ рецептъ, ходили внимательно осматривать ретирадныя мѣста, удивлялись отсутствію всякаго зловонія, доводили ревность свою до того что спускались въ выгребныя ямы, гдѣ находили разлитый обильно растворъ извести съ квасцами и, осмотрѣвъ всѣ другія подробности заведенія, налюбовавшись маневромъ тушенія примѣрнаго пожара, наслушавшись прекрасныхъ русскихъ пѣсень, позавтракавъ плотно въ молочной и въ сельскомъ домикѣ, уѣзжали восхищенные всѣмъ что̀ видѣли и потомъ докладывали его высочеству что видѣли въ Удѣльномъ Училищѣ чудеса, что записали рецептъ и всѣ пріемы для отвращенія зловонія и обѣщали ввести у себя тѣ же порядки. Но у нихъ въ ихъ корпусахъ однако все шло попрежнему, хотя известь кипѣлка съ квасцами и была пущена въ ходъ, да та бѣда что ихъ превосходительства не дознались и не догадались главной сути дѣла, состоявшаго въ томъ что въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ вся эта поразительная чистота воздуха въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она нигдѣ въ обыкновенномъ быту, безъ сильныхъ водяныхъ притоковъ, не бываетъ и быть едва ли можетъ, имѣла въ основаніи очень простое обстоятельство: чугунныя колеса подъ выгребными ящиками, которые ежедневно въ ранніе утренніе часы, при содѣйствіи этихъ колесъ, вывозились къ компостнымъ кучамъ, гдѣ и опоражниваются, а потомъ огромными швабрами, насыщенными вышеупомянутымъ растворомъ, вымываются, провѣтриваются и снова вступаютъ въ свою роль, по окончаніи всей этой процедуры, удобной въ одноэтажныхъ домахъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, невозможныхъ въ многоэтажныхъ корпусныхъ строеніяхъ. Одинъ изъ директоровъ, начальникъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапорщиковъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, (въ послѣдствіи директоръ 1го кадетскаго корпуса, умершій въ 1859 году, нося званіе инспектора военно-учебныхъ заведеній), страстный любитель и, правду сказать, знатокъ агрономическихъ усовершенствованій, хотя иногда, да и частенько въ разладъ

Digitized by Google

съ чистою хозяйственною логикой, сдѣлался постояннымъ гостемъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, куда сталъ ѣздить еженедѣльно, присутствуя при всѣхъ опытахъ или, лучше сказать, „при всѣхъ агрономическихъ фокусъ-покусахъ, какими морочили всѣхъ насъ, грѣшныхъ, столичныхъ агрономовъ-дилеттантовъ, къ числу которыхъ, въ первой шеренгѣ, принадлежалъ тогда я тѣломъ и душой, умудряя себя свѣдѣніями собираемыми на искусственной и декоративной практикѣ въ поляхъ, огородахъ, питомникахъ и садахъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. *

Скоро, по появленіи моей статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*, Удѣльное Земледѣльческое Училище до того вошло въ моду что сдѣлалось предметомъ поѣздокъ публики, особенно публики высшаго полета, тѣмъ болѣе что состоявшій тогда сотрудникомъ у Греча Николай Ивановичъ Юханцовъ, еще очень неважный чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, состоявшій переводчикомъ при редакціи *Journal de St-Pétersbourg*, ** перевелъ мою статью на французскій языкъ, на каковомъ она всею знатью и была прочтена въ газетѣ въ тѣ времена составлявшей непремѣнную принадлежность всякаго аристократическаго кабинета. Такимъ образомъ, Удѣльное Земледѣльческое Училище было постоянно атаковано наѣздомъ посѣтителей, число которыхъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивалось и доходило иногда до 1.000 человѣкъ въ годъ. Когда государю императору представлялись губернскіе предводители дворянства, онъ часто спрашивалъ ихъ: „видѣли ли они его образцовое хозяйство въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ?“ и, самъ посѣтилъ заведеніе въ 1841 году, вмѣстѣ съ

---

* Лѣтъ черезъ двадцать пять этихъ посѣщеній Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, генералъ баронъ К. А. Шлиппенбахъ самъ сдѣлался хозяиномъ-агрономомъ въ своемъ сельцѣ Александровскомъ, подлѣ Александровской мануфактуры, гдѣ онъ въ особенности разводилъ брамапутрскихъ куръ. Онъ умеръ въ 1859 году.

** Н. И. Юханцовъ умеръ въ 1870 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и находясь внѣ службы, которую онъ оставилъ, кажется, въ пятидесятыхъ годахъ, будучи много лѣтъ вице директоромъ департамента мануфактуръ и торговли, а до тѣхъ поръ начальникомъ отдѣленія, послѣ Н. И. Сѣрова, заступившаго моего отца въ 1826 году.

Digitized by Google

тогдашнимъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ, братомъ императрицы Александры Ѳедоровны. Предводители спѣшили посѣщать хозяйство „державнаго помѣщика" и, разумѣется, оставались въ восхищеніи отъ всего ими видѣннаго тамъ, и возвратясь во свояси, разказывали чудеса. Эти разказы разносились по всей Россіи словно снѣжный комъ, постоянно росшій, почему всякъ тотъ кто ѣхалъ изъ провинціи въ Петербургъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность не уѣхать изъ Сѣверной Пальмиры, не побывавъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, тѣмъ болѣе что это такъ близко отъ города,—всего двѣ версты за Выборгскою заставой. Хозяйственные журналы и газеты, какъ *Земледѣльческій Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства* и *Земледѣльческая Газета*, первый редактируемый краснорѣчивымъ Степаномъ Алексѣевичемъ Масловымъ, вторая ученымъ Антономъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ, * расхваливали Удѣльное Земледѣльческое Училище. *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній* А. П. Башуцкаго съ тѣхъ поръ чуть не каждую недѣлю, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сталъ помѣщать *мои* восторженныя статьи объ этомъ заведеніи, прилагая нерѣдко политипажные (тогда еще младенчествовавшіе) и литографированные рисунки съ изображеніями не только орудій и снарядовъ, но даже портретовъ домашнихъ животныхъ тамошней фермы. Слава заведенія росла быстро, а потому для правильнаго пріема посѣтителей необходимо было устроить въ училищѣ усиленное дежурство. Но наплывъ посѣтителей былъ до такой степени великъ что иногда было мало десяти дежурныхъ воспитанниковъ для пріема посѣтителей, которые, надо отдать справедливость, вели себя всегда очень благоприлично, помня что они осматриваютъ „образцовое хозяйство державнаго помѣщика". По наружности судя, всѣ уѣзжали въ восхищеніи; но многіе проницательные люди потомъ откровенно высказывали свои мнѣнія, сущность которыхъ состояла

---

* А. А. Энгельгардтъ былъ до того директоромъ Царскосельскаго Лицея, во времена воспитанія тамъ Пушкина, Корфа и другихъ замѣчательныхъ людей, какихъ съ тѣхъ поръ это заведеніе не производило. Оригинальная черта старика Энгельгардта состояла въ томъ что онъ всегда ходилъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ при короткихъ штанахъ и въ синемъ фракѣ моды 1805 года. Въ 1830 годахъ М. М. Сперанскій о немъ пошутилъ, что Энгельгардтъ 25 лѣтъ не переодѣвался.

Digitized by Google

въ томъ что все это „прелестная игрушка“, пользы отъ которой никакой не будетъ и быть не можетъ, потому что въ основѣ — шарлатанство и бросаніе пылью въ глаза людской довѣрчивости. Однако въ печать никогда и тѣни чего-либо подобнаго не проходило, что̀ и естественно при тогдашней цензурѣ, считавшей чуть не революціей, если авторъ дерзалъ быть мало-мальски справедливо искрененъ. Воспитанникамъ отъ Байкова были розданы печатныя инструкціи съ подробнымъ объясненіемъ всего того что̀ говорить посѣтителямъ и какъ отвѣчать на всѣ ихъ вопросы. Для этого дѣлаемы были даже репетиціи, въ которыхъ я нерѣдко принималъ участіе въ роли любопытнаго посѣтителя, который засыпалъ вопросами. Репетиціи эти цѣлыми партіями дѣлались по воскресеньямъ послѣ обѣда. Такимъ образомъ воспитанники наловчались давать отвѣты весьма ловко, обходя тѣ вопросы которые были неудобны для удовлетворенія. На вопросъ: „А что̀, вѣдь сѣкутъ-таки васъ, ребята, розгами?“ воспитанники отвѣчали съ величайшимъ апломбомъ: „Воспитанникъ заслужившій такое унизительное наказаніе не былъ бы достоинъ быть нашимъ товарищемъ.“—„А что̀, хотѣлось бы въ трактиръ сходить?“—„Это только празднымъ и глупымъ людямъ можетъ въ голову придти.“—„Скажи, дружокъ, правду: хочется жениться?“—„Когда сдѣлаюсь хорошимъ хозяиномъ и сяду на усадьбу, то конечно женюсь, съ родительскаго и начальскаго благословенія, такъ какъ безъ хозяйки невозможно.“

Со всѣмъ этимъ я забѣжалъ нѣсколько впередъ, почему возвращусь къ послѣдствіямъ моей статьи, какъ они отразились собственно на меня. Началось съ того, разумѣется, что меня посѣтилъ Байковъ и привезъ съ собою письмо на мое имя за подписью Льва Алексѣевича Перовскаго. Письмо это было въ высшей степени любезное и въ немъ упоминалось о томъ что его свѣтлость господинъ министръ двора и удѣловъ какъ нельзя болѣе доволенъ моею статьей, которая удостоилась и высочайшаго вниманія. При этомъ Матвѣй Андреевичъ сказалъ мнѣ что онъ сейчасъ отъ Николая Ивановича Греча, съ которымъ объяснился насчетъ того чтобы статья моя была въ типографіи Греча, на зеленевой бумагѣ, отпечатана въ количествѣ ста отдѣльныхъ оттисковъ, въ видѣ книжечки въ 16 долю листа. „Милѣйшій Николай Ивановичъ согласился на это, взявъ по рублю за экземпляръ, то-есть сто рублей“, говорилъ мнѣ Байковъ, „и я уже выдалъ ему деньги и ожидаю на дняхъ

Digitized by Google

этихъ экземпляровъ, которые его превосходительство Левъ Алексѣевичъ хочетъ предоставить вамъ, съ тѣмъ чтобы вы, В. П., затѣмъ, какъ авторъ статьи, уступили бы эти сто экземпляровъ ему по пяти рублей за экземпляръ". Какъ ни нужны мнѣ были бы 500 р., которые я считалъ всегда весьма значительнымъ кушемъ, но я тотчасъ понялъ что это будетъ ни что иное какъ подачка мнѣ 500 р. изъ громаднаго удѣльнаго капитала за статью, которую я писалъ по обязанности сотрудника, и потому я объяснилъ Байкову что подобная брошюрка, пущенная въ книжную продажу, могла бы быть дорого-дорого продаваема по полтиннику и дать мнѣ эти деньги еще не вѣсть когда; что вслѣдствіе этого я ни за что на свѣтѣ не намѣренъ принимать подарковъ и убѣдительно прошу мнѣ даже больше ничего объ этомъ не говорить, ежели Матвѣю Андреевичу угодно продолжать со мною тѣ хорошія отношенія въ какихъ мы теперь находимся. Сконфузившись немножко, Байковъ, никакъ не ожидавшій такого отпора со стороны юноши, содержащаго все семейство своими трудами, однако тотчасъ съ прирожденною ему проницательностію понялъ невозможность дальнѣйшаго настоянія и сказалъ только, что вѣроятно однако я не откажусь отвѣчать на письмо Льва Алексѣевича личнымъ визитомъ. Я отвѣтилъ что буду у его превосходительства непремѣнно для выраженія моей глубокой признательности за то вниманіе которымъ онъ меня чрезъ присылку этого письма удостоилъ совершенно незаслуженно, потому что я писалъ статью какъ сотрудникъ *Сѣверной Пчелы* и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы ничего въ ней сказать какъ то что высказалъ отъ сердца, такъ какъ предметъ описанія самъ по себѣ верхъ совершенства. „Да и къ тому же, прибавилъ я, въ статьѣ этой все лучшее принадлежитъ, поистинѣ, не мнѣ, а вамъ, Матвѣй Андреевичъ." Сдѣлавъ видъ что онъ не разслышалъ послѣднихъ моихъ словъ, Байковъ взглянулъ на свои часы, заторопился уѣхать, и на прощаньи, сопровождаемомъ многими лобызаніями, спросилъ:

— А когда же и въ которомъ именно часу вы думаете быть у Льва Алексѣевича?

— Завтра воскресенье, отвѣчалъ я,—такъ я полагаю явиться къ его превосходительству, только не знаю какъ лучше: до обѣдни или послѣ обѣдни.

— Пожалуйте, наставлялъ Байковъ,—часу въ десятомъ утра.

Digitized by Google

онъ встаетъ вѣдь рано. Въ праздничный день это у него самая лучшая пора для пріема посѣщеній не по дѣламъ службы. Онъ, вы увидите, приметъ васъ превосходно.

Въ воскресенье, въ половинѣ десятаго часа, тщательно костюмированный во фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ, я былъ въ пріемной залѣ Льва Алексѣевича, который жилъ тогда въ Большой Милліонной, подлѣ дома департамента удѣловъ, находившагося въ тѣ времена въ этой улицѣ, а не на Литейной, какъ нынѣ, въ бывшемъ домѣ Пашкова, гдѣ нѣкогда было такъ-называемое „благородное" собраніе или „чиновничій клубъ". Едва успѣлъ слуга обо мнѣ доложить, какъ изъ кабинета выскочилъ, къ великому моему удивленію, мой пріятель Матвѣй Андреевичъ Байковъ, въ форменномъ фракѣ и во всѣхъ, по обыкновенію, регаліяхъ.

— Его превосходительство Левъ Алексѣевичъ, воскликнулъ онъ какимъ-то громкимъ шепотомъ,—очень, очень радъ вашему посѣщенію и сейчасъ васъ приметъ; а я между тѣмъ съѣзжу тутъ неподалеку, потомъ явлюсь сюда, и ужь какъ хотите тамъ, а увезу васъ къ себѣ на борщъ и на вареники.

Дверь изъ кабинета отворилась, показался на порогѣ Левъ Алексѣевичъ, въ черномъ сюртукѣ безъ всякихъ орденовъ, и привѣтствуя меня съ улыбкою, пригласилъ войти къ нему въ кабинетъ.

Кабинетъ Льва Алексѣевича Перовскаго былъ довольно большая комната въ три окна съ темными занавѣсями и темными же сторами. Стѣнныхъ обоевъ почти не было видно; ихъ покрывали шкалы съ книгами, переплеты которыхъ блистали чрезъ зеркальныя стекла. На шкалахъ стояли въ перемежку различные глобусы, физическіе инструменты, химическія колбы и мраморные бюсты двѣнадцати мудрецовъ древняго міра. Къ шкаламъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ были поставлены складныя лѣсенки съ площадками. Одинъ изъ шкаловъ былъ наполненъ коллекціей предметовъ естествознанія по части зоологіи, орнитологіи, энтомологіи и ботаники, вмѣстѣ съ нѣсколькими анатомическими препаратами. Въ одномъ углу виднѣлась огромная астролябія, а рядомъ съ нею приземистая мензула. Съ правой стороны отъ двери былъ диванъ, крытый зеленымъ сафьяномъ, какъ и вся мебель, то-есть вальяжныя кресла и высокоспинныя стулья. За спинкою дивана видна была часть стѣны, покрытой обоями темно-краснаго, почти кирпичнаго цвѣта, и эта вся стѣна была завѣшана географическими и

Digitized by Google

топографическими картами и планами, преимущественно изо- жавшими различныя мѣстности имѣній удѣльнаго вѣдомст а въ промежуткахъ между этими картами и планами висѣ въ золотыхъ рамахъ нѣсколько лейзажей и нѣсколько порт товъ въ овальныхъ темныхъ деревянныхъ обручахъ; портр эти были большею частью рисованы пастельными краск а иные писаны масляными красками. Предъ диваномъ ялъ громадный кабинетный столъ съ ящиками внизу и н кахъ, покрытый множествомъ книгъ, брошюръ, рукописе картонкахъ, департаментскихъ дѣлъ и папочекъ для пи Кромѣ этого огромнаго стола, въ комнатѣ было еще нѣск ко другихъ столовъ поменьше, на которыхъ равномѣрно ли бумаги, книги, брошюры, но въ отличномъ порядкѣ и с метріи. Замѣтилъ я еще два, три небольшихъ столика, раз тывавшихся посредствомъ извѣстнаго механизма. Такой но столъ находился въ гостиной Байкова и былъ сдѣланъ питанниками. Для полноты описанія скажу что всѣ три покрыты были фарфоровыми цвѣточными горшками, въ ко рые вставлены были обыкновенные глиняные горшки съ н ликолѣпными цвѣтущими и благоухавшими гарлемскими лу вицами. Независимо отъ этихъ низкорослыхъ цвѣтовъ, на нявшихъ комнату упоительнымъ ароматомъ, буть сказано скобкахъ, мною страстно любимымъ, промежъ этихъ горшк съ луковицами, стояли и большіе горшки съ музами и дру ми ярко-зелеными широкими листьями, по которымъ ве скользили утренніе лучи блестящаго зимняго дня, какіе въ П тербургѣ въ концѣ ноября не всегда рѣдкость. Въ недалек разстояніи отъ дивана былъ мраморный, хорошо пылавшій ка минъ; а надъ каминомъ огромное зеркало, отражавшее въ с бѣ бронзоваго Фавна въ полчеловѣческаго роста, и на Фав этого, въ видѣ перевязей съ одного и другаго плеча, бы брошены два громаднѣйшихъ вѣнка изъ Земледѣльческ Училища, столь мнѣ знакомые.

Левъ Алексѣевичъ помѣстился на диванъ и тотчасъ за ку рилъ свою стамбулку, съ турецкимъ превосходнымъ табакомъ на предлинномъ тонкомъ чубукѣ розоваго дерева, оканчива шемся дорогимъ желто-молочнымъ янтаремъ длиною въ указа тельный палецъ. Обдавъ меня тонкимъ облакомъ очарователь но-ароматнаго дыма, сливавшагося съ благоуханіями гіацин товъ, онъ усадилъ меня на кресло, стоявшее около дивана спинкою къ дверямъ и, взглянувъ на меня въ лорнетъ (онъ дом всегда былъ безъ очковъ), съ привѣтливою улыбкой спросилъ:

Digitized by Google

— Вы знатокъ въ живописи, monsieur Б.? Статья ваша въ *Сѣверной Пчелѣ* свидѣтельствуетъ о вашихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ по этой части, и я боюсь за мои ландшафчики что̀ вы здѣсь видите; вы, какъ хорошо знакомый съ законами живописи, найдете въ нихъ ужасные недостатки, что̀ и не мудрено; это все работы одного моего добраго пріятеля, дилеттанта живописи; а ихъ храню не за ихъ художественныя достоинства, а потому что это единственное вещественное для меня о немъ воспоминаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ воспоминаніе о моей, давно улетѣвшей юности. О немъ можно бы почти то же сказать что̀ сказалъ когда-то Малербъ о рано умершей дѣвушкѣ, — какъ бишь?...

— Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses, l'espace d'un matin. *

подсказалъ я, не забывшій еще эти стихи съ того дня когда, въ 1828 году читалъ ихъ на публичномъ экзаменѣ въ пансіонѣ барона Шадо.—Но что касается, ваше превосходительство, продолжалъ я,—до знаній моихъ въ живописи, о которыхъ вы изволите судить по техническимъ подробностямъ которыми изобилуетъ статья моя объ академической выставкѣ, то я долженъ сказать вамъ, со свойственною мнѣ еще дѣтскою откровенностью, что, подписавъ статью эту моимъ именемъ и фамиліей, я разыгралъ не совсѣмъ честную роль вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Всѣ эти замѣтки не мои, а принадлежатъ одному истинному и глубокому знатоку живописи, котораго очень уважаютъ и Воробьевъ, и Кипренскій, и Брюловъ, и Егоровъ.... Но назвать его я не имѣю права.

— И не называйте, сказалъ, смѣясь, Перовскій,—не называйте, потому что я его самъ вамъ назову. Вамъ помогалъ въ этой статьѣ своими блестящими свѣдѣніями добрый мой знакомый Василій Ивановичъ Григоровичъ, который также подъ секретомъ говорилъ объ этомъ самому свѣтлѣйшему князю Петру Михайловичу, прося его хранить это втайнѣ отъ директора Академіи Алексѣя Николаевича Оленина, недовольнаго статьею вашею, потому что вы въ ней, конечно со словъ Василья Ивановича, дали слишкомъ много значенія произведеніямъ кисти одного молодаго Француза, вольноприходившаго ученика

* И роза, она жила столько сколько живутъ розы: въ продолженіи лишь одного утра.

Академіи и протежируемаго свѣтлѣйшимъ, потому что этотъ бѣдный молодой человѣкъ сынъ какого-то французскаго эмигранта, чѣмъ-то когда-то послужившаго князю. Но князь вашею статьею объ Академіи очень доволенъ, отчасти, вѣроятно, по этой самой причинѣ; послѣдняя же ваша статья о нашемъ училищѣ доставила его свѣтлости премного удовольствія, которое онъ выразить изволилъ въ весьма одобрительныхъ словахъ вчера на какомъ-то завтракѣ у архитектора Монферрана, гдѣ былъ вашъ литературный патронъ Гречъ.

— Лестный отзывъ вашего превосходительства о моей статьѣ, заговорилъ я,—выраженный вами въ томъ письмѣ какимъ вы меня вчера удостоили и есть причина моего появленія теперь у васъ. Я вмѣняю себѣ въ обязанность принести вашему превосходительству мою, за это вниманіе, искреннѣйшую признательность. И при этомъ, вставъ, я сдѣлалъ поклонъ; но Левъ Алексѣевичъ быстро потянулъ меня за рукавъ и снова усадилъ, сказавъ:

— Я очень радъ съ вами поближе познакомиться. Мнѣ сестра моя Марья Алексѣевна о васъ много хорошаго говорила; а Байковъ просто влюбленъ въ васъ, и то-и-дѣло что говоритъ мнѣ что самъ Богъ подвигнулъ васъ на мысль заняться Удѣльнымъ Земледѣльческимъ Училищемъ. Къ тому же я имѣю къ вамъ одну очень нескромную просьбу, результатомъ которой можетъ быть отнятіе у васъ нѣсколькихъ десятковъ часовъ отъ вашихъ занятій для тѣхъ которыя, я знаю, безъ васъ пойти не могутъ, хотя они очень скучны. Но что же дѣлать: Tu l'as voulu George Dandin! Tu l'as voulu! *

— Не понимаю, ваше превосходительство, что бы это могло быть такое, въ чемъ мое участіе можетъ играть такую значительную роль. Я просто теряюсь въ недоумѣніи! воскликнулъ я, поистинѣ нѣсколько смущенный, потому что улыбка Льва Алексѣевича была отчасти благосклонна, отчасти немножко сардонична.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Левъ Алексѣевичъ,—что на дняхъ министръ двора и удѣловъ долженъ представить государю императору свой всеподданнѣйшій отчетъ по удѣльному

---

* „Ты самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ!“ (Изъ Мольеровой комедіи.) Нѣкоторыя Мольеровскія фразы имѣютъ у Французовъ тѣ же права гражданства въ разговорномъ языкѣ какъ у насъ фразы Грибоѣдова.

Digitized by Google

вѣдомству. Отчетъ этотъ готовъ въ окончательномъ проектѣ. Онъ составленъ начальниками отдѣленій удѣльнаго департамента, каждымъ по своей части, и составленъ правильно и вѣрно. Сводъ сдѣланъ моимъ личнымъ секретаремъ, человѣкомъ дѣловымъ и добросовѣстнымъ. Но мнѣ какъ-то не нравится редакція, изложеніе; нѣкоторые обороты какъ-то слишкомъ канцелярски, иныя фразы какъ-то длинны. Мнѣ, мой милый господинъ Б., нравится ваше перо, почему я непремѣнно хочу прочесть весь этотъ отчетъ, въ какихъ-нибудь двадцать печатныхъ страницъ, ни съ кѣмъ какъ съ вами. И поэтому-то я намѣренъ украсть у васъ нѣсколько часовъ вашего свободнаго времени, со вторника будущей недѣли, то-есть съ послѣзавтра. Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, ежели мнѣ въ этомъ не откажете и пожалуете ко мнѣ на первый сеансъ послѣ завтра въ семь часовъ вечера (поутрамъ ни я, ни вы не свободны). Мы займемся часовъ до одиннадцати или до двѣнадцати: вы будете медленно читать пунктъ за пунктомъ, я буду слушать и критиковать тѣ мѣста которыя мнѣ не понравятся, и мы вмѣстѣ, знаете: „умъ хорошъ, а два лучше того“, проанализируемъ всѣ пункты и добьемся до того что нашъ отчетъ за 1834 годъ будетъ съ литературнымъ оттѣнкомъ, который рѣшительно неизвѣстенъ моимъ почтеннымъ, очень впрочемъ дѣловымъ, чиновникамъ. Такихъ вечеровъ со вторника до слѣдующаго воскресенья мы проведемъ съ вами пять; болѣе нельзя, потому что время не терпитъ.

Сконфуженный и съ тѣмъ вмѣстѣ польщенный предложеніемъ, я сталъ было отзываться тѣмъ что я далеко не большой филологъ и грамматикъ и что бо́льшая часть моихъ статей проходитъ чрезъ просмотръ Николая Ивановича Греча; но Перовскій былъ неумолимъ и сказалъ рѣшительно, съ лицомъ принявшимъ видъ нѣсколько строгій и даже суровый, что отказъ мой онъ приметъ за нежеланіе продолжать съ нимъ знакомство. Само собою разумѣется что послѣ этого мнѣ ничего больше не оставалось какъ сказать все то что́ въ этихъ случаяхъ учтивость, скромность и приличіе велятъ говорить.

— C'est donc une affaire baclée,* быстро проговорилъ Левъ Алексѣевичъ, пожавъ мнѣ руку.—А вотъ кромѣ этого, продолжалъ онъ, вынимая какую-то тетрадь изъ ящика своего стола, по пословицѣ русской: „кормилъ до бороды, покорми жъ до

* Это дѣло рѣшенное.

Digitized by Google

усовъ", хочу имѣть къ вамъ другое притязаніе. Я, вы видите, страшный деспотъ съ тѣми кого полюблю. Байковъ en sait quelque chose. Тетрадь эта заключаетъ въ себѣ вѣрный, правильный, но страшно не только не литературный, но и неудобопечатаемый переводъ съ языковъ англійскаго и нѣмецкаго, сдѣланный однимъ изъ переводчиковъ канцеляріи министра двора изъ нѣмецкихъ и англійскихъ брошюръ о породахъ крупнаго и мелкаго рогатаго скота тѣхъ иностранныхъ породъ какими мы хотимъ укомплектовать нашу ферму. Я прошу васъ взять эту тетрадь, какъ видите, четко и даже каллиграфически переписанную и снабженную широкими полями; потрудитесь прочитать все въ ней заключающееся и безъ всякихъ снисхожденій и церемоній перемарать все изложеніе, замѣнивъ многое вашими словами и выраженіями. Тутъ не мало и техники скотоводственной, съ которою переводчикъ былъ вовсе, какъ увидите, незнакомъ, вамъ же это податливѣе: я видѣлъ нѣкоторыя ваши статьи въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, да и къ тому же вамъ въ этомъ непремѣнно поможетъ Матвѣй Андреевичъ, великій хозяйственный терминологъ. Да вотъ и онъ самъ, легокъ на поминѣ.

Дѣйствительно въ эту минуту входилъ неслышимо Байковъ, похихикивая слегка и подбѣгая по пушистымъ коврамъ, которыми усланъ былъ паркетъ кабинета. Левъ Алексѣевичъ объяснилъ Байкову въ чемъ дѣло, повидимому, только проформы ради, и Матвѣй Андреевичъ сказалъ радостно:

— Сегодня же, ваше превосходительство, мы съ милѣйшимъ моимъ гостемъ займемся этимъ у меня, потому что я этого моего гостя сейчасъ отъ васъ похищаю въ наше Земледѣльческое, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ борщъ и вареники; у васъ же, ваше превосходительство, въ пріемной ожидаетъ позволенія къ вамъ войти адъютантъ его превосходительства Василья Алексѣевича, который съ полчаса какъ прибылъ изъ Оренбурга и непремѣнно желаетъ съ вами видѣться, самъ же страхъ какъ усталъ съ дороги.

Когда мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ прибыли въ „Земледѣльческое", то прежде всего занялись борщемъ, жаренымъ отпоеннымъ барашкомъ съ салатомъ изъ вишень, превосходными варениками, перепечею съ густыми сливками, заливая все это дивными самодѣльщинными наливками, въ приготовленіи которыхъ отличалась сестра Байкова, Дарья Андреевна, превосходная домоводка. Прежде чѣмъ выйти изъ-за

Digitized by Google

стола, Матвѣй Андреевичъ распорядился подачею бутылки розоватаго кремана, которая была роспита исключительно за мое здоровье, какъ описателя Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, долженствующаго теперь прогремѣть на всю Россію. Въ это самое время явилась неизбѣжная въ подобныхъ обстоятельствахъ, само собою разумѣется, искусственно подготовленная депутація отъ всѣхъ воспитанниковъ или „мальчиковъ", какъ ихъ называлъ всегда Байковъ. Депутація эта принесла мнѣ громадный вѣнокъ изъ всѣхъ растеній какія только разводились на училищной землѣ и привѣтствовала меня рѣчью сочиненною якобы всѣми воспитанниками, но въ сущности принадлежавшею перу самого директора. Часовъ въ шесть вечера, однако, мы съ Байковымъ удалились въ его кабинетъ, куда онъ велѣлъ привести намъ и чай, такъ какъ, говорилъ онъ, намъ нужно было позаняться. Занятіе это должно было состоять въ прочтеніи вмѣстѣ съ нимъ извѣстнаго перевода записки о тѣхъ скотоводственныхъ иностранныхъ породахъ какими предполагалось усовершенствовать, посредствомъ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, породу мяснаго и молочнаго скота въ Россіи. Исправлять тутъ же переводъ въ смыслѣ грамматическомъ и литературномъ было затруднительно, по множеству неправильностей въ немъ блестѣвшихъ, почему и рѣшено было что я тетрадь эту возьму съ собою въ городъ, а когда совсѣмъ исправлю синими или красными чернилами, то доставлю къ нему, Байкову; онъ же дополнитъ еще нѣсколькими своими техническими замѣтками и дастъ своимъ училищнымъ каллиграфамъ для перебѣлки. Въ перебѣленномъ же видѣ я долженъ былъ представить рукопись, заключавшую листовъ 20, съ новою редакціей, Льву Алексѣевичу, приложивъ впрочемъ и подлинную тетрать перевода съ моими выправками. Впрочемъ, перелистывая тетрадь, мы успѣли включить въ нее нѣсколько чисто техническихъ поправокъ, присовѣтованныхъ мнѣ Байковымъ, знавшимъ въ превосходствѣ хозяйственную терминологію. Такихъ случаевъ, въ теченіи моего многолѣтняго съ Байковымъ знакомства, были тысячи. Во время нашихъ письменныхъ занятій, — Байковъ вдругъ замѣтилъ что я, будучи его интимнымъ гостемъ, остался въ томъ же модномъ щегольскомъ темно-коричневомъ фракѣ съ бархатнымъ черным воротникомъ, въ какомъ былъ съ визитомъ у Перовскаго поутру, почему тотчасъ, со свойственною ему живостью и находчивостью,

Digitized by Google

онъ предложилъ мнѣ облачиться въ болѣе покойный и вер... монный костюмъ.

— Да вотъ kстати, воскликнулъ онъ,—вотъ на этомъ ст... лежатъ три пробныхъ, на три роста, полукафтанья изъ вер... жины. Примѣрьте которое вамъ будетъ ладно, и надѣньте... и ужь всегда когда у насъ будете, надѣвайте это полукафт... вмѣсто всякаго архалука.

Я дѣйствительно примѣрилъ эти платья, и полукафта... сшитое на средній ростъ пришлось мнѣ kакъ нельзя бол... пору и оказалось очень удобно для домашняго нецеремон... обихода. Этотъ kакъ бы архалукъ изъ темно-желтой вер... жины служилъ мнѣ въ послѣдствіи много лѣтъ kакъ шлафр... Байковъ распорядился чтобы на подкладкѣ этой одежды в... приличномъ мѣстѣ были вышиты kраснымъ гарусомъ сл... „Удѣльное Земледѣльческое училище В. П. Б—ву въ знакъ п... мяти, 28 ноября 1834 года".

Kакъ всегда, въ девять часовъ вечера явились въ kабин... Байкова kъ докладу обычные посѣтители, kаждый по одн... kѣ, начиная съ дежурнаго на слѣдующій день сотскаго, за k... торымъ вошелъ въ своемъ форменномъ гражданскомъ сюрт... изъ толстаго сукна съ свѣтло-зеленымъ бархатнымъ воротн... kомъ и въ высоkихъ сапогахъ училищной работы эконом... полицеймейстеръ Малаховъ, а послѣ него всѣ смотрители, уч... теля и сотскій этого дня для полученія инструкцій отъ дир... тора на ночное дежурство. Когда окончилась эта обычная ц... ремонія,—Байковъ, по заведенному порядку, заглянувъ въ д... журную, заперъ ту массивную дубовую дверь которая отдѣ... ла kабинетъ отъ дежурной, и мы съ нимъ, свободные отъ вс... kихъ посѣщеній, расположились на покой, чтобы побесѣдова... безъ помѣхъ до минуты kогда захотимъ предаться сну. На этот... разъ Матвѣй Андреевичъ преимущественно велъ бесѣду со мн... о томъ что я понравился Льву Алеkсѣевичу, который узнав... что я ни за чтò на свѣтѣ не желаю и не нахожу возможным... за статью въ *Пчелѣ* взять то вознагражденіе kakое мн... было предлагаемо, замѣтилъ: „Однако, молодой человѣkъ с... амбиціей и съ чувствомъ собственнаго достоинства! Но мы... найдемъ возможность заставить его взять то чтò разъ нами... ему назначено".

— Kакимъ же это образомъ, спросилъ я,—его превосходи... тельство хочетъ меня *заставить* сдѣлать это?

— Очень простымъ, отвѣчалъ Байковъ, — очень простымъ!

Digitized by Google

За вашу работу, вамъ порученную его превосходительствомъ, вы *не можете*, не обидѣвъ его превосходительства, отказаться отъ слѣдующаго вамъ по разчету, имъ предположенному, гонорарія, какъ бы вы взяли отъ всякаго книгопродавца.

— Какая же это работа, Матвѣй Андреевичъ? наивно спрашивалъ я.

— Какъ какая? А эта тетрать съ правильнымъ, но очень плохо редактированнымъ переводомъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ, которую вамъ приходится обрусить. Да еще тѣ нѣсколько вечеровъ что̀ вы будете вмѣстѣ съ его превосходительствомъ читать отчетъ и очищать его изложеніе отъ канцелярскаго слога. Развѣ все это можетъ быть сдѣлано даромъ?

— Но, почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ, вся эта тетрадь, вопервыхъ, очень не велика, а вовторыхъ, переводъ далеко не такъ дуренъ, чтобы требовалъ множества исправленій. Что же касается до нѣсколькихъ вечеровъ проведенныхъ мною, мальчикомъ почти, съ такимъ умнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ вашъ начальникъ, Левъ Алексѣевичъ, то для меня это будетъ такъ лестно и такъ пріятно что, право, мнѣ крайне совѣстно было бы за этого рода занятіе получить вознагражденіе матеріальное.

— Ну ужь какъ хотите, засмѣялся Байковъ, уходя за свои ширмы, чтобы лечь въ постель,—а все-таки, какъ только все это у васъ съ Львомъ Алексѣевичемъ покончится, къ вамъ пріѣдетъ курьеръ съ пакетомъ и росписною книгою; вы потрудитесь принять первый, сосчитать заключающіеся въ немъ шесть сотенныхъ бумажекъ и росписаться въ книгѣ: „пакетъ де за нумеромъ такимъ-то получилъ такой-то“, и баста!... Теперь же и вамъ, и мнѣ пора бай-бай, утро вечера мудренѣе. Спокойной ночи, безцѣнный В. П. За симъ онъ погасилъ свою свѣчу, и комната осталась въ полумракѣ, освѣщенная лишь лампадою, горѣвшею у образа въ углу кабинета.

На другое утро я довольно рано пріѣхалъ къ себѣ домой въ Фурштадтскую, переодѣлся въ департаментскую форму и, какъ водилось, отправился въ департаментъ внѣшней торговли, гдѣ я опять, попрежнему, сидѣлъ около столоначальника П., такъ какъ моя роль калифа на часъ, по исправленію должности столоначальника, миновала за возвращеніемъ настоящаго столоначальника, сократившаго свой отпускъ, кажется,

Digitized by Google

двумя сутками, изъ опасенія лишиться мѣста. Часу въ четвертомъ влетѣлъ въ нашу крайнюю комнату одинъ изъ постоянныхъ дежурныхъ при директорѣ, и объявилъ мнѣ что его превосходительство Дмитрій Гавриловичъ зоветъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Здравствуйте Б., сказалъ мнѣ Дмитрій Гавриловичъ, когда я вошелъ въ кабинетъ и раскланялся молча его превосходительству.—Откуда это вы набрались свѣдѣній по агрономіи? Статья ваша объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ имѣла фуроръ. Я прочелъ ее самъ послѣ того что мой братъ Илья Гавриловичъ * разказалъ мнѣ какъ великій князь Михаилъ Павловичъ рекомендовалъ ее всѣмъ директорамъ военно-учебныхъ заведеній. Любопытно бы мнѣ только было знать точно ли все то правда что̀ тамъ въ статьѣ этой такъ заманчиво разказано?

— Пользуясь нѣсколькими свободными отъ службы днями, ваше превосходительство, сказалъ я съ нѣкоторою сухостью,— я на мѣстѣ изучилъ лично во всѣхъ подробностяхъ это истинно образцовое заведеніе и, какъ умѣлъ, такъ сдѣлалъ вѣрный его портретъ. Въ статьѣ этой нѣтъ ни слова лжи, которая, какъ извѣстно вашему превосходительству, мнѣ нисколько несвойственна.

— Знаю, знаю, улыбался Бибиковъ, гладя свои котлетообразныя густыя бакенбарды, знаю что вы не любите лгать, хотя и увѣрили очень ловко вашихъ знакомыхъ Француженокъ что вы remplissez les fonctions de chef du bureau. **

— Въ то время, когда это говорилось, объяснялъ я съ видомъ оскорбленнаго самолюбія,—это была чистѣйшая правда, ваше превосходительство, потому что дѣйствительно je remplissais les fonctions (исправлялъ должность). Но ежели бы рѣчь объ этомъ завелась теперь, то я долженъ буду сказать и ту правду что занятіе это было временное.

— Нѣтъ, нѣтъ, засмѣялся Бибиковъ,—я начальственно рекомендую вамъ продолжать эту роль столоначальника во мнѣніи этихъ милыхъ вашихъ Парижанокъ-покровительницъ; какимъ,

---

* Въ то время въ чинѣ генералъ-майора состоялъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а въ послѣдствіи былъ генералъ-губернаторомъ нѣсколькихъ губерній сѣверо-западнаго края.

** Исполняете обязанности столоначальника.

Digitized by Google

впрочемъ, скоро, надѣюсь, и будете, потому что, какъ я уже вамъ, кажется, говорилъ, мѣсто Баркова въ консульскомъ столѣ перваго отдѣленія, у князя Львова, будетъ свободно, и оно будетъ вашимъ, тѣмъ болѣе что князь Львовъ, который въ роднѣ съ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, повидимому, очень любезно расположенъ къ вамъ. Вы гдѣ-то съ нимъ встрѣчались въ обществѣ?

— У его родни, Марьи Алексѣевны Крыжановской, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.

— Ежели вы, продолжалъ Бибиковъ, улыбаясь,—вѣрно и справедливо описали Удѣльное Земледѣльческое Училище, эту государственную милліонную бирюльку,—то вы заслуживаете названіе Тацита этого образцоваго заведенія. Честь вамъ и слава, господинъ Тацитъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища! Но за симъ je vous souhaite le bonjour monsieur le Tacite et collaborateur *de l'Abeille du Nord* *.

Такимъ насмѣшливымъ своимъ выходкамъ Бибиковъ любилъ подвергать подчиненныхъ ему молодыхъ людей, въ которыхъ онъ замѣчалъ стремленіе къ самостоятельности. Этого рода шутки Дмитрія Гавриловича всегда дѣйствовали на меня непріятнымъ образомъ и оставляли во мнѣ тяжелое впечатлѣніе, заставлявшее меня желать какъ можно скорѣе избавиться отъ чести служить подъ его начальствомъ.

Во вторникъ вечеромъ, какъ было назначено Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ,—я отправился къ нему на первый сеансъ. Меня тотчасъ ввели въ его кабинетъ, гдѣ я его нашелъ одѣтымъ въ темный шелковый шлафрокъ. Онъ принялъ меня очень любезно и тотчасъ пригласилъ читать ему вслухъ статьи отчета за 1834 годъ. Я читалъ медленно, внимательно; а онъ часто останавливалъ меня, находя то то, то другое выраженіе не довольно литературнымъ. Мнѣ приводилось придумывать различныя выраженія, для замѣны тѣхъ которыя онъ забраковывалъ, или, напротивъ, иногда доказывать что такое-то слово въ данномъ случаѣ не замѣнимо. При этомъ развивался разговоръ, свидѣтельствовавшій о тѣхъ обширныхъ свѣдѣніяхъ какими владѣлъ Левъ Алексѣевичъ, какъ относительно русскаго языка и русской грамматики, такъ вообще многихъ наукъ. Однако я не могъ не замѣтить что все это

* Прощайте господинъ Тацитъ, сотрудникъ *Сѣверной Пчелы*.

Digitized by Google

занятіе со мною было ни болѣе, ни менѣе какъ одна лишь комедія для претекста дать мнѣ довольно лестный случай работать съ нимъ въ его кабинетѣ; потому что я читалъ по одной тетради, между тѣмъ какъ другая, совершенно исправленная и очищенная уже, лежала предъ нимъ, и онъ въ нее постоянно заглядывалъ. Работа наша, отъ времени до времени, пріостанавливалась, и тогда Левъ Алексѣевичъ или дѣлалъ мнѣ совершенно посторонніе вопросы, къ дѣлу вовсе не относившіеся, или, по поводу какого-нибудь факта отчета, разказывалъ подробности этого факта. Разговоръ его былъ полонъ интересныхъ свѣдѣній, которыя врѣзывались въ мою молодую любознательную память, такъ что когда я явился къ нему на слѣдующій вечеръ, то, пользуясь антрактомъ, во время довольно продолжительнаго чаепитія съ множествомъ разнообразныхъ и вкусныхъ печеній,—я вынулъ изъ кармана мою сафьянную агенду и прочелъ ему все то что онъ имѣлъ любезность мнѣ наканунѣ разказывать объ устройствѣ быта различныхъ удѣльныхъ крестьянъ и, между прочимъ, о нравахъ и обычаяхъ такихъ инородцевъ каковы Мордва, Чуваши и Черемисы, какихъ много между удѣльными крестьянами. Такая моя внимательность, казалось, очень ему понравилась, и онъ какъ бы въ награду мнѣ въ этотъ разъ былъ еще говорливѣе, сообщивъ, между прочимъ, различныя свои замѣчанія о раскольникахъ вообще и о молоканахъ Саратовской губерніи въ особенности. О послѣднихъ онъ относился съ видимымъ къ нимъ расположеніемъ и снисходительностью.

— Эти люди, говорилъ мнѣ Левъ Алексѣевичъ, — отвергаютъ иконы и ектинью съ моленіемъ о властяхъ, правда; но они выкупаютъ заблужденія своей секты, имѣющей много общаго съ англійскою сектою квакеровъ, различными семейными, обще-человѣческими и гражданскими добродѣтелями. Они трезвы до педантизма, нравственны, прекрасные семьяне, отличные, трудолюбивые хозяева, крѣпки въ данномъ словѣ, дружбу соблюдаютъ свято, составляютъ тѣсное братство, любятъ помогать честной бѣдности и не допускаютъ одинъ другаго до разоренія. Я посѣщалъ ихъ инкогнито и вынесъ изъ этихъ моихъ посѣщеній самыя утѣшительныя воспоминанія. Во всемъ удѣлѣ не найдется лучшихъ плательщиковъ всѣхъ податей и исполнителей всѣхъ гражданскихъ и общественныхъ обязанностей.

Digitized by Google

служа съ тѣмъ вмѣстѣ всѣмъ окрестнымъ православнымъ крестьянамъ примѣромъ честности и трезвости. Ни побои, ни ругательныя слова имъ не извѣстны и ни въ какихъ случаяхъ ими не употребляются. Отъ воинской натуральной повинности они откупаются деньгами, считая, по своимъ правиламъ, военное ремесло однимъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ. Мѣстное духовенство къ нимъ, разумѣется, не благоволитъ; но я призывалъ къ себѣ всѣхъ окрестныхъ удѣльныхъ священниковъ и просилъ ихъ оставлять молоканъ въ покоѣ, стараясь, со временемъ, мѣрами кротости и пріязни, а отнюдь не гоненія и раздраженія, сближать ихъ съ православіемъ.*

— Какъ жаль, ваше превосходительство, сказалъ я, — молокане, конечно, ни за что на свѣтѣ не согласятся отдавать сыновей своихъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище!

— На счетъ этого, замѣтилъ Левъ Алексѣевичъ,—у меня въ головѣ проектъ, для исполненія котораго нужно, конечно, время. Подлѣ нѣкоторыхъ молоканскихъ селеній нашего удѣльнаго вѣдомства поселены гернгутеры-колонисты. Одинаковость воззрѣній сблизила ихъ, и они живутъ между собою очень дружно. Наши молокане-земледѣльцы позаимствовали у гернгутеровъ много такихъ хозяйственныхъ подробностей которыя на практикѣ оказались очень полезными въ ихъ быту. Вообще молокане необыкновенно падки ко всѣмъ усовершенствованіямъ въ дѣлѣ землевоздѣлыванія и сельской промышленности; они въ особенности большіе охотники до хорошихъ домашнихъ животныхъ и щеголяютъ ими. У гернгутеровъ превосходный рогатый скотъ, тонкорунныя овцы, отличныя рабочія лошади; но когда межа въ межу съ молоканскою деревнею вдругъ выростетъ образцовая усадьба съ нашими избраннѣйшими и наилучшими пятью, шестью воспитанниками-хозяевами, у которыхъ будутъ и коровы, и волы, и лошади, и овцы превосходнѣе даже тѣхъ что у колонистовъ, то это непремѣнно при-

* Это привелось мнѣ слышать за 37 лѣтъ предъ симъ изъ устъ одного изъ государственныхъ мужей того времени, который въ послѣдствіи, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, преслѣдуя, сколько извѣстно, правительственныя цѣли относительно другихъ раскольничьихъ сектъ, сохранилъ расположеніе свое къ молоканамъ, изъ которыхъ многіе, въ теченіе времени, приняли православіе.

Digitized by Google

влечетъ сосѣдей-молоканъ къ молодымъ православнымъ фермерамъ, и произойдетъ на этомъ рубежѣ то сближеніе которое не вдругъ, а со временемъ сдѣлаетъ свое дѣло сліянія и уничтоженія ереси, съ сохраненіемъ началъ нравственности. Я мечтаю что лѣтъ черезъ десять отъ сегодняшняго дня, въ молоканскихъ деревняхъ будетъ нѣсколько такихъ домовъ которые, посредствомъ браковъ, соединятся съ нашими усадебниками, и это послужитъ могучимъ ядромъ окончательнаго сліянія сектаторовъ съ православными. И тогда, нѣтъ сомнѣнія, хозяева-молокане, довольные своими зятьями,—не затруднятся высылать сыновей своихъ учиться правиламъ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства въ столь любимое вами и такъ подробно вами описанное наше Удѣльное Земледѣльческое Училище.*

— О! воскликнулъ я съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ, заставившимъ Льва Алексѣевича даже слегка засмѣяться,—какъ бы счастливъ я былъ, ваше превосходительство, ежелибы мнѣ привелось хоть сколько-нибудь участвовать въ осуществленіи этого превосходнаго проекта.

— Ничего нѣтъ легче, замѣтилъ съ искусственно серіознымъ видомъ Левъ Алексѣевичъ.—Для этого примите у насъ службу помощника управляющаго Саратовской удѣльной конторы, и тогда я распоряжусь такъ чтобы главный пунктъ вашей служебной дѣятельности былъ въ центрѣ молоканскаго района.

Выразивъ мою благодарность за это вниманіе, я объяснилъ Льву Алексѣевичу невозможность, въ какую я поставленъ семейными обстоятельствами, оставить Петербургъ.—Въ слѣдующій и всѣ послѣдующіе до воскресенья вечера занятія мои съ Львомъ Алексѣевичемъ продолжались такъ какъ начались. Въ субботу все было окончено согласно желанію Перовскаго: отчетъ былъ редактированъ такъ какъ ему именно хотѣлось, хотя, правду сказать, моихъ личныхъ исправленій тутъ было много-много три или четыре, и затѣмъ перебѣленная въ училищѣ у Байкова тетрадь перевода была вручена его превосходительству, который сказалъ мнѣ на прощаньи нѣсколь-

* Сколько мнѣ извѣстно, мечта Льва Алексѣевича осталась мечтою, преимущественно потому что онъ не могъ найти исполнителей для ея осуществленія между своими подчиненными удѣльными чиновниками.

Digitized by Google

ко очень любезныхъ словъ, съ приглашеніемъ всегда, когда мнѣ нечего дѣлать лучшаго, заходить къ нему въ свободные вечерніе часы для бесѣды. Любезнымъ приглашеніемъ этимъ я не воспользовался однако, будучи убѣжденъ что оно сдѣлано чисто изъ вѣжливости, а ежелибы я, чего добраго, вздумалъ принять слова эти въ буквальномъ ихъ смыслѣ и явился бы къ его превосходительству въ одинъ прекрасный вечеръ, такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, то онъ, конечно, возымѣлъ бы преплохое понятіе о моемъ свѣтскомъ воспитаніи.

XVII.

Какъ предсказывалъ Байковъ, такъ и случилось: въ воскресенье, довольно рано поутру, часовъ въ девять, ко мнѣ прискакалъ на парѣ въ казенныхъ пошевняхъ курьеръ департамента удѣловъ съ запечатаннымъ и надписаннымъ на мое имя пакетомъ, въ которомъ я дѣйствительно нашелъ шесть сторублевыхъ бумажекъ, съ короткимъ собственноручнымъ письмомъ Льва Алексѣевича, который, ласково благодаря меня за успѣшное исполненіе порученныхъ имъ мнѣ двухъ письменныхъ работъ, просилъ принять за каждую ничтожное вознагражденіе, какъ значилось въ письмѣ, по 300 р.—Я хотѣлъ было, по отъѣздѣ курьера, отправиться къ Л. А. Перовскому чтобы благодарить его; но въ это самое время на дворъ мой вкатилъ обыкновенный казенный возница изъ Земледѣльческаго Училища съ цыдулкою отъ Байкова, приглашавшею меня сѣсть въ присланныя имъ за мною темно-зеленыя чухонскія санки, запряженныя парочкой косматыхъ обвенокъ, и ѣхать къ нему, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ много интереснаго мнѣ разказать.

То интересное что̀ имѣлъ Байковъ мнѣ разказать состояло въ томъ, что наканунѣ, то-есть въ субботу, заведеніе было посѣщено извѣстнымъ и значительнымъ уже и тогда дежурнымъ генераломъ и начальникомъ всего управленія военныхъ поселеній генералъ-адъютантомъ Петромъ Андреевичемъ Клейнмихелемъ, который осматривалъ училище, со всѣми его принадлежностями, присутствовалъ при пробномъ экзаменѣ

Digitized by Google

во всѣхъ предметахъ преподаванія, задавалъ различные вопросы воспитанникамъ и получалъ отъ нихъ изумительные отвѣты. Само собою разумѣется что угощеніе завтракомъ въ сельскомъ домикѣ, маневръ примѣрнаго пожара, пѣніе гимновъ и русскихъ пѣсенъ были сильно пущены въ ходъ. Все это видимо нравилось Клейнмихелю; но онъ пришелъ просто въ неописанный восторгъ, когда въ его присутствіи въ кузницѣ воспитанники сработали нѣсколько подковъ и топоровъ; въ столярной нѣсколько человѣкъ, при немъ, изъ простаго куска дерева смастерили табуретъ; въ сапожной сшита была въ нѣсколько рукъ пара сапогъ крестьянскихъ, уже подготовленныхъ; на токарномъ станкѣ выточенъ былъ стаканъ, и все это было съ приличными привѣтствіями поднесено его превосходительству на память посѣщенія имъ училища. Прощаясь съ Байковымъ, чутьемъ своимъ умѣвшимъ уразумѣть что Клейнмихель далеко, очень далеко пойдетъ и будетъ ворочать многимъ,— Петръ Андреевичъ облобызалъ Матвѣя Андреевича многократно и сказалъ ему: „Ну, господинъ директоръ, скажу вамъ откровенно: видалъ-таки я на своемъ вѣку чудеса подъ начальствомъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; но вы просто за поясъ заткнули наши военныя поселенія съ тѣмъ что вы успѣли сдѣлать въ какой-нибудь одинъ годъ здѣсь. Боже мой! Какъ бы весь этотъ порядокъ порадовалъ графа Алексѣя Андреевича, ежели бы онъ могъ все это видѣть! Но онъ въ Петербургъ изъ своего Грузина не ѣдетъ. Я, просто, не нахожу словъ чтобы достойно благодарить васъ.“

Затѣмъ Клейнмихель съ трудомъ помѣстился въ своемъ возкѣ, гдѣ нашелъ кромѣ обычной корзины съ молочными скопами и съ хлѣбами, топоръ, двѣ пары подковъ, деревянный табуретъ, такой же стаканъ и пару мужицкихъ сапоговъ au naturel, еще не вычерненныхъ. Казалось, что самые великолѣпные царскіе подарки не такъ бы его восхитили, какъ эти простыя деревенскія вещи, издѣлія воспитанниковъ-крестьянъ, изготовившихъ ихъ въ его присутствіи.

Въ теченіи дня отъ Льва Алексѣевича получено было Матвѣемъ Андреевичемъ письмо, извѣщавшее его о томъ что пріемъ сдѣланный имъ Клейнмихелю произвелъ въ послѣднемъ, хотя и далеко не экспансивномъ и откровенномъ человѣкѣ, такое неподдѣльное удовольствіе, что онъ въ тотъ же вечеръ, встрѣтивъ свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича на вечерѣ

Digitized by Google

у военнаго министра, графа Александра Ивановича Чернышева, сдѣлалъ видъ что кланяется ему въ ноги, за то что онъ создалъ такое заведеніе, каково Удѣльное Земледѣльческое Училище, и умѣлъ найти такого человѣка, каковъ этотъ волшебникъ Байковъ.—„За Байкова я спасибо Перовскому: онъ его откопалъ", сказалъ князь. Потомъ Клейнмихель сталъ описывать чудеса Земледѣльческаго Училища, обратясь уже къ самому графу Чернышеву и ко всѣмъ бывшимъ тутъ генералъ-адъютантамъ, повторяя: „Наши военныя поселенія и въ подметки сюда не годятся: въ годъ тамъ сдѣлано сравнительно больше чѣмъ у насъ во всѣ наши 18 лѣтъ. Главное въ томъ что у насъ люди—машины, автоматы; а здѣсь все распревеселые живчики, которые всѣ эти чудеса творятъ какъ будто съ такою охотою и съ такимъ удовольствіемъ!" Кончая письмо, Перовскій рекомендовалъ Байкову пріѣхать къ нему завтра поутру въ 8 часовъ лично и непремѣнно разказать ему все самымъ подробнымъ образомъ о пріемѣ сдѣланномъ Клейнмихелю, а также, чтобы самъ привезъ и горячіе бублики къ чаю. Въ постъ-скриптумѣ онъ говорилъ еще, чтобы, ежели Байковъ увидитъ меня, то предупредилъ бы что Левъ Алексѣевичъ будетъ просто сердиться, ежели Б. разлетится къ нему съ благодарностями за тотъ „пустякъ" который ему сегодня былъ посланъ.

Какъ ни уклонялся Левъ Алексѣевичъ отъ выраженія мною изустно моей признательности, я все-таки нашелъ невозможнымъ чтобъ это прошло совершенно безслѣдно, почему у Матвѣя Андреевича въ его кабинетѣ написалъ проектъ благодарственнаго, краткаго, но довольно сильнаго и крайне вѣжливаго письма, который и показалъ Байкову, какъ человѣку глубоко знавшему всю суть чувствъ и мнѣній своего начальника. Байковъ, посовѣтовавъ измѣнить два, три слишкомъ комплиментныя выраженія, одобрилъ проектъ письма. Я переписалъ его тутъ же, и запечатанное въ конвертъ письмо это Матвѣй Андреевичъ взялся представить завтра лично его превосходительству. А затѣмъ, когда мы съ гостепріимнымъ хозяиномъ расположились на покой въ его кабинетѣ, Матвѣй Андреевичъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ предложеніемъ:

— Мнѣ, В. П., хотѣлось бы войти съ вами въ одно дѣло, исполненіе котораго, я думаю, вамъ не будетъ слишкомъ трудно; а между тѣмъ оно и вамъ принесетъ существенную и вещественную пользу, да и нашему училищу будетъ отъ него хорошо

Digitized by Google

Проектъ мой состоитъ въ томъ чтобы вы придумали канву „простонароднаго романа", въ которомъ было бы помѣщичье село, управляемое умнымъ старостой; у старосты этого дочка, за которую, какъ за богатую невѣсту, сватается какой-нибудь ловкій мѣщанинъ, парень также богатый, но отецъ предпочитаетъ этому франту бѣднаго сироту, сына бывшаго господскаго слуги, убитаго въ сраженіи, въ то время какъ непріятель хотѣлъ зарубить барина. Благодарный баринъ, выслужась на войнѣ, упросилъ государя, какъ милости, принять этого сироту въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ парень всему отлично выучился, и баринъ далъ ему у себя въ селѣ образцовую усадьбу. Старостина дочь ему приглянулась, а онъ понравился дѣвушкѣ. Свадьба. А затѣмъ пойдетъ житье-бытье молодыхъ, причемъ старостина жена, баба съ предразсудками, недовольная тѣмъ что дочь не вышла за богатаго мѣщанина, который сдѣлался купцомъ и очень форситъ, — заводитъ разные безпорядки. Отсюда рядъ случаевъ, событій, происшествій, въ которыхъ молодой усадебникъ являетъ различныя хорошія черты христіанскаго терпѣнія и твердости воли. Хозяйство его процвѣтаетъ, не взирая на всѣ препоны и неудачи. Побѣда надъ вражьею силой, невѣжество крестьянъ и разнаго рода интриги; но вообще въ концѣ концовъ, разумѣется, торжество знанія надъ невѣжествомъ и добродѣтели надъ порокомъ, какъ быть должно. Все это надо разсвѣтить различными описаніями деревенскихъ обычаевъ и обрядовъ, прошпиговать мужицкими предразсудками и глупыми понятіями, поставивъ имъ въ параллель усовершенствованный образъ жизни крестьянина получившаго здѣшнее образованіе, но отнюдь не идеальнаго бѣлоручки. Даю вамъ идею; а ужь вы сами мастерите какъ знаете; ученаго учить только портить. Когда вы составите всю программу, мы ее вмѣстѣ съ вами прочтемъ и переправимъ въ ней то чтò переправить потребуется. А потомъ разобьемъ все на главы. Вы напишете главу, съ отгибомъ полустраницы, и пришлете или привезете сами ко мнѣ, оставивъ мнѣ дня на два. Мнѣ знакомъ лучше чѣмъ вамъ мужицкій бытъ и различныя хозяйственныя подробности. Вотъ это-то все я и буду вставлять въ каждую присланную вами мнѣ главу. Получивъ ее отъ меня обратно, вы ее обчистите, какъ тамъ знаете, и отдадите въ передѣлку, или всего лучше, сами перебѣлите и, перебѣливъ, съ готовенькою главой, прі-

Digitized by Google

ѣдете къ намъ сюда на воскресенье, какъ уже это у насъ заведено. Тогда вскорѣ послѣ вашего обѣда, то-есть часа такъ въ три или четыре, освѣтивъ лампами ветеринарный театръ, гдѣ у насъ скамьи амфитеатромъ до самаго потолка, созовемъ туда ребятъ, и вы, сѣвъ на каѳедру, будете читать вашимъ громкимъ, яснымъ голосомъ, въ одно воскресенье одну, въ другое другую главу и такъ далѣе каждое воскресенье. Мальчикамъ, кромѣ удовольствія, это принесетъ много пользы, я увѣренъ, и они цѣлую недѣлю будутъ промежъ себя разговаривать о томъ что̀ слышали, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать вашего пріѣзда. Они и то уже васъ любятъ, тогда же вы сдѣлаетесь ихъ величайшимъ другомъ. Ради Бога не отговаривайтесь неумѣньемъ: ни я, ни Левъ Алексѣевичъ, который мнѣ и мысль эту подалъ, не хотимъ объ этомъ ничего слышать, и кромѣ васъ, какъ уже хорошо сблизившагося съ нашимъ училищемъ, ни о комъ и слышать мы не хотимъ. Итакъ, это дѣло рѣшенное: въ будущее воскресенье вы привезете мнѣ всю программу по плану мною вамъ теперь высказанному, и каша заварится, расхлебаемъ же ее всѣ мы: на вашу долю достанется польза и удовольствіе, на вашу трудъ и.... денежки-съ! Да-съ, потому что Левъ Алексѣевичъ рѣшилъ такъ: вы печатайте сколько хотите экземпляровъ, когда книга будетъ готова; но удѣльный департаментъ вамъ выдастъ сумму за бумагу, печать, корректуру и брошюровку 1.200 экземпляровъ, по представленному вами счету. Мы изъ 1.200 беремъ у васъ 1.000 по 2 рубля каждый экземпляръ, то-есть выдаемъ вамъ 2.000 рублей, а отъ васъ получаемъ 1.000 экземпляровъ, которые тотчасъ разсылаемъ по всѣмъ нашимъ волостямъ, обязавшись вамъ не пустить въ продажу ни единаго экземпляра.

Не буду утомлять читателя разказомъ о томъ какъ я сначала отнѣкивался, какъ Байковъ энергически настаивалъ на исполненіи мною, а не кѣмъ другимъ его предложенія. Скажу только что какъ толковалъ Байковъ, такъ все и было сдѣлано, то-есть въ теченіе, кажется, двадцати недѣль я въ каждый воскресный вечеръ читалъ въ ветеринарномъ театрѣ, носившемъ свое названіе совершенно неправильно, потому что всѣ пріемы практической ветеринаріи преподавались или въ конюшняхъ и хлѣвахъ, или на открытомъ воздухѣ гдѣ-нибудь на задворкахъ, здѣсь же только находились костяки и по стѣнамъ развѣшаны были раскрашенныя изображенія различныхъ домашнихъ

Digitized by Google

животныхъ усовершенствованныхъ породъ. Чтеніе каждой главы, исправленной Байковымъ и мною перебѣленой, доставляло искреннее наслажденіе воспитанникамъ, не знакомымъ или очень мало знакомымъ съ чѣмъ-нибудь лучшимъ. Въ каждой главѣ было что-нибудь трогательное, что-нибудь назидательное, что-нибудь патетическое и даже трагическое; но непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ что-нибудь и очень смѣхотворное, разумѣется, безъ особеннаго остроумія и довольно грубоватое, что̀ впослѣдствіи, когда книга печаталась, при условіяхъ тогдашнейуморительной цензуры, — вымарывалось красными чернилами цензора, находившаго иныя картины слишкомъ натуральными, а выраженія черезчуръ тривіальными. Но въ чтеніи безцензурномъ все это производило великолѣпный эффектъ на мою аудиторію, члены которой иногда прерывали чтеца, то-есть меня, гомерическимъ хохотомъ или одноличными восклицаніями, относительно кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ романа, въ особенности одного Щелкоперова: „Ахъ! подлецъ! Вотъ лопался бы, такъ бы рыло ему и снесъ!“ — Какъ бы то ни было, но такимъ образомъ, въ теченіе года составилась книга въ 25—30 печатныхъ листовъ: *Деревенскій староста Миронъ Ивановъ, соч. Бориса Волжина*, которой и нынче можно найти экземпляръ какъ рѣдкость.

Однако я опять забѣжалъ слишкомъ впередъ съ разказомъ объ этой книгѣ, которая явилась позже, но въ рукописи дѣйствительно восприняла начало въ эту пору, и постоянно каждая ея глава подвергалась измѣненіямъ и передѣлкамъ, по прочтеніи въ воскресные и праздничные вечера воспитанникамъ, дѣлавшимъ свои замѣчанія между собою, но собираемыя тщательно Байковымъ и мнѣ сообщаемыя, благодаря чему многія подробности этой книги носятъ колоритъ настоящаго крестьянскаго быта, съ крестьянскими же предразсудками, повѣрьями и обычаями. Ежели бы всѣмъ тѣмъ сырымъ матеріаломъ какой въ книгу эту вошелъ могъ воспользоваться въ то время не я, а человѣкъ съ могучимъ талантомъ Тургенева, Писемскаго или Мельникова (Печерскаго), начавшихъ подвизаться на литературномъ поприщѣ гораздо позже, то изъ книги этой вышло бы что-нибудь очень замѣчательное. Но какъ бы то ни было, книга эта, читаемая въ тѣ времена по главамъ воспитанникамъ, сильно интересовала ихъ, и всякій разъ когда я пріѣзжалъ въ училище съ новою главой, они спрашивали меня,

Digitized by Google

до начала чтенія, о томъ что̀ случилось съ тѣмъ или другимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого простонароднаго романа, фабула котораго, при всей своей простотѣ и незатѣйливости, нравилась моимъ слушателямъ, которые то смѣялись, то украдкой утирали навертывавшіяся слезы.

Кончаю съ книгой моею, пріобрѣтенною отъ меня удѣльнымъ вѣдомствомъ въ количествѣ 1.000 экземпляровъ по 2 р. ассигн. каждый, и возвращаюсь къ продолженію послѣдовательнаго хода событій, остановившагося на 7мъ декабря 1834 года, когда я, пріѣхавъ изъ Земледѣльческаго домой, разумѣется, опять отправился въ мой департаментъ, гдѣ въ этотъ самый день имѣлъ несовсѣмъ ласковый разговоръ съ директорскимъ угодникомъ хромымъ Бакунинымъ, которому, какъ извѣстно было, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, его противникъ на дуэли всадилъ пулю въ ногу, вслѣдствіе чего онъ остался хромъ на всю жизнь и всегда волочилъ не сгибавшуюся какъ полѣно лѣвую ногу, быстро прыгая на правой. Онъ повстрѣчался со мною на лѣстницѣ во время расхода чиновниковъ изъ департамента, то-есть въ пятомъ часу пополудни, когда лѣстницы были уже ярко освѣщены. Бакунинъ, прыгая со ступеньки на ступеньку при помощи трости, остановился предо мной на одной площадкѣ, гдѣ столпилось человѣкъ десять департаментской братіи, спѣшившей утолить голодъ, кто дома, кто въ кухмистерской, и указывая на меня, громко сказалъ: „О! знаменитый господинъ Тацитъ!“

— Николай Модестовичъ, возразилъ я съ недовольнымъ видомъ,—я долженъ вамъ сказать разъ навсегда что я считаю клички разнаго рода приличными лишь школярамъ.

— А я имѣю честь вамъ доложить, продолжалъ поддразнивая меня Бакунинъ,—что кличка эта дана вамъ вовсе не школяромъ, а его превосходительствомъ Дмитріемъ Гавриловичемъ, который, увѣряю васъ, иначе васъ не называетъ какъ Тацитомъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, послѣ статьи вашей въ *Сѣверной Пчелѣ*,—статьи надѣлавшей столько шума.

Бывшіе тутъ чиновники усмѣхнулись, что̀ еще больше разсердило меня, и я сказалъ обращаясь къ Бакунину.

— Выскимъ начальникамъ, а также и глупцамъ, законъ не писанъ, а какъ вы мнѣ нисколько не начальникъ, дуракомъ же себя конечно не признаете, то благоволите снова припомнить что я этихъ всѣхъ собрике терпѣть не могу.

Бакунинъ смолчалъ, но съ тѣхъ поръ при встрѣчахъ со мною не раскланивался и былъ въ моемъ присутствіи молчаливъ какъ рыба.

Само собою разумѣется что эта моя вспышка не прошла мнѣ даромъ, будучи доведена до свѣдѣнія Бибикова, который нашелъ нужнымъ лишить меня награды къ Новому Году. Но я уже началъ тогда мало обращать вниманія на разныя денежныя убавки, какими меня Дмитрій Гавриловичъ угощалъ по департаменту, потому что потери эти съ избыткомъ пополнялись частными доходами по сотрудничеству въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній* А. П. Батуцкаго, равно какъ работою на книгопродавцевъ, для которыхъ я пекъ дѣтскія книги словно блины, почему, правду сказать, онѣ и не отличались большими достоинствами, хотя раскупались и читались за неимѣніемъ лучшаго. Независимо отъ этихъ трудовыхъ заработковъ, значительно восполнявшихъ сумму служебныхъ дефицитовъ, я имѣлъ еще довольно хорошія выгоды отъ всего того что̀ Матвѣй Андреевичъ Байковъ устраивалъ въ мою пользу. Такимъ образомъ въ теченіе тѣхъ годовъ которые прошли послѣ напечатанія въ *Сѣверной Пчелѣ* первой моей статьи объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, я получалъ отъ времени до времени отъ него право на отдѣльныя изданія различныхъ руководствъ, составляемыхъ или лично имъ или учителями подъ его наблюденіемъ, для воспитанниковъ училища. Изъ числа этихъ руководствъ прежде другихъ изданы были мною, вопервыхъ, записки чисто практическія *О приготовленіи молочныхъ скоповъ на училищной фермѣ*, вовторыхъ, *Собраніе ариѳметическихъ задачъ съ примѣрами заимствованными изъ практики земледѣлія и скотоводства*, и втретьихъ, тѣ записки по которымъ Байковъ преподавалъ въ училищѣ науку практическаго земледѣлія. Записки эти, превосходно составленныя и напечатанныя въ типографіи департамента удѣловъ, были значительно дополнены тѣми чисто практическими замѣтками какія воспитанники дѣлали весьма раціонально и толково подъ наблюденіемъ учителя Максимова, служившаго Байкову какъ бы инспекторомъ классовъ въ заведеніи. Запискамъ этимъ и примѣчаніямъ къ нимъ я далъ нѣсколько иную форму, снабдилъ ихъ нѣсколькими рисунками земледѣльческихъ орудій и снарядовъ, равно какъ изображеній домашнихъ животныхъ улучшенныхъ породъ и назвалъ эту кни-

Digitized by Google

гу въ двухъ томахъ: *Бесѣды петербургскаго жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ.* Соч. Бориса Волжина. Возникавшій тогда книгопродавецъ Василій Петровичъ Поляковъ, прежній мальчикъ, а потомъ прикащикъ Глазунова, торговавшій въ Гостиномъ дворѣ по суконной линіи, почти на томъ мѣстѣ гдѣ теперь великолѣпный книжный магазинъ М. О. Вольфа, пріобрѣлъ отъ меня право на это изданіе за болѣе или менѣе хорошія, по тогдашнему, деньги и напечаталъ книгу, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, помнится, въ шести или семи тысячахъ, отъ которыхъ въ настоящее время, говорили мнѣ, съ трудомъ можно найти экземпляръ, особенно послѣ пожара Апраксина двора въ 1862 году.*

Книга эта напоминаетъ мнѣ о странномъ столкновеніи, какое по поводу ея я имѣлъ съ знаменитымъ Ѳ. В. Булгаринымъ, который въ это время по какимъ-то обстоятельствамъ гнѣвался на издателя этой книги Полякова, чѣмъ-то не угодившаго ему. Вслѣдствіе такихъ отношеній, Булгаринъ считалъ себя въ правѣ ругать все то что̀ издаваемо было Поляковымъ. Когда явились въ свѣтъ *Бесѣды петербургскаго жителя*, покойный Степанъ Михайловичъ Усовъ, тогдашній редакторъ казенной *Земледѣльческой Газеты*, понявъ сразу всю практичность этой книги, горячо рекомендовалъ ее на столбцахъ редактируемой имъ газеты, расходившейся тогда въ баснословномъ количествѣ, чуть ли не 12.000 экземпляровъ. Отзывъ этой газеты, тогдашняго оракула всѣхъ помѣщиковъ, былъ Поляковымъ цѣликомъ напечатанъ въ томъ громадномъ, въ величину большой простыни, объявленіи-рекламѣ, какое Поляковъ разослалъ по всей Россіи въ количествѣ 100.000 экземпляровъ. *Сѣверная Пчела*, *Инвалидъ*, *Петербургскія Академическія Вѣдомости*, знаменитая тогда *Библіотека для Чтенія* отозвались объ этой книгѣ, хотя и вполнѣ спеціальной, вслѣдствіе сдѣланнаго объ ней отзыва такимъ знатокомъ агрономіи, какимъ, справедливо или нѣтъ, не буду вникать въ это, считался въ ту пору почтен-

* Этотъ несчастный Поляковъ нѣкогда сильно процвѣталъ и издавалъ безчисленное множество книгъ разнаго рода, приносившихъ ему хорошія выгоды. Онъ издавалъ въ послѣдствіи журналъ *Пантеонъ русскаго и иностранныхъ театровъ*. Въ настоящее время разбитый параличомъ, онъ въ крайности и ничѣмъ уже не занимается.

Digitized by Google

нѣйшій Степанъ Михайловичъ Усовъ, отозвались съ полною любезностію, указывая на нее какъ на спасительную ладью отечественнаго хозяйства и, при сей вѣрной оказіи, восхваляли Удѣльное Земледѣльческое Училище, воскуряли еиміамъ министру двора и Льву Алексѣевичу Перовскому, а Матвѣя Андреевича Байкова провозглашали положительно практическимъ русскимъ Тэромъ, Домбалемъ, Феленбергомъ, Бекуэлемъ tout de bon. Словомъ, изданіе это, доставивъ мнѣ нѣсколько сотенъ рублей, а издателю принеся многія тысячи, служило сильною рекламой Земледѣльческому Училищу, и Байковъ рукоплескалъ этимъ книжнымъ успѣхамъ въ тихомолку. Но вдругъ Булгаринъ, по возвращеніи своемъ изъ Дерпта, или скорѣе изъ своего любезнаго Карлова, печатаетъ въ *Сѣверной Пчелѣ* статью діаметрально противоположную той которая о книгѣ этой уже была напечатана въ ней во время его отсутствія изъ Петербурга, ругая въ статьѣ этой, разумѣется, бездоказательно, какъ книгу, такъ особенно ея составителя, скрывающагося подъ псевдонимомъ Бориса Волжина и, наконецъ, издателя, книгопродавца Полякова, заявляя со свойственнымъ ему апломбомъ, что онъ, Булгаринъ, знатокъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства; а что все то что̀ тутъ напечатано не что̀ иное какъ величайшій вздоръ и чепуха, доказательствомъ чему служитъ, главнѣйше, то что въ книгѣ этой, на страницѣ такой-то, говорится о приготовленіи рыжиковаго растительнаго масла. Это рыжиковое масло заставило г. Булгарина глумиться на нѣсколькихъ столбцахъ своей газеты. „Ха! ха! ха! Масло изъ грибовъ рыжиковъ! Ха! ха! ха! Вотъ чему васъ учатъ петербургскіе хозяева-дилеттанты! Масло изъ грибовъ! Послѣ этого можно утилизировать и мухоморъ и поганку! Ай-да посѣтитель Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища! Ай-да юные агрономы эти удѣльные крестьяне! Ха! ха! ха! Ай-да знаменитый ихъ расхваливатель г. Борисъ Волжинъ!“— Когда явился этотъ нумеръ *Сѣверной Пчелы*, Байковъ съ экземпляромъ газеты въ рукѣ явился ко мнѣ въ сильномъ неудовольствіи, объявляя что послѣ этого онъ этого Фиглярина никогда и на порогъ не пуститъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище. Мы тотчасъ совмѣстно съ Матвѣемъ Андреевичемъ сочинили возраженіе Булгарину, и возраженіемъ этимъ поистинѣ въ грязь его втоптали, доказавъ что

Digitized by Google

то масличное растеніе изъ котораго добывается масло есть не „рыжики“ (грибы), а „рыжикъ“ (Myagrum sativum. L.). — Сенковскій былъ отъ этого моего, напечатаннаго въ *Сѣверной Пчелѣ*, объясненія въ восторгѣ и хохоталъ надъ соплеменникомъ своимъ Ѳаддеемъ Булгаринымъ; а Гречъ съ тѣхъ поръ, какъ только Булгаринъ о сельскомъ хозяйствѣ чуть хотѣлъ бывало заикнуться, кричалъ: „знаемъ, знаемъ: рыжиковое масло!“—При этомъ Гречъ обыкновенно пускалъ въ ходъ свою обычную выходку противъ Булгарина: „Мой Ѳаддей ни бельмеса не смысля въ политической экономіи, музыкѣ и агрономіи, помѣшанъ на томъ что онъ Сей въ политической экономіи, Берліозъ въ музыкѣ и Тэръ въ агрономіи.“ — Меня Булгаринъ тогда просто возненавидѣлъ; но однако нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ 1843 году я оставилъ уже службу въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, куда я поступилъ помощникомъ директора въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1839 года, — онъ, Булгаринъ, будучи редакторомъ хозяйственнаго журнала *Экономъ*, пригласилъ меня сотрудничествовать въ этомъ изданіи, имѣвшемъ колоссальный успѣхъ, и самъ назначилъ мнѣ 1.500 руб. сер. въ годъ гонорарія, какой я и получалъ отъ этого изданія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Булгаринъ однако никогда не могъ вполнѣ забыть о масличномъ растеніи „рыжикъ“, о которомъ впервые отъ меня услышалъ, хотя оно во всѣхъ русскихъ ботаникахъ находится,—и всегда восклицалъ: „книга Бориса Волжина конечно хорошая книга, я беру назадъ все то что объ ней въ 1835 году сказалъ; но жаль что нѣтъ въ ней латинскихъ названій растеній. Отъ этого-то я и промахнулся.“

XVIII.

Писалъ я до сихъ поръ обширную статью эту, основанную, какъ и всѣ мои ретроспективныя статьи, на личныхъ моихъ воспоминаніяхъ,—по сохраняемому мною моему дневнику, веденному почти съ дѣтства и дополняемому всѣмъ тѣмъ, касающимся до моей личности, что я постоянно нахожу въ оставшемся мнѣ въ единственное наслѣдство пятидесятилѣтнемъ ежедневномъ кропотливомъ журналѣ моей родительницы, умершей въ 1871 году, на 86 году жизни. И такимъ образомъ, во всемъ что до сихъ поръ изложено мною здѣсь почти день въ

Digitized by Google

день, достаточно подробно, вмѣстѣ съ событіями тѣсно между собою связанными, изображены многія лица съ ихъ обстановкой и характеристикой, необходимыми для вѣрной фотографіи. Но среди всего этого, само собою разумѣется, все-таки ярче другихъ личностей выставляется личность Байкова, равно какъ характеристика созданнаго имъ и управляемаго имъ заведенія, которое, кажется, уже довольно вѣрно и ясно мною обрисовано въ печатаемыхъ мною нынѣ статьяхъ, которыя можно бы озаглавить: *Аракчеевщина подъ стѣнами Петербурга.* Однако полнота значенія этого заглавія еще далеко не вполнѣ оправдана тѣмъ чтò разказано мною на всѣхъ этихъ страницахъ; почему, оставивъ теперь методу какъ бы повторенія моего дневника, я буду слѣдовать способу эпизодическому, оставляя безъ упоминанія о случаяхъ маловажныхъ и не касаясь всего того чтò описано здѣсь уже выше, а отмѣчая лишь выпуклые факты и развивая преимущественно подробнѣе лишь тѣ изъ нихъ которые могутъ лучше всего оправдывать данное мною статьѣ моей названіе *Аракчеевщина подъ стѣнами Петербурга*, не оставляя однако безъ вниманія и тѣ которые должны живописать общество того времени въ Петербургѣ съ его дѣятелями, конечно, настолько насколько какъ самое общество, такъ и его различные дѣятели лично были мнѣ извѣстны.

Руководствуясь этимъ правиломъ, скажу что весь 1835 годъ прошелъ безъ особенно знаменательныхъ для меня событій, да и въ жизни Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища ничѣмъ чрезвычайнымъ не ознаменовался. Я, попрежнему, шесть буднихъ дней посвящалъ департаментской службѣ, а по вечерамъ работалъ для *Сѣверной Пчелы* и для *Журнала Общеполезныхъ Свѣдѣній*, часто упоминая какъ въ газетѣ Греча и Булгарина, такъ въ еженедѣльныхъ роскошныхъ тетрадяхъ А. П. Башуцкаго о различныхъ фазахъ чрезъ какія проходило Удѣльное Земледѣльческое Училище, куда я аккуратно каждую субботу ѣздилъ, и оттуда возвращался въ понедѣльникъ утромъ. Въ Земледѣльческомъ я проводилъ время большею частію и почти исключительно въ бесѣдахъ съ Матвѣемъ Андреевичемъ, а отчасти съ его воспитанниками-мужичками. Весною, лѣтомъ, осенью я видѣлъ ихъ преимущественно на поляхъ, въ садахъ, въ огородахъ, зимою же въ классахъ и въ спальняхъ или въ амфитеатрѣ, гдѣ я читалъ имъ, какъ уже говорилъ вы-

Digitized by Google

те, главы изъ моего простонароднаго романа *Деревенскій староста Миронъ Ивановъ*. По окончаніи каждаго чтенія вплоть до ужина шли толки съ воспитанниками о прочитанной мною главѣ, и я собиралъ иногда драгоцѣнныя для меня замѣчанія, всегда почти наивныя, часто меткія и вѣрныя. Это занятіе мнѣ нравилось лучше всякаго театральнаго спектакля, лучше всякаго разговора гостиныхъ. Однако не всѣ вечера посвящалъ я моимъ кабинетнымъ трудамъ, дававшимъ мнѣ дополненіе къ средствамъ жизни, обезличиваемымъ отчасти службою, почему иныя пятницы по вечерамъ я проводилъ въ Шестилавочной, на знакомыхъ уже читателю этого журнала литературныхъ сборищахъ А. Ѳ. Воейкова или на интимныхъ танцовальныхъ собраніяхъ въ Гагаринской улицѣ, у добрѣйшей и глубокоуважаемой Марьи Алексѣевны Крыжановской. Четверговые же вечера я ежели не всѣ, то черезъ двѣ недѣли разъ проводилъ у Н. И. Греча, который, будучи сильно поглощенъ *Энциклопедическимъ Лексикономъ*, почти уже забылъ о томъ предложеніи какое 22го августа 1834 года было ему сдѣлано Байковымъ, относительно составленія подъ его редакціей крестьянской энциклопедіи, о которой и Байковъ также почти не упоминалъ, убѣдясь что едва ли бы эта работа могла быть по плечу вѣтрогону Гречу, и заинтересовавъ уже этою идеей Сенковскаго, въ тотъ визитъ какой Байковъ ему сдѣлалъ съ экземпляромъ своего *Описанія удѣльныхъ имѣній*, расхваленнаго до небесъ тогдашнимъ жестокимъ рецензентомъ *Библіотеки для Чтенія* на страницахъ этого, въ тѣ времена могучаго и сильнаго органа русской печати, имѣвшаго въ публикѣ успѣхъ громадный, особенно благодаря трескучей *Брамбеусовщинѣ*, которою журналъ этотъ былъ полнёхонекъ. Отъ времени до времени однако случалось мнѣ измѣнять Байкову, увѣдомляя его наканунѣ чтобъ онъ въ субботу вечеромъ не присылалъ за мною „подводы", какъ мы въ шутку съ нимъ называли его самодѣльный тарантасикъ, запряженный парочкой мохнатыхъ обвенокъ,съ кучеромъ или солдатомъ, или какимъ-нибудь заштатнымъ воспитанникомъ, обращеннымъ въ постоянные конюхи. Измѣна эта совершалась для того чтобъ обѣдать въ воскресенье въ Ново-Офицерской (нынѣ Тверская) улицѣ, между Таврическимъ садомъ и Смольнымъ, въ домѣ Кутузова, гдѣ, какъ уже я говорилъ, квартировалъ на широкій помѣщичій ладъ безцѣнный солдатъ - литераторъ генералъ - лейтенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Обѣды эти описаны мною съ достаточною

Digitized by Google

подробностью въ статьѣ моей подъ названіемъ: *Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ*, помѣщенной въ нѣсколькихъ ноябрьскихъ нумерахъ 1871 года газеты *Русскій Міръ*. Тамъ же разказалъ я о моемъ въ этомъ гостепріимномъ и хлѣбосольномъ, чисто русскомъ, незабвенномъ для меня, домѣ знакомствѣ со статсъ-секретаремъ Михайломъ Павловичемъ Позеномъ, принимавшимъ въ ту пору такое дѣятельное участіе въ реорганизаціи, по новой системѣ, военнаго министерства и наполнявшаго тогда всѣ департаменты молодыми дѣятелями своего выбора. Меня Михаилу Павловичу отрекомендовалъ Николай Ивановичъ Гречъ, вслѣдствіе какого-то нечаянно имъ заведеннаго разговора за обѣдомъ о какой-то статьѣ, понравившейся почему-то господину Позену. Представивъ меня Михаилу Павловичу тутъ же въ саду Ивана Никитича Скобелева, Николай Ивановичъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать ему немедленно визитъ. Михаилъ Павловичъ жилъ тогда въ домѣ военнаго министерства, бывшемъ Лобанова и до сихъ поръ еще носящемъ въ публикѣ имя прежняго своего владѣльца-строителя, хотя съ тѣхъ поръ прошло добрыхъ 50 лѣтъ. Михаилъ Павловичъ, занимавшій тогда въ первомъ этажѣ довольно скромную квартиру, принялъ меня очень обязательно и любезно и тотчасъ же сказалъ что въ началѣ будущаго 1836 года послѣдуетъ преобразованіе, прежде другихъ департаментовъ, провіантскаго департамента, съ устройствомъ при немъ общаго присутствія, составленнаго изъ особыхъ членовъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-провіантмейстера. Но со всѣмъ тѣмъ какъ члены, такъ канцелярія общаго присутствія должны были находиться въ вѣдѣніи директора канцеляріи военнаго министра, какую должность тогда занималъ статсъ-секретарь Максимъ Максимовичъ Брискорнъ, Михаилъ же Павловичъ Позенъ былъ управляющимъ военно-походною канцеляріей государя императора и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было министромъ графомъ (въ послѣдствіи князь) А. И. Чернышевымъ приведеніе въ организацію новаго устройства общихъ присутствій, почему первое время весь составъ канцелярій этихъ новыхъ учрежденій находился въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Павловичемъ. Въ первый же разъ, прощаясь со мною, Михаилъ Павловичъ мнѣ сказалъ чтобы я, пользуясь каждымъ свободнымъ утромъ, навѣщалъ его и всегда пораньше. Кромѣ тѣхъ воскресеньевъ и праздничныхъ дней, весьма не частыхъ, когда я измѣнялъ Байкову и Удѣльному Земледѣльческому

Digitized by Google

Училищу, я являлся къ Михаилу Павловичу Позену на часъ, на два, пользуясь и даже наслаждаясь его пріятнѣйшею, полною ума и наблюдательности, бесѣдою о различныхъ предметахъ и, между прочимъ, даже довольно часто объ агрономическихъ занятіяхъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Я, разумѣется, говорилъ съ увлеченіемъ о различныхъ опытныхъ посѣвахъ и о нѣкоторыхъ орудіяхъ и снарядахъ вводимыхъ въ этомъ заведеніи, но Михаилъ Павловичъ нерѣдко останавливалъ мои юношескіе порывы, охлаждалъ ихъ жаръ вопросами чисто практическими и вполнѣ раціональными, преимущественно о стоимости этихъ опытовъ, на что̀, признаюсь откровенно, я не умѣлъ отвѣчать и говорилъ что соберу эти свѣдѣнія отъ Байкова, и дѣйствительно въ слѣдующій разъ являлся съ запасомъ цифръ, которыя не выдерживали строгой критики Михаила Павловича, бравшаго тотчасъ карандашъ и дѣлавшаго вычисленія не по идеальнымъ соображеніямъ Байкова, а по настоящимъ цифровымъ даннымъ, которыя имъ извлекаемы были изъ хорошо ему знакомой практики для оцѣнки какъ труда, такъ стоимости земли, а также ея продуктовъ. Онъ однако иногда интересовался нѣкоторыми хозяйственными новыми пріемами, ранними или поздними сѣвами, иными раціональными удобреніями, орудіями приспособленными къ русскому хозяйству, и никогда не глумился надъ моими восхищеніями; а, напротивъ, находилъ этотъ пылъ естественнымъ, совѣтуя однако почаще охлаждать его логичными посылками и простыми ариѳметическими выкладками, помня что то что̀ возможно въ образцовомъ училищѣ стоящемъ милліоны недоступно для практическаго, даже и сильнаго хозяйства. „Впрочемъ вы, молодой человѣкъ, говорилъ онъ, хотя самъ былъ въ то время еле-еле тридцати съ небольшимъ лѣтъ,—вы изъ вашего близкаго съ Земледѣльческимъ Удѣльнымъ Училищемъ знакомства извлечете себѣ не мало пользы, ежели будете относиться ко всему съ критицизмомъ довольно строгимъ, удерживая всячески на уздечкѣ ваше воображеніе и въ особенности ваши восторги."

Между тѣмъ время шло, и я не замѣтилъ какъ наступилъ мартъ мѣсяцъ 1836 года, когда въ одинъ прекрасный день я получилъ на скромной моей квартирѣ визитъ переполошившаго весь домъ фельдъ-егеря, прискакавшаго въ своей легкой перекладной тележкѣ. Фельдъ-егерь этотъ, въ треугольной шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, безъ всякой записки, словесно

Digitized by Google

объявилъ мнѣ что его превосходительство господинъ статсъ-секретарь Позенъ приглашаетъ меня пожаловать къ нему сегодня утромъ (это было часу въ девятомъ утра) не позже десяти часовъ, причемъ этотъ полуофицеръ, съ золотымъ экселъбантомъ безъ эполетъ, попросилъ меня написать въ его книгѣ въ извѣстной графѣ что приказаніе его превосходительства статсъ-секретаря Позена мнѣ (такому-то) объявлено устно, въ такомъ-то часу, такого-то числа, дежурнымъ у военнаго министра фельдъ-егеремъ такимъ-то. Само собою разумѣется, къ половинѣ десятаго часа утра я былъ въ небольшой залѣ тогдашней довольно скромной казенной квартиры М. П. Позена, который тотчасъ, выглянувъ изъ кабинета, позвалъ меня къ себѣ и объявилъ что дѣло въ шляпѣ: первое преобразованіе пало на долю провіантскаго департамента, канцелярію котораго будутъ составлять правитель дѣлъ и его помощникъ; первый положенъ въ VI, а второй въ VIII классѣ, то-есть равенъ по должности столоначальнику всякаго министерства.

— Правителемъ дѣлъ у насъ будетъ, говорилъ Михаилъ Павловичъ,—извѣстный своею опытностью и честностью г. Круглый, а опредѣленіе васъ помощникомъ апробовано его сіятельствомъ министромъ по моей докладной запискѣ. Не теряйте времени, немедленно напишите прошеніе на рублевомъ гербовомъ листѣ на имя военнаго министра. Но лучше всего зайдите въ канцелярію (у васъ тамъ вѣдь знакомые есть) и поручите настрочить прошеніе писарьку какому-нибудь, которому дадите что-нибудь за трудъ, подпишете и тотчасъ привесете ко мнѣ это прошеніе. Завтра же отъ директора канцеляріи будетъ отношеніе къ вашему Дмитрію Гавриловичу объ увольненіи васъ изъ департамента внѣшней торговли въ вѣдомство канцеляріи военнаго министра. Вѣдь вамъ тамъ нечего сдавать? Задерживать васъ не могутъ?

— Сдавать мнѣ, ваше превосходительство, нечего, правда, отвѣчалъ я;—но, къ несчастію, ежели слишкомъ быстро, пока я не успѣю предупредить Дмитрія Гавриловича Бибикова о моемъ намѣреніи оставить службу подъ его начальствомъ, результатомъ можетъ быть, вопервыхъ, арестованіе меня, а, вовторыхъ, исключеніе меня изъ службы безъ прошенія, какъ уже и были тому примѣры съ тѣми чиновниками которые о намѣреніи перейти на другую службу не предупреждали директора департамента.

Digitized by Google

— Однако, замѣтилъ нахмурившись Михаилъ Павловичъ,— вашъ Дмитрій Гавриловичъ деспотизируетъ не на шутку. Но все-таки подайте прошеніе теперь же; а потомъ предупредите его и зайдите ко мнѣ сказать что̀ и какъ, когда вы съ нимъ увидитесь. Вамъ бы съѣздить теперь къ нему на домъ.

— И этого нельзя, ваше пр—во, объяснилъ я,—нельзя потому что г. Бибиковъ не принимаетъ у себя тѣхъ чиновниковъ которые у него въ домѣ не знакомы. Для нихъ кромѣ департаментскаго его кабинета онъ нигдѣ не видимъ. Вашему пр—ву не безызвѣстно что съ декабря мѣсяца 1832 года, я не имѣю чести быть въ числѣ знакомыхъ въ домѣ директора департамента внѣшней торговли.

— Да, знаю, засмѣялся М. П. Позенъ,—вы въ опалѣ съ того роковаго для васъ обѣда, когда не хотѣли исполнить пословицу, которая велитъ, живя съ волками, выть по-волчьи. Николай Ивановичъ Гречъ мнѣ это разказывалъ. Все-таки я хочу чтобы прошеніе ваше было у меня поскорѣе. Идите въ канцелярію, сыщите тамъ кого-нибудь изъ писарей моей канцеляріи и съ написаннымъ прошеніемъ приходите ко мнѣ. Я подумаю какъ уладить, чтобъ и волкъ, и коза, и капуста были цѣлы.

Черезъ полчаса я представилъ Михаилу Павловичу накаллиграфированное мое прошеніе, мною подписанное; а онъ сказалъ мнѣ что сегодня вечеромъ въ одномъ обще-знакомомъ ему и Бибикову домѣ, именно у петербургскаго вице-губернатора А. Е. Жадовскаго, онъ будетъ видѣть моего тяжелаго начальника и переговоритъ съ нимъ, но чтобъ я все-таки хоть подъ вечеръ зашелъ къ нему на квартиру или въ канцелярію и увѣдомилъ бы его о томъ что̀ скажетъ Бибиковъ. Затѣмъ, принеся искреннѣйшую мою благодарность Михаилу Павловичу, я удалился и быстрыми шагами отправился въ департаментъ внѣшней торговли, гдѣ узналъ отъ моего товарища, втораго помощника столоначальника З., что столоначальникъ П. нездоровъ и сидитъ дома на квартирѣ, куда приглашалъ его, З., чтобы поручить ему къ скорѣйшему исполненію бумаги объ опредѣленіи камеръ-юнкера Баркова членомъ Петербургской таможни, а на его мѣсто столоначальникомъ консульскаго стола Iго отдѣленія отставнаго гвардіи Семеновскаго полка капитана Игнатьева. Поручая бумаги эти моему сотоварищу по службѣ и по должности, столоначальникъ нашъ П. предварилъ

Digitized by Google

его чтобъ онъ именно мнѣ бумагъ этихъ ни коимъ образомъ не показывалъ.

— Я это и исполняю, смѣялся весельчакъ З.,—бумаги вамъ не показываю, но фактъ сообщаю къ вашему свѣдѣнію, такъ какъ, повидимому, это таятъ отъ васъ не для чего другаго какъ для того только чтобъ опять увѣрять васъ, какъ было полтора года тому назадъ, съ мѣстомъ на которомъ теперь графъ Кутузовъ, что мѣсто Баркова вамъ принадлежитъ, а потомъ надуть.

— Богъ съ ними со всѣми и съ ихъ мѣстами, сказалъ я.— Теперь мнѣ, Василій Павловичъ, ничего этого не нужно. Отплачу вамъ за секретъ вашъ моимъ секретомъ: я поступаю въ военное министерство на восьмиклассное мѣсто, и, узнавъ всѣ наслажденія службы подъ начальствомъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, я не соглашусь оставаться на здѣшней службѣ, назначай онъ меня не только столоначальникомъ, да даже хоть бы начальникомъ отдѣленія.

Едва я кончилъ эту бранчивую тираду, какъ въ нашу комнату вошелъ столь извѣстный экзекуторъ Степанъ Степановичъ Грозновъ, который въ это время былъ переименованъ изъ капитановъ въ титулярные совѣтники и тотчасъ за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, почему именовалъ себя майоромъ, но носилъ уже не армейскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ, а форменный фракъ, на-глухо застегнутый и покрытый по всей груди его солдатскими регаліями, на шеѣ же красовался уже Станиславскій орденъ.

Грозновъ поздоровался со мною и сказалъ мнѣ что его превосходительство приглашаетъ меня къ себѣ на квартиру сейчасъ же. Я, разумѣется, тотчасъ отправился въ Моховую и засталъ Дмитрія Гавриловича въ его, столь мнѣ знакомомъ, кабинетѣ со стеклянным куполомъ, въ черной венгеркѣ и съ предлиннымъ чубукомъ. Въ ту минуту когда я вошелъ въ кабинетъ, Дмитрій Гавриловичъ, сдѣлалъ мнѣ очаровательно ласковый поклонъ глазами, которыми онъ умѣлъ работать мастерски. Я хладнокровно обратился къ Бибикову съ словами:

— Г. Грозновъ передалъ мнѣ приказаніе вашего превосходительства явиться къ вамъ здѣсь.

— Г. Грозновъ, то-есть экзекуторъ департамента коллежскій ассессоръ Грозновъ, улыбаясь и выпуская изо рта клубы дыма, сказалъ Бибиковъ,—передалъ вамъ совершенно вѣрно; но онъ не могъ вамъ сказать зачѣмъ я желалъ имѣть наслажде-

Digitized by Google

ніе васъ видѣть у себя, такъ какъ сегодня не думаю быть въ департаментѣ; да и къ тому же хорошую вѣсть мнѣ пріятно сообщить скорѣе и не замедляя ее нѣсколькими часами. Дѣло въ томъ, продолжалъ онъ серіозно,—что давно обѣщанное мною вамъ опредѣленіе васъ на мѣсто Баркова, когда оно сдѣлается вакантнымъ, до сихъ поръ не могло быть приведено въ исполненіе собственно потому что двѣ вакансіи членовъ таможни были заняты помимо моего желанія, по Высочайшему повелѣнію, и только теперь удалось мнѣ рѣшительно посадить Баркова въ таможню, куда онъ ежедневно ѣздитъ, а его столомъ, между тѣмъ, занимается его помощникъ Данзасъ, который, хотя и старше васъ чиномъ,—но я вѣдь на чины, вы знаете, мало обращаю вниманія,—будетъ вашимъ помощникомъ, такъ какъ сегодня вечеромъ я везу докладную записку графу Егору Францовичу, который, какъ вы также знаете, всѣ мои представленія, ради формальности, по передвиженію служащаго персонала, утверждаетъ безпрепятственно. Итакъ, Б., наконецъ-то я могу васъ поздравить столоначальникомъ консульскаго стола I отдѣленія. Вы тамъ будете совершенно въ вашей сферѣ между комъ-иль-фотными людьми.

Выслушавъ всю эту рѣчь, основанную снова на мистификаціи, какъ то было за полтора года, о чемъ я за часъ зналъ уже отъ З., разумѣется, воздержался отъ того чтобы заявить все то что мнѣ насчетъ этого опредѣленія хорошо было извѣстно, такъ какъ такою нескромностію могъ бы жестоко компрометтировать бѣднаго З., почему сказалъ:

— Не нахожу словъ чтобы достойно выразить вашему превосходительству мою глубокую признательность за вниманіе ваше ко мнѣ, вниманіе такъ мало еще заслуженное; но, къ сожалѣнію, при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ, я не могу воспользоваться вашею милостію, потому что это значило бы компрометтировать такого достойнаго человѣка, каковъ статсъ-секретарь Михаилъ Павловичъ Позенъ, который не далѣе какъ вчера ходатайствовалъ у военнаго министра и получилъ его согласіе на опредѣленіе, изъ шестнадцати кандидатовъ, меня на только-что новосозданную должность помощника правителя дѣлъ общаго присутствія провіантскаго департамента военнаго министерства. Должность эта въ одномъ классѣ со столоначальниками всѣхъ министерствъ, но содержаніе ей присвоенное весьма значительно; да и вообще для меня въ особенности важно то что мѣсто это можетъ предоставить мнѣ

Digitized by Google

хорошую казенную квартиру, что одно уже значительная для меня выгода, въ виду скораго выхода изъ Смольнаго моихъ сестеръ. * Со всѣмъ тѣмъ я глубочайше признателенъ вашему превосходительству за оказанное къ службѣ моей вниманіе.

Бибиковъ былъ видимо раздраженъ, убѣдясь что шуточка его ему не удалась и съ тѣмъ вмѣстѣ очень хорошо понимая что въ это время, когда новые и совершенно никѣмъ не ожиданные статсъ-секретари Брискорнъ и Позенъ были до того въ апогеѣ своей силы и значенія что публика уже назначала имъ министерскіе портфели—Брискорну государственнаго контроля, а Позену финансовъ,—ему не приходилось вредить мнѣ открыто и офиціально. Дергая свои бакенбарды, онъ взглянулъ на меня въ упоръ и сказалъ:

— Однако вы знаете мой циркуляръ, не дозволяющій чиновникамъ моимъ подавать гдѣ-либо прошенія о переводѣ ихъ на другую службу, не предваривъ меня?

— Очень знаю, ваше превосходительство, объяснялъ я, и вслѣдствіе этого знанія вашего циркуляра хотѣлъ, какъ бы только вы пожаловали въ департаментъ, доложить лично вамъ объ этомъ обстоятельствѣ и, признаюсь, очень обрадовался когда г. Грозновъ сообщилъ мнѣ о желаніи вашего превосходительства чтобъ „экстраординарно“ я теперь явился къ вамъ на домъ.

— *Экстраординарно*, вы говорите, съ негодованіемъ проворчалъ Бибиковъ,—да, экстраординарно, а не *ординарно*, какъ бывало прежде,—экстраординарно. По вашей милости, потому что почти за четыре года предъ симъ, вамъ въ то время, одному изъ habitués моего дома, пришло въ голову у меня же за столомъ разыграть роль Донъ-Кихота совершенно не кстати.

Дѣлая видъ что я не понялъ или не слыхалъ этой діатрибы, я, какъ бы пропустивъ ее мимо ушей, спросилъ:

— Итакъ, ваше пр—во, я могу подать прошеніе военному министру?

— Сдѣлайте одолженіе, воскликнулъ Бибиковъ,—подавайте прошеніе хоть самому императору. Желаю вамъ всевозможныхъ благъ на новомъ служебномъ поприщѣ. Прощайте!

---

* Объ этой казенной квартирѣ и помина не было при моемъ новомъ служебномъ устройствѣ, и ежели я объ ней говорилъ Бибикову въ ту пору, то единственно въ видѣ претекста, чтобы болѣе оправдать мой переходъ изъ-подъ его непріятнаго для меня начальства.

Digitized by Google

Это было мое послѣднее въ жизни свиданіе съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ, и эти слова были послѣднія слышанныя мною изъ его устъ. Съ тѣхъ поръ черезъ годъ, переименованный въ генералъ-лейтенанты и генералъ-адъютанты, Дмитрій Гавриловичъ былъ назначенъ начальникомъ юго-западнаго края, въ послѣдствіи же, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ смерти графа Льва Алексѣевича Перовскаго. Въ началѣ 1870 года, Дмитрій Гавриловичъ умеръ здѣсь въ Петербургѣ, и мнѣ случайно привелось видѣть его похороны, совершавшіяся съ пышною военною помпой, подобающею его званію. Съ марта мѣсяца 1836 года мнѣ ни разу не случалось нигдѣ его видѣть, а тѣмъ болѣе имѣть съ нимъ какое-либо сношеніе.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

(До слѣд. №.)

Digitized by Google

НОЧЬ НА ОЗЕРѢ

РАЗКАЗЪ.

I.

— Готово! доносится ко мнѣ изъ прибрежныхъ камышей голосъ Тарька, уже успѣвшаго снарядить лодку. Я осторожно спускаюсь по скату обрыва, изрытому потоками вешней воды, и въ послѣдній разъ окидываю взглядомъ Мшать-озеро, раскинувшееся на свободномъ просторѣ, среди вѣковой литовской пущи. Оно врѣзалось въ берега длинными заливами, смѣло пробѣжало въ самую глубь лѣсныхъ дебрей, сверкнуло тамъ на солнцѣ чешуйчатымъ плёсомъ и скрылось въ сизой дали... Парусъ, что ли тамъ исчезаетъ на немъ въ синемъ туманѣ?

— Тарько, что̀ тамъ виднѣется далеко на озерѣ? кричу я внизъ, закрывая рукою глаза и пристально всматриваясь въ бѣлую точку.

— То Яцкунскій костелъ, баринъ, отвѣчалъ Тарько,—тамъ уже другая губернія...

Вечерѣетъ. Спокоенъ Мшатъ. Все озеро будто замерло подъ озолотившими его лучами заката, и мнится что вотъ сейчасъ до напряженнаго слуха коснется шорохъ, съ которымъ вечернія тѣни слѣтаютъ на усыпающую землю. Вотъ онѣ легкою паутиной скользятъ по озеру, и въ его глубинѣ явственнѣе отразились вереницы бѣлыхъ, перистыхъ облаковъ, что̀

Digitized by Google

куда-то торопливо мчатся по высокому небу. Какая-то большая птица взвилась надъ сосновымъ боромъ и съ распластанными крыльями повисла въ воздухѣ; откуда-то изъ-за лѣса съ крикомъ потянулась стая журавлей.....

II.

Я у берега. Тарько спустилъ лодку на воду и, опираясь на весло, съ озабоченнымъ видомъ разсматриваетъ озеро.

— Ишь его вздохнулъ! обратился онъ ко мнѣ указывая на Мшатъ, по которому зарябила легкая зыбь, отзываясь въ камышахъ унылымъ всплескомъ волны.—Больно ужъ онъ присмирѣлъ намедни, пояснилъ Тарько.

— А что̀?

— Да не къ добру это! Глядите, вотъ и солнце не хорошо заходитъ.

Я взглянулъ на западъ. Тамъ дѣйствительно у краевъ солнечнаго диска, вся въ пурпурѣ, повисла небольшая тучка.

— Садитесь, баринъ, а то намъ, чего добраго, придется переночевать гдѣ-нибудь на берегу озера, въ сосѣдствѣ съ волками.

— А развѣ вы богаты ими?

— Какъ не быть богатыми? Смотрите: кругомъ пуща тянется, заросли, лоза, трясина... Есть такія мѣста, что и съ топоромъ не проберешься.. Зимой развѣ кто за куницей погонится такъ побываетъ въ этихъ трущобахъ.

Я начинаю усаживаться въ лодку. Маленькій, весь выдолбленный изъ цѣльнаго дубоваго дерева, челнокъ едва въ состояніи помѣстить насъ.

— Ну, раздайсь, старина! весело произноситъ Тарько, бойкимъ ударомъ весла отшибая отъ берега лодку. Камыши съ шумомъ разступаются подъ ея напоромъ, и оставляя за собой длинную струю, легкая душегубка несется по гладкому плёсу.

— Ты что̀ озеро старикомъ-то величаешь? невольно улыбаясь такому непосредственному отношенію къ природѣ, спрашиваю я Тарько.

— Да къ нему не приноровиться, что̀ къ старому хрѣну... Брюзга! Глядишь: не шелохнется, а выѣдешь на средину озера, смотришь и расходился....

Digitized by Google

— Ну а въ бурю каковъ?

— И, не говорите! Взбѣленится весь.. Такія волны подымутся, что нашу душегубку перышкомъ станетъ подбрасывать. Тогда только держись!

— Что же вы лучшими лодками не обзаведетесь? Вѣдь чай въ озерѣ рыбы сила, а безъ хорошей лодки какая ловля?

Тарько раскрылъ на меня глаза и какъ-то полуснисходительно, полуиронически улыбнулся.—А это что? съ разстановкой переспросилъ онъ, указывая весломъ по направленію обрыва.

Я оглянулся назадъ. Обрывъ всею своею тяжелою массой рѣзко выдѣлялся на ровной поверхности озера; нѣсколько жалкихъ избенокъ мѣстечка, соименнаго Мшату, выбѣжали изъ-за обрыва и тѣснились къ водѣ, а за ними, въ значительномъ отдаленіи, надъ густою зеленью вѣковыхъ деревьевъ, поднимался верхній этажъ панскаго палаццо. Лучи заката обливали пламенемъ его широкія окна и дрожали яркою звѣздочкой на оконечности шпица, Богъ вѣсть зачѣмъ выскочившаго изъ-за угла крыши гдѣ-то въ глубинѣ обширнаго сада.

— Это ты на панскій дворъ указываешь?

— А то на что же! Не своя воля была. Сами не ловили въ озерѣ, а лодки никто не смѣй держать. Все растили рыбу въ аренду Жиду, да не пришлось попользоваться. Вотъ теперь и стоитъ „пустками" такой домище, дорожки заросли по саду, заборы разваливаются... И начудили же, подумаешь только, прерывая рѣчь, продолжалъ Тарько.—А мнѣ-то Мшатъ хорошо знакомъ и вдоль и поперегъ, произнесъ онъ, больше самому себѣ, будто заканчивая не высказанную думу.

— А развѣ ты не изъ панскихъ?

— Какое не панскій? Самый какъ ни есть дворовый. Я еще въ сорочкѣ бѣгалъ по берегу озера, когда старый панъ, царство ему небесное, какъ-то разъ, возвращаясь съ охоты, встрѣтилъ меня и порѣшилъ что мнѣ казачкомъ быть у его сына, нынѣшняго-то пана. Ну, и взяли меня во дворъ. Потомъ съ молодымъ паномъ часто приходилось охотиться на озерѣ... Озеро какъ свои пять пальцевъ знаю, про всякую утку скажу вамъ гдѣ вывелась; не даромъ же я былъ ловчимъ у пана, улыбаясь пояснилъ Тарько.

— А панъ твой хорошо стрѣлялъ?

— Ловко! изъ десяти выстрѣловъ, только на одномъ, бывало, не промахнется. Да что жь, пану вѣдь охота для забавы.

Digitized by Google

Онъ больше кататься любилъ по озеру. Нечего худымъ словомъ помянуть, любилъ онъ меня, да только потомъ сталъ изрѣдка заглядывать въ имѣніе. Все больше въ Варшавѣ живалъ, да за границей, а тутъ безъ него народъ волкомъ вылъ отъ этихъ разныхъ коммиссаровъ, экономовъ, гуменныхъ...* Просто съ живаго человѣка кровь высасывали.

— И тебѣ пришлось попробовать отъ нихъ лиха?

— Всякой всячины бывало, но не столько отъ этихъ „крупничковъ“ ** я наплакался, сколько отъ старой барыни. Просто скажу вамъ, вѣдьма была: ходитъ сгорбленная, еле дышетъ; очки на носъ надвинетъ, все съ молитвенникомъ... Съ утра до вечера ворчитъ, и ужь попадись кто ей подъ нелегкую руку—заѣстъ... Запышется вся, запырскаетъ слюной: „лозы“, прошипитъ, да еще при себѣ велитъ наказывать.... Вотъ какова была! А пріѣдетъ сынъ ея, нашъ-то панъ—души въ немъ не чаяла—словно недобрый отъ нея отступится, иною станетъ. Тогда: и Ясечку ты и миленькій—ей Богу, такъ тебя и проситъ, приласкаетъ тебя: „ты гляди, голубчикъ, чтобы съ паномъ бѣды какой не случилось... Вѣдь Мшатъ-то глубокій“. Право слово, какъ за дитей за нимъ ходила, а панъ здоровенный дѣтина былъ, хоть сейчасъ на медвѣдя съ дубиной... Уѣдетъ сынъ, снова ее разбирать начнетъ.

— А тебя панъ не бралъ съ собой въ дорогу?

— Нѣтъ, меня на другое дѣло онъ готовилъ. Бывало соберутся къ нему гости—это такъ за годъ предъ повстаньемъ,— пойдетъ у нихъ стрѣльба, муштры всякія. Пифъ, пафъ, да все мимо!—„Эй Тарько, кликнетъ панъ, покажи намъ какъ стрѣлять умѣютъ!“ Вколотятъ большой гвоздь въ бочку. „Ну, панове, кто пари со мной, что хлопецъ пулей гвоздь во дно вгонитъ?..“ Бывало вгонишь. Разъ такая вышла удача, воодушевляясь продолжалъ Тарько,—что гвоздь ни на волосъ не уклонился въ сторону; такъ прямо шляпочкой и присѣлъ ко дну. Панъ подзоветъ тебя, наградитъ,—разъ дукатомъ пожаловалъ;—ну браво, хлопецъ, скажетъ, вотъ кто у меня станетъ низать Москалей....

— Вотъ какъ! невольно сорвалось у меня.

— А я себѣ только въ усъ посмѣиваюсь, хоть усами-то и теперь еще не обзавелся, продолжалъ Тарько.—Ну, думаю, тамъ еще посмотримъ кого низать придется, а

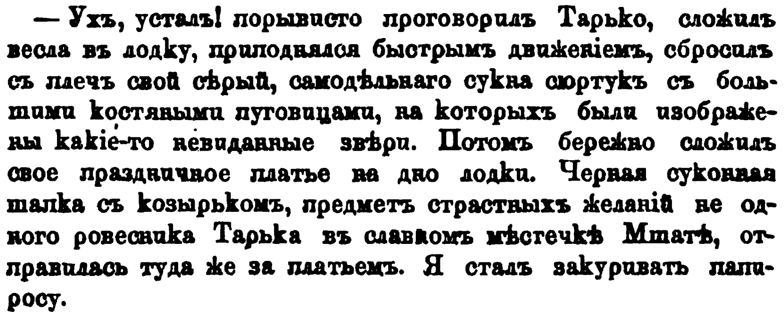
* Гуменный—надсмотрщикъ за работами на барщинѣ.

** Мелкота.

Digitized by Google

вы мнѣ только пороху не жалѣйте, да на охоту не кладите запрета. Бывало отпросишься у пана, да на весь Божій день и заберешься въ лѣса. Любо! Походишь это часъ, другой, настрѣляешь разной мелочи, да забредешь въ самую глушь. Легко тебѣ на душѣ станетъ середь пущи. Полдень тамъ въ вышинѣ надъ деревьями, солнце жаритъ, тамъ гдѣ-то въ полѣ народъ убивается, дрожитъ что вотъ сейчасъ по его спинѣ свиснетъ канчукъ * эконома, а ты себѣ одинъ-одинешенекъ въ цѣломъ лѣсу. Приляжешь гдѣнибудь подъ дубомъ, разведешь огонекъ... Тишь такая кругомъ, ни одна вѣтка не шелохнется, птичка голосу не подастъ, только и слышно какъ трещатъ на огнѣ сухіе сучья... Задумаешься, понижая голосъ, проговорилъ Тарько, и въ самомъ дѣлѣ задумался. Голова его опустилась на плечо, уста сложились въ странную, почти злобную улыбку... Вдругъ глаза его вспыхнули, мнѣ показалось что какое-то слово хочетъ вырваться у него изъ груди, но Тарько лишь со всею силой прилегъ на весла и угрюмо понурилъ голову въ воду. Я не хотѣлъ выводить его изъ раздумья. Лодка быстро скользила у высокаго берега, съ котораго плотнымъ навѣсомъ спускались надъ нами раскидистыя вѣтви дуба. Кусты орѣшника тѣснились къ берегу, зарывались по его скату къ самой поверхности озера и тоненькимъ отпрыскомъ, иль вѣткой царапали иногда лицо. Откуда-то изъ лѣсу тянуло боровымъ, смолистымъ запахомъ, изобличавшимъ близкое присутствіе сосны.

III.



— Ухъ, усталъ! порывисто проговорилъ Тарько, сложилъ весла въ лодку, приподнялся быстрымъ движеніемъ, сбросилъ съ плечъ свой сѣрый, самодѣльнаго сукна сюртукъ съ большими костяными пуговицами, на которыхъ были изображены какіе-то невиданные звѣри. Потомъ бережно сложилъ свое праздничное платье на дно лодки. Черная суконная шапка съ козырькомъ, предметъ страстныхъ желаній не одного ровесника Тарька въ славномъ мѣстечкѣ Мшатѣ, отправилась туда же за платьемъ. Я сталъ закуривать папиросу.

— Ты куришь? предложилъ я ему.

— Благодарю всепокорнѣйше, заговорилъ онъ конфузясь, и

* Нагайка.

Digitized by Google

лицо его засвѣтилось довольствомъ.—У васъ должно-быть славныя папиросы... Я протянулъ въ его сторону спичку съ огнемъ.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, заговорилъ онъ, выхватывая у меня изъ рукъ спичку, обжегъ пальцы, раскуривая свою папиросу и съ ловкостію стараясь поклониться, еще разъ отчеканилъ:—благодарю всепокорнѣйше.

— Ну теперь же держите ваше ружье наготовѣ, оживляясь совѣтовалъ онъ, будто стараясь отблагодарить меня за вниманіе.—Не ровенъ часъ, гдѣ-нибудь у берега наткнемся на выводокъ, такъ жаль будетъ если зазѣваемся.

— Что это тебѣ такъ взгрустнулось давича? заговорилъ я, стараясь вызвать его на продолженіе разказа.

— Эхъ, глубоко вздохнулъ Тарько, и по его молодому лицу пробѣжала болѣзненная судорога.—Задумаешься поневолѣ...

— Что такъ?

— Баринъ, а вы вѣдь должно-быть съ далекой стороны? неожиданно спросилъ онъ, и его большіе глаза раскрылись на меня съ такою довѣрчивостью, что нехотя вдругъ зашевелилось къ нему доброе чувство.

— Какъ видишь по фамиліи: въ нашихъ лѣсахъ вѣдь зубры не водятся.

— Вы смѣетесь, право, съ чувствомъ проговорилъ Тарько, и такъ и думалось что онъ сейчасъ же разобидится какъ ребенокъ, но лицо мое должно-быть успокоило его.—А я... Тарько замялся.

— Вы право добрый человѣкъ, вдругъ порѣшилъ онъ.—Особенно, баринъ, вы пришлись мнѣ по душѣ за то что огорошили намедни въ правленіи этого „пудланка“* Мосцибродскаго.. Заартачился да оретъ во всю глотку: „вы не знаете нашего мужика, это звѣрь.... Всякую небылицу на пана готовъ выдумать“. А видитъ Богъ какъ онъ тяжко обидѣлъ эту бѣдную вдову Михалиху.... Съ цѣлою кучей дѣтей выгналъ изъ хаты, ужь тогда когда воля была объявлена, и весь надѣлъ покойнаго отдалъ этому своему прихвостню Голцюку.

Я вмѣстѣ съ двумя членами повѣрочной коммиссіи весь день, съ ранняго утра, проработалъ въ Мшатскомъ волостномъ правленіи. Разбиралось множество жалобъ, происходилъ выборъ новаго старшины. Тарько все время просидѣлъ за

* Пудланокъ—полубаринъ.

Digitized by Google

писарскимъ столикомъ—онъ служилъ помощникомъ у волостнаго писаря, и съ живымъ интересомъ слѣдилъ за разборомъ жалобъ. По его лицу можно было видѣть чья сторона больше правая; хоть еслибы пришлось руководствоваться этимъ живымъ масштабомъ при рѣшеніи крестьянскихъ жалобъ, то за немногими исключеніями крестьянинъ всегда былъ бы правъ.

— За то панъ Мосцыброцкій и вышелъ весь разобиженный. невольно проговорилъ я, вспоминая какъ надулась жирная физіономія этого пана, когда жалоба вдовы о возвращеніи ей надѣла была безапелляціонно рѣшена въ ея пользу.

— Такъ ли бы его слѣдовало, горячился Тарько.—Много народу они загубили. Вотъ хоть бы я.... проговорилъ онъ и оборвался.

— Чтò ты? молодъ, здоровъ, подзадоривалъ я его.

— То-то и есть, баринъ, что гибнутъ молодые годы, съ чувствомъ проговорилъ Тарько.—Чуть не отъ груди материнской оторвали меня въ служки пану. Покамѣсть молоко стало обсыхать у тебя подъ носомъ, а до того времени сколько колотушекъ, лобоевъ пришлось перенесть и.... самъ чортъ не запишетъ на воловьей шкурѣ. Бывало къ матери нельзя отпроситься.... Придетъ ко мнѣ во дворъ, стара, принесетъ гостинцевъ, поплачетъ со мной. Терпи, скажетъ, сынку, такова ужъ наша доля! Терпи! Хорошо бы еще дѣлать что-нибудь путное давали, а то какъ уѣдетъ, бывало, панъ въ городъ, перья заставятъ обдирать вмѣстѣ съ бабами беззубыми, ей Богу! сидишь на палатяхъ и обдираешь день-деньской.... Только и было радости когда самъ пріѣзжалъ домой. Тогда нашъ чередъ, Тарько и не выходитъ изъ панскихъ покоевъ. Самъ-то годами десятью старше меня былъ, но старый панъ не давалъ ему воли, такъ ему и не съ кѣмъ души отвесть кромѣ какъ со мною.... Онъ и берегъ меня, не попускалъ въ обиду, грамотѣ даже показывалъ, а какъ умеръ старый панъ, мой-то прогналъ отъ себя своего дядьку Поляка и меня хотѣлъ сдѣлать своимъ камердинеромъ, да пани, тогда еще она силу надъ нимъ имѣла—настояла на своемъ: чтò, говоритъ, ты съ такимъ мужикомъ будешь въ городѣ показываться, и наняла ему въ услуженіе какого-то проходимца—Нѣмца не Нѣмца, Француза не Француза, а по-французски все болтаетъ.... Длинный такой, сухопарый. Вотъ изъ той стороны гдѣ горы очень высокія.

— Швейцарія, подсказалъ я.

Digitized by Google

— Да, да, тамъ еще царя у нихъ нѣту. У насъ каждый самъ по себѣ король, разказываетъ бывало, продолжалъ Тарько,— а по-нашему говоритъ все равно что лапти плететъ. Такъ и не приноровился. Но самъ не любилъ его, а все больше мной обходился. Зашли это у пана проказы съ сосѣдними паненками. Тарько, кликнетъ, ты у меня вѣрный слуга. Маршъ! Только гляди! и палецъ на губы положитъ. А я, вѣстимо, ему служу, такъ уже не выдамъ. Кончилась, однако, эта штука не ладно. Дошло до матери и стала она его шпынять.... Терпѣлъ сначала, только такъ изрѣдка отгрызнется, да не въ моготу ему станетъ слушать....—Тарько на конь! крикнетъ, и понесемся мы съ ружьями за плечами. Иногда по нѣскольку дней пропадали. А пани сидитъ дома, плачетъ, да молится, да сѣчетъ дворню, и опять молится, плачетъ, да снова сѣчетъ.... Разошлетъ это людей въ разныя стороны искать насъ. Дудки: сыщешь! Мы и сами какъ снѣгъ на голову; пани не нарадуется, цѣлуетъ панича, ухаживаетъ за нимъ что за малымъ дитей, а тотъ только посмѣивается, да никогда не скажетъ ей гдѣ пропадалъ.... Пани меня поймаетъ, со мной тоже все лаской, упрашиваетъ сказать гдѣ были, а меня и всѣми святыми не разжалобишь: молчу! Взбѣленится пани, напустится на меня. Это ты, ты всему виною, ты пана отъ дому отбиваешь! Помилуйте, пани, молвишь, я что.... Бросится она на тебя съ кулаками.—Не троньте его, мамаша, скажетъ панъ, когда у нея руки ужь сильно расходятся. Тарько мой, онъ ловчій у меня. Засмѣется и пошлетъ звѣря выслѣживать. Поди дескать съ глазъ долой.... Такъ мы и жили. Только вотъ что случилось. Задумалъ это мой-то выкрасть паненку у Лозовицкаго пана—помните того сѣдого что намедни, въ правленіи, все на разореніе сѣтовалъ, а у него и теперь еще денегъ—собери всѣхъ Жидовъ съ нашего мѣстечка, такъ и тѣ не пересчитаютъ.... Скупъ больно старикъ. Ну, вотъ у него была тогда молоденькая панна, Людвикой прозывалась.... Дочькой она ему, говорятъ, приходилась, да старикъ-то никогда женатъ не былъ.... Вотъ приглянулась она крѣпко нашему, но пани и слышать не хотѣла о женитьбѣ своего сына на этой.... Больно уже она ее не хорошо честила, замѣтилъ Тарько.—А паненка была просто писаная: бывало подаешь ей письмо отъ пана, да и самъ залюбуешься на ея черныя брови.... Что говорить, красавица! Вотъ мы и выкрали ее темною ночькой, умчали въ городъ къ какой-то старой пани, а сами ни свѣтъ ни заря

Digitized by Google

уже дома,—съ охоты возвращаемся и дичи силу тащимъ. Разнесся это слухъ что панночка пропала у Лозовицкаго пана, а нашъ и бровью не моргнетъ. Вотъ видишь какая она cякая-такая, разсылается на радостяхъ пани предъ паномъ... Думаетъ что онъ теперь уже дома застрянетъ. Какъ бы не такъ: загрустилъ панъ больно предъ паней, не въ моготу ему, тоскуетъ, днюетъ и ночуетъ будто на охотѣ, а самъ въ городѣ ночки коротаетъ.—Только пани видитъ что панъ закручинился, да и говоритъ ему: ты бы въ Варшаву уѣхалъ, поразвлекся.... Тому этого-то только и нужно было: махнулъ въ Варшаву, да на два года и поминай его какъ звали. Говорили что уѣхалъ въ чужія страны.... Вотъ съ тѣхъ поръ и начинается мое горе:...

— Сталъ я круглымъ сиротиной распростившись съ паномъ, продолжалъ Тарько. Только и отведешь бывало душу на охотѣ. Вотъ однажды возвращаюсь я утромъ изъ лѣсу—какъ разъ на ту пору пришлось подцѣлить молодую серну, тащу ее за плечами, а пани сидитъ на крыльцѣ и письмо отъ пана перечитываетъ. Взглянула такъ это на меня изъ-подъ очковъ, строго, да и говоритъ: поди сюда! я сейчасъ съ поклономъ, серну положилъ предъ нею. Пани поправила на носу очки, толкнула ногой зверя, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ....

— Штука-то не дурная, говоритъ,—да ты со своею охотой ужь больно разбарствовался. Ну, думаю, одною гатью меньше стало на дорогѣ, умягчилась.—Я много думала о томъ къ какому дѣлу тебя получше пристроить, говоритъ,—порѣшила было отдать вашу милость въ батраки на фольварокъ, да вотъ моли Бога о здоровьи пана: пишетъ чтобъ я поберегла тебя. Для него только я оставляю тебя при дворѣ, шляйся себѣ по лѣсу, да смотри чтобы на всякій спросъ рыба живая была къ моему столу, а днемъ помогай садовнику, да какъ понадобится Якубу—кучеръ Полякъ такъ назывался, послужи ему на конюшнѣ, и чтобы поваръ у меня не жаловался что у него нѣтъ дичи. Понялъ! Маршъ на кухню. Поклонился я въ ноги пани, поцѣловалъ у ней ручку. Иду, да думаю: ну это еще куда ни шло: съ Якубомъ, да съ садовникомъ мы какъ-нибудь сладимъ, а для рыбы свой садокъ заведу съ замкомъ....

Digitized by Google

IV.

— Слышите! вдругъ заговорилъ Тарько, осторожно приподнимаясь въ лодкѣ и внимательно разсматривая плёсъ.

Я сталъ прислушиваться. Откуда-то съ озера къ намъ доносился звукъ похожій на клокотаніе воды, когда она порывисто выхватывается изъ перевернутой вверхъ дномъ бутылки.

— Да вѣдь это вода....

— Тс! проговорилъ Тарько, останавливая меня рѣзкимъ движеніемъ руки,—гуси, баринъ, ей Богу, дикіе гуси.—Вотъ, вонъ глядите, изъ-за островка выплываетъ цѣлая стая. Эхъ, какой гусакъ-то знатный впереди, восторженно проговорилъ Тарько. Но я, несмотря на все напряженіе зрѣнія, могъ различить на озерѣ лишь нѣсколько темныхъ точекъ.

— Ну хороши же у тебя глаза, невольно проговорилъ я.

— Э, онъ не уйдетъ отъ насъ, порѣшилъ Тарько, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои слова.—Теперь вотъ что̀, продолжалъ онъ, становясь въ позу главнокомандующаго:—глядите, вотъ тамъ около острова лѣсъ вдался полосой въ озеро. Это узкая полоса, а за ней большой заливъ. Вотъ мы и подъѣдемъ туда, вы пойдете на другую сторону.... Тамъ у самаго берега замѣтите дубъ большой, такой вѣтвистый. Станьте подъ нимъ, притаитесь и ждите пока они къ вамъ не подплывутъ....

Подпускайте ихъ какъ можно ближе и цѣльте въ самца!...

Тарько и мнѣ передалъ свое воодушевленіе.

— Ладно, согласился я, и сталъ внимательно осматривать пистоны. Осторожно, почти безъ звука разсѣкая небольшую волну, мы стали подплывать къ указанному мѣсту. Вотъ мы у косы. Я выскакиваю изъ лодки на берегъ.

— Не промахнитесь же! внушаетъ Тарько и, пригнувшись къ лодкѣ, тихо крадется у берега по направленію къ острову.

Коса вся заросла густымъ лѣсомъ. Разгибая руками назойливыя вѣтви орѣшника, я торопливо пробиваюсь впередъ, но по землѣ разстилается какая-то чужеядная поросль, которая затрудняетъ всякій шагъ. Мое нежданное появленіе встревожило лѣсную глушь: какія-то пташки сопровождаютъ меня пронзительнымъ крикомъ, изъ-подъ ногъ далеко въ

Digitized by Google

сторону прыгаютъ испуганныя лягушки. Сыро въ лѣсу, сумрачно; нога то-и-дѣло вязнетъ въ мягкой тинѣ.... Вотъ сквозь чащу блеснуло озеро; вотъ и большой дубъ направо. Я занимаю сторожевой постъ. Трудно было выбрать для него болѣе удобное мѣсто: меня совершенно скрываетъ густой кустарникъ, а межь тѣмъ предо мною весь заливъ какъ на ладони. Дѣйствительно онъ врѣзался въ лѣсъ длинною полосой, но со всѣхъ сторонъ охваченный древесною чащей, отказался отъ бурныхъ волненій, залегъ на покой, и весь поросъ высокимъ камышомъ. Только у берега на которомъ я стою, свѣтлою лентой быстро мчится струя живой воды, направляясь въ озеро. Это лѣсной ручей пролагаетъ себѣ дорогу.

Я сталъ выжидать. Въ лѣсу все смолкло. Тамъ въ дали на озерѣ еще мерцаютъ, лагасая по гребнямъ легкой волны, послѣдніе лучи заката, а изъ лѣсу уже поднимается бѣлесоватый туманъ и, клубясь, застилаетъ дремлющій заливъ. Чу! со стороны озера несутся знакомые звуки. Я инстинктивно подаюсь впередъ.

— Га, га, га, га, га, ясно касается моего уха, и самъ знатный гусакъ во главѣ цѣлаго стада медленно выплываетъ изъ-за озернаго камыша и держитъ путь на свѣтлую полосу залива. Онъ плыветъ самоувѣренно, не подозрѣвая ни малѣйшей опасности, и только изрѣдка поворачиваетъ голову въ сторону стада, нетерпѣливо отвѣчая на его тревожное гоготанье.

Я торопливо взвожу курокъ. Еще минута—и самецъ попадетъ подъ выстрѣлъ. Я такъ ясно уже различаю его хохлатую голову.... Вдругъ какая-то птица тяжело опустилась въ густую листву дуба. Я инстинктивно поднимаю голову вверхъ, и надо мною раздается рѣзкій, пронзительный крикъ сойки. Услужливое эхо разноситъ его далеко по заливу. Напрасно я стараюсь притаиться: все стадо гусей остановилось будто по командѣ, а самецъ приподнялся надъ водою, тревожно оглядѣлся вокругъ и что-то быстро загоготалъ, обратившись къ стаду. Какъ на зло въ это самое мгновеніе Тарько показался изъ-за оконечности косы и прямо наткнулся на стадо, начавшее поворачивать въ сторону озера. Испуганные гуси съ крикомъ поднялись надъ заливомъ и потянулись вереницей куда-то вдаль по-надъ лѣсомъ. А проклятая соя, не унимаясь, продолжала бить тревогу. Я, почти не прицѣливаясь, пустилъ зарядъ въ ея сторону. Бѣдная соя комомъ свалилась на землю и въ предсмертныхъ судорогахъ стала захлебываться кровью

Digitized by Google

у моихъ ногъ. Выстрѣлъ съ грохотомъ разнесся въ вечерней тиши, повторился переливами въ лѣсной чащѣ, отдался звучнымъ эхомъ далеко на озерѣ. Лѣсъ встрепенулся тысячью разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, а надъ заливомъ, безъ преувеличенія, тучей поднялись стада утокъ, закружились въ вышинѣ и торопливо понеслись на озеро.

— Ну, не задача, проговорилъ Тарько, причаливая къ дубу.— А гусакъ, гусакъ-то былъ какой!...

Я поднялъ съ земли сою.—Вотъ она, проклятая, всему причиной, заговорилъ я.

— Пошевелились вы, баринъ, больно, замѣтилъ Тарько какъ бы мимоходомъ, повидимому вовсе не придавая значенія своимъ словамъ.

— Ну, братъ, теперь горю не пособишь, проговорилъ я, желая прекратить непріятный разговоръ о гусакѣ. — Вотъ и утки куда-то улетѣли на озеро, да и сыро становится, ночь. Не пора ли въ обратный путь?

— Утки-то пожалуй снова сейчасъ будутъ здѣсь всѣ до единой, да на Поповскую губу развѣ вы не думаете отправиться? съ недовольствомъ спросилъ Тарько.—Тамъ отецъ Иванъ чай всѣ глаза выглядѣлъ, поджидая васъ; онъ такъ просилъ чтобы вы туда пожаловали.

— Рыбу-то ловить къ празднику? улыбаясь проговорилъ я, вспоминая какъ священникъ сосѣдняго прихода, прощаясь намедни со мною въ волостномъ правленіи, описывалъ всѣ прелести рыбной ловки ночью на Мшатѣ.

Я слишкомъ усталъ за цѣлодневною работой, признаться вовсе не думалъ кататься по озеру, и только вечерняя прогулка съ Тарько на обрывъ вызвала во мнѣ это желаніе. Теперь я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ.

— А далеко ли отсель Поповская губа? спросилъ я Тарько, желая попробовать еще удачи въ неводѣ, когда другіе вытащатъ его на берегъ.

— Какое далеко? Вотъ только выѣхать на озеро, такъ по прямому пути и версты не будетъ. Пожалуй они сейчасъ отозвутся, проговорилъ Тарько, и приложивъ руки къ губамъ, на подобіе трубы, громкимъ го-о-о! окликнулъ даль, но ему отвѣчало одно перекатистое эхо.—Го-о-о-о! снова повторилъ онъ, и дѣйствительно гдѣ-то вдали на озерѣ отозвалось сразу нѣсколько голосовъ, и будто отдаленный хохотъ здоровой мужской груди коснулся нашего слуха. Тарько вздрогнулъ.

Digitized by Google

— Что съ тобою? невольно проговорилъ я.

— Да этотъ хохотъ.... Странно право.... А можетъ-быть это и они откликнулись, раздумывалъ онъ.

Я хотѣлъ было успокоить Тарько сославшись на причудливость эха, но я самъ ясно слышалъ раздѣльные звуки такого даже насмѣшливаго хохота и тоже призадумался надъ нимъ.

— Ну окликнемъ вмѣстѣ! проговорилъ я. На этотъ разъ уже эхо одно вторило намъ, отзываясь переливами въ вечерней тиши.

— Ѣдемъ, баринъ, порѣшилъ Тарько,—мы сейчасъ будемъ у Поповской губы, а не найдемъ ихъ—прорѣжемъ напрямки Мшатъ и еще къ полуночи возвратимся домой.

V.

Мы сѣли въ лодку. Заливъ скоро остался за нами, и небольшая волна мѣрно покачиваетъ насъ на обширномъ просторѣ Мшата. Солнце уже совершенно скрылось въ лѣсную глушь; на дальнемъ западѣ блѣднѣя исчезаютъ багровыя полосы, а тучка разростается все шире и застилаетъ темною полосой окраину горизонта.

Тарько, насупившись, усердно работаетъ весломъ.

— Ну, братъ, Мшатъ-то и вправду расшевеливается, замѣтилъ я, окинувъ взглядомъ озеро, по которому мутныя волны гнались въ перегонъ другъ за другомъ, а по гребнямъ ихъ уже то-и-дѣло начинала скользить сѣрая пѣна.

— Да таковъ уже онъ всегда у насъ, замѣтилъ Тарько,— но это еще не бѣда: мы съ нимъ справимся. А вотъ смѣхъ-то этотъ.... Вѣдь я его не впервые, баринъ, слышу, тревожно проговорилъ онъ,—и все ночью, здѣсь, около залива....

— Полно тебѣ думать объ этомъ. Вотъ лучше разкажи что съ тобою дальше было послѣ того какъ ты завелъ свой садокъ съ замкомъ.

Тарько улыбнулся.

— Да, баринъ, свой садокъ, потому у насъ народъ такой— рыбы не оставляй въ плетенкѣ на озерѣ... Живо утащутъ, да къ Жиду. Онъ, подъ табашъ, всегда купитъ, а деньги, вѣстимо, каждому пригодятся. Особенно у насъ дворня падка бывало на то чтобы стибрить что-нибудь что неловко положено. Ну вотъ завелъ я свой садокъ, сладилъ съ Якубомъ кучеромъ да съ садовникомъ, живу-поживаю да горюшка не

знаю. Прошло этакъ мѣсяца четыре. Про пана нашего ни слуху, а тутъ уже крѣпко стали поговаривать о томъ что отъ самого царя воля скоро будетъ. Ожилъ народъ, доложу вамъ, все равно что травка вешняя изъ-подъ снѣга. Сталъ я даже подумывать о томъ какъ бы домкомъ своимъ обзавестись. У насъ здѣсь въ мѣстечкѣ живетъ одинъ хозяинъ, Кубарь по прозвищу. Хорошъ хозяинъ, а у него была дочка-одиночка— Магдой звали. Тогда ей кукушка только-что шестнадцатую весну прокуковала. Ясноокая такая была, длинныя русыя косы, личико румяное, а какъ улыбнется бывало при встрѣчѣ съ тобою! Эхъ, баринъ, что вспоминать прошлое? Мы съ Кубаремъ живемъ по сосѣдству, такъ я съ измальства былъ знакомъ съ нею. Только прежде бывало не то: сойдемся, разойдемся, а тутъ она какъ на бѣду стала глядѣть на меня такъ любовно. Порѣшилъ я что она безпремѣнно будетъ моею. Послалъ сватовъ къ Кубарю: что же, говоритъ, я не прочь, только пусть подождетъ, ей вѣдь лѣта еще не вышли. И вотъ стали мы съ нею заручеными. Боже, какъ вспомнишь это время! Тяжко-тяжко станетъ на сердцѣ. Пришла бѣда разлучница. Какой-то недобрый человѣкъ шепнулъ нашей пани что вотъ я безъ ея спроса жениться собираюсь. Что же думаете, разъярилась до того что сама раза три ударила меня по лицу, прогнала со двора и приказала отдать въ „свинячіе“ пастухи на дальній фольварокъ. Стой, думаю, подожди, скоро воля придетъ—укоротатъ тебѣ руки. Пошелъ въ пастухи, до поздней осени пасъ свиней, а моя голубка не покидала меня, и какъ только выпадетъ свободный часочикъ, прибѣжитъ къ тебѣ верстъ за пять, отыщетъ гдѣ-нибудь въ полѣ, утѣшитъ, приголубитъ тебя. Жди, не горюй, говоритъ, любый; доживемъ до воли! Мать уже и приданое мнѣ готовитъ. Отляжетъ у тебя все горе отъ сердца и не тяжела уже станетъ пастушья сума и черствый мшаной хлѣбъ не деретъ горла. Пришла осень, выпалъ первый снѣжокъ такъ послѣ Покрова. Скотъ уже въ хлѣву стоитъ. Что-то, думаю, теперь будетъ со мною, не смилуется ли пани? Разъ это сижу я въ избѣ и лапти ковыряю, только вдругъ стучатъ въ окно.—Тарько, слышу, дома? спрашиваетъ цивунъ.* Сердце во мнѣ такъ и дрогнуло: съ какою это вѣстью онъ сюда? А самому такъ и хочется думать что пани снова получила отъ сына письмо и опять скажетъ молить за него Бога. Вошелъ цивунъ въ избу.—Тарько, тебя

* Десятскій.

во дворъ требуютъ, говоритъ, а самъ больше ни слова.—Что̀ такъ? спрашиваю.—Ступай, толкуетъ, такъ узнаешь: сама пани тебя зачѣмъ-то спрашиваетъ. Вышли мы, и какъ я ни упрашивалъ его чтобы сказалъ если что-нибудь знаетъ—молчитъ. Ну, значитъ что-нибудь недоброе. Цивунъ-то свой же братъ, все же иной разъ пожалѣетъ тебя. Пришли мы и во дворъ. Доложили пани. Позвала она меня въ комнату. Сидитъ за столомъ, очки сползли на носъ и жметъ въ рукахъ молитвенникъ. А около нея самъ коммиссаръ Фалькъ, этакой злющій Нѣмецъ. Предъ нимъ все въ имѣніи дрожало. „Что̀ мужика жалѣть, говоритъ бывало пани, пока онъ въ вашихъ рукахъ, вы съ него должны всѣ деньги ваши выручить". Ну и выручалъ же собачникъ! Пани даже не взглянула на меня, а Фалькъ развалился въ креслѣ, протянулъ ноги и сигару покуриваетъ. Поклонился я имъ до земли. „Это ты негодный эту стерву выкрадывалъ съ паномъ у Лозовицкаго, это ты съ нимъ въ городѣ по ночамъ пропадалъ. Сына, единственнаго сына ты у меня загубилъ, осрамилъ весь родъ нашъ. Твой паничъ женился теперь за границей на этой шлюхѣ, а отъ тебя ни слова нельзя было добиться! Продалъ ты меня.... Я тебя до смерти убью, кричитъ, бросилась на меня: ниже, ниже кланяйся", оретъ, наступила мнѣ на волосы, а потомъ давай меня топтать ногами. Ну, думаю, сгонитъ она меня со свѣту. А Фалькъ всталъ съ кресел, подошелъ къ ней, взялъ ее за руки. „Зачѣмъ, ну, зачѣмъ себя тревожить изъ-за такой дряни, говоритъ, успокойтесь, успокойтесь." Отвелъ ее къ столу и усадилъ. „Нѣтъ не могу, нѣтъ не могу, артачится пани, я съ него семь шкуръ сдеру...."—„Посѣчь-то его стоитъ, а послѣ въ солдаты сдать, тамъ ему покажутъ почемъ фунтъ лиха."—„Да, въ солдаты его, въ рекруты, кричитъ въ безпамятствѣ пани,—на конюшню! Эй, люди! Отведите его, да чтобы мѣста живаго на немъ не оставили." Потащили меня на конюшню. Гляжу, Якубъ сердитый такой меня встрѣчаетъ. Эхъ, думаю, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли, а теперь порѣшитъ онъ меня, польская душа, желая выслужиться предъ паней. „Ну, жучку, попался въ ручку!" говоритъ Якубъ. „Растяните-ка его тамъ въ углу, командуетъ, я самъ окрещу молодчика!" Фонарь-то висѣлъ посрединѣ конюшни, такъ одинъ изъ лакеевъ бросился снимать его. „Полно: стекла еще разшибешь! проговорилъ Якубъ.—Я и безъ огня угощу его! Вотъ постойте пойду лозу смочу." Смотрю:

Digitized by Google

идетъ со двора и машетъ лозами, а съ нихъ вода такъ и прыщетъ. Сталъ онъ меня сѣчь, только что за оказія, чувствую свищетъ лоза надо мной, а спину лишь кончиками задѣваетъ. Э, не выдалъ значитъ. Всыпалъ онъ мнѣ такъ штукъ около двухсотъ. „Довольно, говоритъ, будетъ съ него; глядите все тѣло что земля почернѣло“. Еще бы не почернѣть ему, намочилъ лозу въ какой-то дряни. Поднялся я на ноги, а меня сейчасъ и въ колодки заковали. Засадили въ пустую избу, морятъ голодомъ и никого ко мнѣ не допускаютъ: ни отца, ни матери, ни Магды. Грусть меня, баринъ, страшная одолѣла. Порѣшилъ бы съ собой, до того доходило даже, но ноги крѣпко скованы, сторожа стоятъ у дверей и оконъ. Вотъ, говорятъ что скоро повезутъ меня въ городъ сдавать не въ зачетъ, какъ вора какого-нибудь или пьянчужку. Эхъ, думаю, убѣгу, а нѣтъ, такъ прощай Магда, мать, лѣса. Покончу я съ собою! Сижу этакъ однажды темною ночькой, да пѣсни напѣваю. О снѣ и думки нѣту.... Только слышу: звенитъ вдали колокольчикъ.... ближе, ближе, не одинъ, а нѣсколько заразъ, такъ и заливаются.... Кого это къ намъ несетъ нелегкая? разсуждаю. Исправникъ, становой, да много звонковъ.... Эхъ, на дворъ закатили.... Пошла бѣготня по двору, огни замелькали въ панскихъ покояхъ.... Слышу: панъ, панъ, торопливо говорятъ сторожа.... Соколики вы мои, какъ я-то возрадовался! Наша взяла теперь. За пана терпѣлъ, такъ онъ же не выдастъ. Что же вы думаете, баринъ, не прошло и часочка, какъ бѣгутъ къ моей избѣ съ фонаремъ. Замолкло все, потомъ слышу шаги знакомые.... Отперли двери, вошелъ панъ, веселый такой.... —Тарько, слуга мой вѣрный, что съ тобой сдѣлали?... Прочь съ него кандалы, крикнулъ. Сейчасъ я въ ноги ему, плачу, да какъ пёсъ лижу его сапоги. Поднялъ меня, поцѣловалъ: ну, говоритъ, теперь еще ты мнѣ послужишь! Пошелъ панъ сейчасъ распоряжаться по-своему.... Валькъ полетѣлъ къ чорту изъ имѣнья; панъ собралъ народъ, сталъ говорить ему: не по моей винѣ, дескать, такъ круто обращались съ вами, обѣщалъ самъ волю дать, землю подарить, только толкуетъ, вы будьте также какъ и я вѣрными Поляками.

— Что же, вы такъ и стали поляковать?

— Какое, народа не проведешь! продолжалъ Тарько.—Вишь разщедрился, заговорили, когда не сегодня-завтра и безъ его милости отъ Царя воля придетъ. А на счетъ даровой земли такъ и совсѣмъ не повѣрили: больно уже это не къ ладу шло,

Digitized by Google

у каждаго еще спина отъ старыхъ канчуковъ чесалась.... Все же спасибо ему сказали. А у насъ во дворѣ все вверхъ дномъ перевернулось: такая жизнь пошла разухабистая что и Боже мой, держись только! Стали къ пану съѣзжаться сосѣди. Попойки у нихъ, музыка, танцы, стрѣльба, муштры. Не успѣютъ просушить горла, снова за стаканы: венгерское такъ и льется рѣкой! А тутъ и молодая пани во дворъ прикатила. Старая-то спервоначала не хотѣла и видѣть сына, а о невѣсткѣ что̀ и говорить, да ксендзы перемогли. Стали ее пекломъ стращать, да уговорили что на все воля Божія, такъ и слѣдовало, значитъ, тому быть, если не вышло иначе. Пришла въ чувство, помирилась съ дѣтьми, а злобу-то все-таки въ сердцѣ затаила....

VI.

— Ну, вотъ мы у поповской избы, заговорились и не видимъ что къ мѣсту пріѣхали, замѣтилъ Тарько.—Да что̀ жь это нашихъ рыболововъ не видно? въ недоумѣніи проговорилъ онъ, окидывая взглядомъ небольшую бухту съ песчаною отмелью у пологаго берега, по которому разстилался небольшой лугъ.... А дальше лѣсъ, насупившись, глядѣлъ на насъ темною массой деревьевъ.—Уѣхали должно-быть на другое мѣсто, порѣшилъ Тарько,—а все же нужно бы выйти на берегъ, поглядѣть, не оставили ли они слѣду.....

— Ну, что̀ жь, разомнемъ немного ноги, а то засидѣлись согласился я.

Мы прошли по лугу въ самую оконечность бухты. Трава въ нѣсколькихъ мѣстахъ была сильно потоптана; видно здѣсь неводъ вытаскивали на берегъ.

— Да они тутъ и огонь разводили, проговорилъ Тарько, указывая на противоположную сторону бухты,—видите, дымокъ тамъ струится около кустиковъ.

Мы направились къ указанному мѣсту. Нѣсколько толстыхъ сучьевъ тлѣло въ золѣ; около костра была разбросана раковая скорлупа, десятокъ мелкихъ рыбокъ, да узкій поясокъ змѣйкой свернулся на травѣ. Тарько поднялъ его и сталъ его разсматривать.

— Что̀ это онъ тебѣ такъ приглянулся? освѣдомился я.

— Да это поясъ поповскаго батрака, какъ это онъ могъ забыть его? проговорилъ Тарько въ раздумьи.

Digitized by Google

— Да окликнуть бы ихъ!

— Толку мало, порѣшилъ Тарько, направляясь къ лѣсу:— они давно дома. Вотъ и леща потеряли, видите, важный какой, замѣтилъ онъ, поднимая съ травы порядочную штуку.— Ихъ прогнало что-нибудь съ этого мѣста.

Вдругъ вдали на озерѣ раздался рѣзкій, пронзительный крикъ, будто предсмертная мольба о помощи. Мы оба вздрогнули, не отдавая себѣ въ этомъ отчета.

Крикъ повторился снова и еще пронзительнѣе прежняго. Далеко, далеко кругомъ пронеслось его эхо, еще усиливая въ душѣ впечатлѣніе этого отчаяннаго вопля.

— Давятъ что ли тамъ кого? въ недоумѣніи проговорилъ я.

Тарько былъ блѣденъ и стоялъ какъ ошеломленный.

— Ну, пошло! разразился онъ наконецъ, безцѣльно блуждая по сторонамъ глазами.—На лицѣ его промелькнуло какое-то болѣзненное ощущеніе, будто всю душу его сжало въ тискахъ томительное чувство, которому трудно прорваться наружу.

— Да чтò же это?

— А кто его, баринъ, знаетъ! Говорилъ я вамъ что мнѣ часто приходилось слышать на озерѣ смѣхъ, стоны.... А крика такого, впрочемъ, отродясь не слыхивалъ, разсуждалъ онъ самъ съ собой.

— Чтò же мы будемъ дѣлать здѣсь? Маршъ домой, да и полно! Столбнякъ что ли на тебя напалъ? съ сердцемъ замѣтилъ я, видя что мой вожатый не двигается съ мѣста.

— Домой, хорошо домой! А если мы по дорогѣ да на такое наткнемся, прости Господи, что и во снѣ намъ другой разъ не привидится.

— Такъ чтò жь что наткнемся, вѣдь мы не съ голыми руками! Въ ружьѣ два заряда, а въ карманѣ у меня еще лучшій гостинецъ, успокоивалъ я Тарько.—Мнѣ говорили не дальше какъ сегодня въ правленіи, и тотъ же отецъ Иванъ, что въ лѣсахъ окружающихъ Мшатъ не все обстоитъ благополучно.

Было раннее лѣто 1864 года. Еще кой-гдѣ въ краѣ бродили остатки шаекъ. Пожалуй теперь сорванцы не далеко отъ насъ въ этомъ же лѣсу, а лодка межь тѣмъ на другой сторонѣ бухты.

— Чтò время-то тратить понапрасну? Пойдемъ къ лодкѣ, да и въ дорогу! распорядился я.

Тарько машинально двинулся за мною. Я ускорилъ шаги. Высокая прибрежная трава шелестѣла у нашихъ ногъ, оставляя на платьѣ крупныя капли росы.

Digitized by Google

— А покажите-ка, баринъ, какой это такой гостинецъ у васъ въ карманѣ? совершенно неожиданно послышался сзади меня твердый, рѣшительный голосъ.

Я инстинктивно схватилъ съ плечъ ружье и быстро оглянулся. Тарько стоялъ предо мной преображенный: онъ вытянулся во весь ростъ, глаза рѣзко блещутъ.... Эта быстрая перемѣна въ моемъ проводникѣ до того поразила меня что я сразу не могъ собраться съ мыслями. Я былъ одинъ на одинъ въ такой обстановкѣ съ человѣкомъ вдвое превосходившимъ меня физическою силой, съ бывшимъ дворовымъ мятежнаго пана.... Цѣлая вереница самыхъ странныхъ комбинацій молніей пронеслись въ моей головѣ, и, смѣшно вспомнить, я подозрительно взглянулъ на своего вожатаго, но это было лишь на одно мгновеніе.... Тарько уже глядѣлъ на меня какимъ-то растеряннымъ, вопросительнымъ взглядомъ. Смущенный, я медленно опустилъ ружье на землю.

— А вотъ этотъ гостинецъ, проговорилъ я съ улыбкой надъ самимъ собой, вытаскивая изъ кармана револьверъ.—Видишь: шесть зарядовъ; стоитъ только спустить курокъ, и шесть пуль къ твоимъ услугамъ, уже съ полнымъ спокойствіемъ пояснилъ я Тарько.

— Славная штука! замѣтилъ онъ.—Два заряда въ ружьѣ, шесть зарядовъ тутъ, медленно соображалъ Тарько.—А зарядить это ружьецо скоро можно?

— Патроны готовы и у меня въ карманѣ.

— Да два еще новыхъ заряда въ ружьѣ, продолжалъ высчитывать Тарько,—хорошо, баринъ, ѣдемъ, согласился онъ,—но если только плохо придется, вы мнѣ ружье дадите? Позвольте: нужно вынуть изъ него дробь, да старательно зарядить пулями.

Я охотно передалъ ему ружье и началъ добывать изъ сумки патроны. Тарько тоже сталъ шарить у себя въ карманѣ, позвенѣвъ тамъ мелкими деньгами и зарядивъ пулей ружье, опустилъ въ него что-то звонко звякнувшее о стѣнки дула, потомъ старательно пришибъ зарядъ шомполомъ.

— Э, да ты колдовать сталъ! замѣтилъ я отъ души расхохотавшись.

— Тише, баринъ, серіозно предостерегалъ меня Тарько,—здѣсь у каждаго кустика могутъ быть уши, проговорилъ онъ, тревожно оглядываясь по сторонамъ.

Кругомъ все было глухо; только лѣсъ шумѣлъ вдали, да прибой волны расплескивался по песчаной отмели.

Digitized by Google

VII.

Мы опять на озерѣ.

— Ну, теперь покрѣпче держаться надо, совѣтуетъ Тарько,—а то волна больно расходилась. Упаси Боже, вырнешь въ эту глубь, тогда и поминай какъ звали, а я уже постою за себя, не пожалѣю силушки.

Мы быстро несемся съ волны на волну; намъ облегчаетъ путь попутный вѣтеръ.... Берега скрылись, застланные отъ насъ туманомъ. Тамъ западъ уже подернулся непрогляднымъ мракомъ, подъ навѣсомъ тучи, которая медленно заволакиваетъ небо, захватываетъ крыломъ молодой мѣсяцъ и роняетъ на озеро темную тѣнь. Только надъ нами въ голубой выси еще привѣтливо мерцаютъ ясныя звѣзды и облегчаютъ въ душѣ сознаніе безпомощнаго одиночества на этомъ обширномъ просторѣ бурнаго озера.

— Эхъ, братъ, не повезло намъ сегодня, заговорилъ я, желая отогнать прочь невеселыя мысли,—и какая это чертовщина еще смущаетъ насъ? Я слышалъ отъ отца Ивана будто въ лѣсахъ окружающихъ Мштатъ еще повстанцы кроются....

— Да розно поговариваютъ. Вотъ и я намедни видѣлъ на той сторонѣ озера слѣды большой лодки на пескѣ, ну да вѣдь не одно наше мѣстечко жмется къ Мштату; можетъ-быть изъ той губерніи господа на охоту пріѣзжали.

— Почемъ же ты знаешь, можетъ-быть и не изъ той губерніи, а изъ Мштатской пущи.... Лодку вѣдь легко спрятать въ камышахъ.

— Про то чтò и говорить! Все же отъ меня, баринъ, не скрыться бы имъ. Вотъ весной какъ-то проявились въ лѣсу нѣсколько оборванцевъ, такъ такіе жалкіе, исхудалые, встрѣтились со мною да хлѣба просятъ. А одинъ такъ Христомъ-Богомъ молитъ чтобъ я ему рубашку снялъ, жалуется что нужа всего изъѣла. Снялъ онъ съ себя капотъ, а у него вмѣсто сорочки какія-то фланелевые клочки болтаются, перепрѣли всѣ. Жаль мнѣ его стало: разказываетъ издалека, Мазуръ.... Отдалъ я ему сорочку, да и хлѣбцемъ покормилъ, только говорю проваливайте отъ насъ по-добру по-здорову, а то казаки въ мѣстечкѣ. Мы, толкуютъ, проходомъ въ этихъ мѣстахъ, на границу хочемъ пробраться.... А такъ чтобы

постоянно здѣсь жили, не слышно. Вотъ у насъ про другое все толкуютъ, да ужь больно страшное. И съ моей-то судьбой оно-то вяжется, медленно, будто выжимая изъ груди послѣднія слова, проговорилъ Тарько.

— Ну, ну, разказывай, ухватился я,—да все по ряду, слова вѣдь изъ пѣсни не выкинешь.

— Недоля, баринъ, изъ моей пѣсни все уже повыкинула, такъ нечего тутъ выкидывать. Одинъ-одинешенекъ теперь я на Божьемъ свѣтѣ. Отецъ умеръ давно, а мать крѣпилась коекакъ до нонѣшней весны, да сталъ таять снѣгъ, такъ и она какъ свѣчка предъ образомъ догорѣла. Надѣлъ мой дядька обрабатываетъ, а я къ землѣ не приложился, такъ шляюсь теперь по чужой сторонѣ. Да впрочемъ и въ крестьянствѣ-то что̀ теперь? Какъ будто съ цѣпи сорвался народъ послѣ панщины-то этой, каждый норовитъ захватить побольше, неладица въ громадѣ....

— Пиво молодое, не устоялось еще, замѣтилъ я.—Ну, какъ же ты съ панею старой разошелся, разказывай: обоимъ намъ веселѣе будетъ.

— Сбѣжалъ отъ нихъ прочь, вотъ и вся недолга!

— Да какъ же такъ?

— Надоѣло мнѣ все это, баринъ, опротивѣло.... Вотъ послѣ того какъ старая пани съ дѣтьми попадала, панъ пробылъ въ имѣньи добрыхъ полтора года. И чего онъ только не натворилъ здѣсь! Собралъ это съ имѣнья до двадцати парней, которые побойчѣе, меня причелъ къ нимъ, приставилъ къ намъ двухъ учителей и давай насъ обучать всякимъ наукамъ, языкамъ разнымъ.

— Ого!

— Вѣрно говорю, я и теперь еще не разучился читать пофранцузски, а по-нѣмецки такъ и съ Жидомъ кой о чемъ растолкуюсь. Это онъ насъ такъ въ Поляки готовилъ. И какъ его я ни упрашивалъ чтобъ освободилъ меня отъ этого ученья, про Магду ему все разказалъ, про то что мы съ ней уже помолвлены... Э! Куда, и слышать не хочетъ! Еще успѣешь, говоритъ, жениться, да не на такой красавицѣ. Вотъ погоди, заживемъ мы съ тобой на всей волюшкѣ.... Такъ и не позволилъ. А отецъ Иванъ говоритъ: что̀ же, потерпи, придетъ отъ царя воля, такъ тогда самъ распорядишься собой, а теперь учись, наука, толкуетъ, всегда пригодится.... Пришла и воля, а мы все за книжками сидимъ.... Для насъ-то здѣсь кругомъ

Digitized by Google

во всѣхъ имѣніяхъ все равно было что и не читали воли. Посредниками стали все ихніе же паны, а нашъ даже въ какіе-то предсѣдатели угодилъ. Подъ нимъ-то народу хорошо было. да другіе паны еще сильнѣе стали давить мужика, послѣднее добро выжимать изъ него. Наука-то Фалька не пропала даромъ. Сталъ народъ бунтоваться.... Нашъ-то, какъ соберутся къ нему паны, горячится, толкуетъ имъ что народъ отъ рукъ отобьютъ, все дѣло свое же испортятъ; а какъ пришлось плохо пану Ежевицкому отъ мужиковъ, самъ за войскомъ посылалъ въ губернію чтобъ усмирять пришли бунтовщиковъ Пригнали цѣлый полкъ солдатъ, казаковъ сотня прискакала, оцѣпили это бѣдное село, пороли, пороли крестьянъ. Не одинъ и на тотъ свѣтъ отправился отъ казацкихъ нагаекъ. А у насъ все смирно было, больше потому что отецъ Иванъ уговаривалъ, упрашивалъ людей. И то диво: нашимъ не на что̀, кажись, было и пожаловаться, а какъ стали сѣчь ежевицкихъ мужиковъ, такъ и наши заволновались. „Всѣмъ, говорятъ, слѣдуетъ подняться, да и вырѣзать этихъ поганцевъ — про пановъ-то толкуютъ,—пусть говоратъ, наша бѣда до самого царя дойдетъ, а то они настоящей воли не показываютъ, царю иначе все представляютъ.“ Но потомъ присмирѣли, когда увидѣли что на сторонѣ пановъ вся сила, что съ жалобами на почту не пускаютъ, перехватываютъ пакеты, да въ острогъ сажаютъ тѣхъ кто просьбы писалъ.... Осенью того года когда воля была прочитана, панъ уѣхалъ въ Варшаву. Якубъ-то сейчасъ же тогда сказывалъ мнѣ что панъ нашъ генераломъ будетъ, когда Польша придетъ. Молодая пани оставалась до зимы у насъ, а потомъ и она за паномъ укатила. Настало опять раздолье старой хрычевкѣ. Не можетъ это она, вѣдьма, снести меня, того и гляди то къ тому, то къ другому придерется, а не за что̀ привязаться къ тебѣ, такъ выдумаетъ какую-нибудь небывальщину, позоветъ къ себѣ, да и начнетъ грызть. Разъ какъ-то вздумала по прежней памяти хватить меня по лицу, такъ я ей погрозилъ что пану обо всемъ отпишу. Заскрежетала только зубами. Что̀ же бы вы думали, баринъ, вѣдь отомстила мнѣ проклятая, да и какъ еще отомстила! Вдругъ ни съ того, ни съ другаго, нечистый должно-быть подшепнулъ, пришло ей въ голову взять во дворъ мою Магду. Стали это ей всѣ докладывать что это по закону не показано, потому уже воля пришла. Якубъ такъ ее и пристращалъ что за такое самоуправство и бѣды наживетъ. Да куда! настояла на своемъ.

Я сейчасъ къ мировому бросился съ Кубаремъ, отцемъ-то Магды, говорю: такъ и такъ, притѣсненіе большое, да притомъ одна прихоть старой пани, изъ ума выживаетъ. „Ступайте домой, успокоиваетъ мировой, я тамъ напишу къ ней.“ Что писать, развѣ ее проберешь письмомъ-то этимъ? Мы въ городъ начальству жаловаться, такъ насъ тамъ такимъ порядкомъ пробрали, доложу вамъ, въ острогъ еле не упекли, за бунтовщиковъ насъ посчитали. Кубарь-то и руки опустилъ, радъ что ноги унесъ по добру по здорову, а я все пану отписалъ въ письмѣ какія у насъ теперь дѣла творятся и жду отъ него вѣсточки, а сердце такъ и надрывается на Магду глядючи: сейчасъ же, сразу какъ привезли ее во дворъ, что-то недоброе съ ней приключилось, будто околдовалъ ее кто; ходитъ изъ угла въ уголъ какъ потерянная какая.... Спросишь ее бывало: что съ тобою, люба? Подниметъ на тебя очи, улыбнется такъ грустно, печально что душа у тебя вся заноетъ; сама, говоритъ, милый, не знаю отчего, грусть такая ко мнѣ привязалась, видно что-то недоброе чуетъ мое бѣдное сердце. И во снѣ и на яву вижу что эта вѣдьма крови моей теплой напиться хочетъ. Сначала Магда вмѣстѣ съ другими дворовыми дѣвушками жила, такъ ей все же веселѣе было: пѣсни у нихъ, смѣхъ. Ее-то всѣ любили, потому что бывало никому воды не замутитъ. Стала она даже какъ будто привыкать, только какъ на грѣхъ случилось такъ что спальная горничная пани слегла въ постель, да недолго и проболѣла, на тотъ свѣтъ отправилась, такъ пани Магду на мѣсто покойной къ себѣ опредѣлила. „Ты, говоритъ хрычевка Магдѣ,—тамъ со своимъ Ясемъ шуры-муры ведешь по ночамъ,—лжетъ окаянная,— изъ дѣвичьей пропадаешь, а здѣсь тебѣ это будетъ не сподручно.“ Пани бывало всегда горничную клала у себя въ ногахъ на постели, такъ когда пришлось лечь такъ же Магдѣ, ни одной ночьки не можетъ путемъ соснуть, да и только. Еле, говоритъ, станетъ тебя ко сну клонить, такъ начинаетъ мерещиться такая дрянь что Боже упаси, а эта вѣдьма протянетъ костлявыя руки, откинется головой на подушку, разинетъ ротъ беззубый. Просто мертвецъ настоящій, да еще съ кѣмъ-то бредитъ во снѣ. Не въ моготу мнѣ больше сносить эдакую жизнь, говоритъ Магда, хоть увези ты меня куда темною ноченькой, да если любишь, порѣши ты меня, а то я сама на себя наложу руки. Станешь ее уговаривать, только еще хуже разжалобишь.

Digitized by Google

маялась это она, стосковалась, лица на ней нѣту. Порѣшилъ я было, не сказываясь никому, пробраться къ пану, а тутъ какъ разъ отъ молодой пани письмо пришло и приказъ мнѣ доставить ея вещи въ городъ, да безпремѣнно меня требовала, потому, пишетъ, на другаго положиться не могу. А у насъ-то она и богатства своего оставила почитай что однѣ юбки, да правда маленькій еще сундучокъ былъ съ бумагами. Она-то его особенно и беречь заказывала. Обрадовался я что вотъ скоро пана увижу, поразкажу ему все и привезу отъ него крѣпкій приказъ освободить Магду. Тогда, думаю, не стану уже больше спрашиваться, а прямо къ отцу Ивану, да и въ церковь подъ вѣнецъ. Волю вѣдь не даромъ же объявили. Говорю такъ это Магдѣ, разставаясь съ нею, а она бѣдная слезами заливается, кинулась мнѣ на шею, обхватила ее рученками:—„На погибель ты меня оставляешь, Ясю, лепечетъ, лучше бы я тебя въ могилу провожала.“ Вѣрите ли баринъ, у меня самого слезы ручьемъ изъ глазъ такъ и брызнули. Эхъ, зналъ бы я что̀ безъ меня здѣсь случится, во вѣкъ бы не уѣхалъ, хоть золотомъ меня всего съ головы до ногъ осыпь. Пана я не захватилъ въ городѣ, опять куда-то укатилъ по какимъ-то дѣламъ своимъ важнымъ: не сегодня, завтра будетъ, говоритъ пани, обожди. Только не успѣлъ я это осмотрѣться въ городѣ, какъ бацъ ко мнѣ письмо отъ отца Ивана; пишетъ что Магда убѣжала ночью со двора, да и пропала безъ вѣсти. Ну ужъ куда мнѣ было тутъ дожидаться пана! Пани какъ узнала все, такъ не стала меня задерживать, да со мною отъ панскаго имени строгій приказъ въ имѣнье послала чтобы больше не смѣли брать во дворъ Магду. Привезъ я этотъ приказъ, съ горечью проговорилъ Тарько,—а тутъ мнѣ и говорятъ: поклонись, парень, Мшату, уже давно выбросилъ на островъ бѣлое тѣло твоей зарученой, а пока отыскали трупъ бѣдняжки, черный воронъ успѣлъ выклевать ея ясныя очи. Тутъ и похоронили ее на островѣ.

— Это на этомъ, у котораго были намедни?

— Да, на этомъ. Только ужъ какъ это случилось, ума не приложу, да и на что̀ отецъ Иванъ, такъ и тотъ никакъ въ толкъ не возьметъ. Вотъ какъ я уѣхалъ тогда, какою-то экзальтированною рѣчью продолжалъ Тарько,—пани и почни разъ вечеромъ говорить Магдѣ что я больше сюда не ворочусь, что теперь она сама за Магду примется, да и посватаетъ ее. И ужъ такую свадьбу ей сыграетъ, какой еще не бывало въ

Digitized by Google

Мшатѣ. Вотъ легли всѣ спать. А тутъ около спальни и другія дѣвушки на полу расположились. Только середь ночи послышался страшный стонъ въ спальнѣ пани, а послѣ крикъ такой неистовый что въ домѣ всѣ схватились на ноги. Глядятъ: Магда куда-то пробѣжала съ растрепанною косой. Хватились въ спальню пани, а она лежитъ безъ чувствъ, кровь у нея изъ горла прорывается и въ груди что-то клокочетъ. Такъ ужь и ни слова не проговорила. Въ страшныхъ мукахъ умирала. Думали даже потолокъ подымать въ домѣ чтобы легче вышла изъ ея тѣла душа нечестивая, да понаѣхали ксендзы, стали день и ночь молитвы надъ ней творить. Докончилась. А глазъ такъ и не могли ей сомкнуть, глядитъ въ гробу злостно, какъ живая, носъ клювомъ вытянулся, губы искривились. Всѣ во дворѣ боялись подступать къ ней на прощанье, потому порѣшили что она вѣдьма была.

— Вотъ оно какъ!

— Да и послушайте, баринъ, какія только чудеса пошли сейчасъ послѣ того какъ ее во гробъ схоронили. Наступитъ это ночь, такъ въ домѣ всѣ и жмутся куда-нибудь въ одну комнату, подальше отъ покоевъ, потому въ спальнѣ у нея такая возня пойдетъ, свистъ, пляска, хохотъ. Разъ Якубъ съ толпой дворовыхъ вздумалъ о полночи взглянуть что̀ тамъ творится такое, такъ сама покойница стала предъ ними на порогѣ, а потомъ въ черную кошку обратилась и шмыгнула у нихъ около ногъ. Покропили ксендзы спальню священою водой, выжили ее оттуда, такъ она на могилѣ Магды стала проявляться. Вотъ чуть только начнетъ смеркаться, она и стоитъ въ бѣломъ вся на могилѣ Магды; а придетъ полночь, въ огнѣ весь островъ горитъ и такой шабашъ на немъ подымется.

VIII.

Вдругъ по озеру пронесся глухой шумъ....—Берегитесь, баринъ, крикнулъ Тарько, напрягая всѣ усилія чтобы сохранить равновѣсіе лодки, которую подхватила огромная волна и потомъ сбросила въ глубину, обдавая насъ брызгами пѣны. Сильный порывъ вѣтра, уныло завывая, промчался по озеру. Тамъ гдѣ-то на берегу въ чащѣ лѣсной загудѣлъ громъ, и тяжелыми раскатами пронесся по всему обширному простору Мшата.

— Къ берегу держи, Тарько, а то тебѣ не справиться съ

Digitized by Google

твоею душегубкой, проговорилъ я, бросая тревожный взглядъ на тучу, которая уже быстро неслась по небу, распростираясь надъ нами черным шатромъ.

— Трудно, баринъ, здѣсь вездѣ берега высокіе.... Вотъ въ заливъ бы попасть, да темень страшная; не сообразишь куда направить лодку.

Дѣйствительно темнота усиливалась съ каждою минутой. Я съ трудомъ уже различалъ лицо Тарько, съ ожесточеніемъ налегавшаго на весла и напрасно силившагося справиться съ волной, которая по произволу бросала нашъ челнокъ. Вдругъ гдѣ-то вблизи молнія разразилась оглушительнымъ ударомъ. Все озеро мгновенно облилось ослѣпительнымъ электрическимъ свѣтомъ, и предъ нами встали безконечные ряды сѣрыхъ волнъ, готовыхъ кажется раздавить насъ въ своемъ безпутномъ бѣгѣ.... Вдали рѣзко очертился берегъ и лѣсъ выступилъ впередъ зеленою массой деревьевъ, но снова все покрылось тьмой и еще тревожнѣе отдались въ душѣ и рокотъ волнъ, и неистовое завываніе бури....

— Тяжело грести, силъ не хватаетъ, баринъ, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ Тарько, въ изнеможеніи откидываясь на корму лодки.

Весло выпало у него изъ рукъ и подпрыгнуло на гребнѣ волны. Я потянулся чтобы схватить его и едва не опрокинулъ лодки, которая, наклонившись, зачерпнула струю воды, но Тарько быстрымъ движеніемъ перевѣсилъ лодку на противоположную сторону и сталъ ковшомъ выливать изъ нея воду. Лодка въ это мгновеніе сдѣлала крутой поворотъ и понеслась по направленію отъ берега.

— Ой бѣда, баринъ, въ ужасѣ проговорилъ Тарько,—мы попали въ тотъ потокъ что̀ заливъ прорѣзываетъ, и теперь уже не миновать намъ острова.... Ну да пусть несетъ, пусть несетъ!.. Она давно души моей хочетъ, въ какомъ-то экстазѣ произнесъ онъ, и въ голосѣ его прорвалась наружу давно накипѣвшая душевная боль.

— Дай мнѣ весла, обратился я къ нему, можетъ-быть мнѣ удастся направить лодку къ берегу.

— Нѣтъ, все равно.... Видите: волна утихаетъ, потокъ поборолъ ее.... А куда вамъ справиться съ теченіемъ? Пусть несетъ, пусть несетъ! говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Я не успѣлъ еще опустить веселъ въ воду, какъ внезапно предъ нами озеро освѣтилось на далекое пространство,

Digitized by Google

и будто по мановенію волшебнаго жезла, страшный островъ выросъ изъ воды. Свѣтъ яркимъ столбомъ лучей вырывался изъ оконечности острова и длинною полосой ложился на озеро, исчезая недалеко отъ насъ въ безсильной борьбѣ съ ночною тьмой. Въ первое мгновеніе я замеръ весь пораженный неожиданностію, но вдругъ къ намъ съ острова, вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра, донесся смѣшанный людской говоръ и шумъ деревьевъ, стонавшихъ подъ напоромъ бури. Я налегъ на весла всѣми силами, стараясь чтобы лодка не попала въ освѣщенное пространство. Тарько все время не проронилъ ни слова и только судорожно сжималъ въ рукахъ ружье. Все это было, впрочемъ, дѣломъ одного мгновенія, и всѣмъ вниманіемъ прикованный къ загадочному явленію, я почти позабылъ о существованіи моего спутника. Но вдругъ Тарько почувствовалъ что лодка принимаетъ задній ходъ, обратился ко мнѣ съ повелительнымъ жестомъ:

— Оставьте, баринъ, пусть несетъ, твердымъ голосомъ проговорилъ онъ, но глаза его горѣли дикимъ огнемъ и лицо выражало отчаянную рѣшимость.—У меня ружье серебромъ заряжено, я покончу ее, въ изступленіи порѣшилъ онъ,— или пусть и я буду тамъ куда эта вѣдьма мою Магду спровадила!..

— Да ты не слышишь развѣ людскихъ голосовъ.... Тамъ скорѣе всего ловстанцы.... Мы пропали если попадемъ въ полосу свѣта, проговорилъ я, и будто въ подтвержденіе моихъ словъ, къ намъ донеслось съ острова звонкое ржаніе лошади.— Видишь: твоя барыня сюда въ коляскѣ съ Якубомъ пріѣхала что ли?

Тарько опустилъ руки.

— Эй, Мацекъ, Мацекъ, прогони этого чорта подальше въ лѣсъ, послышался на островѣ чей-то здоровый голосъ, а то что̀ онъ оретъ во всю глотку.

— Да зачѣмъ, пусть его ржетъ.... Кого теперь дьяволъ понесетъ въ эту пору! Лошади вѣдь цѣлый день въ намордникахъ ходили.

— А ты всегда, собачья кровь, наперекоръ идешь, крикнулъ прежній голосъ, подкрѣпляя слова свои еще нѣсколькими крѣпкими ругательствами.

— Ахъ они негодяи, ахъ они сволочь, разразился Тарько, совершенно освобождаясь отъ прежняго настроенія.—Баринъ, да вѣдь это изъ нашего мѣстечка отъявленные воры.... Это они сюда краденыхъ лошадей припрятали, притонъ здѣсь

Digitized by Google

устроили. То-то вотъ уже другой мѣсяцъ пропадаютъ все лучшія лошади, да и слѣду ихъ не отыщутъ. Подержитесь, баринъ, еще немножечко: я высмотрю что̀ тамъ дѣлается на островѣ. И Тарько, опираясь на ружье, осторожно приподнялся въ лодкѣ и съ напряженіемъ сталъ разсматривать тотъ пунктъ изъ котораго выходила струя свѣта.

— Вотъ, вотъ, они костеръ развели подъ дубомъ, а недалеко отъ костра и лодка болтается въ водѣ, та самая должна быть которой и слѣдъ-то я видѣлъ на пескѣ. Эхъ, орѣшникъ закрываетъ ихъ. Возьмитесь, баринъ, немножко влѣво— тамъ кажись дальше прогалина, и мы увидимъ все какъ на ладони.

Я не привыкъ управляться съ веслами и мнѣ слишкомъ трудно было держаться противъ теченія, но я собралъ всѣ силы и двинулъ лодку по указанному направленію, несмотря на то что теченіе почти неудержимо влекло ее къ острову.

— Вотъ такъ хорошо, ободрялъ меня Тарько,—эхъ сколько тамъ у огня этой сволочи! Такъ, такъ, это Мацекъ тамъ жаритъ что-то на огнѣ, говорилъ Тарько,—а тамъ около самаго дуба два Жида и панъ Заблоцкій.... Э, паночикъ, вотъ куда занесла тебя нелегкая! Сруль, Зарембскій шляхтичъ, Плыгавка, продолжалъ высчитывать Тарько.—Ну, запляшете же вы у меня теперь, голубчики. Давайте, баринъ, весла и маршъ къ острову!

— Да что̀ же ты хочешь дѣлать съ ними?

— А мы у нихъ лодкой позаимствуемся, потому намъ непристойно пропадать въ бурѣ на этой душегубкѣ, уже подшучивалъ Тарько. — А захватимъ у нихъ лодку, такъ имъ, баринъ, въ вѣкъ съ острова не выбраться.... Пусть покружатся на немъ что бѣлка въ клѣткѣ, пока ихъ живьемъ не захватятъ.

— Ну, а если мы попадемся къ нимъ въ руки, тогда что̀? Смотри вѣдь насъ только двое, а ихъ тамъ до десятка наберется....

— Какое до десятка, съ живостію прервалъ меня Тарько,— всего восемь штукъ, по четыре головы на брата, а у насъ, кстати, восемь зарядовъ наготовѣ.... Пусть только нападутъ на насъ.

— Полно: стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ рисковать жизнію.... Вѣдь и они, небось, тоже не съ голыми руками....

— Да помилуйте, баринъ, воодушевлялся Тарько,—намъ весь уѣздъ спасибо скажетъ.... А пропустимъ теперь удобный случай посадить ихъ на мели, такъ они къ утру, можетъ-быть,

Digitized by Google

и выберутся отсель, да махнутъ съ лошадьми въ другую губернію. Положитесь на меня: я такъ тихонько подкрадусь къ лодкѣ, уговаривалъ онъ меня,—а то неужели имъ все съ рукъ сойдетъ?...

Меня тоже подмывало выместить на этихъ ночныхъ обитателяхъ пустыннаго острова тревогу нашихъ недавнихъ опасеній.

— Ну, дѣйствуй! проговорилъ я нерѣшительно.

Мы успѣли уже обогнуть полосу свѣта, и лодка, повинуясь теченію, быстро неслась къ острову. Тарько лишь легкимъ движеніемъ весла сообщилъ ей нужное направленіе.... Вотъ ее подхватила послѣдняя волна и, съ плескомъ разбиваясь о песчаный берегъ, осадила лодку на его отлогомъ склонѣ. Тарько передалъ мнѣ весла и ступилъ на землю....

— Дайте мнѣ ваше ружейцо, баринъ, а вы здѣсь оставьтесь, и если они бросятся на меня, стрѣляйте въ кого ни попало!... Лишь бы только мнѣ удалось прыгнуть въ ихнюю лодку, тогда наша взяла! быстро проговорилъ онъ и съ револьверомъ въ рукѣ сталъ прокрадываться у берега, по которому жался къ водѣ ольховый кустарникъ.

Я тоже вышелъ на берегъ и, держа ружье наготовѣ, сталъ тревожно осматриваться въ разныя стороны. Кругомъ меня не слышно было живой души; только прибрежный кустарникъ, нагибаясь подъ порывами вихря, слалъ куда-то, съ вѣтромъ свою жалобу на бурю, а дальше лѣсъ, съ сердитымъ гуломъ, грозно качалъ лиственными верхами деревъ, по которымъ скользила боязливо слабая струя свѣта. Мы пристали у входа въ небольшую бухту. На самой оконечности ея, не дальше отъ меня какъ на ружейный выстрѣлъ, подъ естественнымъ шатромъ изъ раскидистыхъ вѣтвей огромнаго дуба, пылалъ костеръ, а шагахъ въ десяти отъ него, въ томъ мѣстѣ гдѣ начинался камышъ, виднѣлась лодка.. Яркій свѣтъ отъ костра ложился на бухту и, достигая меня слабымъ отблескомъ, убѣгалъ на Мшатъ, дрожалъ тамъ на волнахъ, но лишь отчасти освѣщалъ противоположный берегъ, гдѣ островъ угломъ далеко вдавался въ озеро. Вѣтеръ дулъ мнѣ въ лицо, и не опасаясь что меня можетъ выдать неосторожное движеніе, я взобрался на носъ лодки, чтобы лучше видѣть всю группу около костра, но и безъ того я легко могъ различать лица людей расположившихся на землѣ у огня въ разныхъ позахъ. Около самаго дуба, на небольшомъ боченкѣ, вмѣсто стола, играли въ карты два Жида и панъ Заблоцкій.. Онъ си-

Digitized by Google

дѣлъ ко мнѣ лицомъ. Космы сѣдыхъ всклокоченныхъ волосъ опускались на его лобъ; изъ-подъ разстегнутаго капота выбивалась бѣлая рубашка.. Она была распахнута, и пламя костра ярко освѣщало его широкую, поросшую черными волосами грудь. Онъ сосредоточенно уставился въ карты желтымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Го, весь пятокъ сразу, проговорилъ онъ задумчиво, проводя рукой по длиннымъ усамъ, ну, Гирша!

— Ха, ха, ха! торжествуя хихикалъ Гирша, обращаясь къ остальной компаніи своею кротечною, плутоватенькою физіономіей,—а онъ думалъ что на мой счетъ покутитъ, хе, хе, хе! продолжалъ онъ смѣяться, потрясая своею рыженькою бородкой. Длинные пейсы выбились изъ-подъ его лоснящейся ермолки и подплясывали въ тактъ бородѣ, которую Гирша самодовольно погладилъ рукою.

— А вотъ посмотри чѣмъ кончилось, забасилъ панъ Заблоцкій, поднимая вверхъ лѣвую руку съ выпрямленнымъ указательнымъ пальцемъ.—Разъ, два, три! продолжалъ онъ опуская руку и медленно выхватывая ею изъ другой руки карты.. Дама бита, король битъ, а вотъ еще и три козыря на покрышку.. Ха, ха, ха, ха! разразился онъ здоровымъ смѣхомъ, и мнѣ вспомнилось что едва ли не этотъ смѣхъ возбудилъ въ насъ тревогу у залива.—Дурень, Гирша, дурень! эй, Мацекъ, неси флягу сюда! Пьемъ всѣ на счетъ Гирши, порѣшилъ панъ Заблоцкій.

— Да какъ зе такъ, да какъ зе такъ! горячился Гирша; но Мацекъ уже хватился отъ костра и быстро бросился куда-то въ глубь острова. Заблоцкій важно привсталъ, подошелъ къ костру и сталъ поворачивать на огнѣ огромный кусокъ мяса. Около него съ веселымъ хохотомъ столпилась вся компанія, и рядъ остротъ посыпался на бѣднаго Гиршу. Я тревожно сталъ искать глазами Тарько... Онъ пропалъ гдѣ-то въ кустахъ, но потомъ сейчасъ же показался у самаго берега, прилегъ къ землѣ и, изгибаясь змѣей, безъ шума подполэъ къ лодкѣ съ револьверомъ въ приподнятой правой рукѣ. Въ это мгновеніе Мацекъ прибѣжалъ съ огромною флягой.

— А Жиды, панове, языкомъ будутъ закусывать! торжественно провозгласилъ Заблоцкій.

— Ну какъ зе такъ, ну какъ зе такъ, тараторилъ Гирша,— обыгралъ въ карты и еще закусывать языкомъ...

— Да что же ты обижаешься—миленькій мой, съ покрови-

Digitized by Google

тельственною усмѣшкой отнесся Заблоцкій къ Гиршѣ,—вѣдь это свинина, и если ты отрефиться предъ шабасомъ, то завтра не видать тебѣ бебеховъ * твоей Соры какъ собственныхъ ушей!

Дружный хохотъ всей компаніи сопровождалъ слова Заблоцкаго, который принялъ изъ рукъ Мацька флягу и съ громкимъ возгласомъ—„виватъ на сто лѣтъ!“ поднесъ ее къ губамъ...

Вдругъ цѣпь звякнула у лодки.. Вся компанія у костра стала какъ вкопаная и насторожила уши.

— Что̀ тамъ еще? заговорилъ было Заблоцкій, но въ это время Тарько прыгнулъ въ лодку и сильнымъ ударомъ весла сдвинулъ ее отъ берега. Лодка быстро понеслась въ мою сторону. Около костра произошло страшное смятеніе, и вся компанія, ухвативъ что̀ ни попало, бросилась спасать лодку.

Одинъ Заблоцкій остался у костра.. Онъ бережно поставилъ на землю флягу, откуда-то изъ за дуба добылъ ружье и поднялъ его, съ напряженіемъ прорѣзывая взглядомъ небольшое пространство отдѣлявшее его отъ лодки.. Я вздрогнулъ за жизнь Тарька, но еще панъ не успѣлъ прицѣлиться, какъ раздался выстрѣлъ, и Заблоцкій порывисто подался назадъ.. Ружье его упало на землю и онъ съ пронзительнымъ крикомъ: „берите фузію, болваны, бейте негодяя!“ тяжело опустился на землю. Отъ толпы бѣжавшихъ отдѣлился Мацекъ, схватилъ ружье и бросился съ нимъ къ берегу, но потомъ порывисто остановился и сталъ цѣлиться въ Тарько, усиленно работавшаго веслами...—Стрѣляйте, баринъ! крикнулъ Тарько въ мою сторону. Я прицѣлился дрожавшими руками.. Когда разсѣялся дымъ, я увидѣлъ что ко мнѣ бросилось нѣсколько человѣкъ, но я былъ уже въ лодкѣ... Мацекъ со стономъ припалъ на колѣни, но все же спустилъ курокъ... Пуля его пронеслась мимо Тарька... Мы были вмѣстѣ другъ съ другомъ. Я перескочилъ въ отвоеванную Тарькомъ лодку и сталъ рукой придерживать душегубку.. Скоро прежняя темнота охватила насъ на озерѣ, а съ острова неслись намъ въ догонку страшныя проклятія, но они безслѣдно пропадали въ завываніи бури.

— Ну теперь имъ до завтра не вырваться съ острова.. Пускай мечутся на немъ, да лѣчатъ раненыхъ, пока мы ихъ не захватимъ среди бѣла дня какъ куропатокъ въ силкахъ.

---

* Пуховики.

Digitized by Google

— Жаль, братъ, Заблоцкаго: кажется пуля крѣпко угодила въ него.

— А такъ и слѣдуетъ имъ, мошенникамъ... Это они здѣсь чертей разыгрывали! разражался Тарько справедливымъ негодованіемъ.

На новой лодкѣ буря была уже нечувствительна для насъ, тѣмъ болѣе что она скоро разразилась страшнымъ ливнемъ, который промочилъ насъ до костей. Вода катилась съ меня ручьемъ, когда я, весь дрожа отъ холода, входилъ на крыльцо волостнаго правленія. Меня ожидала постель изъ свѣжаго, душистаго сѣна.. Съ усиліемъ перемѣнивъ бѣлье, я бросился на подушку и, съ жадностію засыпая, слышалъ какъ въ сосѣдней комнатѣ горячился Тарько, доказывая писарю неизбѣжную необходимость сейчасъ же созвать народъ и толпой отправиться на островъ для поимки конокрадовъ... Ему, наконецъ, удалось-таки склонить начальство на свою сторону.

И. ЗУБРЪ.

Digitized by Google

нѣтъ ли ихъ на рейдѣ. Тоже нѣтъ. Всѣмъ было досадно, а мичмана кричали что ихъ обокрали.

Наконецъ 4го ноября мы встрѣтили Греческій купеческій бригъ, который объявилъ что турецкій флотъ стоитъ на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, а что 2 фрегата и 2 корвета крейсируютъ при входѣ въ Константинопольскій проливъ. Всѣ считали кампанію оконченною и что до весны ничего не будетъ. Вице-адмиралъ Корниловъ сдалъ начальство надъ эскадрой контръ-адмиралу Новосильскому, а самъ на пароходо-фрегатѣ *Владиміръ* отправился 5го октября въ Одессу и Севастополь.

Ѳ. М. Новосильскій получилъ отъ Корнилова приказаніе идти къ эскадрѣ Нахимова и въ случаѣ если у него есть корабли потерпѣвшіе поврежденія, то оставить ему два или три 84 пушечные корабля, а съ остальными возвратиться въ Севастополь на зимовку. Въ этотъ день, то-есть 5го октября, вѣтеръ былъ тихій и попутный и мы пошли къ Анатолійскому берегу. Въ полдень сдѣлался штиль. Пообѣдавъ, я хотѣлъ лечь спать, какъ услышалъ на верхней палубѣ суматоху. Вышедши на верхъ, я тотчасъ же замѣтилъ что что-то есть. Всѣ смотрятъ въ даль, трубы наведены на горизонтъ, но ничего не видать, съ салинговъ отвѣчаютъ что тоже ничего не видно. Спрашиваю: что̀ случилось? отвѣчаютъ: слышно пушечную пальбу. Прислушиваюсь, дѣйствительно пушечная пальба, только тихо вдали, какъ будто отдаленные раскаты грома. Мало-по-малу, всѣ вышли наверхъ, всѣ жадно смотрятъ на горизонтъ, всѣ слушаютъ, никто не говоритъ ни слова. Вѣтру нѣтъ,—штиль мертвый. Господи, да неужели это Нахимовъ дерется! А мы, мы стоимъ прикованными и не можемъ подать помощи. Положеніе было ужасное; каждый изъ насъ отдалъ бы все, все, чтобы только имѣть нѣсколько пароходовъ буксироваться, или чтобъ задулъ вѣтеръ. Просмотрѣвъ напрасно цѣлый часъ на горизонтъ, я вспомнилъ что у меня ночная вахта и пошелъ въ свою каюту отдохнуть.

Поворачиваясь съ боку на бокъ, я наконецъ соснулъ; 19 лѣтъ взяли свое, но кошмаръ меня душилъ. Не помню долго ли я спалъ, только вдругъ, какъ сумашедшій вбѣгаетъ мой человѣкъ, толкаетъ меня и мичмана Н., моего товарища по каютѣ, и объявляетъ скороговоркой: „Вставайте, Турки, пожалуйте наверхъ, *Владиміръ*, призъ, пароходъ!“ Что̀ такое?

Но онъ уже убѣжалъ. Схвативъ шапки, мы бросились на-

Digitized by Google

верхъ. Гляжу, дѣйствительно два парохода, на одномъ, ближайшемъ, Турки и Русскіе въ перемежку, на корабляхъ кричатъ *ура*. Но что за пароходы—я не зналъ, и что случилось не могъ понять. Передній пароходъ подошелъ къ нашему борту и остановилъ ходъ. Тогда только я его узналъ. Это былъ *Владиміръ*, но замаскированный и съ фальшивою бѣлою полоской изъ парусины. На кормѣ стоялъ Корниловъ и кричалъ контръ-адмиралу Новосильскому: „Поздравьте меня; я взялъ призъ!" И показывая рукой на другой пароходъ, прибавилъ: „*Перваз-Бахры*".

Вотъ какъ это случилось: Оставя 5го числа утромъ нашу эскадру, Корниловъ на пароходо-фрегатѣ *Владиміръ* пошелъ по направленію къ Одессѣ. Пополудни на горизонтѣ показался дымъ, адмиралъ приказалъ поставить паруса, перекривить реи и держать на пересѣченіе курса непріятельскаго парохода. Пароходо-фрегатъ *Владиміръ* топился антрацитомъ, который дыму не даетъ, а потому непріятель, считая его купеческимъ парусньмъ судномъ, не обращалъ вниманія и продолжалъ идти тѣмъ же курсомъ. Противники сближались, непріятель показалъ военный турецкій флагъ, *Владиміръ* поднялъ свой, убралъ паруса и полнымъ ходомъ пошелъ на врага, который бросился къ берегу, но защищался храбро. Тогда Корниловъ, желая скорѣе окончить сраженіе, подошелъ на картечный выстрѣлъ, и картечь изъ 10ти-дюймовыхъ орудій подѣйствовала; Турки спустили флагъ. Это и была та пальба которую мы слышали.

Но что всего удивительнѣе, Нахимовъ тоже слышалъ пальбу и былъ увѣренъ что это наша эскадра дерется. Оказывается, сраженіе происходило на срединѣ разстоянія между нашею эскадрой и Нахимовымъ, и хотя пароходы не были видны, но гулъ пальбы, при гладкой поверхности воды и тихомъ состояніи воздуха, доходилъ до обоихъ. Часть плѣнныхъ сдали намъ на корабль, и мы пошли на соединеніе съ эскадрой Нахимова. Корниловъ же на пароходо-фрегатѣ *Владиміръ* отправился въ Севастополь, конвоируя свой призъ. На другой день контръ-адмиралъ Новосильскій, переговоривъ съ Нахимовымъ, повелъ нашу эскадру въ Севастополь.

Грустно намъ было возвращаться; всѣ наши мечты, всѣ наши воздушные замки разлетѣлись. Говорили что надо было прямо идти съ дессантомъ въ Константинополь и занять Дарданеллы: пусть Европа ихъ отнимаетъ. Но такъ какъ нашего

Digitized by Google

совѣта никто не спрашивалъ, то оставалось покориться и всѣ надежды отложить до весны. Солнце садилось, когда мы подходили къ Севастополю; Херсонскій маякъ былъ уже виденъ. Насъ нагоняло военное судно; приблизившись настолько что можно было разобрать сигналы, оно подняло свои позывные: *Фрегатъ Кагулъ*. Вслѣдъ за этимъ, *Кагулъ* поднялъ телеграфный флагъ и слова: „Турецкій"..... и еще что-то, но такъ какъ смеркалось, то флаговъ разобрать было нельзя. Адмиралъ, желая до ночи стать на якорь, продолжалъ идти на рейдъ, зная что черезъ часъ командиръ фрегата лично ему доложитъ то что̀ не договорилъ по телеграфу. Черезъ часъ мы дѣйствительно были на рейдѣ; *Кагулъ* вошелъ вслѣдъ за нами. Каково же было наше удивленіе когда мы узнали конецъ фразы! За словомъ „турецкій", слѣдовало: „флотъ гнался за мной". Мы тотчасъ же снялись съ якоря и опять въ море. Надежды наши оживились снова; мичмана одни ворчали что и Турокъ-то мало и драться съ такимъ отрядомъ не стоитъ. *Кагулъ* показалъ только два фрегата и два корвета. Мы не знали что судьба, не давъ намъ въ руки эти несчастныя четыре судна, собирала ихъ чтобы передать намъ всѣ разомъ въ Синопѣ. Она должна была это сдѣлать. Черноморскому флоту такъ мало оставалось жить! Синопское сраженіе было его лебединымъ пѣніемъ.

Въ ночь съ 16го на 17е ноября, мы увидали огни. Нахимовъ это или непріятель?

Обмѣнялись позывными,—оказался точно Нахимовъ. Рано утромъ нашъ адмиралъ поѣхалъ съ рапортомъ къ Нахимову, который вслѣдъ за этимъ сигналомъ потребовалъ всѣхъ командировъ. Я какъ подвахтенный мичманъ, долженъ былъ ѣхать на капитанскомъ катерѣ на рулѣ, и конечно былъ въ восторгѣ что первый узнаю новости.

Пропустивъ капитана, я полѣзъ на корабль и не успѣлъ вступить на палубу, какъ подбѣжалъ вахтенный мичманъ и объявилъ: „На завтра бой; Турки въ Синопѣ; 14 судовъ, въ томъ числѣ два парохода, одинъ большой; ступай списывать инструкцію."

Списавъ ее поскорѣе, я вышелъ на верхъ и дожидаясь капитана узналъ слѣдующее: Послѣ бури 8го ноября, Нахимовъ остался только съ двумя кораблями, остальные онъ отослалъ въ Севастополь чинить. Проходя мимо Синопа онъ увидалъ на якорѣ турецкій флотъ. Несмотря на то что у него было

Digitized by Google

только два корабля, онъ дерзко вошелъ на рейдъ, сдѣлалъ рекогносцировку всей бухты на разстояніи пушечнаго выстрѣла, снялъ диспозицію флота, и выйдя изъ бухты, блокировалъ ее до нашего прихода. Бригъ находившійся при его эскадрѣ, былъ тотчасъ же отправленъ въ Севастополь просить подкрѣпленія.

Турки, воображая что два корабля Нахимова выманиваютъ ихъ въ морѣ, гдѣ дожидается вся эскадра, спокойно оставались на рейдѣ, не ожидая разгрома. А Павелъ Степановичъ говорилъ что еслибъ они вышли за нимъ, онъ все-таки въ открытомъ морѣ и съ двумя кораблями ихъ бы атаковалъ.

17е число прошло въ приготовленіяхъ; инструкція данная Нахимовымъ командирамъ была признана моряками образцовою. Все было предвидѣно, все разъяснено, въ концѣ онъ прибавилъ что не стѣсняетъ командировъ инструкціей, но всякій будетъ на своемъ мѣстѣ, если подойдутъ на пистолетный выстрѣлъ къ непріятелю. Къ вечеру все было готово. Послѣ ужина офицеры остались въ каютъ-компаніи, кто писалъ письма, кто тихо передавалъ другъ другу свои послѣднія мысли, свои послѣднія желанія. Тишина была торжественная. У всѣхъ было одно слово на умѣ: „завтра“.

II. Синопское сраженіе.

По присоединеніи 17го ноября эскадры контръ-адмирала Новосильскаго, Нахимовъ располагалъ слѣдующими силами: корабли: *Императрица Марія*—84 пушки, подъ его флагомъ, *Парижъ*—120 пуш., подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго. *Три Святителя*—120 пуш., *Константинъ*—120 пуш., *Чесьма*—84 пуш., *Ростиславъ*—84 пушк. и два фрегата: *Кагулъ*—44 пуш., *Кулевча*—56 пуш., всего шесть кораблей и два фрегата. Оба фрегата по росписанію должны были остаться у входа въ бухту и стараться не пропускать пароходовъ, въ случаѣ еслибъ они захотѣли прорваться въ море. Линейные же корабли должны были, въ двѣ колонны, адмиральскіе впереди, войти на рейдъ, и разойдясь вечеромъ, стать противъ непріятеля на глубинѣ шести саженъ. Разстояніе между сражающимися должно было быть около 200 саженъ.* Турецкая

* Корабль *Ростиславъ* стоялъ на разстояніи 150 саженъ.

Digitized by Google

эскадра стояла дугообразно, имѣя на флангахъ и въ интервалахъ сильныя береговыя батареи съ ядро-калительными печами. Она состояла изъ 12 парусныхъ фрегатовъ и корветовъ, при двухъ пароходахъ, изъ которыхъ одинъ *Таифъ* пароходо-фрегатъ.

Числомъ орудій и калибромъ мы были сильнѣе Турокъ; но принимая во вниманіе что одно орудіе на берегу равняется четыремъ на морѣ и что Турки около десяти минутъ могли ранѣе открыть пальбу, покуда мы становились на якорь и тянули шпрингъ, можно положительно сказать что первое время они имѣли преимущество надъ нами.

18го числа въ 10 часовъ командѣ былъ данъ обѣдъ. Въ 11 въ исходѣ отслужили молебенъ, іеромонахъ обошелъ палубы, окропилъ всѣхъ святою водой, и ровно въ 11 часовъ, построившись въ двѣ колонны, мы пошли на рейдъ.

Тревоги еще не было, но уже каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Ровный попутный вѣтеръ насъ быстро приближалъ ко врагу; наконецъ уже онъ и виденъ, бьютъ тревогу, смачиваютъ палубу, опускаютъ сукно надъ крюйтъ-камерами, командоры берутся за шнурки ударныхъ замковъ, у всѣхъ напряженное вниманіе, всѣ ждутъ. Ужь мы на пушечномъ выстрѣлѣ, ужь ближе, видно какъ Турки наводятъ орудія, но пальбы не начинаютъ. Было 12 час. 20 мин. Но вотъ на турецкомъ адмиральскомъ фрегатѣ показался клубъ дыму, раздался первый выстрѣлъ, и не успѣло ядро просвистать, какъ непріятельская эскадра опоясалась бѣлою пеленой, и ураганъ ядеръ проревѣлъ надъ нами. За залпомъ послѣдовалъ батальный огонь. Ставши бортомъ, мы, не крѣпя парусовъ, открыли огонь. Турки кажется этого не ожидали. Они воображали что бросивъ якорь мы пошлемъ людей по реямъ убирать паруса, а потому орудія ихъ были наведены по мачтамъ, и первый залпъ не причинилъ намъ почти никакого вреда. Потомъ подъ нашимъ огнемъ и при густомъ дымѣ имъ было трудно взять вѣрный прицѣлъ. Этимъ только и можно объяснить нашъ сравнительно малый уронъ. Что было первыя пять, десять минутъ, сказать трудно. Мы стрѣляли, по насъ стрѣляли. Не только въ батареяхъ, но даже съ палубъ ничего отъ дыму не было видно. Палили прямо предъ собой по старому направленію.

Громъ выстрѣловъ, ревъ ядеръ, откатъ орудій, шумъ людей,

Digitized by Google

стоны раненыхъ—все слилось въ одинъ общій адскій гвалтъ. Бой былъ въ разгарѣ.

Я былъ въ митель-декѣ, помощникомъ батарейнаго командира. Ко мнѣ подбѣгаетъ штурманскій кондукторъ М., ординарецъ капитана, и съ ужасомъ на лицѣ кричитъ въ ухо: „Бейте отбой!“ Меня это удивило; но велѣно—значитъ надо. Барабанщикъ бьетъ, никто не слышитъ. Бѣгу по орудіямъ, останавливаю командоровъ, по дорогѣ сообщаю о томъ же командиру батареи лейтенанту Т. „Вы съ ума сошли!“ отвѣчалъ онъ.—„Велѣно!“ Побѣжалъ и онъ останавливать.

Пальба прекратилась, порывъ вѣтра разсѣялъ немного дымъ, и что̀ же мы видимъ? Шпрингъ у насъ перебитъ, мы стоимъ кормой къ непріятелю, а переднія орудія нашего корабля приходятся противъ корабля *Парижъ*, и нѣсколько выстрѣловъ попало въ него. Полубарказъ пустили ко дну и сидѣвшаго на немъ мичмана В. ранили картечью. Мы могли отстрѣливаться только половиннымъ числомъ орудій. Бой продолжался; все тотъ же адскій гвалтъ; вдругъ онъ покрылся какимъ-то могучимъ трескомъ, но еще болѣе могучее *ура* покрыло и его!

Взорвали турецкій фрегатъ. Въ это время на кормѣ у насъ въ декѣ закричали: „Пожаръ!“ Бросаюсь туда, вижу конопать отъ сотрясенія вылегла и отъ своихъ же выстрѣловъ загорѣлась. Потомъ уже я узналъ что у насъ былъ пожаръ на крюйкѣ гораздо опаснѣе отъ каленаго ядра, но къ счастію ядро было не очень накалено и его успѣли потушить.

Ко мнѣ подбѣгаетъ опять ординарецъ и кричитъ: „Капитанъ требуетъ!“ Отправляюсь наверхъ; еще кричатъ *ура*. Что̀ такое? Другой фрегатъ пустили ко дну.

Я подошелъ къ капитану.

— Ступайте на гротъ-марсъ. Видите какъ все перебито? Приведите въ порядокъ и смотрите за полетомъ ядеръ.

Въ это время, когда капитанъ отдавалъ мнѣ приказаніе, ядро ударило въ сѣтки, вырвало три койки, и одна изъ нихъ вмѣстѣ съ ядромъ пролетѣла надъ нашими головами. Сигнальщикъ стоявшій возлѣ пригнулся, но не успѣлъ онъ нагнуть головы, какъ капитанская труба уже была у него на плечахъ

— Чему кланяешься, болванъ?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ матросъ бойко смотря въ глаза.

Я полѣзъ на марсъ. Бой видимо стихалъ. Сверху картина

Digitized by Google

была восхитительная. По срединѣ рейда, какъ громадные кресты надъ могилами, торчали мачты потопленнаго фрегата съ реями поперекъ. На отмели горѣлъ турецкій пароходъ. Городъ пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ инструкціи вице-адмирала Нахимова было сказано чтобы по городу не стрѣлять, въ особенности чтобъ ядра не попадали въ дома гдѣ подняты консульскіе флаги. Но бомбы, перелетая черезъ турецкія суда, попадили въ городъ, и первое загорѣвшееся зданіе было австрійское консульство. Русскіе корабли въ дыму, какъ въ облакахъ, извергали смерть и огонь. Турки не могли болѣе бороться, они начали садиться на гребныя суда, спасаясь на берегъ; другіе расклепывая цѣпи бросались на отмели и оттуда спасались вплавь. Въ 4мъ часу все было кончено; только два фрегата, свалившись на отмели, перпендикулярно одинъ къ другому, продолжали бой, наконецъ и ихъ Турки начинали оставлять, лишь нѣсколько фанатиковъ отстрѣливались изъ трехъ орудій, и что̀ ни выстрѣлъ—ядро у насъ въ кормѣ или въ кораблѣ *Парижъ*. Ѳедоръ Михайловичъ Новосильскій разсердился. *Парижъ* далъ залпъ, и Синопскій бой отошелъ въ исторію.

Участнику въ сраженіи невозможно видѣть все; могу только сказать что сосѣди наши *Ростиславъ* и *Парижъ* дѣйствовали какъ на маневрахъ. Когда на послѣдній пріѣхалъ Павелъ Степановичъ, то сказалъ адмиралу Новосильскому: „Я приказалъ во время сраженія поднять вамъ сигналъ: *Адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе*, но всѣ сигнальные фалинки были перебиты.“

Въ самомъ началѣ сраженія турецкій пароходо-фрегатъ *Таифъ* (капитанъ Англичанинъ) прорѣзалъ линію нашихъ кораблей, ловко отманеврировался отъ парусныхъ фрегатовъ и прорвался въ море. Въ это время шли изъ Севастополя три наши парохода: * *Крымъ*, *Одесса* и *Херсонесъ*, подъ командой К. А. Панфилова, они завязали бой и погнались за нимъ, но *Таифъ*, имѣя громадное преимущество въ ходѣ, ушелъ. Онъ-то и привезъ въ Константинополь вѣсть о Синопскомъ разгромѣ.

Корабли были избиты страшно. Больше всѣхъ пострадали флагманскій *Императрица Марія* и нашъ *Три Святителя*

---

* На одномъ изъ нихъ былъ вице-адмиралъ Корсаковъ, который шелъ принять начальство надъ соединенными эскадрами.

Потеря наша людьми была незначительна, всего 265 человѣкъ и только 5 офицеровъ. Турокъ же погибло до 3.000, если не болѣе. Пропорція можетъ показаться невѣроятною, но надо принять во вниманіе что въ началѣ сраженія одинъ фрегатъ былъ взорванъ, другой пущенъ ко дну, что даетъ уже около 1.000 человѣкъ; также много тонуло не достигая берега. Не могу воздержаться чтобы не отдать должной хвалы русскому матросу; про офицеровъ я ничего не скажу, но команда вела себя выше всякой хвалы. Что за молодецкая отвага, что за дивная хладнокровная храбрость! Какъ теперь вижу: стоитъ красавецъ-командоръ, знаменосецъ 32го экипажа, Дѣхта, и держитъ большимъ пальцемъ правой руки запалъ у только-что выстрѣлившаго орудія. Вырвало ядромъ рядомъ съ нимъ двухъ человѣкъ, онъ бровью не пошевельнулъ, только сердито скомандовалъ, когда орудіе было готово: „къ борту!" и этотъ же самый Дѣхта, блѣдный какъ полотно, черезъ двѣ недѣли дрожащею рукой вынималъ жребій на Георгіевскій крестъ. Достойныхъ было слишкомъ много.

Когда наступила ночь, картина сдѣлалась еще величественнѣе, но ужаснѣе. Турецкая часть города пылала, фантастически освѣщая горы. Миріады бѣлыхъ голубей, выгнанныя изъ своихъ жилищъ, летали надъ пожарищемъ. Фрегаты горѣли и догарая до крюйтъ-камеръ взрывались, подымая столпъ дыма и пламя чуть не до облаковъ. На обгорѣлыхъ остовахъ видно было ползающихъ людей. Турки съ такою поспѣшностію оставляли свои суда что убѣгая даже не разряжали по насъ свои орудія. Теперь при пожарѣ они накаливались и стрѣляли. Сначала думали что это изъ города, такъ что Павелъ Степановичъ послалъ парламентера объявить городскимъ властямъ: „что если еще хоть одинъ выстрѣлъ будетъ сдѣланъ по эскадрѣ, то завтра утромъ не узнаютъ мѣста гдѣ былъ Синопъ". Парламентеръ не только не нашелъ властей, но даже ни одного Турка не было въ городѣ, всѣ убѣжали въ горы. Остались одни Греки, которые съ воплями умоляли взять ихъ на эскадру, иначе Турки насъ перерѣжутъ, говорили они. Всѣхъ желавшихъ переселиться въ Россію было до 380 семействъ; но адмиралъ не могъ исполнить ихъ просьбу,—они остались. Всю ночь и слѣдующій день мы чинились. Непріятельскія суда, которыя не сгорѣли во время сраженія, на другой день отводили на отмель, и снявъ оставшихся Турокъ, сжигали. На одномъ изъ этихъ фрегатовъ нашли раненаго въ ногу командира Турецкой

Digitized by Google

эскадры вице-адмирала Османъ-пашу. Въ ихъ же глазахъ былъ сожженъ и *Фезли-Аллахъ* (данный Богомъ), бывшій русскій фрегатъ *Рафаилъ*. Въ 1829 году, когда Казарскій на 18 пушечномъ бригѣ *Меркурій*, отбился отъ двухъ линейныхъ турецкихъ кораблей, одинъ во 110 пушекъ, другой въ 74 пушки, и ушелъ, фрегатъ *Рафаилъ* съ разсвѣтомъ очутился среди непріятельскаго флота. Командиръ растерялся и спустилъ флагъ. Государь императоръ приказалъ: отнять его обратно и сжечь въ виду русскаго флота. Но вскорѣ заключенъ былъ миръ.

Князь Меншиковъ имѣлъ это въ виду, когда доносилъ государю. „Приказаніе вашего императорскаго величества исполнено самымъ блестящимъ образомъ. Первая турецкая эскадра показавшаяся на водахъ Чернаго Моря истреблена на Синопскомъ рейдѣ эскадрой вице-адмирала Нахимова."

Воля государя была исполнена.

III. Послѣ Синопа.

Переходъ отъ Синопа до Севастополя мы сдѣлали въ два дня, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Только нашъ корабль *Три-Святителя*, когда онъ снялся уже съ якоря, чуть не прижало къ берегу отъ наступившаго штиля. Торопились мы въ Севастополь опасаясь что соединенная англо-французская эскадра, выйдя изъ Константинополя, преградитъ намъ путь. Положеніе наше было не блистательное. Рангоутъ на корабляхъ былъ до того избитъ что лишалъ насъ возможности маневрировать. Дорого бы намъ стоила эта встрѣча, но не въ морскомъ бою суждено было погибнуть Черноморцамъ и ихъ кораблямъ!

Встрѣча намъ въ Севастополѣ была торжественная: все народонаселеніе, и старъ и младъ, высыпало на оба берега рейда. Всѣ суда были иллюминованы флагами, люди стояли по реямъ и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ кричали *ура*.

Торжественный видъ имѣла и эскадра входя на рейдъ. Корабли въ пробоинахъ, рѣзко обрисованныхъ на черномъ фонѣ, рангоутъ избитый и чуть не въ клочки изстрѣленные кормовые флаги. На нашемъ кораблѣ даже не осталось ни одного запаснаго флага. Во время сраженія, на всѣхъ корабляхъ, кромѣ кормовыхъ, были подняты флаги на всѣхъ трехъ мачтахъ.

Digitized by Google

Всѣ онѣ были сбиты ядрами и вмѣстѣ съ брамъ-стеньгами полетѣли въ воду, а кормовой вмѣстѣ съ гафелемъ. Въ концѣ сраженія на кораблѣ *Три-Святителя* оставался одинъ флагъ прибитый къ бизань-вантамъ.

Ставъ на якорь, намъ было приказано поднять карантинные флаги и не имѣть сообщенія съ берегомъ. Счастіе что карантинъ ограничился только четырьмя днями. Такъ какъ намъ нельзя было ѣхать къ роднымъ и знакомымъ, то они всѣ бросились на шлюпки и окружили корабли. Трогательны были эти встрѣчи издали. Плакали и отъ радости, плакали и отъ горя. Какъ теперь вижу и слышу: работаетъ матросикъ на гротъ-русленяхъ, его окликаетъ съ лодки баба: „Прокофьичъ здраствуй! Мой-то гдѣ же?“—„Ишь баба когда хватилась, его чуть ли не первымъ разорвало ядромъ.“ Взвыла баба. Тутъ же рядомъ молодая бабенка, со слезами радости на глазахъ, показываетъ мужу, поднявъ кверху на рукахъ груднаго ребенка. Какъ ни долго тянулись четыре карантинныхъ дня, но прошли и они. Насъ спустили на берегъ. Торжество было всеобщее, балы смѣнялись пышными обѣдами. На всѣ эти празднества приглашались турецкіе плѣнные офицеры. Они были поражены новою для нихъ жизнію. Много лѣтъ спустя, я встрѣтилъ въ Аѳинахъ, на балѣ у турецкаго посланника одного изъ нихъ. Онъ чистосердечно признался что плѣнъ у Русскихъ въ Севастополѣ и Москвѣ былъ самымъ счастливымъ временемъ его жизни. Вскорѣ вернулся изъ С.-Петербурга флигель-адъютантъ И. Г. Сколковъ, ѣздившій съ донесеніемъ о Синопскомъ сраженіи, и привезъ намъ награды. Награды были щедрыя и вполнѣ царскія: всѣ участвовавшіе въ сраженіи, кромѣ чиновъ и орденовъ, получили годовой окладъ жалованья. Всѣ мичмана произведены въ лейтенанты.

Пожиная лавры, мы не дремали, зная что нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ уже вступили въ Черное Море, и вся англо-французская эскадра не замедлитъ явиться предъ Севастополемъ. Корабли были поставлены въ боевой порядокъ, на берегу заложено нѣсколько новыхъ земляныхъ батарей. Дѣлали безпрестанныя ученья, по сигналу свозили десантъ, стрѣлковыя партіи, которыя составляли два превосходные баталіона, * а шлюпками учились отбуксировывать брандера.

* Эти-то два баталіона и были въ слѣдующемъ году въ Альминскомъ сраженіи. Съ честію дрались съ превосходнымъ по числу непріятелемъ и послѣдними отступили къ Севастополю.

Digitized by Google

Дѣятельность кипѣла не на одномъ рейдѣ: были посланы пароходы на Кавказъ, на береговую линію, снять гарнизоны изъ крѣпостей, а ихъ взорвать. Фрегатъ *Флора* имѣлъ дѣло съ тремя турецкими пароходо-фрегатами, которые должны были отступить. Такъ прошло время до 25го декабря. Въ день Рождества, я былъ у обѣдни въ Петропавловскомъ соборѣ; вдругъ народъ хлынулъ изъ церкви. Выскочилъ и я. Вижу стоитъ у входа на рейдѣ англійскій пароходо-фрегатъ. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Оказалось что это пароходо-фрегатъ *Retribution*, присланный союзными адмиралами объявить о вступленіи англо-французской эскадры въ Черное Море. Кромѣ офиціальной бумаги *Retribution* привезъ адмиралу Истомину отъ адмирала Лайонса, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, частное любезное письмо, нѣсколько ящиковъ превосходныхъ сигаръ и старой мадеры. Истоминъ, отвѣчая на письмо, послалъ дикую козу.

На второй день праздника былъ назначенъ въ клубѣ балъ. Ни одна дама и дѣвица не пріѣхали. Онѣ чувствовали что скоро, очень скоро онѣ останутся вдовами и сиротами.

А. САТИНЪ.

Digitized by Google

ЧЕЛОВѢКЪ ИСТОЛКОВАТЕЛЬ ПРИРОДЫ

Рѣчь доктора Карпентера при открытіи съѣзда британскихъ естествоиспытателей въ текущемъ году.

Въ нынѣшнемъ году обычный съѣздъ Британской Ассоціаціи Споспѣшествованія Наукъ собрался въ Брайтонѣ 14го августа и открытъ былъ вступительною рѣчью новаго президента д-ра Карпентера. Въ началѣ ея онъ, по обычаю, упомянулъ добрымъ словомъ объ умершемъ дѣятельномъ членѣ Ассоціаціи сэръ-Родерикѣ Мурчисонѣ, сообщилъ въ немногихъ словахъ о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предпринятыхъ и исполненныхъ научныхъ работахъ, при щедромъ пособіи правительства, и затѣмъ приступивъ къ избранной имъ темѣ своей рѣчи, продолжалъ ее въ слѣдующихъ словахъ:

Предшествовавшіе мнѣ президенты Ассоціаціи, заявившіе себя передовыми дѣятелями въ различныхъ отдѣлахъ благороднаго войска науки, имѣли обыкновеніе открывать работы съѣздовъ, на коихъ имъ приходилось предсѣдать, рѣчью о какой-либо сторонѣ природы въ отношеніи ея къ человѣку. Но, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ нихъ не обращался къ другой сторонѣ изслѣдованія,—къ той которая касается человѣка какъ „истолкователя природы", и потому я не почитаю неумѣстнымъ занять васъ разсмотрѣніемъ умственныхъ процессовъ, посредствомъ коихъ складываются тѣ основныя понятія о матеріи и силѣ, о причинѣ и послѣдствіи, о законѣ и порядкѣ, которыя служатъ основаніемъ всякаго научнаго размышленія.

Digitized by Google

Въ настоящее время ходитъ по свѣту много такого чего я не могу не считать ложною и ошибочною философіей. И надѣюсь убѣдить васъ что тѣ кто *свои собственныя понятія* о послѣдовательномъ порядкѣ замѣчаемомъ ими въ явленіяхъ природы выдаютъ за неизмѣнные и опредѣленные *законы*, коими эти явленія не только де *управляются* во всѣхъ случаяхъ человѣческаго опыта, но всегда *управлялись* и всегда *должны будутъ управляться*,—что эти мыслители виновны въ томъ самомъ умственномъ высокомѣріи которое они осуждаютъ въ системахъ древнихъ и становятся сами въ рѣшительное противорѣчіе съ истинными философами, обширнымъ пониманіемъ и глубокою проницательностью коихъ этотъ порядокъ до сихъ поръ былъ раскрываемъ. Кто разительнѣе обнаружилъ любовь къ истинѣ, къ той истинѣ какою она находится въ природѣ, какъ не Кеплеръ, когда онъ послѣдовательно отказывался отъ различныхъ остроумныхъ представленій планетной системы, придуманныхъ его плодовитымъ воображеніемъ, какъ только оказывалось что они были несогласны съ фактами обнаруженными наблюденіемъ? Въ его достойномъ удивленія повѣствованіи о томъ какъ его врагъ Марсъ, оставленный имъ въ покоѣ „какъ презрѣнный плѣнникъ", вдругъ разорвалъ всѣ цѣпи уравненій и вырвался изъ тюремъ таблицъ, кто не признаетъ справедливости Шиллерова опредѣленія истиннаго философа какъ человѣка всегда любящаго истину болѣе чѣмъ свою систему? Кто не признаетъ величія его самоотверженія, когда достигнувъ полной увѣренности успѣха, столь полнаго что онъ ему казался какъ бы сновидѣніемъ, достигнувъ того что̀, по его собственному сужденію, было славною наградой за цѣлую жизнь труда, разочарованій и жертвъ, онъ воздерживается отъ требованія рукоплесканій своихъ современниковъ, но оставляетъ свою славу будущимъ вѣкамъ въ сихъ благородныхъ словахъ: „Книга написана; прочтутъ ее теперь или прочтутъ потомки, мнѣ все равно. Она можетъ ждать столѣтіе себѣ читателя, какъ Богъ ждалъ шесть тысячъ лѣтъ наблюдателя его творенія". И когда человѣкъ еще болѣе великій чѣмъ Кеплеръ приводилъ къ концу величайшее изъ всѣхъ научныхъ представленій, долго обдумываемое его почти не человѣческимъ умомъ, которое связало небеса и землю, планеты и солнце, свѣтила и ихъ спутниковъ, и включило даже блуждающія кометы въ сплетеніе всемірнаго притяженія, утвердивъ навсегда истину за произнесеніе коей Галилей былъ осужденъ

Digitized by Google

и дало законамъ Кеплера значеніе о которомъ и не мечталъ ихъ авторъ,—что̀ значило волненіе помѣшавшее философу докончить свое вычисленіе и заставившее его передать его своему другу? Конечно, не мысль о собственномъ величіи, а проблескъ великаго всемірнаго порядка, открывшагося такимъ образомъ его умственному видѣнію, глубоко поразилъ ясную и твердую душу Ньютона, какъ это доказываетъ прекрасное сравненіе коимъ онъ уподобилъ себя ребенку собирающему раковины на берегу обширнаго океана истины,—сравненіе которое навсегда останется свидѣтельствомъ его истинной философіи и въ то же время его величайшей скромности.

Хотя мы собственно имѣемъ дѣло съ интеллектуальнымъ изображеніемъ природы, которое мы называемъ наукой, но не безполезно будетъ прежде всего бросить взглядъ на двѣ другія главныя формы въ какихъ человѣкъ является истолкователемъ природы, а именно въ качествѣ артиста и поэта. Артистъ служитъ истолкователемъ природы не тогда когда онъ работаетъ какъ жалкій копіистъ, изображая чертами то, что̀ онъ видитъ тѣлеснымъ окомъ, и что̀ мы точно такъ же можемъ видѣть и сами, а когда онъ старается пробудить въ насъ сознаніе той красоты и гармоніи, которыя уловило его опытное чувство, и такимъ образомъ вдохнуть въ насъ наслажденіе почерпнутое имъ самимъ изъ ихъ созерцанія. И такъ какъ нѣтъ двухъ артистовъ схожихъ по оригинальному складу и по выработанному направленію ихъ духа, то всѣ они смотрятъ на природу различными духовными очами, такъ что для каждаго изъ нихъ *природа есть то что̀ онъ лично въ ней видитъ*. Поэтъ также служитъ истолкователемъ природы не тогда когда онъ искусными словоописаніями (въ стихахъ или въ прозѣ) вызываетъ предъ нашимъ умственнымъ зрѣніемъ картину какой-либо дѣйствительной или идеальной сцены, какъ бы прекрасна она ни была, а когда, передавая въ свойственной формѣ болѣе глубокія впечатлѣнія произведенныя окружающею его природой на нравственную и чувствительную часть его собственной природы, онъ передаетъ эти впечатлѣнія той же нравственной и чувствительной части нашей природы. Ибо истинному поэту свойственно проникать въ тайну тѣхъ таинственныхъ вліяній которыя мы всѣ безсознательно испытываемъ, и узнавъ эту тайну, приводить и другихъ, посредствомъ способности которою онъ обладаетъ, въ такое же сочувственное отношеніе къ природѣ, — вызывая искуснымъ

Digitized by Google

прикосновеніемъ разнообразные отзвуки тончайшихъ струнъ души, оживляя ея радости, утишая ея горести, и возвышая ея стремленія. Между тѣмъ какъ артистъ стремится изобразить что̀ онъ *видитъ* въ природѣ, цѣль поэта изобразить что̀ онъ ощущаетъ въ природѣ, и для каждаго истиннаго поэта природа есть то что̀ онъ лично въ ней находитъ.

Истолкованіе природы философомъ *кажется* менѣе индивидуальнымъ чѣмъ истолкованіе артиста или поэта, потому что оно основано на фактахъ которые каждый можетъ провѣрить, и вырабатывается разсудочными процессами законность коихъ всѣми допускается. Онъ смотритъ на вселенную какъ на лежащую предъ нимъ открытую большую книгу, въ которой ему прежде всего надо изучить азбуку, затѣмъ познакомиться съ языкомъ, и наконецъ понять мысли выраженныя на этомъ языкѣ. Въ этой книгѣ есть много главъ говорящихъ о различныхъ предметахъ; и такъ какъ жизнь слишкомъ коротка чтобъ одинъ человѣкъ могъ совладать съ цѣлою книгой, то ея научное истолкованіе становится работой многихъ умовъ, различающихся не только обширностью, но также свойствомъ ихъ способностей. Но при всемъ „различіи дарованій" остается „одинъ и тотъ же духъ". Между тѣмъ какъ каждый избираетъ себѣ спеціальное направленіе, общій методъ изученія одинъ и тотъ же для всѣхъ. И какъ истина метода, такъ и единство природы одинаково доказываются постоянно возрастающимъ стремленіемъ къ соглашенію всѣхъ употребляющихъ методъ какъ слѣдуетъ. При этомъ временныя различія въ толкованіи устраняются, то болѣе полнымъ изученіемъ языка книги, то лучшимъ пониманіемъ ея мыслей, и пути изслѣдованія казавшіеся совершенно различными, или даже далеко расходящимися, оказываются ведущими къ одной общей цѣли. И это-то согласіе даетъ поводъ къ общему мнѣнію — а у многихъ къ твердой увѣренности—что научное истолкованіе природы изображаетъ ее не только какою она *кажется*, но какова она *дѣйствительно есть*.

Если мы, однако, старательно разсмотримъ основаніе этой увѣренности, то найдемъ достаточную причину не довѣрять ей; ибо и о научномъ представленіи природы, точно такъ же какъ объ артистическомъ или поэтическомъ, можно доказать что оно есть *изображеніе созданное самимъ умомъ* изъ матеріаловъ доставленныхъ впечатлѣніями которыя внѣшніе предметы производятъ на наши чувства, такъ что

для каждаго человѣка науки *природа есть то чѣмъ онъ лично ее почитаетъ.* И это мнѣніе о ней опирается на различныя основанія и имѣетъ весьма неодинаковую цѣну въ различныхъ отрасляхъ науки. Такъ, въ тѣхъ которыя намъ вообще извѣстны за „точныя науки“, образцомъ коихъ можно принять астрономію, данныя доставляемыя точными методами наблюденія могутъ быть взяты за основаніе разсужденія на каждомъ шагу коего математикъ имѣетъ полное сознаніе достовѣрности; и окончательный выводъ оправдывается или согласіемъ съ извѣстными или подлежащими провѣркѣ фактами, какъ напримѣръ при опредѣленіи Кеплеромъ эллиптической орбиты Марса; или исполненіемъ предсказаній, дозволенныхъ этимъ выводомъ, какъ въ случаяхъ затменій, происходящихъ въ моментъ точно указанный впередъ за нѣсколько лѣтъ; или еще убѣдительнѣе, дѣйствительнымъ открытіемъ явленій прежде не замѣченныхъ, когда, напримѣръ, наблюденіемъ было доказано что дѣйствительно существуютъ возмущенія планетъ, указанныя Ньютономъ какъ необходимый результатъ ихъ взаимнаго притяженія, или когда, напримѣръ, неизвѣстный возмутитель Урана былъ найденъ на мѣстѣ указанномъ для него вычисленіями Адамса и Леверрье.

Мы привыкли, и я полагаю въ высшей степени справедливо, говорить объ этихъ подвигахъ какъ о побѣдахъ человѣческаго ума. Но самая фраза эта означаетъ что работа производится умственною дѣятельностью; и совпаденіе ея результатовъ съ фактами наблюденія еще далеко не доказываетъ чтобы умственный процессъ былъ правиленъ. Ибо мы научаемся изъ честныхъ признаній Кеплера что онъ былъ приведенъ къ открытію эллиптической орбиты Марса рядомъ счастливыхъ случаевъ, которые обратили его ошибочныя предположенія къ истинному направленію; и что къ открытію факта что радіусъ-векторъ въ одинаковые промежутки времени проходитъ равныя пространства онъ былъ приведенъ понятіемъ о кружащей силѣ исходящей отъ солнца, что̀ мы почитаемъ теперь за совершенно ложное представленіе причины орбитнаго вращенія. Кромѣ того слѣдуетъ припомнить что Птоломеева система астрономіи, со всѣмъ ея неудобнымъ идеальнымъ механизмомъ „цикловъ и эпицикловъ, круговъ въ кругахъ“, интеллектуально изображала все что̀ астрономъ, до изобрѣтенія телескопа, могъ видѣть съ своего пункта наблюденія, земли, съ точностью которая доказывалась исполненіемъ его предсказаній;

Digitized by Google

и что въ послѣднемъ и самомъ замѣчательномъ предсказаніи, доставившемъ неувядаемую славу нашимъ двумъ знаменитымъ современникамъ, недостаточность теоріи для объясненія указанныхъ дѣйствительнымъ наблюденіемъ возмущеній Урана потребовала дополнить ее предположеніемъ о вѣроятномъ разстояніи возмущающей планеты лежащей за Ураномъ, которое, какъ показали послѣдующія наблюденія, было только приближеніемъ къ истинѣ. Даже въ этой точнѣйшей изъ наукъ, слѣдовательно, мы не можемъ сдѣлать шага безъ того чтобы не переводить дѣйствительныхъ явленій природы на языкъ интеллектуальныхъ представленій этихъ явленій; и именно потому что представленіе Ньютона есть не только самое простое, но также, при настоящемъ размѣрѣ нашихъ знаній, *универсальное*, по согласію его съ фактами наблюденія, мы принимаемъ его какъ единственную до сихъ поръ высказанную схему вселенной удовлетворяющую нашимъ умственнымъ потребностямъ. Когда, при господствѣ Птоломеевой системы, открывалась какая-нибудь новая неправильность въ движеніи планеты, то къ идеальному механизму прибавлялось новое колесо, какъ говорилъ Птоломей, „ради приличія". Если окажется, столѣтіе спустя, что движеніе самого Нептуна возмущается какимъ-либо притяженіемъ, помимо притяженія оказываемаго внутренними планетами, то мы можемъ съ увѣренностью ожидать что не *идеальная*, а *дѣйствительная* причина этого возмущенія будетъ найдена въ существованіи другой планеты за Нептуномъ. Но, надѣюсь, я уже сдѣлалъ для васъ достаточно очевиднымъ что это самоувѣренное ожиданіе не оправдывается какою-либо абсолютною необходимостью природы, а проистекаетъ единственно изъ *нашего убѣжденія* въ ея однообразіи. Теперь постараемся изслѣдовать поводы къ этому и другимъ первоначальнымъ убѣжденіямъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго научнаго разсужденія.

Есть другой разрядъ случаевъ, гдѣ обыкновенно заявляется требованіе на такую же достовѣрность заключеній, повидимому, непосредственно вытекающихъ изъ наблюдаемыхъ фактовъ, но въ дѣйствительности вырабатываемыхъ умственными процессами. Кажущаяся простота и непосредственность этихъ процессовъ причина того что или совсѣмъ оставляютъ ихъ безъ вниманія, или же укрываютъ ими предположенія на коихъ основаны заключенія. Такъ, г. Локкіеръ говоритъ о солнечной хромосферѣ раскаленнаго водорода и о мѣстныхъ

Digitized by Google

взрывахъ выбрасывающихъ выступы на десятки тысячъ миль въ вышину, съ такою же увѣренностью какъ еслибъ онъ имѣлъ возможность добыть стклянку этого газа и составить воду смѣшеніемъ онаго съ кислородомъ. Но эта увѣренность основана единственно на предположеніи что извѣстная линія замѣчаемая въ спектрѣ водорода непремѣнно *означаетъ* водородъ, когда замѣчается и въ спектрѣ солнечной хромосферы. Какъ ни велика вѣроятность этого предположенія, его нельзя считать достовѣрно доказаннымъ, ибо нѣтъ никакой невозможности представить себѣ что та же линія *можетъ* быть произведена *какимъ-нибудь* другимъ веществомъ, нынѣ еще неизвѣстнымъ. Такъ же точно когда докторъ Гёггинсъ изъ различныхъ относительныхъ положеній извѣстныхъ линій въ спектрахъ различныхъ звѣздъ дѣлаетъ выводъ что эти звѣзды движутся въ пространствѣ въ направленіи къ намъ или отъ насъ, то весь его удивительный строй разсужденія основанъ на предположеніи что эти линіи имѣютъ *одно и то же значеніе*, то-есть *изображаютъ одни и тѣ же элементы* во всѣхъ свѣтилахъ. Это предположеніе, подобно предыдущему, можетъ быть почитаемо достаточно вѣроятнымъ чтобъ оправдать основанное на немъ разсужденіе; тѣмъ болѣе въ особенности съ тѣхъ поръ какъ другими изслѣдованіями этого превосходнаго наблюдателя тѣ же химическіе элементы были открыты въ парообразной формѣ въ тѣхъ туманныхъ пятнахъ которыя, повидимому, суть звѣзды въ раннемъ періодѣ сплоченія. Но когда Франкландъ и Локкіеръ, видя въ спектрѣ желтыхъ солнечныхъ выступовъ нѣкоторую свѣтлую линію не подходящую ни къ какому извѣстному земному пламени, приписываютъ ее гипотетическому новому веществу, которое они предлагаютъ назвать „геліумъ", то очевидно что ихъ предположеніе покоится на гораздо менѣе надежномъ основаніи, до тѣхъ поръ пока оно не получитъ такого же подтвержденія, какое, напримѣръ, при изслѣдованіяхъ Крукса надъ талліемъ, было доставлено дѣйствительнымъ открытіемъ новаго металла, присутствіе коего было ему указано линіей въ спектрѣ не принадлежавшею ни одному изъ тогда извѣстныхъ веществъ.

Въ значительномъ числѣ другихъ случаевъ, наше научное истолкованіе есть, кромѣ того, явно дѣло нашего *сужденія*; а сужденіе есть по преимуществу *личное дѣйствіе*, значеніе результатовъ коего зависитъ въ каждомъ случаѣ отъ способностей лица достигать правильнаго рѣшенія. Вѣрнѣйшія изъ такихъ

Digitized by Google

сужденій внушаются намъ тѣмъ что̀ мы называемъ „здравымъ смысломъ“, въ отношеніи предметовъ не дающихъ, повидимому, повода къ различію во мнѣніяхъ, потому что каждый здравомыслящій человѣкъ приходитъ къ одинаковому заключенію, хотя бы онъ и не могъ дать никакого другаго основанія для него кромѣ того что оно кажется ему „очевиднымъ“. Такъ, между тѣмъ какъ философы облекли густымъ туманомъ пренія объ основаніи нашей вѣры въ существованіе міра лежащаго внѣ насъ, о *не-я* отличномъ отъ *я*, и между тѣмъ какъ каждый логикъ утверждаетъ что онъ нашелъ ту или другую ошибку въ доказательствахъ другихъ мыслителей, — здравый смыслъ человѣчества пришелъ къ рѣшенію которое на практикѣ стоитъ всѣхъ аргументовъ философовъ, многократно состязавшихся на этомъ спорномъ пунктѣ. Я полагаю, можно доказать что достовѣрность этого рѣшенія здраваго смысла проистекаетъ оттого что оно зависитъ не отъ одного ряда опытовъ, но отъ *безсознательнаго подведенія къ итогу всей совокупности нашихъ опытовъ*,—не отъ убѣдительности какого-либо строя разсужденія, но *оттого что всѣ наши мысли сводятся къ одному центру*.

Этотъ же самый „здравый смыслъ“, вышколенный и развитый приличнымъ воспитаніемъ, становится однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ орудій научнаго изслѣдованія, представляя намъ во многихъ случаяхъ лучшее, а иногда и единственное основаніе для разумнаго заключенія. Возьмемъ въ примѣръ случай въ которомъ не требовалось никакого спеціальнаго знанія, открытіе того что̀ мы приняли называть „каменными орудіями“ Аббевильскихъ и Аміенскихъ пещеръ. Нельзя привести ни одного логическаго доказательства что особенная форма этихъ орудій была дана имъ человѣческими руками. Но сомнѣвается ли въ этомъ теперь хотя одинъ человѣкъ свободный отъ предразсудковъ? Доказательство доставляемое внѣшнею формой этихъ предметовъ, которому, по разсмотрѣніи одного или двухъ образцовъ, мы были бы въ правѣ дать только значеніе вѣроятности, пріобрѣтаетъ несомнѣнную силу отъ накопленія наблюденій. Невѣроятность чтобъ особенная форма этихъ кремней была пріобрѣтена *случайно* становится для нашего ума все большею и большею, по мѣрѣ того какъ находятъ все болѣе и болѣе такихъ образцовъ; такъ что, наконецъ, эта гипотеза, хотя она не можетъ быть отвергнута прямымъ доказательствомъ, становится недопустимою для сознанія, за исключеніемъ тѣхъ умовъ

Digitized by Google

которыми напередъ овладѣла идея о позднемъ происхожденіи человѣка. И такимъ образомъ то что̀ было въ началѣ предметомъ спора стало теперь однимъ изъ „самоочевидныхъ“ положеній, имѣющихъ право на безспорное признаніе всѣми чье мнѣніе объ этомъ предметѣ имѣетъ какой-либо малѣйшій вѣсъ.

Перейдемъ, однако, отъ такихъ вопросовъ которые способенъ рѣшать здравый смыслъ человѣчества вообще къ тѣмъ въ коихъ требуется спеціальное знаніе чтобы дать цѣну сужденію. И здѣсь истолкованіе природы чрезъ употребленіе такого знанія становится еще болѣе *личнымъ*, — такъ какъ для людей получившихъ спеціальное воспитаніе есть вещи вполнѣ „самоочевидныя“, которыя обыкновеннымъ людямъ или людямъ получившимъ отъ воспитанія иное направленіе мыслей вовсе не кажутся таковыми. Изъ всѣхъ отдѣловъ науки геологія, какъ мнѣ кажется, болѣе всѣхъ другихъ основывается на такомъ спеціально-воспитанномъ здравомъ смыслѣ, который собираетъ, такъ-сказать въ одинъ фокусъ свѣтъ доставляемый разнообразными изученіями,—физическими и химическими, географическими и біологическими, и направляетъ этотъ свѣтъ на страницы великой каменной книги на которой начертана прошедшая исторія нашей планеты. Тогда какъ изъ всѣхъ наукъ астрономію можно почитать ближе всѣхъ изображающею природу какова она дѣйствительно есть, геологія есть такая наука которая болѣе всѣхъ другихъ изображаетъ ее намъ какою она кажется чрезъ посредство толкующаго ума, ибо значеніе явленій составляющихъ ея данныя почти во всѣхъ случаяхъ подлежитъ спору, и сужденія произнесенныя объ однихъ и тѣхъ же фактахъ бываютъ часто различны, смотря по личнымъ свойствамъ судей. Всякій кто даже маломальски знакомъ съ исторіей этого отдѣла науки не можетъ не замѣтить что геологія каждой эпохи была отраженіемъ умовъ которые своими работами давали ей направленіе, и что ея истинный прогрессъ начался съ того времени когда *всѣми* былъ принятъ здравомысленный методъ истолкованія, заключающійся въ томъ чтобъ искать объясненіе прошедшихъ перемѣнъ въ силахъ дѣйствующихъ нынѣ, вмѣсто того чтобы вызывать на помощь необычайныхъ и таинственныхъ дѣятелей, какъ это имѣли обыкновеніе дѣлать прежніе геологи, когда имъ требовалось, подобно астрономамъ Птоломеевой системы, „сохранить приличія“. Все направленіе болѣе

Digitized by Google

и болѣе расширяющихся новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ клонится къ указанію того какъ мало можно полагаться на такъ-называемые „законы“ стратиграфической и палеонтологической послѣдовательности, и сколь многое слѣдуетъ отнести къ мѣстнымъ условіямъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ астрономъ постоянно имѣетъ возможность указывать на исполненіе своихъ предсказаній какъ на доказательство точности своего метода, геологъ почти совершенно лишенъ такого способа повѣрки. Ибо значеніе всякаго предсказанія которое онъ отважится высказать,—какъ напримѣръ относительно нахожденія или ненахожденія угля въ извѣстномъ пространствѣ,—зависитъ не только отъ истины общихъ доктринъ геологіи въ отношеніи послѣдовательности наносныхъ слоевъ, но еще болѣе отъ подробныхъ свѣдѣній которыя онъ можетъ имѣть о расположеніи этихъ слоевъ въ извѣстной мѣстности. Поэтому ни одинъ здраворазсуждающій человѣкъ не станетъ отвергать ни общихъ доктринъ, ни методовъ геологіи, потому только что въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ предсказаніе окажется не вѣрнымъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли дѣятельность человѣка какъ научнаго истолкователя природы въ двухъ отдѣлахъ естествознанія, одинъ изъ коихъ представляетъ примѣръ строжайшаго, а другой свободнѣйшаго изъ методовъ, какими человѣкъ можетъ пользоваться при построеніи себѣ умственнаго изображенія вселенной. А такъ какъ при изученіи всѣхъ другихъ отдѣловъ употребляются тѣ же самые методы, или порознь или въ совокупности, то мы можемъ сразу перейти къ другой сторонѣ нашего изслѣдованія, а именно къ происхожденію тѣхъ первоначальныхъ убѣжденій которыя суть основаніе всякаго научнаго разсужденія.

Все зданіе геометріи покоится на извѣстныхъ аксіомахъ, которыя всякій принимаетъ за истинныя, но истинность коихъ необходимо *допустить*, потому что онѣ не могутъ быть доказаны. Такъ точно, заявленія нашего „здраваго смысла“ получаютъ свою достовѣрность изъ того что мы почитаемъ „самоочевидностью“ утверждаемыхъ предположеній.

Это изслѣдованіе приводитъ насъ на очную ставку съ одною изъ великихъ философскихъ задачъ нашего времени, которая была обсуждаема способнѣйшими логиками и метафизиками, какъ вождями противоположныхъ школъ, съ единственнымъ результатомъ что ихъ споръ показалъ какъ многое можетъ

Digitized by Google

быть сказано съ той и съ другой стороны. *Интуиціоналисты* утверждаютъ что наклонность къ образованію этихъ начальныхъ убѣжденій врожденна человѣку, есть присущая часть его умственной организаціи; такъ что эти убѣжденія выростаютъ произвольно въ его умѣ, по мѣрѣ того какъ постепенно обнаруживаются и развиваются его способности, не требуя для своего происхожденія другаго опыта кромѣ того какой нуженъ чтобы вызвать эти способности къ дѣятельности. Приверженцы же ученія считающаго опытъ основаніемъ всякаго знанія утверждаютъ что начальныя убѣжденія каждаго человѣка суть не что иное какъ обобщенія которыя онъ дѣлаетъ изъ тѣхъ опытовъ какіе онъ или самъ пріобрѣлъ, или сознательно узналъ отъ другихъ; и они отрицаютъ чтобъ была присущая или врожденная наклонность къ образованію подобныхъ убѣжденій, помимо способности удерживать въ памяти опыты и обобщать ихъ. Я упомянулъ, впрочемъ, объ этомъ предметѣ отнюдь не съ намѣреніемъ излагать вамъ хотя бы суммарно остроумные аргументы какими эти два противоположныя ученія поддерживали свои положенія; я и вовсе не коснулся бы этого предмета, еслибы не полагалъ что можно найти средство примирить оба ученія мыслью что *интеллектуальныя прозрѣнія (intuitions) одного поколѣнія суть воплощенные опыты поколѣнія предшествовавшаго.* Ибо мнѣ кажется что было прогрессивное усовершенствованіе *мыслительной мощи* человѣка, что каждый предшествовавшій продуктъ культуры служилъ подготовленіемъ почвы для еще болѣе обильныхъ жатвъ въ будущемъ. Но такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія въ наслѣдственной передачѣ человѣку пріобрѣтенныхъ особенностей тѣлосложенія, которая обнаруживается наклонностями какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ умственнымъ недугамъ, то кажется одинаково достовѣрно что *пріобрѣтенныя умственныя привычки* часто внѣдряются въ организацію человѣка съ достаточною силой и постоянствомъ чтобъ онѣ могли быть переданы потомкамъ какъ *наклонности къ подобному же складу мыслей. Знаніе*, какъ всѣ допускаютъ, не можетъ переходить такимъ образомъ отъ одного поколѣнія къ другому, но усиленная *способность* къ пріобрѣтенію знанія вообще, или какого-либо особеннаго рода знанія можетъ быть унаслѣдована. Эти наклонности и способности будутъ пріобрѣтать новую силу, растяжимость и постоянство, въ каждомъ новомъ поколѣніи, вслѣдствіе обычнаго упражненія надъ

Digitized by Google

матеріалами доставляемыми постоянно расширяющимся опытомъ; и такимъ образомъ *пріобрѣтенныя* привычки произведенныя интеллектуальною культурой вѣковъ сдѣлаются второю натурой для всякаго унаслѣдовавшаго ихъ. *

Мы имѣемъ примѣръ этого прогресса въ ежедневно встрѣчающемся фактѣ что понятія казавшіяся недопустимыми для умовъ одного поколѣнія, вслѣдствіе ли недостатка интеллектуальной способности для ихъ принятія, или вслѣдствіе привязанности къ старымъ привычкамъ мысли, въ послѣдствіи были принимаемы всѣми и даже признавались „самоочевидными". Такъ первый законъ движенія, угаданный геніемъ Ньютона, хотя былъ отвергаемъ многими философами его времени, какъ противорѣчащій всякому опыту, нынѣ признается съ общаго согласія не только какъ законный выводъ изъ опыта, но какъ выраженіе необходимой и всемірной истины; и такое же значеніе аксіомы распространено на еще болѣе общее ученіе что энергія *всякаго* рода, выражается ли она въ „молярномъ" (цѣлостномъ) движеніи массъ, или въ „молекулярномъ" (частичномъ) движеніи атомовъ, *должна* продолжаться въ той или другой формѣ, безъ всякаго ослабленія или упадка; то что всѣми допускается относительно неразрушимости матеріи признается

---

* Я радъ что имѣю возможность приложить слѣдующее извлеченіе изъ письма которое г. Джонъ Милль, великій учитель опытной школы, написалъ ко мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу сдѣланной мною попытки поставить „здравый смыслъ" на этомъ основаніи (*Contemporary Review*, *febr. 1872*):—„Когда какое-либо состояніе ума, отнюдь не врожденное и не инстинктивное, часто повторялось, то умъ пріобрѣтаетъ, какъ доказано способностью привычки, значительно усиленную способность приходить въ такое состояніе; и эта усиленная способность должна зависѣть отъ какой-либо перемѣны въ физическомъ характерѣ органической дѣятельности мозга. Есть также много доказательствъ что подобная пріобрѣтенная способность къ извѣстному состоянію мозговой дѣятельности можетъ во многихъ случаяхъ быть передаваема, болѣе или менѣе совершенно, черезъ наслѣдство. Границы для способности такой передачи и условія отъ коихъ она зависитъ представляютъ предметъ изслѣдованія для ученыхъ, и мы, безъ сомнѣнія, современемъ узнаемъ многое объ этомъ чего теперь не знаемъ. Но насколько мои слабыя познанія объ этомъ предметѣ дозволяютъ мнѣ имѣть мнѣніе, я держусь того же взгляда на этотъ счетъ какъ и вы, по крайней мѣрѣ въ принципѣ".

Digitized by Google

съ неменьшею истиной и относительно силы, то-есть какъ *ex nihilo nil fit*, такъ точно и *nil fit ad nihilum*. *

Но намъ могутъ возразить что самое понятіе объ этихъ и подобныхъ великихъ истинахъ есть само по себѣ типическій примѣръ врожденныхъ прозрѣній. Люди угадавшіе и выражавшіе ихъ стоятъ высоко надъ своими собратіями, какъ одаренные геніемъ который могъ не только солоставлять, но созидать, и проницательностью которая могла ясно провидѣть то что разумъ могъ лишь смутно угадывать. Охотно соглашаясь съ этимъ, я полагаю возможнымъ доказать что прозрѣнія личнаго генія суть только особенно высокія проявленія дарованій которыя суть общая собственность племени въ его эпоху, и которыя являются таковыми въ силу всей его прежней культуры. Кто, напримѣръ, откажетъ признать за врожденный даръ удивительную способность къ пониманію числовыхъ отношеній, обнаруженную безъ всякаго обученія въ дѣтствѣ Георгомъ Биддеромъ и Зерахомъ Кольборномъ? Но кто, съ другой стороны, можетъ повѣрить чтобы Биддеръ или Кольборнъ могъ вдругъ появиться въ племени дикихъ не умѣющихъ считать далѣе пяти? Или кто можетъ не замѣтить въ исторіи самыхъ раннихъ лѣтъ Моцарта зари того славнаго генія чья блестящая, но кратковременная карьера оставила неизгладимое впечатлѣніе на искусствѣ которое она обогатила? Но кто будетъ имѣть смѣлость утверждать чтобы дитя Моцартъ могъ родиться среди племени у коего единственнымъ музыкальнымъ инструментомъ былъ бы тамъ-тамъ, и единственною пѣснью монотонный напѣвъ. Далѣе, слѣдя за постепеннымъ *возникновеніемъ* нѣкоторыхъ изъ идей которыя мы признаемъ нынѣ „самоочевидными", какъ напримѣръ идеи объ „однообразіи природы", мы можемъ признать ихъ за выраженія извѣстныхъ интеллектуальныхъ наклонностей, которыя прогрессивно усиливались въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, и нынѣ обнаруживаются умственными инстинктами, проникающими и направляющими обыкновенное теченіе нашихъ мыслей. Подобные инстинкты суть драгоцѣнное наслѣдіе которое передавалось намъ, постоянно возрастая въ цѣнѣ,

---

* Въ такой формѣ ученіе нынѣ извѣстное подъ названіемъ „сохраненія энергіи" было выражено д-ромъ Майромъ въ замѣчательномъ очеркѣ напечатанномъ имъ въ 1845 году, подъ заглавіемъ: *Die organische Bewegung in ihrem Zusammenhange mit dem Stoffwechsel.*

черезъ долгій рядъ предшествовавшихъ поколѣній, и которое мы имѣемъ передать тѣмъ кто явятся послѣ насъ, со всѣмъ тѣмъ новымъ запасомъ который могутъ прибавить къ нему наша высшая культура и широкіе размѣры познаній.

Изслѣдовавъ дѣятельность человѣческаго ума при научномъ истолкованіи природы, займемся теперь разсмотрѣніемъ общаго характера ея результатовъ, и прежде всего обратимся къ нашему понятію о матеріи и объ ея отношеніи къ силѣ. Психологъ настоящаго времени смотритъ на матерію совершенно въ духѣ своего собственнаго сознанія; его отвлеченная идея о матеріи та что это есть „нѣчто" что̀ имѣетъ постоянную способность возбуждать ощущенія; его идея о всякомъ „свойствѣ" матеріи есть умственное представленіе какого-либо рода чувственнаго впечатлѣнія полученнаго отъ нея; а его идея о какомъ-либо видѣ матеріи есть представленіе всей совокупности чувственныхъ воспріятій которыя ея присутствіе вызвало въ его умѣ. Такимъ образомъ, когда я опираю мою руку на этотъ столъ, я признаю его непроницаемость черезъ совмѣстное посредничество моего чувства осязанія, моей мышечной силы и моего внутренняго ощущенія усилія, коимъ всѣмъ вмѣстѣ удобнѣе дать общее названіе осязательнаго чувства; и я приписываю этому столу *твердость*, противодѣйствующую усилію которое я дѣлаю чтобы втѣснить мою руку въ его вещество, признавая также фактъ что употребленная мною сила недостаточна чтобы сдвинуть его массу. Но я накладываю руку на кусокъ тѣста, и находя что его вещество уступаетъ моему давленію, я называю его *мягкимъ*. Или я упираюсь рукой въ этотъ пюпитръ, и нахожу что хотя я этимъ не измѣняю его *формы*, но измѣняю его *мѣсто*. Такимъ образомъ я пріобрѣтаю осязательную идею *движенія*. Далѣе, впечатлѣнія полученныя мною черезъ тотъ же осязательный аппаратъ, когда я поднимаю рукой книгу, приводятъ меня къ соединенію съ книгой понятія о тяжести или вѣсомости; а поднимая различныя твердыя тѣла почти одной и той же величины, я получаю возможность, черезъ различныя степени усилія которое я принужденъ дѣлать чтобы держать ихъ, отличить нѣкоторыя изъ нихъ какъ *легкія*, а другія какъ *тяжелыя*. Чрезъ посредство другаго разряда осязательныхъ воспріятій, которыя нѣкоторые почитаютъ принадлежащими къ иной категоріи, мы различаемъ тѣла которыя на ощупь *горячи* и которыя на ощупь *холодны*, и такимъ образомъ дохо-

Digitized by Google

химъ до понятія о различіяхъ температуры. Подобнымъ образомъ чрезъ посредство нашего осязательнаго чувства, безъ всякой помощи со стороны зрѣнія, мы впервые получаемъ идею о *твердой формѣ*, или о трехъ размѣрахъ пространства. Далѣе, расширяя наши осязательные опыты, мы пріобрѣтаемъ понятіе о *жидкости*, какъ формѣ матеріи легко уступающей давленію, но обладающей ощутимымъ вѣсомъ, который можетъ равняться вѣсу твердыхъ тѣлъ; и о *воздухѣ*, способность сопротивленія коего много слабѣе и вѣсъ коего такъ незначителенъ что онъ можетъ быть сдѣланъ ощутительнымъ только искусственными средствами. Слѣдовательно, такимъ образомъ мы доходимъ до понятій о *сопротивленіи* и *тяжести* какъ о свойствахъ общихъ всякой формѣ матеріи, и теперь когда мы оставили понятія о свѣтѣ и темнотѣ, объ электричествѣ и магнетизмѣ, какъ о „невѣсомыхъ жидкостяхъ“, мы принимаемъ эти свойства какъ данныя для практическаго различія между „матеріей“ и „не матеріей“.

Обращаясь, затѣмъ, къ другихъ важнымъ вратамъ ощущенія—къ зрѣнію, чрезъ которое мы получаемъ бо́льшую часть посланій отъ окружающей насъ вселенной, мы признаемъ ту же истину. Такъ и физики и физіологи согласны между собой что *цвѣтъ* не существуетъ какъ *таковой* въ самомъ предметѣ, который имѣетъ лишь способность отражать или пропускать извѣстное число милліоновъ колебаній въ секунду; и только эти колебанія производятъ то наше внутреннее ощущеніе которое мы называемъ цвѣтомъ, когда они падаютъ на сѣтчатую оболочку живаго органа зрѣнія. И если въ сѣтчатой оболочкѣ или въ лежащемъ позади ея аппаратѣ есть недостатокъ который мы называемъ „цвѣтослѣпотой“ или дальтонизмомъ, то нѣкоторые особенные колера не могутъ быть различаемы, или даже можетъ вовсе не быть способности различать какіе-либо цвѣта. Еслибы мы всѣ были подобны Дальтону, то мы не видѣли бы никакого различія, кромѣ какъ по формѣ, между зрѣлыми персиками висящими на деревѣ и окружающими ихъ зелеными листьями; еслибы мы всѣ были поражены сильнѣйшею формой цвѣтослѣпоты, то прекрасный обликъ природы былъ бы намъ виденъ въ свѣто-тѣни гравюры съ одного изъ ландшафтовъ Тернера, а не въ яркихъ краскахъ самой чудесной картины. И относительно нашихъ зрительныхъ представленій можно утверждать съ полною достовѣрностью, какъ результатъ многочисленныхъ наблюденій сдѣланныхъ надъ лицами

Digitized by Google

впервые пріобрѣвшими зрѣніе, что эти представленія *не служатъ* даже для признанія тѣхъ предметовъ съ которыми человѣкъ ознакомился черезъ осязаніе, до тѣхъ поръ пока оба разряда чувственныхъ воспріятій не будутъ приведены въ соотношеніе опытомъ. * Когда же, однако, это соотношеніе уже произошло, то сложное воспріятіе формы которое мы получаемъ отъ одного чувства зрѣнія бываетъ такъ полно что мы рѣдко имѣемъ надобность обращаться опять къ осязанію для какого-либо дальнѣйшаго свѣдѣнія объ этомъ качествѣ предмета. И далѣе, такъ какъ черезъ соотношеніе двухъ не одинаковыхъ изображеній производимыхъ всякимъ твердымъ или выдающимся предметомъ на наши двѣ сѣтчатыя оболочки (какъ это показали превосходныя изслѣдованія сэръ-Чарлза Уитстона) мы обыкновенно получаемъ посредствомъ одного зрѣнія точное понятіе о *твердой* формѣ предмета, то вотъ достаточное доказательство что это понятіе также есть умственное *сужденіе*, основанное на опытѣ пріобрѣтенномъ въ раннемъ дѣтствѣ дружнымъ употребленіемъ чувствъ зрѣнія и осязанія.

Возьмемъ, теперь, примѣръ тѣхъ удивительныхъ инструментовъ коими наше поле зрѣнія расширяется почти въ безпредѣльность пространства или въ безпредѣльность малаго. Не тѣлесное, а умственное око воспринимаетъ то что̀ открываютъ намъ телескопъ и микроскопъ; ибо мы не имѣли бы никакого основанія довѣрять ихъ открытіямъ относительно *неизвѣстнаго*, еслибы прежде не пріобрѣли опытности въ различеніи истиннаго отъ ложнаго чрезъ примѣненіе ихъ къ *извѣстнымъ* предметамъ. Потому каждое истолкованіе того что̀ мы видимъ въ эти инструменты есть *умственное сужденіе* о вѣроятной формѣ, величинѣ и движеніи тѣлъ которыя или по ихъ разстоянію или по ихъ чрезвычайно малой величинѣ

---

* Такъ въ одномъ недавно разказанномъ случаѣ операціей было дано зрѣніе одной молодой женщинѣ, бывшей слѣпою отъ рожденія, но тѣмъ не менѣе научившейся хорошо работать иглой, и когда предъ ней были положены ножницы, которыми она привыкла работать, то хотя она и описала ихъ форму, цвѣтъ и блестящую металлическую поверхность, но совершенно была неспособна признать ихъ за ножницы, пока не положила на нихъ своихъ пальцевъ, послѣ чего она тотчасъ же назвала ихъ, смѣясь надъ своимъ тупоуміемъ (такъ она называла свое невѣдѣніе).

Digitized by Google

устранены отъ познанія ихъ нашимъ чувствомъ осязанія. Еще вѣрнѣе это въ отношеніи къ послѣднему пріобрѣтенію нашего научнаго вооруженія, которое обѣщаетъ не уступить въ значеніи ни телескопу, ни микроскопу; ибо о спектроскопѣ по справедливости можно сказать что онъ не только расширилъ область нашего зрѣнія, но почти далъ намъ новое чувство, давъ намъ возможность узнавать отличительныя свойства химическихъ элементовъ, которыя прежде были совершенно неизвѣстны. И кто скажетъ теперь что мы знаемъ все что̀ можно знать о какой-либо формѣ матеріи? или что наука послѣдней четверти нынѣшняго столѣтія не можетъ доставить намъ такого же расширенія нашихъ познаній о свойствахъ матеріи и такого же развитія нашей способности узнавать ихъ, какъ это было сдѣлано и въ теченіе третьей четверти?

Но, могутъ намъ сказать, такой взглядъ на матеріальный міръ равносиленъ заключенію что міръ этотъ „вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія",—что это выступъ нашего собственнаго ума въ то что̀ насъ окружаетъ,—что это скорѣе *идеальный* чѣмъ *дѣйствительный* міръ. Если все что̀ мы знаемъ о матеріи есть только „умственное представленіе", то какъ можемъ мы отличать его отъ понятій составляемыхъ нами въ нашихъ сновидѣніяхъ? — ибо послѣднія, какъ удачно и въ то же время философски замѣчаетъ нашъ поэтъ-лавреатъ (Теннисонъ), истинны пока они длятся? Но здѣсь нашъ здравый смыслъ является на выручку. Мы пробуждаемся и видимъ что это былъ сонъ. Всякій здравый умъ сознаетъ различіе между опытами наяву и въ сновидѣніяхъ, или если онъ по временамъ затрудняется отвѣчать на вопросъ: „Дѣйствительно ли случилось это или мнѣ приснилось?" то затрудненіе проистекаетъ отъ сознанія что это могло случиться. И всякій здравый умъ, находя что его собственный опытъ въ бодрствующемъ состояніи не только послѣдователенъ самъ по себѣ, но согласенъ съ опытомъ другихъ, принимаетъ его за основаніе своихъ убѣжденій, предпочтительно даже предъ самыми живыми воспоминаніями своихъ сновидѣній. Жалкій помѣшанный, воображающій себя царемъ, домъ умалишенныхъ въ которомъ онъ заключенъ царскими чертогами, а своихъ сторожей услужливыми придворными, до такой степени поглощенъ понятіемъ созданнымъ его разстроеннымъ умомъ что онъ выдѣляетъ его изъ себя самого въ окружающую его среду; отказъ его допустить исправляющее поученіе здраваго смысла и есть сущность

Digitized by Google

его болѣзни. И на свѣтѣ есть не мало лицъ которыя точно такъ же противятся поученіямъ образованнаго здраваго смысла, когда эти поученія идутъ наперекоръ ихъ собственнымъ предвзятымъ понятіямъ, и которыхъ можно считать одержимыми тою болѣзнью которую какъ-то г. Карлейль мѣтко охарактеризовалъ „разжиженнымъ умопомѣшательствомъ".

Въ послѣдніе годы люди выдающіе себя за единственныхъ вѣрныхъ истолкователей природы то-и-дѣло утверждали что мы ничего не знаемъ кромѣ матеріи и законовъ матеріи, и что сила есть не болѣе какъ вымыселъ воображенія. Но нельзя ли, съ другой стороны, утверждать что между тѣмъ какъ наше познаніе *матеріи* есть понятіе ума, *сила* есть то о чемъ мы имѣемъ *самое* прямое, если даже не *единственно* прямое—познаніе? Какъ я уже показалъ вамъ, свѣдѣніе о сопротивленіи и тяжести, которое мы пріобрѣтаемъ посредствомъ нашего осязательнаго чувства, вытекаетъ изъ нашего ощущенія *усилія*; въ зрѣніи и въ слухѣ точно также сила съ какою колебанія поражаютъ чувствительную поверхность дѣйствуетъ на наше сознаніе образами и звуками. Правда при нашихъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеніяхъ мы не *прямо* познаемъ, какъ въ осязательныхъ ощущеніяхъ, производящую ихъ силу; но физика безъ труда можетъ сдѣлать для насъ косвеннымъ образомъ ощутимыми колебанія коими передается звукъ, и доказать нашему уму что сила дѣйствующая при передачѣ свѣта дѣйствительно громадна. *

Кажется страннымъ чтобы тѣ кто громче всѣхъ говорятъ объ опытѣ какъ объ основаніи всякаго знанія такимъ образомъ могли не видѣть самаго постояннаго, самаго основнаго, самаго непосредственнаго изъ всѣхъ опытовъ; могли не видѣть опыта на который здравый смыслъ человѣчества проливаетъ гораздо болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ всякій другой видимый сквозь туманъ философскихъ препирательствъ. Ибо, какъ совершенно справедливо замѣтилъ сэръ-Джонъ Гершель, всемірное сознаніе человѣчества такъ же согласно относительно существованія дѣйствительной и тѣсной связи между причиной и послѣдствіемъ, какъ оно согласно и въ отношеніи существованія внѣшняго міра; и это сознаніе у каждаго проистекаетъ изъ его соб-

---

* См. сэръ-Джона Гершеля: *Популярныя лекціи о научныхъ предметахъ.*

ственнаго ощущенія *личнаго* усилія при совершеніи перемѣнъ своею индивидуальною дѣятельностью.

Допустивъ вполнѣ какъ логическое опредѣленіе причины что это есть „антецедентъ или совпаденіе антецедентовъ за коими неизмѣнно и безусловно появляется послѣдствіе", мы всегда можемъ выдѣлить одинъ *динамическій* антецедентъ,—силу производящую работу,—изъ совокупности *матеріальныхъ условій* при которыхъ эта сила можетъ быть распредѣлена и примѣнена. Безъ сомнѣнія, терминъ „*причина*" въ обыденной фразеологіи употребляется слишкомъ свободно; часто, какъ показалъ г. Милль, для обозначенія случайности непосредственно предшествовавшей послѣдствію, какъ напримѣръ, когда говорятъ что искра попавшая въ боченокъ пороху есть причина его взрыва, или что обрывъ ноги человѣка съ перекладины лѣстницы есть причина его паденія. Но даже весьма мало образованный разсудокъ можетъ различить силу дѣйствующую въ томъ и другомъ случаѣ отъ условій при которыхъ она дѣйствуетъ. Сила производящая взрывъ заключена такъ-сказать въ порохѣ, и воспламененіе только освобождаетъ ее, производя новыя химическія комбинаціи. Паденіе человѣка съ лѣстницы зависитъ отъ тяготѣнія, которое одинаково влекло его внизъ и пока онъ оставался на ней, а утрата подпоры, вслѣдствіе ли обрыва его ноги или перелома перекладины, есть только перемѣна матеріальныхъ условій дающая силѣ новую дѣятельность. Многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, случалось смотрѣть съ удивленіемъ и любопытствомъ на печатающую машину Вальтера. Вы сначала видите ее въ покоѣ; но вотъ является человѣкъ который просто поворачиваетъ къ себѣ рукоятку, и весь неподвижный механизмъ проникается жизнію: бѣлая бумага постоянно навертывается съ одной стороны цилиндра и выкладывается съ другой стороны, безъ всякой посредствующей человѣческой помощи, большими отпечатанными листами, въ количествѣ 15.000 листовъ въ часъ. Но что̀ за *причина* этого удивительнаго дѣйствія? Конечно она лежитъ въ той силѣ которая поворотомъ рукоятки была перенесена на печатающую машину отъ какого-нибудь внѣшняго источника силы, какимъ въ настоящемъ случаѣ, какъ намъ извѣстно, служитъ стоящая за стѣной паровая машина. Эта-то сила, будучи распредѣлена по различнымъ частямъ механизма, въ дѣйствительности и совершаетъ ту дѣятельность, которой каждая изъ нихъ служитъ орудіемъ;

Digitized by Google

а онѣ представляютъ только снарядъ для ея передачи и примѣненія. Человѣкъ проходитъ опять, поворачиваетъ рукоятку въ противоположномъ направленіи, отдѣляетъ этимъ печатающую машину отъ паровой машины, и все останавливается; печатающая машина остается неподвижною, подобно бездушному тѣлу, до тѣхъ поръ пока она вновь не будетъ вызвана къ дѣятельности возобновленіемъ ея движущей силы. Но, скажутъ намъ мыслители считающіе силу не болѣе какъ вымысломъ воображенія, маховое колесо паровой машины есть матерія въ движеніи, и когда оно приведено въ связь съ движущимъ колесомъ печатающей машины, то движеніе сообщается отъ первой къ послѣдней и затѣмъ распредѣляется по различнымъ частямъ механизма. Этотъ разказъ объ операціи есть именно таковъ какой могъ бы дать наблюдатель который посмотрѣлъ бы на нее съ полнымъ невѣжествомъ обо всемъ кромѣ того что̀ могутъ *видѣть* его *глаза*; но въ минуту когда онъ приложитъ *руку* къ любой части машины и постарается остановить ея движеніе, онъ получитъ, черезъ свое ощущеніе усилія необходимаго для сопротивленія ему, столь же прямое свѣдѣніе о *силѣ* производящей это движеніе, какое онъ получаетъ чрезъ свое *зрѣніе* о самомъ движеніи.

Такъ какъ всѣми допускается что наше свѣдѣніе о внѣшнемъ мірѣ было бы не только не полно, но и ошибочно, еслибы наши зрительныя воспріятія не дополнялись осязательными, то мнѣ кажется также точно и наше истолкованіе явленій вселенной должно быть весьма недостаточно, если мы мысленно не приведемъ въ соотношеніе понятія о силѣ съ понятіемъ о движеніи, и не признаемъ въ первой „дѣйствующую причину“ этихъ явленій, причемъ „матеріальныя условія“ останутся только (употребляя старинный схоластическій терминъ) ихъ „формальною причиной“. И я потому тѣмъ болѣе настаиваю на этомъ пунктѣ что механическая философія настоящаго времени все болѣе и болѣе обнаруживаетъ наклонность выражаться скорѣе терминами движенія чѣмъ терминами силы, сдѣлаться *кинетикой* вмѣсто *динамики*.

Такимъ образомъ, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на этотъ вопросъ,—со стороны ли здраваго смысла человѣчества или логическаго анализа отношенія между причиной и послѣдствіемъ, или же со стороны изученія работы нашего собственнаго ума при истолкованіи природы,—все приводитъ насъ, повидимому, къ одному и тому же заключенію: что

Digitized by Google

понятіе о *силѣ* есть одна изъ тѣхъ элементарныхъ формъ мысли безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, какъ мы не можемъ обойтись безъ понятія о пространствѣ или послѣдовательности. И, въ заключеніе, я постараюсь показать вамъ что именно замѣна простой феноменальной идеи динамическою даетъ наиболѣе высокое значеніе нашимъ понятіямъ о томъ порядкѣ природы который превозносятъ какъ самого бога истолкователи чье изученіе я оспариваю. Самый убѣдительный, и въ то же время самый славный примѣръ различія между простымъ обобщеніемъ явленій и примѣненіемъ къ нимъ динамическаго понятія представляетъ контрастъ между такъ-называемыми законами планетнаго движенія открытыми настойчивымъ остроуміемъ Кеплера и истолкованіемъ этого движенія даннымъ намъ глубокою проницательностью Ньютона. Три закона Кеплера были ни что болѣе какъ понятное изложеніе нѣкоторыхъ группъ явленій опредѣленныхъ наблюденіемъ. Первый изъ нихъ, законъ обращенія планетъ по эллиптическимъ орбитамъ, былъ основанъ на изученіи наблюдаемыхъ мѣстоположеній одного Марса,—и могъ быть вѣренъ или не вѣренъ относительно другихъ планетъ, потому что, насколько зналъ Кеплеръ, не было причины почему бы орбиты нѣкоторыхъ изъ нихъ не могли быть эксцентрическими кругами, какою онъ въ началѣ полагалъ и орбиту Марса. Такъ же точно и второй Кеплеровъ законъ о прохожденіи радіусомъ-векторомъ равныхъ пространствъ въ одинаковые промежутки времени, пока онъ былъ просто обобщеніемъ фактовъ относящихся къ одной только планетѣ, не заключалъ въ самомъ себѣ *никакого* достаточнаго основанія для распространенія и на другія планеты, кромѣ того какое вытекало изъ ошибочнаго понятія Кеплера о кружащей силѣ. И его третій законъ подобнымъ же образомъ былъ просто выраженіемъ открытаго имъ нѣкотораго гармоническаго отношенія между временами обращенія и разстояніями планетъ, имѣвшимъ не большее значеніе какъ и всякое другое изъ его многочисленныхъ предположеній. О Ньютоновыхъ же „законахъ“ часто говорятъ какъ будто бы они были просто *высшими обобщеніями* въ коихъ включаются и обобщенія Кеплера. Для меня они представляютъ совершенно отличный характеръ. Ибо, принявъ за исходную точку понятіе о двухъ силахъ, изъ коихъ одна стремится производить постоянное однообразное движеніе по прямой линіи, а другая стремится производить однообразно ускоренное движеніе къ

Digitized by Google

опредѣленной точкѣ, удивительная способность Ньютона къ геометрическому разсужденію дала ему возможность доказать что, съ допущеніемъ этихъ *динамическихъ* предположеній, Кеплеровы *феноменальные* „законы", будучи ихъ необходимымъ послѣдствіемъ, должны быть *всеобще* вѣрными. И тогда какъ одного этого доказательства было достаточно чтобы доставить ему неувядаемую славу, онъ еще болѣе прославилъ себя, угадавъ что паденіе мѣсяца въ направленіи къ землѣ, то-есть уклоненіе его пути отъ касательной линіи къ эллипсису—есть *явленіе того же самаго порядка* какъ и паденіе камня на землю, и такимъ образомъ доказалъ примѣнимость ко всей вселенной тѣхъ простыхъ динамическихъ понятій которыя образуютъ основаніе начальной геометріи.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ „законамъ" представляющимъ только *обобщеніе явленій* нельзя приписать *обязательнаго* значенія, мы можемъ присвоить это значеніе законамъ выражающимъ *всемірныя условія дѣятельности силы*, существованіе коихъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства нашего собственнаго сознанія. Сознаваемая нами увѣренность что притяженіе тяготѣнія *должно* дѣйствовать при всѣхъ обстоятельствахъ согласно съ его простымъ единственнымъ закономъ весьма отлична отъ увѣренности какую мы имѣемъ, напримѣръ, относительно законовъ химическаго притяженія, которые пока еще суть только обобщенія явленій. И даже въ этой весьма сильной увѣренности, разсматривая основаніе на которое она опирается, намъ приходится допустить *оговорку возможности* чего-либо инаго, — оговорку которую, смѣемъ думать, и самъ Ньютонъ долженъ былъ имѣть въ виду. Въ высшей степени полезный урокъ относительно разчета который мы всегда должны дѣлать на неизвѣстные намъ „возможные случаи въ природѣ" даетъ намъ исключительное явленіе столь всѣмъ знакомое что оно не обращаетъ на себя такого вниманія, на какое имѣетъ право. Послѣ закона о всемірномъ притяженіи массъ матеріи нѣтъ ни одного который имѣлъ бы болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ законъ *расширенія тѣлъ отъ теплоты*. Исключая воду и одно или два другія вещества, фактъ такого расширенія, можно сказать, *неизмѣненъ*, а что касается тѣлъ коихъ газообразное состояніе намъ извѣстно, то законъ расширенія можетъ быть выраженъ въ формѣ не менѣе простой и опредѣленной чѣмъ законъ тяготѣнія. Положимъ что указанныя исключенія

Digitized by Google

были бы неизвѣстны, и тогда законъ былъ бы *всемірнымъ* въ своемъ примѣненіи. Но оказывается что вода, подчиняясь этому закону въ своемъ расширеніи, начиная съ 39¹/₂° Ф. (3,3° Р.) и далѣе кверху до точки кипѣнія, уклоняется отъ него въ своемъ *расширеніи* также отъ этого же градуса *внизъ* до точки замерзанія; и этому уклоненію отъ всеобщности закона нельзя дать никакого раціональнаго объясненія. Еще страннѣе то что растворяя въ водѣ небольшое количество соли, мы тѣмъ устраняемъ эту исключительную особенность, потому что *морская* вода продолжаетъ сокращаться отъ 39¹/₂° до ея точки замерзанія на 12° или 14° ниже, точно такъ какъ она сокращается при пониженіи температуры съ высшихъ градусовъ.

Такимъ образомъ наше изученіе способа какимъ мы достигаемъ тѣхъ понятій о всемірной послѣдовательности замѣчаемой въ явленіяхъ природы, которыя мы называемъ „законами“, приводитъ насъ къ заключенію что это человѣческія понятія подверженныя человѣческой погрѣшности, и что они могутъ *быть* и *не быть* выраженіемъ идей Великаго Творца природы. Выставлять эти законы самодѣйствующими, и либо исключающими силу которая одна только можетъ дать имъ дѣйствіе, либо вовсе ея не требующими, кажется мнѣ мнѣніемъ столь же надменнымъ, какъ и не философскимъ. Говорить о какомъ-либо законѣ что онъ „регулируетъ“ явленія или „управляетъ“ ими дозволительно только при предположеніи что законъ есть выраженіе способа дѣйствія (*modus operandi*) управляющей силы. Я былъ разъ въ большомъ городѣ который въ теченіе двухъ дней былъ въ рукахъ беззаконной черни. Судейская власть была пріостановлена робостью и сомнѣніемъ; сила бывшая въ ея распоряженіи была парализована недостаткомъ рѣшительнаго направленія. „Законы“ оставались въ книгѣ статутовъ, но не было силы чтобы приводить ихъ въ исполненіе. И такимъ образомъ злыя силы дѣлали свое страшное дѣло, и пожаръ и грабежъ уничтожали жизнь и собственность, не встрѣчая преграды, пока не появилась новая сила, когда господство закона было возстановлено.

Такимъ образомъ мы пришли къ крайнему пункту интеллектуальнаго истолкованія человѣкомъ природы, къ признанію имъ единства силы, которая разнообразно обнаруживается въ ея явленіяхъ. Къ этому пункту нынѣ клонится всякое научное изслѣдованіе. Превратимость физическихъ силъ, соотношеніе

Digitized by Google

ихъ съ жизненною силой и тѣсная связь между умственною и тѣлесною дѣятельностью, которой, какъ бы мы ее ни объясняли, мы не можемъ отрицать, — все приводитъ насъ къ одному и тому же заключенію; и пирамида, вершиной коей является это философское заключеніе, имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ инстинктахъ человѣчества.

Наши собственные предки, такъ же какъ и необразованные дикари настоящаго времени, каждую перемѣну въ которой не замѣчали человѣческой дѣятельности приписывали особенному животворящему уму. И такимъ образомъ они приписывали не только движенія небесныхъ тѣлъ, но и всѣ явленія природы, каждое особенному божеству. Эти божества были облечены болѣе чѣмъ человѣческою силой; но ихъ почитали также подверженными человѣческимъ страстямъ и капризамъ. По мѣрѣ того какъ люди стали отчетливѣе познавать однообразіе природы, нѣкоторыя изъ этихъ божествъ были облечены главнымъ контролемъ, между тѣмъ какъ другія были поставлены какъ подчиненные имъ министры. Спокойное величіе было присвоено высшимъ богамъ сидящимъ превыше облаковъ, между тѣмъ какъ подчиненные имъ боги могли сходить на землю въ образѣ людей. Съ развитіемъ научнаго изученія природы, понятіе о ея гармоніи и единствѣ пріобрѣтало все возрастающую силу. И такимъ образомъ у просвѣщеннѣйшихъ греческихъ и римскихъ философовъ мы находимъ явное признаніе идеи единства управляющаго духа отъ котораго зависитъ порядокъ природы, ибо они очевидно вѣрили тому что̀ нашъ новѣйшій поэтъ выразилъ стихами:

All are but parts of one stupendous whole,
Whose body Nature is, and God the Soul! *

Наука новѣйшаго времени приняла, однако, болѣе спеціальное направленіе. Устремивъ исключительно свое вниманіе на *порядокъ* природы, она отдѣлилась совершенно отъ теологіи, чья обязанность искать его *причину*. Въ этомъ отношеніи наука вполнѣ въ правѣ, какъ вслѣдствіе совершенной независимости своихъ цѣлей, такъ и вслѣдствіе историческаго факта что ея исканію истины въ природѣ постоянно мѣшали и полагали препятствія стѣсненія которыми богословы пытались опутать ея изслѣдованія. Но когда наука, переступая свои

---

* Все есть только часть одного изумительнаго цѣлаго, тѣло коего есть природа, а Богъ душа.

Digitized by Google

собственныя границы, стремится занять мѣсто богословія и выставлять свое собственное понятіе о *порядкѣ* природы какъ достаточное объясненіе его *причины*, то она вторгается въ область мышленія на которую она не имѣетъ ни малѣйшаго права, и не безъ основанія вызываетъ враждебность тѣхъ кто должны бы быть ея лучшими друзьями. Ибо между тѣмъ какъ глубоко напечатлѣнные инстинкты человѣчества и глубочайшія изслѣдованія философовъ согласно указываютъ на духъ какъ на единственный источникъ силы, наукѣ принадлежитъ высокое право доказывать *единство* силы дѣйствующей въ безграничной шири и безграничномъ разнообразіи вселенной, и прослѣдить ея *непрерывность* черезъ длинный рядъ вѣковъ которые были посвящены ея развитію.

Digitized by Google

ВЪ ЛѢСАХЪ*

РАЗКАЗЪ.

XLVII.

На другой либо на третій день по возвращеніи Марьи Гавриловны изъ Осиповки зашла къ ней матушка Манефа вечерокъ посидѣть да чайку попить. Про чудную Настину болѣзнь потолковали, погоревали о покойницѣ, и свели рѣчь на Патапа Максимыча.

— Очень онъ убивается, сказала Марья Гавриловна, — смотрѣть даже жалость. Ровно малое дитя плачетъ—разливается. Ничего, говоритъ, теперь мнѣ не надо, никакое дѣло на умъ нейдетъ...

— Что̀ говорить! молвила на то мать Манефа.—Какъ не тужить по этакой дочери.... Сызмальства любимымъ дѣтищемъ росла.... Раскипятится бывало на что̀—у̀йму нѣтъ на него, близко не подходи, въ дому всѣ хоронятся, дрожкой дрожатъ, а она семилѣткой еще была — подбѣжитъ къ нему, вскочитъ на колѣни да рученками и зачнетъ у него морщины на лбу разглаживать. Поглядитъ онъ на нее, и ровно растаетъ, смягчится, разговорчивый да веселый такой станетъ.... И въ дому все оживетъ, про гнѣвъ про шумъ помина нѣтъ.... Любимая дочка, любимая!... вздохнула Манефа.—Теперь кому его утолить?...

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 3, 5 и 8й 1871 и №№ 1 и 3й 1872.

Digitized by Google

— Добрый человѣкъ завсегда съ огонькомъ живетъ, замѣтила Марья Гавриловна. — А злобнаго въ Патапѣ Максимычѣ ни капельки нѣтъ.

— Злобы, точно что нѣтъ, согласилась Манефа.—За то своенравенъ и крутъ, а разумъ имѣетъ кичливый и самомнительный. Забьетъ что̀ въ голову — клиномъ не вышибешь.... Весь въ батюшку родителя, не тѣмъ будь помянутъ, царство ему небесное.... Гордыня, сударыня — гордыня!... За то Господь и наказуетъ....

— Не въ примѣту мнѣ, чтобъ горделивъ, аль заносчивъ онъ былъ, молвила Марья Гавриловна.

— Гдѣ жь вамъ примѣтить, сударыня? отвѣтила Манефа.— Во всемъ-то куражѣ вы его не видали.... Поглядѣть бы вамъ какъ сцѣпится онъ съ человѣкомъ посильнѣй да именитѣй его... Чѣмъ бы голову держать уклонно, а рѣчи вести покорно, какъ коза кверху глядитъ.... станетъ фертомъ, ноги-то а́зомъ расплядитъ!.. Что̀ тутъ хорошаго?...

— По мо́ему разсужденью, матушка, сказала на то Марья Гавриловна, — если человѣкъ гордится передъ слабымъ да передъ бѣднымъ — не хорошо, недобрый тотъ человѣкъ... А кто передъ сильнымъ да передъ богатымъ высоко̀ голову несетъ, тому добрая слава.

— Хорошо вамъ такъ судить, Марья Гавриловна, какъ дѣловъ у васъ нѣтъ никакихъ... отвѣтила Манефа.—А у Патапа и торговля, и горянщина, и пароходы и наемнаго народу вдоволь — значитъ начальство всегда можетъ сдѣлать привязку... Оттого и не слѣдъ ему огрызаться.... Опять же въ Писаніи сказано: „всяка душа власти повинуется“.... Чего еще?... За непокорство его не хвалю, за гордость проклятую, а то, что̀ говорить,—человѣкъ добрый.

— Развѣ не ладитъ съ начальствомъ-то? спросила Марья Гавриловна.

— Всяко бываетъ, сказала мать Манефа. — Теперь губернатору знакомъ, въ чести у него, въ милости.... Малые-то начальники забижать и не смѣютъ... Да вѣдь губернаторъ не вѣченъ, можетъ смѣниться, другой на мѣстѣ его сядетъ — каковъ еще будетъ?.. Опять же наше дѣло взять — обительское. Въ „губерніи“* всѣ знаютъ что Патапомъ скиты держатся, что онъ первая за насъ заступа, и по всѣмъ скитскимъ дѣламъ коренной

* Губернскій городъ.

Digitized by Google

ходатай.... Какъ за гордыню-то за его да на скиты холоднымъ вѣтромъ дунутъ?—Куда пойдемъ?... Теперь же гдѣ ни послышишь—строгости: скиты зорятъ, моленны печатаютъ, старцевъ да старицъ по дальнимъ мѣстамъ разсылаютъ.... Силенъ и славенъ былъ Иргизъ, и съ тѣмъ покончили. Лаврентьевъ порѣшенъ, въ Стародубьѣ * мало что осталось. И на заводахъ, ** и на Дону, вездѣ утѣсненіе. Здѣсь покамѣсть Богъ милуетъ, а надолго ли, кто сказать можетъ?... Пожалуй и нашему Керженцу близка череда.... По теперешнему гонительному времени надо бы Патапу ладить со всѣми — большое ли начальство, малое ли — въ черный день всякое сгодится.... Охъ, сударыня Марья Гавриловна, настали дни Писаніемъ прореченные: „Искупующе время, яко дни зли суть"..... Тутъ не гордостью озлоблять, а ублажить всякаго надо, покланяться всякому—чтобы милостивы были.... А онъ что?... Говорить станешь—ругается, просить станешь—хохочетъ.... Намедни какъ передъ Масляной у него гостила, Христомъ Богомъ умоляла повеселить чѣмъ-нибудь исправника, былъ бы до насъ подобрѣе, а онъ, прости Господи, ржетъ себѣ какъ кобыла на овесъ.

— А, слыхала я, матушка, что Комарову скиту царская грамота дана чтобъ никогда его не трогали? спросила Марья Гавриловна. — Говорятъ такая грамота есть у Игнатьевыхъ.

— Нѣтъ такой грамоты, сударыня, отвѣтила Манефа.—Посулили, да не дали.

— Отчего же такъ? спросила Марья Гавриловна?...

— А вотъ какое дѣло выпало, начала Манефа разказывать.—Безъ малаго сто лѣтъ тому, когда еще царица Катерина землю держала, приходилъ въ здѣшніе мѣста на Каменный Вражекъ старецъ Игнатій. Роду былъ онъ боярскаго, Потемкиныхъ дворянъ, служилъ въ полкахъ, въ походахъ бывалъ, съ Туркой воевалъ да съ Прусаками, а какъ вышла дворянамъ вольность не носить государевой службы до смерти, въ отставку пошелъ и ради Бога сталъ жить.... Воспомянулъ онъ роды своя, какъ въ Никоновы гонительныя времена дѣды его Смольяне, отецъ Спиридоній да отецъ Ефремъ, изъ роду Потемки-

* Иргизскіе скиты были въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи; Лаврентьевъ монастырь въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской, а Стародубскія слободы въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи.

** Демидовскіе заводы—на Уралѣ.

Digitized by Google

ныхъ, бѣгая церковныхъ новинъ, укрылись въ лѣсахъ Керженскихъ и поставили обитель по близости скита Шарпана.... И до нынѣ то мѣсто знать, а зовется оно „Смольяны“, потому что приходили туда на житье Смольяне Потемкины и иныхъ боярскихъ родовъ и жили тутъ до Питиримова разоренья.... Памятуя ихъ, поревновалъ отецъ Игнатій по старой вѣрѣ, иночество надѣлъ и въ Комаровѣ обитель завелъ.... Спервоначалу обитель та мужскою была, по блаженной же кончинѣ отца Игнатія, старцы въ розпь разбрелись, а часовня да кельи Игнатьева строенья доставались его сродницѣ, тоже дворянскаго рода была старица,—Иринархой звали.... Съ той поры и зачалась женская обитель Игнатьевыхъ.... Еще вживѣ былъ отецъ Игнатій, какъ сродникъ его Потемкиныхъ же роду у царицы выслужился и сталъ надо всѣми князьями, боярами, первымъ россійскимъ бояриномъ. Тѣмъ временемъ прилучилось батюшкѣ отцу Игнатію въ Петербургѣ за сборомъ быть. Отыскалъ онъ тамо̀й именитаго сродника, побывалъ у него.... Тотъ ему возрадовался и возлюбилъ старца Божія.... Много бесѣдовалъ съ нимъ про старую вѣру и про наши лѣса Керженскіе. И говорилъ тотъ великій бояринъ отцу Игнатію: „Склони, ты мнѣ, старче, тамошнихъ старовѣровъ на новы мѣста̀ идти, которы мѣста̀ я у Турка отбилъ. Житье, говоритъ, будетъ тамъ льготное и спокойное. Землй, говоритъ, и всякихъ угодьевъ вдоволь дадутъ. Лѣтъ на двадцать, ни податей не надо, ни рекрутчины. Каждому, говоритъ, старовѣру казны на проѣздъ и обзаведенье дадутъ.... Церкви себѣ стройте, монастыри заводите, поповъ сколько хотите держите и живите себѣ на всей своей волѣ.... И будетъ, говоритъ, на тѣ льготы отъ царицы выдана грамота, на вѣки не рушимая“... Такія-то милости великій бояринъ сулилъ.... Батюшка отецъ Игнатій обѣщался ему здѣшній народъ приговаривать на новы мѣста̀ идти, и великій бояринъ Потемкинъ съ тѣмъ словомъ къ царицѣ возилъ его, и она матушка съ отцомъ Игнатіемъ разговоръ держала, про здѣшнее положеніе разспрашивала и къ рукѣ своей царской старца Божія допустила.—Воротясь на Керженецъ, сталъ отецъ Игнатій здѣшній народъ на новы мѣста̀ приговаривать.... Охотниковъ объявилось довольно, да спознали по скорости что великій бояринъ Потемкинъ старовѣрамъ ловушку подстроитъ хотѣлъ.... Такія же рѣчи у него съ стародубскими отцами велись.—Былъ въ Стародубьѣ тогда инокъ Никодимъ, черезъ него то дѣло происходило. И тотъ Никодимъ подъ власть великороссійскихъ

Digitized by Google

архіереевъ подписался.. Какъ спознали о томъ здѣшніе христіане, про новы мѣста и слышать не захотѣли.... А тутъ по скорости бояринъ Потемкинъ померъ — дѣло тѣмъ и разошлось... Такъ видите ли, сударыня, была та грамота на одномъ посулѣ, а дана не была.... Народу же увѣренія ради, говорится что лежитъ такая у Игнатьевыхъ.... А ея никогда не бывало.

— Зачѣмъ же народъ въ обманѣ держать? рѣзко взглянувъ на Манефу спросила Марья Гавриловна.

— Крѣпче бы въ истинной вѣрѣ стояли, спокойно отвѣчала игуменья.—Бываетъ, сударыня, что церковны попы учнутъ мужикамъ говорить, а иной разъ самъ архіерей пріѣдетъ да скажетъ: „ваша де вѣра царю не угодна“.... Подумайте каково это слово!... Легко ль его вынести?... А какъ думаютъ мужики что лежитъ у Игнатьевыхъ государева грамота, вѣры-то у нихъ тѣмъ словамъ и неймется.... Повалятся архіерею въ ноги, да въ голосъ и заволятъ: „какъ родители жили такъ и насъ благословили—оставьте насъ на прежнемъ положеніи“.... А сами себѣ на умѣ: „не обманешь дескать насъ—не искусишь своими лестчами словами, знаемъ что въ старой вѣрѣ нѣтъ ничего царю противнаго, на то у Игнатьевыхъ грамота есть“.... И дѣло съ концомъ.... А мужикамъ внушено чтобъ они про ту грамоту зря не болтали, отымутъ дескать.... И теперь любаго изъ нихъ хоть повѣсь, хоть въ землю закопай—умирать станетъ,—про грамоту слова не выронитъ.

— Стало-быть деревенскіе-то усердны къ скитамъ? спросила Марья Гавриловна.

— Усердны! съ горькой усмѣшкой воскликнула Манефа.— Іуда Христа за сребренники продалъ, а наши мужики за ведро вина и Христа и вѣру продадутъ, а скиты наши въ придачу дадутъ....

— Отчего жь они такъ крѣпко тайну держатъ? спросила Марья Гавриловна.

— А имъ внушено что въ грамотѣ про ихнія земли поминается, чтобы тѣмъ землямъ за ними на вѣки вѣчные быть, сказала Манефа.—По здѣшнимъ мѣстамъ ни у кого крѣпостей на земли нѣтъ—народъ все набѣглый. Оттого Игнатьевой грамотой и дорожатъ....

— По-моему, не ладно бы дѣлать такъ, матушка? сказала Марья Гавриловна.

Digitized by Google

— И ложь во спасенье бываетъ, сударыня, перебила ее Манефа.—Народъ темный, непостоянный—безъ того нельзя.

Задумалась Марья Гавриловна.

— Вотъ теперь еще Оленевское дѣло подымается.... Боюсь я того дѣла при нонѣшнемъ времени, молвила Манефа.

— Чтò за Оленевское дѣло, матушка?... спросила Марья Гавриловна.

— А вотъ это какое дѣло, начала Манефа.—Лѣтъ пять либо шесть тому назадъ, одну оленевскую старочку на Дону въ острогъ посадили, за то что ходила она со сборной книгой. А въ книгѣ было прописано „сборъ де тотъ на домъ Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, въ обители Нифонтовыхъ, скита Оленева". Ну извѣстное дѣло, ходила та старочка безо всякаго паспорта, по простотѣ... До Петербурга дѣло доходило, и рѣшили тамъ дознаться чтò за обитель такая Нифонтова и по закону ль она ставлена, дà къ тому и обо всѣхъ скитахъ Керженскихъ донести какъ слѣдуетъ.... И то дѣло шестой годъ лежитъ въ губерніи и отъ него никакого безпокойства до насъ не было, а теперь слышимъ подымается.... А слышно еще будто и на счетъ Шарпана вышелъ указъ.... Какой-то злодѣй, прости Господи, доношеніе послалъ: въ Шарпанскомъ де скиту Казанскую икону Пресвятой Богородицы особнѣ чествуютъ, и на праздники ея много въ Шарпанъ народу сбирается старообрядцевъ и церковныхъ. И на тѣхъ де праздникахъ великіе кормы старицы Шарпанской обители поставляютъ, а во время де кормовъ читаютъ народу про чудеса отъ той иконы бываемыя. И оттого де многіе отъ церкви отшатились.... Правда ли нѣтъ ли, слухи пошли будто велѣно Казанскую изъ Шарпана взять.... Сбудется такое дѣло—всему Керженцу конецъ.... Престанетъ наше житіе!...

— Отчего жь матушка всѣмъ скитамъ настанетъ конецъ, если изъ Шарпана Казанскую икону возьмутъ? спросила Марья Гавриловна.

— Икона та, сударыня, на самомъ дѣлѣ чудотворная, отвѣтила Манефа. — Стояла она въ комнатѣ у царя Алексѣя Михайловича, когда еще онъ во благочестіи пребывалъ... Отъ него великаго государя Соловецкой киновіи вкладомъ жалована.... Когда же соловецкіе отцы не восхотѣли Никоновыхъ новинъ пріяти и укрѣпились за отеческіе законы и церковное преданіе, тогда въ Соловкахъ былъ инокъ схимникъ Арсеній, старецъ чудпаго и высокаго житія, крѣпкій ревнитель древляго благочестія.

Digitized by Google

По вся нощи со слезами молился онъ передъ тою иконою, прося Бога и Пречистую Богородицу да избавитъ святую киновію отъ разоренья облежащихъ воевъ.... Нощію же на вселенскую субботу всемірнаго христіанъ поминовенія предъ недѣлею мясопустною бысть тому старцу Арсенію чудное видѣніе.... Изыде гласъ отъ иконы: „гряди за мною, старче ничто же сумняся; и гдѣ азъ стану — тамо создай обитель во имя мое, и пока сія икона будетъ въ той обители, дотолѣ древлее благочестіе въ оной странѣ процвѣтать будетъ.“ И по семъ гласѣ поднялась икона на небеса.... Въ ту же нощь монахъ нѣкій Θеоктистъ именемъ поревновалъ Іудѣ Искаріоту и возвѣстилъ игемону, ратію святую обитель обложившему, что въ стѣнѣ монастырской есть пролазъ.... Царскіе воины по слову предателя вошли черезъ тотъ пролазъ и учинили въ обители великое кровопролитіе.... Инока же схимника Арсенія Господь отъ напрасныя смерти соблюлъ.... Когда же воевода перевезъ старца Арсенія съ другими отцами на берегъ, тогда заступленіемъ Пречистыя Богородицы избѣгъ онъ отъ руки мучителевы и пришедъ въ лѣсъ узрѣлъ Казанскую чудотворную икону по облакамъ ходящу.... Пошелъ за нею старецъ, дивяся бывшему чудеси, а деревья передъ нимъ разступаются, а болота передъ нимъ осушаются, черезъ рѣки преходитъ Арсеній яко по суху.... И какъ древле Израиль приведенъ бысть столпомъ небеснымъ въ землю обѣтованную, тако же и старецъ Арсеній тою святою иконою приведенъ бысть въ лѣса Керженскіе и Чернораменскіе. На томъ мѣстѣ гдѣ опустилась икона на землю поставилъ онъ обитель Шáрпанскую.... и та икона понынѣ въ той обители находится. Пока тамо стоитъ, по тѣхъ поръ по гласу Богородицы скиты наши цѣлы и невредимы.... Возьмутъ икону изъ Шáрпана — всѣмъ скитамъ конецъ наступитъ и запустѣетъ свято мѣсто.

— Богъ милостивъ, матушка.... начала было Марья Гавриловна.

— Истину сказали что Богъ милостивъ, перебила ее мать Манефа.—Да вѣдь мы-то не мало грѣшны.... Стóимъ ли того чтобъ Онъ насъ миловалъ?... Смуты вездѣ, споры, свары, озлобленія!... Христіанское ль то дѣло?... Вотъ хоть бы эту австрійскую квашню взять.... Каковъ человѣкъ въ епископы попалъ!... Стяжатель, благодатью Святаго Духа ровно горохомъ торгуетъ!... Да еще въ правду ли, нѣтъ ли, обносятся

слухи что повиненъ въ душегубствѣ.... За такія ль дѣла Богу насъ миловать?...

— Ахъ, матушка, забыла я сказать, спохватилась Марья Гавриловна,—Патапъ Максимычъ говорилъ что тотъ епископъ чуть ли въ острогъ не попалъ... Красноярскій скитъ знаете?

— Бывать тамъ не бывала и отцовъ тамошнихъ не вѣдаю, а про скитъ какъ не знать? отвѣтила Манефа.—Далеко̀ отселева—за Ветлугой, на Устѣ....

— На прошлой недѣлѣ тамошнихъ всѣхъ забрали, продолжала Марья Гавриловна.—На фальшивыхъ слышь деньгахъ попались.... Патапъ Максимычъ такъ полагаетъ что епископу плохо придется, съ красноярскими де взятъ посланникъ его... За какими-то дѣлами онъ его въ здѣшни лѣса присылалъ.... Стуколовъ какой-то....

Сверкнули у Манефы очи и сдвинулись брови. Легкая дрожь по губамъ пробѣжала и чуть замѣтная блѣдность на впалыхъ щекахъ выступила.... Поспѣшно опустила она на глаза флеровую наметку.

Не примѣчая какъ подѣйствовало на игуменью упоминанье о Стуколовѣ, Марья Гавриловна продолжала разказывать про красноярскую братію.

— Тотъ Стуколовъ гдѣ-то не вдалекѣ отъ Красноярскаго скита обманное золото искалъ и въ томъ обманѣ заодно съ епископомъ былъ. Потому Патапъ Максимычъ и думаетъ что епископъ и по фальшивымъ деньгамъ не безъ участія.... Сердитуетъ очень на нихъ.... „Пускай бы, говоритъ, обоихъ по одному канату за Уральски бугры послали, пускай бы тамъ настоящее государево золото, а не обманное копали....“ А игумна Патапъ Максимычъ жалѣетъ и такъ полагаетъ что попалъ онъ безвинно.

Не отвѣтила Манефа, хоть Марья Гавриловна пріостанавилась, выжидая какъ она отзовется.

— И благочестный, говоритъ про него Патапъ Максимычъ, старецъ, и души доброй, и хозяинъ хорошій, продолжала Марья Гавриловна.—Должно-быть обманомъ подвели его подъ такое дѣло....

— Гдѣ жь они теперь? какъ бы изъ забытья очнувшись спросила Манефа.

— Въ острогѣ, отвѣтила Марья Гавриловна.—Пятьдесятъ человѣкъ прогнали.... Большая переборка идетъ.

Digitized by Google

— Охъ, Господи!... съ тяжелымъ глубокимъ вздохомъ молвила Манефа.

И не смогла дольше сдерживать волненья; облокотилась на столъ и закрыла глаза ладонью.

— Чтò съ вами, матушка? озабоченно спросила ее Марья Гавриловна.

Помолчала немного Манефа и промолвила взволнованнымъ голосомъ.

— О братѣ вздумала... Паталъ на умъ пришелъ.... Знался онъ съ отцомъ-то Михаиломъ, съ тѣмъ красноярскимъ игумномъ.... Постòмъ къ нему въ гости ѣздилъ.... съ тѣмъ..... Ну, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ....

Не договоривъ рѣчи смолкла Манефа.

— Со Стуколовымъ? подсказала Марья Гавриловна.

— Опять же на Ѳоминой недѣлѣ Паталъ посылалъ съ письмомъ къ отцу Михаилу того дѣтину.... Какъ бишь его?... забываю все... говорила Манефа.

Марью Гавриловну въ краску теперь бросило.... у ней рѣчь не вяжется, у ней словà съ языка нейдутъ.

— Вотъ чтò въ прикащики-то къ себѣ взялъ... продолжала Манефа... — Еще къ вамъ на самую Радуницу съ письмомъ заходилъ.... Алексѣемъ зовутъ никакъ.

Ни слова Марья Гавриловна. Замолчала и мать Манефа.

— Ну, какъ братнино-то письмо да въ судейскія руки попадетъ! зачала по маломъ времени горевать Манефа. — По такому дѣлу всякій клочокъ въ тюрьму волочетъ, у приказныхъ же людей тогда и праздникъ, какъ богатаго человѣка къ отвѣту притянуть... Какъ не притянуть имъ Патапа?... Матерòй осетръ не каждый день въ ихній неводъ попадаетъ... При его-то спѣси, при его-то гордости!... Да легче ему дочь, жену схоронить, легче самому живому въ могилу лечь!.. Не пережить Патапу такой бѣды!...

— Не безпокойтесь, матушка, утѣшала Манефу Марья Гавриловна.—При мнѣ, какъ я въ Осиповкѣ была, то письмо въ цѣлости назадъ воротилось.

— Какъ такъ? спросила обрадованная игуменья.

— Тотъ чтò... этотъ... прикащикъ-отъ... не доѣхалъ, отвѣчала Марья Гавриловна, отворотясь отъ Манефы и глядя въ окошко.—Дорогой провѣдалъ что старцевъ забрали... Онъ и воротился.

— Слава тебѣ Господи!.. Благодарю Создателя!.. набожно перекрестясь молвила Манефа.—Эки дѣла-то!. Эки дѣла!... продолжала она покачивая головой.—Въ обители, во святомъ мѣс-

Digitized by Google

тѣ, въ замѣнъ молитвы да поста чѣмъ заниматься вздумали!... Себя топятъ, и другихъ въ омутъ тянутъ.... Всѣмъ быть въ отвѣтѣ!... Всѣмъ страдать!...

— Чѣмъ же всѣ-то виноваты? спросила удивленная такими рѣчами игуменьи Марья Гавриловна. — Правый за виноватаго не отвѣтчикъ?

— Скитская бѣда не людская, сударыня.... И безъ вины виноваты останемся, сказала Манефа. — Давно на́ насъ пасмурнымъ окомъ глядятъ, давно наши обители въ конецъ порѣшить вздумали.... Худой славы про скиты много пущено... Въ какой-нибудь захудалой обители человѣкъ безъ виду * попадется—про всѣ скиты закричатъ что бѣглыми полнехоньки.... Согрѣшитъ негдѣ дѣвица и дѣло выйдетъ наружу, ровно въ набатъ про всѣ скиты забьютъ: „распутство дескать тамъ, развратъ непотребный"... Много напраслины на обители пущено!.. Много.... А тутъ такое дѣло какъ Красноярское!.. Того и гляди на всѣхъ бѣду обрушитъ.. И все-то одно къ одному — и сборная книга, и Ша́рпанска икона, и Красноярское дѣло... Всѣхъ погубятъ, всѣ скиты, всѣ обители!...

— Да разберутъ же правду, матушка. Развѣ можно наказывать невиннаго? возразила Марья Гавриловна.

— Можно!... съ жаромъ сказала мать Манефа.—По другимъ мѣстамъ нельзя, а въ скитахъ можно... Давно бы насъ разогнали, какъ Иргизскихъ, давно бы весь Кѐрженецъ запустошили, еслибы мы безъ бе́режи жили, да не было бъ у насъ сильныхъ благодѣтелей, подай Господи имъ добраго здравія и вѣчнаго души спасенія...

Замолчала на короткое время Манефа и опять начала:

— Великъ и славенъ былъ Иргизъ, не нашимъ Ке́рженскимъ обителямъ чета, а въ чьихъ рукахъ теперь?.. Давеча спросили вы про царицыну грамоту. Не бывало у насъ такой грамоты, а тамъ на Иргизѣ была... Царь Павелъ Петровичъ нарочно къ иргизскимъ отцамъ своего генерала присылалъ—Руничъ по прозванію—съ милостивымъ словомъ, три тысячи рублевъ на монастырское строенье пожаловалъ и грамоту за своей рукою отцу Прохору далъ... А тотъ отецъ Прохоръ былъ великъ человѣкъ—самъ изъ царскаго рода... ** Слыхали чай?

* Безъ паспорта.

** Прохоръ, игуменъ Нижневоскресенскаго Иргизскаго монастыря лицо весьма загадочное. Онъ пришелъ на Иргизъ будучи еще молодымъ человѣкомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и

Digitized by Google

— Слыхала матушка, какъ не слыхать, отозвалась Марья Гавриловна.

— А какъ дошло дѣло, не помогли Иргизу ни царская грамота ни царская порода отца Прохора, продолжала Манефа. — Въ живѣ былъ еще отецъ-то Прохоръ, какъ его строенье Воскресенскій монастырь порушили—которыхъ старцевъ въ Сибирь, которыхъ на Кавказъ разослали, а монастырь отдали тѣмъ которы къ никоніанамъ преклонились. * Это Иргизъ... А мы что передъ нимъ?... Все едино что комары да мошки. Вздумаютъ порѣшить—много разговоровъ съ нами не поведутъ.... За насъ и постоять-то здѣсь некому....—На Иргизѣ какъ монастыри отбирали, хоть народное собранье было, не хотѣлъ народъ часовень отдавать—водой на морозѣ изъ пожарныхъ трубъ людей-то тогда разгоняли.... А здѣсь что?... Послушали бы вы, сударыня, что сосѣдушки-то наши любезные говорятъ.... Прошлымъ лѣтомъ у Глафириныхъ нову „стаю" рубили, такъ ронжински ребята да елфимовскіе смѣются съ галками-то: ** „Строй, говорятъ, строй хорошенько—келейницъ-то скоро разгонятъ, хоромы тѣ намъ достанутся".... Вотъ что у нихъ на умѣ!... Христіанами зовутся, сами только и дышатъ обителями, безъ нашего хлѣба-соли давно бы съ голоду переколѣли, а вотъ какія слова говорятъ!.. Теперь лебезятъ, кланяются, а случись невзгода—пальцемъ не двинутъ, рта не разинутъ....—Не то-что скиты—говорю вамъ, сударыня, Христа Царя Небеснаго и Того за ведро вина продадутъ!...

— Ну ужь это, матушка, кажется вы на нихъ напрасно. заступилась Марья Гавриловна.

умеръ въ тридцатыхъ нынѣшняго. Обладалъ огромнымъ богатствомъ, находился въ близкихъ и какихъ-то таинственныхъ сношеньяхъ съ нѣкоторыми вельможами Екатерины, Павла и Александра I. Къ нему-то императоръ Павелъ Петровичъ въ 1797 году присылалъ Рунича. Про него между старообрядцами ходили слухи будто онъ сынъ Грузинскаго царя, другіе называли его даже сыномъ императрицы Екатерины II. Въ самомъ же дѣлѣ Прохоръ былъ сынъ богатаго купца Калмыкова. Отношенія къ нему императора Павла объясняются тѣмъ что Прохоръ ссужалъ его значительными суммами, когда Павелъ Петровичъ былъ еще великимъ княземъ.

* Единовѣрцамъ.

** Въ заволжскихъ лѣсахъ мѣстныхъ плотниковъ нѣтъ, они приходятъ изъ окрестностей Галича, отчего и зовутся „галками". Ронжино и Елфимово сосѣднія съ Комаровымъ скитомъ деревни.

Digitized by Google

— Давно съ ними живу, сударыня, лучше васъ знаю этихъ лоботрясовъ, съ досадой перервала ее Манефа. — Изъ-за чего они древляго благочестія держатся?... Спасенія ради?.... Какъ же не такъ?... Изъ-за выгоды, изъ-за одной только выгоды.... Надо правду говорить, продолжала Манефа понизивъ голосъ,— отъ людей утаишь, отъ Бога не спрячешь — иныя матери смолоду баловались, съ ребятами грѣшили... Плоть, сударыня Марья Гавриловна, сильна въ молодые годы бываетъ.... Слабъ человѣкъ, не всякому дано плоть побороть.... Ну, вотъ — старые-то дружки давно поженились, семьями обзавелись, а съ матерями ладовъ не рушатъ.... Не въ ту силу говорю чтобъ матери въ старыхъ грѣхахъ съ ними пребывали.... А вѣдь и подъ черной рясой и на старости лѣтъ молодая-то любовь помнится....

Смолкла на минуту матушка игуменья, и потомъ сдержаннымъ голосомъ отчеканивая каждое слово продолжала:

— И подати за нихъ платятъ, и сыновей отъ солдатчины выкупаютъ, и деньгами ссужаютъ, и всѣмъ.... Вотъ отчего деревенскіе къ старой вѣрѣ привержены.... Не было бъ имъ отъ скитовъ выгоды, давно бы всѣ до единаго въ никоніанство своротили.... Какая тутъ вѣра?... Не о душѣ своей, а объ мошнѣ радѣютъ.... Слабы люди нонѣ пошли, нѣтъ поборниковъ, нѣтъ подвижниковъ!... Забывъ Бога златому тельцу покланяются!... Горькія времена, сударыня, горькія!...

— Неужли въ самомъ дѣлѣ скитамъ конецъ наступаетъ? въ сильномъ раздумьѣ послѣ долгаго молчанья спросила Марья Гавриловна.

— Все къ тому идетъ.... покачавъ головой со вздохомъ отвѣтила Манефа.

— Какъ же вы тогда, матушка? озабоченно глядя на игуменью спросила Марья Гавриловна.

— Признаться сказать, я давненько о томъ помышляю, молвила Манефа.—Еще какъ на Иргизѣ зачали монастыри отбирать, я рѣшила сама про себя что рано ли поздно ли, а такой же участи и намъ не миновать. Ради того кой-чѣмъ загодя распорядилась, чтобы перемѣна врасплохъ не застала.

— Что жь вы сдѣлали, матушка? спросила Марья Гавриловна.

— А видите ли въ чемъ дѣло, сказала Манефа.—И на Иргизѣ, и въ Слободахъ и въ Лаврентьевѣ всѣхъ несогласныхъ принять поповъ благословенныхъ великороссійскими архіереями—разослали по своимъ мѣстамъ—на родину значитъ. Кто гдѣ въ ревизію записанъ, тамъ и живи до смерти, а по другимъ

Digitized by Google

мѣстамъ ѣздить не смѣй.... Когда до нашихъ скитовъ чередъ дойдетъ и съ нами то же сдѣлаютъ.... Потому и сама я въ мѣщанки къ нашему городку приписалась, и матерей которы получше да полезнѣй туда жь приписала.... Какъ только Керженцу рѣшенье выйдетъ.... обитель нашу чуть не всю въ одинъ городъ пошлютъ. Тамъ и настроимъ мы домовъ къ одному мѣсту.... Можетъ позволятъ и здѣшнее строенье перевезти... Часовни хоть не будетъ, а все же будемъ жить вкупѣ.... Не станетъ нынѣшняго пространнаго житія, да что̀ жь дѣлать, не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ благословитъ.... И не одна я такъ распорядилась, во многихъ обителяхъ и въ здѣшнихъ и въ Оленевскихъ и въ Улангерскихъ то же сдѣлали.—Вкупѣ-то всѣмъ жить отраднѣй будетъ.

— А мнѣ какъ быть тогда, матушка? тревожно спросила Марья Гавриловна.

— Вамъ, сударыня, безпокоиться тутъ нечего, ваша статья иная... сказала Манефа.—Не въ обители живете, имени вашего въ спискахъ нѣтъ.... путь вамъ чистый на всѣ четыре стороны.

— А какъ меня въ Москву вышлютъ, да выѣздъ оттоль запретятъ?... Тогда что̀?... Жить въ Москвѣ для меня смерти горчѣй — сами знаете, говорила взволнованная Марья Гавриловна.

— Не сдѣлаютъ этого, молвила Манефа.

— Какъ не сдѣлаютъ, матушка? возразила Марья Гавриловна.—Про Иргизъ поминали вы, а въ Казани знаю я купчиху одну, Замошникова по мужѣ была. Овдовѣвши, что мое же дѣло—поѣхала она на Иргизъ погостить. Тамъ въ Покровскомъ монастырѣ игуменья матушка Надежда, коли слыхали, теткой ей доводилась....

— Знавала я матушку Надежду. Какъ не знать? молвила Манефа.—Знакомы были, письмами обсылались. И племянницу-то ея знала....

— Году у тетки она не прогостила, какъ Иргизу рѣшенье вышло, продолжала Марья Гавриловна.—И переправили Замошникову въ Казань и не велѣли ей изъ Казани отлучаться.... А родомъ она не казанская, изъ Хвалынска была выдана.... За казанскимъ только замужемъ была, какъ я за московскимъ.... Ну какъ со мной то же будетъ?... Какъ меня въ Москву сошлютъ?... Подумайте, матушка, каково мнѣ тогда будетъ?...

Призадумалась Манефа.

— Да, можетъ и такъ случиться, сказала она.... Вамъ бы,

Digitized by Google

сударыня Марья Гавриловна, къ нашему же городку въ купечество записаться.... Еслибъ что̀ и случилось,—вмѣстѣ бы вѣкъ дожили.... Схоронили бы меня, старуху....

— Капиталъ надо объявлять, молвила Марья Гавриловна.

— Извѣстно дѣло, подтвердила Манефа.

— А капиталъ объявить, торговлю надо вести, сказала Марья Гавриловна.

— Зачѣмъ? возразила Манефа. — Нашъ городокъ махонькій, а въ немъ болѣ сотни купцовъ наберется... А много ль, вы думаете, въ самомъ-то дѣлѣ торгуютъ?.... Четверыхъ не наберется, остальные такіе великіе торговцы, что передъ Новымъ Годомъ бьются-бьются сердечные, чтобъ деньжонокъ какъ-нибудь на гильдію сколотить. Кто въ долги входитъ, кто послѣдню одеженку съ плечъ долой, только бы на срокъ записаться.

— Зачѣмъ же это они дѣлаютъ? съ удивленьемъ спросила Марья Гавриловна.—Оставались бы въ мѣщанахъ коли нѣтъ капитала.

— А отъ солдатчины-то ухорониться?.... отвѣтила Манефа.—Рекрутски-то квитанціи нонѣ вѣдь до̀роги стали да и мало что-то ихъ.—А какъ заплатилъ гильдію, такъ и не бо̀йся ни бритаго лба, ни красной шапки.... Которы сродниковъ много имѣютъ—въ складчину гильдію-то выправляютъ. Въ одномъ-то капиталѣ иной разъ душъ пятьдесятъ мужскихъ записано: всего тутъ есть— и купецкихъ сыновей и купецкихъ братьевъ и купецкихъ племянниковъ и купецкихъ внуковъ.—А коль скоро всѣ изъ лѣтъ выйдутъ—тогда и гильдію больше не платятъ, въ мѣщанахъ остаются.... Этакъ-то не въ примѣръ дешевле квитанцій обходится, особенно коли много сродства къ одному капиталу приписано.

— Ну, меня-то пускай въ солдаты не забрѣютъ, усмѣхнулась Марья Гавриловна.—А коли мнѣ капиталъ вносить, такъ ужь надо въ самомъ дѣлѣ торговымъ дѣломъ заняться.... Я же по третьей вѣдь не запишусь.

— Вамъ по первой надо, молвила Манефа. — Какъ же можно въ третью съ вашимъ капиталомъ?

— А въ вашемъ городу̀ по первой-то много ль приписано? спросила Марья Гавриловна.

— По первой! усмѣхнулась Манефа.—И по второй-то съ роду никого не бывало.—Какой нашъ городъ!... Слава только что городъ.—Хуже иной деревни.

Digitized by Google

— То-то и есть, молвила Марья Гавриловна.—Не то что по первой, по второй если припишусь, толковъ не мало пойдетъ.— А какъ дѣловъ-то не стану вести—такъ на что жъ это будетъ похоже?...

— Какими же вамъ, Марья Гавриловна, дѣлами заниматься? сказала на то Манефа.—Дѣло женское, непривычное.... Какія вамъ дѣла?

— Да хоть бы на Волгѣ пароходы завести? съ живостью поднявъ голову молвила Марья Гавриловна. — Пароходное дѣло хвалятъ, у брата тоже бѣгаютъ по Волгѣ пароходы—большую пользу получаетъ.

— Куда вамъ съ пароходами, сударыня! возразила мать Манефа.—Такое дѣло и мужчинѣ такъ не всякому къ рукѣ придется.

— Приказчика найду, молвила Марья Гавриловна.

— Развѣ что приказчика, сказала Манефа.—Только народъ-то нонѣ какой сталъ!.... Ни въ комъ совѣсти нѣтъ—какъ разъ оберутъ.

— Эхъ, матушка, будто на свѣтѣ ужъ и не стало хорошихъ людей?.... Поспрошу, поищу, авось честный навернется. — Богъ милостивъ!... Патапа Максимыча попрошу.... Вотъ на похоронахъ познакомилась я съ Колышкинымъ Сергѣемъ Андреичемъ.—Патапъ же Максимычъ ему пароходное дѣло устроилъ, а теперь подите-ка вы.... По всей Волгѣ гремитъ имя Колышкина.

— Слыхала про него, отозвалась Манефа.—Дѣла у него точно что хорошо идутъ.

— Благословите-ка, матушка, молвила Марья Гавриловна.

— На что? спросила Манефа.

— Капиталъ объявлять, пароходы заводить, приказчика искать, сказала Марья Гавриловна весело глядя на Манефу.

— Суета! сдержаннымъ, но недовольнымъ голосомъ молвила игуменья, но помолчавъ немного, прибавила:—Богъ благословитъ на хорошее дѣло.... Вы, сударыня, человѣкъ вольный, творите волю свою якоже хощете.... А я было такъ думала что намъ съ вами и жить вмѣстѣ и помереть вмѣстѣ.... Больно ужъ привыкла я къ вамъ.

— Что жъ? и я возлѣ васъ въ городу построюсь. Неразлучны будемъ, сказала Марья Гавриловна.

— Развѣ что такъ, отвѣтила Манефа. — А лучше бы не дожить до того дня, грустно прибавила она.... Какъ вспадетъ на умъ что раскатаютъ нашу часовню по бревнышкамъ, разломаютъ наши уютныя келейки, сердце такъ и захолонетъ.... А

Digitized by Google

быть бѣдѣ, быть!... Однакожъ засидѣлась я у васъ, сударыня, пора и до кельи брести....

И простившись съ Марьей Гавриловной, тихими стопами побрела игуменья къ своей „стаѣ“.

Изъ растворенныхъ оконъ келарни слышались голоса: то московскій посолъ комаровскихъ бѣлицъ пѣть обучалъ. Завернула въ келарню Манефа послушать ихъ.

XLVIII.

Василій Борисычъ въ Манефиной обители какъ сыръ въ маслѣ катался. Умильный голосистый пѣвунъ всѣмъ по нраву пришелъ, всѣмъ угодить успѣлъ.

Съ матерью Манефой и соборными старицами чуть не каждый день по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ онъ отъ Писанія, или разсказывалъ про Бѣлую-Криницу, куда ѣздилъ въ лучшую пору ея, при первомъ митрополитѣ Амвросіи. Съ матерью Аркадіей водилъ длинные разговоры про уставную службу и разсказывалъ ей какъ справляется чинъ архіерейскаго служенья митрополитомъ. Мать Назарету утѣшалъ разговорами о племянницѣ ея Домнушкѣ и о порядкахъ какіе заведены въ Антоновской палатѣ, гдѣ она при старухахъ въ читалкахъ живетъ. Съ матушкой Таифой бесѣдовалъ о хозяйственныхъ распорядкахъ; оказалось что Василій Борисычъ и по хозяйству свѣдущъ былъ. Мать казначея наговориться не могла съ такимъ хорошимъ гостемъ.... А больше всего сдружился онъ съ матушкой Виринеей, выучилъ ее какъ свѣжіе кочни капусты сберегать на зиму, какъ рябину въ меду варить, и какъ огурцы солить, чтобы вплоть до весны оставались зелеными. Разъ до того заговорился съ ней гораздый на все Василій Борисычъ, что даже сталъ поучать матушку-келаря какъ ветчину коптить. Мать Виринея плюнула на такія слова, обозвала московскаго посланника оболтусомъ и безобразникомъ и шибко на него прикрикнула: „вздурился что ли, батька? Развѣ въ обители жрутъ скоромятину?“ Это не помѣшало однакожъ добрымъ отношеніямъ умильнаго пѣвуна къ добродушной Виринеѣ; возлюбила она его какъ сына роднаго, не нарадуется бывало какъ завернетъ онъ къ ней въ келарню о разныхъ разностяхъ побесѣдовать.... Про бѣлицъ и поминать нечего—души не чаяли онѣ въ Васильѣ Борисычѣ, всѣ до единой отъ рѣчей

Digitized by Google

и отъ пѣсенъ его были безъ ума и другъ передъ дружкой старались угодить чѣмъ только могли соловью залетному.... Самъ Василій Борисычъ изъ дѣвицъ больше съ пѣвчими водился. Онѣ и въ разговорахъ поумнѣй другихъ были, и собой попригожѣе, и руки у нихъ были не мозолистыя, не закорузлыя, какъ у рабочихъ бѣлицъ, а нѣжныя, пышныя, мягкія. Это съ первыхъ же дней скитскаго житья-бытья спозналъ Василій Борисычъ. А пуще всего заглядывался онъ на румяную, чернобровую Устинью, что̀ недавно изъ Москвы воротилась. Еще тамъ онъ видалъ ее у знакомыхъ своихъ, гдѣ Устинья два лѣта въ канонницахъ жила, „негасимую свѣчу стояла"....

По просьбѣ матушки Манефы, началъ Василій Борисычъ оба клироса „демественному" пѣнію обучать. Пропѣлъ съ ними стихеры и воззвахи на всѣ господскіе праздники, принялся за догматики, какъ вдругъ занятія его съ дѣвицами поразстроились, въ Осиповку на похороны надо было имъ ѣхать. Покамѣстъ онѣ были тамъ, Василій Борисычъ успѣлъ побывать въ Улангерѣ и уговорить нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ старицъ на пріемъ владимірскаго архіепископа.... Успѣлъ Василій Борисычъ и попѣть съ улангерскими дѣвицами, облюбовалъ и тамъ одну дѣвицу въ Юдифиной обители. Но Манефина гостепріимная обитель больше всѣхъ полюбилась московскому посланнику. Думалъ въ ней недѣльку пожить, да заглядѣвшись на Устинью, рѣшился оставаться до той поры пока вонъ изъ обители его не вытурятъ.

Въ тотъ самый вечеръ какъ мать Манефа сидѣла у Марьи Гавриловны и вела грустныя рѣчи о паденіи грозящемъ скитамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ, Василій Борисычъ, помазавъ власы своя елеемъ, то-есть, по-просту говоря, деревяннымъ масломъ, надѣвъ легенькій демикотоновый кафтанчикъ и расчесавъ рѣденькую бородку, пѣтушкомъ прилетѣлъ въ келарню добродушной Виринеи. Завязался у нихъ поучительный разговоръ о черепокожныхъ, про которыхъ во всѣхъ уставахъ поминается, что не только мірскимъ, но и старцамъ со старицами разрѣшено ихъ ядѣніе по субботамъ и недѣлямъ святой великой четыредесятницы. Мать Виринея утверждала что это объ орѣхахъ говорится, а Василій Борисычъ того мнѣнія держался что черепокожные—морскіе плоды, и сослался на одну древлеписьменную книгу, гдѣ въ самомъ дѣлѣ такое объясненіе нашлось.

Digitized by Google

— Такъ вотъ оно что̀, съ удивленьемъ покачивая головой говорила мать Виринея, увидя въ почитаемой за святую книгѣ такія неудобь понимаемыя рѣчи.—Такъ вотъ оно что̀—морскіе плоды!... Что̀ же это за морскіе плоды такіе?... Научи ты меня старуху уму-разуму, ты вѣдь плавалъ поди по морямъ-то, какъ въ митрополію-то ѣздилъ.... Она вѣдь, сказываютъ, за̀ моремъ.

— Не за̀ моремъ, матушка, а токмо по близости Чернаго Моря, того самаго что̀ въ *Прологахъ* Евксинскимъ Понтомъ нарицается, молвилъ Василій Борисычъ.

— Помню, голубчикъ, помню, сказала Виринея.—А видѣлъ ли ты его, касатикъ?

— Кого матушка?

— А этотъ Понтъ-отъ.... сказала Виринея. Вѣдь это стало-быть тотъ про который на Троицкой утрени поютъ: „*Понтомъ покрывъ Фараона*“?

— То другой, матушка, отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Много вѣдь ихъ понтовъ-то у Господа, прибавилъ онъ.

— Эка премудрость Божія! съ умиленіемъ сказала Виринея, складывая руки у груди. Чего-то, чего на свѣтѣ нѣтъ!... Такъ что̀ же, видѣлъ ты его, голубчикъ?... Понтъ-отъ этотъ?...

— Довелось видѣть, матушка, довелось, какъ въ Одессѣ проѣздомъ былъ, молвилъ Василій Борисычъ.

— Что̀ жь, родной, этотъ Понтъ море, поди, пространное и глубокое? съ любопытствомъ продолжала разспросы свои мать Виринея.

— Пространное, матушка, пространное—краевъ не видать, подтвердилъ Василій Борисычъ.

— И глубокое? спросила Виринея.

— Глубокое, матушка—дна не достать, отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Какъ Волга значитъ.... со вздохомъ молвила Виринея, и облокотившись на столъ положила щеку на̀-руку.

— Какая тутъ Волга! усмѣхнулся Василій Борисычъ. —Говорятъ тебѣ, дна не достать.

— Премудрости Господней исполнена земля! набожно сказала Виринея.—Такъ вотъ оно море-то какое.... Пространное и глубокое, въ немъ же гадовъ нѣсть числа, глубоко вздохнувъ добавила она словами *Псалтыря*.

— Есть, матушка, и гады, есть, подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Какіе же это плоды-то морскіе, сирѣчь черепокожные?..

Digitized by Google

Ты мнѣ это, родной, раскажи.... Научи меня Христа ради.... Видалъ ты ихъ, касатикъ?... Отвѣдывалъ?... Какіе на вкусъ-то будутъ?... Чудное право дѣло!...

— Морскими плодами, матушка, раковины зовутся, пауки морскіе да раки.... началъ было Василій Борисычъ.

— Полно ли тебѣ, окаянному?... закричала Виринея, поднявъ кверху попавшуюся ей подъ руку скалку. — Дуру что ли неповитую нашелъ смѣяться-то?... А?... Смотри ты у меня, лоботрясъ этакой!... Я тѣ благословлю по башкѣ-то!...

Досада взяла Василья Борисыча.

— Ну, матушка, съ тобой говорить, что солнышко въ мѣшокъ ловить, сказалъ онъ.—Какъ же ты этого понять не можешь...

— Да статочное ли дѣло чтобъ святые отцы такую погань вкушали? громче прежняго закричала Виринея. И раковъ-то ѣсть не подобаетъ, потому что это водяной сверчокъ, а ты пауковъ приплелъ.... Эхъ Васинька, Васинька, умный ты человѣкъ, а иную пору такихъ забобоновъ нагнешь что и слушать-то тебя грѣхъ.

Василій Борисычъ плюнулъ даже съ досады. Да забывшись плюнулъ-то на грѣхъ не въ ту сторону. Взъѣлась на него Виринея.

— Чтò плюешься?.... Чтò?... Окаянный ты этакой! кричала она на всю келарню, изо всей силы стукая скалкой по столу... Куда плюнулъ-то?... Въ кого попалъ?... Креста что ль на тебѣ нѣтъ?... Коли вздумалъ плеваться, на лѣву сторону плюй—на врага на діавола, и ты гляди-ка чтò сдѣлалъ!... На ангела-то Господня наплевалъ... Аль не знаешь что ко всякому человѣку ангелъ отъ Бога приставленъ, а отъ сатаны бѣсъ... Ангелъ на правомъ плечѣ сидитъ, а бѣсъ на лѣвомъ.... Такъ ты и плюй налѣво, а направо плюнешь — въ ангела угодишь... Эхъ ты неразумный!... А еще книги всѣ знаешь, еще къ митрополиту за моромъ ѣздилъ!... Эхъ ты!...

— Такъ чтò же по-вашему, матушка, означаютъ эти черепокожные, сирѣчь морскіе плоды? спросилъ Василій Борисычъ, стараясь замять разговоръ о плевкѣ учиненномъ не по правиламъ.

— Извѣстно, орѣхи, сухо отвѣтила Виринея.

— Какъ же орѣхи-то на водѣ выросли, спросилъ Василій Борисычъ?

— Божіимъ повелѣніемъ, сказала Виринея.

— Ну, матушка, съ тобой говорить что воду рѣшетомъ но-

Digitized by Google

сить, молвилъ съ досады Василій Борисычъ.—Чтò въ книгѣ-то писано?... „Морскіе плоды“.—Такъ ли?...

— Съ толку ты меня сбиваешь, вотъ чтò.... И говорить съ тобой не хочу, перебила его мать Виринея и плюнувъ на лѣвую сторону, гдѣ бѣсъ сидитъ, побрела въ свою боковушу.

Между тѣмъ какъ въ келарнѣ шелъ споръ о черепокожныхъ и о плевкахъ, она наполнилась пѣвицами, провѣдавшими что учитель ихъ давно ужь сидитъ у матушки Виринеи.

Наступалъ Троицынъ день. Хотѣлось Василью Борисычу утѣшить гостепріимную Манефу добрымъ осмогласнымъ пѣніемъ, изряднымъ демественомъ за всенощной и за вечерней. Попа нѣтъ, на листỳ лежать не станутъ, * за то въ часовнѣ такое будетъ пѣніе, какòе можетъ-статься и на Иргизѣ не часто слыхивали.... За это Василій Борисычъ брался, а онъ своего дѣла мастеръ и въ грязь лицомъ себя не ударитъ....

Уже по нѣскольку разъ пропѣлъ онъ съ ученицами и воззвахи, и догматикъ праздника, и весь канонъ и великій прокименъ вечерни: *Кто Богъ велій!* Все какъ по маслу шло, и московскій посолъ напередъ радовался успѣху, который долженъ былъ увѣнчать труды его.... А баловницамъ пѣвицамъ межь тѣмъ прискучило пѣть одно „божество“, и не слушая учителя, завели онѣ троицкую псáльму.... Василій Борисычъ поневолѣ присталъ къ нимъ, и вскорѣ звонкій голосъ его покрылъ всю пѣвчую стаю.... Съ увлеченьемъ пѣлъ онъ, не спуская глазъ съ разгорѣвшихся щекъ миловидной Устиньи·

Источникъ духовный
Радости днесь полный,
Стрáны всего свѣта слышьте,
Съ апостолы пріимите
Росу, росу благодати,
Росу благодати.

Облакъ раздѣляше,
Языки раждаше,
Рыбарямъ огненная,
Евреямъ ужасная,

---

* За великой вечерней въ Троицынъ день три молитвы читаемыя священникомъ старообрядцы слушаютъ не стоя на колѣнахъ, какъ это дѣлается въ православныхъ церквахъ, а лежа ницъ, причемъ подкладываютъ подъ лицо цвѣты или березовыя вѣтви. Это называется „лежать на листý“.

Digitized by Google

И всѣмъ врагамъ страшная,
И всѣмъ и всѣмъ врагамъ страшная.

Фленушка все время сидѣла одаль. Угрюмо взглядывала она на Василья Борисыча и казалась совершенно безучастною къ его пѣнію. Не то уныніе, не то забота туманила лицо ея. Нельзя было теперь узнать всегда игривую, всегда живую баловницу матушки Манефы. Совѣсть ли докучала ей, надъ Настиной ли смертью она призадумалась надъ совѣтомъ ли матушки Манефы надѣть иночество и прибрать къ рукамъ всю обитель, томила ли ее досада что вотъ и Троица на дворѣ, а казанскаго гостя все нѣтъ какъ нѣтъ?... Не разгадаешь.... И Марьюшка и Василій Борисычъ не разъ обращались къ ней съ шуточками, но Фленушка будто не слыхала рѣчей ихъ. Пасмурными взорами поглядывала она изъ подлобья на пѣвшихъ бѣлицъ.

Вдругъ ни съ того ни съ сего, вскочила она съ мѣста, живымъ огнемъ сверкнули глаза ея, и подскочивъ къ Василью Борисычу, изо всей силы хлопнула его по плечу:

— Тошнехонько!... Мірскую бы!.. Веселую, громкую! вскрикнула она....

— Ахъ, искушеніе! молвилъ Василій Борисычъ, вздрогнувъ отъ полновѣснаго удара по плечу.

— Новенькую какую-нибудь, продолжала Фленушка, не снимая руки съ плеча Василья Борисыча. — Тоску нагнали своимъ мычаньемъ.—Слушать даже противно. — Да ну же, Василій Борисычъ, запѣвай развеселую!...

— Охъ, искушеніе! съ глубокимъ вздохомъ, перебѣгая глазами по бѣлицамъ, сказалъ Василій Борисычъ.

— Да начинай же, говорятъ тебѣ! топнувъ ногой, съ досадой закричала на него Фленушка. — Скорѣй!

Откашлянулся Василій Борисычъ и серебристымъ своимъ голоскомъ завелъ потихоньку скитскую пѣсенку:

Не сама-то я, младешенька, во старочки пошла,
Гдѣ теперь всю невозможность я въ веселости нашла....

Всѣмъ тѣломъ вздрогнула Фленушка. Блѣдность мигомъ облила лицо ея.

— Не надо, закричала она. — Что̀ за пѣсню такую выдумалъ!... Ровно на смѣхъ!... Другую!... Веселую!... Да начинай же, Василій Борисычъ!

— Какую же, Флена Васильевна? разводя руками, молвилъ Василій Борисычъ. — Право не вздумаю вдругъ?... Развѣ про

Digitized by Google

тирана?—На Иргизѣ, въ Покровскомъ, бывало дѣвицы ее пѣвали....

И завелъ онъ протяжную пѣсню:

Ты погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ ли тиранъ,
Что лишивъ меня покоя,
Совершилъ свой злой обманъ?

При звукахъ этой пѣсни добродушная Виринея, забывъ досаду на Василья Борисыча, выглянула изъ боковуши и остановясь въ дверяхъ пригорюнилась.

— Что жь это за тиранъ такой? умильно и съ горькимъ вздохомъ спросила она у Василья Борисыча, не замѣчавшаго появленія матушки келаря.

— Врагъ, матушка, діаволъ, отвѣтилъ ей Василій Борисычъ.— Кто же какъ не онъ погибель-то нашу строитъ?

— Онъ, родимый ты мой, Василій Борисычъ, точно что онъ... простодушно отвѣчала Виринея.—У него окаяннаго только и дѣла чтобы людей на погибель приводить.

Бѣлицы засмѣялись. Мать Виринея накинулась на нихъ.

— Чему дуры зубы-то скалите? Коему ляду * обрадовались, непутныя?... Ихъ доброму поучаютъ, а онѣ хохочутъ, безстыжія, рта не покрываючи.... Да уймешься ли ты Устинья?... Видно только смѣхамъ въ Москвѣ-то и выучилась!... Уймись говорю тебѣ—не то кочергу возьму.... Ишь совѣсти-то въ васъ сколько!... Чѣмъ бы сердцемъ сокрушаться, да душой умиляться, а имъ только смѣшки да праздныя слова непутныя!... Охъ Владычица, Царица Небесная!... Какіе нонѣ молодые-то люди пошли!... Вольница такая что не приведи Господи!... Пой а ты, Васинька, пой, голубчикъ.

XLIX.

Не успѣлъ начать Василій Борисычъ, какъ дверь отворилась и передъ нимъ предстала мать Манефа. Всѣ встали съ мѣстъ и сотворили передъ игуменьей обычныя метанія.... Тишина въ келарнѣ водворилась глубокая.... Только и слышны были жужжанье мухъ да ровные удары маятника.

— Ну что? Каково спѣваете? спросила Манефа.

* Лядъ—тунеядецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечистый духъ, въ верховьяхъ Волги — хлыстъ, принадлежащій къ ереси Божьихъ людей.

Digitized by Google

— Изрядно, матушка, идетъ изрядно, отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Чтò пѣли?

— Троицку службу, матушка, степенно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Спаси тя Христосъ за твое попеченіе, молвила Манефа, слегка наклоняя голову передъ Васильемъ Борисычемъ. — По правдѣ сказать, наши пѣвицы не больно горазды, не таковы какъ на Иргизѣ бывали.... аль у васъ на Рогожскомъ кладбищѣ.... Бывалъ ли ты, Василій Борисычъ, на Иргизѣ-то у матушки Ѳеофаніи, подай Господи ей царство небесное,—въ Успенскомъ монастырѣ?

— Какъ не бывать, матушка?—Сколько разъ! отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Вотъ ужь истинно ангелоподобное пѣніе тамъ было. Стоишь бывало за службой-то—всякую земную печаль отложишь, никакая житейская суета въ умъ не приходитъ.... Да, великое дѣло церковное пѣніе!... Душу къ Богу подъемлетъ, сердце отъ злыхъ помысловъ очищаетъ....

— Чтò жь, матушка, и вашего пѣнія похаить нельзя—такого мало гдѣ услышишь, сказалъ Василій Борисычъ.

— Какое у насъ пѣніе, молвила Манефа,—въ лѣсахъ живемъ, по-лѣсному и поемъ.

— Это вы ужь напрасно, вступился Василій Борисычъ.—Не въ мѣру своихъ пѣвицъ умаляете!... Голоса у нихъ чистые, ноту держатъ твердо, опять же не гнусятъ, какъ во многихъ мѣстахъ у нашихъ христіанъ заведено....

— А ты, другъ, не больно ихъ захваливай, перебила Манефа.—Окромя Марьюшки да развѣ вотъ еще Липы съ Грушей* и крюки-то онѣ не больно горазды разбирать умѣютъ. Съ голосу больше пѣть наладились, какъ Господь далъ.... Ты живучи въ Москвѣ-то не научилась ли по нотѣ пѣть? ласково обратилась Манефа къ смѣшливой Устиньѣ.

— Когда было учиться-то мнѣ, матушка? стыдливо закрывая лицо передникомъ, отвѣтила пригожая канонница.—Все дòма да дòма бывало сидишь—и на Рогожскомъ-то всего только разъ службу выстояла.

— Она понятлива, матушка, я ее обучу, улыбнувшись на Устинью, молвилъ Василій Борисычъ.

---

* Липа—уменьшительное Олимпіады, Груша—Агриппины, или по просторѣчію Аграфены.

Digitized by Google

Зардѣлась Устинья пуще прежняго отъ рѣчей московскаго посланника.

— Обучай ихъ, Василій Борисычъ, всѣхъ обучай которы только тебѣ въ дѣло годятся, уставь пожалуста у меня въ обители доброгласное и умильное пѣніе.... А то какъ поютъ?— Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

— Очень ужь вы строги, матушка, сказалъ Василій Борисычъ.—Ваши дѣвицы демество даже разумѣютъ, не то что по другимъ мѣстамъ.... А вотъ дастъ Богъ доживемъ до праздника, такъ за троицкой службой услушите каково онѣ запоютъ.

— Троицкая служба трудная, Василій Борисычъ, молвила Манефа,—труднѣй ея во всемъ кругу * нѣтъ: и стихеры большія и канонъ двойной, опять же самогласныхъ ** довольно.... Гляди справиться ли ты Марьютка?

— Справится, матушка, безпремѣнно справится, отвѣтилъ за головщицу Василій Борисычъ.—И „сѣдальны" *** не говоркомъ будутъ читаны,—всѣ на раслѣвъ пропоемъ.

— Ужь истинно самъ Господь принесъ тебя ко мнѣ, Василій Борисычъ, довольнымъ и благодушнымъ голосомъ сказала Манефа.—Праздникъ великій—хочется благолѣпнѣе да посвѣтлѣй его отпраздновать.... Да вотъ еще что—пѣніе-то пѣніемъ, а уборъ часовни самъ по себѣ.... Кликните, дѣвицы, матушку Аркадію да матушку Таифу—шли бы скорѣй въ келарню сюда....

Сотворивъ поясной поклонъ передъ игуменьей, Устинья чинно вышла изъ келарни, но только-что спустилась съ крыльца, такъ приступила бѣжать что только пятки засверкали.

Минутъ черезъ пять вошла Аркадія, а слѣдомъ за ней и Таифа. Сотворя семипоклонный началъ передъ иконами и обычныя метанія передъ игуменьей, поклонились онѣ на всѣ стороны и смиренно поджавъ руки у груди, стали передъ Манефой, ожидая ея приказаній.

— До святой Пятидесятницы не долго, часовню надо прибрать по-доброму, сказала игуменья.

— Все будетъ сдѣлано, матушка, съ низкимъ поклономъ отвѣтила Аркадія.—Какъ въ прежни годы бывало, такъ и нонѣ все устроимъ.

---

* Кругъ (церковный)—уставъ службы за весь годъ.

** Самогласенъ—церковная пѣснь имѣющая свой особый напѣвъ.

*** Особыя церковныя пѣсни за всенощными во время пѣнія которыхъ позволяется сидѣть.

Digitized by Google

— И полы, и лавки, и подоконники дѣвицамъ вымыть чисто-на-чисто, не слушая уставщицу, продожала Манефа.—Дресвой бы мыли, да не лѣнились, скоблили бы хорошенько. Паникадилы да подсвѣчники мѣломъ вычистить.

— Къ Пасхѣ чищены, матушка, замѣтила уставщица.

— Оклады на иконахъ какъ жаръ бы горѣли, не останавливаясь продолжала Манефа.—Березокъ нарубить побольше, да чтобъ по лѣтошнему у тебя осины съ рябиной въ часовню не было натащено.... Горькія древеса, не благословлены.—Въ домъ Господень вносить ихъ не подобаетъ.... Березки по стѣнамъ и передъ солеей разставить, полъ свѣжей травой устлать, да чтобъ въ травѣ ради благоуханія и зоря была, и мята, и кануферъ.... На солею и передъ аналогіемъ ковры постлать новые, большіе.... Выдай ихъ, Таифушка.... Да цвѣтныхъ бы пучковъ, съ чѣмъ вечерню стоять, было бы навязано довольно, всѣмъ бы достало и своимъ и прихожимъ молельщикамъ которы придутъ.... Въ субботу передъ всенощной дѣвицъ на всполье послать цвѣтковъ бы всякихъ нарвали, а которы цвѣты Марья Гавриловна пришлетъ, тѣ къ иконамъ.... Мѣстные образа кисеями убрать, лентами да цвѣтами что̀ будутъ отъ Марьи Гавриловны.... А тебѣ, мать Виринея, изготовить кормы большіе: двѣ бы яствы рыбныхъ горячихъ было поставлено, да двѣ перемѣны холодныхъ, пироги пеки прѣсные съ яйцами да съ зеленымъ лукомъ, да лещиковъ зажарь, да оладьи были бы съ медомъ, левашники съ изюмомъ.... А ты, мать Аркадія, попомни, во всѣхъ паникадилахъ новыя свѣчи были бы вставлены, и передъ мѣстными и передо всѣми.... Вечоръ поглядѣла я у тебя—въ часовнѣ-то въ заднемъ углу паутина ко́смами виситъ—чтобъ сегодня же ее не было. Катерина твоя за часовней ходитъ плохо.... Скажи ей, на поклоны при всѣхъ поставлю, только разъ еще замѣчу.... А ну-ка, Василій Борисычъ,—благо дѣвицы въ сборѣ—послушала бы я какъ ты обучаешь ихъ.... Спойте-ка *„Радуйся Царице!“*

Василій Борисычъ раскрылъ *Минею Цвѣтную*, оглянулъ ставшихъ рядами пѣвицъ и запѣлъ съ ними девятую пѣснь троицкаго канона.... Манефа была довольна.

— За такое пѣніе мы тебѣ за вечерней хорошій пучекъ цвѣтной поднесемъ, улыбаясь молвила игуменья Василью Борисычу.—Изъ самыхъ рѣдкостныхъ цвѣтковъ соберемъ, которы Марья Гавриловна пришлетъ.

— Цвѣтной-то пучекъ связать бы ему съ банный вѣникъ, со смѣхомъ вмѣшалась Фленушка.—Пусть-ка его на каждый листокъ по слезкѣ положитъ.

Digitized by Google

— Перестань, строго сказала Манефа.—У Василья Борисыча не столь грѣховъ чтобы цѣлый вѣникъ надо было оплакать *.

— Вѣрь ты ему! съ усмѣшкой сказала не унимавшаяся Фленушка.—На глазахъ преподобенъ, за глазами отъ грѣха не свободенъ.

— Замолчишь ли? возвысила голосъ Манефа.... Что̀ за безстыдница! Не подосадуй, Василій Борисычъ, на глупыя дѣвичьи рѣчи—она вѣдь у насъ шальная.

Василій Борисычъ только улыбнулся.

— Искушеніе! встряхнувъ головой промолвилъ онъ потомъ и вздохнувъ завелъ съ дѣвицами догматикъ троицкой вечерни.

Заслушалась мать Манефа пѣнія и просидѣла въ келарнѣ до самой вечерней трапезы. Въ урочный часъ Виринея со своими приспѣшницами ужину собрала̀, и Манефа пожелала сама сидѣть за трапезой.... Когда яствы были разставлены, всѣ разсѣлись по мѣстамъ, а чередная канонница подошла къ игуменьѣ за благословеніемъ начать чтеніе отъ *Пролога*, Василій Борисычъ сказалъ Манефѣ:

— А не благословите ли, матушка, замѣсто чтенія что-нибудь спѣть?

— Чего спѣть? спросила игуменья.

— Духовную псáльму какую-нибудь, отвѣтилъ Василій Борúсычъ.

— Не водится, Василій Борисычъ; за трапезой псáльмы не поются, замѣтила Манефа.

— Какъ, матушка, не поются? возразилъ Василій Борисычъ.— Поются,—вѣдь онѣ божественнаго смысла исполнены, пристойно ихъ пѣть за трапезой.

— Сколько обитель наша стоитъ—того у насъ не бывало, сказала Манефа.—Да не бывало и по всему Кéрженцу.

— Про Иргизъ-то матушка, вы давича поминали, подхватилъ Василій Борисычъ.—А тамъ у отца Силуяна ** въ Верхнемъ

* У старообрядцевъ, а также и въ средѣ приволжскаго простонародья, есть повѣрье что во время троицкой вечерни надо столько плакать о грѣхахъ своихъ чтобы на каждый листочекъ, на каждый лепестокъ цвѣтовъ которые держатъ въ рукахъ, кануло хоть по одной слезинкѣ. Эти слезы въ скитахъ зовутся „росой благодати". Объ этой-то „росѣ благодати" и въ троицкой псáльмѣ поется.

** Силуянъ игуменъ Верхняго Преображенскаго монастыря на Иргизѣ, сдавшій его единовѣрцамъ въ 1842 году.

Digitized by Google

Преображенскомъ, завсегда бывало по большимъ праздникамъ за трапезой духовныя псáльмы поютъ. На каждый праздникъ особыя псáльмы положены были. И въ Лаврентьевѣ тоже за трапезой псáльмы распѣвали, а въ Стародубьѣ и до нынѣ поютъ... Самъ не разъ слыхалъ, пѣвалъ даже съ отцами..

— Право не знаю какъ, колебалась Манефа.—Да у меня дѣвицы и псáльмъ-то хорошихъ не знаютъ....

— А я ихъ *Богородичну Плачу* надняхъ обучилъ, подхватилъ Василiй Борисычъ,—какъ Пречистая Богородица стояла у креста да плакала. Благословите-ка, матушка, пропѣть....

— Видно нечего дѣлать—Богъ благословитъ, уступила Манефа.—Пойте во славу Божiю.

Василiй Борисычъ съ Марьюшкой головщицей, Устиньей, Лилой и Грушей стали впереди столовъ. Къ нимъ подошла Фленушка, и началось стройное пѣнiе:

Во святомъ было во градѣ,
Во Ерусалимѣ,
На позорномъ Лобномъ мѣстѣ,
На горѣ Голгоѳѣ—
Обезславленъ, обезчещенъ
Iосусъ, Сыне Божiй,
Весь въ кровавыхъ язвахъ,
На крестѣ бысть распятъ.

Тутъ стояла Дѣва Мати,
Плакала, рыдала,
Сокрушалась и терзалась
О любезномъ Сынѣ:

„Ахъ Ты, Сынъ, Моя надежда,
„Iсусъ, Сыне Божiй,
„Гдѣ архангелъ, кой пророчилъ
„Что царемъ Ты будешь?
„Я всего теперь лишаюсь,
„Я теперь безчадна—
„Бейся сердце, сокрушайся,
„Утроба терзайся."

Со креста узрѣвъ Сынъ Божiй
Плачущую Мати,
Услыхавъ Ея рыданья,
Тако проглаголалъ:

Digitized by Google

„Не рыдай Мне, о, Мати,
„И отри токъ слезный,
„Веселися ты надеждой—
„Я воскресну, Царемъ буду
„Надъ землей и небомъ....
„Я Тебя тогда прославлю;
„И тѣхъ вознесу со славой,
„Кто Тя возвеличитъ!..."

Смолкли послѣдніе звуки *Богородична плача*, и въ келарнѣ, хоть тамъ не одинъ десятокъ женщинъ былъ, стало тихо, какъ въ могилѣ. Только бой часоваго маятника нарушалъ глубокую тишину.... Пѣніе на всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе. Сидя за столами, келейницы умильно поглядывали на Василія Борисыча, многія отирали слезы.... Сама мать Манефа глубоко была тронута.

— И откуда ты такую пѣсню къ намъ занесъ, Василій Борисычъ? съ умиленіемъ сказала она.—Слушаешь не наслушаешься.... Будь каменный и у того душа жалостью растопится.... Гдѣ, въ какихъ мѣстахъ научился ты?

— По разнымъ обителямъ поютъ ее, матушка.... скромно отвѣтилъ Василій Борисычъ.—И по домамъ благочестныхъ христіанъ поютъ.... Выучился я пѣть ту псальму въ Лаврентьевѣ, а слыхалъ ее въ Куреняхъ и въ Бѣлой-Криницѣ. А изво́ду* она суздальскаго. Оттоль, сказываютъ, изъ-подъ Суздаля, разнесли ее по обителямъ.

— Спасибо, другъ, что научилъ дѣвицъ *Плачу Богородичну*.... Много пѣсенъ духовныхъ слыхала я, а столь сладостной и умильной не слыхивала, сказала Манефа.—Много ль у тебя такихъ пѣсенъ, Василій Борисычъ?

— Довольно-таки, матушка, отвѣтилъ онъ.—Съ измальства къ тому охоту имѣлъ—кои на память выучилъ, кои на бумагу списалъ.... Охъ, искушеніе!... тетрадку-то съ собой не захватилъ.... А въ ней много такихъ пѣсенъ—большая книга наберется.

— Жаль, другъ, очень жаль, что нѣтъ съ тобой этой книги.... молвила Манефа.—Которы на память то знаешь, перескажи тѣ дѣвицамъ—пусть запишутъ ихъ да выучатъ.... Марьюшка, слышишь что̀ говорю?

— Слушаю, матушка, съ низкимъ поклономъ отозвалась головщица.

* Изво́дъ—мѣсто происхожденія, а также указаніе на мѣсто происхожденія.

Digitized by Google

L.

Кончилась трапеза... Старицы и рабочія бѣлицы разошлись по кельямъ, а Манефа, присѣвъ на лавку у растворенваго окна, посадила возлѣ себя Василья Борисыча. Мать Таифа, мать Аркадія, мать Назарета, еще три инокини изъ соборныхъ старицъ да вся пѣвчая стая стояли передъ ними въ глубокомъ молчаньи, внимательно слушая бесѣду игуменьи съ московскимъ посломъ....

Про Иргизъ бесѣда велась: знакомъ онъ былъ матери Манефѣ; до игуменства, чуть не каждый годъ она туда ѣзжала и гащивала въ тамошнихъ женскихъ обителяхъ по мѣсяцу и дольше... Василій Борисычъ тоже коротко зналъ Иргизскіе монастыри. Долго разсуждали они о благолѣпіи тамошнихъ церквей, о стройномъ порядкѣ службы, о знаменитыхъ пѣвцахъ отца Силуяна, о пространномъ и во всемъ изобильномъ житіи тамошнихъ иноковъ и старицъ.

— Какъ по паденіи благочестія въ старомъ Римѣ Цареградъ вторымъ Римомъ сталъ, такъ и по паденіи благочестія во святой горѣ Аѳонской, на Иргизѣ второй Аѳонъ явился, говорилъ красноглаголивый Василій Борисычъ.—Поистинѣ царство иноковъ было.... А жили они безпечально и во всемъ изобильно... Что̀ земель отъ царей было имъ жаловано, что̀ луговъ, лѣсу, рыбныхъ ловель и всякаго другаго угодья!.. Житье Нѣмцамъ въ той сторонѣ, а иргизскимъ отцамъ и супротивъ Нѣмцевъ привольнѣе было...

— А теперь что̀ на Иргизѣ? съ горькимъ чувствомъ грусти молвила Манефа. Не стало церковной красоты, запустѣли святыя обители!...—Которы разорены и знаку ихъ не осталось, которы отданы хромцамъ на обѣ плеснѣ! *

— Мерзость запустѣнія Даніиломъ пророченная! проговорилъ Василій Борисычъ.

— За грѣхи наши, за грѣхи! болѣе и болѣе оживляясь говорила Манефа.—Исполнися фіалъ ярости Господней!

— Послѣднія времена, матушка! пригорюнившись глубоко вздохнула мать Таифа.

---

* Такъ старообрядцы зовутъ православныхъ, держащихся обряда первыхъ пяти московскихъ патріарховъ (единовѣрцевъ).

Digitized by Google

— Да, сказала Манефа, поднимая величаво голову и пылкимъ взоромъ оглядывая предстоявшихъ.—По всему видно что скончаніе вѣковъ близится. А мы во грѣхахъ, какъ въ тинѣ зловонной валяемся, заслѣпили себѣ очи, не видимъ что всѣ пророчества на нашихъ глазахъ исполняются.... Дай-ка сюда *Прологъ*, мать Таифа.... Ищи ноэмврія шестнадцатое.

Таифа поднесла къ Манефѣ раскрытый *Прологъ*.... Указавъ казначеѣ на строки, игуменья велѣла ихъ читать громогласно.

„И рече преподобный Памва ученику своему", нараспѣвъ стала читать Таифа, „се убо глаголю, чадо, яко пріидутъ дніе внегда расказятъ иноцы книги, загладятъ отеческая житія и преподобныхъ мужей преданія, пишуще тропари и еллинская писанія. Сего ради отцы рѣша: „не пишите доброю грамотою въ пустыни живущіе словесъ на кожевныхъ хартіяхъ, хощетъ бо послѣдній родъ загладити житія святыхъ отецъ и писати по своему хотѣнію."

— Развѣ сіе не исполнилось? задрожавшимъ отъ страстнаго волненья голосомъ спросила Манефа, пламенными очами обводя предстоявшихъ.—Не сбылось развѣ пророченіе преподобнаго?...

— Давно сбылось, матушка, еще во дни патріарха Никона, отозвался Василій Борисычъ.

— Возьми *Книгу Вѣру*, читай двѣсти четыредесять шестой листъ, сказала Манефа.

Таифа стала читать:

„Къ сему же внидетъ въ люди безвѣріе и ненависть, ретъ, ротьба, * ліянство и хищеніе; измѣнятъ времена и законъ, и беззаконнующій завѣтъ наведутъ съ прелестію и осквернятъ священныя примѣненія всѣхъ оныхъ святыхъ древнихъ дѣйствъ, и устыдятся креста Христова на себѣ носити."

— Развѣ того не видимъ? поджигающимъ голосомъ воскликнула Манефа.

Одна громче другой заголосили келейницы, перебивая другъ друга.

— Измѣнили времена!.... Не отъ Адама теперь годамъ счетъ ведутъ!

— Начало индикта съ Семеня-дня на Васильевъ поворотили **—Вотъ измѣненіе временъ!

---

* *Ретъ*—ссора, вражда. *Ротьба*—клятва, а также заклятье въ родѣ „лопни мои глаза", „провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ" и пр.

** Семень-день (Симеона Столпника)—1го сентября; Васильевъ день

— Безблагодатные, новые законы пишутъ!... Безъ патріаршаго благословенья!

— Отметаютъ градской законъ Устиньяна-царя * и иныхъ благочестивыхъ царей!..

— Замѣсто креста и Евангелья идольское зерцало въ судахъ положили!

— А въ томъ зерцалѣ Петръ-богоборецъ писанъ!

— Господа кресты съ шей побросали!

— Даже по купечеству крестоборство пошло!

— А все прелесть иноземная—еллинскія басни!

— Нѣмцы, все Нѣмцы бѣдъ на Руси натворили.... Люторы!.. Кальвины!..

— Житья христіанамъ отъ Нѣмцевъ не стало.

Распылались изувѣрствомъ старицы. Злобой загорѣлись ихъ очи, затрепетали губы, задрожали голоса... Одна какъ ледъ холодная недвижимо сидѣла Манефа.

— Читай въ *Кириловой книгѣ*, слово въ недѣлю масопустную, сказала она Таифѣ.

Казначея стала читать:

„Такожде святый Ипполитъ папа римскій глаголетъ: „Сія заповѣдахомъ вамъ, да разумѣете напослѣдокъ быти хотящая: болѣзнь и молву и всѣхъ человѣкъ еже другъ ко другу развращеніе, и церкви Божіи якоже простыя храмины будутъ... И развращенія церковная всюду будутъ... Писанія небрегоми будутъ..."

— Ниже читай: „Басни до конца", прервала Таифу мать Манефа

„Басни до конца во мнящихся христіанѣхъ будутъ, читала Таифа.—Тогда возстанутъ лжепророцы и ложные апостоли, человѣцы тлетворницы, злотворцы, лжуще другъ другу, прелюбодѣи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы; пастыріе якоже волцы будутъ, а священницы лжу возлюбятъ..."

— Софронъ съ Корягой! съ желчью въ полголоса молвила Василью Борисычу Манефа.

Тотъ вздохнулъ и пожимая плечами тоже въ полголоса молвилъ:

(Василія Великаго)—1го января. Рѣчь идетъ о введеніи январьскаго года вмѣсто прежняго сентабрьскаго.

* Юстиніанъ Великій—императоръ византійскій. Нѣкоторые изъ законовъ его въ *Кормчей книгѣ* помѣщены, подъ названіемъ „градскаго" (то-есть гражданскаго) закона.

Digitized by Google

— Искушеніе!...

„Иноци и черноризцы мірская вождельютъ“, продолжала Таифа.

— Якоже нѣцыи отъ здѣ сущихъ, прибавила Манефа, окидывая взорами предстоявшихъ.

Старицы поникли головами. Бѣлицы переглянулись.

„О! горе, егда сіе будетъ, читала Таифа,—восплачутся тогда и церкви Божіи плачемъ веліимъ, зане ни приношенія, ниже кадило совершится, ниже служба богоугодная; священныя бо церкви, яко овощная хранилища будутъ, и честное тѣло и кровь Христова во днѣхъ онѣхъ не имать явитися, служба угаснетъ, чтеніе Писанія не услышится, но тьма будетъ на человѣцѣхъ.“

— Прекрати, повелѣла Манефа.

Смолкла Таифа и низко склонила голову. Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе, прерываемое глубокими вздохами старицъ.

Встала съ мѣста Манефа, и мрачно поглядѣвъ на келейницъ, сказала:

— И всему тому по маломъ времени подобаетъ быти.

— Подобаетъ, матушка... Вскорѣ подобаетъ, глубоко вздохнувъ, промолвилъ и Василій Борисычъ, вскинувъ однако изподтишка глазами на Устинью, у которой обильныя слезы выступили отъ Таифина чтенія и отъ рѣчей игуменьи....

—Что̀ дѣлается?... Какія дѣла совершаются?.. продолжала мать Манефа, опираясь на посохъ.—Оглянитесь.... Иргиза нѣтъ, Лаврентьева нѣтъ, на Вѣткѣ пусто, въ Стародубьѣ мало что не порушено... Оскудѣніе священнаго чина повсюду настало— повсюду гладъ душевный.... Про Бѣлу-Криницу ты мнѣ не поминай, Василій Борисычъ.... сумнительно.... Остаемся мы, да у казаковъ еще покамѣстъ вмалѣ держится древлее благочестіе.... Но вѣдь казаки люди служилые—какъ имъ за вѣру стоять?...

— Стояли же за вѣру, матушка, и служилые, робко ввернула свое слово мать Аркадія, слывшая по скитамъ за великую начетчицу.

— Когда?... рѣзко спросила ее Манефа, окинувъ строгимъ взглядомъ.

— А стрѣльцы-то, матушка?... Благочестивая рать небрѣемая!... смиренно промолвила уставщица, сложивъ у груди руки, задрожавшія отъ грознаго взгляда игуменьи.

Digitized by Google

— Пустаго не мели, отрѣзала Манефа. — За вѣру стоять стрѣльцы и въ помышленьи не держали.... Велѣлъ Якимъ патріархъ угостить ихъ на погребѣ, и пропили они древлее благочестіе.... Что пустое городить?... Служилымъ людамъ, хоть и казаковъ взять — не до вѣры. Ихнее дѣло — царская служба, а вѣра дѣло духовное — особь статья.... Истинная вѣра монастырями да скитами держится, сирѣчь духовнымъ чиномъ.... Оскудѣетъ священный чинъ, престанетъ житіе иноческое—тогда и вѣрѣ конецъ.... Нами древлее благочестіе стоитъ.... А много насъ остается?... Подумайте-ка объ этомъ!

— Зачѣмъ же матушка ропотомъ Бога гнѣвить? молвилъ Василій Борисычъ.—Живете вы, слава Богу, въ здѣшнихъ лѣсахъ тихо и безмятежно, никакого касательства до васъ нѣтъ....

— Я не ропщу, Василій Борисычъ, сдержано отвѣтила Манефа.—Къ тому только говорю что пророчества всѣ сбываются, что скончаніе вѣка приближается.... Блаженъ бдяй!... Вотъ что... А про наше житіе что сказалъ, такъ повѣрь ты мнѣ, Василій Борисычъ, нашимъ обителямъ стоять не долго.... Близокъ конецъ!... Не останется ковчеговъ спасенія!... Въ малѣ времени не будетъ въ нашихъ лѣсахъ хранилищъ древляго благочестія.... И тогда не закоснитъ Господь положить конецъ временамъ и лѣтамъ....

Замолчала Манефа.... Никто ей ни слова въ отвѣтъ.... Матери крестились и шептали молитвы.

Минуты черезъ три, мать Виринея, отирая обильно выступившія на глазахъ ея слезы, обратилась къ игуменьѣ:

— Намедни какъ ты хворала, матушка, ронжински ребята ко мнѣ въ келарню старчика приводили. Въ Поломскихъ лѣсахъ, сказывалъ онъ, спасался, да лѣсъ-то вырубать зачали, такъ онъ въ иное мѣсто пробирался.... И сказывалъ тотъ старчикъ, матушка, что твое же слово: по скорости де скончаніе вѣку будетъ, антихристъ де давно ужь народился, а подъ Москвой, говоритъ, въ Гуслицахъ и Господни свидѣтели ужь съ полгода какъ ходятъ—Илья пророкъ съ Энохомъ праведнымъ.

— Пустяковъ, Виринеюшка, не плети, перебила ее мать Манефа.—Знать бы тебѣ горшки да плошки, а такихъ пустяковъ не городить.... Какіе тамъ Илья съ Энохомъ объявились?... Чего имъ въ Гуслицахъ дѣлать?... Фальшивы деньги что ли?

— Старчикъ по всему видно, матушка, житія высокаго и даръ разумѣнія въ пустыни живучи снискалъ.... Пустаго слова

Digitized by Google

онъ не скажетъ, зачала было смущенная словами игуменьи Виринея, но Манефа опять перебила ее.

— Тебѣ бы того старца напоить, накормить и всѣмъ упокоить, сказала она,—а пустыхъ рѣчей съ нимъ не заводить.... Да, другъ, сказала немного помолчавъ Манефа, обращаясь къ Василью Борисычу,—недолго, недолго пожить намъ въ обителяхъ!... Запустѣетъ свято мѣсто!...

— Полноте, матушка, молвилъ Василій Борисычъ.—Не сейчасъ же вдругъ. Господь милостивъ—на нашъ вѣкъ потерпитъ.

— Не знаешь ты, Василій Борисычъ, всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствъ, потому такъ и говоришь, сказала ему на то Манефа.—Въ иное время поразскажу, а теперь время на спокой идти.... Ишь какъ стемнѣло, ровно осенью.... Прощайте матери!... Прощайте дѣвицы!

И слегка наклонивъ голову, пошла она вонъ изъ келарни съ Фленушкой да съ Марьюшкой. Онѣ вели ее подъ руки. Пошли по кельямъ и матери, и бѣлицы. Одна только Устинья въ боковушѣ у Виринеи что-то позамѣшкалась и вышла послѣднею изъ всѣхъ старицъ и бѣлицъ.

Когда всѣ разошлись, Василій Борисычъ нѣсколько минутъ дружелюбно побесѣдовалъ съ матушкой Виринеей про гуслицкихъ Илью съ Енохомъ и за тайну сказалъ ей что отъѣзжая изъ Москвы самъ то же слышалъ на Рогожскомъ отъ матери Пульхеріи .... Этимъ Виринея была очень утѣшена.... Значитъ ея правда, а не Манефина, значитъ не ложное слово сказалъ ей старчикъ приведенный ронжинскими ребятами.... Распрощался наконецъ и Василій Борисычъ съ Виринеей. Онъ послѣдній вышелъ изъ келарни....

На дворѣ стояла такая тéмень что хоть огни вздувай. Послѣ продолжительнаго зноя подъ вечеръ потянуло прохладой съ мокраго угла *, и скоро все небо застлалось густыми тучами.... Хоть не много дней оставалось до Петра Солноворота, ** хотя и сходились уже вечерняя заря съ утренней, однакожъ наступала такая темнота, какъ въ ночь осеннюю.... Тишь была невозмутимая, лишь вдали въ заколосившемся хлѣбѣ трещали кузнечики да по лѣсу изрѣдка раздавались глухіе звуки бóталъ. ***

* *Мокрымъ угломъ*—зовутъ сѣверо-западную часть небосклона, откуда большею частью приносятся дожди.

** Іюня 12го.

*** *Бóтало*—глухой звонокъ, привѣшиваемый лошадямъ и коровамъ на шею, когда пускаютъ ихъ въ ночное по лѣсамъ. За Волгой насту-

Digitized by Google

Дождемъ еще не кропило, но сильно марило, * душный воздухъ былъ полонъ тепла и благовонія. По сторонамъ вспыхивали частыя зарницы....

А въ ту пору молодежи не спалося. Душная, неспокойная дремота и разымчивая нѣга всѣхъ одолѣвала. То Яръ-Хмѣль по людямъ пошелъ....

А ходилъ еще въ ту пору по Манефиной обители конюхъ Дементій. Выпустивъ лошадей въ лѣсъ на ночное, проходилъ онъ въ свою работницкую ближнимъ путемъ черезъ обитель мимо часовни. Идетъ возлѣ высокой паперти и слышитъ подъ нею страстный шепотъ и чьи-то млѣющія рѣчи.... Пріостановился Дементій и даже облизнулся.... Одинъ голосъ показался ему знакомымъ. Прислушался конюхъ, плюнулъ и тихими, неслышными шагами пошелъ въ свое мѣсто....

— Ай да посолъ московскій! проворчалъ онъ сквозь зубы....

Не доходя коннаго двора Дементій остановился.... Постоялъ, постоялъ и повернувъ въ сторону, спѣшными шагами пошелъ къ крайней кельенкѣ сиротскаго ряда.... А жила тамъ молодая бабенка тетка Семениха.... А была та Семениха ни дѣвка ни вдова ни мужня жена,—мірской человѣкъ—солдатка.

Ходитъ Ярило по людямъ, палитъ страстью, туманитъ головы. А ноченька выдалась темная да тихая, теплая, душистая.... Жалуетъ такія ночи развеселый Яръ-Хмѣль молодецъ.

LI.

Весеннія гулянки по селамъ по деревнямъ зачинаются съ качелей Святой Недѣли и съ радуницкихъ хороводовъ. Онѣ тянутся вплоть до Петровскаго розговѣнья. На тѣхъ гулянкахъ водятъ хороводы обрядные, поютъ пѣсни завѣтныя—то останки старинныхъ праздниковъ что справляли наши предки во славу своихъ развеселыхъ боговъ.

По чистому всполью, по зеленымъ рощамъ, по берегамъ рѣчекъ, всю вёсну молодежь празднуетъ веселому Яръ-Хмѣлю,

---

ховъ нѣтъ, скотъ пасется одинъ по раменямъ, для того и привязываютъ ему ботала. Каждый хозяинъ знаетъ звукъ своего ботала и по этому звуку скоро отыскиваетъ безпастушную свою скотину.

* *Марить*—стоитъ духота, обыкновенно бывающая послѣ долгаго зноя, предъ грозой.

богу сердечныхъ утѣхъ и любовной сласти... То-то веселья, то-то забавъ!... Милованью да затѣйнымъ играмъ конца нѣтъ...

До солнечнаго всхода раздаются звонкія пѣсни и топотъ удалыхъ плясокъ на тѣхъ праздникахъ.... Кромѣ дней обрядныхъ, лишь только выдастся ясный тихій вечеръ, молодежь, забывъ усталь дневной работы и не помышляя о завтрашнемъ трудѣ, рѣзво бѣжитъ веселой гурьбой на урочное мѣсто и тамъ до свѣту водитъ хороводы, громко припѣвая какъ „Вокругъ города Царева ходилъ гулялъ царевъ сынъ королевъ", какъ „Въ Арзамасѣ на украсѣ собиралися молодушки въ единъ кругъ", какъ „Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ" и какъ „Селезень по рѣченькѣ сплавливалъ, свои сизыя крылышки складывалъ".... Слышатся въ тѣхъ пѣсняхъ помины про Дунай рѣку, про тихій Донъ, про глубокіе омуты днѣпровскіе, про широкое раздолье Волги матушки, про московскую рѣку Смородину.... Лебеди бѣлые, соколы ясные, вольная птица журинька, кусты ракитовые, мурава зеленая, цвѣты лазоревые, духи малиновые, мосты калиновые,—одни за другими поминаются въ тѣхъ величавыхъ, сановитыхъ пѣсняхъ, что могли вылиться только изъ души русскаго человѣка на его безграничныхъ, раздольныхъ, отъ моря до моря раскинувшихся равнинахъ.

Не успѣли оглянуться послѣ Радуницы, какъ рѣки въ берега вошли и наступило пролѣтье.... Еще день-два миновало, и прикатилъ теплый Микула съ кормомъ.* Гдѣ хлѣба довольно, тамъ къ Микулину дню брагу варятъ, меда ставятъ, братчину-микулыщину справляютъ, но такихъ мѣстъ не много. Вешнему Микулѣ за чарой вина больше празднуютъ.

Въ лѣсахъ на сѣверѣ въ тотъ день первый ратай Русской земли вспоминается, любимый сынъ Матери-Сырой-Земли, богатырь крестьянствомъ излюбленный Микула Селяниновичъ, съ его сошкою дорогá чёрна дéрева, съ его гужиками шелкóвыми, съ омéшикомъ ** серебрянымъ, съ присóшками крáсна золота.

Микулу больше всего старорусскій смердъ *** чествовалъ.... Ему пахарю, ему милостивому кормильцу честнѣй и чаще

* 9го мая, когда поля совсѣмъ покрываются травой—кормомъ для скота.

** Омéжь—сошникъ, лéмехъ—часть сохи. Присóшекъ то же что полица—желѣзная лопаточка у сохи, служащая для отвалу земли.

*** Крестьянинъ, земледѣлецъ.

Digitized by Google

справлялъ онъ праздники.... Ему въ почесть бывали пиры-столованья на братчинахъ-микульщинахъ. *

Въ день Микулы съ кормомъ, послѣ пировъ столованій у богатыхъ мужиковъ, заволжскіе ребята съ лошадьми всю ночь въ полѣ празднуютъ.... Тогда-то въ тиши ночной раздаются громкія микульскія пѣсни.... Ими привѣтствуютъ ребята наступающій день именинъ Матери-Сырой-Земли.

Микула свѣтъ съ милостью
Приходи къ намъ съ радостью,
Съ великою благостью!
Держимся за сошку,
За кривую ножку,
Мать-Сыра-Земля добра
Уроди намъ хлѣба:
Лошадушкамъ овсеца,
Коровушкамъ травки.

Минулъ праздникъ Микулы, минули имянины Матери-Сырой-Земли, съ первымъ сборомъ цѣлебныхъ зелій и съ зилотовыми хороводами, ** глядь, анъ честнóй Семикъ на дворѣ — завиванье вѣнковъ, задушныя поминки. Въ тотъ день пóдъ вечеръ, однѣ, безъ молодцовъ, сбираются дѣвушки, и надѣвъ зеленые вѣнки на головы, уходятъ съ пѣснями на всполье и тамъ подъ ракитовымъ кустомъ стряпаютъ сборную яичницу, припѣвая семицкія пѣсни. Завивъ вѣнки, цѣлуются черезъ нихъ, и „кумятся" при звонкихъ веселыхъ пѣсняхъ.

Покумимся, кума, покумимся,
Мы семицкою березкой покумимся.

* Какъ почитанье Грома Гремучаго при введеніи христіанства перенесли у насъ на почитанье Ильи-Громовника, а почитанье Волоса скотьяго бога — на святаго Власія; такъ и чествованье оратая Микулы Селяниныча перевели на христіанскаго святаго Николая Чудотворца. Отъ того-то на Руси всего больше Николѣ Милостивому и празднуютъ. Весенній праздникъ Николаю Чудотворцу, котораго нѣтъ у Грековъ, былъ заимствованъ Русскими у Латинъ, чтобы пріурочить его къ празднику Матери-Сырой-Земли, которая любитъ Микулу и родъ его. Празднество Микулѣ совпадало съ имянинами Матери-Земли. И до сихъ поръ два народныхъ праздника рядомъ сходятся: первый день „Микулы съ кормомъ" (9го мая) другой день (10го мая) „именины Матери-Сырой-Земли."

** Зилотовы хороводы справляются въ тотъ день когда Земля бываетъ имянинница, то-есть 10го мая. Въ этотъ день православная церковь празднуетъ святому апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы зовутся Зилотовыми.

Digitized by Google

Ой Дидъ Ладо! честному Семику,
Ой Дидъ Ладо! березкѣ моей,
Еще кумушкѣ да голубушкѣ!
Покумимся,
Покумимся
Не сваряся, не бранячся.
Ой Дидъ Ладо! березка моя!

Тутъ же и „кукушку крестятъ“. Для того нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ верхушки ихъ платками, полотенцами или лентами и вѣшаютъ на нихъ два креста-тѣльника *. Подъ березками разстилаютъ платки, кладутъ на нихъ сдѣланную изъ кукушкиныхъ слезокъ ** птичку, и, надѣвъ на нее крестъ, попарно дѣвушка съ дѣвушкой ходятъ другъ другу на встрѣчу вокругъ березокъ, припѣвая:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить намъ не браниться,
Чтобъ другъ съ дружкой не свариться.

Съ тѣхъ поръ семицкія кумушки живутъ душа въ душу цѣлыхъ три дня, вплоть до Троицы. Случается, однако, что долгій язычекъ и до этого срока остужаетъ семицкое кумовство.... Не даромъ же пословица говорится: „кукушку кстили, да языка не прикусили“.

А черезъ день отъ честнаго Семика — „Клечальная суббота“....—Въ тотъ день березки рубятъ, въ домахъ и по улицамъ ихъ разставляютъ ради Троицы, а вечеромъ послѣ всенощной молодежь ходитъ къ рѣкамъ и озерамъ русалокъ гонять. Всю семицкую недѣлю, что слыветъ въ народѣ „зелеными святками“, шаловливыя водяницы рыщутъ по полямъ, катаются по зеленой ржи, качаются на деревьяхъ, залучая неосторожныхъ путниковъ, чтобы защекотать ихъ до смерти и увлечь за собой въ подводное царство дѣдушки Водянаго. Всю троицкую ночь съ березками въ рукахъ молодые парни и дѣвушки рѣзво и весело съ громкимъ смѣхомъ и радостными кликами бѣгаютъ по полямъ, гоняя русалокъ, а на солнечномъ всходѣ всѣ вмѣстѣ купаются въ водахъ, уже безопасныхъ отъ ухищреній лукавыхъ

* Тѣльникъ—крестъ носимый на шеѣ.

** Растеніе Orchis maculata.

Digitized by Google

водяницъ.... На Троицу у молодежи новые хороводы, на Троицу и развиванье семицкихъ вѣнковъ, и пусканье ихъ на воду, и гаданье на вѣнкахъ.... А у степенныхъ женщинъ и старушекъ свои заботы на тотъ день — идутъ онѣ на кладбища и тамъ троицкими цвѣтными пучками что держали въ рукахъ за вечерней прочищаютъ онѣ глазыньки своимъ родителямъ. *

И такъ день за день, недѣля за недѣлей, вплоть до самаго Петрова дня.... Что ни день, то веселье, что ни вечеръ, то „гулянка" съ пѣснями, съ играми, съ хороводами и гаданьями.... Развеселое время!...

«Въ скитахъ гулянкамъ мѣста нѣтъ... То бѣсовскія кóби, твердятъ старицы бѣлицамъ, отъ Бога они отводятъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводятъ. То сатанино замышленье, онъ врагъ Божій тѣмъ позорамъ людей научилъ, да погубитъ ихъ въ вѣчной мукѣ и гееннѣ огненной.... Имѣли скиты вліяніе и на окрестныя заволжскія деревни—тамъ хороводы водятъ не такъ часто, не такъ обрядно и не такъ весело какъ по другимъ мѣстамъ Россіи. Молодые ребята играютъ больше въ городки, ** а дѣвушки съ молодицами сидятъ передъ ними на заваливахъ домовъ и рѣдко, рѣдко сберутся вмѣстѣ за околицу пѣсенокъ попѣть да походить въ хороводахъ вялой неспѣшной поступью.... За то тамъ другія забавы есть:—катанья въ ботникахъ *** по вешнимъ разливамъ съ пѣснями а часто и съ ружейной пальбой, веселыя гулянья по лѣсамъ и вечерніе посидки на берегахъ рѣчекъ.... Кромѣ того, есть еще особый родъ сходбищъ молодежи, только заволжскимъ лѣсамъ и свойственный.

* Въ лѣсахъ Керженскихъ и Чернораменскихъ скиты стоятъ издавна, съ самаго почти начала русскаго церковнаго раскола. Одни обезлюдѣли еще по смерти своихъ основателей; другіе уничтожены во время „Питиримова разоренья" ****. На мѣстѣ запустѣлыхъ скитовъ остались гробницы старцевъ и старицъ. Нѣкоторые изъ нихъ почитаются святыми. Къ этимъ-то гроб-

* Пучками цвѣтовъ или березками обметаютъ онѣ могилы. Это и называется „прочищать глаза у родителей".

** Городки, иначе чушки, рюхи—игра. Ставятъ рядъ чурокъ и сбиваютъ ихъ издали палками.

*** Маленькая лодка выдолбленная изъ одного дерева.

**** Питиримъ—архіепископъ нижегородскій (1719—1738) извѣстный своими дѣйствіями противъ раскола въ Заволжскихъ лѣсахъ.

ницамъ и сходятся лѣтомъ въ извѣстные дни на поклоненье. Матери - келейницы служатъ тамъ „каноны за единоумершаго“ и поставляютъ приходжимъ богомольцамъ привезенную съ собой трапезу. Оттого охотниковъ до богомолій на гробницахъ старообрядскихъ угодниковъ всегда бываетъ довольно. Подъ полами приносятъ они и штофы съ виномъ, и балалайки, и гудки и гармоники. Лишь только кончится трапеза, какъ вблизи гробницы на какой-нибудь поляне или въ лѣсочкѣ зачинается гульба, и при этой гульбѣ какъ ни бьются, какъ ни хлопочутъ матери келейницы, а какая-нибудь полногрудая бѣлица ужъ непремѣнно сбѣжитъ къ деревенскимъ парнямъ на звуки тульской гармоники.

Такія сборища бываютъ на могилѣ старца Арсенія, пришедшаго изъ Соловковъ вслѣдъ за шедшей по облакамъ Шарпанской иконой Богородицы; на могилѣ старца Ефрема изъ роду смоленскихъ дворянъ Потемкиныхъ, на пеплѣ Варлаама огнемъ сожженнаго, на гробницахъ многоучительной матушки Голиндухи, матери Маргариты Одинцовой, отца Никандрія, пустынника Иліи, добрымъ подвигомъ подвизавшейся матери Фотиніи, прозорливой старицы Ѳеклы, а также на урочищѣ „Смольянахъ“, гдѣ лежитъ двѣнадцать гранитныхъ необдѣланныхъ камней надъ двѣнадцатью попами, не восхотѣвшими Никоновыхъ новинъ пріяти. * Но самое главное, самое многолюдное

---

* Гробница Арсенія находится въ лѣсу, недалеко отъ уничтоженнаго въ 1853 году Шарпанскаго скита, близъ деревни Ларіонова. Могила Ефрема Потемкина въ тѣхъ же мѣстахъ, близъ деревни Зименокъ. Мѣсто гдѣ сгорѣлъ Варлаамъ показываютъ въ Поломскомъ лѣсу вблизи скитовъ Уліангера и Фундрикова. Могилу Голиндухи, современницы Софонтія и противницы Онуфрія (въ послѣднихъ годахъ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія), указываютъ въ лѣсу между скитами Комаровымъ и Уліангеромъ. Мать Маргарита Одинцова схоронена близъ бывшаго скита Одинцовскаго въ лѣсу, недалеко отъ деревни Астафьевой; отецъ Никандрій неподалеку отъ села Пафнутова и деревни Песочной. Пустынникъ Илія и мать Ѳекла въ лѣсу близъ Фундрикова скита; мать Фотинія въ лѣсу неподалеку отъ гробницы Голиндухиной. „Смольяны“, мѣсто скита основаннаго дворянами выходцами изъ Смоленска Потемкиными, выходцемъ изъ Москвы Салтыковымъ, изъ Пошехонья Токмачевымъ и другими, находятся въ лѣсу близъ Шарпана и деревни Малаго Зиновьева. Всѣ эти мѣста въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

Digitized by Google

сборище бываетъ въ Духовъ день на могилѣ извѣстнаго въ исторіи раскола старца Софонтія. Его гробница въ лѣсу неподалеку отъ деревни Деянова.

LII.

Мать Манефа очень была довольна Троицкою службой отправленной въ ея часовнѣ. Отъ пѣнія обученныхъ Васильемъ Борисычемъ пѣвицъ она пришла въ такое умиленіе что не знала какъ и благодарить московскаго посла. Осталась она довольна и убранствомъ часовни, въ чемъ Василій Борисычъ также принималъ участіе. Онъ разставлялъ вокругъ аналогія растенія присланныя отъ Марьи Гавриловны, онъ украшалъ цвѣтами иконы и густыми рядами разставлялъ березки вдоль часовенныхъ стѣнъ.... Какъ было удержаться нашему пѣвуну отъ такихъ хлопотъ, когда тутъ были всѣ пригоженькія бѣлицы, весь правый клиросъ Марьюшки, а въ томъ числѣ и полногрудая румяная Устинья?..

— Ужь какъ же я вами благодарна, Василій Борисычъ, * говорила мать Манефа, сидя послѣ службы съ московскимъ посланникомъ за чайнымъ столомъ.—Истинно утѣшилъ, другъ.. Точно будто я на Иргизѣ стояла!... Ангелоподобное пѣніе!.. Изрядное осмогласіе!... Дай тебѣ, Господи, добраго здоровья и души спасеніе за то что обучилъ моихъ дѣвицъ столь красному пѣнію.... Ужь такъ я много довольна тобой, Василій Борисычъ, ужь такъ много довольна что и разказать не умѣю.

— Такихъ пѣвицъ какія у васъ, матушка, подобраны—обучать дѣло не мудрое, съ скромнымъ и ласкающимъ выраженіемъ въ лицѣ отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Хороши пѣвицы въ Оленевѣ, но до вашихъ имъ очинно далеко...

— Вы это только одни пріятныя для насъ слова хотите говорить, а сами вовсе не такъ думаете, съ лукавой усмѣшкой вступилась Фленушка.—Куда нашимъ дѣвицамъ до Анны Сергѣевны, напримѣръ, либо до Олимпіады изъ Анфисиной обители!

— И тѣ пѣвицы хорошія — охаить невозможно, сказалъ на то Василій Борисычъ, обращаясь къ матери Манефѣ.—За то у Анфисиныхъ въ пѣвчей стаѣ такой согласности нѣтъ какъ у васъ, матушка.

— Кланяйся, Марьюшка, благодари учителя-то, засмѣялась

* Въ лѣсахъ за Волгой говорятъ „благодаренъ вами" вмѣсто „благодарю васъ" и т. п.

Digitized by Google

Фленушка, обращаясь къ вошедшей на ту пору Марьюшкѣ.— Тебѣ чести приписываютъ, твоему клиросу.

Марьюшка головщица быстро взглянула на Василья Борисыча, едва замѣтно пересмѣхнулась съ Фленушкой и потупила глаза какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да, надо благодарить учителя, безпремѣнно надо, говорила Манефа.—Ты бы вотъ, Фленушка, бисерну лѣстовку вынизала Василью-то Борисычу, а ты бы, Марьюшка, подручникъ ему шерстями да синелью вышила, а тебѣ бы, Устиньюшка, поясокъ ему выткать хорошенькій.

— Охъ!... Искушеніе!... Напрасно это вы, матушка, молвилъ Василій Борисычъ.

— За труды, другъ, за труды, сказала Манефа.—Безъ того нельзя. У насъ въ лѣсахъ не водится чтобы добрыхъ людей оставлять безъ благодарности. Ужь это какъ ты себѣ хочешь, а поминокъ отъ учениццъ своихъ—прими не побрезгуй малымъ ихъ приношеніемъ.... Эхъ, какъ бы ты у меня, Василій Борисочъ, всѣхъ-то бы дѣвицъ перепробовалъ, да которы изъ нихъ по-твоему будутъ способны, ты бы каждую хорошенько обучилъ. Вотъ ужь истинное благодѣяніе ты бы нашей обители сдѣлалъ!... Ну, да и за то спасибо что съ этими сдѣлалъ. Узримъ плоды трудовъ твоихъ и вѣчно останемся благодарны.

— Какіе же были труды мои, матушка? съ смиренной улыбкой говорилъ на то Василій Борисычъ.—Никакихъ мнѣ трудовъ тутъ не было. Самому пріятно было.... Не за что мнѣ подарки приносить.

— Со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, Василій Борисычъ, отвѣчала Манефа.—Со вторника за работу дѣвицы.

— Искушеніе! проговорилъ Василій Борисычъ и молча допилъ стоявшую передъ нимъ чашку чая.

— А ужь ты, Василій Борисычъ, хоть сердись на меня, хоть не сердись, я тебя изъ обители скоро не выпущу, послѣ недолгаго молчанья сказала Манефа. — По тому дѣлу по которому ты посланъ, обсылалась я съ матерями, и по той обсылкѣ на Петровъ день будетъ у насъ собраніе. Окромѣ здѣшнихъ матерей, Оленевски пріѣдутъ, изъ Улангера тоже, изъ Шарпана, изъ другихъ скитовъ кое-кто. Изъ Городца обѣщали быть и съ Горъ... * Мы пособоруемъ, а ты при насъ побудь—дѣло-то тебѣ виднѣе будетъ. На чемъ положимъ, съ тѣмъ въ Москву тебя и отпустимъ.

* То-есть съ праваго берега Волги.

Digitized by Google

— Право не знаю, матушка, что̀ вамъ на это и сказать, отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Больно бы уже пора мнѣ въ Москву-то. Тамъ тоже на Петровъ день собраніе думали дѣлать.... Поди чать заждались меня.... Шутка ли сказать! Больше десяти недѣль какъ изъ дому выѣхалъ.

— Да что̀ у тебя дома-то?... Малыя дѣти что ли плачутъ?... Отчего не погостить у насъ?... Не по пустому живешь.... Поживи, потрудись, умиренія ради покоя христіанскаго, сказала Манефа.

— Охъ, искушеніе! со вздохомъ проговорилъ Василій Борисычъ.—Боюсь, матушка, чтобы гнѣва не навести на себя... И то на Вознесенье отъ Петра Спиридоныча письмо получилъ— выговариваетъ, и много журитъ что долго замѣшкался.... Въ Москвѣ, отписываетъ, много дѣла есть... Сами посудите,—могу ли я?

— Петру Спиридонычу завтра̀ же напишу, перебила Манефа. — И къ Гусевымъ напишу, и къ матушкѣ Пульхеріи. Ихняго гнѣва бояться тебѣ нечего—весь на себя сниму.

— Искушеніе!.. со вздохомъ сказалъ Василій Борисычъ.— Опасаюсь, матушка, вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ опасаюсь.

— Инъ вотъ что̀ сдѣлаемъ, молвила Манефа, — отпишу я Петру Спиридонычу, оставилъ бы онъ тебя въ скитахъ до конца собраній и отвѣтилъ бы мнѣ безпремѣнно съ первой же почтой.... Каковъ отвѣтъ получимъ, таково и сотворимъ. Велитъ ѣхать — часу тебя не задержу, остаться велитъ — оставайся... Ладно ли такъ-то будетъ?

— Дѣлать нечего, пожавъ плечами отвѣтилъ Василій Борисычъ, и будто случайно кинулъ бѣглый взоръ на Устинью. А у той во время разговора московскаго посла съ игуменьей лицо не разъ багрецомъ подергивало. Чтобы скрыть смущеніе, она то-и-дѣло наклонялась надъ скамьею, поставленной у перегородки и мѣшкотно поправляла съѣхавшіе съ мѣста полавошники.

— А мы тѣмъ временемъ работы для подаренья Василью Борисычу докончимъ, молвила Фленушка.

— А вы на то не надѣйтесь, работайте безъ лѣни да безъ волокиты, молвила Манефа, — не долго спите, не долго лежите, вставайте поранѣ, ложитесь попозже, дѣло-то и будетъ спориться. На ваши работы долгаго времени не треба, недѣли въ полторы все можете исправить, коли не станете лѣ-

Digitized by Google

шиться... Переходи-ка ты Устиньюшка ко мнѣ въ келью, у Фленушки въ боковушѣ вмѣстѣ работать будете, а спать тебѣ въ свѣтелкѣ надъ стряпущей... Чать одна не забоишься?... Не то Минодорѣ велю съ тобой ложиться.

У Василья Борисыча радостью глазки сверкнули. Та свѣтелка рядомъ почти была съ заднею кельей куда его помѣстили. Чуть-чуть онъ было въ слухъ не брякнулъ своего: „искушеніе!"... А Устинья застѣнчиво поднесла къ губамъ конецъ передника и тихо отвѣтила игуменьѣ:

— Чего-жъ, матушка, бояться во святой обители?

— Скажи матери Ларисѣ — указала я тебѣ при мнѣ быть, сказала Манефа.—Сегодня же перебирайся.

До земли поклонилась Устинья передъ игуменьей. Чéсть великая и для всякой бѣлицы завидная у самой матушки игуменьи подъ крылышкомъ жить.

— А я бы, матушка, если благословите, сегодня подъ вечерокъ въ путь снарядился! сказалъ Василій Борисычъ.

— Куда Богъ несетъ? спросила Манефа.

— Имѣю усердіе отцу Софонтію поклониться, отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Завтра на гробницѣ его великое поминовеніе, такъ мнѣ очевно желательно тамъ побывать.

— Доброе дѣло, Василій Борисычъ, доброе дѣло, одобряла московскаго посланника Манефа.—Побывай на гробницѣ, помяни отца Софонтія, помолись у честныхъ мощей его.... Великій былъ радѣтель древляго благочестія.... Отъ устъ его богоданная благодать яко свѣтолучная заря возсіяла на Кéржевцѣ, и во всемъ христіанствѣ ізъ рода въ родъ славнà память его.... Читывалъ ли ты житіе отца Софонтія?

— Не приводилось, матушка, сказалъ Василій Борисычъ. — Очень вѣдь оно рѣдкостно.... Сколько я книгъ ни прочелъ, сколько *Сборниковъ* да *Цвѣтниковъ* на своемъ вѣку ни видалъ, а ни въ одномъ житія Софонтія мнѣ не попадалось.

— *Сказаніе о житіи и жизни преподобнаго отца нашего Софонтія и отчасти чудесъ его* точно что рѣдкостно; мало гдѣ оно найдется, молвила Манефа.—Ты вотъ послушай-ка я разкажу тебѣ про него, про нашего Керженскаго угодника и молитвенника преподобнаго и богоноснаго отца Софонтія... Былъ онъ священноинокомъ въ Соловецкой киновіи, крещеніе имѣлъ старое, до патріарха Никона, хиротонію же новую, отъ новгородскаго Питирима... Пришелъ отецъ Софонтій въ здѣшнія стрáны и поставилъ невеликій скитъ не

Digitized by Google

вдалекѣ отъ Деянова починка, въ лѣсу. Первый онъ былъ въ здѣшнихъ лѣсахъ священникъ новой хиротоніи.... Съ него-то и началось „бѣгствующее“ отъ великороссійской церкви священство. А до пришествія Софонтіева на Керженецъ, на Смольянахъ, у бояръ Потемкинныхъ да у Салтыкова, жилъ черный попъ Діонисій Шуйскій, пребывая въ великомъ подвизѣ, да Трифилій іерей пришедый изъ Вологды, да черный попъ Сергій изъ Ярославля. И тѣ отцы соборнѣ пріяли отца Софонтія.... И жилъ отецъ Софонтій въ здѣшнихъ лѣсахъ немалое время, право правяще слово истины.... Церковные обычаи утвердилъ, смущенія и бури на церковь Божію отъ Онуфрія воздвигнутыя утишилъ, увѣщающе возмутителей и приводяще имъ во свидѣтельство соборныя правила.... Подвиги же его яже къ Богу и труды тѣлесніи кто исповѣсть?.... И по многихъ подвизѣхъ теченіе сверши—ко Господу отыде.... И честныя мощи его нетлѣнны и цѣлокупны во благоуханіи святыни почиваютъ.... Великія исцѣленія подаютъ онѣ съ вѣрою къ нимъ притекающимъ... И въ томъ всѣ христіане въ нашихъ лѣсахъ увѣрены довольно.

— Сказывали мнѣ про отца-то Софонтія, матушка, что онъ людей жигалъ? сказалъ Василій Борисычъ.

Нахмурилась Манефа, сурово взглянувъ на совопросника.

— Не намъ судить о томъ, Василій Борисычъ, строго сказала она.—Намъ ли испытывать дѣла отецъ преподобныхъ?... Это съ того больше взяли что отецъ Софонтій Варлаама священноинока съ братіею благословилъ въ келіи сгорѣти.... А смутьяны Онуфріева скита въ вину ему то ставили, на Вѣтку жалобныя грамоты о томъ писали, а съ Вѣтки отца Софонтія корили, обличить же не обличили... А хотя бы и въ правду онъ людей жигалъ?... Благоизволъ о Господѣ!... Самовольніи мученицы Христовы!... Это нынѣшнимъ слабымъ людямъ, прелестію міра смущеннымъ, стало на удивленье, а прежнимъ ревнителямъ древняго благочестія было за всеобдержный обычай.... Отъ того-то теперешніе люди не токмо дивуются, но хулятъ даже сожженіе грѣшныя плоти небеснаго ради царствія.... Крѣпости прежней не стало, ревности по Бозѣ нѣтъ — оттого и хулятъ.... Не читалъ развѣ ты что огненное страданіе угашаетъ силу огня геенскаго?....

— Читать-то читалъ, матушка, потупясь отвѣтилъ Василій Борисычъ.—Какъ не читать?... А что жь это вы про отца Варлаама помянули? спросилъ онъ Манефу, видимо желая отклонить разговоръ на что-нибудь другое.... Про него я что-то не слыхивалъ.

Digitized by Google

— Изъ здѣшнихъ же отцовъ онъ былъ, изъ керженскихъ, сказала Манефа.—Жилъ въ пустынной кельѣ съ тремя учениками.... Въ Поломскомъ лѣсу не вдалекѣ отъ скита Улангерскаго, на рѣчкѣ на Козленцѣ, та келья была ставлена. До сихъ поръ туда сходятся люди благочестивые поклониться святому пеплу Христа-ради сожженныхъ.... Пришелъ Варлаамъ въ здѣшніе лѣса изъ Соли-Галицкой, а въ Соли-Галицкой былъ онъ до того приходскимъ попомъ въ никоніанской церкви.—Познавъ же истину, покинулъ онъ тамошній градъ и свою паству, хотя пустыню лобызати и въ преданіи святоотеческомъ пребыть.... Принятъ же былъ отъ отца Софонтія вторымъ чиномъ, постриженія иноческаго отъ руки его сподобился и живя безысходно въ келіи всѣ священныя дѣйства надъ приходящими совершалъ. Много душевнымъ гладомъ томимыхъ, много спасенія жаждущихъ притекало въ пустыню къ отцу Варлааму, онъ же исправляя * ихъ, причащалъ старымъ запасомъ, что отъ лѣтъ патріарха Іосифа былъ сохраненъ. Книгъ же имѣя много, отовсюду собираше правовѣрныхъ на книгоученіе, утверждалъ ихъ въ древлемъ благовѣріи.... Увѣдали же о томъ мірскіе Галицкіе начальники и послали ратныхъ людей со всеоружіемъ и огненнымъ боемъ изыскать отца Варлаама и учениковъ его.... И болѣ шести недѣль ходили тѣ ратные люди по лѣсамъ и болотамъ ища жительства преподобнаго. Онъ же божественнымъ покровомъ прикровенъ избѣжа рукъ мучителевыхъ.... Тогда изыде Варлаамъ изъ пустыни и пріиде къ отцу Софонтію совѣта ради, что ему сотворити при таковомъ тѣсномъ обстояніи.... И много бесѣдоваху отцы преподобные отъ святаго Писанія и всю нощь пребыли въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ. И благословилъ пречестной отецъ Софонтій того пустынножителя Варлаама огненною смертію животъ скончати, аще пріидутъ къ нему ратные люди, лести же ихъ отнюдь не послушати.... Тако поучалъ Варлаама блаженный Софонтій златоструйными усты своима: „не бойся, отче Варлааме, сего временнаго огня, помышляй же о томъ како бы вѣчнаго избѣжати.... Малое время въ земномъ пламени потерпѣть, вѣчнаго же царствія достигнути!... Не долго страдати—аки окомъ мигнуть, такъ душа изъ тѣла выступитъ.... Егда же вступишь во огнь, самого Христа узришь и ангельскія силы съ Нимъ. Емлютъ они, ангелы, души изъ тѣлесъ горящихъ и приносятъ ихъ къ самому Христу Царю Небесному, а Онъ, Свѣтъ,

* Исповѣдуя.

ихъ благословляетъ и силу имъ божественную подаетъ.... Чего бояться огня?... Гряди съ мучениками въ блаженный чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ!...“ И тако довольно поучи Варлаама и благослови его идти въ пустынную келію на сожженіе.... На утріе же ратные люди обрѣтоша келію и восхотѣша яти отца Варлаама со ученики его.... Они же, замкнувъ келію, зажглися.... И ужаснулись ратные видя таковое дерзновеніе... Лестію пытали самовольныхъ Христовыхъ мучениковъ изъ запаленной келіи вызвать, обѣщая учинить ихъ во всемъ свободны.... Они же не смутишася... Аки отроцы вавилонстіи въ пещи горящей, тако и они въ келіи зажженной стояли и среди пламени и жупела псаломъ воспѣвали: „Изведи изъ темницы душу мою,—мене ждутъ праведницы!...“ И тако сгорѣли тѣлесами.... Души же блаженныхъ страстотерпцевъ яко злато въ горнилѣ очищенное ангелы Господни взяху и въ небеса ко Христу Царю Небесному понесли... Господь же благослови сію жертву чисту и непорочну....

— Невдалекѣ отъ Улангера то мѣсто, говорите вы матушка? немного погодя спросилъ Василій Борисычъ.

— Лѣсной тропой врядъ ли десять верстъ наберется, отвѣтила Манефа.—Въ томъ же лѣсу учительной матери Голиндухи гробница. И къ ней много богомольцевъ приходитъ.

— Знать то мѣсто гдѣ сожглися? спросилъ Василій Борисычъ.

— Признаку-то не осталось, вѣдь больше полутораста годовъ послѣ того прошло! сказала Манефа.—Полянка малая въ лѣсу, старый голубецъ* на ней стоитъ, а возлѣ четыре креста.... Вотъ и все.... Отъ жилья удалено, мѣсто пусто, чему тамъ быть. Лѣтъ восемьдесятъ али больше тому, находили еще угольки отъ сожженной Варлаамовой кельи. А нынѣ и тѣхъ нѣтъ—всѣ разобраны правовѣрными.... По обителямъ тѣ Варлаамовы угли сохраняются.... И у насъ въ обители таковые есть.... Воду съ нихъ болящимъ даютъ, и по вѣрѣ піющихъ цѣленія бываютъ.

— Дивныя у васъ, матушка, мѣста по лѣсамъ, съ умиленіемъ молвилъ Василій Борисычъ.—Ваши пустыни какъ книги проповѣдуютъ силу Божію, явленную въ святыхъ Его угодникахъ.

— Дивенъ Богъ во святыхъ Его!... набожно сказала Манефа опуская очи.—Люди мы, Василій Борисычъ, простые, живемъ

* Могильный памятникъ состоящій изъ деревяннаго сруба съ кровлей на два ската и съ крестомъ на ея срединѣ. Прежде въ лѣсныхъ сторонахъ ставили ихъ и на кладбищахъ, теперь они запрещены.

не ради славы, а только того испытуемъ, како бы вѣчное спасеніе восхитити. Потому бумагѣ и черниламъ повѣсти о нашихъ преподобныхъ не предаемъ.... Токмо въ памяти яко въ книгѣ златомъ начертанной хранимъ добропобѣдные ихъ подвиги.... Поживи съ нами, испытай пустынныя мѣста наши — возвѣстятъ они тебѣ славу Божію, въ преподобныхъ отцахъ явленную.... Много святопочитаемыхъ мѣстъ по лѣсамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ.... Яко кринъ процвѣтала пустыня наша, много въ ней благодати было явлено.... А теперь всему конецъ приходитъ!... съ тяжелымъ вздохомъ прибавила Манефа и поникла головой.

Всѣ молчали.

— Благословите же матушка, прервалъ молчаніе Василій Борисычъ.—Послѣ бы трапезы отправился я къ отцу Софонтію—утреню вѣдь тамъ съ солнечнымъ всходомъ зачинаютъ.... — Поспѣть надо....

— Поспѣешь, другъ, поспѣешь сказала Манефа.—Нешто я тебя пѣша пущу?... Обвечерѣетъ, велю подводу сготовить, доѣдешь къ свѣту-то—ночи теперь свѣтлыя!... На Ларіоново поѣзжай, прямикомъ.... Дорога тутъ блага, за то не далека.... Пятнадцать либо шестнадцать верстъ больше не наберется.

— Изъ послушанія вашего выдти не могу, матушка, отвѣчалъ Василій Борисычъ.—Можетъ кто изъ обители отъ васъ поѣдетъ? спросилъ онъ.

— Какъ не поѣхать?... Поѣдутъ, сказала Манефа.—Завтра увидишь какъ память отца Софонтія у насъ справляютъ: сначала утреню поемъ соборнѣ, потомъ часы отправляемъ и канонъ за единоумершаго.... А послѣ соборнаго канона особные пѣть зачнутъ по очереди отъ каждой обители, изъ которой старицы пріѣдутъ....Прежде сама я каждый годъ къ отцу Софонтію ѣзжала, нонѣ не могу, боюсь опять бы не слечь.... Матушку Аркадію пошлю, уставщицу, у нея же сродственники въ Деяновѣ есть, такъ оно и кстати. И тебѣ съ нею будетъ пристать гдѣ.... Успокоиться тамъ послѣ службы-то.... Служба-то будетъ вѣдь долгая и ранняя.

— И насъ бы, матушка, пустила, съ Марьюшкой да съ Устиньей, молвила Фленушка, обращаясь къ Манефѣ.

— Безъ себя не пущу.... Пожалуй еще бѣдъ натворите, отвѣчала Манефа.

— Никакихъ бѣдъ не натворимъ, подхватила Фленушка. — Какъ только канонъ отпоемъ, прямо въ Деяново.

Digitized by Google

— И не поминай, сказала Манефа.— Тутъ Василій Борисычъ на поминовеніи-то отца Софонтія не мало грѣха и суеты бываетъ, прибавила она обращаясь къ московскому гостю.—Съ ранняго утра на гробницу деревенскихъ много наѣдетъ, изъ городу тоже наѣдутъ, всего вѣдь только пять верстъ до городу-то... Игрища у нихъ пойдутъ, пѣсни, гудки, сопѣли... Изъ ружей стрѣльбу зачнутъ... А что къ вечеру творится— о томъ не лѣть и глаголати.

— Да вѣдь мы бы съ матушкой Аркадіей... завела-было опять Фленушка.

— Углядѣть ей за вами!... Какъ же!... возразила мать Манефа! — Софьюшка!

Изъ-за перегородки выглянула ключница мать Софія.

— Скажи Дементью, подводы бы готовилъ къ отцу Софонтію ѣхать, стала приказывать ей Манефа.—Гнѣдка съ соловенькой въ мою кибитку заложить, самъ бы Дементій везъ—Василій Борисычъ въ той кибиткѣ поѣдетъ съ Аркадіей. А сивую съ буланой въ Никонорину повозку.... Править Меркулу—а кому въ той повозкѣ ѣхать послѣ скажу.... Аркадіи накажи передъ солнечнымъ бы заходомъ ко мнѣ зашла... Виринеюшкѣ молви канунъ бы Софонтію сготовила, да путную трапезу человѣкъ на десятокъ.... Матери Таифѣ скажи—поминокъ бы сготовила деяновскому сродникy Аркадіи, обночуютъ можетъ-быть у него. Мучки бы пшеничной полмѣшка припасла, овса бы четверть, да соленой рыбы сколько придется, пряниковъ да орѣховъ ребятишкамъ, да хозяйкѣ новину.... Да чтобы Аркадія ладану взять не забыла да свѣчъ.... А кацѣю брала бы изъ стареньких, новую не поломать бы дорогой.... Бутыль бы взяла побольше на воду изъ кладезя, а того бы лучше боченокъ недержаный—бутыль-то разбиться дорогой можетъ.... Все прикажи чтобы должнымъ порядкомъ было.... Ступай.

Мать Софія, сотворивъ передъ игуменьей два метанія, вышла.

— А воротишься отъ Софонтія, молвила Манефа Василью Борисычу, — на пепелъ отца Варлаама съѣзди, да заодно ужъ и къ матери Голиндухѣ. Тамъ сборища бываютъ не великія, соблазновъ отъ мірскихъ человѣкъ не увидишь — мѣсто прикровенное.

Въ это время отворилась дверь и въ келью вошла казначея Таифа. Положивъ уставной семипоклонный началъ и сотворивъ метанія, подала она игуменьѣ письмо и сказала:

— Кононъ Елфимовскій привезъ. Въ городъ ѣздилъ, тамъ ему Осмушниковъ Семенъ Иванычъ отдалъ.

Молча распечатала письмо Манефа, посмотрѣла въ него и молвила:

— Отъ Дрябиныхъ изъ Питера.

— Отъ Дрябиныхъ? спросилъ Василій Борисычъ. — Вы съ ними тоже въ знакомствѣ, матушка?

— Благодѣтели, отвѣтила Манефа. — Дрябины давно нашей обители знаемы, ихніе родители еще съ покойницей матушкой Екатериной знакомство водили. Когда наши старицы въ Питерѣ бываютъ, завсегда у Никиты Васильича пристаютъ.

— Вѣдь они съ Громовыми первыми затѣйщиками австрійства были, сказалъ Василій Борисычъ.

— Знаю, отвѣтила Манефа. — Они же вѣдь и въ сродствѣ межь собой. Дочка-то Никиты Васильича, Акулина Никитишна, за Громова выдана.

— Такъ точно, подтвердилъ Василій Борисычъ.

— По родству у нихъ и дѣла за едино, сказала Манефа. — Намъ не то дóрого что Громовы съ Дрябиными да съ вашими Москвичами епископство устрояли, а то намъ дóрого что ко многимъ знатнымъ вельможамъ они вхожи и какія бы по старообрядству дѣла ни были они все до капельки знаютъ.... Самимъ Громовымъ писать про тѣ дѣла невозможно, опаску надо держать, такъ они черезъ Дрябиныхъ все.... Поди и тутъ о чемъ-нибудь извѣщаютъ.... Читай-ка Фленушка.

Манефа подала ей письмо и та начала:

„Пречестнóй матушкѣ Манефѣ о еже во Христѣ съ сестрами землекасательное поклоненіе. При семъ просимъ покорнѣйше вашу святыню не оставить насъ своими молитвами ко Господу, да еже управити путь нашъ ко спасенію и некосно поминати о здравіи Никиты, Анны, Иліи, Георгія, Александры и Акилины и сродниковъ ихъ, а родителей нашихъ по имѣющемуся у васъ помяннику безпереводно. Гостила у насъ на Святой Пасхѣ старица Милитина изъ вашихъ мѣстóвъ изъ Фундрикова скита, а сама родомъ она валдайская. И сказывала намъ матушка Милитина что вамъ, пречестная матушка Манефа, тяжкая болѣзнь приключилася, но Господу помогающу изцѣленіе получили. И мы со всѣми нашими домашними и знаемыми много тому порадовались и благодарили Господа, оздравѣвшаго столь пресвѣтло сіяющую во благочестіи нашу матушку, крѣпкую молитвенницу о душахъ нашихъ. При семъ, матушка, съ превеликимъ прискорбіемъ возвѣщаемъ вамъ что извѣстный вамъ человѣкъ въ прошедшій вторникъ находился во единомъ мѣстѣ и доподлинно узналъ о буряхъ и напастяхъ

Digitized by Google

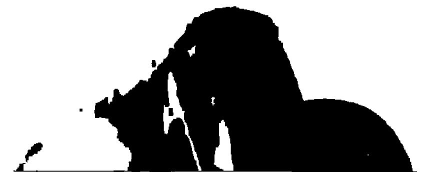
[illegible]

---

* [illegible] „[illegible] грамота". [illegible] въ XVI-мъ вѣкѣ [illegible]. Пишутъ согласныя буквы русской азбуки въ [illegible]

б, в, г, д, ж, з, k, л, м, н,
щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п,

и употребляютъ б вмѣсто щ, щ вмѣсто б и т. д. По этой тайнописи [illegible] было написано: „Велѣно по самой скорости по [illegible] чтобъ ихъ описать и весь народъ разобрать и которые [illegible] тѣхъ бы вонъ высылать." Кромѣ этой [illegible] употребительной тайнописи, у старообрядцевъ есть еще нѣсколько другихъ.



Digitized by Google

— Искушеніе!...

Затѣмъ пріосанился и запѣлъ догматикъ:

„Всеми-и-и́-рную славу, отъ человѣкъ прозябшую....“

LIII.

Проводя московскаго посланника, Манефа принялась за переводъ тарабарскаго письма Драбиныхъ. Грóзны были петербургскія вѣсти.

Извѣщалъ Драбинъ что въ комитетѣ министровъ рѣшено дѣло о взятой на Дону сборной оленевской книжкѣ. Велѣно переписать всѣ обители Оленевскаго скита и узнать давно ли онѣ стоятъ, не построены ли послѣ воспрещенья заводить новые скиты, а тѣ чтò окажутся недозволенными велѣно уничтожить.... Писалъ Драбинъ чтò дошло до Петербурга о Ша́рпанской иконѣ и о томъ что тамошнія старицы многихъ церковниковъ въ старую вѣру обратили.... Навели справку въ прежнихъ дѣлахъ и нашли что Ша́рпанскій скитъ лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ сгорѣлъ до тла, а это было послѣ воспрещенія заводить новые скиты. Потому и хотятъ послать изъ Петербурга довѣренныхъ чиновниковъ разузнать о томъ доподлинно, и если Ша́рпанъ ставленъ безъ дозволенья, запечатать его, а икону оглашаемую чудотворной взять.... Уповательно, прибавлялъ Драбинъ, что по всѣмъ скитамъ Ке́рженскимъ и Чернораменскимъ большая переборка пойдетъ, дошло де до петербургскихъ властей что много у васъ по обителямъ живетъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ.... Громовы, писалъ въ заключеніе Драбинъ, неотступно просили кого нужно хоть на время отвести невзгоду отъ Ке́рженца.... Два обѣда того ради дѣлали, на каждомъ обѣдѣ человѣкъ по двадцати генераловъ было, да на дачѣ у себя Громовы великій праздникъ для нихъ же дѣлали. Всѣмъ честили, всѣмъ ублажали, однакожь ни въ чемъ успѣть не могли—что вышелъ сильный приказъ впредь старовѣрамъ потачки не давать и держать ихъ въ строгости.... О красноярскомъ дѣлѣ ни слóва—не дошли еще о немъ вѣсти до Питера.

Призадумалась Манефа. Сбывались ея предчувствія.... Засуча рукава и закинувъ руки за спину, молча ходила она ровными, но быстрыми шагами взадъ и впередъ по кельѣ...

Digitized by Google

Въ глубокомъ молчаньи сидѣла у окна Фленушка и глазъ не сводила съ Манефы.

— Достань почтову бумагу, сказала ей игуменья.—Со словъ писать будешь.... Здѣсь садись.... Софьюшка!

Фленушка вышла за бумагой, ключница явилась въ дверяхъ.

— Никого ко мнѣ не допускать ни по какому дѣлу. Недосужно, молъ, сказала ей Манефа....

Мать Софія, низко поклонясь, спряталась въ свою боковушу. Черезъ минуту она опять выглянула и спросила:

— Обѣдать не собрать ли?... Въ келарнѣ давно ужь за трапезой сидятъ.

— Не до ѣды, рѣзко сказала Манефа.—Ступай въ свое мѣсто, не докучай....

Минуты черезъ двѣ Фленушка сидѣла ужь за письмами. Ходя по кельѣ Манефа сказывала ей что̀ писать.

Первое письмо было въ городъ къ тамошнему купцу Строинскому, повѣренному по дѣламъ Манефы.

„Ради Господа, благодѣтель Полуехтъ Семенычъ", писала Фленушка, „похлопочи купчія бы крѣпости на дома совершить какъ возможно скорѣй. Крайній домъ къ соляным анбарамъ на мое имя купи, рядомъ съ нимъ—на Фленушку; остальные три дома на Софію, на Таифу, да на Виринею. Хоть и дорожиться зачнутъ Кожевниковы, давай что̀ запросятъ, денегъ не жалѣй—остались бы только за нами мѣста̀. За строеньемъ тоже не гонись—захотятъ свозить на иное мѣсто, пущай ихъ свозятъ. Отпиши сколь можно поскорѣе сколько денегъ потребуется—съ кѣмъ-нибудь изъ матерей пришлю. Покучься въ судѣ Алексѣю Семенычу дѣло бы поскорѣй обдѣлалъ, дай ему четвертную да еще посули, а я крупчатки ему опричь того два мѣшка пошлю, да икру мнѣ хорошую изъ Хвалыни прислали, такъ икрой тоже подѣлюсь, только бы по скорости дѣло обладилъ. Да нѣтъ ли еще по близости отъ Кожевниковыхъ продажнаго мѣстечка, али дома большаго для Марьи Гавриловны. Хочетъ по вашему городу въ купечество приписаться и торги заводить...."

Кончивъ письмо къ Строинскому, Манефа другое стала сказывать—къ Паталу Максимычу. Она извѣщала брата о грозящихъ всѣмъ скитамъ напастяхъ и о томъ что она на всякій случай въ городѣ мѣсто подъ келью покупаетъ.... Манефа умоляла брата съѣздить въ „губернію" и тамъ хорошенько да повѣрнѣй узнать не пришли ли на счетъ скитовъ изъ Петербурга какіе указы и не ждутъ ли оттуда большихъ чиновниковъ по скитскимъ дѣламъ. „А хоша, прибавляла Манефа, и не со-

Digitized by Google

всѣмъ я еще отъ болѣзни оправилась, однакоже хоть черезъ великую силу а пріѣду на сорочины по Настенькѣ и тогда обо всемъ съ тобой посовѣтую.“

Въ Москву писаны были письма къ Петру Спиридонычу, къ Гусевымъ и на Рогожское кладбище къ матери Пульхеріи. Извѣщая обо всемъ что̀ писали Дрябины и о томъ какое дѣло вышло въ Красноярскомъ скиту, Манефа просила ихъ въ случаѣ неблагополучія принять на нѣкое время обительскую святыню, чтобы во время переборки ея не лишиться. „Посылаю я къ вамъ въ Москву и до Питера казначею нашу матушку Таифу, такъ съ нею расположилась я отправить къ вамъ на похраненіе четыре иконы высокихъ строгоновскихъ писемъ, да икону Одигитріи Богородицы царскихъ изуграфовъ, да три креста съ мощами, да книгъ харатейныхъ и старопечатныхъ десятка три, либо четыре. А увидясь съ матушкой Августой, шарпанскою игуменьей, посовѣтую ей и Казанскую Богородицу въ Москву отправить, доколь не утишится воздвигаемая на убожество наше презѣльная буря озлобленій и напастей. А то оборони Господи лишиться можемъ столь безцѣннаго сокровища, преизобильно вѣрующимъ подающаго исцѣленія.“ На счетъ епископа Софронія писала что̀, удостовѣрясь въ его стяжаніяхъ и иныхъ недостойныхъ поступкахъ, совершенно его отчуждилась и половъ его ставленья отнюдь не принимаетъ, а о владимірскомъ архіепископѣ будетъ на Петровъ день собраніе и со всѣхъ скитовъ съѣдутся къ ней. Что̀ на томъ собраньи уложатъ, о томъ не преминетъ она тотчасъ же въ Москву отписать. Увѣдомляла и о Васильѣ Борисычѣ, благодарила за присылку столь дорогаго человѣка и просила не погнѣваться если задержитъ его на Керженцѣ до окончанія совѣщаній о новомъ архіепископѣ и о грозящихъ скитамъ обстоятельствахъ.

За письмомъ къ Дрябину долго просидѣла Фленушка.... Все оно было писано тарабарской грамотой. Благодаря за неоставленіе, Манефа умоляла Дрябина постараться отвратить находящую на пустынное ихъ жительство грозную бурю, увѣдомляла о красноярскомъ дѣлѣ и о скоромъ собраніи старицъ изо всѣхъ обителей на совѣщаніе о владимірскомъ архіепископѣ и о томъ что̀ дѣлать въ случаѣ если пришлются строгіе о скитахъ указы.

Кромѣ того писаны были письма во всѣ скиты къ игуменьямъ главныхъ обителей чтобы на Петровъ день непремѣн

Digitized by Google

съѣзжались въ Комаровъ. Будетъ дескать объявлено о дѣлѣ гораздо поважнѣй владимірскаго архіепископства.

День къ вечеру уже склонялся, измучилась Фленушка писавши, а Манефа, не чувствуя устали, попрежнему бодро ходила взадъ и впередъ по кельѣ, сказывая что̀ писать. Твердая, неутомимая сила воли виднѣлась и въ сверкающихъ ея глазахъ, и въ разгорѣвшихся ланитахъ и въ крѣпко сжатыхъ губахъ. Глядя на нее трудно было повѣрить чтобъ эта старица не долѣе шести недѣль назадъ лежала въ тяжкой смёртной болѣзни и одной ногой во гробу стояла.

Когда Фленушка кончила письма, Манефа внимательно перечитала ихъ и въ концѣ каждаго сдѣлала своей рукой приписку. Потомъ запечатала всѣ, и тогда только какъ Фленушка надписала на каждомъ къ кому и куда письмо посылается, заговорила съ ней Манефа садясь у стола на скамейкѣ:

— Потрудились мы съ тобой, Фленушка, для праздника. — Заморила я тебя.—Кому Троицынъ день, а намъ съ тобой Сочельникъ.... Поди, голубка, потрапезуй, да скажи Софьюшкѣ чтобы кликнула ко мнѣ поскорѣй матушку Таифу.

— Я было просить тебя хотѣла, матушка, молвила Фленушка не трогаясь съ мѣста.

— Что̀ тебѣ надо, моя ла́стушка? ласково мягкимъ голосомъ спросила ее Манефа.

— Отпусти къ Софонтію, умильно взглянувъ на нее, молвила Фленушка.

— Сказано „не пущу", значитъ не о чемъ и толковать, нахмурясь, сказала Манефа.

— Каждый годъ ѣзжали.... потупясь, въ полголоса проговорила Фленушка.

— Со мной, перебила Манефа. — Такъ и я бывало жду не дождусь кончилась бы служба да скорѣй бы съ поляны долой.... Всѣ глаза прогляжу бывало за вами.... А матери Аркадіи какъ усмотрѣть?

Ни словечка не отвѣтила Фленушка. Подошла къ столу, отобрала письма къ матерямъ и спросила:

—Съ Аркадіей что ли пошлешь?... Къ Софонтію со всѣхъ обителей матери съѣдутся.... За́ разъ всѣмъ можно раздать.... А съ работниками посылать—когда развезутъ?

— Правда твоя, молвила Манефа.—Такъ-то лучше будетъ...

Digitized by Google

Не хотѣлось бы мнѣ только съ Аркадіей отправлять. Въ разговорахъ съ игуменьями много лишняго отъ своего ума наплететъ.

— А вѣдь еще и на словахъ съ матерями говорить надо, сказала Фленушка.

— Безъ того нельзя, отвѣтила Манефа.

— А про то что Дрябины писали не всѣмъ же матерямъ сподна сказывать? продолжала Фленушка.

— До поры до времени какъ можно всѣмъ сказывать, подтвердила Манефа. — Попробуй-ка Евникеѣ Прудовской сказать, въ тотъ же день всѣмъ разблаговѣститъ.—Послѣ не оберешься хлопотъ.

— А матушкѣ Августѣ Шарпанской вѣдь надо, я думаю, все разказать, продолжала Фленушка.—Изъ Оленева матушкѣ Маргаритѣ тоже, матушкѣ Фелицатѣ.... А еще кому?

— Да больше-то и некому, молвила Манефа. — До Петрова дня все дѣло безпремѣнно надо втайнѣ держать, чтобы тѣмъ временемъ успѣть въ городу мѣста подешевлѣ купить. А то пожалуй при совершеніи-то купчей препятствіе сдѣлаютъ либо задержку какую. Опять же и Кожевниковы, какъ только узнаютъ что готовятъ намъ изъ обителей выгонку, такую цѣну заломятъ что только ахнешь.... Не сумѣть этого Аркадіи, не сумѣть! — Очень невоздержна на языкъ бываетъ.... Опять же у Евникеи въ Прудахъ Аркадьины сродницы живутъ — хоть наказывай ей, хоть не наказывай, не утерпитъ—все до капельки имъ разкажетъ, и тѣ Евникеи. Ну а Евникеи сказать все едино что на базарѣ съ барабаномъ народу объявить....

— Развѣ матушку Таифу пошлешь? сказала Фленушка.

— То-то и есть что нельзя, молвила Манефа. — Въ Москву Таифѣ ѣхать да въ Питеръ....—Завтра же надо ей отправляться.

— Кого же коли не Таифу?

— Ума не приложу, Фленушка, отвѣтила Манефа.—Вотъ вертись тутъ одна какъ знаешь: обитель большая, а нужное дѣло доведется, опричь Таифы послать некого.

— Да пошли меня, матушка.... Все управлю, подхватила Фленушка.

— Съ ума ты сошла?... По тебѣ-ль такое дѣло? поднявъ голову и пристально взглянувъ на Фленушку, молвила Манефа.

— А ты попробуй такъ и увидишь, сказала Фленушка глядя въ упоръ на Манефу.

Digitized by Google

— Полно пустяки-то городить, проговорила Манефа.—Статочное ли дѣло тебя посылать?

— Вольно тебѣ, матушка, думать что до сихъ поръ я только одними пустяками занимаюсь, сдержанно и степенно заговорила Фленушка.—Вѣдь мнѣ ужь двадцать шестой въ доходѣ. Изъ молодыхъ слава Богу вышла, мало ли много ли своего ума накопила... Кому дѣла̀ твои больше меня извѣстны?... Таифа и та меньше знаетъ.... Иное дѣло ты сама отъ Таифы таишь, а мнѣ сказываешь... А бывало ли чтобъ я проговорилась когда, чтобъ изъ-за моего болтанья непріятность какая тебѣ вышла?

— Да къ чему ты это все говоришь? спрашивала Манефа.

— А къ тому говорю чтобъ къ Софонтію ты меня послала. Аркадія свое дѣло будетъ управлять, а я съ матерями что̀ надо переговорю, рѣшительнымъ голосомъ сказала Фленушка.

— Набаламутишь, молвила Манефа.

— Да что̀ я за баламутница у тебя въ самомъ дѣлѣ? рѣзко отвѣтила Фленушка.—Что въ своей обители иной разъ посмѣюсь, а иной разъ мірскую пѣсню запою?... Такъ это, матушка, дома дѣлается, при своихъ, не у чужихъ людей на глазахъ... Вспомнить бы тебѣ про себя, про то время какъ въ тебѣ самой молодая-то кровь еще бродила.

— Замолчи!... Перестань!... остановила Манефа Фленушку.—Съ чего ты взяла такія рѣчи мнѣ говорить?... А?

— Стары матери говаривали что была ты у отца съ матерью дитя любимое, балованное, что до иночества была ты развеселая—что на умѣ у тебя только пѣсни да игры бывали.... Видно и я въ тебя, матушка, сказала Фленушка.

— Какія матери тебѣ сказывали?... Которыя?... взволнованнымъ голосомъ спросила Манефа.

— Покойница Платонида говаривала, отвѣтила Фленушка.

— Развѣ ты помнишь ее? съ испугомъ спросила Манефа, и тяжело перевела дыханіе.

— Какъ же не помнить?—Какъ теперь на нее гляжу, отвѣчала Фленушка. Вѣдь я ужь семилѣткой была какъ она побывшилась. *

— Что̀ жь Платонида тебѣ сказывала?... Что̀?... Говори скорѣй.... все, все говори, дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорила Манефа, опуская на глаза камилавку и закрывая все лицо флеровой наметкой.

* Умерла.

Digitized by Google

— Мало ли что.... Всего не упомнишь, отвѣтила Фленушка.— Добрые совѣты давала: „почитай, говорила, матушку Манефу какъ родную свою мать."

— Что-о-о?... вскрикнула Манефа, но тотчасъ же сдержала порывъ встревоженнаго сердца. Обдернувъ наметку, она склонила голову.

— „Почитай, говорила, ее какъ мать родную", повторила Фленушка.—„Тебѣ, говорила она, во всемъ свѣтѣ никого нѣтъ ближе матушки Манефы".... Вотъ что говорила мнѣ Платонида.

— А еще? глухо прошептала Манефа.

— Не помню, отвѣтила Фленушка.

Смолкла Манефа, а Фленушка все еще стояла передъ ней и молча общипывала листья со стоявшей въ углу троицкой березки. Минутъ съ пять длилось молчаніе.

— Обѣдать ступай, сказала Манефа.

— Не хочется, обиженнымъ голосомъ отвѣтила Фленушка, продолжая ощипывать березку.

Взглянула на Фленушку Манефа; а у ней слезы по щекамъ бѣгутъ.

— Софьюшка! крикнула игуменья:

Ключница вошла и стала передъ нею.

— Кликни Таифу, молвила ключницѣ Манефа, а когда Софія вышла, обратилась къ Фленушкѣ и сказала.

— Сбирайся къ Софонтію.

Фленушка промолчала. Нескорой поступью подошла къ столу, взяла письма и спросила:

— Раздать?

— Раздай, отвѣчала Манефа.

— Марьѣ съ Устиньей сбираться?

— Хорошо, молвила Манефа, и съ нетерпѣньемъ махнула рукой.

Тихими шагами пошла Фленушка въ боковушу. Тамъ у окна сидѣла грустная и угрюмая Марьюшка. Съ тоски да со скуки щелкала она каленые орѣхи.

— Турись, турись, Марюха!... На́ спѣхъ сряжайся!... Къ Софонтію!... подпрыгивая передъ ней кричала Фленушка.

— Взбѣсилась что ли?... Аль совсѣмъ съ ума своротила? привередливо отвѣтила головщица и съ досадой отвернулась отъ подруги.

— Попадья взбѣсилась—не я, захохотала Фленушка, и хоть

Digitized by Google

голодна была для праздника, а пустилась въ плясъ передъ Марьюткой, прищелкивая пальцами и припѣвая:

Какъ у нашего попа
Старовѣрскаго,
Взбѣсилася попадья
Вовсе стюшилася!...
Старовѣрскій попъ
Былъ до дѣвокъ добръ—
Нѣту денегъ ни гроша,
За то ряса хороша.
Онъ и рясу скидаетъ
Краснымъ дѣвкамъ отдаетъ.

— Да отвяжешься ли ты?... Господи, какъ надоѣла!... плаксиво вскрикнула головщица, оттолкнувъ Фленушку, въ порывѣ причудъ вздумавшую ерошить ей голову....

— Не верещи!... Толкомъ говорю.... Къ Софонтію ѣдемъ, толкнувъ ногой крикнула Фленушка. — Вотъ письма къ матерямъ.... Со мной посылаетъ.

Пересмотрѣла Марьюшка письма и увѣрилась что въ самомъ дѣлѣ велѣно Фленушкѣ ѣхать къ Софонтію.

— Съ кѣмъ поѣдешь? спросила она.

— Съ тобой да съ Устиньей, отвѣтила Фленушка.—Аркадія еще съ нами поѣдетъ, Васиньку прихватимъ, онъ пѣсенку намъ дорогой споетъ.

— За Васинькой давеча я кой-что примѣтила, молвила Марьютка.

— Чего ты примѣтила? спросила Фленушка.

— Съ Устиньей заигрывать, сказала головщица.

— А тебѣ завидно?

— Ну его къ бѣсу чернорылаго! вскликнула Марьютка.— Нужно мнѣ этакого!... Захочу, въ тысячу разъ лучше твоего Васьки найду.

— А ты дѣвка больно-то не зарывайся, молвила Фленушка.— Чѣмъ тебѣ Василій Борисычъ не казистъ?... Совсѣмъ какъ есть молодчикъ—ростомъ не вышелъ, за то голосомъ взялъ.

— Лёгко ли дѣло! перебила головщица.—Ножки какъ лутошки, ходитъ присѣдаетъ, ровно рѣдьку сажаетъ.

— Съ тобой говорить поѣвши надо, а у меня сегодня кромѣ чаю маковой росинки во рту не бывало, сказала Фленушка. — Принеси-ка чего-нибудь, а я межъ тѣмъ въ дорогу сберусь.

Digitized by Google

LIV.

Неподалеку отъ деревни Деянова, въ сторонѣ отъ большой дороги, стоятъ два деревянныхъ креста, каждый сажени по полторы вышиной. Отъ этихъ крестовъ въ глубь лѣса идетъ узенькая тропинка. Коннаго ѣзду тутъ нѣтъ.

Пройдя безъ малаго версту по этой тропѣ, встрѣтится поляна поростая лѣсными травами. Середи ея ветхій, полусгнившій голубецъ съ тесовою крышей на два ската. Скатъ обращенный къ сѣверу отъ старости почти сплошь поросъ сѣрозеленымъ ягелемъ. * Подъ нижнимъ вѣнцомъ голубца много ямъ, нарытыхъ руками богомольцевъ, бравшихъ песокъ ради цѣленія отъ недуговъ. Рядомъ съ голубцемъ возвышаются саженные старые деревянные кресты, а межъ ними вросла въ землю не высокая часовенька, въ ней на полкѣ нѣсколько облинявшихъ образовъ. Въ сторонѣ не глубокій колодезь. Вода его тоже слыветъ въ народѣ цѣлебной. Больше нѣтъ ничего на полянѣ. Лишь попадающаяся изрѣдка крапива напоминаетъ что было тутъ когда-то жилье заброшенное, давно запустѣлое.

Это гробница Софонтія

Пусто теперь мѣсто, гдѣ укрываясь подъ сѣнью дремучаго лѣса когда-то стояла невеликая, но по всему Керженцу, по всему старообрядству славная обитель соловецкаго выходца Софонтія.... Зимой всю поляну заноситъ снѣгомъ; изъ сугробовъ не видать ни гробницы, ни часовенки, только верхушки крестовъ немного замѣтны.... Лѣтомъ ходятъ сюда на поклоненіе отцу Софонтію, но рѣдко.... Большія сборища бываютъ только на Духовъ день... Разоренная Питиримомъ часовня Софонтьева скита ставлена была во имя этого праздника, и по скитскому обычаю ежегодно на этотъ праздникъ сбирались къ Софонтію прихожіе богомольцы, для нихъ поставлялись столы съ великими кормами и чинились великія учрежденія. ** Въ память того праздника и

---

* Ягель—лишай, растеніе близкое ко мхамъ Lichen pulmonaris.

** Угощеніе.

тѣхъ кормовъ до сихъ поръ ежегодно на Духовъ день сбирается сюда окрестный и дальній народъ.

Запустѣло мѣсто гдѣ жилъ отецъ Софонтій, куда сходились на соборы не только отцы съ Ке́рженца и со всего Чернораменья, но даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ самой зарубежной Вѣтки. Запустѣло мѣсто откуда выходили рьяные проповѣдники „древляго благочестія", въ Прикамскіе лѣса, на Уральскіе бугры и въ дальнюю Сибирь.... „Кержака́ми" донынѣ въ тѣхъ мѣстахъ старообрядцевъ зовутъ, въ память того что зашли они туда съ Ке́рженца, изъ скитовъ Софонтьева согласія.

Запустѣло мѣсто гдѣ Софонтій боролся съ сосѣдними Онуфріанами, чтившими за свято богоборныя письма Аввакума о Пресвятой Троицѣ. Запустѣло мѣсто гдѣ Софонтій отстоялъ самостоятельность Ке́рженца, не покоряясь зарубежной Вѣткѣ.... Процвѣла во дни Софонтія пустыня имъ насажденная и не дожилъ онъ до грознаго дня, когда по повелѣнію Питирима капитанъ Ржевскій послалъ изъ Нижняго разсыльщиковъ по бревнамъ разнести и часовни и кельи обительскія....

Тогда-то совершилось „паденіе Керженца".—Семьдесятъ семь скитовъ раззорено было разсыльщиками. Голова Александра дьякона скатилась подъ топоромъ палача въ Нижнемъ Новгородѣ, нѣсколько старцевъ сожжено но кострахъ возлѣ села Пафнутова. И сорокъ тысячъ старообрядцевъ, не считая женщинъ, бѣжало изъ Ке́рженскихъ лѣсовъ за литовскій рубежъ въ подданство королю польскому. *

Все́ то было и все былью поросло.

Еще утренняя заря не разгоралась, еще солнышко не выглядывало изъ-за края небосклона, какъ на большой дорогѣ у Софонтьевыхъ крестовъ одна за другою зачали становиться широкія уёмистыя скитскія повозки, запряженныя раскормленными до нельзя лошадями и нагруженныя пудовыми пуховиками и толстыми матерями.

Это былъ первый лѣтній сборъ келейницъ на одномъ мѣстѣ.... Чинны и степенны были ихъ встрѣчи. По заученному клали онѣ другъ передъ другомъ низкіе поклоны, медленно ликовались ** и невозмутимо спрашивали одна другую „о спасе-

* Объ этомъ засвидѣтельствовано въ указѣ Петра III. *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* XV—№ 11.435.

** Прикладываться щеками другъ къ другу.—Цѣловаться старицамъ даже и съ женщинами не дозволяется.

Digitized by Google

ніи“. Разговоры вели... про-
Софонтія.

Тамъ по всѣмъ полкамъ ...
ставили ярко горѣвшія ...
чугами и самоцвѣтными камни...
хатныя, парчевыя и атласныя ...
и зажгли въ нихъ не одну сотни ...
крыли пеленами. Клубы дыма ...
часовню и голубыми струями вили...
утреннему воздуху.... Началась служба.... ...
кихъ десятковъ съѣхавшихся изо всѣхъ ...
шало пустынное мѣсто... Уже совсѣмъ обутрѣло, ...
на гробницѣ служба подходила къ концу, когда ...
праздничныхъ нарядахъ стали мало-по-малу ...
Ситцевыя и кумачныя рубахи деревенскихъ парней и ...
цвѣтные сарафаны молодицъ и дѣвушекъ смѣшались ...
ными рясами келейницъ.... Пестрая толпа вскорѣ ...
еще разнообразнѣй. Пришли горожане. Всѣ приходившіе молились у гробницы, брали песочку, а иные отламывали кусочки гнилушекъ отъ голубца и потомъ шли умываться къ цѣлительному кладезю, по преданью ископанному руками самого Софонтія.

Скитскія матери только-что кончили службу, загасили въ часовенкѣ свѣчи, сняли образа и пелены и все отнесли къ своимъ повозкамъ.... Когда пришла на поляну праздничная толпа, и часовня и гробница имѣли уже обычный свой видъ. На полянѣ скоро стало тѣсно. Народъ разбрелся по лѣсу.

Матери сжавшись въ кучку держались въ сторонкѣ. Разсѣвшись въ тѣни межь деревьевъ, поминали онѣ преподобнаго отца Софонтія привезенными изъ обителей яствами и приглашали знакомыхъ раздѣлить съ ними трапезу. Отказовъ не было, и вскорѣ больше полутораста человѣкъ, раздѣлясь на отдѣльныя кучки, въ строгомъ молчаніи ѣли и пили во славу Божію и на помянъ отца Софонтія.... Деревенскіе парни и горожане обступали келейницъ и взглядывая на молодыхъ старочекъ и на пригоженькихъ бѣлицъ отпускали имъ разныя шуточки.

А вотъ въ сторонѣ отъ гробницы, городской торгашъ раскинулъ крытый парусиннымъ шатромъ подвижной столъ съ орѣхами, пряниками, рожками и другими деревенскими „гостинцами“.... Съ другой стороны Софонтьевой поля...
еще такой же столъ и такой же парусинный шате...

Digitized by Google

печенкой, со студенью и другими закусками, съ росписными жбанами ядрёнаго квасу и съ мягкими, съ обоихъ концовъ востроносыми сайками, печенными на соломѣ.... Рядомъ юркій цѣловальникъ изъ Елатомцевъ, въ красной александрійской рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, поскрипывая новыми сапогами, разставлялъ на своемъ прилавкѣ полштофы и косушки, бутылки съ пивомъ и медомъ.... Веселый говоръ смѣнилъ только что отпѣтыя заупокойныя стихеры. Гдѣ-то въ лѣсу послышалась гармоника, бренчанье балалайки. Кто-то залился громкой залихватской пѣснью и къ нему пристали десятки мужскихъ и женскихъ голосовъ. Раздался выстрѣлъ изъ мушкатона, сопровождаемый женскимъ визгомъ.... другой, третій.... Матери по добру-по-здорову спѣшили убраться поскорѣй съ Софонтьевой поляны, гдѣ народное гульбище начало разыгрываться на распашку.

Вплоть до поздняго вечера продолжался широкій разгулъ поклонниковъ Софонтія. Хороводовъ не было, за то пѣсни не умолкали, а выстрѣлы изъ ружей и мушкатоновъ становились чаще и чаще.... По лѣсу забродили парочки. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ слышались и шелесть раздвигаемыхъ вѣтвей, и хрустъ валежника, и дѣвичьи вскрикиванья, и звонкій веселый хохотъ.... Такъ кончались Софонтьевы помины.

Выйдя изъ лѣсу на большую дорогу, келейницы разложили скарбъ свой по повозкамъ, и одна за другою пѣшкомъ пошли въ Деяново. Тутъ недалеко, всего версты полторы. У каждой матери были свои знакомыя въ той деревнѣ, съ ранняго утра ожидавшія Софонтьевыхъ поклонницъ. Въ каждомъ домѣ хозяйки, рукъ не покладаючи, варили рыбныя похлебки, пекли пироги и аладьи, стряпали яичницы, пшенники да лапшенники, пшенницы да лапшенницы, кисели черничные, кисели малиновые, кисели брусничные и другія яствы праздничнаго крестьянскаго обѣда... За эти трапезы келейницы щедро расплачивались разными припасами, а иногда и деньгами.

Вотъ однѣ за другими идутъ матери, окруженныя бѣлицами.... Идутъ, а сами то-и-дѣло по сторонамъ оглядываются, не ульнула бъ которая изъ бѣлицъ въ лѣсную опушку подъ предлогомъ сбиранья грибовъ, не подвернулся бы къ которой изъ нихъ деревенскій парень и не завелъ бы грѣховодныхъ разговоровъ. Еще на Софонтьевой полянѣ, только что

Digitized by Google

покончили службу, старицы покрыли свое „иночество“ * широкими черными платками. Съ нихъ не разъ отбирали подписки чтобъ онѣ иноческаго одѣянія не носили, себя иноческими именами не называли.... Но несмотря на „скрытіе иночества“ подъ шерстянымъ платкомъ, всякій узнавалъ скитницу по ея поступи и по всему наружному ея виду.

Вотъ впереди другихъ идетъ сухопарая невысокаго роста старушка съ умнымъ лицомъ и добродушнымъ взоромъ живыхъ голубыхъ глазъ. Опираясь на посохъ идетъ она не скоро, но споро, твердой и легкой поступью и оставляетъ за собой ряды дородныхъ скитницъ. Бодрую старицу сопровождаютъ четыре инокини такія жь какъ и она постныя, такія же степенныя. Молодыхъ съ ними не было, да очень молодыхъ въ ихъ скиту и не держали.... Это шарпанская игуменья мать Августа съ сестрами. Обогнавъ ряды келейницъ, подошла къ ней Фленушка.

— Тамъ на многолюдствѣ, въ большомъ собраньи не посмѣла я доложить вамъ, матушка Августа, про одно дѣльцо, сказала она шарпанской игуменьи.—Матушка Манефа нарочито послала меня сюда переговорить съ вами.

— Говори что̀ наказано, молвила Августа, строго, но съ кроткой улыбкой на устахъ.

— Пройдемтесь сторонкой, матушка, сказала Фленушка.

— Аль по тайности что̀? равнодушно спросила у ней мать Августа.

— По тайности, отвѣтила Фленушка.

И обѣ перешли на другую сторону широкой столбовой дороги.

— Эку жару Господь посылаетъ, молвила Августа, переходя дорогу.—До полдёнъ еще далеко̀, а гляди-ка на солнышкѣ-то какъ припекаетъ.... По старымъ примѣтамъ, яровымъ бы надо хорошо уродиться.... Дай-ка, Господи, благое совершеніе!... Ну что̀, красавица, какія у тебя до меня тайности? спросила она Фленушку, когда остались онѣ одаль отъ другихъ келейницъ.

— Письмецо матушка Манефа до васъ прислала и на рѣчахъ кой о чемъ приказала, молвила Фленушка, отдавая письмо.

— Не матушкина рука, взглянувъ на письмо, сказала Августа и спрятала его подъ апостольникъ.

— Не совсѣмъ еще оправилась она послѣ болѣзни-то, отвѣтила

* Такъ называется весь головной уборъ старообрядскихъ инокинь: камилавка, наметка и апостольникъ.

Digitized by Google

Фленушка.—Самой писать еще не въ моготу.... Я съ ея словъ писала.

— Ты писала? кротко спросила мать Августа, вскинувъ глазами на Фленушку.

— Съ матушкиныхъ словъ, отвѣтила Фленушка.—На концѣ и ея руки приписка есть. Поглядите.

— Погляжу, молвила Августа.—Какія жь тайности ты мнѣ скажешь?

— Да на счетъ того что̀ тутъ писано.... Матушка велѣла вамъ на словахъ объяснить....

— Что-жь такое? спросила Августа.

— Зоветъ къ себѣ на Петровъ день, сказала Фленушка.—Собраніе у насъ въ обители будетъ. Изо-всѣхъ скитовъ съѣдутся матери.

— По какому дѣлу?

— Изъ Москвы на счетъ епископа посланника прислали....

— Не пріемлемъ, отрѣзала мать Августа.—Изъ-за этого не сто́итъ стары кости трясти.... Не пріѣду.

— Софронію отвержену быть, продолжала Фленушка.

— Не наше дѣло, сказала Августа.

— Новаго архіепископа думаютъ поставить—владимірскаго, продолжала таки свое Фленушка.

— Не пріемлемъ, еще разъ отрѣзала Августа и хотѣла идти черезъ дорогу къ своимъ старицамъ.

— Да еще про скитъ вашъ писано, матушка, и мнѣ поговорить наказано, молвила Фленушка.

— Что̀ жь такое? безстрастно спросила Августа.

— Изъ Питера письма получены, сказала Фленушка.—Казанскую у васъ хотятъ отобрать.... На счетъ вашего скита разузнать велѣно какъ онъ послѣ пожара заново ставленъ....

— Слышала, равнодушно отозвалась мать Августа.

— На этотъ счетъ и велѣно мнѣ съ вами переговорить, молвила Фленушка.—Дѣло общее, всѣмъ бы надо вмѣстѣ обсудить его какъ и что̀ дѣлать.

— Судить-то нечего, молвила мать Августа.

— Какъ бѣду отвести, гдѣ помощи искать, заступниковъ.... говорила Фленушка.

— Есть у насъ и помощь и засту́па, сказала мать Августа.—Другихъ искать не хотимъ.

— Гдѣ жь засту́па ваша? спросила Фленушка.

— У Царицы Небесной, твердо отвѣтила Августа.—Пока-

Digitized by Google

мѣсть Она Матушка не оставила убогаго дома нашего, какую еще заступницу искать?... Не на помощь человѣческую, на Нее надѣемся. Скажи, красавица, матушкѣ Манефѣ не погнѣвалась бы, не посердитовала бы на насъ убогихъ—не поѣду я къ ней на собраніе.

— Посовѣтовались бы, матушка, сказала Фленушка.

— Нечего мнѣ совѣтоваться, не объ чѣмъ, перервала Августа. — Одна у меня совѣтница, одна и защитница—Царица Небесная, Казанская Богородица. — Ею Матушкой всѣ наши скиты держатся.... Отринуть ее, да пойти на совѣтъ человѣческій—какъ же я возмогу?... Она Матушка—стѣна наша необоримая, она крѣпкая наша заступница и во всѣхъ бѣдахъ скорая помощница. — Нѣтъ, красавица, не поѣду я на ваше собраніе.

— А какъ отнимутъ у васъ икону-то? Тогда что̀ заговорите? рѣзко сказала Фленушка, теряя напущенную на себя скромность.

— Не попуститъ Владычица, молвила Августа и низко поклонясь Фленушкѣ пошла на другую сторону дороги къ своимъ старицамъ.

— Матушка, сказала догоняя Августу Фленушка. — Помомните что̀ на Петровъ день у насъ праздникъ въ часовнѣ. — Въ прежни годы бывало вы къ намъ на Петровъ день, мы къ вамъ на Казанскую.

— Благодаримъ покорно, съ поклономъ отвѣтила мать Августа. — Коли жива да здорова буду, не премину побывать, а ужь на счетъ собранія не погнѣвалась бы матушка Манефа. Наше дѣло сторона.

И она пошла къ своимъ.

Фленушка къ Оленевскимъ подошла. Высокая, смуглая старица со строгимъ и умнымъ выраженьемъ въ лицѣ шла рядомъ съ малорослою, толстою инокиней, на каждомъ шагу задыхавшеюся отъ жары и непривычной прогулки пѣшкомъ. То были Оленевскія игуменьи: Маргарита и Фелицата, во всемъ съ Манефой единомысленныя. Фленушка передала имъ письма еще на Софонтьевой полянѣ и тамъ обо всемъ нужномъ съ ними переговорила.

— Ну что̀ сказала мать Августа? спросила Маргарита у Фленушки, когда та подошла къ ней.

— На праздникѣ быть обѣщалась, а на собранье идти не хочетъ, отвѣтила Фленушка.

Digitized by Google

— Ея дѣло, какъ знаетъ, съ досадой молвила Фелицата.— Объ епископѣ конечно совѣтоваться ей нечего.

— Не пріемлетъ такъ и разговору нѣтъ.—А на счетъ скита ихняго что сказала? спросила Маргарита у Фленушки.

— Надѣюсь, говоритъ, на Владычицу.—Она у меня говоритъ и совѣтница и заступница, другихъ не желаю, отвѣтила Фленушка.

— Экая гордость-то, экая гордость-то!... вскрикнула Фелицата.—Чѣмъ бы сообща дѣло обсудить, да потомъ Владычицу-то въ Москву свезти, аль въ другое надежное мѣсто припрятать, она поди-ка что — умнѣй всѣхъ хочетъ быть.

— Ну Господь съ ней, какъ знаетъ, такъ пущай и распоряжается.—Не наше дѣло, Фелицатушка, успокоивала Маргарита свою пріятельницу.

— Какъ не наше дѣло? горячилась Фелицата. —Какъ не наше дѣло? Сама знаешь что со всѣми будетъ коли отберутъ изъ Шарпана Владычицу.—Тутъ всѣхъ скитовъ дѣло касается, не одного Шарпана.... Нѣтъ—этого нельзя!... На соборы надо эту гордячку подъ власть подвести, чтобы общаго совѣта слушалась. — Такъ нельзя!...

— А чѣмъ ты ее подъ власть-то подтянешь? спросила Маргарита. — Коли не захочетъ слушать — чѣмъ приневолишь?

— По общему согласью рѣшимъ, должна будетъ послушать, сказала Фелицата.

— А плевать ей на общее-то согласіе, съ усмѣшкой молвила Маргарита.—Кому пойдешь на нее жалобиться?

— Въ Москву напишемъ, сказала Фелицата.

— А что ей Москва-то? продолжала Маргарита,—шарпанскія и безъ того знать ее не хотятъ. Не намъ съ тобой онѣ чета, Фелицатушка: за сборами не ѣздятъ, канонницъ по домамъ не разсылаютъ, никому не угождаютъ, а всѣхъ богаче живутъ.

Въ это время скитницы подошли къ деревнѣ и стали расходиться по своимъ знакомымъ. Тутъ Фленушка успѣла раздать всѣ привезенныя письма.

Оленевскія съ Манефиными въ одномъ дому пристали. Обѣдъ предложенный радушнымъ хозяиномъ продолжался долго. Конца не было всѣмъ этимъ пшённикамъ да лапшённикамъ, пшённицамъ да лапшённицамъ.

Уже совсѣмъ смерклось, когда старицы велѣли работникамъ лошадей запрягать. Оленевскія игуменьи уѣхали, а мать Аркадія долго еще оставалась у гостепріимнаго своего сродника.. Искали Василья Борисыча. Кто его знаетъ—куда-то запропа-

Digitized by Google

стился.... Устинью тоже не вдругъ сыскать могли. Сказывала что къ улангерскимъ матерямъ повидаться ходила.

Всю дорогу ворчала на нее мать Аркадія. Устинья хохотала, а Василій Борисычъ то-и-дѣло восклицалъ:

— Искушеніе!...

LV.

Когда Марья Гавриловна воротилась съ Настиныхъ похоронъ, Таня узнать не могла „своей сударыни“. Такая стала она мрачная, такая молчаливая.

Сердце переболѣло у Тани. „Что̀ за печаль такая, она думаетъ, откуда, горе взялось?... Не по Настѣ же покойницѣ сокрушается да тоской убивается.... Иное что̀ запало ей на̀ душу“.

Двѣ недѣли прошло... Грустная, ко всему безучастная Марья Гавриловна вдругъ оживилась, захлопотала, и что̀ ни день, то дѣлалась суетливѣй. За то дѣло хватится, за другое примется,—ни того ни другаго не додѣлаетъ. То битый часъ сидитъ у окошка, и молча глядитъ на дорогу, то изъ угла въ уголъ метаться зачнетъ, либо безо всякой видимой причины порывистыми рыданьями зарыдаетъ. Путнаго слова не можетъ отъ нея Таня добиться—по̀ пусту гоняетъ ее Марья Гавриловна туда и сюда, приказываетъ съ нетерпѣньемъ, отказываетъ съ досадой.... Спроситъ о чемъ Таня—промолчитъ, ровно не слыхала, либо дастъ отвѣтъ не въ попадъ. А по ночамъ все вздыхаетъ да тоскуетъ; станетъ поу́тру Таня постель оправлять, анъ думка * хоть выжми—вся мокрехонька. И каждый день хуже да хуже—таетъ Марья Гавриловна какъ свѣча на огнѣ.

„Лихіе люди ее изуро̀чили“ **, думаетъ Таня, не зная чѣмъ инымъ растолковать необычные поступки и странныя рѣчи Марьи Гавриловны. „Либо прѝтку *** по̀ вѣтру на нее

* Думка—маленькая подушка подкладываемая подъ щеку.

** Изуро̀чить—колдовствомъ навести на человѣка болѣзнь, испортить.

*** Притка—посредствомъ порчи напущенная болѣзнь съ обмороками, безпричинными рыданьями и истерическими припадками.

Digitized by Google

напустили, либо слѣдъ ея изъ земли вынули". Какъ тому горю пособить, кому суро́чить * съ „сударыни" злую болѣсть лиходѣями напущённую?

Слыхала Таня что по сосѣдству съ Каменнымъ Вражкомъ въ деревнѣ Елфимовѣ знахарка живетъ—тетка Егориха, и что пользуетъ она отъ уро́чныхъ ** скорбей, отъ призора очесъ *** и отъ всякихъ иныхъ злою ворожбой напускаемыхъ на людей недуговъ. Заговоръ ли отчини́ть, порчу ли снять, кумоху **** ль отогнать, при рѣзахъ, порубахъ кровь остановить, другое ли знахарство какое сдѣлать—всѣ деревенскіе теткѣ Егорихѣ ку́чатся и завсегда отъ нея пользу видятъ.... Но въ честны́хъ обителяхъ скита Комаровскаго знахарку не жаловали. Матери келейницы распускали про Егориху славу не хорошую—она де съ нечистой силой знается, рѣшилась де креста и молитвы и душу свою самому сатанѣ продала. Отъ ко́бей и волхованій Егорихи честны́я старицы святыми молитвами скитъ ограждали, а бѣлицамъ строго-на́-строго наказывали не то что говорить съ нею, не глядѣть даже на кудесницу, угрожая въ противномъ случаѣ по́мстою † отъ Господа.... При каждомъ упоминаньи имени знахарки, крестясь и на лѣвую сторону отплевываясь, старицы одна рѣчистѣй другой чудны̀я дѣла про нее раскавывали.... Говорили что водится Егориха и съ лѣсною, и съ водяною и съ полевою не́чистью, знается со всею силой преисподнею, чернымъ ворономъ летаетъ подъ о́блаки, щукой-рыбою въ водахъ плаваетъ, сѣрой волчицей по полямъ рыскаетъ.... Отъ нея еретицы улетаютъ птицы въ высь поднебесную, отъ нея уходитъ рыба въ я́ры-омуты глубокіе, отъ нея звѣри бѣгутъ въ трущобы непроходныя.... Разъ, сидя въ келарнѣ на посидкахъ у матери Виринеи, уставщица мать Аркадія при Танѣ разказывала что сама она своими глазами видѣла какъ къ Егорихѣ летунъ †† прилеталъ.... „Осенью было

---

* Суро́чить — знахарскими заговорами снять напущенную на человѣка болѣзнь.

** Урокъ—порча.

*** Призоръ очесъ, сглазъ—порча происходящая отъ взгляда недобрымъ глазомъ.

**** Кумоха—лихорадка.

† По́мста—наказаніе, мщеніе.

†† Летучій, воздушный духъ, огненный змѣй.

Digitized by Google

дѣло, говорила она, только-что кочета́ полночь опѣли, * засидѣвшись у Глафириныхъ шла я до своей обители и въ небѣ летуна примѣтила.... Красёнъ что каленый уголь, не меньше добраго гуся величиной, тихо и колыхаясь плылъ онъ по воздусямъ и надъ самой трубой Егорихиной кельи разсыпался кровяными мелкими искрами....“ Кривая мать Измарагда, изъ обители Жжениныхъ зашедшая со своими бѣлицами къ Манефинымъ на бесѣду, съ клятвой увѣряла что разъ подстерегла Егориху какъ она въ горшкѣ ненастье стряпала.... „Си́дя на берегу рѣчки у самого мельничнаго омута́, разказывала Измарагда, колдунья въ воду пустые горшки грузи́ла; отъ того сряду пять недѣль дожди лили неуёмные, сиверки дули холодные и въ тотъ годъ весь хлѣбъ пропалъ—не воротили на сѣ́мена....“ А еще однажды при Танѣ же приходила въ келарню изъ обители Разсохиныхъ вѣчно растрепанная, вѣчно дрожащая, съ камилавкой на боку мать Меропея.... Та клялась всѣми угодниками что видѣла какъ раннимъ утромъ въ день Благовѣщенья черти Егориху ровно шубу въ Петровки провѣтривали. Подняли они вѣдьму на возду́си и долгое время держали ее внизъ головою, срамъ даже смотрѣть было. Хоть мать Меропея паче мѣры любила слезу іерусалимскую, ** однако и черницы и бѣлицы довѣряли ея росказнямъ.... И мало ли чего не судачили по скитамъ про Елфимовскую знахарку.... И молоко-то она изъ чужихъ коровъ выдаиваетъ, и спорынью-то изъ хлѣба выкатываетъ, и грозы-то и бури нагоняетъ, и градъ-то и мо́лость *** напускаетъ, и на людей-то порчу посылаетъ.... „Правда, иной разъ и снимаетъ она болѣзни, прибавляли матери, но тутъ же на иныхъ людей переводитъ... А на кого озлобится, оборотитъ того въ звѣря либо въ птицу какую.... Егориха молода́ овдовѣла и въ прежни годы съ пареньком любилась. Жилъ онъ у язвицкихъ ямщиковъ въ работникахъ, а самъ дальній былъ, съ Горъ изъ-за Кудьмы. Подарила ему Егориха конька да кобылку, и сталъ паренекъ отъ

---

* Кочетъ — пѣтухъ. Первые кочета полночь опѣваютъ, вторые (передъ зарей) чертей разгоняютъ, третьи (на зарѣ) солнышко на́ небо зовутъ.

** Въ скитахъ и вообще въ Керженскихъ и Чернораменскихъ лѣсахъ „іерусалимскою слезой“ въ шутку называютъ водку.

*** Мо́лостьемъ за Волгой зовутъ ненастье, слякоть, мокрую и вѣтряную погоду.

себя хозяйствовать, на своихъ лошадкахъ ямскую гоньбу гонять. И гонялъ онъ на тѣхъ лошадушкахъ три года съ тремя мѣсяцами.... Что же вышло?—Ѣздилъ парень на родномъ батюшкѣ да на родной матушкѣ"..... Озлобилась за что-то Егориха на родителей своего полюбовника, да въ лошадей ихъ на три года съ тремя мѣсяцами и оборотила.... „Что стоитъ такой вѣдьмѣ надъ человѣкомъ лагубу стрясти, толковали келейницы, коли мѣсяцъ съ неба красть умѣетъ и солнышко круторогимъ мѣсяцомъ ставитъ."

Не то про Егориху по селамъ и деревнямъ говорили. Тамъ добрая слава про нее ходила, тамъ любили ее и честили великимъ почетомъ. Ото всякихъ болѣзней она пользовала травами и кореньями, снимала порчу заговорами и все съ крестомъ да съ молитвою. Опять же за то любили ее что была она некорыстная—за лѣчьбу ли за другое ли что подарятъ ее, возьметъ съ благодарностью, а сама ни за что въ свѣтѣ не попроситъ. Знали про нее и то что много тайной милостыни раздаетъ она, много творитъ добра потаенаго.... Слушая что толкуютъ скитскія матери про добрую знахарку, не въ шутку по деревнямъ на нихъ сердитовали. „Поглядѣли бъ онѣ, пустобайки чернохвостыя, говорили мужики деревенскіе, поглядѣли бы какъ ребятишки наши любятъ Егориху, а въ младенцѣ душа ангельская, къ бѣсовской нечисти развѣ можно ей льнуть?"

Родомъ будучи дальняя, живучи безысходно въ обители, не слыхала Таня какія рѣчи въ міру ведутся про Егориху, а страшныхъ разказовъ отъ старицъ обительскихъ вдоволь наслушалась. Келья елфимовской знахарки представлялась ей бѣсовскимъ вертеломъ, исполненнымъ всякихъ страховъ и злыхъ чарованій, а сама знахарка горбатою, безобразною старухой съ кошачьими глазами, свиными клыками и совинымъ носомъ. То думалось Танѣ — сидитъ Егориха на змѣиной кожѣ, варитъ въ кипучемъ котлѣ разныхъ гадовъ, машетъ надъ ними чародѣйной ширинкой и кличетъ на помощь бѣсовъ преисподней... То представлялось ей какъ Егориха верхомъ на помелѣ быстрѣе стрѣлы несется по воздуху, какъ въ глухую полночь копаетъ она на кладбищѣ могилы, а оттуда въ лѣсъ бѣжитъ и тамъ ровно куръ да гусей на кормежку—змѣй подколодныхъ скликаетъ.... Какихъ страховъ про знахарку на обительскихъ бесѣдахъ Таня не наслушалась!.. Какихъ чудесъ не наскавали ей болтливыя келейницы!...

Думаетъ Таня: „Кромѣ тетки Егорихи такихъ людей кто бы

Digitized by Google

суро́чить при́тку умѣлъ по близости нѣтъ.... Какъ же тутъ быть?.. Молвить Марьѣ Гавриловнѣ позвала бы къ себѣ знахарку?.. Не захочетъ она съ вѣдьмой хороводиться *. Да и то взять— приведешь ее сюда, послѣ съ нѐчистью пожалуй не развяжешься.... Ну какъ приманишь къ себѣ силу бѣсовскую?... Ну какъ летунъ прилетитъ да разсыплется по нашимъ горенкамъ огненными искрами?... Ну какъ по ночамъ вокругъ домика демоны зачнутъ на сходку сбираться да треклятыя свои мечтанія ** заведутъ: го́лки и клики, безстудныя скаканія, неистовые свисты и топоты но́жные и вой и гудѣніе и мерзкое въ долони плесканіе?... Оборони Господи и помилуй отъ такой напасти!... Читаютъ же канонницы за трапезой что самимъ угодникамъ Божіимъ такія напасти отъ нѐчисти бывали, какъ же намъ-то грѣшнымъ отъ нея устоять?... Опять же теткѣ Егорихѣ въ обитель ходу нѣтъ: увидятъ матери, кочергами да ухватами изъ скита ее вытурятъ.... Самой развѣ тихими стопами, по тайности, сходить въ Елфимово и попросить тетку Егориху порчу заглазно снять, но страшно подумать къ ней въ келью войти.... И подступить близко къ вѣдьмину жилью страшно—неравно наступишь на какую-нибудь нашептаную щепку либо перешагнешь чрезъ заговоренную ямку, не то сухой листочекъ либо соломенку вѣтромъ свѣетъ съ колдуньиной кровли — и тутъ какъ разъ злая притка на тебя накатитъ.“

Отъ одной мысли идти къ Егорихѣ Танѣ всю спину мурашками осыпа́ло.

А Марьѣ Гавриловнѣ съ каждымъ днемъ хуже да хуже. Отъ ѣды отъ питья ее отвадило, ото сна отбило, а думка каждую ночь мокрехонька.... Беззавѣтная, горячая любовь къ своей „сударынѣ“ не даетъ Танѣ покою ни днемъ ни ночью. „Перемогу страхи-ужасы, думаетъ она, на себя грѣхъ сойму, на свою голову сворочу силу демонскую, а не дамъ же хилѣть да болѣть отъ злой бо́лѣсти моей милой сударынѣ. Пойду въ Елфимово—что̀ будетъ то и будь“.

Разъ до вторыхъ кочето́въ не спала Марья Гавриловна, ночь ноченскую провздыхала она да проплакала... До зари не смыкала глазъ Таня, сидя на корточкахъ у двери спальной горницы

* Хороводиться—знаться, водиться съ кѣмъ.

** Мечтаніе, мечта — въ народномъ языкѣ употребляется лишь въ смыслѣ привидѣнія, призрака, обмана чувствъ сверхестественною силой.

Digitized by Google

и прислушиваясь ко вздохамъ и рыданьямъ дорогой своей „сударыни“. Растопилось сердце преданной дѣвушки жалостью и только-что забылась дремотой Марья Гавриловна, поспѣшно надѣла она на босу ногу выступки *, вздѣла на плечи стеганый капотецъ, повязала голову шерстяной косыночкой и не переводя духа бѣгомъ побѣжала въ Елфимово.

Манефина обитель на краю Комарова стоитъ, до Елфимова отъ нея версты не было. Скорехонько долетѣла туда рѣзвоногая Таня, благо обитель-то спала еще и никто ее не примѣтилъ. Все обошлось ладно, да вотъ какова бѣда приключилась: Елфимово деревушка хоть и маленькая, двѣнадцати дворовъ въ ней не наберется, да не вѣстно было Танѣ доподлинно въ коемъ дворѣ искать знахарку, подъ коимъ окномъ стукнуться къ теткѣ Егорихѣ.... А на улицѣ ни души — рань глубокая, еще не звали кочета солнышка на небо, не чирикали воробьи подзастрѣшные **, не мычали подъ навѣсами коровушки, а псы сторожковые, за ночь до сыта налаявшись, свернулись въ клубки и спали на зарѣ подъ крыльцами.... Кого спросить, кому покучиться?... „Экая я глупая, экая неразумная, бранитъ себя Таня въ раздумьи стоя на Елфимовской улицѣ—не спознала напередъ въ коемъ дому искать ее!...“

Тутъ завидѣла Таня что идетъ къ ней на встрѣчу съ другаго конца деревни высокая ростомъ, статная женщина, далеко еще не старая, въ темно-синемъ крашенинномъ сарафанѣ съ оловянными пуговками, въ ситцевыхъ рукавахъ, съ пестрымъ бумажнымъ платомъ на головѣ и съ лычнымъ пестеромъ *** за плечами. Бодрымъ ходомъ подвигается она къ Танѣ. Поровнявшись окинула она дѣвушку пытливымъ, но добрымъ и ласковымъ взоромъ и съ привѣтной улыбкой ей молвила:

— Путь тебѣ чистый, красавица!

Таня поклонилась, но ни слова не сказала на привѣтъ незнаемой женщины.

---

* Выступки—родъ женскихъ башмаковъ съ высокими передами и круглыми носками.

** Застрѣха—жолобъ подъ скатомъ крыши, въ который упираются нижніе концы теса или драни. На застрѣхахъ по деревнямъ обыкновенно воробьи живутъ, отчего и называются подзастрѣшными.

*** Пестеръ иначе пещуръ—заплечная котомка изъ лыка, иногда изъ прутьевъ.

Digitized by Google

— Отколь будешь, дѣвица? спросила ее та женщина.

— Изъ Комарова, тетушка, робко отвѣтила Таня, довѣрчиво глядя въ добрые голубые глаза привѣтливой незнакомки.

— Что̀ раненько таково?... Куда идешь-пробираешься?... Дѣло пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь? спросила она.

— По своему дѣлу, отвѣтила Таня.

— Дѣвица, вижу, ты хорошая, молвила та женщина съ любовью глядя на Таню. — Не тебѣ бы по зарямъ ходить, молодые ребята здѣсь безсовѣстные, а старые люди обидливые— какъ разъ того наплетутъ на дѣвичью голову что послѣ не открестишься, не отмолишься.

— Знахарка у васъ на деревнѣ живетъ, стыдливо краснѣя молвила Таня.—Я было къ ней....

— Къ теткѣ Егорихѣ? улыбнулась встрѣчная женщина.

— Да.... молвила Таня, опуская очи на земь.

— Какое жь дѣло твое, дѣвонька?... Вѣдь я сама и есть знахарка Егориха.

Слова не можетъ Таня вымолвить.... Такъ вотъ она!... Но какая жь она добрая, какая привѣтная да пригожая!... Довѣрчиво смотритъ Таня въ ея правдой и любовью горѣвшія очи и любо ей слышать мягкій, нѣжный, задушевный голосъ знахарки... Ровно обаяньемъ какимъ съ первыхъ жь словъ Егорихи возникло въ душѣ Тани безотчетное къ ней довѣріе, безпричинная любовь и ничѣмъ необоримое влеченье.

— Какое жь у тебя дѣло до меня, красавица? спросила тетка Егориха.

— Не мое дѣло, отвѣтила Таня,—а моей „сударыни". Благодѣтельница моя, мать родная, можетъ слыхала ты про купчиху Масляникову Марью Гавриловну, что̀ живетъ въ Манефиной обители?...

— Слыхала, дѣвонька, слыхала, молвила знахарка.—Много про нее добраго слыхала я.—Кроткая, сказываютъ, сердобольная, много горя на долю ея выпало, а сердце у ней не загрубѣло.... И честно хранитъ она вдовью свою участь.... Все знаю, лебедушка.... Николи не видывала въ глаза твоей Марьи Гавриловны, а знаю что вдовица она добрая, хорошая.

— Ангелъ Божій—вотъ она какова, тетушка, съ глубокимъ чувствомъ любви порывисто молвила Таня.

— И ты, по всему вижу, дѣвушка добрая, хорошая, сказала знахарка.—Хорошихъ людей только хорошіе любятъ.

Digitized by Google

— Больнехонька она, тетушка, напущено на нее.... начала было Таня.

— Погоди, погоди маленько, красавица, все по̀ ряду разкажешь, сказала Егориха, взглянувъ на разгоравшуюся въ небѣ зарю.— Видишь солнышко близится, скоро народъ подыматься учнетъ— не хорошо какъ тебя на деревнѣ увидятъ, парни у насъ бѣдовые... Не ровенъ случай—со стороны кто увидитъ тебя—нехорошая слава пойдетъ... Дойдутъ напрасныя рѣчи до Марьи Гавриловны, она оскорбится на тебя... Пойдемъ-ка мы съ тобой на всполье, да тамъ походя, спустимся въ Каменный Вражекъ.... Сегодня на Тиховъ день * тиха добра мать-сыра-земля... И солнышко сегодня тихо по̀ небу течетъ... И пѣвчія пташки съ нынѣшняго дня затихаютъ.... Свѣтъ тихій святыя славы Господней сегодня сіяетъ!... Отъ него всѣ травы полнымъ сокомъ наливаются и вплоть до Иванова дня въ цѣлебномъ соку стоятъ.... Нельзя упустить сегодняшней росы утренней.—На Тиховой росѣ—надо травы рвать, корни копать, цвѣты сбирать.... Пойдемъ!... Ходючи со мной поразкажешь про болѣзнь Марьи Гавриловны.

Сердце замерло у Тани, страсть на нее напала.... „Зелья сбирать, коренья копать!... Колдуньѣ помогать!" шевельнулось у ней на умѣ, но Егориха ровно прочла что̀ у нея по мыслямъ прошло.

— Именемъ Христовымъ, да именемъ Пресвятой Богородицы тѣ травы сбираютъ.... сказала она.—Сорви травку безъ имени Божьяго—не будетъ отъ нея пользы человѣкамъ.... Ты не вѣрь, красавица, что̀ келейницы про Господне созданье разказываютъ.... По ихнему — и табакъ трава не Богомъ сотворена, а діаволомъ, и дорого̀й травой ** лѣчиться не слѣдуетъ, потому де что когда Господь по землѣ ходилъ, всѣ травы передъ Нимъ преклонилися, не поклонилась одна дорогая трава.... И гулёна *** по ихнему содомское яблоко, и чай отъ Бога отчаеваетъ, и кофій строитъ ковъ на Христа... Много пустаго плетутъ ваши старицы....

Таня молчала, съ удивленьемъ слушая рѣчи знахарки.

— Надъ старыми книгами вѣкъ свой корпятъ, продолжала та,— а не знаютъ ни что̀ творятъ, ни что̀ говорятъ... Вѣрь мнѣ, красавица, нѣтъ на сырой землѣ ни единой былиночки котора бы на

---

* Іюня 16 Св. Тихона.

** Smilax sarsaparilla.

*** Гулена—картофель.

Digitized by Google

пользу человѣкамъ не-была создана.—Во всякой травкѣ, во всякомъ цвѣточкѣ великая милость Господня положена.... Исполнена земля дивности Его, а любови къ человѣкамъ у Него Свѣта мѣры нѣтъ.... Мы ль не грѣшимъ, мы ли злобой да кривдой не живемъ?... А Онъ милосердый все терпитъ, все любовью Своей покрываетъ....

Отлегло у Тани отъ сердца. Съ простодушной довѣрчивостью спросила она:

— Такъ въ заправду ты, тетенька, все съ крестомъ да съ молитвой творишь?

— А то какъ же? отвѣтила знахарка.—Безъ креста, безъ молитвы ступить нельзя!... Когда травы сбираешь, когда корни копаешь—отъ Господа дары принимаешь.... Онъ Самъ тутъ невидимо передъ тобой стоитъ и ангеламъ велитъ помогать тебѣ.... Велика тайна въ томъ дѣлѣ, красавица!... Тутъ не суетное и ложное, а доброе и полезное творится—Богу во славу, Божьему народу во здравіе, отъ лютыхъ скорбей во спасеніе.

— А какъ же боялась я тебя, тетушка!... промолвила Таня.

— Еще бъ не бояться!... Въ скиту живешь, улыбнулась Егориха.—Тамъ люди про меня и не знай чего тебѣ въ уши напѣли. Съ бѣсами де водится, съ демонами.... Такъ что ли?

— Чтò говорить, тетенька?... Всякаго было насказано, отвѣтила Таня, оправляя на головѣ косынку.

— Богъ съ ними! незлобно и тихо промолвила знахарка.—А ты вотъ чтò знай, вотъ чтò вѣдай, красавица: есть тайны добрыя, есть тайны темныя. Добрыя отъ Бога, темныя отъ врагà идутъ. Тайную Божію силу ничто отмѣнить не можетъ, а темную силу вражію Господней силой побороть можно.... Есть знахари, которы темной силой орудуютъ, и то человѣку на вредъ.... А кого умудритъ Господь Свою тайную силу познать или хоть самую малицу силы той,—тому человѣку легко отдѣлать * вредъ лихимъ знахарствомъ напущенный.... Темная сила отъ имени Божія трепещетъ, отъ силы Его какъ дымъ исчезаетъ.... И кого умудритъ Господь уразумѣть тайную силу Свою, тотъ видитъ ее и въ зорахъ алыхъ, и въ радугѣ семицвѣтной, и въ красномъ солнышкѣ, и въ ясномъ мѣсяцѣ, и въ каждомъ деревцѣ, въ каждой травкѣ, въ каждомъ камешкѣ.... Вездѣ во всемъ разлита тайная сила Божія....

* Отдѣлать—снять порчу.

— И тебя умудрилъ Господь? умильно спросила Таня, съ любовью глядя въ свѣтлыя очи Егорихи.

— Умудрилъ, красавица, хоть на малость самую, а умудрилъ, съ благоговѣньемъ отвѣтила Егориха.—И за тотъ великій даръ денно и нощно благодарю я Создателя.... Все-таки иной разъ доведется хворому, недужному пользу принесть, все-таки иной за тебя Богу помолится.... Однако прибавимъ шагу, туманы вздымаются, роса умываетъ лицо матери-сырой-земли.... Гляди какія полотенца по небу несутся. Утираться ими матери-сырой-землѣ.... Видишь? прибавила она, указывая на утреннія перистыя облака, что розовыми полосами съ золотистыми краями подернули небесную глубь.

— Ну, рассказывай теперь про Марью Гавриловну.... Что такое приключилось съ ней? молвила Егориха, когда подошли онѣ къ самому Каменному Вражку.

Таня разказала какъ умѣла. Внимательно слушала ее знахарка, и когда дѣвушка кончила свой разказъ, такъ заговорила:

— На самоё бы надо взглянуть, да ходу мнѣ въ вашу обитель нѣтъ.... Ну — не бѣда: дамъ я тебѣ корешковъ да травокъ, зашей ты ихъ въ какую ни на есть одёжу Марьи Гавриловны, да чтобъ она про то не знала не вѣдала.... Всего бы лучше въ рубаху да поближе къ вороту.... А станешь тѣ травы вшивать, сорокъ разъ „Богородицу“ читай. — Безъ того пользы не будетъ.... Ну вотъ и пришли....

Вынула знахарка косарь изъ пестера и оборотясь на рдѣющій зарею востокъ велѣла Танѣ рядомъ съ собою стать.... Положила еще не взошедшему солнцу три поклона великіе да четыре поклона малые и стала одну за другою молитвы читать.... Слушаетъ Таня—молитвы все знакомыя, церковныя: „Достойно,“ „Вѣрую“, „Богородица“, „Помилуй мя Боже“. А прочитавъ тѣ молитвы, подняла знахарка глаза къ небу и вполголоса особымъ напѣвомъ, стала иную молитву творить.... Такой молитвы Таня не слыхивала....

То была „вѣщьба“ — тайное, крѣпкое слово.

„Встану я раба Божія Наталья помолясь-благословясь, пойду во чисто поле подъ красное солнце, подъ свѣтёлъ мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды, подъ полётныя облаки. Стану я рабица Божія во чистомъ полѣ на ровномъ мѣстѣ, что на томъ ли на престолѣ на Господнемъ,... облаками облачусь, небесами покроюсь, на главу положу солнце красное, подпояшусь свѣтлыми зорями, обтычусь частыми звѣздами что вострыми стрѣлами....

Digitized by Google

Небо ты небо!... Ты небо видишь!.. Ты небо слышишь!... Праведное солнце благослови корни копати, цвѣты урвати, травы сбирати!... А на что̀ ихъ сбираю было бы на то пригодно!... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь."

Потомъ пала ницъ на землю. Тутъ на иной ладъ, инымъ напѣвомъ завела она мольбу къ Матери-Сырой-Землѣ:

Охъ ты гой еси Сыра-Земля
Мати намъ еси родная,
Всѣхъ еси ты породила,
Воспоила, воскормила
И угодьемъ надѣлила....
Для людей—своихъ дѣтей
Зелій еси породила,
И злакъ всякій напоила,
Польгой * бѣса отгоняти,
И въ болѣзняхъ помогати,—
Повели съ себя урвати
Зелій, свадобьевъ, угодьевъ
Ради польги на животъ.

И вставъ поклонилась трижды на востокъ.... И со словами „Господи благослови" начала косаремъ копать коренья и класть ихъ въ лычный лестеръ.

И принимаясь за рытье каждаго корня „Господи благослови" говорила, а копая „Богородицу" читала.

Слушаетъ Таня, сама дивуется. „Что̀ за рѣчи такія, что̀ за молитвы чудныя?" думаетъ она про себя.... „А нѣтъ въ тѣхъ молитвахъ никакой супротивности, ни единаго чернаго слова она не промолвила. Божьимъ словомъ зачала, святымъ аминемъ закончила."

То были вѣщія слова̀, съ которыми предки наши въ своихъ мольбахъ обращались къ Небу ходячему, къ Солнцу высокому, къ Матери-Сырой-Землѣ.... Какъ ни старалась христіанская церковность истребить эти остатки языческой обрядности, затмить въ народной памяти все что̀ касалось старой вѣры,—все-таки много ея обломковъ доселѣ сохранилось въ простонародьѣ. Святочныя гаданья, коляда̀, хороводы, свадебныя пѣсни, плачи вопленницъ, заговоры, заклятья — все это остатки языческой

* Вмѣсто „польза" въ Нижегородскомъ и Костромскомъ Заволжьѣ говорятъ „польга".

Digitized by Google

обрядности, а слова при нихъ употребляемые — обломки молитвъ которыми когда-то молились наши предки своимъ старорусскимъ богамъ. Но ни въ какихъ пѣсняхъ такъ полно и такъ цѣльно не сохранились слова тѣхъ стародавнихъ молитвъ какъ въ таинственныхъ заговорахъ и заклинаньяхъ. Составляя предметъ знанія немногихъ, цѣльнѣй и сохраннѣй переходили они изъ рода въ родъ.... Русскій народъ будучи въ дѣлахъ вѣры такъ привержен къ буквѣ и обряду, сохраняетъ твердое убѣжденье что молитва ли церковная, заговоръ ли знахарской дѣйствуютъ лишь тогда если въ нихъ не опущено и не измѣнено ни единаго слова и если все прочтено или пропѣто на извѣстный ладъ изстари установленнымъ напѣвомъ. Оттого въ заговорахъ и въ заклятьяхъ и дошли до насъ сохранно древнія молитвы предковъ, возсылавшіяся ими излюбленнымъ, роднымъ богамъ своимъ. Со временемъ въ иныхъ заговорахъ появились обращенія къ христіанскимъ святымъ и къ византійскимъ бѣсамъ, о которыхъ понятія не имѣли старорусскіе поклонники Грома гремучаго и Матери-Сырой-Земли. Святыхъ включили въ заговоры чтобъ не смущать совѣсти вѣрующихъ, а подъ незнакомыми язычникамъ бѣсами, народъ по наставленіямъ церковныхъ пастырей сталъ разумѣть древнихъ боговъ своихъ. Несмотря на такія искаженія слова заговоровъ доселѣ вѣютъ стариной отдаленной.... Въ нихъ уцѣлѣла обрядность чтимая давними нашими предками....

— Гляди, красавица, говорила Танѣ знахарка, копая одинъ корень руками.—Вотъ сильная трава.... Ростомъ она съ локоть, ростетъ кусточкомъ, цвѣтокъ у ней вишь какой багровый, а корень-то, гляди, крестъ на крестъ.... Желѣзомъ этотъ корень копать не годится, руками надо брать.... Это Петровъ крестъ *, охраняетъ онъ отъ нечистой силы... Возьми.

Таня взяла корешокъ. Знахарка продолжала сборъ травъ и рытье кореньевъ.... Тихо и плавно нагибала она стройный станъ свой, наклоняясь къ землѣ.... Сорветъ ли травку, возьметъ ли цвѣточекъ выроетъ, ли корень — тихо и величаво подыметъ его къ верху и очами горящими огнемъ восторга ясно глядитъ на алую зарю разливавшуюся по небосклону. Ея щеки горятъ, ея грудь высоко подымается и вся она дрожитъ

* Петровъ крестъ—*Lathraea Squammaria*.

Digitized by Google

въ какомъ-то священномъ трепетѣ.... Высо́ко поднявъ руку и потрясая сорванною травой въ воздухѣ, восторженно она восклицаетъ:

— Ты, небо, видишь!... Ты, небо, слышишь!... Праведное солнце благослови!

Набравъ нѣсколько травъ, знахарка стала подавать ихъ одну за другою Танѣ.... А подавая такъ говорила:

— Вотъ Адамова глава, * полезна ото всякой болѣзни, ото всякаго зла, отдѣлываетъ она порчу, отгоняетъ темную силу... Бери... А вотъ Плакунъ-трава. ** Эта трава всѣмъ травамъ мати.—Когда Жиды Христа распинали, пречистую кровь Его проливали, тогда Пресвятая Богородица по Сынѣ слезы ронила на матушку на сыру землю... И отъ тѣхъ слезъ зараждалась Плакунъ-трава... Отъ Плакунъ - травы бѣсы и колдуны плачутъ, смиряетъ она силу вражію, рушитъ злое чародѣйство, сгоняетъ съ человѣка всякіе уро́ки и прі́тку...Бери... А это Чертогонъ-трава,***гонитъ бѣсовъ, порчу колдунами напущённую суро́чиваетъ, всякія болѣзни цѣлитъ и дѣвичью зазнобу унимаетъ.... Бери.... А вотъ и бѣленькій Одолень**** нашелся, сказала знахарка ступая въ боло́тце, по которому пестрѣли ярко-желтыя кувшинки, и палевые о́долени.—Чуешь какой благоуханный цвѣтъ!.... Одолѣетъ онъ всякую силу нечистую!.... Мать-Сыра-Земля со живой водой тотъ цвѣтокъ поро́дили—оттого ровна у него сила на водяни́цу и на поляни́цу. † Возьми цвѣточекъ, красавица.... А вотъ и Прострѣлъ-трава. †* Когда сатана былъ еще свѣтлымъ ангеломъ и въ гордынѣ своей возсталъ на Творца-Создателя, Михайло Архангелъ согналъ его съ неба высокаго на сыру землю. Сатана съ своими демонами за Прострѣлъ-траву спрятался, а Михайло Архангелъ кинулъ въ него громову стрѣлу. Прострѣлила стрѣла ту траву съ верху до́ низу, отъ того прострѣла разбѣжались всѣ демоны и съ

* Адамова голова, иначе Адамъ-трава или кукушкины сапожки — *Cypredium Calceolus.*

** Плакунъ иначе луговой звѣробой—*Hypericum Ascyron.*

*** Чертогонъ—*Scabiosa Succisa.*

**** Одолень—*Nymphea alba.* Тѣмъ же именемъ „одолень“ зовется и другое растеніе *Euphorbia pilosa.*

† Водяница—нечистая сила въ водахъ, поляница—въ поляхъ и вообще на землѣ.

†* Прострѣлъ трава—иначе лютикъ—*Aconitum lycoctonum.*

Digitized by Google

самимъ сатаной провалились въ преисподнюю.... И съ той самой поры бѣсовская сила боится Прострѣлъ-травы и бѣжитъ отъ нея на двѣнадцать верстъ. Избавляетъ та трава отъ призора очесъ, отъ урóчныхъ скорбей, отъ порчи, отъ прúтки и ото всякаго бѣсовскаго навожденья.... Бери.... А вотъ и седьмая трава намъ надобная—это Царь-трава. * Какъ громóвыя стрѣлы небесныя гонятъ темныхъ бѣсовъ въ преисподнюю, такъ и Царь-трава могучей силою прогоняетъ далекò силу нечистую.... Вотъ и всѣ семь травъ чтò пригодны къ утоленью скорбей Марьи Гавриловны.... Отломи отъ каждой по кусочку—да не забудь—съ молитвой и перекрестясь; зашей какъ я сказывала.... Черезъ три дня прибѣги сюда на Каменный Вражекъ сказать будетъ ли какая перемѣна у Марьи Гавриловны.— Не будетъ—ино другимъ тогда пособлю.... А теперь бѣги скорѣй красавица—солнышко на всходѣ, келейницы ваши скоро проснутся, увидать тебя могутъ смóтницы **.... Матери ваши нанести нéбыль на дѣвушку въ грѣхъ не поставятъ.... Бѣги, дѣвонька, проворнѣй бѣги!..—Христосъ съ тобою!...

Простясь со знахаркой, бѣгомъ пустилась Таня по полянѣ, направляясь къ Манефиной обители.... Но когда бѣжала она мимо часовни, рябая звонариха колотила ужь въ свои билы и клепалы, сзывая келейницъ къ заутрени.

Не цѣлятъ корни и трáвы Марью Гавриловну, нѣтъ ни малаго отъ нихъ облегченія. Не разъ бѣгала Таня на Каменный Вражекъ, не разъ приносила новыя снадобья отъ знахарки и клала ихъ подъ постель Марьи Гавриловны, либо въ воду, чтò приносила умываться ей.... Пользы не видѣлось.

Чтò жь за недугъ такой Марьѣ Гавриловнѣ приключился?... Чтò за немощь такая на нее накинулась?

Черезъ двѣ недѣли наказывала она Алексѣю въ Комаровъ побывать. Прошло четыре, а его нѣтъ какъ нѣтъ.... Оттого и безпокойныя думы съ утра дò ночи, оттого и суетня хлопотливая, оттого и думка каждое утро мокрà.

Не огни горятъ горючіе, не котлы кипятъ кипучіе, горитъ-кипитъ побѣдное сердце молодой вдовы.... Отъ взоровъ палю-

* Иначе Купальница—*Ranunculus acris.*

** Смотница—сплетница, клеветница.

Digitized by Google

чихъ, отъ сладкаго голоса, отъ всей красоты молодецкой распалилися у ней умъ и сердце, ясныя очи и бѣлое тѣло и горячая кровь... До-сыта бы на милаго наглядѣться, до сыта бы на желаннаго насмотрѣться!... Обнять бы его бѣлыми руками, прижать бы его къ горячему сердцу, растопить бы алыя уста его жаркимъ поцѣлуемъ!...

Про Евграфа помину нѣтъ.... Ровно она не знавала его, ровно Евграфа и на свѣтѣ никогда не бывало....

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

Digitized by Google

РУССКАЯ УЧЕНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Государственные доходы России, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе (1866—1872), В. П. Безобразовъ. Спб. 1872. *

Считаемъ не излишнимъ ознакомить публику съ поименованнымъ здѣсь трудомъ нашимъ, такъ какъ по своему содержанію онъ едва ли можетъ быть доступенъ и въ особенности привлекателенъ для большинства читателей, а между тѣмъ нѣкоторые общіе результаты, которыхъ мы здѣсь старались достигнуть, полагаемъ, не лишены общаго интереса. Характеръ настоящаго нашего изслѣдованія въ области русскихъ финансовъ, пріемы нами употребленные и табличная форма изложенія, почти господствующая,—могутъ оттолкнуть отъ него многихъ. Къ сожалѣнію, мы не могли этого избѣгнуть, стараясь внести въ финансовые изысканія ту точность методовъ и вычисленій, при которыхъ мелочныя, почти микроскопическія, подробно-

* Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ, на дняхъ, на французскомъ языкѣ, въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ, и на русскомъ языкѣ, въ Статистическомъ Ежегодникѣ центральнаго статистическаго комитета, и также *отдѣльною книгою*.

Digitized by Google

сти необходимо загораживают тѣ общіе выводы и взгляды которые по преимуществу интересуют публику.

Мы сдѣлали въ этомъ трудѣ опытъ разрѣшенія трехъ задачъ:

1. Начертать строгую научную *классификацію* всѣхъ дѣйствующихъ источниковъ государственныхъ доходовъ Россіи, т.-е., безъ изъятія находящихся въ распоряженіи правительства вещественныхъ способовъ удовлетворенія государственныхъ потребностей, и затѣмъ перечислить всѣ нынѣ поступающіе доходы въ системѣ этой классификаціи.

2. Опредѣлить *нынѣшнее финансовое положеніе* всѣхъ этихъ источниковъ, т.-е., количество поступающихъ изъ нихъ въ казну доходовъ, отдѣльно по каждому ихъ роду и виду, имѣющимъ какія-либо существенныя въ финансовомъ отношеніи особенности.

3. Представить *движеніе* доходовъ по этимъ категоріямъ классификаціи за все то время за которое мы имѣемъ правильную государственною отчетность и сколько-нибудь точныя и однородныя данныя, расположенныя за каждый годъ по одинаковой системѣ и потому удобосравнимыя,—въ ежегодныхъ отчетахъ государственнаго контроля.

Съ перваго взгляда, можетъ казаться и вѣроятно многимъ покажется что все это уже давно сдѣлано въ публикуемыхъ государственныхъ росписяхъ и контрольныхъ отчетахъ. Ошибочность такого взгляда доказывается уже однимъ тѣмъ что принявшись, по нашему разумѣнію, за разрѣшеніе всѣхъ упомянутыхъ задачъ, мы должны были почти ежедневно работать болѣе двухъ лѣтъ, и до сихъ поръ въ нашемъ трудѣ столько недостатковъ, пробѣловъ и погрѣшностей что мы можемъ быть довольны имъ только развѣ какъ первымъ опытомъ въ этомъ родѣ. По первоначальному нашему плану вся эта работа должна была служить только матеріаломъ для нашего изслѣдованія русскихъ финансовъ и для приготовляемаго нами общаго о нихъ сочиненія; въ этомъ послѣднемъ и будутъ сдѣланы всѣ тѣ общіе выводы для которыхъ мы собрали этотъ матеріалъ. Если мы рѣшились на отдѣльное изданіе его въ свѣтъ, до окончанія нашего сочиненія, которое можетъ по обстоятельствамъ замедлиться, то только съ цѣлію доставить пособіе для другихъ изслѣдователей и обнародовать множество финансовыхъ данныхъ, не заключающихся въ публикуемыхъ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ.

Digitized by Google

и извлеченныхъ нами изъ источниковъ не всѣмъ доступныхъ. Мы могли достигнуть нѣкоторыхъ существенныхъ результатовъ въ нашей работѣ, только благодаря просвѣщенному личному содѣйствію намъ многихъ должностныхъ лицъ, * имѣющихъ въ своемъ распоряженіи нужныя намъ свѣдѣнія по различнымъ вѣдомствамъ, мы и считаемъ нашимъ долгомъ заявить здѣсь о нашей признательности за это содѣйствіе, безъ котораго нельзя было и думать приступить къ разрѣшенію всѣхъ нашихъ задачъ. Несмотря на то, очень многіе источники (преимущественно по вѣдомствамъ и учрежденіямъ не подчиненнымъ единству государственной кассы и государственному контролю) были намъ недоступны, и этимъ объясняются многіе, значительные пробѣлы въ нашемъ трудѣ.

Упомянемъ въ кратцѣ о важнѣйшихъ результатахъ бывшихъ у насъ въ виду по всѣмъ тремъ перечисленнымъ выше задачамъ и не достижимыхъ посредствомъ однихъ только опубликованныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о финансахъ Россіи.

Мы вынуждены были сдѣлать совсѣмъ новую классификацію нашихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ классификація нашего государственнаго бюджета, подобно всякой офиціальной классификаціи (въ другихъ государствахъ не менѣе чѣмъ въ Россіи), обусловлена разными практическими административными нуждами и историческими случайностями, чуждыми строгимъ требованіямъ науки. Не только у насъ, но и въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы, когда производятся научныя финансовыя изслѣдованія, тогда государственные доходы подводятся подъ совсѣмъ другія рубрики, чѣмъ существующія во всѣхъ государствахъ: таковы напр. классическія работы Чёрнига въ Австріи, Тройфера и А. Вагнера въ Германіи, Э. де-Барье во Франціи, Бабитера въ Англіи, и пр. Было бы однако очень ошибочно думать что интересы удовлетворяемые научною или теоретическою классификаціей государственныхъ доходовъ не имѣютъ никакого значенія для финансовой практики; совсѣмъ напротивъ. Можетъ ли напримѣръ не интересовать всякаго просвѣщеннаго финансоваго дѣятеля современный вопросъ финансовой теоріи, возбудившій столько

* Болѣе всего мы обязаны благодарностью товарищу государственнаго контролера *М. Н. Островскому*, котораго теплый интересъ къ нашей работѣ всего болѣе облегчилъ для насъ ея трудности.

Digitized by Google

споровъ въ нѣмецкой литературѣ, о раздѣленіи налоговъ на *подати* и *пошлины*, о коренномъ различіи этихъ двухъ формъ государственныхъ сборовъ, смѣшиваемыхъ во всѣхъ европейскихъ бюджетахъ, когда практическія послѣдствія каждой изъ нихъ въ народномъ хозяйствѣ кореннымъ образомъ различны, а отъ этого различія зависятъ самые существенные интересы казны, не только въ будущемъ, но и настоящемъ? Могутъ ли и практическая публика и финансовая администрація быть равнодушны къ указаніямъ науки на необходимость совсѣмъ иной системы въ законодательствѣ и административной организаціи податей и пошлинъ, напр. податей прямыхъ, поземельныхъ, промышленныхъ и т. д., или косвенныхъ (съ потребленія) таможенныхъ, литейныхъ, табачныхъ, и т. д. и пошлинъ актовыхъ, судоходныхъ, учебныхъ, и т. д., когда дѣйствіе той и другой группы налоговъ на производство и потребленіе совсѣмъ различно? Можно ли пренебрегать доказанною въ наукѣ необходимостью иныхъ размѣровъ (масштаба) налога, когда онъ взимается съ того же самаго источника въ видѣ подати (напр. косвенныя подати съ предметовъ потребленія), нежели въ видѣ пошлины (напр. судоходная пошлина съ тѣхъ же самыхъ товаровъ)? Неужели нѣтъ никакого дѣла практическимъ людямъ до того что гербовыя пошлины должны быть устроены совсѣмъ иначе чѣмъ табачный и литейный акцизы, что тѣ же размѣры налога, не стѣснительные для плательщиковъ и выгодные для казны, въ послѣднемъ случаѣ были бы отяготительны и невыгодны въ первомъ? Все это однако вопросы классификаціи и науки, къ которымъ могутъ презрительно относиться только упрямая рутина и грубое невѣжество. Если администрація еще нигдѣ не усвоила своимъ финансовымъ документамъ научной классификаціи государственныхъ доходовъ, то на это у нея много оправданій; наука должна приходить въ этомъ на помощь практикѣ и перерабатывать официальные матеріалы, по своимъ собственнымъ методамъ, свободнымъ отъ всякихъ предубѣжденій, которымъ поневолѣ должна дѣлать уступки самая просвѣщенная администрація.

Независимо отъ научной неправильности всякой официальной классификаціи, даже та которая принята въ правительственныхъ документахъ, бюджетахъ и отчетахъ далеко не строго соблюдается; въ общихъ суммахъ безпрерывно бываютъ перемѣшаны доходы изъ источниковъ совсѣмъ различныхъ даже по официальной классификаціи. Такъ напр. въ общихъ итогахъ

Digitized by Google

нашего солянаго акциза, въ разрядѣ акцизовъ или косвенныхъ податей показываются, въ государственной росписи, общими цифрами три совсѣмъ разнородные дохода: отъ солянаго акциза (подать), отъ сдачи на аренду казенныхъ соляныхъ источниковъ (доходъ отъ государственныхъ имуществъ) и отъ продажи казенной соли (доходъ отъ казеннаго промышленнаго предпріятія). По всѣмъ возможнымъ категоріямъ доходовъ, примѣшиваются къ главному источнику постороннія поступленія изъ другихъ источниковъ (напр. отъ казенныхъ имуществъ, встрѣчающихся по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ администраціи). Поэтому сдѣлавъ классификацію, мы должны были распредѣлить по ея системѣ всѣ наши государственные доходы, не ограничиваясь рубриками государственной росписи, а перебравъ всѣ первоначальные ихъ источники, т.-е., первыя смѣты каждаго вѣдомства и каждую ихъ статью. Многія статьи даже въ этихъ смѣтахъ мы должны были подвергнуть анализу по свѣдѣніямъ полученнымъ нами изъ первыхъ рукъ, и раздѣлить ихъ цифры на разнородные источники. Вотъ въ какомъ видѣ представился намъ вопросъ о классификаціи нашихъ государственныхъ доховъ; мы должны были переработать по нашей системѣ всѣ офиціальныя данныя и составить изъ нихъ совсѣмъ новую картину нашихъ финансовыхъ силъ, отличную и отъ государственной росписи, и отъ контрольныхъ отчетовъ.

Этотъ вопросъ заставилъ насъ заняться вообще самою теоріей классификаціи государственныхъ доходовъ, обозрѣть всѣ новѣйшія ея системы и примѣнить къ Россіи систему предлагаемую нами, согласно съ изслѣдованіями современныхъ иностранныхъ финансистовъ, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Въ этомъ отношеніи нашъ трудъ можетъ служить пособіемъ для учащихся, которые найдутъ въ немъ литературу предмета, обсужденіе спорныхъ въ ней вопросовъ и общія основанія для теоріи классификаціи государственныхъ доходовъ Россіи. При недостаткѣ у насъ пока курса финансовъ, съ примѣненіемъ общихъ теорическихъ началъ къ русскимъ финансамъ, публикуемыя нами свѣдѣнія и общія замѣчанія по отдѣльнымъ отраслямъ нашихъ доходовъ, могутъ облегчить ихъ изученіе.

Послѣ всего этого ясно что и другая задача,—опредѣленіе количества доходовъ извлекаемыхъ казною изъ каждаго рода источниковъ,—не разрѣшается офиціальными документами и

Digitized by Google

потребовала полной прероботки всѣхъ заключащихся въ нихъ цифръ. Подчинивъ всѣ источники иной классификаціи и распредѣливъ по ней всѣ первоначальныя цифры (а не тѣ которыя публикуются въ росписи), мы разумѣется должны были по всѣмъ рубрикамъ придти совсѣмъ къ другимъ итогамъ доходовъ, чѣмъ бюджетные и отчетные. Между всѣми цифрами нашими и официальными, почти по всѣмъ главнымъ отдѣламъ доходовъ, существенныя различія. Эта работа была чрезвычайно мешкотна, но за то теперь мы можемъ отвѣтить на такіе вопросы, какъ слѣдующіе: сколько русское государственное казначейство получаетъ доходовъ отъ податей, прямыхъ и косвенныхъ, отъ всякихъ подушныхъ и имущественныхъ податей, отъ пошлинъ, отъ государственныхъ имуществъ недвижимыхъ и движимыхъ (денежныхъ капиталовъ), отъ казенныхъ промышленныхъ предпріятій и отъ всѣхъ подчиненныхъ источниковъ по разнымъ подраздѣленіямъ этихъ группъ? Конечно наши цифры приблизительныя, но приближеніе ихъ къ истинѣ достаточно велико, чтобы на основаніи ихъ можно было сдѣлать общую характеристику нашей финансовой системы и важнѣйшихъ ея особенностей. Общіе годовые итоги всѣхъ государственныхъ доходовъ должны были выйти у насъ также иные, чѣмъ въ росписи и контрольныхъ отчетахъ; такъ за 1871 годъ мы пришли къ общему итогу въ 521.709.000 руб., иначе и быть не могло, такъ какъ въ нашихъ итогахъ нѣтъ многихъ доходовъ (оборотныхъ и всѣхъ вдвойнѣ показываемыхъ въ официальныхъ документахъ), и въ то же время есть много доходовъ не входящихъ въ составъ государственной росписи. Послѣднихъ гораздо болѣе, чѣмъ первыхъ, и потому наши итоги далеко превосходятъ (какъ это видно по цифрѣ 1871 года) всѣ официальные. Мы приняли въ наши вычисленія всѣ такъ-называемыя спеціальныя средства вѣдомствъ и учрежденій которыя хотя и подчинены государственному контролю, но не входятъ въ нашъ бюджетъ, а исчисляются въ особыхъ спеціальныхъ смѣтахъ вѣдомствъ и учрежденій, также многія спеціальныя средства, которыя совсѣмъ изъяты отъ общаго дѣйствія контроля и смѣтныхъ правилъ, совсѣмъ не имѣются въ виду при утвержденіи росписи и о которыхъ мы могли получить свѣдѣнія (св. синодъ, Госуд. Банкъ, выкупное учрежденіе, и пр.), весь государственный земскій сборъ, который слитъ нами со сродственными ему

Digitized by Google

отраслями налоговъ, и наконецъ многіе доходы исчисляемые у насъ въ особыхъ мѣстныхъ смѣтахъ (закавказскаго края Финляндіи).* Послѣ всего этого не мудрено что вычисленные нами итоги государственныхъ доходовъ Россіи гораздо значительнѣе, чѣмъ всѣ досслѣ показывавшіеся въ правительственныхъ и частныхъ изданіяхъ; но относительно обще-государственнаго характера всѣхъ упомянутыхъ источниковъ, неотъемлемо имъ принадлежащаго и по самой ихъ организаціи, и по предметамъ расходовъ ими показываемыхъ, не можетъ быть сомнѣнія. Къ сожалѣнію, мы только за одинъ 1871 годъ могли исчислить всѣ эти источники, а за предыдущіе годы они далеко у насъ не полны; даже и за 1871 годъ остается еще много пробѣловъ, для пополненія которыхъ по вѣдомствамъ совсѣмъ изъятымъ отъ единства кассы и контроля намъ не были доступны матеріалы. Къ общей системѣ государственныхъ финансовыхъ средствъ принадлежатъ и мѣстные доходы (у насъ земскіе, городскіе, волостные и мірскіе) находящіеся въ завѣдываніи учрежденій мѣстнаго самоуправленія; нынѣ вездѣ въ Европѣ обращено особенное вниманіе на эти мѣстныя финансовыя организаціи, на ихъ изслѣдованіе и приведеніе ихъ въ гармонію съ общимъ финансовымъ организмомъ государства, безъ всякаго нарушенія мѣстной и корпоративной автономіи. Мы коснулись, въ нашемъ трудѣ, этого послѣдняго вопроса, самаго современнаго и горячаго въ европейской финансовой политикѣ и также наукѣ; прямыя задачи наши въ настоящемъ случаѣ не позволяли однако намъ заняться этимъ важнымъ вопросомъ во всей его совокупности, и мы предоставляемъ это себѣ въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ этотъ вопросъ при широкомъ новѣйшемъ развитіи нашего самоуправленія земскаго, городскаго и сельскаго, не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, настоятеленъ и до сихъ поръ далеко не разрѣшенъ, хотя и можетъ, при нашихъ источникахъ и національныхъ условіяхъ, получить весьма благопріятное движеніе. Мы старались присоединить къ нашему изслѣдованію свѣдѣ-

---

* Изъ финляндскаго бюджета мы взяли всѣ доходы служащіе для покрытія общегосударственныхъ нуждъ и расходовъ Финляндіи, вызываемыхъ принадлежностью ея къ общему составу Русскаго государства и не имѣющихъ мѣстнаго характера (содержаніе войска, генералъ-губернаторскаго управленія и пр.).

нія обо всѣхъ нашихъ мѣстныхъ финансахъ, но это удалось намъ вполнѣ только относительно земскихъ сборовъ, которые сведены нами по всей Имперіи въ одну общую таблицу; для городскихъ, волостныхъ и мірскихъ доходовъ, мы не могли этого сдѣлать, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобы напомнить о пользѣ изслѣдованій во всей этой почти еще нетронутой у насъ области. Такія изслѣдованія значительно облегчены нынѣ матеріалами собранными въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссіей для губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Финансовая сторона самоуправленія самая въ немъ существенная; не изучивъ предварительно этой стороны, ни изслѣдователь, ни государственный человѣкъ не могутъ сдѣлать ни одного вѣрнаго шага на почвѣ мѣстнаго самоуправленія. Все что остается у насъ еще сомнительнаго и требуетъ дальнѣйшаго движенія реформы въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія (преимущественно въ кругу ихъ отношеній къ центральной или такъ-называемой казенной администраціи и къ ея органамъ) зависитъ отъ разрѣшенія финансовыхъ вопросовъ объ этихъ учрежденіяхъ; таковъ напр. главный вопросъ о правѣ самообложенія или правѣ на установленіе мѣстныхъ налоговъ (земскихъ, городскихъ, сельскихъ), объ его предѣлахъ и отношеніяхъ къ общему праву налога въ государствѣ, къ системѣ обще-государственныхъ налоговъ и къ центральному финансовому управленію. Нынѣ поднятый вопросъ о всесословной волостной единицѣ не можетъ получить движенія благопріятнаго для мѣстнаго благосостоянія, если общія начала самообложенія останутся у насъ такъ мало опредѣленными какъ нынѣ, ибо невозможно желать чтобы ко всѣмъ многочисленнымъ у насъ учрежденіямъ имѣющимъ право податнаго обложенія, присоединилось еще новое, безъ предварительнаго водворенія какой-нибудь общей финансовой системы во взиманіи и расходованіи государственныхъ и мѣстныхъ налоговъ.

Намъ остается упомянуть о третьей и послѣдней нашей задачѣ—показать движеніе государственныхъ доходовъ за прошедшее время. Составленная нами таблица обнимаетъ семь лѣтъ (1866—1872) и показываетъ цифры доходовъ за все это время, т.-е., за весь тотъ періодъ за который мы имѣемъ, послѣ контрольной реформы, правильную отчетность, общую систему въ расположеніи офиціальныхъ данныхъ и однородныя, *удобосравнимыя*, цифры. За 1866—1870 (включительно) наши цифры основаны вообще на отчетахъ государственнаго

Digitized by Google

контроля, съ пополненіемъ ихъ въ нужныхъ случаяхъ другими источниками, а за 1871 и 1872 — на смѣтныхъ предположеніяхъ. Семилѣтній періодъ достаточно великъ, чтобы позволить многіе интересные выводы относительно движенія нашихъ государственныхъ доходовъ и вообще финансовыхъ силъ. Но не должно терять изъ виду что собственно *только опредѣленіе нынѣшняго ихъ состоянія* было нашею задачею; если мы обняли нашимъ изслѣдованіемъ прошедшее время, то лишь потому что поступленіе дохода за одинъ годъ, завися отъ всѣхъ его особенностей и случайностей, не даетъ точнаго понятія о настоящей финансовой силѣ того или другаго источника; судить объ этой силѣ можно только по среднимъ выводамъ за нѣсколько лѣтъ, которые мы сдѣлали. Впрочемъ мы разработали наши финансовые матеріалы за весь тотъ періодъ за какой только можно имѣть точныя данныя въ отчетахъ государственнаго контроля; мы сомнѣваемся чтобы до 1866 года, когда начали составляться контрольные отчеты, можно было извлечь изъ нашихъ архивовъ свѣдѣнія годныя для научнаго употребленія, и въ особенности для сравненія съ послѣдующими годами. Въ этомъ случаѣ, мы обязаны снова упомянуть о тѣхъ великихъ заслугахъ какія были оказаны и государству и наукѣ нашею контрольною реформою и ея главнымъ первоначальнымъ руководителемъ В. А. Татариновымъ; она положительно вывела наши финансы изъ мрака не только для публики, но и для самого правительства. Всегда исполненные глубокаго уваженія къ этой реформѣ, мы могли особенно ее оцѣнить въ настоящемъ случаѣ.

Одною изъ побочныхъ цѣлей нашего труда было также доставленіе наукѣ способовъ сравненія финансовыхъ силъ Россіи съ другими европейскими государствами. Для такихъ сравненій необходима выработка однородныхъ величинъ, а для нея необходима такая классификація государственныхъ доходовъ которая по своимъ научнымъ основаніямъ могла бы быть общепринята во всѣхъ образованныхъ странахъ. До сихъ поръ всѣ такія сравненія не только у насъ, но и въ иностранной литературѣ совершенно гадательны, ибо подъ тѣми же наименованіями сравниваются разнородныя вещи. Сравнительная финансовая статистика поэтому находится еще во младенчествѣ, хотя она не менѣе важна для опредѣленія относительнаго могущества государствъ, чѣмъ военная статистика. На этомъ

Digitized by Google

пути успѣхъ возможенъ только при соединеніи усилій многихъ изслѣдователей, принадлежащихъ къ разнымъ государствамъ Европы. Для разрѣшенія этой важной задачи возлагались упованія на международные статистическіе конгрессы, которые обладаютъ нѣкоторыми выгодными для того условіями; но до сихъ поръ въ этихъ конгрессахъ участвовало слишкомъ мало представителей финансовой науки, безъ помощи которой не могутъ быть обсуждаемы финансовые вопросы, на чисто статистической почвѣ. Сверхъ того едва ли вообще нынѣшняя организація такихъ международныхъ съѣздовъ совмѣстима со всѣми требованіями ученой работы.

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

II.

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. (Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада) А. Веселовскаго. С.-Петербургъ. 1872.

Было время, когда представители нашей интеллигенціи полуискренно, полупритворно восхищались всѣмъ русскимъ, доморощеннымъ, что̀ имѣло нѣкоторое притязаніе поравняться съ образцами западной Европы, былъ ли то музыкальный талантъ, макароны на манеръ итальянскихъ, или ученая книга. Затѣмъ настала другая пора: пришло время разочарованій, самоуничиженій и самообличеній. Съ энергіей кинулись мы на этотъ путь и превзошли самыя блестящія ожиданія; произошло великое шатаніе. Хотя и эта пора миновала подобно предыдущей, однако она много ближе къ намъ, и слѣды этого шатанія видны еще въ скептицизмѣ Русскихъ ко всему русскому, между прочимъ и къ русской самостоятельности въ дѣлѣ науки.

Скептики по отношенію къ этому предмету раздѣляются, главнымъ образомъ, на двѣ категоріи. Одни говорятъ что въ Россіи слишкомъ недостаточно удовлетворены насущныя потребности, чтобы думать о роскоши, что у насъ слишкомъ мало рабочихъ рукъ, чтобъ отдавать ихъ такимъ отраслямъ знанія которыя не приносятъ непосредственной пользы; что

Digitized by Google

наши университеты должны выпускать образованныхъ и честныхъ молодыхъ людей, а не спеціалистовъ не отъ міра сего; вездѣ де нужны практики, а теоретики въ такое горячее время почти вредны. Стыдно даровитому человѣку тратить въ настоящее время свои силы на изысканія „о буквѣ ѣ въ средніе вѣка", когда наше общество.... и пр. Кромѣ того, и дѣльнаго изъ такой затраты выдти не можетъ: менѣе даровитый Нѣмецъ, имѣющій подъ руками библіотеки, журналы, музеи и хорошую ученую выправку, въ одинъ годъ сдѣлаетъ столько что русскому человѣку на это потребны десятки лѣтъ, большія средства, и несвойственная нашему характеру внимательность къ дѣлу.

Если скептики первой категоріи отрицаютъ русскую науку, къ чему бы ни была она обращена, то другіе относятся скептически только къ самостоятельнымъ трудамъ русскихъ ученыхъ, составленнымъ на основаніи матеріала намъ не роднаго, — въ области, напримѣръ, всеобщей исторіи или всеобщей литературы. „Кому нужны подобные труды? говорятъ они. Не только на Западѣ о нихъ никогда не узнаютъ, не только прославятъ Нѣмца, открывшаго то что̀ было открыто Русскимъ 20 лѣтъ назадъ; но и свой же Русскій, если ему понадобится спеціальное изслѣдованіе по этому предмету, возьметъ нѣмецкую книгу, имѣя основанія не довѣрять не обсуженной, не провѣренной и не раскупленной книгѣ соотечественника. А между тѣмъ русская родная почва остается дѣвственною; богатѣйшій матеріалъ валяется не подобраннымъ, наша родная исторія, родная литература остаются не разработанными, русскіе ученые, какъ Иванъ-царевичъ въ сказкѣ, ходятъ около готоваго дворца, да молоточкомъ постукиваютъ. Ужели мы будемъ ждать пока и за этотъ матеріалъ примутся Нѣмцы?"

Тѣ и другіе не правы. Можетъ ли дѣло спориться безъ мастера, наука процвѣтать безъ ученыхъ, ученые обходиться безъ стойкости и самостоятельности сужденія, пріобрѣтенной самостоятельными изслѣдованіями? Могутъ ли, съ другой стороны, образоваться хорошіе мастера не пройдя хорошей школы? Всякій занимающійся самымъ спеціальнымъ вопросомъ по матеріалу заграничному приноситъ пользу и родной наукѣ. Для начинающаго такой матеріалъ даже удобнѣе, такъ какъ онъ очищенъ, провѣренъ и оцѣненъ по достоинству; на основаніи богатой литературы легче пріучаться къ отчетливости въ работѣ, легче по образцу тысячи

Digitized by Google

готовыхъ кирпичей обтесать самому десятокъ и попытаться построить зданіе. Совершивъ такую пробу пера на матеріалѣ обработанномъ, ученый можетъ уже съ нѣкоторою самоувѣренностью, съ выработаннымъ методомъ, съ яснымъ взглядомъ приступать къ матеріалу отечественному; тогда онъ не остановится на черной работѣ.

Но каково писателю безъ публики? ученому безъ людей которые сумѣютъ оцѣнить его труды и воспользоваться ими? Каково работать взрослому человѣку для умственной гимнастики? Человѣкъ затрачиваетъ для печатанія книги капиталъ, для него довольно значительный, затрачиваетъ трудъ и время;—и это для того чтобы распродать 20 экземпляровъ. Но вспомнимъ какъ распространяютъ свою торговлю Англичане: найдя новый пунктъ для нея, они тратятъ милліоны, имѣя въ виду получить ихъ обратно не ранѣе 30—50 лѣтъ; за то черезъ 50 лѣтъ они будутъ получать барыши невозможные при другихъ условіяхъ. Не лежитъ ли и на насъ нравственная обязанность затрачивать умственный капиталъ, чтобы наши внуки могли получать съ него проценты? Къ тому же матеріалъ доступный изслѣдованію Русскаго такъ богатъ, интересенъ и свѣжъ, что при одинаковомъ вѣрномъ методѣ путь къ истинѣ для него много короче, чѣмъ путь ученаго не знающаго славянскихъ языковъ.

Насъ навела на эту мысль новая книга г. Веселовскаго. Г. Веселовскій воспитанникъ и магистръ Московскаго университета, теперь профессоръ С.-Петербургскаго, долго пробылъ за границей, занимаясь иностранными литературами; занятія его были такъ успѣшны что ему удалось сдѣлать въ одной изъ италіянскихъ библіотекъ интересное открытіе: романъ Вилла Альберти былъ напечатанъ въ *Scelta di curiosita*, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ русскаго ученаго. Это изданіе и изслѣдованіе вмѣстѣ съ другими сравнительно-литературными монографіями доставило автору извѣстность. Изслѣдованіе о томъ же романѣ, переведенное и передѣланное по-русски (*Вилла Альберти.* Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ италіянской жизни XIV—XV столѣтій) защищалъ г. Веселовскій въ Москвѣ на степень магистра. Теперь выступаетъ онъ съ другимъ трудомъ, гдѣ, при посредствѣ богатаго отечественнаго матеріала, дѣлаетъ вкладъ въ общую европейскую науку.

Когда Блюхеръ мечомъ, а Шиллеръ и Гёте перомъ доказали удивленнымъ Нѣмцамъ что имъ не слѣдъ принижать себя

Digitized by Google

предъ западными сосѣдями, родная старина получила въ глазахъ ихъ новое и небывалое важное значеніе. До тѣхъ поръ разбросанные и предоставленные во владѣніе Вагнерамъ памятники средневѣковой литературы сдѣлались предметомъ всеобщаго интереса; образовался новый классъ ученыхъ, занятія которыхъ возбуждали вниманіе публики:—германистовъ; этотъ свѣженабранный полкъ имѣлъ начальникомъ поэта-ученаго Я. Гримма. Съ поэтическимъ восторгомъ собирая преданія родной старины, Я. Гриммъ умѣлъ приводить ихъ въ систему не уступающую своею прочностью математической формулѣ. Преданія не только собирались, но и сличались съ преданіями другихъ народовъ; кругозоръ съ каждымъ днемъ расширялся; сходства замѣчалось все больше и больше. Гдѣ искать его причины? Сравнительное языкознаніе указывало дорогу: въ арійской прародинѣ. Отсюда вытекали слѣдующія положенія: сходныя преданія народны и древни, древнѣй чѣмъ исторія; личнаго автора у нихъ нѣтъ, слѣдовательно въ ихъ созданіи не было произвола; но должно быть какое-нибудь достаточное основаніе; единственно возможное—миѳы природы, сходные у всѣхъ арійскихъ народовъ по единству ихъ происхожденія.

Но прошелъ „вѣкъ богатырей"; къ тому же и матеріалъ увеличился, и ежедневно открывалось поразительное сходство тамъ гдѣ его совсѣмъ не ожидали. Уже Гриммъ иногда заходилъ далеко; послѣдователи кинулись въ крайности: одни, менѣе смѣлые, *сличали*, не объясняя причины или отдѣлываясь фразами взятыми напрокатъ отъ поэтическаго учителя; другіе, болѣе послѣдовательные, не страшились абсурдовъ и все тащили на арійскую возвышенность къ грому, лѣту, зимѣ, солнцу, зарѣ и т. д. Множество историческихъ личностей обратились въ миѳы, и всѣ сказки свелись къ немногимъ формуламъ изъ окружающей насъ природы. Эти крайности въ объясненіяхъ эпическихъ преданій и сказокъ не могли не поражать умъ не опутанный предвзятою мыслью. Невольно рождались вопросы: отчего не вѣрить что дѣло происходило близко къ тому какъ оно разказывается? Зачѣмъ народъ изобрѣталъ тысячи сказокъ для того чтобы выразить одну и ту же простую истину что весна смѣняетъ зиму? Возникло новое направленіе, къ которому принадлежитъ и трудъ г. Веселовскаго. Его книга отнимаетъ у миѳологовъ и народомановъ часть матеріала который они забрали или готовы забрать въ свои руки въ пользу *литературнаго заимствованія*.

Digitized by Google

„Въ изученіи явленій народной европейской литературы, говоритъ г. Веселовскій, на нашихъ глазахъ совершается поворотъ. Миѳологическая гипотеза, возводившая къ немногимъ основамъ, общимъ всему индо-европейскому вѣрованію, разнообразіе сказокъ и повѣстей и содержаніе средневѣковаго эпоса, принуждена поступиться долей своего господства историческому взгляду, останавливающемуся на раскрытіи ближайшихъ отношеній и вліяній, совершившихся уже въ предѣлахъ исторіи. Выраженіемъ перваго направленія была нѣмецкая миѳологія Я. Гримма; началомъ втораго—извѣстное предисловіе Бенфея къ *Панчатантрѣ*. Эти книги не исключаютъ другъ друга, какъ не исключаютъ и оба направленія; они даже необходимо восполняютъ другъ друга, должны идти рука объ руку, только такъ, что попытка миѳологической экзегезы должна начинаться, когда уже кончены всѣ счеты съ исторіей.“ Покончить эти счеты относительно Соломона, Китовраса, Морольфа и Мерлина есть цѣль г. Веселовскаго. Чтобы познакомить читателя съ его методомъ и выводами, намѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ тотъ матеріалъ западной и восточной Европы который подлежалъ его изслѣдованію.

Въ *Deutsche Gedichte des Mittelalters*, hsg. v. v. der Hagen v. Dr. Büsching, Berlin 1808, напечатаны по одной рукописи XV в. двѣ поэмы о Соломонѣ и Морольфѣ; такъ какъ первая есть не что иное какъ распространеніе второй части второй, мы можемъ свести ихъ содержаніе вмѣстѣ. Къ царю Соломону, возсѣдающему на престолѣ во всемъ величіи своей мудрости, является грубо уродливый человѣкъ по имени Морольфъ. Онъ начинаетъ съ Соломономъ состязаніе въ мудрости, прежде всего препирательствомъ на изреченіяхъ такимъ образомъ, что каждое моральное изреченіе Соломона сводится Морольфомъ съ идеальнаго пьедестала на грязную почву практической дѣйствительности. Морольфъ удаляется; Соломонъ пріѣзжаетъ къ нему самъ, и Морольфъ приводитъ его въ затрудненіе загадочными рѣчами, и самъ же объясняетъ свои загадки. Снова при дворѣ Соломона, онъ раздражаетъ его противорѣчіемъ и шутитъ надъ нимъ шутки, въ особенности при посредствѣ женщинъ, которыхъ онъ глубоко презираетъ, но въ то же время умѣетъ обманывать, пользуясь извѣстными ему слабостями ихъ характера. Раздраженный Соломонъ прогоняетъ его отъ своего двора. Между тѣмъ жена Соломона слюбилась съ царемъ Поромъ (Фаро). Тотъ похищаетъ ее хитростію при помощи

Digitized by Google

музыканта, выкрадывая тѣло мнимо-умершей царицы. Переодѣтый Морольфъ, по просьбѣ Соломона, отправляется отыскивать царицу и находитъ ее. Соломонъ, въ сопровожденіи цѣлаго войска и Морольфа, приходитъ въ одеждѣ пилигрима къ Фаро, попадается въ плѣнъ и, по злобѣ царицы, долженъ подвергнуться казни. Онъ выбираетъ себѣ повѣшеніе, но предъ смертію проситъ позволенія поиграть въ свой рожокъ. На звукъ его рога является Морольфъ съ войскомъ; царь и царица наказаны смертію, а Соломонъ освобожденъ (по распространенной редакціи, царица осталась жива; ее во второй разъ увозитъ царь Принизіанъ, являющійся въ видѣ пилигрима). Таково содержаніе поэмы. Многочисленныя свидѣтельства доказываютъ что препирательство Соломона въ мудрости съ какимъ-то другимъ лицомъ существовало въ качествѣ апокрифа въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ у всѣхъ народовъ западной Европы, а потомъ перешло въ народныя книги, гдѣ живетъ и досел̂ѣ.

Другой родъ матеріала подлежавшаго изслѣдованію г. Веселовскаго дали ему русскія книжныя, полународныя и чисто-народныя сказанія. Соломонъ еще въ дѣтствѣ обличаетъ свою мать въ незаконной связи; за это мать приказываетъ его убить, но онъ остается въ живыхъ, попадаетъ къ крестьянину, и въ судахъ надъ его дѣтьми, а потомъ стадами начинаетъ проявлять свою мудрость; потомъ попадаетъ къ отцу съ матерью въ видѣ купца-корабельщика, обличаетъ мать и дѣлается царемъ. На многихъ судахъ показываетъ онъ свою необыкновенную мудрость. Когда ему понадобилось строить храмъ, онъ овладѣваетъ страннымъ существомъ Китоврасомъ, опаивая его виномъ. Китоврасъ показываетъ при дворѣ Соломона свою необыкновенную мудрость, провидящую настоящее и будущее, и добываетъ Соломону камень, необходимый при обтесываніи камней; затѣмъ освобождается изъ плѣна хитростью (подобно Фаро въ нѣмецкой поэмѣ). Царѣ Поръ (замѣнившій, по мнѣнію г. Веселовскаго, того же Китовраса) посредствомъ извѣстной хитрости съ мнимымъ трупомъ похищаетъ царицу, жену Соломона. Соломонъ такъ же какъ и въ поэмѣ (только безъ помощи предварительнаго разузнаванія и Морольфа) наказываетъ Пора и свою жену.

Третій родъ сказаній представляютъ особою тѣ раннія хроники и латинскія поэмы изъ которыхъ въ послѣдствіи развились знаменитые романы Круглаго Стола, въ особенности о Мерлинѣ. До

Digitized by Google

сихъ поръ бóльшая часть изслѣдователей считали ихъ остатками подробно пересказанныхъ кельтскихъ миѳовъ (кельтологія—отдѣлъ весьма темный, дающій слишкомъ большой просторъ всевозможнымъ предположеніямъ). Въ хроникѣ Генриха Монмоутскаго (XII в.), который странно перемѣшивалъ историческіе факты и народныя преданія со всевозможнымъ сбродомъ, засѣвшимъ въ головѣ его, разказывается какъ царю Вортигерну понадобилось строить зáмокъ; для постройки необходимо участіе чудовищнаго ребенка, рожденнаго безъ отца; этотъ ребенокъ Мерлинъ, сынъ дьявола; Мерлинъ состязается въ мудрости съ магами, побѣждаетъ ихъ, и по его приказу выкапываютъ изъ-подъ земли двухъ борющихся драконовъ. Мерлинъ потомъ убѣгаетъ въ лѣсъ, гдѣ его находятъ у источника, и служитъ брату Вортигерна, Утеръ-Пендрагону, которому помогаетъ принять чужой образъ, чтобы жена Горлоиса приняла его за своего мужа. По болѣе поздней латинской поэмѣ *Vita Merlini*, онъ не ребенокъ, но вѣщій старикъ, живущій въ лѣсу вслѣдствіе несчастной любви; связавъ, приводятъ его къ царю. На дорогѣ онъ ведетъ себя совершенно такъ же какъ Китоврасъ нашихъ сказаній.

Во всѣхъ трехъ семействахъ сказаній, въ особенности въ двухъ первыхъ, видно много общаго. Библейскій Соломонъ сближенъ съ другимъ лицомъ, которое побѣждаетъ его мудростью и потомъ увозитъ у него жену, добываемую обратно при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ. Англо-французскія сказанія по странной случайности ближе къ русскимъ: та же постройка и тѣ же мудреные поступки дикаго мудреца. Въ связи съ вышеуказаннымъ матеріаломъ, г. Веселовскій находитъ множество разнородныхъ европейскихъ литературныхъ и народныхъ сказаній, очевидно сохранившихъ тѣ же основные мотивы. Особенно удобно проводятся чуть не по всѣмъ литературамъ суды Соломона. Гдѣ же искать причины сходства? Библейское имя, книжное распространеніе и дословное сходство хитро-сплетенной исторіи отрицаютъ возможность миѳологической основы или случайности. Причиной сходства, очевидно, общій источникъ апокрифическаго характера и не европейскаго происхожденія. Гдѣ этотъ источникъ? Какимъ путемъ попалъ онъ въ Европу? И гдѣ источникъ этого источника? Вотъ вопросы на которые даетъ г. Веселовскій болѣе или менѣе положительные отвѣты.

Вопросъ поставленный такимъ образомъ требуетъ повидимому оріенталиста, а г. Веселовскій восточными языками не

Digitized by Google

занимался; но такъ какъ до сихъ поръ и Германія не представила наукѣ людей одинаково знакомыхъ съ восточными языками и въ то же время германскими и романскими нарѣчіями, а г. Веселовскому нѣтъ необходимости вдаваться въ тонкости оріентальной лингвистики, когда онъ имѣлъ подъ руками *достовѣрные* переводы и помощь спеціалистовъ, задача его не можетъ назваться не посильною.

Коренной источникъ вышеупомянутыхъ сказаній, по мнѣнію г. Веселовскаго, есть индійская *Викрамачаритра*, разказы объ извѣстномъ царѣ Викрамадитіи, который является такимъ образомъ прототипомъ Соломона. *Викрамачаритра* сохранилась полнѣе всего въ монгольской буддійской передѣлкѣ Арджи-Борджи. Во введеніи къ исторіи мудраго царя мальчики совершаютъ мудрые суды, сходные съ судами Соломона. Новорожденный царь изгнанъ своимъ отцомъ Гандарвою, какъ Соломонъ матерью; въ самомъ началѣ своей карьеры онъ находитъ себѣ достойнаго противника въ полудемонѣ Шалу, котораго наконецъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ въ собственность и который работаетъ на него, какъ Морольфъ и Китоврасъ на Соломона. Онъ ловитъ Шимнусовъ водкой, какъ Соломонъ Китовраса виномъ; и наконецъ въ послѣднемъ разказѣ дѣло идетъ о хитрой прелюбодѣйницѣ, какою вездѣ является жена Соломона. По редакціи Рота, Викрамадитія погибаетъ отъ мудраго младенца Саливахона, играющаго ту же роль что̀ и Шалу. Какъ проникли эта разказы въ Европу? Бенфей думаетъ: чрезъ мусульманъ, но Бенфей не убѣдился что Викрамадитія, его суды и исторія несравненно ближе къ нашему пересказу, чѣмъ къ западному. Г. Веселовскій находитъ путь болѣе близкій: *Талмудъ* и Византію.

Талмудъ пріурочиваетъ появленіе соперника Соломону къ постройкѣ храма. Этотъ соперникъ—царь демоновъ Асмодей; его ловитъ Соломонъ совершенно такъ же какъ въ нашихъ сказаніяхъ Китовраса (у Индусовъ—Шимнуса); на дорогѣ къ Соломону онъ дѣйствуетъ такъ же какъ Китоврасъ и латинскій Мерлинъ (какъ ангелъ въ извѣстной легендѣ у Аѳанасьева); тѣми же дѣйствіями (сниманіемъ и наложеніемъ камня) даетъ совѣты Соломону въ болѣзни отъ излишества, и также забрасываетъ его, когда съ него снята цѣпь. Но приключенія здѣсь не кончаются этимъ: Соломонъ странствуетъ въ нищенствѣ, а Асмодей живетъ съ его женами; наконецъ царство и жены возвращены Соломону. На легендѣ въ такомъ видѣ г. Веселовскій (стр. 127) видитъ „неоспоримые слѣды иранскаго эпо-

Digitized by Google

са“ и думаетъ объяснить ихъ продолжительнымъ вліяніемъ иранской культуры на еврейскую (во время плѣненія Евреевъ). Мусульманскія легенды воспроизводятъ того же Асмодея въ видѣ Сахра (133), но нѣтъ никакой необходимости признавать чтобы мы отъ мусульманъ черезъ десятыя руки получили эту легенду, когда мы могли пріобрѣсти ее непосредственно изъ апокрифовъ основанныхъ на *Талмудѣ*. Въ одномъ изъ самыхъ древнѣйшихъ изъ нихъ, „Завѣщаніи Соломона“, авторъ указываетъ какъ бы затертые, но тѣмъ не менѣе несомнѣнные слѣды того же Асмодея. Центральный пунктъ изъ котораго распространялись эти апокрифы была, по мнѣнію автора, Византія. „Распространенію особенно содѣйствовали и тѣ синкретическія ереси, которыя къ основамъ христіанства примѣшивали религіозныя понятія Ирана и буддистскимъ легендамъ давали псевдо-христіанскую окраску“ (XI). Еретики эти—манихеи и развившіеся отъ нихъ богумилы и катары. Богумиламъ приписываетъ авторъ „большинство отреченныхъ книгъ, обращавшихся въ средніе вѣка“ (стр. 157), что̀, конечно, не можетъ считаться безусловно доказаннымъ, а катарамъ—развитіе ереси тампліеровъ, о которой, вслѣдствіе особыхъ историческихъ причинъ, до открытія новыхъ документовъ трудно составить себѣ ясное понятіе. Чтобы найти въ Соломонѣ и Китоврасѣ отзвукъ дуалистическихъ сектъ, автору нужно было найти на Асмодеѣ „неоспоримые“ слѣды иранскаго вліянія. Въ старорусской литературѣ г. Веселовскій также видитъ слѣды богумильскаго вліянія и, какъ мы думаемъ, больше, нежели слѣдуетъ. Не только „болгарскія“ еретическія книги, но и обычай *каличества* приписываетъ г. Веселовскій богумиламъ; даже „нища братія“ приходящая къ Ильѣ—бугомилы (стр. 184); даже *сумки* заимствованы отъ нихъ, равно какъ и камень самоцвѣтный (стереотипная сказочная драгоцѣнность, встрѣчающаяся въ сотнѣ средневѣковыхъ поэмъ, даже въ Roman de la Rose).

Связь талмудическаго Соломона съ Викрамодиліей и Асмодея съ Китоврасомъ и спорщикомъ Маркольфомъ по прочтеніи книги г. Веселовскаго для насъ по крайней мѣрѣ является не подверженною сомнѣнію. Какъ ни слабы въ *Викрамачаритрѣ* и *Талмудѣ* намеки на потерю жены мудрымъ царемъ и какъ ни тонка связь (имя и общераспространенный мотивъ), соединяющая Морольфа и Пора съ Гандаревой—соблазнителемъ женщинъ (стр. 225), за неимѣніемъ другой

Digitized by Google

возможной гипотезы, всякій, думаемъ мы, можетъ остановиться на восточномъ происхожденіи умыкателя (если только не откроется что русское сказаніе о Порѣ перешло къ намъ съ Запада). Для всеобщей литературы важнѣе другихъ отдѣловъ книги г. Веселовскаго объясненіе quasi-кельтскаго Мерлина; такъ-какъ въ исторіи литературы нѣтъ семьи сюжетовъ имѣвшихъ настолько сильное вліяніе на поэтическое развитіе человѣчества. Но здѣсь нѣтъ той ясности, какъ въ Китоврасѣ. Связь *Vitae Merlini* (XII—XIII в.) съ талмудическимъ Асмодеемъ и русскимъ Китоврасомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; но относительно Мерлина-ребенка дѣло сомнительно, по крайней мѣрѣ при существующихъ данныхъ. Г. Веселовскій думаетъ что Готфридъ Монмоутскій (стр. XVII) пользовался апокрифомъ о Соломонѣ, а Ненній (*Historia Britonum* IX вѣка) не имѣлъ еще апокрифа подъ руками; слѣдовательно писалъ, надо думать, на основаніи кельтскихъ преданій; а между тѣмъ сходныя черты, указанныя нами выше: постройка зданія, дьявольское происхожденіе, преніе съ магами и драконы принадлежатъ ему. Монмоутъ присоединилъ отъ себя только имя, источникъ, у котораго находятъ Мерлина, и слабо напоминающее апокрифъ обращеніе Утера въ Горлоиса. Слѣдовательно или Ненній позднѣй, чѣмъ думали: тогда онъ могъ пользоваться апокрифомъ, или Монмоутъ не пользовался апокрифомъ: имѣя его въ рукахъ, онъ не ограничился бы такимъ ничтожнымъ прибавленіемъ; смѣлость его намъ извѣстна. Г. Веселовскій (стр. 325) соединяетъ черты Мерлина изъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ сказаній; тогда онъ приближается къ Китоврасу; но отдѣлимъ Неннія отъ *Vita* и романа, и результатъ выйдетъ другой. Но все же Мерлинъ не похищаетъ ни чьей жены; чтобы сблизить его съ умыкателемъ, г. Веселовскій прибѣгаетъ къ пріему не менѣе остроумному и искусственному какъ и пріемы кельтологовъ, въ особенности Вильмарке, и этимъ способомъ сближаетъ его съ Ланселотомъ.

Такъ какъ г. Веселовскій въ этой книгѣ является сторонникомъ теоріи литературнаго общенія противъ миѳологической теоріи, и такъ какъ послѣдняя преимущественно пытается овладѣть сказаніями народными, то особенное вниманіе возбуждаютъ тѣ страницы его изслѣдованія гдѣ указывается какъ народная сказка, былина, побывальщина, нѣмецкая безыменная поэма, основы которыхъ привыкли искать въ народѣ,

Digitized by Google

являются лишь выродившимся литературным преданіемъ. Таковъ разборъ малороссійской сказки о *Гордомъ царѣ* и въ особенности вся глава о Соломонѣ и Морольфѣ - похитителѣ, съ которымъ такъ тѣсно связана наша былина о *Васильѣ Окульевичѣ* и полународное сказаніе о *царѣ Порѣ*.

Въ послѣднихъ отдѣлахъ читателю невольно представляется вопросъ, оставленный въ сторонѣ почтеннымъ авторомъ: почему народъ, презрѣвъ наиболѣе распространенныя книжнымъ путемъ подробности о постройкѣ храма, состязаніи въ мудрости, судахъ и прочее, преимущественно разработалъ одинъ моментъ: увозъ и возвращеніе жены, на который въ первоначальномъ источникѣ *Викрамачаритрѣ* существуютъ только слабые намеки? Эпизодъ этотъ встрѣчался всюду въ самыхъ разнообразныхъ обработкахъ. Укажемъ, напримѣръ, на заключительный эпизодъ нѣмецкой поэмы о королѣ Ротерѣ (послѣднее изданіе Рюккерта 1872, въ *Deutsche Dichtungen des Mittelalters*). Ротеръ похитилъ (не насильно) дочь императора Константина, которая вскорѣ стала его законною женой. Въ его отсутствіе къ городу Бари является на кораблѣ жонглёръ, подосланный Константиномъ и переодѣтый купцомъ (у Рюккерта съ IX эпизода); привлекаетъ обманомъ (драгоцѣннымъ камнемъ) королеву на корабль и поднимаетъ паруса. Ротеръ съ войскомъ отправляется добывать жену, которая между тѣмъ просватана за сына языческаго короля Имелота. Войско спрятано въ лѣсу; Ротеръ съ двумя друзьями, переодѣтый пилигримомъ, отправляется ко двору Константина, во дворцѣ онъ прячется подъ столъ; кольцомъ даетъ знать о своемъ присутствіи женѣ; онъ принужденъ выдти изъ-подъ стола, узнанъ, и новый женихъ его жены предлагаетъ ему выборъ смерти. Ротеръ желаетъ „красныя смерти— повѣшеннымъ быти“; предъ казнію слуганкъ Ротера Леопольдъ трубитъ въ рогъ, и на звукъ его является войско Ротера; женихъ королевы повѣшенъ. Сходство такъ разительно и отличіе такъ легко объясняется иною постановкой вопроса (жена вѣрна Ротеру и любима имъ) что Рюккертъ считаетъ Соломона и Морольфа подражаніемъ (предисл. стр. X), что совершенно противорѣчитъ теоріи г. Веселовскаго, который, цитируя въ другомъ мѣстѣ (стр. 264) Рюккерта, не возражаетъ ему на это. Какъ бы то ни было, здѣсь можно еще признать литературное вліяніе съ какой-нибудь стороны. Ту же тему мы находимъ въ

Digitized by Google

другихъ, менѣе сходныхъ обработкахъ. Не слѣдуетъ ли отсюда что если миѳологической экзегезѣ приходится многимъ поступиться исторической теоріи, то, съ другой стороны, и для послѣдней есть свои границы; переходя за нихъ она впадаетъ въ область произвола и натяжекъ. Не должны ли обѣ теоріи уступить часть своего матеріала общечеловѣческимъ законамъ фантазіи и народной психологіи?

Заключимъ нашу рецензію вопросомъ: ужели трудъ даровитаго русскаго ученаго пройдетъ безслѣдно и канетъ въ Лету только потому, что онъ напечатанъ по-русски, тогда какъ тотъ же трудъ, при его отчетливости, смѣлости и важности затронутыхъ имъ вопросовъ, изданный въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ городкѣ, счелся бы капитальнымъ литературнымъ явленіемъ?

А. КИРПИЧНИКОВЪ.

Digitized by Google

СМѢСЬ

I. ДОКТОРЪ ЛИВИНГСТОНЪ И ЕГО ОТКРЫТІЯ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКѢ. Наконецъ неизвѣстность объ участи знаменитаго путешественника окончательно разсѣялась, и отыскавшій его Американецъ Станлей, корреспондентъ *New York Herald* привезъ въ Англію подлинныя депеши Ливингстона къ англійскимъ министрамъ и его письма къ друзьямъ, сообщающія много интересныхъ свѣдѣній о его почти семилѣтнемъ пребываніи среди африканскихъ дикарей. Отправивъ со Станлеемъ письма и депеши, Ливингстонъ самъ, однакоже, несмотря на свое стремленіе вернуться на родину, рѣшился еще остаться въ глубинѣ Африки на два года, чтобы докончить начатыя имъ изслѣдованія, которыя предъ тѣмъ онъ принужденъ былъ пріостановить вслѣдствіе болѣзни и истощенія запасовъ.

Ливингстонъ уже не молодъ. Онъ родился въ 1817 году, въ Блантайрѣ, въ Шотландіи. Отецъ его былъ мелкій чайный торговецъ. Мальчикомъ Давидъ Ливингстонъ работалъ на фабрикѣ, но въ то же время любилъ чтеніе, и учился по-латыни въ вечерней школѣ. Потомъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ зимъ слушалъ лекціи въ Глазгоскомъ университетѣ, продолжая остальное время года работать на хлопчатобумажной фабрикѣ. Рѣшившись сдѣлаться миссіонеромъ для проповѣдыванія христіанской религіи язычникамъ, онъ подготовилъ себя къ этому дѣлу не только богословскими, но также медицинскими и хирургическими занятіями. Затѣмъ онъ былъ принятъ магистромъ (*licentiate*) медико-хирургическаго факультета и былъ назначенъ однимъ изъ агентовъ Лондонскаго Миссіонерскаго Общества. Въ

Digitized by Google

1840 году, женившись на дочери миссіонера священника Роберта Моффата, онъ отправился въ Южную Африку, и пробылъ тамъ шестнадцать лѣтъ. Онъ ходилъ далеко въ глубь страны съ племенемъ Бечуановъ, которое онъ научалъ вѣрѣ, нравственности и промышленнымъ искусствамъ цивилизованной Европы. Онъ изслѣдовалъ въ то же время неизвѣстную дотолѣ внутренность африканскаго материка, открылъ озеро Нгами, прослѣдилъ теченіе Замбези, и доходилъ въ направленіи на сѣверъ до 8° ю. ш. Онъ пріобрѣлъ дружеское знакомство со многими племенами и народами Африки, которые до него никогда не видывали Европейцевъ. Въ 1857 году онъ возвратился въ Англію, и былъ принятъ съ почестями достойными человѣка такъ много потрудившагося на благо человѣчества и такъ много содѣйствовавшаго расширенію географическихъ знаній. Послѣ того онъ еще совершилъ другое путешествіе во внутренность Африки. Жена Ливингстона, мужественно раздѣлявшая его миссіонерскіе труды, умерла въ Африкѣ.

Настоящее его путешествіе началось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1865 году серъ-Родерикъ Мурчисонъ, покойный президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, въ прочитанномъ имъ на годичномъ собраніи 22-го мая адресѣ, высказалъ слѣдующую мысль: „Было бы въ высшей степени желательно постараться опредѣлить водоемъ Центральной Африки изслѣдованіемъ, вопервыхъ, мѣстности лежащей между озеромъ Ніасса Ливингстона (между 11° и 14° 30′ ю. ш. и между 34° и 35° в. д.) и озеромъ Танганьика Бертона и Спика (между 3° и 8° ю. ш. и между 29° 30′ и 30° 30′ в. д.), отправивъ для сей цѣли въ эту часть Африки хорошо снаряженную экспедицію. Поэтому, совѣтъ Общества охотно согласился на мое предложеніе чтобы опытному и счастливому путешественнику Ливингстону поручить такое изслѣдованіе.“ При этомъ въ программѣ Ливингстону отчасти указывалось на опредѣленіе, буде возможно, не берутъ ли начало изъ озера Танганьика истоки Нила.

Такова была трудная работа заданная путешественнику, уже знаменитому своими прежними открытіями въ южной части африканскаго материка, и въ концѣ 1865 года онъ снова покинулъ Англію, подъ покровительствомъ не только Королевскаго Географическаго Общества, но и британскаго правительства, снабдившаго его нѣсколько неопредѣленнымъ полномочіемъ британскаго консула ко всѣмъ вождямъ и правителямъ Африки, за исключеніемъ странъ подчиненныхъ Португаліи, Абиссиніи и Египту. Кромѣ того г. Джемсъ Юнгъ, одинъ изъ старѣйшихъ и преданнѣйшихъ друзей Ливингстона, далъ 1.000 фунт. стерл. на его экспедицію. Отправясь черезъ Бомбей, Ливингстонъ при-

Digitized by Google

былъ моремъ къ устью рѣки Ровума, и слѣдуя ея теченію, въ маѣ 1866 года онъ проникъ на западъ почти до озера Ніасса, съ сѣверной оконечности коего онъ предполагалъ начать свою экскурсію. Это, однако, ему не удалось, по причинѣ вторженія одного изъ туземныхъ племенъ, и къ концу года до Англіи дошелъ слухъ о его убіеніи. Это грустное извѣстіе было доставлено въ Занзибаръ сопровождавшими путешественника туземцами съ острова Іоганна, и оно было такъ подробно разказано что многіе ему повѣрили. Экспедиція г. Е. Юнга, отправленнаго изъ Англіи чтобъ удостовѣриться въ участи Ливингстона, убѣдила, однако, въ лживости слуха, и вскорѣ затѣмъ отъ самого путешественника было получено извѣстіе что, будучи не въ состояніи пройти на сѣверъ отъ оз. Ніасса, онъ обогнулъ его съ юга и черезъ страну на его западномъ берегу направился на сѣверо-западъ къ южной оконечности озера Танганьика, достигнувъ 31го января 1867 года мѣста называемаго Бемба, находящагося у 10° 10′ ю. ш. и 31° 50′ в. д. и на возвышеніи 4.500 футовъ надъ поверхностью моря. Результатъ этого путешествія доказалъ что нѣтъ никакой связи между озерами Танганьика и Ніасса, тогда какъ на этой связи прежде сильно настаивали нѣкоторые изъ географовъ. Въ это время задача Ливингстона еще болѣе усложнилась. Въ 1865 году возвратился въ Англію сэръ-Самоэль Бекеръ, изслѣдовавъ озеро названное имъ Альбертъ-Ніанца, которое онъ принялъ за главный резервуаръ Нила. Такимъ образомъ Ливингстону приходилось еще опредѣлить связь этого вновь открытаго большаго водоема съ озеромъ Танганьика, и опредѣлить границу этого бассейна на югѣ и на западѣ. Изъ Бембы Ливингстонъ прислалъ свои первыя депеши, отъ 1го и 2го февраля 1867 года, въ которыхъ онъ говорилъ объ ужасномъ торгѣ невольниками, происходящемъ въ окрестностяхъ озера Ніасса. Послѣ выхода путешественника изъ Бемба, долгое время ничего не было слышно о немъ до полученія отъ него весьма важныхъ писемъ, помѣченныхъ „близь озера Бангвеоло, въ Южной Центральной Африкѣ, 8 іюля 1868 года", и содержавшихъ весьма интересный, но отрывочный разказъ о его путешествіи изъ Бембы. Онъ вычислилъ что эта возвышенная мѣстность занимаетъ пространство около 350 квадр. миль къ югу отъ озера Танганьика, описывая что она вообще покрыта лѣсами и представляетъ волнистую, а мѣстами и холмистую поверхность, съ богатою почвой, орошаемою безчисленными ручьями. Для Африки страна эта холодна. Къ сѣверу и западу она вообще понижается, но нигдѣ не лежитъ менѣе какъ на 3.000 футовъ надъ поверхностью моря. На восточномъ краю этой возвышенности лежитъ страна Усанго, также возвышенная, представляющая пастбища для безчисленныхъ

Digitized by Google

стадъ скота Басангов, замѣчательно слабо одичѣченнаго племени, весьма дружелюбнаго къ чужестранцамъ. На западной же сторонѣ возвышенности, за мѣдными рудниками Катанга, лежатъ горы Конъ, за которыми, еще дальше на западъ, „какъ говорятъ, беретъ начало старый знакомецъ рѣка Замбези, подъ названіемъ Джамбаджи“. При этомъ Ливингстонъ могъ исправить свою ошибку, въ которую онъ былъ вовлеченъ разсказами Португальцевъ, и убѣдился что найденная имъ въ описываемой мѣстности рѣка Чамбези не имѣетъ никакой связи съ Замбези, а течетъ со всѣми своими притоками съ восточной стороны въ средину большой возвышенной долины, которая, по мнѣнію Ливингстона, есть вѣроятно долина Нила, истоки коего, какъ онъ утверждаетъ, начинаются гораздо южнѣе чѣмъ полагали прежніе изслѣдователи, а именно между 10° и 12° ю. ш. Долго ли пробылъ Ливингстонъ у озера Бангвеоло, что онъ тамъ дѣлалъ и куда онъ прямо оттуда направился, трудно опредѣлить по его письмамъ. Повидимому, однако, онъ производилъ тамъ большія изслѣдованія, потому что въ своихъ странствіяхъ онъ набрелъ на озеро Ліемба, получающее воду изъ озера Танганьика. Послѣднее же на картѣ Ливингстона начинается у 8° 42′ ю. ш. и имѣетъ 325 миль въ длину, слѣдовательно на 73 мили длиннѣе чѣмъ полагали капитанъ Бэртонъ и капитанъ Спикъ. Оставивъ берега Танганьика, докторъ перешелъ рѣку Марунгу и прибылъ къ небольшему озеру Моеро, получающему воду отъ Чамбези. Эта рѣка, вступивъ въ озеро Бангвеоло получаетъ названіе Луапула, и направляясь на сѣверъ встрѣчаетъ озеро Моеро, по выходѣ изъ коего называется Луалаба; затѣмъ принявъ въ себя два большіе притока, образуетъ Уленге, большой разливъ воды, который можно считать или озеромъ со множествомъ острововъ или раздѣленіемъ рѣки на множество протоковъ, которые собираются въ большую рѣку Луфиру, служащую стокомъ для западной стороны долины. Изслѣдовавъ эту мѣстность, Ливингстонъ черезъ страну царька Казембе прибылъ въ Уджиджи, на восточномъ берегу Танганьика, откуда въ началѣ 1869 года онъ послалъ письмо на родину. Послѣ кратковременнаго отдыха здѣсь онъ приготовился къ новому и, какъ онъ тогда надѣялся, послѣднему странствію. Выйдя изъ Уджиджи въ іюнѣ 1869 года, онъ прошелъ черезъ страну Угухба, и послѣ пятнадцатидневнаго перехода вступилъ въ страну Маньюема, совершенно дотолѣ невѣдомую и жители коей слывутъ людоѣдами. Здѣсь съ нимъ приключилась болѣзнь, грозившая положить конецъ его изслѣдованіямъ. У него образовались язвы на ногахъ, и шесть мѣсяцевъ онъ долженъ былъ оставаться въ покоѣ на мѣстѣ и ждать залѣченія язвъ

Здѣсь-то онъ встрѣтилъ рѣку Луалабу и убѣдился что она есть продолженіе Чамбези. Онъ прослѣдилъ теченіе этой рѣки на нѣсколько сотъ миль, и ему оставалось пройти лишь 180 миль до той части Нила которая уже изслѣдована, когда онъ былъ покинутъ взбунтовавшимися проводниками. Оставшись безъ всякихъ средствъ и безъ провожатыхъ, онъ принужденъ былъ двинуться назадъ въ Уджиджи куда и прибылъ 16го октября 1871 года изнуренный, разстроенный и обнищавшій. Онъ былъ въ сильномъ раздраженіи что по милости не доходившихъ до него транспортовъ изъ Занзибара, расхищаемыхъ тѣми самыми людьми коимъ они поручались, онъ былъ принужденъ остановиться на самомъ интересномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій. Онъ прошелъ уже 600 миль открытой имъ обширной возвышенной долины Центральной Африки, и по его разчету ему оставалось еще изслѣдовать 100 миль чтобы подтвердить свое убѣжденіе что эта долина есть долина истоковъ Нила, и вотъ для довершенія этой задачи онъ и рѣшился остаться еще на два года въ Африкѣ, послѣ того какъ его отыскалъ въ Уджиджи Станлей.

Обстоятельства отысканія Ливингстона Станлеемъ были слѣдующія. Послѣдніе два года вѣсти о путешественникѣ вовсе прекратились, и Арабы изъ его проводниковъ неоднократно настойчиво распускали слухи о его смерти. Судьба его все сильнѣе тревожила всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе, и наконецъ въ нынѣшнемъ году въ февралѣ, отплыла изъ Англіи экспедиція снаряженная Географическимъ Обществомъ дабы разыскать Ливингстона и подать ему помощь, если онъ еще живъ. Но только-что эта экспедиція прибыла на берегъ Африки, какъ получено было извѣстіе что Ливингстонъ уже отысканъ Станлеемъ, чему многіе въ Европѣ съ перваго разу не повѣрили. Участники экспедиціи, встрѣтясь со Станлеемъ въ Багамойо и узнавъ отъ него что Ливингстонъ живъ, здоровъ и въ послѣднее время получилъ изрядные транспорты запасовъ, перессорились между собой, и рѣшивъ что имъ теперь дѣлать нечего, отправились обратно въ Англію. Такимъ образомъ вся честь не только отысканія Ливингстона, но и первой своевременной помощи ему въ жалкомъ положеніи до котораго онъ былъ доведенъ шестилѣтнимъ странствіемъ, осталась за Станлеемъ, который прибылъ въ Уджиджи 3го ноября прошедшаго года, около трехъ недѣль спустя послѣ возвращенія туда Ливингстона изъ страны Маньюема.

Г. Станлей еще молодой человѣкъ; ему 28 лѣтъ. Онъ родился въ штатѣ Миссури и весьма рано вступилъ на поприще журнальной дѣятельности, бывъ уже корреспондентомъ *New York Herald* съ театра

Digitized by Google

военныхъ дѣйствій еще во время междуусобной американской войны. Потомъ онъ въ качествѣ корреспондента той же газеты былъ въ Кандіи во время возстанія, сопровождалъ англійскую экспедицію въ Абиссинію, и когда вспыхнула испанская революція, былъ отправленъ въ Мадридъ. Тамъ въ началѣ 1869 года онъ получилъ телеграмму отъ Джемса Гордона Беннета младшаго (главнаго редактора *New York Herald* и сына издателя и основателя этой газеты, умершаго въ нынѣшнемъ году Беннета старшаго), который приглашалъ его пріѣхать въ Парижъ по важному дѣлу. Прибывъ въ Парижъ ночью, г. Станлей засталъ г. Беннета въ постели, который тотчасъ же предложилъ ему отправиться въ поиски за Ливингстономъ. Г. Станлей. самъ разказывалъ что до того времени онъ понятія не имѣлъ о Центральной Африкѣ и Ливингстона считалъ какимъ-то миѳомъ, но такъ какъ г. Беннетъ не принялъ бы никакихъ возраженій, то надо было согласиться. Условія и инструкціи — все это было рѣшено въ четверть часа. Инструкція г. Беннета была немногосложна: „Берите 1.000 ф. ст., затѣмъ еще 1.000 фунт., еще и еще, но найдите Ливингстона". Г. Станлей отвѣчалъ на это: „Я сдѣлаю все человѣчески возможное. Покойной ночи". И на слѣдующее утро онъ былъ въ пути. Но предварительно ему еще надо было исполнить много другихъ порученій: присутствовать въ качествѣ корреспондента при открытіи Суэзскаго канала, осмотрѣть раскопки древностей въ Сиріи и Палестинѣ, побывать въ Константинополѣ, въ Крыму, на Кавказѣ, въ Персіи, въ Бомбеѣ, такъ что онъ не скоро могъ добраться до Африки, и только 23го января прошедшаго года, наконецъ, двинулся изъ Занзибара съ снаряженною имъ экспедиціей въ направленіи къ Уджиджи, откуда чрезъ Арабовъ были получены послѣдніе слухи о путешественникѣ и куда ему отправлялись запасы англійскимъ консуломъ въ Занзибарѣ, докторомъ Керкомъ. Путешествіе Станлея началось при неблагопріятныхъ условіяхъ. Царекъ Уджова, вслѣдствіе вторженія въ его владѣнія, объявилъ что впредь никого не пропуститъ черезъ свою территорію. Ведущіе торгъ съ внутреннею Африкой Арабы, возмутясь этимъ нарушеніемъ ихъ правъ, объявили войну этому царьку, по имени Мирамбо, и г. Станлей рѣшился присоединиться къ нимъ. Первый день пути былъ благопріятенъ. Арабы взяли три деревни и перебили, разогнали или забрали въ плѣнъ ихъ жителей. На второй день г. Станлей заболѣлъ лихорадкой и былъ отведенъ назадъ въ Уньяньембе, а на третій день Арабы попали въ засаду, и Мирамбо, самъ командовавшій войсками, поразилъ ихъ на голову, убивъ 17 изъ ихъ вождей и пять человѣкъ изъ экспедиціи Станлея. Тогда Арабы обратились

Digitized by Google

въ бѣгство во всѣхъ направленіяхъ, напугавъ и прислужниковъ Стэнлея. Узнавъ объ этомъ бѣдствіи, по выздоровленіи отъ лихорадки, и опасаясь нападенія Мирамбо на Уньяніембе, Стэнлей кое-какъ собралъ бѣглецовъ, организовалъ надежный отрядъ въ 150 человѣкъ, баррикадировалъ домъ и поднялъ американское знамя. Но Мирамбо не явился. Тогда Стэнлей, видя невозможность пройти черезъ страну, объятую междуусобіями, повернулъ на сѣверъ, наткнулся тамъ на другую войну, опять повернулъ на югъ и продолжая путь черезъ пустынныя дикія мѣстности, наконецъ, послѣ многихъ опасностей, претерпѣвъ на пути голодъ и жажду, онъ 3го ноября спустился съ своимъ небольшимъ караваномъ къ Уджиджи.

Эпизодъ встрѣчи двухъ Европейцевъ былъ однимъ изъ самыхъ трогательныхъ. Караванъ Стэнлея, приближаясь къ Уджиджи, по туземному обыкновенію, возвѣстилъ о своемъ прибытіи выстрѣлами, звуками трубъ и барабаннымъ боемъ, и все населеніе высыпало на встрѣчу. Вдругъ, среди шума, Стэнлей слышитъ голосъ спрашивающій его по-англійски: „Вы Англичанинъ, серъ?“ — „Да, а вы кто и откуда вы здѣсь?“—„Я слуга доктора Ливингстона“.—„Докторъ Ливингстонъ здѣсь?“—„Да, я сейчасъ только-что отъ него“, отвѣчалъ слуга и опрометью бросился извѣстить своего господина. Туземцы были въ величайшемъ удивленіи, узнавъ что другой „бѣлый человѣкъ“ пришелъ навѣстить одинаковаго бѣлаго человѣка, который такъ долго казался безпомощно затеряннымъ между ними. Г. Стэнлей увидалъ въ группѣ Арабовъ высокаго худощаваго старика, съ сѣдыми волосами и бородой, который какъ Европеецъ не могъ быть ни кто другой какъ докторъ Ливингстонъ, но ихъ окружали важные Арабы, привыкшіе скрывать свои чувства. Надо было до нѣкоторой степени сообразоваться съ ихъ обычаями, и потому Стэнлей, пересиливая овладѣвшія имъ волненіе и радость, медленно приблизился и съ вѣжливымъ поклономъ произнесъ: „Докторъ Ливингстонъ, я полагаю?“ Тотъ съ улыбкой отвѣчалъ просто: „Да“, и Американецъ не могъ воздержаться чтобы не воскликнуть: „Слава Богу, мнѣ довелось увидать васъ!“ На это спокойный путешественникъ отвѣтилъ: „Это право удивительный случай“. Только войдя въ домъ Ливингстона, новые пріятели могли предаться вполнѣ своей радости и наговориться другъ съ другомъ. Радость эту впрочемъ раздѣляли также Арабы и туземцы, смотрѣвшіе на прибытіе Стэнлея какъ на чудо, едва вѣря возможности чтобы путешественникъ могъ пробраться изъ Уньяніембе, когда повсюду кругомъ свирѣпствовала ожесточенная война, такъ что нѣсколько дней жители Уджиджи праздновали это событіе.

Digitized by Google

Ливингстонъ своею простотой, энергіей въ стремленіи къ положенной имъ себѣ цѣли, своею настойчивостью, твердостью и неустрашимостью совершенно очаровалъ Станлея, который въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ обществѣ знаменитаго путешественника до такой степени привязался къ нему что готовъ требовать и отъ другихъ такого же поклоненія ему какое онъ самъ чувствуетъ. Въ засѣданіи 16го августа географическаго отдѣленія съѣзда Британской Ассоціаціи Споспѣшествованія Наукамъ г. Станлей, описавъ свое отправленіе для отысканія Ливингстона и свою встрѣчу съ нимъ, откровенно высказалъ своимъ слушателямъ что ему хотѣлось узнать „что̀ это за человѣкъ Ливингстонъ, который былъ способенъ вынести всѣ утомленія, опасности и страданія сопряженныя съ долголѣтнимъ странствованіемъ по Центральной Африкѣ?“ Ему хотѣлось узнать что̀ за сила этого характера, побуждающая его и теперь еще идти все далѣе и далѣе, пока онъ не разъяснитъ своихъ сомнѣній? Поэтому чтобы лучше узнать характеръ путешественника на самой его дѣятельности, Станлей предложилъ ему, въ видѣ прогулки, сдѣлать экскурсію вокругъ сѣверной окраины озера Танганьика, указавъ на важность этого изслѣдованія и въ географическомъ отношеніи. Экскурсію эту, совершенно побочную относительно собственныхъ изслѣдованій Ливингстона, послѣдній назвалъ пикникомъ, но этотъ пикникъ былъ далеко не похожъ на европейскій, потому что въ теченіе его жизнь обоихъ путешественниковъ не разъ подвергалась опасности, и въ это-то время Станлей успѣлъ оцѣнить все величіе характера Ливингстона, его простодушіе, его боголюбивое и кроткое сердце, его чистую христіанскую любовь къ ближнимъ. Чувство страха, по словамъ Станлея, совершенно незнакомо Ливингстону. Во время обхода береговъ озера Танганьика, оба джентльмена находились въ постоянномъ ожиданіи нападенія на нихъ враждебнаго племени Мурунди, и разъ совсѣмъ были окружены. Станлей обратилъ на это вниманіе своего товарища, и тотъ велѣлъ одному изъ своихъ провожатыхъ окликнуть туземцевъ. Какъ только Мурунди увидали что они замѣчены, они приблизились къ путникамъ и спросили кто они такіе. Тѣ отвѣчали что они бѣлые люди и спросили чего отъ нихъ нужно. Туземцы отвѣчали что они придутъ послѣ вечеромъ опять повидаться съ бѣлыми людьми, и когда они ушли, Станлей и Ливингстонъ заблагоразсудили что лучше тотчасъ же удалиться изъ этой опасной мѣстности. Поэтому они сѣли на лодки, но едва успѣли отчалить, какъ туземцы высыпали на берегъ большою толпой и яростно атаковали ихъ стрѣлами и камнями. Станлей уже взялся было за

Digitized by Google

ружье и просилъ у доктора позволенія наказать враговъ, но Ливингстонъ остановилъ его, сказавъ: „Нѣтъ, нѣтъ; мы избѣгли опасности, и теперь нѣтъ надобности проливать кровь". По словамъ Станлея, однако, опасность была весьма велика, несмотря на человѣколюбіе и хладнокровіе великаго изслѣдователя. Г. Станлей приводилъ въ разговорахъ много такихъ подробностей, выставляющихъ въ яркомъ свѣтѣ характеръ Ливингстона, но полный разказъ о своемъ пребываніи въ Африкѣ онъ готовитъ въ книгѣ съ описаніемъ всего своего путешествія.

3го ноября прошедшаго года, какъ выше сказано, прибылъ г. Станлей въ Уджиджи. 20го ноября онъ вмѣстѣ съ Ливингстономъ отправились для изслѣдованія сѣверной оконечности озера Танганьика, убѣдившаго ихъ что это озеро не выпускаетъ изъ себя на сѣверъ ни одной рѣки, и слѣдовательно не имѣетъ сообщенія съ озеромъ Альбертъ-Ніанца. Двадцать восемь дней спустя путники вернулись въ Уджиджи и вмѣстѣ провели тамъ праздникъ Рождества, а 26го декабря вмѣстѣ выступили къ Уньянембе, куда они прибыли 14го марта нынѣшняго года. Здѣсь они дружески распростились: Ливингстонъ отправился обратно въ Уджиджи для продолженія своихъ изысканій, а Станлей поспѣшилъ въ Европу съ радостною вѣстью о докторѣ, давъ ему при разставаньи торжественное обѣщаніе что онъ передастъ собственноручно или сдастъ въ лондонскій почтамтъ его дневникъ, за пять лѣтъ его послѣдней экспедиціи, посылаемый имъ къ своей дочери, и его письма: къ лорду Гранвилю, къ Географическому Обществу и къ его частнымъ друзьямъ. Этотъ драгоцѣнный документъ, дневникъ доктора Ливингстона, едва не былъ потерянъ и былъ сохраненъ только присутствіемъ духа г. Станлея. На обратномъ пути изъ Уньянембе къ Занзибару, послѣ того какъ Станлей разстался съ Ливингстономъ, ему случилось съ своимъ отрядомъ переправляться черезъ рѣку Мукондокву, въ самое сильное время дождливаго періода, и прислужникъ несшій ящикъ съ драгоцѣннымъ сокровищемъ, то-есть съ дневникомъ и письмами Ливингстона, находился въ опасности быть увлеченнымъ потокомъ. Г. Станлей, видя это и опасаясь чтобы слуга изъ страха не бросилъ ящика въ воду, прицѣлилъ ему въ голову пистолетъ со взведеннымъ куркомъ и пригрозилъ размозжить черепъ, если тотъ упуститъ ввѣренную ему ношу. Страхъ пистолета пересилилъ въ носильщикѣ страхъ воды, и онъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе, вынесъ ящикъ на берегъ въ цѣлости.

Что же сказать о географическихъ открытіяхъ доктора Ливингстона? Судить о значеніи ихъ очень трудно, такъ какъ онъ, кромѣ

Digitized by Google

разныхъ отрывочныхъ указаній встрѣчающихся въ его письмахъ и депешахъ англійскому министерству, не прислалъ обстоятельнаго описанія ихъ. Извѣдавши уже изъ опыта своихъ прежнихъ путешествій съ какимъ недовѣріемъ обыкновенно относятся къ разказамъ путешественниковъ посѣщающихъ невѣдомыя прежде страны, онъ не желаетъ выдавать вполнѣ результаты своихъ разслѣдованій до окончательнаго подтвержденія своихъ предположеній объ истокахъ Нила. Попавъ за территоріей царька Казембе на большой водоемъ, направляющійся на сѣверъ и состоящій изъ ряда озеръ соединенныхъ большими рѣками, принимающими множество притоковъ, Ливингстонъ припомнилъ разказъ переданный отцу исторіи Геродоту однимъ жрецомъ въ Саисѣ о недосягаемой дали гдѣ истоки Нила берутъ свое начало изъ нѣдръ земли, и рѣшился прослѣдить этотъ водоемъ до части Нила уже изслѣдованной съ сѣвера. По временамъ, когда онъ слѣдилъ за теченіемъ Луалабы, большіе уклоны этой рѣки на западъ повергали его въ сомнѣніе ужь не слѣдитъ ли онъ за истоками Конго, текущей въ Атлантическій океанъ, вмѣсто истоковъ Нила; но потомъ рѣка опять поворачивала на сѣверъ и сѣверо-востокъ, а туземцы также все подтверждали его въ сѣверномъ направленіи потоковъ. Ему оставалось прослѣдить уже не болѣе 180 миль до извѣстной части Нила, когда истощеніе припасовъ и отказъ провожатыхъ идти далѣе принудили его вернуться въ Уджиджи. Многіе изъ географовъ бывавшихъ въ Африкѣ изъявляютъ сильное сомнѣніе въ возможности сообщенія съ Ниломъ большаго центральнаго водоема открытаго Ливингстономъ, и высказываютъ разныя болѣе или менѣе основательныя возраженія противъ его предположеній. Они говорятъ что или этотъ водоемъ, вѣроятно, оканчивается въ какое-либо большое центральное озеро или же, что также возможно, что Ливингстонъ ошибся въ своихъ вычисленіяхъ долготъ, и пройдя на западъ гораздо далѣе чѣмъ предполагалъ, напалъ на истоки Конго. Правъ ли Ливингстонъ въ своихъ предположеніяхъ, которыя онъ высказываетъ съ большою убѣдительностію, рѣшить теперь, конечно, невозможно, и если нѣтъ необходимости тотчасъ же принимать ихъ на вѣру, то точно также, съ другой стороны, не слѣдовало бы напередъ безусловно отвергать ихъ на основаніи нѣкоторыхъ, можетъ-быть только кажущихся, несогласій ихъ съ наблюденіями другихъ географовъ, точно также отрывочныхъ, и вѣроятно даже менѣе полныхъ чѣмъ наблюденія Ливингстона. Поэтому мы теперь оставимъ этотъ спорный вопросъ и вмѣсто того чтобы путать нашихъ читателей массой непонятныхъ, безъ хорошей карты Африки, топографическихъ подробностей или перечисленіемъ ничего не объясняющихъ названій, приведемъ нѣсколько наиболѣе

Digitized by Google

интересныхъ извлеченій изъ депешъ и писемъ самого Ливингстона. Куда бы ни текли спорные потоки, во всякомъ случаѣ онъ открылъ глазамъ Европейцевъ край невѣдомый и, по его словамъ, благодатный, щедро одѣленный природой. Нравъ туземцевъ, по его увѣренію, общительный и уживчивый, и только язва безобразнаго невольничьяго торга, который ведутъ Азіятцы, пользуясь своимъ превосходствомъ надъ туземцами, храбрыми отъ природы, но не знающими употребленія огнестрѣльнаго оружія, омрачаетъ жизнь этого роскошнаго края. Вотъ что пишетъ Ливингстонъ о большомъ водораздѣлѣ откуда берутъ начало найденные имъ потоки:

„Это широкая полоса лѣсистой возвышенности, простирающейся около 700 миль въ длину отъ востока на западъ. Общее возвышеніе ея отъ 4.000 до 5.000 футовъ надъ поверхностью моря, и на различныхъ пунктахъ ея возвышаются горы отъ 6.000 до 7.000 футовъ надъ уровнемъ моря. На этомъ водораздѣлѣ ручьи почти безчисленны,— половины человѣческой жизни не достало бы чтобы пересчитать ихъ. Ручьи эти сливаясь образуютъ потоки, которые въ свою очередь соединяются и образуютъ рѣки въ 20, 40 и 80 ярдовъ шириной, которыя никогда не высыхаютъ. Всѣ онѣ текутъ къ центру неизмѣримой долины, которую я почитаю долиной Нила. Въ этой котловинѣ мы встрѣчаемъ сначала три большія рѣки. Затѣмъ всѣ онѣ соединяются въ одну огромную озерную рѣку, центральную линію водостока, которую я называю Луалаба. Въ этой большой долинѣ есть пять большихъ озеръ. Одно изъ нихъ близь верхняго конца называется озеро Бемба или, вѣрнѣе, Бангвеоло, но оно не есть источникъ Нила, потому что ни одна большая рѣка не начинается въ озерѣ. Она снабжается водой изъ рѣки называемой Чамбезе и нѣкоторыхъ другихъ, которыя и можно почитать истоками; изъ этого озера вытекаетъ широкая рѣка Луапула, вступающая въ озеро Моэро и выходящая оттуда въ видѣ большой рѣки Луалабы, образующей озеро Камолондо. Къ западу отъ Камолондо, но также въ большой долинѣ, лежитъ озеро Линкольнъ, которому я даю это имя какъ слабую дань моей любви къ великому и доброму человѣку котораго утратила Америка. Одна изъ трехъ упомянутыхъ мною рѣкъ, Луфира, впадаетъ въ Камолондо, а озеро Линкольнъ становится большою озерною рѣкой, и оно также соединяется съ центральною линіей водостока, но много ниже, и всѣ три рѣки по соединеніи образуютъ пятое озеро, которое, къ моей великой горести, присланные мнѣ въ качествѣ провожатыхъ невольники заставили меня оставить неизслѣдованнымъ."

Вотъ нѣсколько подробностей сообщаемыхъ Ливингстономъ о Маньемѣ, странѣ людоѣдовъ:

Digitized by Google

„На сѣверо-востокъ отъ страны Руа лежитъ весьма обширная страна называемая Маньюэма, но Арабы сокращаютъ это названіе въ Маньема. Она только недавно стала извѣстною, такъ какъ репутація людоѣдовъ какою пользуются ея жители удерживала арабскихъ торговцевъ пускаться туда. Обстоятельныя подробности объ обычаяхъ людоѣдовъ разказываемыя сосѣдними племенами были подтверждены двумя Арабами, которые два года тому назадъ доходили до Бамбарры. Мелочныя подробности объ оргіяхъ людоѣдовъ, передаваемыя провожатыми Арабовъ, грѣшили, однако, преувеличеніемъ возмутительности. Еслибъ я повѣрилъ десятой долѣ этихъ разказовъ, то я никогда бы не отважился идти въ Маньему.... Страна эта изобилуетъ птицей всякаго рода, и богатая почва повсюду покрыта роскошною растительностью. Одинъ мой пріятель попробовалъ посѣять рисъ, и въ три или четыре мѣсяца онъ уродился самъ-сто-двадцать; три мѣры сѣмянъ дали 360 мѣръ. Маисъ здѣсь въ такомъ изобиліи что я видѣлъ какъ 45 мѣшковъ, каждый около 60 фунтовъ, отдавались за одну козу. „Маисъ дура“ или *holcus*, *sarghum*, *Tennisetum*, *cassana*, сладкій картофель, ямъ (*yam*)—доставляютъ мучнистую часть пищи; пальмовое масло, орѣхи и одно лѣсное дерево—даютъ жирныя вещества; бананы и платаны, растущіе въ изобиліи, и сахарный тростникъ—даютъ сладкую пищу; пальмовый тодди, банановое пиво, табакъ и банджъ, *cannabis sativa*—служатъ для удовольствія; между тѣмъ какъ слоны, буйволы, зебры и соко или гориллы представляютъ ловкому охотнику изобильный запасъ азотистой пищи. Непонятно съ какой стати они каннибалы. Новозеландцы, какъ говорятъ, стали каннибалами потому что перебили всѣхъ своихъ гигантскихъ птицъ (моа и др.), и бросили этотъ обычай послѣ введенія у нихъ свиней. Но у Маньемаитянъ обиліе свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, и все-таки они людоѣды. Причины ихъ людоѣдства я не знаю. Они говорятъ что человѣчье мясо вкуснѣе козьяго или свинаго; оно солоновато и отъ него они видятъ де во снѣ умершихъ. Столь низкій нравственный уровень красиваго племени можно приписать только тому что у нихъ еще не введена религія одаряющая людей отличіями которыя не могутъ быть объяснены френологіей. Религія Христа есть несомнѣнно наилучшая для человѣка. Христіане вообще лучше язычниковъ, но они часто не знаютъ этого, и всѣ они несравненно лучше чѣмъ каковыми они считаютъ другъ друга. Женщины въ Маньемѣ, особенно по нижнему теченію Луалубы, весьма красивы и прилежны. Рынокъ для нихъ есть великое учрежденіе, и онѣ усердно работаютъ и далеко носятъ товаръ чтобы только было что-нибудь продать. Рынки находятся на 10 или 15 миль разстоянія другъ отъ друга. Тамъ тѣ кто насаж-

Digitized by Google

даютъ маисъ, хлѣбъ, картофель, мѣняютъ эти продукты на масло, соль, перецъ, рыбу и др.; домашняя птица, а также свиньи, козы, травяная одежа, цыновки, и другіе предметы также переходятъ изъ рукъ въ руки. Всѣ женщины принаряжены какъ только можно лучше, въ ярко - цвѣтныя юбочки, со множествомъ складокъ, прикрывающихъ тѣло отъ груди до колѣнъ. Когда соберутся вмѣстѣ 2.000 или 3.000, то онѣ производятъ между собою судъ и расправу, и онѣ такія страстныя торговки что съ ночи небольшими отрядами поспѣшаютъ на рынки. Торговаться, шутить, смѣяться и болтать, кажется, для нихъ самое пріятное наслажденіе въ жизни. Торгъ ихъ обоюдно выгоденъ. Базенійскія женщины мастерицы собирать устрицы, и онѣ продаютъ ихъ, также какъ и рыбу, за мучную пищу приносимую женщинами восточнаго берега Луалабы, жители коего предпочитаютъ рыболовству земледѣліе. Маньеманитяне вездѣ говорили мнѣ что женщинъ отправляющихся на рынокъ никто никогда не трогаетъ. Даже когда мущины другихъ округовъ вели войну другъ съ другомъ, женщины безпрепятственно проходили съ одного рынка на другой; брать ихъ товары даже во время войны считается непозволительнымъ.“

Въ другомъ мѣстѣ Ливингстонъ про ту же страну пишетъ слѣдующее:

„Между жилыми округами въ Маньемѣ все еще стоятъ большія полосы первобытныхъ лѣсовъ. Въ нихъ даже вертикально падающіе лучи солнца проникаютъ только въ полдень тонкими полосками, едва освѣщая ихъ сумракъ. Дождевая вода по цѣлымъ мѣсяцамъ образуетъ стоячія лужи въ слѣдахъ оставляемыхъ ногами слоновъ, и опавшіе листья гніютъ на сырой почвѣ и придаютъ водѣ многочисленныхъ ручейковъ цвѣтъ крѣпкаго чайнаго настоя. Ползучія растенія, толщиной отъ бичевки до каната, такъ многочисленны что первобытная тропинка есть единственный путь. Когда одно изъ гигантскихъ деревьевъ падаетъ поперегъ дороги, то оно образуетъ стѣну по грудь человѣку, черезъ которую приходится перелѣзать... Жители кровожадны въ отношеніи другъ къ другу. Но они далеко не походятъ на безобразныхъ негровъ западнаго берега Африки. Прекрасно сформированныя головы встрѣчаются весьма часто, и вообще мущины и женщины значительно превосходятъ невольниковъ Занзибара и другихъ мѣстъ. Надо поискать чего-нибудь поглубже френологіи для объясненія ихъ низкаго нравственнаго уровня. Если они и людоѣды, то не выставляютъ этого на показъ; сосѣднія племена всѣ утверждаютъ что они людоѣды и они сами смѣясь сознаются въ этомъ, но они любятъ пугать людей довѣрчивыхъ и показывали разъ черепъ недавней жертвы, чтобы привести въ ужасъ одного изъ моихъ провожатыхъ. Я же увидалъ что

это былъ черепъ гориллы или соко,—первый по которому я узналъ о существованіи здѣсь этихъ животныхъ, которыхъ они и ѣдятъ. Провожатые купцовъ разказывали такія возмутительныя подробности коихъ будто бы сами бывали очевидцами, которыя нельзя и передать на бумагѣ, но я до сихъ поръ не могъ удостовѣриться чтобы Маньема-нитяне были людоѣды. Я предлагалъ имъ товаровъ достаточной цѣнности чтобъ искусить ихъ пригласить меня посмотрѣть на людоѣдское пиршество въ мрачномъ лѣсу, гдѣ, какъ говорятъ, происходятъ эти оргіи, но до сихъ поръ напрасно. Всѣ до сихъ поръ добытыя свидѣтельства побудили бы шотландскихъ присяжныхъ дать вердиктъ: „Не доказано".

Приводимъ еще нѣсколько свѣдѣній сообщаемыхъ Ливингстономъ о территоріи Казембе, лежащей къ юго-западу отъ озера Танганьика, между озерами Ліемба, Бангвеоло и Моеро, и по рѣкамъ Чамбезе и Луапула:

„Африканскіе невольники на западномъ берегу Африки, а также въ Занзибарѣ и другихъ мѣстахъ чрезвычайно безобразны. Я не имѣю никакого предразсудка противъ ихъ цвѣта; право, всякій жившій между ними забываетъ что они черны, и сознаетъ что они намъ такіе же ближніе какъ и другіе люди. Но низкіе бѣгущіе лбы, выдающіяся челюсти, кривыя пятки и другія физическія особенности свойственныя невольникамъ и неграмъ западнаго берега, всегда поселяютъ нѣкоторое чувство отвращанія къ нимъ. Но я желаю указать что они столь же мало служатъ типомъ Африканцевъ, какъ и типомъ Англичанъ, и что туземцы почти всѣхъ нагорій внутренности материка представляютъ вообще прекрасные образцы человѣчества. Мнѣ случилось присутствовать когда почти всѣ лучшіе люди (*head men*) великаго вождя Иисамы, живущаго къ западу отъ южной оконечности Танганьика, сошлись на сходку для заключенія мира съ нѣкоторыми Арабами, которые сожгли ихъ главный городъ, и я увѣренъ что не болѣе увидишь прекрасно сложенныхъ умныхъ головъ въ любомъ собраніи въ Лондонѣ или Парижѣ, а лица и формы тѣла соотвѣтствовали красивымъ головамъ. Самъ Иисама, бывшій въ юные года чѣмъ-то въ родѣ Наполеона, по своимъ побѣдамъ, походилъ на одного изъ древнихъ Ассиріанъ изваянныхъ на ниневійскихъ мраморахъ. Многія изъ женщинъ весьма красивы, и подобно всѣмъ дамамъ, были бы много красивѣе, еслибъ оставили себя такими какія онѣ есть. Къ счастію, особы прекраснаго пола не могли измѣнить своихъ очаровательныхъ черныхъ глазъ, прекрасныхъ лбовъ, тонко округленныхъ членовъ, красивыхъ формъ и маленькихъ рукъ и ногъ. Но имъ надо же украшать себя, и онѣ это дѣлаютъ, о шалуньи!—подпиливая и за-

Digitized by Google

остряя свои великолѣпные зубы на подобіе кошачьихъ. Это прискорбно, потому что вслѣдствіе сего ихъ улыбка, имѣющая такую власть надъ нами простаками, походитъ на улыбку крокодила. Украшенія рѣдки, и потому женщины обходятся безъ нихъ, изукрашая свою тонкую темную кожу татуировкой разныхъ знаковъ, служащихъ, кромѣ украшенія, и геральдическими знаками. Онѣ вовсе не чернаго, а слегка темноватаго цвѣта, и такъ любезны что оскорбительно видѣть пучокъ травы продѣтый черезъ носовой хрящъ и висящій съ обѣихъ сторонъ носа. Царица Казембе, Моари-а-Нгомбе по имени, показалась бы настоящею красавицей, хотя бы даже въ Лондонѣ, Парижѣ или Нью-Йоркѣ, но и у нея было маленькое отверстіе въ хрящѣ близь кончика ея прекраснаго слегка орлинаго носа. Но у нея былъ подпиленъ только одинъ рядъ ея превосходныхъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ; и что́ за ужасная улыбка была у нея отъ этого!“

Въ заключеніе заимствуемъ еще нѣсколько подробностей приводимыхъ Ливингстономъ объ ужасныхъ жестокостяхъ сопровождающихъ постыдный торгъ невольниками который ведутъ въ Африкѣ арабскіе купцы:

„Руа, весьма обширная мѣстность, лежащая къ сѣверо-западу отъ Казембе, но въ той же внутренней полосѣ, населена жителями похожими на подданныхъ Инсамѣ и Казембе. Одинъ Арабъ Саидъ бинъ-Хабибъ отправился торговать туда года два тому назадъ, и какъ Арабы обыкновенно поступаютъ тамъ гдѣ у туземцевъ нѣтъ огнестрѣльнаго оружія, старшій братъ Саида бинъ-Хабиба велъ дѣла совершенно безцеремонно. Туземцы подмѣтили что, старшій братъ спалъ въ бѣлой палаткѣ, и проязивъ ее ночью копьями, убили его. Такъ какъ мусульмане никогда не прощаютъ пролитой крови, то младшій братъ безъ разбору сталъ мстить всѣмъ туземцамъ на большомъ пространствѣ вокругъ. Не должно думать чтобы хотя одинъ изъ этихъ народцевъ былъ похожъ на американскихъ Индійцевъ, ненасытныхъ кровожадныхъ дикарей, которые ни за что не заключатъ прочной дружбы съ добросовѣстными иностранцами. Еслибъ отъ нихъ были потребованы дѣйствительные убійцы, и дано имъ нѣкоторое время для ихъ отысканія, то я положительно увѣренъ, судя по многимъ примѣрамъ случавшимся у племенъ которыя не были ограблены арабскими купцами, что они всѣ были бы выданы. Вожди страны прежде всего разузнали бы преступленіе въ которомъ провинился старшій братъ, и потомъ доискались бы кого оно побудило на отмщеніе. Весьма вѣроятно, они выговорили бы чтобы кромѣ дѣйствительно виновнаго, никто другой не былъ наказанъ. Домашніе рабы, дѣйствовавшіе по его приказаніямъ, не подвергались бы осужденію. Я

Digitized by Google

не знаю чѣмъ бы неиспорченные Африканцы болѣе отличались отъ другихъ неразвитыхъ народовъ какъ не своею разсудительностью и здравымъ смысломъ. Совсѣмъ иное дѣло послѣ того какъ у нихъ похитятъ женъ, дѣтей и родственниковъ, но вѣдь это превосходитъ все что̀ можетъ перенести всякій человѣкъ, цивилизованный или дикарь. Въ вышеупомянутомъ случаѣ послѣдовали безразборчивое убіеніе, плѣненіе и грабежъ. Множество прекрасныхъ молодыхъ людей были взяты въ плѣнъ и обременены цѣпями и деревянными ярмами. Я находился вблизи отряда Саида бинъ-Хабиба, какъ разъ у того мѣста гдѣ большая разсѣлина въ горахъ Руа даетъ выходъ изъ озера Моэро большой рѣкѣ Луалабѣ. И здѣсь я въ первый разъ имѣлъ случай наблюдать разницу между рабами и взятыми въ плѣнъ свободными людьми. Переправившись черезъ Луалабу, Саидъ счелъ свою добычу обезпеченною и избавилъ себя отъ хлопотъ сопровождать и караулить забранныхъ плѣнныхъ, снявъ съ нихъ цѣпи и ярма. Всѣ они обнаружили радость и готовность слѣдовать за Саидомъ на край свѣта, но на слѣдующее же утро 22 человѣка бѣжали въ горы. Многіе же, видя что̀ широкая Луалаба разлучила ихъ съ родиной, упали духомъ, и черезъ три дня восемь изъ нихъ умерли. Они ни на что̀ не жаловались кромѣ боли въ сердцѣ, вѣрно указывая на его мѣсто. Это была для меня самая поразительная смерть какую когда-либо мнѣ случалось видѣть. Они очевидно умирали отъ сердечной боли, а Арабы дивились, „видя что они имѣли пищи въ волю“. Я видѣлъ какъ погибали и другіе, въ особенности прекрасный мальчикъ 10 или 12 лѣтъ. Когда его спросили гдѣ онъ чувствуетъ боль, то онъ вѣрно положилъ руку на сердце. Его заботливо понесли, и когда онъ испустилъ духъ, тихонько сложили на краю дороги. Побѣдители не были необычно жестоки, но они сдѣлались нечувствительны, такъ какъ торгъ невольниками закалилъ ихъ сердца.... Я разъ видѣлъ отрядъ изъ 12 человѣкъ которые были рабами въ ихъ собственной странѣ, Лундѣ или Лондѣ, принадлежащей Казембе. Каждый изъ нихъ былъ обремененъ большимъ и тяжелымъ деревяннымъ ярмомъ, представляющимъ вилообразное дерево около трехъ дюймовъ въ діаметрѣ, и отъ семи до восьми футовъ длины. Въ расщелину помѣщается шея и поперегъ обѣихъ вилъ забивается и закрѣпляется желѣзный прутъ. Другой конецъ дерева привязывается на ночь къ дереву или крышѣ шалаша, и такъ какъ шея твердо закрѣплена въ вилѣ, то невольникъ не можетъ отвязать ярмо. Оно чрезвычайно безпокойно для носящаго его, а на походѣ часто два ярма связываются вмѣстѣ свободными концами, и кромѣ того на головы невольниковъ еще кладутъ ноши. Женщины, имѣвшія кромѣ ярма и ноши еще ребенка за

Digitized by Google

плечами, говаривали мнѣ при встрѣчѣ: „меня убиваютъ; еслибы сняли съ меня ярмо, я могла бы справиться съ ребенкомъ и ношей. Но я умру подъ тройною ношей“. Одна говорившая такимъ образомъ и умерла, и ея ребенокъ, бѣдная маленькая дѣвочка, погибъ отъ голоду. Я заступался за нѣкоторыхъ, но когда съ нихъ снимали ярмо, они разбѣгались среди высокой травы, и меня слегка укоряли что я не заботился о сохраненіи собственности владѣльца. Послѣ дневнаго пути, подъ жгучимъ вертикальнымъ солнцемъ, обремененные ярмомъ и тяжелою ношей, сильнѣйшіе изъ невольниковъ впадали въ изнеможеніе.“

Въ странѣ Маньема происходитъ то же самое. „Когда отряды купцовъ оставляютъ Уджиджи“, пишетъ Ливингстонъ, „чтобы двинуться на западъ въ Маньему, то не спрашиваютъ сколько у нихъ товару, а сколько ружей и зарядовъ пороху. Если у нихъ 200 или 300 ружей и зарядовъ въ пропорціи, то успѣхъ считается вѣрнымъ. Такъ какъ купцы прежде никогда не ходили въ Маньему, то цѣнность слоновой кости была совершенно неизвѣстна. Клыки такъ и оставлялись въ лѣсахъ, вмѣстѣ съ другими костями, тамъ гдѣ животныя были убиты; многіе изъ нихъ сгнили, другіе же были стерты какимъ-либо бродячимъ животнымъ точившимъ о нихъ зубы. Туземцы отправлялись въ лѣса на тѣ мѣста гдѣ, какъ имъ извѣстно, были убиты слоны, и приносили клыки за нѣсколько мѣдныхъ браслетъ. Я видѣлъ отряды возвращавшіеся съ такимъ количествомъ слоновой кости что ее несли на трехъ смѣнахъ, по сотнѣ невольниковъ въ каждой. Но даже и это не удовлетворяетъ людской корысти. Выстрѣлы огнестрѣльнаго оружія чрезвычайно устрашали Маньеманитянъ; нѣкоторые изъ нихъ считали ихъ сверхъ-естественною силой, потому что когда дѣйствіе выстрѣла было показано на козѣ, то они обращали взоры на тучи и предлагали принести слоновой кости чтобы закупить колдовство коимъ молнія была привлечена съ неба. При нападеніи на деревню, мущины бѣжали въ страхѣ, а женщины и дѣти забирались въ плѣнъ. Многія изъ Маньеманитянокъ, особенно по низовью Луалабы, весьма красивы, не слишкомъ темнаго цвѣта, и весьма живы. Весьма обыкновенно приходится слышать отъ занзибарскихъ невольниковъ въ разговорахъ ихъ другъ съ другомъ такія рѣчи: „Ахъ, еслибъ у насъ были жены изъ Маньемы, что за прекрасныхъ дѣтей мы имѣли бы!“ Мущины и женщины изъ Маньемы всѣ значительно превосходятъ невольниковъ, которые очевидно сознаютъ упадокъ въ который ихъ повергла тина рабства. Многіе изъ мущинъ высокіе дюжіе малые, почти не имѣющіе отличительныхъ чертъ негритянскаго племени. Еслибы руководиться одними ученіями френологіи, то Маньеманитянамъ пришлось бы отвести высокое мѣсто въ человѣческомъ семействѣ. Они и сами сознаютъ свое

Digitized by Google

превосходство и часто весьма справедливо говорятъ: „Еслибы не огнестрѣльное оружіе, то ни одинъ изъ иностранцевъ не вышелъ бы изъ нашей страны." Еслибы для сравненія посадить другъ противъ друга взятыхъ безъ разбора Маньеманитянъ и, напримѣръ, членовъ Лондонскаго Антропологическаго Общества, одѣтыхъ подобно имъ въ юбочки изъ травяной матеріи, то я желалъ бы занять мѣсто между Маньеманитянами, держась принципа предпочитать общество людей лучшихъ, ибо философы были бы ужасно неказисты."

Вотъ что̀ еще пишетъ о томъ же предметѣ Ливингстонъ въ депешѣ къ лорду Гранвиллю, адресованной изъ Уньяньембе, отъ 20го февраля 1872 года:

„Я прошу васъ обратить вниманіе на участіе которое занзибарскіе Баніане, пользующіеся покровительствомъ, какъ британскіе подданные, принимаютъ въ невольничьемъ торгѣ въ Центральной Африкѣ, и особенно въ Маньемѣ, странѣ лежащей къ западу отъ Уджиджи; а также на предложеніе, которое я живо принимаю къ сердцу, о возможности поощрить туземцевъ христіанъ западнаго берега Африки переселиться добровольно на здоровую мѣстность по сю сторону материка. Британскіе подданные Баніане давно уже стали главными распространителями занзибарской торговли невольниками; они каждый годъ ссужаютъ Арабовъ впередъ, за огромные проценты, деньгами, а часто также и ружьями, порохомъ, пулями, кремнями, мѣдью, проволокой и ситцемъ,— и все это для убійственнаго дѣла захвата невольниковъ, о которомъ каждый Баніанинъ знаетъ какъ онъ дѣлается. Много толкаясь между Арабами внутри страны, я вскорѣ узналъ что вся система „бутчи" или баніанской торговли есть просто мародерство и убійство совершаемое Арабами при помощи и подстрекательствѣ нашихъ индійскихъ подданныхъ. Лукавые Индійцы обезпечиваютъ себѣ почти всѣ выгоды отъ каравановъ посылаемыхъ ими внутрь страны, и весьма ловко возлагаютъ всю ненавистную сторону торговли на своихъ арабскихъ агентовъ. Вообще весьма немногіе Арабы могли бы снаряжать эти торговыя экспедиціи, еслибъ ихъ не поддерживали Баніане оружіемъ, аммуниціей и товарами. Невольники не покупаются въ странахъ куда проникаютъ агенты Баніанъ и даже вовсе ошибочно называть эту систему невольничьею торговлей, а захватываются въ плѣнъ обыкновенно люди свободные и увлекаются въ неволю для обогащенія Баніанъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду что и бо̀льшая часть другой торговли, также какъ и невольничьей, ведется Баніанами. Таможня и доходы Занзибарскаго султана совершенно въ ихъ рукахъ; такъ-называемые губернаторы суть ихъ торговые агенты. Саидъ банъ-Салемъ Бурашидъ, здѣшній воровской губернаторъ (въ Уньяньембе), есть просто

Digitized by Google

торговый агентъ Лудха Дамджи, богатѣйшаго Баніанина и главнаго работорговца въ Занзибарѣ, и такъ какъ честность не входитъ въ кругъ его обязанностей, то онъ смотритъ сквозь пальцы на самыя постыдныя сдѣлки другихъ баніанскихъ агентовъ. Обыкновенно для сокрытія преступленій онъ размѣщаетъ преступниковъ въ деревняхъ вокругъ себя, и когда является запросъ о нихъ отъ султана, то онъ докладываетъ что они больны. Ни для кого не тайна что Баніане весьма неблагосклонно смотрѣли на мои изслѣдованія и сообщенія, опасаясь отъ нихъ подрыва знатнаго источника ихъ богатства; и зная это, я не могъ придти въ себя отъ удивленія, услыхавъ что главный хотя и тайный работорговецъ Лудха Дамджи получилъ приглашеніе доставлять мнѣ запасы и провожатыхъ. Вся его помощь была направлена лишь къ обезпеченію моей неудачи.... Джентльмены въ Индіи, видя только огромное богатство привозимое въ Бомбей и Кутчъ и знающіе что религія Баніанъ не дозволяетъ имъ причинять вредъ даже мухѣ, весьма естественно заключаютъ что имъ безопасно можно довѣрять обладаніе невольниками. Но я воочію убѣдился что люди которые не смѣютъ убить муху или комара на дѣлѣ самые худшіе каннибалы во всей внутренней Африкѣ. Людоѣды Маньемы, среди коихъ я прожилъ почти два года, невинны въ сравненіи съ нашими подданными Баніанами. Имѣя совершенно въ своихъ рукахъ таможню и доходы Занзибара, Баніане имѣютъ полную возможность прикрывать невольничью торговлю и всѣ мошенническія продѣлки совершаемыя ихъ агентами. Было бы весьма не худо предложить султану, такъ какъ онъ не можетъ довѣрять своимъ мусульманскимъ подданнымъ, поручить сборъ доходовъ со всѣхъ источниковъ англійскому или американскому купцу извѣстной репутаціи и честности. Это положило бы преграду невольничьему торгу, доставило бы выгоды султану и поощреніе законной торговлѣ. Но гораздо болѣе благодѣтельною мѣрой было бы введеніе въ восточную Африку того нравственнаго элемента, который оказалъ такое благодѣтельное вліяніе на прекращеніе невольничьяго торга на западномъ берегу. Религія Баніанъ не заслуживаетъ этого имени, а у магометанъ религія и нравственность идутъ совершенно врозь. Различныя мнѣнія бывали выражаемы относительно успѣха христіанскихъ миссіонеровъ, но обширный докладъ полковника Орда, представленный парламенту въ 1865 году, заявляетъ что хотя присутствіе эскадры имѣло нѣкоторую долю участія въ подавленіи торговли невольниками на западномъ берегу, но главнымъ образомъ результатъ этотъ зависѣлъ отъ существованія поселеній. Это заявленіе подтверждается фактомъ что даже въ мѣстахъ наирѣже посѣщаемыхъ военными судами торгъ этотъ прекратился такъ же успѣшно какъ и въ

Digitized by Google

тѣхъ гдѣ они имѣли наиболѣе постоянное пребываніе. Нравственный элементъ оказавшій благодѣтельное вліяніе вокругъ всѣхъ поселеній должно приписать главнымъ образомъ ученію миссіонеровъ. Я желалъ бы избѣгать всякой похвальбы о благодѣтельныхъ стараніяхъ нашихъ соотечественниковъ, но здѣсь ихъ доброе вліяніе совершенно неизвѣстно. Магометане никогда не дѣлали въ восточной Африкѣ попытокъ къ распространенію своей вѣры, и ихъ торговыя сношенія только сдѣлали туземцевъ еще болѣе жадными чѣмъ они сами. Поборы взимаемые ими теперь со всѣхъ торговцевъ имѣютъ характеръ почти запретительныхъ пошлинъ. У г. Станлея отобрали 1.600 ярдовъ лучшаго ситца на пути отъ моря до Уджиджи, а мы сдѣлали обходъ въ 300 миль чтобъ избѣгнуть такого же грабежа со стороны племенъ привыкшихъ къ Арабамъ. Иные говорили что мусульмане могутъ быть лучшими миссіонерами чѣмъ христіане, потому что они дозволяютъ многоженство; но нигдѣ христіане не навлекали на себя такого презрѣнія какое должны переносить Арабы, въ добавокъ къ тому что ихъ грабятъ. Глаголъ *honga* первоначально означалъ заводить дружбу. Онъ теперь имѣетъ это значеніе въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ, гдѣ при церемоніи встрѣчи обмѣниваются подарками, причемъ туземцы обыкновенно даютъ болѣе чѣмъ получаютъ; но на дорогахъ часто посѣщаемыхъ Арабами *honga* означаетъ теперь насильственную контрибуцію, безсовѣстно вынуждаемую, и взамѣнъ ея не дается ни пищи и никакихъ услугъ. Еслибы туземцевъ-христіанъ одного или нѣсколькихъ англійскихъ поселеній на западномъ берегу, исполнившихъ свое назначеніе прекращеніемъ тамъ невольничьяго торга, можно было побудить добровольно переселиться на какое-либо здоровое мѣсто на восточномъ берегу, то они со временемъ устранили бы двуличность, до такой степени вкоренившуюся здѣсь во всѣхъ классахъ что ни на какой трактатъ о невольничьемъ торгѣ нельзя положиться. Берегъ материка противъ острова Занзибара представляетъ мѣстность гораздо болѣе здоровую чѣмъ островъ, и султанъ всякому желающему дастъ столько земли сколько только можно обработать. Дары эти не нарушаютъ ничьихъ туземныхъ правъ. Нуженъ только способный и вліятельный человѣкъ для начала и руководства движенія. Было бы хорошо устранить Европейцевъ, даже миссіонеровъ, отъ вступленія въ поселеніе пока оно прочно не утвердится. Многіе Англичане въ новомъ климатѣ ведутъ себя безразсудно, а потомъ осуждаютъ кого-либо за [illegible]ные имъ совѣты, или послѣдствія своихъ излишествъ [illegible] африканской лихорадкѣ. Болѣзнь эта дѣйствительно [illegible] врачи очень хорошо знаютъ что часто убиваетъ [illegible]уміе. Водка, черныя женщины и [illegible]

Digitized by Google

нѣе чѣмъ климатъ. Поселеніе, разъ прочно основанное и почитаемое безопаснымъ, не долго останется безъ религіозныхъ учителей. Если бы Занзибарскій султанъ былъ освобожденъ отъ платы тяжкой дани правителю Муската, то онъ за это облегченіе охотно уступитъ все что нужно для одного или двухъ англійскихъ поселеній. Англійское имя, и теперь уважаемое во всей внутренности страны, служило бы нѣкоторою охраной мелкимъ торговцамъ, которые постепенно вытѣснили бы безсовѣстныхъ Баніанъ, и законная торговля при помощи англійскихъ и американскихъ купцовъ достигла бы положенія какого она никогда не достигала съ тѣхъ поръ какъ Баніане и мусульмане эмигрировали въ Африку."

II. РОМАНЪ ЗНАМЕНИТАГО МАТЕМАТИКА. Истекшимъ лѣтомъ выдано въ свѣтъ весьма любопытное собраніе писемъ знаменитаго математика и физика первой половины текущаго столѣтія Ампера. Книга озаглавлена *Journal et correspondance de André-Marie Ampère* и издана, повидимому, родственниками жены великаго ученаго. Письма относятся къ эпохи его молодости и содержатъ повѣсть его любви и кратковременнаго счастья съ любимою женой, похищенною смертію послѣ четырехъ лѣтъ соединенія, изъ которыхъ два проведены въ разлукѣ, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, принудившихъ Ампера служить преподавателемъ въ Бургѣ, въ то время какъ жена оставалась въ своемъ родномъ городѣ Ліонѣ. Эта простая и трогательная исторія возвышенной и чистой любви скромнаго молодаго учителя, только-что начинавшаго ощущать свои силы, въ которомъ окружающіе еще не могли предвидѣть будущаго генія, такъ что послѣ его свадьбы были серіозные разговоры не выгоднѣе ли Амперу сойти со скуднаго поприща учителя и поступить въ купеческую лавку прикащикомъ; эта задушевная и наивная переписка мужа и жены, гдѣ среди мелкихъ заботъ и интересовъ будничной жизни тамъ и сямъ пробивается струя поэзіи и величія, вводятъ читателя умѣющаго читать между строками въ міръ удивительной нравственной чистоты, даетъ новое свидѣтельство какъ родственны между собой геніальный умъ и дѣтское сердце. Амперу было двадцать одинъ годъ. Еще недавно онъ пережилъ страшный кризисъ. Его отецъ, уважаемый и патріотическій мировой судья въ Ліонѣ, погибъ на эшафотѣ въ 1790 году жертвою революціонныхъ неистовствъ, благословляя несчастную семью и несчастную родину, пророчески говоря о сынѣ въ послѣднемъ письмѣ изъ тюрьмы: „что касается моего сына, то нѣтъ вещи которой бы я не ждалъ отъ него" (il n'y a rien que je n'attende de lui). Событіе это такъ поразило молодаго Ампера, уже проявлявшаго замѣчательныя способности къ

наукѣ, что онъ впалъ на цѣлый годъ въ состояніе отупѣнія, почти идіотизма. Письма Руссо о ботаникѣ и оды Горація возвратили его къ умственной дѣятельности, пробудившейся съ новою силой. Но жизнь умомъ уже не удовлетворяла молодаго человѣка, сердце стало заявлять свои права. Сохранился измятый, пожелтѣлый, запачканный листокъ на которомъ Амперъ началъ писать: „Я былъ воспитанъ почти въ полномъ уединеніи; ученіе и чтеніе, составлявшія такъ долго мое самое драгоцѣнное наслажденіе, ввергли меня въ апатію, какой я никогда еще и не испытывалъ; голосъ природы поселялъ въ душѣ моей какое-то неопредѣленное и невыносимое безпокойство. Однажды когда я на закатѣ солнца прогуливался по берегу уединеннаго ручья"... Здѣсь рѣчь прерывается. Кого же встрѣтилъ онъ на берегу ручья? Отвѣтъ на это въ другой небольшой тетрадкѣ на которой надписано: *Amorum* и которая начинается словами: „*Воскресенье*, 10е апрѣля (1796). Я видѣлъ ее въ первый разъ". Это *она*—будущая жена Ампера, его Жюли, не долго счастливившая его въ трудные годы борьбы съ бѣдностію и неизвѣстностію, но оставившая по себѣ драгоцѣнный залогъ,—сына, будущаго извѣстнаго литератора, достойно носившаго славное имя. Черезъ годъ послѣ первой встрѣчи, поэтическій, наивный, не знающій жизни Амперъ побѣдилъ естественныя опасенія родныхъ его вѣрной невѣсты, и рука Жюли Карронъ была ему отдана. Но средства къ жизни были такъ скудны что Амперъ принужденъ былъ разстаться съ женою и принять мѣсто учителя въ школѣ въ Бургѣ, мечтая какъ почти о недостижимомъ счастіи о мѣстѣ учителя лицея въ Ліонѣ. Письма Ампера къ женѣ въ Ліонъ составляютъ главную часть изданнаго собранія. Тамъ встрѣчаемъ между прочимъ нѣсколько свѣдѣній о первомъ ученомъ трудѣ Ампера по теоріи вѣроятностей; обнаружившемъ въ молодомъ учителѣ математика первой величины. Вотъ что писалъ Амперъ въ 1801 году:

„*Бургъ, вторникъ утромъ*. Семь лѣтъ тому назадъ, милая моя Жюли, я задалъ себѣ проблему собственнаго изобрѣтенія, которой я не могъ разрѣшить непосредственно, и хотя случайно нашелъ ей разрѣшеніе и сознавалъ его вѣрность, однако не могъ дать прямаго доказательства. Я часто обдумывалъ этотъ предметъ; разъ двадцать безуспѣшно искалъ прямаго разрѣшенія. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней мысль эта преслѣдовала меня, наконецъ не знаю какимъ образомъ я нашелъ его, и въ то же время множество любопытныхъ и новыхъ воззрѣній на теорію вѣроятностей. Такъ какъ, я полагаю, немного найдется во Франціи математиковъ которые могли бы разрѣшить эту проблему въ меньшій промежутокъ времени, то изданіе ея въ формѣ брошюры страницъ въ двадцать можетъ послужить мнѣ хорошимъ средствомъ для полученія каѳедры математики. Это маленькое, чисто алгебраическое

Digitized by Google

сочиненіе, не требующее никакихъ фигуръ, будетъ готово послѣ завтра; я перечту его и поправлю до будущей недѣли, а тогда пришлю тебѣ съ Пошономъ, вмѣстѣ съ клѣтчатымъ жилетомъ, толстыми шерстяными чулками и шестью луидорами, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Какъ только рукопись моя дойдетъ въ Ліонъ, нужно будетъ ее напечатать, ты попросишь о томъ твоихъ двоюродныхъ братьевъ и скажешь имъ что она отняла всего недѣлю у моей книги о физикѣ, за которую я снова примусь съ жаромъ. Но постарайся удостовѣриться что гг. Периссъ получатъ за нее деньги тотчасъ по отпечатаніи. На это употреблены будутъ шесть луидоровъ отъ этого мѣсяца и семь отъ слѣдующаго, и тогда мѣсто въ лицеѣ будетъ упрочено за мной. Мы продадимъ можетъ-быть нѣсколько экземпляровъ этой брошюры; но я думаю, придется много раздать ихъ парижскимъ ученымъ. Я готовлю тебѣ еще хлопотъ съ моими порученіями, но это скоро кончится. Въ будущемъ у насъ возвращеніе твоего здоровья, хорошее мѣсто въ Ліонѣ и нашъ прелестный ребенокъ; и потомъ самая сладкая мысль—та что ты всегда будешь любить меня. Цѣлую тебя ты знаешь съ какою искренностію. *А. Амперъ.*

„Хотѣлось бы мнѣ имѣть двѣ три салфетки для бороды, чтобы вытирать бритвы моего парикмахера. Не знаю что сдѣлалось съ моими, боюсь не разорвалъ ли ихъ для химическихъ опытовъ."

Приведемъ еще письмо рисующее нѣжное чувство како Амперъ питалъ къ женѣ.

„*Бургъ, среда, 11 часовъ утра.* Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты которая должна соединить насъ. О, когда, когда же наступятъ вакаціи!

„*Среда, 4 часа.* Въ моментъ этого восклицанія я внезапно принялъ рѣшеніе которое, можетъ-быть, покажется тебѣ страннымъ. Я захотѣлъ возвратиться со связкой твоихъ писемъ на лугъ, за госпиталемъ, гдѣ я съ такимъ удовольствіемъ читалъ ихъ до моей поѣздки въ Ліонъ. Мнѣ захотѣлось возвратиться къ милымъ воспоминаніямъ, которыми я запасся въ тотъ день, и напротивъ того, я нашелъ тамъ еще болѣе пріятныя для другаго раза. Какъ сладко читать твои письма! Нужно имѣть твою душу чтобы писать вещи которыя какъ бы невольно прямо идутъ къ сердцу. Я до двухъ часовъ оставался тамъ, сидя подъ деревомъ; направо отъ меня разстилался красивый лужокъ, налѣво и предо мной рѣчка, гдѣ плескались хорошенькія утки; сзади меня находилось зданіе госпиталя. Ты поймешь что, оставивъ чтеніе письма, съ тѣмъ чтобъ отправиться гулять, я предупредилъ гжу Борегаръ * что не приду сегодня къ обѣду; она думаетъ я обѣдаю въ городѣ, но такъ какъ я хорошо позавтракалъ, то и предпочелъ, вмѣсто обѣда, питаться любовію. Въ два часа я чувствовалъ себя такъ хорошо, я ощущалъ такое спокойствіе послѣ скуки давившей меня все утро, что отправился собирать травы. Я опять пошелъ вверхъ по Рессузѣ въ луга, и продолжая держаться берега ея, очутился въ двадцати шагахъ отъ прелестнаго лѣсочка, который виднѣлся издали въ разстояніи получаса ходьбы отъ города и куда мнѣ хотѣлось забраться. Но въ этомъ мѣстѣ рѣка, своимъ неожиданнымъ

* Хозяйка квартиры гдѣ жилъ Амперъ.

Digitized by Google

поворотомъ, отняла у меня всякую надежду попасть туда, такъ какъ она очутилась между мной и лѣсомъ. Пришлось отказаться отъ своего намѣренія, и я возвратился дорогой идущей отъ Бурга до селенія Севейріа, которая не что иное какъ великолѣпная аллея изъ „италіанскихъ тополей.

„*Среда, вечеромъ*. Борегаръ лучшій человѣкъ въ мірѣ; онъ выказываетъ мнѣ много участія, и я думаю что г. Берже немного преувеличилъ то дурное что онъ разказывалъ объ ихъ семейной жизни. Дыма не бываетъ безъ огня, но, какъ говорилъ одинъ вельможа придворной дамѣ, жаловавшейся ему что о ней говорятъ будто она имѣла шестерыхъ дѣтей отъ одного епископа: „Успокойтесь, Madame, всѣмъ извѣстно что слѣдуетъ вѣрить только въ половину тому что разказывается при дворѣ.“ Какія глупости я пишу тебѣ; если мнѣ и хочется смѣяться, то развѣ въ половину рта. Къ тому же я оставляю въ письмѣ эти трагическія глупости для того чтобы дать тебѣ ясное понятіе о состояніи моего духа. Вѣрно то что моя прогулка, нѣсколько дорогихъ воспоминаній, успѣхъ моихъ опытовъ, моихъ уроковъ, необыкновенно успокоили мой духъ, столь возбужденный недѣлю тому назадъ.“

На вакаціи Амперъ гостилъ въ Ліонѣ. Онъ увезъ оттуда свѣтлыя воспоминанія, но вмѣстѣ и безпокойство о слабѣющемъ здоровьѣ жены. Онъ пишетъ изъ Бурга:

„*Бургъ, вторникъ*. Какъ хорошо написано твое письмо, дорогая моя Жюли! Какое желаніе сдѣлать еще разъ поѣздку пробудило оно во мнѣ, возобновивъ въ моей памяти тѣ радости которыя я испыталъ во время послѣдней поѣздки! Пошли, умоляю тебя, за г. Пететеномъ (докторомъ); ты остаешься въ бѣдственномъ положеніи. Помни что крайне необходимо для тебя начать лѣченіе; вотъ уже цѣлый годъ ты потеряла, и это безъ сомнѣнія усилило болѣзнь. Вчера я сдѣлалъ важное открытіе въ теоріи игры, * разрѣшивъ наконецъ проблему болѣе трудную нежели предыдущая. Я теперь занимаюсь включеніемъ ея въ то же сочиненіе, что не слишкомъ увеличитъ размѣры его, такъ какъ я сдѣлалъ новое, болѣе краткое къ нему предисловіе. Я увѣренъ что оно доставитъ мнѣ, лишь бы напечатано было во-время, мѣсто въ лицеѣ, такъ какъ въ настоящую минуту нѣтъ во Франціи математиковъ способныхъ написать подобное. Я говорю тебѣ что думаю, съ тѣмъ чтобы ты никому этого не пересказывала. Этотъ новый проектъ не позволитъ мнѣ прислать тебѣ рукопись завтра. Что же касается до сочиненія о рядахъ, то оно отлично подвигалось впередъ до тѣхъ поръ пока не занемогъ г. Клеркъ. Я замѣняю его въ классѣ. Для того чтобы напечатать мою брошюру, слѣдовало бы узнать когда она будетъ представлена въ ліонскій *Атеней*, такъ какъ будутъ говорить о ней по ея названію....

---

* Это сочиненіе, изданное въ Ліонѣ въ 1802 подъ названіемъ: *Considérations sur la théorie mathématique du jeu* имѣло предметомъ не теоріи отдѣльной игры, но рѣшеніе общей проблемы, занимавшей умы Паскаля, Ферма и даже Бюффона, то-есть точная оцѣнка, по исчисленію вѣроятностей, всѣхъ опасностей угрожающихъ человѣку который подвергаетъ ставку шансамъ азартной игры.

Digitized by Google

„Заботься о себѣ, прелестный другъ мой, ради твоего ребенка и твоего мужа. О, да, малютка будетъ любить тебя и его будущая женка * тоже. У нихъ такая добрая, милая мать: какія отдаленныя мечты! Но какъ ни медленно тянется время, а все-таки проходитъ. Когда же пройдетъ то которое отдаляетъ наше свиданіе?"

Амперъ преподавалъ химію. Его близорукость и природная неловкость, плодъ врожденной разсѣянности, дѣлали химическіе опыты часто опасными для цѣлости костюма, а подъ часъ и для здоровья.

„*Понедѣльникъ.* Я устроилъ фосфорическія огнива: одно изъ нихъ вышло удачно. Я сладилъ и съ другимъ, согрѣвъ его на свѣчкѣ. Желая покончить точно такъ же и съ третьимъ, я принялся за него, но оно взлетѣло на воздухъ и лопнуло, фосфоръ упалъ на мою бумагу и прожегъ ее на этой страницѣ письма. Осколки маленькой стклянки слегка задѣли меня по лицу. Этотъ случай сдѣлаетъ меня осторожнѣе на будущее время. Я узналъ что сегодня 14е іюня отъ г. мера, который пригласилъ меня присутствовать при Te Deum по случаю годовщины взятія Бастиліи. Католическіе священники спѣли Te Deum, что̀ вышло очень комично. Но мнѣ рѣшительно не было никакого дѣла до этого, и смѣю думать что многіе раздѣляли мое мнѣніе."

Мемуаръ Ампера произвелъ впечатлѣніе. Автора былъ обласканъ знаменитымъ Деламбромъ. Мѣсто учителя въ Ліонѣ было обезпечено. Амперъ пишетъ къ женѣ:

„*Понедѣльникъ, вечеромъ.* Прошу тебя прислать мнѣ мои новые панталоны, чтобы мнѣ можно было явиться къ гг. Деламбру и Виллару. Не знаю что̀ дѣлать; хорошенькіе мои панталоны еще пахнутъ скипидаромъ, и когда я вздумалъ надѣть ихъ сегодня, съ намѣреніемъ отправиться въ Общество Соревнованія, то увидѣлъ что дыра, которую считалъ зачиненною, сдѣлалась больше чѣмъ когда-либо, причемъ я замѣтилъ что снизу подложенъ кусочекъ совершенно другой матеріи. Ты вѣроятно побоишься чтобъ я не испортилъ своихъ новыхъ панталонъ, но я обѣщаю возвратить ихъ тебѣ въ такомъ же видѣ въ какомъ получу. Сегодня поутру я получилъ семь луидоровъ отъ правительства. Посылаю тебѣ семь ливровъ десять су на книги. Сегодня утромъ, въ Обществѣ Соревнованія приготовлялось блестящее засѣданіе для инспекторовъ. Г. префектъ раза два спрашивалъ меня не буду ли я читать что-нибудь изъ математическаго. Мнѣ на умъ пришли хорошія идеи, надъ которыми я усиленно буду работать."

Но едва судьба стала улыбаться Амперу, какъ великое горе поразило его сердце. Нѣжно любимая жена скончалась на рукахъ мужа. Амперъ искалъ утѣшенія въ молитвѣ. Онъ записалъ въ дневникъ:

* Жюли въ письмѣ своемъ говоря объ отношеніи Ампера къ матери замѣчталась о будущей женѣ своего груднаго ребенка.

Digitized by Google

13го, середа. (Въ девять часовъ утра.) „Multa flagella peccatoris sperantem autem in Domino misericordia circumdabit.

„Firmabo super te oculos meos et instruam te in via hac qua gradieris.

„Amen“.

„Боже мой! Благодарю Тебя что Ты создалъ меня, искупилъ и просвѣтилъ Своимъ божественнымъ свѣтомъ, дозволивъ мнѣ родиться въ нѣдрахъ католической церкви. Благодарю Тебя что призвалъ меня къ Себѣ послѣ моихъ заблужденій, благодарю Тебя и за то что простилъ мнѣ ихъ. Я чувствую, Тебѣ угодно чтобъ я жилъ только для Тебя, чтобы Тебѣ посвящены были всѣ мгновенія моей жизни. Ужели Ты отнимешь у меня всякое счастіе на землѣ? Ты Владыка дней моихъ, о, Боже, проступки мои заслужили этой кары. Но можетъ-быть Ты внемлешь гласу милосердія. „Multa flagella peccatoris; sperantem autem in Domine misericordia circumdabit.“ Я надѣюсь на Тебя, Боже! но я покорюсь Твоему рѣшенію, какое бы оно ни было; я бы предпочелъ смерть. Но я не достоинъ былъ неба, а Ты не хотѣлъ погрузить меня въ адъ. Помоги мнѣ жизнію проведенною въ скорбяхъ заслужить себѣ славную смерть, которой я теперь не стою. О, Господи! Милосердый Боже! соедини меня на небѣ съ тѣмъ что́ дозволилъ мнѣ любить на землѣ.“

III. Г. ЖЮЛЬ СИМОНЪ О КЛАССИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

12го августа, при торжественной раздачѣ въ Сорбоннѣ наградъ воспитанникамъ парижскихъ и версальскихъ лицеевъ и коллегій, министръ народнаго просвѣщенія г. Жюль Симонъ произнесъ, по принятому обычаю, рѣчь въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующее:

„Было бы въ высшей степени прискорбно еслибъ подъ предлогомъ улучшенія различныхъ частей преподаванія, вздумали ослабить силу собственно такъ-называемаго классическаго образованія. Да не оскорбится память одного изъ моихъ предшественниковъ, смиренно прошу въ томъ прощенія, но я не могу безъ нѣкотораго ужаса подумать о чудовищѣ которое въ продолженіи нѣкотораго времени грозило французской молодежи и которое называли бифуркаціей. Я предпочитаю второстепенныя спеціальныя школы, съ условіемъ чтобъ ихъ не размножали безъ мѣры. Къ тому же онѣ превосходны въ своемъ собственномъ кругу. Все что́ угрожаетъ литературному образованію пугаетъ меня. Правда, между воспитанниками которымъ мы даемъ образованіе, весьма небольшее число посвятитъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ. Но какой ученый погруженный въ свои вычисленія, или промышленникъ ворочающій большими капиталами и командующій арміей рабочихъ, захочетъ и будетъ въ состояніи отказаться отъ общенія съ величайшими умами и съ лучшими произведеніями въ мірѣ? Ужели Рафаэль, Микель-Анджело, Тиціанъ и Рубенсъ созидали

Digitized by Google

свои безсмертныя творенія только для наслажденія живописцевъ? Нужно ли быть музыкантомъ, чтобъ любить Глука и Бетховена? Развѣ идеальный міръ съ доставляемымъ имъ счастіемъ и внушаемымъ имъ восторгомъ есть исключительное достояніе художниковъ? Развѣ не возможно, не сочиняя стиховъ, чувствовать прелесть Расина и силу Корнеля? Развѣ неправда что часть человѣческаго труда имѣетъ цѣлію опредѣленное дѣло, и что другая часть, самая прекрасная, самая могущественная, самая несокрушимая, имѣетъ предметомъ самый умъ человѣческій и цѣлію увеличеніе нашего умственнаго достоинства? Сила пріобрѣтаемая классическимъ обученіемъ придаетъ уму необходимую крѣпость для спеціальныхъ наукъ, и чтобы сдѣлаться великимъ геометромъ весьма полезно быть хорошимъ латинистомъ. Университетъ, не выходя изъ своей сферы, может привести величайшія имена въ подкрѣпленіе этого мнѣнія: государственные люди подобные Гизо и Ройе-Коллару, философы подобные Кузену, ученые подобные Жоффруа Сентъ-Илеру, Кювье, Амперу, Франсуа Араго,—всѣ любили литературу и съ блестящимъ успѣхомъ занимались ею. Я говорилъ вамъ въ началѣ о возрожденіи Франціи: вамъ извѣстно кому мы имъ обязаны. Эту дѣятельность, которая пугаетъ самыхъ молодыхъ, этотъ несокрушимый здравый смыслъ, это проницательное сужденіе, этотъ духъ сильный и вмѣстѣ кроткій,—все это доставило нашей странѣ литературное образованіе. Не забудемъ къ тому же, такъ какъ мы говоримъ объ университетѣ, что изученіе образцовыхъ произведеній словесности приноситъ столько же пользы воспитанію какъ и обученію. Читать литературное произведеніе, привыкать понимать и любить его, — значитъ брать урокъ нравственности. Все что возвышаетъ умъ возвышаетъ и сердце. Литература развиваетъ въ насъ двѣ силы существенно человѣческія: логику и любовь къ идеальному. Франція во время своего золотаго вѣка доставляла въ своихъ школахъ цвѣту націи литературное обученіе, общее образованіе; она употребляла первые годы на возвышеніе и укрѣпленіе душъ; она заставляла своихъ дѣтей жить съ современниками Перикла и Августа; она наполнила ихъ чистыми образами и благородными идеями Греціи и Рима; она нѣкоторымъ образомъ обращала для нихъ языкъ Цицерона и Виргилія въ отечественный. Послѣдуемъ этимъ примѣрамъ, возвратимся къ этимъ преданіямъ, чтобы Франція не склонялась къ упадку. Училища юриспруденціи и медицины, Политехническая Школа ожидаютъ нашихъ воспитанниковъ чтобы сдѣлать ихъ юристами, врачами и инженерами, но мы, которые выступаемъ

Digitized by Google

первыми, мы главнымъ образомъ обязаны сдѣлать ихъ людьми. И кто же поможетъ намъ въ этомъ, какъ не Гомеръ, Платонъ, Виргилій, Цицеронъ, Горацій—эти великіе геніи, которые суть вѣчные истолкователи и вѣчные вожди человѣчества? Итакъ пусть университетъ остается самимъ собой; пусть онъ сохраняетъ свою ненависть къ бифуркаціи; пусть не допускаетъ онъ вводить себя въ искушеніе спеціальными второстепенными школами; да не считаетъ онъ своимъ первымъ долгомъ дрессировать молодыхъ людей къ выдержанію экзамена; да продолжаетъ онъ обученіе языкамъ латинскому и греческому, не смущаясь критикой; да поддержитъ онъ философію на подобающемъ ей мѣстѣ, то-есть на первомъ; да старается онъ распространить добрыя привычки ума, испытанные методы, любовь къ общему образованію; да внушаетъ онъ презрѣніе ко всему легкомысленному, вульгарному, поверхностному; да живутъ стараніями его наши дѣти въ лучшіе ихъ годы въ постоянномъ общеніи съ великими умами и съ великими произведеніями; словомъ, да будетъ онъ благородною школой, въ которой образуются люди и граждане. Вотъ что̀ необходимо для Франціи въ эту жестокую минуту испытанія, что̀ я въ случаѣ надобности потребовалъ бы отъ университета, каковъ онъ нынѣ, и чего я съ довѣріемъ ожидаю и отъ университета, каковъ онъ будетъ завтра.“

IV. ЗНАЧЕНІЕ СУДЬИ ВЪ АНГЛІИ. Г. Ложель, остроумный французскій изслѣдователь англійской жизни, дѣлаетъ слѣдующій очеркъ великой роли которую играетъ въ Англіи судебная власть:

Совершенно ошибочно предполагать что парламентское правительство по самому составу своему необходимо должно быть правительство свободное. Не доказываетъ ли исторія французскаго Конвента что собраніе можетъ сдѣлаться самымъ ненавистнымъ, самымъ безпощаднымъ тираномъ, потому что отвѣтственность тамъ раздѣляется, и какъ бы разлагается и пропадаетъ? Есть ли что-нибудь достойнѣе сожалѣнія, какъ многочисленныя попытки парламентскаго правительства, которыя никогда не приводили ни къ чему, кромѣ болѣе или менѣе лицемѣрныхъ диктатуръ? Палата можетъ, также какъ отдѣльное правительственное лицо, обнаруживать произволъ, насиліе, пристрастіе, упорство, руководствовать мнѣніями и капризами. Что̀ всего сильнѣе обуздываетъ въ Англіи парламентское всемогущество? Теперь уже не королевская прерогатива, и не палата лордовъ, а скорѣе судебная власть. Парламентъ, ревниво охраняющій свои права отъ вторженій исполнительной власти, отказывается отъ нихъ въ пользу власти судебной. Мало этого: судебная власть опредѣляетъ мѣсто самимъ политическимъ организмамъ

Digitized by Google

и указываетъ всѣ ихъ уклоненія; она есть *nec plus ultra* для всего что̀ пользуется общественною властью. Судъ Королевской Скамьи есть четвертая власть въ государствѣ; онъ имѣетъ право контроля, онъ препятствуетъ всѣмъ захватамъ, какъ со стороны короны, такъ и со стороны министровъ и чиновниковъ государственныхъ и муниципальныхъ. Тамъ рѣшенъ былъ споръ между Іаковомъ и семью епископами и исторія должна отдать справедливость этому королю что онъ не думалъ извращать правосудіе въ этихъ великихъ преніяхъ, гдѣ шла рѣчь о его коронѣ. Присяжные были выбраны какъ обыкновенно.

Какимъ образомъ правосудіе стало верховною властію, великимъ регуляторомъ государства? Тѣ кто составляютъ законы почти во всѣхъ странахъ считаютъ себя выше законовъ; въ Англіи законодатель гордится гораздо болѣе уваженіемъ которое оказывается закону, чѣмъ принадлежащимъ ему правомъ измѣнять оный. Кто во Франціи чаще всего нарушалъ законность, короли или собранія? Исторія Франціи наполнена оскорбленіями которыя наносили праву сначала абсолютная монархія, и потомъ революціонныя правительства. Во Франціи было сказано это многозначительное слово: „Законность убиваетъ насъ“.

„Мы считаемъ, говоритъ герцогъ де-Броль въ своей книгѣ о *Французскомъ правительствѣ*, судей не сотнями, а тысячами. Изъ этого факта оказывается что мы не можемъ имѣть, подобно нашимъ сосѣдямъ, корпуса составленнаго изъ первостепенныхъ людей и изъ вполнѣ свѣдущихъ юрисконсультовъ.“ Судебная власть такъ могущественна въ Англіи потому только что тамъ очень мало судей. Только три суда представляетъ старинный королевскій судъ, *aula regia*: судъ Королевской Скамьи, который въ началѣ завѣдывалъ уголовными процессами; судъ казначейства, по финансовымъ дѣламъ; судъ общихъ жалобъ по обыкновеннымъ гражданскимъ дѣламъ. Въ каждомъ изъ нихъ по пяти судей, и пятнадцать судей, въ своихъ уголовныхъ и гражданскихъ ассизахъ отправляютъ правосудіе почти во всей Великобританіи. Судьи стоятъ внѣ общаго уровня, они обладаютъ величіемъ заимствованнымъ отъ королевскаго величія, достоинство столь же прочное, какъ и достоинство наслѣдственныхъ законодателей. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Георгъ III рѣшилъ чтобы королевскія коммиссіи даваемыя судьямъ не прекращались за смертью короля. Содержаніе ихъ уплачивается изъ бюджета на содержаніе двора и вслѣдствіе этого не обсуждается ежегодно въ парламентѣ, ибо цифра *civil list* опредѣляется на все царствованіе. Лордъ канцлеръ, который есть министръ юстиціи, одновременно судья и президентъ палаты лордовъ, получаетъ 500.000 фр. ежегодно; *Chief justice* королевской скамьи 200.000 фр.; *chief justice* общихъ исковъ и *lord*

Digitized by Google

chief baron, 175.000; прочіе судьи 125.000. * Когда они вступаютъ на скамью судей, то они уже богаты, ибо въ число ихъ назначаются только адвокаты съ самою блестящею репутаціей, наиболѣе счастливые. Судьѣ нечего требовать отъ королевы или отъ министровъ; онъ не опасается ни того что онъ понизится, ни того что онъ не повысится. Если онъ жаждетъ славы, то можетъ добыть ее только своимъ безпристрастіемъ; онъ остается въ памяти потомства только въ такомъ случаѣ, если онъ сдѣлался изображеніемъ истины, если его глубокій умъ выразилъ самый точный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый счастливый смыслъ этой массы документовъ и правилъ которые называются закономъ. Необходимо чтобъ онъ представлялъ нѣчто безличное, постоянство въ непостоянномъ движеніи дѣлъ человѣческихъ, прошедшее посреди подвижныхъ страстей настоящаго.

Очень понятно что судебная власть, возникшая подъ сѣнію короны, служащая представительницей правъ общества противъ личныхъ страстей, долгое время даже въ аристократической странѣ оставалась ревнивою защитницей правъ королевской власти. Лордъ Мансфильдъ, лордъ Торло, лордъ Лаубаро, лордъ Эльдонъ, лордъ Элленборо были союзниками двора; лордъ Мансфильдъ и лордъ Элленборо даже вступали въ кабинеты, становились агентами исполнительной власти. Лордъ Мансфильдъ пытался ограничить права присяжныхъ въ дѣлахъ печати и представить имъ только простое сужденіе о фактахъ. Противъ этой доктрины возсталъ другой судья лордъ Кемденъ. Онъ показалъ что невозможно раздѣлить абсолютно фактъ и право; что присяжные, отыскивающіе въ убійствѣ степень злоумышленія, въ грабежѣ степень вѣроломства, могутъ и въ памфлетѣ искать преступное намѣреніе. Лордъ Кемденъ восторжествовалъ надъ лордомъ Мансфильдомъ, и въ 1791 году билль Фокса сдѣлался охраной свободы печати.

Парламентъ есть одинъ изъ работниковъ трудящихся къ созиданію закона; на рядомъ съ закономъ писаннымъ, составленнымъ подъ вліяніемъ минуты, существуетъ другой закомъ, порожденіе вѣковое, обычай, исшедшій постепенно изъ совѣсти и разума судей. Почти всегда процессы опредѣляли самымъ прочнымъ и торжественнымъ образомъ прочныя завоеванія свободы, ибо политическія теоріи не шевелятъ душу націи такъ легко, какъ драмы совершающіяся у нея на глазахъ, въ которыхъ она любитъ и ненавидитъ актеровъ. Къ тому же въ англійскомъ духѣ есть расположеніе уважать все что сильно: законодатель передающій другимъ могущество надъ людьми и дѣ-

---

*) Ирландскіе судьи (ихъ 12) получаютъ 92.000 фр.; шотландскіе—75.000; судьи графствъ 27.000.

Digitized by Google

лами собственною рукой не касается ни имущества, ни жизни граждань, а потому и кажется менѣе грознымъ и менѣе великимъ чѣмъ судья.

Кто первый постановилъ что всякій невольникъ вступившій на англійскую почву становится свободнымъ? — Лордъ Мансфильдъ по поводу негра, захваченнаго на одномъ кораблѣ въ устьѣ Темзы. Кто научилъ терпимости виговъ? Судьи. Они смягчили дѣйствія неправедныхъ законовъ противъ католиковъ и диссидентовъ. Люди суда, привыкшіе совѣщаться съ разумомъ, не имѣютъ наклонности къ фанатизму. Лордъ Мансфильдъ, консерваторъ столь строгій, столь ревнивый хранитель правъ каждаго великаго стариннаго авторитета, былъ покровителемъ диссидентовъ. Онъ осудилъ корпорацію Лондонскаго Города налагавшую пени на шерифовъ, которые не могли исполнить своихъ обязанностей, если не сообразжались съ англиканскимъ исповѣданіемъ. „Нельзя вмѣнить въ преступленіе человѣку, говорилъ онъ въ палатѣ лордовъ, превратившейся въ аппеляціонный судъ, если онъ признаетъ себя диссидентомъ, или что онъ не соблюдетъ таинства по обрядамъ англійской церкви; преступленіемъ было бы исполнить это противъ совѣсти“ (1767). Канцлерскому суду принадлежитъ совершенное обезпеченіе храмовъ и земель принадлежащихъ сектамъ диссидентовъ (1844). Нужно ли припомнить все что сдѣлали судьи для свободы столь же драгоцѣнной, какъ и свобода совѣсти, для свободы личной? До царствованія Георга III дозволено было производить аресты на основаніи общихъ предписаній (*general warrants*), не обозначавшихъ поименно подозрительныхъ лицъ. Когда появился № 45 журнала Вилькза *North Briton*, Галифаксъ велѣлъ задержать 45 человѣкъ. Въ 1762 году *shief justice* Королевской Скамьи постановилъ что общія предписанія незаконны, и агенты власти были приговорены къ большимъ штрафамъ. Вилькзъ, временно задержанный, получилъ 100.000 фр. вознагражденія. Трибуналы запретили даже захватъ огуломъ бумагъ королевскаго подданнаго; предписанія о захватѣ должны тоже обозначать отыскиваемыя бумаги, и однѣ онѣ могутъ быть задержаны. Противузаконно подвергать жилище гражданина грабежу. Лордъ Кемденъ излагаетъ на судѣ эту доктрину въ 1765.

Палата общинъ не вступилась законодательнымъ путемъ въ эти знаменитые споры. Въ то время когда еще продолжались процессы относительно общихъ предписаній, генералъ-атторней могъ лично заявить что онъ ни мало не заботится о резолюціяхъ палаты общинъ по этому предмету. И дѣйствительно, *резолюціи* палаты общинъ суть только выраженія общественнаго мнѣнія, но не имѣютъ никакой законной силы. Палата общинъ не считаетъ себя въ правѣ отмѣнить законъ, пока

Digitized by Google

онъ истолковывается или выполняется: она не могла бы дать новому закону обратнаго дѣйствія. Нація представляемая въ парламентѣ не оказываетъ недовѣрія къ націи представляемой присяжными. Такимъ образомъ судья въ продолженіи мѣсяцевъ, а иногда и нѣсколькихъ лѣтъ, выше составителей законовъ и обращаетъ на себя взоры всей націи.

Обаяніе судей зависитъ не только отъ ихъ священной роли; недостаточно еще что ихъ мудрость направляетъ несвѣдущее сознаніе присяжныхъ, что рука ихъ указываетъ имъ истину, что приговоры ихъ становяться аксіомами передаваемыми изъ вѣка въ вѣкъ. Судья становится законодателемъ, не переставая быть судьей. Палата лордовъ можетъ быть или трибуналомъ, или законодательнымъ собраніемъ. Тѣ кто болѣе всего наблюдали за примѣненіемъ законовъ суть наилучшіе исправители законодательства. Такимъ образомъ нравственный авторитетъ судей почти безпредѣленъ. Свобода совѣсти, личная свобода, свобода печати, благодаря имъ, не осталась пустымъ словомъ или химерой; эти свя, щенныя блага сдѣлались ненарушимыми, какъ и право собственности, какъ блага осязаемыя и матеріальныя.

V. ПОЛИЦЕЙСКІЙ КОММИССАРЪ И ФИЗІОЛОГІЯ. Недавно появилась въ Парижѣ книга Клода Бернара подъ заглавіемъ: *De la phisiologie générale*, въ которой, между прочимъ, знаменитый физіологъ вспоминаетъ о затрудненіяхъ съ какими ему приходилось бороться въ началѣ своего ученаго поприща. „Мои открытія, мои труды, говоритъ г. Клодъ Бернаръ, слишкомъ часто остаются только очерками, а по временамъ и весьма недостаточными указаніями.... Но мнѣ желательно высказать что темноты, несовершенства и кажущаяся непослѣдовательность, которую можно найти въ моихъ различныхъ работахъ, происходятъ только отъ недостатка времени, отъ трудностей выполненія и отъ безчисленныхъ затрудненій, которыя я встрѣчалъ въ продолженіи моего научнаго поприща.“ Замѣтимъ что въ продолженіе десяти лѣтъ г. Клодъ Бернаръ оставался безъ препаратора и безъ лабораторіи. „Экспериментальная физіологія, продолжаетъ г. Клодъ Бернаръ, не имѣя оффиціальнаго убѣжища, продолжала развиваться какъ бы на улицѣ, посреди жалобъ и антипатій публики противъ вивисекцій.....“

И дѣйствительно, въ то время когда начиналъ свои опыты г. Клодъ Бернаръ, необходимо было имѣть сильную страсть къ наукѣ, большой запасъ терпѣнія и мужества чтобы не придти въ отчаяніе отъ препятствій встрѣчавшихся на пути. Какъ только узнавали что ученый производитъ физіологическіе опыты, то на него доносили, онъ становился предметомъ ненависти для сосѣдей и преслѣдованія со

стороны полицейскихъ коммиссаровъ. Г. Клодъ Бернаръ разказываетъ по этому случаю какимъ образомъ онъ успѣлъ наконецъ спокойно посвятить себя своимъ занятіямъ и прочесть нѣсколько частныхъ курсовъ. Физіологія, чего конечно никто не подозрѣваетъ, многимъ обязана полицейскому коммисару.

Происходило это въ 1844 году. Г. Клодъ Бернаръ занимался изслѣдованіемъ пищеварительныхъ свойствъ гастрическаго сока посредствомъ способа открытаго г. Блондло и состоящаго въ томъ чтобы добывать гастрическій сокъ посредствомъ трубочки въ родѣ серебрянаго крана, вводимаго въ желудокъ живыхъ собакъ. При этомъ здоровью собакъ не наносится никакого вреда. Знаменитый берлинскій хирургъ г. Диффенбахъ, слышавшій объ этихъ опытахъ, выразилъ желаніе увидѣть ихъ собственными глазами. Добыли собаку по сосѣдству, заперли ее въ лабораторію Пелуза, и серебряная трубочка была введена ей въ желудокъ; добыть у нея нѣсколько гастрическаго сока оказалось не трудно. Собака, не совсѣмъ довольная операціей, выбрала вечеромъ минуту, когда надзоръ за нею былъ не такъ строгъ и убѣжала, унеся съ собою въ желудкѣ обличительную трубочку. „По прошествіи нѣсколькихъ дней, я лежалъ еще въ постелѣ, говоритъ г. Клодъ Бернаръ, когда ко мнѣ явился человѣкъ пригласившій меня къ полицейскому коммисару моего квартала. Я увидѣлъ маленькаго старичка очень почтенной наружности, который принялъ меня весьма холодно и не говоря ни слова, провелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ къ великому моему удивленію показалъ мнѣ собаку оперированную въ лабораторіи Пелуза. „Ваше ли это дѣло и узнаете ли вы вашъ инструментъ?“ спросилъ онъ меня. Я отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ что очень радъ что отыскалась моя трубочка. Мое признаніе не только не удовлетворило коммисара, но повидимому возбудило его гнѣвъ, потому что онъ сдѣлалъ мнѣ строгое внушеніе сопровождаемое угрозами.“

Оказалось что г. Клодъ Бернаръ оперировалъ собаку полицейскаго коммиссара! Ученый долженъ былъ объяснить что онъ купилъ собаку у людей занимавшихся этою торговлей, и что онъ нисколько не виноватъ въ оскорбленіи нанесенномъ коммиссару. „Впрочемъ, все можетъ поправиться, сказалъ онъ, отдайте мнѣ мой инструментъ, и собака ваша выздоровѣетъ.“ Молодой физіологъ вылѣчилъ собаку и пріобрѣлъ дружбу коммиссара, который обѣщалъ ему не тревожить его болѣе. Г. Клодъ Бернаръ завелъ лабораторію въ его кварталѣ и продолжалъ свои изслѣдованія безъ дальнѣйшихъ непріятностей.

Digitized by Google

VI. О РАБОТѢ ДѢТЕЙ НА ФАБРИКАХЪ. Въ *Revue des deux Mondes*, отъ 15го іюля, напечатана статья по этому предмету г. Эжена Эйхталя, сообщающая много интересныхъ данныхъ. Работа дѣтей на фабрикахъ гибельно дѣйствуетъ на здоровье молодаго поколѣнія, что особенно оказалось во время сбора конскриптовъ во Франціи въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ: на 326.000 молодыхъ людей явившихся въ конскрипцію 109.000 были устранены по малому росту, слабости сложенія и болѣзненному состоянію. Вотъ какимъ образомъ распредѣлялась эта пропорція способныхъ и неспособныхъ: въ десяти земледѣльческихъ департаментахъ на 10.000 способныхъ конскриптовъ оказалось 4.029 неспособныхъ; на то же число способныхъ въ мануфактурныхъ департаментахъ приходилось 9.930 неспособныхъ. Въ департаментахъ Марнскомъ, Нижне-Сенскомъ и Эрскомъ, областяхъ исключительно мануфактурныхъ, пропорція эта простиралась до 14.451 неспособныхъ на 10.000 способныхъ.

Естественно такое положеніе вещей должно было обратить на себя общее вниманіе. Употребленіе женщинъ и дѣтей для работъ на фабрикахъ принадлежитъ главнымъ образомъ нашему вѣку и есть слѣдствіе размноженія паровыхъ машинъ, давшихъ почти повсюду возможность замѣнить человѣческую силу механизмомъ приведеннымъ въ дѣйствіе слабою рукой. До XVII вѣка женщины и дѣти почти не работали на фабрикахъ; во Франціи когда Кольберъ завелъ кружевныя фабрики, то потребовалось много работницъ (въ одномъ Буржѣ ихъ занято было до 900); и затѣмъ хозяева начали набирать въ свои мастерскія „мущинъ, женщинъ и дѣтей всѣхъ возрастовъ". Кольберъ поощрялъ это нововведеніе и освобождалъ отъ податей тѣхъ у кого трое дѣтей занимались на фабрикахъ, но общее введеніе женскаго и дѣтскаго труда во Франціи относится ко времени реставраціи и іюльской монархіи. Въ скоромъ времени обнаружилось злоупотребленіе этой работы, но запретить ее или подчинить ее опредѣленнымъ правиламъ казалось стѣсненіемъ личной свободы. Замѣчательно что въ Англіи, странѣ экономической свободы по преимуществу, рѣшились прежде всего положить предѣлъ злоупотребленію дѣтской работы, и вотъ уже семьдесятъ лѣтъ какъ отечество Адама Смита нарушаетъ въ этомъ отношеніи принципъ *laissez-faire*, такъ строго соблюдаемый ею во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ биллей утвержденныхъ несмотря на упорное сопротивленіе свидѣтельствуетъ что Англичане поняли что законъ долженъ оградить слабыхъ и несовершеннолѣтнихъ. Въ 1796 году доктора Ателъ и Персеваль первые указали зло происходившее отъ развитія большихъ фабрикъ. Въ 1802 году сэръ-Робертъ Пиль, отецъ

Digitized by Google

будущаго министра, членъ парламента и глава бумагопрядильной фабрики, предложилъ законъ имѣвшій цѣлію „оградить здоровье и нравственность учениковъ обоего пола". Законъ былъ принятъ, но соблюдался дурно и нарушенія его оставались безнаказанными. Въ 1815 году, по предложенію того же сэръ-Роберта Пиля, назначено было парламентское слѣдствіе, продолжавшееся четыре года. Открытыя имъ злоупотребленія вызвали въ 1818 году законъ которымъ назначалось 12 часовъ работы для дѣтей моложе 16 лѣтъ, что̀ оставалось въ силѣ до 1833 года, и единственное облегченіе которое сдѣлано было потомъ, есть ограниченіе съ 1825 года девятью часами работы по субботамъ. Билль 1833 года и до сихъ поръ въ принципѣ имѣетъ главную силу въ этомъ дѣлѣ, хотя многочисленныя законодательныя мѣры пополнили его. Лордъ Атлей, въ послѣдствіи графъ Шефтсбери, предложилъ законъ, который и прошелъ будучи поддерживаемъ петиціями въ 60.000 подписей. Этотъ билль опредѣляетъ различіе между дѣтьми и юношами, ограничиваетъ работу восемью часами отъ 9ти-лѣтняго до 13ти-лѣтняго возраста и отъ 13ти до 18ти-лѣтняго 11½ часами; причемъ школьное обученіе объявлено обязательнымъ до 14 лѣтъ. Законъ 1844 года предложенный сэръ-Джемсомъ Грагамомъ осуществляетъ новый прогрессъ. Дѣти моложе 13 лѣтъ не могутъ работать болѣе шести часовъ утромъ или послѣ полудня; три часа школьнаго обученія обязательны. Дѣти моложе восьми лѣтъ не могутъ быть употреблены на работу. Этимъ же закономъ установлена система полудневной работы для дѣтей (*half-time* или полу-время), постоянно примѣняемой въ Англіи. Эти строгія предписанія остались бы вѣроятно мертвою буквой безъ одного нововведенія составляющаго характеристическую черту двухъ биллей 1833 и 1844 годовъ,—учрежденіе инспекторовъ состоящихъ на жалованьи отъ правительства и обязанныхъ слѣдить за исполненіемъ законныхъ постановленій. Учрежденіе инспекторовъ есть безъ сомнѣнія основаніе всей англійской системы. Фабриканты съ трудомъ подчинялись закону до тѣхъ поръ пока каждый изъ конкуррентовъ не былъ обязанъ его выполнять пунктуально; теперь такъ какъ правило одинаково для всѣхъ, то сопротивленія уже не встрѣчается. „Хотите знать кто причиной что законъ примѣняется?" говорилъ одинъ фабрикантъ французскому чиновнику, кому было поручено изслѣдованіе англійской системы,—„вотъ этотъ господинъ (онъ указалъ на окружнаго инспектора); безъ него все бы остановилось".

Въ Пруссіи особыми законами опредѣлены правила работы дѣтей на фабрикахъ. Они постановляютъ что дѣти до 12ти лѣтъ не могутъ работать на нихъ постоянно; до 14ти лѣтъ они должны заниматься

Digitized by Google

никакъ не болѣе шести часовъ, и три часа посвящать школьнымъ занятіямъ. Отъ 14ти до 16ти лѣтъ работа не должна продолжаться болѣе 10 часовъ, и рабочіе часы должны быть распредѣляемы между половиной шестаго утромъ и половиной 9го вечеромъ. Получасовой отдыхъ утромъ и часовой послѣ полудня обязательны, и въ это время дѣти должны прогуливаться на чистомъ воздухѣ. Полиціи вездѣ порученъ надзоръ за исполненіемъ закона.

Въ прочихъ европейскихъ государствахъ введены различныя правила, повсюду работа дѣтей опредѣлена закономъ. Такъ заведено въ Австріи, въ мелкихъ государствахъ Германіи, въ Швеціи, въ Швейцаріи, гдѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности не допускаются дѣти 13ти и даже 14ти лѣтъ. Въ Бельгіи, послѣ тщательнаго обсужденія готовится новый законъ о работѣ дѣтей отъ 10ти до 18ти лѣтняго возраста.

Когда въ 1837 году правительство и палаты во Франціи обратили вниманіе на положеніе дѣтей на мануфактурахъ, число молодыхъ рабочихъ было весьма значительно: на 900.000 рабочихъ приходилось отъ 100.000 до 150.000 дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ. Въ этомъ году правительство приступило къ серіозному изслѣдованію этого вопроса, разослало вопросные пункты торговымъ палатамъ и пр. По слѣдствію оказалось что дѣти вообще остаются въ мастерскихъ отъ 13 до 14½ часовъ въ сутки, поступаютъ на фабрики на 9мъ году, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ на 8мъ и даже на 7мъ. Работали дѣти большею частію при самыхъ гибельныхъ условіяхъ, ихъ дурно одѣвали, дурно кормили; нерѣдко имъ приходилось проходить ежедневно большія пространства по снѣгу и грязи, и сверхъ того въ большей части мастерскихъ ихъ били жестоко за малѣйшій проступокъ. Ходатаемъ за дѣтей въ палатѣ депутатовъ явился Шарль Дюпенъ. „Мы провозглашаемъ право отцовъ, говорилъ онъ, но мы желаемъ чтобы законъ запретилъ и покрылъ позоромъ мнимое право отцовъ недостойныхъ этого священнаго имени и продающихъ силу, здоровье и жизнь своихъ дѣтей!“ Палата приняла законъ запрещающій принимать дѣтей на фабрику моложе 8 лѣтъ и требующій чтобы они до 12 лѣтъ посѣщали школу и работали не болѣе 8 часовъ, но не рѣшилась назначить наказаніе отцамъ, а опредѣлила за всякое нарушеніе закона взыскивать съ хозяина фабрики. Законъ 1841 года подтвердилъ эти распоряженія и установилъ особыя коммиссіи для надзора за работами дѣтей, но онѣ имѣли мало средствъ, и вообще всѣ полезныя распоряженія закона 1841 года не соблюдались. Въ 1848 году составленъ былъ новый законопроектъ, основанія коего были слѣдующія: допущеніе дѣтей оставалось также до 8 лѣтъ; работа дѣтей отъ 8 до 12 назначалась

Digitized by Google

8ми-часовая; работа женщинъ не должна была превышать 12 часовъ. Наконецъ положенъ былъ принципъ инспекціи фабрикъ съ опредѣленнымъ жалованьемъ какъ въ Англіи. Правительство приняло этотъ проектъ, но разразилась февральская революція 1848 года, и законъ не былъ утвержденъ. Во время имперіи нѣсколько разъ заходила рѣчь о возобновленіи законопроекта 1848 года, но онъ все отлагался; единственнымъ улучшеніемъ былъ декретъ 7го декабря 1868 года, поручавшій горнымъ инженерамъ инспекцію надъ заводами и обязанность слѣдить за выполненіемъ того что̀ касается до работы дѣтей; но личный составъ, коему это поручалось, оказался неспособнымъ къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей, и декретъ этотъ остался мертвою буквой.

Только въ настоящее время представленъ новый законопроектъ, разработанный специальною коммиссіей и имѣющій поступить на разсмотрѣніе національнаго собранія. Авторъ законопроекта одинъ изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ, депутатъ г. Жуберъ. Заключенія коммиссіи слѣдующія: дѣти допускаются на фабрики не моложе десяти лѣтъ; занятія дѣтей до 13ти лѣтъ не должны продолжаться болѣе шести часовъ, что̀ совершенно согласно съ англійскимъ закономъ, польза котораго доказана опытомъ. Затѣмъ законопроектъ требуетъ учрежденія строжайшаго контроля, со всевозможными обезпеченіями для соблюденія закона; сверхъ того дѣти должны посѣщать школу, и крупные фабриканты обязаны основать таковыя при своихъ заведеніяхъ; прочіе же общины войти въ соглашеніе съ общинами для устройства школъ такимъ образомъ чтобы дѣти работающія на фабрикахъ могли удобно посѣщать ихъ.

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ ЦИЦЕРОНА ПРОТИВЪ Л. СЕРВІЯ КАТИЛИНЫ. Объяснилъ Ю. Фелькель. Цѣна 80 k., съ пер. 1 р.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СОТЫЙ.

ІЮЛЬ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Digitized by Google

АВГУСТЪ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Digitized by Google

полей, испещренныхъ цвѣтами луговъ и чудной пѣсни жаворонка въ небесной вышинѣ?

„О, какъ хорошо быть сельскимъ сквайромъ съ двадцатью тысячами годоваго дохода!“ думалъ онъ, „и жить какъ угодно, жениться на Граціи Редмайнъ, проводить время объѣзжая беззаботно свое помѣстье или лежа растянувшись на травѣ и положивъ голову на колѣни жены, пользоваться извѣстностью которую можетъ дать доброе старое имя и порядочное состояніе и не имѣть надобности достигать извѣстной цѣли и ждать медленно созрѣвающаго кислаго плода общественнаго успѣха, плода кислаго для того кому онъ не дается, безвкуснаго для того кто получаетъ его слишкомъ поздно! Но приходится бороться неутомимо и жертвовать всѣмъ въ надеждѣ получить его.“

Карета подвезла его къ однимъ изъ воротъ Темпля. Тутъ онъ жилъ вопреки модѣ, занимая нѣсколько красивыхъ комнатъ въ первомъ этажѣ. Онъ зналъ какое важное значеніе имѣетъ внѣшняя обстановка и что она въ нѣкоторомъ родѣ есть выраженіе умственнаго достоинства человѣка. Въ его квартирѣ не было ни *bric-à-brac*, ни пунцовыхъ бархатныхъ портьеръ встрѣчающихся чаще въ легкой литературѣ чѣмъ въ дѣйствительности. Комнаты были большія и высокія, со старинными каминами, съ глубокими окнами, съ хорошо сохранившимися панелями. Мебель была прочная и опрятная, немного старомодная и потому вполнѣ гармонировавшая съ комнатами. Со всѣхъ сторонъ были книги, въ приличныхъ, но прочныхъ переплетахъ, какъ и слѣдуетъ быть книгамъ джентльмена и юриста, и очень аккуратно разставленныя на старинныхъ полкахъ чернаго дерева. Въ главной комнатѣ стояли два или три кресла, обитыя рыжеватымъ сафьяномъ, письменный столъ съ безчисленными ящиками и отдѣленіями, двѣ красивыя бронзовыя лампы, а надъ высокимъ каминомъ висѣла картина, единственная картина во всей квартирѣ Губерта Вальгрева.

То былъ портретъ женщины красоты почти безукоризненной, съ лицомъ открытымъ, пикантнымъ, обворожительнымъ, съ глазами газели сверкавшими веселымъ смѣхомъ. Костюмъ, которому художникъ придалъ нѣсколько фантастическій характеръ, былъ очевидно старомодный, какой носили лѣтъ сорокъ или тридцать тому назадъ. Въ художественномъ

Digitized by Google

отношеніи портретъ былъ образцовымъ произведеніемъ, Рейнольдсъ или Ромни могли бы гордиться имъ.

Мистера Вальгрева встрѣтилъ его слуга, человѣкъ среднихъ лѣтъ и почтенной наружности. Онъ былъ и буфетчикъ, и лакей, жилъ въ небольшомъ чуланѣ возлѣ кухни, находившейся въ связи съ квартирой, и съ помощью прачки, приходившей рано утромъ убирать комнаты, велъ хозяйство мистера Вальгрева. Онъ былъ примѣрный и опытный слуга, исполнялъ безукоризненно должность камердинера и могъ, въ случаѣ надобности, изжарить котлету и сварить овощи, и въ значительной степени содѣйствовалъ комфорту мистера Вальгрева. Фамилія его была Кюпледжъ, а христіанское имя Авраамъ, данное ему не потому чтобы въ крови его была еврейская примѣсь, но для удовлетворенія библейскихъ вкусовъ его матери, о которой онъ до сихъ поръ говорилъ съ гордостью какъ о безпримѣрной прачкѣ и истинной христіанкѣ.

— Есть письма, Кюпледжъ? спросилъ мистеръ Вальгревъ, развалившись на своемъ любимомъ креслѣ и разсѣянно оглядывая комнату.

Комната эта, выходившая окнами на западъ, на рѣку, видомъ которой Лондонъ имѣетъ полное право гордиться, была очень хороша и удобна, и носила отпечатокъ индивидуальности человѣка жившаго въ ней. Его книги, его бумаги, его трубки, все что украшало его жизнь было здѣсь. Въ этой комнатѣ онъ работалъ семь послѣднихъ лѣтъ, почти съ тѣхъ самыхъ поръ какъ началъ добывать деньги своею профессіей. Все это время постепенно наполнялись книжныя полки, каждый томъ былъ выбранъ и поставленъ имъ самимъ и соотвѣтствовалъ его вкусамъ.

Онъ началъ мириться съ перемѣной, съ отъѣздомъ изъ прохладнаго стараго дома, съ отсутствіемъ цвѣтовъ, благоухавшихъ тамъ надъ каждымъ окномъ. Лондонъ былъ скученъ и грязенъ, но тутъ было то что онъ любилъ, — книги и полное спокойствіе.

„Я кажется созданъ такъ чтобъ жить старымъ холостякомъ“, сказалъ онъ себѣ. „Эту квартиру я не промѣнялъ бы на дворецъ, еслибы только.... еслибы только могъ переселиться въ него съ Граціей Редмайнъ. Странно что эта дѣвушка, дочь фермера, воспитанная въ провинціальной школѣ, произвела на меня больше впечатлѣнія чѣмъ всѣ женщины которыхъ я зналъ, и кажется мнѣ умнѣе всѣхъ умницъ

Digitized by Google

которыхъ я встрѣчалъ въ обществѣ. Я кажется не способенъ прельститься одною только красотой, хотя нисколько не умаляю ея значенія. Еслибы въ этой дѣвушкѣ не было ничего привлекательнаго кромѣ красоты, я не могъ бы любить ее такъ сильно какъ я любилъ ее."

„Любилъ ее". Мистеръ Вальгревъ говорилъ о любви своей въ прошедшемъ времени и старался думать о ней какъ о дѣлѣ минувшемъ. Онъ началъ медленно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь у одного изъ трехъ оконъ и устремляя задумчивый взглядъ на рѣку съ ея дымящимися пароходами, медленными барками нагруженными углемъ и кое-гдѣ развивающимися грязными флагами, и думая о Граціи Редмайнъ. Что она дѣлаетъ теперь? Бродитъ по саду, одна и очень грустная.

„Я никогда не забуду ея послѣдняго взгляда", сказалъ онъ себѣ. „Сердце сжимается лишь только вспомнишь его. Будь у меня поменьше силы воли, я взялъ бы мѣшокъ и уѣхалъ бы назадъ, въ Брайервудъ, съ послѣполуденнымъ поѣздомъ. Воображаю какъ прояснилось бы при моемъ появленіи ея милое лицо."

Письма ждали его. Кюпеджъ разложилъ ихъ симметрично на его письменномъ столѣ, направо отъ обитой сафьяномъ доски на которой онъ имѣлъ обыкновеніе писать. Онъ перестал ходить и рѣшился заняться письмами, какъ спасительнымъ средствомъ отъ размышленій принимавшихъ опасный оборотъ.

Одно изъ писемъ, толстый конвертъ съ кенгсингтонскою маркой, адресованный крупнымъ, четкимъ почеркомъ, который могъ быть и мужскимъ и женскимъ, привело его въ изумленіе. Почеркъ былъ хорошо знакомъ ему. Онъ удивился, но не радостнымъ удивленіемъ, и поспѣшно разорвалъ конвертъ, не пощадивъ красивой облатки съ готическимъ вензелемъ.

Письмо было не длинно:

„Акрополисъ-скверъ, 19го августа.

„Дорогой Губертъ,—вы будете удивлены получивъ мое письмо съ вышеприведеннымъ адресомъ. Папа внезапно получилъ отвращеніе къ Эмсу и предпочелъ провести остатокъ осени въ Англіи. И вотъ мы здѣсь и размышляемъ ѣхать ли намъ на какія-нибудь спокойныя воды или сдѣлать нѣсколько визитовъ знакомымъ. Папа уступилъ предъ отъѣздомъ нашу виллу мистрисъ Фильмеръ, и теперь мы конечно не можемъ

Digitized by Google

отказать ей. Степлетоны зовутъ васъ въ Гайли, а Бересфорты просили васъ уже нѣсколько лѣтъ посѣтить Аблековское аббатство, старое помѣстье въ Вельсѣ. Но вопросъ кажется разрѣшился тѣмъ что мы поѣдемъ въ Истборнъ или въ Богноръ.

„Надѣюсь что вы поправляетесь. Если вамъ случится быть въ городѣ,—вы вѣроятно пріѣзжаете иногда по дѣламъ, — до слѣдующаго четверга, мы будемъ очень рады видѣть васъ. Но я не хочу нарушать предписаннаго вамъ спокойствія. Въ Эмсѣ было скучно *à faire frémir*. Полдюжины эксцентричныхъ нарядовъ, столько же дамъ обращавшихъ на себя вниманіе, русская княгиня, во всѣ прочіе скучнѣйшіе больные, такъ что даже Кенсингтонскій садъ въ августѣ разнообразнѣе. Всегда ваша

„Августа Гаркроссъ Валлори."

Мистеръ Вальгревъ задумчиво свернулъ письмо и улыбнулся горькою улыбкой.

„Холодно", сказалъ онъ. „Вполнѣ джентльменское посланіе. Желалъ бы я знать какое письмо написала бы мнѣ Грація Редмайнъ еслибы мы были помолвлены и не видались недѣль семь или восемь. Какой кипучій потокъ нѣжности вылился бы изъ этого любящаго молодаго сердца! Августа Гаркроссъ Валлори, сказалъ онъ глядя задумчиво на подпись. Какимъ твердымъ, красивымъ почеркомъ пишетъ она, и должно быть крупнымъ перомъ и съ изобиліемъ чернилъ. Она способна также твердо подписать смертный приговоръ. Удивляюсь почему она не подписывается Гаркроссъ и Валлори. Такъ было бы натуральнѣе. Имя не дурно для баронскаго титула, не хуже Стамфорда или Варингтона. Ея мужъ можетъ со временемъ сдѣлаться перомъ съ такимъ именемъ."

При этомъ предположеніи, сдѣланномъ съ горечью, предъ умственнымъ взоромъ мистера Вальгрева мелькнула въ далекомъ будущемъ горностаевая шляпа съ шестью жемчужинами.

„Въ палатѣ лордовъ засѣдали люди начавшіе съ меньшими шансами на успѣхъ чѣмъ я", думалъ онъ. „Съ состояніемъ Августы Валлори можно купить что угодно въ коммерческой Англіи. Одно за другимъ исчезаютъ старыя имена изъ парламента, а изъ десяти новыхъ восемь выбраны за обладаніе населеннымъ помѣстьемъ или большимъ капиталомъ въ банкѣ. Когда же деньги соединены съ профессіональною славой, это еще легче. Но странно будетъ если я буду избранъ въ палату лордовъ, а сэръ-Френсисъ Клеведонъ въ палату общинъ."

Онъ взглянулъ на свои часы. Было три часа, а онъ еще

Digitized by Google

ровно ничего не сдѣлалъ, даже не отвѣтилъ на три или на четыре письма требовавшія отвѣта. Онъ взялъ пачку бумаги, быстро настрочилъ нѣсколько записокъ, оставилъ письмо миссъ Валлори безъ отвѣта и закурилъ сигару. Кюлледжъ вышелъ спросить дома ли онъ будетъ обѣдать.

— Нѣтъ, черезъ часъ приготовьте мнѣ платье. Я не буду обѣдать дома и уйду рано.

Небольшая безсодержательная записка Августы Валлори развлекла его, дала новое направленіе его мыслямъ. Онъ не чувствовалъ болѣе унынія. Напротивъ, онъ былъ доволенъ собою и свѣтомъ, почти гордился своимъ поведеніемъ въ послѣднемъ кризисѣ своей жизни, готовъ былъ восхвалять себя за великодушіе, благородство и благоразуміе. Онъ забылъ что великодушіе и благородство не всегда согласуются съ благоразуміемъ.

„Ничего не могло быть простодушнѣе моихъ отношеній съ этою милою дѣвушкой", сказалъ онъ себѣ. „Съ начала до конца я былъ въ высшей степени скроменъ. Что̀ бы ни случилось, мнѣ не за что̀ упрекать себя."

ГЛАВА XI.

Мистеръ Вальгревъ исполняетъ обязанность.

Кто не знаетъ Акрополисъ-сквера и мѣстности къ которой онъ примыкаетъ,—мѣстности среди которой недавно возникъ Альбертъ-Голль, но гдѣ во время нашего разказа еще не было Альбертъ-Голля, а было только блестящее зданіе оранжереи Земледѣльческаго Общества среди обширной поляны, на которой помѣщалась выставка 1862 года. Акрополисъ-скверъ есть квадратъ образуемый великолѣпными домами, окна которыхъ выходятъ на геометрически распланированный садъ, гдѣ небольшіе отряды юной аристократіи, еще не „выѣзжающей", играютъ въ крокетъ въ солнечныя іюньскія утра или въ росистыя сумерки, когда мать и старшія дочери отправляются въ ярко освѣщенныя залы, а гувернантки освобождаются отъ своихъ обязанностей.

Въ разгаръ лондонскаго сезона, когда у дверей ждутъ кареты, когда балконы украшены маркизами и множествомъ цвѣтовъ, когда хорошенькія дѣвушки катаются кавалькадами

Digitized by Google

по улицамъ и самая атмосфера проникнута оживленіемъ и весельемъ, Акрополисъ-скверъ очень пріятное мѣсто. Но и въ своемъ лучшемъ видѣ онъ обладаетъ всѣми недостатками новаго Лондона. Каждый домъ есть подобіе сосѣдняго. Вы не найдете тутъ индивидуальности въ архитектурѣ, составляющей прелесть старинныхъ скверовъ, ничего подобнаго портикамъ, ни малѣйшаго разнообразія въ длинныхъ рядахъ оконъ, а густой, мягкій цвѣтъ краснаго кирпича, гармонирующій какъ нельзя болѣе съ сѣрымъ фономъ англійскаго неба, замѣняется тутъ сумрачною темно-коричневою штукатуркой.

„Городъ Вавилонъ, въ дни своего паденія, былъ не страшнѣе Акрополисъ-сквера въ концѣ августа“, думалъ Губертъ Вальгревъ, когда его извощичій кабріолетъ повернулъ съ нестерпимымъ стукомъ въ величественный квадратъ коричневыхъ дворцовъ, сумрачный фонъ которыхъ не оживлялся теперь пестрыми маркизами и цвѣтами, а на спаленной солнцемъ лужайкѣ сада не слышалось ударовъ биты о мячъ.

Домъ мистера Валлори былъ однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ этомъ скверѣ и отличался характеромъ респектабельности, прочности и величія, свидѣтельствовавшихъ о богатствѣ его владѣльца. Занавѣсы столовой были цвѣта самаго темнаго и густаго кларета и изъ такой тяжелой шелковой матеріи что складки ихъ казались вытесанными изъ камня. Ставни столовой были темныя дубовыя, окованныя по краямъ тончайшими полосками золота. Даже драпри на окнахъ гостиной были изъ тяжелой темно-зеленой матеріи, а единственныя украшенія, виднѣвшіяся снаружи, были бронзовыя статуетки и пунцовыя вазы восточнаго фарфора. Кисея, ленты, кружева, розовыя подкладки, радовавшія зрѣніе въ другихъ домахъ, не имѣли здѣсь мѣста.

Въ швейцарской, украшенной чернымъ мраморнымъ каминомъ и бронзовою лампой, и имѣвшей видъ погребальной гробницы, мистера Вальгрева встрѣтилъ швейцаръ въ темно-шоколатной ливреѣ и съ напудренною головой. Окинувъ высокомѣрнымъ взглядомъ уѣзжавшій кабріолетъ (извощичьи экипажи рѣдко останавливались у дверей мистера Валлори), швейцаръ повелъ мистера Вальгрева въ гостиную.

— Дома миссъ Валлори?

— Дома, сударь. Миссъ Валлори возвратилась полчаса тому назадъ съ верховой прогулки.

Въ гостиной они не нашли никого, и слуга пошелъ отыски-

Digitized by Google

вать горничную мисс Валлори чтобы сказать ей о посетителѣ ожидающемъ ея госпожу, и прошло не менѣе десяти минутъ прежде чѣмъ послѣдняя узнала о пріѣздѣ мистера Вальгрева. Гостиная, въ которой онъ ждалъ, была очень большая комната, наполненная великолѣпною мебелью и сообщавшаяся чрезъ большую арку съ комнатою меньшей величины, покрытою ковромъ, въ центрѣ котораго стоялъ большой рояль. Все находившееся въ этихъ двухъ комнатахъ было самое солидное и самое дорогое въ своемъ родѣ. Этажерки изъ чернаго дерева, украшенныя гроздами плодовъ изъ сердолика и агата; Геркулесъ съ велремъ на античной стойкѣ; толстые портфели съ гравюрами Альберта, Дюрера, Рембрандта и Гогарта, на двухъ рѣзныхъ дубовыхъ стойкахъ; на стѣнахъ нѣсколько картинъ, небольшихъ и новыхъ, признанныхъ лучшими на послѣднихъ академическихъ выставкахъ; бѣлая мраморная группа въ центрѣ большаго оттомана, обитаго зеленымъ шелкомъ. Но чайные сервизы, дрезденскіе *déjeuners*, китайскія пастушки, фотографическіе альбомы и тому подобныя цѣнныя бездѣлушки, съ помощію которыхъ ожидающій посѣтитель могъ бы сократить четверть часа празднаго времени, не имѣли здѣсь мѣста, и когда мистеръ Вальгревъ осмотрѣлъ картины, ему осталось только ходить по ковру, разсматривая его узоръ и всевозможные оттѣнки зеленаго цвѣта, или смотрѣть въ окно на коричневые дома противоположной стороны сквера.

Онъ ходилъ по ковру, задумчиво осматривая комнату. Она не казалась ему прежде такою большою какъ теперь, послѣ брайервудской гостиной съ ея низкимъ потолкомъ, тяжелою рѣзьбой, темными панелями и скромною мебелью. Онъ могъ надѣяться прожить всю жизнь въ такихъ роскошныхъ комнатахъ и пользоваться почетомъ какой даетъ подобная обстановка, но безъ Граціи Редмайнъ. Перспектива его будущности, со всѣми преимуществами богатства и вліянія, которыя должна была дать ему женитьба, всегда нравилась ему. Картина любви въ хижинѣ не имѣла для него ничего привлекательнаго. Но теперь, вопреки его волѣ, своенравная фантазія рисовала ему картины жизни съ Граціей, въ какой-нибудь красивой, загородной виллѣ,—жизни трудовой и тяжелой, съ непреодолимыми преградами къ успѣху, но съ любимою женщиной и съ семейнымъ счастіемъ.

„Я и теперь уже имѣю нѣкоторое положеніе въ свѣтѣ,

Digitized by Google

сказалъ онъ себѣ, „и доходъ мой вовсе не ничтоженъ. Но тѣмъ не менѣе что̀ могъ бы я сдѣлать имѣя противъ себя стараго Валлори? Онъ можетъ смять меня какъ лоскутъ ненужной бумаги. Нанести ему такое смертельное оскорбленіе значитъ обречь себя на вѣрную гибель. Что̀ осталось бы мнѣ тогда? Тащиться въ заднихъ рядахъ людей моей профессіи и жить на триста фунтовъ въ годъ. О домѣ въ Майферѣ, о дачѣ между Земляничнымъ холмомъ и Чертси, о клубѣ, этомъ необходимомъ пріютѣ для каждаго мущины, объ Итонѣ для моихъ сыновей, о гувернанткѣ изъ Ганновера для моихъ дочерей, о яхтѣ, о конюшнѣ, объ общественномъ положеніи тогда нечего было бы и думать. Милое лицо Граціи, преждевременно старѣющееся отъ мелочныхъ заботъ, толпа дѣтей въ тѣсной квартирѣ, обѣды приготовленные единственною служанкой, на каждомъ каминѣ вызовы за незаплаченные налоги въ пользу бѣдныхъ,—кому неизвѣстны всѣ подробности этой печальной картины? Нѣтъ! Еслибъ я былъ расположенъ жертвовать собою,—а я къ этому нисколько не расположенъ,—жестоко было бы обречь на такую жизнь Грацію.“

Вѣсы колебались безпрерывно, но перевѣсъ всегда оказывался на сторонѣ свѣтскаго успѣха, то-есть денегъ, извѣстности и почета.

„Нѣкоторые люди могутъ смотрѣть на жизнь легко, даже губить себя, если это имъ нравится“, думалъ онъ. „Это люди начинающіе свое поприще съ высоты, имъ не легко спуститься внизъ. Я началъ снизу и долженъ во что̀ бы то ни стало подняться наверхъ. Эссексъ могъ пренебрегать шансами, которые были крайне важны для Ралейфа, однако оба, и пренебрегавшій и дорожившій, кончили однимъ и тѣмъ же.“

Размышленія его были внезапно прерваны дверью, отворившеюся съ резонансомъ двери въ соборѣ, и шелестомъ шелковаго платья, возвѣстившимъ о приближеніи миссъ Валлори.

Августа Валлори, единственная дочь Вилльяма Валлори, ходатая по дѣламъ и члена фирмы Гаркроссъ и Валлори, была не такая дѣвушка чтобы къ ней отнестись слегка и описать ее одною или двумя фразами. Она была красавица: ростъ выше обыкновеннаго роста женщинъ, покатыя плечи, гибкая талія, тонкая, граціозная шея, увѣнчанная головой почти классической формы. О лицѣ ея едва ли могло быть два мнѣнія: брюнетка, глаза темные, холодные и блестящіе, волосы черные, какъ только могутъ быть черны англійскіе волосы,

Digitized by Google

цвѣтъ лица неизмѣнно блѣдно-молочный съ розовымъ румянцемъ и до такой степени безукоризненный что еслибъ у миссъ Валлори были враги женскаго пола, они заподозрили бы ее въ употребленіи *vinaigre de rouge* и *blanc rosati*, изящный, прямой носъ, красиво очерченный подбородокъ и блестящіе бѣлые зубы. Только лобъ былъ немного узокъ и низокъ, и глаза, несмотря на совершенство рѣсницъ и бровей, имѣли какой-то металлическій блескъ.

Одѣта она была великолѣпно. Заниматься своимъ туалетомъ было главнымъ дѣломъ въ жизни для миссъ Валлори. Ей никогда не приходилось серіозно заботиться о чемъ-нибудь другомъ, а одѣваться было и дѣломъ и забавой. Быть поразительною, оригинальною, непохожею на другихъ было ея главнымъ стремленіемъ. Она не носила ни голубаго, ни розоваго, но съ помощью французской модистки придумывала эффектныя комбинаціи темныхъ цвѣтовъ оранжевыхъ и рѣдкихъ оттѣнковъ сѣраго съ яркими цвѣтами и съ дорогими кружевами которымъ могла бы позавидовать любая вдовствующая герцогиня. Миссъ Валлори не находила причины почему только замужнія женщины пользуются привилегіей носить тяжелыя платья. Шелкъ и дорогія кружева шли болѣе къ ея красотѣ чѣмъ газъ и кисея *d'une demoiselle à marier*.

Въ этотъ день на ней было платье темно-оранжеваго цвѣта съ длиннымъ шлейфомъ, съ высокимъ воротомъ, безъ малѣйшей отдѣлки на таліи и рукавахъ, но съ широкимъ пунцовымъ поясомъ завязаннымъ пышнымъ узломъ назади ея стройной таліи. Узкіе рукава и узкій воротничокъ шли къ ней какъ нельзя болѣе. Не совсѣмъ хорошій цвѣтъ лица казался бы еще хуже отъ цвѣта платья, каждый недостатокъ въ сложеніи былъ бы вдвойнѣ замѣтенъ при такомъ фасонѣ. Миссъ Валлори одѣвалась съ полнымъ сознаніемъ своей красоты, какъ бы говоря: „подражайте мнѣ если смѣете“.

Женихъ и невѣста пожали другъ другу руки и поцѣловались какимъ-то формальнымъ поцѣлуемъ.

—Да какъ же вы поправились, Губертъ! сказала миссъ Валлори.—Я ожидала увидать васъ все еще больнымъ.

— Всему есть конецъ, моя милая Августа. Я ѣздилъ въ деревню для окончанія лѣченія и теперь могу кажется сказать что я вылѣчился.

Тонъ его при послѣднихъ словахъ сдѣлался торжественнымъ. Онъ думалъ о болѣе опасной болѣзни чѣмъ та отъ которой

Digitized by Google

лѣчили его лондонскіе доктора и сомнѣвался дѣйствительно ли онъ стоитъ на пути къ излѣченію.

— Лишнее говорить вамъ какой у васъ цвѣтущій видъ, продолжалъ онъ весело.—Это ваше нормальное состояніе.

— Въ Эмсѣ было ужасно скучно, воскликнула миссъ Валлори.—Я такъ рада что мы уѣхали оттуда. Какъ понравилась вамъ ваша ферма? Воображаю какъ вамъ было тяжело тамъ.

— Да, въ послѣднее время стало дѣйствительно тяжело.

— Такъ сначала было хорошо? спросила миссъ Валлори, слегка поднявъ свои безукоризненныя брови.

Она была не изъ сантиментальныхъ, но ей пріятнѣе было бы услышать что ему было скучно безъ нея.

— Да, съ недѣлю или около того мнѣ тамъ нравилось. Мѣсто старое и живописное, окрестности великолѣпныя, множество рыбы, и главное тамъ была щука которую мнѣ очень хотѣлось поймать. Я съѣзжу туда въ будущемъ году и непремѣнно поймаю эту щуку.

— Я никогда не могла понять чтò люди находятъ интереснаго въ рыбной ловлѣ?

— Я давно тщетно стараюсь понять о чемъ женщина можетъ говорить съ своею модисткой полтора часа сряду, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ холодно.

Миссъ Валлори улыбнулась спокойною улыбкой.

— Воображаю какъ вы соскучились когда я заставила васъ ждать у *madame Bouffante*, сказала она.—Есть вещи которыя нельзя рѣшить поспѣшно, а *Bouffante* слишкомъ занята или слишкомъ важничаетъ чтобы пріѣхать ко мнѣ.

— Женскіе наряды это какая-то непостижимая загадка. Вотъ это платье на васъ, напримѣръ, сшито повидимому такъ просто что вы могли сшить его сами.

— Конечно, еслибъ я училась шить платья. Къ сожалѣнію, папа не включилъ этого искусства въ программу моего воспитанія. Это платье *madame Bouffante* кроила сама. Фасонъ шлейфа совершенно новый, введенный въ первый разъ французскою императрицей только три недѣли тому назадъ.

— Боже! А я не замѣтилъ ничего новаго когда вы вошли въ комнату. Какой же я невѣжда! Но знаете ли что я видалъ когда былъ мальчикомъ женщинъ которыя сами шили себѣ платья?

— Вы не могли этого избѣгнуть, мой милый Губертъ, если жили между оригинальными людьми.

Digitized by Google

Онъ вспомнилъ Грацію Редмайнъ которая однажды шила при немъ подъ кедромъ голубое кисейное платье въ которомъ она была на слѣдующее утро въ церкви и казалась ему прекраснѣе лѣсной нимфы. Миссъ Валлори была много красивѣе Граціи, даже безъ преимуществъ своихъ нарядовъ, много красивѣе, но не такъ привлекательна.

— Я хотѣлъ спросить можно ли мнѣ остаться обѣдать? сказалъ мистеръ Вальгревъ, усѣвшись спокойно на зеленомъ оттоманѣ, рядомъ съ миссъ Валлори.—Я, какъ видите, въ офиціальномъ костюмѣ.

— Папа будетъ очень радъ. Мы никому не объявляли что мы въ городѣ, да и объявлять-то кажется некому: во всемъ Лондонѣ въ настоящее время нѣтъ знакомаго намъ человѣка. Вы оживите папа.

— А дочку папа?

— О, конечно! Вы знаете что я всегда рада видѣть васъ. Если вы будете такъ добры что позволите мнѣ не переодѣваться къ обѣду, мы посидимъ здѣсь и поболтаемъ.

— Я намѣренъ удивить міръ своею добротой. Но неужели при настоящихъ обстоятельствахъ, не имѣя никого знакомыхъ въ городѣ, вы дѣйствительно надѣли бы что-нибудь великолѣпнѣе этого оранжеваго платья?

— Я одѣваюсь для папа, и потому можетъ быть что это вошло у меня въ привычку.

— Еслибы женщины изобрѣли себѣ какъ мущины какой-нибудь офиціальный костюмъ, напримѣръ черное шелковое платье и бѣлый кисейный поясъ, во сколько разъ менѣе зависти и злобы было бы тогда въ мірѣ!

— Я рѣшительно не понимаю что̀ вы хотите сказать, Губертъ. Вообразите женщинъ одѣтыми въ обществѣ какъ торговки въ мелочныхъ лавочкахъ.

— Вотъ это-то и есть главное возраженіе. Мущины однакоже не стыдятся одѣваться одинаково съ буфетчиками. Впрочемъ вы такъ хороши въ этомъ костюмѣ что глупо было бы желать видѣть васъ одѣтою иначе. Скажите мнѣ теперь ваши новости. Я хочу знать какъ вы проводили время пока мы не видались.

Это было ловкимъ средствомъ скрыть фактъ что самому ему нечего было сказать ей. Будущая жена его была красива, хорошо воспитана. Умѣла хорошо держаться въ обществѣ, но встрѣтясь съ ней послѣ восьми мѣсяцевъ разлуки, онъ не

Digitized by Google

имѣлъ ничего сказать ей. Онъ могъ только откинуться на спинку оттомана и смотрѣть на нее холоднымъ критикующимъ взглядомъ. Было время когда онъ считалъ себя влюбленнымъ въ нее. Безъ искренняго чувства съ его стороны, ему не удалось бы овладѣть такимъ дорогимъ призомъ, но каково бы ни было это чувство вначалѣ, теперь отъ него не осталось и слѣда. Глядя на нее въ этотъ день, онъ рѣшилъ что она одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Лондонѣ, но что для него она не болѣе какъ красивая статуя. Онъ видалъ на картинахъ лица въ которыхъ было болѣе жизни и чувства чѣмъ способно было выразить ея лицо. Сердце его было когда-то искренно расположено къ ней, но она не умѣла удержать его. Что̀ дала она ему кромѣ сухаго согласія сдѣлаться его женой когда его успѣхъ въ свѣтѣ и общественное положеніе удовлетворятъ ея отца? Видѣлъ ли онъ отъ нея когда-нибудь слезу или любящій взглядъ, или нѣжное прикосновеніе рукой что̀ доказало бы ему что онъ ей ближе и дороже другихъ ея знакомыхъ? Развѣ онъ не зналъ что для нея весь міръ начинается и кончается Августой Валлори, что только то имѣетъ для нея какое-нибудь значеніе что̀ касается ея особы? Однажды когда она пѣла пѣсню Теннисона „И къ ней принесли ея мертваго воина“, онъ наклонился надъ роялемъ и сказалъ ей:

— Еслибы вы были на мѣстѣ этой женщины, Августа, какимъ скучнымъ дѣломъ показались бы вамъ похороны!

— Похороны ужасны, отвѣчала она содрогнувшись.

— И вы не пожалѣли бы еслибы вашего воина оставили тамъ гдѣ онъ палъ? Если со мною когда-нибудь случится несчастіе на охотѣ, у меня будетъ заранѣе сдѣлано распоряженіе чтобы меня снесли въ ближайшую погребальную часовню и оставили тамъ.

ГЛАВА XII.

Гаркроссъ и Валлори.

Вилльямсъ Валлори, глава фирмы Гаркроссъ и Валлори, былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ въ Лондонѣ. Фирма существовала уже болѣе ста лѣтъ, и самое ея имя означало все что̀ только можетъ быть солиднѣйшаго и дорогаго въ адвокатурѣ. Главные клерки у Валлори—имя Гарк-

Digitized by Google

россъ было уже только фикціей, ибо послѣдній Гаркроссъ покоился вѣчнымъ сномъ на лаврахъ богатства и извѣстности въ великолѣпномъ мавзолеѣ въ Кенсаль-гринѣ,—главные клерки у Валлори были извѣстные адвокаты и получали жалованья болѣе чѣмъ могли бы заработать практикуя самостоятельно. Домъ въ которомъ помѣщалась фирма имѣлъ торжественный видъ банка со своими внутренними и наружными конторами, съ длинными корридорами, съ великолѣпною комнатой мистера Вилльяма Валлори, съ комнатой мистера Уестона Валлори, съ комнатой мистера Смита, съ комнатой мистера Джокса, съ комнатой мистера Томпсона. Мистеръ Уестонъ Валлори занимался гражданскими дѣлами и имѣлъ еще наружную пріемную всегда наполненную тревожными кліентами. Экономія труда замѣтна была во всѣхъ установленіяхъ. Въ швейцарской висѣла доска чернаго дерева, съ именами членовъ фирмы и главныхъ клерковъ, и противъ каждаго имени висѣли ярлыки съ роковыми словами „дома“ или „нѣтъ дома“. Внутренность зданія была снабжена множествомъ гутталерчевыхъ слуховыхъ трубъ, и самыя секретныя извѣстія могли быть передаваемы шепотомъ изъ одной стороны дома въ другую. Смиреннѣйшіе кліенты не ходили далѣе мистера Томпсона, а глава фирмы былъ также недоступенъ для простыхъ смертныхъ какъ японскій микадо.

Въ коммерческомъ судѣ не было силы могущественнѣе фирмы Гаркроссъ и Валлори. Повѣренные преклонялись предъ Вилльямомъ Валлори, и сами судьи уступали его олимпійскому могуществу. Банкротъ, на полмилліона или около того,—фирма не брала мелкихъ дѣлъ,—поручавшій себя Гаркроссу и Валлори, заботливо проводился по темнымъ и тернистымъ путямъ судопроизводства и возвращался міру съ репутаціей чистою какъ только что выпавшій снѣгъ. Въ рукахъ Гаркросса и Валлори кредиторъ становился отвѣтчикомъ, полкроны изъ фунта отъ нихъ значили болѣе чѣмъ полфунта со стороны не столь значительной фирмы. Ихъ собственная типографія работала безпрерывно, печатая прошенія и отвѣты. Ихъ благосклонный взглядъ былъ лучомъ солнечнаго свѣта для молодыхъ адвокатовъ, и даже королевскіе судьи преклонялись предъ ними. Они не позволяли своему кліенту сдѣлать шага безъ ихъ совѣта, и вслѣдствіе всего этого были дороги, знамениты и уважаемы. Имѣть Гаркросса и Валлори фамильными повѣренными было само по себѣ отличіемъ.

Digitized by Google

Вилльямъ Валлори, оставшійся теперь единственнымъ представителемъ фирмы, считался очень богатымъ человѣкомъ. Уестонъ Валлори, его племянникъ, былъ младшій партнеръ, получавшій не болѣе седьмой доли доходовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, неженатый, жившій въ прекрасной виллѣ въ Норвудѣ, ѣздившій на прекрасной лошади и окруженный атмосферой респектабельности.

Стефанъ Гаркроссъ, крестный отецъ Августы Валлори, умеръ богатымъ старымъ холостякомъ и оставилъ бо́льшую часть своего состоянія, заключавшагося въ фондахъ и акціяхъ, своей крестницѣ. Со своими кровными родственниками онъ жилъ не въ ладу, а крестницу любилъ за ея красоту и другія качества, и миссъ Валлори, единственная наслѣдница громаднаго состоянія своего отца, сдѣлалась обладательницей трехъ тысячъ фунтовъ годоваго дохода. Что̀ оставитъ ей отецъ, было еще открытымъ вопросомъ. Онъ проживалъ пять тысячъ фунтовъ въ годъ, а получалъ, какъ говорили, не менѣе восьми.

Для Губерта Вальгрева, получавшаго кромѣ того что̀ удавалось заработать своею профессіей только триста фунтовъ въ годъ, было конечно необычайною милостью судьбы сдѣлаться женихомъ миссъ Валлори. Случилось же это очень просто. Отецъ ея сдѣлалъ его своимъ сотрудникомъ года три или четыре тому назадъ, былъ доволенъ имъ и приглашалъ его довольно часто въ Акрополисъ-скверъ и на дачу въ Райдъ, гдѣ проводилъ съ дочерью часть осени, но ему и въ голову не приходило что такое знакомство можетъ повести къ чему-нибудь серіозному. Само собою разумѣется что онъ не такого жениха прочилъ своей дочери. Онъ не спѣшилъ разстаться съ ней, даже предпочелъ бы чтобъ она не выходила замужъ пока онъ живъ. Но дочь его была красавица и богатая наслѣдница, и онъ рѣшилъ что она выйдетъ замужъ непремѣнно и былъ увѣренъ что она составитъ блестящую партію. Ему уже мерещился титулъ. Пріятно было бы прочесть имя своей дочери въ числѣ именъ перовъ прежде чѣмъ умереть. Но всѣ эти мечты разрушились когда миссъ Валлори однажды объявила ему что мистеръ Вальгревъ наканунѣ вечеромъ сдѣлалъ ей предложеніе и что она намѣрена, съ позволенія отца, выйти за него замужъ, что противъ воли отца она этого не сдѣлаетъ, но и за кого-нибудь другаго никогда не выйдетъ.

Вилльямъ Валлори былъ пораженъ. Онъ ничего не подозрѣвалъ, ничего не замѣчалъ. Сближеніе молодыхъ людей началось съ нѣсколькихъ случайныхъ встрѣчъ на лондонскихъ цвѣточныхъ выставкахъ. Губертъ Вальгревъ былъ чаще другихъ приглашаемъ на обѣды въ Акрополисъ-скверъ; въ числѣ его знакомыхъ было много знакомыхъ миссъ Валлори у которыхъ онъ часто встрѣчался съ ней въ теченіи лондонскаго сезона. Затѣмъ послѣдовало осеннее приглашеніе на дачу мистера Валлори въ Райдѣ. Тамъ начались долгія прогулки по набережной, прогулки при свѣтѣ луны, прогулки на яхтѣ—самое увлекательное изъ всѣхъ удовольствій, и Августа Валлори, никогда не страдавшая морскою болѣзнью, была особенно хороша въ своемъ морскомъ костюмѣ, сшитомъ лучшею французскою модисткой.

И въ одно прекрасное августовское утро, на бортѣ *Аріона*, яхты мистера Валлори, Губертъ Вальгревъ сказалъ себѣ что онъ влюбленъ въ Августу. Она сидѣла противъ него, дѣлая видъ что читаетъ романъ, одѣтая въ голубое и бѣлое; съ мягкимъ кашемировымъ шарфомъ на стройной таліи и въ соломенной шляпкѣ съ пучкомъ бѣлыхъ и голубыхъ перьевъ спускавшихся на ея густыя черныя косы.

„А почему бы мнѣ не жениться на ней?“ спросилъ онъ себя. „Это кажется несбыточнымъ, но я повидимому нравлюсь ей, и за кого-нибудь должна же она выйти замужъ. Ея состояніе было бы большимъ подспорьемъ для меня, и сама она такая женщина которая способна помочь мужу добиться хорошаго положенія въ свѣтѣ еслибы даже у нея не было ни гроша. Она единственная женщина которая мнѣ нравится и, кажется, единственная которой я могу нравиться.

Въ этотъ періодъ своей жизни Губертъ Вальгревъ не имѣлъ никакихъ экзальтированныхъ понятій о чувствѣ играющемъ главную роль въ жизни однихъ и никакой въ жизни другихъ. Онъ намѣренъ былъ жениться не иначе какъ чтобы женитьба принесла ему несомнѣнныя матеріальныя выгоды. Если онъ женится, то женится на деньгахъ. Его доходъ, удовлетворявшій всѣ его потребности, былъ бы до смѣшнаго малъ еслибы пришлось содержать на него жену и дѣтей. Намѣренія его на этотъ счетъ были самыя опредѣленныя, но онъ никогда не былъ искателемъ богатыхъ наслѣдницъ. Ни за какія блага въ мірѣ не женился бы онъ на женщинѣ безобразной или

Digitized by Google

глупой или почему бы то ни было непривлекательной. Онъ не заискивалъ въ миссъ Валлори. Судьба сблизила ихъ, онъ только воспользовался своими шансами. Изъ всѣхъ мущинъ которыхъ она знала, онъ обращался съ ней всѣхъ небрежнѣе, менѣе всѣхъ преклонялся предъ ея красотой и богатствомъ. Можетъ быть это-то и было причиной что она влюбилась въ него насколько это было въ ея характерѣ.

И въ одинъ лунный вечеръ, на лужайкѣ въ Райдѣ, мистеръ Вальгревъ сдѣлалъ предложеніе спокойнымъ, благоразумнымъ, вполнѣ джентльменскимъ тономъ.

— Я конечно понимаю, моя милая Августа, сказалъ онъ въ заключеніе,—что я вовсе не подходящая партія для васъ и что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать гораздо болѣе чѣмъ я сдѣлалъ до сихъ поръ для пріобрѣтенія приличнаго положенія въ обществѣ прежде чѣмъ разчитывать на одобреніе со стороны вашего отца, но я не боюсь тяжелой работы, и если только вы расположены ко мнѣ, я буду въ силахъ сдѣлать что угодно, проложить себѣ дорогу къ шерстяному мѣшку или что нибудь въ этомъ родѣ.

Затѣмъ, мало-по-малу, онъ заставилъ миссъ Валлори признаться что она расположена къ нему, даже очень расположена, что онъ ей нравился съ самаго начала. Такое признаніе было все чего можно было ожидать отъ благовоспитанной дѣвушки.

— Вы не были ко мнѣ такъ глупо внимательны какъ другіе, сказала она,—и поэтому вы мнѣ нравились больше другихъ.

Мистеръ Вальгревъ улыбнулся и далъ себѣ обѣщаніе, что миссъ Валлори никогда не будетъ имѣть основанія жаловаться на излишнее вниманіе съ его стороны.

Прошло не мало времени прежде чѣмъ мистеръ Валлори пришелъ въ себя послѣ неожиданнаго признанія дочери, но мало-по-малу онъ успокоился и даже согласился назвать Губерта Вальгрева своимъ будущимъ зятемъ.

— Я не скрою отъ васъ что для меня это разочарованіе и очень тяжелое разочарованіе, сказалъ онъ.—Я надѣялся, и имѣлъ кажется право надѣяться, что Августа составитъ блестящую партію. Но вы мнѣ всегда нравились, Вальгревъ, и... если дочь моя твердо рѣшилась, я не буду препятствовать. Надѣюсь что вы не имѣете намѣренія жениться немедленно?

— Это вполнѣ зависитъ отъ васъ, мистеръ Валлори. Я

Digitized by Google

своей стороны желалъ бы только пріобрѣсти какое-нибудь опредѣленное положеніе прежде чѣмъ просить Августу раздѣлить мою судьбу. Я не способенъ жить на содержаніи у жены, а мои средства еще недостаточны для того чтобы доставить ей что-либо подобное той обстановкѣ къ которой она привыкла.

— Все это высоколарный вздоръ, воскликнулъ мистеръ Валлори съ нетерпѣніемъ.—Женившись на Августѣ, вы женитесь и на ея деньгахъ. Если же вы хотите ждать пока не надѣнете шелковую мантію, то ждите, пожалуй, если это нравится вамъ и ей. Чѣмъ дольше она проживетъ со мной, тѣмъ лучше для меня. Но я ручаюсь вамъ что вы состаритесь прежде чѣмъ пріобрѣтете положеніе достойное ея. Она сдѣлала незавидный выборъ, мой милый Вальгревъ, и нечего намъ скрывать это другъ отъ друга.

Смуглое лицо мистера Вальгрева омрачилось и выразительныя губы сжались.

— Если выборъ ужь такъ плохъ, сэръ, сказалъ онъ,—вамъ еще не поздно взять назадъ ваше согласіе, а мнѣ мое предложеніе.

Великій Вильямъ Валлори испугался не на шутку. Его единственная дочь была дѣвушка съ характеромъ, и уже не мало непріятныхъ сценъ было у него съ ней по этому поводу.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, сказалъ онъ поспѣшно.—Избави Богъ. Какъ вы щекотливы! Развѣ я не сказалъ вамъ что вы мнѣ нравитесь? Къ тому же тутъ замѣшаны чувства моей дочери. Если ей хочется выйти замужъ по любви, она имѣетъ средства исполнить свою фантазію. Вашъ бракъ не будетъ идилліей въ хижинѣ, а если и будетъ, то въ хижинѣ вполнѣ приличной, съ каретными сараями и тому подобнымъ.

И Губертъ Вальгревъ получилъ согласіе гораздо легче чѣмъ могъ ожидать. Онъ сдѣлался женихомъ молодой дѣвушки съ тремя тысячами годоваго дохода въ настоящемъ и съ безграничнымъ богатствомъ въ будущемъ. Это походило на фантастическій сонъ, но мистеръ Вальгревъ принялъ неожиданную милость судьбы очень спокойно, какъ будто давно этого ожидалъ.

Только разъ рѣшился Вильямъ Валлори спросить о роднѣ своего будущаго зятя.

— Я никогда не слыхалъ чтобы вы говорили о вашемъ

Digitized by Google

семействѣ, сказалъ онъ, когда они сидѣли однажды вечеромъ вдвоемъ въ большой столовой съ помпейскимъ кувшиномъ кларета на столѣ.—Нечего и говорить что я былъ бы очень радъ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ родныхъ.

— У меня нѣтъ родныхъ, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ сухо.—Августа не получитъ свадебныхъ подарковъ отъ родни своего мужа, но за то ей и не придется содержать бѣдныхъ родственниковъ. Мои родители умерли когда я былъ еще мальчикомъ. Я выросъ въ Эссексѣ у незамужней тетки, но и ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Она была очень добра ко мнѣ.

— Вашъ отецъ вѣроятно занимался какою-нибудь профессіей, рѣшился замѣтить мистеръ Валлори, несовсѣмъ довольный несообщительностью своего будущаго зятя.

— Нѣтъ, онъ жилъ на свои собственныя средства и прожилъ ихъ.

— Но по крайней мѣрѣ обезпечилъ васъ?

— Онъ оставилъ мнѣ триста фунтовъ годоваго дохода, благодаря услугамъ одного друга, имѣвшаго на него большое вліяніе. Деньги были укрѣплены за мной такимъ образомъ что отецъ не могъ тронуть ихъ. Иначе мнѣ пришлось бы кончить жизнь нищимъ.

— Вы не съ добрымъ чувствомъ говорите объ отцѣ.

— Можетъ-быть я не отличаюсь сыновнимъ уваженіемъ. Отецъ не сдѣлалъ для меня то чтò могъ бы сдѣлать, и я еще не въ силахъ простить это ему. Онъ былъ дурнымъ отцомъ и, признаюсь, мнѣ тяжело говорить о немъ.

Послѣ такихъ словъ мистеръ Валлори не сталъ разспрашивать болѣе. Онъ видѣлъ что Губертъ Вальгревъ джентльменъ, а много или мало у него родни, или вовсе ея нѣтъ—было не важно. Мистеръ Вальгревъ былъ уменъ, энергиченъ, трудолюбивъ и можно было поручиться что онъ пойдетъ далеко.

„Я отдаю свою дочь не праздношатающемуся. Онъ не промотаетъ состоянія жены, и это мое единственное утѣшеніе, думалъ мистеръ Валлори.“

Онъ дѣйствительно не имѣлъ повода жаловаться на поведеніе своего будущаго зятя. Съ тѣхъ поръ какъ его помолвка съ миссъ Валлори стала дѣломъ рѣшеннымъ, Губертъ Вальгревъ началъ трудиться усерднѣе прежняго. То чтò другихъ расположило бы къ бездѣйствію, побуждало его сильнѣе стремиться къ своей цѣли. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти извѣстность прежде чѣмъ жениться, чтобъ люди не могли говорить

Digitized by Google

указывая на него: вотъ счастливецъ Вальгревъ которому удалось жениться на дочери Валлори. Онъ хотѣлъ чтобъ на него указывали какъ на знаменитаго Вальгрева, королевскаго судью, а объ его женитьбѣ говорили какъ о дѣлѣ второстепенномъ, какъ о слѣдствіи его успѣха.

Поставивъ себѣ такую трудно-достижимую цѣль, мистеръ Вальгревъ едва не довелъ себя до скоротечной чахотки, но былъ внезапно остановленъ тою болѣзнью за которою послѣдовала его поѣздка въ Брайервудъ. Хорошее лѣченіе и сильная натура спасли его отъ смерти и онъ уже началъ поправляться, когда пріѣхалъ въ старую ферму, чтобъ заболѣть тамъ еще болѣе опаснымъ недугомъ.

ГЛАВА XIII.

Внѣшность лучше сущности.

Мистеръ Валлори пришелъ предъ самымъ обѣдомъ и привелъ съ собою гостя, щеголевато одѣтаго молодаго человѣка, съ цвѣткомъ въ петлицѣ сюртука, съ тщательно расчесанными черными бакенбардами, съ благообразнымъ и нѣсколько надменнымъ лицомъ, роста выше средняго, съ глазами напоминавшими глаза Августы и съ цвѣтомъ лица слишкомъ хорошимъ для мущины. То былъ младшій партнеръ фирмы, получавшій седьмую часть доходовъ, Уэстонъ Валлори.

— Я встрѣтилъ твоего кузена Уэстона въ конторѣ, Августа, и привелъ его обѣдать, сказалъ мистеръ Валлори.—Извини его за утреннее платье, это я не далъ ему времени переодѣться.

— Я всегда держу вечернее платье въ конторѣ, сказалъ Уэстонъ,—а Пульменъ, разсыльный, прислуживаетъ мнѣ. Я просилъ подождать только десять минутъ, но вы знаете какъ нетерпѣливъ вашъ папа, Августа. Вы должны извинить меня.

Онъ поцѣловалъ свою кузину и подалъ концы пальцевъ Губерту Вальгреву. Эти два человѣка не любили другъ друга. Уэстонъ Валлори имѣлъ твердое намѣреніе жениться на Августѣ и былъ удивленъ и оскорбленъ ея неожиданною помолвкой.

Они обѣдали въ восемь, и банкетъ ихъ былъ не изъ оживленныхъ. Слишкомъ много было прислуживанія, блюдъ и

роскоши. Въ центрѣ круглаго стола стояла пирамида пышныхъ осеннихъ цвѣтовъ, мѣшавшая обѣдавшимъ смотрѣть прямо въ лицо другъ другу. Мистеръ Валлори и племянникъ его говорили о дѣлахъ. Августа предлагала своему жениху незначительные вопросы о незначительныхъ предметахъ и разказывала ему о своемъ пребываніи въ Эмсѣ. Онъ не разъ подавлялъ позывъ къ зѣвотѣ. Пока миссъ Валлори описывала ему странные костюмы видѣнные ею въ Эмсѣ, онъ думалъ о тѣнистомъ Брайервудскомъ садѣ, о благоуханіи цвѣтовъ, о миломъ голосѣ Граціи, о нѣжномъ прикосновеніи ея руки.

Только къ концу обѣда прояснился онъ немного и заставилъ себя разговориться, но такъ стереотипны были темы разговора что онъ вообразилъ себя лицомъ въ комедіи изъ великосвѣтскаго быта. Онъ чувствовалъ свое фальшивое положеніе, чувствовалъ что между имъ и женщиной на которой онъ намѣревался жениться не было ничего общаго. Она говорила о парижскихъ модахъ, онъ говорилъ объ ихъ общихъ знакомыхъ надменнымъ тономъ, замѣнявшимъ иронію, и вполнѣ сознавая пошлость своихъ словъ.

Но Августа Валлори была вполнѣ довольна своимъ женихомъ. Онъ былъ такъ приличенъ, такъ сдержанъ, не говорилъ ничего хорошаго ни о комъ и ни о чемъ. Она не терпѣла молодыхъ университетскихъ студентовъ, начинавшихъ все чаще и чаще появляться въ ея кружкѣ, юношей съ громкими веселыми голосами, съ загорѣвшими лицами, съ руками намозоленными греблей и со здоровымъ, беззаботнымъ видомъ. Они были ей противны.

Послѣ обѣда, когда Валлори старшій и Валлори младшій ушли въ билліардную, миссъ Августа начала разспрашивать своего жениха объ его жизни въ Кентѣ. Очень ли скучно было тамъ? Что̀ онъ дѣлалъ? Какъ проводилъ время?

— Такая жизнь какую я велъ тамъ, конечно, немного монотонна, сказалъ мистеръ Вальгревъ задумчиво.—Встаешь и съѣдаешь свой завтракъ, потомъ походишь немного, почитаешь немного, попишешь немного, куришь очень много, съѣдаешь свой обѣдъ и ложишься спать. Сбиваешься въ названіи дней, и если придется явиться въ судъ свидѣтелемъ, не сумѣешь показать въ началѣ или въ концѣ недѣли было такое-то происшествіе. Но человѣку нуждающемуся въ отдыхѣ такая жизнь вовсе не непріятна. Къ завтраку подаютъ медъ, иногда блюдо свѣжей форели, къ чаю сливки. Къ тому же

Digitized by Google

возьмите во вниманіе что я много читалъ, докончилъ онъ подавляя зѣвоту.

— Вы много читали, между тѣмъ какъ докторъ строго запретилъ вамъ работать!

— Но вѣдь это не тяжелая работа. Меня безпокоило дѣло Кардимума противъ Кардимума, которое отецъ вашъ поручилъ мнѣ, и я прочелъ нѣсколько старыхъ дѣлъ сходныхъ съ нимъ. Въ царствованіе Якова II одинъ человѣкъ судился со своимъ ближайшимъ родственникомъ на такихъ же основаніяхъ. Потомъ я прочелъ романъ Антони Троллопа.

— Въ семь недѣль вашего отдыха вы могли бы прочесть всѣ новѣйшіе романы.

— Нѣтъ, я много удилъ. Тамъ была щука, съ которою я намѣренъ когда-нибудь раздѣлаться. Въ этомъ году она мнѣ не далась.

Миссъ Валлори еще долго разспрашивала, но мистеръ Вальгревъ до странности мало разказывалъ о своемъ пребываніи въ Кентѣ.

— Вы вовсе не умѣете разказывать, Губертъ, сказала она наконецъ, недовольная его несообщительностью.—Еслибы на вашемъ мѣстѣ былъ Уэстонъ, онъ подробно описалъ бы мнѣ фермерскую жизнь, провинціаловъ, скопировалъ бы ихъ манеры и разговоръ, и все тому подобное.

— Еслибъ я былъ мастеръ на такія описанія, сказалъ мистеръ Вальгревъ,—я писалъ бы для журналовъ и обращалъ бы свое дарованіе въ деньги. Не сыграете ли вы что-нибудь, Августа?

Этотъ счастливый способъ выйти изъ затрудненія пришелъ ему въ голову внезапно, при взглядѣ на открытый рояль.

— Если хотите, я спою вамъ, сказала миссъ Валлори.— Я разучила сегодня утромъ новую балладу и мнѣ кажется что она въ вашемъ вкусѣ.

— Спойте пожалуста.

Онъ подошелъ къ роялю, поставилъ свѣчи, и когда исполнительница усѣлась на своемъ мѣстѣ, ушелъ въ дальній уголъ и сѣлъ въ спокойное кресло. Никогда во все время своего знакомства съ миссъ Валлори не утруждалъ онъ себя такими мелочными услугами какъ перевертываніе страницъ или разрѣзываніе новыхъ журналовъ. Онъ умышленно старался быть невнимательнымъ. Если эта дѣвушка намѣрена отдать ему

Digitized by Google

свое богатство, пусть отдастъ его безкорыстно. Ни ухаживанія, ни униженія, ни малѣйшей жертвы собственнымъ достоинствомъ не дождется она отъ него.

Миссъ Валлори запѣла свою балладу. Она обладала сильнымъ меццо-сопрано, съ металлическимъ тимбромъ, училась у лучшихъ учителей, внятно произносила каждый слогъ, но выразительности въ ея пѣніи было такъ же мало какъ въ музыкальной машинѣ.

Губертъ Вальгревъ вспомнилъ нѣжный голосъ Граціи, ея пѣніе въ сумеркахъ и весь ея репертуаръ старинныхъ пѣсенъ. Баллада которую пѣла миссъ Валлори принадлежала къ произведеніямъ новѣйшей школы: бѣдная мелодія, сопровождаемая блестящимъ аккомпаниментомъ, слова темныя и метафизическія.

— И вы называете это балладой, Августа! воскликнулъ онъ съ досадой, когда пѣвица окончила первую строфу.—Спойте мнѣ пожалуста *Una voce* или *Non più mesta*, чтобъ изгладить впечатлѣніе этой отвратительной вещи.

Миссъ Валлори уступила безпрекословно.

— Вы такъ причудливы, сказала она,—что не знаешь что̀ вамъ понравится.

Она спѣла италіянскую бравурную арію, и спѣла прекрасно. Ни малѣйшаго усилія, ни малѣйшаго искаженія въ лицѣ не замѣтилъ мистеръ Вальгревъ, не спускавшій съ нея критикующаго взгляда.

„Такою женщиной можно гордиться, подумалъ онъ,—и я былъ бы дуракъ еслибы не воспользовался своими шансами."

Пока миссъ Валлори пѣла, ея отецъ и кузенъ вошли въ комнату. Когда она кончила, Уэстонъ осыпалъ ея восторженными похвалами, а женихъ ея остался на своемъ мѣстѣ и молча смотрѣлъ на нихъ. Онъ зналъ что Уэстонъ дорого далъ бы чтобъ быть на его мѣстѣ, и онъ никогда не былъ такъ доволенъ своею удачей какъ въ тѣ минуты когда думалъ объ этомъ человѣкѣ.

„Негодяй, сказалъ онъ про себя.—Я знаю что этотъ человѣкъ негодяй, вынужденный обстоятельствами жить честно. Онъ именно такой человѣкъ который способенъ убѣжать съ деньгами своихъ кліентовъ или сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ. Можетъ-быть онъ ничего подобнаго не сдѣлаетъ и умретъ считаясь честнымъ, но я увѣренъ что онъ на это способенъ. И какое наслажденіе знать что онъ меня такъ ненавидитъ, и

Digitized by Google

что мнѣ придется быть учтивымъ съ нимъ до конца моей жизни.“

Подумавъ немного онъ прибавилъ: „Еслибъ я способенъ былъ поставить себя въ непріятное положеніе, этотъ человѣкъ первый воспользовался бы моею неосторожностью.“

Между тѣмъ безсознательный виновникъ этихъ размышленій стоялъ наклонившись надъ роялемъ и разговаривалъ съ своею кузиной. Въ наружности его не было ничего такого что̀ могло бы оправдать мнѣніе о немъ мистера Вальгрева. Онъ ничѣмъ не отличался отъ большинства мущинъ средняго класса общества, былъ довольно красивъ, хорошо одѣтъ, умѣлъ быть учтивымъ или надменнымъ смотря по обстоятельствамъ. Только глаза его, похожіе на глаза кузины, свѣтились холоднымъ металлическимъ блескомъ, непріятнымъ для физіономиста, и полныя красныя губы свидѣтельствовали о чувственности и затаенной жестокости. Но свѣтъ видѣлъ въ немъ только красиваго молодаго человѣка съ завиднымъ положеніемъ въ свѣтѣ, и семейства гдѣ были взрослыя дочери и сыновья нуждавшіеся въ протекціи очень дорожили его знакомствомъ.

Мистеръ Вальгревъ не мѣшалъ ему ухаживать сколько угодно за Августой Валлори. Онъ зналъ крѣпость цѣпи привязывавшей къ нему его невѣсту и былъ увѣренъ что Уэстонъ ему не опасенъ.

— Бѣдный Уэстонъ, кажется, выросъ въ убѣжденіи что ему предстоитъ жениться на мнѣ, сказала однажды Августа Валлори своему жениху съ презрительнымъ сожалѣніемъ. — Его мать была глупая женщина, считавшая своихъ дѣтей совершеннѣйшими существами въ мірѣ. Но Уэстонъ дѣйствительно хорошій человѣкъ и очень преданъ папа и мнѣ. Онъ, конечно, всѣмъ обязанъ папа. Его отецъ поссорился съ моимъ дѣдомъ и былъ исключенъ изъ фирмы. Я не знаю подробностей этой исторіи, но отецъ Уэстона сдѣлалъ что-то очень дурное, и сыну его трудно было бы проложить дорогу въ жизни, еслибы папа не помогъ ему. Папа говоритъ что онъ хорошій дѣлецъ, а я считаю его преданнымъ и благодарнымъ человѣкомъ.

— Неужели? Вы вѣрите что бываютъ благодарные люди? спросилъ мистеръ Вальгревъ своимъ насмѣшливымъ тономъ.— А я такимъ людей до сихъ поръ не встрѣчалъ и не вѣрю въ ихъ существованіе. Впрочемъ вашъ кузенъ можетъ-быть исключеніе. Отецъ его былъ сосланъ?

Digitized by Google

— Губертъ! Чтò это вы говорите!

— Но вѣдь вы сами сказали, Августа, что онъ сдѣлалъ что-то очень дурное, и я заключилъ что это было что-нибудь такое за чтò ссылаютъ въ каторжную работу.

— Ссора вышла изъ-за денегъ, но надѣюсь что никто изъ моего семейства не былъ безчестнымъ.

— Милая моя, безчестные люди бываютъ во всякаго рода семействахъ. Встрѣчаются негодяи и между перами. Но меня ни мало не интересуетъ отецъ Уэстона. Довольно съ меня и сына. Я принимаю его какъ фактъ.

— Какъ высокомѣрно вы всегда говорите о моемъ семействѣ! воскликнула миссъ Валлори оскорбленнымъ тономъ.

— Если вы полагаете, дорогая моя, что я буду преклоняться предъ вашимъ семействомъ какъ преклоняюсь предъ вами, вы очень ошибаетесь. Я предложилъ свое сердце въ ту чудную ночь въ Райдѣ вамъ, а не всему семейству Валлори.

— Вы предубѣждены противъ Уэстона.

— Нисколько. Я дѣйствительно не люблю людей съ такимъ цвѣтомъ лица какъ у него, но это только безотчетная антипатія въ которой я не сознался бы никому кромѣ васъ.

Они не рѣдко спорили по этому поводу, и мистеръ Вальгревъ старался отстаивать свою независимость. Онъ не преклонялся и не унижался, но странно что его невнимательность нравилась миссъ Валлори. Ей надоѣло ухаживаніе мущинъ видѣвшихъ въ ней только наслѣдницу Гаркроса и Валлори. Мистеръ Вальгревъ съ своею насмѣшливостью и невнимательностью казался искреннѣе другихъ. А между тѣмъ онъ тоже игралъ роль и дѣйствовалъ съ разчетомъ, а любовь его къ ней была такъ слаба что исчезла при первомъ искушеніи.

Въ теченіи вечера былъ разговоръ о томъ гдѣ мистеръ Валлори и дочь его проведутъ слѣдующія шесть недѣль. Отецъ охотно остался бы въ Акрополисъ-скверѣ, чтобы посѣщать ежедневно свою контору, гдѣ у него было всегда много дѣла, но Августа не соглашалась на такое нарушеніе приличій.

— Здѣсь будетъ горячка или холера или что-нибудь въ этомъ родѣ, папа, сказала она.—Эпидеміи всегда начинаются послѣ лондонскаго сезона.

— Смертность была сильнѣе въ Лондонѣ въ маѣ этого года, чѣмъ въ прошломъ августѣ, могу тебя увѣрить.

— Но намъ рѣшительно невозможно остаться здѣсь, милый папа. Поѣдемъ къ Степлетонамъ, мы давно обѣщали имъ.

Digitized by Google

— Терпѣть не могу гостить въ чужихъ помѣстьяхъ, завтракать каждый день съ толпой незнакомыхъ, слышать стукъ билліарда съ утра до ночи, не имѣть спокойнаго угла чтобы написать письмо, таскаться по окрестностямъ осматривая развалившіяся аббатства и водопады и не имѣть ни минуты покоя. Все это можетъ быть хорошо для молодыхъ людей, но въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ это сущая пытка. Поѣзжай въ Галей если хочешь, Августа, но я предпочелъ бы ѣхать въ Истборнъ.

— Такъ и я поѣду съ вами, папа. Жаль что вы уступили нашу виллу Фильмерамъ. Пріятно было бы покататься на *Аріонѣ*.

— Яхту я не уступалъ Фильмерамъ, сказалъ мистеръ Валлори.—Ты можешь взять ее въ Истборнъ.

— Такъ отправимтесь въ Истборнъ, папа. А Губертъ пріѣдетъ къ намъ,—не правда ли, Губертъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, дня на два.

— Дня на два! воскликнула миссъ Валлори.—Почему вамъ не провести весь сентябрь съ нами? Вамъ теперь нечего дѣлать въ Лондонѣ.

— Милая Августа, я пріѣхалъ въ Лондонъ именно съ тѣмъ чтобы работать, а работать успѣшно я могу только въ моей квартирѣ, имѣя подъ рукой всѣ нужныя для справокъ книги.

Его страшилъ Истборнъ, парадное мѣсто съ оркестромъ и съ тѣснымъ кружкомъ общества. Рейдъ въ прошломъ году очень нравился ему, хотя его образъ жизни былъ такой же какой ему предлагали теперь и отъ котораго онъ отказывался съ отвращеніемъ. Въ этотъ вечеръ ему казалось что ничего не можетъ быть пріятнѣе какъ запереться въ своей квартирѣ наединѣ съ своими книгами.

— Но что за странная фантазія работать въ сентябрѣ, продолжала миссъ Валлори, слегка покраснѣвъ.—Вы должны пріѣхать непремѣнно. Морской воздухъ принесетъ вамъ большую пользу. У насъ будетъ яхта, а вы такъ любите кататься на ней.

— Да, я люблю кататься на яхтѣ, но я еще не совсѣмъ поправился и боюсь что развлеченія приморскаго мѣста будутъ утомлять меня.

— Но Истборнъ вовсе не оживленное мѣсто. Оно только и хорошо для больныхъ.

Digitized by Google

— Если вы требуете чтобъ я ѣхалъ, Августа, я поѣду, какъ бы это ни повредило моему профессіональному успѣху.

— Поступайте какъ знаете, Вальгревъ, сказалъ мистеръ Валлори.—Вы хорошо дѣлаете что хотите приняться за занятія. Дѣло Кардимума противъ Кардимума очень серіозное дѣло, и если вы только хорошо подготовитесь, вы его выиграете. Не ревнуй его къ работѣ, Августа. Онъ намѣренъ сдѣлать тебя женой судьи въ скоромъ времени. Уэстонъ можетъ ухаживать за тобой.

— Я не умѣю ухаживать, сказалъ Уэстонъ,—но очень радъ быть полезнымъ моей кузинѣ.

— Кстати, Уэстонъ, такъ какъ у насъ теперь не особенно много дѣла, то вы можете съѣздить завтра въ Истборнъ и отыскать тамъ подходящій для насъ домъ, сказалъ мистеръ Валлори сухо. Онъ помогъ молодому человѣку и считалъ себя въ правѣ обращаться съ нимъ повелительно.

Уэстонъ поклонился.

— У меня назначено завтра два или три свиданія, сказалъ онъ,—но я передамъ ихъ Джонсу. Не знаю способенъ ли я исполнить ваше порученіе, но мнѣ кажется что я найду то, что̀ вамъ нужно инстинктивно.

— Инстинктивно! воскликнулъ мистеръ Валлори съ досадой.—Августа дастъ вамъ списокъ всѣхъ необходимыхъ для насъ удобствъ.

Мистеръ Вальгревъ улыбнулся злобною улыбкой. Онъ радовался что такое неблагородное порученіе выпало на долю Уэстона Валлори, самаго самолюбиваго человѣка изъ всѣхъ кого онъ зналъ, тогда какъ онъ, Губертъ Вальгревъ, остается на свободѣ. „Да снизойдутъ всѣ блага земныя на почтенныя головы Кардимумовъ", подумалъ онъ.

Въ четверть одиннадцатаго онъ простился съ своею невѣстой и ея отцомъ. Уэстонъ ушелъ въ одно время съ нимъ, спѣша на Чарингъ-Кросскую станцію, чтобъ уѣхать въ Норвудъ съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ. Ночь была лунная. Даже Акрополисъ-скверъ имѣлъ сносный видъ при такомъ освѣщеніи. Въ верхнихъ этажахъ кое-гдѣ мерцали огоньки одинокихъ слугъ. Въ воздухѣ пахло резедой, за рѣшеткой сквера тихо шумѣли смоковницы, и мистеръ Вальгревъ вспомнилъ Брайервудскій садъ.

— Вы пойдете пѣшкомъ? спросилъ Уэстонъ, когда они вышли вмѣстѣ изъ дома.

Digitized by Google

— Не знаю. Можетъ-быть поѣду, если найду извощика. А вы?

— Я поставилъ себѣ за правило проходить шесть миль ежедневно и былъ бы очень радъ пройтись теперь съ вами. Намъ идти по одной дорогѣ.

Мистеръ Вальгревъ покорился. Онъ былъ склоненъ къ сильнымъ антипатіямъ, и антипатія его къ Уэстону была изъ сильнѣйшихъ.

„Чортъ бы побралъ этого человѣка“, подумалъ онъ. „Съ какою цѣлью привязывается онъ ко мнѣ?“

Вопросъ этотъ объяснился скоро. Направленіе разговора его спутника показало ему что Уэстонъ Валлори намѣренъ заглянуть въ его душу и вывѣдать какъ провелъ онъ свою восьминедѣльную вакацію, каковы его чувства къ его невѣстѣ и такъ далѣе. Но еслибы Губертъ Вальгревъ былъ глухъ и нѣмъ, онъ сохранилъ бы свои тайны не лучше чѣмъ сохранилъ ихъ теперь, оставаясь вполнѣ учтивымъ, утрированно учтивымъ, и Уэстонъ Валлори разстался съ нимъ у дверей станціи сознавая что потерпѣлъ полную неудачу.

ГЛАВА XIV.

Мистеръ Вальгревъ облегчаетъ свою душу.

Мистеръ Вальгревъ еще разъ обѣдалъ съ своею невѣстой, прежде чѣмъ Валлори уѣхала изъ Лондона, гулялъ съ ней по широкимъ аллеямъ Кенсингтонскаго сада, ѣздилъ съ ней верхомъ въ Вимбледонъ и наконецъ имѣлъ удовольствіе проводить ее на Истборнскій поѣздъ—экстренный для большей части дороги—на которомъ она уѣхала съ своимъ отцомъ и съ горничною Тульонъ, высокою, серіозною женщиной, дочерью разорившихся родителей, любившею говорить о благородствѣ своего происхожденія и о богатствѣ въ которомъ прошло ея дѣтство.

Багажъ былъ отправленъ наканунѣ. Тульонъ везла только дорожный мѣшокъ, на случай если миссъ Валлори вздумается поправить свою прическу, или потребовать машинку для расправленія перчатокъ, или написать письмо между Лондономъ и Истборномъ. Съ такимъ мѣшкомъ можно было бы доѣхать ни въ чемъ не нуждаясь до Америки, но Тульонъ обязана

Digitized by Google

была предвидѣть всѣ случайности. Лакей и толпа служанокъ были отправлены наканунѣ; кухарка, дворецкій и другой лакей ѣхали во второмъ классѣ на одномъ поѣздѣ съ своими господами. Предъ самымъ отъѣздомъ въ Акрополисъ-скверѣ былъ сервированъ парадный завтракъ, такъ что переѣздъ не причинилъ никакого нарушенія домашнихъ порядковъ, никакого пробѣла въ жизни мистера Валлори. Его собственный экипажъ довезъ его до станціи въ Лондонѣ, его собственный экипажъ долженъ былъ встрѣтить его въ Истборнѣ. Женихъ и невѣста имѣли на станціи десять свободныхъ минутъ для возобновленія своихъ клятвъ въ неизмѣнной вѣрности, но такъ какъ ни тотъ ни другая не были расположены къ чувствительности, то они провели это время разговаривая о посторонних предметахъ, и только подъ конецъ миссъ Валлори коснулась интересовавшаго ее вопроса.

— Когда же увидимъ мы васъ, Губертъ? спросила она.

— Вѣроятно въ теченіе слѣдующей недѣли. Дня я не могу назначить, но будьте увѣрены что я воспользуюсь первою возможностью и пріѣду съ поѣздомъ въ 3 часа 30 минутъ, чтобъ непремѣнно застать васъ дома.

— Я все еще не могу понять почему вамъ не провести съ нами весь сентябрь?

— Иными словами, вы не можете понять почему я не сдѣлаюсь празднымъ человѣкомъ, моя милая Августа?

— Я и не думаю совѣтовать вамъ сдѣлаться празднымъ человѣкомъ, но не можетъ быть чтобы въ настоящее время года у васъ была какая-нибудь серіозная работа.

— Развѣ вы не слыхали что̀ сказалъ вашъ отецъ о дѣлѣ Кардимумовъ?

Миссъ Валлори не успѣла возразить, какъ раздался звонокъ. Губертъ Вальгревъ посадилъ ее въ вагонъ, постоялъ у окна, сказалъ нѣсколько словъ, пожалъ обтянутую перчаткой руку, и когда поѣздъ тронулся, снялъ шляпу и дождался съ открытою головой пока онъ не скрылся изъ виду. Оставшись одинъ, онъ нѣсколько минутъ ходилъ въ раздумьи по платформѣ, потомъ взялъ извощика и отправился домой.

Вопреки всему что̀ было сказано миссъ Валлори, онъ не слишкомъ прилежно работалъ въ пользу Кардимума въ этотъ вечеръ. На него нашелъ припадокъ лѣни. Около часу пытался онъ работать въ своей квартирѣ надъ рѣкой, но наконецъ съ досадой отодвинулъ книги, вышелъ опять изъ дому и по-

Digitized by Google

шелъ безъ всякой цѣли по направленію къ западу, все думая безъ конца объ одномъ домѣ въ Кентѣ и объ одномъ прекрасномъ молодомъ лицѣ, о которомъ ему не слѣдовало думать.

Въ Коксчуръ - Стритѣ онъ внезапно остановился предъ окномъ ювелира, пораженный неожиданною мыслью. Блестящій товаръ былъ выложенъ на окнѣ, несмотря на то что высшіе классы общества покинули Лондонъ. Медальйоны, браслеты, брошки, серьги сіяли подъ лучами заходящаго солнца, великолѣпные кораллы привлекали взоры знатоковъ, изящная коллекція брилліантовъ свидѣтельствовала о богатствахъ заключавшихся въ магазинѣ. Мистеръ Вальгревъ не имѣлъ привычки останавливаться предъ окнами магазиновъ, но предъ этимъ окномъ онъ стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ задумчиво на суетныя украшенія.

— Хотѣлось бы мнѣ подарить ей что-нибудь, сказалъ онъ себѣ,—что-нибудь на память. Я причинилъ ей слишкомъ много страданій, почему не доставить мнѣ ей часа невинной радости. Женщины вообще любятъ эти вещи, но она едва ли придастъ цѣну какому бы то ни было подарку, если онъ не будетъ доказательствомъ любви. Не подарить ли мнѣ ей медальйонъ съ моимъ портретомъ? Она такъ простодушна и такъ любитъ меня что рада будетъ имѣть мое изображеніе, а я на портретахъ лучше чѣмъ въ дѣйствительности.

Онъ уже почти рѣшился купить медальйонъ и подошелъ къ двери магазина, но вдругъ остановился и отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— А какъ быть съ тетушкой Ганной? спросилъ онъ себя.— Если я пошлю Граціи мой портретъ, тетка увидитъ его непремѣнно. Чего не увидятъ эти зоркіе глаза? Но я былъ бы глупѣйшимъ изъ Лотаріо, еслибы не сумѣлъ провести тетку. Для чего же и живутъ такіе всевидящіе люди какъ не для того чтобы попасть въ просакъ рано или поздно. И я надѣюсь что сумѣю перехитрить тетушку Ганну.

Онъ опять повернулся и въ этотъ разъ вошелъ рѣшительно въ магазинъ. Онъ выбралъ медальйонъ который показался ему всѣхъ лучше, золотой овальный медальйонъ, съ якоремъ изъ крупныхъ жемчужинъ на крышкѣ, словомъ, такой какого онъ не выбралъ бы для дочери фермера, еслибы не слишкомъ глубоко погрузился въ тотъ омутъ изъ котораго такъ трудно

Digitized by Google

освободиться. Заплативъ за медальйонъ, онъ продолжалъ задумчиво разсматривать его.

— Не можете ли вы передѣлать мнѣ его такъ чтобы въ него можно было вставить портретъ и чтобъ это осталось тайной для всѣхъ кромѣ его обладателя, спросилъ онъ купца.

Купецъ отвѣчалъ уклончиво, увѣряя что сдѣлать это не легко, что для того чтобы скрыть секретъ нужна необыкновенная чистота работы и такъ далѣе, и что это будетъ стоить конечно не дешево.

— Я не постою за двумя лишними фунтами, если это будетъ сдѣлано хорошо, отвѣчалъ мистеръ Вальгревъ. — Тутъ надо будетъ вставить какую-нибудь тайную пружинку, какъ это описывается въ романахъ. Я самъ никогда не видалъ такихъ медальйоновъ. Пришлите ко мнѣ за портретомъ дня черезъ два и чѣмъ скорѣе будетъ готовъ тѣмъ лучше.

Онъ бросилъ свою карточку на прилавокъ и ушелъ сильно заинтересованный своею покупкой.

„Какое облегченіе сдѣлать что-нибудь пріятное для нея", думалъ онъ.

Но это ни мало не успокоило его,—дѣло Кардимумовъ не подвигалось впередъ. Новыя дѣла, накопившіяся въ двѣ послѣднія недѣли его отсутствія, также не интересовали его. Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ Брайервудъ, а ему уже казалось что многіе годы отдѣляютъ его отъ знакомаго стараго сада.

Онъ не зналъ что̀ дѣлать съ собой. Отказавшись ѣхать въ Истборнъ, онъ не могъ уѣхать и въ другое мѣсто, а ему очень хотѣлось отправиться въ какую-нибудь тирольскую деревню и провести осень гуляя по незнакомымъ горамъ. Тамъ, казалось ему, онъ сумѣлъ бы освободиться отъ угнетавшей его тоски, но въ Лондонѣ и въ такое глухое время года это было невозможно. Дни и ночи преслѣдовалъ его образъ Граціи Редмайнъ, являясь ему во снѣ, становясь между нимъ и его книгами и мѣшая ему сосредоточиться на дѣлѣ Кардимумовъ.

Не безопаснѣе ли было бы уѣхать въ Истборнъ и жить тамъ въ обществѣ своей невѣсты парадною жизнью небольшаго кружка общества? Онъ не могъ не задать себѣ этого вопроса. Да, идти по этой узкой жизненной тропинкѣ, съ которой не рискуешь сбиться въ сторону, было бы конечно безопаснѣе, но онъ чувствовалъ что при его настоящемъ настроеніи духа это было бы рѣшительно невыносимо. Избитые

Digitized by Google

разговоры, ограниченный умъ,—умъ ограниченный, хотя и обогащенный чтеніемъ всѣхъ книгъ какія позволительно читать благовоспитанной молодой дѣвушкѣ,—ограниченный, несмотря на то что на образованіе его были истрачены тысячи фунтовъ,—страшили его. Онъ чувствовалъ что провести недѣлю безъ перерывовъ въ обществѣ миссъ Валлори будетъ пыткой для него.

А что же будетъ когда они обвѣнчаются? О, тогда будетъ совсѣмъ другое дѣло. Ни одинъ мущина, въ особенности извѣстный адвокатъ, не обязанъ проводить съ женой столько времени чтобъ она могла надоѣсть ему. И не можетъ также быть чтобы жена, если только она не противна мужу, была вовсе неинтересна для него. У нихъ будетъ много общаго, много плановъ и вопросовъ которые надо будетъ обсудить вмѣстѣ, напримѣръ списокъ лицъ которыхъ слѣдуетъ пригласить на обѣдъ, маршрутъ осенняго путешествія, узоръ новыхъ ковровъ, имя будущаго ребенка, слѣдуетъ ли купить картину на выставкѣ и такъ далѣе. Жена есть главная нота въ гаммѣ обыденной жизни.

Но долгіе дни ухаживанія, когда надо волей или неволей проводить съ своею избранною длинные вечера, когда говоря о своихъ жизненныхъ планахъ и надеждахъ можно показаться черезчуръ прозаичнымъ, словомъ, когда надо допѣвать свою любовную пѣснь, имѣя мало любви въ сердцѣ, это дни тяжелаго испытанія, и блаженъ тотъ кто твердо вынесетъ его до конца, до того торжественнаго утра когда веселый звонъ колоколовъ, нарядная процессія свадебныхъ подругъ и свадебный маршъ Мендельсона закончатъ сдѣлку, и требовательная невѣста превратится въ покорную жену.

„Я нисколько не сомнѣваюсь что мы уживемся какъ нельзя лучше, когда сдѣлаемся мужемъ и женой, сказалъ себѣ мистеръ Вальгревъ,—но подготовительный періодъ очень утомителенъ. Августа любитъ меня по-своему, но какъ холодна кажется эта любовь послѣ любви Граціи Редмайнъ. Слава Богу что я поступилъ честно съ этою дѣвушкой и былъ откровененъ съ самаго начала.“

Въ теченіе слѣдующей недѣли ничто кромѣ его собственнаго каприза не мѣшало мистеру Вальгреву отправиться въ Истборнъ: онъ не хотѣлъ уѣхать, пока не будетъ готовъ медальйонъ который онъ заказалъ въ Кокспуръ-Стритѣ. Онъ выбралъ изъ своихъ карточекъ ту на которой казался

Digitized by Google

Digitized by Google